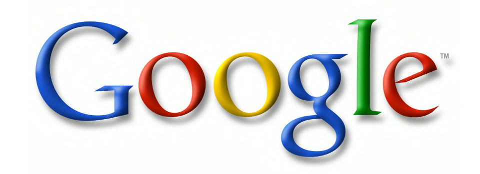
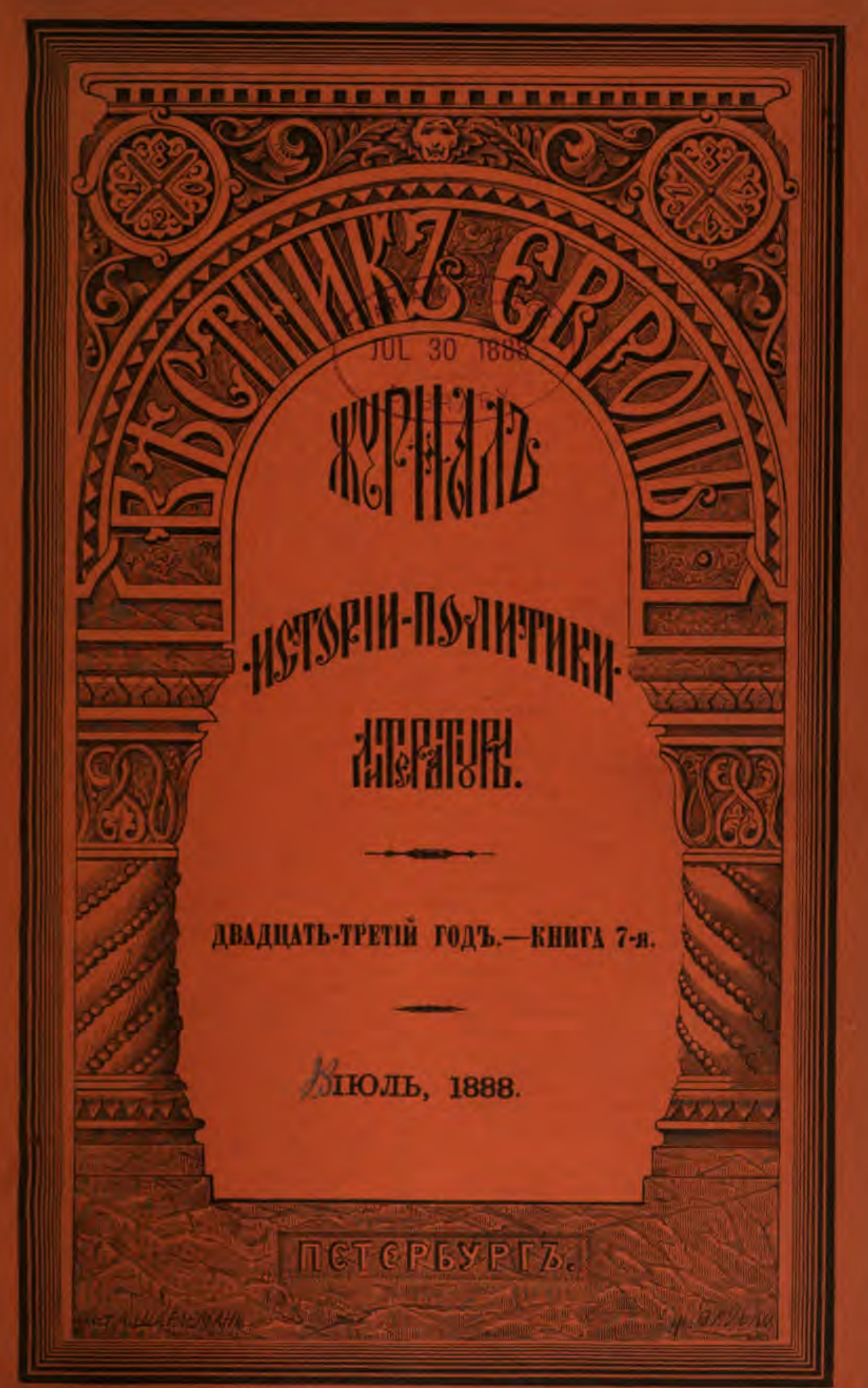



VE
RI
TAS
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDINAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1888.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XII стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ДЪ LII. —ТОМЪ CCCVI. — 1/13 ІЮЛЯ, 1888.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

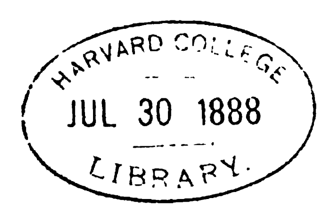
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1888



(1505)



ПЬЯНСТВО

и

БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО

II *).

Продолжительная и упорная болѣзнь требуетъ, конечно, и серьезнаго леченія—между тѣмъ пьянство принадлежитъ къ такимъ соціальнымъ недугамъ, которымъ многія страны, и спеціально Россія, страдаютъ уже многія столѣтія. Можно а priori сказать, что здѣсь помогутъ лишь средства медленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительныя, а въ принятіи послѣднихъ необходима твердая увѣренность какъ въ опасности или серьезности самого недуга, такъ и въ практической пригодности предлагаемыхъ средствъ. Поэтому мы должны остановиться первоначально на изложеніи главнѣйшихъ пагубныхъ результатовъ пьянства для общества и указать тѣ подтвержденныя наукой послѣдствія для народныхъ интересовъ, въ которыхъ сомнѣваться невозможно.

Пьянство, какъ болѣзнь въ медицинскомъ значеніи этого слова, разумѣется, не всегда приводитъ *прямо* къ смерти, но замѣчено, что оно предрасполагаетъ къ воспринятію многихъ болѣзней и, разрушая организмъ, дѣлаетъ его менѣе устойчивымъ противъ болѣзнетворныхъ вліяній. Но, конечно, разсчитать все вредное въ этомъ отношеніи значеніе его и указать его долю вліянія въ общей смертности страны невозможно, какъ невозможно опредѣ-

---

*) См. выше: іюнь, стр. 614.

лить и степень заболѣваемости по этой причинѣ. Для оцѣнки вліянія въ данномъ отношеніи пьянства, приходится довольствоваться лишь весьма неполными повсюду свѣденіями о заболѣваніи алкоолизмомъ, или числомъ въ странѣ умершихъ отъ опоя, причемъ большинство таковыхъ лицъ не попадаетъ въ списки, а значится въ случайныхъ смертяхъ или относится часто къ другимъ причинамъ и попадаетъ въ рубрики умершихъ отъ другихъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе, какъ это подтверждается наблюденіемъ за многіе годы въ разныхъ странахъ, при всей неполнотѣ этихъ данныхъ между числомъ лицъ, злоупотребляющихъ спиртнымъ напиткомъ, и количествомъ лицъ опившихся, повидимому, существуетъ правильное соотношеніе, т.-е. изъ опредѣленнаго числа пьющихъ постоянно опивается до смерти извѣстное опредѣленное число. По свѣденіямъ, разработаннымъ г. Смидовичемъ, среднее годичное число умершихъ отъ опоя въ европейской Россіи въ предѣлахъ 1879—1884 гг. составляло 5.603 случая, или около двухъ смертей (1,93) на тысячу общей годичной смертности, причемъ максимумъ, какъ мы говорили, приходится на великороссійскія губерніи и прогрессивно возростаетъ по направленію къ сѣверо-востоку. Въ общемъ количествѣ случайныхъ смертей пьянство занимаетъ первенствующее мѣсто, и главнымъ образомъ среди мужского населенія. Въ западной и южной частяхъ Россіи оно составляетъ отъ 1 до 10 процентовъ на все число случайныхъ смертей; въ сѣверной—отъ 10 до 20%; въ центральной—отъ 20 до 34, и въ восточной оно доходитъ даже до 40%; т.-е. причина почти половины всѣхъ случайныхъ смертей заключается въ злоупотребленіи спиртными напитками [1]). Въ Сибири, насколько можно судить по даннымъ, нѣсколько, уже устарѣвшимъ, приводимымъ д-ромъ Шмелевымъ, число это должно быть еще выше, нежели въ европейской Россіи [2]). Эти цифры по своей высотѣ поразительны, особенно принимая во вниманіе всю ихъ неполноту, и лучше всякихъ иныхъ объясненій показываютъ всю глубину обще-государственнаго бѣдствія отъ пьянства. Около 6.000 людей, почти исключительно взрослыхъ, вырываются смертью! Добавимъ къ этому, что по крайне неполнымъ даннымъ отчета медицинскаго департамента за 1884 годъ у насъ значилось больныхъ алкооликовъ цѣлыхъ 11.004 человѣка.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить сравнительную высоту

[1]) Статья Смидовича въ „Вѣстникѣ Суд. Мед. и Общ. Гигіены". Томъ I, 1887.

[2]) См. изслѣдованіе д-ра Шмелева: „О мѣрахъ противъ пьянства", въ „Сборникѣ сочиненій по Судебной Медицинѣ, Суд. Психіатріи, Мед. Полиціи" и т. д. Т. I, 1873.

приведеннаго выше статистическаго факта объ опоѣ, достаточно указать, что въ Пруссіи, при полнотѣ и превосходствѣ ея статистическихъ свѣденій, число опившихся лицъ составляетъ всего лишь 4,65% на всѣ случайныя смерти, т.-е. менѣе даже чѣмъ въ западной и южной Россіи, а сравнительно — въ восточной Пруссіи опивается почти въ *девять* разъ менѣе людей.

Но помимо случаевъ прямой смерти отъ пьянства, злоупотребленіе напитками должно отражаться на продолжительности жизни. Этотъ фактъ признанъ на практикѣ англійскихъ страховыхъ обществъ (страхованія жизни), которыя, дѣйствуя чисто на коммерческихъ началахъ, нашли поэтому возможнымъ уменьшить страховыя преміи лицамъ, принадлежащимъ къ обществамъ воздержанія, т.-е. непьющимъ хмельныхъ напитковъ. Данныя, собранныя этими обществами, вполнѣ подтверждаютъ вѣрность разсчета, что смертность между пьющими несравненно сильнѣе, нежели между воздержными. Въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ, во-первыхъ, существуютъ специальныя общества для страхованія жизни лицъ непьющихъ по весьма льготному тарифу, и, во-вторыхъ, такія общества, которыя, принимая всѣхъ безъ различія, для членовъ воздержанія полагаютъ уменьшенную премію. Въ одномъ изъ подобныхъ крупныхъ обществъ „United Kingdom Temperance and General Provident Institution" за пятнадцать лѣтъ, отъ 1864 по 1879 годъ, въ отдѣленія общаго страхованія, т.-е. всякихъ лицъ, по теоріи вѣроятности ожидалось 3.450 смертей, въ дѣйствительности же случилось 3.444 смерти; между тѣмъ въ отдѣленіи членовъ воздержанія ожидалось смертей 2.002, а случилось въ дѣйствительности лишь 1.433. Такой же фактъ рѣзкой разницы не только въ смертности, но и въ заболѣваемости непьющихъ отмѣченъ статистикой и другихъ страховыхъ обществъ и даетъ имъ право, поэтому, легко соглашаться для такихъ лицъ на уменьшеніе страховыхъ премій. По вычисленію извѣстнаго статистика Нейссона ожидаемая продолжительность жизни лица, пьющаго въ возрастѣ 20 лѣтъ, составляетъ не болѣе 15,6 лѣтъ, въ то время когда для непьющаго—44,2; въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для пьющаго—13,8, для непьющаго—36,5 [1]).

Цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ изслѣдованій и сопоставленіемъ статистическихъ данныхъ констатированъ только фактъ

[1]) См. „The National Temperance League Annual for 1881", стр. 130; и Baer l. c., стр. 310.

связи между пьянствомъ и количествомъ самоубійствъ. Частью опьяненіе, какъ ненормальное психическое состояніе, непосредственно можетъ привести къ такому результату; частью же самоубійство можетъ явиться какъ ближайшее послѣдствіе обѣдненія, причиненнаго пьянствомъ [1]). По даннымъ, приводимымъ Эттлингеномъ, 12,6% всѣхъ самоубійствъ —изъ значительнаго числа разсматриваемыхъ имъ для четырехъ странъ—являются послѣдствіемъ невоздержности. По изслѣдованіямъ Brière de Boimonts въ Парижѣ, 1/8 часть всѣхъ самоубійцъ въ этомъ городѣ кончаютъ жизнь подъ вліяніемъ этой болѣзни. Въ Пруссіи, по наблюденіямъ за значительное число лѣтъ, около 8% самоубійцъ умираетъ подъ вліяніемъ алкоолизма [2]).

Еще болѣе близкая и непосредственная связь между пьянствомъ и психическимъ разстройствомъ доказана наукой. Проф. Мержеевскій въ рѣчи своей при открытіи перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ, въ прошломъ году, категорически заявилъ, что между ненормальными условіями, благопріятствующими развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней у насъ, злоупотребленіе спиртными напитками, какъ и вліяніе окружающей среды, занимаетъ первое мѣсто. „Состояніе, — говоритъ онъ,—извѣстное подъ названіемъ хроническаго алкоолизма представляетъ ту почву, на которой широко произростаютъ прискорбныя общественныя явленія, находящіяся въ тѣсной взаимной связи между собой, а именно—съ одной стороны, пауперизмъ и преступленіе, съ другой—помѣшательство. Послѣднее обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что алкооликъ носитъ на себѣ признакъ физическаго и психическаго вырожденія въ столь сильной степени, что, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ причинъ, у него нарушается регуляторная дѣятельность психическихъ центровъ и возникаютъ психозы, то болѣе острые, то болѣе длитель-

---

[1]) Вотъ буквальная перепечатка „происшествія“ изъ „Вѣдомостей Московской Городской Полиціи“, № 54, отъ 11-го марта настоящаго года:

„*Покушенія на самоубійство.* 9-го марта, въ ночлежной квартирѣ, содержимой крестьянкою Савушкиною, въ домѣ Зимина, въ Проточномъ переулкѣ, 2-го участка Хамовнической части, неизвѣстный мужчина, покушаясь на самоубійство, намѣревался повѣситься, но, во-время усмотрѣнный, былъ освобожденъ изъ петли, безъ вреда для здоровья. При дознаніи мужчина этотъ, назвавшись крестьяниномъ Харлампіемъ Степановымъ, 21 года, *объяснилъ, что рѣшился на самоубійство вслѣдствіе пьянства.* Производится дознаніе“.

[2]) См. „L'Alcoolisme en Suisse et les Moyens d'en combattre les progrès. Rapport présénté à la Société Suisse d'Utilité Publique“, par M. M. *Roulet* et *Comtesse.* Zürich, 1881, стр. 36.—Baer, l. c., стр. 300.

ные, и кромѣ того вырожденіе алкоолика передается его потомству" [1])...

По словамъ г. Мержеевскаго, число душевно-больныхъ, вслѣдствіе порока пьянства, доходитъ у насъ въ больницахъ отъ 7% до 42%. Въ то же самое время во Франціи число сумасшествій, приписываемыхъ пьянству, составляетъ отъ 27 до 38%, въ Америкѣ—до 20, а для Швейцаріи за новѣйшее время Roulet и Comtesse высчитываютъ его отъ 15 до 16% [2]); и въ Англіи, по оффиціальнымъ свѣденіямъ—14% общаго числа сумасшедшихъ (21,1% муж. п. и 7,6% для женщинъ) [3]). По свѣденіямъ извѣстнаго статистическаго словаря Мюльгалля, число сумасшествій отъ пьянства въ разныхъ странахъ распредѣляется въ размѣрѣ отъ 12 до 28% [4]).

Тѣсная связь между пьянствомъ и преступностью единогласно подтверждается множествомъ авторитетныхъ изслѣдователей; такъ, въ Пруссіи, по словамъ Бэра, отъ 50 до 60% всѣхъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ алкооля; въ Англіи—отъ 3/4 до 4/5 всѣхъ преступленій, по оффиціальнымъ свѣденіямъ, являются будто бы результатомъ пьянства; въ Швейцаріи, по изслѣдованіямъ д-ра Гильома, въ пяти тюрьмахъ половина заключенныхъ были преданы пьянству; въ Голландіи, по изслѣдованію Вишера,—отъ 75 до 80% преступленія совершены подъ дѣйствіемъ алкооля; и, наконецъ, въ Швеціи, по словамъ Гилленшильда, около 3/4 всѣхъ происходящихъ преступленій совершались подъ вліяніемъ водки [5]).

Само собою понятно также, что если пьянство, какъ справедливо замѣчаетъ химикъ Либихъ, бываетъ весьма часто послѣдствіемъ бѣдности, то въ свою очередь, какъ доказываютъ даже ежедневныя наблюденія, и оно производитъ нищету. „Мы пьянствуемъ,—отвѣчали мазуры одному изслѣдователю,—потому что мы бѣдны; но мы бѣдны потому, что пьянствуемъ" [6]). Помимо расходовъ на свою пагубную страсть, привычный пьяница прежде всего плохой работникъ, какъ бы ловокъ и искусенъ онъ отъ природы ни былъ: хозяинъ мало дорожитъ имъ, не даетъ

---

[1]) Труды перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ, происходившаго въ Москвѣ съ 5-го по 11-е января 1887 года. С.-Петербургъ, 1887. Стр. 15 и 17.

[2]) *Roulet* et *Comtesse*: „L'alcoolisme en Suisse" etc. Zurich, 1881. Стр. 37 и 38.

[3]) „National Temperance League Annual for 1881". Стр. 157.

[4]) *Mulhall's* Dictionnary of Statistics. 1884. Стр. 154.

[5]) *Baer*, l. c., стр. 343 и 344.

[6]) Georg Fr. *Fuchs*: „Der Alcoholismus und seine Bekämpfung". Heilbronn. 1883 стр. 31.

ему полнаго жалованья, и онъ, конечно, ничего не сбережетъ про черный день. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ на многихъ московскихъ фабрикахъ, у хозяевъ и распорядителей, вполнѣ добропорядочныхъ и достойныхъ довѣрія, приходилось неоднократно слышать, что очень часто по нѣкоторымъ спеціальностямъ труда и притомъ въ наиболѣе оплачиваемыхъ профессіяхъ (напр., въ котельномъ, машиностроительномъ, граверномъ дѣлѣ) они нерѣдко вынуждены держать иностранцевъ-рабочихъ за двойную или тройную плату и подвергаться риску выписки незнакомыхъ рабочихъ изъ-за границы по долгосрочнымъ контрактамъ, исключительно лишь вслѣдствіе частой невоздержности русскихъ рабочихъ и опасенія поэтому негодности его къ работѣ въ критическое время лишнихъ заказовъ, хотя въ трезвомъ состояніи русскій даже ничѣмъ и не уступитъ иностранцу.—На случай такихъ запоевъ мы и держимъ всегда за дорогую цѣну нѣсколькихъ нѣмцевъ, бельгійцевъ и англичанъ, которымъ въ остальное время собственно мало дѣла,—разсказывалъ мнѣ, подтверждая даже книгами, одинъ добросовѣстный англичанинъ, работающій всю жизнь въ Россіи. Вообще, разъ человѣкъ превратилъ пьянство въ привычку, его не спасетъ, конечно, никакой заработокъ, ни крестьянскій надѣлъ, отъ нищенской сумы. Первымъ страдающимъ здѣсь являются, конечно, жена и дѣти, а затѣмъ и самъ пьяница. Но деньги, собираемыя нищенствомъ или даже заработкомъ семьи, навѣрное частью уходятъ въ тотъ же самый кабакъ [1]). По разсчету одного досужаго англичанина, произведшаго съ этою цѣлью спеціальное трудное изслѣдованіе, изъ каждыхъ 100 фунтовъ стерл. раздаваемой милостыни въ Англіи—30 ф. въ тотъ же день уходитъ въ кабаки! [2]). Въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домомъ для бѣдныхъ, съ просьбой дать отвѣты на два вопроса: во-первыхъ, сколько бѣдняковъ, содержащихся въ этихъ домахъ или получающихъ пособія, попало въ это положеніе вслѣдствіе пьянства; второе—сколько дѣтей принято въ богадельни вслѣдствіе пьянства ихъ родителей? Изъ отвѣтовъ сообщимъ лишь нѣкоторыя

---

[1]) Напомнимъ читателямъ дѣло, которое разсматривалось въ петербургскомъ окружномъ судѣ всего лишь 5-го апрѣля сего года, жены рядового Неймана, обвинявшейся въ принужденіи своей семилѣтней дочери къ прошенію милостыни (которая уходила, какъ видно изъ дѣла, на попойки) и страшныхъ истязаніяхъ этого ребенка, когда она мало приносила денегъ. См. „Бирж. Вѣд.“, № 98, отъ 8-го апр. 1888 года.

[2]) Baer, l. c., стр. 318.

небольшія выдержки: отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали туда вслѣдствіе пьянства; отъ 35 городовъ—40% всѣхъ заключенныхъ, отъ 57—41%. На второй вопросъ получились отвѣты гораздо разнообразнѣе, но тѣмъ не менѣе въ 27 городахъ всѣ дѣти въ богадельняхъ содержатся вслѣдствіе пьянства родителей, а въ 35 городахъ содержится 145 человѣкъ дѣтей пьяницъ [1]).

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать о тѣхъ огромныхъ суммахъ, которыя затрачиваются всѣми народами непроизводительно на спиртные напитки, и которыя, не говоря уже о косвенныхъ потеряхъ, могли бы быть употреблены съ большею пользой и цѣлесообразно на удовлетвореніе различныхъ народныхъ нуждъ. Одна Англія, напр., по разсчету, повидимому, точному о потребленіи въ этой странѣ хмельныхъ напитковъ за 50 лѣтъ, считая какъ стоимость напитковъ, такъ и цифру налога, истратила на питье съ 1830 по 1879 годъ страшную цифру въ 4.246 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 84 мил. ф. с. среднимъ числомъ въ годъ; по разсчету же извѣстнаго писателя Вилльяма Гойля, прибавляя сюда косвенныя потери, какъ результатъ пьянства, и процентъ на непроизводительно употребленный капиталъ, Англія или, точнѣе, Соединенное Королевство истратило за этотъ періодъ времени болѣе нежели успѣло накопить въ странѣ всего народнаго богатства [2])!..

Допуская даже, что нѣкоторыя изъ сообщенныхъ выше данныхъ не провѣрены строго, или даже нѣсколько пристрастны—несмотря на все то, нельзя не придти къ твердому убѣжденію въ чрезвычайной гибельности пьянства для общественнаго и народнаго блага: здѣсь страдаетъ рѣшительно все, что особенно дорого для человѣка: жизнь, здоровье и богатство. Уже съ незапамятныхъ временъ, какъ мы видѣли, человѣчество пришло къ сознанію всего этого зла, хотя и не имѣло еще въ своемъ распоряженіи того арсенала данныхъ, которымъ оно нынче располагаетъ, и пыталось бороться противъ пьянства, иногда даже съ помощью очень суровыхъ средствъ; но попытки эти, какъ мы видѣли, часто были неуспѣшны, потому что являлись односторонними и единичными—или со стороны одного правительства, которое строгими репрессаліями думало прекратить только крайніе эксцессы пьянства, не имѣя поддержки въ общемъ сознаніи,

[1]) „Zur Alkoholfrage. Vergleichende Darstellung der Gesetze u. Erfahrungen einiger ausländischer Staaten“. Bern, 1884. Стр. 560 и 561.

[2]) См. „The National Temperance League Annual for 1881“, стр. 46—63. *William Hoyle*: „Our National Resources and how they are neasted“. Стр. 57 и далѣе.

или со стороны отдѣльныхъ представителей общества и народа, которые не встрѣчали сочувствія во всей массѣ населенія, или даже вызывали тайное противодѣйствіе органовъ правительства, вслѣдствіе фискальныхъ соображеній. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ попытокъ оказывались дѣйствительными лишь тѣ мѣры, которыя явились результатомъ совокупной дѣятельности правительства, образованнаго общества и по возможности всего народа. Само собою разумѣется, что такое единеніе стремленій нигдѣ не явилось сразу, а лишь путемъ долгой борьбы, послѣ многихъ неудачъ и многолѣтнихъ усилій лучшихъ представителей со стороны правительства и народа.

Самыя радикальныя средства противъ пьянства, если не считать попытки нѣкоторыхъ мусульманскихъ государствъ, принимались въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Еще въ первые годы своей независимости, въ концѣ прошлаго столѣтія, Соединенные Штаты славились своимъ пьянствомъ настолько, что, по выраженію одного писателя, „его отвратительно описывать, и оно хуже, чѣмъ въ какомъ-либо современномъ государствѣ". Уже въ началѣ нынѣшняго вѣка пытаются принимать противъ него строгія мѣры, и нѣкоторые штаты, напр. Огіо, Мичиганъ, кладутъ запретительную систему въ основаніе своего государственнаго устройства; другіе же штаты Новой Англіи выражаютъ тотъ же принципъ спеціальными узаконеніями. Такъ, въ пятидесятыхъ годахъ въ штатѣ Мэнъ проходитъ знаменитый законъ о питьяхъ (Maine Liquor Law), послужившій образцомъ для постановленій подобнаго рода и въ другихъ штатахъ. Сущность его заключается въ томъ, что онъ всецѣло запрещаетъ производство или продажу хмельныхъ напитковъ, если это не для медицинскихъ или мануфактурныхъ цѣлей, и слѣдовательно напитки можно получать только по рецепту врача или съ разрѣшенія муниципальныхъ властей, которыми и производится продажа. Виновный въ нарушеніи закона подвергается тюремному заключенію до двухъ мѣсяцевъ и уплатѣ штрафа до тысячи долларовъ. Даже лицо, найденное пьянымъ въ собственномъ домѣ, подлежитъ заключенію до 30 дней, а родственники пьянаго имѣютъ право искать убытки отъ лица, продавшаго ему напитокъ. Подобный же законъ былъ установленъ въ Нью-Гэмпширѣ, Нью-Іоркѣ, сосѣдней Канадѣ и другихъ пунктахъ Америки, особенно же въ Штатахъ. Судьба этихъ запретительныхъ постановленій, какъ въ штатѣ Мэнъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, была весьма различна, а отзывы и свидѣтельства о дѣйствіяхъ закона до крайности противорѣчивы, какъ и слѣдуетъ ждать въ такомъ сложномъ и задѣвающемъ множество

интересовъ вопросѣ. Запрещенія то вводились, то отмѣнялись: одни свидѣтели утверждають, что нигдѣ запретительный законъ полностью не соблюдается, и пьянство, благодаря ему, нисколько не уменьшилось; другіе изслѣдователи, обратно, не отрицая корчемства и приписывая его, въ значительной степени, какъ наплыву европейскихъ колонистовъ, привыкшихъ къ напиткамъ, такъ и вмѣшательству союзныхъ фискальныхъ интересовъ, вѣрятъ въ улучшеніе нравственности народа, его отрезвленіе и экономическое преуспѣяніе въ значительной степени, благодаря закону штата Мэнъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ до такой степени велико и многія изъ нихъ настолько далеки отъ мѣстныхъ партій и крайностей обществъ полнаго воздержанія, естественно могущихъ преувеличить вліяніе закона, что, во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться въ существованіи значительнаго прогресса: если запретительное законодательство, подобное приведенному, и оказалось неудачей въ большихъ городахъ, то въ малыхъ городахъ и деревняхъ не только пьянство, но и самое даже умѣренное потребленіе напитковъ прекратилось [1]). Общая картина трезвости въ современной Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію, и, по словамъ Самуэльсона, нигдѣ не совершился такой рѣзкій переходъ отъ пьянства къ трезвости, какъ въ Америкѣ; даже путешественники, предубѣжденные въ этомъ отношеніи, какъ Маккарти, признаютъ, что „нетрезвостью отличаются преимущественно иностранцы, американцы же, большею частью, ничего не пьютъ (large by total abstainers)“ [2]).

Спрашивается: чѣмъ же объясняется такая рѣшительная перемѣна, такое быстрое, меньше чѣмъ въ столѣтіе, сокращеніе пьянства въ странѣ, куда ежегодно приливаютъ многія сотни тысячъ переселенцевъ, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ, въ томъ числѣ столь приверженные пьянству, какъ ирландцы? Запретительные законы, допуская даже вполнѣ ихъ успѣхъ, существуютъ лишь въ немногихъ штатахъ, прочіе же довольствуются обыкновенной акцизной системой, начиная съ самыхъ строгихъ формъ ея, въ родѣ штата Нью-Іорка, замѣнившаго ею прежнее запрещеніе, и кончая Невадой—почти съ полной свободой питейной торговли. Между тѣмъ, при всемъ этомъ разнообразіи отношенія къ пьянству въ

---

[1]) Считаю долгомъ оговориться, что мои мнѣнія по данному вопросу, подъ вліяніемъ новѣйшихъ изслѣдованій о дѣйствіи запретительныхъ законовъ въ Америкѣ, подверглись значительной перемѣнѣ противъ мнѣній, которыя изложены мной 14 лѣтъ тому назадъ въ моей книгѣ: „Опыты изслѣдованія косвенныхъ налоговъ“. 1874, стр. 276 и далѣе.

[2]) *Samuelson*, 208—226: „Zur Alkoholfrage“. Bern, 1884, стр. 581 и далѣе.

различныхъ штатахъ, общіе успѣхи всей Америки въ смыслѣ трезвости, какъ было объяснено, подтверждаются всѣми извѣстными мнѣ документами. Такой общій успѣхъ зависитъ, нѣтъ сомнѣнія, и отъ общихъ причинъ, въ числѣ которыхъ, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, помимо прямыхъ правительственныхъ мѣръ для этой цѣли, почетное мѣсто занимаетъ и частная инціатива въ видѣ дѣятельности т.-н. „Обществъ Воздержанія", зародившихся впервые (если не считать безуспѣшныхъ нѣмецкихъ орденовъ трезвости изъ среднихъ вѣковъ) на американской почвѣ.

Мы только-что говорили о сильномъ развитіи пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ въ началѣ нынѣшняго вѣка: несмотря на обширное поле для производительнаго труда, это страшное зло обусловливало тамъ развитіе пауперизма, и государство отъ послѣдствій его теряло до 100 милліоновъ долларовъ въ годъ. Честь первой попытки поставить оплотъ этому распространенному злу принадлежала врачу Рёшу, который публиковалъ въ 1804 году свои изысканія о вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и умъ человѣка, и подъ вліяніемъ котораго нѣсколько лѣтъ спустя образовалось первое американское общество трезвости (въ Бостонѣ). Общество это пропагандировало не совершенное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, но только умѣренное ихъ употребленіе. Однакожъ, оно имѣло мало успѣха, и сторонники его пришли къ убѣжденію, что для массы народа, особенно для необразованныхъ классовъ, дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать злоупотребленія крѣпкихъ напитковъ можетъ служить только абсолютное воздержаніе отъ нихъ. Мысль эта повела къ учрежденію въ Бостонѣ, въ 1827 году, новаго общества трезвости, члены котораго обязывались, подъ присягой, совершенно не употреблять крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ лекарствъ, и, кромѣ того, не предлагать ихъ никому, никого не снабжать ими и употреблять все свое вліяніе для уничтоженія причинъ и послѣдствій пьянства. Успѣхъ на этотъ разъ былъ чрезвычайный: общество это пріобрѣло значительное число членовъ, и въ сосѣднихъ штатахъ быстро стали возникать подобныя же ассоціаціи, такъ что къ концу 1829 года въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось уже до тысячи обществъ со ста тысячами членовъ; болѣе 400 кабатчиковъ и 50 винокуровъ закрыли заведенія, и ввозъ спиртныхъ напитковъ упалъ вчетверо. Всѣ добрые граждане старались, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать дѣлу протрезвленія; многія медицинскія общества, бóльшая часть духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій и бóльшая часть судей, примкнули къ движенію: повсюду собирались митинги, говорились рѣчи и распространялись изданія, пропагандирующія воздержаніе.

Владѣльцы судовъ начали платить высшее жалованье тѣмъ капитанамъ, которые состояли членами общества, а бостонская компанія морского страхованія согласилась уменьшить 5% преміи для каждаго судна, отправляющагося въ плаваніе безъ спиртныхъ напитковъ. Даже военныя власти стали прекращать раздачу водки и замѣнили ее кофе и сахаромъ. 26-го февраля 1833 года члены конгресса въ Вашингтонѣ торжественно образовали изъ себя общество трезвости, президентомъ котораго былъ выбранъ военный министръ. Но на этомъ дѣятельность обществъ трезвости не остановилась, и кругъ приверженцевъ постоянно распространялся дальше и дальше, вербуя новыхъ членовъ и уменьшая потребленіе напитковъ: въ 1835 году насчитываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ 2 мил. человѣкъ перестали пить, изъ нихъ $1^1/_2$— сдѣлавшись членами обществъ, которыхъ число насчитывалось уже во всей странѣ до 8.000. Болѣе 4.000 винокуренъ были закрыты, болѣе 8.000 кабаковъ прекратили свою дѣятельность и 1200 судовъ вышли изъ американскихъ гаваней безъ капли водки на бортѣ.

Движеніе это не замедлило перейти въ Англію, гдѣ, какъ мы знаемъ, пьянство было всегда очень распространенно. Первыя общества трезвости были основаны тамъ по образцу американскихъ въ 1829 году. Цѣль ихъ одинаково заключается вовсе не въ исцѣленіи пьяницъ, а въ предупрежденіи развитія привычки къ неумѣренности. Общества трезвости ставятъ своей задачей соединить между собой всѣхъ людей, ведущихъ трезвую жизнь, для того, чтобы показать примѣромъ, какъ во всякомъ возрастѣ, состояніи и профессіи полное воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ способствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ счастію и здоровью человѣка. Средствами, употребляемыми обществами трезвости, служатъ различнаго рода публичныя обращенія къ народу: рѣчи, проповѣди, публичныя чтенія. Общества содержатъ большее или меньшее число агентовъ на жалованьѣ, къ которымъ присоединяются добровольные проповѣдники; агенты эти—люди съ талантомъ, преданные своему дѣлу, искусные въ публичныхъ диспутахъ, путешествуютъ по странѣ, повсюду собираютъ вокругъ себя громадное число слушателей и проводятъ въ народъ идеи трезвости. Кромѣ того, мѣстное общество имѣетъ свои собранія, то годовыя, то ежемѣсячныя, иногда даже еженедѣльныя. Въ этихъ собраніяхъ не ограничиваются чтеніемъ отчетовъ и отбираніемъ присяги отъ вновь вступающихъ, но, желая соединить полезное съ пріятнымъ, организуютъ для рабочаго класса концерты, чтенія, воскресныя увеселительныя поѣздки по окрестностямъ и т. п. Важнымъ орудіемъ, разумѣется, для пропагандъ трезвости и въ

Америкѣ, какъ и въ Англіи, существуетъ огромное количество повременныхъ изданій, исключительно посвященныхъ пропагандѣ идей трезвости и распространяемыхъ часто милліонами экземпляровъ въ народѣ за малую цѣну или безплатно. Собственно въ Англіи число членовъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, доходитъ до 4 милліоновъ человѣкъ, такъ что болѣе, нежели каждый десятый англичанинъ состоитъ членомъ такого общества. Понятно, какъ такая многочисленность приверженцевъ трезвости должна болѣе и болѣе обуздывать пьянство и оказывать даже давленіе на мѣры правительства. Дѣйствительно, въ послѣдніе года все чаще и чаще приходится слышать въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, о предложеніи членамъ этихъ обществъ различныхъ ограничительныхъ мѣръ противъ питейной торговли, о провожденіи новыхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью открытіе музеевъ по воскресеньямъ и расширеніе разныхъ народныхъ развлеченій съ цѣлью отвлечь отъ кабака и, наконецъ, удешевленіе менѣе вредныхъ напитковъ, какъ пиво и болѣе легкое вино (виноградное) на счетъ спиртуозовъ [1]).

Въ обществахъ воздержанія участвуютъ лица всѣхъ классовъ обоего пола и всякаго возраста, но двигателями являются всетаки преимущественно люди образованные, и между ними почетное мѣсто въ этой борьбѣ со зломъ повсюду принадлежитъ духовенству. Такъ, въ Англіи важнымъ иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ католическій епископъ Маннингъ, а въ Америкѣ и Канадѣ почти не существуетъ церкви, при которой бы не было общества воздержанія. По словамъ Самуэльсона, во многихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ ставится условіемъ sine qua non, чтобы священникъ безусловно не пилъ никакихъ хмельныхъ напитковъ и поддерживалъ движеніе къ воздержанію въ своемъ приходѣ. Существуютъ спеціальныя общества воздержанія между медиками, женщинами, дѣтьми, военными, моряками и т. д. Крупную извѣстность въ дѣлѣ преслѣдованія задачъ обществъ получилъ особенно католическій священникъ въ Коркѣ (Ирландіи), отецъ Мэтью, прозванный „апостоломъ воздержанія". Въ первый разъ, по приглашенію квакеровъ, Мэтью предпринялъ въ 1838 году пропаганду воздержанія: онъ проповѣдывалъ на площади два раза въ недѣлю, и успѣхъ его былъ такъ великъ, что обращенія считались тысячами. По окончаніи проповѣди, народъ

[1]) См. *Шмелевъ*: О мѣрахъ противъ пьянства въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ" 1873 г. т. I, стр. 179 и т. д. *Samuelson*, стр. 239—242. *Baer*, стр. 382 и далѣе. „Zur Alkoholfrage", стр. 455. „Temperance League Annual", стр. 16. *Рагозинъ*: „О мѣрахъ противъ пьянства" 1871. „National Intemperance and the Remedy". 1871, стр. 14—18 и 62.

цѣлыми массами давалъ обѣтъ воздержанія, и къ концу 1838 г. въ одномъ Коркѣ считалось полтораста тысячъ человѣкъ, отрекшихся отъ спиртныхъ напитковъ; въ слѣдующемъ году отецъ Мэтью предпринялъ путешествіе по Ирландіи, и путь его сопровождался такимъ же блестящимъ успѣхомъ. Искренній, воодушевленный любовью къ человѣчеству и тому дѣлу, которое поставилъ задачей своей жизни, Мэтью вездѣ встрѣчалъ безграничное уваженіе и любовь, и во время его путешествія тысячи людей стекались издалека, чтобы только послушать его и пожать руку, давая клятву воздержанія. Вѣроисповѣданія и сословія не различались: протестанты и католики, пуритане, знатные лорды и простые рабочіе, женщины и дѣти записывались въ члены общества, и движеніе сдѣлалось національнымъ. Позднѣе, Мэтью совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Англіи и по Америкѣ, и каждая его рѣчь увеличивала число друзей воздержанія многими десятками тысячъ. По разсчетамъ современниковъ, патеръ Мэтью обратилъ къ трезвости болѣе пяти милліоновъ людей; въ томъ числѣ въ одну поѣздку по Соединеннымъ Штатамъ—до 600.000. Какъ сказался этотъ успѣхъ для его родины Ирландіи можно судить по тому, что потребленіе водки, составлявшее тамъ въ 1838 г. двѣнадцать съ четвертью милліоновъ галлоновъ, упало въ 1841 г. на шесть съ половиною, а число тяжкихъ преступленій—съ 12.096, въ 1837 г., уменьшилось, въ тотъ же періодъ времени, до 773. Физическое и нравственное возрожденіе обратившихся къ трезвости было такъ поразительно, что народъ сталъ видѣть въ этомъ чудо. Еще болѣе своеобразное и характерное, чисто американское направленіе приняло это движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1874 году, въ видѣ такъ-называемаго „женскаго крестоваго похода противъ кабаковъ". Толпы женщинъ, съ наиболѣе видными дамами мѣстнаго общества во главѣ, наполняли городскія улицы, окружали питейные дома, не пропуская туда посѣтителей, и цѣлые дни проводили такимъ образомъ на улицѣ, распѣвая гимны и молитвы и всячески убѣждая кабатчиковъ бросить ихъ вредное занятіе, прекративши торговлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилія женщинъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, напр. въ штатѣ Огіо и Индіанѣ до 5.000 кабаковъ было закрыто и до 20.000 человѣкъ записались въ члены воздержанія; мало того, нѣкоторые кабатчики, осаждаемые женщинами, пошли даже на такія уступки, что выкатывали бочки съ виномъ на улицу, сами рубили ихъ, выливая содержимое на землю. Это странное, хотя и понятное увлеченіе между американками продолжалось довольно

долго въ разныхъ штатахъ и улеглось только спустя много мѣсяцевъ.

Но общества трезвости, кромѣ Америки и Англіи, не менѣе быстро распространялись и въ другихъ странахъ, которыя имѣли нужду въ пропагандѣ воздержанія, и образованный классъ которыхъ оказался достаточно энергичнымъ, чтобы взять на себя эту задачу. Таковыми оказались прежде всего Швеція и Норвегія: общества трезвости не только подготовили въ этихъ странахъ надлежащую почву для борьбы съ порокомъ, оказавъ огромное воспитательное значеніе для народа, но и выработали даже совсѣмъ новыя формы самого законодательства—столь знаменитую нынѣ „готенборгскую систему“ борьбы противъ пьянства. Въ 1835 г., по порученію американскихъ обществъ воздержанія, нѣкто Робертъ Бэрдъ (Baird) прибылъ въ Швецію, представлялся королю и кронпринцу, которымъ поднесъ свою исторію обществъ воздержанія въ Соединенныхъ Штатахъ, и, встрѣтивъ повсюду большое сочувствіе, положилъ основаніе въ Швеціи перваго общества воздержанія. Дѣло пошло весьма удачно, и въ короткое время въ Швеціи открылся цѣлый рядъ подобныхъ обществъ, а число членовъ дошло до полу-милліона. Трудно было найти другую страну, гдѣ такъ необходима была проповѣдь воздержанія, какъ въ Швеціи. По размѣрамъ своего пьянства она славилась во всей Европѣ, и еще въ XVIII вѣкѣ сдѣлалось нѣмецкой поговоркой: „пьянъ какъ шведъ“. Съ царствованія Густава III, съ 1788 г., въ Швеціи была установлена почти полная свобода винокуренія и питейной торговли: всякій землевладѣлецъ и бо̀льшая часть собственниковъ городскихъ домовъ имѣли право устроить винокурню не только для производства вина для домашняго употребленія, но и для продажи въ извѣстныхъ размѣрахъ и на сторону. Въ результатѣ такой политики, имѣвшей главнымъ образомъ цѣлью поощреніе сельско-хозяйственнаго винокуренія, получилось, что вся Швеція покрылась винокурнями, и въ этой относительно молодой странѣ насчитывалось, напр., въ 1824 г. 169.703 винокурни: буквально, каждый землевладѣлецъ былъ винокуръ, и каждая хижина была кабакомъ. Вино было плохо, дурно или совсѣмъ не очищено и сдѣлалось каждодневнымъ домашнимъ напиткомъ; даже заработная плата частью уплачивалась въ селеньяхъ водкой. Пьянство при этихъ благопріятныхъ для него условіяхъ развилось страшно: всѣ видѣли вредъ, отсюда происходящій, чувствовали его и жаловались. Но пока не явились общества воздержанія, этому общему недовольству недоставало организаціи, необходимой для всякой правильной и осмысленной

борьбы. Понятно отсюда, какое сразу значеніе это новое движеніе получило въ Швеціи. Наслѣдный принцъ Оскаръ сдѣлался первымъ почетнымъ его членомъ и оказывалъ всю свою жизнь содѣйствіе и покровительство цѣлямъ общества. Всѣ лучшіе люди страны примкнули къ нему, и въ печати, и въ рѣчахъ, въ тысячахъ брошюръ въ спеціальныхъ органахъ, съ церковныхъ и школьныхъ каѳедръ одинаково распространялась мысль о крайнемъ вредѣ водки, о постыдности ссылаться на поддержаніе земледѣлію какъ на аргументъ, когда ядъ разливается по всей странѣ, отравляя тысячи людей, распространяя повсюду несчастія и пороки. Дѣло общества быстро крѣпло, число членовъ его росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ пьянство настолько дискредитировалось, что и правительство начало озабочиваться принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ искорененію зла. Парламентъ, побуждаемый цѣлыми сотнями прошеній, съ подписями многихъ тысячъ людей всѣхъ званій, съ разныхъ концовъ королевства, назначилъ коммиссію для изслѣдованія вопроса о пересмотрѣ питейныхъ законовъ. „Во всей странѣ,—сообщаетъ коммиссія въ особомъ докладѣ по этому поводу,—распространено всеобщее и опредѣленное убѣжденіе въ необходимости сильнаго противодѣйствія неумѣренному употребленію напитковъ, грозящему шведамъ полною физическою и нравственною гибелью. Въ самыхъ ясныхъ чертахъ высказываются по этому поводу опасенія всѣхъ людей, которымъ дороги интересы страны: ученые и не-ученые одинаково приходятъ къ одному выводу, что существованіе Швеціи, какъ образованнаго, способнаго и порядливаго народа стоитъ на волоскѣ, если не будетъ найдено средствъ задержать пьянство: раздается повсюду тревожный голосъ, молящій объ избавленіи отъ этого зла, получившаго поощреніе и усиленіе отъ неразумнаго законодательства“.

Въ результатѣ, въ 1855 г. принятъ въ парламентъ и утвержденъ новый законъ, положившій основаніе всему существующему нынѣ въ Швеціи акцизному законодательству: онъ измѣненъ съ тѣхъ поръ въ подробностяхъ, въ смыслѣ усиленія общаго воздержанія, но въ главныхъ чертахъ и до-нынѣ остался *тотъ же самый*. Во-первыхъ, мелкія винокурни этимъ закономъ уничтожаются: назначается минимумъ производства (300 каннъ ежедневно) и ограниченный періодъ винокуренія; весь процессъ его подлежитъ строгому контролю и обложенію. Вслѣдствіе этого еще въ 1853 г. въ Швеціи было 33.342 винокурни, а въ первый годъ дѣйствія закона, въ 1855 г., осталось 3.481, которыя съ тѣхъ поръ еще болѣе сократились. Право торговли напитками ограничено еще сильнѣе: оно поставлено въ зависимость отъ дозволенія

общины и правительства; налоги на продажу также значительно возвышены, и община поставлена въ обязанность при продажѣ права торговли съ аукціона обращать вниманіе не только на цифру налога, уплачиваемаго кабатчикомъ, но на его нравственныя и образовательныя качества. Благодаря этому, въ то время, какъ до 1855 г. можно было купить свободно вина почти во всякомъ домѣ, въ 1856 г. во всей странѣ, кромѣ городовъ, существовали только 64 винныхъ лавки на выносъ и 493 кабака. Но, кромѣ обязательнаго разрѣшенія общинныхъ властей,—что должно было значительно уменьшить число мѣстъ розничной продажи напитковъ,—новый законъ заключалъ въ себѣ еще нѣсколько постановленій въ интересахъ воздержанія. Такъ, онъ постановилъ въ принципѣ, что въ кабакахъ должны всегда продаваться кушанья и съѣстные припасы: извѣстно, что на сытый желудокъ спиртуозы дѣйствуютъ слабѣе и ихъ пьютъ вообще меньше; кромѣ того, съ цѣлью противодѣйствія стремленію питейныхъ торговцевъ завлекать своихъ бѣдныхъ потребителей кредитомъ, законъ запретилъ взыскивать долгъ за вино, а также подъ страхомъ штрафа отпускать вино подъ залогъ вещей. Наконецъ, какъ бы предвидя то, что въ дѣйствительности скоро и осуществилось, законъ опредѣлилъ, что если въ городахъ составятся компаніи, имѣющія цѣлью взять въ свое исключительное вѣденіе всѣ мѣста питейной торговли, или даже нѣкоторыя, то городское управленіе, удостовѣрившись въ благонадежности этой компаніи, можетъ отдать ей это право въ аренду, не прибѣгая къ аукціону.

Послѣднія статьи закона дали именно толчокъ къ образованію той своеобразной системы питейной торговли Швеціи и Норвегіи, которая пользуется теперь такой извѣстностью. Весьма скоро обнаружилось на практикѣ, что старанія закона обратить кабаки въ съѣстныя лавочки и столовыя для народа, чтобы уменьшить поводъ и позывъ къ излишнему питью, а равно и воспрещеніе кредита и залоговъ, остались на одной бумагѣ. Въ дѣйствительности, все шло по старому; для обхода же закона въ каждомъ кабакѣ держалось какое-нибудь блюдо съ картофелемъ, никогда не потребляемое, а естественное стремленіе кабатчика увеличить свой торговый оборотъ не могло удержать его отъ риска отпуска водки въ долгъ или пріема залога. И вотъ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ городѣ Готенборгѣ (Gothenborg), въ которомъ на 35.000 жителей насчитывалось 136 кабаковъ и не только средній классъ, но и само рабочее населеніе долго и тщетно взывали къ городскому управленію и правительству о противодѣйствіи собственной слабости. Одинъ извѣстный въ Шве-

ціи филантропъ и дѣятельный пропагандистъ трезвости, священникъ Визельгренъ, рѣшился воспользоваться указаніемъ закона и началъ ходатайствовать передъ городскимъ управленіемъ о различныхъ ограниченіяхъ питейной торговли, на что давалось право городу новымъ закономъ, и объ отдачѣ питейной торговли имѣющему образоваться для того обществу. Первоначально эта попытка не удалась, и интересы 136 питейныхъ торговцевъ оказались слишкомъ сильными, но затѣмъ друзья воздержанія соединили свои усилія, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ значительной борьбы при измѣненномъ составѣ городского управленія добились желаемаго. Болѣе двадцати торговыхъ фирмъ и частныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, сложились вмѣстѣ и образовали „Готенборгское Акціонерное Питейное Общество", не только благополучно существующее донынѣ, но и давшее свое собственное названіе всей системѣ новой борьбы съ пьянствомъ, принятой впослѣдствіи далеко за предѣлами скромнаго шведскаго городка.

Какъ видно изъ постановленія готенборгскаго городского управленія при разрѣшеніи этого замѣчательнаго общества, цѣль его основанія заключается *„не въ выгодѣ, но въ благѣ рабочихъ классовъ"*. Общество обѣщается, что, кромѣ обычнаго процента на затрачиваемый для оборота капиталъ (5%), оно не будетъ получать никакой прибыли, и могущій образоваться излишекъ будетъ истрачиваться исключительно на благо рабочихъ или передаваться въ общественную кассу, что въ торговыхъ помѣщеніяхъ общества, свѣтлыхъ, обширныхъ и хорошо обставленныхъ, будетъ принято такое устройство, чтобы старые кабаки обратились въ столовыя для рабочихъ классовъ, чтобы лица, завѣдующія питейнымъ домомъ общества, не имѣли никакого интереса въ продажѣ хмельныхъ напитковъ, доставляя цѣликомъ всю выручку обществу, но чтобы зато въ ихъ пользу удерживалась продажа какъ кушаньевъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и всѣхъ нехмельныхъ напитковъ (кофе, полъ-пива и т. п.); чтобы, наконецъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ въ кредитъ или въ залогъ не отпускалось. Въ этихъ словахъ почти заключается вся программа дѣятельности „Готенборгскаго Акціонернаго Питейнаго Общества"; въ основаніи его лежатъ три вѣрныя идеи, какъ результатъ ежедневнаго наблюденія. Во-первыхъ, причина опасности кабаковъ для народа. въ виду особенно притягательнаго свойства, для пьющихъ людей, водки заключается въ обычномъ интересѣ кабатчика, какъ и всякаго торговца, сбывать свой товаръ въ возможно большемъ количествѣ; поэтому онъ заинтересованъ всячески завлекать покупателя, отпускать, если нѣтъ наличныхъ, подъ залогъ и даже въ

кредитъ, и никакое запрещеніе закона не остановитъ его отъ могущаго быть при этомъ риска. Во-вторыхъ, спиртные напитки дѣйствуютъ всего сильнѣе, но въ то же время ихъ и охотнѣе пьютъ на голодный желудокъ, причемъ пьющій легче утрачиваетъ управленіе собой и скорѣе выпьетъ лишнее. Понятно поэтому, что питейный торговецъ отнюдь не сочтетъ для себя выгоднымъ накормить своего потребителя и тѣмъ уменьшить сбытъ водки. Наконецъ, въ-третьихъ, интересъ кабатчика противоположенъ и даже непріязненъ всякому невинному развлеченію народа: будь то газета въ его кабакѣ, или какой-нибудь народный театръ или зрѣлище— все это, если онъ только торгуетъ исключительно виномъ, отвлекаетъ покупателя отъ единственнаго источника выгоды торговца.

Остановившись въ первый разъ на этихъ трехъ идеяхъ, какъ на ближайшихъ источникахъ народнаго пьянства, „Готенборгское Пит. Акц. Общество" должно было естественно придти къ заключенію, что—для того, чтобы противодѣйствовать пьянству— всѣ эти три повода къ нему оно должно изъ своей практической дѣятельности совершенно исключить. Прежде всего, получивъ въ свои руки питейную монополію въ Готенборгѣ (немногіе оставшіеся кабатчики были скоро устранены), оно вмѣсто 72 бывшихъ кабаковъ постепенно число ихъ уменьшило до 19 (въ 1885 году), дабы эти оставшіеся обставить по возможности лучше и завести болѣе строго избранную администрацію. Управители питейныхъ домовъ общества получаютъ отъ него весьма приличное жалованье, съ обязательствомъ до мелочей соблюдать его постановленія и имѣть всегда въ запасѣ, по утверждаемой обществомъ таксѣ, разныя кушанья и съѣстные припасы, а также кофе, чай, шоколадъ, полъ-пиво и т. п. невинные напитки, которые они и подаютъ посѣтителямъ въ столовыхъ, находящихся при заведеньѣ. Вся выручка отъ этой продажи—обратно съ спиртными напитками—составляетъ ихъ личную выгоду; инспектора общества контролируютъ лишь цѣну и качество этихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, сидѣлецъ этого питейнаго заведенія заинтересованъ своимъ карманомъ продавать и предлагать покупателю не спиртуозъ, а какую-либо ѣду или невинное питье въ родѣ кофе или сельтерской воды, отъ которыхъ онъ наживается. О кредитѣ и о продажѣ подъ залогъ, разумѣется, благодаря этой системѣ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это значило бы для сидѣльца потерять выгодное мѣсто и занятіе, помимо нарушенія прямого закона и его послѣдствій. То же самое относится и къ запрещенію закона продавать спиртные напитки уже пьяному посѣтителю или ребенку. Въ этомъ случаѣ

„Готенборгское Акц. Пит. Общество“ пожелало даже повысить требованіе закона, и въ его заведеніяхъ не продаютъ, ни распивочно, ни на выносъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ лицу моложе 18-ти лѣтъ отъ роду. Мало того: оно завело обычай, что, по просьбѣ родственниковъ, лицамъ, извѣстнымъ наклонностью къ пьянству и всякаго возраста, которымъ ведутся въ городѣ списки, совсѣмъ даже отказываютъ въ продажѣ водки. Точно также оно воспользовалось и правомъ, предоставленнымъ ему закономъ, сокращать время продажи напитковъ, и вмѣсто закрытія питейныхъ домовъ по закону въ 10 ч. вечера, оно закрываетъ ихъ въ 8 и 7, смотря по времени года, и, сверхъ того, всѣ воскресные и праздничные дни, а равно и наканунѣ ихъ съ 6 ч. вечера продажа водки совершенно прекращается, хотя для другого потребленія заведенія открыты, и, какъ исключеніе, дозволяется отпускать по одной рюмкѣ водки лишь лицамъ, обѣдающимъ въ столовыхъ общества [1]).

Съ цѣлью противодѣйствовать послѣднему изъ указанныхъ нами побужденій къ пьянству—скуки и недостатку въ развлеченіи, общество не только держитъ во всѣхъ своихъ заведеніяхъ маленькія собранія газетъ и журналовъ, но, сверхъ того, на получаемый избытокъ доходовъ затратило значительныя суммы на устройство *пяти* настоящихъ читаленъ съ значительнымъ выборомъ книгъ, журналовъ и газетъ, гдѣ въ то же время за дешевую цѣну рабочій людъ можетъ имѣть всѣ напитки, кромѣ спиртуозовъ. Сверхъ того, оно устроило для народа *четыре* обширныя столовыя въ наиболѣе бойкихъ частяхъ города, а съ 1873 года значительно возросшіе доходы свои передаетъ уже обязательно, согласно новому по этому предмету закону, въ городскую кассу, которая и расходуетъ ихъ на разныя общеполезныя цѣли, и слѣдовательно деньги, нѣкогда обогащавшія однихъ кабатчиковъ, нынѣ, при готенборгской системѣ, въ видѣ полезнѣйшихъ учрежденій возвращаются народу обратно, доставляя общую выгоду сторицею, и водка служитъ, можетъ быть, дѣлу народнаго просвѣщенія!..

Благопріятныя послѣдствія готенборгской системы настолько быстро оказались, что не могли не привлечь къ себѣ общаго

---

[1]) Въ Стокгольмѣ, столицѣ Швеціи, гдѣ установилась вскорѣ также готенборгская система продажи напитковъ, вслѣдствіе просьбы самихъ рабочихъ, продажа водки въ питейныхъ домахъ общества съ субботы 6 ч. вечера до понедѣльника 9 ч. утра совершается не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы на каждую рюмку водки спрашивалось пищи не менѣе, какъ на 10 öere, т.-е. обратно съ нѣмецкимъ обычаемъ во многихъ ресторанахъ: „ohne Speise keine Getränke“!

вниманія; они обнаружились скоро не только въ улучшеніи внѣшняго городского благочинія, уменьшеніи числа пьяныхъ, поднятыхъ на улицѣ или заарестованныхъ, но и въ другихъ немаловажныхъ признакахъ, напримѣръ въ значительномъ уменьшеніи въ Готенборгѣ числа больныхъ алкооликовъ: одинъ больной бѣлой горячкой, напр., въ 1865 году приходился на 390 жителей, а въ 1872 году—лишь на 1.230, т.-е. втрое менѣе, несмотря на то еще, что послѣ питейной реформы 1855 года и чрезвычайнаго сокращенія кабаковъ въ деревняхъ, города въ Швеціи сдѣлались мѣстомъ пьянства для всего окружающаго населенія на большомъ разстояніи. Отсюда становится понятнымъ, что одинъ городъ за другимъ въ Швеціи послѣдовалъ примѣру Готенборга; затѣмъ та же система принята огромнымъ большинствомъ городовъ въ Норвегіи и недавно перешла въ Финляндію. Далѣе система переселилась даже въ Англію, гдѣ ее недавно хотѣлъ примѣнить извѣстный городъ Бирмингамъ, еслибы не встрѣтилъ рѣшительнаго противодѣйствія со стороны акцизнаго надзора и, вѣроятно, фискальныхъ интересовъ британскаго правительства [1]).

Исторія этого вопроса въ Норвегіи составляетъ совершенное повтореніе сказаннаго о Швеціи; разница лишь въ томъ, что пьянство въ Норвегіи было нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ Швеціи, а успѣхи готенборгской системы оказались тамъ еще болѣе блестящими и потребленіе спиртныхъ напитковъ пало на малую цифру (3 литра на человѣка, вмѣсто 16—тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ). Но, не довольствуясь даже такимъ успѣхомъ, норвежскій Storting, т.-е. палата представителей, нѣсколько разъ поднимала серьезный вопросъ даже о введеніи запретительной системы по образцу Америки, или всецѣломъ изгнаніи изъ страны всякихъ спиртныхъ напитковъ. Изъ полутора милліона населенія этой маленькой страны, до 100.000 человѣкъ принадлежатъ къ членамъ обществъ трезвости, и, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя, въ Норвегіи буквально нѣтъ деревни, гдѣ бы не было подобнаго общества. Отсюда понятно, что при такомъ большомъ количествѣ друзей воздержанія готенборгская система нашла,

---

[1]) См. Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus. Heft 1. Die Mässigkeits-Gesetzgebung, von A. Lammers. Bonn, 1885, стр. 16 и др. Heft 3. Die Entwickelung der schwedischen Brandwein-Gesetzgebung von 1835 bis 1885, von Dr. Sigfried Wieselgren, стр. 78—82. Die schwedischen u. norwegischen Schank-Gesellschaften. Bericht der Reise-Commission des deutschen Vereins gegen den Missbrauch geistigen Getränke. Bonn, 1884, стр. 5 и слѣд. *G. F. Fuchs*: Des Alkoholismus u. seine Bekämpfung (Zeitfragen des christlichen Volkslebens. Band VIII, Heft 8). Heilbronn, 1883, стр. 57. Zur Alkoholfrage, l. c., стр. 48 и далѣе.

какъ уже испытанное средство, весьма хорошій пріемъ и быстро распространилась въ странѣ: изъ 59 городовъ Норвегіи система не принята лишь пока въ 9, а въ 5 городахъ совсѣмъ нѣтъ продажи напитковъ. Дѣятельность городскихъ питейныхъ обществъ въ Норвегіи еще разнообразнѣе, нежели въ Швеціи, уже благодаря бо́льшимъ средствамъ въ ихъ распоряженіи, такъ какъ излишекъ прибыли общества противъ уговорнаго процента не поступаетъ въ общую городскую кассу, а расходуется самимъ обществомъ на нужды рабочихъ классовъ. Поэтому оно предпринимаетъ такія учрежденія, какъ пивоваренный заводъ въ одномъ, напримѣръ, городѣ для того, чтобы доставить народу по крайне дешевой цѣнѣ слабое, но хорошаго качества пиво, и тѣмъ еще болѣе ограничить потребленіе водки и рома; въ Бергенѣ, весьма оживленномъ торговомъ и рыбачьемъ городѣ, всегда славившемся пьянствомъ, особенно въ извѣстныя времена года, во время найма матросовъ и рыбаковъ, питейное общество устроило четыре обширныхъ помѣщенія для найма рабочихъ, гдѣ они могутъ проводить цѣлый день безплатно, имѣя притомъ чтеніе и нѣкоторыя развлеченія и дешевую ѣду. Благодаря лишь этому, по словамъ очевидцевъ, картина Бергена, въ смыслѣ благочинія, совершенно измѣнилась. Другое питейное общество установило за правило въ своихъ заведеніяхъ каждому потребителю отпускать въ теченіе трехъ часовъ времени не болѣе, какъ одинъ стаканчикъ ($^1/_{20}$ литра) спиртныхъ напитковъ. Извѣстные въ городѣ своимъ пьянствомъ люди рискуютъ попасть въ списокъ общества, какъ это бываетъ, наприм., въ томъ же Бергенѣ, и они нигдѣ не получатъ даже рюмки водки: всюду, по распоряженію общества, ихъ встрѣтитъ отказъ. Вообще дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ имѣетъ *двоякое* направленіе: по возможности отвратить и *отучить народъ отъ крѣпкихъ напитковъ* и *дать ему взамѣнъ другой, здоровый и дешевый напитокъ*, лишь съ самымъ слабымъ содержаніемъ алкооля. Поэтому, напр., въ настоящее время въ Норвегіи происходитъ усиленная агитація объ измѣненіи способа обложенія пива: вмѣсто того, чтобы облагать, какъ это донынѣ дѣлалось, солодъ, предполагается назначить налогъ на самое пиво, и притомъ пропорціонально содержанію въ немъ алкооля; пиво же, имѣющее менѣе 2% алкооля, совершенно освободить отъ налога какъ въ производствѣ, такъ и въ продажѣ.

Такова знаменитая готенборгская система, послѣднія двадцать лѣтъ обращающая на себя общее вниманіе, какъ удачный способъ разрѣшенія на практикѣ проблемы о пьянствѣ. Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, конечно, и эта система имѣетъ свои

недостатки и имѣетъ не мало противниковъ, какъ между лицами, заинтересованными прямо и косвенно въ питейномъ дѣлѣ, такъ и между крайними приверженцами абсолютнаго воздержанія, какими являются, напримѣръ, многіе члены англійскихъ обществъ трезвости, не допускающіе никакихъ компромиссовъ и считающіе единственнымъ способомъ разрѣшенія той же проблемы—полное воспрещеніе всякихъ хмельныхъ напитковъ въ странѣ [1]). Коммиссія изъ членовъ нѣмецкаго общества воздержанія, недавно посѣтившая Швецію и Норвегію, для провѣрки на мѣстѣ результатовъ готенборгской системы, пришла къ единогласному заключенію, что эта система является *„несомнѣнно плодотворнѣйшей мѣрой къ поднятію общественной нравственности и порядка, какую только знаетъ Европа“*. Ограничимся приведеніемъ еще только двухъ свидѣтельствъ изъ области шведской статистики. Число душевно-больныхъ отъ пьянства за 5 лѣтъ до 1865 года, т.-е. до временъ готенборгской системы, составляло въ среднемъ 8,9%; съ 1876 по 1880 г.—уже спустилось до $6^1/_2$%; число самоубійствъ вслѣдствіе пьянства, за тѣ же два пятилѣтія, равнялось: до 1865 г.—26%, а за послѣднее—лишь 14% изъ общаго числа самоубійствъ [2]).

До сихъ поръ мы разсмотрѣли нѣкоторыя мѣры противъ пьянства, предпринятыя правительствомъ, такъ сказать, въ союзѣ со всѣмъ обществомъ и часто даже по частной иниціативѣ; затѣмъ мы должны перейти къ мѣрамъ чисто правительственной дѣятельности, направленнымъ противъ пьянства и сравнительно легко осуществимымъ во всякомъ государствѣ путемъ законодательства. Первымъ и важнымъ вопросомъ здѣсь являются—*самыя свойства и качества напитка*, наиболѣе употребляемаго въ странѣ. Не только замѣчено, но и научно удостовѣрено, что на усиленіе или ослабленіе пьянства имѣетъ прямое вліяніе родъ напитка и такъ-называемая степень концентраціи алкооля и химическій составъ раствора. Цѣлый рядъ данныхъ, преимущественно изъ французской статистики, показываетъ, что всѣ вредныя послѣдствія, приписываемыя пьянству, какъ-то преступность, сумасшествіе и т. д., возростаютъ до нѣкоторой степени пропорціо-

---

[1]) Этимъ объясняется неблагопріятное мнѣніе о готенборгской системѣ членовъ коммиссіи англійскихъ обществъ воздержанія, посѣтившихъ въ началѣ 70-хъ годовъ Готенборгъ. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много произошло улучшенія въ организаціи самой системы.

[2]) См. VI. Internationaler Kongress für Hygiene u. Demographie zu Wien 1887. Arbeiten der Hygienischen Stationen. 7. Thema. *P. O. Flood*: Die Bekämpfung des Alkoholismus. Wien, 1887. Далѣе, см. Zur Alkoholfrage, l. c., стр. 51.

нально по отдѣльнымъ мѣстностямъ страны съ количествомъ алкооля, т.-е. водки, выпиваемой тамъ на счетъ другихъ напитковъ. Точно также изъ двухъ странъ, Баваріи и Сѣверной Германіи, первая выпиваетъ пива въ 4 раза больше, нежели вторая, и почти настолько же меньше водки; между тѣмъ въ Пруссіи— въ четыре раза большее количество алкооликовъ, нежели въ Баваріи. Такимъ образомъ, чѣмъ жиже растворъ алкооля, тѣмъ безвреднѣе его потребленіе, и страны, въ которыхъ національнымъ напиткомъ служатъ вино и пиво, гораздо болѣе гарантированы отъ пьянства, нежели мѣстности съ исключительнымъ или преимущественнымъ употребленіемъ водки. Въ первыхъ двухъ напиткахъ, рядомъ съ продуктомъ броженія, присутствуютъ въ различныхъ соединеніяхъ другія вещества, которыя оказываютъ постоянное взаимодѣйствіе другъ на друга; между тѣмъ водка, какъ продуктъ дистилляціи, есть только алкооль, и дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на человѣческій организмъ. Кромѣ того, извѣстно также, что въ спиртныхъ напиткахъ присутствуютъ такъ-называемые тяжелые алкооли—„пропильный, бутильный и амильный“, которые обладаютъ чрезвычайно ядовитымъ дѣйствіемъ на животный организмъ и нервную систему,—и въ то самое время, какъ въ виноградномъ винѣ, напр., или въ пивѣ присутствуетъ лишь такъ-называемый „этильный“ алкооль, или малые слѣды остальныхъ видовъ его,—въ водкѣ, приготовляемой изъ хлѣба, картофеля и пр., заключается значительное количество самаго страшнаго яда — сивушнаго масла, или амильнаго алкооля. Цѣлый рядъ лабораторныхъ изслѣдованій надъ животными, Ричардсона, Кро, Дюжарденъ-Бомецъ, Рабюто и другихъ ученыхъ, выяснилъ и поставилъ внѣ сомнѣнія фактъ различной степени ядовитости разныхъ алкоолей; изслѣдованія эти, сдѣланныя съ цѣлью опредѣлить отравляющую силу алкооля, показали, что амильный алкооль, напр., во много разъ сильнѣе, нежели этильный (по изслѣдованію Dujardin-Beaumetz—около 5 разъ, а по Rabuteau—даже въ 30 разъ). Понятнымъ становится отсюда, какую огромную разницу въ смыслѣ пьянства дѣлаетъ въ странѣ потребленіе тѣхъ напитковъ, которые наиболѣе содержатъ пропильнаго или амильнаго алкооля. Таковымъ является въ особенности водка, выдѣланная изъ картофеля, свекло-сахарной патоки и, наконецъ, хлѣбная,—въ которыхъ содержится весьма значительное количество сивушнаго масла, если только оно не удалено тщательной очисткой. Всѣ пагубныя послѣдствія для физическаго организма человѣка, вслѣдствіе злоупотребленія напитками, являются преимущественно при потребленіи водки. „Опытъ учитъ, — говоритъ

профессоръ Розенталь, — что собственно болѣзни пьяницъ случаются тамъ, гдѣ пьютъ водку въ большомъ количествѣ; что, напротивъ, въ странахъ винограднаго вина и пива эти болѣзни сравнительно рѣдки и проявляются только въ крайне легкихъ формахъ". Нужно поглощать слишкомъ большое количество этильнаго алкооля и продолжительное время, чтобы придти къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія бываютъ отъ сравнительно меньшаго и непродолжительнаго потребленія какой-нибудь картофельной водки, особенно дурно очищенной [1]).

Отсюда становятся очевидными тѣ задачи, которыя должно взять на себя правительство, слѣдуя выводамъ науки. Первая изъ нихъ должна состоять въ ограниченіи, всѣми зависящими отъ него способами, употребленія массой народа всѣхъ видовъ водки и, если нужно, подстановки на ихъ мѣсто напитковъ съ болѣе слабымъ содержимымъ алкооля — вина и пива. Второй задачей долженъ быть строгій законодательный и административный контроль за очисткой спиртныхъ напитковъ. „Правительства обязаны,—постановлена была резолюція на международномъ парижскомъ конгрессѣ 1878 года,—не только противодѣйствовать злоупотребленію алкоольными напитками съ помощью законодательныхъ мѣропріятій и стараться ихъ подавить, но и употреблять также всѣ усилія къ тому, чтобы водка, предназначенная для потребленія, была очищена, по возможности, лучше и ректифицирована". Что касается до первой задачи, то относительно ея нынѣ согласны (по крайней мѣрѣ — въ теоріи) правительства почти всѣхъ странъ и, помощью различной степени обложеній, даютъ нѣкоторыя преимущества обыкновенно напиткамъ слабымъ передъ крѣпкими. Другое дѣло—относительно требованія очистки и ректификаціи. Въ этомъ отношеніи законодательства принимали за послѣднее время гораздо менѣе мѣръ, а еще менѣе того эти требованія исполнялись на практикѣ, и въ большинствѣ государствъ, гдѣ только пьютъ водку, значительное ея количество весьма дурно очищено. Готенборгская система и въ этомъ случаѣ сослужила добрую службу Швеціи и Норвегіи, и когда тамъ прошелъ законъ, требующій выпуска водки для продажи, лишь совершенно свободной отъ всякихъ примѣсей и достаточно очи-

---

[1]) См. Recherches expérimentales sur les alcools par fermentation. Par le docteur *Dujardin-Beaumetz* et le docteur *Audigé*. Paris, 1875, стр. 60.

Die Verunreinigungen des Trinkbranntweins, von *D-r A. Baer* (въ Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus. Heft 2, Bonn, 1885.

Къ вопросу о пьянствѣ и его леченіи, Д-ра *С. Минора*. С.-Петербургъ, 1887, стр. 14 и пр.

щенной, городскія питейныя общества употребили всѣ старанія удовлетворить этому требованію, и въ ихъ заведеніяхъ продаются лишь напитки, совершенно (насколько технически возможно) свободные отъ сивушнаго масла. Одинаково, конечно, правительство должно озабочиваться и преслѣдованіемъ всякихъ другихъ примѣсей къ напиткамъ, разъ они признаны вредными, что̀ дѣйствительно и дѣлается въ большинствѣ европейскихъ странъ.

Вотъ главная и, по моему мнѣнію, серьезнѣйшая форма проявленія государственной дѣятельности, желательной въ видахъ предупрежденія пьянства или его особенно вредныхъ послѣдствій; всѣ остальныя предупредительныя мѣры, касающіяся, напр., устройства и правилъ производства напитковъ, или непосредственно вытекаютъ изъ прежде поставленныхъ положеній (винокуреніе въ крупныхъ размѣрахъ ради производства хорошо очищеннаго спирта), или же относятся къ подробностямъ питейной торговли, и въ такомъ случаѣ имѣютъ, большею частью, лишь мѣстное—или (напр., устройство лечебныхъ пріютовъ для алкооликовъ) второстепенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, обставлены ли питейные дома такъ или иначе, производится ли продажа въ тѣ или иные часы, сидятъ ли потребители на стульяхъ, или происходитъ, по остроумному выраженію Диккенса о современныхъ англійскихъ кабакахъ, безъ мебели,—„пьянство перпендикулярное"—все это нисколько существенно не уменьшитъ зла, если вся система питейной торговли и самые поводы къ пьянству не потерпятъ измѣненія, какъ это произошло отъ готенборгскихъ мѣропріятій. Точно также мало значенія, по моему мнѣнію, для уменьшенія зла имѣютъ и всѣ уголовныя устрашенія. „Запрещается всѣмъ и каждому пьянство", гласитъ нашъ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленія (Св. Зак., т. XIV, изд. 1857 г., ст. 241); къ глубокому сожалѣнію, всѣмъ и каждому извѣстно, однако, какъ мало наша дѣйствительность отвѣчаетъ этому требованію закона. Другія европейскія законодательства относятся къ пьянству еще строже, и одно даже появленіе пьянаго на улицѣ или иномъ публичномъ мѣстѣ признается за фактъ оскорбленія общественной нравственности и карается закономъ. Такъ это бываетъ въ Норвегіи, Голландіи, Англіи и Франціи; въ послѣдней—повтореніе этого проступка можетъ повлечь за собой даже очень тяжкое наказаніе и, не ограничиваясь штрафомъ, перейти въ тюремное заключеніе, съ ограниченіемъ гражданскихъ правъ. Точно также во всѣхъ этихъ странахъ подлежатъ штрафу кабатчики, которые продаютъ вино опьянѣвшимъ или малолѣтнимъ. Само собой разумѣется, что подобныя узаконенія не мо-

гутъ оказать серьезнаго вліянія на уменьшеніе пьянства и имѣютъ значеніе исключительно въ смыслѣ поддержанія общественнаго благочинія и дискредитированія самого порока въ глазахъ народа фактомъ его осужденія. Одинаково малое значеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ *въ смыслѣ уменьшенія пьянства* и устройство спеціальныхъ лечебницъ для пьяницъ, съ *обязательнымъ* ихъ туда *заключеніемъ*, какъ того желаютъ нѣкоторые врачи. Это — мѣра палліативная и можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь при добровольномъ леченіи, и главное—при измѣненіи всей обстановки пьянства въ странѣ, не иначе. По этимъ соображеніямъ, останавливаться долго на этой сторонѣ вопроса (уголовной) мы и считаемъ совершенно излишнимъ. Болѣе важной представляется намъ гражданская отвѣтственность кабатчиковъ по образцу нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки; такъ, напр., въ Вермонтѣ Civil Domage Act, прошедшій въ 1869 году, постановляетъ, что продавецъ напитковъ отвѣчаетъ за всякій вредъ и ущербъ, который напившійся у него человѣкъ кому-либо причинитъ, что̀ продавца не избавляетъ и отъ уголовной отвѣтственности за продажу вина пьяному; мало того, въ другомъ штатѣ, Нью-Гэмпширѣ, пьяный, задержанный или арестованный на улицѣ раньше своего освобожденія изъ-подъ ареста, долженъ подъ присягой показать на то лицо, у котораго онъ напился, дабы можно было его подвергнуть законному взысканію. Такимъ образомъ, по американскому законодательству, вездѣ главнымъ виновникомъ признается продавецъ напитковъ, а пьяница — лишь его жертвой, хотя и виновной.

Этимъ мы закончимъ изложеніе главнѣйшихъ мѣръ борьбы противъ пьянства—и перейдемъ, въ заключеніе, къ Россіи.

Какъ мы то видѣли изъ сдѣланнаго выше очерка исторіи пьянства, Россія не только всегда была извѣстна въ этомъ отношеніи, но и въ послѣднее даже время, если пьянство въ ней и не увеличилось, какъ утверждаютъ нѣкоторые, то нѣтъ, съ другой стороны, основанія думать, чтобы и уменьшилось—въ массѣ народа; во всей Европѣ, между тѣмъ, какъ извѣстно, пьянство значительно уменьшилось и—что̀ видно и изъ приведенныхъ примѣровъ нѣсколькихъ иностранныхъ государствъ—этотъ болѣе или менѣе благопріятный результатъ былъ достигнутъ *лишь съ помощью соединенныхъ усилій* всего общества и правительства. Такимъ образомъ, Россія отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей не только въ просвѣщеніи и общей культурѣ, но и въ борьбѣ съ

своимъ старымъ внутреннимъ врагомъ, много лѣтъ подтачивающимъ народныя силы и здоровье и вызывающимъ насмѣшки иностранцевъ, начиная съ Олеарія и до современной „Kölnische Zeitung" включительно, которая недавно торжественно объявила, что „Россія сто-шестьдесятъ дней въ году пьетъ и сто-шестьдесятъ — опохмеляется"!!.. Если мы обратимся къ вопросу о борьбѣ нашей противъ этого зла, то, нѣтъ сомнѣнія, мы найдемъ въ нашей исторіи, особенно послѣднихъ ста лѣтъ, множество—со стороны правительства—благихъ начинаній и мѣръ съ этою цѣлью вплоть до самаго послѣдняго времени. Къ прискорбію, однако, слѣдуетъ сознаться, что, судя по настоящему развитію зла, вызывающаго ежедневныя повсюду жалобы противъ пьянства, предпринятыя мѣры и попытки оказывались, по тѣмъ или инымъ причинамъ, недостаточно успѣшными и сильными, чтобы достичь своей цѣли. Одна финансовая система мѣнялась на другую: государственное питейное управленіе замѣнялось откупами, откупа замѣнялись казенной монополіей, затѣмъ опять возвратились къ откупамъ, а въ новѣйшее время учредили акцизное управленіе съ регулированной и патентованной свободой питейной торговли и производства, и тѣмъ не менѣе, какъ всѣмъ извѣстно, само правительство въ настоящее время выражаетъ уже открытое недовольство этой новой системой и проектируетъ возвращеніе къ казенной монополіи, нѣсколько разъ бросаемой... Частная инціатива въ Россіи въ этомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ, повидимому, отстала отъ правительственной: случаи серьезныхъ попытокъ частныхъ мѣропріятій противъ пьянства, по крайней мѣрѣ со временъ покойнаго откупа [1]), встрѣчаются очень рѣдко, какъ единичныя явленія, и уже много лѣтъ у насъ, въ данномъ отношеніи, выражаясь биржевымъ жаргономъ, „слабо" и „безъ дѣлъ".

Спрашивается: въ чемъ же заключаются причины этого общаго неуспѣха въ борьбѣ съ пьянствомъ, и что̀ остается намъ дѣлать, чтобы помочь бѣдѣ? Наиболѣе всѣхъ въ сравнительно короткое время, какъ мы видѣли, противодѣйствіе пьянству принесло хорошіе плоды въ Соединенныхъ Штатахъ и Скандинавскихъ государствахъ, т.-е. тамъ, гдѣ правительство и общество дѣйствовали совмѣстно, соединенными усиліями, и гдѣ частная инціатива шла рука-объ-руку съ законодательными мѣропріятіями.

[1]) См. *Шмелева*: „О мѣрахъ противъ пьянства", l. c., стр. 206—207, и *Прыжова*: „Исторія кабаковъ въ Россіи", стр. 290; а также объ одной современной попыткѣ, „Борьба куриловскихъ крестьянъ съ кабакомъ": „Русское Дѣло", отъ 12 марта 1888 года, № 11.

Лишь при такихъ условіяхъ дѣятельности множества обществъ воздержанія и энергичной поддержки ихъ стремленій правительствомъ, при всей разницѣ средствъ, сдѣлались возможными строгія запретительныя мѣры въ Америкѣ—и готенборгская система въ Швеціи и Норвегіи.

Другой причиной, которую часто приходится слышать, когда идетъ рѣчь о неуспѣхахъ нашихъ мѣръ и апатіи нашего общества въ этомъ вопросѣ, обыкновенно выставляется огромное фискальное значеніе питейнаго дохода для русскихъ финансовъ. До тѣхъ поръ—утверждаютъ нѣкоторые—Россія не можетъ принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ пьянства и установить для того прочный и надежный modus vivendi, пока этотъ доходъ не потеряетъ свое настоящее крупное значеніе въ общей системѣ финансовъ, и пока не будутъ найдены другіе источники дохода, столь же изобильные и которые его замѣнятъ.

Возраженіе это весьма серьезно, и съ нимъ нельзя не согласиться, хотя только отчасти. Нѣтъ сомнѣнія, что питейный доходъ составляетъ для нашего государственнаго казначейства наиважнѣйшій источникъ; но даже и въ Англіи, которая въ этомъ отношеніи стоитъ ближе другихъ европейскихъ странъ къ Россіи, акцизный доходъ отъ напитковъ, не считая таможенныхъ пошлинъ, составляетъ всего лишь 25% обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; у насъ же—30% (тоже безъ таможенныхъ пошлинъ на напитки), т.-е. почти треть всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ (236 милліоновъ изъ 793—за 1886 годъ). Понятно, что наше финансовое управленіе не только дорожитъ такимъ изобильнымъ источникомъ, но и должно относиться осторожно въ своихъ дѣйствіяхъ ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ или начинаніямъ, которыя могутъ значительно и пожалуй сразу сократить этотъ источникъ, что̀ нельзя не признать, съ практически-финансовой точки зрѣнія, благоразумнымъ. Но однако потребленіе хмельныхъ напитковъ, какъ мы неоднократно указывали, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ ихъ злоупотребленіемъ: мы, русскіе, извѣстны своимъ пьянствомъ, вовсе не потому непремѣнно, чтобы мы потребляли много напитковъ; напротивъ, если перевести на градусы алкооля все количество пива и другихъ напитковъ, потребляемыхъ нѣмцами, и виноградпаго вина—французами, то, допуская даже самые крупные размѣры контрабанднаго и корчемнаго спирта, ускользающіе отъ вычисленій, все-таки наше потребленіе хмельныхъ напитковъ не будетъ чрезмѣрнымъ и не превзойдетъ средней нормы; дѣло не въ томъ только, *сколько* мы пьемъ, но *какъ* мы пьемъ: то же самое количество спирта, потребляемое болѣе регулярно, въ

меньшемъ количествѣ единовременно, не дало бы тѣхъ острыхъ проявленій пьянства, которыя особенно пагубно дѣйствуютъ на общее благосостояніе,—между тѣмъ такая форма потребленія сохранила бы за государствомъ тотъ же самый доходъ, который получается теперь отъ напитковъ при ихъ нерегулярномъ и неумѣренномъ употребленіи. Отъ такого рода мѣръ, направленныхъ къ измѣненію привычки народа въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія потребленія, правительству нѣтъ основанія отказываться или чуждаться по фискальнымъ соображеніямъ.

Но даже если предположить, что интересы фиска современемъ пострадаютъ отъ уменьшенія пьянства, то, во всякомъ случаѣ, это не можетъ произойти такъ внезапно, чтобы поставить финансы страны въ затруднительное положеніе. Наконецъ, нравственныя обязанности правительства даютъ намъ право ожидать, что оно не можетъ руководствоваться исключительно фискальными интересами данной минуты; оно должно вообще заботиться объ увеличеніи благосостоянія народа, которое, въ свою очередь, дастъ и новые источники для государственнаго дохода. Уменьшится пьянство въ странѣ—увеличатся больше и заработки народа, сократятся непроизводительные расходы денегъ и времени, и слѣдовательно, въ общемъ результатѣ, увеличится тотъ фондъ—народное богатство, изъ котораго государство и черпаетъ нужныя ему средства. Нельзя также упускать изъ виду и отрицательныя выгоды сокращенія пьянства. По справедливому замѣчанію норвежскаго доктора Флуда на вѣнскомъ гигіеническомъ конгрессѣ прошлаго года, „въ потребленіи водки есть что-то лживое и обманчивое, и она постоянно представляется не тѣмъ, чѣмъ является въ дѣйствительности: кажется, что она подкрѣпляетъ человѣческое тѣло, а вмѣсто того она лишь ослабляетъ его; кажется, что она согрѣваетъ тѣло, а вмѣсто того быстрѣе охлаждаетъ; кажется иногда другомъ, а является врагомъ; точно тоже дѣлаетъ водка и въ системѣ государственныхъ доходовъ: чѣмъ больше ее пьютъ, тѣмъ больше причиняется бѣдности и деморализаціи и тѣмъ бо̀льшія, прямыя и косвенныя, потери несетъ страна черезъ расходъ на поддержаніе бѣдныхъ, госпиталя или больницы, тюрьмы и т. п.“ [1]).

Что̀ же дѣлать и какія возможно принять мѣры у насъ для противодѣйствія пьянству или его вреднымъ послѣдствіямъ? Прежде всего мнѣ представляется безспорнымъ, что никакія коренныя мѣры, какъ бы онѣ ни были желательны и цѣлесообразны,—

---

[1]) *L. O. Flood*: Die Bekämpfung des Alkoholismus, l. c., стр. 18.

въ родѣ готенборгской системы,—въ настоящее время, *пока*, у насъ невозможны, потому что несвоевременны. Ихъ можно осуществить, разумѣется, въ законодательномъ смыслѣ, но отсюда нельзя ждать у насъ, по крайней мѣрѣ теперь, никакихъ полезныхъ результатовъ. Во-первыхъ, всѣ подобныя попытки, какъ мы уже не разъ обращали вниманіе, приносили благіе плоды лишь подъ условіемъ соединенныхъ дружныхъ усилій правительства съ обществомъ въ данномъ направленіи; у насъ же пока въ обществѣ не проснулось даже серьезнаго и сознательнаго стремленія въ этомъ смыслѣ, не говоря уже о всѣмъ извѣстныхъ недостаткахъ нашего городского управленія, исключающаго до сихъ поръ изъ своей среды значительное количество образованныхъ обывателей. Вліятельная часть общества у насъ, по моему глубокому убѣжденію, не такъ сложилась, а потому и не подготовлена для того, чтобы выказать частную инииціативу или надлежащимъ образомъ поддержать въ такомъ вопросѣ предначертанія правительства, еслибы они появились. Кромѣ того, обратно съ Скандинавскими государствами, пьянство у насъ сосредоточено не въ однихъ городахъ, а распространено по селамъ и деревнямъ, гдѣ готенборгская система неприложима [1]).

Но если коренныя мѣры для противодѣйствія пьянству неосуществимы у насъ тотчасъ же, то необходимо приготовить имъ почву для будущаго и создать благопріятныя для того условія, дѣлая съ этою цѣлью все, что только возможно. Въ этомъ смыслѣ не только предстоитъ работы немало, но даже весьма много: нужны лишь доброе желаніе и готовность принести свой трудъ на пользу благого дѣла.

Со стороны правительства противодѣйствіе пьянству можетъ выразиться, прежде всего, въ общихъ мѣрахъ, направленныхъ къ поднятію образованія народа, а пока значительная часть нашего населенія безграмотна, нѣтъ сомнѣнія, никакая серьезная борьба противъ зла и никакое распространеніе привычекъ трезвости немыслимы. Эта истина такъ очевидна, что совершенно излишне на ней долѣе останавливаться. Спеціальныя же мѣры правительства должны быть направлены на выполненіе тѣхъ задачъ, которыя съ достаточной ясностью выставлены въ этомъ отношеніи наукой и

---

[1]) Впрочемъ считаю долгомъ оговориться: такъ-называемые „общественные кабаки“, которые пробовали у насъ устроивать въ нѣкоторыхъ селеніяхъ пермской и уфимской губ.,—близки по идеѣ къ готенборгской системѣ, и еслибы оказалось возможнымъ ихъ хорошо организовать (напр., удалить вліяніе кулаковъ), можетъ быть, они оказали бы пользу. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы испытать и помочь этой попыткѣ.

опытомъ всѣхъ иностранныхъ государствъ. Первое, на что должно обратить вниманіе правительство, касается технической стороны производства спирта. Какъ уже было объяснено въ своемъ мѣстѣ, важнымъ условіемъ, способствующимъ пьянству и его гибельнымъ послѣдствіямъ, нынѣ указываютъ присутствіе сивушнаго масла въ водкѣ, и особенно картофельной и приготовленной изъ свеклосахарной патоки; эти ядовитыя свойства устраняются лишь путемъ тщательной очистки и ректификаціи. Что же мы видимъ, однако, на основаніи нашей оффиціальной статистики? Въ 1875—1876 году у насъ перекуривалось въ спиртъ хлѣба 56 мил. пудовъ, картофеля 31 мил. и патоки 1 мил. съ третью, а черезъ десять лѣтъ, за 1885—86 годъ, хлѣба перекуривалось 44 мил., картофеля уже 80 мил. и патоки безъ малаго 5 мил., т.-е. производство самыхъ вредныхъ и наиболѣе опасныхъ сортовъ спирта ростетъ и увеличивается у насъ съ чрезвычайной быстротой, и нынѣ Россія потребляетъ вдвое болѣе картофельной водки, нежели хлѣбной. Въ то же время очистка спирта поставлена у насъ крайне слабо, и, по тѣмъ же источникамъ, потребляется спирта въ очищенномъ видѣ нѣсколько менѣе одной пятой части,—такимъ образомъ, опасность для народнаго благополучія, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производства спирта изъ картофеля, продолжаетъ усиливаться и возростать [1]). Первой мѣрой правительства, и притомъ не терпящей отлагательства, должно, слѣдовательно, быть установленіе правилъ обязательной очистки спирта, предназначеннаго для потребленія человѣка. Образцомъ можетъ послужить недавній законъ, принятый въ нашей Финляндіи, по которому продажная водка „не только не должна заключать какихъ-либо вредныхъ примѣсей, но должна быть очищена отъ сивушныхъ маслъ". Черезъ эту мѣру, соблюдаемую на практикѣ, нѣтъ сомнѣнія, не только многія тысячи людей будутъ спасены отъ опоя, но и отъ самого пьянства, вслѣдствіе устраненія искусственнаго позыва, создаваемаго, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, именно присутствіемъ въ водкѣ сивушныхъ маслъ. Одинаково важной можетъ оказаться дѣятельность правительства въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ другомъ направленіи, также находящемъ указанія въ выводахъ современной науки. Къ несчастію, нашимъ національнымъ напиткомъ является водка, т.-е. такое питье, въ которомъ алкооль наиболѣе сконцентрированъ, а этимъ обусловливается, какъ было объяснено раньше, его особенная зловредность. На-

---

[1]) См. Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1886 годъ. С.-Петербургъ, 1887, стр. 19 и 53.

родъ нашъ совсѣмъ почти не знаетъ виноградного вина, кромѣ западной Россіи и столицъ; потребленіе пива также, сравнительно съ Европой, до крайности ничтожно. Въ Россіи, безъ царства польскаго, Финляндіи и Кавказа, потребляется пива не болѣе одиннадцати съ третью бутылокъ въ годъ на одно лицо, тогда какъ въ Германіи—105 бутылокъ, Великобританіи—160, и Бельгіи—даже 207 [1]). Потребленіе другихъ невинныхъ стимулянтовъ, какъ чай и кофе, извѣстно, у насъ также весьма незначительно, сравнительно съ огромными размѣрами его въ разныхъ странахъ западной Европы, уже благодаря ихъ относительной дороговизнѣ для массы народа и высокимъ налогамъ. Такимъ образомъ, привычка русскаго народа къ водкѣ искусственно поддерживается и укореняется; если не считать кваса, на который даже фискъ, по слухамъ, предполагаетъ наложить свою руку, то русскому человѣку скоро не останется никакого дешеваго напитка взамѣнъ водки. Очевидно, если наше финансовое управленіе искренно желаетъ уменьшенія нашего народнаго порока—пьянства, то необходимо должно своими мѣрами сокрушать исключительную привязанность и привычку народа къ водкѣ—и для того не только не увеличивать обложеніе на чай, пиво и пр. (какъ оно недавно сдѣлало относительно перваго [1]), но сокращать налоги и, такъ сказать, всячески популяризировать эти напитки. Всякая иная политика будетъ лишь на руку фальсификаторамъ этихъ продуктовъ и еще сильнѣе закрѣпитъ весь вредъ отъ пьянства для грядущихъ поколѣній.

Еще болѣе важнымъ въ данномъ вопросѣ является развитіе частной иниціативы, самодѣятельности общества съ цѣлью противодѣйствія пьянству. Если у насъ невозможно, какъ было сказано, испробовать, напр., готенборгскую систему, то прежде всего потому, что намъ недостаетъ главнаго—подготовки къ какой-либо серьезной питейной реформѣ... Чтобы имѣть успѣхъ, такая реформа необходимо должна пользоваться сочувствіемъ значительной части общества, и притомъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Образованные люди всѣхъ классовъ въ Готенборгѣ жертвуютъ своимъ временемъ, личнымъ трудомъ, частью деньгами и даже

---

[1]) См. докладъ А. П. Манухина: „О нуждахъ пивоваренного искусства въ Россіи". 2-го сент. 1882 года.

[2]) Наши пошлины на чай—любимѣйшій напитокъ народа послѣ водки—превосходятъ по своей высотѣ всѣ страны на свѣтѣ: въ Германіи и Австро-Венгріи пошлина на чай составляетъ 5 р. 6 к. на пудъ, Великобританіи—5 р. 66 к, Франціи—8 р. 58 к., въ Соедин. Штатахъ — безпошлинно, у насъ же въ Россіи—*двадцать-одинъ* (21) рубль съ пуда!..

самолюбіемъ, принимая участіе въ какихъ-то „кабацкихъ“ предпріятіяхъ, и все это потому, что сознають высокую полезность и важность для общаго блага предпринятаго ими дѣла и святость поставленной ими цѣли! Непривычка къ самодѣятельности, недостатокъ гражданственности и солидарности въ русскомъ обществѣ, наконецъ отсутствіе общаго сознанія важности этого вопроса—навѣрное затормазили бы у насъ всякую подобную мѣру въ самомъ же началѣ. Одно же правительство, въ свою очередь, еслибы даже и вздумало, безсильно предпринять что-либо серьезное противъ пьянства, не встрѣчая общей и сознательной поддержки, по крайней мѣрѣ, въ образованныхъ классахъ народа.

Въ чемъ же должна заключаться эта предварительная подготовка нашего общества къ тѣмъ или инымъ серьезнымъ мѣрамъ противъ пьянства? На это отвѣчаетъ уже извѣстный намъ опытъ многихъ иностранныхъ государствъ. Вездѣ, прежде чѣмъ сдѣлались возможными важныя реформы въ этомъ отношеніи, образовывались общества трезвости или воздержанія, которыя стремились распространить свои идеи въ народѣ, всѣми мѣрами противодѣйствуя и отвлекая народъ отъ пьянства. Какъ мы видѣли, съ этою цѣлью, устроивались и устроиваются тамъ собранія для обмѣна мыслей по данному вопросу, издаются во множествѣ различныя книжки для народа и летучіе листки съ однороднымъ содержаніемъ, т.-е. прямо или косвенно направленные противъ этого порока; учреждаются для народа чайныя, кофейни, столовыя, различныя чтенія и увеселенія; поступаютъ къ правительству ходатайства, касающіяся спеціальной цѣли общества. Вообще, стоя на легальной почвѣ, такое общество противодѣйствія пьянству старается не только сдѣлать народъ болѣе трезвымъ, но и создавать, по мѣрѣ силъ, благопріятныя для того условія. Вездѣ, поэтому, подобныя общества были, какъ мы упоминали, предшественниками и иниціаторами серьезныхъ реформъ для искорененія пьянства.

Вотъ въ такихъ-то обществахъ противодѣйствія пьянству, мнѣ кажется, Россія нуждается въ настоящее время. Давно уже пора намъ серьезно взглянуть на нашу народную слабость, а не стараться ее игнорировать или встрѣчать однѣми усмѣшечками. Необходимо дискредитировать пьянство въ глазахъ народа и постараться снять съ него покровъ удальства и молодечества, которыми любятъ прикрывать этотъ порокъ не одни наши предки! Необходимо постараться добиться, чтобы народъ не считалъ за пьянымъ „два угодья“!.. Но для достиженія этой ближайшей цѣли важно, чтобы нашъ образованный классъ взялъ на себя иниціативу этого дѣла и взглянулъ на него серьезнѣе. Не такъ давно

въ газетахъ появился слухъ, что одинъ нашъ выдающійся писатель (имя котораго считаю излишнимъ называть) въ близкомъ кругу знакомыхъ старается привлечь ихъ къ дѣлу трезвости. Какъ же къ этому сообщенію отнеслась наша пресса? Къ сожалѣнію, насколько мнѣ извѣстно, вмѣсто сочувствія или почтенія, даже безъ отношенія къ лицу, отъ котораго бы эта попытка происходила, нѣкоторыя газеты встрѣтили ее лишь шутками и ироническими замѣчаніями... Само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ такъ легкомысленно относиться къ стремленію—во всякомъ случаѣ достойному уваженія—заняться этимъ жизненнымъ и практическимъ вопросомъ,—до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о его серьезномъ разрѣшеніи!

Иванъ Янжулъ.

ВЪ
ПЕРВЫЙ РАЗЪ У ЗАУТРЕНИ

Народный разсказъ Л. К. Лазаревича.

Переводъ съ сербскаго.

Было мнѣ тогда, говорятъ, лишь девять лѣтъ. Всего-то подробно я и не помню, но разскажу вамъ объ этомъ, насколько запомнилъ. Моя старшая сестра, та много помнитъ, а младшій братъ —ровно ничего. Впрочемъ, не спятилъ я еще съума, чтобы начать разсказывать ему о томъ времени!

Мнѣ еще и мать много кое-чего поразсказала, когда я, подросши, разспрашивалъ ее. Отецъ же—никогда ни словечка!

Мой отецъ носилъ, разумѣется, турецкій костюмъ. Словно сейчасъ смотрю на него, какъ онъ наряжается: джемаданъ на немъ [1]) изъ краснаго бархата, съ золотыми шнурками въ нѣсколько рядовъ; поверхъ него—тюрче [2]) изъ зеленаго сукна. Силай [3]) расшитъ золотомъ, въ него замкнута харбія [4]), съ ручкой изъ слоновой кости, и ножикъ въ серебряныхъ ножнахъ, съ ручкой изъ бѣлой кости. Поверхъ силая—широкій шолковый поясъ, концы котораго, украшенные бахромой, висятъ съ лѣваго

---

[1]) Въ родѣ жилета, застегивается на боку.

[2]) Куртка, подбитая мѣхомъ.

[3]) Силай—родъ пояса, непремѣнно изъ кожи, спереди настолько широкаго, что закрываетъ часть груди; приноровленъ для ношенія оружія, напр. пистолета, ножа и пр.

[4]) Шомполъ небольшого размѣра, для пистолета.

бока. Чакшире [1]) съ шолковыми и серебряными шнурками, широкія пачалуци до половины прикрывали ногу въ бѣлыхъ чулкахъ и полусапожкахъ. На голову, бывало, надѣнетъ феску, накренитъ ее немного на лѣвую сторону, въ рукахъ у него чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, а съ правой стороны поддѣтъ подъ поясъ кисетъ для табаку, шитый золотомъ и бисеромъ. Настоящій франтъ!

Нрава онъ былъ — хоть онъ и отецъ мой, но ужъ разъ сталъ я разсказывать, вилять не слѣдуетъ—нрава былъ страннаго. Черезъ-чуръ серьезенъ, все только приказываетъ, и если что̀ разъ скажетъ, а ты не исполнишь—удирай куда знаешь! Сердитый—и все хочетъ дѣлать по своему, да никто и не осмѣливался доказывать что-либо противное ему. Когда же сильно разсердится—ругнетъ такъ, что хоть святыхъ вонъ выноси. Дрался не иначе какъ давалъ оплеухи, да и то всего разъ ударитъ, но ужъ такъ, братъ, отвалитъ, что только держись! Разсердиться ему ничего не стоило: насупится, бывало, кусаетъ нижнюю губу, крутитъ правый усъ, загибая его вверхъ, брови почти сойдутся на лбу, а черные глаза такъ и блестятъ. О, пусть бы тогда пришелъ кто-нибудь изъ насъ и сказалъ ему, что онъ не зналъ „алекціи“ [2])! Не знаю, чего я такъ боялся: ну, чтожъ, если даже, наконецъ, и ударитъ разокъ, такъ что же? Но я боялся этихъ глазъ: какъ перекоситъ онъ ихъ, такъ ты, и самъ не зная съ чего, дрожишь, какъ листъ.

Никогда онъ не смѣялся, по крайней мѣрѣ—не такъ, какъ другіе люди. Помню, однажды держитъ онъ на колѣняхъ моего малаго братишку. Далъ ему часы поиграть, а мой Гриша вздумалъ совать часы отцу въ ротъ, и оретъ, что есть мочи, отчего тотъ не хочетъ открыть ротъ. Я и сестра просто помираемъ со смѣху, и отцу это показалось смѣшнымъ: но онъ растягивалъ только лѣвый уголъ рта, и возлѣ лѣваго глаза кожа собиралась. Но и это было большою рѣдкостью, и та̀къ онъ смѣялся, когда случалось что-либо такое, что у другого просто челюсти развалились бы отъ смѣха, а хохотъ былъ бы слышенъ чуть не въ трактирѣ у Тетребова.

Помню, когда умеръ мой дядя, въ компаніи съ которымъ отецъ работалъ и котораго такъ сильно любилъ, моя тетка, мать,

---

[1]) Панталоны совершенно особаго покроя: широкія и вполнѣ свободныя вверху, они плотно облегаютъ голень ноги, имѣя застежки на разрѣзѣ, сдѣланномъ на всемъ протяженіи голени: у щиколотки застежки прекращаются, образуя нѣчто въ родѣ раструбовъ, такъ-называемыя пачалуци.

[2]) Урокъ.

вся родня, мы, дѣти,—ну голосить, плакать, причитать; просто стонъ стоитъ! А мой батюшка—ничего, ни слезинки не проронилъ, ни одного вздоха не испустилъ! Только когда всѣ простились съ покойникомъ и когда понесли его изъ дома, у отца задрожала нижняя губа, дрожитъ и дрожитъ, а онъ прислонился къ двери, блѣдный какъ полотно, но молчитъ.

Ужъ если чтò разъ скажетъ, бывало,—не отступитъ потомъ ни за что, хотя бы даже и раскаивался въ душѣ. Помню, разъ онъ прогналъ со службы Проку. Вижу, что и самъ раскаивается и жалѣетъ его, а уступить не хочетъ. Этого Проку онъ любилъ больше всѣхъ другихъ служащихъ. Знаю, что ударилъ его всего разъ за то, что тотъ, цѣдивши водку, не закрутилъ хорошенько крана у бочки, и нѣсколько ведеръ водки вытекло. Больше никогда его не трогалъ. Все ему довѣрялъ, посылалъ его въ села за долгами и проч. А знаете ли, за что его разсчиталъ? Ни за что, ни про что!.. Видѣлъ, какъ тотъ игралъ въ „орелъ и рѣшетку"! Удивительно!

Это было на св. Георгія. Пришелъ Прока въ лавку, чтобы нà-ново подписать условіе, а отецъ вынулъ 90 грошей [1]) и говоритъ:—Нà, вотъ тебѣ жалованье! Ты мнѣ больше не нуженъ; иди и ищи мѣсто, гдѣ бы могъ играть въ „орелъ и рѣшетку"!

Насунулъ Прока феску на глаза, льются у него слезы, словно дождь падаетъ, и сталъ просить моего отца. Тронулò это его, я видѣлъ,—но, думаете, онъ уступилъ? Боже сохрани! Лишь вынулъ еще одинъ дукатъ [2]) и далъ ему:—Нà, и проваливай!—Ушелъ Прока, а онъ кается въ душѣ, что прогналъ, ни за что, ни про что, самаго лучшаго слугу.

Никогда онъ не шутилъ ни съ нами, дѣтьми, ни съ матерью, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Чуднò онъ жилъ съ моей матерью. Не то, чтобы сказать, что онъ, не дай Богъ, какъ иные мужья, хотѣлъ бы ударить ее или что-либо такое, но такъ какъ-то: всегда холоденъ, сердитъ, хуже чужого, вотъ и все! А она, бѣдная, добра, какъ ангелъ, и ему такъ въ глаза и глядитъ. А когда онъ огрызнется, у нея, бѣдной, чуть не духъ вонъ отъ плача, да еще должна и слезы скрывать и отъ насъ, и отъ него. Никогда и никуда онъ съ нею не ходилъ, да и не смѣла она ему напомнить, чтобы свелъ ее куда-либо. Терпѣть онъ не могъ, чтобы она мѣшалась въ торговлю и въ его дѣла. Скажетъ она иной разъ:

---

[1]) Грошъ—20 сантимовъ.

[2]) Дукатъ—12 франковъ.

— Дмитрій, далъ бы ты Стояну водки! Вѣдь будетъ и новая, такъ куда тебѣ съ ней?

Тутъ онъ и набросится на нее:

— Или ты голодна, или тебѣ мало чего? Деньги въ твоихъ рукахъ, а когда не хватитъ, ты скажи! А въ мое дѣло не вмѣшивайся!

Мать какъ-то съёжится, да и замолчитъ.

Съ людьми тоже мало говорилъ. Въ кофейнѣ у него было свое общество, и развѣ только съ нимъ проговоритъ слово или два. Кума Илью онъ уважалъ какъ нельзя болѣе, и это былъ единственный человѣкъ, который смѣлъ сказать ему, что хотѣлъ, и котораго отецъ словно побаивался.

Насъ, дѣтей, какъ и мать, онъ любилъ,—нечего напрасно говорить,—это было видно; но держалъ насъ престрого. Я не помню какого бы то ни было знака нѣжности съ его стороны. Накрывалъ насъ, правда, ночью, если мы раскроемся, и позволялъ намъ нагибаться надъ колодцемъ и лазить на тутовыя деревья,—но что же намъ изъ этого? Это дѣлаютъ и другіе отцы, но они зато покупаютъ дѣтямъ и леденцы, и золотую бумагу, и резиновые мячики, которые скачутъ чуть не выше яблони!

Въ церковь ходилъ лишь на день св. Георгія, въ трактирѣ же —каждый вечеръ. Бывало, поужинаемъ, а онъ сунетъ чубукъ подъ лѣвую мышку, поддѣнетъ кисетъ съ табакомъ подъ поясъ—и пошелъ! Домой возвращался лѣтомъ въ девять часовъ, а зимой и раньше, а иной разъ и за полночь перевалитъ, а его нѣтъ и нѣтъ. Страшно это огорчало мою бѣдную мать и сестру,—я же еще и представленія не имѣлъ тогда о кутежѣ. Никогда онѣ не засыпали, прежде чѣмъ онъ не придетъ домой, хотя бы это было на зарѣ. Сидятъ онѣ на постеляхъ, не смѣютъ даже свѣчу зажечь. Сердится онъ, батенька, когда видитъ, что свѣча горитъ. Слышалъ я однажды, какъ онъ, придя поздно домой, ворчалъ:

— Къ чему свѣча горитъ до этихъ поръ?

— Да чтобъ было видно раздѣться тебѣ, Дмитрій,—скажетъ моя мать.

— А развѣ я самъ не могу зажечь свѣчу, или, думаешь, я пьянъ и найти не смогу?

— Да нѣтъ, Дмитрій,—увертывается моя мать,—но я говорю, какъ бы...

— Да что̀ говоришь! Вѣрно, хочешь, чтобы сосѣди думали, что у насъ въ домѣ мертвецъ лежитъ!

Какой тамъ мертвецъ! И вы думаете, что онъ это серьезно говоритъ? Что̀ ему сосѣди!.. Да не хочетъ онъ просто, чтобы

моя мать замѣчала, когда онъ приходитъ и уходитъ, а со злости не знаетъ, съ чего и начать. Хотѣлось бы ему, чтобы мать спала, хотя ей и не спится, а лишь бы онъ могъ безъ заботъ кутить. Видно было, что это ему досадно.

Пилъ онъ очень мало, да и то только вино. Водку же, даже когда пробовалъ ради покупки, выплюнетъ, да и гримасу скорчитъ. Не былъ онъ Богъ знаетъ какимъ охотникомъ и до кофе... Такъ что же дѣлалъ онъ всю ночь въ кофейнѣ?—спросите вы.

Несчастье, да и все! Еслибы онъ пилъ, все бы еще ничего! Но... увидите потомъ!

Полъ-жизни отняло это у моей матери. Плачетъ иной разъ, ну, просто, духъ вонъ! А никому не пожалуется.

Однажды пришелъ онъ поздно домой... Ничего!.. На другой день—ничего!.. Какъ вдругъ, батенька, замѣтила моя мать, что у него нѣтъ часовъ! Испугалась женщина, спрашиваетъ его:

— А гдѣ, Дмитрій, твои часы?

Онъ нахмурился, смотритъ въ сторону и говоритъ:

— Послалъ въ Бѣлградъ для починки.

— Да вѣдь часы хорошо шли, Дмитрій.

— Не слѣпъ же я, да и не дуракъ; вѣрно, знаю, когда часы идутъ хорошо, а когда—нѣтъ!

Нечего дѣлать, замолчала моя мать.

Горюетъ только послѣ съ моей сестрой: „охъ, бѣда намъ! Отдастъ все, что имѣетъ, и придется подъ старость чужое бѣлье стирать!“

Однажды—было ли десять часовъ, или нѣтъ, — анъ вотъ и онъ изъ кофейни. Заломилъ на бекрень астраханскую мѣховую шапку, на груди золотая цѣпочка съ палецъ толщиною, за поясомъ пистолетъ съ серебряной отдѣлкой, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. Входитъ онъ, и какъ будто возлѣ лѣваго глаза кожа собралась. Что-то хорошо расположенъ.

Какъ вошелъ, вынулъ часы изъ-за пояса, будто нужно посмотрѣть, который часъ.

— Развѣ вернулъ?—спохватилась она:—развѣ уже поправлены часы?

— Поправлены!—говоритъ онъ.

— А что это у тебя за цѣпочка?

— Цѣпочка какъ и всякая цѣпочка, — отвѣчаетъ онъ, но какъ-то мягко, не то чтобъ огрызаясь.

— Знаю,—говоритъ моя мать,—да откуда она у тебя?

— Купилъ!

— А эта мѣховая шапка? вѣдь такая есть только у Мити-казначея.

— Купилъ и ее.

— Продалъ тебѣ?

— Продалъ!

— А какой...

Но тутъ мой отецъ какъ-то искоса посмотрѣлъ на мою мать, она и умолкла.

Онъ сталъ раздѣваться, а я все смотрю изъ-подъ одѣяла. Вынулъ онъ изъ-за пояса цѣлый свертокъ, величиной съ кулакъ, и бросилъ на столъ, такъ что звякнуло: все, братъ, червонцы!

— Нà, говоритъ, спрячь это!—А самъ вышелъ въ кухню.

Моя мать взяла этотъ свертокъ какъ-то двумя пальцами, словно поднимаетъ грязную дѣтскую пеленку.

— А чтò мнѣ дѣлать—говоритъ сестрѣ—съ этими деньгами? Онѣ прокляты!.. Онѣ дьявольскія!.. Ихъ и унесетъ чортъ, какъ и принесъ!..

Какъ видите, нѣтъ тутъ ни счастья, ни жизни!

И такъ, моя мать была несчастна, и мы, за-одно съ нею, были несчастны...

Прежде былъ онъ—разсказывала мнѣ мать—совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Да и я помню, словно черезъ сонъ, какъ часто держалъ онъ меня на колѣняхъ, когда я еще былъ совсѣмъ маленькимъ; дѣлалъ мнѣ дудки изъ лозы и возилъ съ собою въ телѣгѣ на лугъ. Но, говоритъ мать, съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Митей-казначеемъ, съ Христофоромъ изъ Маковиной улицы, съ аптекаремъ Альбрехтомъ и съ другими еще какими-то, все перевернулось и пошло—одинъ Богъ знаетъ кàкъ.

Ворчитъ. Не терпитъ никакихъ разспросовъ; сейчасъ оборветъ сердито: „знай свое дѣло!“ или: „развѣ у тебя нѣтъ другихъ заботъ?“

Чтò и говорить, и самъ онъ видѣлъ, что скверно поступаетъ, да ужъ какъ забралъ его *онъ* въ свои лапы, такъ и не пускаетъ.

Но все же, смѣшно сказать, все же онъ вѣдь былъ добрымъ человѣкомъ. Да, клянусь Богомъ! Да ужъ такъ видно...

Однажды вернулся онъ, не знаю въ какую пору, домой, не одинъ. Удивляется моя мать. Прошелъ онъ еще съ кѣмъ-то мимо дверей, говорятъ что-то потихоньку. Прошли во дворъ. Слышимъ мы, спустя немного, конскій топотъ и ржаніе. Не догадываюсь я, чтó бы это значило.

Когда онъ потомъ вошелъ въ комнату, я сталъ храпѣть, и

сестра моя притворилась, будто спитъ. Поздоровался, да и замолчалъ. Молчитъ онъ, молчитъ мать, я жду.

Первая начала моя мать; говоритъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ:

— Увели вороного!

— Увели,—говоритъ онъ.

Опять замолчали, только мать все сморкается; я такъ и чувствую, что она плачетъ.

— Дмитрій, ради Бога, ради нашихъ дѣтей, перестань вести дружбу съ сатаною! Кто съ нимъ знается—теряетъ и эту, и будущую жизнь. Вонъ тебѣ картежникъ Иванъ, посмотри на него! Такой хозяинъ, а теперь дошелъ до того, что провѣтривалъ чужіе чернильные орѣшки и для жидовъ скупаетъ кожи по деревнямъ. Неужели тебѣ не жаль, если я буду вынуждена подъ старость ждать отъ другого корки хлѣба и если наши дѣтки будутъ служить чужимъ...—И стала рыдать.

Тутъ отецъ и набросился:

— И съ чего ты стала заклинать меня дѣтьми и плакать надо мною живымъ? И что нюни распустила изъ-за какой-то клячи? Не она меня нажила, а я ее! Завтра, если хочешь, десять куплю!

Моя мать плачетъ еще сильнѣе:

— Знаю, Дмитрій,—говоритъ она ласково такъ,—да вѣдь враги все унесутъ. Оставь, именемъ нашихъ дѣтей умоляю, оставь эти проклятыя карты! Самъ знаешь, что работая, не разгибая спины, до кроваваго пота, мы пріобрѣли этотъ уголокъ, и развѣ теперь какимъ-нибудь живодерамъ слѣдуетъ выгнать меня изъ моего же дома?...

— А кто тебя гонитъ?

— Не гонитъ меня никто, но выгонятъ, если и дальше будешь такъ поступать. Вѣдь это занятіе—Богомъ проклятое.

— Ужъ сто разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ не смѣла мнѣ проповѣди читать и нюнить безъ нужды! Не лишился же я разсудка, чтобы мнѣ нужна была жена-опекунъ!

Молчитъ она, благородная душа. Сдерживаетъ рыданія. Ни слезинки нѣтъ больше. Онѣ текутъ въ груди и камнемъ ложатся на сердце.

День за днемъ, а онъ все по старому. Приносилъ часто цѣлые свертки денегъ, и терялъ тоже. Приходилъ часто безъ перстня, безъ часовъ, безъ золотого силая. Иной разъ приносилъ и по двое, по трое часовъ, по нѣскольку колецъ. Разъ принесъ сапоги и длинную безрукавку; въ другой — сѣдло; потомъ—дю-

жину серебряныхъ ложекъ, а однажды—цѣлый боченокъ устрицъ и много всякой всячины. Однажды вечеромъ привелъ и вороного, того самаго, нашего.

На другой день купилъ ему новую сбрую: висятъ ремни ниже колѣнъ, а кисточки бьютъ его по головѣ. Запрягъ его въ повозку, стулъ поставилъ у дверей лавки, чтобъ никто не входилъ, да чрезъ городъ—рррр!—думаешь—мостовую разнесетъ.

Мы уже было и свыклись, только мать плакала и безпокоилась. Да и какъ же, батенька, не тревожиться ей? Торговля стала. Слуги одинъ за другимъ отпускаются. Все идетъ какъ въ проклятомъ домѣ, а денегъ бросается тьма.

Стали эти его пріятели приходить и къ намъ на домъ. Затворятся они въ большой комнатѣ, зажгутъ нѣсколько свѣчей; звенятъ червонцы, шелестятъ карты, дымитъ табакъ, а нашъ слуга, Стоянъ, то-и-дѣло что готовитъ имъ кофе (а на завтрашній день покажетъ нѣсколько червонцевъ, полученныхъ „на водку"). А наша мать сидитъ съ нами въ другой комнатѣ; глаза у нея красны, лицо блѣдно, руки горятъ, и все повторяетъ: „Боже, будь Ты нашимъ защитникомъ!"

И такъ онъ совсѣмъ отбился отъ дома. Все молчитъ. Матери никогда не смотритъ въ глаза. Насъ, дѣтей, не ласкаетъ, ни сердитаго слова не скажетъ, ни привѣтливаго. Все бѣжитъ отъ дома. Лишь денегъ намъ даетъ сколько угодно. Бывало, попросишь у него лишь на покупку грифеля, а онъ дастъ цѣлую плету [1]). Для стола покупалъ все, что̀ было лучшаго въ городѣ. Одежа на мнѣ лучшая въ цѣлой школѣ. Но все же мнѣ какъ-то тяжело было, смотря на мою мать и сестру: онѣ какъ будто постарѣли, блѣдныя стали, грустныя, серьезныя. Никуда не ходятъ, развѣ на праздникъ къ кому-нибудь, и то нéхотя. Да и къ нимъ мало кто приходилъ изъ женщинъ, а все мужчины, да и то лишь тѣ „негодяи" и „бездѣльники", какъ ихъ называла мать. Въ лавкѣ почти прекратилась торговля.—Неужели я,—говаривалъ мой отецъ,—стану какому-нибудь лапотнику отвѣшивать индиго на 10 сепи? Вонъ ему жиды для этого!" Мать не смѣетъ больше ни слова промолвить. Разсказывала, однажды онъ ей сказалъ:

— Слышишь ли ты, пойми разъ навсегда, тебѣ сербскимъ языкомъ говорятъ: если ты мнѣ еще хоть одинъ разъ объ этомъ заикнешься, я себѣ найду квартиру и переселюсь; а ты здѣсь читай наставленія кому угодно! За-пом-ни хо-ро-шо!

---

[1]) Екатерининская монета въ 20 к.

Молчитъ она, бѣдная, словно стѣна. Сжалось сердце, со дня на день таетъ, а все Богу молится: „Боже, не оставь Ты меня!"

Эхъ, да ужъ вѣрно сами предвидите, что̀ изъ всего этого будетъ!

Пришли они всѣ однажды вечеромъ. Пришелъ съ ними еще нѣкто Петръ Зеленбачъ, какой-то торговецъ свиньями, который будто „съ Пештомъ дѣла имѣетъ". Усы у него шиломъ торчатъ, волосы съ проборомъ назади, пейсы чуть не до скулъ. Лицо толстое, самъ такой полный; одѣлъ на бекрень какую-то шляпочку. На жилеткѣ золотая цѣпочка, точь-въ-точь такая, какая у отца прежде была. На пальцѣ у него какое-то кольцо блеститъ, батенька, такъ что и взглянуть нельзя. Ходитъ, переваливаясь; говоритъ басомъ и хрипло, а все усмѣхается своими маленькими, какъ трава зелеными глазами. Такой страхъ тебя забереть, точно волка увидѣлъ.

Пришли они, говорю. Стоянъ сейчасъ къ огню, кофе готовить!

Зажгли четыре свѣчи. Дымъ отъ табаку валитъ словно изъ трубы. Пьютъ кофе, молчатъ какъ турки, только карты шелестятъ, да слышно, какъ звенятъ червонцы.

Это была страшная ночь!

Мы съ матерью затворились въ другой комнатѣ. Она уже не плачетъ больше. И сестра тоже. Лица изнуренныя, глаза впалые, смотрятъ какъ-то страшно испуганно. Въ сравненіи съ этимъ смерть дяди—ничто!

Нѣсколько разъ входилъ въ нашу комнату отецъ. Онъ весь былъ въ поту. Распахнулъ джемаданъ, разстегнулъ рубашку, на груди видны у него густые черные волосы. Наморщился, словно турокъ.

— Дай еще!—говоритъ моей матери.

Сжалось у нея сердце. Молчитъ какъ камень, открываетъ сундукъ и горстью сыплетъ ему, а онъ завязываетъ въ платокъ.

Смотритъ онъ разъяренно и въ сторону. Ногами перебираетъ точь-въ-точь какъ я, когда меня товарищи ожидаютъ на дворѣ, а я стою и жду, пока сестра рѣжетъ хлѣбъ для меня. Беретъ деньги, голову отворачивая въ другую сторону, а уходя, прошепчетъ, словно про себя: „только эти еще!" и просто убѣгаетъ изъ комнаты.

Но „еще это"... „Еще это"... Вошелъ онъ, кажется, пятый разъ въ нашу комнату, такъ около трехъ часовъ по полуночи.

— Дай!—говоритъ моей матери, а у самого лицо совсѣмъ земляное.

Мать подходитъ къ сундуку, ноги совсѣмъ подкашиваются у нея и сама еле держится.

Въ тотъ разъ я видѣлъ изъ-подъ одѣяла, какъ мой отецъ, такой большой, пошатнулся и ухватился за печь.

— Скорѣй!—говоритъ матери, а самъ ногами перебираетъ и рукавомъ утираетъ потъ.

Мать ему протягиваетъ.

— Дай все!—говоритъ онъ.

— Послѣднихъ десять червонцевъ,—отвѣчаетъ она. Но это ужъ не былъ ни голосъ, ни шопотъ, а что-то похожее на предсмертное хрипѣніе.

Онъ забралъ эти деньги и буквально выбѣжалъ изъ комнаты.

Моя мать упала у сундука, потерявъ сознаніе. Сестра вскрикнула. Я вскочилъ съ постели; вскочилъ и Гриша. Сѣли мы на полу возлѣ нея; цѣловали ея руки: „мама, мама!"

Она положила руку на мою голову и что-то шептала. Потомъ вскочила, зажгла восковую свѣчу и затеплила лампадку передъ св. Георгіемъ.

— Подите, дѣти, молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ избавилъ отъ напасти!—говоритъ она. Голосъ ея звенитъ какъ колокольчикъ, а глаза свѣтятся, какъ вечерняя звѣздочка на небѣ.

Мы всѣ бросились къ иконѣ, стали на колѣни, а Гриша передъ матерью, повернулся лицомъ къ ней, крестится и читаетъ, бѣдный, вслухъ ту половину „Отче нашъ", которую ужъ выучилъ. Потомъ опять крестится и цѣлуетъ руку матери, и опять смотритъ на нее. Изъ ея очей текутъ ручьи слезъ. Глаза ея были обращены на святого и на небо. Тамъ вверху было что-то, чтò она видѣла; тамъ ея Богъ, на котораго она смотрѣла и который смотрѣлъ на нее. И тогда по ея лицу разлилось какое-то блаженство, какой-то свѣтъ, и мнѣ показалось, что Богъ погладилъ ее рукой, и что святой усмѣхнулся, и что змій подъ его копьемъ раскрылъ ротъ. Но послѣ у меня потемнѣло въ глазахъ, и я палъ ничкомъ на край ея платья и на ея лѣвую руку, которой она придерживала меня, и я молился, сотый разъ повторяя: „Боже, Ты видишь мою маму! Боже, молю Тебя за папу!" и потомъ, не знаю къ чему: „Боже, убей того Зеленбача!"

Долго мы такъ молились.

Потомъ моя мать встала, поднялась на стулъ и поцѣловала св. Георгія. То же самое сдѣлала и моя сестра, а послѣ приподняла и меня, и Гришу, и мы тоже цѣловали. Потомъ моя мать взяла пучокъ сухой базилики, который стоялъ за иконой, и бу-

тылку съ богоявленской водой, висѣвшую подъ иконой, омочила въ этой водѣ цвѣты и, шепча что-то, окропила ими комнату. Потомъ потихоньку отворила дверь, на цыпочкахъ подошла къ большой комнатѣ и окропила двери ея.

Ахъ, какъ мнѣ было тогда легко! какое блаженство чувствовалъ я тогда, словно гора съ плечъ! Отчего теперь я не могу чувствовать ничего подобнаго?!

Едва мать окропила дверь большой комнаты, какъ внутри поднялся шумъ. Ничего нельзя было разобрать, только слышно было, какъ Зеленбачъ крикнулъ во все горло:

— А кто можетъ меня заставить играть дольше? Кто?

Потомъ опять неясный шумъ и ссора. Потомъ мы слышали скрипъ отворившейся двери, ворчанье и шаги.

Но отецъ не вошелъ въ комнату. Напрасно мы ждали. И день начался, я и Гриша заснули, а его еще не было.

Когда я проснулся, солнце уже стояло высоко. Я чувствовалъ себя страшно усталымъ и разбитымъ, но снова закрыть глаза я не могъ—и я всталъ.

Все смотрѣло какъ-то торжественно и печально. На дворѣ тихо; яркій лучъ проникаетъ черезъ открытое окно, а передъ иконой еще дрожитъ пламя въ лампадкѣ. Моя мать и сестра блѣдны какъ полотно, глаза у нихъ влажные, лица словно восковыя; ломаютъ руки, ходятъ на цыпочкахъ, ничего не говорятъ, а только шепчутъ какія-то молитвы. Завтрака намъ не принесли, не спрашиваютъ, голодны ли мы, не посылаетъ меня мать въ школу.

— Чтò это такое?—спрашивалъ я самъ себя. Или мертвецъ лежитъ въ домѣ, или мой покойный дядя вернулся и теперь его будутъ сызнова хоронить?

Я просто онѣмѣлъ, когда вспомнилъ, чтò было ночью, и совершенно механически прошепталъ: „Боже, спаси папу!“ И опять: „Боже, убей же того Зеленбача!“

Ничего не думая, я одѣлся и вышелъ изъ комнаты. Совсѣмъ невольно я направился къ дверямъ большой комнаты, но сейчасъ же остановился, такъ какъ почувствовалъ, что мать схватила меня за руку.

Я обернулся, но она не сказала ни слова, а лишь приложила палецъ къ губамъ, потомъ довела меня до выходныхъ дверей и оставила. Она вернулась назадъ въ комнату, а я стоялъ въ дверяхъ. Смотрю ей вслѣдъ, а самъ не знаю, чтò и думать.

Потомъ я подкрался на цыпочкахъ къ большой комнатѣ и заглянулъ въ замочную скважину.

Смотрю.

Посреди комнаты стоитъ столъ. Возлѣ него разбросаны стулья, два или три изъ нихъ опрокинуты. На полу валяются тысячи картъ, растоптанныя и нерастоптанныя папиросы, одна разбитая чашечка для кофе, а изъ-подъ одной карты видѣнъ червонецъ. Скатерть со стола стянута почти до половины. На столѣ разбросаны карты, чашки перевернуты, все полно крошекъ и пепла отъ табаку. Стоитъ еще нѣсколько пустыхъ тарелокъ, на одной изъ нихъ вытрясенъ табакъ изъ трубки. Четыре пустыхъ подсвѣчника; въ одномъ догораетъ толстая бумага, которой была обмотана свѣча, и черный дымъ тихо поднимается, доходя до потолка.

На стулѣ за столомъ, спиной къ дверямъ, сидитъ мой отецъ. Обѣ руки съ локтями положилъ на столъ, а на руки наслонился лбомъ и не двигается.

Смотрѣлъ я довольно долго, а онъ хоть бы пошевельнулся. Только видѣлъ я, какъ его бока поднимаются и опускаются. Что-то странное и мрачное приходило мнѣ въ голову. Казалось мнѣ, напримѣръ,—а не знаю, право, съ чего!—что онъ мертвъ, и я самъ удивлялся, какъ это мертвецъ можетъ дышать. Потомъ мнѣ казалось, что та сильная рука словно сдѣлана изъ мягкой бумаги, и что онъ не можетъ больше ею ударить,—и много всякой всячины.

Богъ знаетъ, до какихъ бы поръ я такъ подсматривалъ, еслибы опять не дотронулась до меня рука матери. Ничего мнѣ не сказавъ, мать своими добрыми глазами показала мнѣ на дверь.

Я не знаю съ чего—вдругъ скинулъ шапку, поцѣловалъ ея руку и вышелъ на дворъ.

Въ этотъ день была суббота.

Когда я вышелъ на улицу, народъ шелъ, какъ и всегда,— всякій занятъ своимъ дѣломъ. Масса крестьянъ привезла всякой всячины на базаръ. Торговцы заглядываютъ въ мѣшки, ощупываютъ ягнятъ. Новакъ, полицейскій, кричитъ и назначаетъ, гдѣ кому поставить телѣгу. Дѣти воруютъ черешни; писарь Срета ходитъ съ барабанщикомъ по городу и читаетъ распоряженіе о томъ, что запрещается пускать свиней по улицамъ. Тришка вынулъ изъ печи жареную ягнятину и зазываетъ народъ: „пожалуйте, горячая!“ а пьяный Осипъ топчется въ лужѣ.

— А почему ваша лавка затворена? — спрашиваетъ меня Игнатъ, портной, проходя мимо.

— Такъ! —отвѣчаю я.

— Не боленъ ли Дмитрій?

— Нѣтъ!—говорю.

— Ушелъ вѣрно куда-нибудь?

— Въ деревню!—отвѣчаю я и бѣгу во дворъ.

Сейчасъ вслѣдъ за этимъ пришли оба мои такъ-называемые „девери", т.-е. мои друзья, которыхъ послалъ учитель, чтобы узнать, почему я не пришелъ въ школу.

Тутъ только я вспомнилъ, что слѣдовало идти въ школу. Взялъ я книги, кусокъ хлѣба, да и смотрю то на мать, то на товарищей.

— Скажите, дѣти, г-ну учителю, что Миша не могъ придти раньше, занятъ былъ.

Что̀ было у насъ дома, пока я былъ въ школѣ—не знаю... То-есть, знаю, потому что, вернувшись изъ школы, я нашелъ все такъ же, какъ и оставилъ: моя мать и сестра сидятъ, руки ихъ сложены на колѣняхъ; обѣдъ не варится; на цыпочкахъ проходятъ мимо большой комнаты и все вздыхаютъ, — точь-въ-точь какъ тогда, когда умеръ мой дядя! Гриша во дворѣ привязывалъ къ хвосту кошки обломокъ старой бляхи и забавлялся этимъ. Подмастерья шьютъ куртки въ своемъ отдѣленіи, а Стоянъ завалился въ сѣно, да и храпитъ, словно теперь только полночь.

Мой отецъ все такъ же сидитъ, не двигается. Тюрче потянулось на его широкой спинѣ, а возлѣ пояса раздвигается отъ глубокаго дыханія.

Давно уже отзвонили къ вечернѣ. День клонится къ концу, а въ нашей душѣ все тотъ же мракъ, нигдѣ и края не видно, а облака скопляются все гуще и гуще!

Становится все несноснѣе, все страшнѣе и отчаяннѣе... Боже, Ты одинъ можешь исправить все къ лучшему!..

Я сидѣлъ на порогѣ передъ домомъ. Въ рукахъ у меня былъ какой-то учебникъ, но я его не читалъ. Видѣлъ я у окна блѣдное лицо моей матери, опущенное на ея худощавую руку. Въ ушахъ у меня звенѣло. Я совсѣмъ не могъ думать.

Вдругъ ручка двери стукнула. Моей матери не стало у окна. Я просто онѣмѣлъ.

Двери большой комнаты отворились. На порогѣ стоялъ онъ, мой отецъ.

Боже, неужели это мой отецъ?

Феску онъ немного засунулъ назадъ, волосы выбились изъ-подъ нея, падаютъ на его высокое чело. Усы опустились, лицо потемнѣло, постарѣло. Но глаза, глаза! Ровно ничего похожаго

на тѣ прежніе! Они какъ-то потускнѣли, ввалились глубже, на половину прикрыты рѣсницами, передвигаются медленно, глядятъ неподвижно и безсмысленно, ничего не ищутъ, ни о чемъ не думаютъ. Какъ-то пусто въ нихъ, словно въ подзорной трубѣ съ выбитыми стеклами. На лицѣ какая-то печальная, но ласковая усмѣшка,—никогда этого прежде не было! Такъ смотрѣлъ мой дядя, когда передъ смертью просилъ, чтобы его причастили.

Медленно онъ прошелъ черезъ переднюю, отворилъ дверь нашей комнаты, просунулъ внутрь только голову и, не сказавши ничего, сейчасъ же подался назадъ, затворилъ дверь, вышелъ на улицу и медленно направился къ дому кума Ильи.

Разсказывалъ мнѣ послѣ Ѳома, сынъ кума Ильи, что мой отецъ затворился съ его отцомъ въ комнатѣ, что долго и потихоньку о чемъ-то разговаривали, что имъ потомъ принесли бумагу и чернила, что что-то писали они, прикладывали печати, и такъ далѣе. Но чтò такое было, неизвѣстно, да и никто никогда не узнаетъ.

Около девяти съ половиной часовъ, мы всѣ лежали въ постели, только мать еще сидѣла со сложенными на колѣняхъ руками и безсмысленнымъ взглядомъ смотрѣла въ свѣчу. Вдругъ выходная дверь скрипнула. Мать моментально загасила свѣчу и сама легла въ постель.

У меня такъ билось сердце, словно кто молоткомъ стучалъ въ грудь.

Дверь отворилась, и вошелъ мой отецъ. Повернулся разъ, другой по комнатѣ, потомъ, не зажигая свѣчи, раздѣлся и легъ. Долго я еще слышалъ, какъ онъ поворачивался въ постели, да, наконецъ, уснулъ я самъ.

Не знаю, сколько времени я проспалъ, какъ вдругъ почувствовалъ что-то мокрое на лбу. Открываю глаза и смотрю: полная луна освѣщаетъ комнату, и ея блѣдный лучъ падаетъ какъ разъ на лицо моей матери. Глаза у нея закрыты, лицо словно у тяжелаго больного, а грудь тяжело и неровно поднимается.

Надъ нею стоитъ отецъ. Вперилъ взглядъ въ нее и не двигается:

Немного спустя, онъ подошелъ къ нашей постели. Смотритъ на насъ, смотритъ на мою сестру. Снова сталъ посреди комнаты, снова поглядѣлъ вокругъ и прошепталъ:

— Спятъ!—Но вздрогнулъ отъ своего же шопота и словно окаменѣлъ посреди комнаты. Долго онъ такъ стоялъ, не двигаясь, только иной разъ замѣтно было, какъ блеснутъ его глаза, смотря то на насъ, то на мать.

Но ни одинъ изъ насъ и глазомъ не моргнулъ.

Потомъ онъ подошелъ на цыпочкахъ къ стѣнѣ, не сводя съ насъ глазъ, осторожно снялъ тотъ пистолетъ, оправленный въ серебро, сунулъ его подъ куртку, надвинулъ феску на глаза и поспѣшно, ступая цѣлой ногой, вышелъ вонъ.

Но едва только затворилась за нимъ дверь, какъ моя мать поднялась съ постели; за нею поднялась и сестра. Словно духи какіе!

Мать быстро, но осторожно встала и пошла къ дверямъ, а за нею и сестра.

— Останься съ дѣтьми!—прошептала ей мать и вышла на дворъ.

Я тоже вскочилъ и пошелъ къ дверямъ. Сестра меня схватила за руку, но я высвободился и сказалъ ей:

— Останься съ дѣтьми!

Вышедши на дворъ, я добѣжалъ до забора и, идя вдоль его въ тѣни вишневыхъ деревьевъ, я добрался до колодца и присѣлъ за нимъ.

Ночь была чудесная. Небо сіяетъ, луна блеститъ, воздухъ свѣжъ, не колыхнется ничто. Я видѣлъ, какъ отецъ заглянулъ въ окно той комнаты, гдѣ помѣщается прислуга, и опять пошелъ дальше. Наконецъ, остановился подъ навѣсомъ амбара и вынулъ пистолетъ.

Но въ тотъ же моментъ, не знаю откуда, возлѣ него вдругъ появилась моя мать.

Обомлѣлъ человѣкъ; уставился на нее, разиня ротъ.

— Дмитрій, другъ мой, государь мой! что̀ это ты задумалъ?

Отецъ задрожалъ. Стоитъ какъ столбъ, безсмысленнымъ взглядомъ смотритъ на мою мать, а голосъ у него словно разбитый колоколъ.

— Иди, Марья, оставь меня... Я пропалъ!

— Какъ пропалъ, государь мой? Богъ съ тобой! что̀ это ты говоришь?

— Все отдалъ!—сказалъ онъ и руки разставилъ.

— Ну и пусть, вѣдь ты же, другъ мой, и пріобрѣлъ!

Отецъ отступилъ на одинъ шагъ и уставился на мою мать.

— Да вѣдь все!—говоритъ онъ:—все, все!

— Ну, и пускай!—отвѣтила мать.

— И коня!—сказалъ онъ.

— Клячу!—говоритъ моя мать.

— И лугъ!

— Богъ съ нимъ!

Онъ приблизился къ матери, смотритъ ей въ глаза, словно насквозь прожечь хочетъ. А она какъ святая.

— И домъ!—говоритъ онъ, пяля глаза.

— Пускай себѣ!—говоритъ моя мать: — лишь бы ты былъ живъ и здоровъ!

— Марья!

— Дмитрій!

— Что̀ ты говоришь, Марья?

— Говорю: пусть Богъ сохранитъ тебя и нашихъ дѣтокъ. Не домъ и не лугъ кормилъ насъ, а ты, кормилецъ нашъ! Никто изъ насъ не будетъ голоденъ, пока ты съ нами.

Мой отецъ, словно въ забытьѣ, оперся локтемъ на плечо матери.

— Марья!—началъ онъ:—неужели ты?...—Подступавшія къ горлу слезы не дали ему говорить, и онъ, прикрывъ глаза рукавомъ, замолчалъ.

Мать взяла его за руку.

— Когда мы вѣнчались, у насъ не было ничего, кромѣ того одѣяла, одной миски и двухъ-трехъ корытъ, а теперь, слава Богу, полонъ домъ!

Я вижу, какъ изъ-подъ отцовскаго рукава упала капля и блеснула при лунѣ.

— А развѣ ты забылъ чердакъ, полный чернильныхъ орѣшковъ?

— Да, да!—говоритъ отецъ голосомъ мягкимъ, какъ шолкъ, и, вытеревъ рукавомъ глаза, спустилъ руку.

— А моя низка дукатовъ? Къ чему даромъ лежатъ эти деньги? Возьми ихъ для торговли!

— Мы употребимъ ихъ на житье!

— Да развѣ ужъ мы такіе старики? Здоровы мы, слава Богу, да и дѣтки наши здоровы. Будемъ Богу молиться и работать.

— Какъ честные люди!

— Да и ты не мямля какой-нибудь, какъ бываютъ иные. Однѣхъ твоихъ рукъ я не отдамъ за весь капиталъ Параносова, хотя бы онъ былъ и вдвое больше!

— И мы опять пріобрѣтемъ домъ!

— Выведемъ на дорогу нашихъ дѣтокъ,—говоритъ мать.

— И не будутъ они проклинать меня, когда умру... Какъ давно я ихъ не видалъ!

— Поди, посмотри на нихъ!—сказала мать и повела его за руку, какъ ребенка.

А я въ три прыжка—и уже въ комнатѣ. Только успѣлъ шепнуть сестрѣ:—Полѣзай!—и натянулъ одѣяло на голову.

Едва они оба переступили порогъ комнаты, въ церкви ударили въ колоколъ къ заутренѣ. Громко раздался этотъ звонъ среди ночной тишины и потрясъ душу...

— Встань, сынъ дорогой,—сказала мнѣ мать,—пойдемъ къ заутренѣ!..

Когда въ прошломъ году я отправился въ Бѣлградъ за товаромъ, видѣлъ я въ Топчидерѣ Петра Зеленбача въ арестантскомъ платьѣ:—щебенку бьетъ на шоссе!

Н. Г.

ЛУДВИГЪ ГОЛЬБЕРГЪ

Георга Брандеса.

Съ датскаго *).

I.

Въ новѣйшее время много было говорено и писано противъ культа генія. Доказывали, что критика, подвергая генія своему анализу и въ каждомъ твореніи отыскивая другихъ еще творцовъ, кромѣ автора, освобождаетъ насъ отъ бремени благодарности генію. Генія стали считать простымъ продуктомъ вѣка и выраженіемъ націи. Вліяніе великихъ людей стало казаться преувеличеннымъ. И безъ нихъ все такъ же было бы достигнуто,—лишь медленнѣе.

Иногда къ такимъ разсужденіямъ присоединяется убѣжденіе, особенно среди заступниковъ и приверженцевъ демократіи, что человѣчество вовсе не нуждается въ руководительныхъ умахъ, что ему даже лучше безъ нихъ; другими словами—начали вѣрить въ то, что генія можетъ замѣнить сумма многихъ, ничѣмъ не выдающихся способностей, многихъ развитыхъ посредственностей.

Это стремленіе къ полному остракизму генія, внушаемое изученіемъ прикладныхъ наукъ и вскормленное, кромѣ того, простодушной или тонкой завистью, исходило изъ ошибочной основной точки зрѣнія.

*) Комедіи Гольберга вышли въ этомъ году новымъ изданіемъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Dänische Schaubühne. Die vorzüglichsten Komödien des Freiherrn Ludvig von Holberg. 2 Bände. Berlin 1888“. Характеристикѣ этого извѣстнаго на Западѣ датскаго писателя, но весьма мало знакомаго у насъ, посвящаетъ настоящую статью г. Г. Брандесъ. *Перев.*

Взглядъ на литературу и искусство, по которому идеи и мнѣнія исходятъ, какъ изъ послѣдней инстанціи, изъ массы, изъ толпы, —взглядъ, выраженный французскимъ писателемъ Тэномъ, выдающимся аристократомъ въ политическомъ отношеніи, но въ этомъ однако случаѣ поразительнымъ демократомъ,—взглядъ этотъ коренится въ господствовавшемъ слишкомъ долго обманѣ чувствъ. Идея, художественная форма, преобразовательная мысль —никогда не зарождаются въ толпѣ. Даже средневѣковыя народныя пѣсни не выходили изъ „народа". Идеи зарождаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, который успѣетъ возвыситься надъ толпой и притянетъ ее къ себѣ. Онъ постепенно создаетъ себѣ кружокъ среди тѣхъ, чьи дарованія, хотя и въ меньшей степени, подходятъ къ его дарованію. Инщіатива, однако, всегда принадлежитъ великой личности, и никогда—народу или публикѣ.

Условія жизни древнихъ народовъ, которыя вообще до сихъ поръ изучались образованными людьми Европы прежде современныхъ—главнымъ образомъ вводятъ въ заблужденіе мысль и въ наши дни. Въ древности, когда средства общенія между людьми были мало развиты и когда каждый народъ жилъ особнякомъ, — происхожденіе и окружающая среда, данная родиной, значили почти все. Въ новѣйшее время это не такъ. Древняя литература, какъ греческая, напримѣръ, исключительно опредѣляется характеромъ народа, среди котораго она возникла, по той простой причинѣ, что авторы ея не имѣли соприкосновенія съ другой націей. Вотъ почему литература Греціи есть сжатое выраженіе всей культуры, созданной нѣкоторыми ея представителями. Въ новѣйшее время литература—и это общее правило—лишь настолько выражаетъ собою характеръ и свойства націи, насколько эта послѣдняя съумѣла пользоваться ею или усвоить ее себѣ. Но нельзя никоимъ образомъ быть увѣреннымъ, что великій и только впослѣдствіи всѣми признанный авторъ былъ въ свое время выразителемъ свойствъ своего народа. Иногда величіе его сказывается всего сильнѣе въ томъ, что онъ переработываетъ свойства націи по образцу своихъ твореній, исподоволь завоевывая поклоненіе себѣ, и безчисленными путями вліяя на умы.

Гольбергъ—самый поразительный примѣръ этого рода. Онъ не былъ выраженіемъ національной культуры; когда онъ пробудился, какъ духовная личность, культура эта была чрезвычайно ограничена, ей было еще далеко до европейской культуры того времени; она не могла удовлетворить жажду пытливаго ума. Онъ чуждался всѣхъ формъ, въ которыхъ она проявлялась, онъ не понималъ ея, онъ пренебрегалъ ею въ

ея наивныхъ образахъ народныхъ пѣсенъ и народныхъ книгъ; онъ даже ненавидѣлъ ее, когда она выражалась въ претенціозной формѣ педантизма и ученой схоластики.

Какъ же образовался онъ самъ?

Подобно тому, какъ и нынѣ образовывается не одинъ свободный и выдающійся умъ,—посредствомъ общенія съ другими свободными и выдающимися умами, разсѣянными по Европѣ; подобно тѣмъ, которые онъ находилъ въ книгахъ, и вліяніе которыхъ онъ испыталъ на себѣ среди атмосферы чужихъ странъ. Ученое развитіе его—универсально; оно возникло на почвѣ цѣлой массы человѣческихъ расъ и народовъ; но художественное образованіе его было, скорѣе всего, романскаго характера. И что̀ заслуживаетъ особеннаго вниманія: направленіе его ума—чисто классическое, хотя классицизмъ фактически идетъ въ разрѣзъ какъ съ обще-германскими расовыми чертами характера скандинавовъ, такъ и съ чисто сѣверными особенностями народа.

Вотъ почему при жизни онъ не создалъ школы и остался одинокимъ. И тѣмъ не менѣе теперь самое популярное имя въ литературахъ Даніи и Норвегіи — имя Гольберга, имя всѣми признаннаго „учителя". Въ теченіе полутора вѣка онъ постепенно завоевалъ всѣ классы общества этихъ двухъ народовъ. Національныя особенности датчанъ и норвежцевъ до извѣстной степени сформировались по его характеру.

Самъ онъ былъ созданъ совершенно иначе, чѣмъ прочіе современные ему жители Сѣвера. Подобныхъ ему не было, и онъ не напоминалъ никого изъ бывшихъ раньше него писателей въ этихъ странахъ. Значеніе его большею частью и зависѣло именно отъ этого.

Одна большая опасность постоянно грозитъ современному обществу, одна духовная болѣзнь, распространяющаяся все болѣе и болѣе: эта опасность состоитъ въ томъ, что всѣ понемногу дѣлаются одинаковыми, что внутри круга, образуемаго страной или сословіемъ, всѣ понимаютъ другъ друга, но никого другого, кромѣ своихъ, а потому постепенно всѣ становятся обыкновенными, дюжинными людьми, съ общими всѣмъ представленіями и предразсудками, съ общими пороками и добродѣтелями,—мелкими пороками, маленькими добродѣтелями,—и вездѣ царитъ громадная общая посредственность.

Къ великимъ благодѣтелямъ человѣчества принадлежатъ тѣ, которые успѣваютъ остановить теченіе, бурно несущее насъ въ наши дни ко всему обычному и нивеллирующему. Незадолго до Гольберга, англичанинъ Молесвортъ заклеймилъ Данію словами: „никогда я не знавалъ страны, гдѣ весь духъ населенія

былъ бы настолько однороденъ: рѣшительно, нѣтъ ни одного выдающагося человѣка".

Гольбергъ — это громадный камень, брошенный счастливою судьбою Даніи въ средину стоячей воды и всколыхавшій ее. Онъ описалъ намъ свое время безъ прикрасъ, со всѣми его глупостями и слабостями, съ его сужденіями и предразсудками, вдоль и поперекъ, опредѣлилъ его посредственность въ сильныхъ чертахъ, смѣло и рельефно. Самъ же онъ настолько отличался отъ всего окружающаго, что пошлая будничная физіономія казалась ему веселой каррикатурой.

Но его цѣль была не только забавлять,—нѣтъ, онъ хотѣлъ исправить націю, какъ моралистъ.

Однимъ словомъ, Гольбергъ—это великій воспитатель Скандинавіи. Онъ стремился сдѣлать изъ ея стаднаго населенія—людей. Онъ преслѣдовалъ свою цѣль, давая народу здоровую пищу, и сатирическій ударъ его бича очищалъ воздухъ отъ суевѣрій, а житейскіе пути—отъ глупыхъ преградъ.

Онъ первый внесъ европейскую культуру въ свою страну. Если ему иногда недоставало пониманія для оцѣнки различныхъ достоинствъ прошлаго своей страны, того прошлаго, съ которымъ онъ разошелся, то онъ, въ то же время, много способствовалъ тому, что страна его могла отнынѣ вступить въ семью прочихъ европейскихъ странъ.

II.

Лудвигъ Гольбергъ родился 4-го декабря 1684 г. въ Бергенѣ, самомъ оживленномъ городѣ Норвегіи и самомъ интернаціональномъ изо всѣхъ городовъ обоихъ государствъ. Ганзейцы имѣли здѣсь свою контору; нѣмецкая и шотландская кровь примѣшивалась тутъ къ норвежской крови населенія, а голландскіе привычки и нравы, трудолюбіе и простота, служили постояннымъ примѣромъ для подражанія. Бергенъ въ то время былъ однимъ изъ выдающихся торговыхъ городовъ Европы.

Отецъ Лудвига Гольберга, Христіанъ Нильсенъ, принявшій имя Гольберга, кажется, отъ одного помѣстья въ Трёнделагенѣ, былъ офицеромъ изъ крестьянъ и дослужился до чина подполковника; это говоритъ о его рѣдкихъ качествахъ и необычайной храбрости въ то время, когда офицерами арміи могли быть лишь дворяне или пришлые, иностранное происхожденіе которыхъ придавало имъ значеніе дворянства. Онъ побывалъ въ молодости

на мальтійской и венеціанской службѣ, и изъ страсти къ путешествіямъ обошелъ всю Италію пѣшкомъ. Гольбергъ, очевидно, отъ отца унаслѣдовалъ свой тревожный духъ и свое фантастическое и воинственное настроеніе. Отъ матери и ея рода онъ унаслѣдовалъ страсть къ литературѣ, остроуміе и веселость.

Лудвигъ Гольбергъ былъ младшимъ изъ двѣнадцати дѣтей. Одного года онъ лишился отца, а одиннадцати лѣтъ—матери. На всемъ его существѣ и произведеніяхъ лежитъ извѣстный оттѣнокъ ранней зрѣлости и одиночества, вслѣдствіе ранняго сиротства.

Это былъ тщедушный мальчикъ, вспыльчивый и ѣдко отвѣчавшій, когда его дразнили. Сперва онъ ходилъ въ нѣмецкую школу, позднѣе—въ латинскую; онъ выучился чистому нѣмецкому языку въ первой, и хорошей латыни—во второй, но тѣмъ не менѣе всегда испытывалъ отвращеніе къ латинскимъ упражненіямъ, которыми ректоръ мучилъ учениковъ.

Поступивъ въ копенгагенскій университетъ въ 1702 году, онъ изъ крайней бѣдности вынужденъ былъ немедленно принять мѣсто домашняго учителя въ пасторатѣ Воссъ, въ Норвегіи. Вернувшись вновь въ Копенгагенъ въ 1703 г., онъ въ теченіе немногихъ лѣтъ выдержалъ философскій и богословскій экзаменъ, но занимался болѣе французскимъ и итальянскимъ языками, чѣмъ метафизикой и богословіемъ; нужда вторично заставила его вернуться въ Норвегію, гдѣ онъ опять сдѣлался домашнимъ учителемъ. Здѣсь случайно попавшійся ему дневникъ его хозяина, который тотъ велъ въ своихъ путешествіяхъ молодымъ человѣкомъ, пробудилъ въ немъ сильную страсть къ путешествіямъ.

Девятнадцати лѣтъ онъ отправляется въ свое первое путешествіе; 21 года—предпринимаетъ второе. Въ теченіе своихъ трехъ путешествій онъ проводитъ за границей, съ небольшими промежутками, пять съ половиною лѣтъ. Средствъ для за-граничныхъ путешествій у него не было,—приходилось пробиваться кое-какъ, странствуя то моремъ, то пѣшкомъ, то распѣвая подъ окнами, то давая уроки музыки (на скрипкѣ) или уроки языковъ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ Голландію, Англію, Германію, Францію, Италію, живя чрезвычайно бережливо по необходимости и соблюдая строгую діэту изъ разумной заботливости о своемъ нѣжномъ здоровьѣ. Онъ пережилъ массу путевыхъ приключеній, узналъ людей всѣхъ сословій и націй и много работалъ въ большихъ иностранныхъ библіотекахъ. Онъ изучилъ Бэйля и Гроціуса, Пуфендорфа и Томазіуса, стремясь вполнѣ стряхнуть съ себя ту пыль, которою сѣверное школьное образованіе и культура копенгагенскаго университета заполонили его умъ.

Онъ началъ свою дѣятельность на родинѣ, популяризируя исторію и философію права, велъ свою первую полемику съ знаменитымъ впослѣдствіи юристомъ Андреемъ Гойеромъ (Höjer), въ которой рано проявилъ свой сатирическій духъ, и послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ лѣтъ жестокой нужды, заставлявшей его принимать скудное и унизительное вспомоществованіе даже изъ кассы для бѣдныхъ при церкви Св. Троицы, — получилъ случайно освободившуюся при университетѣ каѳедру метафизики. Онъ сталъ читать науку, которая для него не была наукой, которая своимъ нелѣпымъ и туманнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее была для него предметомъ полнаго презрѣнія и отвращенія, —только потому, что сильно нуждался въ обезпеченномъ положеніи, а это мѣсто какъ разъ было свободнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе метафизика ради куска хлѣба, метафизика противъ воли, ему самому казалось траги-комическимъ. Весь этотъ храмъ науки, членомъ котораго онъ сдѣлался, откуда было изгнано всякое живое знаніе и гдѣ ревностно занимались лишь ортодоксальнымъ богословіемъ и формальной логикой того времени,—возсталъ передъ нимъ въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ, а вслѣдъ за тѣмъ такою же представилась ему и вся сущность школъ, подготовляющая къ университету, ученые, выходившіе изъ него, адвокаты и судьи, священники, философы и доктора, всосавшіе педантизмъ изъ его пустыхъ грудей.

Въ эту-то эпоху онъ создалъ „Peder Paars", первое его бичующее слово о Даніи, гдѣ, подъ видомъ пародіи старыхъ эпопей, воспѣвая Петра, странствующаго съ цѣлью увидѣться съ своей Доротеей, онъ казнитъ духовенство, судопроизводство, военныхъ, филистеровъ и лже-ученыхъ, крестьянъ и рыбаковъ, закрѣпощенныхъ мучителей, грабителей потерпѣвшихъ крушеніе на берегахъ,—всѣ глупости и всѣ злоупотребленія.

Поэма „Peder Paars", какъ юношеское твореніе, направляетъ всю силу сатиры на старшее поколѣніе, съ его тупой косностью, съ его огрубѣлыми привычками и поблекшимъ знаніемъ, не задѣвая пороковъ и смѣшныхъ сторонъ молодого поколѣнія.

Между 1722 — 24 г. съ поражающей быстротой появляются болѣе двадцати превосходныхъ комедій Гольберга, одна за другой. Какъ будто, кѣмъ-то задуманное и 23-го сентября 1722 г. состоявшееся, открытіе датской національной сцены подняло шлюзы вышедшему изъ береговъ потоку творчества Гольберга. Отъ 37-ми до 40 лѣтъ онъ жилъ однимъ этимъ творчествомъ, въ безпрерывномъ лихорадочномъ состояніи, едва ощущая свое тѣло, но съ постоянно возобновляющимся чувствомъ просвѣтленія въ душѣ. Несмотря

на всѣ непріятности Гольберга съ театромъ, жестоко и безнадежно боровшимся съ угрожавшимъ ему банкротствомъ, не взирая на всѣ непріятности, испытываемыя за то, что онъ, профессоръ, занимался такимъ неподобающимъ дѣломъ, какъ писать пьесы для театра; несмотря на униженіе быть вынужденнымъ, какъ членъ совѣта, принимать участіе въ нелѣпыхъ и жестокихъ постановленіяхъ университета противъ бѣдныхъ студентовъ, поступавшихъ на сцену; несмотря на ненависть къ нему дѣйствительно или лишь по предположенію задѣтыхъ въ комедіи лицъ,—этотъ періодъ жизни Гольберга долженъ былъ быть счастливымъ для него; по всему вѣроятію это и былъ самый счастливый ея періодъ.

III.

Не легко составить себѣ представленіе о состояніи души Гольберга въ то время, когда онъ, такъ сказать, послѣ рутинныхъ лицъ старой комедіи сразу создалъ своего живого Генриха по подобію бергенскихъ уличныхъ мальчишекъ, и Перниллу [1]), женщину по сердцу своему, сотворенную имъ какъ бы изъ ребра его, съ тѣмъ, чтобы она была ему помощницей; когда онъ, кромѣ того, надѣлилъ своего „Оловянщика" (Kandestöberen) своимъ честолюбіемъ, а Местеръ Герта—своимъ краснорѣчіемъ; создалъ два великія чудовища: фонъ-Тюбо и Меншенъ Экрекъ; описалъ зеландскаго крестьянина въ Іеппе (Jeppe), а ютландскаго въ Студенструпе (Studenstrup), и начерталъ безсмертные силуэты Улиссо и Чильяна. Можно быть только увѣреннымъ, что душа его тогда торжествовала. Почти одновременно преподноситъ онъ копенгагенской публикѣ свои превосходныя, полныя жизни и шума зимнія картины провинціи и столицы въ комедіяхъ: „Рождественская комната" (Jule Stub) и въ „Маскарадѣ",—и нѣжныя, веселыя лѣтнія иллюстраціи городовъ и лѣсовъ въ комедіяхъ: „Одиннадцатое іюня" (Den ellevte junii) и „Путешествіе ручейка" (Kilde-Reysen). Съ необузданною рѣзвостью отдѣлывая фатовъ важною серьезностью своего школьнаго учителя или кистера, онъ всю глубину своего ума употребляетъ на созданіе вѣчно неизмѣннаго типа Эразма Монтануса и съ убѣжденнымъ чувствомъ собственнаго достоинства мститъ своимъ врагамъ въ комедіи: „Счастливое кораблекрушеніе" (Det lykkelige Skibbrud), этой самозащитѣ и апоѳеозѣ его искусства.

---

[1]) Генрихъ и Пернилла (Henrik и Pernille)—излюбленные типы слугъ у Гольберга.

Еслибы вслѣдъ за этимъ его публично увѣнчали и подняли съ тріумфомъ на рукахъ, то и это было бы недостаточной наградой и безсильною благодарностью за все, что̀ онъ подарилъ своимъ соотечественникамъ въ продолженіе этихъ лѣтъ. Но въ жизни Гольберга не было тріумфовъ, на которые можно было бы указать, и вѣнки возложили на него впервые, когда онъ лежалъ въ гробу.

Если, по справедливости, Гольберга должно признать величайшимъ изъ датскихъ писателей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ его комедіяхъ скрывался какой-нибудь новый и глубокій взглядъ на жизнь и на смерть. Онъ всегда строго держится въ границахъ своего таланта; онъ никогда не пытается написать серьезную драму, и повсюду, въ характерахъ, жизненныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ, усматриваетъ лишь безопасныя, сравнительно безвредныя безразсудства. Что̀ бы онъ ни представлялъ, все у него взято съ веселой стороны. Жизнь въ этихъ комедіяхъ представляется сценой, переполненной шутами, частью симпатичными, добродушными, частью глупыми, гдѣ стоитъ вѣчная сутолока деревенщины на рынкахъ столицы, гдѣ дураки мучатъ себя и другихъ, гдѣ простаки отдаются на произволъ своей глупости, гдѣ кишатъ пустые хвастуны и лгуны, лишенные жала, глупые недоросли, неразумные чудаки, забавные обжоры и еще болѣе забавные пьяницы, скучающіе бездѣльники, скука которыхъ веселитъ, ничтожные лицемѣры и простые, безъ труда одураченные плуты, невѣжественные, суевѣрные бѣдняки, толстолобые мѣщанскіе тузы и матроны; старыя дѣвы, изнывающія по браку; каррикатуры на шарлатановъ, на наивныхъ умниковъ, на влюбленную или ищущую развлеченія молодежь обоего пола, на шутовъ, бездѣльниковъ и негодяевъ,—однимъ словомъ, та жизнь, которая служитъ выраженіемъ естества и внутренняго развитія живыхъ людей; та, которая составляетъ ихъ дѣйствія и приключенія, ихъ желанія и разнородныя влеченія, ихъ планы и цѣли, ихъ взаимныя стремленія и недоброжелательство, ихъ шахматные ходы между собою. Смерти здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и серьезныхъ несчастій, болѣзней или горя, глубокой серьезной страсти или серьезнаго преступленія, или траги-комическаго восторга, или борьбы за жизнь, или чисто духовнаго стремленія къ образованію и проникновенію идеей, или игры сильныхъ чувствъ; нѣтъ сильнаго — не говоря уже о властномъ—влеченія воли къ могуществу и господству. И здѣсь, относительно, очень мало другого настроенія, кромѣ веселаго; тѣнь грусти встрѣчается весьма рѣдко и лишь изрѣдка блеснетъ лучъ трогательнаго. И здѣсь также нѣтъ никогда и слѣда настроенія, вызываемаго въ насъ природою. Времена года и часы

дня не играютъ другой роли, кромѣ чисто внѣшней. Открытая улица, гдѣ такъ часто у него происходитъ дѣйствіе, является не болѣе, какъ сценической обстановкой. Непогода никогда не застигаетъ никого врасплохъ; нигдѣ не видно слѣдовъ дождя или снѣга; никогда лучъ солнца или луны не падаетъ въ комнату изъ окна. Если здѣсь одинъ разъ и говорится о дождѣ, то лишь съ цѣлью обрисовать слабую, смѣшную сторону Монтануса, который промокаетъ насквозь, забывъ, въ своей ученой разсѣянности, захватить свой плащъ. Жизнь у Гольберга—это мѣщанская семейная жизнь, или крестьянская жизнь, или жизнь актеровъ, или жизнь писателей, — какая угодно, только не во французскомъ классическомъ духѣ, гдѣ жизнь никогда не бываетъ жизнью вмѣстѣ съ природой, или на лонѣ ея.

Въ жизнь у Гольберга смерть не вторгается, и оттуда изгнаны серьезная нужда и болѣзнь, серьезная страсть и грѣхъ; она устроена такимъ образомъ, что все, чтò въ глазахъ автора считается справедливымъ, всегда получаетъ полное удовлетвореніе. Пожалуй, нѣтъ другого комическаго писателя, который былъ бы болѣе оптимистъ, чѣмъ Гольбергъ. Какъ бы подавленъ онъ ни былъ лично, онъ, казалось, считалъ оптимизмъ призваніемъ и долгомъ поэта. У него всегда платится тотъ, кто заслуживаетъ наказанія. И даже если не сама добродѣтель торжествуетъ (Jule-Stub, Den pantsatte Bondedreng), то одураченные попадаются лишь сообразно своей ограниченности и легковѣрію. Такъ-называемая поэтическая справедливость постоянно и ревностно отстаивается въ комедіяхъ Гольберга.

Эта черта присуща всѣмъ его комедіямъ какъ роду искусства. Ихъ прямая цѣль—возбуждать смѣхъ. Но смѣхъ, возбуждаемый фатомъ, болтуномъ или лицемѣромъ, есть уже само по себѣ наказаніе; палочные удары, постоянное выскальзываніе изъ рукъ невѣсты или „испанскій плащъ“ [1],—все это лишь простыя послѣдствія наказанія смѣхомъ, которыя вполнѣ логично еще болѣе усиливаютъ взрывы смѣха наивной публики. Наслажденіе, преподносимое Гольбергомъ, въ концѣ концовъ, своему зрителю, это — оправданное злорадство.

Міръ, разстилающійся предъ нашими глазами, это міръ, въ которомъ безконечное безразсудство царитъ на просторѣ, но надъ которымъ, однако, витаетъ и господствуетъ разумъ, въ концѣ концовъ справляющійся съ безразсудствомъ: онъ-то и кладетъ конецъ дурачеству. А потому самое глубокое удовольствіе читателя или зрителя

[1]) Переносная висѣлица (употребительный въ то время родъ казни).

состоитъ въ томъ, что, благодаря строенію пьесы, ему постоянно кажется, будто этотъ возвышенный разумъ переселился въ его собственный мозгъ. Гольбергъ то-и-дѣло обращается къ чувству превосходства читателя надъ выведеннымъ характеромъ или даннымъ положеніемъ. Сидя постоянно лицомъ къ лицу съ этимъ комизмомъ, зритель наслаждается самимъ собою, чувствуетъ себя лучше, умнѣе, проницательнѣе и чувствительнѣе комическихъ героевъ и героинь, и наслаждается не только тѣмъ, что онъ лучше, но (какъ въ „Ulysses von Ithacia", съ его анахронизмами и несообразностями) исключительно тѣмъ, что онъ обладаетъ лучшимъ знаніемъ и лучшимъ вкусомъ—естественнымъ послѣдствіемъ перваго.

Необычайная популярность Гольберга въ немалой степени зависѣла отъ того, что въ сущности для свѣжихъ умовъ и для людей средняго образованія нѣтъ болѣе обстоятельнаго драматическаго рода искусства, какъ то чисто комическое, на которомъ онъ подвизался. Если справедливо, что геній Гольберга воспиталъ и развилъ націю, то необходимо, съ другой стороны, указать на то, какъ въ высшей степени обстоятельно было это обученіе и вся форма обращенія его къ читателю и зрителю. Онъ не принадлежитъ къ писателямъ или къ поэтамъ, цѣль которыхъ—дать почувствовать читателю его ничтожество, которымъ пріятно выставлять свое превосходство надъ нимъ или намекать на него. Наоборотъ, онъ безпрестанно обращается къ здравому смыслу, который онъ убѣжденъ всегда найти въ зрителѣ, и постоянно между строкъ говоритъ читателю: „ты и я, мы оба смѣемся надъ этими дураками".

Только при самомъ первомъ появленіи комедій могло случиться, что нѣкоторые изъ публики почувствовали себя задѣтыми и поднятыми на смѣхъ,—какой-нибудь педантъ въ родѣ Тихоніуса (Tichonius), который, пожалуй, и имѣлся въ виду. Но позже это было невозможно болѣе. Даже тотъ, кто имѣлъ свое больное мѣсто, кто былъ не чуждъ политиканства „Оловянщика" (Kandestöberen), кто не могъ отдѣлаться отъ направленія Jean de France, даже и тотъ чувствовалъ, какъ зритель, свое безконечное превосходство надъ Herten von Breven или Hans Fransen (дѣйствующія лица комедій), и, увидавъ черезъ увеличительное стекло комедіи смѣшную карикатуру своей слабости, совершенно естественно старался скрыть, подавить или даже, подъ конецъ, отдѣлаться отъ нея. Но то, чего эти пьесы не могли быстро совершить съ отдѣльными личностями, было достигнуто ими впослѣдствіи—ихъ медленнымъ и неослабнымъ вліяніемъ на поколѣніе за поколѣніемъ.

Нѣкоторыя изъ комедій Гольберга, съ чисто нравственной тен-

денціей, принадлежатъ, вмѣстѣ, и къ его наилучшимъ комедіямъ. Но въ поэтическомъ отношеніи онъ превосходнѣе всего тамъ, гдѣ возвышается надъ педагогіей, надъ заботой о томъ, что̀ хорошо или дурно, что̀ дозволено или запрещено, гдѣ онъ приближается къ тому, что̀ выше морали. Вотъ почему онъ такъ неподражаемъ въ „Улиссѣ" (Ulysses), такъ великъ въ двухъ восхитительныхъ культурныхъ картинкахъ: смѣлой комедіи „Рождественская комната" и брызжущей юморомъ „Родильной комнатѣ" (Barselstue). Съ художественной точки зрѣнія, оцѣнивающей архитектуру драматическаго построенія, эти мастерскія произведенія покажутся довольно слабыми, но въ поэтическомъ отношеніи нѣтъ болѣе превосходныхъ. Наблюдательность, богатѣйшій даръ характеристики, беззавѣтная веселость и рѣзвое остроуміе, блещущія въ обѣихъ этихъ галереяхъ лицъ, нравовъ и обычаевъ исчезнувшаго прошлаго, ставятъ ихъ немногимъ ниже „Монтануса" и несравненно выше разныхъ правильно задуманныхъ и такъ же правильно выполненныхъ педагогическихъ комедій въ родѣ комедіи: „Арабскій порошокъ" и „Безъ головы и безъ хвоста" (Det arabiske Pulver и Uden Hoved og Hole).

IV.

Чувство комизма—совершенно особенное, смѣшанное чувство, вызываемое тѣмъ, что одинъ и тотъ же предметъ одновременно порождаетъ въ насъ чувство удовольствія и неудовольствія, пріятное и непріятное ощущеніе; при этомъ оба эти чувства немногимъ разнятся въ силѣ между собою, но послѣ взаимной борьбы пріятное беретъ перевѣсъ, будучи усилено и какъ бы приправлено побѣдой надъ непріятнымъ ощущеніемъ.

Гольбергъ забавлялъ не только своихъ современниковъ, но забавляетъ и до-нынѣ именно этимъ чувствомъ пріятнаго и непріятнаго въ ихъ взаимномъ отношеніи, которое вызывается его комизмомъ. Если онъ, вообще, извѣстными пьесами или извѣстными подробностями не можетъ уже болѣе смѣшить, или если онъ, напримѣръ, не забавляетъ теперь утонченныя и въ условныхъ предразсудкахъ воспитанныя натуры, то причина этому та, что въ этихъ случаяхъ и для такихъ зрителей, по крайней мѣрѣ, внутренняя игра комизма, борьба чувствъ, пропадаетъ и, слѣдовательно, остается только одно неудовольствіе, какъ преобладающее.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что̀ сохраняется и что̀ пропадаетъ въ его комизмѣ.

Пьянство въ „Іеппе на горѣ“ (Jeppe paa Bjerget) настолько вызываетъ непріятное чувство, насколько всякое пьянство вообще противно развитому человѣку; но въ комедіи оно не только безвредно и невинно, а служитъ даже необходимымъ условіемъ, чтобы вообще добиться дѣйствія комизма; оно вдобавокъ чрезвычайно забавно. Винные пары дѣлаютъ героя не только постоянно невмѣняемымъ,— они пробуждаютъ въ немъ остроуміе, хитрость, юморъ; они подчеркиваютъ какъ его наивность, такъ и изворотливость, увеличивая тѣмъ ихъ силу дѣйствія. Зритель не успѣлъ еще найти пьяницу противнымъ, какъ уже нашелъ его интереснымъ. И все, чтò Іеппе говоритъ, даже самое несообразное, — чтò, какъ таковое, не можетъ нравиться,—съ извѣстной стороны, взятое хотя бы съ точки зрѣнія самого Іеппе, такъ правдоподобно, что невольно плѣняетъ. Когда онъ говоритъ о себѣ какъ о пассивной аренѣ, въ которой происходитъ взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ его тѣла, когда онъ утверждаетъ, что желудокъ и ноги тянутъ его въ кабакъ, а спину—въ полицію, то это псевдо-наивное объясненіе борьбы между желаніями и трусостью представляется попеременно то невозможнымъ, то опять вѣроятнымъ, то пустымъ вздоромъ, то хитрой уловкой, шутовствомъ, бредомъ бѣлой горячки и удачной шуткой, быстро мѣняясь въ одно и то же мгновеніе, пока не осилитъ все это впечатлѣніе комизма и не станетъ преобладающимъ, ритмически прерывающимся чувствомъ удовольствія, разрѣшающагося смѣхомъ.

То же впечатлѣніе въ еще бòльшей степени производитъ цѣльность характеровъ. „Дьякъ Петръ“ (Per Degn) забавляетъ безпрерывно, потому что, съ увѣренностью наивнаго самомнѣнія, онъ постоянно, съ первой минуты, придаетъ извѣстный вѣсъ своимъ словамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, по крайней мѣрѣ, ему удается посредствомъ точной связи между его представленіями и мыслями заразить насъ своею самоувѣренностью и навязать намъ свои взгляды, какъ правдоподобные; мы, взрывомъ смѣха, выбрасываемъ ихъ изъ своего сознанія; они возвращаются для новаго созерцанія—какъ возможные и разумные съ точки зрѣнія дьяка, какъ родственные съ выходками намъ знакомыми, къ которымъ мы привыкли по ходу мыслей окружающихъ насъ, и вновь выбрасываются отрывистыми толчками смѣха. Это та же исторія, какъ съ медвѣдемъ, который головой отталкиваетъ чурбанъ, повѣшенный на веревкѣ передъ ульемъ: чурбанъ бьетъ, а медъ услаждаетъ; чурбанъ падаетъ вновь, снова отталкивается;—разница въ томъ, что чурбанъ и медъ иначе кончаютъ здѣсь, чѣмъ въ баснѣ, и въ

концѣ концовъ побѣдителемъ является въ комедіи не чурбанъ, а медъ.

Въ выдающихся положеніяхъ другой комедіи: „Эразмъ Монтанусъ“, главное удовольствіе зрителя состоитъ въ томъ, что непріятное чувство, вызываемое педантичною важностью главнаго дѣйствующаго лица, частью теряется въ удовольствіи, какое возбуждаетъ Яковъ, наивно разбивающій его разсужденія; частью же оно расходится отъ восхищенія кистеромъ, который неутомимо и безстрашно, превосходя парадоксы противника несравненно болѣе дикими нелѣпостями, побѣждаетъ ими и находитъ оправданіе имъ въ средѣ даннаго круга слушателей.

Наказаніе Эразма, заключенное въ формѣ обоюдоостраго діалога, столь богатаго внутренними противорѣчіями и приводящее поэтому въ движеніе такой громадный механизмъ сложныхъ чувствъ пріятнаго и непріятнаго,—это наказаніе есть наказаніе и до-нынѣ единственно соотвѣтствующее. Палочные удары, наоборотъ, не имѣютъ болѣе никакого значенія для насъ, такъ какъ въ чувствахъ, которыя они вызываютъ, нѣтъ никакой игры, нѣтъ соревнованія, а потому такія чувства непріятны.

Эта сторона въ комедіяхъ Гольберга вредитъ имъ въ глазахъ потомства. Иногда и онъ самъ доходитъ до того, что принимаетъ плоскость за остроуміе (мы, напримѣръ, не въ состояніи болѣе смѣяться надъ грубыми латинскими ругательствами, которыя Патроніусъ, въ „Jaboc von Tyboc“, продаетъ Петру, вмѣсто оды); еще чаще равнодушіе современнаго зрителя объясняется его болѣе утонченной нервной системой въ сравненіи съ первоначальными зрителями. Намъ часто кажется ребяческимъ и тривіальнымъ то, чтѣ когда-то стояло на одной высотѣ со степенью образованія публики или было даже значительно выше этого средняго уровня. Противъ этого ничего нельзя сказать, въ этомъ не виноватъ ни Гольбергъ, ни мы. Вина кроется въ условіяхъ времени, обойти которыя вполнѣ не удавалось даже самымъ превосходнымъ произведеніямъ искусства. Но вотъ чтѣ составляетъ исключительную вину современнаго читателя или читательницы—это недостатокъ истиннаго образованія, которое пугается смѣлой шутки, чопорность, которая легко возмущается, распущенность, скучающая при вольной рѣчи безъ скабрезности; наконецъ, непониманіе колорита величія, которое не носитъ сѣрыхъ, безцвѣтныхъ одеждъ нашего времени, но облечено въ пестрый и столь чуждый намъ костюмъ начала XVIII-го столѣтія.

V.

Гольберга основательнѣе можно узнать въ комедіяхъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ его сочиненіяхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Въ комедіяхъ мы можемъ изучать его взгляды на то, какъ должно относиться ко всему, что имѣетъ силу въ жизни, и знакомимся съ его представленіями различныхъ человѣческихъ душевныхъ настроеній и стремленій въ дѣйствіи и взаимной ихъ борьбѣ между собой. Тотъ, кто желалъ бы, напримѣръ, уяснить себѣ взглядъ Гольберга на политику, получилъ бы указаніе въ его „Оловянщикѣ“ (Kandestöberen), съ великимъ юморомъ проповѣдующемъ пользу спеціальной политической науки, и въ „Іеппе на горѣ“ (Jeppe paa Bjerget), гдѣ герой задается цѣлью предостерегать всѣхъ отъ расшатыванія основъ общества, его порядка и обычаевъ, которымъ въ то время, конечно, ничто и не угрожало; мораль этой пьесы является, впрочемъ, немного некстати, такъ какъ бѣдный Іеппе ни одной минуты не мечталъ возложить на себя баронскую корону съ семью шариками.

Хотя Гольбергъ и не считаетъ возможнымъ предоставить власть ремесленникамъ и крестьянамъ, но его Донъ Ранудо доказываетъ, что авторъ настолько же былъ бы далекъ и отъ признанія родовой аристократіи. Его политика—это прямое и очевидное указаніе на необходимость освобожденія средняго класса отъ всякаго давленія аристократіи и дѣтски-довѣрчиваго предоставленія себя абсолютной власти короля.

Комедіи Гольберга: „Безъ головы и хвоста“ (Uden Hoved og Hole), „Колдовство или фальшивая тревога“ (Hexeri eller blind Allarm) и „Арабскій порошокъ“ (Det arabiske Pulver)—выражаютъ отношеніе автора къ религіи, вѣрѣ и суевѣрію. Первая есть прославленіе золотой середины между вѣрой во все сверхъестественное и поголовнымъ отрицаніемъ. Въ ней онъ доказываетъ, какъ наклонность къ суевѣрію со всею страстностью дѣлаетъ всякаго жертвою обманщиковъ; когда же злоупотребленія обнаруживаются, такое лицо быстро переходитъ въ противоположную крайность. Въ другомъ примѣрѣ онъ изображаетъ, какъ шатко безвѣріе по принципу, если оно не есть результатъ убѣжденія, добытаго борьбой, а лишь признакъ извѣстнаго легкомыслія, быстро побѣждающаго всѣ затрудненія, и какъ оно легко превращается въ самое невѣжественное ханжество. Свой собственный образъ мыслей, — а именно, скептицизмъ, который не рискуетъ отрицать по принципу, и есть единственно разумный, по его мнѣ-

нію, — онъ, къ сожалѣнію, выражаетъ устами мало интереснаго Овидія, который стоитъ гораздо ниже комедіи „Счастливое кораблекрушеніе“, гдѣ Филемонъ является несравненно человѣчнѣе. Но если припомнить, что самъ Гольбергъ, безусловно отрицавшій большинство исторій о привидѣніяхъ, не рѣшался, однако, отрицать самаго существованія привидѣній, и даже болѣе—твердо вѣрилъ, что самъ видѣлъ одно изъ нихъ, то поймешь, что въ безкровномъ Овидіѣ гораздо болѣе собственнаго естества автора, чѣмъ можно было ожидать. „Колдовство или фальшивая тревога“ несравненно лучшая комедія; она вся цѣликомъ—веселый вкладъ въ театральный репертуаръ противъ суевѣрія, этого главнаго врага культуры и искусства въ тѣ времена.

Взглядъ Гольберга на сущность поэзіи, а главнымъ образомъ на сущность комедіи, совершенно ясно выраженъ въ „Счастливомъ кораблекрушеніи“ и въ „Улиссѣ“ и нѣсколько менѣе удачно въ „Мелампе“. Онъ отстаиваетъ нравственную задачу правдолюбивой сатиры и съ одинаковой силой осыпаетъ насмѣшками какъ аффектированный трагическій паѳосъ, такъ и театральную фантастику, нарушающіе порядокъ дѣйствительности и правила классицизма.

Въ мірѣ животномъ, лежащемъ въ основѣ человѣческаго міра, построеннаго на немъ, — существуютъ два великихъ двигателя: голодъ и физическая любовь. Въ обществѣ же, принадлежащемъ нашему столѣтію, страсть къ деньгамъ, къ наслажденіямъ и погоня за почетомъ и властью—вотъ основныя стремленія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу и служащія причиной громаднаго большинства комическихъ и трагическихъ, трогательныхъ и отвратительныхъ зрѣлищъ, которыхъ мы часто являемся свидѣтелями въ наши дни.

Для Гольберга общество представлялось не такимъ. Въ его время оно вѣроятно и не было таково, такъ какъ конкурренція была несравненно менѣе остра. Страсть къ деньгамъ играетъ сравнительно незначительную роль въ сферѣ его комедій. Она воодушевляетъ единственнаго грязнаго негодяя Розифленгіуса, стараго лицемѣра Іеронима и цѣлую массу бѣдныхъ вертопраховъ и плутовъ. Она не совсѣмъ чужда Генриху (всего менѣе ей поддается „Оловянщикъ“), хотя у Генриха въ качествѣ ловкаго лакея она не слишкомъ выдается. У Полидора, единственнаго, всецѣло отдающагося любви къ золоту, она вовсе исчезаетъ, но только потому, что онъ живетъ надеждою на магическое всемогущество и силу алхиміи.

Такъ какъ Гольбергъ изображаетъ постоянно чисто датскія натуры, т.-е. натуры слабыя и робкія,—вмѣсто воли, обладающія

упрямствомъ, и вмѣсто страсти—тщеславіемъ, то и жизнь въ его комедіяхъ не обнаруживаетъ стремленія къ власти. По ней вздыхаетъ одинъ лишь „Оловянщикъ“, но даже и для него достиженіе власти почти всецѣло есть дѣло тщеславія.

Гольбергъ, повидимому, придавалъ несравненно болѣе глубокое значеніе физической любви, какъ двигательному колесу въ міровомъ механизмѣ. Отчасти благодаря общепринятымъ драматическимъ условіямъ, обойти которыхъ онъ не могъ,—онъ не только почти повсюду сосредоточиваетъ главный интересъ комедій на обоюдномъ стремленіи двухъ любящихъ сердецъ, но всѣ пьесы его насквозь пропитаны смѣлыми и грубоватыми намеками на любовныя отношенія; видно, что воображеніе его было занято, переполнено этимъ мотивомъ. Насколько ему было трудно изображать болѣе тонкій, разнообразный и глубокій эротизмъ, настолько онъ хорошо былъ посвященъ во все, что затрогиваетъ любовь обоихъ половъ, во все, о чемъ безъ стѣсненія говорятъ горничныя и дворники, лакеи и мужики, мѣщане и ремесленники, помѣщики и актеры, шуты, падшія женщины и старыя бабы; онъ смѣло и ни на что не обращая вниманія выражается языкомъ тогдашнихъ улицъ и гостиныхъ, даже языкомъ лакейскихъ и кухонь, — но говоритъ такъ, что самъ не производитъ впечатлѣнія сильно чувственной натуры: его натура такъ же мало чувственная, какъ и нѣжно эротическая; вездѣ чувствуется болѣе юмористическій наблюдатель, которому все хорошо извѣстно, который даже въ отвлеченномъ мышленіи свысока смотритъ на всю эту суету, и отъ проницательнаго взгляда котораго не скрыты всѣ ея смѣшныя стороны,—онъ всегда готовъ на улыбку и на шутку.

Интересно видѣть, съ какою рѣшительностью Гольбергъ, начавшій писать комедіи почти сорока лѣтъ отъ роду, въ великой борьбѣ между стремленіями молодости, съ ея влюбчивостью и жаждой наслажденій, и строгостью старости, съ ея безсиліемъ, прикрытымъ моралью, съ ея серьезностью, выражающеюся въ ворчливомъ настроеніи духа, — повсюду и настойчиво въ каждомъ спорномъ пунктѣ беретъ сторону молодежи. Вотъ какъ говоритъ его Леонардъ въ „Маскарадѣ“: — „Онъ еще исправится, зять. Вѣдь и мы, въ молодости, до тѣхъ поръ не отворачивались отъ свѣта, пока свѣтъ самъ не повернулъ намъ спину. Будь мы опять свѣжи и веселы, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, мы опять пошли бы въ маскарадъ; когда мы преслѣдуемъ нашихъ дѣтей за тѣ самыя удовольствія, которыми сами пользовались въ молодости, и для которыхъ теперь уже устарѣли, то можно думать, что мы поступаемъ такъ изъ одной зависти. Мы

похожи на того, который осуждалъ танцы, потому что у него были мозоли на ногахъ".

Начни сѣверный писатель нашихъ дней писать въ годы Гольберга, онъ, конечно, не сталъ бы говорить и думать, какъ его Генрихъ или Леонардъ, а какъ Іеронимусъ, и именно тогда, когда онъ наиболѣе полонъ важности. Но Гольбергъ гораздо выше этихъ созданій своихъ. Прочтите сцену между Іеронимусомъ и Генрихомъ въ комедіи: „Дидрихъ-пугало" (Diderich Menschen Skrak):

Генрихъ.

— Развѣ отца не радуетъ то, что сынъ идетъ по его стопамъ? Не разсказывалъ ли самъ г. Іеронимусъ, что онъ съума сходилъ по одной дамѣ за границей?

Іеронимусъ (грозя палкой).

— Смѣешь ты, песъ, попрекать меня...

Генрихъ.

— И не думаю. Я говорю это въ похвалу г. Іеронимусу; по моему, молодой человѣкъ, который не знаетъ, что̀ такое любовь, не стоитъ ни гроша.

Іеронимусъ.

— Любовь и любовь—двѣ вещи разныя... Я самъ сумасшествовалъ въ юности, я признаю мои ошибки; но я оплакалъ свои грѣхи и принесъ покаяніе за нихъ.

Генрихъ.

— Г-нъ Леандеръ тоже покается, когда состарится.

Гольбергъ обыкновенно избираетъ пожилого терпѣливаго гражданина или расторопнаго слугу для проявленія посредствомъ ихъ своего сочувствія къ праву пользоваться жизнью. Наоборотъ, онъ весьма рѣдко, почти никогда не умѣлъ пользоваться наивностью и ея божественной простотой и чистотой, чтобы сорвать маску съ условности и лицемѣрія. Зачастую настоящая дѣтская невинность замѣняется у него (какъ у Лафонтэна) ложною наивностью. Всего удачнѣе въ этомъ отношеніи Яковъ въ комедіи „Эразмъ Монтанусъ". Гольбергъ, выводящій иногда на сцену дѣтей,—какъ въ „Рождественской комнатѣ" (Jule-stub), никогда не умѣлъ пользоваться преимуществомъ ихъ наивности. Здѣсь чувствуется холостякъ, не имѣющій случая постоянно, ежедневно наблюдать. Дѣти его механически и комично повторяютъ скудныя ученыя истины своего школьнаго учителя; пользоваться же первобытнымъ разумомъ наивности, который часто такъ же мѣтко, какъ и безсознательно, попадаетъ прямо въ цѣль,—великій поэтъ, представитель разума, — не умѣлъ.

Но вотъ все-таки что, главное, бросается въ глаза современному читателю: міръ не представлялся Гольбергу полнымъ людей, бросающихся очертя голову въ комическую и не знающую покоя погоню за деньгами и за тѣмъ, что цѣнится людьми,—за грубыми и болѣе тонкими наслажденіями, за продолжительнымъ и мимолетнымъ счастьемъ, за почетомъ и властью. Міръ представлялся ему полнымъ людей, которые почти во всемъ и вездѣ хотятъ казаться не тѣмъ, чѣмъ они есть, а чѣмъ-то большимъ, и которые по глупости (какъ Дьякъ Петръ) или по чудачеству (какъ Фильгетрей) поступаютъ безтолково, неразумно. Одни желаютъ лишь казаться, какъ Jean de France, Яковъ фонъ-Тюбо, Донъ Ранудо или Іеронимъ въ „Благородной амбиціи"; другіе — бѣдные невѣжды, не понимающіе собственнаго положенія (Оловянщикъ, Іеппе); нѣкоторые — просто чудаки, какъ „Непостоянная", или „Золотыхъ дѣлъ мастеръ",—или маніаки, какъ Гертъ Вестфалеръ, или преслѣдуемые одной idée fixe, какъ воображающій себя рогоносцемъ герой въ комедіи „Родильная комната" (Barselstub). Другими словами: глаза и умъ Гольберга воспринимаютъ интеллектуальныя глупости, логическія несообразности. Это то, что онъ предпочтительно видитъ во всей вселенной. Міръ не кажется ему одержимымъ страстями, онъ не представляется ему ни дурнымъ, ни хорошимъ, ни великимъ и возвышеннымъ, ни ужаснымъ или страшнымъ, а безтолковымъ и смѣшнымъ,—убѣжищемъ глупцовъ и потому достойнымъ смѣха. Міръ смѣшонъ. Сдѣлать его посмѣшищемъ—значитъ оцѣнить его по достоинству и заплатить за него его же собственной монетой.

— „Ступай же на подмостки, — думалось, вѣроятно, Гольбергу,—о ты, міръ закоснѣлыхъ ограниченностей, міръ самодовольныхъ дураковъ, міръ смѣшныхъ фатовъ и полоумныхъ хвастуновъ-педантовъ въ черной и красной одеждѣ! Ты такой танецъ запляшешь подъ звуки смычка одинокаго скрипача, что самъ удивишься! Да, ты запляшешь, шутъ землякъ! Ты, Гансъ, — и ты, Петръ,—ты, Эразмъ, и ты, Ранудо! И ты, милая землячка, какъ бы тебя ни звали; ты, Ингеборгъ кровельщика, ты, Анна—оловянщика, ты, Аріанна—типографщика, ты, Эльза—школьнаго учителя; вы всѣ, Олегарды, Доротеи и всѣ прочія прелестныя двуногія! Придется вамъ раскрыть вашу сокровеннѣйшую душу; пусть всякій видитъ пустоту, составляющую ея единственное содержаніе. Волна смѣха, широкая и могучая, какъ разливъ, ровно и тихо, но неудержимо покатится по странѣ, зальетъ васъ, выполощетъ, выкупаетъ и очиститъ васъ, повсюду осаждая свою ѣдкую соль".

VI.

И вотъ, по мановенію генія, возникъ датскій народный театръ въ началѣ прошедшаго вѣка. И народъ стекался, восхищался, смѣялся и сердился, немного понимая то, что онъ видѣлъ и слышалъ на сценѣ; затѣмъ уходилъ развеселенный и скоро забывалъ видѣнное, считая датскую сцену увеселительнымъ заведеніемъ средней руки. Тогда никто не былъ еще въ состояніи подняться до мысли, что у публики есть обязательства къ театру, что она обязана помогать и поддерживать его, а не равнодушно относиться къ его шаткому положенію на краю банкротства, къ тому, что онъ время отъ времени принужденъ былъ закрываться и, наконецъ, просуществовавъ всего четыре года, погибъ, окончательно, завершивъ свою дѣятельность 25-го февраля 1727 г. грустно-веселой комедіей Гольберга: „Похороны датской комедіи“ (Den Dancske Comoedies Liigbegiongelse).

Годъ спустя, копенгагенскій пожаръ, какъ извѣстно, сдѣлалъ и вовсе невозможнымъ продолженіе театральныхъ представленій.

Начиная съ 1728 года и во все время царствованія Христіана VI-го, неограниченно господствовало вліяніе духовенства, и поэтому всѣ, и при дворѣ, и въ обществѣ, смотрѣли на комедію какъ на противную добрымъ нравамъ, соблазнительную вещь.

Какъ Гольбергъ ни чувствовалъ себя глубоко связаннымъ съ датскимъ театромъ, онъ вынужденъ былъ замолкнуть, какъ драматическій писатель.

Это почти единственное въ своемъ родѣ явленіе, подобное которому трудно найти въ другой странѣ. Припомнимъ для сравненія борьбу Мольера, желающаго добиться постановки „Тартюфа“, или энергическое, многолѣтнее стараніе Бомарше, чтобы „Фигаро“ былъ принятъ на сцену. Но тутъ мы видимъ нѣчто оригинальное: подарить народу литературу, театръ, открыть свою превосходнѣйшую дѣятельность 37-ми лѣтъ отъ роду—и справить тризну по ней всего четыре года спустя! Впрочемъ, въ сущности погребальный звонъ раздавался все время, за исключеніемъ лишь половины перваго года. Былъ ли примѣръ въ какой-либо другой странѣ, гдѣ высшее общество, въ связи съ незрѣлымъ народомъ, хуже обошлось бы съ цвѣтущимъ геніемъ, съ первымъ писателемъ своей страны? Другимъ приходилось бороться съ нуждой, съ врагами,—они съ чисто внѣшней стороны страдали даже болѣе отъ совершенно другого рода зла; но гдѣ найдется параллель этому? Гольбергъ пишетъ первыя поэмы, которыя можно было,

наконецъ, читать; какъ бы случайно,—потому лишь, что нѣкоторымъ актерамъ вздумалось выстроить театръ, — онъ вводитъ совершенно новый родъ искусства; пишетъ, для начала, десятка два мастерскихъ сочиненій, еще во цвѣтѣ лѣтъ, сорока съ небольшимъ отъ роду, и изъ его жизни, какъ драматическаго писателя, вырываютъ потомъ двадцать лѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ! Піэтизмъ отсылаетъ его драматическаго генія въ исправительный домъ на двадцать лѣтъ ученой каторги, сажаетъ его въ одиночное заключеніе ученой камеры, присуждаетъ его къ одиночеству, къ молчанію.

И геній этотъ хирѣетъ мало-по-малу, но онъ такъ еще живучъ, такъ жаждетъ общительности, что, освободившись изъ одиночнаго заключенія, ослабленный и убѣленный сѣдинами, но съ увѣренностью незаблуждающагося инстинкта, вновь обращается къ театру и старческой, дрожащей рукой набрасываетъ послѣднія сцены и выводитъ новыя лица.

Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ періодомъ своего драматическаго творчества Гольбергъ, давно уже перемѣщенный съ метафизической каѳедры на историческую, почти исключительно отдается научному изслѣдованію и является авторомъ историческихъ, популярно-философскихъ и журнальныхъ работъ. Онъ издалъ въ это время свою исторію Даніи, исторію церкви, исторію героевъ и героинь, описаніе Бергена, мысли о нравственности, свое многотомное собраніе писемъ и т. д., и одно лишь смѣлое поэтическое сочиненіе, написанное, однако, по латыни: „Нильсъ Климъ“ (Niels Klim)—философскій, аллегорическій романъ, который, описывая образъ жизни фантастическихъ обществъ и сказочныхъ народовъ, косвенно придалъ условное значеніе тому, что на родинѣ слыло за абсолютно необходимое, и представилъ его въ ироническомъ свѣтѣ.

Неудовольствіемъ, которое вызвалъ этотъ романъ и тѣмъ, какимъ образомъ онъ подготовилъ публику къ послѣдней группѣ драматическихъ произведеній Гольберга, „Niels Klim“ напоминаетъ роль „Peder Paars’a“ въ его юношескомъ творчествѣ. Какъ въ прежнее время Ростгардъ и Грамъ старались добиться запрещенія поэмы „Peder Paars“, такъ теперь придворные духовники Блуме и Понтопиданъ интриговали противъ романа „Нильсъ Климъ“. Къ счастью Гольберга послѣдняя попытка не удалась, также какъ и первая. Какъ „Pader Paars“ заключаетъ въ себѣ контуры „Оловянщика“, „Гертъ Вестфалера“, „Дьяка Петра“ и зародыши „Перниллы“, „Дидериха-Пугало“ и „Филемона“, — такъ въ „Нильсъ Климѣ“ зарождается — частью непосредственно, частью

благодаря изученію, по поводу этого романа, Лукана и др.,—если не весь планъ, то все-таки многочисленныя частности комедій его преклоннаго возраста: „Философъ въ собственномъ воображеніи", „Путешествіе Сганарелля въ философскую страну", „Республика" и „Plutus".

Когда, съ воцареніемъ Фридриха V-го въ 1747 г., театръ открылся вновь, Гольбергъ поднесъ ему послѣдніе отпрыски своего духовнаго древа, блѣдныхъ дѣтей престарѣлаго отца, въ сравненіи съ цвѣтущимъ, здоровымъ потомствомъ его болѣе юныхъ дней.

Успѣхъ ихъ былъ невеликъ, да и на произведенія его молодости уже прошла мода. Незамысловато развитая публика находила, будто Гольбергъ пережилъ самого себя въ этотъ періодъ, тогда какъ цѣлое полстолѣтіе потребовалось еще для того, чтобы развитіе датскаго общества дошло до той высоты, съ которой всѣ начали вполнѣ понимать его. Подобно тому, какъ Мольеръ былъ вытѣсненъ Детушемъ, такъ и Гольбергъ былъ вытѣсненъ частью народными балаганными пьесами, съ ихъ ничтожной обстановкой,—частью новой французской комедіей, съ ея важною чопорностью. Генрихъ, въ „Оловянщикѣ", выступающій на сцену нечесанный и съ голыми руками, отталкивалъ публику. Вотъ причина, почему послѣднія письма Гольберга переполнены горькими жалобами:—„Оригинальныя творенія наши швыряютъ за окно"; имъ предпочитаютъ „плохо задуманныя пьесы шарлатановъ". Послѣднія слова, начертанныя его перомъ, это — горькій вздохъ его мукъ: „Теперь не спрашиваютъ болѣе—хорошо ли, дурно ли написана пьеса, а есть ли въ концѣ танцы и пѣсни"... „Всякій писака можетъ взяться за писаніе комедій, не боясь потерять свой трудъ даромъ, какъ бы худосоченъ, ничтоженъ и безсвязенъ онъ ни былъ", и т. д. (593-е, послѣднее письмо, напечатанное послѣ его смерти).

Разумѣется, въ ту эпоху могло быть не мало людей, съ интересомъ читавшихъ его книги, иначе сравнительно сильный сбытъ ихъ былъ бы необъяснимъ. Но въ то время, когда сочиненія его были на пути къ тому, чтобы сдѣлаться народными книгами, онъ самъ, ни въ обществѣ, ни у ученыхъ и книжниковъ, не пользовался тѣмъ почетомъ, на который имѣлъ самое широкое право, не говоря уже о той великой славѣ, которая, много, много лѣтъ спустя послѣ его смерти, теперь осѣняетъ его имя.

Еще довольно молодымъ онъ издалъ описаніе своей жизни въ формѣ „Трехъ посланій къ знаменитому человѣку", написанное живымъ, но не безукоризненнымъ латинскимъ языкомъ. Ему не прощали ни промаховъ въ латыни, ни того, что онъ занялъ читающій міръ частною личностью; его укоряли въ самовосхва-

леніи, его обвиняли въ желаніи растрогать сердца своими жалобами на враговъ.

Правда, вслѣдствіе своего стремленія обнять какъ можно болѣе предметовъ, повсюду давать общій обзоръ, Гольбергъ время отъ времени въ своихъ сочиненіяхъ не былъ точенъ, особенно что касается древняго періода, и это наиболѣе замѣтно въ его статистическо-топографическомъ сочиненіи: „Описаніе Даніи и Норвегіи"; поэтому обвиненія въ томъ, что у него вообще не было глубокой основательности, имѣли для себя нѣкоторую почву.

Наконецъ, благодаря его нерасположенію къ вѣрѣ въ авторитетъ и его вѣрѣ въ разумъ, который, по его мнѣнію, есть ядро религіи и морали, онъ былъ заподозрѣнъ какъ вольнодумецъ, —и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе тогда росла религіозная реакція.

Гольбергъ уже давно сложилъ съ себя профессуру. Онъ никакъ не могъ усвоить себѣ рѣзко-критическую методу, введенную Грамомъ въ историческое изслѣдованіе; онъ въ свое время дѣйствовалъ болѣе какъ учитель и писатель, нежели какъ изслѣдователь и ученый; дѣйствовалъ болѣе просвѣтительнымъ взглядомъ, чѣмъ проникновеніемъ въ предметъ, строго отдающимъ себѣ отчетъ; потому, какъ только онъ увидѣлъ себя превзойденнымъ въ исторической критикѣ, онъ бросилъ исторію Даніи и промѣнялъ профессуру на должность квестора [1]).

Онъ былъ дѣльный финансистъ, какъ въ своихъ, такъ и въ чужихъ денежныхъ дѣлахъ; былъ первый и, пожалуй, единственный до сихъ поръ датскій писатель, составившій себѣ состояніе своими сочиненіями; онъ помѣстилъ свой капиталъ въ земельную собственность, купивъ имѣніе Терслёзе (Tersloisëgaard), гдѣ проводилъ обыкновенно лѣто; на шестьдесятъ-третьемъ году онъ заставилъ короля Фридриха V возвести его въ баронское достоинство и завѣщалъ весь свой капиталъ, недвижимость и наличныя деньги новой академіи Соре (Sorö Akademie), такъ что, еще при жизни его, академія уже должна была пользоваться процентами съ его капитала.

Повидимому, добиваясь баронскаго достоинства, онъ слѣдовалъ тому же честолюбивому стремленію, которое всю жизнь внушало ему желаніе испробовать свои силы во всевозможныхъ отрасляхъ, и ревностно желалъ отличиться на всякомъ доступномъ ему поприщѣ, гдѣ кто-либо другой успѣлъ уже отличиться. Онъ хотѣлъ, кромѣ того, сдѣлаться барономъ и по чисто внѣшней причинѣ,—чтобы доказать, какъ собственными силами и умомъ онъ

---

[1]) Казначей университета.

изъ бѣднаго и низменнаго положенія поднялся до высоты, превосходящей общій уровень ученыхъ сословій въ странѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы изящная литература получила патентъ дворянства въ его лицѣ; это удовлетворяло его, какъ отмщеніе всѣмъ презиравшимъ театръ и ненавидѣвшимъ его. Съ его великимъ учителемъ—Мольеромъ—обошлись какъ съ бродягой-цыганомъ; ему даже отказали въ приличной могилѣ, которой удостоивался каждый. Гольбергъ долженъ былъ доказать, что авторъ комедій можетъ обезпечить себѣ положеніе наравнѣ съ носящими щитъ съ дворянскимъ гербомъ. Одинъ титулъ не удовлетворилъ бы его, но разъ онъ по общимъ условіямъ былъ барономъ, т.-е. обладалъ требуемымъ для этого количествомъ земли,—онъ хотѣлъ быть имъ и по имени.

Современниковъ удивляло и отталкивало не то, что Гольбергъ былъ настолько тщеславенъ, чтобы жаждать титула, но то, что у него недоставало гордости, чтобы не обращать на титулъ вовсе вниманія. Дѣйствительно, немного обидно, что онъ подобнаго рода честь ставилъ на одну доску съ своими заслугами. Однако совершенно неразумно прилагать къ Гольбергу въ тѣ времена большій масштабъ, чѣмъ гораздо позднѣе прилагали къ Гёте, Шиллеру и Виктору Гюго. Что Гёте и Шиллеръ искали дворянства, это не находили страннымъ, и мало найдется порицающихъ В. Гюго за то, что онъ согласился быть пэромъ Франціи.

И любопытно, что Гольбергъ, получивъ гербъ, выставилъ въ немъ свою поэтическую (а не ученую) дѣятельность, какъ существенный аргументъ на право дворянства, — равно какъ и свое норвежское происхожденіе. Сосна (въ гербѣ его), очевидно, изображаетъ Норвегію; лира—поэзію, а „пустая гора"—безъ сомнѣнія, намекъ на самое имя (Holberg).

Не трудно было ожидать, что Гольбергу поставятъ въ упрекъ возведеніе его въ дворянство. Какъ доказательство противъ него приводили комедію: „Благородная амбиція" (Den honette Ambition), несмотря на то, что между его судьбою и этою комедіею не было ни малѣйшаго сходства. Въ одномъ процессѣ, который Гольбергъ, какъ помѣщикъ, велъ противъ одного плута-фохта [1]), ему пришлось даже выслушать насмѣшки надъ своимъ титуломъ барона. Защитникъ фохта, ведшій дѣло отъ имени его, былъ самъ фохтомъ (Foged) и претендовалъ на Гольберга за безчисленные нападки его на сословіе, къ которому принадлежалъ, въ „Описаніи Норвегіи и Швеціи" и въ комедіяхъ. Въ своемъ показаніи защитникъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сравнить баро-

---

[1]) Родъ старосты, управляющаго имѣніемъ.

низованнаго поэта съ его собственнымъ Іеппе (Jeppe paa Bjerget): этотъ, будучи барономъ, допрашиваетъ своего фохта, котораго онъ желалъ видѣть повѣшеннымъ, и на вопросъ подсудимаго: что же сдѣлалъ онъ злого, отвѣчаетъ коротко: — „А развѣ ты не фохтъ, и еще спрашиваешь?!. Ты, который носишь литыя серебряныя пуговицы", и т. д.

Какой-то французъ, по имени Бомель (Beaumelle), издававшій въ Даніи маленькую, занимавшуюся сплетнями, французскую газету „La Spectatrice danoise", сталъ въ то время органомъ сужденія высшаго общества о Гольбергѣ. Онъ нападалъ на него подъ именемъ Плавтиберга (Plavtiberg),—обвиняя его тѣмъ самымъ въ непозволительномъ заимствованіи положеній и характеровъ изъ сочиненій Плавта. Бомель характеризуетъ Плавтиберга какъ „пишущаго во всевозможныхъ родахъ и не отличающагося ни въ одномъ изъ нихъ; это—гуманистъ, философъ, богословъ, беллетристъ, сатирикъ, юристъ и моралистъ, обогащающійся плагіатами". Гольбергъ обвиняется въ томъ, что, какъ Детушъ, въ сужденіяхъ своихъ о соотечественникахъ и французахъ руководится одною завистью, и далѣе, „что онъ умаляетъ достоинство другихъ сочиненій, а въ особенности иностранныхъ, потому лишь, что его собственныя перестали хвалить по мѣрѣ развитія хорошаго вкуса".

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что въ старости взглядъ Гольберга на жизнь принялъ болѣе мрачный оттѣнокъ, чѣмъ въ дни его юности, когда смѣхъ помогалъ ему разгонять печали. За десять лѣтъ до смерти своей онъ пишетъ въ „Мысляхъ о нравственности": „Счастливые дни, выпавшіе мнѣ на долю въ жизни, легко счесть. Большую часть жизни я провелъ въ заботахъ, болѣзняхъ и разочарованіяхъ во всемъ, что міръ называетъ хорошимъ. Если у другихъ бываетъ больше счастливыхъ дней, то я сердечно радъ; когда самъ постоянно страдаешь, не слѣдуетъ изъ-за этого завидовать короткимъ удовольствіямъ ближнихъ".

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ строгой замкнутости, по мѣрѣ возможности удаляясь отъ міра, котораго благодарность и вѣрность онъ успѣлъ познать, сохраняя все ту же скромность и проявляя то же усердіе, какими отличался въ молодости. Здоровье его всегда было слабо. Теперь онъ постоянно страдалъ головными болями и приступами изнурительной лихорадки, которая подъ конецъ перешла въ чахотку. Музыка, всю жизнь развлекавшая его, не доставляла ему уже прежняго удовольствія. Онъ находилъ еще утѣшеніе въ наукахъ, въ занятіяхъ древними языками, изучить которые прежде ему не удалось по

недостатку времени или интереса, но съ грустью замѣчалъ, что силы его слабѣютъ.

Гольбергъ скончался на семидесятомъ году, 28-го января 1754 года. Смерть его произвела мало впечатлѣнія. Населеніе Копенгагена отнеслось къ ней равнодушно. Печали не было въ обществѣ, и ни одно проявленіе въ честь умершаго не опредѣлило значенія этой потери. Не много было понимавшихъ, что кончилъ свои дни одинъ изъ величайшихъ людей Даніи и Норвегіи. И даже сцена, созданная Гольбергомъ, не замѣтила его исчезновенія, а девять дней спустя весь Копенгагенъ былъ на ногахъ по поводу кончины молодой и легкомысленной актрисы Тило. Гробъ ея былъ вынесенъ на рукахъ студентами; толпа, состоявшая изъ всѣхъ классовъ общества и провожавшая его, свидѣтельствовала о сочувствіи всего города. Когда же, передъ окончаніемъ года, останки Гольберга были перенесены изъ Копенгагена для погребенія въ Соре, два крестьянина, которые везли дроги, составляли всю печальную процессію.

Около 25-ти лѣтъ спустя, академія Соре рѣшила воздвигнуть памятникъ надъ гробницей Гольберга въ городской церкви, исполненный Видевельтомъ. Хорошей статуи его не существуетъ и до сихъ поръ. Единственный достойный его памятникъ, сохранившійся до-нынѣ,—тотъ, который онъ самъ воздвигнулъ себѣ въ датскомъ театрѣ.

Къ комедіямъ Гольберга можно примѣнить слова, сказанныя на другомъ языкѣ и о другомъ авторѣ: „въ каждомъ датчанинѣ или норвежцѣ, который выучивается читать, комедіи Гольберга пріобрѣтаютъ новаго читателя“.

А. Т—ва.



МУСЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

... — Да это всѣ говорятъ, Олечка, что *она* всегда спитъ въ гробу. Это не выдумки! — заговорила Прасковья Львовна, сидя въ театрѣ; она какъ-то робѣла передъ своею дочерью, стараясь ее убѣдить и въ то же время ужасаясь собственныхъ словъ, а потому понизила голосъ до драматическаго шопота.—А шампанское пьетъ съ самаго утра. Мнѣ это еще въ Москвѣ сказалъ племянникъ княгини Вѣры Петровны. „Какъ проснется, говоритъ, такъ и пьетъ".—Прасковья Львовна видимо торжествовала, что и на этотъ разъ ея свѣденія—изъ самаго вѣрнаго и прямого источника,—оправила платье и окончательно устроилась въ ложѣ на своемъ стулѣ, позади дочери.

— Вотъ бы тебѣ, Дима, съ *нею* познакомиться! — насмѣшливо обратилась къ сыну Анна Евграфовна, сидѣвшая съ дочерью въ сосѣдней ложѣ Бобрина.—У *нея* всѣ твои вкусы. И этотъ утренній „чай" оригинальный, и страсть къ дикимъ выходкамъ и сильнымъ ощущеніямъ. Знаете, Прасковья Львовна, я думала, что мой сынъ остепенится подъ вліяніемъ вашей дочки. Да куда тутъ!.. Слыхали вы, что̀ они опять третьяго-дня натворили? —Анна Евграфовна указала вѣеромъ на сына и Мириневскаго, который спокойно продолжалъ разглядывать въ бинокль противо-

---

*) См. выше: іюль, 516 стр.

положныя ложи, точно рѣчь шла не о немъ. — Чтò, хороша исторія?

Прасковья Львовна испуганно и принужденно улыбалась, очевидно еще не вполнѣ зная „исторію“, о которой говорила Неридова, но зная уже настолько, чтобы ожидать услышать что-нибудь ужасное. Но Анна Евграфовна не стала разсказывать и ограничилась только тѣмъ, что прибавила:—Ужъ, право, не знаю, чтò безразсуднѣе: это ли, или лѣтняя его продѣлка съ водолазнымъ костюмомъ. Одно одного стòитъ: на дно Невы спуститься, Богъ вѣсть для чего, и бродить тамъ средь тины; или это... Я и рукой на него махнула совсѣмъ. Богъ съ нимъ! А только какъ въ сказкахъ говорится: „не сносить ему головы“, такъ и про него надо сказать, если дальше такъ пойдетъ!—Анна Евграфовна строго и побѣдоносно оглядѣла всѣхъ, точно всѣ были передъ ней виноваты въ чемъ-то, и принялась энергично опахиваться вѣеромъ, хотя было еще совсѣмъ не жарко.

Прасковья Львовна только соболѣзнующе кивала головой въ тактъ рѣчи Неридовой.

— Нѣтъ,—прибавила Неридова, опять обращаясь къ сыну: —правду говорила твоя нянька: „ртутный“ ты у меня какой-то. Двухъ дней покойно не проживешь, все тебѣ...

— Да что же, maman, спокойно-то жить? Для чего? По моему, лучше...

— *Ея* гардеробъ, говорятъ, занялъ цѣлый вагонъ!—перебила Дмитрія Лена со своей неопредѣленной, полу-равнодушной, полу-презрительной улыбкой, которая могла относиться и къ рѣчи матери, и къ знаменитой артисткѣ. Лена ненавидѣла всякія „семейныя сцены“, и видимо постаралась вернуть разговоръ на прежнюю тему. Дѣйствительно, слова Лены тотчасъ подхватила Ольга, сидѣвшая, какъ и всегда она сидѣла въ театрѣ, въ своей любимой, эффектной и небрежной позѣ: спиной къ сосѣдней ложѣ и вытянувъ руку, въ черной до плеча перчаткѣ, на бархатѣ барьера. До сихъ поръ Ольга была занята противоположными ложами и своимъ громаднымъ чернымъ вѣеромъ, который она то закрывала, то открывала, и совсѣмъ не слушала, чтó говорили старушки, точно рѣчь шла не о ея, Ольгиномъ, мужѣ, но теперь, на слова золовки, Ольга тотчасъ откликнулась.

— Да, да!—сказала она черезъ плечо, слегка закидывая голову въ сторону Лены.—Въ „Фигаро“ есть перепечатка изъ вѣнскихъ газетъ, и тамъ описаны *ея* четыре новыхъ платья. Это что-то необычайное! Я не успокоюсь, пока не увижу ихъ! Се-

годня, впрочемъ, ничего особеннаго не будетъ: лучшія платья въ „Frou-Frou“, въ „Dame“ и въ „Etrangère“.

— И что̀ самое удивительное въ *ея* костюмахъ,—прибавилъ Мириневскій по-французски, тоже обращаясь къ Ленѣ и опуская бинокль:—это то, что ей удается разными ухищреніями скрывать свою ужасающую худобу. Она худа какъ скелетъ, но гибка какъ змѣя, а ея позы—это что-то поразительное! Я ее видѣлъ въ прошломъ году въ Парижѣ въ роли...

— Ну, а играетъ, играетъ-то какъ?—живо перебила Анна Евграфовна.

— Тихменевъ, который пріѣхалъ изъ Москвы въ одномъ поѣздѣ съ нею, говорилъ мнѣ, что онъ сильно разочаровался,—отвѣтила Лена.—Онъ говоритъ, что это какая-то истеричная игра, что она сама больная и дѣлаетъ больными всѣхъ зрителей.

Мириневскій усмѣхнулся однѣми губами:—У каждаго свой вкусъ.

— Неужели это говоритъ Николай Павловичъ? Не можетъ быть!—усомнился Бобринъ. — Не можетъ быть! Это ужъ я не знаю, какое странное сужденіе!

— Вотъ подите же! Такъ и говоритъ,—отвѣтила опять Лена немножко обиженно.—Но шш!... суфлеръ стучитъ. Сейчасъ поднимутъ... Что же это Муси нѣтъ такъ долго?

— Навѣрное опять возится со своей Вѣрочкой!—иронически замѣтила Ольга, которой ея „бэби“ не мѣшала по прежнему проводить дни въ визитахъ, а вечера — въ театрѣ и на балахъ.

— Опоздаетъ! опоздаетъ!—тревожно заговорила Анна Евграфовна.—Вотъ ужъ и опоздала. Вотъ начали!

Занавѣсъ медленно поползъ вверхъ. Въ ложахъ торопливо усаживались тщательно скрывавшіяся до сихъ поръ въ глубинѣ ихъ дамы; другія пересаживались поудобнѣе, приготовляясь слушать. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ щелкнула дверь. Въ партерѣ поспѣшно пробирались на свои мѣста запоздавшіе или говорившіе со знакомыми въ проходахъ.

Муся дѣйствительно опоздала. Не только прошелъ первый актъ, но уже начался и шелъ второй; „Кино“ уже успѣлъ съ важнымъ видомъ выиграть партію въ шахматы, а „Мишоннэ“ успѣлъ отдѣлаться отъ пристававшихъ къ нему „общниковъ и общницъ Французской Комедіи“ и двадцать разъ уже громко a parte выразилъ свое желаніе сдѣлаться также „sociétaire’омъ“. И когда затихло шиканье недовольныхъ, обернувшихся на отворенную Мусей дверь, и Муся осторожно и поспѣшно усаживалась, задерживая прерывистое, отъ быстраго подъема на лѣст-

ницу, дыханіе, и всматривалась, еще ничего не различая черезъ тьму залы въ яркій просвѣтъ сцены, откуда до слуха Муси долетѣлъ необычайно-густой, грудной голосъ, говорившій важно и мѣрно:—„Et que tout rentre ici... dans l'ordre accou-tu-mé"...

И вдругъ, совсѣмъ иначе, цѣлой октавой выше, мягко, нѣжно, капризно, изъ металлическаго становясь бархатнымъ, другой голосъ заговорилъ:

„Non, Michonnet! Non, ce n'est pas ça! Je sens, que ce n'est pas ça. Voyons! Encore une fois!"

„Et que tout rentre ici... dans l'ordre"...—опять упалъ голосъ на цѣлую октаву, но эту фразу онъ произнесъ уже съ другими удареніями и остановками—и еще величественнѣе, чѣмъ въ первый разъ. А Муся увидѣла, среди залитой огнемъ сцены, гибкую, высокую женщину въ фантастическомъ костюмѣ, которая повелительнымъ жестомъ протянула впередъ необыкновенно тонкую, нѣжную руку; другой рукой она держала какую-то тетрадку. Лицо этой странно-прекрасной женщины было совершенно блѣдно, а громадные сѣро-каріе глаза вдохновенно глядѣли прямо передъ собою.

Была ли это сцена, а на сценѣ знаменитая артистка, или это была правда, и это сама Адріеннъ, искренняя, вся отдавшаяся своему искусству, хрупкая, нѣжная Адріеннъ, учила роль „Роксаны" и мечтала о своемъ далекомъ любимомъ другѣ—въ этомъ Муся не отдавала себѣ отчета, но она сразу почувствовала, что передъ ней что-то геніальное, та искра Божья, что заставляетъ трепетать самыя тайныя струны души. И Мусѣ казалось, что она уже давно знала эту Адріеннъ; Муся уже любила ее, и понимала, и страдала вмѣстѣ съ нею... И вотъ передъ глазами Муси проходитъ вся исторія бѣдной Адріеннъ, такая запутанная и такая простая въ то же время: исторія горячаго сердца, жившаго среди высокихъ идеаловъ искусства, чистаго, какъ они, и гибнущаго среди опутавшей его со всѣхъ сторонъ сѣти лжи, малодушія, придворныхъ интригъ, холоднаго, элегантнаго разврата и злобной ревности бездушной женщины, среди этихъ людей, вѣчно играющихъ роли, тогда какъ она, бѣдная лицедѣйка съ наивной и вѣрующей душой, даже на подмосткахъ сцены старается быть искренней и простой, ищетъ правдивый тонъ и вѣрный жестъ, а въ жизни она—сама правда, вся глубокое чувство.

Кончено! Морицъ Саксонскій и Мишоннэ склонились надъ распростертой, полумертвой Адріеннъ. Въ оркестрѣ замираютъ послѣдніе звуки несносной и неизбѣжной во французскихъ тра-

гедіяхъ мелодраматической музыки, а проснувшаяся отъ очарованія публика разражается громомъ рукоплесканій. Муся задыхается отъ рыданій; она все еще слышитъ этотъ отчаянный, страстный зовъ: „Maurice! Maurice!“—и это безумное: „Je veux vivre! Je ne veux pas, je ne veux pas mourir! Vi-i-vre!“—видить безумные глаза, всматривавшіеся прямо передъ собой во что-то невидимое для всѣхъ, и эти руки, вцѣпившіяся въ волосы и въ порывѣ невыносимой муки рвущія ихъ.

Анна Евграфовна громко сморкается, и даже Лена, отвернувшись отъ всѣхъ, вытираетъ глаза.

— Всеволодъ Аркадьевичъ! Поѣдемте ужинать на острова!—говоритъ въ сосѣдней ложѣ Ольга, граціозно прикладывая платокъ къ глазамъ, но уже весело улыбаясь.—Дима, хочешь? Да гдѣ же онъ... Дима?

— Онъ куда-то убѣжалъ,—отвѣтилъ Глуховской, который принесъ стаканъ воды женѣ и заслонилъ ее въ глубинѣ ложи отъ любопытныхъ глазъ.—Чуть ли не на сцену. Онъ совсѣмъ внѣ себя!

— Узнаю его въ этомъ!—со смѣхомъ сказалъ по-французски Глуховскому Мириневскій.—Но надо признаться, она дивная артистка. Вы замѣтили, какъ она упала? Это удивительно реально и какъ художественно въ то же время!—Votre éventail, Марья Николаевна!—сказалъ онъ, перегибаясь черезъ барьеръ, раздѣляющій ложи, и поднимая упавшій вѣеръ Муси.

— О, вовсе нѣтъ!—довольно рѣзко вступилась Лена, уже забывшая свое волненіе.—Вовсе нѣтъ! Всякая ея поза, всякое движеніе, все это выдумано, вымучено, разсчитано на эффектъ, неестественно вовсе. Она вся изломанная какая-то. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ она вовсе не нравится. И этотъ голосъ неестественный...

— Берегись, Лена! — Ольга погрозила ей:—тебя Дима и Муся съѣдятъ за эти слова. Правда, Муся?—спросила она, накидывая уже свою sortie de bal.—Однако, поѣдемте! Пусть monsieur Дмитрій остается, если хочетъ. Поѣдемте! А то мы дождемся того, что потушатъ люстры.

Муся отвернулась отъ Ольги; слова ея и Лены покоробили ее, и Муся опять вернулась къ рампѣ ложи; не отрываясь отъ бинокля, она смотрѣла на сцену, гдѣ разъ за разомъ поднимался занавѣсъ.

— Муся! You'll take a cup of tea with us? Please, darling! [1])—упрашивала Лена Мусю, возвращаясь изъ корридора и

---

[1]) Муся! ты пріѣдешь къ намъ пить чай? Пожалуйста, милочка!

дотрогиваясь до ея плеча; но Муся только нетерпѣливо кивнула головой и, не опуская бинокля, глядѣла на призракъ бѣдной Адріенны, раскланивавшійся съ публикой загробно-медленными поклонами. Предсказаніе Ольги сбылось относительно Муси, и когда мужъ окончательно увелъ ее изъ ложи, капельдинеры уже почти вездѣ потушили лампы, и только среди яркаго просвѣта сцены, черезъ густую тьму залы, Муся все еще видѣла блѣдную высокую женщину съ растрепавшимися волосами, медленно и важно наклонявшую голову.

За эти полтора года Муся очень измѣнилась и, по мнѣнію всѣхъ знакомыхъ, измѣнилась къ худшему. Это была уже не та тоненькая, черноглазая, румяная дѣвочка, появленіе которой встрѣчалось съ такимъ восторгомъ на всѣхъ балахъ и собраніяхъ, а довольно полная, красивая двадцатилѣтняя женщина съ матово-блѣднымъ, едва розоватымъ на щекахъ, лицомъ. Насколько Муся вся пополнѣла, настолько лицо ея потеряло дѣтскую округлость щекъ и то почти безпричинное оживленіе взгляда, которое бываетъ у очень молодыхъ дѣвушекъ. Черты лица опредѣлились. Глаза глядѣли теперь задумчиво и мягко. Вся она казалась утихшей и задумавшейся надъ чѣмъ-то. Но такъ какъ отличительную черту прежней Муси составляло вѣчное оживленіе глазъ и лица, блистаніе жизни, то всѣмъ и казалось, что madame Глуховская очень подурнѣла. Очень можетъ быть, что она и не имѣла бы прежняго успѣха, но Муся нигдѣ и не бывала, за исключеніемъ театра, концертовъ и двухъ-трехъ очень близко знакомыхъ домовъ. Когда, вернувшись изъ-за границы послѣ своего замужества, она поѣхала на какой-то балъ, она проскучала весь вечеръ. Возвращаясь домой, она сказала мужу, что всѣ къ ней перемѣнились какъ-то, что всѣмъ съ нею скучно, да и всѣ какіе-то „не такіе“. А не такая была она сама, и *ей* самой было скучно и смѣшно вертѣться съ полу- и мало-знакомыми молодыми людьми по залѣ, или подъ музыку разговаривать съ ними о чемъ-то и вдругъ обрывать разговоръ на полусловѣ, выдѣлывать какія-то размѣренныя движенія посреди залы, и опять садиться, и опять продолжать тотъ же прерывистый и мало-интересный разговоръ. Муся старалась вспомнить, о чемъ же она прежде говорила? Вѣрно, о чемъ-нибудь гораздо болѣе занимательномъ, чѣмъ теперь, потому что и ей, и тѣмъ, кто съ нею танцовалъ и говорилъ, несомнѣнно было очень весело тогда, и всѣ вечера казались слишкомъ короткими. Но оказывалось, что и тогда, какъ те-

перь, говорили объ оперѣ и о смѣшной княжнѣ Мышкиной; о новомъ англійскомъ романѣ, о картинахъ Маковскаго; но тогда все это было только станціями, верстовыми столбами, мимо которыхъ на перегонку неслись молодое кокетство и дѣтское оживленіе, и разговоръ выходилъ и интереснымъ, и живымъ, и даже умнымъ. Теперь остались одни верстовые столбы, и Муся ясно сознавала, что непростительно глупо и скучно говорить, ни къ селу, ни къ городу, съ однимъ о „болгарскихъ мученицахъ", съ другимъ о Зембрихъ, чувствовала, что это же сознаютъ и всѣ говорящіе съ нею, и будто только изъ вѣжливости не показываютъ, какъ имъ скучно и смѣшно въ то же время. И Муся перестала выѣзжать на балы и вообще въ свѣтъ еще до своей беременности и рожденія Вѣрочки. Теперь она сама кормила и уже совсѣмъ замкнулась дома и въ самомъ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей.

И, конечно, и эту перемѣну въ Мусѣ, какъ полтора года назадъ ея свадьбу, усердно комментировали и пересуживали всѣ ея свѣтскіе и не-свѣтскіе знакомые. Свѣтскіе люди, въ томъ числѣ и Ольга Неридова, которая терпѣть не могла Глуховского, увѣряли, что мужъ сдѣлалъ изъ Муси „синій чулокъ", и что они цѣлыми вечерами вслухъ читаютъ въ оригиналѣ Ѳукидида—это имя казалось почему-то особенно ужаснымъ Ольгѣ и пустившему эту исторію въ ходъ—Боде... Совсѣмъ съ другой стороны осуждали Мусю Рубцовъ и Александра Семеновна. Прежде они нападали на нее за ея выѣзды; теперь негодовали, зачѣмъ она сидитъ дома; этому они находили одно объясненіе: „опустилась", „обратилась въ насѣдку", „погрязла въ мелочахъ семейной жизни", „утратила всякое стремленіе къ общественной".

И, какъ всегда, и тѣ, и другіе были и правы, и неправы. Глуховскіе, дѣйствительно, много читали вмѣстѣ (но, конечно, не греческихъ авторовъ и не по-гречески), и, дѣйствительно, семейная жизнь заставила Мусю совсѣмъ охладѣть къ выѣздамъ и беззаботной болтовнѣ въ гостиныхъ. Но никому изъ близкихъ ей людей—ни мужу, ни дядѣ, ни Неридову, ни Бергамъ—не казалось, что Муся „опустилась". По прежнёму, и даже больше прежняго, Муся занималась музыкой и читала, и переводила для дяди и рисовала съ Леной Неридовой, съ которой у нихъ была странная дружба: онѣ обѣ видимо любили и цѣнили, и также видимо не понимали другъ друга, вѣчно между ними стояла какая-то неразрушимая стѣнка. По прежнему Муся вела безконечные споры съ дядей и съ Ниной, съ которой она тѣмъ тѣснѣе вновь сошлась, что совсѣмъ почти разошлась съ Ольгой: между ними установи-

лись тѣ далекія отношенія, какія были между Мусей Муранской и Ольгой Гирѣевой. Онѣ даже видѣлись нынче рѣдко.

Мужъ Ольги по прежнему былъ очень близокъ съ Глуховскими, и когда попадалъ къ нимъ, то по прежнему игралъ много на скрипкѣ съ аккомпаниментомъ Муси, читалъ вмѣстѣ съ Глуховскими, разсказывалъ имъ о себѣ и своихъ рѣшительно все, передавалъ свои мельчайшія мысли, чувства, совѣтовался обо всѣхъ своихъ дѣлахъ, даже о „бэби", которую Ольга предоставила въ совершенное вѣденіе англичанки, miss Harry. И споры, и задушевные разговоры эти затягивались на цѣлые часы. Но они становились все болѣе рѣдкими, и Дмитрій все чаще и чаще пропадалъ цѣлыми недѣлями, пріѣзжалъ потомъ къ Мусѣ съ почти оффиціальнымъ визитомъ, держался натянуто и видимо избѣгалъ всякаго слишкомъ искренняго вопроса и разговора, точно боясь, какъ бы такой разговоръ не коснулся чего-нибудь такого, о чемъ говорить онъ не хотѣлъ. Глуховской сказалъ какъ-то женѣ, что, по слухамъ, Нeридовъ опять сильно играетъ, кутитъ и сошелся со всей своей безпутной компаніей. Вскорѣ до Глуховской со всѣхъ сторонъ стали доходить слухи о разныхъ невѣроятныхъ продѣлкахъ, безумно-смѣлыхъ выходкахъ Неридова, о тѣхъ постоянно смѣняющихъ одна другую крайностяхъ, въ которыя онъ бросался. Анна Евграфовна совершенно справедливо сказала, что ея сынъ вновь вернулся къ той жизни, которую онъ велъ до женитьбы. То онъ въ разгарѣ зимы на пари скакалъ въ шесть дней верхомъ до Москвы, загналъ трехъ лошадей и, едва отдохнувъ полдня, летѣлъ съ тою же быстротою назадъ. То пилъ цѣлыми ночами, а весь день игралъ на скрипкѣ. А потомъ вдругъ бросалъ скрипку, принимался заниматься пѣніемъ у вновь пріѣхавшаго профессора, размѣрилъ всю жизнь по часамъ, ложился спать въ 11 часовъ, вставалъ въ семь, экзерсировался, гулялъ аккуратно, не бралъ въ ротъ другого напитка кромѣ сельтерской воды, читалъ всевозможныя книги о пѣвцахъ, постановкѣ голосовъ и т. п., и т. п., не пропускалъ ни одного концерта, даже духовныхъ въ „капеллѣ", шведской или петропавловской церкви. А потомъ опять безвыходно сидѣлъ въ опереткѣ, устроивалъ ужины, бросалъ деньги, два раза чуть не дрался на дуэли. Или вдругъ примется танцовать каждый вечеръ... Одно время онъ пристрастился къ лѣпкѣ изъ глины и надоѣдалъ Ленѣ, заставляя ее долгіе часы сидѣть, не перемѣняя позы, такъ какъ задумалъ вылѣпить маленькую сцену, въ которой Лена должна была изображать Франческу ди Римини. И дѣло уже пошло было на ладъ, какъ вдругъ онъ и это бросилъ и внезапно среди зимы уѣхалъ

въ деревню, заперся тамъ на цѣлый мѣсяцъ,—то читалъ днями, то ходилъ одинъ-на-одинъ съ рогатиной на медвѣдя... Въ одинъ прекрасный день спустился въ Неву вмѣсто водолаза—тоже на пари. Казалось, онъ не зналъ, куда дѣвать свои лишнія силы. Ольга точно не обращала на все это никакого вниманія, даже тогда, когда эти продѣлки принимали такой оборотъ, что всякая на ея мѣстѣ возмутилась бы.

Но эти продѣлки и безалаберная жизнь отдаляли Дмитрія отъ Глуховскихъ. Однако, проходила такая полоса, онъ вновь начиналъ чуть не каждый день забѣгать къ нимъ и засиживался у нихъ цѣлыми вечерами, и былъ такъ искрененъ, задушевенъ, простъ, точно онъ вышелъ отъ Сергѣя только вчера, и Муся и мужъ ея забывали сухость и непріятный тонъ Дмитрія въ предыдущіе дни, забывали все, что имѣли противъ него,—и между ними вновь по старому царило самое задушевное, дружное согласіе. Муся, смѣясь, говорила, что еслибъ она не знала, куда пропадаетъ Дмитрій, она подумала бы, что у него приливы и отливы дружбы, и что хотя „дни отливовъ“ за послѣднее время все чаще, но что зато въ дни приливовъ онъ такъ милъ, такую она въ немъ видитъ широкую, славную русскую душу, что забываетъ обо всѣхъ его „дурныхъ дняхъ“.

Въ этотъ вечеръ Дмитрій вошелъ къ матери, куда всѣ собрались пить чай, послѣ всѣхъ,—отказался отъ пикника, проектируемаго Ольгой, сразу почти поссорился съ Леной, дерзнувшей что-то сказать о „кривляньѣ въ манерѣ выходить на вызовы“, не могъ спокойно пить чай, то вскакивалъ и быстро ходилъ по комнатѣ, громко восклицая: „Ахъ, какая прелесть! Какой талантъ! Геній!“ и принимался восторженно разсказывать, какъ дождался артистки на подъѣздѣ, представился ей, выпросилъ разрѣшеніе явиться къ ней un de ces matins à l'heure du second déjeuner, и обѣщаніе дать ему, Дмитрію, портретъ съ надписью, а въ залогъ всего этого выпросилъ у божества, почти силой отнялъ у нея, одну изъ ея перчатокъ, которую и разсматривалъ теперь съ благоговѣніемъ. А черезъ минуту Дмитрій уже уносился окончательно въ воспоминанія только-что пережитыхъ въ театрѣ блаженныхъ волненій, „отправлялся въ путешествіе на седьмыя небеса“, по выраженію Лены, и, забывая, гдѣ онъ и кто вокругъ него, опускалъ голову на сложенныя руки, къ вящшему ужасу miss Buttler.

— У нея ужасныя ноги! длинныя, длинныя! — критиковала Ольга.—А руки! Богъ мой! точно спички! Потому-то она и носитъ такія перчатки и не любитъ снимать ихъ.

— А помните, Петръ Михайловичъ, *нашу* „божественную"?— спросила Анна Евграфовна. — Помните? Нѣтъ, то была „другая пара рукавовъ". Помните ея голосъ въ „Phèdre", какъ разъ вотъ въ той сценѣ, которая вставлена въ „Адріеннъ"? Помните? Силища какая была, металлъ!

— Да, да. *Та* была въ другомъ родѣ, пожалуй сильнѣе этой. Но не знаю, кто лучше. Пожалуй, „обѣ лучше", какъ говорятъ дѣти.

— Нѣтъ, я ненавижу эту французскую ненатуральную игру и позы. Это что-то истеричное!—по-англійски сказала Лена, наливавшая чай изъ маленькаго моднаго чайника изъ желтоватой terra-cotta. — Я ненавижу эти трагедіи, гдѣ въ 5-мъ актѣ героиня непремѣнно въ кружевномъ пеньюарѣ и непремѣнно умираетъ съ распущенными волосами.

— „Ненатуральную"?—раздражился Дмитрій.—Да отъ перваго до послѣдняго слова все правдиво! Мнѣ даже жалко, что я знаю, что это было только представленіе. А я такъ люблю, такъ люблю эту несчастную Адріеннъ. Правда, Марья Николаевна?— обратился онъ къ Мусѣ, которая, кончивъ чай, сидѣла у столика въ глубинѣ заставленнаго цвѣтами „фонаря".

— Вамъ жалко, что вы *тогда* не жили?—спросила, въ свою очередь, Муся, поднимая на него свои темные глаза, сохранившіе еще слѣды недавнихъ слезъ.—Жалко? Вы навѣрное любили бы ее? Да? Знаете, мнѣ всегда кажется, что вотъ съ такими людьми, какъ Адріеннъ, мнѣ было бы совсѣмъ, совсѣмъ хорошо жить. Или, напримѣръ—это ужасно глупо, что̀ я сейчасъ скажу—но знаете, мнѣ ни съ кѣмъ не бываетъ такъ хорошо, какъ съ Пушкинымъ или Байрономъ, понимаете, съ людьми, а не съ поэтами. Они для меня точно живые, и я до того ихъ люблю, такъ *живо* ихъ люблю, что я увѣрена, будь они живы теперь, я съумѣла бы имъ помочь, поддержать, пожалѣть и поговорить съ ними, и имъ, можетъ быть, тоже было бы со мною хорошо. И этой бѣдной Адріеннъ тоже. Мнѣ съ нею было бы и не душно, и не скучно. Или вотъ говорятъ, что у Лермонтова былъ гадкій характеръ, что онъ былъ и злой, и кутила, и тому подобное, но вѣдь въ немъ былъ огонь, живой огонь. Вы понимаете, я о немъ говорю не какъ о поэтѣ, а какъ о человѣкѣ. И такъ мнѣ жаль, такъ страшно жаль, что онъ или Адріеннъ не живы теперь... А потомъ я себя спрашиваю:—Но, можетъ быть, и теперь есть такіе люди, такія искры, но я ихъ не вижу и не знаю?— И я, Богъ знаетъ, Богъ знаетъ что̀ бы за то дала, чтобъ встрѣтить ихъ! И я часто жду, что вотъ, вотъ встрѣчу, увижу... Впро-

чемъ, это я прежде чаще думала, теперь рѣже... теперь я ничего не жду такого... Ахъ, я не умѣю этого хорошо сказать, и выходитъ Богъ знаетъ что̀: точно я „ищу приключеній“... Но вы понимаете, понимаете?

Дмитрій видимо поблѣднѣлъ, слушая Глуховскую, и опустилъ голову, но при послѣднихъ словахъ разомъ поднялъ ее и вдругъ вмѣсто отвѣта сказалъ чуть слышно, дрожащимъ голосомъ:

— А помните, у этого самаго Лермонтова:

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны тѣ звуки
Безумствомъ желанья,
Въ нихъ...

Онъ оборвалъ, вскочилъ, махнулъ рукой и опять быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ну, милочка, это нехорошая гарантія для твоего счастья, если ты вѣчно будешь рваться куда-то!—громко промолвила отъ стола Лена, слышавшая слова Муси, но не разслыхавшая того, что̀ сказалъ братъ. — Будь я на мѣстѣ Сергѣя Александровича, я бы пожурила жену за это основательно. Да и что̀ за охота? Только силы даромъ тратить, здоровье портить!

— Да и вправду, — подхватила Анна Евграфовна:—что ты такая блѣдная, Муся? Ты здорова?

— Совершенно здорова. А развѣ у меня дурной видъ?

— Нехорошій! Да не только сегодня, а ужъ я недѣли двѣ—три замѣчаю, что ты все какая-то грустная, блѣдная, точно усталая. Хорошо ли тебѣ кормить самой; можетъ быть, это тебя утомляетъ?

— О, вовсе нѣтъ! Вѣра такая спокойная дѣвочка, всю ночь спитъ непробудно, да и съ моей Ѳеклой Матвѣевной мнѣ никакихъ хлопотъ нѣтъ. Я совершенно спокойно всегда оставляю съ ней Вѣру, когда уѣзжаю изъ дому. Няня, я думаю, еще лучше меня за нею ходитъ.

— А, начались семейные разговоры!—почти вслухъ сказала себѣ Ольга, и вполголоса, обращаясь къ Мириневскому, прибавила: — Пойдемте, Всеволодъ Аркадьевичъ, въ гостиную; я полагаю, вамъ это тоже не очень интересно!

Она перешла въ гостиную; за нею прошли Глуховской съ Леной, Мириневскій и miss Buttler съ Прасковьей Львовной.

— Такъ что же это съ тобой?—продолжала тѣмъ временемъ допрашивать Мусю Анна Евграфовна.

— Такъ что-то! Я сама не знаю,—отвѣтила Муся и пересѣла поближе къ Аннѣ Евграфовнѣ.—Знаете, я думаю, это просто отъ тишины, оттого, что впереди ничего нѣтъ!

— Какъ „ничего нѣтъ"?! Муся, что ты говоришь? Ты несчастлива? Что случилось, Муся?!—Анна Евграфовна съ ужасомъ заглянула ей въ глаза, притянувъ ее къ себѣ за руки.

— О, что вы, что вы, Анна Евграфовна! Какъ можно это говорить! Напротивъ, я такъ счастлива, такъ счастлива, какъ и не думала, что можно быть счастливой. Вы развѣ не видите, какъ намъ хорошо съ Сережей? А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ Вѣрочка, такъ и лучше лучшаго! А только знаете, особеннаго, необычайнаго чего-нибудь нѣтъ впереди: живется какъ-то само собой, ровно, ровно, а не то что я стремилась бы къ чему-нибудь, добивалась бы чего-нибудь... Вотъ оттого-то я и стала такая тихонькая, скучная на видъ, блѣдная...

— Да чего же тебѣ еще надо?—спросилъ Петръ Михайловичъ.—О чемъ необычайномъ ты говоришь? Я, право, не понимаю тебя, Муся. Tu cherches midi à quatorze heures. Всякій позавидуетъ твоему счастью, а она, видите ли, еще чего-то ждетъ въ жизни!—Петръ Михайловичъ даже заходилъ по комнатѣ отъ волненія и негодованія.

— Подожди, милый дядя, ты не спѣши меня бранить, а лучше послушай, что я тебѣ скажу. Когда я была очень маленькая, и мы учились съ Сашей, мы всегда ждали воскресенья. У насъ всегда за недѣлю, за двѣ, строились разные планы, шли приготовленія: если имѣла я въ виду куклинъ обѣдъ, то заранѣе выпрашивали у тети немножко вина, которое заранѣе же разливали въ крошечныя бутылочки, припрятывали конфекты и апельсины, которые намъ давали, шили платья для Сашиной и моей куклы, или же какіе-нибудь „мокассины" для игры въ индѣйцевъ à la Майнъ-Ридъ; съ пятницы мы начинали бѣгать наблюдать за барометромъ: вдругъ будетъ дурная погода, и къ намъ не отпустятъ Вешниныхъ?! Однимъ словомъ, всю недѣлю мы жили въ ожиданіи этого воскресенья... Поступила я въ гимназію, и явились новыя „воскресенья"—то въ видѣ экзаменовъ, то въ видѣ лѣтнихъ каникулъ, на время которыхъ возлагались разныя надежды, тоже строились планы: то въ видѣ окончанія гимназіи, то въ видѣ ожидаемаго пріѣзда Сережи. И чѣмъ старше я становилась, тѣмъ больше въ жизни моей являлось такихъ „воскресеній", и тѣмъ съ бо́льшимъ волненіемъ я ихъ ждала. А едва такое „воскресенье" наступало и проходило—уже впереди виднѣлось какое-нибудь новое, и опять новое... А потомъ была моя любовь къ Мюнстеру. А потомъ я

ждала, что я сама что-то необычайное сдѣлаю... Потомъ впереди была новая жизнь съ Сережей. Это все были воскресенья... Вотъ въ прошлую зиму, передъ Вѣринымъ рожденьемъ, я тоже переживала такое-же ожиданіе „воскресенья"... А теперь? Все идетъ хорошо, счастливо, отлично. Но я знаю, вижу, что ничего необычайнаго, внезапнаго, новаго больше не будетъ; все будетъ выходить одно изъ другого, мало-по-малу. Будетъ рости Вѣрочка, а мы съ Сережей будемъ по прежнему вмѣстѣ читать, и играть, и учиться. Все такъ тихо, гладко, ровно... Я воображала, что мы съ Сережей что-нибудь можемъ сдѣлать, вліять на другихъ, „свѣтить" другимъ. Но я ясно вижу теперь, что это однѣ мечты...

— Почему это ты думаешь?! Именно, именно это и долженъ дѣлать всякій мало-мальски развитой человѣкъ. Это лучшее, что...

— Да, да, но если это и дѣлается, то такъ незамѣтно, такъ тихо... Но этого мнѣ вообще недостаточно. Это меня не захватываетъ. Я бы хотѣла... — и вдругъ, точно испугавшись, что она слишкомъ высказалась, Муся перемѣнила тонъ и весело сказала:

— Ну, да это все пустяки я говорю! Анна Евграфовна правду сказала, что мнѣ грѣхъ роптать; все идетъ отлично... Дмитрій Алексѣевичъ, вы сегодня вѣрно музыкально настроены, —хотите сыграемте нашу любимую сонату? Ваша скрипка вѣдь здѣсь. Сережа! иди перевертывать!

Но Дмитрій былъ слишкомъ разсѣянъ, и игра не пошла на ладъ. Муся стала прощаться. Всѣ высыпали въ переднюю провожать Глуховскихъ. А Дмитрій, взявъ изъ рукъ лакея ротонду Марьи Николаевны и подавая ей ее, прошепталъ такъ, что слышала это одна Муся:

Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду.
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

Муся только грустно покачала головой.

— A quoi bon? — спросила она съ печальной усмѣшкой и, еще разъ поклонившись общимъ поклономъ, быстро прошла за мужемъ въ выходную дверь.

II.

Прошло еще два съ половиной года. Въ началѣ лѣта 1884 года Ольга Неридова хотѣла уѣхать за границу. Весною она поѣхала въ Неридово, чтобы „мужъ не очень пищалъ и не жаловался бы, что она его совсѣмъ покидаетъ",—и это она, стоя на платформѣ вагона, со смѣхомъ повторяла всякому и каждому изъ своей обычной свиты, пріѣхавшей ее провожать съ многочисленными букетами, бонбоньерками и корзиночками.

— Ольга Павловна! вѣдь вы съ тоски умрете въ этой деревнѣ!—жалобно говорилъ дѣтскимъ голоскомъ бѣлокурый офицерикъ, выходя изъ вагона, гдѣ онъ, по приказанію Ольги, уставлялъ послѣдній букетъ между плодами и корзинками.

— Ужъ и не говорите! Я знаю, что я совершенно убью свое здоровье. Одно утѣшенье, что это будетъ продолжаться лишь до начала іюля. Къ тому же Глуховскіе обѣщали мнѣ пріѣхать погостить у насъ до моего отъѣзда. Они нынче будутъ жить въ Рябиновкѣ, у Анны Евграфовны. Ну, а до моего отъѣзда, повторяю, они пріѣдутъ ко мнѣ... Эта прелестная Муся послѣднее время еще ужасно опустилась, совсѣмъ ушла въ своихъ ребятишекъ, но все-таки я рада буду провести съ нею une quinzaine.

— Ахъ, это вы о m-me Глуховской говорите? Она чудно хороша! — пропищалъ опять офицерикъ.—Я имѣлъ удовольствіе быть ей представленнымъ у...

— Она довольно хорошенькая, — снисходительно рѣшила Ольга.—Только эта ямка—это ей даетъ такой ребяческій видъ. Cela cloche tellement съ ея разговоромъ. Вѣдь, между нами, она ужасный „синій чулокъ". Я ее очень люблю, но, но...

— Но вамъ съ нею скучно, Ольга Павловна?

— То-есть, я боюсь, что она меня считаетъ такой глупой, что *ей* со мной скучно...—Ольга сдѣлала огорченное лицо.

— Съ вами скучно?! Да развѣ есть такой человѣкъ, которому съ вами можетъ быть скучно?! Это какой-нибудь еретикъ. Ce n'est pas un chrétien pour sûr!—воскликнулъ Высоцкій.

— А вы хорошій христіанинъ?—опуская глаза на свой ярко-красный зонтикъ съ длиннѣйшей палкой и секунды три заставляя всѣхъ любоваться своими черными рѣсницами, кокетливо спросила Ольга.—Если такъ, можете пріѣхать къ намъ въ деревню къ Троицѣ. Я васъ повезу въ деревенскую церковь и посмотрю, умѣете ли вы молиться!

Высоцкій поспѣшилъ приложиться къ козырьку. Всѣ хоромъ

стали увѣрять Ольгу, что они всѣ страшно богомольны. Бѣлокурый офицерикъ говорилъ, что придетъ пѣшкомъ въ Неридово, только бы она ему позволила. Рудольфъ Мюнстеръ предлагалъ прямо всѣмъ нарядиться монахами и пріѣхать en partie de plaisir къ Ольгѣ Павловнѣ. Но она замахала на нихъ руками и зонтикомъ:—Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—Во-первыхъ, она не позволяетъ болѣе шутить святыми вещами. О! она очень религіозна! Во-вторыхъ, она терпѣть не можетъ монаховъ. (И она сдѣлала опереточную ужимку губами.) Въ-третьихъ (и Ольга загнула третій палецъ на своей длинной, тонкой рукѣ въ ярко-желтой перчаткѣ съ грубыми черными швами),—въ-третьихъ, она дѣйствительно рѣшила отдыхать въ деревнѣ, поэтому ни за что ихъ всѣхъ туда не пуститъ. Они ее утомятъ, какъ здѣсь. А главное, домъ будетъ полонъ народу, разныхъ нянекъ и мамокъ, и ей некуда даже и помѣстить всѣхъ этихъ господъ.

Зазвонилъ третій звонокъ, и Ольга вошла въ вагонъ, пославъ всѣмъ воздушный поцѣлуй. Всѣ приподняли шляпы и фуражки; раздались всевозможныя пожеланія, сожалѣнія и увѣренія. Потомъ всѣ столпились у окна вагона, стараясь разглядѣть сквозь отсвѣчивающее стекло, гдѣ сѣла Ольга Павловна. Въ окно мелькнула ея сѣрая шляпка съ громадной желтой птицей и цѣлымъ снопомъ бантовъ.

Раздался рѣзкій свистокъ. Вагонъ дрогнулъ, мягко скользнулъ впередъ, и всѣ пошли рядомъ съ вагономъ. Ольга открыла окно и выглянула, погрозя пальцемъ, и всѣ, приподнимая шляпы, стали замедлять шагъ и останавливаться на платформѣ.

— Мюнстеръ, ты куда?—окликнулъ его Высоцкій.—Поѣдемъ со мною: я ѣду къ Матильдѣ; она тоже сегодня уѣзжаетъ и обѣщала на прощанье угостить шоколадомъ. Ѣдемъ!

— Что же, ѣдемъ! Сегодня, значитъ, день проводовъ: Ольга, Матильда... Всѣ разъѣзжаются. Тоска это лѣто! Никогда не знаешь, куда дѣться вечеромъ; а меня нынче не пускаютъ изъ Краснаго...

— Послушайте, Мюнстеръ, что̀ это вы за одно упоминаете Ольгу Павловну и какую-то Матильду?—закипятился маленькій офицерикъ.—Я полагаю...

— Я полагаю тоже, что смѣшать ихъ трудно: одна рыженькая съ черными глазами, а другая блондинка съ синими, — насмѣшливо отвѣтилъ Мюнстеръ.

— Да, но я хочу сказать...

- Ну, хорошо, хорошо! Вы не очень смущайтесь моими словами, я васъ могу успокоить: я чрезвычайно уважаю madame

Неридову, чрезвычайно! И я еще болѣе „у ея ногъ“, чѣмъ вы! Это я только тàкъ: языкъ мой—врагъ мой.—И, взявъ подъ руку Высоцкаго, Мюнстеръ, громко смѣясь, пошелъ къ выходу.

Глуховскіе дѣйствительно хотѣли это лѣто прожить въ Рябиновкѣ у Анны Евграфовны. Муся съ самаго начала великаго поста принялась уговаривать Петра Михайловича ѣхать съ нею. Сергѣй могъ пробыть въ деревнѣ лишь недѣли двѣ въ серединѣ лѣта, такъ какъ былъ назначенъ вмѣстѣ со своимъ прямымъ начальствомъ на ревизію въ какую-то губернію. Марья Петровна проводила это лѣто chez son cousin l'amiral, въ Царскомъ. И Муся, уговаривая Петра Михайловича, столько же хлопотала о его здоровьѣ и отдыхѣ, сколько радовалась для себя самой провести съ нимъ вдвоемъ въ тишинѣ деревни мѣсяцъ-два. Ей хотѣлось вспомнить былыя времена и на свободѣ „подвинтить себя“, какъ она выражалась, т.-е. набраться опять новыхъ знаній, читать вмѣстѣ, говорить, играть въ четыре руки.

Зима была тяжелая для Муси. Осенью родился ея второй ребенокъ, Володя, послѣ рожденія котораго Муся долго хворала и была такъ слаба, что не могла даже сама кормить его. Поправлялась она медленно, такъ какъ для всякаго быстраго поправленія необходимо энергичное желаніе больного „поправиться скорѣе“. А Муся была такъ грустна, такъ равнодушна къ самой себѣ, что ничѣмъ не помогала докторамъ и ихъ лекарствамъ, кумысу, мясному соку и прочимъ снадобьямъ, которыми надѣялись поддержать ея упавшія силы.

Къ тому же она оставалась слишкомъ много одна. У Сергѣя была масса дѣлъ эту зиму: дни онъ проводилъ въ судѣ, по вечерамъ часто уѣзжалъ въ коммиссію, куда только-что былъ назначенъ, или писалъ у себя въ кабинетѣ. Вмѣстѣ читать совсѣмъ не приходилось, даже играли рѣдко. Петръ Михайловичъ былъ тоже очень занятъ. Старуха Неридова съ дочерью всю зиму жили въ деревнѣ. Нина Бергъ вся была поглощена своими курсами, а Любочка, выѣзжавшая первый годъ, танцовала до упаду и вся ушла въ свой новый, начавшій собираться вокругъ нея, кружокъ подросточковъ и молодежи. Съ Ольгой Муся видѣлась рѣже прежняго.

Даже съ Дмитріемъ дружба какъ-то поблекла. Онъ заглядывалъ довольно часто къ Глуховскимъ, но прежнія задушевныя бесѣды, въ которыхъ они понимали другъ друга съ полуслова и часто, по поводу самаго пустячнаго факта, говорили о самыхъ отвлеченныхъ теоріяхъ, совсѣмъ прекратились. Дмитрій

былъ точно занятъ какою-то, не дававшею ему покоя, мыслью, часто былъ разсѣянъ. Еще чаще на него нападало насмѣшливое, нервное настроеніе духа. Онъ придирался ко всякому слову Марьи Николаевны, старался представить въ смѣшномъ видѣ каждую ея мысль или мнѣніе, и особенно часто пародировалъ съ видимымъ удовольствіемъ ея самые задушевные вопросы и высказываемыя желанія. „Сложная машина", „высокій разговоръ", „чуткій человѣкъ"—не сходили у него съ языка. Марья Николаевна была сначала немного озадачена этимъ новымъ для нея отношеніемъ къ ней Неридова. Но она сразу попала въ его тонъ и тоже подыскала словечки, которыми можно было „изводить" его. Подчасъ эти, вначалѣ почти ребяческія, шутки принимали очень острый характеръ, и за такими вѣчными перестрѣлками совсѣмъ забылись прежніе разговоры. Муся отвыкла высказывать всякую свою новую мысль Неридову; она даже какъ-то сказала мужу:

— Знаешь, Сережа, мнѣ теперь говорить съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ—тоже, что съ полуглухимъ или съ плохо понимающимъ мой языкъ иностранцемъ: попросить его дать мнѣ стаканъ воды или сказать ему, что хорошая погода, однимъ словомъ, что-нибудь такое, что всякій пойметъ и безъ словъ,—я скажу и попрошу. Но говорить ему что-нибудь болѣе важное и дорогое для меня, такое, въ чемъ играютъ роль не только мысль, предметъ, о которомъ говорю, но и *слова*, и то, *какъ* я говорю—этого я не могу! Какъ глухому не стану кричать на ухо чего-нибудь задушевнаго, боясь, что онъ отвѣтитъ невпопадъ или даже просто потому, что самъ громкій разговоръ о такой вещи мнѣ непріятенъ,—такъ и Неридову я не могу говорить ничего кромѣ самаго внѣшняго. Точно я вѣчно боюсь, что вдругъ онъ переспроситъ или начнетъ болтать невпопадъ. Да просто не могу я вѣчно возвышать, такъ сказать, голосъ, примѣняться къ пониманію этого полуглухого человѣка. А онъ не слышитъ моего „обыкновеннаго голоса".

— Мнѣ казалось, вы такіе друзья съ Дмитріемъ. Я считалъ всѣ ваши препирательства шутками, хотя и вправду, за послѣднее время, вы ужъ очень другъ другу спуску не даете.

— Да мы не ссорились, а это даже очень интересно всегда быть на-готовѣ отвѣчать другъ другу тою же монетою, да еще, такъ сказать, съ процентами. Это постоянный поединокъ égal à égal. Это я очень люблю.

— Ну, такъ ты и не жалуйся, что онъ теперь не слушаетъ

тебя какъ слѣдуетъ. Вѣроятно, онъ къ этому такъ же относится, какъ ты сама.

— Нѣтъ, это не то!

Да, ихъ отношенія были уже не тѣ, испортились; Муся и съ этой стороны не находила прежней радости. И она все болѣе уходила въ себя, замыкалась отъ всѣхъ, впадала въ какое-то мрачное, разочарованное настроеніе духа. И все больше потухали ея глаза и улыбка, все медленнѣе становились ея, прежде такія быстрыя, движенія. Муся точно погружалась въ сонливое равнодушіе ко всему на свѣтѣ, и въ то же время характеръ ея становился мелочнымъ, раздражительнымъ. Музыку она почти бросила. Не пѣла, не рисовала, только читала съ болѣзненною жадностью, только и оживлялась немного за книгами.

Сергѣй сначала пробовалъ допрашивать Мусю, заставить ее понять, что она поддается какимъ-то безсознательнымъ настроеніямъ, имѣющимъ мало основанія въ ихъ дѣйствительной жизни, старался поддержать падающій духъ Муси, заставить ее сознательно взять себя въ руки, но — неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ — никогда они не могли договориться какъ слѣдуетъ до сущности дѣла. Разговоръ вскорѣ принималъ враждебный, острый характеръ; Муся, совершенно по-женски, принимала всѣ доводы Сергѣя за желаніе упрекнуть или уколоть ее въ чемъ-то, раздражалась, наговаривала много лишняго, мелочного. Потомъ раскаивалась, они мирились. Но это уже была не прежняя жизнь душа въ душу. „Пошлость, какъ у всѣхъ“, — думалъ и говорилъ Сергѣй. „Гдѣ же наше счастье?“ спрашивала себя Муся.

И чѣмъ дальше шли дни, тѣмъ чаще случались такія ссоры, тѣмъ рѣже заговаривалъ Сергѣй о чемъ-нибудь важномъ и дорогомъ для нихъ обоихъ, тѣмъ озабоченнѣе становился взглядъ, которымъ онъ глядѣлъ на жену, когда она того не замѣчала. А глаза Муси дѣлались все болѣе скучающими, и въ углахъ губъ все замѣтнѣе становилась презрительно-грустная складочка. И какъ только замѣчалъ это Сергѣй, онъ только съ отчаяніемъ хватался за голову, убѣгалъ въ кабинетъ, и цѣлыми часами слышны были его мѣрные шаги, смягчаемые ковромъ. Глуховской не могъ и не зналъ, чѣмъ помочь женѣ и себѣ, какъ даже вновь заговорить съ нею о ней, помня всѣ свои неудачныя попытки. Онъ не зналъ, откуда происходитъ этотъ расколъ между нимъ и женой, чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ этотъ расколъ становится глубже, и что съ каждымъ днемъ уничтожить его — дѣлается труднѣе и невозможнѣе. И дни шли, шли...

Въ великомъ посту вдругъ опасно заболѣла Вѣрочка. Это

точно встряхнуло Марью Николаевну. Она забыла свою апатію, свое лѣнивое равнодушіе, сдѣлалась вдругъ и бодрой, и здоровой, просиживала ночи, прислушиваясь, не хрипитъ ли дѣвочка, и какъ она дышетъ, подходила къ дверямъ дѣтской при малѣйшемъ шумѣ. Она усаживалась обыкновенно въ столовой съ книгой на всю ночь, часовъ до 5 утра, когда опасные часы уже проходили. Но теперь она не забывалась уже за книгами. Она почти не могла и читать. Въ это время Сергѣй уѣхалъ въ Псковъ по какому-то порученію, и Мусю сразу охватила такая тоска, такое чувство одиночества и пустоты въ этой разлукѣ съ мужемъ, первой со времени ихъ женитьбы, что она немедленно рѣшила по его возвращеніи „сдѣлаться опять хорошей", опять возстановить прежнюю душевную жизнь вдвоемъ. А пока Муся еще удвоила свою заботу о дѣтяхъ, еще больше тряслась надъ ними, точно желая вдвойнѣ любить и беречь ихъ, и въ то же время въ этихъ заботахъ о нихъ чувствуя себя ближе къ Сергѣю; такъ она спокойнѣе и сосредоточеннѣе переносила разлуку съ мужемъ: эти заботы, эта возня—это было что-то такое же строгое и глубокое, какъ ея любовь къ нему.

Но Вѣрочка поправилась, пріѣхалъ Сергѣй, и рѣшенія Муси „сдѣлаться хорошей" хватило только на какихъ-нибудь два дня, а тамъ опять пошли мелкія препирательства, взаимныя непониманія или замалчиванье самыхъ важныхъ вопросовъ. Здоровье ея окончательно испортилось; она стала даже вновь задыхаться при всякомъ движеніи, подъемѣ на лѣстницу, и Карлъ Антоновичъ сталъ пугать Мусю повтореніемъ астмы, которой она страдала еще въ дѣтствѣ, и погналъ поскорѣе въ деревню. Муся съ радостью ухватилась за предложеніе Анны Евграфовны прожить все лѣто въ Рябиновкѣ и заранѣе радовалась при мысли о тѣхъ двухъ-трехъ недѣляхъ, которыя проведетъ втроемъ съ мужемъ и дядей. Она даже неохотно согласилась на предложеніе Ольги провести сначала нѣсколько времени въ Неридовѣ; но Лена, начало лѣта проводившая съ матерью у брата въ Неридовѣ, и Дмитрій, такъ просили, что отказать нельзя было.

— Отчего и не погостить у нея, Мишенька? Тебѣ надо развлечься, повеселиться, а у Ольги Павловны, кажется, всегда весело,—сказалъ Мусѣ Петръ Михайловичъ.—Поѣзжай-ка!

Сергѣй хотѣлъ самъ отвезти жену въ Неридово, пробыть съ ней нѣсколько дней, затѣмъ уѣхать на свою ревизію и вернуться лишь къ іюлю. Петръ Михайловичъ долго не рѣшался бросить свои занятія и ѣхать въ деревню, но, наконецъ, сдался на

просьбы Муси и Сергѣя и даже обѣщалъ прогостить, сколько погостится, въ Неридовѣ вмѣстѣ съ ними.

— Анна Евграфовна будетъ страшно рада этому сюрпризу; она мнѣ не разъ говорила, что это было бы для нея настоящимъ праздникомъ, но не рѣшалась васъ просить, такъ какъ была увѣрена, что вы откажетесь подъ предлогомъ тѣхъ или другихъ занятій,—говорилъ Сергѣй, уже сидя въ вагонѣ противъ Бобрина.

Маленькая Вѣрочка прижимала лицо матери къ стеклу окна, каждую минуту открывая новый „домичекъ“ или „лошадку“; на которую она должна была посмотрѣть. А въ слѣдующую минуту Вѣрочка уже стремительно слѣзала со скамейки, подбѣгала къ нянѣ и тащила ее къ окну, или пыталась заинтересовать виднымъ изъ окна пейзажемъ кормилицу со спящимъ Володей на рукахъ, и едва не разбудила крошку—такъ убѣдительно и горячо просила мамку „чуть-чуть поглядѣть на хорошенькую маленькую свинку“: Муся не могла отойти отъ дѣвочки ни на минуту, и только урывками переговаривалась съ мужемъ и дядей.

— Да, Анна Евграфовна права,—говорилъ Бобринъ:—для меня крайне тяжело быть въ гостяхъ долго. Безъ дѣла я не могу долго жить, даже за границей, однѣми красотами природы да смотрѣніемъ на самыя чудныя созданія искусства и цивилизаціи: это меня утомляетъ, и я скоро начинаю скучать по дѣлу. А вѣдь ужъ на что̀ я люблю путешествовать! Подумайте же, каково въ деревнѣ! Ну хорошо: позаймемся мы съ Анной Евграфовной хозяйствомъ, потолкуемъ о разныхъ интересующихъ ее дѣлахъ; она женщина умная и оригинальная и читаетъ много, и съ толкомъ. Но вѣдь цѣлый мѣсяцъ!—Петръ Михайловичъ даже испуганное лицо сдѣлалъ. Но вслѣдъ затѣмъ подмигнулъ немного Сергѣю и весело продолжалъ:—Вотъ то-то и хорошо, что нынче у меня тамъ дѣло будетъ. У Неридовой громадная библіотека, оставшаяся еще отъ ея прадѣда Образкова, знаете, того, что воевалъ съ Пугачевымъ. И Анна Евграфовна говоритъ, что она и сама не знаетъ, что̀ въ этой библіотекѣ, какія книги и бумаги. Нынче я займусь разборкой всего этого, пересмотрю бумаги, и, можетъ быть, мы отыщемъ кое-что хорошенькое.—Петръ Михайловичъ окончательно просвѣтлѣлъ.

— Дядя, позволь и мнѣ съ тобой работать. Помнишь, я Александру Андреевичу помогала въ его изслѣдованіяхъ о татарскихъ музыкальныхъ инструментахъ? У меня есть эта способность находить въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ рисункахъ,

бумажонкахъ, отдѣльныхъ словахъ рукописей, именно то, что нужно для дѣла. Помнишь, Александръ Андреевичъ сказалъ...

— Мама, мама! слышишь, машина кричитъ? Скоро пріѣдемъ! Да, мама?—Вѣрочка прыгнула на колѣни къ Мусѣ и принялась ее цѣловать и пригибать ея голову къ себѣ, требуя немедленнаго отвѣта.

— Скоро, скоро! Только двѣ станціи еще.

— Еще двѣ „станціи",—сказала серьезно Вѣрочка нянѣ, но въ слѣдующую минуту уже радостно закричала:—Тише, тише идетъ! Мама, тише идетъ! Опять кричитъ: „Остановка-а-а!"—и въ дѣтскомъ восторгѣ Вѣра схватилась за спинку дивана и принялась прыгать по скамейкѣ, поднимая страшную пыль.

Муся пересѣла ближе къ Сергѣю и дядѣ.

— Нечего, нечего тебѣ въ бумагахъ рыться!—сказалъ Сергѣй, гладя ея руку.—Лучше музыку свою вновь почаще вспоминай! Это грѣхъ такъ ее бросать! Прежде, чуть какая радость, обида, скука—сейчасъ къ роялю. А нынче?

— Да!—подхватилъ Бобринъ,—ты вѣдь у насъ Саулъ новыхъ временъ, который самъ себѣ играетъ и поетъ, и демона изгоняетъ.

— А иногда и ангела... Мнѣ иногда бывало такъ радостно, что я должна была сейчасъ же, сейчасъ же играть. Иногда вотъ и играю, играю до тѣхъ поръ, что устану, душевно совсѣмъ устану, а радость какъ-то вся и потухнетъ, успокоится... Но нынче не знаю, буду ли много и играть...

— Ну, мать моя, одинъ уговоръ: не киснуться въ деревнѣ, а то я, въ самомъ дѣлѣ, за тебя примусь!

— Пріѣхали, мама, пріѣхали!

Поѣздъ дѣйствительно остановился у полустанка. Въ окно мелькнуло розовое платье, военный сюртукъ... Послышались возгласы:

— Ah! la voilà! И Петръ Михайловичъ тоже! Какой прелестный сюрпризъ для Анны Евграфовны! Лена, Hélène, иди скорѣе! они здѣсь!

Муся очутилась въ объятіяхъ Ольги.

— Сергѣй Александровичъ! Петръ Михайловичъ, ведите дѣтей скорѣе, а вещи возьметъ Михайло. Высоцкій, подите, подержите лошадей!—обратилась Ольга къ стоявшему за ней и улыбавшемуся почтительно адъютанту.—Да! знаете, вѣдь мы съ нимъ вмѣстѣ „въ заграницу" ѣдемъ! Дмитрій говоритъ, что ему нельзя. Тѣмъ хуже для него, пусть здѣсь умираетъ съ тоски, пока мы

тамъ будемъ веселиться!—говорила Ольга, постоянно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ.

Высоцкій, чуть краснѣя, раскланялся съ Глуховскими и покорно побѣжалъ къ экипажамъ. Володя, разбуженный остановкой, отчаянно заливался, несмотря на всѣ прибаутки няни и мамки, а Вѣра, держась за руку Петра Михайловича, прыгала, какъ коза, на одномъ мѣстѣ и тоже отчаянно, но весело кричала:— Пріѣхали! Вотъ Неридовка! Вотъ она!

Ольга поморщилась.—Quel tapage, bon Dieu! Какая она большая стала, Вѣра, и все говоритъ!—Ольга потрепала по щекѣ дѣвочку, которая недружелюбно, исподлобья посмотрѣла на нее блестящими, какъ у ея матери, глазами.—Молодецъ Вѣрочка!—Ольга любезно улыбнулась Мусѣ и снова обернулась къ Сергѣю.— Воображаю, какая возня съ двумя! Съ меня и одного довольно; и то слава Богу, что miss Harry такая толковая. Это такая исторія avec ces marmots! Я никогда не знаю, чѣмъ мнѣ ихъ занять... Однако, поѣдемте! Тебя, Муся, я беру въ свою corbeille. Петръ Михайловичъ и твой мужъ ѣдутъ съ Леной, а дѣти—въ большой коляскѣ. Хорошо?

Всѣ двинулись къ экипажамъ, куда Михайло и другой кучеръ уже укладывали всѣ безчисленные узелки, мѣшечки, корзинки. Высоцкій почтительно подсадилъ Мусю. Ольга, сощуривъ презрительно глазки, оттолкнула его руку и бойко вскочила въ легкую колясочку, запряженную парой понни-мышекъ. Она взяла изъ рукъ его возжи и бичъ, со словами:—„Vite à votre place, groom!“— Не ожидая, успѣетъ ли онъ исполнить ея приказаніе, и не глядя, какъ усѣлись другіе, она тронула рысью.

До усадьбы Дмитрія Алексѣевича было недалеко: дорога съ полверсты шла лѣсомъ, затѣмъ поворачивала, поднималась въ гору, еще разъ поворачивала, и вскорѣ уже, вплоть до самаго Неридовскаго сада, по сторонамъ тянулись затѣйливо-подстриженныя стѣнками и куполами елки. Въ паркѣ дорога становилась шире, вѣковыя березы смѣнили своихъ молодыхъ, вѣчно зеленыхъ, товарищей, послышался лай собакъ съ фермы, скрытой за зеленой стѣнкой акацій, мелькнули красныя стѣны оранжерей, и коляска, прокатившись по маленькому мостику черезъ ручеекъ, круто повернула налѣво и остановилась передъ главнымъ подъѣздомъ Неридовскаго дома.

Съ балкона быстро сбѣгалъ лакей, но еще быстрѣе, опережая его и прыгая черезъ двѣ ступеньки, сбѣжалъ Дмитрій и, щурясь отъ солнца и немного насмѣшливо улыбаясь, подбѣжалъ къ колясочкѣ.

— Ахъ, Боже мой, наконецъ-то! Я всѣ глаза проглядѣлъ, ожидая васъ, Марья Николаевна. Какъ можно такъ долго не ѣхать?! Это вы навѣрное охорашивались на станціи, чтобы меня окончательно поразить. Нѣтъ, право, вы точно и не ѣхали по желѣзной дорогѣ, да еще съ цѣлымъ семействомъ. Vous étincelez de fraîcheur et d'élégance!

— Ну, еще бы! Я, очевидно, только и старалась о томъ, какъ бы вамъ понравиться,—не заставляя ждать отвѣта, тѣмъ же притворно-любезнымъ и насмѣшливымъ тономъ заговорила Муся.— Я всю дорогу готовилась къ этой встрѣчѣ, и только и заботилась, что о своемъ туалетѣ, зная, что встрѣчу здѣсь такого знатока и цѣнителя... Ахъ, Анна Евграфовна, голубушка, здравствуйте!—говорила она вслѣдъ затѣмъ уже искренне-радостнымъ, своимъ всегдашнимъ густымъ, груднымъ голосомъ, цѣлуя большую, красивую руку Неридовой.

— Ну, покажись, покажись-ка хорошенько, какъ петербургская зима тебя потрепала? Ничего. Блѣдна немного, и глаза что-то не прежніе, а впрочемъ ничего! Все та же красавица.—Анна Евграфовна, цѣлуя и обнимая Мусю, слегка оттолкнула ее отъ себя, внимательно заглянула ей въ глаза и опять прижала къ себѣ.—И все-то ты, матушка, не угомонишься; вотъ какихъ двухъ молодцовъ на свѣтъ Божій предоставила, а все язычокъ прежній.— И Анна Евграфовна принялась обнимать дѣтей и Бобрина...

Вѣрочка первая освоилась со всѣмъ окружающимъ; не прошло и часа, какъ она уже завязала самую тѣсную дружбу съ бэби; онѣ играли какъ старые друзья. Няня и miss Нагту тоже, неизвѣстно, какимъ способомъ понимая другъ друга, вели самую задушевную бесѣду о томъ, сколько разъ въ день онѣ пьютъ кофе, какъ у генеральши Мальковой была приставлена особая подгорничная, которая избавляла нянюшку даже отъ труда самой молоть цикорій, а у lord Manners, гдѣ такъ долго жила miss Нагту, у нея были двѣ комнаты и лошадь, лично для нея, nurse. Нянюшки говорили объ этихъ интересныхъ вещахъ, а бэби и Вѣрочка возили по-очередно другъ друга въ тачкѣ вокругъ лужайки или, взявшись за руки и громко визжа, носились по усыпаннымъ краснымъ пескомъ дорожкамъ.

Анна Евграфовна, окруженная своими и гостями, пила въ это время чай на террасѣ.

Домъ Неридовыхъ—розоватый съ бѣлой крышей, построенный, какъ и всѣ большіе загородные дома начала нашего сто-

лѣтія, съ фронтономъ, опирающимся на пять толстыхъ бѣлыхъ колоннъ, съ круглымъ бельведеромъ надъ серединой главнаго фасада и двумя расходящимися съ балкона лѣстницами — казался очень красивымъ и величавымъ среди густой зелени окружавшаго его съ трехъ сторонъ парка. Домъ стоялъ на берегу озерка, и его бѣлыя, увитыя зеленью колонны и терраса, уставленная померанцевыми деревьями и олеандрами въ кадкахъ, глядѣлись въ спокойную темную воду этого озерка, изъ котораго выбѣгалъ ручей, извивавшійся между зелеными лужайками и старыми елями и березами парка вплоть до впаденія въ другое, Большое озеро — границу Неридовскихъ владѣній. Съ террасы открывался широкій видъ: у самаго дома, по обѣимъ сторонамъ озерка, затѣйливый, пестрый цвѣтникъ; дорожки, словно сжатыя между густыми, подстриженными стѣнками шиповника и акацій; озерко, съ его бѣлой лодочкой и бѣлымъ же мостикомъ черезъ ручей; купы сиреней и жимолости. А дальше—зеленые холмы парка, темныя аллеи елей и блѣдныя кудри березъ; усыпанныя краснымъ пескомъ дорожки—то блестятъ на солнцѣ, то убѣгаютъ въ густую тѣнь небольшихъ рощицъ; въ двухъ мѣстахъ сверкаетъ извивъ рѣчки. А еще дальше, между красными стволами сосенъ, мелькаетъ синева дальняго озера. И на самомъ краю горизонта, далеко за озеромъ и за низкимъ ельникомъ, окутавшимъ его берега, какъ бѣлая нитка на зеленомъ бархатѣ, блеститъ полотно желѣзной дороги, и воздухъ такой чистый и такъ тихо кругомъ, что слышно, какъ по временамъ пищатъ колеса . „Плаксы" — паровоза, подвозящаго песокъ къ этому полотну, хотя по прямой линіи до рельсовъ не менѣе десяти-двѣнадцати верстъ.

Величавая, вѣчно улыбающаяся своей загадочной улыбкой, Лена разливала чай за круглымъ столомъ, вокругъ котораго усѣлись всѣ, кромѣ Петра Михайловича и Ольги съ Высоцкимъ. Петръ Михайловичъ, который терпѣть не могъ эти „дневныя чаепитія", отказался отъ чая даже послѣ дороги и расхаживалъ со своей всегдашней живостью по террасѣ, разсказывая Аннѣ Евграфовнѣ о разныхъ петербургскихъ дѣлахъ и знакомыхъ, часто прерывая свой разсказъ отвѣтами на внезапные вопросы Ольги. Она пила чай на маленькомъ столикѣ въ уголку террасы, у колонны, и, безпрестанно закрываясь вѣеромъ и задыхаясь отъ смѣха, о чемъ-то неустанно болтала съ Высоцкимъ, сидѣвшимъ за ея стуломъ на низенькой скамеечкѣ.

— Да, скажите, что̀ Боде? Онъ получилъ какое-то новое и важное мѣсто, я слышала. Какой у него видъ? Все еще въ меланхоліи отъ моего отъѣзда? И все еще такъ же погруженъ въ

необычайно важныя и спѣшныя дѣла на пользу Россіи? Или теперь уже новое что-нибудь? За кѣмъ онъ ухаживаетъ? Онъ не женихъ еще?

— Ну, право, Ольга Павловна, спросите объ этомъ Мусю: она его видитъ гораздо чаще меня; къ тому же мы съ нимъ и не говоримъ о подобныхъ вещахъ, да, наконецъ, ему со мной нѣчего принимать какой-либо „видъ“. Это касается вашего вѣдомства!.. Итакъ,—продолжалъ Бобринъ, вновь обращаясь къ Аннѣ Евграфовнѣ,—я бросился сейчасъ на поиски этой портнихи, и чтò же вы думаете?—картина дѣйствительно у нея оказалась. Марковъ продалъ ее покойному портному за долгъ, за какіе-то 25—28 рублей. Ну, разумѣется, я заплатилъ портному уже не 25, а гораздо побольше. Какъ бы то ни было, а картина теперь у меня. Вѣдь это единственный его законченный пейзажъ! И знаете, такого пейзажиста у насъ теперь нѣтъ: это такая поэтическая и такая правдивая кисть! Никакой погони за эффектомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ какъ разъ то впечатлѣніе, то настроеніе, которое производитъ на насъ подчасъ извѣстное освѣщеніе, видъ въ природѣ. По-моему, это и есть задача всякаго пейзажиста. И если онъ это передастъ—я ему прощаю даже кое-какіе промахи въ рисункѣ. Хотя вообще долженъ сказать, что за послѣднее время наши выставки такъ наводнены пейзажами, и такъ много этихъ „послѣднихъ листьевъ“ да „заглохшихъ прудовъ“, что они мнѣ начинаютъ жестоко надоѣдать.

— А вотъ я не помню, были нынче на выставкѣ лошади Сверчкова? Это для меня самое интересное, — прервала опять Ольга.—Онъ ихъ такъ удивительно пишетъ, что мнѣ всякій разъ хочется спросить его, гдѣ онъ ихъ видѣлъ, чтобъ купить такую же. Ну, чтò можетъ быть лучше лошадей!? Вы замѣтили, Андрей Петровичъ, — обратилась она уже къ Высоцкому, не дожидаясь отвѣта Бобрина,—вы замѣтили, какъ сегодня „Pretty“ закапризничала и не хотѣла брать у меня сахара? Это она вѣдь злилась на меня, зачѣмъ я не дала ей побѣгать по лугу, какъ она хотѣла. Пойдемте, я ей дамъ теперь еще кусочекъ; я не хочу, чтобы она сохраняла досаду на меня,—сказала Ольга по-французски.—Тащите сахаръ, я бѣгу!—и она дѣйствительно быстро вскочила и такъ же быстро сбѣжала съ террасы.

Дмитрій немного нахмурился, оттолкнулъ-было свою чашку и хотѣлъ, повидимому, встать, но потомъ чему-то улыбнулся, передалъ вновь свою чашку Ленѣ и, все такъ же улыбаясь, пересѣлъ поближе къ Мусѣ.

— Ну, а вы какъ, „Миша Николаевна“? Тоже обожаете ло-

шадей и любите попрежнему верхомъ кататься? Я надѣюсь, вы мнѣ позволите быть вашимъ кавалеромъ. Я это, конечно, вамъ предлагаю только потому, что мнѣ *не съ кѣмъ* ѣздить. Ольга нынче объявила, что хочетъ кататься только въ своей corbeille, и что со мной ей скучно. Неужели же вы не захотите поѣхать со мной, мнѣ вѣдь не съ кѣмъ.—Дмитрій опять подчеркнулъ это слово.

— А, такъ это, значитъ, будетъ поѣздка „изъ жалости"? Ну, разумѣется, я поѣду, если только Анна Евграфовна мнѣ дастъ лошадь.

— Ну, милушка, этого и спрашивать нечего. Но нынче я здѣсь и не хозяйка. Я все сдала на руки Оленькѣ и здѣсь только гощу. Мы сюда пріѣхали съ Леной только на нѣсколько дней. Но пожалуй Лена теперь и не уѣдетъ отсюда, благо „партія" теперь составиться можетъ, а я вѣдь въ „винтъ" не играю.

— Какъ, Лена, неужто ты и вправду пристрастилась къ игрѣ?! Я думала, ты зимой шутила, дразнила насъ,—почти съ испугомъ обратилась къ ней Муся.

Лена спокойно улыбнулась.—Нѣтъ, я очень люблю винтъ; это прекрасная игра.

— Да, она вотъ такъ спокойно говоритъ,—перебилъ Дмитрій,—а вѣдь это ея единственная страсть; она вѣдь и рисованіе свое бросила. Знаете, я думаю, что она и за Тихменева выходитъ только изъ-за того, что и онъ такой картежникъ, простите за выраженіе.

— Какъ?! Что такое?!—Муся даже съ мѣста вскочила.— Ты выходишь за Тихменева? За Николая Павловича?! И хоть бы слово сказала! Да ты просто невѣроятное существо! Сидитъ, молчитъ и улыбается, а сама влюблена, невѣста!.. Нѣтъ, господа, это Богъ знаетъ чтò! И вы всѣ молчите! Ахъ, Богъ мой!—Муся обѣжала столъ и бросилась обнимать и поздравлять Лену.

Всѣ пріѣхавшіе послѣдовали ея примѣру, но, среди всѣхъ рукопожатій и поздравленій, Лена не потеряла своего невозмутимо-величаваго вида, и яркая краска, залившая ея щеки, только еще болѣе скрасила ея спокойную улыбку.

— Да какъ же, когда же это все рѣшилось, Лена? Разскажи скорѣе! Анна Евграфовна, душенька, чтò вы молчите, разскажите же!—Муся точно умоляла.—Я такъ люблю Николая Павловича, хотя почти его не знаю; но есть такіе люди, что, увидѣвъ ихъ разъ или два, уже знаешь все, что они любятъ, знаешь, такъ сказать, высоту того камертона, по которому все

у нихъ настроено,—прибавила Муся задумчиво, и вдругъ, замѣтивъ улыбку Неридова, съ живостью обратилась къ нему:—Что вы смѣетесь? Я что-нибудь глупое сказала? Или вы опять нашли, что я гоняюсь за чѣмъ-то высшимъ и простымъ смертнымъ недоступнымъ, какъ вы однажды изволили выразиться про меня? Вамъ смѣшно мое выраженіе: „камертонъ"? Ну, пусть!

— Да вовсе нѣтъ, Миша Николаевна, съ чего вы взяли! Я улыбнулся своей собственной мысли.

— „Смѣшное слово", вѣрно, вспомнили?

— Да-съ, „смѣшное слово", и вотъ, если вамъ будетъ угодно, я потомъ будутъ имѣть честь разсказать вамъ о немъ.

— Его хлѣбомъ не корми, только говори съ нимъ а parte,—пояснила Лена, тихо отодвинула свой стулъ и собиралась позвонить, но Муся схватила ея руки, потянула за собой и усадила на низенькій диванъ въ углу террасы.—Нѣтъ, нѣтъ, погоди звать: дядя теперь съ Анной Евграфовной будутъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, Сережа съ miss Battler, любитель a parte намъ не помѣшаетъ, или мы его прогонимъ, а ты мнѣ изволь все разсказать.

— Да что разсказывать?..—Но, тѣмъ не менѣе, Лена, слегка смущаясь и краснѣя,—своимъ всегдашнимъ ровнымъ, низкимъ голосомъ разсказала, какъ Николай Павловичъ, проѣздомъ въ свою деревню, остановился у нихъ на два дня, какъ онъ, вмѣсто этихъ двухъ дней, прогостилъ почти двѣ недѣли, но въ продолженіе этихъ двухъ недѣль „ничего особеннаго" не только сказано, но и замѣчено не было, какъ, наконецъ, уже наканунѣ дня его отъѣзда они пошли собирать ландыши и какъ, оставшись на большой дорогѣ съ глазу на глазъ, они высказались и рѣшили свою судьбу.

— Да нѣтъ! Вы только представьте себѣ, Миша Николаевна! — живо началъ Неридовъ, вскакивая со ступенекъ балкона, на которыхъ сидѣлъ, и подходя къ Мусѣ:—это называется „влюбленные": двѣ недѣли живутъ подъ одной кровлей—и только и разговоровъ: „Хотите еще чашку чаю, Николай Павловичъ?" (Дмитрій сдѣлалъ безстрастно-меланхолическую мину, воображая, что представляетъ Лену.)—„Не правда ли, какая хорошая погода, Елена Алексѣевна?" (И онъ сдѣлалъ мрачно-меланхолическое лицо, якобы похожее на лицо Тихменева.)—„Не сыграть ли намъ въ винтъ, Николай Павловичъ?" (Лицо слегка улыбающееся, но вслѣдъ затѣмъ опять меланхолическій взглядъ вверхъ.) —„Съ удовольствіемъ, Елена Алексѣевна". И больше ни слова!! Наконецъ, завтра *онъ* уѣзжаетъ. *Они* идутъ гулять. Три часа—

увѣряю васъ, это истинная правда! мнѣ самъ Николай говорилъ— три часа они бродятъ по лугамъ и лѣсамъ, и все молчатъ, все молчатъ, только и разговору, что: „ахъ, какъ много цвѣтовъ!" (замѣтьте, даже и это произносится тихо и грустно). Наконецъ, идутъ домой. Вышли на дорогу: „Елена Алексѣевна, выходите за меня замужъ".—„Хорошо, Николай Павловичъ". И въ молчаніи пришли домой.

— Ну, ужъ это, положимъ, неправда, Дима. Конечно, мы не танцовали пляски дикихъ по дорогѣ и на шею никому не бросались, какъ ты, когда былъ женихомъ. А прикрашивать все-таки нечего!

— Нѣтъ, это невѣроятные люди! Я даже не вѣрю до сихъ поръ, что они женятся. Это какіе-то „анделы" восковые, какіе-то...

— Ну, ну, хорошо! Мы „анделы", а ты самъ что̀ молчишь послѣднее время и носъ повѣсилъ?—Лена, противъ своего обыкновенія, раскипятилась и заговорила даже о личныхъ дѣлахъ въ присутствіи третьяго лица, чего никогда не дѣлала.—Нечего про другихъ сочинять, на себя погляди.

Дмитрій измѣнился въ лицѣ, рѣзко проговорилъ:—Это ужъ мое дѣло!—и быстро ушелъ въ комнаты.

— То-то „мое дѣло"!—уже безъ всякаго раздраженія сказала Лена.—Rira bien qui rira le dernier, а ему, бѣдному, теперь смѣяться-то приходится чуть ли не сквозь слезы.—И Лена указала въ сторону конюшенъ, откуда шла Ольга подъ-руку съ Высоцкимъ, который несъ надъ нею зонтикъ, тогда какъ сама Ольга лѣниво обмахивалась краснымъ вѣеромъ.

Въ эту минуту съ другой стороны на террасу взошла Анна Евграфовна.

— Что̀ ты, Лена?! — точно испугавшись чего-то ужаснаго, вскричала Муся.—Неужто она вправду?..

Анна Евграфовна отвѣтила за Лену:

— Нѣтъ, чего-нибудь окончательно-ужаснаго тутъ нѣтъ, но и общаго между Димой и Ольгой тоже нѣтъ. Они живутъ въ одномъ домѣ, но это чужіе другъ другу люди. И мнѣ моего Митю страшно жаль, такъ какъ онъ глубоко несчастливъ. А она... ты видѣла: все тѣ же адъютанты, бичи, лошади, экипажи; она вѣрна себѣ. А Дима—пропащій человѣкъ; ея личико ему уже пріѣлось, а кромѣ этого личика не спрашивай у нея ничего, и даже закрой глаза на многое, многое...

Муся, блѣдная, съ испуганными, остановившимися глазами, слушала Неридову, нервно теребя свой платокъ и тяжело дыша, какъ дѣти, готовыя заплакать. А лицо Лены приняло еще болѣе

безстрастное и гордое выраженіе, точно она спряталась окончательно за ту невидимую стѣнку, которую такъ умѣла мгновенно воздвигать между собою и всѣмъ остальнымъ, презираемымъ, грѣховнымъ, волнующимся міромъ.

III.

Яркое солнце заливаетъ старый Рябиновскій домъ и невысокій пригорокъ, на которомъ стоитъ усадьба. Вѣтви высокихъ березъ, что сплошной двойной стѣной подымаются къ дому отъ самаго моста черезъ мелкую шумливую рѣчку, кажутся раскаленными добѣла среди безоблачнаго, свѣтлаго неба. Пыльная дорога подъ ними тоже бѣлая, и въ концѣ ея, уже совсѣмъ бѣлоснѣжныя, блестятъ перила моста. Не дойдя до дому, березы разступаются, окружая съ запада заростающій травою дворикъ, а дорога обѣгаетъ небольшую лужайку съ клумбой сирени по срединѣ и оканчивается передъ крыльцомъ усыпанной пескомъ площадкой. Цвѣтникъ, который примыкаетъ къ ней слѣва, весь вспыхиваетъ своими разноцвѣтными звѣздочками и крылышками, такими яркими и легкими въ жаркомъ полуденномъ свѣтѣ, точно они слетѣли лишь на минуту съ сіяющаго неба и, какъ бабочки, то-и-дѣло трепещутъ надъ ними такими же нѣжными и яркими крылышками, готовы порхнуть и исчезнуть въ тепломъ воздухѣ. Молодые желтовато-бархатистые листики дикихъ акацій, которыя отдѣляютъ цвѣтникъ отъ дороги, рѣзко выдѣляясь на сине-зеленомъ фонѣ подходящаго къ самой усадьбѣ еловаго лѣса, кажутся совсѣмъ воздушными и прозрачными въ этомъ горячемъ, веселомъ свѣтѣ.

На балконѣ, выходящемъ въ цвѣтникъ, невозможно сидѣть отъ жары, несмотря на опущенныя маркизы и на довольно уже густую листву хмеля и бузины, переплетающихся между столбовъ. За то по ту сторону двухъ-этажнаго, потемнѣвшаго отъ времени, дома—тѣнь и прохлада.

Сегодня воскресенье, и всѣ обитатели Неридова съѣхались въ Рябиновку и теперь, послѣ обѣдни, которую Анна Евграфовна съ дочерью и Ольгой слушали въ садовой Рябиновской церкви, пьютъ кофе въ тѣни столѣтнихъ липъ, близко обступающихъ старый домъ.

Рябиновскій садъ совсѣмъ непохожъ на Неридовскій. Вѣтви старыхъ липъ и дубовъ склоняются почти къ самой густой травѣ, заставляя гуляющихъ сгибаться въ три-погибели, чтобы про-

браться въ сыроватыя, заросшія травой аллеи. Кусты сирени, бузины и жимолости, перемѣшиваясь съ молодыми кленами и рябинами, разрослись цѣлыми непроходимыми стѣнами, всюду образуя зеленые уголки и корридоры. Въ воздухѣ пахнетъ не то сыростью, не то грибами; всюду тѣнь и тишина. Трава высокая; въ ней блестятъ бѣлыя головки полевыхъ астръ и лиловые колокольчики; подъ деревьями раскинулся лопухъ и папоротникъ; красные гроздья щавеля мелькаютъ рядомъ съ зонтиками дикаго укропа и зари. На дорожкахъ поросли маргаритки и одуванчики; мѣстами дорожки совсѣмъ пропадаютъ подъ зеленымъ мхомъ и шелковистою травою. Въ концѣ сада старыя деревья разступаются, и на залитой солнцемъ прогалинкѣ, за невысокою изгородью изъ горошка, бобовъ и хмеля, прячутся гряды зеленного огорода; дальше уступами внизъ сходитъ огородъ ягодный. Потомъ опять липы и дубы, тѣнь и прохлада и, склонившись къ самой водѣ, вѣтви деревьевъ шуршатъ въ серебристомъ камышѣ Большого Неридовскаго озера.

И безъ того многочисленное общество Неридовыхъ въ это воскресное утро еще увеличилось: явился Тихменевъ изъ своей деревни, изъ Петербурга—Рудольфъ Мюнстеръ съ Боде и Нина Бергъ, пріѣхавшая въ Рябиновку къ Мусѣ на цѣлый мѣсяцъ.

За большимъ круглымъ столомъ, который снесли съ балкона подъ темныя липы, сидѣли Тихменевъ, Неридова съ дочерью и сыномъ, Муся, Нина и Бобринъ. Лена уже кончила разливать кофе и теперь тихо говорила съ Тихменевымъ, не спускавшимъ съ нея своихъ задумчивыхъ прекрасныхъ глазъ. А Лена казалась такой же спокойной, какъ всегда, только была розовѣе обыкновеннаго, да сѣрые глаза ея глядѣли ласковѣе и мягче, точно въ нихъ затеплился какой-то спокойный, тихій свѣтъ. Боде стоя пилъ кофе подлѣ Анны Евграфовны и Лены. Прошлой зимою онъ очень серьезно старался ухаживать за Леной, не высказываясь, однако, окончательно и постоянно отвлекаясь въ сторону Ольги, которая хорошо его понимала и нарочно забавлялась своей властью надъ нимъ, видя, что этимъ тормазитъ его планы выгодной женитьбы. Теперь Боде считалъ неловкимъ измѣнить свои отношенія къ Аннѣ Евграфовнѣ и Ленѣ и, какъ будто помолвка Лены для него лично не имѣла никакого особеннаго значенія, старался быть особенно почтительно-предупредительнымъ съ матерью и изысканно-любезнымъ съ дочерью и ея женихомъ. Однако Боде видимо былъ сильно заинтересованъ разговоромъ на другомъ концѣ площадки, гдѣ Ольга, какъ и всегда, поодаль отъ остального общества, угощала Мюнстера и Высоцкаго изъ настоящихъ

турецкихъ чашечекъ настоящимъ турецкимъ кофе съ гущей, свареннымъ ею самою. Секретарь турецкаго посольства, представленный нынче зимою madame Неридовой, подарилъ ей затѣйливый кофейникъ съ кукольными чашечками и выучилъ приготовлять кофе по-восточному, и съ тѣхъ поръ Ольга не пила другого, а ящичекъ съ чашками и кофейникомъ возила съ собой даже тогда, когда ѣхала на полъ-дня изъ Неридова въ Рябиновку.

— Если ужъ пить кофе à la turque, такъ надо и всю обстановку устроить по-турецки, Ольга Павловна. Я не люблю анахронизмовъ, или какъ это сказать? — говорилъ Мюнстеръ. — Я ничего не имѣю противъ вашего прелестнаго бѣлаго платья (Ольга, дѣйствительно, была особенно хороша сегодня въ своемъ пышномъ, совершенно гладкомъ бѣломъ платьѣ съ широкимъ кушакомъ rouge crevette), но, чтобы все было въ одномъ стилѣ съ кофе, я желалъ бы видѣть на васъ загнутыя туфельки безъ задковъ и чадру.

— Туфельки безъ задковъ не годятся для такихъ ногъ,— кокетничала Ольга, вытягивая свою длинную, узкую и красивую ногу въ желтомъ, совершенно плоскомъ, безъ каблуковъ, башмачкѣ. —Чадра имѣетъ свои достоинства: elle fait ressortir les yeux,—продолжала она, томно щуря синіе глаза,—но турецкій костюмъ вообще... не думаю, чтобъ это было такъ поэтично и шло бы мнѣ,—заключила она, подчеркивая слова и дѣлая видъ, что очень сконфужена.

Всѣ засмѣялись. Боде не выдержалъ и подсѣлъ къ ихъ столику, объяснивъ предварительно Ленѣ, что „такъ-какъ онъ привыкъ по своей службѣ постоянно имѣть дѣло съ разными національностями, а это,—какъ говоритъ Бёкль,—способствуетъ развитію взаимнаго международнаго уваженія, — то послѣ чуднаго кофе, предложеннаго ему съ такимъ *русскимъ* радушіемъ, онъ, не желая обижать Турцію, теперь хочетъ отвѣдать настоящаго *турецкаго* кейфа“.

— Миша Николаевна!—сказалъ Дмитрій,—если вы не боитесь жары, походимте по саду. Я согласенъ даже нести надъ вами зонтикъ, обмахивать вѣеромъ, изображать индусскаго невольника съ вѣникомъ въ рукахъ, только пойдемте походить.

— Какой непосѣда!—Муся засмѣялась, однако тотчасъ встала. —А я только-что мечтала о томъ, какъ въ такой день хорошо быть мексиканкой и лежать въ гамакѣ, ничего не думать и ничего не дѣлать. Вы просто нечеловѣколюбивы!

Она пошла по тѣнистой дорожкѣ. Дмитрій догналъ ее, захвативъ съ балкона ея большой японскій вѣеръ.

— Ну, скажите Марья Николаевна,—сразу перемѣняя тонъ, искренно и серьезно заговорилъ Дмитрій, какъ только они отошли нѣсколько шаговъ:—спору нѣтъ, она очень хороша, и я первый согласенъ любоваться ею, но съ утра до вечера только и слышать, что: „моя ножка, моя ручка, мои глазки“, или: „ваше платье, ваша ручка“, да разныя сладости (и хорошо еще, если только сладости, а то, вы замѣтьте, ни одинъ разговоръ не кончается безъ этакаго маленькаго перехода на опереточныя темы, такъ сказать, въ родѣ „турецкаго костюма“, какъ сейчасъ),—нѣтъ, воля ваша, это ужъ слишкомъ, слишкомъ однообразно, ну, просто, мнѣ по горло надоѣло!

— Полноте, полноте, Дмитрій Алексѣевичъ: право, Ольга въ этомъ лишь наполовину виновата: она такая красавица, и всѣ ей только и говорятъ, что комплименты, ну, она и привыкла къ этому, это ей теперь необходимо, какъ рыбѣ вода. Вы сами прежде ее къ этому пріучили.

— Такъ это же разница! Я говорилъ ей то, что̀ думалъ, да еще вдобавокъ будучи ея женихомъ. А теперь всѣ они иначе съ ней и не говорятъ. Ну, скажите, отчего вамъ ничего подобнаго не говорятъ, а ужъ, извините, не знаю, кому скорѣе присталъ эпитетъ красавицы...

— Тс!.. тс! „Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ“ и легко впадаемъ въ тотъ же тонъ, который осуждаемъ въ другихъ.

— Но, видите, вы меня сейчасъ же остановили, а она—нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Можетъ быть она и права. Вѣдь все можно объяснить, почему, да отчего, — мнѣ-то отъ этого не легче! Я знаю, что мнѣ дома тоска, что все это меня возмущаетъ, надоѣдаетъ, а все, что мнѣ дорого, интересно, ничего этого въ ней нѣтъ!

— Перестаньте, Дмитрій Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно непріятно, что вы заговорили на эту тему; помните англійское золотое правило, что никогда ни мужъ о женѣ, ни жена о мужѣ съ посторонними говорить не должны. Помочь я вамъ не могу, а слушать все это какъ-то нехорошо... Да и тяжело.

— Какая же вы посторонняя!? Я васъ совсѣмъ не считаю посторонней; вы со всѣми моими такъ дружны... а главное, развѣ не правда, что и у насъ съ вами совсѣмъ особенныя дружескія отношенія? Развѣ есть вещь, о которой бы мы не говорили, или не могли бы говорить? Вы вспомните эти пять лѣтъ. Съ кѣмъ я совѣтовался обо всемъ важномъ? Съ кѣмъ говорилъ о себѣ и своихъ интересахъ? Да, конечно, я былъ все время влюбленъ въ Ольгу, я былъ счастливъ, если хотите, но только развѣ это то, что̀ вы и я понимаемъ подъ словомъ „счастье“?..

— Нѣтъ, знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, ужасная жара, и здѣсь еще хуже печетъ. Вернемтесь къ дому, тамъ дышать можно.

Муся повернула назадъ къ дому и была очень занята наблюденіями надъ маленькимъ золотисто-зеленымъ хоботникомъ, который испуганно бѣгалъ по ея ладони; она ему подставляла другую руку, онъ перебирался черезъ палецъ и опять стремительно бѣжалъ до края руки.

— Отчего вы не хотите со мной говорить? Кому же я могу высказаться, какъ не вамъ? Я духомъ не падаю никогда, вы знаете, но, честное слово, какъ подумаешь объ этихъ пяти годахъ моей жизни, такъ и скажешь, что они просто потеряны даромъ, что не...

— Поглядите, какъ онъ мило взбирается по этой травинкѣ, и какъ спинка его отливаетъ почти бронзово-краснымъ. Я его посажу на сирень. А какъ жаль, что въ Неридовѣ такъ мало сирени. Впрочемъ, я думаю, что мы недолго уже тамъ пробудемъ; на будущей недѣлѣ я хочу сюда совсѣмъ перебраться, такъ-какъ вотъ и Нина пріѣхала, да и у Ольги постоянно гости, я боюсь ее стѣснять.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Вы развѣ не видите, что я съ вами совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, точно ожилъ, точно меня опять подвинтили? И не мудрено: мы съ вами и помузицируемъ, и почитаемъ, и похохочемъ вмѣстѣ; вѣчно отъ васъ услышишь что-нибудь новое, неожиданное. Наконецъ, вы сама жизнь. А безъ васъ...

Муся отвернулась и еще ускорила шагъ. — Ужъ, я думаю, живѣе Ольги трудно найти,—съ досадой проговорила она.

— Съ другими, съ чужими, Марья Николаевна! А когда никого нѣтъ,—вы сами знаете: раскладываетъ пассіансъ, встаетъ къ завтраку и цѣлый день вздыхаетъ: „Bon Dieu, quel trou que cette деревня!“ Bon Dieu, quel ennui!“—Только это и слышишь.

Муся совсѣмъ сердито ёжила брови, ничего не сказала и еще скорѣе пошла. Они подошли къ столу, за которымъ теперь остались только Лена и Тихменевъ. Бобринъ съ Анной Евграфовной ушли въ библіотеку, а Ольга съ Ниной и гостями играли въ крокетъ на тѣнистой широкой аллеѣ за угломъ дома, и оттуда то-и-дѣло доносились громкіе возгласы или сердитое замѣчаніе Ольги:—„Ахъ, Боже мой, да тутъ себѣ голову проломишь о вѣтви! я положительно не вижу, куда мнѣ гнать мой шаръ. И такъ неровно! Bon Dieu!“

— Что это, — спросила Лена Мусю: — вы, кажется, опять побранились?

Муся протестовала:—Напротивъ, напротивъ, но... такая жара, что невозможно гулять! — Она хотѣла-было присѣсть къ Ленѣ, но Тихменевъ так̀ъ вздохнулъ, когда они подошли къ нимъ, что Мусѣ не хотѣлось имъ мѣшать говорить съ-глазу-на-глазъ. Съ другой стороны, что-то мѣшало ей подойти и къ Ольгѣ и ея компаніи.—Куда бы сплавить Дмитрія?—Муся нѣсколько минутъ задумавшись постояла около стола, постукивая пальцами по массивной доскѣ краснаго дерева.

— Дмитрій Алексѣевичъ, будьте великодушны, принесите мнѣ лимонаду, страшно пить хочется! — Муся рѣшила, что въ Рябиновкѣ теперь очень можетъ быть и нѣтъ лимона, и что она такимъ образомъ заставитъ Дмитрія вмѣстѣ съ miss Buttler походить и поискать по дому.

Дмитрій пошелъ за лимонадомъ. Муся тоже поднялась въ домъ. Куда бы пойти? Ея комната еще не устроена: тамъ стоятъ всѣ присланные уже изъ Неридова сундуки. Муся прошла въ столовую, гдѣ стоялъ рояль.

— А, слава Богу! Можно играть. — Она никому не помѣшаетъ и ей никто не помѣшаетъ. Она принесла изъ своей комнаты нѣсколько тетрадей нотъ и сѣла къ фортепьяно. Разговоръ съ Дмитріемъ ее крайне разстроилъ. Какъ жаль его! И потомъ еще что-то было въ его словахъ, чт̀о раздражало ее, даже сердило. Къ чему это? къ чему онъ все это говоритъ?! Было такъ хорошо, такъ весело вмѣстѣ, а онъ все портитъ... Она не могла бы сказать, чт̀о онъ портитъ, но хорошо это чувствовала.

Двѣ недѣли, что Муся прожила въ Неридовѣ, прошли такъ хорошо, а главное, такъ необычайно весело. Бобринъ увѣрялъ, что Мусѣ опять 17 лѣтъ: цѣлыми днями раздавался ея звонкій смѣхъ, пѣніе, цѣлыми днями она гуляла, каталась, безъ умолку болтала. Она была спокойна за дѣтей подъ тройнымъ присмотромъ няни, miss Buttler и Анны Евграфовны, и безъ зазрѣнія совѣсти уѣзжала верхомъ за 12—15 верстъ, или уходила къ озеру, или въ паркъ рисовать на цѣлые часы. Дмитрій бралъ изъ дому книгу—они то читали, то просто болтали; онъ шутливо поставилъ себя на ногу ея вѣрнаго рыцаря. И воздухъ въ Неридовѣ былъ дѣйствительно удивительный, такъ какъ въ эти двѣ недѣли Муся ожила и расцвѣла. „Я вновь помолодѣла", —говорила двадцати-двухлѣтняя женщина ко всеобщему смѣху.

И вотъ теперь ей казалось, что все это почему-то должно испортиться и кончиться. — „Какой онъ несносный!" — сказала себѣ Муся о Дмитріѣ, и стала играть „Humoreske". Но, читая ноты глазами, она не думала о нихъ и играла машинально. Лю-

бимая пьеса выходила изъ-подъ пальцевъ сама по себѣ, а мысль шла сама по себѣ, и, сыгравъ первыя два отдѣленія, Муся вдругъ сознала, что она совсѣмъ не слыхала того, чтѐ сыграла. Она начала вновь. Первую, вторую фразу она играла внимательно, и вся душа ея была въ игрѣ, но на третьей опять глаза и пальцы пошли дѣлать свое дѣло, а умъ—свое.—Какъ это все странно и нехорошо выходитъ, точно Дмитрій у нея вѣчно стоитъ на дорогѣ!—Муся вспомнила свое первое знакомство съ нимъ и свое дѣтское минутное увлеченіе, и какъ ей трудно было удержаться отъ внезапнаго желанія заставить его обратить на нее исключительное вниманіе, просто „отбить его у Ольги". Потомъ были они такъ дружны... Нѣтъ, Мусѣ отчего-то теперь непріятно вспоминать и эту дружбу. Она тоже *мѣшаетъ*. Лучше было нынче зимой: она ему чужая, онъ ей просто знакомый, все отлично! И вотъ теперь все было тоже отлично, и вдругъ...—Муся услышала шаги Дмитрія по гостиной и поскорѣе опять принялась играть, стараясь глядѣть на ноты какъ можно внимательнѣе.

— Вотъ лимонадъ, Марья Николаевна, я его вотъ сюда ставлю,—онъ его поставилъ на столикъ за спиной Муси.—Можно остаться послушать? Не помѣшаю?

— Merci! Сдѣ-лайте одол-женье! — въ тактъ проговорила Муся, не останавливаясь. Теперь ея пальцы совсѣмъ уже самостоятельно дѣлали свое дѣло, а Муся думала, какъ бы Дмитрій скорѣе ушелъ, такъ какъ онъ помѣшалъ ей додумать, отчего отлично, что нынче зимою они были такъ далеки?.. Развѣ она боится чего-нибудь относительно Дмитрія? Или дружбы съ нимъ? Чего же можно бояться?.. И вдругъ, точно испугавшись, что она найдетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Муся оборвала разомъ, захлопнула тетрадь и встала.

— Что же вы? Видно, я помѣшалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Вовсе не помѣшали. Такъ что-то не идетъ.

— Напротивъ, я совсѣмъ заслушался васъ. Сыграйте еще что-нибудь! Чтѐ вы охотно играете?

— Нѣтъ, не хочу, да здѣсь и темно, а открыть ставни — жарко будетъ.—Она взяла лимонадъ.

— Марья Николаевна, а вы не боитесь сцены изъ „Маскарада" или изъ „Kabale und Liebe"? Лимонадъ-то вѣдь *я* приготовилъ,—пошутилъ Дмитрій.

Муся засмѣялась немножко натянутымъ смѣхомъ.—А вы хотѣли бы меня, à la Фердинандъ или à la Арбенинъ, отправить на тотъ свѣтъ?

Дмитрій вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и подошелъ къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Да,—сказалъ онъ тихо и глухо, глядя ей прямо въ глаза: — если хотите, бываютъ минуты, что я, дѣйствительно, хотѣлъ бы, чтобы васъ совсѣмъ не было, чтобы вы пропали со свѣта, конечно, безъ моей любезной помощи, но чтобы вы не стояли вѣчно у меня на дорогѣ!

Муся заговорила громко и насмѣшливо: — Скажите! какое странное совпаденіе! Вотъ ужъ дѣйствительно les beaux esprits se rencontrent: я только-что сейчасъ думала то же самое! Да, Рябиновка всѣмъ бы хороша была, еслибы только не близкое сосѣдство „Неридова“. Я вѣдь женщина, а потому о героическихъ средствахъ, въ родѣ арбенинскаго лимонада, никогда не мечтала, но охотно, зато, увеличила бы эти 12 верстъ въ 156 разъ!

— Однако, вы любезны, Миша Николаевна! Но я не шучу...

— А я шучу. Но, вправду, вы мнѣ... очень часто... мѣшаете... — договорила Муся уже спокойно и, закрывъ рояль, пошла въ библіотеку, откуда доносились голоса Анны Евграфовны и Бобрина.

— Марья Николаевна! Дослушайте хоть...

Муся, не останавливаясь, обернулась:—А вотъ вы отнесите стаканъ въ буфетную, а то Анна Евграфовна прочтетъ вамъ наставленіе о порядкѣ. Въ библіотекѣ я васъ дослушаю.—И она вошла въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ высокими дубовыми шкафами, а по срединѣ загроможденную всевозможною старинною мебелью и рухлядью. Сюда сносили все, что мѣшало въ другихъ комнатахъ Рябиновскаго дома: столики boule, старые выцвѣвшіе портреты, часы, принадлежавшіе нѣкогда Образкову— покорителю Пугачева, конторку, на которой онъ, говорятъ, всегда писалъ, турецкій столикъ и кальянъ, привезенный отцомъ Анны Евграфовны съ войны 28-го года. На одномъ изъ шкафовъ висѣлъ громадный тростниковый малайскій щитъ — его привезъ отецъ покойнаго Неридова изъ кругосвѣтнаго плаванья, также какъ и лодку изъ тюленьей кожи, теперь прислоненную къ сломанному мраморному столу, начала нынѣшняго столѣтія, съ инкрустаціей изъ камней, которая изображала славу, вѣнчающую медальонъ Наполеона, окруженный гирляндами розъ и летающими амурами, одѣтыми въ военные аттрибуты. Здѣсь же очутился пузатенькій комодъ на бронзовыхъ ножкахъ и съ маленькимъ зеркаломъ въ массивной рамѣ краснаго дерева наверху.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ на какомъ-то золоченомъ стулѣ передъ конторкой и весь погруженъ былъ въ чтеніе неудобопо-

нятной рукописи на сѣрой, пожелтѣвшей еще отъ времени бумагѣ.

— Муся, Муся, какая находка!—закричалъ онъ, едва завидя племянницу.—Какая находка! Да теперь я здѣсь согласенъ годъ прожить. Вѣдь это подлинный дневникъ Образкова. И что я уже прочелъ!!—Петръ Михайловичъ даже поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Ну и прекрасно!—говорила со скрипомъ въ голосѣ Анна Евграфовна:—значитъ и вамъ, и намъ нынче будетъ пріятное лѣто. Ну и прекрасно.

— Анна Евграфовна, ne me prenez pas pour un mal-appris! —заглаживалъ Бобринъ:—мнѣ и такъ было бы пріятное лѣто у васъ. А ужъ про эту даму и говорить нечего!—Онъ всталъ и потрепалъ Мусю по щекѣ.—Какъ поправилась-то въ двѣ недѣли всего! Какъ весела! А?

Муся оглянулась на себя въ зеркало комода. Потемнѣвшіе, горящіе глаза глядѣли изъ залитаго нѣжнымъ румянцемъ лица. Губы смѣялись побѣдной и счастливой улыбкой, открывая яркіе, бѣлые зубы. Казалось, что и ямочка на щекѣ, и капризная бровь никогда не придавали этой улыбкѣ столько прелести. Муся невольно подумала, что она дѣйствительно красавица. Да она и была въ эту минуту хороша своею лучшею красотою: красотою жизни и счастья.

— „Отчего я такъ счастлива?"—спросила она себя, и опять испугавшись того, что знаетъ *отчего*, поспѣшно взяла изъ рукъ Петра Михайловича рукопись и стала разбирать старинный почеркъ съ титлами и завитушками.

Петръ Михайловичъ на другой же день переселился въ Рябиновку и принялся за изслѣдованіе драгоцѣннаго дневника.

IV.

Сергѣя Александровича ждали въ послѣднихъ дняхъ іюня, но Муся еще къ 10-му окончательно перебралась съ дѣтьми въ Рябиновку. Въ Неридовѣ, вмѣсто уѣхавшихъ Мюнстера и Боде, гостилъ теперь Саша Муранскій и бѣлокурый маленькій офицерикъ съ дѣтскимъ голоскомъ—Лахиревъ. Тихменевъ и Высоцкій тоже еще оставались тамъ. Ольга, боясь, какъ бы ея штабъ не заскучалъ въ деревнѣ, старалась какъ можно чаще соединять общества обѣихъ деревень, и рѣдкій день проходилъ, чтобы между

усадьбами не скакала кавалькада, не летѣла маленькая corbeille или черезъ озеро не переплывала бы лодка.

Одна Муся, занятая устройствомъ комнатъ въ Рябиновкѣ, еще ни разу не была въ Неридовѣ. Но 13-го всѣ ѣздили въ Неридово по случаю имянинъ Анны Евграфовны, и Муся осталась у Ольги до слѣдующаго дня. Назадъ она поѣхала верхомъ съ Дмитріемъ. Съ того воскреснаго разговора ей приходилось видѣть Дмитрія все только мелькомъ, всегда среди другихъ, — она не сознавалась себѣ, что нарочно избѣгала всякой встрѣчи и разговора съ-глазу-на-глазъ. Она себя увѣряла, что все это были пустяки, а главное—даже непріятные для нея пустяки, но безсознательно волновалась, садясь въ сѣдло, и рука, которою она взялась за луку, чтобы вскочить, такъ дрожала, что Дмитрій даже спросилъ ее:—Что̀ съ вами, Миша Николаевна? Вы точно боитесь сегодня, вы совсѣмъ не такъ сѣли, какъ всегда.

— Я очень запыхалась, бѣжала съ лѣстницы,—отвѣтила она...

Лошади бѣжали ровною рысью, лишь иногда замедляя ее передъ ветхимъ бревенчатымъ мосточкомъ или передъ невысохшимъ послѣ недавняго ливня бродомъ. Дорога извивалась между березнякомъ, еще блестящимъ и яркимъ по весеннему. Кое-гдѣ на низкихъ полянкахъ, поросшихъ бѣлой пушицей, уже подымался легкій туманъ, хотя солнце еще грѣло и ласкало верхушки кустовъ, и вся линія пригорковъ, за которыми лежала Рябиновка, горѣла въ свѣжемъ и свѣтломъ вечернемъ сіяніи. Отъ всего блѣднаго неба съ легкими хлопьями розоватыхъ облачковъ, отъ этой яркой зелени, отъ этихъ полянокъ, бѣлѣвшихъ пушицей, вѣяло тепломъ, спокойствіемъ и тою особенною свѣжестью и мягкостью, которой въ іюнѣ, и только въ іюнѣ, напоенъ даже прозрачный воздухъ.

Муся и Дмитрій уже нѣсколько минутъ ѣхали молча. Да и о чемъ бы они говорили? Что-то мѣшало имъ говорить въ томъ беззаботномъ тонѣ, въ которомъ они всегда говорили нынче лѣтомъ, но оно же заставляло ихъ точно инстинктивно избѣгать какого-нибудь серьезнаго вопроса. Обоимъ было точно неловко. Дмитрій нѣсколько разъ старался прервать молчаніе разсказомъ о томъ, ка̀къ онъ училъ ѣздить верхомъ одну барышню, и какъ она въ тотъ моментъ, когда разъ ея лошадь сдѣлала скачокъ въ сторону, бросила поводья и едва не убилась; о томъ, какія у него бывали лошади—но разговоръ не клеился. Они уже доѣхали до горокъ, и такъ какъ Муся обѣщала заѣхать на полустанокъ за письмами, то она свернула съ широкой дороги направо и поскакала по лѣсной дорожкѣ.

— Знаете, Марья Николаевна, намъ торопиться некуда, покатаемтесь подольше. Здѣсь такъ хорошо, въ этой лощинкѣ. Мнѣ это напоминаетъ мое путешествіе съ одной нашей полковой дамой, когда мы возвращались изъ Хивы; мы съ ней дней пять странствовали по южному Уралу. Конечно, здѣсь нѣтъ и помину тѣхъ горъ, но я ужасно люблю такія заросшія лощинки, какъ тамъ бывали, вотъ въ родѣ этой.

— Послушайте, Дмитрій Алексѣевичъ, для чего вы это мнѣ говорите? Мнѣ это можетъ быть только непріятно. Я охотно сегодня подольше покатаюсь, но зачѣмъ вспоминать про прежнее?

— Развѣ это вамъ непріятно?.. Да вѣдь это путешествіе было самое обыкновенное; къ тому же, ничего такого въ немъ не было.

— Да просто мнѣ какъ-то тяжело думать, что было многое, многое въ вашей жизни, чего я не знаю и не узнàю никогда. Можетъ быть, оно было и неинтересное и пустое, но оно было, оно ваше прежнее... — Муся не замѣчала, что она говорила съ нимъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какъ нынче лѣтомъ, не тѣмъ, какъ зимою, даже не тѣмъ, какъ прежде всегда.

— Странно, это точно какая-то ревность и ревность къ тому, чего сами не знаете, и притомъ, извините, я не признаю ревности безъ...

— Безъ чего это?

— Ахъ, Миша Николаевна, не говорите такъ!

— Это почему?

— Вамъ это такъ не идетъ. Вы такой серьезный человѣкъ, хорошій человѣкъ, а теперь вдругъ это кокетство, игра... И будь вы не вы, я не затруднился бы, по моей старой привычкѣ, отвѣтить вамъ тѣмъ же, но васъ я слишкомъ уважаю, люблю какъ человѣка, и потому я скажу: „Вы со мною играете, и это вамъ не идетъ“.

Муся не отвѣтила ни слова, подобрала поводья, толкнула лошадь ногой и поскакала впередъ.

— Да вы не сердитесь, Марья Николаевна. Я ничего обиднаго вамъ не сказалъ, но зачѣмъ вы говорите тò же, чтò Ольга или вообще другія? Это слишкомъ обыденно, какъ у всѣхъ, а вы не можете дѣлать того же, что другія. Вы лучше всѣхъ, кого я зналъ, а такою игрою занимаются всѣ, всѣ рѣшительно!

— Господи! ну, чѣмъ я виновата, что тамъ, гдѣ другія играютъ, убиваютъ время отъ нечего-дѣлать,—я говорю совершенно серьезно и чувствую совершенно серьезно! Ну да, вы не признаете рев-

ности безъ любви, и я не признаю. Ну, и понимайте, какъ хотите!—вдругъ договорила она, отвертываясь.

— Марья Николаевна! чтò вы говорите?! Зачѣмъ вы... этимъ шутите?!

— Вы сами хорошо знаете, что не шучу, и знаете, *что́* я говорю...

— Нѣтъ, я этого ничего не знаю.. не можетъ этого быть!

— А вы сами чтò же? Почему же вы тогда сказали, что я у васъ на дорогѣ? Въ шутку? Но я тогда же хорошо поняла, что это—шутка что-то неладная, печальная какая-то.

— Да, но я могу увлекаться, сойти съ ума, а вы, вы...

— Ну, чтò я? Святая? Каменная? Богъ мой! вижу человѣка пять лѣтъ чуть не каждый день, знаю его и его жизнь, какъ себя, дружна съ нимъ, и... если онъ, если онъ... однимъ словомъ, отчего я не могу...

— Оттого что вы—Марья Николаевна, и оттого что вы замужемъ.

— А! вотъ какъ! вы же будете меня наставлять! — Муся страшно поблѣднѣла и хотѣла пустить лошадь, но Дмитрій схватилъ ее за поводъ.

— Простите меня, Марья Николаевна! Ей Богу я не хотѣлъ разсердить васъ!

— Разсердить?! Развѣ въ томъ дѣло?! А вотъ вы хотѣли, чтобы я вамъ словами сказала, что я люблю васъ,—ну, я и говорю. Да, да, люблю. Довольны вы теперь? Этого вамъ надо было?

Муся разомъ пустила поводья, толкнула лошадь, ударила ее хлыстомъ и вихремъ понеслась по дорогѣ... Лошадь Дмитрія тоже подхватила, едва не выбивъ его изъ сѣдла. Но онъ скоро справился съ нею, подскакалъ вплотную къ лошади Глуховской и схватился за луку сѣдла.

— Полноте! чтò съ вами? Вы сердитесь? Я только хотѣлъ сказать, что не смѣю, не могу вѣрить этому!—И онъ заглянулъ ей въ лицо.

Муся тоже взглянула ему прямо въ глаза.—Вѣрите теперь?

Дмитрій не успѣлъ отвѣтить, какъ лошади, испугавшись чего-то, вдругъ опять подхватили и понесли. Нѣсколько секундъ онѣ скакали рядомъ. Дмитрій не выпускалъ луки сѣдла Муси. Потомъ лошади пошли тише. Муся взяла руку Неридова съ луки и, не выпуская ея, тихонько сжимала. Лошади перешли на шагъ. Они подъѣхали къ желѣзно-дорожной сторожкѣ надъ такъ-называемымъ „Горнымъ Озеркомъ“.

Мальчишка въ розовой рубашкѣ и полосатыхъ штанахъ, съ выгорѣвшими отъ солнца волосами и почти темнымъ отъ загара лицомъ, сынъ сторожа, взялъ подержать лошадей.

Муся и Дмитрій, получивъ письма отъ сторожихи, пошли по песчаной, лѣсистой дорожкѣ внизъ къ озерку. Муся шла впереди, сбивая хлыстомъ головки съ цвѣтовъ и задумчиво глядя впередъ. Дмитрій догналъ ее и предложилъ руку. —Нѣтъ, этого не можетъ быть!—опять сказалъ онъ.—Это не то, вы ошиблись!

— Что же это?

— Такъ, фантазія!

— Фан-тазія? И теперь думаете, что фантазія?—Муся прижала къ себѣ его руку, поднявъ на него свои огромные черные глаза.—И теперь?—говорила она все тише, прислоняясь головой къ плечу Дмитрія и вся прижимаясь къ нему.

— Теперь? Нѣтъ, теперь, — Дмитрій тоже говорилъ едва слышно,—теперь!..—и онъ, повернувъ ея руку, сталъ цѣловать въ разрѣзъ перчатки надъ пуговицами чуть видную розовую ладонь.

Съ озера доносились крики и плескъ воды. Выйдя изъ густого ельника на плоскій берегъ темнаго лѣсного озерка, Муся и Неридовъ увидѣли цѣлую толпу деревенскихъ ребятишекъ, раздѣвавшихся и уже раздѣтыхъ, которые, съ гамомъ и весельемъ, влѣзали и влѣзали въ воду; два взрослыхъ парня тоже раздѣвались, сидя въ лодкѣ у берега. Озерко—такое темное, что мѣстами трудно было различить воду отъ поросшихъ сплошнымъ лѣсомъ, извилистыхъ береговъ — лишь къ серединѣ серебрилось рябью. Надъ противоположнымъ берегомъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, вился, окутывая его, прозрачный туманъ.

Муся и Дмитрій поскорѣе повернули, пожалѣвъ, что нельзя остаться на этомъ заснувшемъ озеркѣ, и вновь стали подниматься по тропинкѣ, по которой только-что спустились. Они шли молча, замедляя шаги, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Ихъ обгоняли съ веселымъ говоромъ выкупавшіеся уже мальчишки въ однѣхъ низко подпоясанныхъ рубашонкахъ, шлепая необсохшими еще ногами по скользкой лѣсной травѣ, усѣянной прошлогодними хвоями. Темнѣло. За деревьями звенѣли колокольчики возвращавшагося домой стада и въ деревнѣ Пàбережной лаяла собака. Послышался стукъ копытъ по мягкой дорогѣ, и мимо посторонившагося Неридова проскакалъ мальчишка на мокрой лошади, которой Муся не замѣтила на берегу; мокрые волосы мальчика развѣвались по вѣтру, и ситцевая рубашка прилипла къ тѣлу.

Опять сѣли на лошадей. Муся поѣхала шагомъ. Вскорѣ за

сторожкой они свернули вправо, чтобы кратчайшей дорогой проѣхать въ Рябиновку. Солнце уже сѣло, но закатъ былъ такой яркій, что, казалось, солнце не зашло, а растопилось, расплылось по небу, захватывая до трети небосклона своей сіяющей волной. Съ высокой дороги, по которой теперь шли лошади, широкій видъ открывался на обѣ стороны: все холмы, холмы, поросшіе лѣсомъ, кое-гдѣ пашни, еще зеленыя, луга, опять лѣсъ; въ двухъ мѣстахъ сверкалъ извивъ рѣчки. Въ прозрачномъ, на высотѣ еще свѣтломъ, воздухѣ, самыя далекія горки были ясны, какъ въ двухъ шагахъ, можно было даже различать болѣе темную зелень луговъ отъ серебристо-зеленыхъ пажитей. За однимъ изъ холмовъ сверкнулъ маленькій уголокъ озера. Потомъ скрылся. Потомъ оно показалось уже ближе. Потомъ дорога опять повернула, яркій закатъ скрылся за густой чащей сосенъ.

— А вѣдь вы правы, Дмитрій. Это все на меня не похоже. Какъ я, такая честная, сказала вамъ это все? Какъ я позволила себѣ полюбить?!

— Марья Николаевна! теперь ужъ не воротить! А что вы мнѣ сказали, то какъ же было бы иначе? Мы вѣдь никогда хитрить не умѣли другъ съ другомъ.

— Но теперь-то, теперь что̀ дѣлать?!

— А теперь нечего больше думать. Мало ли что̀ будетъ потомъ! Мы можемъ завтра же разлюбить другъ друга, умереть, мало ли что̀, почемъ я знаю! Но теперь я счастливъ, я тебя люблю, я съ тобой!

Муся, вся вспыхнувъ, наклонилась надъ гривой лошади, точно разбирая поводья, но Дмитрій вдругъ обнялъ Мусю за талью, привлекъ къ себѣ и осыпалъ поцѣлуями ея щеки, глаза, шею, губы... Лошади шли шагомъ.

— Довольно, довольно! — прошептала Марья Николаевна, отклоняясь на сѣдлѣ.—Мнѣ слишкомъ, слишкомъ съ тобой хорошо, голова можетъ закружиться... Одинъ вечеръ, одинъ лишь вечеръ счастья,—проговорила она какъ бы про себя,—а потомъ все забыть, все кончить...

Но Дмитрій понялъ ея слова иначе. Его глаза загорѣлись.— Да? Да?..—взволнованно спросилъ онъ.—Одинъ лишь вечеръ, а потомъ все забыть?.. Хорошо, пусть такъ будетъ!.. Такъ поѣдемте назадъ къ озерку! Или куда?..

Муся поблѣднѣла.—Дмитрій Алексѣевичъ! Что̀ вы говорите?! —и она опять вспыхнула отъ стыда и досады, что онъ могъ та̀къ истолковать ея слова.—Я только говорю, что вотъ теперь мы счастливы, и я бы хотѣла, чтобы этотъ вечеръ никогда не

кончался, — а пріѣдемъ домой, и надо все, все забыть, кончить...

Дмитрій уже совладалъ со своимъ волненіемъ.—Но зачѣмъ же, отчего же кончить?

Я отвѣчу вамъ вашими же словами: оттого, что я—я, и оттого, что я замужемъ.

— Ну, я это буду дома помнить, а теперь я помню одно, что ты меня любишь, что ты пока еще *моя* Миша, красавица моя!—онъ, было, опять нагнулся къ ней съ сѣдла, но Муся указала ему хлыстомъ впередъ: по дорогѣ на-встрѣчу имъ ѣхала, дребезжа и гремя, телѣжка, запряженная бѣлою лошадью.

— Это священникъ!—добавила Марья Николаевна.—И знаете, пора ѣхать скорѣе, я уже и то не вижу дороги!

Они пустили лошадей по первой колеѣ, прямо черезъ поля. Вѣтеръ шумѣлъ въ ушахъ отъ скорой ѣзды; кустарникъ шуршалъ, задѣваемый краемъ амазонки; столбъ пыли вился за ними. Впереди неясно темнѣла деревня; въ какомъ-то домѣ уже звѣздочкой зажегся огонекъ. На землю сошла прозрачная, іюньская, тихая ночь: безцвѣтное, точно хрустальное небо, ни тѣни, ни свѣта на землѣ. Деревья и кусты кажутся какими-то полупрозрачными силуэтами; кажется, что при приближеніи они должны исчезнуть и разсѣяться, какъ облако тумана вонъ надъ той поляной исчезаетъ, когда въ него въѣзжаютъ. Вдали однообразно, рѣзко кричитъ дергачъ. Сверчки трещатъ на лугу за канавой. Изъ блѣдныхъ вѣтвей березъ на опушкѣ Рябиновскаго сада доносятся первые удары соловьиной трели.

Пріѣхали. Муся поспѣшно спрыгиваетъ съ сѣдла и бѣжитъ къ себѣ раздѣваться, ничего не отвѣчая на вопросъ: „отчего такъ поздно?“ который задаютъ ей всѣ высыпавшіе на-встрѣчу обитатели Рябиновки и Неридова. Въ то время какъ Муся и Дмитрій ѣхали въ Рябиновку сухимъ путемъ, Ольга уже успѣла переплыть озеро со всей своей свитой и теперь торопитъ всѣхъ пить чай, чтобы идти провожать ее, Ольгу, до Рябиновскаго полустанка. Это еще новая выдумка: ѣхать отъ полустанка до Неридовки по желѣзной дорогѣ, а тамъ на лошадяхъ, которыя уже ждутъ ихъ.

Муся одѣвалась поспѣшно. Она должна что-то рѣшить, что-то обдумать, но ничего не можетъ понять. Какой-то туманъ все закрылъ. Она даже не можетъ себѣ сказать, счастлива ли она, или что-нибудь встаетъ между нею и счастьемъ? Можетъ быть ей очень хорошо, а можетъ быть что-нибудь ее мучитъ. Она

только торопится скорѣе внизъ, такъ какъ одно она сознаетъ, одного ей хочется: быть скорѣе вмѣстѣ съ нимъ!

На высокомъ балконѣ горѣли свѣчи въ колпакахъ. Всѣ уже кончили чай и разбрелись по комнатамъ, отыскивая шляпы и палки. Только Ольга, уже въ шляпкѣ и перчаткахъ, учила Высоцкаго новому пассіансу и Анна Евграфовна говорила съ Петромъ Михайловичемъ о какихъ-то хозяйственныхъ реформахъ.

— Ну что? Хорошо покатались, не ссорились? — вопросомъ встрѣтилъ Мусю дядя.

И вдругъ Муся почувствовала, что она сдѣлала что-то ужасное, что-то такое, о чемъ она никогда не скажетъ Петру Михайловичу, о чемъ онъ не долженъ знать. И какъ только Муся почувствовала это, туманъ прошелъ, она ясно сознала, что любитъ Дмитрія и что счастлива его любовью, и что это дурно, ужасно и это надо скрывать. И какъ только она это сознала, она тотчасъ весело стала разсказывать о поѣздкѣ, и о мальчикахъ на озерѣ, и о лошади священника, и даже, сама передъ собою бравируя опасностью разсказа, о томъ, какъ вдругъ „лошадь ея понесла, а Дмитрій Алексѣевичъ схватился за луку сѣдла". Она говорила громко и весело, но ей все казалось, что дядя съ подозрѣніемъ глядитъ на нее. А Петръ Михайловичъ просто любовался на ея оживленное лицо и, слушая ее, въ то же время думалъ: слѣдуетъ ли начать монографію объ Образковѣ съ перепечатки его дневника и потомъ перейти къ выводамъ, или, наоборотъ, предпослать его характеристику и подробную біографію дневнику, а чтобы этотъ послѣдній служилъ, такъ сказать, лишь подтвержденіемъ и усиленіемъ его изложенія.

Но Муся была увѣрена, что Петръ Михайловичъ все понялъ, она была въ отчаяніи, и это отчаяніе заставляло ее говорить себѣ: „Ну, все равно, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ", и она удерживала въ своей рукѣ руку Дмитрія, передававшую ей ножикъ, такъ что это могли замѣтить, и тихонько придвинула свой стулъ ближе къ его стулу. „Все равно, что̀ потомъ будетъ! Теперь я вотъ счастлива и знать больше ничего не хочу!" —говорила себѣ Муся.

И когда всѣ, за исключеніемъ стариковъ, пошли провожать Ольгу съ ея свитой, Муся смѣло взяла руку Дмитрія и пошла съ нимъ сзади всѣхъ.

Старыя липы дремали, свѣсивъ свои вѣтви до самой земли. Дремали высокія березы, легкими кружевными силуэтами вырѣзавшіяся на зеленоватомъ свѣтломъ небѣ. И кусты сирени и жимолости спали у ихъ ногъ. На опушкѣ сада гремѣла пѣснь соловья.

Они открыли боковую калитку и пошли по дорогѣ черезъ поле.

Пѣснь соловья стала замирать вдали. Яснѣе и рѣзче послышался звенящій свистъ какой-то болотной птицы. Дорога стала спускаться въ оврагъ, къ полотну желѣзной дороги. Старый березовый лѣсъ подходилъ къ самому обрыву, а внизъ по склону спускался молодой березнякъ, пропадая въ морѣ бѣловатаго тумана. Небо еще не потемнѣло надъ закатомъ, но на сѣверо-востокѣ уже горѣла оранжевая полоса разсвѣта, и прямо надъ нею, дрожа и переливаясь въ блѣдномъ, зеленоватомъ небѣ, ярко сіяла бѣлая большая звѣзда.

— Я не пойду дальше, — сказала Муся, останавливаясь.— Прощай, Ольга!

— Ахъ, и я не пойду!—вдругъ рѣшила Ольга, сообразивъ, что внизу сыро, и всѣ ея кудряшки на лбу разовьются.—Adieu, messieurs, поѣзжайте одни, завтра я пріѣду къ вамъ черезъ озеро къ завтраку вмѣстѣ съ Димой и съ Муранскимъ qui me tiendra compagnie.

Всѣ начали-было протестовать, но Ольга рѣшительно стала прощаться и погнала всѣхъ внизъ, говоря, что уже слышитъ поѣздъ. Она пошла назадъ съ Ниной и Муранскимъ. Муся все стояла на краю обрыва, опираясь на руку Дмитрія.

— Боже мой, какая ночь!

— И такая ночь не моя!—наклоняясь къ Мусѣ, почти касаясь ея волосъ,—прошепталъ въ отвѣтъ Неридовъ.

Муся молчала. Дмитрій слышалъ, какъ стучало ея сердце, и почувствовалъ, какъ при послѣднихъ словахъ она точно пошатнулась и еще крѣпче оперлась на его руку.

Вдали послышалось гудѣніе поѣзда; два огненные глаза сверкнули въ морѣ тумана и, зловѣще увеличиваясь, стали надвигаться все ближе и ближе.

— Однако, Муся, пора и домой! — раздался голосъ Ольги: Нина мѣшала ей говорить съ Муранскимъ, и тутъ только Ольга обратила вниманіе на то, что ея мужъ что-то слишкомъ много бываетъ съ Мусей.

— Точно двое влюбленныхъ! — продолжала Ольга, когда тѣ неохотно догнали ее и Нину.

— Еще бы!—Муся зло засмѣялась.—Ужъ такой воздухъ въ Рябиновкѣ и Неридовѣ: только и видишь, и слышишь, что влюбленныхъ!

Назадъ пошли черезъ деревню. Говорили всѣ вмѣстѣ, хохотали. Саша безъ умолку острилъ. Только войдя въ большой садъ, Муся съ Дмитріемъ пошли тише и остались одни, скрытые отъ

шедшихъ впереди вѣтвями липъ. Дмитрій поднесъ ея руку къ губамъ.

— Неужели разойдемся по комнатамъ уже сейчасъ? Сегодня такая ночь, что, просто, грѣхъ спать ложиться.

— Нельзя же сидѣть въ саду всю ночь? То-есть, можно бы, да никто, кромѣ насъ, не захочетъ, а вдвоемъ нельзя же!

— Отчего нельзя?—и въ голосѣ его опять зазвучала страстная нѣжность.

— Вы сами знаете, что нельзя, — отвѣтила Муся строго.— И вдругъ, закинувъ обѣ руки, она пригнула къ себѣ его голову и поцѣловала его прямо въ губы.

Въ эту минуту съ балкона опять послышался капризный голосъ Ольги:

— Да идите же скорѣе! Я спать хочу. Мусѣ телеграмму привезъ верховой со станціи—надо, навѣрное, завтра къ поѣзду вставать! И что̀ за охота такъ долго гулять! Этакъ себѣ весь цвѣтъ лица испортишь!

— Нѣтъ, я спать не пойду! Я пойду еще гулять,—сказалъ Неридовъ и еще разъ съ мольбой посмотрѣлъ Мусѣ въ глаза, сжавъ ея руки.—Она только покачала головой.

— Спокойной ночи! — и она раскрыла депешу, а Дмитрій ушелъ одинъ въ садъ.

Сергѣй телеграфировалъ, что его отпустили раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, и что пріѣдетъ завтра съ утреннимъ изъ Петербурга поѣздомъ. Но Муся прочла лаконичныя, отрывистыя фразы депеши, точно онѣ были написаны по-китайски: для нея онѣ теперь ничего не значили. Она не зашла къ дѣтямъ, какъ всегда передъ сномъ, а прошла прямо въ свою комнату. Ольга раздѣвалась, сердясь и ежеминутно ворча на сонную горничную.

Мусѣ хотѣлось быть одной. Она поспѣшно раздѣлась и легла въ постель. Наконецъ Ольга закрутила всѣ свои кудряшки, отпустила дѣвушку, и, сказавъ на прощанье Мусѣ:—„завтра твоя воля кончится, собственный мужъ пріѣдетъ, не позволитъ больше чужихъ завлекать!“ —улеглась, очень довольная своей милой фразой. Скоро послышалось ея ровное дыханіе. Муся открыла глаза.

Въ комнатѣ было почти свѣтло; въ окно глядѣло порозовѣвшее уже небо. На большой березѣ противъ дома проснулись и щебетали воробьи. Своимъ точно надтреснутымъ, звонкимъ свистомъ, въ ровные промежутки, снигирь выпѣвалъ однообразныя двѣ ноты.

Муся встала съ постели и подошла къ окну. Ни одинъ листъ не шевелился; все еще спало въ природѣ, кромѣ неугомонныхъ птицъ. Незамѣтно, въ торжественной тишинѣ, наступало ясное

іюньское утро... Небо становилось синѣе. Дорога и стволы березъ большой аллеи порозовѣли. Легкій вѣтерокъ зашепталъ въ нѣжныхъ кудряхъ березъ, и судорожно затрепетали сѣрые листья большой осины; онъ уже давно пронесся дальше, а матовые листы все еще дрожали и вертѣлись на своихъ длинныхъ черешкахъ... Съ деревни неслась немолчная перекличка пѣтуховъ: начиналъ хриплый громкій голосъ, ему отвѣчалъ молодой, болѣе звонкій, но нерѣшительный еще, и все глуше и дальше слышались голоса этого дружнаго ансамбля... Стало совсѣмъ свѣтло. Вдругъ надъ холмомъ, за дорогой, показался яркій кровавый край солнца, а по верху деревъ хлынули чистые, словно изъ золотого хрусталя, словно холодные еще лучи.

„Боже мой, какъ ясно, какъ хорошо!"—думала Муся, стоя на колѣняхъ передъ окномъ и опираясь головой на стиснутыя руки.—„Какая ночь прошла! Какой чудный день начинается! И отчего я не съ Дмитріемъ теперь?!.. Какое счастье! Какое счастье! Милый, милый мой, какъ я тебя люблю, какъ мнѣ хорошо съ тобой, какое счастье было бы уйти съ тобой куда-нибудь далеко, далеко!.. Нѣтъ, зачѣмъ уходить? И здѣсь хорошо. Ольга говорила разный вздоръ, но въ сущности ей было бы все равно, еслибы она и догадалась, а она ни о чемъ не догадывается, какъ и всѣ!" И Мусѣ стало даже весело, когда она подумала, какое необычайное, громадное ея счастье скрыто отъ всѣхъ. Нѣтъ, дядя не догадывается, я ошиблась вчера. А еслибъ и догадался? Все равно, ничего не измѣнится. Это должно было быть. По правдѣ сказать, мы любимъ другъ друга съ перваго дня, какъ увидѣлись... Милый мой, милый!"

Муся открыла окно и выглянула въ садъ. Несмотря на ранній часъ, воздухъ былъ совершенно теплый и, словно лаская, зашевелилъ завитки темныхъ волосъ на ея вискахъ. Чириканье птицъ все усиливалось. Какая-то птичка тянула свою высокую ноту; пѣночка подражала всѣмъ другимъ птицамъ; ласточки съ рѣзкими возгласами сновали подъ крышу.

— Счастье! счастье! — почти громко сказала себѣ Муся и, не закрывая окна, легла въ постель. И засыпая, она все улыбалась и все шептала:—Счастье, да, да, счастье!

V.

Марья Николаевна проснулась поздно и еще позднѣе могла встать, такъ какъ Ольга очень долго возилась со своимъ туалетомъ и не уходила изъ комнаты. Ольга была не въ духѣ: она проспала утренній поѣздъ, встала только къ завтраку, за завтракомъ придиралась къ Сашѣ, наконецъ совсѣмъ съ нимъ поссорилась и объявила, что ни въ какомъ случаѣ не возьметъ его въ Неридово.

— Я тебя возьму съ собой! — сказала она Дмитрію будто небрежно, но всматриваясь по очереди изъ-за своего вѣера въ лицо Муси и мужа. Муся, казалось, не обратила вниманія на ея слова, она продолжала разговаривать съ Сашей и Ниной, но Дмитрій измѣнился въ лицѣ и съ неудовольствіемъ спросилъ въ отвѣтъ:

— Развѣ ужъ никого другого нѣтъ, кромѣ меня?

— Ah, bon Dieu! Какой онъ любезный! Стоило бы, чтобы я отвѣтила тебѣ тѣмъ же, что я только оттого тебя беру, что некого больше!

— На безрыбьи ракъ рыба,—шепнулъ Саша Нинѣ, отчего та покатилась со смѣху, закрываясь газетой, которую ей передалъ только-что Бобринъ.

— Но я не стану мстить тебѣ,—продолжала Ольга,—я скажу правду: я прошу тебя ѣхать, чтобы провести съ тобой послѣдніе дни, такъ какъ я рѣшительно уѣзжаю на будущей недѣлѣ,—ну, и хотѣла бы побыть вдвоемъ съ тобой до отъѣзда. Я ихъ всѣхъ прогоню изъ Неридова.

— Ахъ, какъ это трогательно и правдоподобно! — насмѣшливо сказалъ Дмитрій, вставая и берясь за фуражку, чтобы уйти въ садъ, но Ольга удержала его.

— Пожалуйста, пожалуйста, безъ дерзостей и насмѣшекъ! Не вымѣщай на мнѣ твоего фіаско *у другихъ*! (Ольга вывела изъ своихъ наблюденій изъ-за вѣера, что Дмитрій влюбился въ Мусю, но эта „недотрога“ обращается съ нимъ какъ со всѣми—что̀ стулъ, что̀ человѣкъ—ей все равно.) А если ты будешь продолжать твои милыя выходки, я въ самомъ дѣлѣ попрошу Петра Михайловича доказать, что прежніе люди воспитаннѣе и любезнѣе теперешней молодежи. Не правда ли, Петръ Михайловичъ, вы будете такой любезный и согласитесь быть моимъ кавалеромъ, если даже мой мужъ явно показываетъ свое нежеланіе быть со мной? Я не знаю, что̀ его здѣсь такъ удерживаетъ. Что-нибудь *очень важное*, вѣрно, такъ какъ...

— Пожалуйста, уволь отъ этихъ комедій, Ольга!—перервалъ ее Дмитрій.—Я ѣду съ тобой, и чтобъ объ этомъ разговору больше не было!

— Ахъ, какой прелестный тонъ!! — начала-было Ольга, но тотчасъ остановилась. Продолжать такъ не слѣдовало; ведя дѣло такимъ образомъ, она рисковала достигнуть какъ разъ обратнаго результата. Она вдругъ сдѣлала радостную улыбку и бросилась Дмитрію на шею: — Ахъ, Дима! какой ты милый! Ты прости меня, что я такъ покапризничала, но мнѣ очень, очень хотѣлось, чтобы ты поѣхалъ со мною!—говорила она, точно растроганная. И, понижая голосъ, добавила:—Я даже нарочно поссорилась съ Сашкой, чтобы его здѣсь оставить.

— Муся, пойдемъ къ озеру!—тихонько сказала Нина, вставая вслѣдъ за Петромъ Михайловичемъ,—а то здѣсь все приходится быть свидѣтелями различныхъ супружескихъ сценъ. Пойдемъ!

Муся съ облегченіемъ вздохнула и стала сходить съ лѣстницы. —„Какая гадость! Какая пошлость!"—думала она.—„Что это, она узнала что-нибудь? ревнуетъ? Какіе грубые намеки! И все это надо слушать, выносить молча и ему, и мнѣ! Ахъ, какая пошлость!" — Она разсѣянно слушала Нину, которая увѣряла ее, что Ольга, навѣрное, задумала какой-нибудь планъ, для котораго ей нужно на время опять „приручить" своего мужа.—Вотъ она и разыгрываетъ такой spectacle de société, — говорила Нина.— Какъ знать, можетъ быть все это просто ради того, чтобы заставить ревновать кого-нибудь изъ своихъ поклонниковъ. Чего добраго— Ольга намѣрена разыграть комедію супружескаго счастья, нѣчто въ родѣ повторенія lune de miel,—она и на это способна.

— Ахъ, какая гадость! Какая низость!—громко, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову, вскрикнула Муся, отвѣчая на свои мысли.

Нина даже остановилась на дорожкѣ.

— Что съ тобой?!—спросила она съ удивленіемъ.

— Такъ, такъ, ничего! Пойдемъ къ озеру!—поспѣшно сказала Марья Николаевна.

Онѣ шли нѣкоторое время молча. Муся была совсѣмъ надломлена, уничтожена тою бездною мелкихъ и крупныхъ униженій, обмановъ, пошлости и низости, которую ей открыли слова и намеки Ольги, и къ этой безднѣ она сама подошла невольно за эти два дня. До сихъ поръ она этого не сознавала ясно. Дмитрій вчера сказалъ правду: она призналась ему, что любитъ его, только потому, что слишкомъ была дружна съ нимъ и не могла не быть откровенной. Потомъ она была просто счастлива его любовью,—счаст-

лива, не думая ни о чемъ и ни о комъ. Когда она вчера говорила съ дядей, она смутно чувствовала, что дѣлаетъ что-то недоброе, что это должно скрывать отъ всѣхъ, но—она была счастлива и тѣмъ, и какъ счастлива! И вотъ теперь впервые она ужаснулась себя и того, что̀ сдѣлала.—„Да, Дмитрій былъ правъ, зачѣмъ это я ему сказала?—подумалось Мусѣ.—Вѣдь это то же, что̀ бываетъ и у другихъ, то же, что̀ всѣ дѣлаютъ! Обманъ, гадость! Вотъ онъ долженъ ѣхать теперь съ Ольгой, которая его не любитъ, и которую онъ не любитъ, и все-таки долженъ ѣхать, долженъ переносить всѣ эти мелкія оскорбленія, долженъ скрывать свое чувство, прятать его, какъ что-то преступное... Да оно и есть преступное!! А я-то?! я-то?! Я люблю Сережу, и онъ меня любитъ, я ему не могу солгать и въ мелочахъ, не въ состояніи невѣрно передать о самыхъ пустыхъ вещахъ, а теперь? —теперь ка́къ я скрою отъ него, что люблю другого?! А онъ мнѣ вѣритъ по-прежнему, онъ пріѣдетъ ко мнѣ, какъ къ своей Мусѣ. А я? Какъ его встрѣчу? Какъ Ольга: думая одно, говоря другое. Боже мой, Боже мой!"—Муся закрыла лицо руками и упала на скамейку.

— Муся! что̀ съ тобой? Ты больна, разстроена совсѣмъ. Что̀ съ тобой?!

— Нина, голубчикъ, принеси мнѣ немного воды, я вправду нездорова немного, у меня что-то нервы развинтились; а тутъ вся эта исторія! Ты не повѣришь, какъ мнѣ всѣхъ ихъ жалко: и Анну Евграфовну, и Лену, и Дмитрія Алексѣевича; а какъ меня возмущаетъ эта Ольга! вѣдь она его просто обманываетъ на каждомъ шагу!—„Ахъ, ахъ! вотъ я опять лгу!"—думала Муся снова, пока Нина побѣжала за водой.—„Опять сваливаю на другихъ, опять прятки, обманъ!"—и она зарыдала еще сильнѣе.

Вдругъ ей послышались шаги. „Что̀, если это не Нина, а Ольга? Анна Евграфовна? Дядя?"—Муся вскочила въ ужасѣ, вытерла глаза и, какъ преступница, ушла за громадный кустъ дикаго жасмина. Но это шла Нина.—Муся, Муся, гдѣ ты?—Она принесла ей воды.

— Знаешь, Муся, я думаю, что просто будетъ гроза,—сказала Нина.—Сегодня дѣйствительно ужасно душно. За озеромъ видны громадныя тучи. Вѣдь хоть ты и поправилась послѣднее время, а все, можетъ быть, твоя астма даетъ себя знать передъ грозой.

— Ну, что̀ ты! Вѣдь она уже давно у меня прошла!—сказала Муся, однако очень довольная тѣмъ, что Нина ни о чемъ повидимому не догадывалась и приписывала ея разстройство

просто нервамъ и грозѣ. Но въ смятенномъ сердцѣ Муси даже и это простое, дружеское отношеніе болѣзненно отозвалось.— „Вотъ она какая хорошая, Нина!—думалось Мусѣ:—она и не подозрѣваетъ, что мнѣ нельзя больше вѣрить, что я совсѣмъ пропала,—гадкая, ужасная женщина!"—И слезы опять выступили у нея на глаза, но она опять сдержалась и поскорѣе стала вмѣстѣ съ Ниной строить планы на лѣто: скоро всѣ разъѣдутся, они останутся одни въ Рябиновкѣ, можно будетъ опять много читать вмѣстѣ, играть, пѣть...

— Муся! Муся!—раздался рѣзкій голосъ Анны Еграфовны. —Не пора ли посылать лошадей за Сергѣемъ Александровичемъ? Какъ онъ тебѣ телеграфировалъ? Если онъ пріѣдетъ съ восьми-часовымъ поѣздомъ, то его подождутъ тѣ же лошади, которыя повезутъ Митю и Ольгу. А если съ шести-часовымъ, то надо сейчасъ послать Мартына! — кричала Анна Евграфовна черезъ весь огородъ. Совсѣмъ запыхавшись отъ крику и скорой ходьбы, она подошла наконецъ къ скамейкѣ.

— Фу, какая жара!—говорила она, обмахиваясь платкомъ.— Просто дышать нечѣмъ! У меня весь хлѣбъ погоритъ. Шутка сказать—третью недѣлю дождя нѣтъ. Тамъ за озеромъ тучи поднимаются. Дай-то Богъ, чтобы мимо не прошли!

— Ужъ эти тучи намъ бѣды надѣлали! — сказала Нина, вставая передъ Анной Евграфовной.—Вотъ Мусѣ опять что-то худо стало передъ грозой, какъ въ былыя времена.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, Анна Евграфовна. Мнѣ Нина дала воды, и все прошло уже. Это пустяки!

— А ты, вправду, что-то блѣдна. Чтò съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ, все хорошо. Ради Бога, не говорите ничего дядѣ и Сережѣ. Это ихъ напугаетъ только, а я совсѣмъ здорова.

— Ну хорошо, хорошо.

Онѣ тихонько пошли къ дому. Въ столовой Ольга, уже совсѣмъ готовая къ отъѣзду, прикалывала къ своему шолковому cache-poussière'у большой букетъ амарантовъ, подобранныхъ въ цвѣтъ къ ея подбитой гранатовымъ бархатомъ высокой шляпкѣ.

— Ну-съ, друзья мои, прощайте. Не скучайте безъ меня. Милости просимъ ко мнѣ въ Неридово, я вамъ тамъ устрою „отвальныя", какъ выражается деньщикъ вотъ сего гадкаго мальчика,—и она послала воздушный поцѣлуй Дмитрію, который свертывалъ ея плэдъ и зонтики.—Вы знаете, maman,— обратилась она къ Аннѣ Евграфовнѣ:—вотъ ужъ правда, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ мірѣ; хорошо, что я сегодня утромъ опоздала, и у меня тутъ масса вещей оставалась по шка-

памъ; я Дмитрія и заставила ихъ собирать (ваша Даша такая безтолковая). И это была такая умора!.. Mesdames, я охотно рекомендовала бы вамъ эту „новую“ горничную, но къ сожалѣнію она мнѣ такъ необходима, что я беру ее съ собой до Парижа. А тамъ — посмотримъ. Воображаю себѣ радость Высоцкаго по случаю этой перемѣны декорацій. Онъ будетъ бѣситься!—Ольга засмѣялась, сдѣлала гримаску, расцѣловала всѣхъ и пошла къ экипажу.

Дмитрій молча пожалъ всѣмъ руки и пошелъ за нею.—Maman, я еще заѣду къ вамъ передъ отъѣздомъ во всякомъ случаѣ.

Лошади натянули поводья, взяли съ мѣста крупною рысью, шарабанъ прокатился сначала между двумя рядами старыхъ березъ, потомъ простучалъ по мосту и наконецъ скрылся въ облакѣ густой бѣлой пыли.

Въ седьмомъ часу пріѣхалъ Сергѣй Александровичъ, совсѣмъ сѣрый отъ пыли, едва дыша отъ жары. Но ни страшный припекъ, по которому ему пришлось трястись 19 верстъ (такъ какъ онъ взялъ билетъ до станціи „Неридовки“ и оттуда пріѣхалъ на простой крестьянской телѣгѣ), ни пыль, залѣпившая ему глаза, не испортили его бодраго и веселаго настроенія духа. Мусей, однако, онъ остался недоволенъ.

— Петръ Михайловичъ,—говорилъ Сергѣй, сидя за позднимъ обѣдомъ, который по его просьбѣ накрыли на площадкѣ подъ липами:—чтò же это вы мнѣ писали, что Муся такъ поправилась и посвѣжѣла. Она и блѣдна, и утомлена.

— Да, правда,—отозвался Бобринъ:—у нея сегодня нехорошій видъ, но я тебя могу увѣрить, что все это время мы только и дѣлали, что любовались ея цвѣтомъ лица и здоровымъ видомъ.

Муся дѣйствительно такъ осунулась за этотъ день, такъ поблѣднѣла, что вовсе не была похожа на ту торжествующую красавицу, которая при пріѣздѣ заглянула на себя въ старое зеркало въ библіотекѣ. Муся даже вовсе не была хороша теперь. Черные глаза потухли. А когда она улыбалась, то капризная бровь придавала лицу какое-то болѣзненно-недоумѣвающее выраженіе. Сергѣя—Муся встрѣтила съ болѣзненною, страстною радостью; ей казалось, что онъ спасаетъ ее отъ какой-то страшной опасности. Но теперь все оживленіе пропало, и она почти весь обѣдъ молчала, печальная, смущенная. Нѣсколько разъ хотѣла она заговорить о томъ или другомъ эпизодѣ своей жизни здѣсь, о своемъ

рисованіи, объ Ольгѣ,—но слова не шли у нея съ языка. Все, что она *могла* или *хотѣла* сказать, казалось ей такъ мелко, такъ лживо, сравнительно съ тѣмъ, что она *должна была бы и не могла* сказать... Лучше молчать.

Сергѣй нѣсколько разъ внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо, но ничего не спрашивалъ, и вскорѣ увлекся разговоромъ съ Бобринымъ, которому долженъ былъ немедленно сообщить *всѣ* петербургскіе слухи, новости, сплетни. Какъ ни былъ Петръ Михайловичъ занятъ своей библіотекой, но онъ не могъ долго прожить безъ притока свѣжихъ извѣстій изъ Петербурга,—вообще извнѣ. И теперь онъ, по своей всегдашней манерѣ принимая всякое дѣло близко къ сердцу, горячо доказывалъ, что назначеніе Грибкова не можетъ радовать никого, понимающаго, что хорошо и что нехорошо для насъ. Грибкова онъ зналъ еще по своему прежнему вѣдомству и считалъ его умомъ узкимъ, мелкой натурой, неспособной ни на какую иниціативу.. „А это-то для насъ болѣе всего необходимо",—заключалъ Бобринъ каждую серію своихъ доказательствъ, похлопывая Глуховского по рукаву. Зато другое извѣстіе, привезенное изъ первыхъ рукъ,—заказъ, полученный Барсуковымъ: написать къ какому-то торжественному случаю картину на тэму: „Екатерина II открываетъ засѣданія коммиссіи 1767 года",—его несказанно радовало.

— Это должно выйти удачно. Вы только подумайте, сколько портретовъ! А кто же лучше Барсукова умѣетъ такъ проникаться духомъ времени, такъ возсоздавать живые образы по старымъ, потускнѣвшимъ портретамъ? И сюжетъ такой благодарный. И даже съ чисто колоритной стороны это даетъ очень много матеріалу. Нѣтъ, я въ восторгѣ! Непремѣнно, какъ только вернусь въ Петербургъ, пойду къ Барсукову въ мастерскую, если только онъ пуститъ.

— Не знаю, право, будетъ ли теперь пускать. Я у него былъ, когда онъ еще кончалъ портретъ Леонтьевой. Превосходно! Кстати, я тамъ встрѣтилъ m-lle Кернъ съ гувернанткой. Она очень просила кланяться тебѣ, Муся. Нынче они все лѣто не уѣзжаютъ по случаю этой исторіи... Да!—спохватился онъ—вы и не знаете! Вѣдь тотъ Кернъ, ихъ троюродный братъ—знаете?—убитъ на дуэли (къ счастью это не попало въ газеты; приняли мѣры во-время)... Убитъ...

— Что ты? Когда? Кѣмъ?—спросили всѣ разомъ.

— Какже, какже! Была у него дуэль съ Хановскимъ. Онъ что-то сказалъ про сестру Хановскаго не особенно... Ну, тотъ его попросилъ извиниться или отказаться отъ своихъ словъ. Кернъ,

конечно, не захотѣлъ—ну, и (это было въ Павловскѣ, смотрѣли „Petit Duc")—ну, и на другой день, какъ водится, сошлись тамъ, гдѣ-то, близъ Лигова. Кернъ—наповалъ! А тотъ въ ногу сильно раненъ.

— Боже мой, какой ужасъ! — воскликнула Нина, а Муся только поблѣднѣла какъ полотно.

— „Да, да, и я должна ждать подобнаго же",—добивала она себя. Весь день она промучилась сознаніемъ непоправимаго несчастья, которое она себѣ надѣлала; она вспоминала всѣ свои мелкіе недостатки, всѣ проступки и свою послѣднюю непоправимую ошибку, которая не имѣла ни оправданія, ни извиненія,— она это знала. Она сравнивала себя со всѣми тѣми женщинами, которыхъ знала, или о которыхъ слыхала въ свѣтѣ, и изъ которыхъ однѣ платились за свои увлеченія цѣлою испорченною жизнью; другія, напротивъ, продолжали пользоваться всѣми благами, духовными и матеріальными. И всѣ эти женщины казались ей лучше, выше ея. Онѣ имѣли оправданіе въ томъ, что или не любя вышли замужъ, или были несчастливы въ замужествѣ. А она? А Сергѣй? Развѣ такого человѣка можно разлюбить? И она ясно сознавала, что Сергѣй ей дорогъ до сихъ поръ, что онъ ей дороже Дмитрія. И ей нѣтъ оправданія! Да, да, Дмитрій былъ правъ, когда не вѣрилъ въ серьезность ея чувства: это увлеченіе, это не любовь, а страсть, капризъ, о которомъ стыдно вспомнить, но который теперь неизгладимымъ клеймомъ легъ на ея честную, чистую жизнь. Все, все испорчено, все пропало. Ничего хорошаго больше ей въ жизни не дождаться, всего надо ожидать дурного, постыднаго. Вотъ и объ ней будутъ говорить, какъ о сестрѣ Хановскаго, а Сергѣй или Саша должны будутъ стрѣляться. Да, да, все, все пропало! Чтò изъ того, что она не измѣнила Сережѣ въ грубомъ смыслѣ этого слова? Это не уменьшаетъ ея вины. Она себѣ позволила забыться до того, что поцѣловала этого чужого человѣка, она говорила ему о своей любви и слушала его. И нѣтъ, нѣтъ ей извиненья...

Встали изъ-за стола. Аннѣ Евграфовнѣ подали кофе на маленькій столикъ. Бобринъ и Саша курили, сидя на ступенькахъ лѣстницы. Сергѣй ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ, изрѣдка останавливаясь около жены и поглаживая ее по блестящимъ чернымъ волосамъ.

— Такъ Ольга Павловна скоро уѣзжаетъ, вы говорите? И даже Митьку увозитъ? Ну, это и отлично. Надо ему поразсѣяться въ иностранной обстановкѣ. А то онъ всю эту весну былъ какой-то хмурый, желчный.

— Сергѣй Александровичъ! вамъ можно сказать, вы намъ не чужой, да и Нина Михайловна тоже. Ну, какъ ему не быть желчнымъ?! Развѣ ему хорошо живется? — заговорила Неридова своимъ скрипящимъ голосомъ.

— Эхъ, Анна Евграфовна, еслибы было какое несчастье непоправимое, ну, тогда можно похмуриться, да и то про себя, en tête-à-tête съ самимъ собою. А то вѣдь я знаю его бѣду: ну, да, женился не совсѣмъ удачно. Она ему не подходитъ. Но вѣдь, признаться сказать, самъ Дмитрій сильно измѣнился за послѣднее время, и (простите мнѣ эту откровенность!) бо̀льшаго прежде онъ самъ и не требовалъ. Такъ что значитъ надо такъ выразиться: „она ему *теперь* не подходитъ“. Конечно, она немного вѣтрена, пуста, кокетлива...

— Нѣ-ѣ-тъ!—съ ожесточеніемъ тряся головой, перебила его Анна Евграфовна, и ея негодованіе сказывалось въ особенно сильномъ скрипѣніи и дребезжаніи голоса.—Нѣ-ѣтъ! не немного пуста, а страшно пуста, вульгарна, груба, безсердечна и кокетка до мозга костей!

— Такъ развѣ же это ужъ такое непоправимое несчастье? Я все-таки думаю, что она его любитъ въ сущности. Должна же она понимать, какой онъ хорошій человѣкъ. А разъ она его любитъ — не все еще пропало.

Муся, которая еще болѣе поблѣднѣла при началѣ этого разговора, вся загорѣлась румянцемъ теперь и, поднявъ голову, съ мольбой и ожиданьемъ смотря прямо на Сергѣя, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Такъ ты думаешь... ты думаешь, Сережа, что... что если *она* его все еще любитъ, то не все еще пропало, что еще нѣтъ несчастья?

— Конечно, конечно, моя птичка!—Сергѣй приподнялъ ея голову за подбородокъ и поцѣловалъ ея горящую щеку. Онъ былъ такъ огорченъ извѣстіемъ о несчастьѣ Дмитрія и всеобщимъ горемъ по этому поводу, что хотѣлъ и самъ себя, и другихъ убѣдить, что все это еще дѣло поправимое. Онъ не догадывался, что своими словами онъ вновь зажегъ свѣтлый лучъ надежды и вѣры въ себя въ измученномъ, наболѣвшемъ сердцѣ Муси, гдѣ все было мракъ и смятеніе. Поэтому онъ былъ очень пораженъ, когда, въ отвѣтъ на его рѣчь, Муся прижалась пылающимъ лицомъ къ его рукамъ, и горячія слезы закапали на его пальцы.

— О, да, да! это еще все поправимо!—шептала она, борясь съ рыданіями, которыя душили ее.

— Что̀ съ тобой, Муся, что̀ съ тобой?!

— Ахъ, Сергѣй Александровичъ,—вмѣшалась Нина.—Вы правду сказали за обѣдомъ, что у Муси нездоровый видъ. Такъ какъ вы теперь сами видите, что она разстроена и больна, то ужъ и я выдамъ ее: она сегодня совсѣмъ себя плохо чувствуетъ отъ грозы въ воздухѣ; она это мнѣ сама днемъ сказала, а вотъ теперь, кажется, готова отречься отъ своихъ словъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Мнѣ, правда, Сережа, что-то нехорошо, точно прежде передъ приступомъ астмы,—а все это меня такъ огорчаетъ, такъ огорчаетъ!..

— Ну, ну, птичка, полно, полно! Пойдемъ, походимъ со мною. Хочешь, внизъ по аллеѣ пойдемъ? Тамъ, навѣрное, легче дышать, чѣмъ здѣсь. Я помню, мы въ былые годы часто ходили тамъ взадъ и впередъ съ Дмитріемъ и толковали о разныхъ разностяхъ... Помните, Анна Евграфовна? Вы еще насъ прозвали „маятниками“.

— Да, хорошіе были годы!—печально отозвалась Неридова.

— Нина Михайловна, пойдемте и вы съ нами! — сказалъ Сергѣй, всегда любившій Нину за ея умъ, доброту, а болѣе всего за ея дружбу съ Мусей.

Муся же какъ будто обрадовалась, что не останется съ-глазу-на-глазъ съ мужемъ въ эти тяжелыя для нея минуты, когда она еще не пришла въ себя ото всего пережитаго за эти два дня. *Еще* не пришла въ себя, такъ-какъ она теперь была увѣрена, что все это было какое-то затмѣніе, безуміе, забытье, отъ котораго она уже начала отрезвляться, и которое скоро отгонитъ, какъ тяжелый кошмаръ. Да, она твердо рѣшила все это прогнать, забыть, будто всего этого и не было. Дмитрію она скажетъ, если только онъ не съумѣетъ понять ея молчанія, что все это было капризъ, игра, или даже прямо скажетъ, что она просто увлеклась, а теперь одумалась. Если онъ даже отшатнется отъ нея послѣ этого, перестанетъ ее уважать, и ихъ старая дружба порвется,—тѣмъ лучше! это будетъ достойное наказаніе. И имъ будетъ тѣмъ легче разойтись, что онъ вѣдь уѣдетъ совсѣмъ черезъ недѣлю. И отлично, отлично! Слава Богу, что еще такъ скоро пришла въ себя,—пока „дѣло еще поправимо“. „Милый Сережа, всегда-то онъ поможетъ!“

И Марья Николаевна крѣпко прижимала къ себѣ руку мужа, обнимая другою рукою Нину за плечи. Они ходили, осторожно шагая по мелкой, мягкой пыли, взадъ и впередъ по аллеѣ, отъ моста и до подъема въ гору. Сегодня было гораздо темнѣе, чѣмъ наканунѣ. По небу непрерывной чередой, нигдѣ не оставляя просвѣта, ползли сѣрыя тяжелыя тучи. Воздухъ былъ душный, не-

движный; пахло гарью. Все затихло и замерло въ ожиданіи дождя, но дождь не выпадалъ, а темныя, низкія тучи все ползли, все надвигались... Тамъ и сямъ надъ далекими лѣсистыми холмами засвѣтилось блѣдное зарево невидимыхъ днемъ лѣсныхъ пожаровъ.

VI.

Была половина іюля. Жара стояла уже цѣлыхъ шесть недѣль безъ перерывовъ. Первыя три недѣли погода была чудесная, солнце весело сіяло на безоблачномъ небѣ, все обѣщало хорошій урожай; иногда набѣгалъ легкій вѣтеръ и освѣжалъ воздухъ; росы не выпадало, но ночи были прохладныя.

Потомъ пропалъ всякій вѣтеръ; даже ночью стало трудно дышать отъ духоты; солнце свѣтило только утромъ, а около полудня заволакивалось тяжелыми, свинцовыми тучами, которыя все однако не проливались благодѣтельнымъ дождемъ. Большія березы посѣрѣли отъ пыли, и ихъ высыхающіе листы печально повисли. Трава на открытыхъ полянахъ выгорѣла. Овесъ былъ тощій, низкій. Въ Рябиновкѣ мужики уже два раза служили молебенъ. Анна Евграфовна, всякій разъ что ходила въ поля, безнадежно качала головой, и скрипящій голосъ ея звучалъ особенно желчно, когда она говорила: „Нѣ-ѣтъ, не-ечего ждать больше дождя; все равно —все пропало!“

На большомъ коврѣ, разостланномъ на лужайкѣ подъ липами, въ однѣхъ рубашонкахъ возились бэби и Вѣрочка и ползалъ Володя. Они всѣ только-что проснулись, проспавъ отъ жары всю середину дня. Нянюшки тоже успѣли вздремнуть, но теперь жара немного свалила, и онѣ вновь принялись работать въ тѣни липъ. Ѳекла Матвѣевна, накрытая бѣлымъ платочкомъ, вязала чулокъ, прислонившись къ темному мшистому стволу одного изъ великановъ, помнившихъ самого Образкова, когда онъ пріѣзжалъ сюда въ шитомъ кафтанѣ и съ напудренной косой; тогда и стройное молодое дерево красовалось въ своихъ густыхъ зеленыхъ локонахъ, а теперь глубокія борозды изрыли его кору, на вѣковомъ челѣ лишь тамъ и сямъ виднѣлись сѣровато-зеленыя кудри, и самъ старый великанъ покривился подъ тяжестью лѣтъ и широко раскинулъ свои корявые, обнаженные, громадные сучья, точно желая опереться на одного изъ болѣе бодрыхъ товарищей.

Рядомъ съ нянюшкой, miss Harry шила платьице для бэби, а невдалекѣ, подъ другой липой, расположилась и цѣлая компанія: Лукичъ чистилъ самоваръ, Даша подшивала balayeuse подъ

платье Марьи Николаевны; тутъ же прачка и Ксёша—горничная Ольги Павловны—чистили малину на варенье. Къ нимъ присоединился и Павлушка, „садовниковъ мальчёнка“, парень лѣтъ 18-ти, зубоскалъ и балагуръ, питавшій чрезвычайную слабость къ пестрымъ „жилеткамъ“ и стальнымъ цѣпочкамъ и втайнѣ мечтавшій уже и о „спинджакѣ“, о чемъ онъ, однако, не смѣлъ и заикаться передъ строгимъ, набожнымъ, стоявшимъ за „старинное“ дяденькой „Пётрой“.

— Это что же такое вы, примѣрно, шьете, Дарья Сергѣевна?—спрашивалъ Павлушка, съ любопытствомъ слѣдившій, какъ Даша аккуратно отмѣряла и приметывала заложенный складочками и обшитый широкимъ кружевомъ воланъ.—Ровно бы какъ подолъ отъ юбки отрѣзали, да къ другой юбкѣ пришивать стали.

— По твоему подолъ, а по нашему балеюза,—строго отрѣзала Даша, не удостоивая „мальчёнку“ болѣе продолжительнаго объясненія.

— Тоже захотѣлъ чтò понять!—вступилась нарядная Ксёша.—У васъ въ деревнѣ франтихи небось еще посичасъ карналины, либо панье, либо развѣ-развѣ что въ обтяжку платья носятъ, да и то думаютъ, какъ бы юбокъ побольше напялить. А господа, видишь, какъ нынче платья носятъ: совсѣмъ гладко, въ складочку кругомъ, хотя бы какъ и мы—прислуги, только-что тюрнюръ поддѣваютъ. Ты вонъ сказалъ: „подолъ отъ юбки отрѣзали“, —передразнила Ксеша его тонъ,—а не подшей я его своей барынѣ, такъ она меня распуститъ тàкъ, что и-и!

— Тоже, модница!—сердито заговорилъ Лукичъ, не поднимая головы отъ поваленнаго на бокъ самовара, по которому старательно водилъ суконкой съ порошкомъ.—Не модницы вы, а тряпишницы! Какія теперь моды?! Тутъ тряпочка, тамъ кусочекъ, тутъ лоскуточекъ—будто бы какъ и вправду платье... Нѣтъ, прежде лучше было! Какъ вырядится тогда хоть бы къ примѣру наша барыня, Анна Евграфовна—платье-то шолковое цѣлое,—на одну юбку, поди, 20 аршинъ пойдетъ,—а мантилью опять-таки одѣнетъ кружевную широкую, цѣльную, хоть ты занавѣску изъ нея дѣлай! Вотъ это мода! Вотъ ужъ сразу увидишь, кто барыня, а кто—такъ себѣ дрянцо. А теперь, прости Господи, барыню и не отличишь отъ васъ, побѣгушекъ. Вотъ у Ольги Павловны у вашей платье ситцевое въ букетахъ, а лифъ другой, да тутъ кружевочки махонькія попришиты, да и у тебя, у дуры, такое же въ букетахъ, и тоже лифъ другой, да кружевочки. Хоть бы и не глядѣлъ! Тьфу!

— Ну ужъ вы тоже завсегда свое старое время хвалите,

Родивонъ Лукичъ. Только и поминаете, какъ вы съ бариномъ жили. Мы-ста да поди-ста!

— А ужъ, конечно, другое тогда дѣло было! Былъ бы живъ теперь Алексѣй Микитичъ, такъ, вы думаете, сюда попали бы, да и съ вашей барыней вмѣстѣ?! Какъ же! Держи карманъ!

— Съ вами тоже свяжешься говорить, такъ и жизни не рада будешь,—обидѣлась Ксёша, вставая и забирая корзинки и тарелки.—Одно слово, солдатъ необразованный!

— Сказалъ бы я одно словечко,—угрожающе возвысилъ голосъ Лукичъ, размахивая въ азартѣ суконкой,—да ужъ не хочу грѣха на душу брать изъ-за такой изъ-за царевны Недотроги.— И, обращаясь къ Дашѣ, почтительно прибавилъ:—Вотъ вы, Дарья Сергѣевна, сами скажите: по нашему дому ейная-то госпожа, али нѣтъ? Такъ, по истинѣ, скажите!

— Не наше это дѣло, Родивонъ Лукичъ, вотъ что̀!—отвѣтила строгая Даша.

Но нянюшка не была согласна съ мнѣніемъ Даши.—Что-жъ,— заговорила она скороговоркой:—оно точно, что дѣло господское, а мы тоже понятіе свое имѣемъ. Я такъ думаю, что пока она молода, такъ отчего ей не погулять? Я и то на *нашу*-то диву дивлюсь: красавица тебѣ писанная, а все больше дома сидитъ. Я ужъ ей даже говорю: „Насидитесь еще дома, Марья Миколавна, какъ будетъ у васъ этакъ дѣтишекъ пять-шесть, а теперь бы вы повеселились, ваше дѣло молодое“. А то только у ей утѣхи и есть, что играетъ, либо рисуетъ, да книжки читаетъ. Хоть бы старухѣ—и той впору.

— Капиталовъ, знать, нѣтъ,—рѣшила прачка,—такъ и зачитаешь книжку съ горя. Вотъ я тоже жила...

Но прачку перебила miss Harry, ломая русскій языкъ:

— Нѣтъ! У лэди Мэннерсъ былъ большой капиталъ, но она была настоящая лэди, у ней была жизнь въ своей фамиліи, а миссисъ Неридовъ точно француженка, и у ней нѣтъ жизни въ своей фамиліи.

Всѣ молчали...

— Вы знаете, Тэкла Матвѣевна,—что я люблю эту дѣвочку, какъ мое собственное дитя, и только поэтому и остаюсь въ такомъ странномъ семействѣ. Oh! они совсѣмъ не respectable,—досказала гувернантка, какъ бы обращаясь къ себѣ, и прибавила: —Вотъ старую барыню, Анну Евграфовну, я уважаю...

— Да, да!—поддержала нянюшка:—старуха она точно что хорошая, барыня какъ есть настоящая, даромъ что въ платочкѣ этакъ иной разъ бѣгаетъ. И строга тоже, ай-ай, какъ строга!

Нагдась Пётру какъ распекла за клубнику: „Ты, говоритъ, на Бога-то не сваливай! Онъ, говоритъ, дождя не даетъ, такъ *ты* поливай, не лѣнись, она у тебя и не погоритъ. А вы, молъ, всѣ: „Богъ да Богъ“,—да какъ бы самимъ-то ничего не дѣлать. Ты, говоритъ, знай затвердилъ: „такъ Богу угодно, такъ Богу угодно“. Нечего, молъ, на Бога сваливать!“.. Такъ, матушка ты моя, хоть и грѣшно такое говорить, а я просто животики надорвала, ее слушавши!

Miss Harry продолжала между тѣмъ глядѣть съ нѣжной улыбкой на бэби, и снова заговорила, обращаясь къ нянѣ: — Богъ поставилъ меня къ этой дѣвочкѣ, и я должна думать о ней—я должна думать и строгой быть, потому что я ее люблю! — И съ сознаніемъ исполняемаго долга miss Harry гордо подняла свою гладко причесанную голову.

— Точно, сиротинушка!—пожалѣла дѣвочку и Ѳекла Матвѣевна, и покачала съ соболѣзнованіемъ головой, на которой платокъ съѣхалъ на бокъ.—Пойти развѣ чайку заварить? Анна Робертовна, будете пить? Я ребяткамъ за молокомъ пойду, такъ за-одно скажу Ксёшѣ, пусть за чайникомъ тамъ посмотритъ, да и сюда намъ его принесетъ. Ей теперь слободно. Ейная прынцесса укатила!

Дѣйствительно, Неридовы уѣхали уже недѣлю тому назадъ. Дмитрій былъ передъ отъѣздомъ два раза въ Рябиновкѣ, и оба раза съ Ольгой, которая теперь не отпускала его ни на шагъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разыгрывала нѣжныя сцены. Муся была этимъ очень довольна; она инстинктивно, въ присутствіи Дмитрія, жалась къ дядѣ или мужу, точно спасаясь отъ какой-то опасности. Она была очень довольна и тѣмъ, что Дмитрій, крайне дружески и по-прежнему задушевно относившійся къ Сергѣю, съ нею былъ какъ-то оффиціально любезенъ и натянутъ. Она объясняла это себѣ вліяніемъ Ольги и тѣмъ, что Дмитрій тоже сознался и раскаялся въ минутѣ увлеченія. И потому она была всѣмъ этимъ довольна.

А Дмитрій, никогда не останавливавшійся въ своей жизни передъ тѣмъ, чтобы обмануть или даже систематически обманывать какого-нибудь несимпатичнаго ему, глупаго или просто добродушнаго мужа, не могъ не чувствовать себя виноватымъ противъ своего друга, котораго уважалъ и цѣнилъ гораздо болѣе самого себя. —„Если она, какъ женщина, и способна такого человѣка обманывать,—говорилъ онъ себѣ,—то *я* зато знаю, что̀ такое честь и честность. Да и она тоже должна это понять: она очень умна

и все-таки хорошая, очень хорошая женщина“. Онъ безсознательно этимъ „все-таки“ оправдывалъ ее передъ самимъ собою за ея любовь къ нему, хотя самого себя нисколько не считалъ виновнымъ или требующимъ оправданія за свою любовь къ ней. И вотъ, чувствуя свою мнимую правоту и честность, Дмитрій хотѣлъ показать и Мусѣ, что она должна забыть о происшедшемъ, и держалъ себя съ нею натянуто и оффиціально-любезно. И онъ тоже былъ очень доволенъ, что Муся такъ легко поняла это и держала себя такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ былъ убѣжденъ, что она въ этомъ случаѣ подчинялась ему. Они простились совершенно спокойно и просто, при всѣхъ; Муся даже дала ему порученіе въ Парижъ.

Тотчасъ послѣ отъѣзда сына и невѣстки, Анна Евграфовна перевезла въ Рябиновку и бэби съ англичанкой и горничной.

Няня и miss Harry уже давно ушли съ дѣтьми въ комнаты, уложили малютокъ спать и теперь ведутъ свою мирную бесѣду, сидя у открытаго окна большой дѣтской. Подъ окномъ Лукичъ, при свѣтѣ принесенной изъ кухни маленькой лампочки, чиститъ ножи и съ чувствомъ поетъ „Черную шаль“, то ускоряя, то замедляя темпъ, смотря по тому, плавно ли скользитъ ножемъ по доскѣ, или съ ожесточеніемъ быстро водитъ имъ взадъ и впередъ.

— Пойтить посмотрѣть? должно, отпили!—говоритъ онъ самъ себѣ, кладетъ послѣдній ножъ въ корзинку, отираетъ руки о передникъ, который вѣшаетъ на гвоздь за ставнемъ окна, и идетъ черезъ садъ на балконъ, продолжая напѣвать, свирѣпо насупивъ брови:

„И мрачную душу терзаетъ печаль!“

Слово „терзаетъ“ онъ произноситъ съ особеннымъ отчаяніемъ.

Дѣйствительно, чай уже отпили, но всѣ еще сидѣли вокругъ стола, на которомъ горѣли свѣчи въ колпакахъ. Дамы работали, за исключеніемъ Муси; она сидѣла на ступенькахъ лѣстницы, всматриваясь въ потемнѣвшій садъ... Тучи собирались въ одну большую, синевато-черную; воздухъ точно замеръ,—онъ такъ тяжелъ, что едва можно дышать,—и весь былъ наполненъ запахомъ гари отъ лѣсныхъ отдаленныхъ пожаровъ, которые при этой суши распространялись неудержимо. Вдали играла зарница; она все приближалась и, наконецъ, обратилась въ блѣдную молнію, почти непрерывно стоявшую на небѣ.

Разговоръ не клеился; какъ всегда передъ грозой, у всѣхъ

на душѣ было какъ-то тревожно и тяжело. Петръ Михайловичъ предложилъ-было читать вслухъ, но, едва начавши, самъ отложилъ книгу и началъ ходить по балкону, заложивъ руки за спину.

Стало совершенно темно; на горизонтѣ опять обозначились огни пожаровъ, невидимые днемъ; сильнѣе потянуло дымомъ.

Всѣ смолкли, точно боясь нарушить грозную тишину; не слышно было ни шуршанья просыпавшихся и засыпавшихъ птицъ въ вѣтвяхъ, ни безконечныхъ пѣсенъ сверчка; все точно вымерло.

— „Боже мой, Боже мой, какъ тоскливо, какъ ужасно тоскливо!“—думала Муся. Она чувствовала себя одинокой. Какая-то невѣдомая сила манила ее въ садъ, въ эту темную, ароматную, таинственную тьму, подъ старыя вѣтви липъ. И, протянувъ руки впередъ, словно раскрывая объятья, она сбѣжала со ступеней и пошла по аллеѣ. Чего ей хотѣлось, чего недоставало?—она сама не могла себѣ сказать. Все было хорошо, она была въ мирѣ съ самой собою, жизнь текла ровно и спокойно. Но Мусѣ казалось, что именно эта-то ровность и спокойствіе такъ и мучатъ ее; ее тянуло куда-то, къ чему-то безпокойному, бурному, полному таинственныхъ силъ, какъ эта темная, жаркая ночь. Муся сѣла на скамейку, сжимая руки до боли; она тяжело и неровно дышала, раскрытыя губы горѣли.— „Чего я хочу? Что меня манитъ и зоветъ?—думала она.—Неужели это просто гроза такъ меня разстроила?“—И вдругъ, чувствуя, какъ вся кровь прилила ей къ щекамъ при готовомъ вылиться въ страстныхъ словахъ отвѣтѣ, она громко проговорила:—„Нѣтъ, нѣтъ, это не то!“

Раздался рѣзкій, сухой раскатъ грома. Потомъ другой, третій. Разыгравшійся вѣтеръ погналъ по дорожкѣ сухіе листья и траву, поднялъ на дорогѣ облако пыли и закачалъ деревья,—какое-то дерево даже застонало и заскрипѣло. Мусѣ вдругъ стало страшно, и она почти бѣгомъ вернулась на балконъ...

Пламя свѣчей колыхалось, задуваемое вѣтромъ. Большая бархатная сѣрая бабочка, какъ обезумѣвшая, носилась вокругъ нихъ. Анна Евграфовна и Лена бросились распорядиться закрываніемъ оконъ и дверей. Нина помогала Сергѣю убирать книги и работы со стола.

Ослѣпительная молнія дрогнула въ воздухѣ, и въ ту же минуту надъ самымъ домомъ разразился страшный ударъ грома... На ступени балкона шлепнулась тяжелая капля дождя—другая, чаще, чаще; деревья бѣшено закачались, и хлынулъ ливень.

Муся, положивъ голову на грудь Петру Михайловичу, смотрѣла вмѣстѣ съ нимъ на страшное, темное, точно поднявшееся небо, на которомъ рѣзко выступали желтоватыми, грязными хло-

пьями очертанія громадной грозовой тучи. Непрерывно мигала то фіолетовая, то ярко-бѣлая молнія, и, не умолкая почти ни на секунду, раскатывался громъ съ трескомъ разрываемаго полотна. Потомъ громъ сталъ точно выжидать, медлилъ отвѣтами на сигналы молніи, сталъ глуше, и уходилъ, все уходилъ куда-то выше и дальше. Дождь лилъ уже спокойно, непрерывными, косыми струями. Сразу стало свѣжо.

— Пойди, Муся, въ комнаты, еще простудишься,—сказалъ Петръ Михайловичъ.—Ты что-то очень взволнована.

— Ахъ, нѣтъ, дядя! Мнѣ такъ теперь легко стало. Я лучше еще здѣсь постою!

— Нѣтъ, Муся!—заговорилъ и подошедшій Сергѣй.—Право, пойдемъ. А если тебѣ что-нибудь не по себѣ, сдѣлай какъ всегда: поиграй.

Муся обрадовалась.—Да, да! Только—чуръ! слушать спокойно, не мѣшать мнѣ!

Она прошла въ темную залу и, не зажигая свѣчъ, сѣла у рояля. Петръ Михайловичъ и Сергѣй, затаивъ дыханіе, приготовились слушать въ дверяхъ балкона.

Дождь пересталъ. Вѣтеръ опять зашумѣлъ листьями старыхъ липъ. Небо сѣрѣло между темными вѣтвями. Какія-то неясныя тѣни пробѣгали по лужайкѣ. Большая сѣрая бабочка билась о стекло веранды, по временамъ налетая на Сергѣя и задѣвая его наклоненную голову своимъ бархатистымъ крыломъ.

Муся подумала одну минуту и заиграла. Сергѣй не разъ потомъ говорилъ, что никогда въ жизни она такъ не играла, ни прежде, ни потомъ.

Она сыграла „Warum“, Шумана.

В. Каренинъ.



РУССКІЙ ЭПОСЪ

и

НОВЫЕ ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ

— Халанскій: Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава, 1885.
— Damberg: Versuch einer Geschichte der russischen Hja-Sage. Helsingfors. 1887.

Въ послѣдніе годы русскій эпосъ привлекъ къ себѣ вниманіе новыхъ изслѣдователей. Одинъ изъ нихъ, г. Халанскій, посвятилъ свой трудъ на то, чтобы поколебать ученіе о началахъ кіевскаго эпоса, сложившееся болѣе или менѣе прочно въ кругу его прежнихъ изслѣдователей. Послѣднихъ онъ нерѣдко упрекаетъ, по тому или другому поводу, въ поклоненіи „миражу". Критиковать, провѣрять старыя убѣжденія и вѣрованія несомнѣнно полезно, если предлагаемое на ихъ мѣсто представляетъ въ себѣ задатокъ бо́льшей жизненности и внутренней правды. Но критика можетъ превратиться въ манію новшества, замѣняя прежній „миражъ", или только кажущееся таковымъ, новымъ, существенно отъ него не отличающимся.

Г. Халанскій и достигъ этого послѣдняго результата, вмѣнивъ своимъ предшественникамъ мнѣнія, которыхъ они никогда не выражали, по крайней мѣрѣ въ такой крайности. Кто изъ нихъ говорилъ, что „древнерусская народная жизнь сосредоточивалась въ *одной* кіевщинѣ", что *весь* старо-кіевскій эпосъ перенесенъ на сѣверо-востокъ? Областные элементы въ составѣ нашего эпоса уже давно были указаны Ѳ. И. Буслаевымъ. Никто также не сомнѣвался въ значительномъ вліяніи московскаго періода на

внутренній и внѣшній составъ нашего былиннаго цикла; не было сомнѣнія и въ томъ, что чѣмъ ближе къ намъ запись пѣсни, тѣмъ естественнѣе предположить въ ней развитіе захожихъ, сказочныхъ и даже литературныхъ мотивовъ—на счетъ древнихъ и народныхъ, навѣянныхъ историческими воспоминаніями. Надъ всѣми этими вопросами работали и ранѣе, тѣми же путями, сравнительнымъ и историческимъ, о которыхъ разсуждаетъ г. Халанскій, и является вопросъ, насколько его теоретическія разсужденія отвѣчаютъ ихъ приложенію, вѣнчаются новыми, прочными результатами.

Сравнительнымъ методомъ г. Халанскій владѣетъ слабо, матеріалъ подобранъ односторонне, преимущество отдано южно-славянскимъ и кавказскимъ параллелямъ; западныя привлекаются лишь настолько, насколько онѣ были указаны другими изслѣдователями. Отсюда рядъ недочетовъ по вопросамъ, важнымъ именно для теорій г. Халанскаго. Онъ обязанъ былъ считаться съ „предположеніемъ", что „Ярлъ Иліасъ норвежскихъ сагъ—одно лицо съ нашимъ Ильей Муромцемъ", а ограничился замѣткою, что „положительныхъ доказательствъ въ пользу такого именно вывода еще не представлено". Онъ знаетъ, что „Кіевъ-градъ и Владиміръ упоминаются нерѣдко въ скандинавскихъ сагахъ", и дѣлаетъ отсюда свои выводы; но въ числѣ приведенныхъ имъ старосѣверныхъ обозначеній для Руси (Gardhar, Gardhariki; но Grikland=Греція) нѣтъ отвѣчающаго Кіеву, ибо Holmgardhr=Новгородъ. Это, впрочемъ, мелочь, какъ и гипотеза, что образъ исполинской пряхи, жидовки-дѣвушки въ одной сербской пѣснѣ о кралевичѣ Маркѣ—„могъ быть заимствованъ изъ нѣмецкихъ сказаній". Существеннѣе — непризнаваніе результатовъ, уже добытыхъ сравненіемъ, или матеріаловъ, уже сведенныхъ въ виду результата. Разбирая былину объ Иванѣ Годиновичѣ, г. Халанскій начинаетъ со сказанія Пахомія Логоѳета „о убіеніи злочестиваго царя Батыя", которое будто бы не что иное, какъ „народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древне-русскую письменность"; приводитъ рядъ сходныхъ южно-славянскихъ пѣсенъ (къ которымъ надо присоединить и варіантъ у Ястребова: „Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ", стр. 67—68) и малорусскую: объ Иванѣ и Марьѣ—Иванѣ Годиновичѣ и Марьѣ Митріевичнѣ (иначе Авдотьѣ, Настасьѣ), соотвѣтствующую русской былинѣ. Сходство положеній и буквальныя совпаденія нѣкоторыхъ образовъ былины и малорусской пѣсни интересны:

1) За Иваномъ бідувати,
За Турчиномъ панувати.
2) За царемъ за мною быть—царицею слыть,
За Иваномъ быть—холопкой слыть.

Для освѣщенія мотивовъ нашей былины собрано было западными и нашими изслѣдователями много параллелей, западныхъ и восточныхъ; высказано было и предположеніе о томъ, какъ совершилось распространеніе ея сюжета. Если не съ этимъ предположеніемъ, то съ матеріалами, на которыхъ оно основано, необходимо было считаться, прежде чѣмъ заключить, что былина объ Иванѣ Годиновичѣ—„передѣлка зашедшей на Русь юго-славянской пѣсни того же мотива; переходъ сказанія могъ совершиться независимо отъ введенія въ нашу словесность самого мотива литературнымъ путемъ въ изложеніи серба Пахомія Логоѳета. Естественными посредниками въ устной передачѣ мотива были малоруссы“. Въ иныхъ случаяхъ, какъ увидимъ далѣе, допускается обратный переходъ: сѣверно-русскихъ былинъ въ обиходъ южно-русской пѣсни и легенды. Если въ нашемъ случаѣ обнаруживается другое направленіе движенія, то тому приводятся причины: русская былина отличается „натянутостью и сказочностью“; она, стало быть, поздній отзвукъ южно-славянскихъ (и малорусской), которыя глубоко правдивы: нельзя въ нихъ указать ни одного намека, ни одной черты, которыя бы отличались неестественностью, принадлежали чуждому быту, инымъ общественнымъ отношеніямъ. Если распространить этотъ критерій и на другіе западные варіанты мотива о „невѣрной женѣ“ Ивана, то и къ нимъ пришлось бы примѣнить опредѣленіе сказочности и неестественности. Авторъ не поставилъ себѣ вопроса: составляютъ ли противоположныя качества непремѣнный признакъ древности пѣсни, или же доказательство того, что въ періодъ своего долгаго переживанія она находила въ окружающей исторической средѣ условія и положенія, подновлявшія впечатлѣніе естественности? Турчинъ въ роли соперника могъ и сложиться, и подновиться въ сербско-турецкихъ отношеніяхъ; мотивъ былины могъ существовать и вызвать пѣсню, но вѣроятно и то, „что пѣсня существовала раньше того историческаго (и прибавимъ: бытового) факта, на который указывается, какъ на подлежащее“.

Мы не имѣемъ ничего противъ критерія правдивости, естественности и т. п.; въ вопросахъ народной поэзіи безъ нихъ не обойдешься, но они даютъ лишь подспорье при рѣшеніяхъ, основанныхъ на другихъ, менѣе субъективныхъ посылкахъ. Къ таковымъ можно бы отнести, напр., *loci communes* того или другого эпоса;

о нихъ г. Халанскій толкуетъ не разъ, между прочимъ, по поводу сказанія объ Евпатіи Коловратѣ, въ которомъ усматриваетъ прозаическое отложеніе былины, сохранившее ея мотивы и—loci communes. „Послѣднее обстоятельство очень важно: такимъ путемъ только и можно опредѣлить степень туземности и древности извѣстныхъ эпическихъ формулъ". О древности мы не споримъ, но какъ представляетъ себѣ г. Халанскій путь къ рѣшенію вопроса о туземности? Оно, очевидно, достижимо лишь подъ условіемъ возможно широкаго, распространеннаго на поэзію разныхъ народовъ, сравненія поэтическихъ формъ и общихъ мѣстъ, свойственныхъ всѣмъ или только нѣкоторымъ народно-поэтическимъ особямъ. Мы видѣли, что трудъ г. Халанскаго не отвѣчаетъ этимъ условіямъ; не потому ли, что это дѣло болѣе касающееся профессоровъ всеобщей литературы, чѣмъ тѣхъ, которые находятъ настоятельную нужду „въ безпристрастномъ изученіи русскаго эпоса въ связи съ народной исторіей и бытомъ"?

И въ этомъ направленіи сдѣлано было много проф. Буслаевымъ; г. Халанскій желаетъ сдѣлать большее. Изъ двухъ методовъ изученія, намѣченныхъ имъ, онъ, очевидно, отдаетъ предпочтеніе историческому. Его пріемы въ этомъ направленіи мы можемъ характеризовать словами, сказанными нами по поводу извѣстной книги Райны [1]); „онъ возстановляетъ эпосъ изъ лѣтописи, но мы не знаемъ, какимъ критеріемъ онъ руководится. Такимъ критеріемъ могли бы быть болѣе или менѣе древніе эпическіе отголоски меровингской поры, на которые мы въ состояніи были бы опереться при анализѣ историческихъ разсказовъ, но такихъ отголосковъ нѣтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ критерій является лишь субъективный, опирающійся на знакомствѣ съ матеріаломъ, мотивами, интересами эпической пѣсни: битвы, поединки, посольства, однимъ словомъ—весь скарбъ chanson de geste прилагается къ критикѣ лѣтописи, и если въ ней есть эпизоды подходящаго содержанія, то и дѣлается выводъ, что обо всемъ этомъ пѣлось. Если идти такимъ путемъ, то за живописными эпизодами южно-русскихъ лѣтописей можно бы предположить цѣлый рядъ утраченныхъ былинъ; но вѣроятно также, что такихъ былинъ никогда и не было, ибо интересы и идеалы эпической пѣсни чаще всего расходятся съ интересами и идеалами лѣтописи, церковной или придворной, все равно. Французскій эпосъ грандіозно опоэтизировалъ пораженіе при Ронсевò, кото-

---

[1]) „Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ". Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, апрѣль, стр. 259—260.

рому мы не придали бы никакого значенія, еслибы встрѣтили его только на страницѣ хроники; наоборотъ, русскія былины не сохранили никакой памяти о дѣятельности Владиміра по устроенію земли и введенію христіанства, столь дорогой лѣтописцу". Обобщая сказанное, мы приходимъ къ loci communes критики: что, изслѣдуя историческій субстратъ былинъ надо избирать исходной точкой — былины, повѣряя, гдѣ возможно, лѣтописью несходныя положенія въ лѣтописи, развивая ихъ, въ подражаніе народному пѣвцу, до идеализированныхъ образовъ пѣсни. Первый путь тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе отъ возможныхъ фантастическихъ выводовъ второго.

Г. Халанскій поступаетъ, какъ разъ наоборотъ. Онъ не только сопоставляетъ сказаніе о смерти рязанскаго князя Θеодора и самоубійствѣ его жены Евпраксіи съ былиной о Данилѣ Ловчанинѣ, но и повѣсть о Евпатіи Коловратѣ—съ пѣснями о Михайлѣ Даниловичѣ и Васильѣ Игнатьевичѣ, о которыхъ говоритъ далѣе въ другой связи, причемъ для первыхъ указывается, гипотетически, и соотвѣтствующая параллель въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Михалкѣ Юрьевичѣ. Такъ какъ намъ самимъ пришлось заниматься былинами о Михайлѣ, то мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ подробнѣе, чтобы провѣрить не только новое мнѣніе, но и методическіе пріемы г. Халанскаго.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго, суздальцы и ростовцы позвали на княжескій столъ Ростиславичей, а Владимірцы приняли Михалка Юрьевича. Поступокъ владимірцевъ не понравился ростовцамъ и суздальцамъ; они рѣшились силою выгнать Михалка изъ Владиміра и унизить младшій городъ. „Пріѣха же со всею силою ростовская земля на Михалка ко Владимерю и много зла сотвориша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерцы бьяхуться съ города, Богородицѣ святой помогающимъ; и стояша около града семь недѣль, и святая Богородица избави градъ свой. Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышляй особѣ". Онъ же отвѣщавъ, рече: „прави есте, чи хотите мене дѣля погынути?" Поѣха въ Русь и приводиша его Володимерци съ плачемъ (Лавр. лѣт., 158).

Г. Халанскій предполагаетъ, что этотъ эпизодъ мѣстной сѣверно-русской исторіи далъ сюжетъ сѣверно-русской же былинѣ, въ которой Владиміръ замѣненъ былъ Кіевомъ, а Михалко спустился къ роли богатыря кіевскаго князя. Перенесенная на югъ, эта былина пріурочена была къ Кіеву и очутилась извѣстной легендой „о кіевскихъ золотыхъ воротахъ". Общее содержаніе ея

слѣдующее: татары подходятъ подъ Кіевъ; юный богатырь Михайло внушаетъ въ нихъ боязнь, и они условіемъ отступленія ставятъ его выдачу; кіевляне требуютъ у князя того же. Михайло готовится выѣхать противъ татаръ. Владиміръ останавливаетъ его, говоритъ, что онъ на то слишкомъ молодъ; тотъ отвѣчаетъ:

Господару цару Володиміру!
Возьми ты утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе якъ і старенькe.

Михайло побиваетъ татаръ, но удаляется изъ Кіева отъ „поганой рады“ кіевлянъ.

Мы сравнили эту легенду съ былиной о Михайлѣ Даниловичѣ. Также татары обступили Кіевъ и требуютъ поединщика; на вызовъ князя всѣ его богатыри отмалчиваются, лишь двѣнадцатилѣтній Михайло хочетъ выступить противъ нихъ, и Владиміръ его также удерживаетъ. Слѣдуетъ тотъ же типическій отвѣтъ юнаго богатыря:

Государь князь Владиміръ Всеславьевичъ:
Вели, государь, поимать гоголя
И вели держать его три года,
Да пусти того гоголя на воду,
Умѣетъ ли гоголь по водѣ плавати?
Такъ-то богатырское сердце неуимчиво.

Далѣе—побѣда Михайлы надъ татарами; оговоренный передъ княземъ и заточенный имъ, онъ удаляется въ монастырь.

Несмотря на нѣкоторую разницу въ расположеніи частностей и въ мотивированіи удаленія Михайлы, что легко помирить предположеніемъ болѣе древняго типа пѣсни, распавшейся на варіанты, былина и легенда существенно развиваютъ одно и то же содержаніе. Въ послѣдней имя богатыря устойчиво, въ первой въ трехъ варіантахъ держится имя Михайлы, въ двухъ оно замѣнено Иваномъ. Такъ и въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, привлеченной къ сравненію г. Халанскимъ. Осады нѣтъ, козаки выступаютъ въ походъ, и Ивась увязывается за ними въ отсутствіе матери, не пускавшей его, такъ какъ онъ былъ у нея единственный сынъ. Когда прибыли они на Черкень (или: Черкасъ-долину), полковникъ Хвиланъ выкликаетъ охотника:

У первому разі на герци погуляти,
За віру християньску достойно и праведно стати?

Козаки молчатъ; выкликается Ивась и на уговоры полковника, что онъ еще слишкомъ молодъ и въ походахъ не бывалъ, отвѣчаетъ знакомымъ намъ сравненіемъ:

Эй, Хвилане, Корсунській полковниче,
 Батьку старий!
Возьми ти утя едно старое,
 А друге малее,
 Пусти ти на воду:
Чи не равно буде плисти младе,
 Якъ бы старе?

Указанною нами группою былинъ, легендъ и думъ г. Халанскій занимается въ двухъ различныхъ главахъ своего изслѣдованія. Легенду о Михайликѣ онъ разбираетъ въ связи съ былиной о Василіѣ Игнатьевичѣ, въ отдѣлѣ о богатыряхъ татарскаго періода, ибо Михайликъ для него—Михалко Юрьевичъ. Былину о Михайлѣ-Иванѣ онъ отдѣляетъ отъ кіевской легенды, хотя отличія между ними не касаются общихъ очертаній мотива и не превышаютъ мѣры, мыслимой въ варіантахъ одной и той же пѣсни, и кромѣ того замѣчается не случайная связь, соединяющая легенду о Золотыхъ воротахъ съ былиною о Михайлѣ-Иванѣ: апологъ объ утяти. На эту связь мы обязаны были обратить вниманіе, когда еще не узнали думы объ Ивасѣ; тѣмъ обязательнѣе представляется она намъ теперь. Г. Халанскій другого мнѣнія: былины о Михайлѣ и думу объ Ивасѣ онъ выдѣляетъ въ особую группу до-татарскихъ пѣсенъ и для дѣйствующаго въ нихъ богатыря возстановляетъ его историческое имя: Иванъ Даниловичъ, ибо въ Никоновской лѣтописи подъ 1136 г. онъ прочелъ о боѣ Ольговичей съ Ярополкомъ кіевскимъ, сыномъ Владиміра Мономаха: „и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша Половци отъ Ольговичевъ. И погнаша по нихъ великаго князя Ярополча дружина, и братіи его *лутчая мужи храбрыя*, и биша много гоняще Половцевъ и возвратишася вспять; и необрѣтоша князей своихъ, и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ, а Половцы обратишася на нихъ въ тылъ, и тако многихъ *храбрыхъ* мужей избиша Ярополчихъ и братьи его, и держащихъ стогъ великаго князя Ярополка Кіевскаго и братьи его изымаша, и бояръ его множество поимаша, а иныхъ многихъ безъ числа убиша, и *храбраго Давыда Яруновича* тысяцкаго кіевскаго, и *Ивана Данилова богатыря славнаго* убиша и Станислава *благороднаго*, и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многихъ мужей *сильныхъ и храбрыхъ* и внука Владимира Мономаха Ва-

сильна Марича убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша въ Кіевъ съ братьею своею отнюдь въ малѣ дружинѣ Ярополкъ".

Подчеркнутое въ текстѣ выдѣлено такимъ образомъ и въ оригиналѣ г. Халанскаго; особое значеніе онъ даетъ слову *храбръ*, которому посвящена особая глава, ибо храборъ, хороборъ — древнѣйшее русское, „твердо установленное" обозначеніе для богатыря. Съ этой точки зрѣнія всѣ „лутчая мужи *храбрыя*" или „сильные и *храбрые*" оказались бы богатырями, и еслибы о *храбромъ* Давидѣ Яруновичѣ было сказано нѣчто бо̀льшее, то г. Халанскій и ему открылъ бы главу въ своемъ изслѣдованіи, какъ, напримѣръ, Демьяну Куденевичу, лѣтописное сказаніе о которомъ основано, по мнѣнію изслѣдователя, „на одномъ древнемъ эпическомъ мотивѣ", къ которому восходятъ и былины объ Ильѣ и Калинѣ и о Сухманѣ.

Кстати по поводу слова храбръ-богатырь. Далеко не всѣ примѣры, собранные г. Халанскимъ, убѣдительны въ смыслѣ его толкованія. Мы особенно указываемъ на выписку изъ „Предисловія къ одной русской редакціи Александріи". Эта мнимая русская редакція—не что иное, какъ дословный переводъ Псевдокаллисѳена. Сообщаю соотвѣтствующій отрывокъ по архивскому древнѣйшему списку съ главными варіантами (въ скобкахъ) текста, который выписываетъ г. Халанскій, и съ исправленіемъ пунктуаціи: „Добліи (подобль) мнится быти и (у Халанскаго нѣтъ) храборъ Александръ Македонскій, яко все сотворивъ, поспѣвающее ему (яко все строивъ и поспѣвающе емоу), имѣя присно къ доброму дѣлу промышленіе (помышленіе). Толико бо лѣтъ проводи со всѣми языки брань творя и біяся, яко не можаху хотящіи грады (граду) по извѣсту исписати". Г. Халанскій видитъ въ этомъ, будто бы русскомъ, предисловіи „воззрѣніе русскаго книжника на храбра, замѣчательно сходное съ теперешнимъ понятіемъ о богатырѣ. Александръ Македонскій называется храбрымъ потому, что много лѣтъ велъ безпрестанную борьбу съ многими народами; въ этой борьбѣ онъ былъ счастливъ и непобѣдимъ: богатыри служатъ Владиміру до старости, проводя жизнь въ постоянныхъ схваткахъ съ врагами русской земли. При своихъ успѣхахъ Македонскій храборъ „имѣай присно къ доброму дѣлу помышленія": вспомнимъ завѣтъ крестьянина Ивана Тимоѳеевича своему дѣтищу Ильѣ Муромцу:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина".

Г. Халанскій полагаетъ, что *подоблъ храбръ* буква въ букву отвѣчаетъ теперешнему: *славный богатырь*. Первыя строки Псевдо-

калисѳена удаляютъ это заключеніе и съ нимъ вмѣстѣ—ссылку на завѣты Ивана Тимоѳеевича. Выраженіе: „добль и храбръ"— отвѣчаетъ тамъ ἄριστος и γενναιότατος; „храбръ" не связанъ по контексту съ войнами Александра; непосредственно затѣмъ говорится, что онъ самъ все творилъ такъ, ибо его мудрость, его прозорливость („промышленіе) споспѣшествовали его доблестямъ. О „помышленіи" въ смыслѣ г. Халанскаго и злыхъ помыслахъ на татарина нѣтъ, стало быть, и рѣчи.

Но вернемся къ лѣтописному Ивану Даниловичу. О немъ говорится только, что онъ былъ богатырь и убитъ въ 1136 году; богатырь до-татарскій и южно-русскій; о немъ, по мнѣнію изслѣдователя, должна была ходить старая былина, отложившаяся въ думѣ объ Ивасѣ и въ былинѣ объ Иванѣ Даниловичѣ, зашедшей потомъ на сѣверъ. Мы уже знаемъ, что въ этой былинѣ имя Ивана чередуется съ именемъ Михайла: обстоятельство, которое легко было бы понять, какъ случайное, обычное въ народной поэзіи, еслибы между былиной о Михайлѣ-Иванѣ съ одной стороны и кіевскимъ сказаніемъ о Михайликѣ и южнорусской думой объ Ивасѣ, съ другой, не представлялось связи, не замѣчалось сходства положеній и подробностей, невольно вызывающее рядъ вопросовъ. Если легенда о Михайликѣ—сѣверно-русская былина татарскаго періода, привязавшаяся къ Кіеву, и ея герой—Михаилъ Юрьевичъ, то былину о Михайлѣ Даниловичѣ отъ нея трудно отвязать, и въ то же время варіантъ послѣдней, съ именемъ Ивана Даниловича, и малорусская дума объ Ивасѣ оказываются въ основѣ южно-русской и до-татарской, вызванной событіемъ 1136 года. Мы вращаемся въ заколдованномъ кругѣ, и будемъ вращаться всякій разъ, если задачей историческаго метода въ области былевой поэзіи поставимъ не восхожденіе отъ пѣсни къ возможному ея мотивированію лѣтописнымъ свидѣтельствомъ, а конструированіе изъ лѣтописи, руководясь ея именами и намеками пѣсенной схемы, къ которой подгоняется заднимъ числомъ содержаніе дѣйствительныхъ былинъ.

Мы можемъ перейти теперь къ вопросу, вѣроятно наиболѣе интересующему читателя: какъ развѣнчиваетъ г. Халанскій зданіе южно-русскаго, кіевскаго эпоса и какую новую постройку возводитъ на его мѣстѣ.

Если мы не ошибаемся, общее воззрѣніе на судьбы нашего эпоса сложилось такое: на югѣ областныя пѣсни о мѣстныхъ событіяхъ и богатыряхъ тянули къ Кіеву и его князю, эпонимомъ котораго явился Владиміръ. Пѣсни циклизовались въ направленіи политическихъ интересовъ. Этотъ старый, кіевскій

южно-русскій эпосъ, мотивовъ котораго мы никогда вполнѣ не раскроемъ изъ-подъ позднѣйшихъ наслоеній, занесенъ былъ, очевидно, не цѣликомъ, на сѣверъ, гдѣ къ нему и къ его центру, Кіеву и Владиміру, пристали мѣстныя сѣверно-русскія преданія и пѣсни. Здѣсь онъ продолжалъ жить въ новыхъ условіяхъ быта и народныхъ интересовъ, понемногу примѣняясь къ тѣмъ и другимъ, не измѣняя лишь памяти о кіевской циклизаціи: это была какъ бы рамка, обводившая цѣлое, но открывавшаяся и внесенію новыхъ, сказочныхъ сюжетовъ: занесенный эпосъ легче объективируется, понимается какъ *поэтическое* данное, подлежащее развитію, чѣмъ эпосъ, не отрывавшійся отъ почвы и питающійся живыми отголосками *историческихъ* событій, впервые вызвавшихъ его къ жизни.

Г. Халанскій протестуетъ противъ такого построенія. Массоваго выселенія южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверовостокъ, которымъ объясняли и перенесеніе туда южныхъ былинъ —никогда не было, — говоритъ онъ за проф. Антоновичемъ,— не было, стало быть, и запустѣнія южной Руси, и былины удержались бы тамъ въ памяти народа, ихъ создавшаго. Этого нѣтъ; мѣсто того существуетъ позднѣе сложившійся эпосъ казацкихъ думъ. Выводъ, сдѣланный изо всего этого авторомъ, потому невѣренъ, что невѣрно поставлены посылки. Думы, выразившія собою новое бытовое и боевое движеніе казачества, могли заслонить собою старый былинный эпосъ, удержавшійся въ отголоскахъ на сѣверѣ, гдѣ ему на смѣну не явилось новаго, потому что и въ жизни не было фактовъ, его вызывавшихъ. И въ народной поэзіи память стараго слабѣетъ и пропадаетъ передъ захватывающимъ интересомъ новизны; старыя южныя былины могли когда-то существовать и потомъ быть забыты, какъ во Франціи народъ, пѣвшій кантилэны о Каролингахъ, знаетъ теперь лишь пѣсни балладнаго, захожаго содержанія. Что касается вопроса о массовомъ переселеніи южанъ на сѣверъ, то, не касаясь его по существу, мы ограничимся замѣчаніемъ, что для перенесенія былинъ на сѣверъ такого движенія и не было нужно. Никто не говорилъ еще, что южные германцы должны были толпами двинуться на сѣверъ, чтобы перенести туда, въ пѣсни Эдды и народныя повѣрья, сагу о нифлунгахъ.

Другой аргументъ, выдвигаемый г. Халанскимъ противъ существующаго взгляда, касается строя и характера малорусскаго эпоса, существенно разнящагося отъ великорусскаго, теперь, какъ и прежде, ибо древнія южныя пѣсни о княжеской порѣ должны были отличаться стилемъ современныхъ думъ. Но это

отличіе мы понимаемъ не какъ этническое, а какъ историческое показаніе бо́льшей или мѐньшей близости эпоса къ своему началу, къ тѣмъ фактамъ, событіямъ или впечатлѣніямъ событій, которыя его породили. Чѣмъ моложе народный эпосъ, чѣмъ ближе къ своей исторической основѣ, тѣмъ болѣе въ немъ лиризма, выраженія живого интереса къ воспѣваемому. Таковъ характеръ малорусскихъ думъ, и мы полагаемъ теоретически вѣроятнымъ, что когда южно-русскія былины, легшія въ основу нашихъ сѣверныхъ пересказовъ, были эпосомъ *новымъ*, онѣ могли отличаться такимъ же лирико-эпическимъ стилемъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ обращеніи, среди постепенно слабѣющихъ интересовъ къ его содержанію эпосъ долженъ отрѣшаться отъ своихъ лирическихъ партій, стать болѣе эпическимъ, сказывающимъ; на новой почвѣ, куда онъ былъ занесенъ, гдѣ не было и у него живыхъ корней въ народной памяти, этотъ процессъ долженъ былъ совершиться тѣмъ быстрѣе: былина-дума обращается въ былину великорусскаго типа; дальнѣйшее движеніе будетъ къ побывальщинѣ и сказкѣ.

„Еслибы великорусскія былины, — продолжаетъ протестовать г. Халанскій,—были по своему происхожденію южныя, въ нихъ было бы болѣе дѣйствительнаго, историческаго, кіевскаго и южно-русскаго въ изображеніи Кіева и Владиміра, болѣе географической опредѣленности въ первомъ, болѣе жизни въ лицѣ послѣдняго“. Но это мнимое доказательство скорѣе во вредъ положенію изслѣдователя: именно на сѣверѣ, гдѣ былины поются и до сихъ поръ, непосредственныя представленія о Кіевѣ должны были блѣднѣть съ каждымъ новымъ перепѣвомъ, образы южной мѣстности заслоняться сѣверными, личность Владиміра и его богатырей—загрубѣть въ эпическомъ типѣ, въ уровень съ интересами и воззрѣніями крестьянской среды, какъ на югѣ она поддалась бы, еслибы пережила въ пѣснѣ, вліянію казацкой пѣсни и ея идеаловъ.

Наконецъ, по мнѣнію г. Халанскаго, самый фактъ циклизаціи нашихъ былинъ вокругъ Кіева и Владиміра — не южный. „Вся удѣльно-вѣчевая пора была эпохой героической въ жизни русскаго народа. То было время храборства: сначала шла борьба съ печенѣгами, половцами и др., затѣмъ грянулъ громъ татарщины. Народная поэзія успѣвала только идти въ параллель съ ходомъ событій; дѣло было не до централизаціи сказаній, требующей, по необходимости, затишья въ народной жизни. Только при отсутствіи постоянныхъ волненій въ народной жизни является возможность пѣвцамъ установить сказанія въ извѣстную систему

и порядокъ". Такой процессъ собиранія возможенъ былъ именно въ московской Руси, собирательно во всѣхъ направленіяхъ. „Въ политической жизни онъ выражался въ дѣятельности князей-собирателей; въ письменной литературѣ—въ стремленіи московскихъ грамотѣевъ собрать и привести въ порядокъ разбросанныя по городамъ и областямъ древнія лѣтописи, сказанія, житія и т. п. Результатомъ этого стремленія, извѣстно, явились такіе компилятивные сборники, какъ Четьи-Минеи Макарія, Никоновская лѣтопись и Степенная книга"—и объединенный Кіевомъ и Владиміромъ циклъ сѣверно-русскихъ былинъ.

Говоря объ ихъ „собираніи", г. Халанскій невольно имѣетъ въ виду ихъ настоящее цѣлое, со всѣми его вхожими, пѣсенными и сказочными элементами. Очевидно, не это имѣли мы въ виду, когда назвали Владиміра собирательнымъ центромъ русскаго эпоса въ до-татарскую эпоху. Для нашего положенія совершенно достаточно фактовъ, указанныхъ г. Халанскимъ: „Стольный городъ Кіевъ всегда привлекалъ къ себѣ служилыхъ людей: у великаго князя было служить и выгоднѣе, и почетнѣе. Поѣхать на службу къ кіевскому князю было мечтой военнаго человѣка древней Руси. Естественно поэтому, Кіевъ являлся въ народной поэзіи идеальнымъ городомъ, кіевскій великій князь—идеальнымъ княземъ: о службѣ у него пѣлись пѣсни не только у насъ, но и у скандинавовъ. Мотивъ о поѣздкѣ въ Кіевъ на службу къ великому князю былъ несомнѣнно самымъ распространеннымъ въ древне-русскомъ эпосѣ, кореннымъ, исторически возникшимъ изъ отношенія удѣльныхъ княжествъ къ Кіеву... На югѣ Руси въ XI и XII вѣкѣ Владиміръ былъ несомнѣнно эпическимъ лицомъ народной поэзіи". О немъ и о богатыряхъ на службѣ кіевскаго великаго князя, стало быть, пѣлись пѣсни—и мы довольствуемся предположеніемъ этого небольшого эпическаго nucleus, для котораго не нужно было ни „затишья въ народной жизни", ни собирательныхъ силъ Москвы. Обходимся же мы безъ этихъ предположеній, когда говоримъ о циклѣ пѣсенъ, воспѣвающихъ Марка Кралевича и бой на Косовомъ полѣ!

Г. Халанскій такъ вѣритъ въ силу аргументовъ, разобранныхъ нами, что приступаетъ съ ними къ *развѣнчиванію* зданія русскихъ былинъ. Но зданіе остается; въ немъ сдѣланы нѣкоторыя ненужныя перегородки, не удалившія основного плана,—точно въ сонатѣ, вамъ извѣстной, переставили нумера allegro и andante, и вы только дивитесь капризу исполнителя, а пьесу все-таки узнаете. И въ самомъ дѣлѣ, процессъ образованія великорусскаго „кіевскаго цикла" оказывается слѣдующій: въ основѣ лежатъ об-

ластныя преданія суздальскія, ростовскія, владимірскія; „татарская сабля разрубила русскую землю на двѣ или даже на три части: юго-западъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ. Центромъ сѣверо-востока стала Москва. И изъ Кіева, и изъ Чернигова потянулись на службу къ московскому князю служилые люди. Въ это время, вмѣстѣ съ переходомъ дружины, зашелъ въ Москву дружинный областной эпосъ кіевскій и черниговскій и вступилъ въ тѣснѣйшія комбинаціи съ эпосомъ старо-суздальскимъ, тоже передвинувшимся къ центру, въ московскую область, и вновь возникшимъ московскимъ. Несомнѣнно, и раньше этого кіевскія и черниговскія сказанія заходили на сѣверо-востокъ, вмѣстѣ съ дружинами кіевскихъ князей, управлявшихъ залѣсской землей; но наиболѣе интензивнымъ переходъ этотъ могъ стать именно въ это время, въ періодъ наибольшаго тяготѣнія Руси къ Москвѣ (XIV—XV в.)". „Вполнѣ опредѣлить тотъ первоначальный кругъ сказаній, мѣстныхъ и зашедшихъ съ юга, въ которыхъ дѣйствіе пріурочивалось къ Кіеву, невозможно",—говоритъ г. Халанскій; „во всякомъ случаѣ ихъ было больше, чѣмъ указано нами". Эти южныя пѣсни, съ именами Кіева и Владиміра оказали ассимилирующее вліяніе на сѣверныя помѣстныя былины, которыя притянулись, не взирая на отличія историческаго содержанія, къ установленнымъ уже эпическимъ центрамъ; что это дѣло московскихъ или вообще сѣверныхъ „пѣтарей", объ этомъ нѣтъ спора, но когда г. Халанскій объясняетъ появленіе Кіева и Владиміра въ пѣсняхъ, первоначально имъ чуждыхъ, популярностью имени Владиміра во всей Руси и памятью о первенствующемъ значеніи Кіева — матери городовъ русскихъ, то онъ сознательно обходитъ еще одно естественное объясненіе, не нужное, впрочемъ, для его теоріи, а именно, что явившіяся на сѣверѣ южныя пѣсни уже выработались въ циклъ, а сѣверныя въ него не сложились, чѣмъ и объясняется, почему послѣднія потянули къ первымъ, очутившись кіевскими по именамъ и запѣву, а не наоборотъ. Въ общемъ мы можемъ согласиться съ построеніемъ г. Халанскаго, ибо, въ сущности, все осталось по старому. Развѣнчиваніе не пошло далѣе его намѣренія.

Прилагая въ частности свою теорію, изслѣдователь дѣлитъ богатырей на южныхъ и сѣверныхъ и, по эпохамъ, на до-татарскихъ, богатырей татарской эпохи и московскаго періода. Къ южнымъ отнесены: Владиміръ, Добрыня, Иванъ Даниловичъ (Михайло), Вольга, Ставръ, Чурило и отчасти Иванъ Годиновичъ; къ сѣвернымъ: Алеша, Илья, Тимоня, ассимилировавшійся, впрочемъ, съ южнымъ Добрынею и неизвѣстный по имени, въ до-

шедшихъ до насъ былинахъ. Какъ южные богатыри заходили на сѣверъ, такъ иногда сѣверныя пѣсни заносили имена своихъ героевъ на югъ, гдѣ они находили и мѣстное пріуроченіе: Михайло (Михалко Юрьевичъ) очутился Михайликомъ въ легендѣ о кіевскихъ Золотыхъ воротахъ; Илья Муромецъ присталъ на сѣверѣ къ кіевскому циклу и, далѣе, перенесся въ кіевскія пещеры, куда великорусскіе богомольцы занесли какъ имя своего главнаго эпическаго героя, такъ и нѣкоторыя былины о немъ. Какъ представляетъ себѣ г. Халанскій сложеніе извѣстной былины — духовнаго стиха о „гибели богатырей": на сѣверѣ или на югѣ? Онъ отрицаетъ мнѣніе проф. Дашкевича и наше, что пѣсня идеализировала пораженіе русскихъ на Калкѣ въ 1224 году. „Несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибели храбровъ въ бою съ татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и въ другихъ мѣстахъ. Въ народномъ сознаніи была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ сказаній, книжныхъ образовъ (апокрифы), объ участіи небесной силы въ битвахъ смертныхъ, о наказаніи возгордившихся своей силой людей. Воспріятіе совершилось. Усвоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись съ туземными пѣснями, возродилось въ художественной былинѣ о гибели витязей на Сафатъ-рѣкѣ. Гдѣ совершились воспріятіе и ассимиляція, на сѣверѣ или на югѣ — остается неизвѣстнымъ и произвольнымъ мнѣніе, что лишь „московскіе грамотѣи пріурочили гибель витязей исключительно къ Калкинской катастрофѣ".

Дополненіемъ и повѣркой распредѣленія богатырей между сѣверомъ и югомъ является указанное выше размѣщеніе ихъ по эпохамъ. По какому критерію слѣдовалъ при этомъ авторъ? Къ пѣснямъ московскаго періода отнесены былины о Микулѣ Селяниновичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Чуримѣ Пленковичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Сбродовичахъ, Дюкѣ Степановичѣ, Данилѣ Ловчанинѣ, сорока каликахъ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Тугаринѣ Зміевичѣ, Жидовинѣ и Святогорѣ. Въ нихъ нѣтъ явственныхъ чертъ кіевщины и много бытовыхъ чертъ московскаго времени: боярская спѣсь и мѣстничество, распаденіе семьи и развращенность нравовъ, холопство, подробности великорусскаго быта и обстановка московскаго боярства XVI и XVII вѣка; прибавимъ къ этому аргументъ, ранѣе выставленный авторомъ: преобладаніе въ былинахъ сказочнаго элемента и литературныхъ сюжетовъ. Все это, очевидно, не объясняетъ, почему Жидовинъ, и въ особенности Тугаринъ, принадлежитъ московскому періоду, тогда какъ Идолище—отнесенъ къ татарскому; все это не удаляетъ соображенія, что черты „московскихъ" нравовъ—признакъ новости не-

соотвѣтствующихъ пѣсенъ, а ихъ сѣверныхъ передѣлокъ. Изслѣдователь старой, имѣющей быть развѣнчанной школы можетъ повторить то же и по поводу анализа г. Халанскимъ былины о Дюкѣ: въ объясненіе ея причудъ и фантастическихъ построекъ приводятся, по Забѣлину, факты „бытовой обстановки московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ“—и параллель выходитъ съ виду доказательная; но съ одной стороны поднимается вопросъ о позднѣйшемъ воздѣйствіи среды на мотивы захожей пѣсни, котораго никто не отрицалъ; съ другой — московское искусство XVI и XVII столѣтій повторяло, какъ извѣстно, зады западнаго и византійскаго, которое могло и отразиться въ образахъ древней пѣсни, легшей въ основу былины о Дюкѣ, и находить мѣсто въ болѣе древней русской же, но не московской дѣйствительности. Для возстановленія ея у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, матеріаловъ, бывшихъ доступными, для московской Руси, г. Забѣлину, но у насъ есть свѣденія о великолѣпіи Десятинной церкви въ Кіевѣ, о Кіевѣ, какъ одномъ изъ главныхъ украшеній „Греціи“ (Адамъ Бременскій) съ 400-ми церквами и 8-ю рынками (Титмаръ Мерзебургскій), городѣ богатомъ, производившемъ именно такое впечатлѣніе на внука Чингисхана, посланнаго для его осмотра ханомъ Угедаемъ въ 1239 году.

Въ романскомъ стилѣ Дюковыхъ убранства и построекъ сказался, быть можетъ, не періодъ его художественнаго переживанія въ московской Руси XVI вѣка, а пора его жизненности на югѣ—какъ въ образахъ сторожевыхъ богатырей нашего эпоса за поздними чертами московскихъ станичниковъ надо допустить и тѣ древнія, которыя принадлежали „болѣе раннему времени“ и перешли „на сѣверъ изъ кіевской Руси, изъ эпизодовъ борьбы Кіева со степью“.

Всего произвольнѣе дѣленіе богатырей на до-татарскихъ и тѣхъ, которые проявились въ татарскомъ періодѣ. Что Иванъ Даниловичъ отнесенъ къ первымъ—объясняется, какъ мы знаемъ, пристрастіемъ изслѣдователя къ показаніямъ лѣтописи, если къ нимъ оказывается возможнымъ привязать какое-нибудь имя или черту былины. Но почему Идолище оказывается татариномъ по существу, не пѣсеннымъ показателемъ какого-нибудь другого врага Руси? Потому что татары, по свидѣтельству старыхъ путешественниковъ, не помогаютъ нищимъ и бѣднымъ, что татарскій баскакъ, сарацинъ, уводилъ нищихъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе милостыней (Плано-Карпини), а Идолище говоритъ Ильѣ, явившемуся въ образѣ калики:

Отколь пришелъ ты, старый человѣкъ?
У насъ была кладена заповѣдь великая:
Не просить милостыни спасенныя.

Можетъ быть, эта черта татарскихъ нравовъ и имѣлась въ виду, когда въ татарскую пору дополнялся типъ былиннаго Идолища; но ничто не доказываетъ, что онъ тогда сложился впервые, какъ нѣтъ доказательства, что Илья принадлежитъ татарской эпохѣ, когда первое упоминаніе о немъ, и притомъ въ сводной нѣмецкой поэмѣ, относится къ 1225 году.

Г. Холанскій несогласенъ съ нашимъ мнѣніемъ, что русскій эпосъ почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли. Говоря такимъ образомъ, мы имѣли, между прочимъ, въ виду, что южно-русскій богатырь и до татаръ не обходился безъ врага и его эпической идеализаціи, которую впослѣдствіи оставалось лишь развить новыми чертами—новыхъ насильниковъ. Если г. Халанскій разумѣлъ нѣчто подобное, заявивъ, что „мотивы татарской эпохи какъ-то расплылись въ русскомъ эпосѣ", и „фантазія пѣтарей воспользовалась готовыми поэтическими образами и богатырей предыдущей эпохи привлекла къ татарщинѣ", то между нами разногласія нѣтъ, и споръ можетъ идти развѣ о приложеніи этого взгляда къ частностямъ, къ анализу поэтическихъ образовъ, съ цѣлью распознать ихъ основныя и нанесенныя на нихъ впослѣдствіи черты. За врагомъ татариномъ стоялъ въ памяти народной поганый половчинъ „Слова о полку Игоревѣ", но авторъ не поднимаетъ вопроса, насколько онъ легъ въ основу эпической идеализаціи врага [1]). Разбирая малорусскія преданія о Бунякѣ—половецкомъ ханѣ Бонякѣ, онъ отмѣчаетъ въ нихъ черты кавказскихъ нравовъ. Буняка былъ людоѣдъ, пожиравшій хлопцевъ, которыхъ приводили къ нему по-очереди; желая спасти своего сына, обреченнаго на ту же участь, одна мать даетъ ему на дорогу пирожковъ, замѣшанныхъ на ея молокѣ: пусть устроитъ такъ, чтобъ Буняка

---

[1]) См. наши „Южно-русскія былины", вып. 2-й, стр. 369 и слѣд. Къ легендамъ о половцахъ (сл. повѣсть о „плѣнномъ половчинѣ") мы присоединяемъ и слѣдующую изъ старопечатныхъ чудесъ Пресвятой Богородицы (XVII вѣка) по экземпляру библіотеки Кіево-Печерской Лавры (отд. VII, № 70), извлеченіями изъ котораго мы обязаны любезности Вл. Вл. Каллаша: „Георгій Симоновичъ, гды зъ половцами ишолъ на войну противъ Изяслава Мстиславича, князя Руского, обачили зъ далека мѣсто высокое и пришедши добывали его, але много половцовъ ведле того мѣста позабіяно, иншыхъ ранено, иншыи поутекали, а нѣкто не вѣдалъ, якое то есть мѣсто. Потымъ довѣдалися же то село есть Пресвятой Богородици Печерской, а мѣста не коли тамъ не было, Пресвятая Богородица то въ села своего мѣсто высокое половцомъ показала, которого гды добывали, Пречистая Дѣва Богородица сама ихъ громила и забіяла".

съѣлъ хотя одинъ изъ нихъ. Это удается, и людоѣдъ не дѣлаетъ вреда юношѣ, ибо сталъ ему братомъ, отвѣдавъ молока его матери. Таковъ обычай усыновленія у черкесовъ и у малобарцевъ; у русскихъ и славянъ его нѣтъ, хотя понятіе молочнаго брата довольно распространенное, и въ троянской притчѣ Ахиллъ называетъ Патрокла своимъ братомъ, ибо онъ его „доичищъ", сосавшій одно съ нимъ молоко, одинъ сосецъ. Это не мѣшаетъ г. Халанскому предположить, что „малорусское преданіе о Шелудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ". Подобныхъ сближеній съ кавказскими вѣрованіями мы встрѣтимъ у г. Халанскаго еще нѣсколько; они откроютъ намъ просвѣтъ на другихъ враговъ южной Руси, также, быть можетъ, отдавшихъ свои черты былинному Идолищу.

Разбирая типъ „поленицы" Настасьи въ былинѣ о Добрынѣ, г. Халанскій, кстати не задавшійся вопросомъ, насколько этотъ типъ въ пѣснѣ свой, а не чужой, сравниваетъ поленицъ нашего эпоса съ эмегенами кавказскихъ повѣрій: женщинами исполинскаго роста и огромной физической силы, глупыми и кровожадными; онѣ питаются человѣческимъ мясомъ, и съ ними ведутъ постоянную борьбу нартскіе богатыри. Наши поленицы занесены къ намъ будто бы отъ эмегенъ. Послѣднія стоятъ „въ органической связи съ народною жизнью, не противорѣчатъ даннымъ исторіи и быта. Великанши-поленицы слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей; сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не-русскому, порядку отношеній. Кавказское сказаніе органически примыкаетъ къ мѣстному эпосу; образъ эмегеновъ стоитъ въ связи съ исполинской природой страны и, можетъ быть, съ исторіей". Правда,— замѣчаетъ тотчасъ же г. Халанскій „мужественныя женщины великорусскаго эпоса, жены Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина *рѣзко* отличаются отъ странныхъ, уродливыхъ, по своимъ собственнымъ особенностямъ, образовъ поленицъ-великаншъ". Это различіе удаляетъ вѣроятность вывода. Если уже остаться въ области кавказскихъ сравненій, то ближе было вспомнить черкесскихъ *эммечъ*, имя которыхъ греческіе колонисты южной Руси передѣлали, этимологизируя, въ *амазонокъ* (безъ сосца) [1]. „Въ Европѣ есть народъ скиѳскій, живущій у Меотійскаго озера, который значительно отличается отъ другихъ народовъ; названіе этого народа—савраматы", говоритъ Гиппократъ. „Ихъ женщины

[1]) См. В. Миллеръ, „Осетинскіе этюды", III, стр. 87 и слѣд.

ѣздятъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротики, сидя на лошадяхъ, и сражаются съ непріятелями, пока еще дѣвственны. Онѣ не выходятъ замужъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не живутъ съ мужьями, пока не принесутъ жертвъ, предписанныхъ закономъ. Выйдя замужъ, онѣ перестаютъ ѣздить верхомъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда приходится всѣмъ отправиться въ походъ. У нихъ нѣтъ правой груди, потому что пока онѣ еще находятся въ раннемъ дѣтствѣ, матери выжигаютъ раскаленнымъ мѣднымъ инструментомъ у нихъ сосокъ, такъ что онъ теряетъ способность рости, и вся сила и изобиліе соковъ переходятъ въ правое плечо и руку". Пріуроченіе классическаго преданія объ амазонкахъ къ Меотидѣ и Кавказу, повидимому, находится въ какой-то связи съ тѣмъ, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ,—говоритъ Вс. Миллеръ. Какъ Геродотъ сообщаетъ анекдотическій разсказъ о происхожденіи савраматовъ отъ связи скиѳскихъ юношей съ амазонками, такъ подобное преданіе сохранилось среди черкесовъ: „когда ихъ предки жили еще на берегахъ Чернаго моря, они вели частыя войны съ эммечъ, воинственными женщинами, жившими на сѣверѣ Сванетіи и въ восточной части нынѣшней Кабарды. Эммечъ не пускали къ себѣ мужчинъ, но принимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военнаго счастья, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница эммечей, слывшая за великую пророчицу, потребовала свиданія наединѣ съ Тульме, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ и устроилось свиданіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница эммечей вышла и объявила своимъ женщинамъ, что она, склоняясь на вѣщія убѣжденія Тульме, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду, и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось: женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ ихъ жилищамъ".

Такъ и Настасья-поленица въ началѣ бьется съ Добрыней, а потомъ выходитъ за него замужъ,—сказали бы мы, развивая, съ другимъ матеріаломъ, кавказскую гипотезу г. Халанскаго; но мы воздержимся отъ частныхъ выводовъ, основанныхъ на аналогіи положеній, какъ воздержался и авторъ въ главѣ, посвященной Святогору и наполненной кавказскими параллелями. Къ нимъ мы позволимъ себѣ присоединить и еще одну, по поводу извѣстной небывальщины у Рыбникова (I, стр. 39—41, прим.).

Святогоръ пріѣзжаетъ къ Сивернымъ горамъ, видитъ: въ кузницѣ кузнецъ куетъ три тонкихъ волоса. На вопросъ богатыря онъ отвѣчаетъ, что куетъ „судьбину, кому на комъ жениться". „А мнѣ на комъ жениться?" — „А твоя невѣста въ царствѣ поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ". Богатырь рѣшается обойти судьбу, убивъ суженую; онъ находитъ ее въ убогой избѣ; она лежитъ во гноищѣ, тѣло у нея точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ пятьсотъ рублей, положилъ на столъ, а дѣвку бьетъ мечемъ по бѣлой груди и уѣзжаетъ изъ царства поморскаго. Съ того удара, который Святогоръ считалъ смертельнымъ, у дѣвки точно еловая кора спала, стала она красавицей, принялась на тѣ пятьсотъ рублей торговать, нажила безсчетную золотую казну и поѣхала къ городу великому на Святыхъ горахъ. Тутъ полюбилась она Святогору и пошла за него замужъ. Ночью онъ видитъ рубчикъ на ея бѣлой груди, спрашиваетъ, откуда онъ; она все ему разсказала. „Тутъ Святогоръ-богатырь дознялъ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь".

Сличите съ побывальщиной слѣдующую сказку закавказскихъ татаръ [1]). Заблудившись на охотѣ, царевичъ набрелъ въ лѣсу на маленькій домикъ, гдѣ какой-то старикъ одной рукой перебиралъ длинныя черныя четки, другою же перелистывалъ лежащую передъ нимъ большую книгу, въ которую по временамъ что-то записывалъ тростниковымъ перомъ. Старикъ пріютилъ царевича, но долго не соглашался удовлетворить его любопытства, что̀ это онъ дѣлаетъ съ книгой? Оказалось, что онъ записываетъ въ нее судьбу людей, кому что̀ ею опредѣлено; царевичу она предназначаетъ жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлечимою болѣзнью и въ настоящее время лежитъ больною въ хижинѣ своего отца. Царевичъ не повѣрилъ глупому предсказанію и, повернувшись спиною къ старику, стремительно вышелъ отъ него. Цѣлый день прободрилъ онъ въ лѣсу; къ вечеру тропинка вывела его на поле, и онъ поѣхалъ по направленію свѣтившагося вдали огонька. Передъ ветхой хижиной сидѣлъ на землѣ какой-то оборванецъ и чинилъ лапти; онъ оказался пастухомъ и предлагаетъ царевичу переночевать у него, если онъ не побрезгаетъ хижиной, гдѣ спитъ его больная дочь: она страдаетъ неизлечимою болѣзнью и вѣчно лежитъ не двигаясь. Царевичу тотчасъ же представилось, что это и есть его суженая; ночью онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, со всей силой уда-

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа, вып. 6-й (1888 г.), отдѣлъ 2-й: Захаровъ, „Народныя сказки закавказскихъ татаръ", № 2.

рилъ ее кинжаломъ, положилъ у трупа мѣшокъ съ червонцами и, выйдя изъ хижины, скрылся въ темнотѣ.

Дѣвушка страдала водянкой: животъ ея былъ вздутъ такъ, что она не могла ни встать, ни сѣсть, ни ходить; ударъ кинжала прорѣзалъ ея животъ, откуда вытекла вода, смѣшанная съ кровью, и дѣвушка выздоровѣла. На деньги, оставленныя царевичемъ, она переселилась съ родителями въ городъ и стала красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее, стоявшую на крыльцѣ дома, прелестную и молодую, точно говорившую солнцу: „Ты не выходи, я ужъ вышла“.

Онъ влюбился въ нее и проситъ у отца согласія на бракъ: не то онъ бросится съ высокой горы. Свадьба сыграна; однажды молодая, съ матерью и сестрами мужа, пошла въ баню; онѣ замѣтили на животѣ своей невѣстки глубокій шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и, узнавъ въ ней дочь пастуха, воскликнулъ: „Правда, что все то, что̀ написано въ книгѣ судебъ, должно исполниться, и ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отъ своей судьбы“.

Тождество нашей побывальщины съ татарской сказкой выясняетъ сказочный характеръ первой, о чемъ мы, впрочемъ, уже знали, не ея—кавказскій источникъ. При этомъ мы не только не отрицаемъ возможности воздѣйствія кавказскихъ преданій на мотивы русской былевой поэзіи, но желали бы углубить историческую перспективу этого воздѣйствія. Г. Халанскій ограничивается общими замѣчаніями. „Связи Руси съ Кавказомъ *во всѣ періоды нашей исторіи* были такъ живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніи кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этомъ этнографическомъ днѣ великой европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творчествѣ слѣды ихъ вліянія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности... Позднѣе, казачество запорожское и донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь... Извѣстно, что черкесскія поселенія существовали на югѣ Россіи. До настоящаго столѣтія здѣсь были синонимами слова: черкесъ и казакъ. Замѣчательно, что эти два слова и на Кавказѣ являются синонимами. По преданіямъ, сохранившимся у осетинъ, черкесы еще до VII в. назывались *казахами*, имя, которое они удержали за собою и въ устахъ мингрельцевъ“. Г. Халанскій могъ бы припомнить по этому поводу нашихъ лѣтописныхъ *касоговъ*-

черкесовъ, князя которыхъ Редедю поборолъ и зарѣзалъ Мстиславъ (1022); ихъ и ихъ сосѣдей ясовъ (аланъ) разбилъ въ 965 году Святославъ, вѣроятно за Дономъ, ибо старыя поселья ясовъ простирались по сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта, на западѣ до Азовскаго моря, нижняго теченія Дона и Крыма [1]). Здѣсь, въ долинѣ Дона и у Ясскихъ горъ (Jösurfjöllum), которыхъ знаетъ на Кавказѣ и русская лѣтопись (Воскрес. лѣт. II, 291: „горы высокія, яськія и черкаськія“), произошла по Hervararsaga'ѣ, битва готовъ съ гуннами: страшная битва, въ которой готы бились за свободу и родину, рѣки запрудились и долины переполнились отъ множества труповъ. Касоги, ясы, готы и гунны на югѣ Россіи; отголоски русско-готскихъ сказаній или боевыхъ пѣсенъ въ Hervararsaga'ѣ и пѣсни готскихъ дѣвъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; сѣверное преданіе о выходѣ боговъ азовъ изъ страны готовъ, понятой впослѣдствіи какъ страна боговъ (Godhheimar), т.-е. изъ южной Руси, или изъ Азіи, т.-е. страны ясовъ: вотъ южная перспектива, въ которой располагались воспоминанія, являлись поочередно враги-совопросники древней Руси, пополнялись и слагались эпическіе сюжеты. Если мы позволили себѣ озаглавить свое изслѣдованіе: „южно-русскія былины“, то не въ тѣсномъ „кіевскомъ“ смыслѣ этого слова, но въ болѣе широкомъ, въ которомъ Кіевъ является первымъ, достижимымъ намъ пунктомъ эпической циклизаціи; а эпосъ на русскомъ сѣверѣ—эпосомъ въ изгнаніи. Съ указанной точки зрѣнія, задачи изслѣдователя въ этой области усложняются: недостаточно порѣшить между югомъ и сѣверомъ, Кіевомъ и Москвой, а является вопросъ о древнѣйшихъ пѣсенныхъ элементахъ, можетъ быть и не русскихъ, но объявившихся въ русской мѣстности и лишь впослѣдствіи ушедшихъ въ организмъ кіевскаго былевого цикла. Вопросъ, который едва ли когда-либо можно будетъ порѣшить, но въ которомъ дозволено кое-что угадать, иное поставить на видъ. Для этого необходимо широкое пользованіе

---

[1]) Турецкіе историки знаютъ въ Крымѣ *асскіе*, т.-е., вѣроятно, асскіе города, въ томъ числѣ Кыркъ-іери или Кыркоръ, нынѣ Чуфутъ-Калэ, неприступный замокъ, гдѣ „въ прежнія времена непохвальный народъ изъ племенъ могульскихъ (или „изъ родовъ татарскихъ“), называемый *Асъ*“, сопротивлялся крымскимъ ханамъ. Татары взяли крѣпость хитростью: въ ханскомъ лагерѣ въ теченіе трехъ дней и ночей били въ барабаны, тазы, горшки, играли на дудкахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ. Это ошеломило жителей, все время ждавшихъ нападенія и не спавшихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, трое сутокъ. На четвертыя, когда они заснули отъ усталости, татары овладѣли городомъ безъ боя и населили его караимами. См. В. Д. Смирновъ, „Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты“. Спб. 1887, стр. 104—105.

средствами сравненія, къ которымъ г. Халанскій отнесся настолько недовѣрчиво, что прошелъ равнодушно мимо старо-нѣмецкой поэмы объ Ортнитѣ съ древнѣйшимъ упоминаніемъ о ней Ильи русскаго.

Не миновалъ ея г. Дамбергъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія объ Ильѣ; съ какимъ успѣхомъ и какими результатами—это читатель увидитъ изъ краткаго обзора послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что автору „Ортнита" было извѣстно не одно только имя Ильи, но и нѣчто бо̀льшее: преданія или пѣсни—сказать трудно; тѣ и другія, во всякомъ случаѣ, сильно разнились отъ сохранившихся русскихъ былинъ. Г. Дамбергъ такъ прилежно толкуетъ и обобщаетъ ихъ, что выдѣляетъ изъ нихъ группу пѣсенъ или одну пѣсню, легшую въ основаніи нѣмецкой поэмы. Авторомъ или діаскевастомъ ея былъ Боянъ, вѣроятно норманнъ, жившій въ XII вѣкѣ при кіевскомъ дворѣ; его-то писанная поэма и была оригиналомъ нѣмецкаго поэта. Въ этой древнѣйшей группѣ пѣсенъ объ Ильѣ онъ являлся съ тѣмъ же характеромъ грубаго, безпощаднаго воителя, съ какимъ выступаетъ въ „Ортнитѣ" и нѣкоторыхъ отвѣчающихъ ему былинахъ. Илья этихъ пѣсенъ—Олегъ Святославичъ; если за этимъ историческимъ образомъ скрывается нѣчто миѳологическое, то это не что иное, какъ смерть, все уничтожающая и не знающая себѣ уничтоженія.

Рядомъ съ этими грубыми пѣснями, сохранившими древнѣйшій типъ Ильи, существуютъ и другія, гдѣ богатырь является въ болѣе гуманномъ освѣщеніи—въ уровень съ гуманными идеями императорской эпохи. Онѣ сочинены Киршей Даниловымъ (псевдонимъ), другомъ Тредьяковскаго, въ сибирскихъ рудникахъ Демидова, куда шведскіе рудокопы занесли изданную въ 1712 г. въ Стокгольмѣ старосѣверную Тидрексагу; сочинены именно по этой сагѣ.

Критика этихъ выводовъ излишня. Если г. Халанскій желаетъ многое развѣнчать, то г. Дамбергъ роздалъ новые поэтическіе вѣнцы Бояну и, совсѣмъ неожиданно, Киршѣ Данилову, пѣвцу имперскаго гуманизма. Изъ двухъ крайностей каждый, несомнѣнно, предпочтетъ первую. Трудное, однако, дѣло—работа надъ былевой и всякой другой народной поэзіей! Безъ апріорныхъ воззрѣній, безъ предположеній не обойдешься, извѣстное участіе фантазіи необходимо для почина и—до повѣрки; не осмотришься, и она увлечетъ васъ—по слѣдамъ г. Дамберга.

Александръ Веселовскій.

ЧУДАКИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ началѣ іюля, часовъ въ шесть яснаго утра, у вокзала желѣзно-дорожной линіи, пересѣкающей одну изъ бѣлорусскихъ губерній, стояли два экипажа: низенькая, стариннаго фасона каретка, съ цвѣтными гербами на дверцахъ, и большая полуколяска-полутарантасъ. Экипажи были запряжены почтовыми лошадьми, и ямщики сидѣли на козлахъ. Пріѣхавшій съ экипажами, очевидно, кого-то встрѣчать съ поѣзда, господинъ сидѣлъ на скамьѣ платформы и то читалъ газету, то посматривалъ вокругъ себя: на пустой навѣсъ, напротивъ, гдѣ лежали присланные кому-то плужки — глядя на нихъ, господинъ посмѣивался: плужки были совсѣмъ непригодные для здѣшней земли; — на кочковатое болото, съ голыми пятнами высохшихъ лужъ, и на песчаныя поля, за болотомъ, стлавшіяся легкими перевалами до самаго горизонта и изрѣдка прерывавшіяся вѣтряной мельницей невидной деревни или развѣсистой курчавой сосной, съ цѣлымъ гнѣздомъ ульевъ. Господинъ былъ высокій мужчина, лѣтъ тридцати, съ тонкой таліей и широкими, прямыми плечами, худощавый лицомъ и достаточно полный тѣломъ, съ кудреватыми волосами и пепельнаго цвѣта молодой бородкой. Лицо его было обыкновенное лицо помѣщика, который самъ ведетъ свое хозяйство — загорѣлое, худощавое, нѣсколько утомленное, нѣсколько озабоченное. Что-то не совсѣмъ обыкновенное было только въ глазахъ. Они смотрѣли тоже какъ смотрятъ помѣщики и приказчики, оглядывающіе, все ли въ порядкѣ, но иногда, — неболь-

шіе, сѣро-каріе, въ красивыхъ темныхъ рѣсницахъ,—они привлекательно умно и нѣсколько мечтательно темнѣли не совсѣмъ приказчичьею мыслью.

Одѣтъ господинъ былъ съ деревенскимъ щегольствомъ и деревенскою небрежностью. На ногахъ высокіе сапоги изъ лакированной кожи; стройный станъ облегала блуза изъ суроваго шелка, подпоясанная желтымъ кожанымъ поясомъ; сверхъ нея на плеча было накинуто легкое короткое пальто; кудреватые волосы были прикрыты мягкой круглой шляпой съ небольшими полями; бѣлье—некрахмаленное; галстухъ и перчатки отсутствовали.

На пустынную платформу вышелъ сторожъ и съ преувеличенно озабоченнымъ лицомъ прозвонилъ непостижимо мелкою, совершенно изнемогающею дробью. Это значило, что ожидаемый поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи. Скоро послѣ звонка изъ дверей своего „кабинета" показался начальникъ станціи, съ недовольнымъ и заспаннымъ лицомъ. Изъ другихъ „кабинетовъ" появились другіе, низшіе „начальники", тоже заспанные и недовольные, какъ бы съ-похмелья. Изъ залы третьяго класса выползло нѣсколько черныхъ, долгополыхъ жидовъ и одинъ вылинявшій сельскій попикъ со своей малокровной попадьей. Зало второго класса выпустило польскаго помѣщика средней руки, въ парусинномъ длинномъ пальто съ капюшономъ, въ американской кепи, съ сивымъ усомъ, краснымъ носомъ и круглыми сѣрыми глазками, насмѣшливыми и острыми, какъ шило. Вся эта публика обратила вниманіе на сидѣвшаго на платформѣ господина и стала на его счетъ шептаться. Его, очевидно, знали. Станціонные „начальники", кромѣ того, знали и то, зачѣмъ господинъ пріѣхалъ сегодня сюда. Они сообщили это публикѣ, и та устремила на него взгляды, исполненные внезапнаго, глубокаго удивленія.

II.

Виновникомъ такого настроенія публики былъ Петръ Николаевичъ Столбунскій, владѣлецъ крупнаго имѣнія, верстахъ въ тридцати отъ станціи, исконный помѣщикъ края, изъ рѣдкихъ здѣсь православныхъ старинныхъ родовъ. Его отецъ, скромно служившій въ военной службѣ, былъ убитъ во время севастопольской кампаніи, оставивъ годовалаго сына и жену, взятую имъ изъ семьи полкового доктора. Мать Столбунскаго умерла десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ кончалъ гимназію своего губерн-

скаго города. Ему досталось большое имѣніе, носившее слѣды заботливаго, но женскаго хозяйничанья: хорошенькій цвѣтничокъ, сантиментальная, доморощенная, изъ сиротокъ, прислуга, очень обидчивая и мало дѣлавшая, сантиментальный и деликатнѣйшій, но совершенно дряхлый управляющій, запущенные поля и луга, необерегаемый лѣсъ и разбалованные мужики. Столбунскій, съ согласія попечителя, сдалъ имѣніе въ аренду за пять тысячъ въ годъ и продолжалъ свое ученье, часто навѣдываясь въ имѣніе и съ усердною помощью своего товарища по ученью, пріятеля и сосѣда, поляка Халевича, толково и настойчиво контролируя арендатора, который никакъ этого не ожидалъ отъ богатенькаго паничка и всегда впадалъ, на время его пріѣзда, въ самое унылое настроеніе.

Столбунскій и Халевичъ окончили гимназію и перебрались въ Петербургъ, въ университетъ. Халевичъ былъ тоже состоятельный человѣкъ, и оба пріятеля не столько учились, сколько если не наслаждались, то пользовались столичною жизнью. О ихъ житьѣ доходили на родину неисповѣдимыми путями, вѣроятно черезъ все знающихъ жидовъ, довольно вѣрныя вѣсти, конечно съ неизбѣжными сплетническими преувеличеніями. Сначала было слышно, что они просто пьянствуютъ и скоро получатъ бѣлую горячку или будутъ выгнаны изъ университета. Потомъ они пьянствовали будто бы съ политическими преступниками, и ихъ ждала вѣрная Сибирь. Затѣмъ, ко времени окончанія курса, они стали пьянствовать съ милліонерами, при которыхъ будто бы состояли въ качествѣ шутовъ и забавниковъ. Окончивъ курсъ, они коротко попьянствовали съ ужасно важными чиновниками и поступили на службу. Ихъ служба, по уѣзднымъ извѣстіямъ, пошла, вслѣдствіе пьянства съ важными чиновниками, баснословно успѣшно, и на родинѣ, когда они тамъ появлялись, ихъ стали встрѣчать съ поклонами и улыбками, ласками, глазками и сказками; знакомые сладко зазывали къ себѣ; незнакомые — съ открытою душою знакомились на станціяхъ, въ гостинницахъ и преимущественно въ вагонахъ; исправникъ мечталъ видѣть ихъ губернаторами въ своей губерніи, а приходской батюшка, въ одинъ голосъ со своей матушкой и ея сестрой, выразили увѣренность, что не только Столбунскій, но и Халевичъ—послѣдній несмотря на его римско-католическое вѣроисповѣданіе—попадутъ въ интенданты при первой будущей войнѣ... И вдругъ, и Столбунскій, и Халевичъ, у котораго около этого времени умеръ отецъ, оба сразу вышли въ отставку и поселились въ имѣніяхъ, гдѣ вотъ уже четыре года усердно хозяйничаютъ. Выгнали со службы!

рѣшилъ уѣздъ,—но за что? Этого навѣрно не рѣшили, хоть и очень старались. За взятки? за грубость начальству въ пьяномъ видѣ? за политическую интригу, вкупѣ съ чиновной партіей, потерявшей около того времени вліяніе?—Пріятели много работали и почти не выѣзжали. У Халевича еще гащивали по лѣтамъ многочисленныя кузины и тетки, да наѣзжали разные дяди и дѣды. У Столбунскаго и этого не было. Его польскія родня и знакомства послѣ шестьдесятъ-третьяго года отдалились, русской родни почти не было, а русскія знакомства были непрочны: чиновники мѣнялись; помѣщики, изъ тѣхъ же чиновниковъ, попробовавъ, что̀ такое хозяйство, сбѣгали, продавая или сдавая въ аренду имѣнія. Такимъ образомъ, уѣздъ отъ самихъ пріятелей не могъ получить вѣрныхъ свѣденій о ихъ петербургской жизни. Въ концѣ концовъ уѣздъ рѣшилъ, что пріятели были просто чудаки... Это послѣднее было пожалуй самое вѣрное, потому что чудаками ихъ звали и въ Петербургѣ. Все они дѣлали не совсѣмъ такъ, какъ другіе.

Появились они въ Петербургѣ такими стройными юношами, съ блѣдноватыми бѣлорусскими лицами, — нервно живые, склонные похандрить, хохотуны, юмористы. Столбунскій былъ серьезнѣе, Халевичъ—злѣе на языкъ. Столбунскій сдержаннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ добрѣе; Халевичъ скорѣе сходился съ людьми, рѣдко къ нимъ привязывался, но зато привязанность его была глубокой, способной на всякія жертвы. Столбунскій былъ лѣнивъ, но настойчивъ; Халевичъ — предпріимчивъ, но жаръ предпріимчивости въ немъ скоро остывалъ. Халевичъ былъ неутомимый болтунъ и забавный разсказчикъ. Столбунскій пописывалъ недурные стишки, не безъ серьезнаго паѳоса, и былъ недурной музыкантъ. Несмотря на свою живость и веселость, оба были подвержены хандрѣ, причемъ Халевичъ хандрилъ спорадически, по нѣскольку разъ въ день, а Столбунскій—полосами. Пріятели жили душа въ душу, но часто ссорились и постоянно дразнили другъ друга. Того, что̀ называется обыкновенной скукой, они никогда не знали, потому что когда у нихъ на душѣ было весело и ясно—они хохотали, а когда находило дурное расположеніе духа—они забавно язвили другъ друга и окружающихъ.

Въ первое время своей петербургской жизни они пустились-было въ *политику* и стали посѣщать кружки „радикаловъ". Халевичъ сразу же возненавидѣлъ ихъ.—Чтобы я, я, помѣщикъ, заботился о томъ, чтобы ограбить помѣщика въ пользу мужика!—воскликнулъ онъ однажды тутъ же на собраніи радикаловъ.—Вотъ, когда я, дастъ Богъ, сойду съ ума, какъ вы, когда мнѣ будетъ

представляться, что я мужикъ, и что я курю махорку, а не дюбекъ средній, тогда, пожалуй, я и захочу того, чего теперь, хоть тресни, я хотѣть не могу.—Столбунскій разсуждалъ не такъ непосредственно, чего-то ожидая отъ своихъ новыхъ знакомыхъ, присматриваясь и вдумываясь. Онъ пожалуй и не отсталъ бы отъ нихъ такъ скоро, какъ это произошло, еслибы не одно происшествіе. Однажды его попросили пріютить на время какого-то студента, высылавшагося въ самый разгаръ экзаменовъ изъ Петербурга. Столбунскій согласился, и потомъ оказалось, что „студентъ“ былъ очень важный преступникъ. Только случай избавилъ Столбунскаго отъ скамьи подсудимыхъ; онъ порвалъ и личныя отношенія съ кружками, отчасти потому, что это было опасно, но больше оттолкнутый вѣроломной продѣлкой. Халевичъ торжествовалъ.

— Честь имѣю васъ поздравить!—иронически обратился онъ къ Столбунскому, когда внезапно разъяснилось, кто былъ „студентъ“.

— Что жъ мнѣ было дѣлать! Я былъ увѣренъ, что это въ самомъ дѣлѣ студентъ,—отвѣчалъ Столбунскій.

— Это безъ паспорта-то?!

— Да. Ему не выдали вида за невзносъ платы за ученье.

Халевичъ ядовито взглянулъ на пріятеля.

— Ты давалъ имъ деньги, когда просили?—спросилъ онъ.

— Когда очень просили,—давалъ.

— Отчего же они не попросили тебя взнести за студента плату?!

Столбунскій покраснѣлъ. Разговоръ происходилъ въ невеселую минуту, и Халевичъ не пропустилъ случая и долго язвилъ пріятеля. Все припомнилъ онъ тутъ Столбунскому. Они часто спорили о томъ, герои радикалы или нѣтъ.—Халевичъ сказалъ, что они и изъ Столбунскаго хотѣли сдѣлать героя, подведши его подъ Сибирь. Столбунскій превозносилъ русскій народъ—его умъ, его міросозерцаніе, его душу—надъ польскимъ.—Халевичъ остановился и на всемъ этомъ. Доказательство ума онъ видѣлъ въ Столбунскомъ, котораго такъ просто и несложно одурачили. А о душѣ онъ выразился въ томъ смыслѣ, что русскій до тѣхъ поръ измышляетъ, какъ бы ему спасти душу, пока эту душу моль не съѣстъ. Войдя въ азартъ и заступаясь за поляковъ, онъ не замѣчалъ, какъ онъ обругалъ и ихъ. Поляки, несмотря на то, что оказались умнѣе, энергичнѣе, нравственнѣе, вдругъ были обвинены въ пустотѣ, лукавствѣ, напыщенности и даже въ нищетѣ,—въ этомъ послѣднемъ по сравненію съ русскими купцами, съ

однимъ изъ которыхъ Халевичъ незадолго до того познакомился. Настоящими людьми вдругъ оказались нѣмцы, да и тѣмъ хорошо бы было объявить войну и въ возможно бо̀льшемъ количествѣ искоренить.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ третій университетскій товарищъ—оба пріятеля были замѣчательны еще тѣмъ, что у нихъ никогда не было никакихъ тайнъ—этотъ третій смотрѣлъ, смотрѣлъ на эту забавную и азартную ошибку пріятелей и не могъ не воскликнуть:—Чудаки!

Покончивъ съ политикой, пріятели стали пользоваться жизнью—и имъ, что называется, повезло. Чудаковъ полюбили.

Началось съ того, что ихъ стали выбирать распорядителями на студенческіе балы, концерты и обѣды за ихъ хорошіе фраки, представительность и распорядительность. Къ нимъ пристали студенты, тоже обладавшіе хорошими фраками, дѣти богатыхъ, чиновныхъ и даже знатныхъ домовъ. Пріятели не шли къ нимъ на-встрѣчу, но и не отталкивали, и скоро ихъ квартира стала кутежнымъ сборищемъ этой молодежи. Кутилось у чудаковъ особенно весело. Хозяева никогда не пьянѣли, всегда были веселы, всегда остроумны, неутомимы въ веселыхъ похожденіяхъ. Халевичъ былъ горячій спорщикъ и неистощимый разсказчикъ. Столбунскій хорошо игралъ на роялѣ. Оба нравились женщинамъ, и въ особенности тѣмъ, которыя всегда окружаютъ кутящую молодежь,—и не было числа ихъ знакомымъ приказчицамъ, хористкамъ, актрисамъ и прочимъ удалымъ бабенкамъ. Но самое главное—они держали себя настоящими коноводами. Какъ-то одинъ очень знатный барчукъ зазнался—и былъ буквально выброшенъ Халевичемъ за дверь. Онъ хотѣлъ извиниться и вернуться въ компанію, но это было отклонено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Остальные, въ виду знатности и раскаянія виноватаго, рѣшили, что пріятели поступили немного по-чудацки, но съ тѣхъ поръ равенство царило полное.

Однажды кутили въ загородномъ ресторанѣ. Кто-то пѣлъ, Столбунскій аккомпанировалъ. Вдругъ за дверью въ сосѣдней комнатѣ чей-то славный, сильный баритонъ сталъ вторить. Растворили туда двери и пригласили сосѣдей къ себѣ. Это оказались: во-первыхъ, самъ пѣвецъ-баритонъ—Дровяниковъ, извѣстный богачъ, сынъ откупщика, издатель либеральнаго журнала, просуществовавшаго въ 60-хъ годахъ очень недолго, бывшій меценатъ, обиженный покровительствуемыми имъ отечественными геніями, немного дѣлецъ и, главнымъ образомъ, эпикуреецъ; затѣмъ, извѣстный архитекторъ Кесарскій; дальній родственникъ

Дровяникова и завѣдывающій его дѣлами Гончаревскій; извѣстный живописецъ и не менѣе извѣстная кокотка. Народъ былъ все не первой свѣжести, не исключая и кокотки, съ силами, которыя уже не были равны жаждѣ жизни, а жажда была велика. Кромѣ того, это были „русскіе люди, душевные люди“. И эти люди пришли въ настоящій восторгъ отъ молодой компаніи вообще и отъ ея коноводовъ въ особенности. Живописецъ, старый, сѣдой, крѣпкій какъ дубъ, пьяный энтузіастъ, тутъ же выпилъ съ этими послѣдними на „ты“, объявивъ, что всѣ прочіе—мелкота. Архитекторъ, большой цѣнитель смѣшного и юмора, такъ и впился въ польскія каррикатуры Халевича. Дровяниковъ, избалованный, капризный эпикуреецъ, но добрый человѣкъ, съ мгновеніями нѣсколько дикаго паѳоса, съ художественной жилкой, точно помолодѣлъ, глядя на нихъ. Съ этого вечера дровяниковская компанія была неразлучна съ пріятелями. Какъ только она набирала силъ, она или шла къ нимъ, или зазывала къ себѣ. И только одинъ изъ компаніи, Гончаревскій, не вступалъ съ ними въ болѣе близкія отношенія. Это былъ тоже чудакъ. Старый холостякъ, худой, высокій, съ уродливымъ лицомъ, съ гигантскимъ крючковатымъ носомъ, съ большимъ ртомъ, съ крошечными, глубоко запавшими черными глазками, съ низко остриженными жесткими, совершенно черными волосами на маленькой, угловатой головѣ, умный и лѣнивый, добрый, но въ личной жизни несчастный и слишкомъ опытный, онъ относился къ пріятелямъ странно. Вѣроятно и онъ полюбилъ ихъ, но не хотѣлъ, а можетъ быть и не смѣлъ признаться въ этомъ имъ, а главное себѣ. Онъ былъ неизмѣннымъ товарищемъ общихъ сходокъ, но держался на-сторожѣ, какъ будто подозрительно, и нерѣдко позволялъ себѣ язвительныя шуточки, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ. Только однажды какъ-то, противъ ожиданія своего и всѣхъ, ужъ очень сильно выпивъ, онъ началъ что-то о томъ, что бываютъ на свѣтѣ прихлебатели простые и прихлебатели высшей школы, какъ есть гетэры и есть кокотки, — началъ и тутъ же остановился, какъ бы испуганный тѣмъ, что̀ онъ сказалъ, какъ бы раскаивающійся въ сказанномъ. На другой день онъ былъ со Столбунскимъ и Халевичемъ даже привѣтливъ, почти нѣженъ. Онъ былъ изъ бѣдныхъ дворянъ, родственникъ Дровяникову по женской линіи.

Ни Халевичъ, ни Столбунскій не опустились, однако, отъ кутежной жизни. Столбунскому она скоро начала надоѣдать, и онъ продолжалъ потому, что ее нечѣмъ было замѣнить. Халевичъ ея боялся и со страха тщательно оберегалъ себя отъ малѣйшаго признака распущенности. Чѣмъ пьянѣе и буйнѣе была

ночь, тѣмъ раньше онъ вставалъ и тѣмъ тщательнѣе одѣвался. Иногда это кончалось даже тѣмъ, что онъ шелъ на лекціи. Мало того: пріятели пріобрѣли репутацію самыхъ приличныхъ молодыхъ людей, и ихъ друзья, даже немного гордясь ими, вводили ихъ въ свои семьи и въ знакомые дома. И скоро оба завели связи съ богатымъ, блестящимъ и вліятельнымъ Петербургомъ. Уѣздная сплетня была не совсѣмъ неправа даже и насчетъ высшихъ чиновниковъ.

Нельзя сказать, чтобы пріятели не прилагали усилій, чтобы заводить и поддерживать эти знакомства. Они умѣли понравиться, умѣли, когда нужно, молчать, но не смолчать, однако; умѣли, когда нужно, поговорить, да не просто, а со всѣми тонкостями нужныхъ интонацій и жестовъ; отлично умѣли сводить богачей съ блестящими людьми, актеровъ—съ рецензентами, художниковъ—съ покупщиками, подчиненныхъ—съ начальниками. Но все это выходило у нихъ естественно и незамѣтно. И тѣмъ незамѣтнѣе, естественнѣе и для нихъ легче, что они рѣшительно не знали, зачѣмъ они это дѣлаютъ.

— Слушай, зачѣмъ мы держимъ этотъ пьяный салонъ?—не разъ съ удивленіемъ спрашивалъ Столбунскаго Халевичъ.

— Занимательно,—довольно равнодушно отвѣчалъ Столбунскій.

— Ты знаешь, за нами слѣдитъ полиція. Должно быть, папаша N—а за сынка боится.

— Пусть слѣдитъ: и это занимательно.

Халевичъ умолкалъ.

— А какъ ты думаешь,—продолжалъ Халевичъ:—пригодятся они намъ на что-набудь? А?

— Почемъ я знаю.

— Рѣшился бы ты о чемъ-нибудь попросить ихъ лично для себя? Мѣсто, жалованье, денегъ?

— Развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Халевичъ снова задумывался. Пессимистъ Халевичъ склонялся къ тому, что пьянствовать ихъ компанія умѣетъ, и очень душевно, а друзья это ненадежные. Въ желчныя минуты онъ доказывалъ, что эти душевные люди на самомъ дѣлѣ самые безсердечные изъ эгоистовъ.

— Ты говоришь о душѣ! — обрушивался онъ въ частыхъ спорахъ о томъ, кто лучше—поляки Халевича или русскіе Столбунскаго, на послѣдняго. — Ты говоришь: душа! У васъ нѣтъ души, у васъ одни болѣзненные нервы. А такой человѣкъ — ужасный человѣкъ. Прочти Достоевскаго. Перестань мы нашимъ

пріятелямъ нравиться — на другой же день, мы съ голоду будемъ съ тумбъ сало отъ плошекъ слизывать, а они намъ копѣйки не подадутъ; а если и дадутъ, такъ только за представленіе.

Столбунскій былъ лучшаго мнѣнія о компаніи и нѣкоторыхъ даже искренно полюбилъ. Кромѣ того, онъ присматривался къ ней, какъ недавно присматривался къ „радикаламъ". Но скоро онъ увидѣлъ, что и новые его друзья ничего не дадутъ ему „для души", для презираемой Халевичемъ русской души.

Главнымъ образомъ, пріятели были молоды, силы въ нихъ еще играли, и ихъ тѣшило пробовать свое искусство жить съ людьми, ладить съ ними, нравиться имъ, немножко управлять ими. Это была занимательная игра, и только.

Такъ прошли университетскіе годы. Пріятели кончили кандидатами: они умѣли, когда бывало нужно, засѣсть за дѣло, — и поступили на службу. Мысль служить, служить по настоящему, дѣлу, стала назрѣвать, по мѣрѣ того, какъ они освоивались со всѣми свѣтскими успѣхами и уставали отъ кутежей.

Служба сначала пошла очень горячо. „Неужели же такіе ловкіе парни, какъ мы, — думали они, — такъ-таки ничего хорошаго и не сможемъ сдѣлать?" Не можетъ быть. Не даромъ же они знаютъ самую глубину деревни, знаютъ всѣ тайны своихъ деревень, уѣзда и губерніи, знаютъ, что̀ нужно дѣлать; а въ Петербургѣ выучились и тому, какъ дѣлаются дѣла. Столбунскій попалъ въ коммиссію о новыхъ полицейскихъ чинахъ, — и чрезъ два года получилъ Владиміра. Халевичъ проработалъ надъ новыми акцизными правилами и украсилъ свою выю Станиславомъ. Оба сдѣлались извѣстны своимъ министрамъ; обоихъ, „не въ примѣръ прочимъ", несмотря на малые чины, не только сдѣлали „исправляющими", но и „утвердили" начальниками отдѣленій. Предъ обоими вытягивались не только департаментскіе сторожа, но и сами директорскіе курьеры. Съ обоими столоначальники, лысые, выбритые люди, говорили немного склонясь и медовыми голосами. Оба позеленѣли отъ каторжной работы, но бойко и распорядительно бѣгали по корридорамъ и лѣстницамъ министерства, возбужденно позванивая золотыми пуговицами на хвостикахъ вицмундировъ и покачивая орденами. Обоимъ высшій генералитетъ жалъ руки и писалъ записки: когда было не очень нужно — въ третьемъ лицѣ, когда изъ записки рождалась гора спѣшной работы, то — „милѣйшій NN". Министерство оцѣ-

нивало все это еще полнѣе, чѣмъ уѣздъ, и пріятели были его балованными дѣтьми. И вдругъ они подали въ отставку.

Еще за годъ до этого событія, департаменты, гдѣ служили пріятели, стали замѣчать, что пріятели залѣнились и служить, и подслуживаться. Началось это послѣ того, какъ пріятели съѣздили домой и на мѣстѣ увидѣли дѣйствіе новыхъ полицейскихъ чиновъ и новыхъ акцизныхъ правилъ. Впечатлѣніе получилось такое, точно муравьи хотятъ поднять огромную дубовую колоду, до половины вросшую въ землю. А этихъ колодъ на мѣстѣ было видимо-невидимо. Пріятелямъ стало ясно, что они точь-въ-точь такіе же муравьи на такой же колодѣ, и это сознаніе, точно какое-то волшебство, сразу повергло ихъ въ непреодолимую лѣнь. Попробовали опять пуститься въ кутежи, но изъ этого ничего не вышло: молодость прошла, поэзія кутежа исчезла, да и похмелье стало такимъ тяжелымъ, что предстояло одно изъ двухъ—либо расхвораться, либо стать настоящими пьяницами. Пріятели непріятно изумились столь быстрому истощенію кутежныхъ силъ и попытались тянуть служебную лямку, какъ ее тянутъ тысячи чиновниковъ, и изъ этого ничего не вышло: лямка терла плечи и раздражала. У Халевича перемѣнился директоръ, и онъ не позаботился съ нимъ поладить. Столбунскій оставался подъ прежнимъ начальствомъ, но уже дозволилъ опередить себя другому, и другому писались записки, начинавшіяся: „милѣйшій NN". Такъ прошелъ годъ, зима; подошла весна,—и въ одинъ прекрасный день обоимъ стало ясно, какъ дважды-два, что не служить имъ больше; стало имъ ясно и то, куда это ихъ давно уже тянетъ, и тянетъ такъ, что все остальное имъ немило.

Это случилось въ первый день пасхи. Пріятели собирались съ поздравленіями по начальству и, въ вицъ-мундирахъ и при орденахъ, сидѣли за чайнымъ столомъ. Скоро чай кончили, но ни одинъ, ни другой не подымались съ мѣста и не спуская глазъ смотрѣли въ окно. Изъ окна была видна площадь съ садикомъ. Садъ уже начиналъ зеленѣть. Солнце грѣло и свѣтило такъ, что глазамъ было больно.

Столбунскій привсталъ и отворилъ форточку. На него пахнуло раздражающей весной. Онъ яснѣе, чѣмъ сквозь загрязнившіяся стекла, увидѣлъ чисто-голубое небо и выпуклыя, бѣлыя облака. Изъ окна несло то тепломъ, то холодкомъ. Въ воздухѣ были разлиты и теплые пары, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій, какъ зеркальное стекло, свѣтъ. На подоконникахъ и карнизахъ дома щебетали, какъ расшалившіяся дѣти, воробьи и самодовольно, сибаритски ворковали голуби. Доносился запахъ зелени, разрытой

земли. Немного потягивало дымкомъ, запахомъ печенаго хлѣба, какъ будто навозцемъ, какъ будто разогрѣвшейся лошадью.

Пріятели молчали, но чувствовали одно и то же. Петербургъ, министерство, чиновники, петербургскіе знакомые, петербургскія заботы, удовольствія, обязанности, — все это представилось имъ точно сномъ. Все это наполовину умерло для нихъ, лишившись своей плоти и превратившись точно въ видѣніе. Дѣйствительностью была весна, которая обдавала ихъ своимъ воздухомъ, красками и звуками. Они переносились въ свою деревню и видѣли ее теперь во всѣхъ ея весеннихъ подробностяхъ: ея лѣса, пѣвшіе голосами птицъ и распрастывавшіе свои вѣтки, наливавшіяся соками; ея рѣки и ручьи, которые бѣжали теперь, точно вырвавшіяся изъ конюшни молодыя лошади, ея распаханныя, влажныя поля, раскрывшія свои нѣдра на-встрѣчу солнцу и теплымъ дождямъ, которые зарождаютъ въ нихъ новую жизнь; ея работу, которую дѣлаетъ человѣкъ, какъ сотрудникъ великаго солнца, ласковыхъ дождей и могучей земли. Такими свободными, всему и всѣмъ равными людьми пріятели видѣли самихъ себя.

И вотъ Столбунскій замѣчаетъ, что Халевичъ начинаетъ полегоньку сбрасывать съ себя вицмундиръ. Потихоньку отъ Халевича то же самое дѣлаетъ и Столбунскій. Халевичъ разоблачился, задумчиво скомкалъ вицмундиръ, задумчиво отвернулся и бросилъ его на диванъ. Онъ бросилъ одинъ вицмундиръ,—а упало ихъ два. Онъ не удивился, торжественнымъ шагомъ подошелъ къ дивану, бережно взялъ обѣ одежды и поднесъ къ форточкѣ, дѣлая видъ, что хочетъ ихъ выбросить.

— Постой. Тамъ деньги!—смѣясь, воскликнулъ Столбунскій.

Халевичъ, все въ молчаніи, стараясь не улыбаться, вынулъ изъ кармановъ бумажники и опять высунулся въ форточку. Онъ не оглядывался, но зналъ, что Столбунскій за нимъ слѣдитъ.

— Разъ...—сказалъ Халевичъ.

— А вотъ же не выбросишь!

— Два...

— Халевичъ, не дури!

— Три!

Вицмундиры лежали внизу на бойкой улицѣ, на грязномъ тротуарѣ, запруженномъ пѣшеходами, а Халевичъ и Столбунскій, высунувшись въ форточки, кричали внизъ—одинъ городовому, другой дворнику,—чтобы подняли по необыкновенному случаю выброшенную собакой въ окно одежду.

Съ поздравленіями пріятели не пошли, а въ первый же при-

сутственный день подали свои отставки.—Чудаки!—рѣшили и департаменты, и министерства.

Прошло три года. Деревня, которая въ первое время показалась пріятелямъ раемъ приволья и независимости, сильно въ ихъ глазахъ поблекла. Сама по себѣ она имъ не надоѣла, но хозяйство пошло не такъ, какъ они ожидали. Хозяйничать было трудно,—заботливо, хлопотно, напряженно. Вялые бѣлоруссы, приказчики и рабочіе, палецъ о палецъ не могли ударить безъ понуканія. Сосѣди-мужики ни на одинъ день не прекращали своихъ нападеній на поля, луга, лѣса и даже дрова, сложенныя на дворѣ. Безчисленное множество разныхъ мелкихъ условій по хозяйству исполнялось только тогда, когда хозяинъ ругался и грозилъ. Судъ и полиція дѣлали что-нибудь только по пріятельству, а не изъ обязанности. Продажи шли туго, кулакамъ и жидамъ. Покупки—скота, машинъ, орудій—были цѣлыми предпріятіями. „Да это какая-то тина, какой-то птичій клей—эта россійская деревня!" восклицали иногда пріятели. Халевичъ никакъ не могъ сдвинуться съ того дохода, который имѣніе давало при отцѣ. Доходъ Столбунскаго, которому пришлось расширять и исправлять дамское хозяйство матери, упалъ до одной трети прежняго. Возстановленія его, безъ прекращенія улучшеній, нельзя было ожидать раньше, чѣмъ еще черезъ три года. А тѣ пятнадцать тысячъ въ годъ, которыя, по разсчету Столбунскаго, сдѣланному въ памятный день его отставки съ помощью Халевича, должны были получиться уже на шестой годъ хозяйничанья,—отодвинулись въ далекое будущее. Иногда Столбунскому приходила мысль снова сдать имѣніе въ аренду, за которое теперь дали бы уже тысячею больше. Но вслѣдъ затѣмъ онъ спрашивалъ себя, чтò же онъ будетъ тогда дѣлать? Дѣлать было бы рѣшительно нечего. Даже нельзя было по недостатку денегъ построить новый домъ, о которомъ онъ мечталъ. Столбунскій покорялся необходимости работать и заботиться, работалъ, заботился, начиналъ даже втягиваться въ работу, пріучаясь иногда, урывками, отдыхать и наслаждаться деревней, не смущаясь мыслью о завтрашнихъ заботахъ. Изрѣдка онъ поглядывалъ на выигрышный билетъ внутренняго займа. Онъ у него былъ одинъ. Покупать больше онъ считалъ постыднымъ, а фантазировать—отчего же и не пофантазировать,—для отдыха.

Петербургскіе пріятели оправдали мнѣніе о себѣ Халевича. Послѣ торжественныхъ, шумныхъ и многолюдныхъ проводовъ, которые публикой варшавскаго вокзала въ Петербургѣ были даже приняты за отъѣздъ какихъ-то высокопоставленныхъ лицъ, пріл-

тели эти быстро испарили изъ себя расположеніе къ уѣхавшимъ. Сначала кое-кто еще писалъ, а потомъ и письма прекратились. На повѣрку вышло, что прочныхъ привязанностей ни въ комъ не было. Постояннѣе другихъ оказался Кесарійскій, который очень близко сошелся со Столбунскимъ. Каждое лѣто архитекторъ писалъ, что онъ и Дровяниковъ непремѣнно пріѣдутъ къ пріятелямъ, но ни тотъ, ни другой не пріѣзжали. Такихъ лѣтъ было три. Теперь, на четвертое лѣто, тоже получилось обычное письмо. Столбунскій, даже не дочитавъ его, бросилъ подъ столъ. Однако, недѣли черезъ двѣ пришла телеграмма, которой Кесарійскій отъ себя и Дровяникова назначалъ день и часъ пріѣзда.

И вотъ, въ этотъ-то день и часъ Столбунскій сидѣлъ на платформѣ желѣзно-дорожной станціи и служилъ предметомъ общаго вниманія: имя Дровяникова было всѣмъ знакомо, и какъ имя извѣстнаго богача, и какъ имя одного изъ директоровъ мѣстной желѣзной дороги. Самъ Столбунскій немного волновался, и былъ этимъ немного смущенъ. Ему казалось, что онъ волнуется не столько отъ удовольствія встрѣчи съ старыми пріятелями, сколько по другой, скрытой причинѣ, въ которой онъ неохотно сознавался и самому себѣ.

III.

Когда раздался свистокъ приближающагося поѣзда, Столбунскій быстро поднялъ отъ газеты голову, взглянулъ, потомъ попытался-было дочитать до точки, но всталъ и съ нѣкоторымъ волненіемъ пошелъ по платформѣ.

— Вотъ-съ, и ѣдутъ ваши петербургскіе гости,—обратился къ нему начальникъ станціи. Его лицо имѣло заискивающее выраженіе, но въ то же время и не совсѣмъ увѣренное въ томъ, что нужно заискивать. Онъ то принималъ независимую осанку, то снова хихикалъ и ёжилъ глаза.

Столбунскій видѣлъ это. Онъ остановился и съ самымъ открытымъ видомъ смотрѣлъ на начальника.

— Кто ихъ знаетъ, пріѣдутъ ли!—сказалъ онъ.—Вѣдь это такой увалень, Дровяниковъ. Выбраться въ гости, это для него цѣлая революція.

Начальникъ не то слегка смутился, не то былъ чѣмъ-то восхищенъ.

— А я слышалъ, что они... что онъ,—поспѣшно поправился начальникъ,—напротивъ, очень энергиченъ.

Ему было, очевидно, и страшновато, и заманчиво вести такую фамиліарную бесѣду о самомъ директорѣ дороги.

Столбунскій отлично понималъ и это, но смотрѣлъ тѣмъ открытѣе и дружественнѣе.

— А вотъ увидите сами. За завтракомъ я васъ познакомлю, —сказалъ онъ.—Кстати, завтракъ готовъ?

Начальникъ сказалъ, что готовъ, улыбнулся отъ предстоящей чести, потомъ насупился и, взволнованный до смущенія, отошелъ. Весь этотъ разговоръ съ большимъ вниманіемъ выслушала стоявшая недалеко въ сторонѣ кучка другихъ служащихъ на станціи. Когда онъ кончился, кучка многозначительно и тоже не безъ волненія переглянулась. Всѣ эти люди не могли бы опредѣлить, что̀ это съ ними продѣлываетъ Столбунскій, помощью устроеннаго имъ завтрака и дружественнаго и открытаго обращенія: покровительствуетъ ли онъ имъ по добротѣ сердца; или просто онъ веселый человѣкъ, которому пріятно хорошо позавтракать въ компаніи; или онъ хочетъ угодить Дровяникову, который, можетъ быть, и любитъ, чтобы его встрѣчали подчиненные; или, наконецъ, Столбунскій, который какъ-то мимоходомъ замѣтилъ, что будущей зимой будетъ отправлять свой хлѣбъ не попрежнему, съ сосѣдней станціи, а съ своей,—располагаетъ ихъ въ свою пользу съ этою цѣлью? Этого рѣшить было нельзя, но всѣ чувствовали себя не только расположенными къ Столбунскому, но и какъ бы даже опутанными имъ.

Поѣздъ подошелъ и остановился своими красивыми, точными и мощными движеніями. Было рано, и ни въ окнахъ, ни въ дверяхъ вагоновъ людей не виднѣлось. Столбунскій оглядывалъ вагоны и быстро шелъ отъ паровоза къ концу поѣзда, все волнуясь немного и чувствуя на себѣ взгляды „начальниковъ“, взгляды, которые въ эту рѣшительную минуту встрѣчи стали особенно пристальны. Наконецъ, на балконѣ вагона второго класса Столбунскій увидѣлъ небольшого, тоненькаго и худого человѣчка, лѣтъ подъ-сорокъ, рыжеватаго, съ молочно-бѣлымъ и блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами. Человѣчекъ былъ одѣтъ въ суконное куцое и узкое платье, въ огромныя клѣтки, черныя и сѣрыя, въ суконныя сѣрыя ботинки и такую же шапочку, въ видѣ ермолки, съ пуговкой наверху и мягкими козырьками спереди и сзади. Весь точно обмотанный мягкимъ сукномъ, онъ смотрѣлъ, даже и не замѣтивъ еще Столбунскаго, просто на міръ Божій—тепло, бодро, весело и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣянно. Это былъ Кесарійскій. „Во второмъ классѣ,—значитъ, одинъ!“ подумалъ Столбунскій, и даже не то чтобы поблѣднѣлъ, а какъ бы

померкъ немного. Но сейчасъ же онъ ободрился, сдѣлалъ радостный жестъ рукою, который тутъ же былъ замѣченъ „начальниками“, и громко позвалъ:—Кесарійскій!

Маленькій человѣкъ, смотрѣвшій черезъ голову Столбунскаго, вздрогнулъ, вглядѣлся и мигомъ очутился внизу. Его лицо засіяло радостно, возбужденно, немного лукаво. Прежде всего онъ, не говоря ни слова, потянулся цѣловаться съ высокимъ Столбунскимъ, потянулся какъ-то по-дѣтски, и тоже по-дѣтски горячо и чмокая, расцѣловалъ его. Столбунскій, который сначала почувствовалъ себя, какъ будто и неспособнымъ обрадоваться одному Кесарійскому, невольно просіялъ такъ же, какъ и гость.

— Здравствуйте, милый! Здравствуйте, голубчикъ!—воскликнулъ Кесарійскій. — Фу, какъ онъ возмужалъ. Борода! Здравствуйте, хитроумный бѣлоруссъ!.. Ну, и Бѣлорусь же ваша! Гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю, что она такъ-таки дѣйствительно существуетъ. До сихъ поръ я думалъ, что она—анекдотъ Халевича и Столбунскаго. Смотрите, смотрите...

И Кесарійскій просіялъ еще больше, увидѣвъ пана-помѣщика и кучку жидовъ,—и того, и другихъ совершенно изумленныхъ его невиданнымъ костюмомъ, въ клѣтки.

— Смотрите,—продолжалъ онъ, не давая Столбунскому вымолвить слова,—вотъ онъ, анекдотъ Халевича. Вотъ онъ, живой панъ: носъ бульбой, усы мхомъ, корпусъ мѣшкомъ и султанская важность... И жидъ, и жидъ—живой вѣдь...

Столбунскій смотрѣлъ, слушалъ и вдругъ не узналъ самого себя. Ему самому стало весело, безпечно весело, изобрѣтательно весело, послѣ трехъ лѣтъ однообразныхъ, неотступныхъ заботъ. Точно его водой спрыснули. Совсѣмъ размягченный, онъ безъ церемоній обнялъ Кесарійскаго, крѣпко прижалъ его къ себѣ и еще разъ поцѣловалъ. Кесарійскій притихъ.

— Милый!—съ нѣжностью сказалъ онъ.—Однако, идемъ, голубчикъ, къ Никитѣ.

— А пріѣхалъ-таки?—совсѣмъ спокойно спросилъ, за нѣсколько минутъ до того еще волновавшійся, Столбунскій.

— Никита Степановичъ? Воздвигся! Да и невозможенъ онъ былъ бы, еслибы, наконецъ, не собрался къ вамъ!—какъ бы съ негодованіемъ воскликнулъ Кесарійскій. И онъ, быстро цѣпляясь маленькими руками и высоко подымая маленькія ноги, взобрался на балконъ вагона, прошелъ вагонъ насквозь и черезъ новые балкончики провелъ Столбунскаго въ огромный „директорскій“ вагонъ.

Во второмъ купэ, въ спальнѣ, они увидѣли Никиту Степа-

новича Дровяникова, который торопливо одѣвался. Красавецъ парень, въ синей сибиркѣ, поспѣшно собиралъ постели и разбрасываемыя одѣвавшимся вещи и низко поклонился вошедшему Столбунскому. Дровяниковъ, массивный, очень плечистый мужчина, съ располнѣвшимъ, но все еще очень красивымъ великорусско-восточнымъ лицомъ, на которомъ особенно замѣтны были большіе, быстрые, широко открытые темные глаза, застегивалъ упрямый воротъ туго-накрахмаленной рубахи и, увидя Столбунскаго, особенной радости не выказалъ. Напротивъ, онъ, видимо, только-что проснулся, не выспался и со сна былъ не въ духѣ. Улыбаясь, насколько весело можетъ улыбаться капризный, невыспавшійся человѣкъ, онъ хлопнулъ Столбунскаго съ размаха своей могучей, толстой рукой по протянутой рукѣ, щелкнулъ каблуками и промолвилъ, еще съ утренней хрипотой:

— Хозяину сихъ мѣстъ нижайшее почтеніе-съ!

— О, пока хозяинъ еще не я. Пока я у васъ въ спальнѣ,— оживленно отвѣтилъ Столбунскій и, крѣпко пожимая руку Дровяникова, замѣтно потянулся поцѣловаться, но Дровяниковъ не отвѣтилъ тѣмъ же, а опять сталъ раздраженно возиться съ непослушнымъ воротомъ и даже сердито прикрикнулъ на прислуживавшаго парня. Столбунскій покраснѣлъ, губы его шевельнулись; прежде, въ Петербургѣ, это не прошло бы Дровяникову даромъ, но теперь Столбунскій почему-то (онъ зналъ, почему!) смолчалъ и покраснѣлъ еще больше.

— Какой славный нарядъ!—раздался въ это время бодрый, ясный и милый голосъ Кесарійскаго.—Прелесть, просто прелесть!

И Кесарійскій быстрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковымъ движеніемъ снялъ съ головы Столбунскаго шляпу, съ плечъ— пальто и сіяющимъ взглядомъ осматривалъ его. Столбунскій въ самомъ дѣлѣ былъ красивъ, стройный, изящный, съ кудреватыми волосами, упавшими на бѣлый лобъ, съ нѣсколько смущеннымъ и недовольнымъ лицомъ и глядѣвшими исподлобья глазами. Дурное расположеніе духа Дровяникова исчезло, и онъ видимо любовался Столбунскимъ.

— Развѣ нарядъ хорошъ?—сказалъ послѣдній.—Да, вотъ каковъ я сталъ помѣщикомъ!—оправляясь отъ смущенія, весело воскликнулъ онъ и взялся-было за шляпу и пальто.

— Постойте, постойте!—остановилъ его Дровяниковъ:—постойте, я васъ покажу кое-кому.

Никита Степановичъ былъ окончательно приведенъ въ хорошее настроеніе. Кесарійскій бросилъ на Столбунскаго лукавый и веселый взглядъ.

— О, хитрый бѣлоруссъ!—воскликнулъ онъ.

— И это вы говорите о хитрости другихъ!—такъ же весело и лукаво отвѣтилъ Столбунскій.

Дровяниковъ быстро, съ сильной граціей и изяществомъ движеній, — которыхъ въ немъ на первый взглядъ не обѣщало ничто, кромѣ развѣ его горячихъ черныхъ глазъ,—накинулъ на себя сюртукъ и вышелъ въ слѣдующее отдѣленіе вагона. Чрезъ нѣсколько секундъ онъ вышелъ оттуда вмѣстѣ съ высокой, замѣчательно стройной и очень красивой женщиной, съ неубранными еще свѣтло-русыми косами по плечамъ. Она какъ-то преувеличенно стыдилась нѣкоторой небрежности своего туалета, а въ то же время бросала взгляды слишкомъ смѣлыхъ сѣрыхъ глазъ на Столбунскаго. Столбунскій сразу же понялъ, какъ ему держать себя съ этой особой.

— Вотъ бы дамамъ одѣваться такъ,—сказалъ Кесарійскій, указывая на Столбунскаго.

Она отрицательно качнула головой.

— Отчего же нѣтъ?—спросилъ тотъ.

— Оттого что,—заговорила она, жеманясь, и Столбунскій теперь замѣтилъ, что ее прервали на серединѣ туалета: нижняя губа была не такъ свѣже-пунцова, какъ верхняя, и она старалась прикрывать ее платкомъ:—Оттого, что у насъ все не такъ... —И женщина кокетливо закрылась платкомъ совсѣмъ.

Никита Степановичъ окончательно повеселѣлъ.

— Катерина Ивановна, поѣдемте къ нему!—сказалъ онъ, указывая на Столбунскаго.

— О, пожалуйста, пожалуйста!—живо обратился къ ней Столбунскій.

Дровяниковъ и Кесарійскій вдругъ воодушевились и изо всѣхъ силъ стали уговаривать Катерину Ивановну ѣхать. Дровяниковъ настаивалъ, какъ избалованный ребенокъ, какъ нервическая женщина. Кесарійскій добродушно сіялъ. Столбунскій, съ удовольствіемъ почувствовалъ, что къ нему возвращается его петербургская ловкая свѣтскость, и искусно попадалъ въ тонъ.

— А Владиміръ Петровичъ-то какъ же?—спросила она.

— Развѣ вы... — съ удивленіемъ началъ-было Столбунскій, но во-время спохватился.—Развѣ и Гончаревскій съ вами?!—мѣняя тонъ на радостный, спросилъ онъ мужчинъ.

— Да, съ нами,—отвѣтила она.—Онъ еще спитъ,—прибавила она.

— Пойдемъ его будить!—рѣшительно воскликнулъ Дровяниковъ.

Когда вошли въ купэ Гончаревскаго, этотъ послѣдній, лежа на диванѣ, не торопясь, раскуривалъ сигару. Онъ мелькомъ взглянулъ на Столбунскаго, небрежно пожалъ ему руку и долго молча выслушивалъ приглашенія ѣхать вмѣстѣ въ гости.

— А зачѣмъ я къ вамъ поѣду?—спросилъ онъ потомъ Столбунскаго.

— Помилуйте, чтобы доставить удовольствіе принять васъ!

— А вамъ это доставитъ удовольствіе?—Полу-шутя, полу-сердито, не торопясь, продолжалъ Гончаревскій.

— Ну, конечно, если я прошу.

— А можетъ быть вы просите просто такъ.

Столбунскій не сердился. Онъ еще въ Петербургѣ привыкъ къ манерѣ Гончаревскаго, въ которой было больше забавнаго, чѣмъ обиднаго.

— Ну, а какое же удовольствіе будетъ мнѣ?—спросилъ тотъ Столбунскаго.

— Все, что только въ силахъ буду придумать. А главное, такъ какъ вы охотникъ—охота на утокъ. У меня на лугахъ цѣлыя тучи утокъ.

Гончаревскій подумалъ.

— Уходите, сейчасъ буду готовъ,—сказалъ онъ.—А можетъ быть, кромѣ утокъ, и на дичь покрупнѣе поохотимся, а?—вдругъ прибавилъ онъ, многозначительно подмигивая.

Что хотѣлъ онъ этимъ сказать, неизвѣстно. Но Столбунскій какъ будто смутился. Ему показалось, что Гончаревскій подмигивалъ ему на Дровяникова.

IV.

Долго еще болтала и шумѣла развеселившаяся компанія. Ея вагонъ отцѣпили и поѣздъ ушелъ безъ нихъ. Болтали ни о чемъ. То вспоминали Петербургъ, то шутили, и довольно нескромно, съ Катериной Ивановной, которая, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась новой пріятельницей Гончаревскаго. Между прочимъ Столбунскій узналъ, что Никита Степановичъ и Кесарійскій у него проѣздомъ изъ Суздаля въ Испанію, въ Севилью. Дровяниковъ вмѣстѣ съ архитекторомъ искали стиля для церкви, которую Никита Степановичъ захотѣлъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній, для оживленія пейзажа.

— И носитъ же васъ!—не удержался Столбунскій.

— Эхъ, милый другъ, надо жить, пока живется. Помремъ,

не увидимъ ни Севильи, ни Суздаля,—понизивъ голосъ и какъ бы про себя проговорилъ Дровяниковъ.

Столбунскій взглянулъ на Кесарійскаго. И тотъ при этихъ словахъ притихъ и затуманился.

Устроенный для гостей завтракъ прошелъ не безъ затрудненій для Столбунскаго. Онъ пригласилъ къ нему двухъ „начальниковъ“. Начальники смущались, ничего не ѣли, боялись пить, чтобы какъ-нибудь не захмелѣть, и были непріятно изумлены тѣмъ, что ни Дровяниковъ, ни Гончаревскій, тоже директоръ дороги, не обращали на нихъ ровно никакого вниманія.

— Зачѣмъ вы этихъ болвановъ посадили?—шепнулъ Столбунскому Дровяниковъ: — непремѣнно о чемъ-нибудь клянчить начнутъ.

Начальники, въ самомъ дѣлѣ, были нужны Столбунскому при отправкѣ хлѣба, и онъ рѣшился на героическое средство, чтобы выйти изъ затрудненія. Одного начальника онъ отрекомендовалъ прекраснымъ скрипачемъ, а другого—искуснымъ декламаторомъ.—Я отродясь не игралъ на скрипкѣ,—сказалъ первый, весь красный, на ухо Столбунскому, а quasi-декламаторъ въ первое мгновеніе даже жестоко обидѣлся. Но Столбунскій подмигнулъ имъ: я, молъ, знаю, что̀ говорю,—и тѣ успокоились, исполненные какихъ-то совершенно неясныхъ, но значительныхъ надеждъ и предчувствій. И дѣйствительно, Никита Степановичъ, большой любитель всякихъ искусствъ, взглянулъ на нихъ милостивѣе и на прощанье протянулъ руку. Гончаревскій былъ упорнѣе и руки не подалъ, а только махнулъ къ полямъ своей шляпы.

Послѣ завтрака тронулись въ путь. Гончаревскаго и его даму усадили въ каретку, остальные помѣстились въ тарантасѣ, и поѣхали безконечной березовой аллеей екатерининскаго „шляха“, шедшаго полями, по косогору, склонявшемуся къ Днѣпру, который то былъ видѣнъ, полно налитый въ его вторыхъ низкихъ берегахъ, то прятался въ лозовыхъ кустахъ и дубовыхъ рощахъ. Днѣпръ лежалъ въ широкой долинѣ заливныхъ луговъ, а за рѣкой и долиной, верстъ на пять отъ путниковъ, синѣли тусклые боры, на высокихъ песчаныхъ возвышенностяхъ.

— Тамъ, на той сторонѣ земля плохая,—говорилъ Столбунскій:—тамъ и помѣщики, и мужики бѣдуютъ. Тамъ и у меня есть кусокъ, десятинъ пятьсотъ. Вонъ, видите, остановилось облачко, а около него желтѣется лоскутокъ; это песчаная осыпь къ рѣкѣ. Такъ вотъ какъ-разъ за нею моя земля.

Дровяниковъ оживленно смотрѣлъ то на Столбунскаго, то на далекіе незнакомые лѣса и пески. Столбунскій, приглядываясь и

даже водя пальцемъ, точно онъ отыскивалъ строку въ книгѣ, продолжалъ:

— А вотъ тутъ большое село Кривскъ. А Кривскъ—значитъ поселеніе кривичей. Какъ видите, мы еще сохранили нѣкоторыя связи съ до-рюриковскими временами.

— Онъ знаетъ мѣстность, точно осматривалъ ее какъ-нибудь съ воздушнаго шара!—воскликнулъ Дровяниковъ.—А вѣдь это интересно знать такъ страну. Право, начинаешь понимать страсть къ географическимъ изслѣдованіямъ, хотя еще понятнѣе страсть воздухоплавателей.

— Сколько у васъ всей земли?—спросилъ Кесарійскій.

— Земли много, двѣнадцать тысячъ десятинъ,—отвѣчалъ Столбунскій,—да толку мало. Доходъ даютъ тысячи полторы, а остальное—лѣсъ, вырубленный и цѣлый, да болота.

— А вы и остальное пустите подъ хозяйство,—замѣтилъ Никита Степановичъ.

— Сначала лѣсъ нужно продать,—какъ будто задумавшись, проговорилъ Столбунскій. — Не жечь же его даромъ. А цѣны плохія, да и спроса почти нѣтъ.

Дровяниковъ съ легкой гримасой вдругъ смолкъ. Столбунскій замѣтилъ это и тоже замолчалъ, немного смутившись. Когда разговоръ возобновился, онъ уже былъ далекъ отъ лѣсовъ того берега и хозяйства. Заговорили объ искусствѣ.

На почтовой станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, появленіе Дровяникова произвело эффектъ не меньшій, чѣмъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Въ темномъ корридорѣ станціи, Столбунскаго, который пошелъ платить прогоны, остановилъ робѣвшій смотритель, настоящій станціонный смотритель, изъ почтальоновъ, молодой, почернѣвшій отъ лишеній, отецъ уже десятерыхъ дѣтей и жаждущій образованія, вслѣдствіе чтенія чужихъ газетъ. Рядомъ съ нимъ стояло двое жидковъ, почтосодержатели, тоже черные и худые и чѣмъ-то возбужденные.

— Позвольте, господинъ Столбунскій, васъ спросить объ одной интересной вещи,—взволнованно и какъ бы даже огорченно сказалъ смотритель.—Сколько у господина Дровяникова капитала?

— Право, не знаю, а говорятъ, что милліоновъ шесть, семь.

Смотритель вздохнулъ. Жидки кинулись на крыльцо и уставились на Дровяникова, какъ еслибы онъ былъ странствующимъ фокусникомъ и давалъ тутъ, у крыльца, представленіе.

Когда Столбунскій вернулся, Никита Степановичъ торопливо подозвалъ его къ тарантасу, изъ котораго не выходилъ.

— Петръ Николаевичъ,—обратился къ нему Дровяниковъ,—окажите благодѣяніе Гончаревскому.

— Чтò ему?

— Освободите вы его отъ этой спутницы,—продолжалъ Дровяниковъ.—Посмотрите, посмотрите только!—съ живостью указалъ онъ глазами на Гончаревскаго и Катерину Ивановну, виднѣвшихся въ окнѣ кареты.

— Посмотрите,—продолжалъ Дровяниковъ,—вѣдь отвратительно смотрѣть. Вѣдь если умнаго человѣка довела до такого уродства, это ужъ опасно...

— Признаюсь, все это очень пòшло...

— Онъ ее изъ кафе-шантана выудилъ. Жаль человѣка. Отличный человѣкъ.

— Ну, а я-то чтò тутъ?

— Отвоюйте ее какъ-нибудь! А? Да знаете ли,—совсѣмъ оживившись и заинтересовавшись своимъ проектомъ, заговорилъ Никита Степановичъ,—знаете ли, какъ-нибудь такъ, чтобы онъ узналъ: ну, услышалъ или увидѣлъ бы.

Губы и брови Столбунскаго слегка дрогнули.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ.

— Такъ по рукамъ?

— По рукамъ.

И они хлопнули по рукамъ. Но Столбунскій отошелъ отъ тарантаса и вернулся только когда уже пора было трогаться въ путь.

Пріѣздъ въ усадьбу, когда они подъѣзжали къ ней, произвелъ на гостей не важное впечатлѣніе. Столбунскій въ окнахъ кареты видѣлъ насмѣшливыя лица Катерины Ивановны и Гончаревскаго. Никита Степановичъ сталъ что-то ласковъ и глядѣлъ на Столбунскаго участливо. Одинъ Кесарійскій оживился и съ любопытствомъ осматривался.

— Такъ вотъ онъ, бѣлорусскій панскій фольварокъ! — восклицалъ онъ:—вотъ онъ, Столбунъ, гнѣздо пановъ Столбунскихъ!

На самомъ дѣлѣ, Столбунъ вовсе не былъ такъ жалокъ, какимъ онъ представлялся ѣдущимъ прямо въ Севилью и прямо изъ петербургскаго кафе-шантана. Это было и хорошее мужицкое село, и солидная господская усадьба съ широкимъ хозяйствомъ. Сначала ѣхали деревней. Правда, деревня шла оврагомъ, улица была разрыта дождевыми ручьями, но избы были хорошія; мужики были рослые и видные. Они кланялись Столбунскому не особенно привѣтливо. Онъ въ отвѣтъ потрогивалъ поля шляпы, тоже не съ большой ласковостью. Бабы совсѣмъ не кланялись

и при проѣздѣ экипажей поворачивали спины и уходили во дворы, откуда смотрѣли въ щель забора. Ребятишки были и совсѣмъ непочтительны. Одинъ, безъ штановъ и съ животомъ, торчавшимъ въ прорѣху рубашки, даже бросилъ въ лошадей щепкой. Столбунскій пригрозилъ ему палкой и строго крикнулъ:—Я тебя, мошенникъ!

Между деревней и усадьбой, на пустой площади стояла большая каменная церковь съ облупившейся штукатуркой. За пустыремъ была старинная обширная усадьба. Налѣво отъ дороги черный дворъ, съ длинными, темными службами и сараями, строенными давно, изъ толстѣйшихъ бревенъ; всѣ постройки были въ порядкѣ, съ новыми соломенными крышами и новыми окнами и воротами. Налѣво—большой паркъ, спускавшійся куда-то по косогору. Правда, въ немъ было много суши, но еще больше густой зелени и тѣни. Заборъ вокругъ него изъ дубовыхъ плахъ, стоймя врытыхъ въ землю, былъ тоже въ порядкѣ, кое-гдѣ поправленный недавно. Словомъ, вся усадьба была такова, что любой помѣщикъ охотно и съ удовольствіемъ взялся бы въ ней хозяйничать. Столбунскій считался богатымъ и заботливымъ хозяиномъ, а его имѣніе знали по всему уѣзду.

Экипажи, проѣхавъ мимо сада до половины, свернули въ открытыя рѣшетчатыя воротца и сейчасъ же подъѣхали къ низенькому каменному домику, подъ шершавой гонтовой крышей, стоявшему къ воротамъ концомъ. Вокругъ домика все былъ липовый паркъ, а на площадкѣ между нимъ и воротами росло нѣсколько молодыхъ кустовъ жасмина и сирени, очевидно посадки самого Столбунскаго.

— Вотъ мой *палацъ*!—сказалъ Столбунскій. — Не взыщите. Это бывшая оранжерея, а настоящій домъ сгорѣлъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Разбогатѣю—отстрою снова. Милости просимъ на освященіе.

Внутри домикъ понравился гостямъ. Чистенькій, низенькій, съ толстѣйшими стѣнами и огромными окнами, онъ былъ весь заставленъ очень изящной мебелью старинныхъ фасоновъ. Кесарійскій сразу такъ и прилипъ къ этой мебели. Глаза его засіяли, и его никакъ нельзя было заставить войти въ отведенную ему комнату переодѣваться. Онъ пошелъ вдоль стѣнъ, отъ конца ножекъ до изнанки спинокъ оглядывая разные стулья, диваны, столики и этажерки. Кое-что онъ выносилъ на середину комнатъ, самъ садился поодаль и предавался созерцанію, весь сіяя удовольствіемъ. Онъ притащилъ къ себѣ полуодѣтаго Никиту Степановича, въ туфляхъ и безъ сюртука, съ головной щеткой въ

рукѣ, и скоро они вдвоемъ уже приколачивали какія-то отпавшія металлическія бляшки и очень интересовались, куда могъ пропасти носъ какого-то урода, вырѣзаннаго на дверцѣ этажерки. Мебель сильно выручила хозяина.

Катерину Ивановну Столбунскій, по новому настоянію Дровяникова, помѣстилъ особо. Тотъ сдѣлалъ видъ, что такъ и должно быть, хотя зорко замѣтилъ дверь комнаты своей спутницы.

— Хорошо вамъ тутъ будетъ?—спросилъ Столбунскій, вводя Катерину Ивановну въ комнату.

Катерина Ивановна начала чувствовать себя неловко: хозяинъ держалъ себя съ ней утонченно-вѣжливо.

— Благодарю васъ, отлично, чудесно,—попробовала она было отвѣтить такъ же свѣтски и вѣжливо, но не выдержала, нетерпѣливо и недовольно швырнула на диванъ мѣшочекъ, который былъ у нея на рукѣ, и рѣзко обернулась къ Столбунскому спиной.

— Снимите-ка лучше съ меня тальму, чѣмъ разговаривать!—сказала она.

Столбунскій невольно окинулъ взглядомъ ея красивую шею, ея волосы, дѣйствительно прекрасные. Это была красивая, сильная, стройная женщина, какихъ онъ давно не видалъ. Предъ нимъ была настоящая красавица, благоухающая сладкими, дорогими духами. А онъ еще молодъ, и силенъ, и смѣлъ.

Столбунскій быстро обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Но едва онъ это сдѣлалъ, какъ ему стало тяжело и гадко: весь чадный, циничный, сухой разгулъ богатаго и скучающаго Петербурга воскресъ въ его воображеніи въ этомъ поцѣлуѣ, въ этомъ равнодушномъ и любопытномъ взорѣ, которымъ посмотрѣла на него его гостья. Столбунскій освободилъ ее.

Кстати въ комнату вошла женщина, которая должна была прислуживать Катеринѣ Ивановнѣ.

— Вотъ вамъ и помощь, хоть и не особенно искусная,—по-прежнему вѣжливо сказалъ Столбунскій.—А пока до свиданія.

Когда онъ уходилъ, Катерина Ивановна смотрѣла ему вслѣдъ.

— Однако вы юноша не промахъ!—грубо, но весело крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ не обернулся.

V.

До обѣда Столбунскій оставилъ гостей однихъ и обѣжалъ хозяйство. Послѣ обѣда онъ пригласилъ ихъ идти ѣсть десертъ въ паркъ, откуда, по его словамъ, открывался красивый видъ.

Но и къ виду всѣ, опять-таки кромѣ Кесарійскаго, шли съ недовѣріемъ, озираясь на пустую, слишкомъ частую, высокую липовую рощу. Дорожка была узкая, безъ травы и коренистая. Когда дорожка окончилась, гости вышли на большую полукруглую площадку и остановились.

Передъ ихъ избалованнымъ глазомъ не было ни скалъ, окрашенныхъ сѣроватой гаммой глубокихъ красокъ, очерченныхъ причудливыми линіями, громоздящихся патетическими дикими формами; не было цивилизованной долины, разграфленной полями разноцвѣтныхъ хлѣбовъ, съ селами и городками, набросанными внизу, точно кучки опрятныхъ камешковъ; не было моря, съ громадой водъ, грозно и алчно подымающейся къ горизонту. Но всѣмъ вздохнулось вольно, всѣ почувствовали себя такъ,—точно ихъ мгновенно вознесли на огромную высоту. Съ высокой площадки, гдѣ они остановились, они увидѣли извивающуюся, безконечно длинную, широкую равнину заливныхъ луговъ и ея большую рѣку.

Огромное молчаніе, огромный просторъ, огромное и высокое небо, въ самой вышинѣ котораго остановилось вознесшееся туда тяжелое, бѣломраморное облако,—все это мощно приняло ихъ въ себя послѣ тѣсноты густой рощи и маленькаго дома.

Сильнѣе всѣхъ пораженъ былъ Никита Степановичъ. Онъ молчалъ и только строго раскрылъ свои соколиные глаза, загорѣвшіеся патетическимъ удовольствіемъ. Остальные оглядывались, чтобы разсмотрѣть, гдѣ они стоятъ.

За ними былъ правильный полукругъ липъ, отягченныхъ темной и мягкой листвой, осыпанной золотистымъ цвѣтомъ. Вѣтви поникли подъ ихъ тяжестью и висѣли тяжелыми складками. Высокая, ровная трава съ пушистыми метелками, похожими на дымокъ, высокіе синіе колокола, вытянувшійся въ гущинѣ малиновый клеверъ и какіе-то круглые, золотистые цвѣтки, на блѣдныхъ шейкахъ, были точно коверъ площадки. Посреди нея, погрузясь въ траву и цвѣты, стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, съ ягодами, сливками и виномъ.

— Какъ все просто и какъ все красиво!—повторялъ Никита Степановичъ, показывая на равнину, на липы и на цвѣты.

— Знаете ли, какое сравненіе мнѣ приходитъ въ голову каждый разъ, когда я любуюсь этой картиной,—заговорилъ Столбунскій. — Въ Эрмитажѣ есть классическій торсъ Венеры, одно лишь туловище. Глядя сюда,—онъ показалъ передъ собою рукой,— я вспоминаю это прекрасное, безголовое тѣло. И вмѣстѣ съ тѣмъ такою же безобразной, но дивной глыбой представляется мнѣ Россія. Скверно, — а хорошо. Уродливо, — а прекрасно, а любуешься и любишь все это.

— И часто вы сюда заходите?—спросилъ Гончаревскій, на лицѣ котораго Столбунскій съ удивленіемъ увидѣлъ настоящее умиленіе.

— Да почти каждый день.

Гончаревскій, видимо, умилился еще больше.

— Если вы каждый день ходите, отчего же, позвольте васъ спросить, трава нигдѣ не смята?—коварно спросилъ онъ, возбудивъ громкій смѣхъ.

Столбунскій быстро взялъ его подъ руку, скорымъ шагомъ отвелъ на противоположную сторону площадки и побѣдоносно указалъ и на смятую траву, и на тропинку, протоптанную изъ рощи, и даже на гамакъ, повѣшенный межъ двухъ столбовъ.

— А... а утокъ у васъ тутъ внизу много?—спросилъ побѣжденный Гончаревскій, и усы его зашевелились отъ сдерживаемой добродушной улыбки.

Всѣ снова разсмѣялись и сѣли за столъ. Ягодами не заинтересовался никто, не исключая и Катерины Ивановны. Компанія была пріучена больше къ вину, за которое и принялась не торопясь. Вина были хорошія и тѣ самыя, которыя любили гости, выписанныя нарочно въ ожиданіи ихъ пріѣзда.

— Ну, ладно,—началъ Никита Степановичъ:—вы приходите сюда и садитесь. Что же вы думаете, когда сидите тутъ?

— Да что думаю! Иной разъ думаю: хорошо, еслибы пріятели пріѣхали и выпить бы съ ними и похвастаться видомъ. Иной разъ думаю, что нехорошо это, тутъ сидѣть и мечтать, когда безъ тебя изъ хлѣвовъ навозъ возятъ и лѣнятся, малые возы кладутъ. Думаю, что нужно вонъ тамъ внизу, гдѣ Владиміръ Петровичъ утокъ ищетъ, луга всѣ раздѣлать. Тамъ ихъ у меня около тысячи десятинъ, а чистыхъ только двѣсти. А расчищенная десятина даетъ двадцать-пять рублей, въ арендѣ, а заросли—ничего, только повинности несутъ по первому разряду.

— Такъ вы бы взяли да и расчистили,—сказала Катерина Ивановна.

Столбунскій взглянулъ на нее и, не отвѣчая, продолжалъ:

— Знаете ли, что я, по настоящему, не Столбунскій, а Волкъ. Право. У меня есть какая-то привилегія, что ли, Стефана Баторія, данная моему предку на эти самыя земли въ 1580 году. Тамъ такъ и прописано: „Стефанъ, Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, и т. д., ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што мы подали старостѣ нашему, Оноприю Волку, ключъ, прозываемый Столбунъ". Вотъ мы и стали Волками-Столбунскими, въ отличіе отъ прочихъ Волковъ, которыхъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, тутъ множество,—самая національная фамилія,—а потомъ и просто Столбунскимъ.

Столбунскій оживился и продолжалъ:

— Помните, господа, когда я оставлялъ Петербургъ, вы не могли этого понять. А я такъ не могъ больше переносить его. Вы не повѣрите, какъ временами непреодолимо тянулъ меня къ себѣ вотъ этотъ самый Столбунъ, бо̀льшую часть котораго я вижу отсюда, какъ онъ непонятно, но органически мнѣ милъ. Вѣдь нашъ родъ сидитъ на этомъ самомъ мѣстѣ триста лѣтъ. Мнѣ необходимъ этотъ видъ, на который смотрѣло нѣсколько поколѣній беременныхъ паней Столбунскихъ; мнѣ необходимъ запахъ хлѣвовъ, который обоняли съ шестнадцатаго вѣка паны Столбунскіе. Вѣдь тутъ каждая горсть земли, каждое дерево знаетъ прикосновеніе руки Столбунскаго. Меня что-то сосетъ, когда я долго не вижу здѣшняго мужика, который вотъ уже триста лѣтъ удивленъ и недоволенъ тѣмъ, что у Столбунскихъ земли больше, чѣмъ у него. Здѣсь жить хлопотно, трудно, иной разъ страшно; но только здѣсь я чувствую себя самимъ собой, здѣсь, въ границахъ, указанныхъ Баторіемъ: „отъ камени, на болотѣ лежачаго къ тремъ грушамъ, на селищѣ Судеревскомъ; а отъ грушъ на урочище подъ березовымъ пнемъ, а отъ туда до колодезя у грунтовъ, что были воеводины, а теперь пана маршалка" и т. д.,—всего двѣнадцать тысячъ десятинъ, что̀, впрочемъ, не составляетъ и четверти прежняго столбунскаго ключа.

— Такъ вы—полякъ,—сказала Катерина Ивановна.—Я очень люблю поляковъ. Они такіе горячіе.

Столбунскій, да и всѣ, кромѣ Гончаревскаго, не спускавшаго глазъ со своей спутницы, поморщились. Катерина Ивановна все не могла найти настоящаго тона и дѣлала видъ, что ей это все равно. Замѣтивъ общую гримасу, она встала отъ стола, фамиліарно выдернула изъ-подъ Гончаревскаго его плэдъ и; разостлавъ его на землѣ, улеглась, напѣвая какіе-то куплеты.

— Нѣтъ, я не полякъ,—отвѣчалъ Столбунскій,—не полякъ,

а просто-на-просто обрусѣвшій бѣлоруссъ. Мы всегда были православными, такъ что здѣшніе поляки зовутъ меня отродьемъ измѣнниковъ, сгубившихъ польскую ойчизну. Конечно, они врутъ. Мой прадѣдъ сидѣлъ себѣ въ Столбунѣ, и, какъ и всѣ прадѣды здѣшнихъ поляковъ, я думаю, не скоро и узналъ, что его присоединили къ Россіи. Впрочемъ, дѣдъ былъ азартный православный и азартный хозяинъ. Можно сказать, герой исторической повѣсти: обратилъ въ православіе тысячу душъ своихъ уніатовъ и вырубилъ семьсотъ десятинъ лѣса для полей.

— Удивительно какъ поэтично, рубить лѣсъ!—зѣвая, промолвила Катерина Ивановна.

— А развѣ не поэтично?—воскликнулъ Столбунскій, обращаясь, впрочемъ, не къ ней, а къ остальнымъ:—развѣ семьсотъ десятинъ ляда—не поэзія?! Развѣ это не красиво—тысячью топоровъ врубаться въ темный лѣсъ, валить вѣковые дубы, клены, ясени, новергать къ своимъ ногамъ ихъ зеленыя вершины, которыхъ не видѣли цѣлыя поколѣнія, а видѣло только солнце, да звѣзды, да птицы? Развѣ не поэзія—открыть травамъ и цвѣтамъ, болѣзненно благоухавшимъ въ сыромъ полумракѣ, полный день; разогнать волковъ, лисицъ, барсуковъ, лосей? Развѣ не красивъ этотъ костеръ въ сотни десятинъ, запылавшій по волѣ дѣда? Развѣ не грандіозно—вздрать мотыгами и лопатами дѣвственную землю, и не наслажденье—видѣть на мѣстѣ непроходимой лѣсной чащи, лѣсного валежника и ямъ, ровное море сильной, буйной, сизо-зеленой ржи?!.

Столбунскій остановился. Никита Степановичъ, глаза котораго все разгорались и разгорались, по мѣрѣ того, какъ Столбунскій все больше воодушевлялся, осторожно и ласково положилъ ему на плечо свою тяжелую, большую руку. Столбунскій вопросительно оглянулся на него, и его глаза загорѣлись тоже.

— Вотъ онъ, прежній!—удало воскликнулъ онъ:—ну, ужъ теперь онъ намъ споетъ что-нибудь... Ну-ка, Никита Степановичъ, какъ бывало!

И Столбунскій чокнулся съ нимъ полными стаканами.

Дровяниковъ и чокнулся, и выпилъ торопливо, точно ему было некогда. Онъ быстро всталъ со стула и обернулся немного поблѣднѣвшимъ лицомъ, на которомъ еще жарче выдѣлились его черные глаза,—къ лугамъ и небу. И въ тепломъ воздухѣ заката, озолотившаго просторную картину луговъ и рѣки, могучій баритонъ съ грозной страстью запѣлъ одну изъ тѣхъ трагическихъ великорусскихъ пѣсенъ, гдѣ дико и чудно сплелись любовь и острый ножъ, бурныя ласки страсти и мрачное одиночество, ко-

ротная, быть можетъ, единственная минута счастья и годы разлуки, горя, страданій и грѣха, и гдѣ все это, мрачное и странное, роковое и загадочное, теряется въ силѣ мотива и исполненія, въ силѣ, которая непреодолимо заставляетъ вѣрить, что роковыя бѣды пройдутъ, а сила останется и пригодится...

Никита Степановичъ кончилъ.

— Что̀ такое уніаты?—равнодушно спросила все не сдававшаяся Катерина Ивановна:—это—скопцы?

Никита Степановичъ нервно отвернулся и, ни на кого не глядя, очень явственно пробормоталъ: „чортъ знаетъ что̀ такое!“ — и ушелъ въ рощу, а оттуда въ домъ.

Столбунскій внимательно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Когда разошлись спать, и Столбунскій уже дремалъ, къ нему, въ одной только рубахѣ, придававшей каррикатурно-невинный видъ объемистому животу и толстымъ, волосатымъ ногамъ Никиты Степановича, со свѣчей въ рукахъ вошелъ Дровяниковъ, съ видомъ веселаго заговорщика.

— А что же нашъ проектъ-то? Пора,—зашепталъ онъ.— Валяйте. А я буду ходить по корридору и кашлять. Гончаревскій навѣрное вылѣзетъ изъ норы. У него безсонница, и онъ всегда ужасно доволенъ, когда ему мѣшаютъ. Тутъ я подведу его поближе къ двери, а вы тамъ—вотъ такъ.

И Никита Степановичъ изо всѣхъ силъ сталъ чмокать губами, изображая поцѣлуй. Столбунскій просительно сморщился.

— Увольте, Никита Степановичъ,—проговорилъ онъ,—право, голубчикъ, увольте! Чортъ его знаетъ, а непорядочно это какъ-то съ моей стороны, какъ хозяину,—почти умоляюще прибавилъ онъ.

Дровяниковъ порывисто всталъ и ушелъ, не сказавъ ни слова. А Столбунскій долго не могъ заснуть, съ озабоченнымъ и даже встревоженнымъ лицомъ ворочаясь съ боку на бокъ.

VI.

Въ три часа утра, Столбунскаго, по обыкновенію, разбудилъ его приказчикъ. Нужно было вставать, а между тѣмъ голова, послѣ вчерашнихъ напряженій и заботъ встрѣчи, болѣла, глаза слипались, и Столбунскому было неопровержимо ясно, что хозяйничанье его—никому и ничему ненужная глупость, и что вся истина въ томъ, чтобы спровадить приказчика, хорошенько вытянуться, пригрѣть мѣсто и сладко заснуть, а во снѣ видѣть

себя человѣкомъ, имѣющимъ въ банкѣ пятьсотъ тысячъ. Но Столбунскій не поддался рѣчамъ неопровержимой истины, которыя повторялись при раннемъ вставаньѣ очень часто, и, въ явное противорѣчіе имъ, заставилъ себя умыться и одѣться. Тутъ начали наклевываться причины, по которымъ не мѣшало быть на ногахъ.

— Много пришло косъ?—спросилъ Столбунскій, и опять почувствовалъ, что косьба сѣна, которая теперь шла—занятіе, пожалуй, и суетное.

— Пятнадцать,—отвѣтилъ приказчикъ, съ лицомъ покоряющагося судьбѣ безропотно, но съ огорченіемъ.—Заказано было шестьдесятъ... Совсѣмъ не аккуратно отработываютъ за выгоны.

— Канальи! Сегодня вторникъ?

— Вторникъ.

— А вчера сколько было народа?

— Двадцать-семь.

— Кончены шутки! Ступайте къ уряднику и вмѣстѣ поѣзжайте по деревнямъ.

— Овесъ лошадямъ нужно выдать.

— Выдамъ.

— Людямъ на хлѣбъ муки.

— Хорошо.

— Не знаю какъ: кухарка говоритъ, что велѣли господамъ крендели печь; такъ пшеничной муки...

— Велѣлъ.

— Лѣсники пришли, просятъ отвѣсить мѣсячину.

— Чтò такъ рано?

— Говорятъ, все съѣли.

— Не дамъ; еще пять дней осталось до мѣсяца.

— Я имъ говорилъ. Чтожъ, говорятъ, намъ помирать?!

— Пусть и помирать попробуютъ. Пусть не пропиваютъ. Да и семьямъ на деревню таскаютъ... Надо будетъ нанимать дальнихъ.

Вышли на дворъ, озаренный желтымъ свѣтомъ едва показывающагося солнца. У самаго крыльца стоялъ лѣсникъ въ рваной свитѣ, съ ярко вычищеннымъ мѣднымъ знакомъ на груди, съ барсучьей сумой черезъ плечо и съ ружьемъ. Столбунскій взглянулъ на него искусно заученнымъ, мрачно-презрительнымъ взглядомъ недовольнаго хозяина.

— Что?—спросилъ онъ отрывисто.

Лѣсникъ сталъ переминаться, оробѣвъ подъ этимъ взглядомъ.

— Къ вашей милости,—началъ онъ.

Но Столбунскій перебилъ его:

— Артемка!—сурово окликнулъ онъ заспаннаго подростка, очевидно въ полуснѣ летавшаго по двору и собиравшаго лошадей, чтобы гнать ихъ въ поле.

Мальчишка остановился какъ вкопанный, и его шапка какъ бы сама собой соскочила у него съ головы и упала въ правую руку.

— Зови въ амбаръ кучера и кухарку!—крикнулъ ему Столбунскій и, не обращая вниманія на лѣсника, пошелъ отъ него мѣрнымъ и широкимъ, хозяйскимъ шагомъ. Лѣсникъ остался на мѣстѣ и задумчиво ковырялъ швы картуза.

Быстро и привычно отыскивая на связкѣ ключи и ввертывая ихъ въ висячіе замки, Столбунскій отперъ овесъ, отперъ муку и остановился на крыльцѣ амбара, уже захваченный десятками мелкихъ хозяйственныхъ заботъ, которыя непрерывной цѣпью тянутся въ хозяйской головѣ отъ ранняго утра до самой ночи, продолжаясь иной разъ и во снѣ. Солнце всходило ясное, не багровое, и день продержится сухой. Въ хлѣву мычала оставленная корова; должно быть, захромала, и ей навѣрное не положили сѣна: иначе теперь она бы ѣла и не кричала. Вторую недѣлю все забываютъ поправить потрепанную бурей крышу на ригѣ; пожалуй, дождемъ размоетъ токъ... Эхъ, простояла бы погодка дней десять; и для сѣна, и для жатвы отлично бы было,—да не простоитъ: солнце хоть и хорошо, а барометръ качнулся къ дождю. Впрочемъ, на гречиху дождь сильно нуженъ, сильно...

— Викентій! на весь дворъ командирскимъ голосомъ позвалъ Столбунскій, вспомнивъ что-то уже совсѣмъ неотложное.

На зовъ подбѣжалъ лѣсникъ, безъ шапки и съ лицомъ, озарившимся надеждой.

— Скажи косцамъ, чтобы шли на лугъ, къ присяжному дубу. Я ихъ догоню.

— Сею минуточкой, паничъ,—бодро отвѣтилъ лѣсникъ.

— Да приходи сюда.

Лѣсникъ совсѣмъ повеселѣлъ.

Отсыпавъ кучеру овесъ, Столбунскій велѣлъ осѣдлать лошадь. Мѣшокъ муки онъ взвалилъ на лѣсника и приказалъ отнести въ людскую стряпухѣ.

— Провизіи сегодня не получишь. Приходи въ срокъ,—сказалъ онъ ему вслѣдъ.

Лѣсникъ не промолвилъ ни слова, только согнулся больше и пошелъ не такъ бодро.

Сѣвъ на лошадь, Столбунскій поѣхалъ-было на луга за косарями, но вернулся и направился къ деревнѣ. На ея краю стояла

дрянная изба, задомъ къ улицѣ, единственнымъ крошечнымъ окномъ во дворъ, — самая воровская изба. Черезъ заборъ Столбунскій увидѣлъ цвѣтущаго здоровьемъ мужика среднихъ лѣтъ, съ веселымъ и открытымъ лицомъ, который, сидя на крыльцѣ, раскуривалъ трубку, чему-то про себя улыбаясь. Это былъ мѣстный охотникъ и первый воръ околотка, Степанъ Вострый.

— Ты сегодня что̀ работаешь? — спросилъ его Столбунскій съ улицы черезъ заборъ.

— А ничего!—весело отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ вотъ что̀, братъ Степанъ. Иди ты ко мнѣ во дворъ и жди. Когда встанетъ гость, сухой такой, старый, носъ крюкомъ, ты доложись. Пойдешь съ нимъ на охоту. Я тебѣ дамъ за это вечеромъ рубль. Возьми приказчикову собаку.

— Не возьму, паничъ!

— Ну?

— Она ни къ чорту не годится. Я у попова сына возьму, у семинариста.

— Хоть самого попова сына бери, — весело сказалъ Столбунскій и отъѣхалъ.

— У попова сына еще настоящіе зубы не отросли!—еще веселѣй крикнулъ ему вслѣдъ Степанъ.

Столбунскій опять направился къ лугамъ, но опять завернулъ домой и слѣзъ съ лошади. Въ передней никого не было. Садовникъ-лакей оказался въ саду. Столбунскій велѣлъ ему оставить садъ на все время, пока будутъ гости. Кромѣ того, онъ приказалъ, когда придетъ Вострый, не спускать его съ глазъ, чтобы чего-нибудь не укралъ. Только-что онъ опять хотѣлъ ѣхать, какъ его снова остановила толпа мужиковъ, откуда ни возьмись, появившихся у крыльца. Они были чужіе, и имъ, очевидно, было что-то очень нужно, потому что они были удивительно ласковые. Двое привезли молоть рожь на мельницу. Трое хотѣли снять лугу десятинъ пять. Еще двое пріѣхали одолжить денегъ, ровно сто рублей. Ихъ село ремонтировало церковь и задолжало штукатурамъ. Они были очень дальніе, и до нихъ, повидимому, дошли ложные слухи, что Столбунскій паничъ—дурень. Однако, видя, что паничъ такъ рано на ногахъ, слыша, какъ обстоятельно разсказалъ онъ мужикамъ, пришедшимъ насчетъ луга, гдѣ онъ имъ дастъ лугъ, какого качества и за какую цѣну, особенно услыхавъ, что помольщиковъ, пока имъ будутъ молоть, паничъ послалъ на работу, косить,—мужики ясно поняли свою ошибку, и разговоръ съ ними былъ коротокъ.

— Нѣтъ, братцы, не дамъ денегъ,—сказалъ имъ Столбунскій и слегка вздохнулъ, какъ бы отъ сожалѣнія.

— Ну, бывайте, паничъ, здоровы!—отчетливо и одобрительно сказали мужики, сейчасъ же взлѣзли на телѣжонку и, бойко гремя и треща ею, уѣхали къ слѣдующему пану, предполагавшемуся уже настоящимъ дуракомъ.

Но и теперь не удалось Столбунскому уѣхать. Изъ рощи вышелъ Кесарійскій, какъ видно, недавно проснувшійся, немного опухшій со сна, но сіявшій удовольствіемъ. Въ рукахъ онъ несъ котенка, котораго ласкалъ, а за нимъ бѣжалъ молоденькій щенокъ и трепалъ его за панталоны.

— Чтò за утро, чтò за утро! — воскликнулъ онъ, увидавъ Столбунскаго.

Столбунскій оглянулся вокругъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, славное утро, — проговорилъ онъ.— Я за хозяйствомъ и не разглядѣлъ.

— Варваръ! У самого Тургенева нѣтъ лучшаго. А съ вашей площадки теперь чудеса видны: вся долина въ туманѣ, который подымается—точь-въ-точь чудовищное наводненіе... Куда вы собрались?

— На луга.

— На луга, въ этотъ туманъ? Ну, я съ вами.—Пришлось подождать, пока осѣдлали другую лошадь. Столбунскій воспользовался этимъ временемъ и сходилъ взглянуть на захромавшую корову, у которой дѣйствительно не оказалось корму. Наконецъ, они поѣхали.

Спустившись съ крутого берега, они очутились въ лугахъ и точно совсѣмъ въ другой странѣ. Эти луга, казавшіеся сверху, съ площадки парка, ровными, какъ столъ, на самомъ дѣлѣ были совсѣмъ иными. Твердый, какъ камень, глинистый илъ весь былъ изрытъ стремленіями вешнихъ водъ. Всюду были старыя русла и озера; длинные горбы чередовались съ неглубокими, длинными оврагами. Тамъ и сямъ валялись громадныя черныя рогатыя колоды и торчали высокіе черные пни. Мѣстами густо стояли зáросли ивняка, гнувшагося подъ хмелемъ и вьюнками, раскрывшими свои большіе бѣлые колокола. Мѣстами приходилось ѣхать рощицами старинныхъ дубовъ, бéреста, съ его вѣтвями-перьями, и старухъ — серебряныхъ ветелъ. Утреннія, похолодѣвшія воды темнѣли тяжело и мрачно сквозь волновавшійся туманъ. Такими же тяжелыми отражались въ нихъ берега и небо. Въ воздухѣ было почти холодно. Слышались странные хриплые крики большихъ днѣпровскихъ птицъ: крупныхъ утокъ, цапель, гусей.

— Вотъ оно, настоящее, бѣлорусское утро!—сказалъ Кесарійскій, притихшій среди этой новой для него обстановки.

Но Столбунскому было хорошо. Онъ ощущалъ неуклюжую, но неизсякаемую и спокойную силу луговъ, силу большой рѣки, силу необыкновеннаго плодородія почвы, силу ея безчисленныхъ сыновъ: тяжкихъ дубовъ, крупныхъ цвѣтовъ, травъ, стоявшихъ стѣной, выше колѣна лошадямъ. Чуялось что-то могучее и въ всплескахъ могучихъ рыбъ въ омутахъ. Чуялась какая-то своенравная сила и въ томъ, что рѣка въ своей долинѣ сама жила и давала жизнь по своему: ея травы поспѣвали мѣсяцемъ позднѣе, ея ландыши цвѣли въ іюнѣ, земляника зрѣла въ іюлѣ; тѣ люди, которымъ доставались части ея долины, сразу дѣлались богатыми и довольными. Столбунскій любовался рѣкой-кормилицей, рѣкой —щедрымъ и могущественнымъ богачемъ и ея царствомъ. И онъ раздѣлялъ съ нею это царство, которое теперь, все въ мельчайшей росѣ, начинало проникаться теплымъ, какъ кровь, солнечнымъ свѣтомъ. Столбунскій наслаждался этой росой и этимъ разливающимся тепломъ. Ему какъ будто передавалась эта спокойная и грубая сила, нужная ему для грубаго дѣла хозяйничанья въ грубой странѣ, среди грубыхъ людей. И въ эту минуту меньше, чѣмъ когда-нибудь, онъ согласился бы промѣнять свою долю на иную.

Когда, наконецъ, пріѣхали на мѣсто, и Столбунскій разставилъ косарей, онъ передалъ Кесарійскому то, что̀ думалъ дорогой.

— Я васъ понимаю, — сказалъ тотъ, вглядываясь въ него глубокимъ, думающимъ взглядомъ,—я понимаю: независимость, природа, трудъ. Но что̀ же потомъ, въ концѣ концовъ?

— О, не безсмертіе,—ласково и шутя отвѣтилъ Столбунскій. —Этотъ сладкій ядъ мы, обыкновенные люди, оставляемъ вамъ, людямъ особеннымъ, талантамъ. Мы добиваемся только довольства, комфорта, спокойствія. Я работаю и работаю тяжело. Я съ утра до ночи на ногахъ и въ заботахъ, я насильно заставляю себя быть жесткимъ и грубымъ съ одними, съ которыми иначе ничего не подѣлаешь, угодливымъ съ другими, безъ которыхъ иначе не обойдешься, и это для того, чтобы сдѣлать для себя подъ-конецъ возможнымъ не работать до изнеможенія, не уродовать себя нравственно. Это и для себя, и для семьи, которою уже пора, очень пора—иной разъ такъ ея недостаетъ—обзаводиться. Вотъ ближайшая цѣль. А слѣдующія, не безпокойтесь, народятся сами. Какія онѣ будутъ, не знаю. Можетъ быть, улучшеніе породы мѣстныхъ лошадей; можетъ быть, крестьянская школа, можетъ быть, акклиматизація песчанаго клевера; можетъ быть, сдѣ-

лаюсь мировымъ судьей; а можетъ быть просто каждый годъ за границу буду ѣздить.

Столбунскій всталъ и въ волненіи началъ ходить взадъ и впередъ, поглядывая на Кесарійскаго, желая и не рѣшаясь о чемъ-то заговорить. Наконецъ онъ снова сѣлъ, прямо противъ архитектора и прямо глядя ему въ глаза.

— Ну, вамъ я могу выдать мои тайныя — не планы, нѣтъ —а желанія,—началъ онъ.—Конецъ моей работѣ можетъ наступить очень скоро. И вы можете мнѣ помочь...

Кесарійскій продолжалъ серьезно смотрѣть на собесѣдника.

Столбунскій замялся, набралъ въ грудь воздуху, слегка покраснѣлъ и черезъ силу проговорилъ:

— Уговорите Никиту Степановича купить мой лѣсъ для его дороги.—И онъ взглянулъ на Кесарійскаго.

Тотъ долго молчалъ.

— Другъ мой,—наконецъ медленно заговорилъ онъ:—другъ мой, вы только-что сказали, что высшее благо—независимость. Работайте, надѣясь только на свои силы, не одолжаясь, не прибѣгая къ покровительству. Дѣлайте лишь то, что возможно сдѣлать собственными силами. Зависимость, хотя бы и отъ друзей, тяжела,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Я говорю это по собственному опыту... И затѣмъ, пусть наши отношенія остаются такими исключительно счастливыми, какъ они сложились. Не... матеріализируйте ихъ.

Столбунскій покраснѣлъ еще гуще, порывисто всталъ, но молчалъ.

Въ это время вдали показалась толпа людей съ косами и приказчикъ верхомъ. Столбунскій оставилъ Кесарійскаго.

— До свиданія,—сказалъ онъ.—Разставлю народъ на косу и поѣду за Халевичемъ.

Кесарійскій встрепенулся.

— Давно пора!—воскликнулъ онъ.—Привозите его скорѣе! —Столбунскій сѣлъ на лошадь и отъѣхалъ.

— Сколько? сообрази! — спросилъ онъ приказчика, не удостоивая толпу косарей и взглядомъ. Мужики тоже какъ будто не замѣчали его, только попрятали трубки за пазухи да примолкли. Два, три сняли шапки. Столбунскій кивнулъ имъ головой.

— Тридцать изъ Ямнаго да изъ Слободки. Въ Пободовъ урядникъ поѣхалъ.

Столбунскій съ приказчикомъ отстали отъ толпы.

— Ругались!—радостно улыбаясь, докладывалъ приказчикъ.—

„Ну, говорятъ, ваши выгоны—кровавые намъ они достаются".— Такъ не берите, говорю, выгоновъ.

— Я беру съ нихъ только то, что̀ самъ плачу за ту землю, гдѣ они пасутъ.

— Я имъ и говорю. Мы съ лошади беремъ двадцать копѣекъ въ лѣто, а въ казенной дачѣ—рубль, а панъ Халевичъ— восемьдесятъ копѣекъ. Идите, говорю, туда, коли у насъ выгонъ кровавый.—„Такъ вы, говорятъ, берите деньгами, а не работой". —Какъ разъ, говорю, достанешь тогда тебя, такого-сякого, на работу. Наплачешься тогда. У васъ, у каналій, лѣтось рожь хорошо родила, такъ вы всю зиму на печи спали, всѣ задатки назадъ поотдавали. Только тогда, говорю, и вылѣзали, когда прусаки въ хатѣ начинали отъ мороза дохнуть,—дровъ накрасть. Съ вами, говорю, съ гадами, тогда только хорошо жить, когда вы голы, какъ бизуны, когда вы и себѣ, и людямъ, и Богу противны. — Столбунскій поморщился.

— Не дразните вы ихъ, пане Пѣшкевичъ.

Приказчикъ изъ радостнаго мгновенно превратился въ почтительнаго и молчаливо выразилъ готовность слушаться.

— На-дняхъ я прочелъ про ученыхъ волковъ въ циркѣ,— съ улыбкой продолжалъ Столбунскій.—Такъ вотъ, двоихъ учили палкой, а двоихъ безъ палки. И послѣдніе скорѣе и лучше выучились.

— Такъ то̀ волки...—нерѣшительно и почтительно замѣтилъ панъ Пѣшкевичъ.

— Такъ что же?

— То̀—волки, звѣрь, значитъ; онъ ласку понимаетъ и боится... А то̀—мужикъ, у него розумъ ужъ очень злобный,—нѣсколько рѣшительнѣе договорилъ приказчикъ.

Столбунскій слушалъ разсѣянно.

— Все-таки не дразните,—повторилъ онъ и отъѣхалъ.

Проѣхавъ версты двѣ лугомъ, Столбунскій очутился у самой рѣки. У берега былъ кое-какъ сбитый паромъ, на которомъ Столбунскій и переправился черезъ рѣку.

На томъ берегу онъ въѣхалъ въ дремучее чернолѣсье. Дорожка была твердая, зеленѣла травой, а мѣстами на ней стояли длинныя лужи или глянцовитая черная грязь. Чернолѣсье, темное и сырое внизу, свѣтлѣло въ вершинахъ, игравшихъ пятнами зеленаго золота. Съ дороги при приближеніи Столбунскаго сорвалось стадо тетеревей, вышедшее напиться воды изъ лужи, и, тяжело хлопая крыльями, цѣпляясь за вѣтви, обламывая сухіе сучья, своимъ растревоженнымъ куринымъ полетомъ скрылось въ чащѣ.

Столбунскій остановилъ лошадь и слушалъ, какъ оно умащивалось на деревьяхъ, срываясь и поправляясь. Онъ прислушивался, и чувство свободы и владычества надъ огромнымъ лѣсомъ, зеленымъ свѣтомъ лѣса, надъ этимъ испугавшимся стадомъ жирныхъ птицъ, опять тѣшило его... Но онъ вспомнилъ недавній разговоръ съ Кесарійскимъ и подогналъ лошадь.

Черезъ полчаса лѣсъ кончился, и Столбунскій выѣхалъ на большую поляну, десятинъ въ триста. Земля была такая же, какъ и въ лѣсу, ровная, постепенно и слегка понижавшаяся со всѣхъ сторонъ отъ лѣса къ серединѣ. Въ серединѣ зеленѣлъ квадратъ липовой рощи, окруженной фруктовыми садами, и стояли потемнѣвшія строенія. Надъ поляной равстилалось высокое туманно-синее небо. Поля разныхъ хлѣбовъ и травъ лежали разноцвѣтными полосами и кусками, ни единымъ стеблемъ не шевелясь въ неподвижномъ воздухѣ. Столбунскій выѣхалъ къ овсамъ, высокимъ, густымъ, матово-зеленымъ и рябымъ отъ густого колоса. Вдали по ту сторону усадьбы, какъ сливки, бѣлѣла гречиха въ цвѣту. Тамъ же, правѣе стлалась темная зелень клевера. По эту сторону усадьбы, направо отъ Столбунскаго, желтѣло большое поле ржи.

Столбунскій сдержалъ лошадь на первомъ бугоркѣ и пристально осмотрѣлся. Его взглядъ остановился на ржаномъ полѣ.

— Ахъ, плутъ! — воскликнулъ онъ, вглядѣвшись, и даже ударилъ хлыстомъ лошадь, которая запрыгала отъ удара.

Съ одного края золотой ржи макомъ пестрѣли цвѣтные платки по крайней мѣрѣ сотни бабъ. Около нихъ кто-то, верхомъ на огромной гнѣдой лошади, ѣздилъ взадъ и впередъ. На этого-то всадника и смотрѣлъ Столбунскій.

— Ахъ, негодяй, негодяй! —вслухъ, жалобно и сердито повторялъ онъ.

Разсерженный Столбунскій двинулся къ всаднику на огромной лошади. Тотъ еще издалека замѣтилъ его и сейчасъ же направился къ нему, пустивъ щегольскимъ курцгалопомъ своего огромнаго англійскаго жеребца. Самъ всадникъ имѣлъ видъ вполнѣ приличный: хорошо одѣтый, высокій, тонкій, широкоплечій. Но лицо его было больше бѣлорусское, чѣмъ польское: блѣдное, загорѣлое до какой-то сѣрой желтизны, съ рѣдкой, мягкой бородкой. Выраженіе лица было въ это мгновеніе забавно: въ большихъ темныхъ глазахъ отражались и насмѣшливое злорадство, и немного трусливости, и какая-то особенная, явно напущенная на себя, приторная ласковость. Большой ротъ на-косо сложился въ улыбку, которая имѣла быть радостной, но на са-

момъ дѣлѣ, выражала ту же курьезную смѣсь чувствъ, что и глаза. Это и былъ Халевичъ.

— Миленькій, прости! Ради Бога, прости, голубчикъ!—кричалъ Халевичъ, подъѣзжая.

— Свинья! — привѣтствовалъ его Столбунскій, не на шутку злой.—Вѣдь еще третьяго-дня мы сговаривались зажинать рожь разомъ, чтобы не отнимать другъ у друга работницъ. А ты что̀ сдѣлалъ?!

— Ей Богу, милюсенькій, я только шампанское жито хочу снять. Вѣдь я не виноватъ, что оно зрѣетъ раньше.

Халевичъ отлично зналъ, что у пріятеля этого жита столько же, сколько у него самого.

— Я тебѣ говорю, что ты—свинья!

Халевичъ промолчалъ. Въ молчаніи подъѣхали пріятели къ жницамъ.

— Эхъ, пане Халевичъ,—началъ Столбунскій нарочно громко, —никогда ты не умѣешь жниво начать. Вѣдь совсѣмъ зеленую жнешь; зерно у тебя сморщится какъ сушеный грибъ. Правду твой отецъ, покойникъ, говорилъ: нѣтъ, никогда не будетъ изъ Стася хозяина; все торопится, все торопится.

Никогда ничего подобнаго покойникъ Халевичъ не говорилъ, но Столбунскій рѣшилъ мстить за измѣну.

— Pierre, devant les gens, devant les... бабы!—прошепталъ Халевичъ.

— А я ему говорю,—продолжалъ Столбунскій еще громче, —а я говорю: „охъ, правда ваша, не будетъ изъ него хозяина; лѣтъ черезъ десять проторопитъ онъ весь вашъ майонтекъ“. Такъ онъ даже заплакалъ. Помнишь?

— Pierre!!

— А еще покойникъ говорилъ...—началъ-было Столбунскій, но Халевичъ покраснѣлъ, сверкнулъ глазами, повернулся и поѣхалъ прочь. Столбунскій—за нимъ. Халевичъ прибавилъ рыси—Столбунскій перешелъ на галопъ. Халевичъ пустилъ своего великана сначала тоже въ галопъ, потомъ въ карьеръ... И „les бабы“ могли любоваться бѣшеной скачкой паничей. Жеребецъ летѣлъ, какъ вихрь, огромными скачками, высоко вскидывая то голову на длинной шеѣ, то огромный крупъ съ куцымъ хвостомъ, и сильно подбрасывалъ въ сѣдлѣ всадника. Рыжая кобылка Столбунскаго, наоборотъ, точно покатилась по землѣ, оставляя за собой узенькій, дымящійся слѣдъ пыли и жмурясь вмѣстѣ съ сѣдокомъ отъ комьевъ земли, которыми швырялъ въ нихъ, какъ изъ пращи, жеребецъ. Конечно, Столбунскій сейчасъ же сталъ отставать.—Постой, по-

стой же!—началъ кричать Столбунскій, — постой! я къ тебѣ за дѣломъ!

Но Халевичъ все летѣлъ и, казалось, готовъ былъ мчаться такъ цѣлый день. Столбунскій выбранился и сталъ останавливать лошадь. Тогда сбавилъ ходъ и Халевичъ. Остановился Столбунскій—сталъ и Халевичъ.

— Я пріѣхалъ звать тебя къ себѣ!—крикнулъ первый.

— Ты мнѣ такъ надоѣлъ, что я тебя ближе, чѣмъ ты теперь, не подпущу,—отвѣтилъ второй.

— Не все же ты на лошади. Я тебя поймаю, когда ты будешь пѣшкомъ.

— А я велю работникамъ прогнать тебя съ моей земли кольями.

Столбунскій испуганно оглянулся: но жницы были далеко позади.—„Ага,—подумалъ онъ,—разозлилъ-таки тебя какъ слѣдуетъ“.—Однако онъ воскликнулъ:

— Ты съ ума сошелъ!

— А ты мнѣ надоѣлъ твоими глупыми шутками.

— Ну, больше не буду,—смягчаясь, сказалъ Столбунскій.

— Ты мнѣ съ перваго класса гимназіи все обѣщаешь, что больше не будешь.

— Да ты знаешь ли, зачѣмъ я къ тебѣ, дураку, пріѣхалъ?

— И знать не желаю, господинъ умный...

— А вотъ пожелаешь. У меня Кесарійскій и Дровяниковъ съ компаніей.

Въ ту же секунду Халевичъ преобразился. Лицо его расцвѣло восторгомъ. Горделивая поза на сѣдлѣ, напоминавшая Наполеона Перваго, раздающаго на полѣ сраженія своимъ храбрымъ маршаламъ ордена, превратилась въ позу храбраго маршала, подъѣзжающаго за орденомъ къ Наполеону Первому.

— Миленькій, душечка!—восклицалъ Халевичъ, направляясь къ Столбунскому. — Вотъ радость, вотъ удовольствіе! Когда же они пріѣхали? Когда же я могу ихъ видѣть?

— Теперь восемь часовъ,—отвѣчалъ Столбунскій.—Пріѣзжай къ девяти и зови къ себѣ обѣдать.

Онъ круто повернулъ лошадь, и теперь убѣгалъ уже онъ, а догонялъ и молилъ остановиться Халевичъ. Лѣсъ былъ совсѣмъ близко, и Столбунскій мчался прямо туда. А тамъ неповоротливый жеребецъ Халевича съ первыхъ же шаговъ могъ разбить о деревья и себя, и сѣдока въ дребезги.

VII.

Когда Столбунскій вернулся домой, его встрѣтилъ по крайней мѣрѣ десятокъ новыхъ дѣлишекъ, заботъ и просьбъ по хозяйству, но онъ отложилъ ихъ до завтра, когда гости уѣдутъ. Гостей, за исключеніемъ Катерины Ивановны, которая еще одѣвалась, и Гончаревскаго, отправившагося на охоту, онъ нашелъ въ столовой. Кесарійскій устроилъ себѣ изъ стула мольбертъ и что-то архитектурное „творилъ", то болтая съ Никитой Степановичемъ, то всѣми своими чувствами уходя въ рисунокъ, и въ эти промежутки едва ли ясно сознавая, кто онъ и гдѣ онъ. Дровяниковъ былъ свѣжъ, бодръ и упругъ, осанисто похаживалъ по комнатѣ и весело блисталъ глазами.

Когда Столбунскій вошелъ, оба быстро и весело оглянулись на входящаго. Они ждали Халевича, и о немъ-то разсказывалъ Кесарійскій.

— Не тотъ,—сказалъ Столбунскій, взглянувъ на нихъ,—но *тотъ* будетъ сейчасъ.

— По мѣстнымъ обычаямъ—четверней, въ коляскѣ, съ бичемъ?—воскликнулъ Кесарійскій.

— Конечно. Никто такъ педантично не придерживается приличій, какъ Халевичъ, когда онъ дома. А у насъ верхъ комильфотности—четверня цугомъ, коляска, бичъ и помѣщикъ, голову положившій въ мѣшокъ откинутаго верха, а ноги—кучеру на плечи.

— Пресыщенное величіе! — продолжалъ Кесарійскій, оставивъ работу и мысленно вглядываясь въ Халевича такъ же серьезно, какъ только-что онъ смотрѣлъ на свой рисунокъ. — А въ рукѣ тросточка съ головой Костюшки?

— Ну, нѣтъ! У насъ не очень-то съ Костюшкой погуляешь. Не Костюшко,—а малахитовый шаръ, величиной съ бомбу, который Халевичъ, по торопливости, называетъ изумруднымъ.

— Человѣкъ-анекдотъ!—отозвался Кесарійскій, и, точно насытившійся мысленнымъ созерцаніемъ Халевича, онъ снова нагнулся къ своему рисованію.

— Знаете что̀,—заговорилъ совсѣмъ развеселившійся Дровяниковъ:—давайте караулить. Какъ онъ покажется въ воротахъ, мы въ почтительныхъ позахъ выйдемъ на крыльцо и на рукахъ высадимъ его изъ экипажа.

Кесарійскій даже подскочилъ на стулѣ при этомъ дивномъ планѣ и бросилъ работу.

Мало-по-малу болтовня и веселость стали переходить въ нервное дурачество, и когда, раньше чѣмъ ждали, увидѣли въ окно дѣйствительно коляску, какъ и говорили, четверню цугомъ, кучера съ бичемъ и изнѣженно развалившагося Халевича, котораго увидѣть скорѣе вдругъ всѣ стали уже просто жаждать,— всѣ трое, опрокидывая мебель, кинулись на крыльцо.

На крыльцѣ, однако, произошла измѣна. Дровяниковъ въ самое послѣднее мгновеніе заважничалъ и не только не сошелъ со ступенекъ, а еще и руки заложилъ въ карманы. За нимъ остановился Столбунскій. Не измѣнилъ одинъ Кесарійскій и объявилъ, что скажетъ привѣтственную рѣчь.

Халевичъ, въ черномъ сюртукѣ, съ пальто черезъ руку, увидѣвъ встрѣчавшихъ, тонно приподнялъ шляпу, но улыбнулся широко, въ самомъ дѣлѣ радостно и комично. Лошади стали у крыльца; кучеръ съ совершенно ненужной силой хлопнулъ, какъ изъ пистолета, бичемъ, и вскрикнувшій при этомъ выстрѣлѣ Кесарійскій началъ рѣчь:

— Наяснѣйшій панъ Халевичъ! — заговорилъ онъ: — мы, барбаженскіе москáли, знающіе лишь больно бьющій кнутъ, а не громко стрѣляющій бичъ вашей прекрасной ойчизны, встрѣчаемъ васъ...

Но Халевичъ не далъ продолжать. Съ тактомъ и достоинствомъ онъ обнялъ Кесарійскаго и сказалъ:

— Ахъ, шутникъ, шутникъ! И когда это вы остепенитесь?

Потомъ онъ элегантно и сдержанно раскланялся передъ Дровяниковымъ.

— Весьма радъ!—процѣдилъ сквозь зубы Никита Степановичъ. Онъ уже былъ недоволенъ тѣмъ, что встрѣча Халевича не вышла шутовской.

— И я тоже! — почти явно передразнивая его, отвѣтилъ Халевичъ, слегка покраснѣвъ.

Дровяниковъ вскинулъ на него глазами и подобрался.

Халевичъ совсѣмъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Изъ него вышелъ самый обыкновенный помѣщикъ, изъ свѣтскихъ и образованныхъ. Говорилъ любезности, касался иностранной политики, сдержанно осуждалъ внутреннюю. Онъ уже слегка путалъ названія петербургскихъ улицъ и имена прежнихъ знакомыхъ, точно не зналъ, кто теперь министрами, а Верещагина, котораго выставка прогремѣла прошлой весной, чуть было не назвалъ Вешняковымъ. Когда вышла Катерина Ивановна, онъ сначала изумился, потомъ сталъ говорить ей свѣтскія любезности

и, наконецъ, забезпокоился и вызвалъ Столбунскаго въ другую комнату.

— Пріятельница!—рѣшительно сказалъ онъ.—Чья?

— Гончаревскаго.

— Но у меня, миленькій, говори, что это его жена. А то хоть матери и сестры и нѣтъ дома, а все неловко...—Халевичъ съ чувствомъ сжалъ руку пріятеля и забѣгалъ глазами по сторонамъ.—А теперь я помчусь готовиться къ пріему.

Столбунскій улыбнулся.

— Чему ты смѣешься?

— Тому, что ты ѣдешь вовсе не къ пріему готовиться, а отъ жнива у тебя голова кругомъ пошла. А напрасно: ты бы помогъ мнѣ поухаживать за Никитой.

— Зачѣмъ?

— Можетъ быть, я и спустилъ бы ему лѣсъ.

Халевичъ съ глубокимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Столбунскаго.

— Это—Кастилія, Инезилія, Мантилія, Севилія, а не лѣсъ! —сказалъ онъ и ушелъ.

Часа въ три всѣ, кромѣ Гончаревскаго, такъ и пропавшаго на охотѣ, сидѣли въ гостиной Халевича, которою тотъ въ душѣ очень гордился,—большой комнатѣ съ куполомъ, разрисованнымъ подъ лѣпную работу,—перелистывали альбомы фотографическихъ карточекъ и—такое ужъ это каторжное занятіе—зѣвали. Одинъ только Кесарійскій, не безъ юмора, съ искорками въ глазахъ, забавно ёжа ротъ, посматривалъ на разрисованный потолокъ, на плохіе, олеографическіе пейзажи по стѣнамъ и на изображеніе свирѣпаго итальянскаго бандита, свирѣпо глядѣвшаго на гостей и до половины вытащившаго изъ ноженъ кинжалъ. „Чтò бы тебя живымъ поселить въ этомъ уѣздѣ и заставить тутъ разбойничать!“—думалъ Кесарійскій и представлялъ себѣ, какое глупое выраженіе получило бы это театрально-злодѣйское лицо уже на третій день пребыванія бандита среди болотъ, клюквы, мужичья съ дубьемъ и становыхъ.

Халевичъ все не хотѣлъ разойтись и при гостяхъ изображалъ стереотипнаго хозяина, принимающаго и занимающаго гостей. Зато за кулисами онъ ужасно суетился съ обѣдомъ, безпрестанно выбѣгая. Въ одно изъ такихъ исчезновеній онъ высунулся изъ-за двери и поманилъ къ себѣ Столбунскаго.

— Чтò пьетъ Никита Степановичъ? — испуганно спросилъ онъ, и вдругъ хлопнулъ себя по лбу. — Вѣдь онъ, помнится,

одно какое-то пьетъ. А? Ты, кажется, выписалъ это вино, когда ждалъ ихъ въ прошломъ году.

— Выписалъ,—улыбаясь, отвѣтилъ Столбунскій.

— Душка, милый, ангелъ... — умильно, сладко и униженно началъ Халевичъ, но вдругъ сталъ солиденъ и независимъ.— Надо послать за нимъ на вокзалъ.

Вокзалъ былъ въ тридцати верстахъ, а обѣдъ нужно было подавать черезъ часъ.

— Посылай,—хладнокровно сказалъ Столбунскій.

— Какъ оно называется?—торопливо говорилъ Халевичъ.— Напиши мнѣ, голубчикъ. — И Халевичъ заметался по комнатѣ, какъ будто бы ища пера и бумаги.—Только яснѣй напиши... Или ужъ лучше послать въ городъ?

До города было сорокъ верстъ.

— Посылай,—съ прежней невозмутимостью отвѣчалъ Столбунскій, стараясь не смотрѣть на пріятеля.

На мгновеніе темные глаза Халевича сверкнули ненавистью, и онъ въ напряженномъ молчаніи снова сталъ искать по комнатѣ бумагу и перо. Вдругъ онъ схватилъ Столбунскаго за обѣ руки, нѣсколько откинулся назадъ и сталъ пристально и преданно смотрѣть ему въ глаза.

— Душка! Выручи! Одолжи твоего вина!—заговорилъ онъ.— Или лучше продай. А то, хочешь, возьми за вино моего жеребца. Хочешь? Ей Богу, отдамъ. Ей Богу, сейчасъ велю къ тебѣ отвести, на арканѣ.

— Кто же англійскихъ жеребцовъ водитъ на арканѣ?!—не выдержавъ, расхохотался Столбунскій.

— Ну, на поводу,—дураковато улыбаясь, сказалъ Халевичъ.

— Посылай за виномъ ко мнѣ.

Халевичъ совершенно серьезно, молча поцѣловалъ пріятеля и очень натурально вздохнулъ отъ избытка благодарности. Потомъ, уже уходя и какъ бы между прочимъ, онъ прошепталъ:

— Такъ, пожалуйста, насчетъ этой-то... моимъ холуямъ скажи какъ-нибудь, что она—жена Гончаревскаго. Самъ знаешь, мать, сестра...—И онъ пожалъ плечами, досадуя и сожалѣя, что ему судьба совсѣмъ некстати навязала мать и сестру.

Обѣдъ, по суетливости хозяина, сильно опоздалъ, и гости сѣли за столъ часовъ въ шесть, втайнѣ недовольные. Халевичъ продолжалъ разыгрывать свѣтскаго помѣщика. Въ срединѣ обѣда мимо оконъ прогремѣлъ экипажъ. Халевичъ, сидѣвшій лицомъ къ окнамъ, даже поблѣднѣлъ.

— Волькорнъ!—воскликнулъ онъ.

Столбунскій поморщился.

— Чтò дѣлать,—сказалъ онъ.—Если наши гости согласятся видѣть въ немъ только зрѣлище, это будетъ любопытно. Это одно изъ здѣшнихъ нашихъ начальствъ.

— И, господа, при немъ не много разговаривайте,—прибавилъ Халевичъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но лицо его засіяло восторгомъ, онъ едва успѣлъ отереть салфеткой губы, всталъ изъ-за стола и, разставивъ руки, пошелъ на встрѣчу гостю.

— Николай Александровичъ! Какъ мило, какъ кстати!—говорилъ онъ, горячо лобызаясь и обнимаясь съ вошедшимъ. — Вотъ, это по-дружески. И винцо у насъ, батенька, припасено такое, что чудо!

Вошедшій былъ очень высокъ, ширококость, съ длинной бородой и длинными, причесанными назадъ, полусѣдыми волосами. Лицо его, худое и землистаго цвѣта, было чрезвычайно благородно, точь-въ-точь оперный Фаустъ въ прологѣ. Но большіе сѣрые глаза сверкали жидкимъ, недобрымъ, нездоровымъ и ужъ очень малоблагороднымъ блескомъ. Одѣтъ онъ былъ въ отлично сшитый, но старый и неряшливый сюртукъ.

— Вино?! — воскликнулъ онъ и, полуобнявъ Халевича за талію и самъ направляясь, свѣтски и съ хорошей манерой, къ столу, не торопясь продекламировалъ какое-то итальянское двустишіе о винѣ.

Халевичъ познакомилъ его съ Кесарійскимъ.

— Ба, синьоръ говоритъ по-итальянски!—на томъ же языкѣ воскликнулъ Кесарійскій.

Гость отвѣтилъ новымъ итальянскимъ стихомъ, восхвалявшимъ прелесть итальянскаго языка, и совершеннымъ джентльменомъ пожалъ руку Дровяникову.

— Помоги его скорѣе напоить и спровадить спать! — шепнулъ на ходу Халевичъ Столбунскому и представилъ гостя Катеринѣ Ивановнѣ. Вольскорнъ поклонился ей, какъ свѣтской дамѣ, сѣлъ около нея и съ изысканной любезностью заговорилъ съ нею по-французски. Замѣтивъ, что она не понимаетъ, онъ заговорилъ съ Дровяниковымъ, и опять съ большимъ тактомъ, не по провинціальному, не о Дровяниковѣ, не о его желѣзной дорогѣ, а о чемъ-то совершенно постороннемъ и свѣтскомъ. Никита Степановичъ выразилъ на своемъ лицѣ капризную гадливость, и Вольскорнъ заговорилъ съ Кесарійскимъ о его послѣдней архитектурной работѣ. Въ промежуткахъ онъ выбралъ рюмку побольше, налилъ водки и выпилъ, и тутъ уже сказался пьяница,

совсѣмъ не свѣтскій: онъ слезливо сморщился и крякнулъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ снова обратился къ Катеринѣ Ивановнѣ, уже по-русски, и, сейчасъ же разгадавъ ее, передъ второй рюмкой чокнулся съ нею.

— Какъ жаль, что нѣтъ дома милыхъ хозяекъ! — сказалъ Волькорнъ, выбирая кусокъ селедки. — Нѣкому принять вашу гостью,—обратился онъ къ Халевичу, и его глаза съ злой силой вонзились въ него.

Но Халевичъ не сморгнулъ. Онъ налилъ себѣ рюмку вина и протянулъ ее къ Волькорну.

— Да, жаль,—мимоходомъ сказалъ онъ.—Ну, чокнемтесь!—весело воскликнулъ онъ.—За вашу милую супругу!

— Его жена — содержала одно веселое заведеніе; она его купила за пятнадцать тысячъ, — шепнулъ Столбунскій Дровяникову.

Волькорнъ при тостѣ Халевича слегка дрогнулъ и поблѣднѣлъ, но глаза его заблистали до веселости, до восхищенія злобно.

— Когда мы мѣняемся ударами комплиментовъ, летятъ искры. Я это люблю, — сказалъ онъ, чокнулся съ Халевичемъ и выпилъ.

Послѣ этой, третьей, рюмки стало уже совсѣмъ видно, что старая, когда-то элегантная машина испорчена въ конецъ, испорчена до того, что ее слѣдуетъ бросить. Началось съ того, что Волькорнъ, довольно некстати, сталъ вспоминать, какъ онъ учился въ пажескомъ корпусѣ и игралъ съ сильными міра сего въ пятнашки. За этимъ послѣдовали воспоминанія о службѣ въ гвардіи и о петербургской жизни. Волькорнъ сдѣлалъ даже такой промахъ противъ свѣтскости, что похвастался, что у него была очень дорогая пріятельница, но онъ выразился безъ обиняковъ.

— И вотъ, послѣ шума и блеска столицы,—закончилъ онъ,—я отдалъ всего себя на служеніе моему бѣдному, забитому народу, который я защищаю въ этой окраинѣ отъ нашихъ общихъ друзей.—И онъ поклонился Халевичу и Столбунскому.

За этимъ послѣдовала на чистомъ англійскомъ языкѣ цитата о народѣ и свободѣ изъ Байрона, котораго онъ назвалъ щегольски „Бирономъ", на французскій ладъ.

— Каждый понимаетъ свободу по своему,—продолжалъ онъ:—Станиславъ Людвиговичъ Халевичъ подразумѣваетъ подъ ней право стрѣлять въ богомолокъ. Я недавно разбиралъ это интересное дѣло и имѣлъ слабость оправдать моего друга...

— Развѣ я стрѣлялъ!—перебилъ Халевичъ.—Я только раз-

билъ пистонъ незаряженнымъ ружьемъ. Пусть не шляются. Вѣдь каждый день! И все собираютъ какому-то ксендзу на ризы, чортъ ихъ побери!

Волькорнъ выслушалъ это, склонилъ голову въ знакъ того, что Халевичъ кончилъ, и продолжалъ:

— Я понимаю свободу иначе. Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons! И я это подготовляю всѣми моими силами, защищая мой бѣдный народъ противъ здѣшнихъ пановъ. Не правъ ли я? — спросилъ онъ, обращаясь къ Дровяникову. Дровяниковъ нервно и недовольно шевельнулся. Одинъ Кесарійскій съ глубокимъ и печальнымъ любопытствомъ разсматривалъ Волькорна. Волькорнъ замѣтилъ движеніе Дровяникова, по его лицу внезапно пробѣжала тяжелая страдальческая судорога, и онъ вдругъ сталъ добрѣе, глаза его сдѣлались печальны.

— Господа,—обратился онъ къ Дровяникову и Кесарійскому:—если я не ошибаюсь, наши хозяева—ваши друзья. Я не шучу словомъ: „другъ", я его понимаю, я цѣню дружбу. На свѣтѣ жить холодно, господа. Жизнь грѣетъ—любовь и дружба. Правда, что есть такія стынущія жизни, которыхъ ничѣмъ не сдѣлаешь теплѣе... Такова моя жизнь. Не будьте же жестоки, не бросайте въ меня комками льду...

Всѣ притихли. Голосъ Волькорна звучалъ серьезно, почти строго и печально.

— Я ѣзжу въ этотъ домъ вашихъ друзей,—продолжалъ старикъ, вдругъ возвышая голосъ и выпрямляясь, — для того, чтобы хоть немного отдыхать. Я во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ разбитый, безвозвратно, въ дребезги. Починить меня нельзя, но забываться съ людьми, которые пока чище меня, я еще могу. Это капля воды горящему въ огнѣ. Не отравляйте этой капли. Господа, я съ гордостью могу сказать, что ваши друзья въ то же время и мои друзья. И я заслужилъ ихъ дружбу. Станиславъ Людвиговичъ, скажите, что это неправда...—вдругъ обратился онъ къ Халевичу.

Дровяниковъ и Кесарійскій изумленно осматривали присутствующихъ. Столбунскій и Халевичъ были серьезны. Глаза Халевича потемнѣли, лицо напряженно разгладилось. Онъ порывисто всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Волькорну и крѣпко поцѣловалъ его въ лобъ.

— Нѣтъ, вы говорите правду, — сказалъ онъ. Волькорнъ сидѣлъ, опустивъ голову.

— Вы вашимъ друзьямъ говорили обо мнѣ дурно? — негромко спросилъ онъ Халевича.

— Дурно, голубчикъ.

— Передъ самымъ моимъ приходомъ? Имъ ужъ все извѣстно? —спрашивалъ Волькорнъ, и въ его голосѣ послышалось что-то очень горькое, но не злое...

— Да, да,—отвѣтилъ на оба вопроса Халевичъ.

Волькорнъ помолчалъ. Потомъ онъ медленно налилъ вина, очень крѣпкаго, въ большой стаканъ, полно, до краевъ, обвелъ всѣхъ взглядомъ—взглядъ этотъ встрѣчалъ печальные, но не злые взгляды—и сказалъ, протянувъ стаканъ на середину стола:

— Господа, кто броситъ въ меня камнемъ? Кто откажетъ мнѣ въ милостынѣ?

И сейчасъ же всѣ стаканы протянулись къ Волькорну. Его рука задрожала, расплескивая вино; онъ поспѣшилъ его выпить однимъ духомъ и отвалился къ спинкѣ стула.

— Благодарю,—прошепталъ онъ.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Дровяниковъ опять безпокойно зашевелился, но на этотъ разъ не отъ неудовольствія. Глаза его горѣли.

— Удивительные люди! удивительные люди!—какъ бы про себя, но обращаясь ко всѣмъ, проговорилъ онъ. — Богъ ихъ знаетъ, о другихъ такихъ только читать можно.—И онъ указалъ на Столбунскаго и Халевича. Потомъ онъ налилъ себѣ вина.— За ваше здоровье!—громко сказалъ онъ.

Шумно чокнулись. Халевичъ, глаза котораго уже нервно загорѣлись, толкнулъ Столбунскаго и шепнулъ ему:—А съ лѣсомъ все-таки ничего не подѣлаешь.

Халевичъ послѣ этой сцены вдругъ превратился въ настоящаго Халевича. Онъ выпилъ стоявшій передъ нимъ стаканъ вина, подумалъ, потомъ поднялъ голову и началъ:

— Господа, помните вы въ Петербургѣ у Пивато эпизодъ съ моими подтяжками?

— На которыхъ были вышиты розы и незабудки,—подхватилъ Кесарійскій.

— Да, да, розы и незабудки. Какъ онъ помнитъ!—удивился Халевичъ.—Помните, тогда мы докутились „до полотеровъ", до восьми часовъ утра. Ровно въ половинѣ восьмого вы меня лечили отъ ужаснаго припадка морской болѣзни, раздѣли и обложили компрессами...

— А вы,—снова перебилъ Кесарійскій,—держали въ рукахъ подтяжки, сокрушенно на нихъ глядѣли и каялись въ томъ, что вы недостойны той, кто ихъ вышивалъ.

— Ихъ вышила моя невѣста, кузина Викторія. Слушайте,

чѣмъ кончились эти подтяжки съ розами и незабудками. Кончилось это худо, но еслибы не мой другъ, господинъ Волькорнъ— могло бы быть и еще хуже...

Всѣ притихли, видя, что готовится цѣлая исторія. И Халевичъ началъ, вставая, садясь, наливая сосѣдямъ вино, закуривая и бросая папиросы, изображая все въ лицахъ, то хохоча отъ всей души, то огорчаясь. Онъ быстро одушевился и вновь явился великолѣпнымъ болтуномъ, какимъ его знали прежде, веселымъ, ядовитымъ, изумительно наблюдательнымъ, карикатурнымъ, нескончаемымъ и немножечко безтолковымъ.

Сначала были описаны дѣйствующія лица. Кузина Викторія — вертушка, тараторка, кокетка и богомолка. Самъ кузенъ Стась — чувствительный, чувственный деревенскій паничишко, нервный и сорванецъ. Лукавая, толстая тетка, мать кузины. Дядя — отставной майоръ, хвастунъ и враль, подъ башмакомъ у жены. Мать кузена—хохотунья и плакса, легкомысленная и угнетаемая мрачными предчувствіями, заботливая хозяйка и цѣломудренная. „Не вѣрю я женщинамъ, охъ, не вѣрю: у всѣхъ у нихъ есть чортикъ, который вдругъ одурить ее, — и пропало дѣло, болталъ закусившій удила Халевичъ, — а матери вѣрю. И при мужѣ, и послѣ мужа“...— Халевичъ! — съ упрекомъ остановилъ его Столбунскій. Халевичъ кивнулъ головой: спасибо, молъ, что остановилъ вѣ-время, и перешелъ къ исторіи любви кузины Викторіи и кузена Стася, тянувшейся лѣтъ пять.

Сначала—поцѣлуи и ласки, украдкой, за спиной у матери, при подсаживаньѣ на лошадь, при переноскѣ черезъ лужу, поцѣлуи и ласки, сейчасъ же забывавшіеся. Потомъ случайная встрѣча поздно вечеромъ на таинственной тропинкѣ, которая въ помѣщичьихъ усадьбахъ обыкновенно ведетъ отъ задняго крыльца къ кусту сиреней. Громкій смѣхъ сопровождалъ это признаніе. Послѣ этого кузену подарили знаменитыя, собственноручно вышитыя подтяжки... Чрезъ годъ любовь случайно вспыхнула ярко и жарко — и загорѣлась. Начались свиданія, устроиваемыя съ сумасшедшей смѣлостью въ комнатѣ, рядомъ со спальней матери, сестры и тетки, гдѣ спала и откуда должна была выходить кузина. Кузенъ жилъ отдѣльно, во флигелькѣ и лазилъ въ комнату черезъ окно. Возвращаясь, онъ каждый разъ руками заметалъ свои слѣды на пескѣ дорожки.

Однажды влюбленные сидѣли на обычномъ диванѣ у окна. Ночь была лунная, и мѣсяцъ освѣщалъ ихъ какъ днемъ. Они были такъ увлечены, что не замѣтили, какъ легкій вѣтерокъ время отъ времени постукивалъ плохо притвореннымъ окномъ.

Вдругъ въ сосѣдней залѣ раздаются шаги босыхъ ногъ. *Она* прячется съ ногами ему за спину. *Онъ* подбоченивается, какъ можно шире, чтобы закрыть ее. Дверь отворяется, и показывается старая экономка, въ ночной кофточкѣ и со свѣчей въ рукѣ. Она идетъ прямо на нихъ. *Онъ* оглядывается и видитъ, что *ея* нѣтъ, а вмѣсто нея—бѣлый комочекъ, величиной съ кулакъ, не больше,—ей Богу, пусть его мать умретъ, если больше! Экономка ближе — онъ, затаивъ дыханье, подбоченился шире. Экономка еще ближе—онъ отъ страха вытаращилъ глаза и оскалилъ зубы. Экономка у окна; протягиваетъ руку; плотно запираетъ окно; дѣлаетъ пол-оборота назадъ — и видитъ у самаго своего лица огромныя глазища, пожирающія ее, оскаленные зубы, адски усмѣхающіеся, и сверхъестественно подбоченившееся туловище. „Извините!“ —и экономка исчезаетъ.

Черезъ пять минутъ весь домъ на ногахъ. Всѣ, и *она* въ томъ числѣ, въ ужасѣ смотрятъ на диванъ. *Его* еле добудились въ его флигелѣ, и, когда онъ пришелъ, ему разсказываютъ, что только-что вотъ на этомъ диванѣ экономка видѣла призракъ его покойнаго отца: въ одномъ бѣльѣ, съ вытаращенными, огненными глазами, съ оскаленными зубами и подбоченившимся.

На другой день въ ближайшемъ костелѣ служили торжественную заупокойную обѣдню. *Она* молилась усерднѣе всѣхъ, такъ что мать кузена со слезами расцѣловала ее. *Она* тоже расплакалась, тоже цѣловалась и говорила, что теперь душа покойника навѣрное успокоилась. „Молилась о дядѣ, какъ о родномъ отцѣ“, съ чувствомъ повторяла она нѣсколько разъ...

Дальше-больше, дальше-больше, и кончилось тѣмъ, что кузенъ жить не могъ безъ кузины.—И вѣдь морда была, какъ я теперь вижу! — воскликнулъ онъ, и въ удостовѣреніе бросился рыться въ альбомахъ и принесъ карточку кузины.

Наконецъ, рѣшено было жениться, два года тому назадъ. Но кузина почему-то просила никому не говорить объ этомъ. Вскорѣ послѣ этого она уѣхала съ родителями въ Вильну. Вдругъ получается изъ Вильны письмо отъ другой кузины, которая, между прочимъ, пишетъ, что Викторія, счастливица, черезъ два мѣсяца выходитъ замужъ за очень хорошенькаго и богатаго помѣщика. Кузенъ внѣ себя летитъ въ Вильну; кѣмъ-то извѣщенная кузина съ родителями—изъ Вильны домой, въ деревню, здѣсь по близости. Кузенъ—домой, они—въ Вильну. Кузенъ за ними, онѣ—снова домой.—„И вѣдь это дѣйствительно такъ и было“,—подтвердилъ Столбунскій.—„Рублей въ шестьсотъ я имъ эти перелеты вогналъ!“ — торжествуя, воскликнулъ Халевичъ. Наконецъ, онъ поймалъ

ихъ въ деревнѣ: тетку въ кухнѣ—смотрѣла, какъ пекли булки; дядя заперся въ кабинетѣ и заставилъ дверь комодомъ; кузина неизвѣстно гдѣ скрылась,—говорятъ, на чердакѣ. Тетка со страху упала на колѣни. Дядя изъ-за двери кричалъ, что онъ сейчасъ же отправитъ негодяя на конюшню и на попонѣ всыплетъ ему сто бизуновъ; но когда этотъ негодяй сталъ ломиться въ дверь, дядя началъ кричать караулъ. Изъ заднихъ комнатъ появилась сѣдая бабушка, съ крестомъ въ рукѣ, и, почти обмирая со страха, начала напоминать кузену, своему внуку, какъ она носила его на рукахъ, младенцемъ, и какъ онъ ей говорилъ тогда: „я, бабуня, Косцюшко, и ты—мой конь“. Онъ плюнулъ и уѣхалъ.

Тутъ началась трагедія. Вышитыя подтяжки были сожжены. Двѣ лошади загнаны на безумной скачкѣ по лѣсамъ и болотамъ. Бѣдная мать!.. Тутъ слѣдовало длинное отступленіе о томъ, какъ Халевичъ любитъ мать; какъ онъ, когда она захворала холерой, сдѣлалъ въ три часа шестьдесятъ верстъ, чтобы привезти доктора; и какъ мать, выздоровѣвъ, какъ будто помѣшалась и, еле живая, все лазила подъ диваны и шкафы, вытирать пыль, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заслуживать тотъ хлѣбъ, которымъ ее кормили дѣти. Итакъ, бѣдная мать и сестра Зося не смѣли къ нему подступиться. Онъ сдѣлался такого цвѣта, какъ черный горшокъ для молока, и распухъ вотъ такъ, вотъ (слѣдовало кругообразное движеніе руками, очертившее у головы шаръ діаметромъ въ два аршина). Наконецъ, онъ слегъ въ постель, положивъ рядомъ съ собой заряженное ружье, и двое сутокъ не вставалъ, но и не спалъ. На третьи сутки онъ началъ видѣть на потолкѣ, и особенно на печкѣ, не чертиковъ, а котятъ: сѣренькіе съ полосками, глазки зеленые, сидятъ и умываются или блохъ ищутъ. Это его такъ перепугало, что онъ пришелъ немного въ себя и верхомъ полетѣлъ къ Столбунскому. Того не оказалось дома. Тогда что-то толкнуло его къ Вольхорну.

— До того времени, вы знаете, я ненавидѣлъ васъ, какъ послѣдняго конокрада!—вдругъ обратился онъ къ Вольхорну.— А съ тѣхъ поръ, господа, я его люблю. Безъ него, ей Богу, я удавился бы. Насмѣялись надо мной, наплевали, бросили какъ старую онучу. Вотъ меня и мучило, страшно мучило, что я—старая онуча, — былъ, есть и буду. И вотъ этотъ старикъ, какъ дважды два, доказалъ мнѣ, что я, самъ того не зная, чистъ и мученикъ... И повозился-таки онъ со мною: дня два я и плакалъ, и хотѣлъ стрѣляться, и начиналъ пить, и ругалъ весь свѣтъ, а больше всего его... О, что я ему говорилъ!.. Бѣдняга!.. А онъ наньчился со мной, какъ мать, какъ сестра милосердія...

Халевичъ не вытерпѣлъ, еще разъ подошелъ къ Волькорну и поцѣловалъ его. Въ то же время онъ, дѣйствительно возбужденный, нервный, растроганный, съумѣлъ мигнуть Столбунскому, чтобы тотъ налилъ Волькорну стаканъ вина. Самъ онъ взялъ маленькую рюмку, до половины пустую.

— Ваше здоровье, дорогой мой Николай Александровичъ!— воскликнулъ онъ, чокаясь съ Волькорномъ.

Этотъ стаканъ свалилъ старика. Онъ сталъ хлопать глазами, плохо попадалъ папиросой въ ротъ и молча согласился на предложеніе Халевича заснуть минуточку послѣ обѣда.

— А что, mon cher, говорилъ Волькорнъ, укладываясь на диванѣ въ задней комнатѣ:—я думаю, вашъ купчина въ первый разъ наслушался столькихъ непонятныхъ для него иностранныхъ цитатъ.

— Успокойтесь, онъ всѣ эти языки понимаетъ свободно.

— Браво! Ай да „третье сословіе"! Дворянство, mon cher, гибнетъ: дворянство—это я... А все-таки у него, у „третьяго сословія", на лицѣ всегда написано опасеніе, опасеніе до испарины, какъ бы, по закону наслѣдственности, вдругъ не рыгнуть рѣдькой съ квасомъ. Вы замѣтили? Испугъ и легкая испарина въ обществѣ, и брутальность и крупный потъ въ своей компаніи...

Халевичъ осклабился. Ему смерть захотѣлось развить эту тему съ Волькорномъ, въ два ядовитыхъ языка. Но еще живѣе овладѣло имъ другое желаніе, и лишь только онъ вернулся къ гостямъ, онъ, оглядываясь на дверь, громкимъ шопотомъ воскликнулъ:

— Вотъ вамъ нашъ обруситель! Хорошъ?!

И расходившійся Халевичъ ударился въ политику. Цѣлые томы можно было бы наполнить тѣмъ, что онъ успѣлъ наболтать въ одно послѣ-обѣда.

Обѣдъ безъ перерыва перешелъ въ попойку. Появился съ охоты Гончаревскій, поѣлъ и тоже плотно присѣлъ къ вину. Халевичъ угощалъ усердно. Гости слегка осовѣли, но воодушевленный хозяинъ не давалъ пьянѣть. Болтали, спорили, хохотали. Халевичъ и Столбунскій посвящали гостей въ тайны своей деревенской жизни. Жить тутъ, въ глуши, среди распущенныхъ мужиковъ, среди еще больше распущенныхъ, обѣднѣвшихъ и озлобленныхъ помѣщиковъ, подъ опекой чиновниковъ, образчикъ которыхъ гости видѣли въ Волькорнѣ, было трудно.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ,—сказалъ Кесарійскій,—продалъ имѣніе и сталъ бы просто жуировать, эпикурейски жуировать. Вы молоды, сильны, свѣжи, и, право же, вы грѣшите противъ

своей молодости, зарывъ себя здѣсь, работая безъ результатовъ, живя съ какими-то человѣко-волками. Жизнь дается только одна, и надо провести ее по возможности лучше. Жизнь должна быть радостью, а вы сами себя сослали на поселеніе...

— Вѣдь я вамъ сегодня утромъ говорилъ, что вы можете помочь мнѣ устроиться,—въ полголоса сказалъ Кесарійскому Столбунскій.

Кесарійскій добродушно разсмѣялся.

— О, бѣлоруссъ упрямый!—воскликнулъ онъ.

— Ему говорятъ дѣло, а онъ выдумалъ что-то чудаческое и стоитъ на своемъ... Кто это такая?—спросилъ онъ Столбунскаго, указывая на фотографію въ альбомѣ, который онъ перелистывалъ.

Онъ указывалъ на портретъ молодой дѣвушки, съ широкими плечами и небольшой миловидной головкой, обвитой густою косой. По нѣсколько большому рту и очертанію глазъ сейчасъ же можно было узнать сестру Халевича; но глаза смотрѣли гораздо добрѣе; искорка лукаваго смѣха, которая была у нея, какъ и у брата, лишь придавала добротѣ ея глазъ особую, умную прелесть.

— Премилая,—сказалъ Кесарійскій.

Пока онъ разсматривалъ портретъ, грудь Столбунскаго дышала быстрѣе, губы пріоткрылись, а лицо стало мягкимъ — и свѣтлымъ. Онъ вдругъ обнялъ Кесарійскаго за плечи и что-то шепнулъ ему.

— Это рѣшено?—радостно спросилъ Кесарійскій.

— Да. Но это еще секретъ отъ всѣхъ.

— Эта любовь не похожа на любовь Халевича?—спросилъ архитекторъ.

Столбунскій не обидѣлся.

— Ну,—спокойно сказалъ онъ. Я полюбилъ,—онъ запнулся на этомъ словѣ, слегка покраснѣлъ, но продолжалъ:—я полюбилъ не мальчишкой, уже продѣлавъ всѣ эти безтолковыя исторіи.

— И женитесь?

— Конечно.

— Когда?

— Послѣ того, какъ вы продадите мой лѣсъ.

Кесарійскій опять разсмѣялся.

— Чудакъ! Упрямый чудакъ! повторялъ онъ.

Въ это время Халевичъ, съ которымъ Никита Степановичъ еще до обѣда шептался, указывая на Катерину Ивановну, сталъ усиленно за нею ухаживать. Дровяниковъ весело похаживалъ отъ одного къ другому, попивалъ и то прислушивался, то самъ го-

ворилъ. Когда ему стало ужъ совсѣмъ весело и пріятно, онъ сѣлъ за фортепіано и сталъ пѣть, и запѣлъ молодцомъ.

Первые же звуки музыки просто удивили Столбунскаго. Отъ вина ли, или послѣ двухъ дней нервной жизни, или подъ вліяніемъ недавнихъ словъ Кесарійскаго, они подѣйствовали на него съ неожиданной силой. Давно уже онъ не испытывалъ ничего подобнаго, и онъ отдался этому обаянію почти съ жадностью. Его кровь вдругъ забилась и побѣжала по жиламъ, какъ рѣчка, прорвавшая плотину. Его воображеніе, неожиданно для него самого, вдругъ залетѣло Богъ знаетъ куда. По непонятной прихоти, почти къ его испугу, оно вдругъ открыло ему давно забытое прошлое, его раннюю молодость. Вдругъ онъ самъ помолодѣлъ, и это было невыразимо сладко: молодыя, нѣжныя и прекрасныя, какъ только-что распустившійся belle de jour, силы молодости, ея тонкія, благоухающія мечты, ея вѣра, ея ожиданія, ея плачущія отъ жажды счастья ночи, ея знойные дни счастья. Да, это было невыразимо сладко. Но въ то же время почти безумная тоска присоединилась къ этой сладости: едва припекло солнцемъ, нѣжный цвѣтокъ завялъ. Что же теперь замѣнитъ молодость?!...

Никита Степановичъ вдругъ прервалъ свое пѣнье, всталъ и положилъ ему на плечи свои руки.

— Столбунскій,—сказалъ онъ ласково и какъ будто конфузясь:—Столбунскій, поѣдемъ съ нами!

— Браво, Никита! Конечно, ѣдемъ!—воскликнулъ Кесарійскій,—тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній. Я только-что говорилъ...

— Мы еще застанемъ бой быковъ,—продолжалъ Никита Степановичъ.—Дорога не будетъ...—началъ онъ, но умолкъ, взглядомъ прося Кесарійскаго помочь.

— Ѣдемъ, Столбунскій, — заговорилъ тотъ, сейчасъ же понявъ Никиту Степановича.—И туда, и назадъ поѣдемъ въ нашемъ вагонѣ, такъ что дорога обойдется самые пустяки.

Столбунскій молчалъ. „А вѣдь Кесарійскій правъ,—думалъ онъ:—свобода и наслажденія только и могутъ хоть отчасти замѣнить молодость“. И разгулявшееся воображеніе занесло его далеко-далеко отъ дома, отъ страны, гдѣ онъ жилъ. Изъ холода, изъ ночной росы, похожей на холодную испарину больного, изъ утреннихъ тумановъ и влажныхъ лѣсовъ, оно перенесло его на горячій югъ. Ни заботъ, ни труда, ни прочныхъ привязанностей, ни тяжелыхъ обязанностей, и красота, и наслажденія...

Столбунскій провелъ рукой по лицу.

— Нѣтъ, не поѣду,—негромко сказалъ онъ.

— Какъ это глупо!—не удержавшись, воскликнулъ Кесарійскій, а Дровяниковъ по обыкновенію круто отвернулся.

— Надо себя обуздывать,—проговорилъ Столбунскій и, пожимая плечами, прибавилъ почти про себя:—что можетъ быть глупѣе прокутившагося жуира?!

— Да, не поѣду!—встрепенувшись заговорилъ онъ.—Большое вамъ спасибо за приглашеніе, но не мѣшайте мнѣ. Дайте мнѣ устроиться, какъ я хочу, и если тогда повторится такая славная минута, я—вашъ. Впрочемъ, если и не повторится, я постараюсь вызвать ее.

Кесарійскій и Дровяниковъ недовольно переглянулись. Осмотрѣвшись, собесѣдники увидѣли, что они въ комнатѣ одни. Уже горѣли свѣчи и пробило девять часовъ.

— Однако пора домой,—сказалъ Кесарійскій.—Завтра вѣдь надо рано подыматься къ поѣзду.

Въ это время въ комнату вошли сначала Халевичъ, подъруку съ Катериной Ивановной, а за ними Гончаревскій! Катерина Ивановна сейчасъ же оставила Халевича и сѣла у окна, какъ-то оскорбленно кутаясь въ платокъ. Халевичъ былъ красенъ и болталъ съ живостью, неестественной даже для него. Гончаревскій былъ тоже оживленъ, что было уже почти противоестественно. Оба удивительно заинтересованно говорили о томъ, какъ странно всходитъ луна. Халевичъ сейчасъ же подошелъ къ Дровяникову.

— Какъ, уже ѣхать? Да подождите еще!—воскликнулъ онъ, въ отвѣтъ на просьбу о лошадяхъ, и затѣмъ тревожнымъ шопотомъ добавилъ:—ну, батенька, влопался такъ, какъ и не желалъ. Ужъ слишкомъ!

Никита Степановичъ въ изумленіи взглянулъ на Халевича, на Катерину Ивановну, на Гончаревскаго—и радостно потеръ руки.

— Я васъ расцѣлую потомъ!—шепнулъ онъ Халевичу.

VIII.

Когда садились въ экипажи, луна была, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ странная. Она всходила въ облакахъ, и отъ нея видѣнъ былъ только средній поясъ, широкій и красный, какъ мѣдь. Вечеръ былъ темный и теплый.

— А что же вы забываете свою даму, Станиславъ Людви-

говичъ? — проговорилъ Гончаревскій, когда всѣ толпились на крыльцѣ.—Предложите ей руку и усадите. Будьте любезнымъ до конца и послѣ конца.

И Гончаревскій направился въ задній экипажъ, гдѣ уже сидѣлъ Кесарійскій.

Халевичъ съ чрезвычайной любезностью засмѣялся, но руки не предложилъ. Катерину Ивановну повелъ въ экипажъ Никита Степановичъ, пришедшій въ самое лучшее настроеніе, и усѣлся съ нею въ коляску, запряженную знаменитой четверней цугомъ, вмѣстѣ съ Халевичемъ и Столбунскимъ. Катерина Ивановна, сначала было-растерявшаяся, принялась усиленно кокетничать съ Дрованиковымъ. Тотъ дѣлалъ видъ, что принимаетъ это благосклонно.

Болтая, пересмѣиваясь и кокетничая, проѣхали лѣсъ и пріѣхали къ парому. На паромѣ, при Гончаревскомъ, Катерина Ивановна удвоила свой натискъ на Дрованикова. Гончаревскій удвоилъ наблюденія надъ луной. Халевичъ, очень развязный и возбужденный, держался отъ него подальше: „а вдругъ двинетъ въ ухо“, —сообщилъ онъ причину Никитѣ Степановичу. Кесарійскій успѣлъ мирно заснуть.

За паромомъ по лугу пришлось ѣхать шагомъ, и то коляску ворочало такъ, что Катерина Ивановна съ крикомъ ужаса принуждена была обнимать Никиту Степановича, чѣмъ вскорѣ и вызвала съ его стороны поцѣлуй прямо въ губы, и совсѣмъ не холодный, а за нимъ—другой, третій и, наконецъ, цѣлый рядъ, обѣщавшій сдѣлаться непрерывнымъ.

На козлахъ сидѣлъ кучеръ Халевича, Кузьма, изъ крѣпостныхъ, носившій на рукахъ не только Халевича, но еще и его отца, старый, бритый, сухой, негнувшійся и мрачный. Онъ вдругъ остановилъ лошадей.

— Пане Столбунскій,—заговорилъ онъ по-польски, отчетливо и медленно выговаривая, въ промежуткахъ тпрукая на горячившихся лошадей, и въ его голосѣ слышался укоръ и сдержанное негодованіе.—Пане Столбунскій,—сказалъ онъ: —хіхи и хáхи, все это хорошо... Но прошу васъ взглянуть, что̀ дѣлается въ Столбунѣ.

Столбунскій, сидѣвшій на передней скамейкѣ, оглянулся, и то, что̀ онъ увидѣлъ, и укоръ, и негодованіе Кузьмы—такъ и рѣзанули его по сердцу. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Столбунъ, подымался огромный дымнорозовый столбъ пожарнаго зарева. Столбунскій понялъ, что теперь его усадьбы, со всѣми постройками, машинами и скотомъ, уже нѣтъ. Никакіе гости, никакіе ихъ

хíхи и хàхи ея не выстроятъ. Въ первую минуту онъ чувствовалъ то, чтò долженъ чувствовать приговоренный къ тюрьмѣ: мгновеніе—и впереди долгіе-долгіе годы постылой неволи. Халевичъ судорожно схватилъ Столбунскаго за руку и закричалъ:

— Ай, скотъ, скотъ! Ай, скотъ сгоритъ! Хоть бы скотъ выгнали!

— Ну, Кузьма, гони, пане, лошадей вскачь!—не торопясь и негромко промолвилъ Столбунскій измѣнившимся голосомъ.

Но Кузьма остался неподвиженъ.

— Прошу васъ отпрячь переднюю лошадь,—сказалъ онъ,—и ѣхать верхомъ. Въ экипажѣ нельзя ѣхать скоро.

Халевичъ выскочилъ изъ коляски первый. За нимъ—Столбунскій; онъ молчалъ и не торопился. Халевичъ былъ какъ въ лихорадкѣ, и его руки тряслись.

— Валькú дайте мнѣ на козлы,—размѣренно говорилъ Кузьма, сдерживая напуганныхъ суетою лошадей.—Постромки заложите за шлеи и перевяжите узломъ. Сѣдёлки тоже подайте сюда.

Но пріятели не слышали его приказаній и вскочили на отпряженныхъ лошадей.

— Да кто же мнѣ валькú сюда подастъ!?—вдругъ приходя въ ярость, закричалъ Кузьма, и хрипло и продолжительно закашлялся.

Пріятели были уже далеко, поднявъ лошадей въ карьеръ.

Халевичъ говорилъ безъ умолку, соображая, гдѣ именно горитъ въ усадьбѣ и кáкъ спастись. Онъ хотѣлъ вернуться, пересадить всѣхъ гостей въ одинъ экипажъ, а за другимъ поѣхать къ себѣ за рабочими. Хотѣлъ съѣздить за ними верхомъ. Потомъ опять начиналъ повторять:—ай, скотъ! ай, скотъ!

Столбунскій угрюмо молчалъ. „Конечно, поджогъ,—думалъ онъ:—вѣдь грозились поджечь, когда я сѣлъ на хозяйство и сталъ подтягивать мужиковъ, до меня хозяйничавшихъ въ имѣніи, какъ хотѣли“. Онъ думалъ такъ, и нехорошія мысли приходили ему въ голову. Когда онъ узналъ, что „можетъ и найдется разумный человѣкъ, да и подпалитъ паничишку“, онъ велѣлъ подъ рукой передать мужикамъ, что тогда „можетъ и найдется какой-нибудь цыганъ или бѣглый арестантъ, да и запечетъ деревню съ двухъ концовъ“. „Что-же,—думалъ онъ теперь,—неужели же наступила необходимость исполнить эту дикую угрозу?!“ Его пьянила злоба, и онъ зналъ, что исполни онъ обѣщаніе—волоска бы его потомъ не тронули, или... нашли бы его, годъ, два спустя, гдѣ-нибудь на лугу подъ колодой, потому что туда сбѣгались бы деревенскія собаки и что-то рвали...

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Столбунскій къ усадьбѣ, тѣмъ угрюмѣе онъ становился по наружности и тѣмъ злобнѣе, рѣшительнѣе и безпощаднѣе въ душѣ. Онъ билъ запыхавшуюся лошадь, правильно поднимая и опуская руку съ постромкой, и норовилъ ей большой стальной пряжкой прямо подъ животъ, побольнѣе.

Кончились луга, поднялись на песчаную гору, обогнули рощу, свѣтившуюся пожаромъ, какъ сѣтка, и увидѣли усадьбу. Она стояла спокойная, тихая и невредимая, мерцая свѣтомъ и тѣнями близкаго пожара: — горѣла деревня.

Халевичъ вскрикнулъ отъ радости. Столбунскій не повеселѣлъ: дурныя, слишкомъ дурныя мысли и чувства прошли черезъ его мозгъ и сердце.

Когда подъѣхали остальные, они нашли пріятелей на пожарѣ. Халевичъ работалъ пожарной трубой, а Столбунскій съ толпой мужиковъ ломалъ избу, рядомъ съ горѣвшей. Всѣ подошли къ Столбунскому съ такимъ выраженіемъ лица, мягкимъ, нѣжнымъ, ласковымъ, съ какимъ поднимаютъ упавшаго ребенка или развлекаютъ женщину, только-что оправившуюся отъ истерическаго припадка. И это участіе тоже кольнуло Столбунскаго, послѣ его недавнихъ мыслей.

Катерина Ивановна и Гончаревскій шли и остановились поодаль отъ другихъ.

— Оглянитесь-ка!—шепнулъ Дровяникову Халевичъ.

Тотъ оглянулся. Катèрина Ивановна стояла, гордо и оскорбленно кутаясь въ платокъ. Около нея — носатый, уродливый Гончаревскій. Онъ что-то говорилъ ей, не умолкая; на глазахъ какъ будто блистали слезы, а лицо было и печальное, и потерянное и умоляющее.

Никита Степановичъ протяжно свистнулъ. Халевичъ свистнулъ ему въ отвѣтъ.

Кесарійскій стоялъ около Столбунскаго, который вмѣстѣ съ мужиками ломалъ избу, и долго глядѣлъ на него, на его ловкія и сильныя движенія, на его озабоченное и невеселое лицо. Столбунскій замѣтилъ это и обернулся.

— Такъ трудно живется?—спросилъ Кесарійскій. Столбунскій пожалъ плечами.

— Сами видите, — рѣзко отвѣтилъ онъ.—А иначе было бы еще труднѣе,—было бы безсмысленно.

Прошла недѣля послѣ того, какъ уѣхали гости. Столбунскій, необыкновенно веселый, сидѣлъ у себя на крылечкѣ, ожидая лошадь, которую велѣлъ сѣдлать. Въ это время, верхомъ на своемъ англичанинѣ, въ воротахъ появился Халевичъ.

— А я собирался къ тебѣ!—воскликнулъ Столбунскій.

Пріятели вошли въ домъ. Халевичъ началъ-было длинно, хитро и ласково мотивированную просьбу—одолжить ему конныя грабли, но Столбунскій остановилъ его, подавъ ему полученную телеграмму. Халевичъ прочелъ и удивленно взглянулъ на пріятеля.

— А теперь,—началъ Столбунскій, и голосъ его задрожалъ,—теперь я могу просить у тебя руки твоей сестры.

Халевичъ нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно. Его лицо было совершенно серьезно. На пріятеля онъ глядѣлъ такъ внимательно, какъ будто онъ видѣлъ его первый разъ въ жизни и при обстоятельствахъ совершенно непостижимыхъ.

Онъ прошелся, остановился и вдругъ принялся душить пріятеля въ объятіяхъ.

— Ты... ты, чортъ тебя знаетъ, и въ самомъ дѣлѣ порядочный человѣкъ! — кричалъ онъ, таская Столбунскаго по комнатѣ, и даже слезы выступили у него на глазахъ. — Я, братъ, зналъ; я, братъ, видѣлъ. Но я думалъ, что у тебя другое на умѣ и... того, все время, братъ, былъ на-сторожѣ, ужъ извини...

Телеграмма была изъ какого-то городка на югѣ Франціи; она извѣщала, что Дровяниковъ покупаетъ лѣсъ Столбунскаго. Подписана она была Кесарійскимъ. Халевичъ, стыдливо умалчивая о сестрѣ, не теряя времени, въ помощь Столбунскому, приступилъ къ обсужденію хозяйственныхъ проектовъ, связанныхъ съ продажей лѣса и получкой за него денегъ. Вытащили планы, счетныя книги, каталоги машинъ и земледѣльческихъ орудій, и принялись высчитывать и разсчитывать. Халевичъ все больше разгорался и становился бодрѣе. Столбунскій вначалѣ не отставалъ отъ него, но вдругъ сталъ стихать, слабѣть и, наконецъ, улегся на диванъ въ знакомой Халевичу позѣ: на боку, ладонь руки подъ щекой, а глаза неподвижно устремленные въ пространство.

— Меланхолія!—иронически усмѣхаясь, сказалъ Халевичъ:—ужъ давно что-то ея у тебя не было!

Столбунскій молчалъ. Халевичъ снова заговорилъ — о томъ, какъ дѣлаются закупки воловъ для откармливанія бардой на нѣжинской ярмаркѣ, и снова не встрѣтилъ никакого сочувствія.

— Ну, о чемъ ты думаешь?—почти съ негодованіемъ воскликнулъ онъ.

Столбунскій опять не отвѣтилъ. Онъ никакъ не могъ перестать думать—о томъ, какъ Дровяниковъ посылалъ его, и чуть не послалъ, соблазнять Катерину Ивановну,—и о томъ, съ какими дрянными мыслями и чувствами онъ скакалъ къ себѣ домой на пожаръ. И ему настойчиво представлялись—то собачонка, на заднихъ лапахъ, съ кускомъ сахара на носу, то огромный волкъ, горящими глазами высматривающій изъ кустовъ на стадо. Это не давало ему покоя; онъ все больше и больше блѣднѣлъ и смотрѣлъ передъ собой все неподвижнѣе...

В. Дѣдловъ.

НОВѢЙШІЕ КРИТИКИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Окончаніе.

III *).

Въ странахъ, гдѣ представительное правленіе составляетъ давнишній, прочно установившійся фактъ, — преимущества демократическаго строя вовсе не обращаютъ на себя особеннаго вниманія: всѣ привыкли пользоваться свободою, не задумываясь надъ ея происхожденіемъ, и склонность къ критикѣ парламентаризма доходила иногда до неблагодарности. Французскіе и англійскіе писатели, нападающіе на парламентаризмъ, забываютъ нерѣдко, что самое право нападать на существующіе порядки принадлежитъ имъ только въ силу тѣхъ конституціонныхъ началъ, которыя они критикуютъ. Это забвеніе почвы, на которой движется современная политическая жизнь въ западной Европѣ, выражается замѣчательно рѣзко въ этюдахъ о „народномъ правительствѣ“, принадлежащихъ перу умершаго недавно изслѣдователя, сэра Генри Сомнера Мэна.

Главный доводъ, выставляемый обыкновенно противъ демократіи, — непрочность и непостоянство народнаго правленія. „Со времени введенія политической свободы во Франціи, — говоритъ Мэнъ, — правительство было свергнуто *три* раза парижской чернью — въ 1792, 1830 и 1848 годахъ; *три* раза — арміею, — въ 1797, 1799 и 1851 годахъ; *три* раза правительство разрушалось ино-

*) См. выше: май, стр. 96 и слѣд.

страннымъ нашествіемъ—въ 1814, 1815 и 1870 годахъ, причемъ нашествіе вызывалось каждый разъ французскимъ нападеніемъ, которому сочувствовала бо́льшая часть народа. Итого, оставляя въ сторонѣ ненормальный (?) періодъ отъ 1870 года до настоящаго времени, мы видимъ, что Франція съ самаго начала своихъ политическихъ опытовъ имѣла 44 года свободы и 37 лѣтъ суровой диктатуры". Въ этомъ небольшомъ счетѣ можно отмѣтить нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Паденіе Бурбоновъ и Орлеановъ доказываетъ непрочность монархіи во Франціи, а не перемѣнчивость демократическаго режима; Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ пали не вслѣдствіе избытка политической свободы, а вслѣдствіе неудачныхъ попытокъ ограничить эту свободу, вопреки конституціи. Насильственные перевороты, совершонные двумя Бонапартами, не могутъ быть причислены къ грѣхамъ демократіи; такъ же точно непріятельскія нашествія, вызванныя Наполеоновскими войнами, свидѣтельствуютъ объ опасностяхъ личной династической политики временъ имперіи, а не о слабостяхъ народнаго правленія. Непонятно также, почему періодъ третьей республики (съ 1871 г.), свободный отъ всякихъ междоусобій, переворотовъ и войнъ, долженъ считаться болѣе ненормальнымъ, чѣмъ какой-либо изъ предшествующихъ періодовъ, съ конца прошлаго столѣтія. Столь же ошибочны указанія автора изъ области новѣйшей исторіи Испаніи. „По моему счету,—замѣчаетъ онъ,—между первымъ установленіемъ народнаго правительства въ 1812 году и воцареніемъ короля Альфонса XII было 40 военныхъ возстаній серьезнаго свойства, въ большинствѣ которыхъ участвовало населеніе; девять изъ нихъ были успѣшны вполнѣ или отчасти. Только въ теченіе девяти лѣтъ послѣ 1845 и девять лѣтъ послѣ 1857 года была сравнительная, хотя и неполная, свобода отъ военныхъ замѣшательствъ". Но время отъ 1812 до 1833 г. нельзя относить къ господству демократіи, съ точки зрѣнія самого автора; ибо, по его же словамъ, „конституція 1812 года не была признана Фердинандомъ VII, и король царствовалъ неограниченно" почти до самой своей смерти въ 1833 году, благодаря поддержкѣ, оказанной ему „священнымъ союзомъ" послѣ военнаго возстанія 1820 года. Значитъ, конституціонную эпоху въ Испаніи надо считать только съ 1833 года; но можно ли серьезно говорить о народномъ правленіи при королевахъ Христинѣ и Изабеллѣ, и оно ли было причиною изгнанія этихъ королевъ и насильственнаго воцаренія Альфонса? Защитники демократіи могли бы сослаться на прочность правительства въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ верховная власть дѣйствительно принадлежитъ народу и его

представителямъ; но значеніе этой ссылки, по мнѣнію Мэна, „ослабляется, если не уничтожается, поучительнымъ зрѣлищемъ многочисленныхъ республикъ отъ мексиканской границы до Магеллана“. Въ этихъ испанско-американскихъ обществахъ наблюдается непрерывный рядъ тиранній и переворотовъ. „Такъ, въ Боливіи изъ 14 президентовъ республики 13 убито или умерло въ изгнаніи. Невниманіе къ этимъ фактамъ объясняется только тѣмъ, что испанскій языкъ мало извѣстенъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Что въ Южной Америкѣ населеніе отчасти индійской крови и подчинялось римской церкви—это не доводъ въ устахъ тѣхъ, которые считаютъ демократію одинаково доступною всѣмъ народамъ“. Къ сожалѣнію, авторъ обходитъ молчаніемъ тѣ спеціальныя условія, въ какихъ находятся указываемыя имъ страны; онъ не разбираетъ фактическихъ причинъ постоянныхъ междоусобій, раздирающихъ эти государства, а заранѣе рѣшаетъ, что все зло заключается въ „народномъ правленіи“. Выводъ Мэна является, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшнымъ и произвольнымъ; но еслибы онъ даже оказался справедливымъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ вопросу о демократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова. То, что̀ происходитъ гдѣ-нибудь въ Боливіи или въ Перу, не можетъ служить доводомъ для Франціи или Англіи, подобно тому какъ правительственная система персидскаго шаха или афганскаго эмира не можетъ быть выставляема, какъ возраженіе противъ монархическаго устройства европейскихъ державъ. Мэнъ не пытается даже объяснить, какимъ образомъ великій опытъ Соединенныхъ Штатовъ можетъ ослабляться печальной исторіею мелкихъ южно-американскихъ республикъ. „Убѣжденные сторонники демократіи,—говоритъ онъ,—мало обращаютъ вниманія на примѣры, доказывающіе непрочность демократическихъ правительствъ. Это будто бы только отдѣльные случаи торжества злого начала. Но заключеніе трезваго изслѣдователя исторіи будетъ иное. Онъ скорѣе отмѣтитъ, какъ фактъ, требующій самаго серьезнаго разсмотрѣнія, что съ того вѣка, когда римскіе императоры были въ зависимости отъ преторіанцевъ, не было еще такого непостоянства правительствъ, какое увидѣлъ свѣтъ со времени признанія правителей делегатами общества“. Чтобы дойти до правильнаго заключенія, авторъ долженъ былъ бы принять въ разсчетъ и факты, касающіеся неограниченныхъ монархій, такъ какъ только путемъ сравненія можно было бы убѣдиться въ существованіи причинной связи между непрочностью правительствъ и владычествомъ демократіи. И этого элементарнаго научнаго пріема мы не находимъ

у Мэна, вообще столь опытнаго и осторожнаго въ дѣлѣ историко-юридическихъ изслѣдованій. Даже термины, употребляемые авторомъ, не опредѣляются имъ съ надлежащею точностью; онъ говоритъ безразлично о „народномъ правленіи", идетъ ли рѣчь о конституціонномъ правительствѣ Альфонса XII или о настоящихъ республикахъ, въ родѣ сѣверо-американской или французской. Оттого и разсужденія его часто попадаютъ вовсе не въ ту цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду.

Самый вопросъ о прочности правительствъ далеко не столь простъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда. Подъ прочностью управленія можно разумѣть—во-первыхъ, незыблемость правительственной формы, монархической или республиканской; во-вторыхъ, долговѣчность министерствъ или кабинетовъ, управляющихъ страною, и въ-третьихъ, постоянство и послѣдовательность политики, преслѣдуемой министрами и правителями. Что касается формы правленія, то о прочности ея можно судить только въ примѣненіи къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго государства; очевидно, что для Соединенныхъ Штатовъ и для Швейцаріи самой прочною и непоколебимою является республика, какъ для Пруссіи или Австріи—монархія. Спорнымъ считается вопросъ только относительно Франціи. Когда говорятъ о шаткости и неустойчивости „народнаго правленія", то при этомъ думаютъ почти исключительно о нынѣшней французской республикѣ. Французское республиканское устройство уже потому кажется непрочнымъ, что оно свободно обсуждается и осуждается во Франціи, тогда какъ въ другихъ государствахъ запрещено возбуждать сомнѣнія въ превосходствѣ существующей формы правленія. При оцѣнкѣ французскаго режима смѣшиваютъ обыкновенно положеніе республики съ судьбою ея министерствъ, шаткость которыхъ имѣетъ свои особыя причины, не зависящія нисколько отъ демократическаго характера конституціи. Республика сама по себѣ, какъ правительственная форма, держится неизмѣнно уже восемнадцать лѣтъ; т.-е. она дожила до того срока, котораго не удалось пережить ни монархіи Орлеановъ, ни второй имперіи. Это продолжительное существованіе республики достигнуто притомъ безъ всякихъ рискованныхъ внѣшнихъ усилій, безъ шумныхъ предпріятій и войнъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать Наполеонъ III для утвержденія своего царствованія. Республика не должна была придумывать искусственные политическіе эффекты, которыми столь озабочены были министры Людовика-Филиппа; она не затѣвала ссоръ съ какими-либо великими державами и не вовлекала страну въ круговоротъ европейскихъ событій ради поддержанія своего пре-

стижа. Республика успѣла безъ особенныхъ затрудненій справиться съ нѣсколькими, весьма серьезными, кризисами, изъ которыхъ каждый былъ бы достаточенъ въ былое время для насильственной перемѣны правленія. Вспомнимъ парижскую коммуну 1871 года, реакціонныя попытки во время президентства маршала Макъ-Магона, печальный конецъ второго президентства Греви и, наконецъ, новѣйшую буланжистскую агитацію: троны Карла X и Людовика-Филиппа не выдержали напора волненій, гораздо менѣе значительныхъ и возникшихъ по поводамъ гораздо менѣе существеннымъ. Такимъ образомъ, для современной Франціи республика оказывается болѣе устойчивой и жизненной, чѣмъ каждая изъ трехъ монархическихъ реставрацій настоящаго столѣтія. Этотъ фактъ объясняется прежде всего безличнымъ характеромъ республиканской власти: революція теряетъ свой raison d'être, когда правители суть только выборные делегаты, которыхъ можно смѣнить законнымъ способомъ.

Второй признакъ непрочности—частая смѣна министерствъ—сопутствуетъ парламентаризму въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общественномъ мнѣніи народа установился разладъ, когда ни одна изъ политическихъ партій не получаетъ полнаго перевѣса на выборахъ и когда поэтому нѣтъ въ палатахъ однороднаго большинства, на которое могло бы опираться правительство. Разладъ проходитъ; то или другое направленіе пріобрѣтаетъ наибольшее довѣріе въ странѣ и сосредоточиваетъ около себя лучшія силы общества; единство достигается и въ парламентѣ, и министерскія шатанія исчезаютъ сами собою. Кабинетные кризисы происходятъ и отъ недостатка въ выдающихся государственныхъ людяхъ, на которыхъ могъ бы остановиться общественный выборъ, отъ преобладанія посредственностей, прочное водвореніе которыхъ у кормила власти совсѣмъ нежелательно съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Гдѣ нѣтъ парламента и гдѣ общественно-политическіе мотивы не играютъ руководящей роли въ дѣлахъ государства, тамъ министры мѣняются столь же часто, вслѣдствіе закулисныхъ интригъ, возведенныхъ въ систему, какъ это бывало, напр., во Франціи при Бурбонахъ. Но сторонники постоянства и прочности управленія ошибаются въ самой основѣ: они считаютъ безусловнымъ преимуществомъ то, что нерѣдко противорѣчитъ дѣйствительнымъ пользамъ страны. Если видѣть достоинство правительства въ неизмѣнности его личнаго состава, то пальму первенства въ этомъ отношеніи пришлось бы признать за Турціею или Персіею. Можно ли признавать выгоднымъ для государства упорное владычество министровъ бездар-

ныхъ или корыстолюбивыхъ, не внушающихъ къ себѣ общественнаго довѣрія? Что лучше—прочное ли господство Персиньи и Морни, Бааэновъ и Руэровъ, или перемѣнчивое управленіе Гладстона, Биконсфильда и Солсбери, выдвигаемыхъ парламентскою дѣятельностью? Одно изъ двухъ: или министры не отвѣчаютъ желаніямъ и потребностямъ населенія,—и тогда кабинетный кризисъ представляется полезнымъ и необходимымъ; или они стоятъ на высотѣ своихъ задачъ и выполняютъ ихъ талантливо и съ знаніемъ дѣла; тогда они обезоружатъ оппозицію и укрѣпятъ свое положеніе, несмотря на существованіе парламентаризма. Наконецъ, частыя смѣны министровъ, мало выдѣляющихся изъ общаго уровня, не приносятъ, въ сущности, никакого положительнаго вреда государству: поверхностныя личныя перемѣны не затрогиваютъ обычнаго хода сложнаго правительственнаго механизма и не оказываютъ существеннаго вліянія на политику, если элементы парламентскаго большинства остались тѣ же.

Третій и наиболѣе важный признакъ прочности—послѣдовательность и твердость политическихъ программъ, проводимыхъ правителями на практикѣ. Лучшую гарантію этой послѣдовательности находятъ именно въ долговѣчности министровъ, при крѣпкой и незыблемой формѣ правленія. Такое предположеніе далеко не всегда оправдывается, однако, на дѣлѣ. Если сопоставить необычайно долгое управленіе Бисмарка въ Пруссіи и множество кабинетовъ, смѣнявшихся во Франціи съ 1871 года, то устойчивость нѣмецкой политики за все это время должна бы оказаться внѣ всякаго сравненія выше французской. Между тѣмъ мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Пруссія, при одномъ и томъ же министерствѣ князя Бисмарка, успѣла сначала отречься отъ узкаго консерватизма и создать либеральную эру (въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ), затѣмъ отречься отъ либерализма и вступить на путь консервативной реакціи, предпринять „культурную борьбу“ съ католическою церковью и отречься потомъ отъ этой борьбы, замѣнивъ ее тѣснымъ сближеніемъ съ Ватиканомъ. Такіе же радикальные скачки дѣлались и во внѣшней политикѣ: Пруссія то выставлялась оплотомъ мира въ Европѣ, то грозила войною Франціи или Россіи поочередно, то увлекалась колоніальными предпріятіями и ссорилась изъ-за этого съ Англіею, то, напротивъ, сближалась съ Англіею, то старалась умиротворить Эльзасъ посредствомъ разумной администраціи, то прибѣгала къ ненужнымъ строгостямъ и придиркамъ, раздражавшимъ пограничное населеніе. Вмѣсто твердаго постоянства и логической послѣдовательности, мы видимъ здѣсь

какое-то странное сцѣпленіе противоположностей; перемѣны становятся съ годами все болѣе рѣшительными и тревожными, отражая въ себѣ какъ будто личную нервность и состояніе здоровья престарѣлаго канцлера. Съ другой стороны, Франція, управляемая длиннымъ рядомъ министерствъ, придерживалась неизмѣнно однихъ и тѣхъ же началъ въ дѣлахъ внутреннихъ и международныхъ; она одинаково охраняла у себя свободу внутри, не поддаваясь ни напору реакціи, ни домогательствамъ чрезмѣрнаго радикализма, постепенно развивала свои учрежденія, улучшала законодательства, умножала народныя школы и ограничивала вліяніе римской церкви. Внѣшняя политика республики, крайне сдержанная и осмотрительная, проникнута одною мыслью, съ 1871 года по настоящее время, мыслью объ избѣжаніи войны, о подготовленіи могущественной и хорошо вооруженной арміи для защиты отъ возможныхъ нѣмецкихъ посягательствъ. Идея франко-русскаго союза культивируется съ 1875 года и остается понынѣ общимъ девизомъ французской дипломатіи. Временное уклоненіе отъ этой основной программы, при министерствѣ Ферри, было быстро стушевано, и виновникъ его наказанъ самой безпощадной непопулярностью, какая когда-либо выпадала на долю политическаго дѣятеля. Такимъ образомъ внѣшняя перемѣнчивость управленія можетъ совпадать съ стойкою и неизмѣнно-послѣдовательною политикою, а прочная власть одного министерства, даже въ рукахъ „желѣзнаго" и геніальнаго руководителя, выражается въ рядѣ колебаній и скачковъ. Желанія и интересы цѣлаго народа мѣняются не такъ легко, какъ настроеніе и дѣйствія отдѣльнаго лица. Государственные люди, не столь выдающіеся, какъ Бисмаркъ, періодически передѣлываютъ свои убѣжденія и взгляды, подчиняясь извѣстнымъ вліяніямъ; либеральные проповѣдники общественныхъ реформъ превращаются въ ярыхъ реакціонеровъ, ревнители народнаго образованія становятся его противниками и гонителями, дѣятели самоуправленія готовятъ могилу мѣстной свободѣ. Одного десятка лѣтъ достаточно, чтобы вызвать самыя радикальныя перемѣны въ направленіи внутреннихъ дѣлъ, при совершенномъ отсутствіи кабинетныхъ и парламентскихъ кризисовъ. Постоянство власти далеко еще не означаетъ постоянства и послѣдовательности въ политикѣ; оно не служитъ также символомъ того спокойствія, которое порождается господствомъ законности и твердой увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Гдѣ теперь источникъ хронической тревоги въ Европѣ, общихъ опасеній войны и общаго недовѣрія къ ближайшему будущему? Въ политикѣ германской имперіи,

имѣющей безспорно крѣпкое и устойчивое правительство, а не въ дѣйствіяхъ демократической Франціи, съ ея всесильными палатами и шаткими министерствами. Очевидно, что зло, усматриваемое Мэномъ въ парламентской демократіи, не имѣетъ предполагаемаго имъ значенія.

Разбирая главнѣйшіе и отчасти извѣстные всѣмъ недостатки „народнаго правленія“, Мэнъ не касается вопроса о томъ, искупаются ли они какими-либо достоинствами и свободны ли отъ всякихъ недуговъ другія правительственныя формы. Поэтому весь анализъ автора остается какъ бы незаконченнымъ. Два начала преобладаютъ, по мнѣнію Мэна, въ западной Европѣ—имперіализмъ и радикализмъ, стремленіе къ внѣшнему могуществу и величію и въ то же время противорѣчащее тому стремленіе къ свободѣ и народному режиму. Авторъ находитъ прямую противоположность между строго-дисциплинированною арміею и демократически управляемою націею: тамъ безусловное подчиненіе, а тутъ свобода критики, чѣмъ и объясняются будто бы военные перевороты, совершаемые, напримѣръ, въ Испаніи, и отъ которыхъ избавлены только Соединенные Штаты. Еслибы антагонизмъ, указываемый Мэномъ, существовалъ въ дѣйствительности, то онъ обнаружился бы сильнѣе всего во Франціи, имѣющей милліонную армію при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ. И однако французская республика не только не испытывала съ 1871 года никакихъ военныхъ волненій или безпорядковъ, но даже не проявляла ни малѣйшей тѣни безпокойства относительно повиновенія войскъ республиканскимъ законамъ и начальникамъ. Это и понятно! Современная армія имѣетъ чисто-демократическій, народный характеръ; это не что иное какъ „вооруженный народъ“, и для антагонизма съ населеніемъ нѣтъ уже никакой почвы. Испанскіе „pronunciamento“, о которыхъ упоминаетъ авторъ, совершались бо́льшею частью при монархіи, когда не было ни „народнаго правленія“, ни свободной критики. Въ Соединенныхъ Штатахъ, во время войны за освобожденіе негровъ, образовалась могущественная армія, подъ предводительствомъ даровитыхъ и энергическихъ генераловъ; тѣмъ не менѣе республиканскій строй оставался непоколебимымъ, и блестящія побѣды Гранта, Шермана, Шеридана—не только не пошатнули, а, напротивъ, укрѣпили авторитетъ конституціи.

„Народное правленіе, — продолжаетъ Мэнъ, — неоднократно ниспровергалось арміею и чернью вмѣстѣ, но въ общемъ разрушеніе этихъ правительствъ въ ихъ болѣе крайнихъ формахъ совершалось арміею, а въ болѣе умѣренныхъ—они главнымъ сво-

имъ врагомъ имѣли чернь". По странному смѣшенію понятій, подъ народнымъ правленіемъ разумѣется у автора царствованіе Карла X, приведшее къ іюльской революціи, и режимъ Людовика-Филиппа, завершившійся февральскимъ переворотомъ. Въ качествѣ революціонеровъ выступали обыкновенно „непримиримые", отличающіеся вообще „слѣпымъ сектантствомъ"; революціонный способъ дѣйствія—прежде баррикады, теперь—динамитъ. По мнѣнію Мэна, самый неудобный видъ непримиримыхъ—это націоналисты. „Національныя стремленія парализуютъ демократію, ибо, признавая право большинства на управленіе, можно отрицать, что данное большинство есть то самое, которое имѣетъ это право". Разноплеменныя государства сдерживаются только монархіею. „Почти всѣ цивилизованныя страны имѣютъ свое національное единство отъ общаго подчиненія—бывшаго или настоящаго—королевской власти; Соединенные Штаты, напримѣръ, составляютъ націю потому, что они нѣкогда подчинялись королю". И эти замѣчанія не вполнѣ согласуются съ фактами. Швейцарія, при своемъ разноплеменномъ составѣ, сохраняетъ свое единство посредствомъ чисто-народнаго политическаго устройства и управленія. Вѣковое подчиненіе австрійскихъ народовъ Габсбургской династіи не сдѣлало изъ нихъ единой націи и скорѣе усилило, чѣмъ ослабило вражду между различными элементами имперіи, между мадьярами, славянами и нѣмцами. О нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ нельзя сказать, что они когда-то подчинялись королю, такъ какъ англійскія колоніи, изъ которыхъ они выросли, составляли лишь небольшую часть обширной территоріи, занимаемой нынѣ сѣверо-американскою республикою. Наконецъ, демократія не парализуется національными стремленіями, а сама вліяетъ на нихъ существеннымъ образомъ, придавая имъ болѣе широкій характеръ, противодѣйствуя узкоплеменной нетерпимости и одностороннему шовинизму. Притягательная сила демократіи въ области національныхъ чувствъ ярко освѣщается отношеніемъ эльзасцевъ—нѣмцевъ по происхожденію—къ побѣжденной ихъ соплеменниками Франціи.

Парламентская система, по взгляду Мэна, не обезпечиваетъ интересовъ народа отъ злоупотребленій и ошибокъ. „Политическая свобода, въ смыслѣ одинаковаго права всѣхъ участвовать въ управленіи, утилизируется отдѣльными лицами, умѣющими собирать около себя частицы политической власти, т.-е. голоса избирателей". Организація партій, съ ея дисциплиною, создаетъ особое партійное чувство, „остатокъ первобытной воинственности, приводившей прежде къ кровавымъ разсчетамъ". Смыслъ разногласій

между партіями не доходитъ до массъ; „тысячи и тысячи избирателей вотируютъ просто за желтый, синій или красный цвѣтъ, поддавшись призывамъ какого-нибудь популярнаго оратора“. Радикалы требуютъ расширенія избирательныхъ правъ и пользуются этимъ требованіемъ, какъ орудіемъ партійной борьбы. „Одна изъ самыхъ странныхъ и вульгарныхъ идей та, что широкое право голоса содѣйствуетъ прогрессу, вызывая новыя идеи, новыя открытія и изобрѣтенія, новыя искусства въ жизни“. Такое всеобщее голосованіе, вытекающее изъ программы радикализма, „разрушило бы въ значительной мѣрѣ существующія учрежденія и въ концѣ концовъ породило бы вредную форму консерватизма. Возвести въ законъ среднее мнѣніе цѣлаго общества—не значитъ прогрессировать. Законодательныя начала, къ которымъ ведутъ эти принципы, вѣроятно положили бы конецъ всякой соціальной и политической дѣятельности и остановили бы все связанное когда-либо съ либерализмомъ“. Для доказательства авторъ предлагаетъ „вспомнить великія эпохи научныхъ изобрѣтеній и соціальныхъ перемѣнъ въ продолженіе двухъ столѣтій и разсмотрѣть, что̀ случилось бы, еслибы всенародное голосованіе установилось въ одну изъ этихъ эпохъ. Оно... безъ сомнѣнія запретило бы ткацкую машину, не допустило бы принятія грегоріанскаго календаря“ и пр. Ожидають лучшаго отъ распространенія образованія въ народѣ, но распространяются шаблоны, общія мѣста. И теперь проявляется разладъ между наукою и демократическимъ мнѣніемъ (авторъ ссылается при этомъ на судьбу теорій Мальтуса и Дарвина!); и просвѣщенность вождей не устранитъ того, что надо подчиняться теперь мнѣнію и настроенію массъ. Человѣчество двигалось впередъ не тѣми обществами, которыя устроены въ духѣ демократіи; прогрессъ совершался аристократіею, хотя и подъ названіемъ республикъ. Господство толпы отнимало бы мотивы къ дѣятельности трудящихся; водворилась бы праздность вслѣдствіе ожиданія общаго раздѣла имуществъ, что̀ разорило бы страну остановкою производства. Во всякомъ случаѣ,—заключаетъ Мэнъ,—нѣтъ достаточныхъ данныхъ для общей вѣры въ прочность и продолжительность демократическихъ правительствъ, и „образецъ этихъ правительствъ, британская конституція, составляя до сихъ поръ исключеніе, находится въ опасности быть брошеннымъ въ пространство и найти свои послѣднія черты въ тишинѣ и холодѣ“ (?).

Мрачная картина, нарисованная Мэномъ, должна быть признана вполнѣ фантастическою. Никто не связывалъ расширенія народныхъ правъ съ научными и промышленными успѣхами, съ

развитіемъ новыхъ идей и открытій, ибо наука и техника не входятъ вовсе въ кругъ дѣятельности выборныхъ политическихъ собраній. „Вульгарная идея", которую опровергаетъ авторъ, никѣмъ не высказывалась и не заслуживала бы возраженія; она основана лишь на подмѣнѣ однихъ понятій другими, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Улучшенія общественной жизни и народнаго быта не создаютъ прогресса въ наукахъ и искусствахъ, но, по меньшей мѣрѣ, и не мѣшаютъ ему, вопреки произвольнымъ предположеніямъ Мэна. Если гдѣ-нибудь ставились преграды духу научной изобрѣтательности, развитію новыхъ идей и открытій, то это было, конечно, не въ демократіяхъ. Примѣненіе силы пара въ мореходству было отклонено Наполеономъ, а не какими-либо народными представителями; первоначальное устройство желѣзныхъ дорогъ во Франціи остановлено было не парламентомъ и не всеобщимъ голосованіемъ, а совѣтниками короля Людовика-Филиппа, которые находили этотъ способъ сообщеній непрактичнымъ и неосуществимымъ. Нигдѣ не процвѣтаютъ такъ изобрѣтенія и усовершенствованія всякаго рода, какъ въ Сѣверной Америкѣ, при полномъ господствѣ началъ народнаго правленія. Мэнъ не могъ обойти этотъ фактъ, но онъ объясняетъ его постановленіями американской конституціи о правахъ изобрѣтателей и авторовъ, о патентахъ, о правѣ собственности и обязательной силѣ договоровъ,—какъ будто самые эти законы не составляютъ дѣла демократовъ. Постановленія конституціи не могли бы сами по себѣ направить жизнь въ ту или другую сторону; они не предупредили бы тѣхъ бѣдъ, о которыхъ говоритъ авторъ, еслибы демократическій строй государства создавалъ для нихъ благопріятную почву. О стѣсненіи научнаго развитія, объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ народнаго образованія ничего не слышно въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи или въ Швейцаріи,—такъ что печальныя предсказанія автора адресованы имъ невѣрно. Соціализмъ также получилъ наибольшую силу не въ сѣверо-американской демократіи и не въ французской республикѣ, а въ населеніи германской имперіи.

Опредѣленіе демократіи, какъ „особой формы правленія", кажется весьма „важною истиною" сэру Генри Мэну, хотя оно въ сущности ничего не выражаетъ и не объясняетъ. Оно имѣетъ то преимущество въ глазахъ автора, что ставитъ вопросъ на чисто-практическую основу и устраняетъ изъ него примѣсь чувства, слѣпую вѣру, возведеніе данной формы на степень догмата. Демократія, по словамъ Мэна, есть не что иное какъ опрокинутая монархія; у нихъ тѣ же функціи, тѣ же условія дѣйствія,

и разница только въ органахъ. Одна изъ главныхъ задачъ правителей—сохраненіе національнаго существованія, забота о могуществѣ и прочности государства. Для достиженія этихъ цѣлей необходимы извѣстныя качества и добродѣтели. „Еслибы нужно было сдѣлать выборъ, и если дѣйствительно существуетъ реальная связь между демократіею и свободою, то лучше остаться націею, способною проявлять добродѣтели націи, чѣмъ даже быть свободною". Къ сожалѣнію, для читателя не совсѣмъ ясно, какія именно качества выработываются лучше безъ свободы, во тьмѣ и въ рабствѣ; очевидно только, что эти качества чужды англичанамъ, и что не они сдѣлали ихъ тѣмъ великимъ народомъ, который создалъ величіе и славу нынѣшней Англіи. Съ демократіею, — говоритъ авторъ далѣе, — соединяютъ идею объ особенной реформаторской дѣятельности законодательства; но наибольшая плодовитость въ дѣлѣ реформъ замѣчается, напротивъ, въ могущественныхъ монархіяхъ. Мэнъ могъ бы прибавить, что эти реформы часто не соотвѣтствуютъ потребностямъ и желаніямъ населенія, что онѣ часто не доводятся до конца и уступаютъ мѣсто реакціи, и что даже лучшія намѣренія кончаются иногда печально, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Іосифа II. Теоріи Руссо и Бентама подвергаются авторомъ ѣдкой, хотя нѣсколько запоздалой критикѣ. Мысль о владычествѣ большинства, какъ наиболѣе заинтересованнаго въ успѣшномъ ходѣ общихъ дѣлъ, составляетъ издавна аксіому для англійскаго и вообще западно-европейскаго радикализма. А между тѣмъ она ошибочна, по мнѣнію Мэна. „Демократія, — поясняетъ онъ, — самая трудная форма правленія. Народъ и толпа не имѣютъ воли по множеству соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, и нѣтъ вовсе возможности достигнуть какого-либо единства мнѣній въ обществѣ. Все сводится къ тому, что усвоиваются мнѣнія и воля одного или нѣсколькихъ лицъ. Какъ въ правосудіи, роль народа—сказать только „да" или „нѣтъ". Чѣмъ многолюднѣе сборище, тѣмъ меньше толку въ его преніяхъ, и если прежде члены парламента мало посѣщали палату, то это было очень полезно для дѣла. Чистая демократія, какъ видно изъ плебисцитовъ, привела бы къ застою и регрессу. Вся цивилизація—дѣло меньшинства. Еслибы за четыре столѣтія до настоящаго времени существовало въ Англіи широкое право голоса, которымъ пользовались бы значительныя массы избирателей, то не было бы реформаціи, перемѣны династіи, терпимости относительно диссидентовъ и даже точнаго календаря. Даже теперь оспопрививанію грозитъ опасность, и для всякаго законодательства, основаннаго на научномъ

мнѣніи, постепенное привлеченіе народныхъ массъ къ власти служитъ самымъ худшимъ предзнаменованіемъ". Съ точки зрѣнія Мэна всѣ консервативные элементы европейскихъ обществъ должны бы желать водворенія демократіи, такъ какъ послѣдняя не допускала бы смѣлыхъ реформъ и охраняла бы status-quo отъ вторженій „научнаго" законодательства. Но повсюду консерваторы, какъ и прогрессисты, держатся прямо противоположнаго взгляда на идею народовластія — и вѣроятно имѣютъ для этого фактическое основаніе. Самъ же авторъ неоднократно и подробно возражаетъ противъ неумѣреннаго реформаторства, къ которому стремятся будто бы приверженцы демократическаго строя. Онъ видитъ опасность и со стороны „научныхъ мнѣній", въ случаѣ союза ихъ съ демократіею. „Если демократія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 190),—выработаетъ аристократію знанія и ума, то соединеніе власти съ наукою и увѣренность въ безошибочности выводовъ едва ли принесутъ пользу человѣчеству". Чего же надо ждать отъ торжества демократіи—культа невѣжества и регресса или, наоборотъ, слишкомъ быстраго и неосновательнаго движенія впередъ? Авторъ одновременно даетъ на этотъ вопросъ два противоположныхъ отвѣта; но изъ всего содержанія его книги можно заключить, что онъ больше боится реформъ, чѣмъ реакціи.

Мэнъ направляетъ сильнѣйшіе свои доводы противъ „обычной иллюзіи постояннаго реформаторства", противъ стремленія къ перемѣнамъ и къ новизнѣ. Реформаторское законодательство, по его словамъ, не можетъ длиться постоянно; задачи его будутъ исчерпаны, и что же потомъ? Большинство человѣчества строго консервативно; страсть къ перемѣнамъ свойственна небольшой части общества въ западной Европѣ и, притомъ, касается только политики. Всѣмъ извѣстно упорство человѣческихъ привычекъ даже въ мелочахъ. Обычаи и нравы передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; даже люди мѣняются далеко не существенно. И это счастье, ибо „внезапныя и частыя перемѣны въ женскихъ модахъ, затрогивая въ бо́льшей или ме́ньшей мѣрѣ половину человѣчества въ богатѣйшихъ странахъ свѣта, вызывали бы промышленныя революціи самаго страшнаго свойства. Ни кровопролитная война, ни опустошительный голодъ, ни убійственная эпидемія не породили бы такихъ долгихъ и сильныхъ страданій человѣческихъ, какъ переворотъ въ модѣ, вслѣдствіе котораго женщины одѣвались бы, подобно мужчинамъ, въ одинъ какой-нибудь цвѣтъ. Постоянныя перемѣны противорѣчили бы человѣческой природѣ, которая по существу своему консерва-

тива; до сихъ поръ не измѣнились въ западно-европейскомъ человѣкѣ многіе первобытные инстинкты, проявляющіеся понынѣ въ такихъ явленіяхъ, какъ война, охота, страсть къ реторикѣ, поклоненіе партіи или газетѣ, какъ чему-то священному". Авторъ даетъ понять, что реформы не нужны народу, и что о нихъ хлопочутъ больше для удовлетворенія пустого любопытства толпы. „Публика нуждается въ интересныхъ парламентскихъ преніяхъ, событіяхъ, рѣчахъ, митингахъ. Новые законы и преобразованія возбуждаютъ интересъ; безъ нихъ была бы скука, застой. Это исканіе впечатлѣній заставляло воевать при Наполеонѣ III и т. д. Прогрессъ, какъ производство новыхъ идей, не требуетъ непремѣнно новаго законодательства, какъ это бываетъ на Востокѣ, гдѣ научныя идеи затрогиваютъ священныя традиціи и самыя основы быта. Неподвижность общества—правило; перемѣнчивость —исключеніе. Выносятъ перемѣны и вѣрятъ въ ихъ преимущество только въ наименьшей части человѣческаго рода, и даже въ этой части оно—явленіе новѣйшее (сто лѣтъ ему въ западной Европѣ, а въ Англіи—50 лѣтъ, по счету Мэна,—что̀, конечно, противорѣчитъ его предшествующимъ указаніямъ на перевороты и реформы за послѣднія четыре столѣтія). Ходячія фразы о прогрессѣ и радикальныхъ реформахъ имѣютъ свой корень въ идеяхъ Бентама и Руссо; этотъ источникъ теперь забытъ, а заимствованныя изъ него слова и понятія господствуютъ понынѣ. Демократія снабжается всѣми прерогативами короля-собственника; только принципъ законодательства теперь иной — „наибольшее счастье наибольшаго большинства"—причемъ упускается изъ виду, что само большинство — плохіе судьи. Осуществить серьезныя политическія перемѣны чрезвычайно трудно; къ нимъ должны еще приноровиться общественныя условія и воззрѣнія. Конституціи, выработанныя исторически, имѣютъ поэтому безспорное преимущество передъ сочиненными a priori, болѣе или менѣе эфемерными, какихъ было около 350 съ конца прошлаго столѣтія".

Когда авторъ ближе подходитъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются англійскимъ радикализмомъ, то оказывается, что дѣло идетъ вовсе не о прогрессѣ въ смыслѣ „производства идей" и не о пустой страсти къ перемѣнамъ, а о чемъ-то весьма реальномъ и положительномъ. Дѣло идетъ о преобразованіи или упраздненіи верхней палаты, воплощающей въ себѣ владычество поземельной аристократіи, палаты наслѣдственныхъ законодателей-лордовъ. Сэръ Генри Мэнъ стоитъ за неприкосновенность этой старинной части парламента. Вторая палата служитъ для

него отрицаніемъ того положенія, что „голосъ народа — голосъ божій"; это „протестъ большой доли здраваго смысла противъ того принципа". Провѣрка постановленій народныхъ представителей необходима, какъ прибавочная гарантія для интересовъ общества. Авторъ готовъ признать, что по отношенію къ выборнымъ палатамъ лучшія конституціи—тѣ, въ которыхъ допущено возможно широкое участіе народнаго элемента; но изъ вторыхъ палатъ прочно и продолжительно существуютъ только двѣ—американскій сенатъ и англійская палата лордовъ. „Наиболѣе компетентными реформаторами палаты лордовъ,—скромно замѣчаетъ Мэнъ,—будутъ, вѣроятно, люди, понимающіе ее вслѣдствіе принадлежности къ ея составу... Наступитъ время, когда будетъ признано, что владѣніе обширнымъ помѣстьемъ,—какъ это и натурально при формѣ собственности, происходящей отъ формы верховенства,—предполагаетъ больше административнаго искусства и болѣе доброжелательныя отношенія къ другимъ классамъ, имѣющимъ подчиненные интересы, чѣмъ какой-либо другой видъ превосходства, основанный на богатствѣ". Въ средѣ ограниченнаго класса лицъ существуетъ „больше шансовъ компетентности и передачи ея по наслѣдству". Но, кромѣ пониманія и искусства, важны для народа практическія цѣли, преслѣдуемыя правителями; а точка зрѣнія лордовъ, ихъ спеціальные интересы и симпатіи могутъ находиться въ разладѣ съ потребностями большинства населенія: объ этомъ забываетъ Мэнъ. Въ сущности такъ-называемые радикалы требуютъ, чтобы предполагаемая и иногда несуществующая компетентность лордовъ замѣнена была дѣйствительною, признанною общественнымъ мнѣніемъ, чтобы на мѣсто свѣтскихъ бонвивановъ и спортсменовъ назначались въ верхнюю палату выдающіеся и серьезные дѣятели, ученые писатели, какъ сэръ Генри Мэнъ и Спенсеръ, подобно тому какъ во Франціи засѣдаетъ въ сенатѣ Жюль Симонъ. Ничего опаснаго и произвольнаго не было бы въ этомъ нововведеніи. Автора особенно пугаетъ мысль объ упраздненіи верхней палаты; ему рисуется „страшная перспектива единаго полновластнаго собранія, въ родѣ конвента, управляемаго комитетомъ общественнаго спасенія и удерживаемаго отъ подчиненія ему обструкціонизмомъ", къ чему клонятся будто бы тенденціи англійской демократіи. Примѣръ конвента, дѣйствовавшаго въ бурную революціонную эпоху, совершенно не убѣдителенъ въ данномъ случаѣ: для нормальныхъ условій политической жизни единая палата можетъ оказаться вполнѣ безобидною, какъ это подтверждается разумными дѣйствіями французскаго національнаго собранія 1871 г.,

хотя и выбраннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ,—собранія, подписавшаго миръ, блистательно устроившаго французскіе финансы и давшаго странѣ республиканскую конституцію, несмотря на монархическія стремленія большинства.

Принципіальныя возраженія противъ политическихъ реформъ въ западной Европѣ имѣютъ вообще какой-то странный оттѣнокъ, какъ у Мэна, такъ и у другихъ писателей пессимистическаго направленія. Въ прошломъ было много крупныхъ перемѣнъ и насильственныхъ переворотовъ въ пользу высшихъ сословій и ихъ представителей; теперь же, когда заходитъ рѣчь о нѣкоторыхъ обратныхъ преобразованіяхъ въ пользу обдѣленныхъ исторіею народныхъ массъ, выступаютъ на сцену теоретики, доказывающіе необходимость закрыть эру реформъ и успокоиться на существующемъ status-quo. Такая точка зрѣнія вполнѣ понятна со стороны заинтересованныхъ классовъ и лицъ, имѣющихъ всѣ выгоды отъ охраны достигнутаго ими порядка вещей; но она не логична со стороны ученыхъ изслѣдователей и публицистовъ. Нѣтъ основанія думать, что западно-европейскіе демократы добиваются перемѣнъ изъ любви къ новизнѣ; а если они обнаружили бы подобную склонность, то встрѣтили бы надлежащій отпоръ въ средѣ самой демократіи, которая по природѣ консервативна, по справедливому замѣчанію Мэна. Что законодательство когда-нибудь исчерпаетъ свои задачи и должно будетъ остановиться въ бездѣйствіи, это могло бы служить доводомъ не только противъ идеи постояннаго реформаторства, но и противъ существованія постоянныхъ законодательныхъ учрежденій, которыя, однако, повсюду работаютъ непрерывно и не успѣваютъ удовлетворять потребности общества. Свободно развивающаяся жизнь современныхъ народовъ выдвигаетъ все новые нужды и вопросы; прежніе законы старѣютъ; въ нихъ замѣчаются пробѣлы и недосмотры; является надобность въ регулированіи новыхъ, болѣе сложныхъ житейскихъ отношеній, и едва ли настанетъ когда-либо такой моментъ, когда законодатели будутъ имѣть право сказать, что задачи ихъ вполнѣ исчерпаны. Не возникнетъ поэтому и вопросъ: что̀ же потомъ?—который заранѣе ставитъ авторъ.

Слабыя стороны парламентаризма изображались много разъ болѣе или менѣе ярко и краснорѣчиво; Мэну оставалось только сгруппировать и рѣзче оттѣнить высказанное другими. Демократія,—говоритъ онъ,—не могла бы дѣйствовать безъ посредства нѣкоторыхъ силъ и прежде всего безъ организованныхъ партій. Положеніе этихъ политическихъ группъ характеризуется какъ-то

двойственно. Онѣ зависятъ отъ избирателей и потому „льстятъ народу и толпѣ, какъ прежде королю,—только болѣе грубымъ образомъ“. И въ то же время „къ предводителямъ партій можно всецѣло примѣнить разсужденія Маккіавели“ о тиранніи: „воля и мнѣнія одного или нѣскольких лицъ усвоиваются массою“ и т. д. Авторъ не упоминаетъ только одного, что такое „усвоеніе“ и вытекающая изъ него тираннія достигаются лишь силою убѣжденія и таланта; онъ останавливается зато на незаконныхъ вліяніяхъ и средствахъ, практикуемыхъ во время выборовъ,—какъ будто эти мелкіе способы агитаціи играли замѣтную роль въ успѣхахъ Гладстона или Гамбетты. Съ господствомъ партій связана, по его мнѣнію, продажность голосовъ въ той или другой формѣ; прежде покупали голоса въ парламентѣ, теперь—голоса избирателей. Программы партій состоятъ изъ легкихъ обобщеній и формулъ, которыя выставляются на показъ или отбрасываются, смотря по обстоятельствамъ, ради цѣлей партійныхъ. Пренія въ парламентѣ часто не что иное, какъ „обмѣнъ слабыхъ обобщеній и сильныхъ личностей“. Отмѣчая недостатки и злоупотребленія партій, принадлежащихъ по своему составу къ высшимъ и образованнымъ классамъ общества, авторъ тѣмъ не менѣе усматриваетъ какую-то гарантію въ образовательномъ цензѣ для избирателей и восхваляетъ основанную на этомъ началѣ систему мѣстныхъ выборовъ въ Бельгіи. Казалось бы, что, наоборотъ, слѣдовало бы желать возможно бо̀льшаго расширенія избирательныхъ правъ, чтобы затруднить попытки незаконнаго вліянія на выборы,—такъ какъ злоупотребленія несравненно доступнѣе и легче при ограниченномъ кругѣ избирателей, чѣмъ при подачѣ сотенъ тысячъ голосовъ изъ разныхъ слоевъ населенія.

Независимо отъ этихъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ сэръ Генри Мэнъ, нельзя не обратить вниманія на безцѣльность всей аргументаціи, направленной имъ противъ парламентаризма. Въ Англіи и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ принципъ публичнаго обсужденія публичныхъ дѣлъ вошелъ издавна въ общее народное сознаніе, какъ необходимая основа политическаго и общественнаго быта; а изъ этого принципа, котораго не коснулся авторъ, вытекаетъ все остальное. Гдѣ народъ имѣетъ голосъ при рѣшеніи своей судьбы и принимаетъ участіе во всѣхъ своихъ общихъ дѣлахъ, тамъ существуетъ выборное народное представительство въ томъ или въ другомъ видѣ. Гдѣ есть представительство, тамъ есть парламентъ и его неизбѣжные спутники—политическія партіи и группы. Пока въ странѣ существуютъ различія мнѣній и интересовъ между разными класса-

ми общества, до тѣхъ поръ будутъ существовать партіи, отражающія въ себѣ эти различія. Можно находить эти факты почему-либо неудобными или нежелательными, но безполезно осуждать ихъ, пока остается въ силѣ ихъ живой и непрерывно дѣйствующій источникъ—демократическій духъ и строй націи. Авторъ считаетъ особенно вредною преобладающую на Западѣ вѣру въ неизбѣжное торжество демократіи, какъ естественной будто бы формы правленія; эта вѣра, подрывающая энергію управящихъ, имѣетъ будто бы связь съ „ложными идеями о естественномъ правѣ". Въ дѣйствительности, передъ демократіею открыты настежъ двери вездѣ, гдѣ политическая жизнь сдѣлалась общимъ достояніемъ народа; и чѣмъ болѣе распространяется образованіе въ массахъ, тѣмъ сильнѣе и правильнѣе становится стремленіе ихъ къ фактическому пользованію пріобрѣтенными правами. Что можетъ остановить этотъ стихійный напоръ, непрерывно продолжающійся на легальной почвѣ? Мэнъ не задается этимъ вопросомъ; онъ полемизируетъ противъ природы вещей, когда убѣждаетъ англичанъ въ опасностяхъ режима, который у нихъ уже существуетъ, и который логически долженъ рано или поздно привести къ господству демократіи. Вмѣсто туманнаго „естественнаго права", о которомъ спорили юристы, выступаетъ реальное, признанное законами, народное право, котораго нельзя уже ни устранить, ни ограничить. Ожиданіе дальнѣйшаго демократическаго развитія въ Англіи вызывается не какими-либо „ложными идеями" или безпричинною вѣрою, а всею совокупностью условій англійской политической жизни.

Наиболѣе удачная и интересная часть книги Мэна посвящена разбору конституціи Соединенныхъ Штатовъ сравнительно съ британскою и французскою. Авторъ пытается объяснить, почему американское устройство оказалось столь крѣпкимъ и жизненнымъ; онъ излагаетъ теоріи и воззрѣнія основателей республики, приводитъ характеристическія черты федеральной конституціи и дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы, которые впрочемъ едва ли могутъ удовлетворить читателя. Существенныя начала американской конституціи заимствованы изъ Англіи; отпали только королевская власть и аристократія. Президентъ имѣетъ почти тѣ же права, что и король англійскій; но нѣтъ кабинета, который занимаетъ такое исключительное положеніе у англичанъ. Конституціонныя перемѣны обставлены въ Америкѣ значительными гарантіями, тогда какъ въ Англіи нѣтъ спеціальныхъ правилъ о пересмотрѣ конституціи, и основные государственные законы не различаются отъ обыкновенныхъ. Напримѣръ, проектъ преобразо-

ванія городского лондонскаго управленія разсматривался бы въ Америкѣ какъ мѣстный законъ штата и былъ бы проведенъ безъ особенныхъ затрудненій; а вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ требовалъ бы цѣлаго ряда условій, касаясь конституціи. Верховный судъ рѣшаетъ конституціонные вопросы только по отдѣльнымъ поводамъ. Мэнъ говоритъ объ американской республикѣ только съ точки зрѣнія федеральной конституціи; онъ какъ будто забываетъ объ организаціи отдѣльныхъ штатовъ, живущихъ самостоятельною жизнью, имѣющихъ свое собственное законодательство и управленіе [1]). Поэтому и заключенія, дѣлаемыя авторомъ, должны быть признаны слишкомъ односторонними. Прочное развитіе и процвѣтаніе демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ остаются все-таки самымъ нагляднымъ опроверженіемъ взглядовъ Мэна; и убѣдительная сила этого факта нисколько не ослаблена ссылками на особыя достоинства федеральной конституціи. Если все дѣло въ хорошихъ законахъ, а не въ опасностяхъ „народнаго правленія", и если послѣднее можетъ давать блестящіе плоды при извѣстной политической обстановкѣ, то значительная часть доводовъ противъ демократіи падаетъ сама собою. Авторъ справедливо указываетъ на неудачные конституціонные законы во Франціи, устанавливающіе отвѣтственность министерства при республикѣ; онъ весьма мѣтко характеризуетъ неопредѣленное положеніе главы государства, президента безъ власти: „Старые короли царствовали и управляли. Конституціонный король, по Тьеру, царствуетъ, но не управляетъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ управляетъ, но не царствуетъ. На долю президента французской республики выпало—не царствовать и не управлять". Но ошибки законодателей могутъ быть исправлены, недостатки — устранены, и тогда, конечно, должны будутъ измѣниться также и сужденія критиковъ о демократіи и парламентаризмѣ.

Л. Слонимскій.



[1]) На этотъ пробѣлъ въ объясненіяхъ Мэна уже указано было критикою. См. замѣтку E. Boutmy, въ Annales de l'école libre des sciences politiques, 1887, № 3.

ЭЛЕГІЯ.

Все мгновенно, все пройдетъ:
Чтó пройдетъ, то будетъ мило.
А. Пушкинъ.

О, память блѣдная! Надъ жизнью одинокой
Взошла ты вновь, какъ томная луна
Восходитъ надъ пучиной водъ глубокой.
О, грустныхъ думъ царица, какъ она—
Царица волнъ. Сіяя мертвымъ свѣтомъ,
Былого счастья озаряешь даль,
Но столько красоты въ сіяньѣ этомъ,
Что счастья прошлаго душѣ почти не жаль!

Въ своихъ гробахъ, твоимъ лучомъ облитыхъ,
Какъ хороши умершія мечты!
Слова забытыхъ клятвъ—не мной забытыхъ—
Какъ нѣжно повторять умѣешь ты!
Но въ дни, когда спокойно и не жадно
Я пилъ изъ кубка счастья,—было ль мнѣ
Отраднѣй, чѣмъ теперь, когда о снѣ
Исчезнувшей любви мнѣ такъ скорбѣть отрадно?..

Скажи, о, память! Счастливъ ли я былъ
Въ тотъ день—желанный день!—когда предъ нею
Я сердца тайну сладкую открылъ
И въ первый разъ назвалъ ее своею?
Еще въ любви клялись мои уста,
А ужъ душа, съ родной простившись тайной,
Была опять угрюма и пуста,
И радость новая казалась ей случайной...

Или въ ту ночь, когда сбылся мой сонъ—
Блаженно-жгучій сонъ ночей несчетныхъ?
Зачѣмъ, скажи, блаженствомъ упоенъ,
Вдоль улицъ, полныхъ сумерекъ дремотныхъ,
Въ то утро я задумчиво бродилъ?
Сбылась мечта—и сдѣлалась минувшей.
Зажглась заря—и съ грустью я слѣдилъ
За утренней звѣздой, въ сіяньѣ дня тонувшей...

И такъ всегда. Какъ призраки, спѣша,
То радость, то печаль въ душѣ мелькаетъ.
Но чуть спрошу: счастлива ль ты, душа?
Страдаешь ли?—она въ отвѣтъ вздыхаетъ.
Текущій мигъ блаженства иль заботъ,
Едва родясь, отравленъ созерцаньемъ.
Святое впереди: оно зоветъ,
Прекрасное за мной горитъ воспоминаньемъ.

Такъ богомольцы въ лѣтній, жаркій день
Шагаютъ той же поступью покорной
Средь пустырей и мимо деревень,
И черезъ лѣсъ, гдѣ слышенъ ключъ проворный.
Безъ ропота впередъ они идутъ.
Покинувши привалъ безъ сожалѣнья.
Въ далекій храмъ надежды ихъ влекутъ,
Мечты летятъ назадъ, въ родимыя селенья...

Н. Минскій.

СОВРЕМЕННЫЕ
РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

— *Г. А. Мачтетъ*: „Повѣсти и разсказы". Москва, 1887.— „Жидъ". Одесса, 1887.—„Силуэты". Москва, 1888.
— *М. Н. Альбовъ*: „На точкѣ". Спб., 1888.—„Рыбьи стоны". Спб., 1888.—Второе, дополненное изданіе „Повѣстей и разсказовъ". Спб., 1888.
— *А. Чеховъ*, Разсказы. Спб., 1888.

Между беллетристами, выступившими на сцену въ восьмидесятыхъ годахъ, довольно видное мѣсто занимаетъ г. Мачтетъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что его повѣсти и разсказы, изданные недавно въ двухъ томахъ, имѣютъ кое-что общее съ произведеніями г. Короленко. Обоимъ авторамъ хорошо извѣстны двѣ противоположныя окраины Россіи—Сибирь и правобережная Малороссія; оба черпаютъ иногда свои сюжеты изъ эпохи крѣпостного права („Лѣсъ шумитъ", г. Короленко; „И одинъ въ полѣ воинъ", г. Мачтета) или изъ жизни полу-дикой глуши, еще незатронутой преобразованіями („Очерки сибирскаго туриста" и „Соколинецъ", г. Короленко; „Вторая правда", „Мы побѣдили", „Мірское дѣло", г. Мачтета). При ближайшемъ сравненіи, однако, сходство между обоими писателями оказывается чисто внѣшнимъ; во многихъ отношеніяхъ они даже прямо противоположны одинъ другому. Простота, составляющая отличительную черту г. Короленко, далеко не всегда свойственна г. Мачтету. Первый не старается поразить читателей чрезвычайными происшествіями, бьющими въ глаза контрастами, изобиліемъ эпитетовъ и сравненій; у второго и въ замыслѣ, и въ исполненіи, слишкомъ часто замѣтно намѣренное, разсчитанное стремленіе къ эффекту. Въ раз-

сказахъ г. Короленко главную роль играютъ настроенія; въ разсказахъ г. Мачтета—событія; у г. Короленко дѣйствіе замедляется, ничего отъ этого не теряя, психологическимъ анализомъ; у г. Мачтета оно идетъ, большею частію, скачками, останавливаясь только на выдающихся, рѣзко освѣщенныхъ пунктахъ. Возьмемъ, для примѣра, разсказъ: „Жидъ" (вышедшій отдѣльной книжкой). Его герой—Давидъ Гурвейсъ является передъ нами въ четыре различные момента своей жизни: какъ гимназистъ, выручающій товарищей; какъ студентъ, удивляющій своимъ великодушіемъ и хладнокровіемъ во время навязанной ему дуэли; какъ неустрашимый участникъ сербской войны; какъ врачъ, самоотверженно ухаживающій сначала за опаснымъ больнымъ, потомъ за однимъ изъ виновниковъ „еврейскаго погрома". По той же схемѣ построены разсказы: „Онъ и мы" и „Безгласный". Въ первомъ—прозванный „бабою" съ одинаковой страстностью защищаетъ голубя, которому хотятъ свернуть шею товарищи-гимназисты, и падшую женщину, надъ которой глумятся товарищи-студенты; во-второмъ—„безгласный" жертвуетъ собою сначала какъ гимназистъ, потомъ какъ студентъ, наконецъ какъ доброволецъ (во время той же сербской войны). На этихъ трехъ произведеніяхъ мы можемъ изучить всего удобнѣе нѣкоторыя черты писательской манеры г. Мачтета. Онъ любитъ все необыкновенное—необыкновенныя положенія, необыкновенныхъ людей; они интересуютъ его сами по себѣ, независимо отъ своего генезиса. Онъ беретъ завязанный уже узелъ, готовую уже натуру и ограничивается изображеніемъ ихъ въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ всего рельефнѣе выступали бы на видъ всѣ ихъ особенности. Откуда взялось безграничное, наивное самоотверженіе, общее тремъ только-что названнымъ нами фигурамъ, этого намъ г. Мачтетъ не говоритъ. О „бабѣ" мы не узнаемъ даже и того, къ какой онъ принадлежалъ общественной сферѣ, какимъ поступилъ въ учебное заведеніе; намъ предоставляется только любоваться его добродѣтелью, не задавая себѣ вопросовъ о ея происхожденіи. Сцены школьной жизни во всѣхъ трехъ разсказахъ до утомительности похожи другъ на друга; дуэль „бабы" напоминаетъ дуэль „жида"; въ Сербіи „жидъ" блеститъ такимъ же спокойнымъ мужествомъ, какъ и „безгласный". Авторъ очевидно хочетъ внушить намъ глубокую симпатію къ своимъ героямъ, но это удается ему только отчасти, потому что мы видимъ въ нихъ скорѣе воплощеніе принципа, чѣмъ настоящихъ, живыхъ людей.

Съ тѣмъ же эпизодическимъ способомъ изложенія, съ тѣмъ же окрашиваніемъ дѣйствующихъ лицъ въ слишкомъ однообраз-

ный и слишкомъ яркій цвѣтъ мы встрѣчаемся и въ нѣсколькихъ другихъ произведеніяхъ г. Мачтета. Возьмемъ, напримѣръ, разсказъ: „Его часъ насталъ!“. Герой этого разсказа—идеалистъ николаевской эпохи, сохранившій до сѣдыхъ волосъ всю силу молодыхъ увлеченій, ненавидящій рабство и ненавидимый рабовладѣльцами. Невозможнаго въ такомъ типѣ нѣтъ ничего—такіе люди несомнѣнно существовали, но существовали только благодаря счастливой комбинаціи рѣдкихъ, исключительныхъ условій. Съ этими условіями и долженъ былъ познакомить насъ г. Мачтетъ, для того, чтобы вдохнуть жизнь въ фигуру „дѣда“; но онъ поступаетъ иначе, показывая намъ „дѣда“ уже старикомъ, съ установившимися воззрѣніями, неизвѣстно когда и какъ пріобрѣтенными. Остается только недоумѣвать, почему этотъ стойкій, убѣжденный человѣкъ такъ долго медлилъ съ проектомъ освобожденія своихъ крестьянъ и выступилъ съ нимъ лишь тогда, когда осуществленіе его перестало быть возможнымъ. Исторія развитія, преемственность душевныхъ процессовъ здѣсь, какъ и почти вездѣ, мало интересуетъ г. Мачтета; поставивъ дѣда, разъ навсегда, въ опредѣленное положеніе, онъ пріурочиваетъ къ этому положенію цѣлый рядъ болѣе или менѣе эффектныхъ сценъ — столкновеніе съ сосѣдними помѣщиками, объясненіе съ предводителемъ дворянства, тщетныя попытки найти судебную защиту для обиженнаго крѣпостного человѣка, заподозриванія, доносы, преслѣдованія, оканчивающіяся благополучно только благодаря наступленію новой эпохи. Въ финалѣ разсказа правдоподобность принесена въ жертву жаждѣ сильныхъ впечатлѣній. Завѣдомый противникъ крѣпостного права едва ли выбирался гдѣ-либо съ *единодушнымъ* восторгомъ въ члены губернскаго комитета подготовлявшаго реформу, да и освобожденіе крестьянъ, въ этотъ періодъ времени едва ли совершалось такъ просто, безъ всякихъ формальностей, по одному словесному разрѣшенію губернатора. Автора прельстила, повидимому, картина всеобщаго чистаго одушевленія, сопровождающаго иногда первый приступъ къ великому дѣлу, и онъ нарисовалъ скорѣе то, что̀ могло бы быть, чѣмъ то, что̀ было на самомъ дѣлѣ.

Такой же точно картиной, только еще болѣе фантастичной, кажется намъ разсказъ: „Именемъ закона!“. Мы переносимся здѣсь въ медовый мѣсяцъ судебной реформы, изображенный не безъ предвзятой мысли—мысли въ высшей степени симпатичной, ищущей въ свѣтломъ прошедшемъ противовѣса мрачному настоящему и надежды на лучшее будущее. Отчасти подъ вліяніемъ этой мысли (прямо выраженной въ вступленіи къ разсказу),

отчасти подъ вліяніемъ обычнаго расположенія къ эффектамъ, г. Мачтетъ увлекается далеко за предѣлы вѣроятнаго. Толпа желѣзнодорожныхъ рабочихъ, обманываемыхъ инженеромъ-строителемъ и притѣсняемыхъ администраціей, волнуется у входа въ городъ, требуя немедленнаго разсчета; она готова перейти къ насилію; полиція съ военной командой готовы приступить къ „усмиренію“. Въ эту критическую минуту „кто-то пробрался въ толпу, на которую, казалось, слетѣлъ вдругъ голубь мира, но кто и съ чѣмъ—различить сразу было нельзя“.—Именемъ закона!.. „Да, только эти два слова раздались въ наступившемъ, точно мертвомъ, безмолвіи, и все продолжало оставаться такъ же неподвижно, точно пораженное магическимъ жезломъ, точно очарованное или изумленное... Кто, какой волшебникъ унялъ вдругъ внезапно вспыхнувшую, разъяренную стихію, какая нечеловѣческая сила моментально остановила готовую разразиться бурю?.. Я увидѣлъ, какъ съёжился инженеръ, какъ поблѣднѣлъ исправникъ, какъ, вздрогнувъ, отхлынула толпа, какъ странно блеснули ея глаза, но я еще не понималъ ничего, не могъ разглядѣть, почти не вѣрилъ себѣ, весь охваченный очарованіемъ этой дивной, непередаваемой картины.—Именемъ закона!.. Теперь я все понялъ, разглядѣлъ, увидѣлъ... Туда, гдѣ кипѣли и бушевали страсти, вошелъ представитель закона и права, вошелъ неожиданно прокуроръ съ своимъ товарищемъ, судьей, и это онъ произнесъ эти два волшебныя слова... Всякое волненіе исчезло, поднятыя руки опустились, заступы и ломы исчезли... Толпа дрогнула вновь, по ней вновь пробѣжалъ какой-то неясный шопотъ, точно шелестъ, но уже не предвѣстникъ бури, а яснаго вёдра, мира, покоя... Не знаю, чтò чувствовалось тамъ, въ толпѣ, но у меня чтò-то свалилось; я вздохнулъ вдругъ глубоко и вольно, въ глазахъ у меня блеснули какія-то теплыя, благодатныя слезы... Я почувствовалъ себя гражданиномъ, человѣкомъ, у котораго есть и родина, и законъ, и право“... Мировой судья тутъ же открываетъ засѣданіе. „Ярко сверкнула на солнцѣ его золотая судейская цѣпь. Кругомъ царило безмолвіе, какъ въ храмѣ, и то же благоговѣніе, мирное, торжественное, покойное,— благоговѣніе, которое охватываетъ какъ-то невольно, неудержимо, всецѣло,—охватило всѣхъ“. Судья что-то говоритъ, что-то спрашиваетъ; блѣдный, перепуганный инженеръ увѣряетъ его, что непремѣнно удовлетворитъ всѣ претензіи и немедленно приступитъ къ разсчету. „Вдругъ судья поднялся. По указу... — началъ онъ, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась на колѣни, слушая, затаивъ дыханіе. Чтеніе кончилось, и наступилъ моментъ напря-

женнаго безмолвія... Но вотъ что-то дрогнуло, поднялось, что-то шевельнулось, что-то большое, тысячегрудое вздохнуло или зашептало... Молитву или что-то другое зашептала толпа, не знаю, но она крестилась,—я это видѣлъ... И вдругъ страстное, громкое ура потрясло воздухъ, и вдругъ эта толпа подняла на руки высоко-высоко представителей закона и права". Картина вышла, безспорно, красивая и привлекательная; жаль только, что къ ней приходится поставить нѣсколько вопросительныхъ знаковъ. Допустимъ, что слова: „именемъ закона", столь мало значившія въ до-реформенное время, могли быть сразу схвачены, во всей своей силѣ, не только инженеромъ и исправникомъ, но и цѣлою толпою; допустимъ, что опытный аферистъ и эксплуататоръ могъ быть доведенъ ими одними до безпрекословнаго признанія и безотлагательнаго удовлетворенія претензій—съ формальной стороны, по всей вѣроятности, не особенно доказательныхъ. Остается еще узнать, въ силу какого закона мировой судья приступилъ къ разбирательству гражданскихъ исковъ по собственной своей иниціативѣ, безъ требованія заинтересованныхъ лицъ? Какую роль игралъ при этомъ прокуроръ, совершенно неприкосновенный къ судебному разбирательству у мирового судьи? Если судья и прокуроръ считали себя въ правѣ вступиться за рабочихъ, почему они не сдѣлали этого раньше, не откладывая своего вмѣшательства до такой минуты, когда оно легко могло оказаться запоздалымъ? Почему они, предупрежденные молодыми ревнителями правды о беззаконіяхъ, творящихся при постройкѣ желѣзной дороги, не разъяснили рабочимъ возможность обращенія къ суду, путемъ обыкновенной исковой просьбы? Не потому ли, что тогда не осталось бы мѣста для театральной сцены, изображенной г. Мачтетомъ?.. Не споримъ, можетъ быть, въ первые мѣсяцы послѣ введенія въ дѣйствіе судебной реформы и произошло гдѣ-нибудь что-либо *въ родѣ* описаннаго г. Мачтетомъ; но столь экстраординарный, исключительный фактъ не годится для характеристики цѣлаго историческаго момента. Своеобразную прелесть настроенія, вызваннаго въ обществѣ и въ самихъ судебныхъ дѣятеляхъ первыми днями жизни новаго суда, болѣе простой случай, въ болѣе простой обстановкѣ, передалъ бы, думается намъ, гораздо лучше.

Погоня за кричащими красками и сильными ощущеніями вредитъ иногда г. Мачтету и при удачномъ выборѣ тэмы. „Человѣкъ съ планомъ" задуманъ очень хорошо; мысль о власти, пріобрѣтаемой таинственностью и молчаніемъ, должна быть названа весьма счастливой. Величіе Анчарова въ кружкѣ передовой мо-

лодежи шестидесятыхъ годовъ принимается на вѣру; слава и честь отпускаются ему, если можно такъ выразиться, въ кредитъ, прежде чѣмъ онъ что бы то ни было для нихъ сдѣлалъ или хотя бы попытался сдѣлать. Мало того: ему не вмѣняются въ вину даже поступки, явно противорѣчащіе убѣжденіямъ кружка, потому что въ нихъ предполагается скрытая цѣль, оправдывающая средства. Онъ такъ внушительно безмолвствуетъ, такъ загадочно смотритъ на все и на всѣхъ, такъ ловко, въ рѣдкихъ случаяхъ, проговаривается двумя-тремя неопредѣленными словами, что сомнѣваться въ немъ могутъ только „завистники" или неисправимые скептики. Небольшая сцена, въ которой онъ покоряетъ сердце Лели нѣсколькими горячо произнесенными стихами, проведена г. Мачтетомъ съ большимъ искусствомъ. Къ сожалѣнію, на первый планъ слишкомъ скоро выступаютъ нѣсколько „хорошихъ" людей, нарисованныхъ по обычному шаблону г. Мачтета. Кушыревъ въ особенности сильно напоминаетъ тріумвиратъ „жида", „бабы" и „безгласнаго". Анчаровъ быстро превращается изъ „человѣка съ планомъ" въ низкаго соблазнителя и подлаго труса, потомъ — въ спекулятора и афериста, хладнокровно разоряющаго довѣрившихся ему людей, наконецъ—въ раскаявшагося грѣшника. Всѣ эти переходы, за исключеніемъ послѣдняго, намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ; внутренняя жизнь Анчарова — сравнительно съ приключеніями его и другихъ дѣйствующихъ лицъ (вызовъ на дуэль, ссылка, банкротство, два самоубійства)—занимаютъ въ разсказѣ очень мало мѣста. То же самое, въ еще бо̀льшей степени, можно сказать и о „Блудномъ сынѣ".

Задача разсказа „И одинъ въ полѣ воинъ" напоминаетъ „Первую борьбу", В. Крестовскаго (псевдонима). И тамъ, и тутъ лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, пишетъ исторію своего собственнаго позора, выставляя на показъ, точно драгоцѣнные камни, самыя черныя стороны своей души. Справиться съ такою тэмой не легко. Нужно убѣдить читателей, что разсказчикъ не сознаетъ настоящаго значенія передаваемыхъ имъ фактовъ, искренно гордится тѣмъ, чего стыдился бы всякій другой; нужно создать такую точку зрѣнія, съ которой нравственное казалось бы безнравственнымъ, безнравственное — нравственнымъ, и показать, какимъ образомъ герой разсказа усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія и остается ей неуклонно вѣрнымъ. Авторъ „Первой борьбы" вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ трудностей. Какъ ни отвратителенъ Сергѣй Николаичъ, онъ для насъ вполнѣ понятенъ. Мы ясно видимъ, откуда онъ заимствуетъ свое невозмутимое

спокойствіе, свою вѣру въ собственное превосходство, въ служебную роль всѣхъ его окружающихъ; мы сознаемъ, что онъ— одинъ изъ многихъ, только болѣе послѣдовательный и откровенный, чѣмъ другіе члены той же группы, другіе представители того же взгляда. Когда онъ оправдываетъ свои грѣхи и превозноситъ свои пороки, когда онъ смѣло и самоувѣренно предъявляетъ свои права на наслажденіе, какою бы цѣною оно ни покупалось, онъ дѣйствуетъ на основаніи теоріи, обставленной длиннымъ рядомъ философскихъ и житейскихъ доказательствъ, и именно этимъ объясняется его свобода отъ сомнѣній и колебаній. И дѣйствительно, *дѣлать* гадости можно безъ всякой системы, но *хвастать* ими и возводить ихъ въ перлъ созданія можно только въ силу какого-нибудь общаго начала. Въ глазахъ героя „Первой борьбы" такимъ началомъ была прирожденная привилегія „избранныхъ", составляющихъ „свѣтъ общества", украшающихъ его своимъ „изяществомъ, тактомъ, граціей"; принадлежность къ этимъ „избраннымъ" казалась ему открытымъ листомъ на успѣхъ и уполномочіемъ взять его съ бою. Въ чемъ же заключается начало, руководящее героемъ г. Мачтета? Повидимому, въ признаніи законности и разумности того строя, въ силу котораго одни были облечены безграничною властью надъ другими, въ силу котораго весь міръ дѣлился на полноправныхъ пановъ и безправныхъ хлоповъ! Но вѣдь этотъ строй больше не существовалъ, когда Ясь записывалъ свои воспоминанія, и слѣдовательно едва ли могъ служить краеугольнымъ камнемъ его міросозерцанія. Конечно, Ясь не ошибался, предполагая, что „и при волѣ останутся паны и мужики"—но высшими существами, единственными субъектами права паны все же могли казаться только до 19-го февраля. Сергѣй Николаичъ, въ „Первой борьбѣ", пріуроченъ Крестовскимъ именно къ той эпохѣ, которая всего легче могла производить такихъ людей; Ясь, пишущій послѣ освобожденія крестьянъ, является, наоборотъ, несомнѣннымъ анахронизмомъ... Въ исполненіи своей задачи г. Мачтетъ не избѣжалъ утрировки, отъ которой свободна „Первая борьба". Мерзости, которыя творитъ и о которыхъ повѣствуетъ Сергѣй Николаичъ, принадлежатъ большею частью къ числу тѣхъ, къ которымъ въ свѣтѣ относятся не слишкомъ строго; аргументы, которыми оправдываетъ ихъ разсказчикъ, никогда не отличаются излишнею наивностью. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, сочиненность въ разсказѣ Сергѣя Николаича не чувствуется вовсе; *такая* рѣчь, въ устахъ *такого* человѣка, представляется вполнѣ естественной. Нельзя сказать того же самаго о нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ Яся. Когда онъ доно-

ситъ на сына Солохи, онъ совершаетъ поступокъ, о которомъ едва ли могло быть два различныхъ мнѣнія даже въ средѣ панской семьи и панской дворни; извѣстно, что доносителей презираютъ, всегда и вездѣ, сами пользущіеся ихъ доносами. А между тѣмъ Ясь приписываетъ этотъ поступокъ... „инстинкту и влеченію своего *чистаго* сердца"!.. C'est un peu fort; натяжка выходитъ слишкомъ очевидной... Доносъ на сына Солохи былъ вызванъ, по крайней мѣрѣ, чувствомъ мести; но доносъ на родного брата, Тараса, не можетъ быть объясненъ даже и этимъ побужденіемъ. Не очень-то правдоподобно звучатъ и тѣ страницы записокъ, въ которыхъ Ясь сравниваетъ себя съ Наполеономъ, съ Сперанскимъ, называетъ свою мать „великой" за то, что она „посѣяла и развила въ его душѣ сѣмена добра, любви и красоты"... Авторъ „Первой борьбы" вовсе не заботится о томъ, чтобы потемки, наполняющія душу Сергѣя Николаича, казались еще болѣе темными отъ сравненія съ окружающимъ ихъ свѣтомъ; онъ не противопоставляетъ своему герою цѣлую вереницу добродѣтельныхъ людей, чтобы тѣмъ сильнѣе подчеркнуть его порочность. Въ разсказѣ г. Мачтета контрастъ между бѣлымъ и чернымъ играетъ, наоборотъ, большую роль; отецъ Яся, Солоха, Тарасъ, Галя, Федь—все это образуетъ радужный фонъ, на которомъ рѣзко выдѣляется гнусная фигура самого Яся. Внѣшнихъ эффектовъ и здѣсь такъ же много, какъ въ большинствѣ другихъ разсказовъ г. Мачтета: самоубійство, покушеніе на убійство, варварскія экзекуціи, покушеніе на самоубійство, поджогъ, убійство—все это слѣдуетъ одно за другимъ, оставляя мало мѣста для характеристики второстепенныхъ лицъ. Панъ Кондратъ, Стась—не столько живыя фигуры, сколько *вообще* помѣщикъ, управляющій, дворецкій „добраго стараго времени".

Содержанію разсказовъ г. Мачтета, слишкомъ богатому „происшествіями", соотвѣтствуетъ весьма часто и форма, слишкомъ богатая украшеніями. Одну отличительную черту автора наши читатели могли замѣтить уже въ выпискѣ, сдѣланной нами изъ разсказа „Именемъ закона": это—обиліе эпитетовъ и парафразъ, неоднократное повтореніе, въ различныхъ видахъ, одного и того же образа или одной и той же мысли. Мы не сомнѣваемся въ законности такого пріема, сплошь и рядомъ усиливающаго и углубляющаго впечатлѣніе; но въ употребленіи его должна господствовать извѣстная мѣра, не всегда соблюдаемая г. Мачтетомъ. Возьмемъ хотя бы слѣдующую фразу: „онъ копошится въ нихъ (въ воспоминаніяхъ) лихорадочно, страстно, суетливо, чтобы найти тамъ, въ погребенномъ, забытомъ, во всемъ, мимо чего онъ про-

ходилъ всегда такъ легко и бодро, къ чему относился какъ къ мимолетной картинѣ калейдоскопа, чтобы найти тамъ хоть одинъ лучъ своего счастья и своей связи съ другими, хоть одинъ намекъ на него, чтобы найти тамъ то, чего нѣтъ у него, чего недостаетъ ему въ этомъ бездонномъ сознаніи, что онъ одинъ, одинъ и одинъ!" Безъ повторенія не обходится здѣсь положительно ни одинъ шагъ впередъ, и въ результатѣ получается только утомительно длинный и до крайности тяжелый періодъ. Или вотъ еще другой, аналогичный примѣръ: „больной, изможденный, еле дышущій, похожій скорѣе на скрюченный скелетъ, обтянутый сухимъ, сморщеннымъ пергаментомъ, чѣмъ на живого человѣка, онъ отдалъ бы теперь все на свѣтѣ, всю эту ненавистную ему нынѣ роскошь, богатство, значеніе, все, что до сихъ поръ онъ ставилъ всегда и вездѣ впереди всего, за чѣмъ гонялся всю жизнь, чѣмъ только и жилъ, и дышалъ до сихъ поръ,—какъ все это глупо, глупо и глупо! стучало теперь его замиравшее сердце,—все это отдалъ бы онъ за одинъ проблескъ пониманія, за одинъ моментъ мира и покоя". Обѣ фразы заимствованы нами изъ одного и того же разсказа („Конецъ Анчарова"); онѣ стоятъ почти рядомъ, и въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними нетрудно было бы найти нѣсколько другихъ, столь же многоэтажныхъ. Въ этомъ нагромождении словъ чувствуется то же самое, что и въ нагроможденіи событій, что и въ выборѣ темъ и даже самыхъ заглавій („Его часъ насталъ!" „Именемъ закона!"): намѣреніе подѣйствовать на читателей, сообщить имъ, во что бы то ни стало, то волненіе, которое испытываетъ самъ авторъ.

Мы настаиваемъ на нашихъ послѣднихъ словахъ: „волненіе, которое испытываетъ самъ авторъ". И дѣйствительно, г. Мачтетъ никогда не остается равнодушнымъ къ своему предмету. Если онъ слишкомъ усердно ищетъ средствъ и источниковъ вліянія на читателей, то это обусловливается именно интенсивностью чувства, подъ властью котораго онъ пишетъ. Онъ нанизываетъ одинъ оборотъ рѣчи на другой, вращается нѣсколько разъ вокругъ одной и той же точки не потому, чтобы ему нужно было прикрыть шумихой словъ пустоту мысли или холодность ощущеній, а потому, что все кажется ему недостаточнымъ и блѣднымъ сравнительно съ образами, носящимися передъ его глазами. Отсюда указанныя нами слабыя стороны г. Мачтета, но отсюда и привлекательность лучшихъ его страницъ, полныхъ горячаго одушевленія. Такихъ страницъ не мало и въ „Жидѣ", продиктованномъ неподдѣльнымъ негодованіемъ противъ вѣковой несправедливости, и въ разсказахъ, дышущихъ ненавистью къ крѣпост-

ному праву („И одинъ въ полѣ воинъ", „Его часъ настал!"), и въ картинахъ пробуждающейся жизни, общественной или личной („Именемъ закона!", „Онъ и мы", „Человѣкъ съ планомъ"). Съ большою силою обрисовано въ „Жидѣ" трагическое положеніе человѣка, оторваннаго отъ одного берега и не могущаго пристать къ другому, переставшаго раздѣлять предразсудки своихъ единовѣрцевъ, но удерживаемаго въ ихъ средѣ состраданіемъ къ ихъ несчастью и сознаніемъ общей доли. Всего выше г. Мачтетъ поднимается тогда, когда ему удается быть сдержаннымъ и простымъ— простымъ и въ обработкѣ сюжета, и въ способѣ изложенія. Таковъ онъ въ особенности въ „Разсказахъ изъ сибирской жизни", за исключеніемъ развѣ „Мы побѣдили", нечуждаго его обычныхъ недостатковъ и отзывающаго, мѣстами, подражаніемъ Салтыкову. „Вторая правда" и „Мірское дѣло"—это, въ нашихъ глазахъ, лучшее изъ всего написаннаго г. Мачтетомъ. Здѣсь нѣтъ ни длинныхъ фразъ, ни лишнихъ словъ, ни цвѣтовъ краснорѣчія; несложное событіе разсказано безъ прикрасъ и претензій, но впечатлѣніе получается глубокое и длящееся. Вопросъ о „второй правдѣ" встаетъ передъ читателями почти съ такою же силой, какъ передъ докторомъ Кожинымъ. Картина административныхъ нравовъ далекой окраины сливается въ гармоническое цѣлое съ одной изъ тѣхъ трагедій, которыя слишкомъ часто таятся подъ покровомъ обыденной жизни. Еслибы г. Мачтетъ написалъ только сцены между Кожинымъ и Романомъ Петровымъ, между Аксиньей и міромъ, между Аксиньей и Кузькой, это служило бы, въ нашихъ глазахъ, достаточнымъ доказательствомъ его таланта. Въ другихъ произведеніяхъ своихъ г. Мачтетъ, если можно такъ выразиться, форсируетъ ноту или беретъ однимъ тономъ выше, чѣмъ слѣдуетъ; хорошо было бы, еслибы онъ возвратился къ діапазону „Сибирскихъ разсказовъ".

Г-на Альбова никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ, свойственномъ многимъ нашимъ молодымъ беллетристамъ: въ многописаніи. Съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили о немъ съ читателями нашего журнала [1]), прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, и въ продолженіе всего этого времени онъ написалъ (если не считать неудачнаго романа, сооруженнаго имъ, скорѣе въ видѣ шутки, вмѣстѣ съ г. Баранцевичемъ) не болѣе шести небольшихъ отрывковъ, эскизовъ или разсказовъ. Три изъ нихъ („Диссонансъ", „Призраки", „Крестоносцы") вошли въ составъ второго изданія его „Повѣстей"; два

---

[1]) См. № 4 „Вѣстника Европы" за 1884 г.

(„Филиппъ Филиппычъ“ и „О томъ, какъ горѣли дрова“) напечатаны подъ общимъ заглавіемъ: „На точкѣ“; послѣдній („Рыбьи стоны“) вышелъ въ свѣтъ особой книжкой. „Призраки“—это глава изъ „ненаписаннаго романа; судя по началу, онъ могъ бы быть интереснымъ, но дѣйствіе прерывается, едва успѣвъ завязаться. Безъ „Диссонанса“ и „Крестоносцевъ“ сборникъ повѣстей и разсказовъ г. Альбова не потерялъ бы ровно ничего; въ описаніи Невскаго проспекта, съ его крайностями роскоши и нищеты („Диссонансъ“), слишкомъ мало новаго, а сцены изъ последней войны („Крестоносцы“) слишкомъ далеко уступаютъ военнымъ разсказамъ Гаршина или даже воспоминаніямъ г. А. Верещагина. „Рыбьими стонами“ называется фантастическая исторія стерляди, ожидающей, въ трактирномъ акваріумѣ, своей очереди быть съѣденною и отмѣчающей впечатлѣнія, производимыя на нее всѣмъ, что она видитъ и слышитъ. Это—талантливо написанная бездѣлушка; весьма недурно изображенъ контрастъ между прежнимъ привольемъ и тѣсной тюрьмой, въ которой каждый узникъ думаетъ только о себѣ, боится только за себя и безпрестанно переходитъ отъ тупого забытья къ ожиданію близкой смерти. Хотя стерлядь судитъ о человѣческой жизни только по происходящему въ трактирѣ, общій выводъ, къ которому она приходитъ, далеко не лишенъ основаній. „Я нашла, что люди отличаются отъ насъ, скромныхъ рыбъ, очень немногимъ, и что міръ человѣческій есть не что иное, какъ нѣкій огромный водоемъ, въ родѣ нашего Ладожскаго озера, что ли... И здѣсь, какъ и тамъ, существуютъ породы. Существуютъ въ человѣческомъ мірѣ и грубый, простодушный судакъ, и отвлеченно-мыслящій лещъ, и беззаботный ершъ, и хищная щука; существуетъ даже и наша сестра—экспансивная и пытливая стерлядь... Разница въ томъ, что изъ насъ, бѣдныхъ рыбъ, лишь очень немногія поѣдаютъ другъ друга, люди же всѣ, поголовно, поѣдаютъ сами себя и другихъ, и вдобавокъ еще ѣдятъ тоже и насъ!“

На одинъ уровень съ лучшими изъ числа прежнихъ произведеній г. Альбова могутъ быть поставлены оба разсказа, соединенные подъ заглавіемъ: „На точкѣ“. Мы находимъ здѣсь вновь всѣ черты, составляющія главную его силу: наблюдательность, не впадающую въ протоколизмъ; чувство, не расплывающееся въ сантиментальность; психологическій анализъ, не сосредоточивающійся исключительно на болѣзненныхъ явленіяхъ душевной жизни. Въ „Филиппѣ Филиппычѣ“ нѣтъ ни завязки, ни развязки; это, если хотите, отрывокъ, но отрывокъ, производящій цѣльное впечатлѣніе. Всѣ немногочисленныя дѣйствующія лица—самъ Филиппъ

Филиппычъ, гимназистикъ Саша, Анна Платоновна—живутъ передъ нами своею маленькою, тихою жизнью, такою же тихою и скромною, какъ и жизнь „южнаго города Пыльска". Мы интересуемся горемъ гимназиста, не выдержавшаго экзаменъ, сочувствуемъ жалобамъ его матери и успокаиваемся вмѣстѣ съ ними, когда Филиппъ Филиппычъ, послѣ сытнаго обѣда и здороваго сна, потрясаетъ стѣны бесѣдки громогласнымъ чтеніемъ Вальтера Скотта. Возвращеніе Филиппа Филиппыча домой, въ чудную весеннюю ночь, мимо стараго сада, освѣщеннаго луной и оглашаемаго пѣніемъ соловья, составляетъ совершенно естественный переходъ къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, дорисовывающимъ его фигуру. Это—одинъ изъ идеалистовъ стараго покроя, какихъ теперь уже немного, отчасти родственникъ Якова Пасынкова, отчасти—Гамлета щигровскаго уѣзда, только состарившійся, смирившійся и успокоившійся. У него есть привязанность къ чужой, но сроднившейся съ нимъ семьѣ, есть трудъ, который едва ли когда-нибудь будетъ оконченъ, но на который привѣтливо смотрятъ со стѣнъ портреты его любимыхъ писателей. „Счастливъ ли онъ?.. Да, онъ счастливъ... Онъ счастливъ этой, всегда интересной, разнообразной, таинственной, вѣчно юной и неизмѣнной жизнью природы. Онъ счастливъ своимъ личнымъ покоемъ, книгами и полной ни отъ кого независимостью... Да, онъ счастливъ, счастливъ, конечно! Но что же значатъ эти приливы глубокой и безъисходной тоски одиночества, которые по временамъ его посѣщаютъ, такъ что все, чѣмъ полна его жизнь, становится вдругъ ему ненавистнымъ?.. Въ эти минуты ему хотѣлось бы лишь одного. Ему бы хотѣлось, чтобы все, что онъ когда-либо пережилъ, изучилъ, перечувствовалъ, оказалось однимъ смутнымъ сномъ... Тихое, теплое пожатье женской руки... Нѣжный, ласковый голосъ... Слова безъ значенья, звучащія лишь трепетной музыкой робкаго чувства... Мигъ, только мигъ такого блаженства—онъ больше не требуетъ, потому что ни одного такого онъ не извѣдалъ еще никогда!" Все въ этомъ настроеніи какъ нельзя болѣе просто и обыкновенно. Жизнь, прошедшая безслѣдно, незамѣтно, подкравшаяся старость, горькое сознаніе безповоротности прошлаго, ощущеніе надвигающагося холода и мрака—кому не знакома эта картина? И все-таки мы не остаемся равнодушными къ Филиппу Филиппычу, потому что индивидуальныя черты берутъ въ немъ верхъ надъ общими, потому что авторъ съумѣлъ сдѣлать изъ него живое лицо.

Еще больше удался г. Альбову разсказъ: „О томъ, какъ горѣли дрова". Правда, въ немъ есть нѣчто недосказанное, неясное. Мы желали бы знать точнѣе, въ чемъ заключается про-

шлое безыменнаго героя, то прошлое, съ которымъ онъ рѣшилъ „совсѣмъ, совершенно порвать", и которое внезапно, неудержимо притянуло его къ себѣ, именно въ ту минуту, когда онъ считалъ себя отъ него освобожденнымъ. Мы можемъ только догадываться, что̀ именно онъ хотѣлъ сжечь и уничтожить вмѣстѣ съ старыми письмами, и что̀ возстало изъ ихъ пепла, несокрушимое и мстительное. Для интереса разсказа достаточно, однако, и этихъ догадокъ: человѣкъ, жизнь котораго догораетъ вмѣстѣ съ дровами, стоитъ на рубежѣ душевнаго недуга, но еще не подпалъ подъ его власть. Авторъ не вводитъ насъ всецѣло въ область психіатріи; характеръ его этюда преимущественно психологическій, не имѣющій ничего общаго съ скорбнымъ листомъ или отрывкомъ клиническаго журнала. Мы должны признаться, что видимъ въ этомъ одно изъ его достоинствъ. Сумасшествіе, разсматриваемое an und für sich, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать хорошій матеріалъ для художественнаго произведенія. Другое дѣло— ступени, ведущія къ нему, пограничныя состоянія, съ нимъ соприкасающіяся. Элементъ чисто медицинскій не преобладаетъ здѣсь надъ всѣми остальными, пріемы изученія не отличаются существенно отъ тѣхъ, которые примѣнимы къ нормальнымъ душевнымъ настроеніямъ. Когда герой разсказа, за нѣсколько мѣсяцевъ до роковой ночи, боится встрѣчи съ знакомымъ лицомъ, бѣжитъ отъ людей, бродитъ по окраинамъ города и почти безсознательно готовится спрыгнуть въ манящую и зовущую его воду, онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть названъ вполнѣ здоровымъ человѣкомъ. Что-то болѣзненное совершается въ немъ и тогда, когда онъ чувствуетъ себя точно призваннымъ къ новой жизни письмомъ Вырезубова, и тогда, когда это письмо внезапно теряетъ для него свою обаятельную силу. Во всѣ эти минуты, однако, основными мотивами его дѣйствій остаются мысли и чувства, лежащія по сю сторону демаркаціонной линіи. Онъ ищетъ уединенія, потому что знакомыя лица напомнили бы ему о ненавистномъ, постыломъ прошломъ; онъ страстно радъ письму Вырезубова, потому что видитъ въ немъ средство отдѣлаться отъ этого прошлаго; онъ рѣшается на самоубійство, когда сознаетъ несбыточность послѣдней своей надежды. Трагизмъ его положенія заключается именно въ неотступности воспоминаній, въ неодолимости преграды, воздвигаемой ими передъ близкимъ, казалось, счастьемъ. Послѣдовательность настроеній, быстро смѣняющихся въ душѣ усталаго путника, связана весьма искусно съ процессомъ горѣнія дровъ, зажигаемыхъ въ его комнатѣ. „Дрова разгораются" — и онъ еще разъ чувствуетъ приливъ радужныхъ

ожиданій; „дрова горятъ“—и въ его памяти возстаетъ лучшая или, быть можетъ, единственная хорошая минута его жизни; „дрова горятъ полнымъ жаромъ“ — и передъ нимъ проносится все то, что̀ онъ перечувствовалъ и передумалъ послѣ полученія письма, воскресившаго въ немъ вѣру въ будущее; „дрова сгораютъ“—и онъ спѣшитъ бросить въ угасающій огонь все, напоминающее ему о прошломъ; „дрова сгорѣли“—и онъ убѣждается въ томъ, что прошлое неистребимо. Въ его душѣ, какъ и вокругъ него, воцаряются „холодъ и мракъ“. „Онъ все сидѣлъ на своемъ стулѣ у печки, съ тупымъ, остановившимся взглядомъ, устремленнымъ на потухшіе уголья. Да, они уже потухли совсѣмъ, и тамъ, гдѣ назадъ тому часа полтора пылали дрова, были теперь холодъ и мракъ. И повсюду они — холодъ и мракъ... И тамъ, позади, и вокругъ, и дальше, въ невѣдомомъ безконечномъ пространствѣ грядущаго — холодъ и мракъ. И какъ это странно, что никому не приходитъ такая простая мысль въ голову!.. Росло гдѣ-то дерево, ель, сосна или береза, но явился топоръ и порубилъ его на дрова; потомъ сложили дрова эти въ печку, зажгли —и вотъ они горятъ и пылаютъ ровно и дружно, исполняя свое назначеніе безотчетно, безсмысленно, не зная, почему и зачѣмъ это съ ними творится. А потомъ сгорѣли дрова, и нѣтъ уже ихъ, и въ печкѣ осталась одна лишь зола... Ну, а если предположить вдругъ, что природа дала бы имъ сознаніе и способность предвидѣнія будущаго, — спрашивается, не возмутились ли бы они тогда противъ своего положенія?“... Для человѣка, ничего не ждущаго въ будущемъ и безсильнаго „порвать“ съ прошедшимъ, единственный возможный способъ „возмущенія“ — самоубійство. Развязка разсказа напоминаетъ развязку „Дня итога“; кое-что общее есть и между обоими героями, но, по сжатости и простотѣ, послѣднее произведеніе г. Альбова выше перваго, положившаго начало его извѣстности.

Въ новомъ сборникѣ „разсказовъ“ г. Чехова самое видное мѣсто занимаетъ „Степь“—первая попытка талантливаго автора расширить рамки своего творчества. Оказывается однако, что разница между „Степью“ и прежними произведеніями г. Чехова —скорѣе количественная, чѣмъ качественная. „Степь“ занимаетъ сравнительно много мѣста, но пріемы разсказчика измѣнились очень мало. Сцены слѣдуютъ одна за другой, но не вытекаютъ другъ изъ друга; едва связанныя между собою, онѣ не потеряли бы ровно ничего, еслибы распались на нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, еслибы вмѣсто „Степи“ мы имѣли „Жаркій день въ

степи", „Еврейскую корчму", „Обозъ ночью подъ грозою" и т. д. Самая большая роль принадлежитъ Егорушкѣ, девятилѣтнему мальчику, котораго везутъ въ гимназію; но, несмотря на массу небольшихъ штриховъ, потраченныхъ на его изображеніе, онъ выходитъ не такимъ рельефнымъ, какъ нѣкоторыя лица въ прежнихъ этюдахъ г. Чехова, обрисованныя двумя-тремя мазками. Мы узнаемъ подробно ощущенія Егорушки въ разные моменты его странствованія, но самъ Егорушка остается фигурой довольно блѣдной; изъ-за деревьевъ, въ данномъ случаѣ, не совсѣмъ хорошо виденъ лѣсъ. Мальчикъ, которому отецъ старается доказать вредъ куренья (см. разсказъ „Дома", въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Въ сумеркахъ"), проходитъ передъ нашими глазами съ несравненно большей быстротой, чѣмъ Егорушка—но оставляетъ впечатлѣніе болѣе живое. Всего больше удался автору отецъ Христофоръ, благодушный, болтливый старичокъ, сохранившій лишь коекакіе обрывки семинарскихъ знаній, но крѣпко вѣрящій въ могущество образованія. Кузьмичевъ, его кучеръ, оба еврея, обозчики—все это не болѣе какъ силуэты. Дѣйствія, въ настоящемъ значеніи этого слова, нѣтъ вовсе; разговоры слѣдуютъ за описаніями, описанія — за разговорами. Это не значитъ еще, конечно, чтобы г. Чеховъ не былъ способенъ создать крупное произведеніе—крупное не по одному лишь объему. Первый опытъ, сдѣланный имъ въ этомъ направленіи, не можетъ даже быть названъ неудачнымъ; онъ только нерѣшителенъ, и поставленный имъ вопросъ по-прежнему долженъ считаться открытымъ.

Разсматриваемая какъ новый шагъ по старой дорогѣ, „Степь" заключаетъ въ себѣ множество страницъ, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ разсказамъ г. Чехова. Картины степного раздолья, то радостнаго и свѣтлаго, то однообразнаго и томительноскучнаго, то таинственнаго и грознаго, написаны съ мастерствомъ, свойственнымъ г. Чехову. Онъ умѣетъ найти эпитетъ, заставляющій насъ смотрѣть его глазами, видѣть именно то, что онъ хочетъ показать намъ!.. Утромъ, пока еще не высохла роса и не высоко поднялось солнце, степь улыбается и блещетъ, точно готовясь зажить новою жизнью; „но проходитъ немного времени, роса испаряется, воздухъ застываетъ—и *обманутая* степь „принимаетъ свой унылый, іюльскій видъ". Одно слово: *обманутая* стоитъ здѣсь цѣлаго десятка фразъ—до такой степени сильно оно возбуждаетъ въ насъ впечатлѣніе чего-то хмурящагося и хмураго, впечатлѣніе рѣзкаго перехода отъ свѣта къ мраку. Послѣдующее описаніе сохраняетъ колоритъ, заранѣе брошенный на него этимъ словомъ. „Трава поникла, жизнь замерла. Заго-

рѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, равнина съ туманной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи кажется странно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски". Природа, точно раздѣляющая наши ощущенія, точно живущая нашею жизнью, всегда становится намъ понятнѣе и ближе. Конечно, при этомъ способѣ изображенія возможны преувеличенія, неловкости, возможны нарушенія такта и чувства мѣры, но г. Чеховъ большею частью остается отъ нихъ свободнымъ, и даже его ошибки проходятъ безслѣдно. Егорушка слышитъ пѣсню, и ему кажется, что это поетъ трава. „Въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренне убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ невиновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, еслибы не зной и не засухи; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя". Егорушкѣ все это, очевидно, не могло придти въ голову; но если мы о немъ забудемъ и удержимъ въ памяти только звукъ, долетѣвшій неизвѣстно откуда въ степной тишинѣ, среди полуденнаго зноя, то получимъ поэтическій образъ, полный художественной правды... Работа фантазіи возбуждается въ г. Чеховѣ не только картинами природы, но и самыми обыденными предметами. Вотъ какъ онъ описываетъ, напримѣръ, обстановку убогой еврейской корчмы. „Стулья были какимъ-то жалкимъ подобіемъ мебели, съ отжившей свой вѣкъ клеенкой и съ неестественно сильно загнутыми назадъ спинками, придававшими стульямъ большое сходство съ дѣтскими санями. Трудно было понять, какое удобство имѣлъ въ виду невѣдомый столяръ, загибая такъ немилосердно спинки, и хотѣлось думать, что тутъ виноватъ не столяръ, а какой-нибудь проѣзжій силачъ, который, желая похвастать своей силой, согнулъ стульямъ спины, потомъ взялся поправлять и еще больше согнулъ. На полу тянулись щели и зіяли дыры непонятнаго происхожденія; думалось, что ихъ пробилъ каблукомъ все тотъ же силачъ". Широкая степная дорога наводитъ Егорушку на „сказочныя мысли": „можно подумать, что еще на Руси не перевелись громадные, широко-шагающіе люди въ родѣ Ильи Муромца или Соловья-разбойника, и что еще не вымерли богатырскіе кони".

Остальные разсказы, вошедшіе въ составъ сборника, весьма неодинаковы по достоинству. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ „Тина", Тайный совѣтникъ"—не возвышаются надъ уровнемъ анекдота; другіе,—напримѣръ „Счастье", „Тифъ", „Перекати-

поле"—слишкомъ бѣдны и содержаніемъ, и отдѣльными красотами, составляющими иногда главную силу очерковъ г. Чехова. Недурны „Ванька", „Свирѣль", „Задача"; еще лучше „Письмо" и „Поцѣлуй", особенно первое. На пространствѣ нѣсколькихъ страницъ нарисованы здѣсь три лица, соперничающія между собою по рельефности очертаній: отецъ благочинный, строгій, увѣренный въ себѣ, не знающій ни сомнѣній, ни колебаній; дьяконъ, стушевывающійся передъ величіемъ своего начальника, искренно поклоняющійся его уму, его талантамъ, и „запрещенный" отецъ Анастасій, низко падшій, но познавшій, въ своемъ паденіи, высокую цѣну милосердія и кротости. Отецъ благочинный, по просьбѣ дьякона, диктуетъ ему грозное письмо къ его сыну, забывшему завѣты старины; дьяконъ восторгается краснорѣчіемъ суровыхъ фразъ, ожидаетъ отъ нихъ самаго лучшаго дѣйствія на заблудшую овцу и не хочетъ сначала и слушать отца Анастасія, совѣтующаго ему не посылать письма. „Ежели отецъ родной его не проститъ,—говоритъ Анастасій,—то кто-жъ его проститъ? Такъ и будетъ, значитъ, безъ прощенія жить? А ты, дьяконъ, разсуди: наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ!" Чрезвычайно естественно рѣшеніе, на которомъ, въ концѣ концовъ, останавливается дьяконъ; онъ посылаетъ письмо, потому что не можетъ поступить иначе, изъ уваженія къ отцу благочинному, но прибавляетъ къ нему, подъ вліяніемъ словъ отца Анастасія, благодушнѣйшую приписку, совершенно разрушающую эффектъ предшествовавшихъ громовъ. Все въ этомъ небольшомъ разсказѣ дышетъ простой, неподкрашенной житейской правдой... Въ „Поцѣлуѣ" очень хорошо главное дѣйствующее лицо, штабсъ-капитанъ Рябовичъ, въ сѣренькую скучную жизнь котораго внезапно проникаетъ лучъ солнца. Положимъ, что этотъ лучъ вовсе не ему былъ предназначенъ, но все-таки онъ чувствуетъ себя пригрѣтымъ и оживленнымъ. Его поцѣловала въ темнотѣ какая-то женщина, принявъ его за другого, и онъ цѣлые мѣсяцы живетъ воспоминаніями объ этомъ поцѣлуѣ, чего-то ждетъ, на что-то надѣется. Когда, наконецъ, исчезаетъ сладкая иллюзія, жизнь представляется ему „необыкновенно скудной, убогой и безцвѣтной". Картина закончена вполнѣ, несмотря на всю ея миніатюрность. Рябовичу и не суждено, можетъ быть, дожить до другого эпизода, который заставилъ бы его забыть о таинственномъ „поцѣлуѣ".

К. Арсеньевъ.



ИСТОРІЯ
КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

— Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX-го вѣка. В. И. Семевскаго. Два тома. Спб., 1888.

Больше тридцати лѣтъ крестьянскій вопросъ остается однимъ изъ тѣхъ предметовъ, къ которымъ наиболѣе привязано вниманіе правительства, общества и литературы. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и до 19-го февраля, и затѣмъ въ первую эпоху освобожденія—это былъ основной предметъ, къ которому сводились и правительственныя мѣропріятія, и общественные толки: и естественно,—потому что въ крестьянскомъ вопросѣ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшался одинъ изъ коренныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ всей нашей государственной жизни и общественнаго быта, преобразовывались вѣковыя отношенія двухъ сословій, изъ которыхъ одно было главною массою рабочей силы, другое—главною массою правящаго класса и интеллигенціи. Общественный бытъ затронутъ былъ въ реформѣ за самое живое; измѣнились радикально и отношенія экономическія, и строй нравственныхъ понятій, и характеръ быта... Но за тридцать лѣтъ назадъ этотъ предметъ, которому посвящалось теперь столько многосложныхъ и крайне трудныхъ изысканій, въ которомъ всѣ безъ исключенія, и друзья и недруги реформы, видѣли основной интересъ нашей государственности и общественнаго быта, къ которому относились одни съ недовѣріемъ, страхомъ, личными и сословными опасеніями, другіе—съ самыми горячими патріотическими надеждами, этотъ предметъ былъ именно строжайшимъ образомъ закрытъ отъ обще-

ственнаго обсужденія; ни въ литературѣ, ни въ общественныхъ собраніяхъ дворянскаго класса, которому этотъ предметъ былъ особенно близокъ по всѣмъ условіямъ его привилегированнаго положенія, не могло быть рѣчи объ этомъ предметѣ—преслѣдовался даже самый отдаленный намекъ на присутствіе этого вопроса, который, однако, стоялъ передъ обществомъ, какъ неотвратимое требованіе историческаго хода вещей.

Таково было положеніе дѣлъ, и оно было чрезвычайно характерно для исторіи развитія русскаго общества. Въ то время, когда національная жизнь настоятельно шла къ новому порядку вещей и внутренній процессъ подвигался съ неодолимою силой исторіи, этотъ вопросъ оффиціально не существовалъ для русскаго общества: оно должно было имѣть убѣжденіе, что существующія отношенія представляютъ наилучшій порядокъ вещей, что никакихъ преобразованій не требуется; сомнѣніе въ этомъ являлось неблагонамѣренностью, попытка выразить его была преступленіемъ. Такимъ образомъ, одна изъ самыхъ существенныхъ сторонъ національнаго бытія должна была быть въ общественномъ сознаніи окружена какимъ-то недоумѣніемъ или лицемѣріемъ, была поставлена въ такія натянутыя искусственныя рамки, что въ результатѣ получалась неестественная двойственность, которая не могла не отражаться вредно на нравственномъ воспитаніи цѣлаго общества. Послѣдствія этихъ стѣсненій общественнаго мнѣнія сказались въ особенности въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ отозвались вредно на самомъ ростѣ общественной мысли: она такъ долго была удерживаема, въ массѣ, въ состояніи ребяческаго невѣденія, что кромѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей большинство не умѣло впослѣдствіи правильно отнестись къ преобразованію, когда оно стало осуществляться на дѣлѣ, а въ разрядѣ людей болѣе образованныхъ, понимавшихъ необходимость реформы и отдававшихъ ей самыя пламенныя сочувствія, недостатокъ оцѣнки всѣхъ практическихъ размѣровъ положенія повелъ къ преувеличеннымъ ожиданіямъ и къ ненормальному возбужденію. То и другое приводило къ весьма печальнымъ явленіямъ. Съ одной стороны, преобразованіе, наступившее вдругъ, безъ достаточнаго пониманія въ массѣ общества, при своемъ выполненіи встрѣтило затрудненія, которыхъ могло бы не быть, еслибы вопросъ былъ выясненъ ранѣе. Далѣе, дворянское хозяйство въ громадномъ большинствѣ случаевъ было захвачено реформой въ расплохъ, и это повело къ такому обѣдненію дворянства (выразившемуся въ особенности переходомъ множества дворянскихъ имѣній въ руки кулаковъ и промышленниковъ) и

даже упадку его общественнаго значенія, что въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ самой правительственной сферѣ обдумываются мѣры къ поднятію этого значенія искусственными средствами, какова, напримѣръ, предполагаемая реформа мѣстнаго управленія. Наконецъ, надежды, возбужденныя началомъ реформы, за отсутствіемъ въ прежнее время возможности какого-нибудь серьезнаго знакомства съ практическими сторонами государственной и общественной жизни, кончались преувеличеніями, принимавшими иногда характеръ болѣзненнаго политическаго возбужденія. Все это, какъ легко теперь видѣть, было совершенно естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ долго стояло общественное мнѣніе, то-есть вся умственная и нравственная жизнь общества; и очевидно, что многое изъ подобныхъ неблагополучныхъ явленій могло бы быть избѣгнуто, еслибы это общественное мнѣніе имѣло прежде какой-нибудь правильный путь для своего выраженія, еслибы реформа была подготовлена въ умахъ ранѣе, еслибы общество успѣло постепенно и заранѣе освоиться съ существенными условіями его собственныхъ интересовъ.

Изъ этихъ стѣсненій общественнаго мнѣнія послѣдовали также затрудненія для самого правительства въ правильномъ рѣшеніи вопроса. Даже въ то время, когда въ принципѣ было рѣшено освобожденіе крестьянъ, правительство, подъ вліяніемъ всѣхъ прежнихъ отношеній самой власти къ этому предмету, не рѣшилось назвать этого слова: оно само не знало истиннаго положенія вещей; подъ впечатлѣніемъ старинныхъ страховъ оно говорило только объ „улучшеніи быта“, скрывая великое государственное дѣло подъ рутинной канцелярской фразой; оно только нѣхотя открывало вопросъ для обсужденія въ печати, продолжая относиться къ ней не весьма дружелюбно, хотя печать заслуживала бы вниманія, потому что все-таки была единственнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. И какъ ни ограниченны были тогда средства самой печати въ изученіи вопроса, правительство все-таки имѣло бы возможность извлечь изъ нея не мало полезныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что хотя правительство принимало съ своей стороны обширныя мѣры къ изученію вопроса въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій, работа все-таки сдѣлана была въ торопяхъ, въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ-пяти лѣтъ,—тогда какъ самая сложность вопроса и разнообразіе мѣстныхъ условій народнаго быта должны были бы именно потребовать массы свѣденій, какія могла доставить и печать. Извѣстная сторона мнѣній о крестьянскомъ вопросѣ была оставлена совсѣмъ, или почти безъ вниманія, и въ результатѣ вопросъ оказался не довольно

изученнымъ и рѣшеннымъ болѣе или менѣе односторонне; недостатки рѣшенія крестьянскаго дѣла стали оказываться уже вскорѣ.

Такимъ образомъ, исторія крестьянскаго вопроса тѣсно связывается съ исторіей нашего общественнаго мнѣнія, нашихъ нравовъ, административныхъ обычаевъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ она пріобрѣтаетъ двойной историческій интересъ. Такъ понялъ ее и авторъ книги, на которой мы теперь остановимся. В. И. Семевскій уже много лѣтъ посвящаетъ свои труды чрезвычайно внимательному изученію крестьянскаго вопроса и исторіи его рѣшенія. Не говоря о множествѣ отдѣльныхъ статей въ журналахъ, по разнымъ предметамъ исторіи крестьянскаго быта, въ 1881 г. вышелъ цѣлый обширный трудъ его о положеніи крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. Съ тѣхъ поръ стали появляться въ журналахъ его изслѣдованія по исторіи крестьянскаго вопроса съ начала прошлаго вѣка и до половины настоящаго столѣтія, то-есть до рѣшенія его при имп. Александрѣ II. Эти послѣднія изслѣдованія собраны имъ теперь въ цѣлое сочиненіе, составившее два большихъ тома.

Въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ подобнаго цѣльнаго труда по исторіи крестьянскаго вопроса; были разработаны болѣе или менѣе только отдѣльные эпизоды этой исторіи. Таковы были: опытъ г. Романовича-Славатинскаго въ книгѣ: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмѣны крѣпостного права“ (1870); сочиненіе г. Энгельмана: „Die Leibeigenschaft in Russland“ (1884); отдѣльныхъ эпизодовъ исторіи крестьянскаго вопроса касались г. Мулловъ—въ статьѣ: „Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка“ (1859); Ходневъ—въ „Исторіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества“ (1865); г. Иконниковъ, сообщившій нѣкоторыя свѣденія о положеніи крестьянскаго дѣла при Александрѣ I, въ біографіи Н. С. Мордвинова (1873); г. Вешняковъ—въ книжкѣ о „Крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи“; далѣе, составитель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“, гдѣ сообщены также свѣденія о положеніи дѣла въ предыдущее царствованіе; Виталій Шульгинъ—въ статьѣ: „Юго-Западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова“ (1879)—о крестьянскомъ вопросѣ въ юго-западной Россіи въ сороковыхъ годахъ; наконецъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій—въ извѣстной біографіи П. Д. Киселева (1882). Свѣденія о ходѣ крестьянскаго вопроса, сообщенныя въ этихъ сочиненіяхъ, были или слишкомъ кратки, или, въ спеціальныхъ работахъ, давали подробности только о частныхъ

эпизодахъ этой исторіи или только о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Г-нъ Семевскій въ первый разъ даетъ послѣдовательное и подробное изложеніе предмета, важное между прочимъ тѣмъ, что, исчерпавъ всю относящуюся сюда печатную литературу, онъ воспользовался также многими неизданными матеріалами и архивными дѣлами, которыя до сихъ поръ еще не были затронуты или разработаны историками крестьянскаго вопроса. Такъ, онъ нашелъ множество любопытнаго матеріала въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества, который доставилъ ему свѣденія относительно конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія; въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ, образованнаго изъ V-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и находившагося въ первое время подъ управленіемъ гр. Киселева, наиболѣе заслуженнаго дѣятеля по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая; въ архивѣ кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта, гдѣ, между прочимъ, находятся дѣла Екатерининской законодательной коммиссіи; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и Румянцовскаго музея въ Москвѣ; въ рукописномъ собраніи редакціи „Русской Старины"; наконецъ, въ рукописяхъ, принадлежащихъ самому автору, гдѣ особливо важны копіи съ дѣлопроизводства секретныхъ комитетовъ, которые учреждались нѣсколько разъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая. Благодаря этому обширному матеріалу, авторъ имѣлъ возможность изложить судьбу крестьянскаго вопроса съ такою подробностью, что передъ нами отчетливо выступаютъ всѣ черты этой исторіи, со всѣми колебаніями мнѣній по крестьянскому вопросу какъ въ средѣ самого правительства, такъ и въ умахъ общества, и, наконецъ, въ произведеніяхъ литературы. Особымъ достоинствомъ труда г. Семевскаго является то, что онъ не останавливается только на внѣшней административной и законодательной сторонѣ вопроса, но слѣдитъ судьбу его въ общихъ представленіяхъ власти о положеніи народной жизни, въ складѣ мыслей помѣщичьяго сословія, въ настроеніи народа, то-есть самого крѣпостного населенія, наконецъ, въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ людей и лучшихъ дѣятелей литературы. Такимъ образомъ, въ книгѣ автора мы находимъ не одну спеціальную исторію учрежденія, но цѣлую картину политическаго быта и общественной культуры, какъ они выражались по отношенію къ вопросу, который былъ однимъ изъ важнѣйшихъ, хотя долго подавляемымъ вопросомъ нашей національной жизни.

Нѣкогда, вопросъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ былъ административной мѣрой, въ необходимости которой правительство было убѣждено и вѣроятно не сомнѣвались и помѣстные владѣльцы, кому эта мѣра была удобна и выгодна; мнѣнія крестьянъ не спрашивали. Впослѣдствіи, прикрѣпленіе къ землѣ, оставлявшее однако крестьянъ лично болѣе или менѣе свободными, превратилось мало-по-малу въ полное личное закрѣпощеніе: въ XVIII вѣкѣ крѣпостное рабство достигаетъ полнаго развитія, и въ „блестящій вѣкъ“ Екатерины и затѣмъ въ царствованіе имп. Павла доходитъ до своего апогея, такъ какъ въ это время не только развилась вполнѣ власть помѣщиковъ надъ крестьянами, но, кромѣ того, тогда обращаемы были въ крѣпостное состояніе сотни тысячъ дотолѣ свободныхъ людей. Съ давнихъ временъ, однако, крѣпостное право начинаетъ вызывать хотя единичныя сомнѣнія и осужденія, исходившія какъ изъ чисто нравственной точки зрѣнія, такъ и изъ соображеній государственно-экономическихъ. Историкъ отыскиваетъ теперь эти давнія заявленія и находитъ въ нихъ интересъ первыхъ опытовъ общественнаго мнѣнія по этому вопросу; но, оставаясь единичными и случайными взглядами отдѣльныхъ лицъ, въ свое время эти сомнѣнія въ крѣпостномъ правѣ не оказывали никакого вліянія на развитіе учрежденія. Извѣстное вмѣшательство общественнаго мнѣнія начинается съ тѣхъ поръ, когда оно успѣло нѣсколько установиться, нашло извѣстную возможность выраженія въ печати, и когда поводъ къ этому подавало само правительство. Такъ это было въ царствованіе Екатерины II, собственно только въ его первые годы, въ эпоху „Наказа“, когда императрица, въ порывѣ своего либеральнаго настроенія, вызывала въ обществѣ нравственно-политическіе вопросы, въ числѣ которыхъ явился и вопросъ о крѣпостномъ правѣ; въ это время мы встрѣчаемся съ первыми опредѣленными осужденіями крѣпостного права или сомнѣніями въ его нравственной и экономической состоятельности; но либеральное настроеніе императрицы держится недолго, и къ концу царствованія отрицаніе крѣпостного права становится государственнымъ преступленіемъ. Въ слѣдующее царствованіе немыслимо было никакое выраженіе мнѣній ни по этому, ни по какому бы ни было общественному и политическому вопросу. Въ царствованіе Александра I повторилось почти то же, что̀ было нѣкогда при его бабкѣ: въ первые годы царствованія —либеральные и филантропическіе проекты, кончившіеся ничѣмъ или почти ничѣмъ (они ограничились закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, имѣвшимъ крайне ограниченное дѣйствіе, и безземельнымъ освобожденіемъ остзейскихъ крестьянъ), а въ концѣ

опять полное закрытіе крестьянскаго вопроса для общественнаго мнѣнія. Въ слѣдующее царствованіе не было и этого временного либеральнаго порыва: самъ императоръ Николай, какъ достаточно теперь разъясняется, былъ очень занятъ крестьянскимъ вопросомъ, — но никогда ни на минуту не думалъ дѣлать его доступнымъ для общественнаго мнѣнія: вопросъ былъ безусловно закрытъ для литературы, которая могла касаться его только очень отдаленнымъ образомъ, или въ условныхъ терминахъ политической экономіи, или въ невсегда уловимой для цензуры формѣ поэтической.

Тѣмъ не менѣе, исторія крестьянскаго вопроса еще разъ указываетъ, что если „гнать природу въ дверь, она влетаетъ въ окно": бытовой и экономическій процессъ совершался своимъ путемъ и приводилъ къ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ. Сколько ни старался могущественный авторитетъ власти сохранить учрежденіе въ его statu quo, крестьянскій вопросъ постоянно развивался и давалъ все болѣе и болѣе чувствовать необходимость преобразованія; правительство, наименѣе либеральное, упорно вездѣ настаивавшее на неизмѣнномъ сохраненіи преданія, само озабочено было планами освобожденія, которымъ могли только горячо сочувствовать вовсе имъ не поощряемые либералы. Стали все больше бросаться въ глаза различныя ненормальныя явленія крѣпостного права: и его противорѣчія нравственному чувству, такъ какъ оно слишкомъ наглядно оскорбляло человѣческое достоинство; и его неудобство въ смыслѣ общественнаго спокойствія, потому что все чаще повторялись случаи волненій, не дававшія забывать о крестьянскомъ бунтѣ временъ Пугачева; наконецъ, его несостоятельность экономическая, потому что нужно было придти къ убѣжденію въ простой невыгодности обязательнаго крѣпостного труда въ сравненіи съ трудомъ вольнонаемнымъ. Стѣсненіе общественнаго мнѣнія было невыгодно для самихъ плановъ правительства: вопросъ, обсуждаемый „секретно" и „келейно", разумѣется, не могъ быть оцѣненъ такъ широко и многосторонне, какъ еслибы онъ былъ достояніемъ цѣлаго общества, гдѣ — несмотря на предполагаемую обыкновенно неприготовленность общества судить о политическихъ предметахъ—могли, однако, найтись большіе практическіе знатоки дѣла, какихъ не могла воспитать канцелярія. Многіе недоумѣнія и страхи, какими пугали себя „секретныя" коммиссіи, могли легко отпасть при болѣе открытой постановкѣ всего вопроса—какъ это было послѣ, передъ самой реформой, хотя и тогда общественное мнѣніе далеко не могло высказываться съ какой-нибудь полнотой.

Устраненіе общества отъ всякаго участія не только въ рѣ-

шеніи, но даже въ скромномъ обсужденіи вопроса, не остановило, однако, все бо̀льшаго распространенія въ обществѣ интереса къ крестьянскому вопросу и убѣжденія въ необходимости его рѣшенія. Трудно сказать, когда могла зародиться первая мысль объ этомъ; во всякомъ случаѣ эта мысль возникла уже давно, но едва ли сомнительно, что въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ она складывается только съ тѣхъ поръ, какъ возникаетъ первая литература подъ европейскими вліяніями, приблизительно со второй половины XVIII вѣка. Съ этой литературой явился проводникъ для европейскихъ общественныхъ и нравственныхъ понятій и первая возможность книжнаго распространенія и обмѣна мыслей. Еще съ начала столѣтія и даже раньше, съ конца XVII вѣка, русскій читатель находилъ въ переводныхъ иностранныхъ книгахъ разсужденія о предметахъ нравственной и общественной жизни, какихъ не давала ему традиціонная письменность; теперь бывали доступны иностранныя книги уже въ подлинникѣ и въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ прежде; книга начинала становиться потребностью; наконецъ, французская литература дѣлалась модной, а въ первые годы царствованія Екатерины II либеральныя идеи французской философіи проповѣдывались съ высоты престола. Много было говорено о поверхностномъ характерѣ тогдашнихъ иностранныхъ вліяній, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ то же время въ умы русскаго общества глубоко западали многія нравственныя представленія, которыя были для него новы и дѣлались положительнымъ пріобрѣтеніемъ. Теперь, когда нѣсколько разработана литература нашего XVIII вѣка, мы ясно видимъ слѣды того воспитательнаго значенія, которое имѣли у насъ первостепенные писатели тогдашней нѣмецкой, французской и англійской литературы. Мысль о нравственномъ человѣческомъ достоинствѣ, о необходимости противодѣйствовать общественной несправедливости, общее филантропическое настроеніе нерѣдко оказывали у насъ сильное вліяніе и создавали новый слой людей съ нравственными запросами, переходившими и въ самую жизнь. Таковы бывали и вольнодумцы, и мистики конца XVIII вѣка. Въ этомъ кругу привились и укрѣпились новыя мысли о крѣпостномъ правѣ и съ тѣхъ поръ уже не забывались въ русскомъ обществѣ. Сколько съ тѣхъ поръ ни повторялись запрещенія говорить объ этомъ предметѣ въ печати, эта мысль никогда уже не исчезала изъ обращенія и высказывалась каждый разъ, когда представлялась къ этому какая-нибудь возможность. Такъ, отъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія эта мысль перешла въ первые годы царствованія Александра I и затѣмъ отъ юношескихъ сти-

хотвореній Пушкина развилась до стихотвореній Некрасова и до первыхъ разсказовъ Тургенева. Строго преслѣдуемая оффиціально, эта мысль неуловимо жила въ теоретическихъ представленіяхъ и поэтическихъ идеалахъ наиболѣе просвѣщенной части общества, и когда, наконецъ, заявлена была правительственная программа преобразованія, въ обществѣ высказалось тотчасъ множество горячихъ и искреннихъ сочувствій, которымъ, повидимому, некогда было развиться до такого открытаго энтузіазма—онъ былъ подготовленъ задолго ранѣе всѣмъ ходомъ внутренняго развитія общества, когда эта мысль, преслѣдуемая оффиціально, жила наперекоръ всему, какъ идеалъ свѣтлаго будущаго. Замѣтимъ при этомъ, что это общественное сочувствіе не было только однимъ чувствомъ платонической филантропіи, а, напротивъ, заключало въ себѣ и болѣе или менѣе ясныя представленія о желаемыхъ практическихъ пріемахъ самого освобожденія: таково было, напримѣръ, убѣжденіе въ необходимости освобожденія крестьянъ съ гораздо болѣе значительнымъ земельнымъ надѣломъ, чѣмъ тотъ, какой былъ принятъ оффиціальными коммиссіями.

Мы не имѣемъ возможности слѣдить подробно за богатымъ содержаніемъ книги г. Семевскаго: это—рядъ обстоятельно исполненныхъ трактатовъ, въ которыхъ собрано множество свѣденій по исторіи крестьянскаго вопроса со временъ Петра, даже съ конца XVII столѣтія, и до начала реформы 19-го февраля. Любопытно, что первая мысль объ освобожденіи крестьянъ относится еще къ концу XVII вѣка и принадлежала извѣстному любимцу царевны Софьи, князю В. В. Голицыну. Свѣденіе объ этомъ сохранилось въ книгѣ французскаго путешественника Нёвилля, который руководился въ этомъ случаѣ разсказами ученаго Спафарія, находившагося въ то время на русской службѣ. Нёвилль видалъ и самого князя, который, повидимому, произвелъ на него большое впечатлѣніе своею личностью и своими широкими планами. „Цѣлью князя было,—говоритъ французскій путешественникъ, — поставить Россію на одну доску съ прочими государствами: для этого онъ велѣлъ собрать свѣденія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ*, съ пользою для царя—за ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государей“. Нёвилль прямо замѣчаетъ, что Голицынъ надѣялся этимъ средствомъ возбудить въ народѣ трудолюбіе и промышленную дѣятельность въ надеждѣ обогащенія государства и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

желалъ замѣнить регулярною арміею „полки крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой безполезной для государства повинности обложить ихъ умѣренною поголовною податью". Г. Семевскій считаетъ эти показанія весьма вѣроятными, хотя, впрочемъ, Голицынъ, занятый военными и дипломатическими дѣлами, не успѣлъ выполнить своихъ предположеній. Царствованіе Петра, съ одной стороны, ухудшило положеніе крестьянскаго дѣла тѣмъ, что уравняло крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей: въ прежнее время кабальные холопы дѣлались свободными въ случаѣ смерти господина, теперь они потеряли это право; но, съ другой стороны, Петръ нѣсколько ограничилъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами: онъ позволилъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина, разрѣшилъ торговымъ крестьянамъ приписываться къ городамъ даже вопреки желаніямъ помѣщика, причемъ послѣдній не могъ брать съ нихъ оброка больше, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ; принималъ мѣры противъ помѣщиковъ, разорявшихъ свои имѣнія, указывалъ сенату на необходимость ограничить торговлю крестьянами безъ земли и т. п. Современникъ Петра, извѣстный Посошковъ, считалъ нужными болѣе правильныя мѣры для обезпеченія крестьянъ и предвидѣлъ въ будущемъ возможность освобожденія. „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, — говорилъ онъ,—того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель — всероссійскій самодержавецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное". Для своего времени Посошковъ не считалъ возможнымъ прекращеніе личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, но онъ желалъ точнаго опредѣленія поборовъ въ пользу помѣщика.

Авторъ удивляется (стр. 7), что не нашлось ничего въ защиту порабощенныхъ земледѣльцевъ у Ломоносова, который, въ своемъ „Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа", только мимоходомъ коснулся „помѣщичьихъ отягощеній крестьянъ": можно припомнить, что „Разсужденіе" Ломоносова сохранилось не вполнѣ, хотя возможно и то, что онъ, какъ и множество его современниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, не отрицалъ самаго учрежденія, считая, какъ и Посошковъ, что крестьяне нуждаются въ надзорѣ, и осуждая только злоупотребленія помѣщичьей власти. Противникомъ крѣпостного права не

былъ и Татищевъ, извѣстный историкъ, принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ первой половины прошлаго столѣтія. Въ общемъ смыслѣ онъ понималъ возможность свободы крестьянъ, и въ исторіи онъ зналъ примѣры, что „вольность крестьянъ... многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ“, но для своего времени считалъ уничтоженіе крѣпостного права невозможнымъ: „оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить небезопасно“. Подобнымъ образомъ авторъ не находитъ никакихъ протестовъ противъ крѣпостного права у Кантемира, который въ своихъ сатирахъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ осуждаетъ только злоупотребленія крѣпостного права, именно жестокость помѣщиковъ.

Самъ авторъ замѣчаетъ, что отсутствіе всякой мысли объ освобожденіи крестьянъ въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія до самаго царствованія Екатерины II находитъ объясненіе въ томъ, что закрѣпленіе крестьянъ не казалось особенной аномаліей въ то время, когда закрѣпощены были всѣ сословія и когда онѣ несли государственное тягло. Само дворянство несло нелегкую службу и прежде всего старалось само освободиться отъ обязательной службы, чего и достигло при Петрѣ III. „Мѣра Петра III, освободившая дворянъ отъ обязательной службы, заставила крестьянъ встрепенуться отъ надежды на ихъ грядущее освобожденіе и, въ то же время, поставила самую серьезную задачу его талантливой преемницѣ, которую литературныя изученія уже привели къ теоретическому осужденію крѣпостного права“.

Авторъ весьма обстоятельно излагаетъ положеніе крестьянскаго вопроса въ царствованіе Екатерины II, ея собственные либеральные планы въ первые годы ея правленія, взгляды на дѣло ея приближенныхъ и, наконецъ, ея послѣдующія практическія дѣйствія, совершенно противорѣчащія заявленіямъ прежняго времени. Повидимому, Екатеринѣ II именно предстояла освободительная роль относительно крестьянства, когда въ предыдущее царствованіе устранено было самое серьезное препятствіе къ уничтоженію крѣпостного права—обязательная служба дворянства; когда вслѣдствіе этой мѣры у самихъ крестьянъ явилась надежда на измѣненіе ихъ быта, выразившаяся тогда многочисленными волненіями; когда сама императрица была горячей поклонницей французской философіи, пропитанной филантропическими и освободительными идеями (извѣстно, что въ практическомъ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ французскіе философы оказались не особенно либеральны—но они полагали, и сами русскіе ихъ въ томъ

увѣряли, что русскій народъ есть народъ варварскій). „Императрица Екатерина, повидимому, была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы если не довести до конца, то по крайней мѣрѣ начать измѣненіе быта крестьянъ. Съ освободительными идеями она носилась еще будучи великой княгиней: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы, она писала: „противно *христіанской вѣрѣ и справедливости* дѣлать невольниками людей; они всѣ рождаются свободными", и полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца; такъ какъ, по ея мнѣнію, во сто лѣтъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ бо́льшая часть имѣній перемѣнитъ господъ, слѣдовательно въ теченіе этого времени народъ будетъ освобожденъ отъ рабства. Уничтоженіе крѣпостного права дѣйствительно совершилось черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Екатерина заносила эти мысли на бумагу, но, къ сожалѣнію, она сама только тѣмъ содѣйствовала ихъ осуществленію, что обратила на крестьянскій вопросъ вниманіе общества и литературы; для практическаго же его рѣшенія она не только ничего не сдѣлала, но еще болѣе ухудшила положеніе крѣпостныхъ".

Начало царствованія заставляло ожидать, что правительство приметъ какія-нибудь мѣры для ограниченія крѣпостного права. Не только сама императрица, но многіе изъ ея приближенныхъ, между прочимъ и такіе, которые отличались весьма консервативнымъ образомъ мыслей, находили, что тогдашнее положеніе крѣпостныхъ необходимо требуетъ преобразованія. Графъ П. И. Панинъ въ запискѣ, поданной императрицѣ еще въ 1763 году, указывалъ, что помѣщики собираютъ со своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, „не только превосходящіе примѣры ближнихъ *заграничныхъ жителей*, но частенько выступающіе и изъ *сносности человѣческой*"; онъ обращалъ также вниманіе на продажу людей въ рекруты и полагалъ, что одной изъ причинъ побѣговъ крестьянъ въ Польшу была „ничѣмъ не ограниченная помѣщичья власть". Къ тѣмъ же 1760-мъ годамъ относятся нѣсколько другихъ записокъ, предлагающихъ разныя мѣры по крестьянскому дѣлу съ тою же цѣлію какого-нибудь огражденія крестьянъ отъ произвола и тираніи помѣщиковъ; дѣлались, напримѣръ, предложенія о надѣленіи крестьянъ собственностью, которая одна можетъ побудить человѣка къ трудолюбію и усовершенствованію своего хозяйства; придумывались особые трибуналы, которые разбирали бы отношенія крестьянъ съ помѣщиками, и т. п.

Авторъ подробно разсматриваетъ содержаніе этихъ записокъ, частію извѣстныхъ только въ рукописяхъ, и, опредѣляя ихъ источники, указываетъ, что въ значительной степени эти новыя заботы о крестьянскомъ населеніи были внушены именно вліяніемъ тогдашней философской и экономической литературы, которая съ одной стороны выступала въ защиту угнетенныхъ классовъ общества, а съ другой—ставила вопросъ о развитіи и усовершенствованіи сельскаго хозяйства. Вліяніе школы физіократовъ очевидно, напримѣръ, на запискахъ князя Д. А. Голицына, который въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія еще очень молодымъ человѣкомъ поселился въ Парижѣ, сошелся тамъ съ кружками писателей и художниковъ, а въ 60-хъ годахъ, при Екатеринѣ II, былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Русская дѣйствительность доставляла къ сожалѣнію слишкомъ обильный матеріалъ для подобной критики. Подъ тѣми же литературными вліяніями сложились и мысли самой императрицы Екатерины.

Въ 1765 году, опять по французскому образцу, основалось въ Петербургѣ при участіи многихъ аристократическихъ лицъ „Патріотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльчества и экономіи", которое, послѣ утвержденія его устава, поступило подъ исключительное покровительство императрицы, не завися ни отъ какого правительственнаго учрежденія, и съ тѣхъ поръ стало называться „Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ къ приращенію въ Россіи земледѣлія и домостроительства". Извѣстно, что въ этомъ обществѣ впервые открыто поставленъ былъ вопросъ о мѣрахъ къ поднятію земледѣльческаго класса и къ облегченію, если не устраненію крѣпостного права, когда общество объявило въ печати премію за лучшее рѣшеніе вопроса: „что̀ полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ особенности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны". Объявленіе Вольнаго Экономическаго Общества вызвало множество (больше полутораста) отвѣтовъ въ сочиненіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ; это было первое начало печатной литературы по русскому крестьянскому вопросу. Г. Семевскій разобралъ подробно не только тѣ сочиненія, которыя были тогда изданы, но и нѣсколько другихъ, которыя остались въ рукописяхъ и сохранились въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Инициатива всего этого дѣла принадлежала самой императрицѣ. Въ то время, когда вновь образовавшееся Общество собиралось разсуждать о лучшихъ способахъ агрономіи, императрица въ концѣ 1765 г. послала въ Общество письмо, подписанное

буквами И. Е., подъ которыми сначала вовсе не узнали автора, гдѣ поставила основной вопросъ нашего сельскаго хозяйства и вмѣсто агрономіи приглашала Общество разрѣшить вопросъ о положеніи самого крестьянства и крестьянской собственности.

„Многіе разумные авторы,—говорилось въ письмѣ,—поставляютъ (т.-е. утверждаютъ) и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть такъ ни искуснаго рукодѣлія, ни твердо основной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отниметъ“,—и дальше ставится вопросъ, сводившійся къ тому, что будетъ лучшей формой крестьянской земельной собственности—участокъ, принадлежащій естественной и наслѣдующей семьѣ, или участокъ, устроенный искусственно съ извѣстнымъ числомъ работниковъ. Императрица видимо не знала объ общинной формѣ землевладѣнія. Безыменное письмо оставлено было въ Обществѣ безъ вниманія, и о немъ вспомнили только черезъ годъ, когда въ ноябрѣ 1766 г. секретарь Общества доложилъ второе письмо отъ того же И. Е., съ приложеніемъ тысячи червонцевъ: неизвѣстный корреспондентъ, въ виду недостатка денегъ у Общества, просилъ принять посылаемыя деньги для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, для платы переводчикамъ и пр., и наконецъ высказывалъ желаніе, чтобы объявлена была задача на премію по тому же вопросу о крестьянской собственности.

Въ 1767 году вышелъ изъ печати знаменитый „Наказъ“. Сама императрица въ письмѣ къ д'Аламберу говорила, что она „обобрала президента Монтескьё“. Сличеніе текстовъ указываетъ, что изъ 526 статей „Наказа“ около 100 взято изъ извѣстнаго сочиненія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и больше 250 у Монтескьё: или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ самого порядка статей подлинника (въ первомъ случаѣ), или въ видѣ болѣе свободной компиляціи (во второмъ случаѣ). Въ печати „Наказъ“ появился уже съ различными исключеніями: первоначальная форма представляла гораздо больше положеній разительныхъ для тогдашняго уровня понятій большинства и господствующихъ нравовъ. Когда еще до окончанія труда императрица показывала его Гр. Орлову и Н. И. Панину, первый былъ отъ него въ восторгѣ, второй замѣтилъ: „ce sont des axiomes à renverser des murailles“. Конечно, въ „Наказѣ“ не могъ быть

обойденъ вопросъ рабства или крѣпостного права. Императрица не думала о настоящемъ освобожденіи крестьянъ, и самый авторитетъ императрицы, Монтескьё, находилъ, что не слѣдуетъ вдругъ, и общимъ узаконеніемъ, дѣлать большого числа освобожденныхъ людей,—но императрица видѣла необходимость наказывать „злоупотребленія рабства" (т.-е. рабовладѣльчества), опредѣлить размѣръ обязанностей крестьянина, обезпечить его собственность и т. п. Въ тѣхъ статьяхъ, которыя не вошли изъ первоначальной редакціи въ печатную, заключалась болѣе рѣшительная защита крѣпостныхъ, и въ отвѣтахъ императрицы на замѣчанія, вызванныя „Наказомъ", видно, что дѣйствительное положеніе вещей, т.-е. взаимныя отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ, были ей очень достаточно извѣстны. Между прочимъ въ „Наказѣ" упомянуто было и то, что нужно избѣгать случаевъ „приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной".

Крестьянскій вопросъ вызвалъ оживленныя разсужденія и въ коммиссіи о составленіи новаго уложенія. Нашлись между самими помѣщиками лица, ревностно стоявшія за облегченіе участи угнетеннаго крестьянства; у своихъ противниковъ (а такими оказалось большинство депутатовъ) они прослыли опасными вольнодумцами. Любопытно, что депутаты другихъ сословій (исключая только черносошныхъ крестьянъ и, разумѣется, кромѣ дворянства, уже владѣвшаго крестьянами) всѣ добивались разрѣшенія владѣть крестьянами: купечество, бѣлое духовенство, приказные служители, сибирскіе служилые люди, однодворцы. Возстали противъ этого притязанія не только дворяне, оберегавшіе свои привилегіи, но даже и лица изъ другихъ сословій,—знакомые съ существующими нравами. Такъ, однимъ изъ противниковъ этого желанія явился депутатъ хоперской крѣпости, казакъ Алейниковъ: онъ считалъ вреднымъ для государства, чтобы купцы, приказные и казаки владѣли крѣпостными, потому что тогда богатые купцы, владѣя деревнями, покинутъ торговлю, а прочіе изъ ихъ сословія будутъ своихъ дворовыхъ употреблять „безъ пощады" на всякія домашнія работы и доведутъ ихъ до такого отчаянія, что тѣ будутъ обращаться въ бѣгство, собираться шайками и затѣмъ грабить и мучить кого попало. На замѣчаніе, что крестьяне могутъ быть жалуемы казацкимъ начальникамъ въ награду за „отличныя ихъ службы", этотъ депутатъ отвѣтилъ, что на войнѣ и простые рядовые казаки оказываютъ такія же „отличныя службы", и что „мы видимъ цѣлую Европу, которая

въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ". Депутатъ заключилъ слѣдующимъ общимъ разсужденіемъ: „Не больше ли будетъ предосужденія всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высокославной коммиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами" [1]).

Слухи о дѣятельности законодательной коммиссіи не могли, конечно, не дойти до народной массы; крестьяне возъимѣли нѣкоторыя надежды, посылали иногда челобитныя на господъ, заводскіе рабочіе отказывались работать—до рѣшенія вопроса объ ихъ положеніи; но изъ трудовъ коммиссіи не вышло никакого результата, и крестьянскія надежды были обмануты. Распространеніе упомянутыхъ слуховъ было, разумѣется, совершенно естественно; но любопытно, что уже тогда оно приписывалось „злонамѣреннымъ людямъ". Въ указѣ, изданномъ по поводу подачи въ 1767 г. челобитныхъ на своихъ господъ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ, было именно сказано: „изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что такія преступленія (т.-е. подача челобитныхъ) большею частію происходятъ отъ разглашенія *злонамѣренныхъ людей*, разсѣевающихъ *вымышленные* ими слухи о *перемѣнѣ законовъ*". Въ подобномъ смыслѣ говорилъ современный авторъ „Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ": онъ не могъ переварить, что въ законодательной коммиссіи были голоса въ пользу крѣпостного населенія. Въ бывшей коммиссіи о сочиненіи уложенія,—говорилъ онъ,— „неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина (онъ наиболѣе рѣшительно говорилъ въ пользу крестьянъ), всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ, депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли" [2]). Г. Семевскій замѣчаетъ напротивъ, что съ начала

[1]) Т. I, стр. 99; Сборникъ Историч. Общества, т. VIII, стр. 170—171, 369—375.
[2]) Т. I, стр. 177 и далѣе.

дѣйствій коммиссіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было ни одного волненія крѣпостныхъ, но помѣщичьи злоупотребленія продолжались, и въ 1774 году крестьянство, наконецъ, взволновалось. Современники поняли, что важность дѣла въ Пугачевщинѣ была не въ нелѣпомъ самозванствѣ. Одинъ изъ усмирителей бунта, Бибиковъ, говорилъ, что „не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе", но, по заключенію автора, это громадное волненіе не побудило ни правительство, ни дворянство къ какимъ-нибудь мѣрамъ для улучшенія крѣпостного быта; напротивъ, помѣщики желали всевозможныхъ казней и еще большаго порабощенія. Такъ разсуждалъ, напримѣръ, сочинитель упомянутаго сейчасъ разсужденія: „Таковое почти, можно сказать, всеобщее преступленіе, кажется, долженствовало бы, еслибы они и право имѣли въ вольности и собственности, на немалое время ихъ онаго лишить и, еслибы не были рабами, предать ихъ въ рабство, донделе искоренятся злыя сѣмена изъ сердца ихъ". Находились лишь немногіе люди, понимавшіе настоящій характеръ событій, какъ, напримѣръ, извѣстный новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ. Въ 1775 году онъ писалъ императрицѣ, что весьма значительная часть ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне, „лишены ея милостей". „Я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги".

Благія намѣренія, какія высказывала императрица Екатерина въ началѣ царствованія, къ концу его были совершенно забыты. Историкъ крестьянскаго вопроса приходитъ къ заключенію, что положеніе крестьянъ въ это время стало еще хуже, чѣмъ прежде. Волненія Пугачевскаго бунта только усилили помѣщичью власть, и увѣренность, что правительство покинуло всякія мысли объ ограниченіи крѣпостного права, повела къ тому, что помѣщичье самовластіе стало доходить до полной необузданности, до настоящей свирѣпости. Правительство иногда вмѣшивалось, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ извѣстной Салтычихи, но, говоря вообще, крѣпостное право поддерживаемо было во всей его силѣ. Наконецъ, забыто было и старое предостереженіе, что не слѣдуетъ „приводить людей въ неволю" (слова „Наказа"), и время императрицы Екатерины II-й извѣстно, между прочимъ, тѣмъ, что приведены были въ неволю сотни тысячъ свободныхъ людей въ имѣніяхъ, которыя даруемы были тогда разнымъ сановникамъ и приближеннымъ лицамъ. Вторая половина XVIII-го столѣтія была высшимъ пунктомъ въ развитіи крѣпостного права. Въ виду господствующаго

принципа, лишь немногіе сохраняли убѣжденіе въ необходимости его уничтоженія; даже люди съ сильнымъ критическимъ умомъ и знаніями, какъ извѣстный историкъ Болтинъ, не считали нужнымъ освобожденіе крестьянъ, хотя видѣли всѣ крайности ихъ „несноснаго" положенія: полагалось, что виновны только нѣкоторые жестокіе помѣщики, но въ томъ и была бѣда, что противъ этой жестокости никогда не было принято никакихъ достаточныхъ мѣръ; она прикрывалась и самими помѣщиками, и продажной администраціей, и судами, и примѣры ея дожили до 19-го февраля 1861 года.

Авторъ собралъ изъ современной литературы отзывы о крѣпостномъ правѣ и находитъ цѣлый рядъ изображеній жестокихъ и расточительныхъ помѣщиковъ, угнетающихъ своихъ крестьянъ непомѣрными работами, разоряющихъ свои имѣнія для пустыхъ прихотей и т. п. Въ ряду этихъ обличителей находился даже Сумароковъ, несмотря на то, что вообще онъ былъ защитникомъ крѣпостного права; былъ въ числѣ ихъ и Крыловъ, относившійся впослѣдствіи къ этому вопросу весьма равнодушно. Все это допускалось въ печать, повидимому, на томъ основаніи, что въ этихъ обличеніяхъ видѣли только невинную и тогда вообще весьма популярную цѣль „исправленія нравовъ", то-есть обращенія помѣщиковъ жестокихъ и расточительныхъ въ добрыхъ и бережливыхъ; но когда затронутъ былъ однажды крѣпостной вопросъ во всемъ безобразіи его тогдашнихъ проявленій, какъ это было въ книгѣ Радищева, писатель подвергся жестокому преслѣдованію, какъ политическій возмутитель.

Въ слѣдующее царствованіе жизнь общества замерла; въ крѣпостномъ вопросѣ не было никакого движенія, кромѣ того, что продолжалась широкая раздача населенныхъ имѣній. Вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено самыми свѣтлыми надеждами; то, что давно бродило въ умахъ, стало снова высказываться, между прочимъ и въ крестьянскомъ вопросѣ. Достаточно извѣстно, какими либеральными идеями исполненъ былъ молодой императоръ и его приближенные въ первое время. Продолжительная духота предшествующей эпохи угнетала одинаково всѣхъ, и начало царствованія, повидимому, обѣщало рядъ крупныхъ преобразованій. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, сдѣлано было весьма немногое, какъ по неустойчивости личнаго характера императора Александра, такъ, вѣроятно, и вслѣдствіе прежней исторіи крестьянскаго вопроса: дѣло въ томъ, что въ правленіе императрицы Екатерины, не говоря объ ея преемникѣ, крестьянскій вопросъ былъ закрѣпленъ и затрудненъ едва ли не

больше прежняго. Съ одной стороны, раздача имѣній, распространеніе крѣпостного права на обширное число свободныхъ прежде людей усиливали въ помѣщичьемъ классѣ, да и въ другихъ слояхъ общества, убѣжденіе въ незыблемости крѣпостного права какъ государственнаго учрежденія; съ другой стороны, увеличивался страхъ передъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса: предполагалось, что коснуться его во всемъ его объемѣ, то-есть рѣшиться на освобожденіе крестьянъ, значило бы подвергать опасности спокойствіе всего государства, хотя бы казалось, что отмѣна отяготительныхъ условій народной жизни должна была, напротивъ, подѣйствовать на массы умиротворяющимъ образомъ и укрѣпить порядокъ. Въ этомъ фальшивомъ кругѣ долго оставался крестьянскій вопросъ: съ одной стороны чувствовали, что и нравственность, и сама религія, и практическія соображенія побуждаютъ отмѣнить учрежденіе, унизительное для человѣческаго достоинства и, наконецъ, политически опасное, какъ источникъ народныхъ волненій, и въ то же время боялись дотронуться до него, опасаясь, что уничтоженіе его будетъ причиною взрыва. Недоразумѣніе питалось отсутствіемъ простого отношенія къ народной жизни, недостаткомъ ея изученій, устраненіемъ открытыхъ выраженій общественнаго мнѣнія. При Александрѣ повторилось приблизительно то же, что̀ происходило при Екатеринѣ II: благія намѣренія, нерѣшительныя съ самаго начала, кончились равнодушіемъ и, наконецъ, совершеннымъ отказомъ отъ прежнихъ плановъ.

Авторъ и здѣсь весьма отчетливо излагаетъ всѣ подробности колебаній крестьянскаго вопроса въ мѣрахъ правительства, въ общественномъ мнѣніи, въ ученыхъ сочиненіяхъ, въ журналистикѣ, въ литературѣ; онъ излагаетъ содержаніе печатныхъ сочиненій по этому вопросу, какъ книги Пнина („Опытъ о просвѣщеніи"), Кайсарова, Стройновскаго, какъ сочиненія Меркеля, Якоба, Комарова, курсъ политической экономіи Шторха, книга Н. Тургенева („Теорія налоговъ") и пр.; излагаетъ взгляды извѣстныхъ дѣятелей Александровскаго времени, какъ Карамзинъ, Шишковъ, масоны: Лопухинъ и Поздѣевъ, Каразинъ и пр.; указываетъ взгляды на крестьянскій вопросъ у Батюшкова, Пушкина, кн. Вяземскаго, Грибоѣдова, Нарѣжнаго и Державина; исчисляетъ различные частные проекты по крестьянскому дѣлу и т. д. Къ Пушкину, кн. Вяземскому и Грибоѣдову авторъ возвращается и далѣе, когда говоритъ о временахъ импер. Николая. Существующія въ литературѣ данныя по исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра I-го авторъ обильно допол-

няетъ новыми фактами, извлеченными изъ архивныхъ дѣлъ и неизданныхъ записокъ.

Общій результатъ Александровскаго времени относительно крестьянскаго вопроса былъ невеликъ. „Несмотря на то, что императоръ Александръ I-й самъ желалъ освобожденія крестьянъ, въ его царствованіе, если не считать неудачной крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для ослабленія крѣпостного права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба" [1]), о запрещеніи запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи торга крѣпостными на ярмаркахъ (обсужденіе въ 1820 году въ государственномъ совѣтѣ вопроса о совершенномъ прекращеніи продажи людей безъ земли опять не имѣло никакихъ результатовъ) и объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу". Въ другомъ мѣстѣ авторъ, обобщая факты Александровскаго времени, замѣчаетъ, что многія требованія отдѣльныхъ мѣръ для улучшенія быта крестьянъ, заявленныхъ въ это время, встрѣчаются и въ планахъ Екатерининской эпохи, но теперь они выставляются рѣшительнѣе и бо̀льшимъ числомъ лицъ, такъ что извѣстный прогрессъ въ развитіи вопроса несомнѣненъ: въ Вольное Экономическое Общество поступаетъ не мало русскихъ мнѣній на заданныя темы о барщинномъ трудѣ; вопросъ объ измѣненіи быта крестьянъ вызываетъ горячую полемику въ рукописяхъ и въ печати; является, наконецъ, мысль объ основаніи общества съ цѣлью освободить крѣпостныхъ. „Прогрессъ этотъ тѣмъ важнѣе,—замѣчаетъ г. Семевскій,—что общество Александровской эпохи не имѣло такого удобнаго случая коснуться крестьянскаго вопроса, какой при Екатеринѣ II-й представила коммиссія для составленія новаго уложенія. Что касается общаго плана крестьянской реформы, то хотя при Екатеринѣ II-й Радищевъ опередилъ въ этомъ отношеніи свой вѣкъ, но зато въ Александровскую эпоху мы находимъ бо̀льшее количество болѣе или менѣе цѣльныхъ проектовъ, составленіе которыхъ вызывалось нерѣдко самою верховною властію" [2]). Положительнымъ пріобрѣтеніемъ было хоть и раньше высказываемое, но только

[1]) Т.-е. правила о закрѣпощеніи свободной женщины, если она выходила замужъ за крѣпостного; оно было уничтожено указомъ 1808 г. Обратное правило: „по рабѣ холопъ" было отмѣнено еще при Екатеринѣ II-й.

[2]) Т. I, введеніе, стр. XXV, стр. 481 и слѣд.

теперь вполнѣ и научнымъ образомъ доказанное положеніе, что свободный трудъ выгоднѣе крѣпостного и что освобожденіе крестьянъ можетъ быть полезно для самихъ помѣщиковъ. Что касается вопроса о землѣ, то теперь гораздо рѣже прежняго выступаетъ мысль о правѣ собственности помѣщиковъ на земли, и въ этомъ отношеніи Александровская эпоха была довольно опаснымъ временемъ: безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ было дурнымъ прецедентомъ; даже люди съ наилучшими намѣреніями, какъ Якушкинъ (впослѣдствіи декабристъ), считали добрымъ дѣломъ освобожденіе крестьянъ лишь съ усадебною землею и общимъ выгономъ: собственные его крестьяне отказались отъ свободы, предложенной на такихъ условіяхъ, и впослѣдствіи онъ увидѣлъ свою ошибку. При распространенности понятій о возможности такого освобожденія,—замѣчаетъ г. Семевскій,—„мы тѣмъ болѣе должны цѣнить протестъ противъ обезземеленія народа, высказанный столь вліятельнымъ лицомъ, какъ Сперанскій, точно также какъ и протестъ противъ конституціонныхъ мечтаній ранѣе уничтоженія крѣпостного права и указаніе на необходимость, для выполненія этой послѣдней задачи въ Россіи, неограниченной самодержавной власти, что̀ такъ ясно формулировано было Н. И. Тургеневымъ“ [1].

Развитію общественнаго интереса къ вопросу, кромѣ общихъ условій времени, содѣйствовало и то, что самъ императоръ Александръ, при всемъ колебаніи его мнѣній, былъ расположенъ къ мысли о необходимости освобожденія, а съ другой стороны нерѣшительность правительства возбуждала недовольство въ кругу образованнѣйшихъ людей и дѣлала крѣпостной вопросъ тѣмъ болѣе живымъ интересомъ для молодого поколѣнія и тайныхъ обществъ. Это не осталось потомъ безъ послѣдствій для развитія понимавія предмета въ обществѣ.

Цѣлая половина труда г. Семевскаго, именно весь второй томъ его книги, посвящена исторіи вопроса въ царствованіе импер. Николая, и здѣсь въ подробномъ изложеніи того, что̀ дѣлалось и предполагалось въ это время по крестьянскому вопросу, опять собрано много любопытныхъ и новыхъ данныхъ, ранѣе неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ. Это близкое къ намъ время до сихъ поръ остается весьма мало изученнымъ, между прочимъ и по данному предмету, и многое объ этой эпохѣ мы узнаемъ только теперь. Въ Николаевскія времена общество было совершенно устранено отъ всѣхъ вопросовъ политики внѣшней и вну-

[1]) Тамъ же, стр. 482.

тренней, не имѣло никакого голоса въ дѣлахъ, составлявшихъ самый крупный интересъ общественный и даже національный; все закрывалось отъ общества господствовавшей всюду канцелярской тайной; въ томъ числѣ закрыто было и то, что дѣлалось въ правительственной сферѣ по крестьянскому вопросу. Изучать его исторію приходится почти только по архивамъ тогдашнихъ канцелярій.

Дѣятельность тогдашняго правительства въ этой области невольно возбуждаетъ недоумѣніе. Рѣдко правительственный авторитетъ бывалъ такъ могущественъ и общество такъ слѣпо и безусловно подчинялось ему, и однако же въ данномъ случаѣ правительство оказывалось до крайней степени боязливо и нерѣшительно. Привыкшее во всѣхъ другихъ случаяхъ рѣшать и повелѣвать безусловно, здѣсь оно дѣйствовало съ крайней осторожностью, переходившею въ настоящую робость. Причина была та же, какую мы указывали раньше: во-первыхъ, старая память о крестьянскихъ волненіяхъ прошлаго вѣка возбуждала опасенія о возможности чего-либо подобнаго теперь, а во-вторыхъ, незнаніе народной жизни, привычка къ бюрократическому управленію, отсутствіе той массы свѣдѣній, какія могла бы—въ другихъ условіяхъ — давать литература, все это заставляло недоумѣвать при встрѣчѣ съ живою дѣйствительностью. Въ вопросахъ, закрытыхъ отъ общественнаго мнѣнія, распространялся туманъ, скрывавшій предметы и отъ самой бюрократіи, и въ туманѣ являлись воображаемыя пугала, отъ которыхъ не имѣли средствъ отрѣшиться. Все царствованіе императора Николая наполнено было въ этомъ вопросѣ постоянными колебаніями. Правительство одушевлено было наилучшими намѣреніями, но боялось открыто заявить ихъ; нѣсколько разъ оно собирало комитеты, — конечно, изъ высокопоставленныхъ лицъ — для обсужденія крестьянскаго вопроса, но всѣ эти комитеты (числомъ десять) были „особые", „секретные", „келейные", совѣщанія должны были вестись „безъ всякой огласки", „въ совершенной тайнѣ" и т. п.; не допускалось мысли о томъ, чтобы въ разъясненіи дѣла могла принять участіе печать, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, а между тѣмъ въ секретныхъ комитетахъ дѣло велось вообще довольно странно: люди, расположенные къ освобожденію крестьянъ, были, кажется, постоянно въ меньшинствѣ, а въ большинствѣ были или люди равнодушные, или прямые противники освобожденія крестьянъ, которые если бывали разбиты въ одномъ комитетѣ, то все-таки назначаемы были и въ слѣдующій, или, наконецъ, люди крайне нерѣшительные, боявшіеся компрометтировать свою бюрократиче-

скую мудрость какою-нибудь опредѣленною мыслью и предпочитавшіе лавировать между измѣнявшимися настроеніями самой власти. Можно было бы думать, что разнообразіе взглядовъ будетъ полезно для многосторонности сужденій; но этого не было; большинство только затягивало дѣло или передавало имп. Николаю свою боязливость.

Въ тѣхъ волненіяхъ, какими началось новое царствованіе, господствовали два стремленія: одно искало политическихъ реформъ, другое—освобожденія крестьянъ. „Представители перваго направленія,—говоритъ г. Семевскій,—потерпѣли рѣшительное пораженіе 14-го декабря 1825 г.; самодержавіе побѣдило, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодержецъ долженъ былъ не только взять на себя рѣшеніе той задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, т.-е. выработать основныя начала освобожденія крестьянъ, но и примѣнить эти начала къ дѣлу".

Во время процесса надъ декабристами оказалось, что у нихъ были весьма опредѣленныя мнѣнія о необходимости освобожденія крестьянъ, былъ цѣлый планъ внутреннихъ преобразованій; нѣкоторые съ первыхъ словъ своихъ показаній говорили о крестьянскомъ вопросѣ; иные,—какъ Н. Тургеневъ, Якушкинъ, Трубецкой и др.,—задолго ранѣе заявляли свои мысли по этому предмету и обращались къ правительству съ планами освобожденія и съ попытками его въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ. Новое правительство должно было увидѣть, что вопросъ принялъ такіе размѣры, что производилъ въ умахъ сильное броженіе,—и, пожалуй, могъ грозить другими волненіями. Были, кромѣ того, иныя причины, привлекавшія вниманіе къ этому предмету. Императоръ Николай, хотя въ предшествующее царствованіе не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, зналъ однако, что имп. Александръ былъ постоянно занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ и не осуществилъ ея только потому, что она была еще „несвоевременна и неудобна къ исполненію". Самому имп. Николаю эту мысль внушалъ одинъ изъ его преподавателей, ученый Шторхъ, читавшій великимъ князьямъ лекціи по политической экономіи. Шторхъ, по его собственнымъ словамъ, „не оправдалъ бы довѣрія", которымъ его почтили, еслибы изложилъ своимъ августѣйшимъ слушателямъ нѣкоторые „деликатные вопросы" политической экономіи „не съ точки зрѣнія *истины* и *разума*". Шторхъ, какъ и слѣдовало человѣку ученому, былъ рѣшительный противникъ „рабства", какимъ считалъ и крѣпостное право, но русскія поземельныя и крестьянскія отношенія не были ему въ точности извѣстны, и потому онъ не выработалъ относительно ихъ опредѣленной

програмы: онъ считалъ возможнымъ освобожденіе съ землей и безъ земли, всѣ средства были ему хороши, лишь бы покончить съ рабствомъ,—но, во всякомъ случаѣ, онъ внушалъ своимъ слушателямъ мысль о вредѣ крѣпостного права для экономическаго благосостоянія страны, для ея земледѣлія, промышленности и торговли. Наконецъ, напомнили о себѣ и крестьяне. По замѣчанію г. Семевскаго, почти каждое новое царствованіе съ тѣхъ поръ, какъ дворянство освободилось отъ обязательной службы, начиналось волненіями крѣпостныхъ крестьянъ, ожидавшихъ какой-либо мѣры въ свою пользу; теперь между крестьянами распространились слухи, что они получатъ землю и кромѣ того будутъ освобождены отъ податей. Понадобилось особымъ манифестомъ опровергать эти и подобные слухи, распространяемые „злонамѣренными людьми“, и грозить нарушителямъ общественнаго спокойствія строгими наказаніями. Но затѣмъ, въ двухъ рескриптахъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ іюнѣ и сентябрѣ 1826 года, дворянству предписывалось „христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, такъ какъ до свѣденія императора дошли факты, доказывающіе нарушеніе со стороны помѣщиковъ ихъ обязанностей, какъ христіанъ и вѣрноподданныхъ. Государь будетъ самъ наблюдать за исполненіемъ этого долга и по закону наказывать за его нарушеніе; предводители дворянства должны стараться предупредить подобные проступки помѣщиковъ“.

Съ перваго года царствованія правительство начинаетъ обдумывать мѣры къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ декабрѣ 1826 года назначенъ былъ первый секретный комитетъ, которому поручено было разсмотрѣніе разныхъ мѣръ къ усовершенствованію внутренняго управленія и, между прочимъ, разсмотрѣніе крѣпостного вопроса, и въ который поэтому переданы были многіе проекты, представленные правительству при имп. Александрѣ. За комитетомъ 1826 года послѣдовало нѣсколько другихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, до тѣхъ поръ, пока въ концѣ сороковыхъ годовъ волненія въ западной Европѣ отразились реакціонными мѣрами въ самой Россіи и, между прочимъ, прервали всѣ предположенія правительства по крестьянскому дѣлу. Въ концѣ концовъ, труды секретныхъ комитетовъ имѣли весьма скудный результатъ: то, что̀ говорилось въ пользу крестьянскаго дѣла, или само по себѣ было весьма неполно и нерѣшительно, или тотчасъ встрѣчало возраженія со стороны эгоистическихъ защитниковъ дворянскихъ привилегій, такъ что дѣло кончалось полумѣрами, не имѣвшими почти никакого практиче-

скаго дѣйствія. Правительство опасалось сдѣлать само какой-нибудь рѣшительный шагъ; оно хотѣло только совѣтовать, убѣждать самихъ помѣщиковъ къ улучшенію быта ихъ крестьянъ, къ условному ихъ освобожденію, къ добровольнымъ соглашеніямъ, какъ будто преобразованіе столь давно выроставшихъ отношеній и укрѣпившихся злоупотребленій и предразсудковъ могло быть достигнуто этими платоническими средствами. Когда въ средѣ приверженцевъ освобожденія возникала какая-нибудь смѣлая надежда, когда противники умѣли выставить какое-нибудь пугающее возраженіе, правительство заявляло не однажды, что оно не думаетъ объ освобожденіи крестьянъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вопросъ оставался неяснымъ и для общества, и для самого правительства, и всего болѣе для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе работы комитетовъ не остались совершенно безплодны; если въ нихъ и не было собрано всѣхъ данныхъ необходимыхъ для рѣшенія вопроса, какъ это приблизительно сдѣлано было позднѣйшими редакціонными коммисіями, если къ этимъ работамъ не были подведены итоги и точныя заключенія, то, по крайней мѣрѣ, въ этихъ продолжительныхъ совѣщаніяхъ раскрыты были теоретически нѣкоторыя существенныя стороны предмета. Такъ, въ этомъ фазисѣ крестьянскаго вопроса выработалось отрицательное убѣжденіе въ невозможности и даже опасности безземельнаго освобожденія и положительный выводъ о необходимости обезпеченія крестьянъ землею и сохраненія поземельной общины. Наконецъ, и это было уже внѣ разсчетовъ правительства, тайна оффиціальныхъ работъ не могла быть вполнѣ сохранена; отдѣльные кружки дворянъ, съ вѣдома или даже по вызову правительства, поднимали вопросъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ своихъ мѣстныхъ собраніяхъ; печать, хотя отрывочно и косвенно, но тѣмъ не менѣе иногда довольно сильно затрогивала крестьянскій вопросъ, и уже въ сороковыхъ годахъ, по свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія сдѣлался „однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ".

Факты, собранные г. Семевскимъ относительно дѣятельности секретныхъ комитетовъ Николаевскаго времени, чрезвычайно характерны, какъ примѣръ несостоятельности бюрократіи въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ народнаго быта. Прежде всего, какъ мы замѣтили, былъ очень мало удовлетворителенъ самый составъ лицъ, изъ которыхъ состояли комитеты; призывались въ нихъ лица, находившіяся на высшихъ ступеняхъ администраціи—не-

рѣдко, однако, совершенно чуждыя вопросу, который знали они только какъ заинтересованные помѣщики. Когда императоръ Николай призывалъ во второй секретный комитетъ (1835 г.) Киселева, онъ говорилъ ему о крестьянскомъ дѣлѣ, какъ о такомъ предметѣ, который его постоянно занимаетъ, но котораго онъ не можетъ исполнить „безъ добраго пособія“ [1]), и Киселевъ былъ едва ли не единственный человѣкъ, способный принести это доброе пособіе, какъ горячо преданный интересу дѣла и внимательно его изучавшій; напротивъ, добрымъ пособіемъ не могли быть люди совсѣмъ неспособные или не желавшіе понимать всю государственную важность вопроса, и которые, однако, были призываемы въ комитеты.

Труды комитетовъ, какъ мы замѣтили, облекаемы были въ величайшую тайну: работать „безъ огласки“, „хранить въ совершенной тайнѣ“, совѣщаться „келейно“ и „секретно“—съ этими выраженіями мы встрѣчаемся постоянно въ исторіи комитетовъ; правило исполнялось, т.-е. обществу никогда не заявлялось о происходящихъ совѣщаніяхъ, и въ концѣ концовъ это только вредило самому дѣлу, стѣсняя горизонтъ комитетовъ и не давая доступа другимъ мыслямъ, кромѣ круга шести-семи человѣкъ. Сперанскій, имѣвшій много опыта въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ, прямо говорилъ объ одномъ изъ комитетовъ, въ которомъ участвовалъ, что не ждетъ отъ его работы никакого успѣха [2]): это можно было бы сказать и о всѣхъ вообще, потому что ихъ составъ и способъ дѣйствій были одинаковы. Иногда труды комитетовъ оставались безплодны даже въ самомъ началѣ; дѣло оставлялось „впредь до удобнаго времени“. Наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ комитетовъ, едва ли не больше всѣхъ потрудившимся тогда для крестьянскаго вопроса, былъ извѣстный Киселевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ и подъ конецъ русскій посланникъ при французскомъ дворѣ послѣ крымской войны. Человѣкъ широко образованный и съ умомъ дѣйствительно государственнымъ, онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ сотоварищей по комитетамъ по ширинѣ своихъ знаній, по дѣйствительному пониманію государственныхъ нуждъ, по отсутствію мелкаго сословнаго себялюбія, который въ другихъ дѣятеляхъ комитетовъ иногда слишкомъ явно вліялъ на сужденія о предметѣ. Киселевъ хранилъ лучшія преданія Александровскаго времени, неизвѣстныя

[1]) Т. II, стр. 21.
[2]) Тамъ же, стр. 25.

другимъ или забытыя въ бюрократической рутинѣ и личныхъ разсчетахъ. Въ секретныхъ комитетахъ принималъ участіе и Сперанскій, которому принадлежало не мало здравыхъ мыслей и полезныхъ указаній; но это былъ человѣкъ, частью утомленный, частью формалистъ, частью не вѣрившій въ возможность какого-нибудь сильнаго рѣшенія. Въ числѣ остальныхъ были явные противники освобожденія крестьянъ или люди доводившіе до послѣдней крайности то, что̀ казалось имъ мудрой осторожностью и что̀ было только канцелярской трусостью.

Мы не будемъ перечислять мѣръ, какія придуманы были комитетами для исполненія плановъ императора Николая объ улучшеніи положенія крестьянъ; всѣ эти мѣры были весьма второстепенныя, на практикѣ имѣвшія очень слабое дѣйствіе, какъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 года и др., иногда уже вскорѣ отмѣняемыя, какъ законъ 8-го ноября 1847 года. Но и эти второстепенныя мѣры выработывались съ величайшими усиліями. Нѣсколько примѣровъ дадутъ понятіе о томъ, съ какимъ трудомъ давались даже эти невинныя полумѣры, имѣвшія, въ сущности очень мало вліянія.

Въ комитетѣ, назначенномъ въ 1844 году, поставленъ былъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Правительство находило вообще этотъ классъ людей вреднымъ и искало средствъ воспрепятствовать его размноженію; предполагались для этой цѣли различныя мѣры, напримѣръ: обложить помѣщиковъ особою податью за имѣющихся у нихъ дворовыхъ, устроить для послѣднихъ особыя условія рекрутства, допустить продажу рекрутскихъ квитанцій, взятыхъ за дворовыхъ, но которыя могли бы служить замѣной рекрутской повинности для всѣхъ сословій; наконецъ, запретить переводъ крестьянъ изъ пахотныхъ въ дворовые. При тогдашнихъ условіяхъ всѣ эти мѣры были бы въ сущности возможны, но каждая возбуждала споры, и самъ императоръ Николай принималъ горячо къ сердцу опасенія—не будетъ ли въ предполагаемой мѣрѣ нарушенія крѣпостного права...

Князь Волконскій въ своемъ мнѣніи по этому предмету высказалъ именно мысль, что при новой переписи слѣдовало бы запретить перечисленіе крестьянъ съ пашни во дворъ, „если, впрочемъ, сіе не будетъ сочтено нарушеніемъ крѣпостного права“. Эти послѣднія слова,—говоритъ г. Семевскій,—вызвали со стороны императора Николая замѣчаніе, что, конечно, эта мѣра „будетъ сочтена нарушеніемъ правъ, утвержденныхъ необходимостью и стариннымъ обычаемъ, а потому *прямого* воспрещенія помѣ-

щикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности" [1]).

Графъ Бенкендорфъ въ этомъ вопросѣ оказался на сторонѣ „либераловъ", т.-е. высказался въ пользу мѣръ для уменьшенія численности дворовыхъ людей, напр. въ пользу учрежденія цеха или артели слугъ, и полагалъ, что важно было бы изъять этихъ людей отъ произвола помѣщиковъ, который ихъ безпрестанно раздражаетъ, такъ что, не видя особенной выгоды быть лучшими, они предаются праздности и порокамъ. Гр. Бенкендорфъ былъ убѣжденъ, что приступъ къ этому дѣлу „не повлечетъ за собою никакого неустройства". Онъ ставилъ даже вопросъ очень рѣзко. „При постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего достигнуть нельзя,— говорилъ онъ:—причины взрыва, которыя во-время можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе". „Послѣдняя мысль была одобрена во время чтенія государемъ,— замѣчаетъ г. Семевскій,—но, къ сожалѣнію, импер. Николай не послѣдовалъ этому благому указанію на дѣлѣ: всѣ его добрыя намѣренія по крестьянскому вопросу парализовались крайнею нерѣшительностью въ этомъ отношеніи" [2]).

Въ томъ же категорическомъ смыслѣ говорилъ гр. Левашовъ. Онъ предостерегалъ отъ излишней медлительности, которая сама можетъ быть небезопасна. „Я смѣю думать, что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ частными интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно: всякія полу-мѣры безполезны и даже вредны" [3]).

Другой пріемъ рекомендовалъ Блудовъ—великій авторитетъ въ бюрократическихъ дѣлахъ; онъ также считалъ полезнымъ уменьшить число дворовыхъ, но желалъ достигнуть этого какъ-то такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ: именно, достигнуть этого „надежнымъ и безвреднымъ образомъ можно лишь чрезъ употребленіе мѣръ не крутыхъ, а постепенныхъ и, такъ сказать, *невидимыхъ*" (!). Полагая, что одной изъ первыхъ мѣръ къ уничтоженію крѣпостного состоянія должно быть отдѣленіе крестьянъ отъ дворовыхъ, Блудовъ, однако, тотчасъ оговаривался: „я признаю вмѣстѣ со многими членами комитета, что *нѣтъ еще нужды* спѣшить рѣшительнымъ запрещеніемъ переводить крестьянъ во дворъ, тѣмъ болѣе, что переводы сего рода, благодаря измѣненію въ образѣ

[1]) Стр. 122.
[2]) Стр. 124.
[3]) При другомъ случаѣ также рѣзко—но и безполезно—говорилъ Киселевъ. См. т. I, стр. 147.

жизни помѣщиковъ и самому обѣдненію ихъ, нынѣ уже довольно рѣдки". Эта крайняя уклончивость характеризовала какъ личныя свойства этого дѣятеля, такъ и господствующее настроеніе власти. Самъ императоръ Николай обнаружилъ и здѣсь мало понятную мнительность: при окончательномъ обсужденіи вопроса, запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ императоръ Николай призналъ „рѣшительно на долгое время невозможнымъ" — такъ опасался онъ затронуть крѣпостное право, потому что въ такомъ запрещеніи онъ предполагалъ нарушеніе этого права.

Въ результатѣ вопросъ оставался нерѣшеннымъ часто даже и тамъ, гдѣ хотѣли его рѣшить, хотя въ нѣкоторой степени.

Въ іюнѣ 1844 года состоялось два распоряженія правительства: именной указъ сенату о предоставленіи помѣщикамъ отпускать дворовыхъ на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ, и высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ освобожденіи дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ безъ предварительнаго ихъ разрѣшенія. Но эти распоряженія, хотя состоявшіяся въ одинъ и тотъ же день, обнародованы были не одновременно, и г. Семевскій думаетъ (стр. 131), что это сдѣлано было вслѣдствіе опасенія, чтобы изданіе ихъ сразу не слишкомъ взволновало общественное мнѣніе, „а между тѣмъ они были не только крайне невинны, но, по всей вѣроятности, остались даже безъ всякаго результата".

8-го ноября 1847 года состоялся указъ, которымъ предоставлялось крестьянамъ, при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, выкупать самимъ свою свободу вмѣстѣ съ землею, посредствомъ взноса суммы, какая причтется по обстоятельствамъ торга, послѣ чего выкупившіеся поступали въ число государственныхъ крестьянъ. Повидимому, этотъ законъ могъ бы примѣняться совершенно безопасно и послужить къ нѣкоторому облегченію крѣпостного населенія, но и здѣсь кончилось неудачей: возможность выкупа была на дѣлѣ затруднена бюрократически придуманными кляузами (всего выкупилось, на основаніи этого закона, меньше тысячи человѣкъ въ 23 имѣніяхъ), вслѣдствіе чего крестьяне, по обыкновенію, не умѣли понять неяснаго закона и произошли во многихъ мѣстахъ волненія, которыя пришлось усмирять силою.

Черезъ полтора или два года законъ былъ уже отмѣненъ. При обсужденіи въ секретномъ комитетѣ неблагопріятныхъ явленій, происшедшихъ изъ этого закона, когда надо было только улучшить его редакцію, нѣкоторые изъ членовъ, въ томъ числѣ наслѣдникъ цесаревичъ, настаивали на совершенной отмѣнѣ указа, а опытный Блудовъ полагалъ, что при продажѣ недвижимыхъ

имѣній съ публичнаго торга можно установить такія новыя правила, „что продажи будутъ болѣе чѣмъ вдвое рѣже“, и всѣ возбуждающія опасеніе правительства послѣдствія указа 8-го ноября устранятся „безъ формальной его отмѣны и даже безъ существеннаго нарушенія дарованныхъ имъ правъ“. Новыя правила были прибавлены, и хотя не было формальной отмѣны указа, но, въ сущности, онъ былъ уничтоженъ, притомъ не „безъ существеннаго нарушенія“ дарованныхъ крестьянамъ правъ, какъ это обѣщалъ Блудовъ. Въ самомъ дѣлѣ, практическое дѣйствіе указа, какъ мы видѣли, было совершенно ничтожно: имъ могло воспользоваться не больше тысячи человѣкъ крѣпостныхъ—изъ десяти милліоновъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Самаринъ въ своей запискѣ о крѣпостномъ состояніи (составленной въ пятидесятыхъ годахъ) говорилъ объ исторіи этого указа: „повсемѣстныя представленія указали на необходимость подвергнуть пересмотру этотъ указъ. Представлялось два способа къ устраненію встрѣченныхъ неудобствъ: вовсе отмѣнить законъ 8-го ноября или развить его, *придумавъ средства къ облегченію выкупа*. Правительство предпочло первый способъ: оно лишило крестьянъ дарованнаго имъ права, но не имѣло мужества сдѣлать это открыто и явно. Законъ 8-го ноября не былъ отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, а втихомолку исключенъ при изданіи новыхъ правилъ объ оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ. Этою канцелярскою продѣлкою были устранены канцелярскія затрудненія, но что̀ же подумалъ народъ?.. Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровавъ имъ заманчивое право, конечно, облегчитъ и способы къ выкупу; потомъ они долго не хотѣли вѣрить, что самый вызовъ къ выкупу былъ отмѣненъ: во многихъ мѣстахъ, для убѣжденія ихъ въ непослѣдовательности правительства, вынуждены были прибѣгать къ мѣрамъ крайней строгости. Зато для защитниковъ крѣпостного права это новое проявленіе несостоятельности нашего законодательства послужило поводомъ къ новому торжеству“ [1]).

Такимъ образомъ, только-что правительство приходило къ какому-нибудь плану, какъ тотчасъ оказывались всякія неудобства: или правительство еще на полъ-пути впадало въ сомнѣніе, или предположенная мѣра въ такой степени была запутываема разными оговорками, что теряла самую возможность практическаго выполненія, какъ въ данномъ случаѣ, или, наконецъ, правительство совсѣмъ отступало назадъ. Оно не рѣшалось взглянуть

[1]) Стр. 205—207.

вопросу прямо въ глаза, и его сокровенная мысль была, очевидно, та, чтобы помѣщики какъ-нибудь сами возъимѣли великодушное желаніе порѣшить съ крестьянскимъ вопросомъ, чтобы правительство, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны, могло сослаться на собственное добровольное желаніе.

По закону, дворянство имѣло право, окончивъ выборы въ губернскомъ собраніи, отправлять депутатовъ для принесенія государю благодарности за дарованныя ему права; для этого должно было испрашиваться высочайшее соизволеніе. Обыкновенно эти депутаціи отклонялись, но въ 1847 году импер. Николай выразилъ желаніе принять депутацію смоленскихъ дворянъ, съ губернскимъ предводителемъ, кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, во главѣ. Въ маѣ 1847 депутація представлялась императору, и онъ держалъ къ ней рѣчь; императоръ заявилъ, что хотѣлъ поговорить съ дворянами „келейно" объ обязанныхъ крестьянахъ, „какъ первый дворянинъ въ государствѣ". „Въ указѣ моемъ по этому предмету,—сказалъ императоръ,—я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша, дворянская; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещью",—поэтому императоръ вызывалъ смоленское дворянство содѣйствовать его видамъ посредствомъ постепеннаго перевода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, —что̀ одно можетъ „предупредить крутой переломъ". Дворяне и особенно самъ предводитель дворянства горячо взялись за дѣло, составили свои предположенія съ нѣкоторыми благими желаніями относительно *личнаго* освобожденія крестьянъ, но вообще не особенно тароватыя, даже прямо крѣпостническія. Между тѣмъ уже къ концу того года оказалось, что эти довольно умѣренныя хлопоты смоленскаго дворянства были излишни. Одинъ изъ смоленскихъ дворянъ въ декабрѣ 1847 года отправилъ, на имя цесаревича, письмо съ приложеніемъ записки подъ заглавіемъ: „Нѣсколько патріотическихъ мыслей". Въ отвѣтъ получено было извѣщеніе Олсуфьева, что онъ представлялъ письмо и записку на разсмотрѣніе наслѣдника, который, отдавая полную справедливость благонамѣренному содержанію записки, велѣлъ однако объявить автору ея слѣдующее: „такъ какъ ему (наслѣднику цесаревичу) извѣстно, что государь императоръ отнюдь „*не имѣетъ намѣренія* измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ, то и не находитъ нужнымъ представлять записку на воззрѣніе его величества". Къ этому

Олсуфьевъ прибавлялъ, что содержаніе его письма дозволяется сообщать „всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что правительство имѣетъ подобныя намѣренія“... [1])

Мѣры правительства, какъ ни были скромны и безобидны, очень волновали помѣщиковъ; только незначительное меньшинство людей, болѣе образованныхъ, понимало необходимость преобразованія и желало бо̀льшаго, чѣмъ дѣлалось; большинство, привыкшее къ крѣпостному праву, неразвитое и лѣнивое, было недовольно. Сохранился разсказъ о томъ, какъ принятъ былъ законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Вѣсть о немъ распространилась еще до его выхода и его ожидали съ „тревожнымъ чувствомъ“. Въ день выхода онъ сталъ предметомъ всеобщихъ толковъ. „Изъ всей безобразной массы этихъ толковъ высказывалось выше всего — злословіе, часто переходившее въ клевету на лицъ, которыхъ считали главными виновниками указа. Разсказывали утвердительно, что эти лица (правильнѣе, лицо) продали дорогою цѣною свои имѣнія въ казну и потомъ пустили въ ходъ указъ. Выдавали за достовѣрное, что одинъ вельможа (Киселевъ) продалъ, такимъ образомъ, имѣніе свое въ харьковской губерніи, и на возраженіе, что у него нѣтъ и не было ни одной души въ этой губерніи, подозрительно покачивали головой“... Изъ Москвы пришли извѣстія, что помѣщики бѣгутъ изъ деревень въ Москву, потому что крестьяне будутъ непремѣнно бунтовать. Находились помѣщики, готовые сейчасъ на освобожденіе крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы отдать имъ то, что̀ *ихъ*, т.-е. свободу, а помѣщикамъ оставить *ихъ* собственность, т.-е. землю. Но были и люди, недовольные крайнею боязливостью правительства [2])... Подобное озлобленіе противъ приверженцевъ освобожденія бывало и въ другомъ кругѣ общества. Къ числу упорнѣйшихъ крѣпостниковъ принадлежалъ кн. Меншиковъ; онъ имѣлъ такую ненависть къ А. П. Заблоцкому, который былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Киселева, что впослѣдствіи велъ даже агитацію противъ избранія его въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ [3]).

Въ письмѣ Олсуфьева, гдѣ передавались слова цесаревича (впослѣдствіи импер. Александра II), было уже сказано, что импер. Николай не имѣетъ никакого намѣренія измѣнять отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ мартѣ 1848 г. самъ императоръ, при пріемѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, между

[1]) Стр. 163—169.

[2]) Стр. 68—70.

[3]) Стр. 331.

прочимъ сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и этого впредь не будетъ". Г. Семевскій полагаетъ, что эти слова относились именно къ „Запискамъ охотника" Тургенева, которыя, впрочемъ, едва ли были читаемы крестьянами. Во всякомъ случаѣ, приведенныя слова вызвали настоящій цензурный терроръ относительно всего, что хотя бы отдаленнымъ образомъ касалось крѣпостного права. Этотъ терроръ протянулся на нѣсколько лѣтъ, вплоть до новаго царствованія, распространяясь не только на крестьянскій вопросъ, но на русскую исторію (запрещалось говорить объ ея смутныхъ эпохахъ, народныхъ волненіяхъ и т. п.), политическія науки и т. д.

Окончивъ съ исторіей крестьянскаго вопроса въ правительственной сферѣ, г. Семевскій даетъ еще рядъ любопытныхъ изслѣдованій о судьбѣ вопроса въ литературѣ и общественной жизни. Онъ пересматриваетъ мнѣнія объ этомъ предметѣ у Пушкина, кн. Вяземскаго, Грибоѣдова въ Николаевское время, отмѣчая у первыхъ двухъ охлажденіе ихъ прежнихъ свободолюбивыхъ стремленій; далѣе, у Лермонтова, Гоголя, Даля, гр. Соллогуба, Григоровича и Тургенева. Этотъ обзоръ содержанія писателей по реальнымъ вопросамъ жизни интересенъ, безъ сомнѣнія, какъ для опредѣленія ихъ собственнаго литературнаго значенія, такъ и для исторіи общественнаго мнѣнія, потому что въ нашихъ условіяхъ литература имѣла немалое воспитательное значеніе. Дальше авторъ говоритъ объ отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу въ кругу такъ-называемыхъ людей сороковыхъ годовъ—у Бѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова. Между прочимъ, относительно Огарева, г. Семевскій, на основаніи имѣвшихся у него данныхъ, сообщаетъ свѣденія о его сдѣлкѣ съ крестьянами въ селѣ Бѣлоомутѣ, значительно разнящіяся съ тѣми, какія были сообщены въ разсказѣ Анненкова [1]. Затѣмъ авторъ останавливается на малоизвѣстной, но замѣчательной дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Киселева и еще въ 1841 году составилъ замѣчательную записку „о крѣпостномъ состояніи въ Россіи". Эта записка была результатомъ путешествія или командировки во внутреннія губерніи, исполненной Заблоцкимъ вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ министерства, по порученію Киселева, въ 1841 году, когда, подъ предлогомъ обозрѣнія управ-

[1]) Вѣстн. Европы 1883, № 4: „Идеалисты 30-хъ годовъ".

ленія государственныхъ имуществъ, онъ долженъ былъ вникнуть въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Трудъ Заблоцкаго былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ всего, что̀ было писано по крестьянскому вопросу до эпохи освобожденія; его взглядъ на крѣпостное право былъ совершенно отрицательный и, главное, подтверждаемый фактическими доказательствами. Записка, конечно, не могла быть напечатана въ свое время [1]), самое распространеніе ея въ рукописи могло быть небезопасно для автора; какимъ-то образомъ успѣлъ добыть ее Меншиковъ, которому она и дала поводъ къ неумѣреннымъ порицаніямъ противъ автора и противъ самого Киселева, вслѣдствіе чего послѣдній прервалъ съ Меншиковымъ всякія сношенія. Впослѣдствіи долю своего взгляда на экономическую несостоятельность крѣпостного права Заблоцкій изложилъ въ замѣчательной статьѣ: „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“ (Отеч. Записки, 1847), не называя, впрочемъ, крѣпостного права и указывая на него только техническими терминами политической экономіи.

Запрещеніе говорить о крѣпостномъ правѣ въ печати не вдругъ прекратило возможность говорить о немъ — хотя и не вполнѣ открыто — съ университетской каѳедры. Г. Семевскій приводитъ разсказы о профессорской дѣятельности Кавелина и очень извѣстнаго въ свое время казанскаго (подъ-конецъ петербургскаго) профессора Д. И. Мейера... Когда съ 1848 года приняты были вообще усиленныя цензурныя мѣры противъ печати, въ частности противъ всякихъ упоминаній о крѣпостномъ правѣ, обращено было вниманіе и на профессорскія лекціи. Въ „наставленіи ректору и деканамъ“ отъ октября 1849 было указано прямо: „въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъявлять въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства“. Такимъ образомъ, даже теоретически крѣпостное право было взято подъ особое покровительство, и Самаринъ въ своей запискѣ, составленной въ 1853—54 годахъ, замѣчаетъ, что крѣпостное право не только изъято было изъ числа предметовъ, доступныхъ для литературы, но „въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права, выведенныя не

---

[1]) Она издана была впервые въ составленной Заблоцкимъ біографіи Киселева, т. IV, стр. 271—345.

изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ, — апологіи самаго существа крѣпостного права". Въ подтвержденіе онъ приводитъ цитаты изъ наставленія для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, 1852 года. Здѣсь въ пользу крѣпостного права приведены тексты св. писанія, и весь смыслъ совѣтовъ инструкціи по этому предмету можетъ быть выраженъ такъ: „берегите крѣпостное право какъ учрежденіе божественное, какъ божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми" [1]).

Это было всего за четыре года до того, какъ возникли приготовленія къ совершенному уничтоженію этой заповѣди.

Разсматривая книгу Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes", 1847, г. Семевскій указываетъ, что по взглядамъ на крестьянскій вопросъ Тургеневъ уже не стоялъ на уровнѣ тѣхъ понятій, какія къ тому времени развились въ средѣ русскаго общества. Такъ, онъ колебался между безземельнымъ (лишь съ усадьбой) освобожденіемъ и надѣленіемъ крестьянъ землею. Повидимому, онъ думалъ только, чтобы хотя не вполнѣ, но освобожденіе совершилось скорѣе. Слабыя стороны его плана встрѣтили рѣзкое осужденіе въ отзывахъ двухъ лицъ, которыя были его же современниками, декабристовъ Н. Бестужева и М. Фонъ-Визина.

Разсказавъ далѣе о томъ, какія представленія о крѣпостномъ правѣ существовали въ кружкѣ Петрашевскаго, авторъ переходитъ къ славянофиламъ. Отдавая справедливость ихъ заслугамъ въ этомъ вопросѣ, онъ, однако, не преувеличиваетъ этихъ заслугъ. Еще ранѣе, разбирая статьи Хомякова по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, 1842, г. Семевскій не нашелъ въ нихъ достаточнаго пониманія сельскихъ отношеній, какъ въ собственномъ хозяйствованіи Хомякова—особеннаго благодушія къ своимъ крестьянамъ. Затѣмъ, относительно общаго значенія славянофильства г. Семевскій замѣчаетъ: „Вполнѣ признавая заслуги славянофильской школы въ крестьянскомъ дѣлѣ, мы должны еще разъ повторить, что она далеко не можетъ претендовать на какую-либо монополію относительно правильнаго выясненія крестьянскаго вопроса: мы видѣли, что въ Николаевскую эпоху западники успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи нисколько не менѣе, а скорѣе даже болѣе, чѣмъ славянофилы, а между прочимъ и полезное значеніе общиннаго землевладѣнія было прекрасно понимаемо

---

[1]) Стр. 348—349.

(какъ это видно, напримѣръ, изъ записокъ декабриста Фонъ-Визина) людьми совершенно иного образа мыслей" [1]).

Однимъ изъ важныхъ фактовъ въ развитіи крестьянскаго вопроса была извѣстная книга барона Гакстгаузена о Россіи. Путешествіе его по Россіи и потомъ изданіе его книги сдѣланы были съ немалыми пособіями отъ русскаго правительства, и хотя окончательные взгляды нѣмецкаго публициста не отвѣчали ожиданіямъ тѣхъ, кто полагалъ, что его трудъ будетъ содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса,—напротивъ, Гакстгаузенъ отлагалъ это рѣшеніе въ неопредѣленное будущее,—но онъ подтвердилъ своимъ авторитетомъ мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія и поддержалъ также мнѣніе тѣхъ, кто, подобно Киселеву, стоялъ за сохраненіе общиннаго землевладѣнія.

Г. Семевскій останавливается затѣмъ на различныхъ частныхъ проектахъ освобожденія крестьянъ, на отношеніи общества къ крестьянскому вопросу; довольно подробно говоритъ о положеніи крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ (подъ управленіемъ кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова) и въ сѣверо-западномъ краѣ; излагаетъ исторію введенія инвентарныхъ правилъ, которыя должны были съ точностью установить обязательства крестьянъ къ помѣщикамъ, ограждающія первыхъ отъ помѣщичьяго произвола, и, наконецъ, указываетъ, какъ отражался крестьянскій вопросъ въ малорусской литературѣ съ начала столѣтія и до Шевченка.

Особую главу авторъ посвящаетъ итогамъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Николая. Не исчисляя разныхъ предложеній, какія дѣлались въ то время по частнымъ подробностямъ дѣла, авторъ группируетъ тѣ мнѣнія, которыя касались способовъ дарованія крестьянамъ свободы и порядка ихъ увольненія, а также окончательнаго упраздненія крѣпостного права. Общій выводъ автора тотъ, что если сопоставить тогдашнія требованія различныхъ комитетовъ, членовъ администраціи и частныхъ лицъ съ тѣмъ, что̀ было дѣйствительно сдѣлано, то окажется, что ограниченіе крѣпостного права подвинулось за это время чрезвычайно мало. „Мы видѣли, до какой степени назрѣлъ вопросъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, но полнаго ея запрещенія не послѣдовало... Повинности крестьянъ были точно опредѣлены только въ юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ;... относительно предоставленія крестьянамъ права собственности

---

[1]) Стр. 426.

также ничего не было сдѣлано... Размѣра выкупа, за который можно пріобрѣтать свободу, установлено не было. Распространеніе въ 1847 на всю Россію (съ примѣра грузинскихъ крестьянъ, по закону 1824 года) права выкупаться на свободу, при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, было отмѣнено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не принесъ почти никакихъ плодовъ... Такимъ образомъ, за исключеніемъ частныхъ, неполныхъ мѣръ, относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности, въ Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но очень важно то, что въ Николаевскую эпоху въ правительственныхъ сферахъ выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права“ [1]).

Любопытенъ фактъ, что, несмотря на всю неудовлетворительность мѣръ для ограниченія крѣпостного права, численность крѣпостного населенія въ царствованіе императора Николая стала однако, хотя незначительно, понижаться, тогда какъ прежде она постоянно повышалась. Кромѣ того, что нѣкоторое число крѣпостныхъ перешло теперь въ свободные хлѣбопашцы и обязанные крестьяне или куплено въ казну; кромѣ того, что еще со времени императора Александра I прекратилось пожалованіе населенныхъ имѣній, уменьшенію числа крѣпостныхъ содѣйствовали еще другія обстоятельства: крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались свободными; крестьяне имѣній выморочныхъ или отчужденныхъ въ казну переходили въ государственные; не мало людей получали отпускныя; въ западныхъ губерніяхъ много имѣній было конфисковано; случалось, наконецъ, что правительство оставляло бѣглыхъ на мѣстахъ ихъ поселенія (въ Новороссіи, Бессарабіи, на Кавказѣ), вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммой; въ концѣ концовъ 9-я и 10-я ревизіи давали уже меньшее число крѣпостныхъ противъ предыдущей.

Упомянувъ еще разъ о благихъ намѣреніяхъ императора Николая и его крайней нерѣшительности въ крестьянскомъ вопросѣ, авторъ такъ, между прочимъ, объясняетъ неудачу тогдашнихъ мѣръ. „Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ коммиссій осталась безплодною, была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ

---

[1]) Стр. 568—569.

содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно". Дѣятели науки и литературы могли бы оказать правительству немалое содѣйствіе, одни—прямымъ обсужденіемъ мѣръ, другіе—распространеніемъ въ обществѣ болѣе гуманнаго отношенія къ закрѣпощенному крестьянству. „Но правительство съ величайшею нетерпимостью отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормазили иниціативу Киселева, единственнаго, болѣе другихъ энергическаго, человѣка въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль иногда благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другого комитета" [1]).

Слѣдующая, опять весьма любопытная, глава посвящена борьбѣ крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая. Эта борьба была, разумѣется, самая несчастная и печальная. Авторъ приводитъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія; разсказываетъ о побѣгахъ крѣпостныхъ, о поджогахъ, о насиліяхъ надъ помѣщиками, о покушеніяхъ на жизнь и убійствахъ помѣщиковъ и управляющихъ, наконецъ, о массовыхъ волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ послѣдней главѣ авторъ говоритъ о „свободномъ русскомъ словѣ по крестьянскому вопросу", именно о заграничной литературной дѣятельности Герцена по этому предмету, и, наконецъ, указываетъ нѣкоторыя особыя вліянія, экономическія и внутреннеполитическія, подготовлявшія паденіе крѣпостного права.

Таково богатое и разнообразное содержаніе книги г. Семевскаго, представляющей одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы за послѣдніе годы. Читатель могъ видѣть изъ нашего обзора, съ какимъ вниманіемъ авторъ отнесся къ своей задачѣ: онъ весьма обстоятельно изучилъ существующій матеріалъ по этому вопросу, расширивъ его обильными извлеченіями изъ неизданныхъ архивныхъ и частныхъ документовъ; онъ обслѣдовалъ всѣ стороны вопроса, начиная съ его перваго возникновенія и до кануна реформы 19-го февраля, относясь съ большимъ безпристрастіемъ къ обѣимъ сторонамъ, которыя встрѣтились въ этомъ историческомъ спорѣ. „Мы не находимъ воз-

---

[1]) Стр. 534—535.

можнымъ,—говоритъ авторъ однажды [1]),—подвергать огульному порицанію даже завзятыхъ крѣпостниковъ: и среди нихъ были люди, которые, возражая противъ предложеній нѣкоторыхъ либераловъ по крестьянскому вопросу, высказывали иной разъ весьма здравое пониманіе народныхъ нуждъ, между тѣмъ какъ другіе ихъ соратники преслѣдовали лишь грубо-эгоистическіе интересы; тѣмъ болѣе огульное одобреніе или порицаніе невозможно при разборѣ мнѣній ихъ противниковъ. Словомъ, къ обоимъ лагерямъ, и къ либеральному, и къ консервативному, и къ западникамъ, и къ самобытникамъ, мы должны относиться безпристрастно, обращая вниманіе прежде всего на то, въ какой степени полезно для русскаго крѣпостного крестьянства то, что̀ они проповѣдуютъ". Такова и должна быть настоящая историческая точка зрѣнія, потому что консервативныя идеи, какъ бы мало ни были сочувственны намъ въ этомъ и подобныхъ вопросахъ, бываютъ также наслѣдіемъ исторіи, котораго ихъ приверженцы могутъ держаться съ полнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ: другое дѣло, если онѣ служатъ только орудіемъ для себялюбія и противообщественныхъ цѣлей. — Наконецъ, особенный интересъ труду г. Семевскаго придаетъ, какъ мы замѣчали уже, то обстоятельство, что исторію учрежденія онъ ставитъ въ связь съ историческимъ развитіемъ общественности и литературы: такъ это и должно было быть, потому что въ крѣпостномъ правѣ былъ ненормальный Гордіевъ узелъ, связывавшій крѣпостную часть народа съ высшимъ дворянскимъ классомъ.

А. В—нъ.

---

1) Т. II., стр. 81.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

Старая и новая Германія.

Окончаніе.

XII *).

Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ задача всей жизни императора Вильгельма была уже доведена имъ до конца; уже тогда мечта сдѣлалась дѣйствительностью, и идея нѣмецкаго единства воплотилась въ образѣ могущественной Германіи; но все это совершилось не тѣмъ путемъ, какимъ мечтали достигнуть того же политики-идеалисты. Патріотическія пѣсни и горячая проповѣдь на неизмѣнную, въ теченіе трехъ четвертей вѣка, тэму должны были уступить мѣсто „желѣзу, огню и крови",—и тѣмъ не менѣе нѣмецкій народъ съ увлеченіемъ и восторгомъ послѣдовалъ за своимъ побѣдоноснымъ вождемъ, который съ такою рѣшимостью и настойчивостью велъ его въ обѣтованную землю. Всѣ самые чистые идеалы, всѣ самыя дорогія политическія стремленія были принесены съ радостью въ жертву на священный алтарь единства Германіи.

Политическіе и соціальные идеалы, однако, живучи, и въ этомъ скоро долженъ былъ убѣдиться императоръ Вильгельмъ и его сподвижники. Между правительствомъ и народомъ, или, вѣрнѣе, его представителями, оставалось коренное недоразумѣніе. Императоръ Вильгельмъ имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, основаніе искренно предполагать, что послѣ побѣдоносныхъ войнъ, доставившихъ нѣмецкому на-

*) См. выше: іюнь, 754 стр.

роду національное единство и могущество, ему не придется больше сталкиваться съ тѣми либеральными домогательствами, которыя омрачили первые годы его царствованія. Ему казалось, что достигнутые имъ результаты такъ громадны и блестящи, что ни одна партія не рѣшится снова оспаривать у него право располагать по своему усмотрѣнію всѣми матеріальными и нравственными силами народа.

Не такъ, однако, думало населеніе въ лицѣ своихъ представителей. Притомъ, жертвы, принесенныя на благо родины, были велики. Кровопролитныя войны, несмотря на лавры, увѣнчавшія нѣмецкое оружіе, потребовали страшнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, а такое напряженіе не можетъ быть безконечно. Въ минуты опасности, угрожавшія самой дорогой мечтѣ нѣмецкаго народа, никто не хотѣлъ задумываться передъ матеріальными и нравственными жертвами, вызванными суровою необходимостью, но лишь только опасность миновала, цѣль была достигнута, итоги подведены,—явилось естественное и законное желаніе вздохнуть свободнѣе и вернуться къ болѣе нормальнымъ условіямъ государственной жизни.

Строгое соблюденіе конституціонныхъ правъ явилось однимъ изъ такихъ и притомъ самыхъ существенныхъ условій. Если во время разгара борьбы изъ-за нѣмецкаго единства громадное большинство населенія, увлеченное патріотическимъ духомъ, охотно мирилось съ нарушеніемъ конституціонныхъ правъ, то теперь, когда великое дѣло было завершено, у правительства императора Вильгельма не было, повидимому, больше повода оспаривать у народнаго представительства его права на дѣятельное, а не на призрачное только участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Новая Германія не могла довольствоваться военно-боевымъ прусскимъ началомъ, но императоръ Вильгельмъ слишкомъ сжился съ королемъ Вильгельмомъ для того, чтобы онъ могъ обратиться къ иной, отличной отъ прусской, политикѣ, болѣе отвѣчающей новому порядку вещей, созданному образованіемъ единой Германіи. Единая Германія представлялась ему только усилившеюся и расширенною въ своихъ границахъ Пруссіей. Онъ не видѣлъ никакого основанія, сдѣлавшись нѣмецкимъ императоромъ, руководиться другими началами, а не тѣми, которыми онъ такъ успѣшно руководился, будучи только прусскимъ королемъ. Между тѣмъ задача воинственной Пруссіи, напрягавшей всѣ свои силы для достиженія своей завѣтной цѣли—могущества, не могла быть болѣе задачей единой Германіи, видѣвшей въ могуществѣ лишь средство для широкаго внутренняго развитія, а вовсе не конечную цѣль.

Если даже въ Пруссіи слишкомъ пренебрежительное отношеніе къ конституціоннымъ правамъ вызывало политическія столкновенія и

кризисы, грозившіе взрывомъ народныхъ страстей, то могла ли мириться новая Германія съ такимъ своеобразнымъ толкованіемъ конституціонныхъ правъ, благодаря которому вся дѣйствительная власть ускользала отъ установленнаго закономъ вліянія со стороны народнаго представительства.

Ко всѣмъ спорнымъ конституціоннымъ вопросамъ, послужившимъ поводомъ для распри между прусскою палатою депутатовъ и королемъ Вильгельмомъ,—въ нѣмецкомъ рейхстагѣ присоединились новые, столь же, если еще не болѣе жгучіе, вопросы, вызвавшіе упорную борьбу между императоромъ Вильгельмомъ и народнымъ представительствомъ цѣлой Германіи, борьбу, проводившую его до самой могилы.

Обрисовка фигуры покойнаго императора была бы неполна, еслибы мы не остановились на выдающихся моментахъ этой борьбы и не показали отношенія престарѣлаго творца нѣмецкой имперіи къ выпавшимъ на закатѣ его дней часто непосильнымъ задачамъ.

Три вопроса внутренней политики проходятъ красною нитью черезъ всѣ послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія императора Вильгельма,—три вопроса первостепенной важности, вызывавшіе упорную, порою страстную, борьбу между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже старый вопросъ объ отношеніяхъ между короной и народнымъ представительствомъ, о толкованіи конституціи, объ основныхъ условіяхъ истиннаго парламентаризма; другой—вызванъ былъ отношеніемъ церкви къ государству, и наполнилъ собою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ общественную жизнь отчаяннымъ поединкомъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, оставшимся въ исторіи извѣстнымъ подъ именемъ Culturkampf'а; и наконецъ третій, наиболѣе трудно разрѣшимый даже въ отдаленномъ будущемъ,—вопросъ соціальный.

Конституціонный вопросъ составилъ часть наслѣдства, завѣщаннаго Пруссіею нѣмецкой имперіи. Мы уже видѣли, съ какою настойчивостью, доходившею до самыхъ крайнихъ предѣловъ, корона отстаивала въ Пруссіи свое право не стѣсняться волею народнаго представительства въ самыхъ важныхъ вопросахъ государственнаго управленія. То же стремленіе не замедлило обнаружиться уже не въ прусской, а въ имперской политикѣ императора Вильгельма. Столкновеніе изъ-за конституціонныхъ правъ народнаго представительства могло быть предупреждено лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы императоръ Вильгельмъ и его геніальный совѣтникъ признали, что внутренняя политика единой Германіи должна покоиться на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ внутренняя политика Пруссіи въ ту эпоху, когда она, съ оружіемъ въ рукахъ, приступила къ осуществленію своей исто-

рической миссіи. Но этого-то именно и не случилось. Отчасти вслѣдствіе долгой, укоренившейся привычки относиться свысока къ народному представительству, какъ къ чему-то недозрѣлому и недостигшему еще политическаго совершеннолѣтія; отчасти вслѣдствіе глубокаго монархическаго убѣжденія, что конституціонныя права не могутъ парализовать воли законнаго государя; отчасти, наконецъ, вслѣдствіе сознанія, что нѣмецкая имперія не достигла еще такой незыблемой крѣпости, чтобы она спокойно могла взирать на всякія опасности, грозящія извнѣ государству,—императоръ Вильгельмъ не признавалъ возможнымъ, сдѣлавшись главою новой единой Германіи, держаться иныхъ принциповъ во внутренней имперской политикѣ, а не тѣхъ, какими онъ руководился, будучи только прусскимъ королемъ.

Если разногласіе въ толкованіи конституціонныхъ правъ вызывало въ прусской палатѣ депутатовъ настойчивый и энергическій протестъ со стороны либеральнаго народнаго представительства, то въ нѣмецкомъ рейхстагѣ такой протестъ долженъ былъ встрѣтить новыхъ горячихъ сторонниковъ, оспаривавшихъ у правительства всякое законное основаніе для противодѣйствія правильному теченію конституціонной жизни. Нарушая конституціонныя права, король прусскій могъ защищаться исключительными обстоятельствами, въ которыя поставлена была Пруссія, взявшая на себя осуществленіе идеи нѣмецкаго единства,—невозможностью раскрыть передъ народнымъ представительствомъ преслѣдуемую цѣль, необходимостью выковать прежде всего то орудіе, благодаря которому могла быть воздвигнута нѣмецкая имперія. Сопротивленіе прусской либеральной оппозиціи было сломано военными побѣдами, сразу освѣтившими великіе замыслы прусской политики. Поводъ для нарушенія конституціонныхъ правъ былъ таковъ, что онъ легко могъ увлечь за собою людей, наиболѣе горячо отстаивавшихъ политическую свободу нѣмецкаго народа.

Такого повода не было больше у короля прусскаго, сдѣлавшагося нѣмецкимъ императоромъ. Естественно, что либеральная оппозиція, слѣпо слѣдовавшая за правительствомъ въ рейхстагѣ сѣвернаго германскаго союза, когда впереди рисовалась гигантская борьба съ Франціей, когда дѣло объединенія не было еще завершено, теперь снова схватилась за брошенное на время знамя политической свободы, внутренняго прогрессивнаго развитія.

Тому самому вопросу, который послужилъ источникомъ упорной борьбы между императоромъ Вильгельмомъ, въ то время, когда онъ не возлагалъ еще на свою голову императорской нѣмецкой короны, и прусскимъ народнымъ представительствомъ, суждено было вызвать первое столкновеніе между императорскимъ правительствомъ и депу-

татами отъ всей нѣмецкой земли. Армія была всегда излюбленнымъ дѣтищемъ императора, предметъ самой горячей его заботливости; онъ не допускалъ, чтобы по вопросу о необходимомъ постоянномъ контингентѣ, равно какъ и по вопросу военнаго бюджета, его воля могла столкнуться съ волею парламента, какъ это случилось въ то время, когда онъ былъ только королемъ прусскимъ; онъ всегда и постоянно настаивалъ на томъ, что армія должна всецѣло зависѣть отъ короля, а не отъ парламента, а потому и теперь желалъ, чтобы отъ нѣмецкаго рейхстага не зависѣли ни численность арміи, ни вообще военный бюджетъ.

Но такое желаніе шло въ разрѣзъ съ конституціоннымъ порядкомъ, однимъ изъ главныхъ основаній котораго всегда является утвержденіе бюджета народнымъ представительствомъ. При самомъ открытіи перваго нѣмецкаго рейхстага, правительство предъявило сравнительно скромное требованіе,—чтобы рейхстагъ вотировалъ военный бюджетъ на три года, впредь до той поры, пока окончательно не будетъ выработана новая организація императорской арміи. Это требованіе натолкнулось, однако, на сопротивленіе либеральной оппозиціи, доказывавшей, что время войнъ миновало, и что правительство отнынѣ не должно уклоняться отъ нормальнаго конституціоннаго порядка. Но война только-что кончилась, запахъ пороха носился еще въ воздухѣ, и правительству на этотъ разъ не трудно было убѣдить народное представительство, что безопасность Германіи и суровыя требованія внѣшней политики не дозволятъ Германіи тотчасъ же сбросить съ себя военные доспѣхи. Трехлѣтній контингентъ и трехлѣтній военный бюджетъ были вотированы, но все же императоръ Вильгельмъ долженъ былъ убѣдиться, что военные тріумфы не искоренили въ Германіи стремленія къ горячей охранѣ народныхъ вольностей.

Желая разъ навсегда устранить всякое столкновеніе между короной и народнымъ представительствомъ изъ-за вопроса объ арміи, правительство черезъ три года внесло въ рейхстагъ проектъ закона, въ силу котораго постоянный контингентъ арміи въ 400 тысячъ человѣкъ долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ впредь до новаго закона. Такое предложеніе было равносильно предложенію рейхстагу, чтобы онъ навсегда отказался отъ вмѣшательства въ дѣла арміи и въ обсужденіе необходимаго для нея военнаго бюджета. Согласно имперской конституціи, никакой законъ не могъ подвергнуться измѣненію безъ предварительнаго соглашенія между императоромъ, федеральнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Послѣдній очень хорошо понялъ, что императоръ никогда не дастъ своего согласія на измѣненіе закона, и такимъ образомъ рейхстагъ лишенъ будетъ законнаго права контролировать въ этомъ отношеніи правительство. Военный проектъ вы-

звалъ противъ себя самую рѣшительную оппозицію. Но чѣмъ сильнѣе была оппозиція, тѣмъ настойчивѣе было желаніе правительства провести проектъ, которымъ такъ дорожилъ престарѣлый императоръ.

У ближайшихъ совѣтниковъ императора Вильгельма вошло съ этихъ поръ въ обычай—каждый разъ, что парламентъ противится принятію какого-либо военнаго закона, клонящагося къ усиленію боевыхъ средствъ Германіи— пользоваться однимъ, до поры до времени, безопаснымъ, орудіемъ для борьбы съ либеральною оппозиціей. Орудіе это не разъ уже сослужило службу правительству императора Вильгельма. По всей оффиціальной и оффиціозной печати раздается какъ бы барабанный бой, указывающій на козни враждебной Франціи и призывающій мирныхъ гражданъ къ оружію. На всѣ лады каждый день, въ цѣлой сотни газетъ и журналовъ, начинается воинственная проповѣдь, сводящаяся къ одной тэмѣ: Франція готовится къ нападенію; Германія должна подняться какъ одинъ человѣкъ; правительству должна быть оказана всякая поддержка,—всякая оппозиція ему является преступленіемъ! Всѣ знаютъ, что это политическій маневръ, но сила его такова, онъ такъ туманитъ головы, что и невѣрующіе въ него превращаются въ вѣрующихъ. Когда почва достаточно подготовлена, на политическую сцену рейхстага выступаетъ самъ канцлеръ или „мыслитель войны“, престарѣлый Мольтке, и тотъ или другой произноситъ рѣшающее слово. „То, что мы завоевали въ теченіе шести мѣсяцевъ, мы должны будемъ защищать въ продолженіе пятидесяти лѣтъ“,—говорилъ Мольтке, отстаивая правительственный проектъ и какъ бы не подозрѣвая, какое осужденіе произносилъ онъ этими словами завоеванію двухъ французскихъ провинцій.

Императоръ Вильгельмъ никогда не желалъ оставаться лично внѣ борьбы. Онъ всегда выступалъ впередъ, покрывая своихъ совѣтниковъ, возвышая свой голосъ въ пользу того или другого правительственнаго проекта. Могъ ли не выступить онъ теперь, когда дѣло шло о томъ, чтó такъ близко лежало къ его сердцу—объ арміи. „Я не могу скрыть отъ васъ,—говорилъ онъ въ 1874 году явившимся къ нему съ поздравленіями 22-го марта, т.-е. въ день его рожденія, генераламъ,—что опять надъ арміей носится кризисъ. То, на чемъ я настаивалъ въ прежнее время въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, и чего я въ концѣ концовъ добился,—то, что освящено опытомъ, на томъ я настаиваю и въ настоящее время и не откажусь отъ моихъ требованій“. То, на чемъ настаивалъ императоръ Вильгельмъ въ четырехъ-лѣтній памятный конфликтъ, состояло въ независимости арміи отъ рѣшеній парламента. Рейхстагъ это хорошо понималъ и тѣмъ съ большею рѣшимостью сопротивлялся принятію правительственнаго проекта. Новый конфликтъ, уже иного значенія и иныхъ размѣровъ, угрожалъ теперь

ве Пруссіи, а цѣлой Германіи; но въ послѣднюю минуту обѣ стороны, ради его предупрежденія, пошли на компромиссъ. Несмотря на свою непреклонную волю во всемъ, что касалось арміи, императоръ Вильгельмъ, памятуя свое обѣщаніе, что конфликтъ никогда болѣе не возобновится, не рѣшился на открытую борьбу съ имперской конституціей, и правительство не вступило въ соглашеніе съ народнымъ представительствомъ. Рейхстагъ вотировалъ составъ арміи на семилѣтній срокъ.

Не въ послѣдній разъ армія служила поводомъ для столкновенія между императоромъ и рейхстагомъ, и императоръ Вильгельмъ никогда не успокаивался на пожатыхъ лаврахъ. Въ теченіе всего его царствованія онъ энергично работалъ надъ усовершенствованіемъ боевой силы Германіи, постоянно увеличивая ея составъ, постоянно требуя отъ рейхстага новыхъ кредиторовъ, постоянно защищая проекты, разработываемые его сподвижниками. Не проходило почти ни одной сессіи рейхстага, чтобы имперское правительство не вносило какого-либо новаго проекта, предназначеннаго для усиленія военнаго могущества Германіи. Рейхстагъ вотировалъ септеннатъ, побуждаемый къ тому великимъ нѣмецкимъ стратегомъ, неустанно твердившимъ, что Германія только въ томъ случаѣ можетъ удержать свои завоеванія, несмотря на возростающее вооруженіе Франціи и на перекоръ Европѣ, среди которой, по его словамъ, „Германія пріобрѣла дружбу, но вовсе не симпатію народовъ",—если Германія въ каждую данную минуту будетъ вооружена съ ногъ до головы. Но правительство потребовало отъ рейхстага новыхъ жертвъ.

Рейхстагъ—нельзя не отдать ему справедливости—не обнаруживалъ особеннаго желанія идти на-встрѣчу правительству. Народные представители ясно сознавали, что постоянное увеличеніе арміи и неизбѣжно сопряженное съ такимъ увеличеніемъ усиленіе военныхъ издержекъ ложатся тяжелымъ бременемъ на нѣмецкій народъ. Нація подъ ружьемъ не представлялась идеаломъ для народнаго представительства; но, несмотря, однако, на сопротивленіе, правительство, не доходя до конфликтовъ, благодаря искусному маневрированію среди партій, всегда достигало преслѣдуемой цѣли. Съ 1-го января 1878 года императоръ Вильгельмъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи грозную силу—двухъ-милліонную армію. Но и этого казалось недостаточно. Въ послѣдующія сессіи рейхстага правительство снова требовало увеличенія военныхъ силъ, и не дальше какъ за двѣ недѣли до смерти императора Вильгельма князь Бисмаркъ произнесъ одну изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей въ защиту новаго военнаго закона и новаго займа на потребности арміи—въ 288 милліоновъ марокъ. „Наибольшее развитіе арміи, нашей арміи,—гово-

рилось при представленіи новаго закона,—продолжаетъ быть предметомъ особенной заботливости его величества императора и союзныхъ правительствъ. Проектъ закона, который вамъ будетъ представленъ, касающійся ландвера и ландштурма имѣетъ своею цѣлью привести къ существенному увеличенію военныхъ силъ имперіи". И всѣ эти внушительныя приготовленія къ войнѣ прикрывались постоянно обычными увѣреніями, что правительство заботится исключительно о сохраненіи ненарушимаго мира. Одинъ лишь Мольтке бывалъ искрененъ, когда онъ говорилъ, что „всеобщій миръ—это мечта, и притомъ дурная мечта".

Несмотря на всю прирожденную императору Вильгельму скромность, онъ, умирая, не могъ не сознавать, что военное могущество Германіи есть дѣло его собственныхъ рукъ. Его твердая воля, его настойчивость, его даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчиненіе взглядамъ избранныхъ имъ совѣтниковъ—вознесли Германію на степень господствующаго въ Европѣ военнаго государства. Но человѣческое дѣло никогда не бываетъ совершенно, и военное могущество Германіи, значительно увеличившееся даже со времени войны 1870 г., имѣетъ и свою обратную сторону. Оно неизбѣжно должно было отозваться на внутреннемъ развитіи нѣмецкой государственной жизни,—мало того, оно, постоянно поддерживая напряженное состояніе Европы, невыгодно отозвалось и продолжало отзываться на внутренней жизни всѣхъ главныхъ европейскихъ государствъ. Трудно не согласиться съ французскимъ писателемъ, которому нельзя было бы даже поставить въ вину отсутствіе полнаго безпристрастія, когда, сравнивая старую Германію съ новою, онъ говоритъ: „Теперь всѣ границы зазубрены; желѣзныя дороги превратились въ орудіе войны; науки призваны на службу разрушенія, и даже естественная исторія, доказывающая право сильныхъ и вину слабыхъ. Нѣтъ больше націи, которая не приготовлялась бы убивать, чтобы самой не быть убитой. Бюджеты и военные законы всюду душатъ національную дѣятельность. Европа походитъ на громадное Марсово поле въ ожиданіи, когда оно превратится въ поле рѣзни. Все это—созданіе Пруссіи и непосредственное послѣдствіе объединенія Германіи... Эта слава—быть всегда угрожающей—неразлучна съ опасностью быть, въ свою очередь, угрожаемой. Въ прежнее время Германія не знала враговъ; теперь Бисмаркъ только и дѣлаетъ, и говоритъ ей, что она въ постоянной опасности со стороны ея двухъ противоположныхъ границъ, и что ея военныя силы, столь грозныя, все-таки недостаточны. Нужно усиливать составъ арміи, бомбардировать крѣпости, строить новыя стратегическія желѣзныя дороги, и слѣдовательно увеличивать налоги и прибѣгать къ займамъ. Никто не можетъ

предвидѣть, каковъ будетъ конецъ этихъ дорого стоющихъ усилій... Германія страдаетъ отъ послѣдствій побѣдъ, которыя заставляютъ ее всегда опасаться войны. Не одинъ крестьянинъ и не одинъ рабочій находятъ слишкомъ тяжкими и военную службу, и свои обязательства по отношенію къ сборщику податей, и велико число добрыхъ людей, которые желали бы жить спокойно" [1]).

Если военное могущество Германіи, доведенное императоромъ Вильгельмомъ до своего апогея, тяжело отзывалось на матеріальномъ благосостояніи страны, что, какъ мы скоро увидимъ, и содѣйствовало необыкновенному усиленію соціальной партіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно тяжело отозвалось и на политическомъ развитіи государственнаго организма. Военный режимъ, военное государство—плохо дружатся съ политическими вольностями. Долгій политическій опытъ и государственный здравый смыслъ императора Вильгельма привели его къ сознанію пользы конституціоннаго порядка, и онъ не устрашился даже прибѣгнуть къ главному орудію демократіи—къ всеобщей подачѣ голосовъ. Но если онъ мирился съ конституціоннымъ режимомъ, то лишь какъ съ неизбѣжнымъ въ современномъ государствѣ зломъ; сердце же его никогда не лежало къ широкому развитію конституціонныхъ правъ, и онъ всѣми силами противодѣйствовалъ установленію въ Германіи истиннаго парламентаризма. Его преданный совѣтникъ былъ только истолкователемъ его воли, когда онъ энергично протестовалъ каждый разъ, какъ только возвышались голоса, требовавшіе установленія имперскаго министерства, отвѣтственнаго передъ рейхстагомъ. Императоръ Вильгельмъ желалъ не только „царствовать", но и „управлять", и потому не допускалъ, чтобы министры могли нуждаться въ довѣріи рейхстага, когда они пользовались его довѣріемъ. Онъ понималъ, что введеніе отвѣтственнаго передъ рейхстагомъ министерства будетъ лишь первымъ этапомъ къ установленію противнаго его натурѣ парламентаризма.

Императоръ Вильгельмъ не желалъ, однако, выходить изъ установленныхъ имперскою конституціей рамокъ, казавшихся ему достаточно широкими. Ни одинъ новый законъ не можетъ быть введенъ безъ согласія рейхстага, ни одинъ новый налогъ не можетъ быть установленъ помимо его воли,—но дальше этихъ ограниченій монархическихъ правъ онъ не желалъ идти, тѣмъ болѣе, что и такія ограниченія часто ставили правительство въ весьма затруднительное положеніе и волей-неволей обязывали его къ большей уступчивости, нежели оно желало. Если рейхстагъ былъ безсиленъ провести какой-либо законъ, несогласный съ намѣреніями правительства, то и послѣднее,

---

[1]) „Essais sur l'Allemagne Impériale", par Ernest Javisse. Paris, 1888.

въ силу конституціи, лишено было возможности издать новый законъ, почему-либо неугодный рейхстагу. Эта необходимость соглашенія короны съ рейхстагомъ не разъ въ послѣдніе годы царствованія императора Вильгельма порождала враждебныя отношенія между правительствомъ и оппозиціонными элементами народнаго представительства, но самая эта враждебность, самая рѣзкость борьбы являлись доказательствомъ, что германская конституція—вовсе не пустой призракъ, не слова, не форма, лишенная содержанія, какъ тó многіе думаютъ и говорятъ.

Если до сихъ поръ послѣднее слово въ такой борьбѣ почти никогда еще не оставалось за оппозиціей, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя навсегда была обречена на роль побѣжденнаго. Въ безсиліи либеральной оппозиціи виновата была не столько имперская конституція, дающая вовсе не такое уже дурное орудіе для защиты народныхъ правъ, сколько подавляющій авторитетъ Бисмарка и то уваженіе и любовь, которыя куплены были императоромъ Вильгельмомъ цѣною великихъ услугъ, оказанныхъ имъ Германіи.

Несмотря на громадное обаяніе покойнаго императора, правительство его не разъ, однако, терпѣло временныя пораженія въ борьбѣ изъ-за развитія политическихъ правъ, и пораженія эти тѣмъ болѣе удручали императора Вильгельма, что онъ считалъ своимъ долгомъ каждый разъ лично вмѣшиваться въ борьбу. Никогда, однако, парламентское пораженіе такъ близко его не коснулось, какъ въ 1878 году, когда послѣ покушенія, произведеннаго на его жизнь двумя выстрѣлами рабочаго Геделя, правительство внесло въ рейхстагъ проектъ закона съ цѣлью „предохранить государство и общество отъ опасности, угрожающей имъ со стороны соціалистовъ-демократовъ“. Правительство требовало, чтобы союзному совѣту было предоставлено право конфисковать произведенія печати и запрещать собранія этой партіи.

Императоръ Вильгельмъ вовсе не желалъ возлагать отвѣтственность на цѣлую націю за преступленіе одного безумца; онъ не желалъ, чтобы выстрѣлъ Геделя послужилъ поводомъ для усиленія реакціи; но правительство,—несмотря на то, что соціальная партія громко заявила, что она не имѣетъ ничего общаго съ человѣкомъ, рѣшившимся покуситься на жизнь престарѣлаго императора,—связывало все-таки Геделя съ соціальной партіей и рѣшилось поэтому дѣйствовать мѣрами строгости противъ распространенія идей соціалистовъ-демократовъ. Рейхстагъ, однако, не убѣдился доводами князя Бисмарка и, отстаивая политическую свободу Германіи, отвергъ предложенный ему проектъ закона. Онъ хотѣлъ показать, что народное представительство не всегда является покорнымъ орудіемъ въ рукахъ

авторитетнаго министра, что германская конституція вовсе не такъ уже безсильна, несмотря на отсутствіе въ ней истиннаго парламентаризма.

На несчастье Германіи, примѣръ Геделя увлекъ за собою другого фанатика Нобилинга, который, три недѣли спустя послѣ перваго покушенія, рѣшился вновь посягнуть на жизнь создателя единой Германіи. Преступный замыселъ Нобилинга не достигъ своей конечной цѣли, но тѣмъ не менѣе императоръ Вильгельмъ былъ раненъ. Вся Германія, все общественное мнѣніе, безъ различія партій, отвѣтили взрывомъ негодованія на преступное дѣяніе Нобилинга. Самый способъ, къ которому прибѣгъ Нобилингъ для осуществленія своего замысла, возмутилъ общественную совѣсть. Оружіе его было заряжено мелкою дробью, и престарѣлый императоръ, всю свою жизнь посвятившій благу дорогой ему родины, получилъ до тридцати ранъ. Жизнь императора была въ опасности; онъ вынужденъ былъ передать власть въ руки регента, нынѣ уже покойнаго императора Фридриха III, и только благодаря своему сильному организму императоръ Вильгельмъ не сдѣлался жертвою безумнаго фанатизма.

Хотя соціальная партія, въ лицѣ своихъ представителей, опять громко протестовала противъ смѣшенія ея съ убійцами, но послѣдовательныя одно за другимъ покушенія двухъ лицъ, называвшихъ себя соціалистами-демократами, несомнѣнно ослабляли значеніе всѣхъ подобныхъ протестовъ. Общество не вѣрило больше Карлу Марксу и другимъ вождямъ соціально-демократической партіи, когда они заявляли, что „соціалистическія ученія имѣютъ такъ же мало общаго съ политическими убійствами, какъ съ гибелью панцырнаго корабля „Великій Курфюрстъ" или съ собраніемъ берлинскаго конгресса" [1]).

Понятное возмущеніе охватило тогда всѣ слои нѣмецкаго народа. Даже самые крайніе политическіе противники, готовые на неустанную борьбу съ монархическими убѣжденіями императора Вильгельма, никогда не отказывали въ глубокомъ личномъ уваженіи къ благородству, прямотѣ его характера, къ чистотѣ его намѣреній, увѣренные, что онъ можетъ ошибаться, но, и ошибаясь, онъ руководится исключительно мыслью о благѣ и величіи Германіи. Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвели эти два покушенія на правительственныя сферы, всегда скорѣе поддающіяся обобщеніямъ отдѣльныхъ преступныхъ фактовъ. Сознаніе, что даже императоръ Вильгельмъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, несмотря на честность его

---

[1]) „Kaiser Wilhelm und die Gründung des neuen deutschen Reichs", von D-r Egelhoff. Stuttgart, 1886.

натуры и великія заслуги, оказанныя имъ родинѣ, не застрахованъ отъ преступныхъ покушеній на его жизнь, производило удручающее впечатлѣніе, краснорѣчиво выраженное Бисмаркомъ въ разговорѣ его по этому поводу съ бывшимъ президентомъ Грантомъ. „Вотъ,— говорилъ онъ,—старикъ, одинъ изъ лучшихъ людей на землѣ, и все-таки дѣлаются покушенія на его жизнь. Никогда не было человѣка по характеру болѣе скромнаго, болѣе великодушнаго, болѣе гуманнаго, чѣмъ императоръ. Онъ рѣшительно отличается отъ людей, родившихся въ такой высокой сферѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ большинства изъ нихъ. Вы знаете, что люди въ его положеніи, принцы по рожденію, склонны считать себя людьми, отличными отъ всѣхъ другихъ. Они обыкновенно придаютъ слишкомъ мало значенія чувствамъ и желаніямъ другихъ людей. Все ихъ воспитаніе какъ бы направлено къ тому, чтобы задушить въ нихъ гуманную сторону. Императоръ же, напротивъ, во всемъ—человѣкъ. Онъ никогда въ своей жизни не сдѣлалъ никому вреда, никогда не оскорбилъ чужого чувства, никогда не зналъ жестокости. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые привлекаютъ къ себѣ всѣ сердца, работая постоянно для счастья и блага своихъ подданныхъ и всѣхъ окружающихъ его. Невозможно представить себѣ типа болѣе благороднаго, болѣе добраго, украшеннаго всѣми высокими качествами государя и всѣми достоинствами человѣка. Я полагалъ, что императоръ можетъ пройти черезъ все государство изъ одного конца въ другой, одинъ и безъ малѣйшей опасности; и вотъ теперь стремятся его убить. Нашъ императоръ во всемъ настолько предался общественному благу, что даже самый крайній республиканецъ отнесся бы къ нему съ удивленіемъ, еслибы только сужденіе его было безпристрастно... Вотъ монархъ, который, въ силу доброты своего сердца, какъ бы уничтожилъ смертную казнь, и все же онъ становится жертвою покушенія на убійство“.

Оцѣнивая такимъ образомъ покойнаго императора, Бисмаркъ могъ быть увѣренъ, что оцѣнка эта не встрѣтитъ возраженій ни среди нѣмецкаго народа, ни среди избраннаго имъ рейхстага, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что можно преклоняться передъ личными достоинствами государя и все-таки быть несолидарнымъ съ его внутреннею государственною политикою. Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ второго покушенія на жизнь императора, рейхстагъ, желая заявить свое сочувствіе раненому престарѣлому монарху, и принялъ бы теперь внесенный правительствомъ проектъ закона, направленный противъ соціально-демократической партіи, но правительство не рѣшилось подвергнуть проектъ еще разъ риску быть отвергнутымъ. Пользуясь общественнымъ настроеніемъ, возбужденнымъ преступными

покушеніями на жизнь императора, правительство прибѣгло не къ насильственному введенію отвергнутаго народнымъ представительствомъ закона, а къ мѣрѣ вполнѣ законной—къ распущенію рейхстага. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что въ новомъ рейхстагѣ консервативная партія значительно увеличится, благодаря преступленію Геделя и Нобилинга, и онъ не ошибся въ разсчетѣ. Предлогомъ для распущенія рейхстага послужило непринятіе закона для противодѣйствія стремленіямъ соціальной партіи, и новые выборы происходили на почвѣ этого закона. Внося вновь свой проектъ въ новый рейхстагъ, правительство усилило его строгость. Къ запрещеніямъ печатныхъ произведеній этихъ партій и сходокъ прибавилось еще воспрещеніе пребыванія въ извѣстныхъ городахъ и округахъ людямъ, обвиненнымъ въ принадлежности къ соціально-демократической партіи. Несмотря на общественное настроеніе, оппозиція противъ правительственнаго проекта была необычайно сильна. Рейхстагъ сначала не хотѣлъ признать, чтобы даже часть населенія могла быть признана отвѣтственною за вину одного или нѣсколькихъ фанатиковъ. Проектъ, въ концѣ концовъ, былъ однако принятъ, но съ довольно значительными поправками. Срокъ временнаго закона былъ опредѣленъ двумя съ половиною годами.

Этотъ временный законъ противъ соціалистовъ не переставалъ служить поводомъ для борьбы между парламентомъ и правительствомъ вплоть до самой смерти покойнаго императора. Каждый разъ, что заходилъ вопросъ о продленіи этого закона, правительство встрѣчало упорную оппозицію, и не разъ также требовалось личное вмѣшательство императора Вильгельма, чтобы преодолѣть настойчивость сопротивленія. Принимая депутацію рейхстага въ 1884 году, императоръ Вильгельмъ обратился къ ней съ горькими упреками по адресу оппозиціи, не соглашавшейся на новое продленіе этого закона, говоря, что послѣдняя забываетъ, при какихъ обстоятельствахъ появился законъ противъ соціалистовъ, что нужно было, чтобы пролилась его кровь, чтобы оппозиція убѣдилась въ опасности, угрожающей обществу, и что оппозиція закону на этотъ разъ направлена лично противъ него.

Императоръ Вильгельмъ, исходя изъ того положенія, что онъ не только царствуетъ, но и управляетъ, никогда не допускалъ, чтобы отвѣтственность за какой-либо правительственный актъ падала на того или другого министра; онъ не мирился съ основнымъ конституціоннымъ положеніемъ, что лицо монарха остается всегда внѣ борьбы; онъ желалъ, напротивъ, чтобы всѣ были убѣждены, что не принимается ни одна мѣра, не предлагается никакой проектъ закона безъ того, чтобы предварительно онъ не выразилъ на то свою

волю. Каждый разъ, что рейхстагъ выражалъ порицаніе или недовѣріе правительству за ту или другую принятую имъ мѣру, императоръ Вильгельмъ тотчасъ же выступалъ на сцену, при помощи ли прямого обращенія къ рейхстагу, при помощи ли рескриптовъ вызвавшему неудовольствіе парламента министру, громко провозглашая, что министры являются лишь исполнителями его предначертаній. Такъ было и при обсужденіи закона противъ соціалистовъ, при обсужденіи предложеній правительства, касавшихся мѣръ для обезпеченія судьбы рабочихъ; такъ оно было каждый разъ, что вопросъ касался правильности функціонированія конституціоннаго механизма.

Оппозиція, настойчиво стремясь къ достиженію парламентскаго режима, не разъ производила генеральную аттаку противъ правительства за оказываемыя имъ вліяніе и давленіе во время выборовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только защищалъ правительство противъ нападеній оппозиціи рейхстага, но доказывалъ, что правительство такъ и должно поступать, что всѣ служащіе обязаны оказывать правительству свое содѣйствіе въ томъ духѣ, въ какомъ это угодно правительству, и что, дѣйствуя такимъ образомъ, чиновники могутъ заслужить только благодарность императора. Теорія эта вызвала негодованіе рейхстага, которое большинствомъ голосовъ вотировало порицаніе правительству. Императоръ Вильгельмъ порѣшилъ принять на свой счетъ выраженное министру порицаніе. Онъ обратился къ министру съ письмомъ, въ которомъ, высказывая ему свое довѣріе, настаивалъ на правѣ королевской и императорской власти руководить всею, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею, политикою государства. Всѣ дѣйствія и акты правительства суть дѣйствія и акты короля и императора. Онъ предупреждалъ еще разъ отъ заблужденія разсматривать правительственныя дѣйствія, какъ дѣйствія, обусловленныя только волею министра. Императоръ Вильгельмъ, отстаивая монархическую власть противъ аттаки парламентаризма, держался того мнѣнія, что всѣ чиновники обязаны во время выборовъ защищать правительственную политику и по меньшей мѣрѣ воздерживаться отъ всякой оппозиціи.

Но если императоръ Вильгельмъ горячо настаивалъ на неприкосновенности монархическаго принципа, то съ не меньшею горячностью настаивала либеральная оппозиція рейхстага на строгомъ соблюденіи конституціонныхъ началъ. Несмотря на рѣшительный характеръ письма императора, нѣсколько времени спустя, даже не въ рейхстагѣ, а въ прусской палатѣ, утратившей свое значеніе съ возстановленіемъ имперіи, оппозиція потребовала преданія суду должностныхъ лицъ, дозволившихъ себѣ оказать давленіе на выборахъ. Вопросъ о правительственномъ вліяніи на выборы во все время цар-

ствованія императора Вильгельма постоянно вызывалъ упорную борьбу между оппозиціей и правительствомъ, и нужна была перемѣна царствованія, вступленіе на престолъ болѣе проникнутаго конституціонными идеями императора Фридриха III, чтобы борьба эта окончилась ясно выраженнымъ желаніемъ новаго императора, чтобы правительство отнынѣ воздерживалось отъ всякаго стѣсненія свободы выборовъ.

Голосъ императора Вильгельма много вѣсилъ во внутренней политикѣ Германіи, но воля его не могла устранить того коренного противорѣчія, которое существуетъ между двумя противоположными началами: началомъ абсолютной власти и началомъ конституціоннымъ. Императоръ Вильгельмъ искренно желалъ оставаться вѣрнымъ принесенной имъ присягѣ, соблюдать конституціонныя права народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитанный въ строго монархическихъ идеяхъ и глубоко къ нимъ привязанный, онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслію, что конституціонныя права въ чемъ-либо могутъ стѣснять его волю, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ, что воля его всегда направлена на благо страны. Онъ не мирился съ парламентскою оппозиціею, не признававшей, казалось ему, его заслугъ и оспаривавшей у него законную власть. Въ борьбѣ оппозиціи онъ видѣлъ недовѣріе къ себѣ, глубоко его оскорблявшее. Въ дѣйствительности не было ничего подобнаго. Оппозиція относилась къ императору съ довѣріемъ и любовью, но она преслѣдовала задачу, къ которой стремится каждый парламентъ, т.-е. быть настоящимъ парламентомъ, съ дѣйствительною, а не фиктивною властью. „Чего вы хотите, наконецъ?— говорилъ Бисмаркъ въ парламентѣ, отвергавшемъ всѣ его проекты:— Вы походите на дѣтей, которыя играютъ, пряча какую-нибудь вещь, которую одинъ изъ играющихъ долженъ искать; но когда послѣдній приближается къ тому мѣсту, гдѣ вещь спрятана, его по крайней мѣрѣ предупреждаютъ звуками музыки. Вы же, вы никогда не дѣлаете и такого предупрежденія“. Если императоръ Вильгельмъ вполнѣ чистосердечно не понималъ оппозиціи, то князь Бисмаркъ, по остроумному замѣчанію одного писателя, всегда отлично зналъ, что̀ „прячетъ“ рейхстагъ?—страстное желаніе сдѣлаться истиннымъ парламентомъ со всѣми его правами.

Императоръ Вильгельмъ полагалъ, что съ достиженіемъ нѣмецкаго единства старая оппозиція замретъ, что у нея не будетъ болѣе повода бороться съ правительствомъ. Дѣйствительность не оправдала такого ожиданія,—напротивъ, оппозиція значительно усилилась, и такое усиленіе ея представлялось какъ нельзя болѣе естественнымъ. Одна задача, поглощавшая всѣ помыслы, всѣ заботы, была выполнена; другая задача—внутренняго развитія Германіи—сосредоточила на себѣ

всю народную энергію. Но помимо этой послѣдней, достаточной самой по себѣ, причины для усиленія либеральной оппозиціи, была еще и другая, лежавшая въ самомъ способѣ образованія единой Германіи. Возникшая при помощи огня и желѣза, нѣмецкая имперія заключала въ себѣ элементы, слитые въ одно цѣлое не доброю волею, а насиліемъ. Эти элементы неизбѣжно должны были увеличить ряды оппозиціи, доставить спорной либеральной оппозиціи не всегда безкорыстныхъ союзниковъ, которыхъ князь Бисмаркъ окрестилъ именемъ „враговъ имперіи".

Изъ кого же состояли эти враги, присоединявшіеся къ оппозиціи каждый разъ, что правительству императора Вильгельма можно было нанести ударъ?

Пруссія никогда не обладала даромъ располагать къ себѣ сердца побѣжденныхъ и присоединенныхъ къ ней народностей. Несмотря на свои солидныя качества, на традиціонный порядокъ, на честность администраціи, независимость судебнаго персонала, на строгое отношеніе правительства къ своему долгу, Пруссія никогда не внушала и неспособна была внушать къ себѣ симпатіи другихъ народовъ. Пруссія представляла собою всегда наиболѣе дисциплинированное государство; она создана была военной дисциплиной, экономіей, суровымъ порядкомъ; увлеченіе, страсти, поэзія жизни—не были ея удѣломъ. Обыкновенно говорятъ, что Пруссія, ея правительство, ея населеніе отличаются особеннымъ „прусскимъ духомъ". Въ этомъ „прусскомъ духѣ" есть, безъ сомнѣнія, очень много хорошаго—рѣшительность, энергія, умѣнье преслѣдовать однажды намѣченную цѣль, самое щепетильное исполненіе своихъ обязанностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и жесткость, крайняя требовательность къ себѣ и къ другимъ, нѣкоторая сухость сердца и ума, чуждаго всякой чувствительности. „Прусскій духъ" игнорируетъ человѣческія слабости, а люди да и цѣлые народы ничему такъ не симпатизируютъ, какъ слабостямъ. Какъ отдѣльный человѣкъ, не знающій никакихъ увлеченій, страстныхъ порывовъ, непосредственныхъ вспышекъ сердца, можетъ пользоваться уваженіемъ, почетомъ, подчасъ даже внушать страхъ своимъ строгимъ отношеніемъ къ жизни, но рѣдко способенъ вызывать симпатіи, сочувствіе, инстинктивное къ себѣ влеченіе,—такъ бываетъ и съ цѣлымъ народомъ. Къ Пруссіи питаютъ уваженіе, ее боятся, но не любятъ.

Создавая Германію своею собственною мощью, Пруссія естественно перенесла въ ея политическое устройство, въ ея внутреннія и внѣшнія отношенія, тотъ самый „прусскій духъ", благодаря которому она пріобрѣла въ Европѣ преобладающія силу и значеніе. Но вмѣстѣ съ „прусскимъ духомъ" она перенесла на имперію и ту нелюбовь,

которая до сихъ поръ была лишь удѣломъ одного прусскаго королевства въ Германіи. У создателя же нѣмецкой имперіи, поглощеннаго заботой о ея могуществѣ, не было ни времени, ни навыка выковать то наиболѣе связующее различныя народности звено, которое зовется любовью. Нѣмецкій рейхстагъ долженъ былъ неизбѣжно отразить въ себѣ образъ насильственно, огнемъ и желѣзомъ, созданной Германіи. въ его средѣ долженъ былъ раздаться протестующій противъ насилія голосъ датчанъ, поляковъ и, наконецъ, пріобрѣтенныхъ нѣмецкимъ оружіемъ эльзасцевъ.

Бисмаркъ не преувеличивалъ, называя ихъ „врагами имперіи". Да, это были враги, враги непримиримые, носившіе въ своемъ сердцѣ одну лишь ненависть къ навязанному имъ силою отечеству—Германіи.

Патріотическое стремленіе императора Вильгельма доставить силу, могущество и спокойствіе своей родинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и вполнѣ законное честолюбіе и гордость побѣдителя—заставили его совершить, по основательному мнѣнію многихъ, опасную политическую ошибку, заключавшуюся въ отторженіи отъ Франціи и присоединеніи къ Германіи двухъ, силою привязанности и любви сдѣлавшихся чисто французскими, провинцій: Эльзаса и Лотарингіи. Императоръ Вильгельмъ и его ближайшіе совѣтники полагали, что единство происхожденія скоро залечитъ нанесенную имъ рану и примиритъ ихъ съ совершившимся фактомъ. Заблужденіе было непродолжительно. Депутаты Эльзаса и Лотарингіи появились въ нѣмецкомъ рейхстагѣ съ единственною цѣлью, при каждомъ удобномъ случаѣ, протестовать противъ учиненнаго надъ ними насилія и пользоваться всякими средствами, чтобы наносить вредъ имперскому правительству. Тамъ, гдѣ шла лишь рѣчь о протестѣ, тамъ, гдѣ завязывалась борьба противъ правительства императора Вильгельма, тамъ, гдѣ оппозиція собиралась съ силами, чтобы оказать рѣшительное противодѣйствіе планамъ и проектамъ, вносимымъ въ рейхстагъ, тамъ всегда неизмѣнно были депутаты Эльзаса и Лотарингіи. Правительство императора Вильгельма, желая ослабить враждебность двухъ отторженныхъ отъ Франціи провинцій, рѣшилось примѣнить къ нимъ опытъ децентрализаціи. Императоръ Вильгельмъ назначилъ намѣстникомъ этихъ провинцій одного изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, графа Мантейфеля, тщетно старавшагося перетянуть на свою сторону симпатіи населенія. Попытка не увѣнчалась успѣхомъ, и скоро „прусскій духъ" вступилъ въ свои права, раздражая и еще болѣе озлобляя враждебное населеніе.

Императоръ Вильгельмъ, сознавая свой престижъ, нѣсколько разъ совершалъ поѣздки въ завоеванныя провинціи, но каждый разъ онъ встрѣчалъ болѣе чѣмъ сдержанный, холодный пріемъ. Относясь съ уваженіемъ къ престарѣлому монарху, воздавая должное его личному

характеру, населеніе весьма явственно давало чувствовать, что оно не мирится съ своею новою родиною, и что всѣ помыслы его обращены въ сторону Франціи. Депутаты Эльзаса и Лотарингіи были лишь вѣрными представителями населенія, когда они неизмѣнно вотировали противъ правительства, поддерживая своими голосами такъ или иначе группировавшуюся оппозицію.

Рядомъ съ депутатами Эльзаса и Лотарингіи стояли всегда дружно противъ правительства другіе „враги имперіи", которыхъ цѣлое столѣтіе не успѣло примирить съ завоевателемъ: это—польскіе депутаты, не устававшіе протестовать противъ давнишняго уже насилія. До 1867 года поляки не входили въ составъ германскаго союза. Только къ этому году Пруссія включила ихъ въ составъ сѣверо-германскаго союза. При преобразованіи же въ 1871 году этого союза въ германскую имперію, поляки, противъ своей воли, увидѣли своихъ представителей въ нѣмецкомъ рейхстагѣ. Впервые появляясь сначала въ рейхстагѣ сѣверо-герм. союза, затѣмъ въ имперскомъ рейхстагѣ, поляки громко протестовали противъ включенія ихъ въ составъ нѣмецкой имперіи. Они напоминали манифестъ Фридриха-Вильгельма III, отца императора Вильгельма, обѣщавшаго имъ не лишать ихъ автономіи, но всѣ такіе протесты вызывали лишь рѣзкій отпоръ гнѣвнаго канцлера, доказывавшаго, быть можетъ не безъ основанія, что эти „враги имперіи" стремятся лишь къ одному: къ полному отложенію отъ Германіи, и что только подъ этимъ условіемъ прекратилась бы ихъ вражда. Онъ сознавалъ, что было бы желательнѣе для нѣмецкаго государства, еслибы оно не заключало въ себѣ разлагающаго польскаго элемента, но ради достиженія такой цѣли Германія не можетъ отказаться отъ польской территоріи, сдѣлавшейся для нея государственною необходимостью.

Со времени возстановленія имперіи польскій вопросъ, сохраняющій необыкновенную живучесть, несмотря на энергически преслѣдуемое онѣмеченіе части польскаго королевства, сдѣлавшейся добычею Фридриха II, не разъ служилъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ поводомъ для проявленія оппозиціоннаго духа. Правительство императора Вильгельма въ 1885 году рѣшилось на исключительную мѣру, вызвавшую громкій протестъ не только среди тѣхъ, чьи интересы прямо затрогивались правительственною мѣрою, но среди всей разношерстной оппозиціи въ рейхстагѣ, возставшей противъ правительства во имя принципа свободы и уваженія къ правамъ побѣжденныхъ. Правительство рѣшилось на изгнаніе изъ Пруссіи, а слѣдовательно и изъ Германіи, всѣхъ подданныхъ Россіи и Австріи польскаго происхожденія. Императоръ Вильгельмъ, открывая сессіи прусскихъ палатъ въ 1886 году, счелъ необходимымъ дать объясненіе принятой прави-

тельствомъ мѣры, вызвавшей естественное волненіе среди польскаго населенія и негодованіе всей либеральной оппозиціи. „Подавленіе нѣмецкаго элемента—говорилъ императоръ—польскимъ элементомъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ налагаетъ на правительство обязанность принять мѣры, способныя обезпечить существованіе и развитіе нѣмецкаго населенія".

Хотя слова эти были произнесены въ прусскихъ палатахъ, но „враги имперіи" польскаго происхожденія заявили въ рейхстагѣ намѣреніе интерпеллировать министерство по поводу произвольной мѣры, принятой правительствомъ. Императоръ Вильгельмъ не желалъ обсужденія этой мѣры въ имперскомъ рейхстагѣ, какъ не желалъ и того, чтобы отвѣтственность за нее возлагалась на его министровъ. Черезъ нѣсколько дней появилось посланіе императора, въ которомъ онъ объявилъ, что имперскій парламентъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Пруссіи. Несмотря, однако, на такое категорическое заявленіе императора Вильгельма, нѣмецкій парламентъ подвергъ своему обсужденію правительственную мѣру, направленную противъ польскаго населенія, и громаднымъ большинствомъ вотировалъ порицаніе правительству, признавая, что изгнаніе поляковъ представляется ненаходящимъ себѣ оправданія и неотвѣчающимъ національнымъ интересамъ нѣмецкой имперіи.

Такое вмѣшательство нѣмецкаго парламента въ дѣла, которыя, по взгляду императора Вильгельма, не подлежали его обсужденію, вызвало въ немъ глубокое недовольство. Онъ усматривалъ въ поведеніи рейхстага все болѣе и болѣе проявляющееся стремленіе превратиться въ настоящій, полновластный парламентъ, что̀ противорѣчило его представленію о монархической власти, и что̀, главнымъ образомъ, не соотвѣтствовало конституціи такъ, какъ онъ понималъ послѣднюю. Онъ не желалъ нарушенія конституціонныхъ правъ, но онъ настойчиво противодѣйствовалъ толкованію ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Вмѣшательство нѣмецкаго рейхстага и выраженное имъ порицаніе не остановило и на этотъ разъ правительство отъ приведенія въ исполненіе предначертанныхъ плановъ. Черезъ нѣсколько дней князь Бисмаркъ, умѣвшій всегда пользоваться парламентомъ и ссылаться на народныя чувства и волю, когда то̀ представлялось для него выгоднымъ, но никогда не желавшій подчиняться его рѣшеніямъ, поспѣшилъ дать отвѣтъ на вызовъ, брошенный „правительству высказаннымъ порицаніемъ. „Мы должны были признать,—говорилъ онъ,—что всѣ усилія, чтобы привлечь польское дворянство на сторону Германіи, оказались безплодными, и что необходимо измѣнить систему, уменьшить польское населеніе и усилить нѣмецкій элементъ.

Для насъ слишкомъ довольно нашихъ собственныхъ поляковъ; мы должны избавиться отъ поляковъ чужеземныхъ. Это—политическая мѣра, на которой мы энергически будемъ настаивать, и двадцать голосованій имперскаго парламента не въ состояніи побудить правительство отступить отъ его рѣшенія".

Нѣмецкій рейхстагъ былъ обойденъ, и правительство провело въ прусскихъ палатахъ нѣсколько законовъ, направленныхъ къ усиленію въ польскихъ провинціяхъ нѣмецкаго элемента. Правительство образовало фондъ въ сто милліоновъ для скупки польскихъ земель и для водворенія на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ, равно какъ для постройки школъ и нѣмецкихъ церквей.

Мѣры эти могли вызывать недовольство нѣмецкой либеральной партіи, но она никоимъ образомъ не могла обвинять правительство въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Правительство императора Вильгельма польскихъ земель не конфисковало; оно не обязывало поляковъ къ насильственной продажѣ своихъ земель, оно даже не воспрещало полякамъ пріобрѣтать въ собственность поступающія въ продажу земли. Правительство являлось лишь самостоятельнымъ и притомъ даже непривилегированнымъ покупщикомъ. Отъ собственниковъ зависѣло продавать или не продавать свои земли правительству. Вотъ почему упрекъ въ незаконности дѣйствій правительства представляется до очевидности несправедливымъ. Недовольство могло быть вызываемо направленіемъ политики императора Вильгельма,—но это уже другой вопросъ.

Политическая борьба съ польскимъ элементомъ осложнялась еще борьбою религіозною. Католическое польское духовенство вносило въ эту борьбу не только свой національно-патріотическій пылъ, но и всю страстность, на которую только способны люди, отстаивающіе неприкосновенность своихъ религіозныхъ вѣрованій. Польскіе депутаты явились не послѣдними борцами въ разгорѣвшейся войнѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ.

Эльзасъ и Лотарингія, польскія провинціи, датскій округъ Шлезвига, окончательно присоединенный къ Германіи съ согласія Австріи, послѣдовавшаго въ 1878 г. во время берлинскаго конгресса, въ противность 5-му пункту пражскаго договора, были не единственными „врагами имперіи". Къ „врагамъ" князь Бисмаркъ относилъ и всѣхъ партикуляристовъ, недовольныхъ военнымъ способомъ образованія Германіи и сообщеніемъ ей „прусскаго духа" и съ грустью вспоминавшихъ о томъ добромъ старомъ времени, когда нѣмцы не знали ни подавляющихъ налоговъ, ни суровой прусской дисциплины, ни страшнаго бремени всепоглощающей военной организаціи. Партикуляристы забывали, что даромъ ничто не дается, что военное могу-

щество, значеніе господствующей въ Европѣ державы—неизбѣжно сопряжены съ тяжелыми жертвами.

Но самыми опасными и вмѣстѣ самыми сильными „врагами имперіи" явились двѣ партіи: партія католическая, вызвавшая памятную историческую борьбу, сохранившую названіе Culturkampf'а, и партія соціально-демократическая, объявившая войну всему современному государственному устройству.

Вопросъ церковно-религіозный и вопросъ соціальный — вотъ тѣ два вопроса, которые внесли особенную ѣдкость и остроту во внутреннюю политику императора Вильгельма. Къ этимъ двумъ вопросамъ мы теперь и обратимся, но не для того, конечно, чтобы излагать подробно исторію какъ церковно-религіозной, такъ и соціальной борьбы, что̀ далеко вышло бы изъ рамокъ нашей задачи, а для того лишь, чтобы постараться очертить личную роль въ этихъ двухъ вопросахъ императора Вильгельма.

XIII.

Императору Вильгельму, глубоко проникнутому религіознымъ настроеніемъ, борьба съ католическою церковью была особенно тяжела. Если въ этой борьбѣ онъ рѣшился слѣдовать агрессивной политикѣ своего ближайшаго совѣтника, то лишь благодаря сознанію, что того требуетъ его государственный долгъ. Исполненіе своего долга было руководящимъ началомъ всей жизни императора Вильгельма; не было жертвы, которой онъ не принесъ бы на его алтарь. Церковно-религіозная борьба была съ его стороны именно такою жертвою долгу, и тѣмъ только успокаивалась его совѣсть, встревоженная нарушеніемъ религіознаго мира. Въ традиціяхъ гогенцоллернскаго дома всегда было—жить въ мирѣ съ католическою церковью, и, въ сущности, до возстановленія германской имперіи не было и серьезныхъ поводовъ къ упорной борьбѣ. Пруссія была долго исключительно протестантскимъ государствомъ, и только присоединеніе къ ней въ XVIII в. Силезіи и Познани ввело въ составъ королевства католическое населеніе. Свободный мыслитель, Фридрихъ II, вовсе не желалъ установленія господствующей церкви; всѣ христіанскія вѣроисповѣданія должны были пользоваться полною равноправностью. Католическимъ общинамъ въ прусскихъ провинціяхъ предоставлено было сохранить ихъ устройство, что̀ вовсе не обязывало вступать прусское правительство въ какія-либо обязательныя отношенія къ главѣ католической церкви—къ папѣ. Отношенія между прус-

скими королями и Римомъ были всегда наилучшія, и отецъ императора Вильгельма, Фридрихъ-Вильгельмъ III, явился на вѣнскомъ конгрессѣ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ возстановленія свѣтской папской власти, и нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1821 году, издана была папская булла, получившая санкцію короля Фридриха-Вильгельма III, утверждавшая родъ конкордата между прусскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ. Доброе согласіе, однако, на короткое время было нарушено распрей, получившей довольно рѣзкій характеръ. Поводами къ ней послужили два обстоятельства: смѣшанные браки и недостаточная ортодоксальность ученія, по мнѣнію католическаго епископа, одного изъ боннскихъ профессоровъ, Гермеса. Правительство, во исполненіе дѣйствующаго закона, требовало, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ слѣдовали вѣрѣ отца, но требованіе это раздражило католическое духовенство, которое, съ благословенія и повелѣнія папы, стало отказывать въ совершеніи смѣшанныхъ браковъ католиковъ съ лютеранами, если вступающіе въ бракъ письменно не дадутъ обѣщанія воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулась борьба между Римомъ и прусскимъ правительствомъ, пока послѣднее не рѣшилось покончить споръ силою и нанести католическому духовенству тяжелый ударъ. Два архіепископа, кельнскій и познанскій были схвачены и заключены въ тюрьму за неисполненіе законовъ прусскаго королевства и распространеніе волненій среди населенія.

Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта борьба, еслибы, три года спустя, въ 1840 году не вступилъ на прусскій престолъ предшественникъ императора Вильгельма, Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Онъ рѣзко измѣнилъ политику своего отца, освободилъ изъ заточенія двухъ католическихъ архіепископовъ, заключилъ миръ съ Римомъ, предоставилъ католической церкви разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся догматовъ и свободы совѣсти, и учредилъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ особое отдѣленіе для завѣдыванія всѣми дѣлами, касающимися католической церкви. Въ это отдѣленіе могли быть назначаемы лица только католическаго вѣроисповѣданія. Миръ, такимъ образомъ, снова водворился между протестантскою Пруссіею и католическою церковью. Католики явились въ революціонную эпоху 1848 года самыми лойяльными подданными прусскаго короля, который высказывалъ это, говоря: „вѣрности моихъ католическихъ подданныхъ я обязанъ сохраненіемъ моего трона“. Католическое населеніе посылало въ палату самыхъ консервативныхъ депутатовъ. Движимый, съ одной стороны, чувствомъ благодарности, съ другой—ради укрѣпленія, въ лицѣ церкви, консервативнаго начала, Фридрихъ-Вильгельмъ IV ввелъ въ прусскую конституцію 1850 года начала полной автономіи като-

лической церкви, свободы совѣсти и равенства всѣхъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, безъ различія вѣроисповѣданій, и, наконецъ, полную свободу въ отношеніяхъ между католическимъ духовенствомъ съ Пруссіею и папою. „Евангелическая и римско-католическая церкви,—говорилось въ 19 ст. конституціи,—а равно каждый другой религіозный союзъ распоряжаются и управляютъ своими дѣлами самостоятельно и продолжаютъ владѣть и пользоваться учрежденіями, заведеніями и фондами, назначенными для ихъ богослужебныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ цѣлей". Статья 16-ая устанавливала, что „сношеніе церковныхъ союзовъ съ ихъ главами совершается безпрепятственно" [1]).

Въ первые годы царствованія императора Вильгельма церковно-религіозный миръ не нарушался. Напротивъ, императоръ Вильгельмъ нѣсколько разъ имѣлъ случай выражать свое удовольствіе католическому духовенству по поводу добрыхъ отношеній, установившихся между протестантскою Пруссіею и католическою церковью. Мирное положеніе дѣлъ быстро стало измѣняться съ войны 1866 года. Годъ этотъ былъ фатальнымъ для католическаго населенія, преданнаго Риму. Образованіе итальянскаго королевства сдѣлало вопросомъ мѣсяцевъ и даже часовъ существованіе свѣтской власти папы, безъ которой глава католической церкви не считалъ себя свободнымъ и независимымъ. Союзницей Италіи являлась теперь протестантская держава, выбросившая изъ Германіи католическую Австрію, на которую католическое населеніе взирало всегда съ надеждою и любовью. Пока Австріи принадлежала гегемонія въ Германіи, католическое населеніе послѣдней было спокойно за свою судьбу. Теперь положеніе измѣнилось въ корнѣ. Отъ доброй воли протестантскаго государства зависѣлъ религіозный миръ католическаго населенія. Послѣднее, довольно естественно, не могло относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ образованію новой Германіи, гдѣ вся власть, все значеніе принадлежали протестантской державѣ. Недостаточно горячее отношеніе католическаго населенія къ возстановленію имперіи вызывало къ нему, въ свою очередь, извѣстную враждебность какъ либеральной, такъ и консервативной партіи, слѣпо преданной политикѣ императора Вильгельма и его сподвижника. Уже въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза католическіе депутаты сплотились въ особую группу и поставили себѣ едва ли не главною задачей сохраненіе независимости и свободы католической церкви, которой въ то время правительство императора Вильгельма вовсе не думало угрожать. Тѣсный союзъ съ

[1]) Подробное изложеніе церковно-религіозной борьбы въ Пруссіи, а затѣмъ и въ Германіи, читатель найдетъ въ статьяхъ А. Д. Градовскаго: „Государство и церковь въ Пруссіи". Вѣстн. Европы 1886 г., іюль, августъ, сентябрь.

Италіей заставлялъ католиковъ относиться подозрительно къ прусскому правительству.

Самъ Римъ подалъ первый поводъ къ болѣе рѣшительной борьбѣ. Свѣтское владычество папы ограничивалось теперь однимъ Римомъ, и то охраняемымъ французскими солдатами. Опасаясь, что уменьшеніе территоріи папскихъ владѣній можетъ ослабить авторитетъ главы католической церкви, когда-то либеральный Пій IX принялъ рѣшеніе провозгласить догматъ папской непогрѣшимости, надѣясь тѣмъ возвысить свое поколебленное положеніе. Едва ли могло быть какое-нибудь сомнѣніе, что, рѣшаясь на такой шагъ и созывая съ этою цѣлью вселенскій соборъ, папа весьма мало думалъ о религіозной сторонѣ дѣла. Въ теченіе столѣтій уже религія служила для папскаго престола лишь орудіемъ его свѣтской власти, и теперь, когда его свѣтскому владычеству былъ нанесенъ послѣдній ударъ, онъ возмечталъ провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости вернуть себѣ утраченное вліяніе. Онъ упустилъ изъ виду лишь одно, что времена свѣтскаго владычества святого отца, основаннаго на нравственномъ авторитетѣ, миновали безвозвратно, и что коренное стремленіе XIX-го вѣка заключается въ полномъ отдѣленіи государства и церкви. Затѣя Пія IX была вѣрно понята почти всѣми дипломатическими агентами при римскомъ престолѣ, и прусскій посланникъ, столь злополучный впослѣдствіи, благодаря своему антагонизму съ Бисмаркомъ, графъ Арнимъ, сдѣлалъ представленіе своему правительству о необходимости занять въ этомъ вопросѣ опредѣленную позицію и противодѣйствовать намѣренію провозгласить такія начала въ сферѣ отношеній церкви къ государству, которыя не вяжутся съ современнымъ государственнымъ устройствомъ.

Правительство императора Вильгельма не желало активно вмѣшиваться въ дѣла римской куріи, отчасти не придавая особеннаго значенія фантастической затѣѣ Пія IX, отчасти не желая своимъ вмѣшательствомъ раздражать ревностное католическое населеніе южныхъ нѣмецкихъ государствъ, окончательно еще въ то время не слившихся съ пруссифицированной Германіей. Но тогда же, однако, князь Бисмаркъ установилъ правильную исходную точку въ опредѣленіи отношеній церкви къ государству. Отвѣчая графу Арниму, онъ говорилъ: „для Пруссіи имѣется только одна конституціонная и политическая точка зрѣнія: полная свобода церкви въ дѣлахъ религіозныхъ и рѣшительный отпоръ всякому ея вмѣшательству въ государственную область“.

Прусское правительство тѣмъ спокойнѣе могло выжидать событій, что рѣшеніе папы провозгласить догматъ непогрѣшимости вызвало значительный расколъ среди католическаго нѣмецкаго духовенства.

Нѣмецкіе католическіе епископы, не рѣшаясь открыто возстать противъ главы католической церкви, тѣмъ не менѣе заявили себя противниками новаго догмата и уѣхали изъ Рима, прежде чѣмъ вселенскій соборъ торжественно провозгласилъ папскую непогрѣшимость. Къ несчастью для религіознаго міра въ Германіи, епископы не были послѣдовательны; они не остались вѣрны своему убѣжденію и преклонились передъ совершившимся фактомъ. Нѣмецкіе ученые богословы, имѣя Дёллингера во главѣ, были болѣе стойки. Они отдѣлились отъ Рима, образовали новую секту старо-католиковъ, громко заявляя, что провозглашеніе догмата непогрѣшимости составляетъ опасное нововведеніе, революціонный актъ со стороны Ватикана, и что они одни остаются истинными и вѣрными католиками.

Въ то время, когда въ Ватиканѣ разыгрывалась папская комедія, вниманіе всей Европы было поглощено кровавою борьбою, завязавшеюся между Германіей и Франціей, доставившей Италіи возможность закрѣпить свое объединеніе перенесеніемъ въ Римъ столицы молодого королевства. При извѣстіи о занятіи Рима итальянскими войсками нѣмецкій католическій міръ зашевелился. Растерявшійся папа горько убѣдился теперь, что столь несвоевременно провозглашенный догматъ непогрѣшимости не заставилъ историческій ходъ событій своротить съ своего пути, и послалъ къ протестантскому государю, къ побѣдителю двухъ католическихъ государствъ—Австріи и Франціи, заискивающія поздравленія съ торжествомъ нѣмецкаго оружія и съ просьбою о защитѣ отъ узурпаторовъ свѣтской власти папскаго престола. Не безъ колебаній и не безъ внутренней борьбы императоръ Вильгельмъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Италіей. Революціонное происхожденіе итальянскаго единства не могло быть по сердцу императору Вильгельму, если не всегда служившему, то, по крайней мѣрѣ, всегда желавшему служить воплощеніемъ строгаго консервативнаго принципа. Исполняя волю Провидѣнія,—а въ этомъ глубоко и искренно убѣжденъ былъ императоръ Вильгельмъ,—онъ низлагалъ съ престоловъ столѣтіями царствовавшія нѣмецкія династіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ своего сердца онъ не могъ примириться съ потрясеніемъ монархическаго начала въ Италіи, съ изгнаніемъ тосканскихъ, неаполитанскихъ и всякихъ другихъ герцоговъ и королей. Дружба Германіи съ Италіей не была дѣломъ душевнаго влеченія императора. Извѣстіе о занятіи Рима вызвало въ немъ сильное неудовольствіе. Къ римскому папѣ, какъ законному представителю католическаго міра, онъ относился всегда съ глубокимъ почтеніемъ. Иначе и не могло быть. Церковь и монархическая власть—естественные союзники въ дѣлѣ охраны консервативныхъ началъ. Еще раньше въ прусскихъ палатахъ императоръ Вильгельмъ заявилъ, что его католическіе подданные имѣютъ

право разсчитывать на его заботливость объ охраненіи достоинства и независимости главы ихъ церкви. Теперь, милостиво принимая католическую депутацію, явившуюся къ нему въ Версаль ходатайствовать о заступничествѣ въ пользу папы, императоръ Вильгельмъ ничего не взялъ назадъ изъ того, что̀ онъ говорилъ прежде, и не стѣсняясь высказать свой взглядъ на занятіе Рима, въ которомъ онъ усматривалъ актъ насилія и узурпаціи со стороны Италіи. Онъ далъ даже обѣщаніе, по окончаніи войны, совмѣстно съ другими государями, обсудить мѣры для противодѣйствія такого рода насиліямъ. Но политика и государственныя соображенія имѣютъ свои требованія, подчиняться которымъ императоръ Вильгельмъ всегда признавалъ своимъ долгомъ передъ Германіей. Разрывъ съ Италіей изъ-за папы былъ бы слишкомъ невыгоденъ для Германіи. Вотъ почему, открывая сессію перваго имперскаго парламента, императоръ Вильгельмъ заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи всегда относиться съ уваженіемъ къ независимости другихъ государствъ во всемъ, что̀ касается ихъ внутреннихъ дѣлъ. Католическіе депутаты поняли очень хорошо, что въ словахъ тронной рѣчи заключается только косвенный отвѣтъ на питавшіяся ими надежды, будто императоръ Вильгельмъ вступится за папскій престолъ. Обманулись они и въ другой надеждѣ. Основываясь на конституціи 1850 года, католическіе депутаты настаивали на включеніи въ императорскую конституцію параграфовъ, обезпечивающихъ автономію и независимость католической церкви, но князь Бисмаркъ возсталъ противъ такихъ предложеній, и рейхстагъ отклонилъ ихъ.

Неудача католическихъ депутатовъ, нѣсколько вызывающее отношеніе къ нимъ протестантскаго большинства, находившагося подъ впечатлѣніемъ борьбы свѣтской власти съ духовною, вызванной провозглашеннымъ догматомъ о непогрѣшимости папы, заставили ихъ сплотиться въ одну воинствующую и протестующую партію, получившую по мѣсту, которое они занимали въ залѣ рейхстага, названіе центра.

Но, отстаивая интересы католической церкви, эта партія была, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическою партіей, рѣшительно враждебной руководителю какъ внутренней, такъ и внѣшней политики новой Германіи. Ея контингентъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ депутатовъ Баваріи, всегда мало симпатизировавшей главенству Пруссіи въ нѣмецкихъ дѣлахъ, изъ поляковъ, насильственно включенныхъ въ составъ германской имперіи и искренно ненавидѣвшихъ ее, изъ депутатовъ Ганновера, принадлежавшихъ къ партіи гвельфовъ, оставшейся вѣрной своему изгнанному королю. Центръ, какъ политическая партія, всегда готовъ былъ заключить наступательный и оборонительный

союзъ, направленный противъ политическихъ плановъ князя Бисмарка, съ любою партіей, враждебной ему. Центръ вотировалъ съ прогрессистами, центръ вотировалъ съ соціалистами, готовъ былъ вотировать съ кѣмъ угодно, лишь бы доставить пораженіе правительству. Религіозные интересы служили покровомъ, подъ которымъ преслѣдовались политическія цѣли; центръ являлся, по своей численности, самымъ опаснымъ политическимъ врагомъ князя Бисмарка. Когда послѣдній пришелъ къ убѣжденію, что церковь служитъ лишь знаменемъ, подъ которымъ католическіе депутаты идутъ на борьбу съ его политикой, и притомъ знаменемъ, дорогимъ всему католическому населенію, то тогда, съ своею обыкновенной рѣшительностью, настойчивостью и неустрашимостью въ борьбѣ, онъ вступилъ въ бой съ самою католическою церковью и направилъ свои выстрѣлы въ самое знамя, подъ которымъ тѣснились католическіе депутаты.

Переходя изъ обороны въ наступленіе, князь Бисмаркъ провелъ двѣ мѣры, весьма чувствительныя для католической церкви. Прежде всего онъ уничтожилъ состоявшее при министерствѣ исповѣданій католическое отдѣленіе, пользуясь въ этомъ случаѣ конституціей, которую въ другихъ случаяхъ онъ готовъ былъ рвать на части. „Въ абсолютномъ государствѣ было вполнѣ основательно, что король, рѣшавшій въ послѣдней инстанціи всѣ вопросы, хотѣлъ выслушивать совѣтъ свѣдущихъ католиковъ по католическимъ дѣламъ... Но какъ только мы перешли въ конституціонныя формы, по моему мнѣнію, совершенно несогласно съ основнымъ началомъ конституціи, что доступъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ политическихъ совѣтниковъ въ министерствахъ былъ поставленъ въ зависимость отъ вѣроисповѣданія. Министерская отвѣтственность не ладитъ съ такимъ порядкомъ: или министръ исповѣданій обязанъ слѣдовать совѣтамъ своимъ католическихъ товарищей,—но тогда онъ не можетъ нести отвѣтственности за эту часть своего вѣдомства; или онъ не имѣетъ такой обязанности — и тогда особое католическое отдѣленіе лишено смысла". Такъ говорилъ князь Бисмаркъ, не пугаясь на этотъ разъ словъ: „министерская отвѣтственность", хотя, правда, онъ былъ настолько остороженъ, что не прибавилъ словъ: передъ „рейхстагомъ".

Другая мѣра еще болѣе глубоко затронула интересы католической церкви. Правительство внесло въ рейхстагъ проектъ закона, въ силу котораго школьная инспекція вырывалась изъ рукъ духовенства и передавалась чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства. Благодаря этому закону, между свѣтскою и духовною властью завязалась открытая война. Епископы отлучали отъ церкви учителей, отказывавшихся признать догматъ непогрѣшимости, лишали ихъ права заниматься религіознымъ образованіемъ юношества; правительство же

не только оставляло низложенныхъ учителей на своихъ мѣстахъ, но обязывало дѣтей продолжать свое ученіе у отлученныхъ отъ церкви. Правительство домогалось, чтобы епископы брали назадъ свое отлученіе; послѣдніе не исполняли такого требованія, громко протестуя противъ насилія свѣтской власти въ дѣлѣ вѣры.

Эта война съ католическимъ духовенствомъ смущала спокойствіе императора Вильгельма, но его всесильный министръ подчинилъ его своему вліянію, убѣдивъ его, что духовенство и католическіе депутаты, подъ предлогомъ церковныхъ вопросовъ, стремятся къ ослабленію его государственной власти. Императоръ Вильгельмъ находился въ большомъ колебаніи. Съ одной стороны, на него вліяла придворная партія, съ ужасомъ смотрѣвшая на разрушеніе авторитета религіи, церкви, духовенства; съ другой, онъ слишкомъ дорожилъ своимъ геніальнымъ совѣтникомъ, чтобы рѣшиться на сопротивленіе въ такомъ вопросѣ, который занялъ господствующее положеніе во всей внутренней политикѣ. Личное поведеніе папы помогло князю Бисмарку сломить противодѣйствіе императора Вильгельма его слишкомъ рѣшительной церковной политикѣ. Папа отказался принять посланникомъ при своемъ дворѣ предложеннаго княземъ Бисмаркомъ князя Гогенлоэ. Съ трибуны рейхстага, какъ отвѣтъ на дерзкій отказъ папы, раздались грозныя слова князя Бисмарка: „будьте спокойны; мы не пойдемъ въ Каноссу"... Назначеніе министромъ исповѣданій Фалька обозначало полное подчиненіе императора Вильгельма своему всесильному министру.

Затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкое законодательство наполняется цѣлымъ арсеналомъ „боевыхъ законовъ", направленныхъ къ подчиненію духовной власти свѣтской. Вводится гражданскій бракъ, изгоняются іезуиты и другія конгрегаціи, отмѣняются статьи прусской конституціи, обезпечивавшія автономію католической церкви; образованіе духовенства подчиняется государственнымъ требованіямъ, ограничивается дисциплинарная власть высшаго духовенства относительно низшаго, учреждается свѣтскій судъ надъ духовными лицами, сопротивляющимися правительственнымъ требованіямъ и свѣтскимъ законамъ и властямъ; отъ епископовъ требуется новая формула присяги; наконецъ, духовенству, не выразившему согласія подчиниться требованіямъ свѣтской власти, воспрещается отправленіе духовныхъ обязанностей; непокорные служители церкви лишаются содержанія; свѣтская власть принимаетъ на себя завѣдываніе тѣми епископствами, которыя сдѣлались вакантными, вслѣдствіе насильственнаго низложенія высшихъ пастырей католической церкви.

Большинство этихъ законовъ получило историческое названіе „майскихъ законовъ"—по времени ихъ появленія въ 1873 году.

Въ этой борьбѣ князя Бисмарка противъ католической духовной власти онъ встрѣтилъ энергическую поддержку со стороны огромнаго большинства рейхстага, и даже—что съ тѣхъ поръ болѣе никогда не повторялось—прогрессивная партія, свято охраняющая либеральныя начала и потому всегда столь враждебная руководителю нѣмецкой политики, въ этомъ вопросѣ стала рѣшительно на сторону правительства. Она доказала тѣмъ, что въ своей оппозиціи правительству она вовсе не руководится партійными интересами. Партія центра осыпала горькими упреками прогрессистовъ за ихъ измѣну знамени систематической оппозиціи, но одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ прогрессивной партіи съ достоинствомъ отвѣчалъ, что они, прогрессисты, оказываютъ въ этомъ дѣлѣ поддержку правительству во имя великихъ и культурныхъ „интересовъ человѣчества", стремящагося освободиться отъ незаконныхъ притязаній духовной власти. Если для самого князя Бисмарка, какъ это скоро и оказалось, борьба эта имѣла значеніе лишь какъ политическая борьба противъ сильной оппозиціонной партіи, враждебно относившейся къ его политикѣ, то для либеральныхъ элементовъ рейхстага, и въ особенности для прогрессивной партіи, она имѣла значеніе борьбы двухъ противоположныхъ началъ: начала свободы и свѣта противъ начала застоя и тьмы. Отсюда самое названіе Culturkampf'a.

Съ обѣихъ сторонъ борьба эта велась съ ожесточеніемъ, но сила оказалась на сторонѣ правительства, которое, въ пылу борьбы, не разбирало уже средствъ. Оно дѣйствовало по военной системѣ. Преслѣдованіе католическаго духовенства походило на военную экзекуцію.

Римъ былъ озлобленъ. Приписывая враждебное отношеніе къ католической церкви пагубному вліянію князя Бисмарка, папа рѣшился обратиться съ письмомъ къ императору Вильгельму, зная, какъ говорилъ онъ, что императоръ не одобряетъ принятыхъ его правительствомъ мѣръ, способныхъ подкопать его императорскій тронъ. Онъ говорилъ, что считаетъ своею обязанностью высказывать правду всѣмъ, даже не-католикамъ, такъ какъ каждый получившій крещеніе принадлежитъ до нѣкоторой степени папѣ. Императоръ Вильгельмъ никогда не переносилъ, чтобы кто-либо дерзалъ становиться между нимъ и его министрами, чтобы кто-либо подвергалъ сомнѣнію дѣйствительность его власти и его собственную инициіативу во всѣхъ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Письмо папы вызвало рѣзкій отвѣтъ императора Вильгельма. Ни одна мѣра—отвѣчалъ онъ папѣ—не принимается безъ его одобренія. Католическая партія, преслѣдуя политическія цѣли, нарушила сама церковный миръ, и онъ предупреждаетъ, что будетъ дѣйствовать съ величайшею строгостью по отношенію ко всѣмъ, кто рѣшится преступать существующіе законы.

Папа—говорилъ императоръ Вильгельмъ—дурно знаетъ положеніе вещей, и онъ приглашаетъ его употребить все свое вліяніе, чтобы положить предѣлъ агитаціи, не имѣющей ничего общаго съ религіей. Наконецъ, какъ бы протестуя противъ вмѣшательства папы, императоръ Вильгельмъ указывалъ ему, что онъ не признаетъ другого посредника съ Богомъ, кромѣ Іисуса Христа.

Рѣзкій отзывъ папы, въ его обращеніи къ одной изъ явившихся къ нему католической депутаціи, о церковной политикѣ Германіи, о яростномъ преслѣдованіи чадъ католической церкви, высказанная имъ надежда, что настанетъ день, когда колоссъ будетъ раздавленъ, послужили поводомъ для правительства императора Вильгельма прервать дипломатическія отношенія съ Ватиканомъ.

Борьба достигла до своего послѣдняго предѣла. Почти всѣ нѣмецкіе католическіе епископы были низложены: одни заключены въ тюрьму,—правда, на короткое время,—другіе сосланы, приходы опустѣли, прихожане остались безъ пастырей. Сбывалось пророчество нѣмецкихъ католиковъ, которые еще при началѣ борьбы говорили: „Всѣ епископства сдѣлаются вакантными, и некѣмъ будетъ замѣстить ихъ. Большее или меньшее число приходовъ опустѣетъ, и никто не въ силахъ будетъ помочь злу. Мало-по-малу прекратится божественная служба; напрасно будутъ взывать къ служителямъ церкви. Если такое положеніе продлится нѣсколько лѣтъ, не будетъ больше даже кандидатовъ для священнаго сана. Такъ подготовляется въ Германіи пріостановка церковной жизни. Всегда такъ продолжаться не можетъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, кто долѣе способенъ выдержать такое состояніе, церковь или государство“ [1])...

Преслѣдованіе, переступавшее часто мѣру, нѣмецкаго католическаго духовенства, не желавшаго поступиться своимъ вліяніемъ, глубоко потрясло религіозный миръ въ царствованіе императора Вильгельма. Церкви наполнялись вѣрующими, совершавшими свою молитву въ отсутствіе священника. Католическое духовенство стонало отъ нанесенныхъ ему ударовъ, но оно не признало себя побѣжденнымъ и находило себѣ поддержку во всемъ католическомъ населеніи Германіи. Партія центра, при каждыхъ новыхъ выборахъ, росла въ своей численности и достигла, наконецъ, въ 1878 году до значительной силы—100 католическихъ депутатовъ. Правительству все больше и больше приходилось считаться съ этою „черною“ партіей, хорошо дисциплинированной и тяжело вѣсившей на парламентскихъ вѣсахъ. Бисмаркъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ безсиленъ сломить „центръ“, что вся его церковно-религіозная борьба не

---

[1]) „Essais sur l'Allemagne Impériale“, par E. Lavisse.

привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, что политическое значенie враждебной ему партiи не только не ослабѣло, но, напротивъ, усилилось. Безплодной борьбы Бисмаркъ не любилъ, и пылъ его во время этой семилѣтней войны остылъ.

Императоръ Вильгельмъ, съ своей стороны, не могъ признавать такого напряженнаго враждебнаго отношенiя между государствомъ и церковью—ни нормальнымъ, ни желательнымъ. Приходилось, волей-неволей, думать о какомъ либо исходѣ. Коса нашла на камень. Католическое духовенство не сдавалось, оно оказалось настойчивѣе и упорнѣе князя Бисмарка. Государству приходилось дѣлать первый шагъ къ примиренiю, къ прекращенiю ожесточенной войны. Случайное обстоятельство—смерть папы Пiя IX и восшествiе на папскiй престолъ болѣе сговорчиваго, болѣе тонкаго политика, Льва XIII—помогло правительству выйти изъ затруднительнаго положенiя. Новый папа обратился съ письмомъ къ императору Вильгельму, выражая свое соболѣзнованiе по поводу существующихъ непрiязненныхъ отношенiй между германскою имперiей и Ватиканомъ. Императоръ отвѣчалъ на это письмо увѣренiемъ, что онъ искренно желаетъ возстановленiя добрыхъ отношенiй, и выражалъ надежду, что папа Левъ XIII повлiяетъ на нѣмецкое католическое духовенство въ томъ смыслѣ, чтобы оно подчинилось существующимъ въ Германiи законамъ. Новое письмо папы заключало въ себѣ указанiе на неизбѣжное для возстановленiя религiознаго мира въ Германiи условiе—измѣненiе суровыхъ майскихъ законовъ. Правительство императора Вильгельма не желало признать себя побѣжденнымъ, оно не хотѣло идти въ Каноссу,—но всякая дорога ведетъ въ вѣчный городъ, а потому оказалось, что существуетъ такая другая дорога, помимо Каноссы ведущая въ Римъ.

Оказалось также, что можно, не отмѣняя законовъ, парализовать ихъ силу, ихъ исполненiе. На послѣднее и вынуждено было рѣшиться правительство императора Вильгельма. Отставка Фалька, бывшаго правой рукой Бисмарка въ затѣянной имъ съ католическимъ духовенствомъ борьбѣ, означала рѣшительный поворотъ въ церковной политикѣ правительства. Дѣло примиренiя быстро пошло на ладъ. Правительство испросило себѣ дискрецiонную власть для примѣненiя или смягченiя „боевыхъ“ законовъ и широко воспользовалось своимъ правомъ. Скоро вернулись ссыльные епископы, бо̀льшая часть вакантныхъ приходовъ была замѣщена, и мало-по-малу, шагъ за шагомъ, уступка за уступкой,—и всѣ грозные законы противъ католическаго духовенства были отмѣнены. Князь Бисмаркъ, всегда откровенный въ сознанiи своей силы, не побоялся сдѣлать признанiе, что „майскiе законы“ и

вся „культурная борьба" оказались безплодными и не достигли своей цѣли.

Между правительствомъ императора Вильгельма и Ватиканомъ возстановились дружескія отношенія, закрѣпленныя еще больше избраніемъ Льва XIII въ посредники для разрѣшенія возникшаго между Германіей и Испаніей спора о владѣніи Каролинскими островами. Папа Левъ XIII украсилъ грудь великаго врага церкви, какъ называлъ Бисмарка Пій IX, орденомъ Спасителя, что едва ли, однако, могло уничтожить въ немъ горечь сознанія, что политика Ватикана восторжествовала въ борьбѣ между протестантскою Германіей и католическимъ духовенствомъ. Борьба эта осталась безплодною и въ другомъ отношеніи: партія центра не сложила своего оружія! По прежнему она вела дѣятельную оппозицію противъ политики ближайшаго совѣтника императора Вильгельма, поглощеннаго теперь заботой предотвратить „ту опасность, какую представляли собою соціалистическія тенденціи для благоденствія и правильнаго развитія государственнаго организма",—какъ выразился императоръ Вильгельмъ, открывая сессію парламента 1877 года. Соціальный вопросъ представилъ собою иныя трудности, и нужна была рѣдкая смѣлость, самоувѣренность и сознаніе собственной силы, чтобы рѣшиться подступить къ этому вопросу не съ одними исключительными законами и осаднымъ положеніемъ, что не требуетъ большой государственной мудрости, а съ цѣлой системой—хорошей или дурной, это другой вопросъ,—получившей названіе „государственнаго соціализма".

XIV.

Соціально-демократическая партія выступила въ первый разъ на политическую сцену въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ 1866 года. Правда, партія эта въ количественномъ отношеніи не была представлена слишкомъ блистательно. Всего шесть депутатовъ образовали небольшую самостоятельную группу—соціально-демократическую. Появленіе этой партіи въ рейхстагѣ было, однако, знаменательно. Идея, давно шевелившаяся гдѣ-то далеко, точно подъ землей, пробилась теперь наружу и имѣла возможность громко заявить о своемъ существованіи. По поводу появленія этой группы въ нѣмецкомъ рейхстагѣ князь Бисмаркъ имѣлъ полное право сказать то же, что въ тридцатыхъ годахъ говорилъ министръ Луи-Филиппа, когда въ палатѣ появился первый, но и единственный республиканскій депутатъ Гарнье-Пажесъ. Казиміръ Перье былъ встревоженъ, и на вопросъ: какъ можетъ его озабочивать одинъ человѣкъ?—онъ отвѣчалъ: важенъ не

человѣкъ, а идея, которую онъ представляетъ; человѣка можно уничтожить, идею—никогда!

Поэты обладаютъ иногда даромъ удивительнаго пророчества. Такимъ именно даромъ обладалъ Гейнрихъ Гейне. Когда Германія была раздроблена на мелкія и безсильныя государства, нѣмецкій поэтъ предсказывалъ, что настанетъ день, когда маленькій гигантъ вырветъ корень дуба и, вооруженный молотомъ, окровавитъ спину и раздробитъ голову своимъ сосѣдямъ. Какъ сбылось это пророчество, такъ сбылось и другое. Онъ предсказывалъ, что Франція увидитъ день, когда коммунисты восторжествуютъ въ Парижѣ, повалятъ на землю Вандомскую колонну и бронзоваго человѣка, стоящаго на ея вершинѣ. Фантазія подсказывала ему еще одно пророчество: онъ видѣлъ Германію, охваченную соціальною революціей, по сравненіи съ которой французская великая революція покажется дѣтскою забавою.

Долго соціальное движеніе оставалось въ области поэтической фантазіи, и только въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ появились первыя попытки къ практическому осуществленію соціальныхъ теорій. Инициатива соціальнаго движенія всецѣло принадлежала Фердинанду Лассалю, который въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1862 г. въ многолюдномъ собраніи въ Берлинѣ, доказывалъ, что какъ революція 1789 года призвала къ господству третье сословіе, такъ революція 1848 г. выдвинула впередъ четвертое сословіе. Благодаря своей неукротимой дѣятельности, безчисленнымъ рѣчамъ, сочиненіямъ, брошюрамъ, митингамъ, полемикѣ, Лассаль быстро двигалъ впередъ начатое имъ дѣло. Образованная имъ ассоціація нѣмецкихъ рабочихъ (Allgemeine deutsche Arbeiterverein), заключавшая въ себѣ въ концѣ 1863 г. всего до тысячи членовъ, въ іюлѣ 1864 года насчитывала уже до пяти тысячъ человѣкъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть Лассаля, убитаго на дуэли въ томъ же 1864 г., не остановила начатаго имъ движенія. Оно шло, развиваясь, быстро впередъ, далеко обгоняя идеи, брошенныя Лассалемъ. Рядомъ съ „Союзомъ рабочихъ" возникла другая ассоціація „Democratische Arbeiterverein", во главѣ которой стали два депутата рейхстага, Бебель и Либкнехтъ. Схожія въ цѣли, къ которой они стремились, они расходились въ средствахъ къ ея достиженію. Лассаль требовалъ вмѣшательства государства для преобразованія соціальнаго общественнаго устройства; другіе вожди соціальнаго движенія не признавали иного способа, кромѣ революціи, для осуществленія ихъ идеаловъ [1]). Не погибни преждевременно Лассаль, болѣе чѣмъ вѣроятно, что, благодаря его громад-

[1]) „Socialisme Contemporain", par Emile de Lavelaye, 1883.—„Der Socialismus und seine Gönner", von H. Treitscke, и „l'Allemagne actuelle". Paris, 1887.

ному вліянію, соціальное движеніе не отступилось бы отъ выработанной имъ програмы и удержалось бы на почвѣ государственнаго соціализма, правда, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ тотъ, представителемъ котораго явился теперь князь Бисмаркъ. Но послѣ его смерти восторжествовали другія вліянія, болѣе радикальнаго характера, и основанный имъ союзъ нѣмецкихъ рабочихъ слился въ одно цѣлое съ демократическимъ союзомъ, получивъ новое наименованіе „соціальной партіи нѣмецкихъ рабочихъ" (Socialistische Arbeiterpartei Deutschlands).

Въ первые года своего существованія соціальное движеніе развивалось въ Германіи довольно свободно. Правительство, занятое войнами и политикою, не придавало особаго значенія народившимся рабочимъ союзамъ, и какъ бы игнорировало дѣятельную соціальную пропаганду. Въ движеніи рабочихъ классовъ оно не усматривало для себя никакой опасности. Парижское возстаніе 1871 г., сила, обнаруженная коммуной, заставили всѣ правительства встрепенуться и прислушаться къ сдѣланному Жюль Фавромъ предложенію принять сообща всѣмъ государствамъ общія мѣры для противодѣйствія соціальному движенію.

Князь Бисмаркъ—и въ этомъ нельзя не отдать ему справедливости—не былъ такъ удивленъ, какъ другіе государственные люди Европы. Онъ давно уже присматривался къ соціальному движенію, и, несмотря на отвлекавшія его политическія задачи, онъ старался отдать себѣ ясный отчетъ въ стремленіи и домогательствахъ соціальной партіи. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Лассалемъ, идеи котораго по многимъ государственнымъ вопросамъ встрѣчали полное сочувствіе руководителя нѣмецкой имперіи. Лассаль развивалъ въ одномъ изъ своихъ литературныхъ произведеній идею, что всѣ великія историческія событія совершаются „огнемъ и желѣзомъ". Лассалю принадлежала мысль, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ сила является господствующимъ началомъ, и мысль эта была развита, съ свойственнымъ ему блескомъ, въ брошюрѣ: „Macht und Recht". Онъ же доказывалъ, что весь конституціонный вопросъ сводится къ вопросу: кто является наиболѣе сильнымъ? Всѣ эти идеи раздѣлялись вполнѣ Бисмаркомъ, который усвоилъ себѣ даже нѣкоторыя выраженія Лассаля, сдѣлавшіяся историческими. Князь Бисмаркъ никогда не защищался, когда его упрекали въ сношеніяхъ съ талантливымъ соціальнымъ агитаторомъ. „Лассаль, — говорилъ онъ,—обладалъ весьма сильнымъ національнымъ и монархическимъ чувствомъ; идеалъ, къ которому онъ стремился, было образованіе нѣмецкой имперіи, и въ этомъ отношеніи между нами была точка соприкосновенія. Тѣмъ несчастнымъ эпигонамъ, которые теперь хотятъ мѣряться съ нимъ, онъ бы бросилъ

презрительное quos ego; онъ бы отвернулся отъ нихъ съ негодованіемъ и не дозволилъ бы злоупотреблять своимъ именемъ. Да, Лассаль былъ человѣкъ энергическій, умный, съ которымъ полезно было разсуждать: наши бесѣды продолжались цѣлые часы, и я всегда сожалѣлъ, когда онѣ оканчивались“.

Изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ Лассалемъ Бисмаркъ вынесъ убѣжденіе, что противъ соціальнаго движенія нельзя дѣйствовать одними штыками, что государство имѣетъ другія обязанности, болѣе плодотворныя, что оно должно идти на-встрѣчу соціальнымъ задачамъ, заботясь объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій рабочихъ классовъ. Лассаль требовалъ сто милліоновъ талеровъ, чтобы пересоздать общественное устройство, основывая кооперативныя общества. „Еслибы кто-нибудь,—говорилъ онъ въ рейхстагѣ,—пожелалъ произвести подобный опытъ, весьма возможно, что потребовалось бы сто милліоновъ. Такой опытъ вовсе не кажется мнѣ совершенно сумасшедшимъ и дикимъ. Въ министерствѣ земледѣлія мы постоянно дѣлаемъ опыты надъ различными системами культуры. Я думаю, что полезно было бы примѣнить эти опыты къ труду человѣка, и попробовать разрѣшить, посредствомъ улучшенія судьбы рабочаго, такъ-называемый вопросъ демократическо-соціальный, который я бы назвалъ просто вопросомъ соціальнымъ. Упрекъ, который мнѣ можно было бы сдѣлать, такъ какъ я остановился на этомъ пути, заключается только въ томъ, что я не упорствовалъ въ достиженіи благопріятнаго результата. У меня не хватило времени заниматься этимъ вопросомъ. Внѣшняя политика меня совершенно поглотила. Какъ только у меня будетъ время и представится случай, я твердо рѣшился возобновить попытки, которыя мнѣ ставятъ въ упрекъ, но я ими горжусь“.

Случай не замедлилъ представиться. Покушенія на жизнь престарѣлаго императора, приписанныя соціальной партіи, несмотря на всѣ ея протесты противъ такого обвиненія, заставили императора Вильгельма и князя Бисмарка сосредоточить свои заботы надъ соціальнымъ вопросомъ.

Князю Бисмарку не трудно было убѣдить своего государя, что рядомъ съ мѣрами преслѣдованія революціонныхъ тенденцій соціально-демократической партіи слѣдуетъ выработать цѣлую программу мѣръ, направленныхъ къ улучшенію и обезпеченію судебъ рабочихъ классовъ. Еще въ 1865 году Бисмаркъ настоялъ на пріемѣ рабочей депутаціи, желавшей изложить лично передъ королемъ свои жалобы. На запросъ по этому поводу, обращенный къ нему въ парламентѣ, Бисмаркъ отвѣчалъ: „Господа, короли прусскіе никогда не были преимущественно королями богатыхъ. Фридрихъ Великій говорилъ: „Когда

я буду королемъ, я буду настоящимъ королемъ нищихъ"... Наши короли остались вѣрны этому принципу". Съ этихъ поръ, т.-е. начиная съ покушеній на жизнь императора Вильгельма, правительство его неустанно преслѣдовало двойную задачу: съ одной стороны оно дѣйствовало мѣрами строгости, съ другой—проводило въ рейхстагѣ проекты законовъ, направленныхъ къ бо̀льшему обезпеченію судебъ рабочихъ классовъ. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что первая задача преслѣдовалась съ гораздо бо̀льшею настойчивостью, рѣшительностью и энергіею, чѣмъ вторая. Оно и понятно. Первая не представляла ничего, что давно уже не было бы извѣдано.

21-го октября 1878 г. князь Бисмаркъ провелъ въ рейхстагѣ, избранномъ подъ впечатлѣніемъ покушенія Нобилинга, законъ противъ соціалистовъ. Въ силу этого закона въ Германіи всѣ ассоціаціи, преслѣдующія соціальныя задачи и стремящіяся къ ниспроверженію существующаго порядка вещей, были запрещены. Запрещеніе ассоціаціи влечетъ за собою конфискацію ея денежныхъ средствъ и имущества. Всякія собранія соціалистическаго характера немедленно разгоняются. Всѣ сочиненія и произведенія печати, въ которыхъ будетъ усмотрѣнъ соціальный оттѣнокъ, подвергаются запрещенію. Всякій, уличенный въ принадлежности къ воспрещенной ассоціаціи или предоставляющій помѣщеніе для сборища соціалистовъ, подвергается штрафу и тюремному заключенію. Правительство имѣетъ право вводить малое осадное положеніе въ теченіе одного года во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя будутъ заподозрѣны въ революціонной агитаціи. Малое осадное положеніе предоставляетъ право изгнанія опасныхъ для общественнаго порядка личностей, запрещенія продажи въ публичныхъ мѣстахъ какихъ бы то ни было произведеній печати, наконецъ запрещенія всякихъ публичныхъ собраній, на которыя не было испрошено предварительнаго разрѣшенія.

Строгость этихъ, какъ называютъ ихъ въ Германіи, драконовскихъ законовъ подорвала довѣріе къ искренности правительства императора Вильгельма во всемъ, что только оно предпринимало съ цѣлію парализовать соціальное движеніе.

Можно, конечно, съ большимъ основаніемъ утверждать, что князь Бисмаркъ не оказался на высотѣ задуманнаго имъ дѣла разрѣшенія соціальнаго вопроса, и упрекъ этотъ не можетъ быть чувствителенъ для государственнаго человѣка, стяжавшаго себѣ такую громкую и заслуженную славу, такъ какъ до сихъ поръ никто еще не смогъ отыскать твердыхъ основаній для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Будущее его закрыто еще густою и страшною завѣсой. Но сомнѣваться въ искренности и чистотѣ намѣреній императора Вильгельма не представляется никакихъ основаній. Чуждый теоретической под-

готовки для уясненія себѣ громадной трудности, представляемой для разрѣшенія кажущагося просто неразрѣшимымъ соціальнаго вопроса, императоръ Вильгельмъ отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ реформаторскимъ планамъ своего ближайшаго совѣтника, и осуществленіе ихъ поставилъ задачей послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Начиная съ 1879 года, не было почти ни одной тронной рѣчи, въ которой императоръ Вильгельмъ не касался бы соціальнаго вопроса и не выражалъ настойчиваго желанія придти на помощь рабочимъ классамъ. „Парламентъ,—говорилъ онъ,—долженъ содѣйствовать излеченію отъ соціальныхъ недуговъ... мы же должны работать надъ увеличеніемъ благосостоянія рабочаго...“ Въ другой разъ онъ говорилъ: „Наша обязанность настаивать передъ парламентомъ по этому предмету; мы желали бы унести съ собою мысль, что отечеству обезпеченъ прочный внутренній миръ, что всѣмъ нуждающимся обезпечена дѣйствительная помощь, на которую они имѣютъ право“. Императоръ Вильгельмъ охотно признаетъ и настаиваетъ на этомъ, что однѣ строгія мѣры преслѣдованія слишкомъ недостаточны. „Наша обязанность,—повторяетъ онъ,—не пренебрегать никакимъ средствомъ для улучшенія судьбы рабочихъ и для водворенія мира между различными классами общества“.

Мѣры государственнаго соціализма, предложенныя княземъ Бисмаркомъ, не встрѣтили себѣ сочувствія въ парламентѣ, относившемся болѣе чѣмъ скептически къ реформаторскимъ планамъ всемогущаго канцлера. Если парламентъ уступалъ и принималъ проекты предлагаемыхъ ему законовъ, то лишь благодаря настойчиво выражаемому желанію императора Вильгельма, голосъ котораго, благодаря окружавшему его уваженію, никогда почти не раздавался напрасно. Создана была касса для обезпеченія на случай болѣзни рабочаго, касса для обезпеченія нуждъ рабочихъ въ случаяхъ увѣчій и другихъ несчастій, наконецъ создана была касса для инвалидовъ труда и возстановлены, правда, безъ обязательнаго характера, ремесленные цехи. „Мы хотимъ,—говорилъ Бисмаркъ,—поддерживая свои проекты, достигнуть такого положенія вещей, при которомъ никто не имѣлъ бы права сказать: „я существую лишь для того, чтобы нести бремя государственныхъ тягостей, и никто не хочетъ позаботиться о моей судьбѣ“. Наша династія всегда стремилась къ этой цѣли. Уже Фридрихъ Великій характеризовалъ свою миссію, говоря: я король нищихъ!—и онъ осуществилъ ее, водворяя строгую справедливость. Фридрихъ-Вильгельмъ III даровалъ свободу крестьянамъ. Нашъ нынѣшній государь воодушевленъ благороднымъ намѣреніемъ посвятить свою старость дѣлу обезпеченія обездоленныхъ и слабыхъ, доставляя имъ если не права, равныя съ тѣми, которыя

дарованы были крестьянамъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то по крайней мѣрѣ серьезное улучшеніе условій ихъ существованія, и чтобы каждый изъ нашихъ обездоленныхъ гражданъ имѣлъ въ будущемъ увѣренность, что онъ можетъ разсчитывать на помощь государства".

Если реформаторскіе планы князя Бисмарка не находили сочувствія въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, то еще менѣе удовлетворяли они соціально-демократическую партію, которая пользовалась ими только для того, чтобы указывать, что само правительство признаетъ несправедливымъ и ненормальнымъ существующій общественный строй.

Предлагая мѣры для улучшенія судьбы рабочихъ классовъ и проводя ихъ настойчиво въ жизнь, правительство императора Вильгельма надѣялось, что вмѣстѣ съ суровымъ закономъ, направленнымъ противъ соціальной пропаганды, ему удастся если не поразить въ самое сердце соціально-демократическую партію, то по крайней мѣрѣ остановить ея дальнѣйшее развитіе. Надежда эта не оправдалась. Несмотря на всю строгость преслѣдованій и на энергическое примѣненіе исключительнаго закона, повлекшаго за собою въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ послѣ его обнародованія закрытіе 200 ассоціацій, запрещеніе 58 журналовъ и 210 различныхъ сочиненій, соціально-демократическая партія продолжала увеличиваться съ поразительною быстротою. Одинъ изъ депутатовъ нѣмецкаго рейхстага, въ своихъ статьяхъ о государственномъ соціализмѣ въ Германіи, приводитъ такія статистическія данныя, которыя показываютъ, насколько безсиленъ оказался законъ противъ соціалистовъ и насколько безплодны филантропическія мѣры князя Бисмарка въ отношеніи распространенія этой партіи. Каждые новые выборы въ нѣмецкій рейхстагъ свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ движеніи соціально-демократической партіи. Въ 1871 г. число голосовъ, поданныхъ за соціально-демократическихъ депутатовъ, не превышало цифры 124.655. Число это возросло къ выборамъ 1887 г. до 763.128. Всѣ большіе города Германіи, какъ-то: Берлинъ, Франкфуртъ, Ганноверъ, Гамбургъ, Бреславль, Дюссельдорфъ, Альтона, Нюрнбергъ, всѣ имѣютъ своими представителями того или другого депутата соціалиста. Насколько сильно дѣйствуетъ пропаганда, несмотря— или, можетъ быть, вѣрнѣе будетъ сказать—благодаря исключительному закону противъ соціалистовъ, можно убѣдиться изъ того, что округи, въ которыхъ о соціально-демократической партіи не было слышно, въ настоящее время насчитываютъ тысячи голосовъ, подаваемыхъ за соціалистовъ. Въ Берлинѣ, гдѣ полиція дѣйствуетъ съ особою энергіею и суровостью, число соціалистическихъ голосовъ возростаетъ съ удивительною быстротой. Въ 1871 году число такихъ голосовъ достигало ничтожной цифры 2.058;

въ 1884 году, шесть лѣтъ спустя послѣ изданія исключительнаго закона, цифра выросла до 68.535, а еще три года спустя она достигла до 94.259.

Никакія правительственныя мѣры строгости не могутъ разрушить сильной организаціи соціально-демократической партіи.—„Ни тайныхъ обществъ, ни заговоровъ!—говорятъ вожди этой партіи.—Довольствуйтесь собраніемъ изъ четырехъ, пяти человѣкъ въ вашихъ собственныхъ жилищахъ. Не существуетъ такой полиціи, которая могла бы помѣшать подобнымъ сборищамъ; для этого не хватило бы всѣхъ полицейскихъ агентовъ Берлина". Партія повинуется такому паролю, и съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и сильнѣе.

Несмотря на осадное положеніе, несмотря на постоянныя конфискаціи печатныхъ органовъ этой партіи, она обладаетъ газетами, журналами, которые всюду разносятъ ея идеи. Подписчики на соціальные органы насчитываются десятками тысячъ. Но постоянныя, періодическія изданія представляются далеко не единственнымъ ихъ орудіемъ борьбы. Въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, несмотря ни на какія преграды, распространяются манифесты, рѣчи предводителей партіи. Ежегодно выпускаемый альманахъ „Der arme Conrad" печатается въ 50.000 экземплярахъ. Словомъ, 25 солдатъ Гутенберга, какъ называютъ соціалисты нѣмецкую азбуку, дѣлаютъ свое дѣло, неустанно стараясь за идеи соціально-демократической партіи.

Идеи соціально-демократической партіи расползаются всюду, покрывая точно паутиною всю Германію. „Мы имѣемъ сторонниковъ тамъ,—громко говоритъ Бебель,—гдѣ вы ихъ и не подозрѣваете, и куда полиція никогда не проникаетъ". Откидывая естественное и вѣроятно довольно значительное преувеличеніе, допускаемое руководителями соціальнаго движенія, всегда желающими импонировать своей силой, нельзя отрицать нѣкотораго значенія за словами одного изъ нихъ, утверждающихъ, что изъ пяти солдатъ, находящихся въ строю нѣмецкой арміи, одинъ принадлежитъ соціально-демократической партіи.

Среди соціально-демократической партіи существуютъ два направленія: одно болѣе умѣренное, остающееся вѣрнымъ принципамъ, установленнымъ Лассалемъ, разсматривавшаго соціальный вопросъ какъ вопросъ желудка, ein Magenfrage, и полагавшаго, что рабочіе классы могутъ совершить соціальную революцію, не прибѣгая къ другому орудію, какъ избирательный бюллетень; и другое, объявляющее современному строю войну не на животъ, а на смерть и открыто заявляющее, что цѣль ихъ не можетъ быть достигнута иначе, какъ насильственнымъ разрушеніемъ существующаго общественнаго порядка.

Эти два направленія сказались и въ имперскомъ рейхстагѣ. Въ то время, когда одинъ изъ вождей соціально-демократической партіи старается отклонить отъ себя и своихъ единомышленниковъ упрекъ въ стремленіи къ насильственному перевороту, другой, отвѣчая министру внутреннихъ дѣлъ, упомянувшему о времени, когда противъ соціалистовъ придется дѣйствовать штыками и пулями, гордо отвѣчалъ, что соціальная партія не отступится передъ междоусобною войною, сваливая при этомъ всю отвѣтственность на вызывающій образъ дѣйствія правительства. „Не ждите отъ насъ,—говорилъ онъ въ рейхстагѣ, — чтобы въ то время, когда правительство вызываетъ и толкаетъ рабочіе классы на баррикады, чтобы мы остались позади“. Къ несчастью для современнаго нѣмецкаго общества, въ то время, какъ направленіе, вѣрное идеямъ Лассаля, постепенно утрачиваетъ своихъ сторонниковъ, другое направленіе, благодаря отчасти и дѣйствію раздражающаго исключительнаго закона противъ соціалистовъ, все усиливается, вербуя новыхъ и новыхъ адептовъ. Неудивительно, если среди людей, принадлежащихъ къ этому крайнему направленію, выискиваются и такіе, которые въ борьбѣ съ современнымъ общественнымъ строемъ рѣшаются даже на такія преступныя дѣла, какъ то, которое было задумано въ 1883 году, когда лишь простая случайность предупредила страшное несчастіе.

28-го сентября 1883 г. на берегахъ Рейна, въ Нидервальдѣ, происходило открытіе колоссальной статуи, изображающей Германію, въ воспоминаніе возстановленія нѣмецкой имперіи. Освященіе этого національнаго памятника обставлено было величайшею торжественностью. Престарѣлый императоръ Вильгельмъ, окруженный всею своею семьею и всѣми оставшимися нѣмецкими государями, присутствовалъ при торжествѣ. Несмѣтныя толпы народа стеклись на великое празднество. „Еслибы приподнятъ былъ цоколь, на которомъ стоитъ торжествующая „Германія“, разсказываетъ наблюдательный авторъ „Современной Германіи“, то увидѣли бы бочку съ динамитомъ, соединенную съ фитилемъ, не исполнившимъ своего назначенія“. Что̀ предупредило страшное бѣдствіе,—мученіе ли совѣсти одного изъ участниковъ, обрѣзавшаго въ послѣднюю минуту фитиль, вѣтеръ ли, задувшій слабый огонекъ,— осталось неизвѣстнымъ, но адскій замыселъ указывалъ на адскую рѣшимость не останавливаться ни передъ чѣмъ для осуществленія намѣченной цѣли.

Князь Бисмаркъ могъ и тогда уже убѣдиться, что исключительные законы, суровыя преслѣдованія достигаютъ прямо обратной цѣли. Вожди соціально-демократической партіи не скрываютъ, что законъ противъ соціалистовъ, тяжело отзывающійся на судьбѣ многихъ, въ концѣ концовъ оказываетъ величайшую услугу идеямъ со-

ціально-демократической партіи, усиливая озлобленіе и разжигая ненависть.

Тщетность церковно-религіозной борьбы, живучесть соціально-демократической партіи, безплодность всѣхъ принятыхъ исключительныхъ мѣръ—не могли не дѣйствовать удручающимъ образомъ на послѣдніе годы жизни императора Вильгельма. Германія была создана имъ, но внутренній миръ, крѣпость, сплоченность всѣхъ общественныхъ элементовъ—представлялись далеко не вполнѣ обезпеченными. Своимъ преемникамъ онъ оставлялъ тяжелые, неразрѣшенные вопросы внутренней политики. Такъ же ли они будутъ счастливы въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, какъ счастливъ былъ онъ самъ въ разрѣшеніи вопросовъ внѣшней политики? Если будущее питаетъ надежды, то оно питаетъ и самыя жгучія, мучительныя сомнѣнія.

XV.

Такія тяжелыя сомнѣнія относительно будущаго должны были тревожить душу покойнаго императора не только со стороны внутренняго спокойнаго развитія созданной имъ Германіи, но и со стороны внѣшней политики. Онъ оставлялъ своимъ наслѣдникамъ сильную, могущественную имперію, но созданіе ея путемъ крови, огня и желѣза, путемъ разгрома сосѣднихъ государствъ, породило непримиримое чувство вражды къ нѣмецкому колоссу въ сердцѣ народа, неспособнаго забыть захватъ двухъ цвѣтущихъ провинцій. Искусная политика, всеобщее уваженіе, окружавшее императора Вильгельма, доставили новой Германіи семнадцать лѣтъ мира, но не разъ за это время политическій горизонтъ омрачался черными, грозовыми тучами.

Какъ ни сильно было желаніе императора Вильгельма обезпечить Европѣ послѣ окончанія войны 1871 года благо мира, но миръ этотъ дорого обходился всѣмъ европейскимъ государствамъ. Никогда еще всеобщія вооруженія не достигали такихъ размѣровъ, какъ послѣ завершенія нѣмецкаго единства, никогда народы не несли еще такихъ жертвъ для обезпеченія своей независимости и своего существованія, какъ со времени возстановленія нѣмецкой имперіи. Вся Европа очутилась подъ ружьемъ; всѣ жаждутъ мира, и всѣ поспѣшно и усиленно вооружаются.

Какое-то мучительное безпокойство овладѣло и всѣми народами, и всѣми правительствами. Трудно, кажется, отрицать, что это безпокойство вызывается въ значительной степени грознымъ положеніемъ, занятымъ въ центрѣ Европы Германіей и новымъ отношеніемъ ея

къ главнымъ европейскимъ государствамъ: Россіи, Франціи, Австріи и Италіи.

Внѣшнія отношенія новой Германіи въ царствованіе императора Вильгельма были всегда почти самыя дружественныя. Если поддержаніе добрыхъ отношеній съ Италіей легко объясняется братствомъ по оружію въ рѣшительную минуту 1866 года и отсутствіемъ всякихъ поводовъ къ столкновенію, то тѣсное сближеніе съ австрійской имперіей явилось плодомъ мастерской политики Бисмарка и непосредственнаго вліянія самого императора Вильгельма. Заставить Австрію забыть перенесенное ею пораженіе, принудить ее примириться съ изгнаніемъ изъ Германіи и съ утратой даже всякаго вліянія на южныя нѣмецкія государства, обратить ея взоры на Востокъ и, наконецъ, сдѣлать ее самою надежною союзницей изъ такъ недавно еще своего заклятаго врага—было дѣломъ, требовавшимъ чрезвычайнаго искусства. Послѣ неожиданной для австрійскаго императора встрѣчи въ Баденѣ, о которой мы имѣли случай упомянуть, не проходило почти ни одного года безъ личныхъ свиданій Франца-Іосифа съ императоромъ Вильгельмомъ. Эти свиданія, постоянные обмѣны визитами, сблизили двухъ императоровъ, а ихъ личное сближеніе повлекло за собою и сближеніе двухъ имперій. Какъ Францъ-Іосифъ поддался обаянію императора Вильгельма, какъ онъ былъ очарованъ прямотою и благородствомъ его характера, неизмѣннымъ добродушіемъ и удивительною предупредительностью въ обращеніи, такъ и австрійская политика поддалась обаянію тончайшаго политика XIX вѣка, Бисмарка, и начала говорить его языкомъ и смотрѣть на событія его глазами. Союзъ съ Германіей доставилъ Австріи весьма положительныя выгоды, онъ обезпечилъ за ней сферу вліянія на Востокѣ.

Дружественныя отношенія между двумя государствами повлекли за собою въ 1879 году заключеніе формальнаго тѣснаго наступательнаго и оборонительнаго союза, лишь недавно получившаго европейскую огласку. Союзъ этотъ, къ которому примкнула и Италія, направленъ противъ двухъ государствъ: Россіи и Франціи—и союзники нимало того не скрываютъ.

Что отношенія къ Франціи новой германской имперіи не могли сдѣлаться дружественными, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Эльзасъ и Лотарингія прорыли между двумя государствами глубокую пропасть.

Едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что императоръ Вильгельмъ, озабоченный мыслью объ упроченіи мира, искренно желалъ возстановленія добрыхъ отношеній съ Франціей. Къ несчастью, отторженіе двухъ французскихъ провинцій дѣлало такое желаніе мало осуществимымъ. Францію нельзя, конечно, обвинять, что она

не можетъ примириться съ идеею объ окончательной утратѣ Эльзаса и Лотарингіи, что она напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы подняться, послѣ рокового для нея пораженія, и стремится занять подобающее ей мѣсто въ сонмѣ великихъ европейскихъ государствъ. Между тѣмъ усиленныя вооруженія Франціи служатъ постояннымъ поводомъ къ обостренію и безъ того натянутыхъ отношеній къ ея могущественному сосѣду. Въ вооруженіяхъ Франціи Германія видитъ постоянную для себя угрозу, забывая подчасъ, что ея собственное вооруженіе точно также не представляется для другихъ народовъ залогомъ прочнаго мира. Семнадцать лѣтъ, протекшія со времени окончанія кровавой распри между двумя народами, не подвинули ни на шагъ дѣла ихъ замиренія. Много разъ въ теченіе этого періода времени Европа съ трепетомъ прислушивалась, не заслышится ли на французской границѣ первый фатальный выстрѣлъ. Страхъ этотъ вызывался тѣми рѣчами, которыя подчасъ раздаются въ нѣмецкомъ рейхстагѣ и, главнымъ образомъ, рѣзкимъ, иной разъ даже надменнымъ и вызывающимъ тономъ газетной полемики. Зная, какъ часто печать являлась орудіемъ въ рукахъ „желѣзнаго“ канцлера, естественно зарождалось опасеніе, чтобы за голосомъ печати не скрывался голосъ самого руководителя нѣмецкой политики. Презрительный и заносчивый тонъ нѣмецкой печати, когда рѣчь идетъ о Франціи и французскомъ народѣ, поддерживаетъ въ послѣднихъ чувство раздраженія и заставляетъ правительство французской республики быть постоянно на-сторожѣ. Германія это знаетъ, и руководители нѣмецкой политики много разъ выставляли въ парламентѣ стремленіе Франціи къ revanche'у поводомъ, вынуждающимъ нѣмецкое правительство постоянно увеличивать свою армію. Эльзасъ и Лотарингія бросили два народа въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого иного выхода, кромѣ новой и на этотъ разъ еще болѣе кровавой войны. Должна ли она была, въ самомъ дѣлѣ, вспыхнуть въ 1875 году, остановилъ ли ее императоръ Александръ II, приготовлялась ли Германія произвести нападеніе на Францію, съ цѣлью нанести ей смертельный ударъ прежде, чѣмъ она успѣетъ окончить свое перевооруженіе,—все это представляется вопросомъ, на который трудно отвѣчать положительно. Франція говоритъ: да! Князь Бисмаркъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы у Германіи когда-либо существовалъ такой умыселъ. За Францію говорятъ недавно обнародованныя письма французскаго посланника въ то время въ Петербургѣ, генерала Лефло, и циркуляръ того времени князя Горчакова; за Германію — искренность императора Вильгельма, который, при встрѣчѣ съ французскимъ военнымъ агентомъ, добродушно обратился къ нему со словами: „насъ хотѣли поссорить!“ Во всякомъ случаѣ эпизодъ

1875 года, равно какъ и недавній эпизодъ съ арестомъ Шнебеле, съ одной стороны является доказательствомъ, какъ мало нужно для того, чтобы война между двумя государствами возгорѣлась какъ бы сама собою, съ другой—свидѣтельствуетъ о твердой рѣшимости, которую постоянно выказывалъ лично императоръ Вильгельмъ, всячески предупреждая возможность взрыва. Въ эпизодѣ съ арестомъ Шнебеле императоръ Вильгельмъ принялъ непосредственное участіе и своимъ рѣшительнымъ словомъ положилъ конецъ печальному инциденту. Эпизодъ же 1875 г. имѣлъ большое значеніе и по отношенію къ Россіи.

Желала ли, въ самомъ дѣлѣ, Германія произвести нападеніе на Францію, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ русскій кабинетъ, извѣщенный о томъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, принялъ самое живое участіе и выказалъ твердое намѣреніе воспрепятствовать нарушенію европейскаго мира. Князь Бисмаркъ былъ недоволенъ поведеніемъ князя Горчакова, разославшаго циркулярную ноту дипломатическимъ агентамъ, въ которой онъ извѣщалъ ихъ, что миръ обезпеченъ. Гордая своими побѣдами, Германія сдѣлалась крайне чувствительна, и въ заботѣ его о сохраненіи европейскаго мира готова была видѣть вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Отношенія между двумя канцлерами охладѣли, чтó рано или поздно должно было отозваться на отношеніяхъ двухъ государствъ. Правда, императоръ Вильгельмъ питалъ самыя дружескія чувства къ императору Александру II, и дружба эта поддерживалась частыми свиданіями. Императоръ Вильгельмъ памятовалъ услуги, оказанныя ему въ тяжелыя минуты императоромъ Александромъ II, но всегда выражалъ самыя горячія пожеланія, чтобы традиціонная дружба двухъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ никогда не подвергалась никакому испытанію.

Того ли взгляда держался и князь Бисмаркъ—вопросъ остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ, недовольство русскимъ канцлеромъ сказалось на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года, гдѣ Россія не встрѣтила той поддержки Германіи, на которую она считала себя въ правѣ разсчитывать. Правда, князь Бисмаркъ, въ недавней своей рѣчи, 6-го февраля 1888 г., слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за неблагопріятный для насъ исходъ конгресса, но во всякомъ случаѣ можно одно сказать съ достовѣрностью, что интересы Австріи лежали ему ближе къ сердцу, чѣмъ интересы Россіи.

Несмотря на то, что личныя отношенія между двумя монархами продолжали носить характеръ все той же неизмѣнной привязанности и дружбы, отношенія двухъ державъ, со времени берлинскаго конгресса, въ значительной степени подверглись охлажденію. Германія

укрѣпила свою восточную границу, а нѣмецкая печать била тревогу по поводу передвиженія того или другого изъ русскихъ полковъ. Князь Бисмаркъ, чуждый всякаго сантиментализма и мало полагаясь на дружбу, рѣшился на шагъ, прямо уже направленный противъ Россіи. Онъ началъ переговоры съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Андраши, о заключеніи формальнаго союза между Австріей и Германіей,—союза (это подразумѣвается само собой) для поддержанія европейскаго мира. Проектъ союза былъ выработанъ осенью 1879 г., но онъ нуждался въ одобреніи императора Вильгельма для того, чтобы превратиться въ совершившійся фактъ. Императоръ Вильгельмъ, вѣрный своему прямому и честному характеру, рѣшительно воспротивился приложить къ договору свою подпись, но князь Бисмаркъ умѣлъ быть настойчивымъ, зная, что императоръ никогда не рѣшится разстаться съ своимъ сподвижникомъ въ дѣлѣ объединенія Германіи. Надобно было уступить министру, и 15-го октября Вильгельмъ подписалъ союзный договоръ съ Австріей, но лишь съ условіемъ, что онъ не останется тайной для русскаго императора. И послѣ этого личныя отношенія двухъ государей не поколебались; императоръ Вильгельмъ прилагалъ всѣ свои заботы, чтобы отношенія Россіи и Австріи никогда не вынудили его на враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ старался о сближеніи русскаго государя съ австрійскимъ императоромъ, и старанія его не оставались безплодны. Тѣмъ не менѣе, направленный противъ Россіи союзный договоръ между Германіей и Австріей оставался въ своей силѣ, что̀, конечно, не могло не вліять на отношенія двухъ государствъ. Несмотря на всю добрую волю императора Вильгельма, черныя тучи стали все болѣе и болѣе сгущаться на политическомъ горизонтѣ, отравляя послѣдніе годы его жизни.

Такимъ образомъ, тяжесть внутреннихъ вопросовъ, неувѣренность въ прочности европейскаго мира, возможность новыхъ кровавыхъ столкновеній для Германіи—вотъ передъ чѣмъ, въ концѣ своего долгаго и блестящаго царствованія, стоялъ готовый сойти въ могилу императоръ Вильгельмъ—этотъ „честный, простой и преисполненный здраваго смысла человѣкъ". Но и это было далеко не все: къ тяжелымъ государственнымъ заботамъ присоединилась, на закатѣ его дней, тревога сердечная, преисполнившая его неутѣшнымъ горемъ,—и только смерть избавила его отъ тяжкаго удара и не дала ему пережить трагической кончины сына.

Е. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1888 г.

Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ. — Преграды, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи лѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе; составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ.—Усиленіе уголовной кары за лѣсныя порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ; слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ училищъ.—Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское.

Намъ не разъ уже случалось упоминать о препятствіяхъ, съ которыми пришлось бороться законопроекту о лѣсоохраненіи. Агитація противъ него шла преимущественно съ двухъ сторонъ: отъ дворянскихъ собраній и отъ реакціонной печати. Иногда своекорыстная подкладка оппозиціи обнаруживалась совершенно ярко; протестъ противъ проектируемыхъ ограниченій принималъ характеръ откровенно-сословный; съ ходатайствомъ о сохраненіи за дворянствомъ полной свободы распоряженія лѣсами соединялось ходатайство о запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ лѣсамъ крестьянскимъ. Болѣе опаснымъ противодѣйствіе реформѣ становилось тогда, когда оно прикрывалось общими экономическими и юридическими соображеніями. Здравыя понятія о свойствѣ и предѣлахъ права собственности распространены у насъ такъ мало, что декламаціи о замышляемомъ его нарушеніи легко могли найти для себя благодарную почву; наивные люди могли повѣрить, что обязательное сбереженіе лѣсовъ составляетъ посягательство на частную собственность, а ловкіе люди могли воспользоваться этой вѣрой. Въ пользу мнѣнія, враждебнаго законопроекту, можно было привести авторитетъ разныхъ экономистовъ, напримѣръ г. Чичерина, возстающаго, въ своей книгѣ: „Собственность и государство", противъ всякихъ стѣсненій частнаго права собственности, установляемыхъ во имя имущественныхъ интересовъ цѣлаго общества. Совокупность житейскихъ и научныхъ предразсудковъ могла оказаться стѣною, способною остановить задуманное движеніе. На самомъ дѣлѣ, къ

счастію, случилось иначе; законопроектъ, составленный министерствомъ государственныхъ имуществъ, преодолѣлъ всѣ противопоставленныя ему преграды, и положеніе о сбереженіи лѣсовъ—частныхъ наравнѣ съ казенными—получило, 4-го апрѣля, силу закона. Весьма можетъ быть, что нѣкоторыя отдѣльныя постановленія проекта принесены въ жертву для спасенія цѣлаго; но съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія это имѣетъ второстепенное значеніе. Важно то, что признано *право* государственной власти регулировать и регламентировать пользованіе частными лѣсами; *границы и размѣры* этого права — вопросъ *цѣлесообразности*, а не *принципа*, и дальнѣйшее ихъ расширеніе, если опытъ докажетъ его необходимость и возможность, не встрѣтитъ, нужно надѣяться, никакихъ *теоретическихъ* возраженій.

Повсемѣстно, во всей европейской Россіи, положеніе 4-го апрѣля примѣняется только къ тремъ категоріямъ лѣсовъ: къ крестьянскимъ лѣснымъ надѣламъ, къ лѣсамъ *защитнымъ* и къ лѣсамъ, охраняющимъ верховья и источники рѣкъ или ихъ притоковъ. Остальные лѣса подчиняются дѣйствію новыхъ правилъ только въ меньшей половинѣ губерній европейской Россіи. Свободными отъ ограниченій лѣсовладѣльцы — за вышеупомянутыми исключеніями — остаются, до времени, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ: губерніи архангельская, олонецкая, с.-петербургская, новгородская, псковская, вологодская, вятская, пермская, уфимская, область уральская; на верхней Волгѣ: губерніи тверская, ярославская, костромская, нижегородская, — за исключеніемъ двухъ уѣздовъ,—казанская, симбирская; подъ Москвою: губерніи московская, калужская, смоленская—за исключеніемъ двухъ уѣздовъ—и владимірская—за исключеніемъ семи уѣздовъ; въ Бѣлоруссіи: губерніи витебская, могилевская, минская; въ Курляндіи, въ волынской губерніи (за исключеніемъ одного уѣзда), за Кавказомъ и на Кавказѣ (за исключеніемъ губерніи ставропольской). Итакъ, въ сферу усиленной лѣсной охраны входятъ преимущественно губерніи черноземныя и степныя—центръ Россіи, нижнее поволжье, Новороссія, Малороссія, а также двѣ изъ числа остзейскихъ губерній и всѣ литовскія. Географическое распространеніе области дѣйствія новыхъ правилъ можетъ состояться, впрочемъ, и безъ дополненія ихъ въ законодательномъ порядкѣ; оно можетъ быть рѣшено комитетомъ министровъ, по представленію министра государственныхъ имуществъ. Нужно надѣяться, что для большинства перечисленныхъ нами губерній это рѣшеніе не заставитъ себя ждать слишкомъ долго. Гораздо лучше предупредить зло въ самомъ его началѣ, чѣмъ поправлять его, когда оно уже достигло широкихъ размѣровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что процессъ обезлѣсенія коснулся уже многихъ

мѣстностей изъ числа тѣхъ, которыя не подчинены всецѣло новому закону. Укажемъ, для примѣра, на хорошо извѣстные намъ южные уѣзды петербургской губерніи, въ которыхъ лѣсныя пространства уменьшаются, за послѣднія 15 — 20 лѣтъ, съ большою быстротою. Строгость охраны, при дѣйствіи правилъ 4-го апрѣля, можетъ быть весьма различна; въ губерніяхъ, сравнительно богатыхъ лѣсами, нѣтъ надобности доводить ее такъ далеко, какъ въ губерніяхъ до крайности ими бѣдныхъ. Важно только, чтобы правительственный надзоръ былъ введенъ по возможности вездѣ, чтобы положенъ былъ конецъ наиболѣе безобразнымъ видамъ лѣсоистребленія. Если крестьянскіе лѣсные надѣлы поставлены подъ охрану закона во всѣхъ частяхъ имперіи, не исключая даже самыхъ сѣверныхъ, то нѣтъ никакихъ основаній медлить съ принятіемъ той же мѣры по отношенію къ частнымъ лѣсовладѣльцамъ.

Защитными законъ 4-го апрѣля называетъ тѣ лѣса и кустарники, безусловное сохраненіе которыхъ необходимо въ видахъ государственной или общественной пользы. Это общее опредѣленіе ограничивается частнымъ, въ силу котораго защитными признаются только лѣса и кустарники, препятствующіе распространенію сыпучихъ песковъ, песчанымъ заносамъ, обрывамъ, обваламъ или размыву почвы. Съ точки зрѣнія перваго опредѣленія, защитными представляются, безъ сомнѣнія, и лѣса, охраняющіе верховья рѣкъ,—но подъ второе опредѣленіе они не подходятъ и не причисляются закономъ къ лѣсамъ защитнымъ, отличаясь отъ лѣсовъ обыкновенныхъ только тѣмъ, что *нѣкоторая* степень охраны установляется, по отношенію къ нимъ, *повсемѣстно*. Мы затрудняемся объяснить это противорѣчіе. Многоводность рѣки, зависящая, отчасти, отъ лѣса, защищающаго ея верховья, необходима, очевидно, „въ видахъ государственной и общественной пользы"; естественнымъ выводомъ отсюда было бы признаніе такого лѣса подлежащимъ „безусловному сбереженію". Казуистическія опредѣленія всегда представляютъ опасность неполноты; гораздо правильнѣе было бы, какъ намъ кажется, ограничиться установленіемъ общаго понятія о *защитности*, предоставивъ ближайшее его разъясненіе времени и опыту... Лѣсъ, однажды объявленный защитнымъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уничтоженъ; почва, на которой онъ ростетъ, не можетъ получить другого назначенія; рубка въ его предѣлахъ можетъ быть производима только согласно съ утвержденнымъ хозяйственнымъ планомъ; запрещенію можетъ подлежать все то (напр. пастьба скота, корчеваніе пней), что будетъ признано несовмѣстнымъ съ сохранностью лѣса и съ достиженіемъ цѣли, во имя которой онъ объявленъ защитнымъ. Если для сбереженія защитныхъ лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ вла-

дѣльцамъ, окажутся необходимыми расходы, которыхъ владѣлецъ принять на свой счетъ не согласится, то министерство государственныхъ имуществъ можетъ пріобрѣтать такіе лѣса въ казенную собственность, на основаніи общихъ правилъ объ экспропріаціи; но владѣльцу, въ продолженіе десяти лѣтъ, принадлежитъ право обратнаго выкупа, съ уплатой, кромѣ покупной суммы, стоимости всѣхъ произведенныхъ въ лѣсу работъ.

Что касается до остальныхъ лѣсовъ, подлежащихъ дѣйствію новаго закона, то обращеніе ихъ въ другой видъ угодій допускается при наличности одного изъ условій, перечисленныхъ въ законѣ. Этихъ условій очень много; одно изъ нихъ формулировано такимъ образомъ: „когда того требуетъ болѣе выгодное устройство имѣнія". Воспрещаются лѣсовладѣльцамъ такія опустошительныя (сплошныя) рубки ростущаго лѣса, вслѣдствіе которыхъ „истощается древесный запасъ, естественное лѣсовозобновленіе дѣлается невозможнымъ и вырубленныя площади обращаются въ пустыри". Воспрещается также пастьба скота на вырубкахъ и въ молодомъ лѣсу, не достигшемъ пятнадцатилѣтняго возраста. Составленіе хозяйственныхъ плановъ эксплуатаціи лѣса и представленіе ихъ на утвержденіе подлежащей власти не обязательно для лѣсовладѣльцевъ; съ цѣлью побудить ихъ къ этому принято за правило, что рубка лѣса, согласная съ утвержденнымъ планомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана опустошительною. Санкціей новаго закона — какъ для лѣсовъ защитныхъ, такъ и для всѣхъ остальныхъ, подчиняемыхъ охранѣ — является, съ одной стороны, обязанность искусственнаго облѣсенія неправильно вырубленныхъ или расчищенныхъ лѣсныхъ пространствъ [1]), съ другой — уголовная отвѣтственность, ограничивающаяся, впрочемъ, денежными взысканіями.

Составляя, во всякомъ случаѣ, большой шагъ впередъ сравнительно съ настоящимъ порядкомъ—или безпорядкомъ,—только-что приведенныя нами правила далеко не свободны отъ недостатковъ, по крайней мѣрѣ въ той части, которая касается лѣсовъ не-защитныхъ. Обращеніе этихъ лѣсовъ въ другой видъ угодій слишкомъ облегчено; достаточнымъ основаніемъ къ нему едва ли слѣдовало бы признавать одну только *выгодность* операціи. Необходимость закона, охраняющаго частные лѣса, обусловливается именно тѣмъ, что личный интересъ лѣсовладѣльца противорѣчитъ, сплошь и рядомъ, общественной или государственной пользѣ. Для лѣсовладѣльца обращеніе лѣса въ поля или луга можетъ казаться или даже дѣйствительно быть выгоднымъ,

---

[1]) Въ случаѣ неисполненія этой обязанности въ опредѣленный срокъ, облѣсеніе производится лѣснымъ вѣдомствомъ за счетъ лѣсовладѣльца.

но для всего окрестнаго населенія оно можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ невыгодъ. При такомъ столкновеніи интересовъ преимущественное право на охрану имѣетъ, очевидно, интересъ общій, — а между тѣмъ онъ приносится въ жертву интересу частному. Буквальный смыслъ закона представляется здѣсь не совсѣмъ яснымъ; трудно сказать съ достовѣрностью, *обязательно* ли для подлежащей власти разрѣшить обращеніе лѣса въ другой видъ угодій, разъ что доказана выгодность такого обращенія, или это составляетъ только ея *право*. Если и принять послѣднее толкованіе — болѣе согласное, въ нашихъ глазахъ, съ общимъ духомъ закона,—то просторъ для лѣсоистребленія все-таки остается еще слишкомъ широкій. Чтобы отказать въ разрѣшеніи, выгодномъ для лѣсовладѣльца, лѣсоохранительный комитетъ долженъ будетъ установить, что сохраненіе лѣса, въ данномъ случаѣ, необходимо, а это потребуетъ тогда сложныхъ и трудныхъ изысканій. Гораздо проще и легче будетъ уступить настояніямъ просителя и удовлетворить его ходатайство, отложивъ въ сторону докучную мысль объ отдаленныхъ его результатахъ. Способствовать такому исходу дѣла будетъ и то правило новаго закона, въ силу котораго обращеніе лѣсной почвы въ другой видъ угодій можетъ быть разрѣшаемо безъ предварительнаго изслѣдованія на мѣстѣ, если въ виду лѣсоохранительнаго комитета не имѣется никакихъ заявленій о необходимости признанія лѣса защитнымъ или подлежащимъ сбереженію для охраненія верховьевъ рѣкъ. Отсутствію такихъ заявленій не слѣдовало бы давать столь рѣшительнаго значенія, потому что сбереженіе лѣса часто представляется желательнымъ и помимо двухъ вышеуказанныхъ цѣлей.

Трудно одобрить, далѣе, то постановленіе новаго закона, по которому утвержденіе хозяйственныхъ плановъ *обязательно* лишь по отношенію къ лѣсамъ защитнымъ. Отсутствіе плана неудобно и для лѣсовладѣльца, и для наблюдающаго учрежденія. Первому оно угрожаетъ непріятными сюрпризами: рубка, произведенная имъ bona fide, можетъ быть признана „опустошительною" и подвергнуть его значительной имущественной отвѣтственности. Для послѣдняго оно затрудняетъ возбужденіе преслѣдованія противъ лѣсовладѣльца, нарушающаго законъ, и уменьшаетъ шансы выигрыша дѣла передъ судомъ. Далеко не одно и то же—обнаружить уклоненіе лѣсовладѣльца отъ утвержденнаго хозяйственнаго плана или доказать, что онъ произвелъ рубку, „истощающую древесный запасъ и устраняющую возможность естественнаго лѣсовозобновленія". Первое гораздо легче, чѣмъ послѣднее; легче точно также и надзоръ, если въ основаніи его лежитъ заранѣе утвержденный планъ лѣсного хозяйства... Санкціи противъ нарушеній, установляемыя новымъ закономъ, могутъ быть признаны

достаточными; мы сдѣлаемъ по этому поводу только одно замѣчаніе. Обязанность искусственнаго облѣсенія, о которой мы уже говорили, возлагается на виновнаго въ такомъ лишь случаѣ, если естественное облѣсеніе опустошенныхъ площадей будетъ признано невозможнымъ. Не вытекаетъ ли отсюда явное неравенство отвѣтственности, при полномъ равенствѣ вины? Допустимъ, что два лѣсовладѣльца совершили однородныя нарушенія закона, при условіяхъ вполнѣ одинаковыхъ, за исключеніемъ лишь одного: на мѣстѣ вырубленнаго лѣса въ одномъ случаѣ возможно, въ другомъ невозможно естественное облѣсеніе. Первый владѣлецъ отдѣлается однимъ только штрафомъ; второй долженъ будетъ понести, кромѣ того, значительные расходы на искусственное облѣсеніе. Чтобы устранить эту аномалію, слѣдовало бы постановить, что при возможности естественнаго облѣсенія виновный подвергается, сверхъ штрафа, взысканію суммы, приблизительно равной расходамъ, которыхъ потребовало бы искусственное облѣсеніе. Такое постановленіе представлялось бы тѣмъ болѣе справедливымъ, что всѣ денежныя суммы, подлежащія взысканію на основаніи новаго закона, обращаются исключительно на нужды лѣсного хозяйства въ лѣсахъ общественныхъ и частныхъ.

Всѣ расходы по составленію плановъ хозяйства въ лѣсахъ защитныхъ (за исключеніемъ дачъ удѣльныхъ и войсковыхъ) принимаются на счетъ казны. Всѣ лѣса, признанные защитными, освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ. Тою же свободой пользуются, въ теченіе тридцати лѣтъ, лѣсныя площади, занятыя искусственно разведенными лѣсонасажденіями, если взамѣнъ этихъ площадей не были произведены расчистки. На чиновниковъ лѣсного вѣдомства возлагается, по приглашенію лѣсовладѣльцевъ, осмотръ принадлежащихъ послѣднимъ лѣсныхъ дачъ, подача совѣтовъ относительно ихъ эксплуатаціи и руководство разными лѣсными работами. Изъ всѣхъ этихъ льготъ несправедливой кажется намъ только податная свобода, предоставляемая владѣльцамъ лѣсовъ защитныхъ. Если въ защитномъ лѣсу не допускалось никакой рубки, еслибы онъ вовсе переставалъ служить источникомъ дохода, освобожденіе его отъ государственныхъ и земскихъ сборовъ было бы вполнѣ понятно; но вѣдь эксплуатація его остается возможной, она подчиняется лишь надзору, сберегающему лѣсъ не только въ интересахъ общества и государства, но и въ интересахъ самого владѣльца. Нѣкоторыя неудобства, вытекающія изъ объявленія лѣса защитнымъ, вознаграждаются принятіемъ на счетъ казны всѣхъ расходовъ по составленію плана эксплуатаціи этого лѣса. Съ другой стороны, неудобствамъ подвергаются и владѣльцы другихъ лѣсовъ, подлежащихъ охранѣ, и никакихъ льготъ правила 4-го апрѣля имъ за это не

даютъ. Болѣе чѣмъ сомнительной слѣдуетъ признать также правильность того постановленія новаго закона, въ силу котораго бывшіе владѣльцы защитныхъ лѣсовъ, принудительно отчужденныхъ въ казну, могутъ выкупать ихъ обратно въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Экспропріація защитнаго лѣса допускается только тогда, когда владѣлецъ отказывается принять на свой счетъ расходы, необходимые для сбереженія лѣса. Основаніемъ для такого отказа будетъ служить, въ большинствѣ случаевъ, неувѣренность владѣльца, что расходы окупятся увеличеніемъ доходности и цѣнности лѣса. Справедливо ли, затѣмъ, возлагать весь рискъ операціи на казну, такъ чтобы, въ случаѣ неудачи, лѣсъ оставался казеннымъ, а въ случаѣ успѣха — возвращался частному владѣльцу, съ возмѣщеніемъ только непосредственныхъ затратъ казны? Выгоды (commoda), согласно извѣстному юридическому афоризму, должны принадлежать тому, кто несъ тягости (onera); лѣсъ, улучшенный и сохраненный стараніями казны, по праву долженъ быть и на будущее время казенною собственностью. Обратный выкупъ лѣса можно было бы признать цѣлесообразнымъ въ такомъ лишь случаѣ, еслибы увеличеніе площади лѣсовъ казенныхъ представлялось нежелательнымъ, невыгоднымъ съ экономической точки зрѣнія; но справедливо какъ разъ обратное положеніе. Тѣ же самыя соображенія, которыя заставляютъ ограничить права частныхъ лѣсовладѣльцевъ, говорятъ въ пользу сосредоточенія возможно бóльшаго количества лѣсовъ въ рукахъ казны, и въ особенности лѣсовъ защитныхъ, требующихъ спеціальной, усиленной охраны.

Исполненіе новаго закона возлагается, подъ высшимъ контролемъ министерства государственныхъ имуществъ, на лѣсоохранительные комитеты, учреждаемые въ каждомъ губернскомъ городѣ. По своему составу они напоминаютъ другія смѣшанныя присутствія, которыхъ у насъ уже безъ того такъ много. Предсѣдательство въ комитетѣ принадлежитъ, конечно, губернатору; само собою разумѣется также участіе въ немъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя или члена суда, предсѣдателя или члена губернской земской управы и непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Лѣсное вѣдомство представлено въ комитетѣ управляющимъ государственными имуществами и однимъ лѣснымъ ревизоромъ; частное лѣсовладѣніе — двумя лѣсовладѣльцами, по выбору губернскаго земскаго собранія; ко всѣмъ этимъ лицамъ присоединяется еще управляющій удѣльною конторою, а при рѣшеніи дѣлъ о лѣсахъ, охраняющихъ верховья рѣкъ или ихъ притоковъ—представитель вѣдомства путей сообщенія (не совсѣмъ понятно, почему послѣдній не приглашается въ комитетъ и по дѣламъ о лѣсахъ защитныхъ, если назначеніе ихъ—охрана каналовъ и дорогъ отъ песчаныхъ заносовъ,

обрывовъ и размывовъ). Двадцатилѣтній опытъ доказалъ, что смѣшанныя присутствія, члены которыхъ всѣ, или почти всѣ, обременены другими, болѣе важными для нихъ, занятіями, рѣдко бываютъ хорошими органами управленія. Для того, чтобы они могли хоть сколько-нибудь справляться съ своей задачей, необходимы, по меньшей мѣрѣ, два условія: дѣла, предоставленныя ихъ рѣшенію, не должны быть слишкомъ спеціальны и ихъ не должно быть слишкомъ много. Если училищные совѣты, напримѣръ, приносятъ нѣкоторую долю пользы, то это объясняется именно тѣмъ, что кругъ вѣдомства ихъ довольно ограниченъ, и для исполненія обязанностей, на нихъ лежащихъ, достаточно одного общаго образованія. Положеніе лѣсоохранительныхъ комитетовъ совсѣмъ иное. Главныя ихъ функціи—признаніе лѣсовъ защитными или подлежащими сбереженію въ видахъ охраны верховьевъ рѣкъ, утвержденіе плановъ лѣсного хозяйства, разрѣшеніе обращенія лѣсныхъ площадей въ другой видъ угодій, установленіе сроковъ для искусственнаго облѣсенія и т. п. Все это требуетъ спеціальныхъ техническихъ знаній, которыми будутъ обладать весьма немногіе члены комитета. Остальнымъ членамъ придется либо слѣпо подчиняться мнѣнію меньшинства, либо возражать противъ него по основаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ спорнымъ вопросомъ. Не трудно предвидѣть, что представители частнаго лѣсовладѣнія будутъ отстаивать, гдѣ только можно, свободу распоряженія лѣсами, оспаривать необходимость ограничительныхъ мѣръ; на ихъ сторонѣ окажется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, предводитель дворянства, а иногда и представитель земской управы. Принципіальнаго противника всякое стѣсненіе лѣсовладѣльческихъ правъ очень легко можетъ найти и въ представителѣ суда. Въ глазахъ юриста, привыкшаго требовать отъ истца точныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ, ходатайство лѣсного вѣдомства, основанное на предположеніяхъ, мотивированное *возможностью* вреда отъ обезлѣсенія, можетъ показаться слишкомъ шаткимъ, хотя бы оно и соотвѣтствовало вполнѣ обстоятельствамъ даннаго случая. Съ другой стороны, число дѣлъ въ лѣсоохранительныхъ комитетахъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ законъ 4-го апрѣля вводится въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, будетъ, по всей вѣроятности, весьма значительно; тщательное разсмотрѣніе ихъ потребуетъ частыхъ и продолжительныхъ засѣданій, непосильныхъ для большинства членовъ комитета. Болѣе правильнымъ было бы, какъ намъ кажется, предоставленіе спеціальнаго дѣла спеціальному учрежденію, съ тѣмъ только, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно важныхъ, постановленія его могли быть переносимы на разсмотрѣніе коллегіи, устроенной на подобіе административнаго суда. Нельзя, конечно, сдѣлать лѣсное

управленіе единственнымъ, безапелляціоннымъ рѣшителемъ вопроса о защитномъ свойствѣ лѣса; но въ утвержденіи плановъ лѣсного хозяйства ему слѣдовало бы дать полную свободу, ограниченную только надзоромъ высшей инстанціи — лѣсного департамента министерства государственныхъ имуществъ. Чисто-техническое дѣло всего лучше возложить на техниковъ, которые и несли бы полную отвѣтственность за свое рѣшеніе. Если правилами 4-го апрѣля вопросъ о составѣ лѣсоохранительныхъ комитетовъ разрѣшенъ иначе, то объясненіе этому слѣдуетъ искать, повидимому, въ излишней заботливости объ интересахъ лѣсовладѣльцевъ. Дѣйствительными признаются только тѣ постановленія комитета, въ которыхъ участвовали, кромѣ предсѣдателя и одного изъ представителей управленія государственными имуществами, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель окружнаго суда и предсѣдатель губернской земской управы или замѣняющія ихъ должностныя лица. Итакъ, въ рѣшеніи дѣла можетъ не участвовать единственный, иногда, техникъ, входящій въ составъ комитета (лѣсной ревизоръ), но непремѣнно должны участвовать тѣ члены комитета, отъ которыхъ можно ожидать систематической защиты частнаго лѣсовладѣнія. Еще важнѣе слѣдующее обстоятельство. Право заявлять лѣсоохранительнымъ комитетамъ о необходимости признать данную лѣсную площадь защитною или подлежащею сбереженію въ видахъ охраны верховьевъ рѣкъ, предоставлено новымъ закономъ исключительно земскимъ управамъ — губернскимъ и уѣзднымъ — и управленіямъ вѣдомствъ путей сообщенія, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ [1]). Всѣ дальнѣйшія формы начатаго такимъ образомъ производства происходятъ съ вѣдома и при участіи лѣсовладѣльца; онъ извѣщается о времени изслѣдованія на мѣстѣ, получаетъ копію съ протокола изслѣдованія, имѣетъ право подать противъ него отзывъ, извѣщается о времени слушанія дѣла въ комитетѣ и допускается, въ случаѣ явки, къ представленію изустныхъ объясненій. Ничего подобнаго не установлено по отношенію къ учрежденію, по заявленію котораго начато дѣло; а между тѣмъ представителю этого учрежденія, въ качествѣ одной изъ сторонъ, очевидно, слѣдовало бы предоставить тѣ же права, какъ и лѣсовладѣльцу. Намъ могутъ возразить, что вѣдомства, уполномоченныя на возбужденіе дѣла, имѣютъ уже своихъ представителей въ самомъ составѣ комитета; но это *не совсѣмъ такъ* по отношенію къ вѣдомству путей сообщенія, представитель котораго присутствуетъ въ комитетѣ только въ одномъ случаѣ, упомянутомъ нами выше, и *совсѣмъ не*

---

[1]) Слѣдовало бы распространить это право и на городскія управы, такъ какъ признаніе лѣса защитнымъ необходимо иногда для охраненія *города* отъ заносовъ, обваловъ, и т. п.

такъ по отношенію къ уѣзднымъ земскимъ управамъ, вовсе не представленнымъ въ комитетѣ. Представитель губернскаго земства можетъ, сплошь и рядомъ, не раздѣлять мнѣнія уѣзднаго земства, возбудившаго дѣло. Неравенство положеній продолжается и послѣ рѣшенія дѣла. Право жаловаться на постановленіе комитета (министру государственныхъ имуществъ) принадлежитъ лѣсовладѣльцу, но не принадлежитъ учрежденію, возбудившему дѣло [1]); представители администраціи и управленія государственныхъ имуществъ не облечены даже правомъ протеста противъ постановленій, нарушающихъ интересъ общества или государства. Это право предоставлено имъ только по дѣламъ распорядительнымъ (распредѣленіе надзора надъ лѣсами, возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій за нарушенія правилъ о лѣсоохраненіи и т. п.), но не по дѣламъ, прямо касающимся сбереженія лѣсовъ и составляющимъ важнѣйшую часть занятій комитета.

Успѣшность или неуспѣшность примѣненія новаго закона будетъ зависѣть всего больше отъ степени дѣйствительности надзора, который будетъ установленъ *на мѣстѣ*, въ непосредственной близости къ охраняемымъ лѣсамъ. Этотъ надзоръ предполагается распредѣлить между чинами казеннаго лѣсного вѣдомства, полиціей и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями. Послѣднія, впрочемъ, могутъ быть привлекаемы къ надзору только по отношенію къ крестьянскимъ лѣснымъ надѣламъ или къ лѣсамъ, обремененнымъ крестьянскими сервитутами; что касается до чиновъ казеннаго лѣсного вѣдомства, то на нихъ должно быть возлагаемо преимущественно наблюденіе за лѣсами защитными. Бо́льшая часть охраняемыхъ лѣсовъ останется, такимъ образомъ, подъ надзоромъ одной полиціи, крайне недостаточнымъ уже вслѣдствіе массы дѣлъ, лежащихъ на обязанности полицейскихъ чиновниковъ. Увеличить составъ лѣсного вѣдомства настолько, чтобы оно одно было въ силахъ справиться съ задачей лѣсоохраненія, безъ сомнѣнія, невозможно; это потребовало бы такихъ расходовъ, о которыхъ въ настоящее время нельзя и думать. Единственнымъ надежнымъ сотрудникомъ лѣсного управленія могли бы быть уѣздныя земскія учрежденія. Конечно, уѣздныя земскія управы не имѣютъ постоянныхъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ, и это въ значительной степени парализуетъ ихъ дѣятельность;

---

[1]) „Частныя лица, общества и установленія, — сказано въ ст. 43 правилъ 4-го апрѣля,—въ случаѣ *нарушенія ихъ правъ* постановленіями лѣсоохранительныхъ комитетовъ, могутъ приносить на такія постановленія жалобы министру государственныхъ имуществъ“. Эта редакція закона доказываетъ несомнѣнно, что рѣчь идетъ *только* о лѣсовладѣльцахъ, потому что только по отношенію къ нимъ мыслимо *правонарушеніе* со стороны комитета.

но все же онѣ стоятъ такъ близко къ мѣстной жизни, что имъ было бы сравнительно нетрудно слѣдить за точнымъ исполненіемъ правилъ о лѣсоохраненіи. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается съ особенною ясностью необходимость мѣстной административной реформы—только не такой, которая сосредоточила бы исполнительную власть въ рукахъ одного сословія, усложнила бы ее, безъ всякой надобности, судебными функціями, уничтожила бы ея земскій характеръ и оставила бы ее отдаленной отъ массы, а такой, которая придвинула бы ее къ населенію, возложила бы на нее попеченіе о всѣхъ мѣстныхъ нуждахъ и сдѣлала бы ее правой рукой и земства, и правительственной власти. Всесословная, самоуправляющаяся волость была бы той единицей, въ которой всего удобнѣе могъ бы осуществиться и ближайшій надзоръ за лѣсоохраненіемъ. На земскихъ начальниковъ нельзя было бы возложить его какъ потому, что ихъ будетъ слишкомъ мало, такъ и въ особенности потому, что они будутъ представителями сословія, заранѣе протестовавшаго противъ правилъ о сбереженіи лѣсовъ и наиболѣе заинтересованнаго въ ихъ *неисполненіи*.

Правила 4-го апрѣля возбуждаютъ одинъ общій вопросъ, для всесторонняго обсужденія котораго у насъ нѣтъ подъ рукой достаточныхъ данныхъ, но котораго мы должны коснуться хоть мимоходомъ. Цѣлесообразность закона о лѣсоохраненіи подвергалась сомнѣнію, между прочимъ, на томъ основаніи, что размѣры рубки лѣса обусловливаются, главнымъ образомъ, потребностью въ лѣсѣ, которая не можетъ быть ни искусственно увеличена, ни искусственно уменьшена. О лѣсоистребленіи, о хищническомъ лѣсномъ хозяйствѣ не можетъ, съ этой точки зрѣнія, быть и рѣчи; обезлѣсеніе подвигалось впередъ такъ быстро, такъ необузданно и неразсчетливо не потому, что лѣсовладѣльцы забывали о будущемъ изъ-за настоящаго и говорили самимъ себѣ: après nous le déluge, а потому, что былъ спросъ на лѣсные матеріалы, который необходимо было удовлетворить. Возростанію спроса, за послѣднюю четверть вѣка, способствовали въ особенности постройки желѣзныхъ дорогъ, развитіе пароходства, устройство новыхъ фабрикъ и заводовъ. Конечно, въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля правды; но представимъ себѣ, что свободѣ лѣсоистребленія не было бы положено никакихъ предѣловъ, что оно продолжалось бы, въ тѣхъ же или еще бо́льшихъ размѣрахъ, еще нѣсколько десятилѣтій. Наступила бы, наконецъ, такая минута, когда частнымъ лѣсовладѣльцамъ почти нечего было бы больше рубить и продавать—а потребность въ лѣсѣ осталась бы та же или еще бо́льшая. Очевидно, что нужно было бы обратиться къ суррогатамъ лѣсныхъ матеріаловъ или усилить, не выходя изъ нормы, вырубку казеннаго лѣса. Не

лучше ли сдѣлать и то, и другое теперь, не ожидая полнаго уничтоженія частныхъ лѣсовъ, со всѣми неизбѣжными послѣдствіями обезлѣсенія? Лѣтъ пятнадцать тому назадъ частныхъ лѣсовъ числилось около 36 милліоновъ десятинъ, казенныхъ—слишкомъ вдвое больше, около 77 милліоновъ. Уменьшеніе лѣсной площади на цѣлую треть было бы тѣмъ болѣе чувствительно, что казенные лѣса не распредѣлены равномѣрно по всей Россіи, а сосредоточены преимущественно въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ. Законъ 4-го апрѣля, при правильномъ его примѣненіи и постепенномъ распространеніи его круга дѣйствій, увеличитъ мало-по-малу, потребленіе другихъ горючихъ матеріаловъ, откроетъ новые пути сбыта для казеннаго лѣса, рубка котораго, пропорціонально къ его количеству, была до сихъ поръ весьма незначительна, отчасти, быть можетъ, именно вслѣдствіе трудности соперничества съ частнымъ лѣсомъ, массами поступавшимъ на рынки—и вмѣстѣ съ тѣмъ сбережетъ для будущаго ничѣмъ незамѣнимыя лѣсныя богатства. Пожалѣть можно только о томъ, что законъ запоздалъ на нѣсколько десятилѣтій.

Въ тѣсной связи съ правилами о лѣсосбереженіи состоитъ законъ 21-го марта о взысканіяхъ за похищеніе и самовольную порубку чужого лѣса. Ограждая лѣсъ отъ произвола самихъ лѣсовладѣльцевъ, законодатель счелъ справедливымъ усилить его охрану противъ посягательствъ постороннихъ лицъ. Это было бы совершенно логично, еслибы только увеличенію уголовной кары всегда соотвѣтствовало уменьшеніе преступности. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, такое соотвѣтствіе не существуетъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить исторію законодательства о лѣсныхъ порубкахъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, угрожалъ за лѣсную порубку, въ первый или второй разъ произведенную, только денежнымъ взысканіемъ, равнымъ двойной цѣнѣ срубленнаго лѣса; лишеніе свободы назначалось только за третью порубку. Въ 1882 г. этотъ законъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что уже за вторую порубку виновный *могъ* быть подвергнутъ, сверхъ денежнаго взысканія, аресту на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Теперь присужденіе къ аресту, за вторую порубку, становится *обязательнымъ*, присоединяясь къ денежному взысканію, которое, притомъ, изъемлется изъ дѣйствій правилъ о совокупности преступленій, т.-е. взыскивается полностью за всѣ порубки, хотя бы одно и то же лицо было осуждено за нихъ однимъ и тѣмъ же судебнымъ приговоромъ. Увеличено также и наказаніе за первую порубку; къ взысканію двойной стоимости порубленнаго прибавленъ еще денежный штрафъ, въ размѣрѣ до 50 рублей, такъ что за порубку дерева, стоющаго 1 рубль, вмѣсто прежнихъ *двухъ*, можетъ быть взыскано

теперь *пятьдесятъ-два* рубля. А вѣдь дѣла о лѣсныхъ порубкахъ предполагается отнести къ предметамъ вѣдомства земскихъ начальниковъ!.. Уже самая быстрота, съ которою одно повышеніе отвѣтственности слѣдуетъ за другимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что первое изъ нихъ не достигло цѣли. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", единственнымъ правильнымъ средствомъ борьбы противъ лѣсныхъ порубокъ представляется не усиленіе уголовной кары, а возможно большее устраненіе причинъ, вызывающихъ лѣсныя порубки. Главная изъ этихъ причинъ—недостатокъ лѣса въ крестьянскихъ надѣлахъ и трудность добыванія его крестьянами для самыхъ необходимыхъ надобностей. Около $^{9}/_{10}$ всѣхъ случаевъ преслѣдованія приходится на порубки малоцѣнныя, на сумму не свыше 10 рублей; самымъ обыкновеннымъ побужденіемъ къ порубкѣ служитъ, слѣдовательно, не корысть, а просто нужда. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе „Русскихъ Вѣдомостей" о необходимости льготной, гдѣ это только возможно, продажи крестьянамъ казеннаго лѣса, по пониженнымъ цѣнамъ и въ количествѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной потребности. Такая мѣра принесетъ гораздо больше пользы, чѣмъ періодически повторяемыя перемѣны въ уголовномъ законѣ, колеблющія его нравственный авторитетъ и весьма мало прибавляющія къ его реальной силѣ.

Болѣе года тому назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были внесены въ государственный совѣтъ проекты уставовъ реальныхъ и промышленныхъ училищъ, разобранные нами тогда же въ двухъ нумерахъ журнала (1887 г., №№ 4 и 5). Эти проекты не были утверждены; вопросы, первоначально соединенные въ одно цѣлое, были отдѣлены одинъ отъ другого и получили различное направленіе. Вопросъ о *преобразованіи* реальныхъ училищъ остается еще неразрѣшеннымъ, а вопросъ объ *учрежденіи* промышленныхъ училищъ разрѣшенъ, въ принципѣ, основными положеніями, Высочайше одобренными 7-го марта нынѣшняго года. Нельзя не порадоваться тому, что реальныя училища избѣжали угрожавшей имъ участи. Читатели припомнятъ, что эти училища должны были сохранить только пять классовъ, потерять право выпускать своихъ учениковъ въ высшія техническія учебныя заведенія и сдѣлаться не чѣмъ инымъ, какъ приготовительной ступенью для коммерческихъ или для среднихъ техническихъ училищъ. Удлинненіе курса ученья, открывающаго реалистамъ доступъ въ высшія техническія школы (вмѣсто семи лѣтъ— девять: пять лѣтъ въ реальномъ и четыре года въ среднемъ техническомъ училищѣ), должно было служить первымъ шагомъ къ про-

возглашенію высшаго техническаго образованія достояніемъ однихъ только гимназистовъ, получившихъ аттестатъ зрѣлости. Мысль о такой реформѣ не оставлена, повидимому, и теперь, но осуществленіе ея отложено на нѣкоторое время. Нормальный курсъ въ реальномъ училищѣ остается шестилѣтній; за окончившими этотъ курсъ удерживается, пока, право перейти въ дополнительный (седьмой) классъ, а оттуда поступить въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ училищъ. Послѣднее право признано, основными положеніями о промышленныхъ училищахъ, и за окончившими курсъ въ среднемъ техническомъ училищѣ и получившими званіе техника. Все это очень хорошо; насъ безпокоитъ только слухъ о томъ, что изъ новой редакціи устава о реальныхъ училищахъ предполагается исключить постановленія о дополнительномъ классѣ и осудить, такимъ образомъ, эту существенно-важную часть реальнаго училища на постепенное вымираніе. Другими словами, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предполагается лишить учениковъ реальныхъ училищъ возможности поступать, прямо оттуда, въ высшія техническія учебныя заведенія. Это было бы косвеннымъ возвращеніемъ къ проекту 1886 года, причемъ на сторонѣ послѣдняго оказалось бы преимущество послѣдовательности и откровенности. Если реальное училище не должно болѣе служить преддверіемъ къ высшему образованію, то къ чему оставлять въ немъ шесть классовъ? Прохожденіе пяти классовъ реальнаго училища даетъ, за силою основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, право на вступленіе въ среднюю техническую школу; къ чему же поведетъ еще одинъ годъ пребыванія въ училищѣ? многіе ли захотятъ перейти въ шестой классъ, почти ничего не прибавляющій къ пріобрѣтеннымъ уже правамъ и слишкомъ мало увеличивающій, самъ по себѣ, сумму общаго и спеціальнаго образованія? Разбирая проектъ 1886 года, мы подробно объяснили соображенія, по которымъ семилѣтній курсъ въ реальномъ училищѣ кажется намъ вполнѣ достаточнымъ для подготовки къ высшему техническому образованію; не повторяя сказаннаго нами тогда, напомнимъ только, что общій нормальный планъ промышленнаго образованія въ Россіи, составленный въ 1885 г. и послужившій исходной точкой для всѣхъ послѣдующихъ проектовъ министерства народнаго просвѣщенія, считалъ возможнымъ сократить курсъ ученья въ реальныхъ училищахъ на одинъ годъ (до шести лѣтъ) и все-таки сохранить за окончившими этотъ курсъ право вступать въ высшія техническія школы.

Въ учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ, сводимыхъ къ шестиклассному составу и отдѣляемыхъ непреодолимой стѣной отъ высшихъ техническихъ школъ, проектируются, какъ мы слышали, слѣдующія

главныя перемѣны. Математикѣ отводится больше мѣста въ младшихъ классахъ (до четвертаго), меньше—въ старшихъ. Химія и механика вовсе исключаются изъ числа учебныхъ предметовъ; естественная исторія передвигается изъ пятаго и шестого классовъ въ третій, четвертый и пятый; преподаваніе физики начинается годомъ раньше, съ четвертаго класса; рисованіе и черченіе теряютъ въ двухъ старшихъ классахъ по одному уроку. Часы, освобождающіеся, такимъ образомъ, въ старшихъ классахъ, отводятся на усиленіе преподаванія закона Божія, иностранныхъ языковъ, исторіи и географіи. Цѣлесообразнымъ изъ всѣхъ этихъ нововведеній кажется намъ только усиленіе преподаванія исторіи и уменьшеніе числа часовъ, занимаемыхъ, въ старшихъ классахъ, рисованіемъ и черченьемъ. Повтореніе въ шестомъ классѣ географіи, законченной въ четвертомъ, едва ли принесетъ какую-нибудь пользу; болѣе ранній, чѣмъ прежде, приступъ къ преподаванію естественной исторіи и физики неизбѣжно повлечетъ за собою пониженіе уровня преподаванія. Въ настоящее время преподаваніе въ старшихъ классахъ реальныхъ училищъ имѣетъ ясно выраженный, опредѣленный характеръ. Преобладающую роль играютъ науки физико-математическія и естественныя, которымъ, въ двухъ классахъ (пятомъ и шестомъ), отведено 32 урока въ недѣлю. По новому учебному плану за ними сохранилось бы только 18 уроковъ, и не осталось бы никакого центра, около котораго группировалось бы обученіе.

Обращаясь къ промышленнымъ училищамъ, мы находимъ, что основанія положенія, опредѣляющія ихъ устройство, совпадаютъ, въ главныхъ чертахъ, съ министерскимъ проектомъ 1886 года. Промышленныя училища раздѣляются на три категоріи: среднія техническія школы, приготовляющія *техниковъ*, т. е. помощниковъ для высшихъ заправителей промышленнаго дѣла; низшія техническія школы, приготовляющія *мастеровъ*, т. е. непосредственныхъ руководителей труда рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, — и ремесленныя школы, приготовляющія искусныхъ, знающихъ *рабочихъ*. Для вступленія въ ремесленную школу требуется окончаніе курса въ начальномъ училищѣ, для вступленія въ низшую техническую школу—окончаніе курса въ городскомъ, уѣздномъ или двухклассномъ сельскомъ училищѣ, для вступленія въ среднюю техническую школу—окончаніе курса въ первыхъ пяти классахъ реальнаго училища или другого, равнаго ему, среднеобразовательнаго учебнаго заведенія. Нѣтъ ли здѣсь ошибки или неточности въ терминологіи? Не слѣдовало ли бы сказать вмѣсто: *окончаніе курса—знаніе предметовъ курса?* Трудно предположить, чтобы новый законъ имѣлъ въ виду закрыть доступъ къ промышленному образованію для мальчиковъ или юношей, обу-

чавшихся дома; вѣдь разрѣшаетъ же онъ принимать въ промышленныя школы молодыхъ людей, работавшихъ не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленномъ заведеніи, если они окажутся, при испытаніи, способными успѣшно слѣдовать за курсомъ училища, въ которое желаютъ поступить. Продолжительность курса въ средней технической школѣ не должна превышать четырехъ, въ школахъ низшей технической и ремесленной—трехъ лѣтъ. Промышленныя училища могутъ быть соединяемы какъ одно съ другимъ (напр. среднее техническое училище съ низшимъ), такъ и съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія, съ тѣмъ чтобы общая продолжительность курса не превышала нормальной продолжительности курса обоихъ училищъ. Такъ напримѣръ, въ среднемъ техническомъ училищѣ, соединенномъ съ общеобразовательной школой (соотвѣтствующей по курсу первымъ пяти классамъ реальнаго училища), общая продолжительность курса не должна превышать девяти лѣтъ. При соединеніи промышленнаго училища съ общеобразовательнымъ преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ можетъ быть завершаемо въ классахъ, назначенныхъ для прохожденія спеціальныхъ предметовъ, и наоборотъ, обученіе нѣкоторымъ прикладнымъ предметамъ и практическимъ работамъ можетъ начинаться до окончанія общеобразовательнаго курса. Всѣ эти постановленія кажутся намъ вполнѣ цѣлесообразными, за исключеніемъ развѣ слишкомъ абсолютнаго опредѣленія максимальнаго срока продолжительности курса. Мы понимаемъ его по отношенію къ училищамъ правительственнымъ, но не видимъ причины, почему земства, общества, сословія и частныя лица, открывающія промышленныя училища на собственный счетъ, не могли бы выйти за предѣлы четырехъ- или трехъ-лѣтняго срока. Большимъ достоинствомъ новаго закона слѣдуетъ признать, зато, возможность сокращенія сроковъ ученья. Мы имѣли уже случай объяснить, что въ ремесленномъ училищѣ, соединенномъ съ общеобразовательной школой (соотвѣтствующей старшему классу двухъ-класснаго сельскаго училища), общіе и спеціальные предметы могутъ быть пройдены въ три года. При такой непродолжительности курса, онъ становится гораздо болѣе доступнымъ для дѣтей изъ среды крестьянскаго сословія; уменьшается также рискъ разобщенія ихъ съ средой, потери привычекъ необходимыхъ для крестьянина. Получивъ, въ три года, и знанія, входящія въ програму двухъ-классного сельскаго училища, и навыкъ къ ремеслу, крестьянскій мальчикъ легко можетъ возвратиться въ свою прежнюю обстановку и сдѣлаться полезнымъ учителемъ деревни, одинаково нуждающейся и въ развитыхъ, сравнительно, людяхъ, и въ опытныхъ ремесленникахъ. Для будущаго мастера девятилѣтній срокъ ученья (шесть лѣтъ въ городскомъ училищѣ и три года

въ низшей технической школѣ) также слишкомъ продолжителенъ; сокращеніе его года на два, путемъ соединенія обоихъ училищъ, представляется очевидно весьма желательнымъ. Что касается до средней технической школы, то при соединеніи ея съ общеобразовательной сокращеніе общей продолжительности курса и здѣсь было бы вполнѣ возможно; необходимо только оговорить въ будущемъ уставѣ промышленныхъ училищъ, что окончаніе ученья въ такой средней технической школѣ не служитъ препятствіемъ къ немедленному вступленію въ высшее техническое учебное заведеніе. Доступъ въ высшія техническія школы не закрытъ, впрочемъ, и для такихъ лицъ, которыя окончили ученье въ средней технической школѣ съ трехъ- или двухъ-лѣтнимъ курсомъ. Послѣ непрерывной двухъ- или трехъ-лѣтней промышленной дѣятельности, они получаютъ отъ школы, въ которой учились, званіе техника, а вмѣстѣ съ нимъ и право на высшее техническое образованіе.

Кромѣ правилъ о сбереженіи лѣсовъ и основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, въ послѣднее время обнародованы еще два закона, имѣющіе менѣе общее, но все же весьма важное значеніе.

Первый изъ нихъ—это Высочайше утвержденное 21-го марта мнѣніе государственнаго совѣта о поземельномъ устройствѣ такъ-называемыхъ вольныхъ людей второго разряда (т.-е. числившихся вольными до 20-го ноября 1857 г.), поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ главныхъ чертахъ, этотъ законъ совпадаетъ съ положеніемъ 3-го іюня 1882 г.; существенная разница между ними заключается въ томъ, что положеніе 1882 г. касалось только сѣверо-западнаго края (губерній виленской, ковенской и гродненской), а законъ 21-го марта распространяется и на юго-западныя губерніи (кіевскую, волынскую и подольскую). Вольнымъ людямъ, во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ, предоставляется право заявлять, до 1-го января 1891 г., о выкупѣ занимаемыхъ ими участковъ, и самый выкупъ производится при содѣйствіи казны, въ размѣрѣ 85% оцѣночной суммы. Дѣло поземельнаго устройства крестьянъ подвигается, такимъ образомъ, еще на одинъ шагъ впередъ, въ направленіи, указанномъ положеніями 19-го февраля.

Другимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 11-го апрѣля, всѣ губерніи царства польскаго включены въ кругъ дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. Банковыя ссуды могутъ быть выдаваемы здѣсь лицамъ русскаго, польскаго и литовскаго происхожденія, имѣющимъ право пріобрѣтать земли, подходящія подъ дѣйствіе

Высочайшаго указа 19-го февраля 1864 г. (объ устройствѣ быта крестьянъ въ царствѣ польскомъ). Устранены отъ покупки, такимъ образомъ, только лица еврейскаго и нѣмецкаго происхожденія,—послѣднія, безъ сомнѣнія, по причинамъ политическаго свойства, первыя, по всей вѣроятности, вслѣдствіе непринадлежности ихъ ни къ крестьянскому сословію, ни въ земледѣльческому классу. Уравненіе русскихъ, поляковъ и литвиновъ составляетъ, въ нашихъ глазахъ, крупное достоинство закона, а не недостатокъ, какимъ считаютъ его нѣкоторыя газеты, ожидавшія особыхъ привилегій для крестьянскаго населенія „холмской Руси". Не находя ничего подобнаго въ текстѣ закона, эти газеты утѣшаются тѣмъ, что выдача ссудъ обусловливается удостовѣреніемъ мѣстнаго коммиссара по крестьянскимъ дѣламъ о неимѣніи препятствій къ выдачѣ ссуды. Предполагается, слѣдовательно, что недопущенная въ дверь „національная политика" войдетъ въ окно, и что коммиссары будутъ налагать свое veto на покупки, слишкомъ выгодныя для польскаго населенія. Такое толкованіе закона кажется намъ не только вреднымъ, но и совершенно неправильнымъ. Подъ именемъ препятствій, отсутствіе которыхъ удостовѣряется коммиссаромъ, слѣдуетъ понимать, по нашему мнѣнію, *только* обстоятельства, прямо предусмотрѣнныя въ законѣ, напр. обремененіе покупаемой земли сервитутами или принадлежность ея продавцу на основаніи указа 19-го февраля 1864 г. Въ спискахъ семействъ, покупающихъ землю при содѣйствіи банка, спискахъ, выдаваемыхъ гминными войтами и провѣряемыхъ коммиссарами, должно быть показано, между прочимъ, количество принадлежащей этимъ семействамъ земли; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы коммиссаръ имѣлъ право признать то или другое семейство достаточно обезпеченнымъ землею и отказать, по этому поводу, въ выдачѣ удостовѣренія. Выводить какія-либо заключенія изъ свѣденій, содержащихся въ спискѣ—дѣло самого крестьянскаго банка, а не коммиссара. Крестьянскій банкъ можетъ отклонить выдачу ссуды, въ виду многоземелья покупателей, но коммиссару это право ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ и принадлежать не должно.

Вполнѣ цѣлесообразнымъ кажется намъ то постановленіе закона 11-го апрѣля, въ силу котораго земля, купленная при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, можетъ быть отчуждаема, до погашенія долга, только съ согласія банка, и пріобрѣтаема (помимо случаевъ понудительной продажи) только лицами, имѣющими право на покупку съ помощью банка. Если владѣльцемъ земли сдѣлается, по наслѣдству или путемъ даренія, лицо, не имѣющее только-что упомянутаго права, то она должна быть продана лицу, обладающему этимъ правомъ, въ теченіе года со дня открытія наслѣдства или

полученія дара. Находящіеся на землѣ дома и надворныя строенія не должны быть отчуждаемы отдѣльно отъ земли. Всѣ эти правила слѣдовало бы включить въ текстъ положенія о крестьянскомъ банкѣ, т.-е. сдѣлать ихъ повсемѣстно обязательными для всѣхъ, воспользовавшихся помощью банка. Еще важнѣе было бы распространеніе на всю Россію тѣхъ льготныхъ правилъ относительно размѣра ссудъ, которыя установлены для царства польскаго. Кромѣ 75% оцѣночной суммы, выдаваемыхъ въ ссуду изъ средствъ крестьянскаго банка, покупатель имѣетъ право получить еще до 15% изъ передаваемой въ распоряженіе банка части капитала на общеполезныя надобности царства польскаго. Этотъ дополнительный источникъ, значительно сокращающій доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей, составляетъ уже теперь два милліона рублей, и на увеличеніе его будетъ обращаться часть прибылей банка. До какой степени обременительны доплаты, до какой степени важно ихъ уменьшеніе — объ этомъ мы говорили уже много разъ, при разборѣ отчетовъ крестьянскаго банка; новыя доказательства этому можно найти въ напечатанномъ недавно отчетѣ члена совѣта банка, Ѳ. Ѳ. Воропонова, о командировкѣ его, лѣтомъ 1887 г., въ кіевскую губернію. Доплаты достигаютъ здѣсь особенно большихъ размѣровъ, потому что нигдѣ не высока до такой степени цѣнность земли, покупаемой съ помощью банка. Можно было думать, по крайней мѣрѣ, что онѣ повлекутъ за собою большую устойчивость владѣнія. На самомъ дѣлѣ оказалось совершенно иное: гдѣ больше доплаты, тамъ больше и передвиженій владѣнія, больше также и распрей между покупателями, больше неравномѣрности въ распредѣленіи между ними купленной земли. Крупныя доплаты были внесены покупателями сравнительно достаточными, и все-таки дѣло не обошлось безъ продажи необходимаго имущества или безъ займовъ, на условіяхъ иногда весьма обременительныхъ (отъ 3 до 4% въ мѣсяцъ). Итакъ, указанія опыта говорятъ рѣшительно противъ доплатъ, и если законодательная власть нашла возможнымъ принять мѣры къ ограниченію ихъ въ царствѣ польскомъ, то справедливость требовала бы изысканія къ тому рессурсовъ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о крестьянскомъ банкѣ.



ЗАМѢТКА.

Наши финансовые недуги.

— *И. И. Кауфманъ*. Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб., 1888.

Издавна у насъ практикуется двоякій пріемъ при оцѣнкѣ нашихъ финансовыхъ и прочихъ недуговъ: или отрицается самый фактъ, дающій поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ, или отвѣтственность за существующее зло приписывается иностранной интригѣ. Съ одной стороны дѣлались настойчивыя попытки доказать, что печальное состояніе нашего государственнаго кредита есть пустая выдумка доктринеровъ, что упадокъ цѣнности русскаго рубля даже выгоденъ для большинства населенія, и что наша система бумажныхъ денегъ нуждается только въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи для полнаго процвѣтанія промышленности и торговли. Публицисты, считавшіеся весьма серьезными, предлагали устранить нашу зависимость отъ заграничныхъ биржъ и увеличить общее богатство страны посредствомъ неограниченнаго печатанія бумажекъ, т.-е. посредствомъ созданія капиталовъ изъ ничего. Въ то же время постоянное паденіе нашего курса и безспорная слабость нашего внѣшняго кредита объяснялись враждебными вліяніями Берлина, нападками оффиціозной нѣмецкой печати, спекуляціями нѣмецкихъ аферистовъ и даже недружелюбіемъ самого князя Бисмарка: всѣ оказывались виноватыми, кромѣ насъ самихъ. Признавались, правда, кое-какіе промахи и недостатки нашей финансовой политики; но это были ошибки того или другого бывшаго министра, чисто личныя и случайныя заблужденія, которыя всегда могутъ быть исправлены при помощи личныхъ же перемѣнъ. Такъ смотрятъ у насъ многіе до сихъ поръ на первостепенные вопросы народнаго и государственнаго хозяйства. Наружные симптомы болѣзни принимаются за ея причины; упроченіе зла рекомендуется какъ лекарство. Почему никакія иностранныя интриги не колеблютъ кредита Франціи,—хотя, напримѣръ, Германія и Англія очень желали бы подорвать довѣріе къ французамъ? Почему финансы нынѣшней Италіи или даже небольшой Бельгіи не зависятъ отъ заграничныхъ биржъ, а кредитомъ Россіи могутъ успѣшно распоряжаться въ Берлинѣ? Почему, наконецъ, мы не находимъ противовѣса берлинскимъ вліяніямъ даже въ сочувственномъ намъ Парижѣ, столь богатомъ свободными капиталами? Достаточно

только поставить себѣ эти вопросы, чтобы убѣдиться въ произвольности обычныхъ толкованій объ умышленномъ подрывѣ нашего кредита нѣмцами. Ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Амстердамѣ намъ также не предлагаютъ денегъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Очевидно, что наше дѣйствительное финансовое положеніе вездѣ оцѣнивается одинаково, независимо отъ международной политики. Въ денежныхъ вопросахъ господствуетъ космополитизмъ, и, напримѣръ, англійскіе капиталисты, вступающіе въ сдѣлки даже съ прямыми врагами Англіи, не усомнились бы пристроить у себя русскій заемъ, еслибы могли разсчитывать на вѣрную прибыль, безъ всякаго риска. Въ системѣ нашихъ финансовъ долженъ существовать какой-нибудь основной порокъ, для устраненія котораго нужны серьезныя общія мѣры. Голое отрицаніе не поможетъ въ этомъ случаѣ, какъ не помогутъ и безплодныя жалобы на иностранцевъ.

Среди существующей въ нашемъ обществѣ путаницы понятій по финансовымъ вопросамъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе такія солидныя и научныя и въ то же время практическія работы, какъ изслѣдованія г. Кауфмана, вышедшія недавно отдѣльной книгой. Авторъ составилъ себѣ почетное имя въ ученой литературѣ цѣлымъ рядомъ весьма значительныхъ и цѣнныхъ трудовъ о кредитѣ и о банкахъ, и едва ли найдется у насъ писатель, который могъ бы считаться болѣе компетентнымъ въ этой спеціальной области политической экономіи. По справедливому замѣчанію автора, „строго-научное изслѣдованіе предмета, выясненіемъ послѣдствій того или иного къ нему отношенія, въ состояніи оказать посильное содѣйствіе не только устраненію угрожающей опасности, но и укрѣпленію довѣрія страны къ ея собственнымъ силамъ“,—хотя это содѣйствіе науки далеко не всегда приводитъ къ практическимъ результатамъ. Запутанное состояніе нашего денежнаго обращенія какъ нельзя лучше освѣщается книгою г. Кауфмана. Авторъ не можетъ быть причисленъ къ пессимистамъ,—скорѣе, напротивъ; но изъ его обстоятельныхъ, по возможности объективныхъ разсужденій сами собою вытекаютъ выводы, имѣющіе мало общаго съ нашимъ доктринерскимъ оптимизмомъ.

Книга г. Кауфмана распадается на три отдѣла: въ первомъ—рѣчь идетъ объ „условіяхъ появленія звонкой монеты въ Россіи въ настоящее время“; во второмъ—разобраны проекты возстановленія валюты, въ томъ числѣ проекты Н. Х. Бунге и самого автора книги; въ третьемъ—говорится подробно объ „экстраординарныхъ финансахъ и бумажныхъ деньгахъ“. Объясняя причины упадка нашего курса, авторъ не упускаетъ изъ виду и причинъ политическихъ, которыя онъ, однако, понимаетъ лишь въ смыслѣ международномъ. „Основою цѣны золота въ означенныхъ (бумажно-денежныхъ) странахъ,—гово-

ритъ онъ, между прочимъ, — служатъ не только экономическія обстоятельства, но и политическія. Политическія обстоятельства въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ своимъ вліяніемъ на биржевую оцѣнку того положенія, въ которомъ находится государственный кредитъ... Эту оцѣнку производятъ биржа и пресса, не всегда основательныя въ своихъ сужденіяхъ, не всегда справедливыя въ своихъ дѣйствіяхъ, очень часто страстныя, одностороннія, зарывающіяся и забывающіяся. Удивительно ли, что ихъ оцѣнка не имѣетъ никакого необходимаго отношенія къ состоянію „международнаго баланса"?.. Ухудшеніе курса произошло прежде всего отъ все болѣе и болѣе неблагопріятной для насъ торгово-политической оцѣнки нашего государственнаго кредита" (стр. 11—12, 17 и др.). Далѣе, авторъ точно и ясно излагаетъ сущность нашего хроническаго денежнаго кризиса. Золото не появляется у насъ и неудержимо уплываетъ за-границу вслѣдствіе значительной разницы между цѣнностью кредитнаго рубля по отношенію къ звонкой монетѣ и цѣнностью того же рубля относительно всякаго рода товаровъ на внутреннемъ рынкѣ. „Внутри страны нѣтъ надобности въ процвѣтаніи государственнаго кредита для того, чтобы бумажный рубль сохранялъ свою покупную силу безъ ущерба или съ незамѣтнымъ, неощущаемымъ ущербомъ, во всякомъ случаѣ не съ тѣмъ ущербомъ, который соотвѣтствуетъ лажу на звонкую монету... Противъ золота кредитный рубль потерялъ уже почти половину своей покупной силы; но никому не придетъ въ голову утверждать, что столько же кредитный рубль потерялъ повсемѣстно въ Россіи сравнительно съ прочимъ всякимъ имуществомъ, потому что на все и на вся цѣны въ кредитныхъ рубляхъ не только не удвоились, но въ очень многихъ случаяхъ совсѣмъ не измѣнились, а во многихъ случаяхъ даже понизились. При наличности такого факта золото не можетъ къ намъ возвратиться, потому что его покупная сила была бы меньше, чѣмъ покупная сила кредитныхъ рублей". Авторъ допускаетъ, въ видѣ простого предположенія, что внутри страны кредитный рубль потерялъ уже четверть своей покупной силы, или что „на сто рублей кредитныхъ покупаютъ столько товаровъ, сколько при покупкѣ золотомъ можно добыть лишь уплатою 75 рублей". Поэтому, „еслибъ кто-либо пожелалъ размѣнять сто кредитныхъ рублей на 50 золотыхъ и явился на наши товарные рынки съ этими золотыми рублями, то онъ получилъ бы за свои сто кредитныхъ рублей на 25 рублей меньше товаровъ, чѣмъ еслибы онъ своей операціи размѣна не произвелъ". Такимъ образомъ, „пока обезцѣненіе кредитныхъ рублей противъ золота и противъ товаровъ не уравнялось вполнѣ и окончательно, пока во внутреннемъ обращеніи стоимость кредитнаго

рубля еще не, подверглась окончательно и безповоротно той же убыли, которой она подверглась для внѣшнихъ платежей, пока она для внутреннихъ платежей, какою бы то ни было помощью, въ состояніи себя отстаивать, до тѣхъ поръ кредитные билеты еще располагають тою силою, которою они вытѣсняютъ золото изъ обращенія, которою они его заставляютъ оставаться за границею и уходить туда или прятаться въ кубышки". Эта сила заключается въ „страхѣ, который инстинктивно всякая бумажно-денежная страна чувствуетъ передъ той грозой, передъ тѣмъ кризисомъ, которые должны разразиться надъ страною для того, чтобы рядомъ и совмѣстно съ обезцѣненными бумажными деньгами въ обращеніи могла появиться звонкая монета". Трудно даже представить себѣ,—продолжаетъ авторъ,—чтó было бы съ экономическою жизнью нашею, еслибы покупная сила бумажнаго рубля противъ товаровъ колебалась совершенно параллельно колебаніямъ лажа на золото. Она вся состояла бы изъ однихъ лишь ошеломляющихъ неожиданностей, слѣпыхъ случайностей, тяжелыхъ безостановочныхъ ударовъ, не дающихъ опомниться, не допускающихъ никакого соображенія. Противъ своей воли каждый былъ бы втянутъ въ безконечную азартную игру и разорительнѣйшую лотерею, съ тиражами не два, а двадцать или двѣсти разъ въ годъ, распредѣляющими вмѣсто большихъ выигрышей большія имущественныя катастрофы. Этого никакая жизнь вынести не въ состояніи. И поэтому всякая бумажно-денежная страна до послѣдней крайности, до послѣдняго изнеможенія отстаиваетъ цѣнность обращающихся въ ней бумажныхъ денегъ, инстинктивно охраняя и поддерживая ее незамѣчаемою, но громадною затратою производительныхъ силъ, и этимъ не давая ей окончательно упасть противъ товаровъ такъ низко, какъ они упали противъ золота, не допуская ее до тѣхъ азартныхъ колебаній, которыя свойственны лажу на монету". Но такая задача можетъ оказаться не по силамъ странѣ, какъ было у насъ во время и послѣ войны 1812 года: „звонкая монета торжествуетъ, покоряетъ себѣ поле и можетъ явиться рядомъ съ обезцѣненными бумажными деньгами; но тогда она предписываетъ свои условія, какъ безпощадный завоеватель". Авторъ подкрѣпляетъ свои объясненія фактическими примѣрами и особенно исторіею русскихъ ассигнацій. Принудительный курсъ бумажныхъ денегъ по нарицательной цѣнѣ имѣетъ, по его словамъ, значеніе главнымъ образомъ какъ охрана финансоваго рессурса, заключающагося въ бумажно-денежныхъ выпускахъ. „Никакого иного сколько-нибудь серьезнаго значенія онъ не имѣетъ. Но какъ только правительство отмѣняетъ принудительный курсъ по нарицательной цѣнѣ и предоставляетъ звонкой монетѣ явиться въ обращеніе съ лажемъ, рядомъ съ обез-

цѣненными бумажками, о выпускахъ уже не можетъ быть рѣчи, какъ о финансовомъ рессурсѣ: какъ только правительство пожелаетъ сдѣлать выпускъ, рессурсъ немедленно и быстро начнетъ изсякать, потому что бумажки очень быстро потеряютъ всякую цѣну". Причина тому очень простая: „бумажныя деньги своей собственной внутренней стоимости не имѣютъ, потому что производство сторублевой бумажки и рублевой одинаково стоитъ не болѣе одной копѣйки".

Г-нъ Кауфманъ полагаетъ, что у насъ еще вполнѣ возможно было бы достигнуть возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ посредствомъ энергическихъ и послѣдовательно проведенныхъ мѣръ. До сихъ поръ, однако, у насъ не замѣчалось склонности къ подобнымъ мѣрамъ; авторъ отмѣчаетъ даже обратное явленіе, котораго нельзя объяснить одною нашею апатіею и пассивностью. Такъ, въ первую половину 1870-хъ годовъ, „среди глубокаго мира и при значительномъ улучшеніи финансовъ государства, производились новые выпуски кредитныхъ билетовъ съ прямымъ намѣреніемъ воспрепятствовать курсу слишкомъ сильно поправиться, якобы во избѣжаніе неумѣренныхъ его колебаній: фактъ невѣроятный и тѣмъ не менѣе нѣсколько лѣтъ продолжавшійся. Зато если не всегда были успѣшны старанія удержать курсъ отъ очень сильнаго паденія, то болѣе успѣшными оказались противоположныя старанія: курсъ дошелъ до 88% нормальнаго его уровня, обнаруживая полнѣйшую способность, поднимаясь далѣе, дойти, быть можетъ, до нормальнаго уровня, но на пути онъ встрѣтилъ усиливаемый посредствомъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ размѣнный фондъ, и въ этомъ фондѣ до-нынѣ мирно покоятся останки безвременно задержанныхъ успѣховъ нашего курса" (стр. 83, примѣч.). Авторъ не указываетъ, можетъ ли быть обезпечено—и какими способами—избѣжаніе такого неудачнаго образа дѣйствій въ будущемъ, и потому всѣ предположенія его о прочномъ улучшеніи нашихъ финансовъ кажутся намъ пока лишенными необходимаго фундамента. Финансовая политика можетъ мѣняться весьма существенно каждыя нѣсколько лѣтъ; ошибки прошлаго могутъ безпрепятственно повториться вновь, пока основы финансоваго управленія остаются тѣ же. Авторъ рѣшительно возстаетъ только противъ „девальваціи", т.-е. оффиціальнаго пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ до уровня даннаго биржевого курса ихъ въ золотой монетѣ. „Девальвацію,—какъ картинно поясняетъ г. Кауфманъ,—можно уподобить постановкѣ въ беззубый ротъ новыхъ челюстей съ фальшивыми зубами. Это, конечно, всегда операція простая, а для беззубыхъ ртовъ она легка, не связана съ болью и не лишена удобствъ. Но что̀ сказали бы о человѣкѣ, который вздумалъ бы рвать себѣ здоровые зубы,

чтобы украситься фальшивыми? А въ такомъ именно отношеніи мы нынѣ находимся къ девальваціи. Наше денежное обращеніе изъ кредитныхъ билетовъ, слава Богу, еще не превратилось въ беззубый ротъ. Въ немъ, правда, нѣкоторыя части по временамъ шатаются и причиняютъ сильнѣйшую боль; но въ цѣломъ, какъ механизмъ, кредитные билеты, слава Богу, еще дѣйствуютъ, какъ исправные зубы. Эти зубы необходимо предварительно вырвать, подвергнуться еще болѣе мучительной операціи, чѣмъ нынѣ ощущаемая, подвергнуть риску всѣ силы государственнаго и народнаго хозяйства,—и для чего? для того только, чтобы въ нашемъ денежномъ обращеніи воцарился тотъ самый хаосъ, изъ котораго Канкринъ искалъ выхода" (стр. 73—4). „Наша бумажно-денежная система,—говорится далѣе,—несмотря на тридцатилѣтнюю неразмѣнность, не переставала служить странѣ, какъ не совсѣмъ исправные зубы служатъ человѣку, страдающему отъ времени до времени зубною болью, и очень сильною, но не какъ беззубыя челюсти. Никакого дѣйствительнаго, серьезнаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ странѣ переживать не приходилось. Никакого повально вздорожающаго, неблагопріятнаго, ощутительнаго вліянія на цѣны бумажныя деньги не оказывали; напротивъ, онѣ не мѣшали успѣхамъ отечественной промышленности обнаруживаться именно въ удешевленіи ея произведеній" (стр. 89). Сравнивъ кредитные билеты съ здоровыми, но шаткими зубами, авторъ прибѣгаетъ затѣмъ еще къ другому, болѣе сильному сравненію. „Когда у человѣка падаютъ волосы съ головы, то это еще не поводъ, чтобы онъ самъ добровольно отрѣзалъ себѣ голову. А нѣчто подобное именно и представляетъ мысль о девальваціи въ примѣненіи къ кредитнымъ билетамъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи" (стр. 92). Но почтенный авторъ вѣроятно согласится съ нами, что все же нельзя называть здоровыми тѣ поддѣльные бумажные „зубы", которые существуютъ у насъ взамѣнъ настоящихъ, металлическихъ, и что для каждаго государства въ высшей степени желательно обойтись безъ кредитной „головы", съ которой „падаютъ волосы". Богатѣйшія страны Европы не имѣютъ совсѣмъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, и никто не жалѣетъ о томъ, что послѣднимъ „добровольно отрѣзали голову"! [1])

Оставляя въ сторонѣ эти нѣсколько рискованныя сравненія, мы не можемъ не обратить вниманіе на оптимизмъ, которымъ въ то же время проникнута вся положительная часть книги г. Кауфмана. „Наши финансы, по мнѣнію автора, не процвѣтаютъ,—но они очень далеки отъ скудости и оскудѣнія. Они вполнѣ дозволяли правительству сильно рас-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ самъ же авторъ объясняетъ, что наши бумажныя деньги — „дурныя деньги" (стр. 216); слѣдовательно едва ли можно утверждать, что онѣ, „слава Богу, дѣйствуютъ исправно".

ширять государственные расходы, въ томъ числѣ и расходы на лажъ, для исполненія лежащихъ на государствѣ обязательствъ, съ такою строгою аккуратностью, съ такимъ вниманіемъ и такою предупредительностью къ кредиторамъ по государственнымъ долгамъ, которые стоятъ совершенно одинокимъ примѣромъ. Такъ напримѣръ, въ австрійскомъ бюджетѣ различались всегда государственные долги не только по тому, уплачиваются ли по нимъ проценты бумажными деньгами или „звонкою монетою", но и по тому, какою именно монетою производится уплата—серебряною или золотою. У насъ, напротивъ, щепетильность не допустила даже вопроса о томъ, нѣтъ ли у насъ такихъ долговъ, по которымъ уплата купоновъ можетъ быть производима серебромъ, а не золотомъ. Правительство не желало допустить даже и отдаленнаго повода къ имѣющимъ хотя бы лишь спорное основаніе намекамъ на его расположеніе въ чемъ бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ „обижать" кредиторовъ по нашимъ государственнымъ долгамъ. И это вполнѣ естественно, потому что это было не трудно сдѣлать правительству" (стр. 93—4). Если это такъ, если наша всегдашняя аккуратность доходитъ до щепетильности, которую можно бы считать даже излишнею, и если намъ не трудно платить свои долги, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить упадокъ нашего кредита? Мы имѣемъ предъ собою загадку, которую авторъ, къ сожалѣнію, оставилъ безъ разрѣшенія. Дѣло именно въ томъ, что въ дѣлахъ финансовыхъ общее довѣріе вызывается и поддерживается не одною добросовѣстностью въ исполненіи обязательствъ, но также и организаціею и способомъ веденія хозяйства, публичностью или неизвѣстностью предпріятій, степенью доступности ихъ своевременному контролю и общественной оцѣнкѣ. Эта существенная сторона вопроса не затронута г. Кауфманомъ, что̀ составляетъ, по нашему мнѣнію, важный пробѣлъ въ его книгѣ. Оттого и разсужденія его объ относительномъ благополучіи нашихъ финансовъ грѣшатъ нѣкоторою односторонностью. „Платежи по государственнымъ долгамъ, конечно, велики,—говоритъ онъ,—но они велики во всякомъ современномъ бюджетѣ. Они не велики только въ бюджетѣ германской имперіи, но и то лишь потому, что ей—безъ году недѣля, а по истеченіи полустолѣтія существованія и у нея, конечно, будутъ большіе расходы по государственнымъ долгамъ. Въ наше время исправность по государственнымъ долгамъ совершенно совпадаетъ съ исправностью государства въ дѣлѣ поддержанія занимаемаго имъ политическаго положенія: одна безъ другой невозможна, въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Государственный кредитъ сталъ нормальнымъ финансовымъ рессурсомъ, безъ котораго невозможны большіе чрезвычайные расходы, а безъ нихъ невозможно поддержаніе занимаемаго страною

положенія среди другихъ государствъ. И наоборотъ: страна, съ достоинствомъ поддерживающая занимаемое ею положеніе среди другихъ государствъ, всего лучше этимъ охраняетъ и свою кредитоспособность. Теряютъ ее только народы, находящіеся въ политическомъ упадкѣ. До тѣхъ поръ, пока прочности государства ничто не угрожаетъ, не можетъ и его бюджету угрожать оскудѣніе; а до тѣхъ поръ и почва подъ государственнымъ кредитомъ остается прочная". Трудно безусловно согласиться съ такимъ взглядомъ автора: для прочности государства и для охраны его достоинства болѣе важно имѣть милліонную армію, но для прочности кредита нужно нѣчто другое— раціональное финансовое управленіе, цѣлесообразность и послѣдовательность въ политикѣ, свобода публичной оцѣнки и контроля.

Весьма любопытны указанія автора относительно особенностей нашей монетной системы. По закону „государственною россійскою монетной единицею" признается лишь серебряный рубль, содержащій опредѣленное количество чистаго серебра; а такъ какъ серебро упало въ цѣнѣ сравнительно съ золотомъ, то на послѣднее возникъ естественный лажъ въ 33%, и серебряный рубль стоитъ теперь около 75 копѣекъ золотомъ. „Такимъ образомъ, изъ двухъ нашихъ металлическихъ рублей одинъ стоитъ сто копѣекъ серебромъ, а другой— нынѣ 133$^{1}/_{3}$ коп. серебромъ, но въ зависимости отъ цѣны серебра можетъ быть дороже и дешевле". Размѣнный металлическій фондъ государственнаго банка считается у насъ на золото, и потому въ немъ предполагается гораздо меньшее количество рублей, чѣмъ слѣдовало бы по законному счету на серебро. А именно, „210.346.812 руб. золотомъ, съ лажемъ въ 33$^{1}/_{3}$% составляютъ около 280.500.000 руб. серебромъ звонкою серебряною монетою, или больше чѣмъ обыкновенно у насъ принято считать, на сумму свыше 70 милліоновъ рублей серебромъ. А вѣдь совсѣмъ не безразлично,—прибавляетъ авторъ,— больше ли, или меньше размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ на 70 милліоновъ рублей: сумма эта очень не маленькая, для безпроцентнаго государственнаго дѣла по кредитнымъ билетамъ весьма существенная". Это капитальное недоразумѣніе поддерживается и въ отчетахъ государственнаго банка. „Вслѣдствіе того, — замѣчаетъ авторъ,—что въ настоящее время размѣнный фондъ исчисляется въ золотыхъ рубляхъ, выходитъ, что и безпроцентный долгъ опредѣляется въ золотыхъ же рубляхъ, а это совершенно несогласно съ прямымъ смысломъ закона. Весь первый отдѣлъ баланса государственнаго банка — о размѣнномъ фондѣ и кредитныхъ билетахъ— оказывается вслѣдствіе того съ пассивомъ въ серебряныхъ рубляхъ при активѣ въ золотыхъ рубляхъ, что едва ли согласно съ основаніями правильнаго счетоводства" (стр. 117). Поэтому, еслибы курсъ

рубля дошелъ до 75 коп. золотомъ, то наши кредитные билеты „были бы равноцѣнны той монетѣ, представителями которой они служатъ", и вопросъ о дальнѣйшемъ поправленіи курса былъ бы уже вопросомъ не о цѣнности бумажныхъ денегъ, но о томъ, оставаться ли намъ при монетной системѣ, построенной на серебрѣ, или перейти къ золоту?" (стр. 101). Авторъ какъ-то неопредѣленно относится къ этому важному вопросу и не останавливается надъ нимъ вовсе, ограничиваясь лишь констатированіемъ существующей у насъ путаницы. „По общему закону у насъ допускаются какъ будто одни лишь договоры на металлическую и притомъ только серебряную валюту, а между тѣмъ чеканится же для чего-нибудь русская золотая монета; въ дѣйствительности же внутри страны договоры ни на какую металлическую валюту не заключаются" (стр. 123—4). Относительно золотой монеты г. Кауфманъ не идетъ далѣе мимоходнаго замѣчанія, что „самая чеканка ея и связанные съ нею расходы едва ли имѣютъ какое-либо оправданіе, если законъ совершенно отвергаетъ всякую возможность, чтобы наша золотая монета могла приносить какую-либо пользу внутри страны". Предлагаемое авторомъ допущеніе золотой монеты для извѣстнаго разряда сдѣлокъ не устраняетъ очевидно указанной имъ ненормальности въ чеканкѣ золота по устарѣлому и давно не существующему курсу серебра. Имѣетъ ли смыслъ приготовленіе такой монеты, которая номинально должна означать пять серебряныхъ рублей, а дѣйствительно содержитъ въ себѣ золота на 6 р. 80 копѣекъ серебромъ? Прежде всего необходимо измѣнить законы, опредѣляющіе количество металла въ монетѣ, и точнѣе опредѣлить законную роль золота и серебра въ нашемъ денежномъ обращеніи, а затѣмъ можно уже будетъ говорить о свободѣ сдѣлокъ на металлическую валюту. Почему въ самомъ дѣлѣ не держаться легальнаго счета на серебро, и что́ заставляетъ насъ заботиться о курсѣ кредитнаго рубля по отношенію къ золоту, когда единственная монетная единица у насъ—серебряная? Отчего не воспользоваться дешевизною серебра для подготовленія размѣна кредитныхъ билетовъ на серебряные рубли? Авторъ косвенно рекомендуетъ эту мѣру, указывая на „мудрое" рѣшеніе задачи англійскимъ правительствомъ въ Остъ-Индіи; но въ дальнѣйшемъ изложеніи уже не упоминается обо всѣхъ этихъ вопросахъ, и о нихъ нѣтъ рѣчи въ собственномъ проектѣ автора относительно возстановленія цѣнности кредитныхъ билетовъ.

При разборѣ проектовъ реформы нашего денежнаго обращенія авторъ обнаруживаетъ большую силу критическаго анализа, много знаній и остроумія; особенно строго отнесся онъ къ предположеніямъ, высказаннымъ въ 1878 году профессоромъ Н. Х. Бунге. Но проектъ

самого автора едва ли можетъ быть признанъ удачнымъ; онъ составляетъ, какъ намъ кажется, самую слабую часть книги. Г-нъ Кауфманъ предлагаетъ прибѣгнуть къ ряду внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ на колоссальную сумму—916 милліоновъ, для изъятія излишнихъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія въ размѣрѣ 640 милліоновъ, для консолидаціи нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ долговъ и для снабженія государственнаго банка коммерческимъ фондомъ въ 170 милліоновъ. И эти грандіозныя операціи авторъ возлагаетъ на тотъ же правительственный банкъ, при тѣхъ же отношеніяхъ его къ министерству финансовъ, при такомъ же характерѣ государственнаго контроля, какъ нынѣ! Если до сихъ поръ нельзя было достигнуть дѣйствительнаго уничтоженія кредитныхъ билетовъ, предназначенныхъ къ изъятію, и если эти билеты часто выпускались обратно для удовлетворенія нуждъ государственнаго казначейства, то чѣмъ думаетъ гарантировать авторъ употребленіе новыхъ колоссальныхъ суммъ на тѣ именно цѣли, для которыхъ онѣ назначены? Можно ли быть увѣреннымъ, что не явится надобность въ этихъ суммахъ для болѣе близкихъ государственныхъ потребностей, чѣмъ предполагаемое въ будущемъ возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ? Казенному банку, зависящему всецѣло отъ министерства финансовъ, авторъ поручаетъ ту роль, которую играютъ независимые центральные банки Франціи и Англіи; онъ поручаетъ нашему государственному банку самостоятельныя коммерческія функціи, съ правомъ выпуска старыхъ билетовъ подъ „солидные“ торговые векселя. Мы не говоримъ уже о неправдоподобности успѣха займовъ въ томъ видѣ, какъ ихъ предлагаетъ авторъ. „Операціи,—по словамъ г. Кауфмана,—могли бы быть поведены, напр., слѣдующимъ образомъ: правительство въ *четыре* пріема заключало бы *ежегодно по два займа* (!), на сто милліоновъ каждый, одинъ внутренній и одинъ внѣшній, а въ *пятый* годъ—только одинъ внутренній, на 116 милл. рублей (т.-е. всего девять займовъ въ теченіе пяти лѣтъ, — не считая, конечно, обычныхъ займовъ, которые могутъ понадобиться для покрытія дефицитовъ и для пополненія средствъ государственнаго казначейства). Это выходитъ уже какъ-то слишкомъ просто и мало-вѣроятно. Самые результаты операціи опредѣляются авторомъ лишь предположительно и условно, такъ что новые громадные долги могли бы не привести къ желанной цѣли, по сознанію самого г. Кауфмана. Онъ разсчитываетъ, что, благодаря цѣлесообразному употребленію добытыхъ суммъ, „вексельный курсъ *могъ бы* постепенно подняться“. „Еслибы это даже и не было достигнуто по истощеніи средствъ отъ первыхъ четырехъ внѣшнихъ займовъ,—говорится далѣе — то вмѣсто послѣдняго внутренняго (въ 116 милл.) слѣдовало бы заключить еще одинъ

внѣшній, съ тѣмъ, чтобы суммы, имъ доставленныя, были всѣ израсходованы для продажи векселей на биржѣ и для изъятія кредитныхъ билетовъ, полученныхъ отъ этой продажи. *Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе* въ томъ, что предоставленіе странѣ значительной помощи реальнымъ капиталомъ въ 211 милл. рублей (который на дѣлѣ, замѣтимъ мы, помогъ бы только оживленію биржевой спекуляціи), при вышеуказанномъ сокращеніи кредитной циркуляціи на 47%, совершенно достаточно, чтобы *не только временно* поднять вексельный курсъ до пáри *съ серебромъ,* но и прочно удержать его на такомъ уровнѣ. Поднятый вексельный курсъ имѣлъ бы подъ собою незыблемую (?) почву умѣреннаго кредитнаго обращенія (до слѣдующихъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ), сильнаго размѣннаго фонда, солиднаго (?) коммерческаго портфеля и ничтожной цифры безпроцентнаго долга. Очевидно, что при такихъ условіяхъ (которыхъ можетъ и не быть?) правительство въ состояніи *было бы безъ опасенія* открыть размѣнъ" (на серебро или золото?) (стр. 246—7). Изъ подчеркнутыхъ нами выраженій можно заключить, что самъ авторъ не вполнѣ увѣренъ въ осуществимости и реальной пользѣ своего плана, ради котораго онъ совѣтовалъ государству войти въ неоплатные долги.

Впрочемъ, послѣдняя заключительная глава книги убѣждаетъ насъ, что г. Кауфманъ готовъ замѣнить свой грандіозный, фантастическій проектъ 1870-хъ годовъ новымъ, болѣе скромнымъ, но построеннымъ также на нѣкоторыхъ иллюзіяхъ. Оказывается, что не нужно вовсе уничтожать излишніе кредитные билеты, что въ сущности даже нѣтъ и не бываетъ „лишнихъ денегъ", такъ какъ онѣ всегда пригодятся, хотя бы въ видѣ запаса для будущаго, и что, наконецъ, упадокъ нашего курса зависитъ не отъ какихъ-либо серьезныхъ финансовыхъ недуговъ, а отъ случайныхъ, постороннихъ причинъ, которыя легко могутъ быть устранены правительствомъ. Вся бѣда въ томъ, что кредитные билеты „вышли изъ-подъ власти правительства и разсѣялись между милліонами рукъ невольныхъ кредиторовъ казны", которые боятся новыхъ выпусковъ и колеблютъ цѣнность бумажекъ. Поэтому, — неожиданно заключаетъ авторъ,— „существуетъ одинъ способъ поддержать кредитные билеты: увеличить власть правительства надъ ними, поколебать и обезсилить страхъ за ихъ цѣнность". Стóитъ только правительству „сосредоточить въ своихъ рукахъ и въ своей власти, посредствомъ государственныхъ займовъ внутреннихъ, 300—500 милліоновъ, конечно не сразу, а въ нѣсколько лѣтъ, — и тогда его положеніе и положеніе кредитныхъ билетовъ измѣнится самымъ кореннымъ образомъ". Правительство держало бы добытыя деньги „въ своемъ государственномъ банкѣ,

строго и свято соблюдая лишь одно коренное условіе: ни подъ какимъ видомъ и ни подъ какимъ предлогомъ, ни для какихъ цѣлей, какъ бы онѣ ни оправдывались, добытыми суммами не пользоваться для собственныхъ текущихъ нуждъ". Едва ли авторъ вѣритъ въ убѣдительную силу своихъ увѣщаній: соблазнъ всегда великъ, и въ этихъ случаяхъ лучше всего не создавать повода къ искушенію. Дѣлать внутренніе займы для того, чтобы откладывать деньги въ государственный банкъ и „свято" воздерживаться отъ какого бы то ни было пользованія ими—было бы довольно странно; но еще болѣе странно дѣлать эти государственные займы для раздачи „коммерческой публикѣ" подъ учетъ векселей или въ ссуду на короткіе сроки, какъ совѣтуетъ авторъ. Что краткосрочность этихъ ссудъ измѣнитъ характеръ русской торговли, сдѣлаетъ ее болѣе подвижною и быстрой, — объ этомъ можно было упомянуть только въ видѣ смѣлой гипотезы, для увеличенія перспективы ожидаемыхъ благъ отъ предположенныхъ операцій. Еще удивительнѣе дѣйствовало бы сосредоточеніе какихъ-нибудь 500 милліоновъ руб. въ рукахъ правительства—на общее состояніе нашего кредита. „Прежде всего, очевидно, эти милліоны сомкнули бы уста всѣмъ любителямъ разсужденій на тему объ упадкѣ русскихъ финансовъ". Какіе это любители, почему имъ надо „сомкнуть уста", и какое отношеніе имѣли бы полученные взаймы милліоны къ состоянію нашего финансоваго хозяйства—неизвѣстно. По мнѣнію автора, правительство, обладая, напр., полумилліардомъ кредитныхъ рублей, могло бы регулировать денежное обращеніе, пускать въ коммерческій оборотъ черезъ государственный банкъ сколько нужно билетовъ, по мѣрѣ спроса, и сохранять остальное для будущихъ надобностей, для предупрежденія дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Тогда „окончились бы пререканія о достаточности, недостаточности или излишествѣ кредитныхъ билетовъ", ибо количество послѣднихъ, пускаемое въ обращеніе, опредѣлялось бы только реальными потребностями торговли и промышленности. Употребленіе этихъ бумажныхъ капиталовъ для государственныхъ надобностей, какъ мы видѣли выше, воспрещается г. Кауфманомъ, но санкція такого запрещенія остается тайной автора. Мало-по-малу кредитные билеты превращаются у него въ настоящія, реальныя цѣнности, которыя могутъ быть излишни въ томъ же смыслѣ, какъ излишняя пшеница, излишній сахаръ или „излишнія квартиры", вслѣдствіе чрезмѣрнаго производства товаровъ, сооруженія излишняго числа домовъ и т. п. (стр. 374). Лишнія бумажки будутъ лежать спокойно въ государственномъ банкѣ, причемъ „получается возможность приноровить ихъ къ спеціальному ихъ назначенію — служить государству, только ему (?) и только тогда, когда они государству

необходимы“ (стр. 376). Еслибы, однако, оказалось, что изъ добытыхъ 500 милліоновъ всѣ могутъ быть государственнымъ банкомъ розданы въ кредитъ въ солидныя руки и сами въ состояніи оплачивать расходы, вызванные займами по нимъ, то правительство могло бы повторить ту же операцію второй разъ, и лишь вторые 500 милліоновъ, предупреждающіе будущіе новые выпуски и устраняющіе ихъ необходимость, составятъ бремя для государственной росписи (стр. 379).

Извлечь изъ обращенія кредитные билеты, чтобы заняться банкирскимъ дѣломъ и обратно выпустить ихъ сполна, затѣмъ снова извлечь ихъ путемъ займа и держать ихъ въ запасѣ для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ—это что-то совершенно непостижимое, и мы ни на минуту не останавливались бы надъ подобными „планами“, еслибы они не связывались, къ нашему крайнему удивленію, съ именемъ такого почтеннаго ученаго спеціалиста, какъ г. Кауфманъ. Мысль о серьезной реформѣ денежнаго обращенія брошена авторомъ въ концѣ книги, такъ какъ—говоритъ онъ—„въ настоящее время всякіе помыслы о рѣшеніи этой задачи должны быть отложены въ сторону“ (стр. 383); а полумилліардные и даже милліардные займы рекомендуются намъ подъ предлогомъ „огражденія цѣнности кредитныхъ билетовъ отъ упадка“, хотя эти займы, предпринимаемые безъ достаточныхъ мотивовъ и безъ опредѣленной цѣли, противорѣчили бы самымъ элементарнымъ началамъ государственнаго хозяйства. Разсужденія автора въ заключительной главѣ, какъ и во всемъ вообще отдѣлѣ о чрезвычайныхъ финансахъ, мало согласуются, по нашему мнѣнію, съ весьма дѣльнымъ и поучительнымъ содержаніемъ остальныхъ частей книги г. Кауфмана.—Л. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1888.

Императоръ Фридрихъ III. — Полемика газетъ изъ-за его болѣзни. — Политическое значеніе его царствованія.—Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности. — Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи и во Франціи.

Двухъ императоровъ потеряла Германія въ теченіе одного года, и теперь она имѣетъ третьяго, молодого, полнаго силъ и энергіи. Такія быстрыя перемѣны, слѣдующія одна за другою, внесли что-то новое, непривычное, въ мирную жизнь настоящаго нѣмецкаго поколѣнія, выросшаго при долгомъ правленіи Вильгельма I. Перемѣнчивость, отъ которой казалась избавленною германская имперія при могущественной династіи Гогенцоллерновъ, отозвалась и во внутренней политикѣ, и во внѣшнихъ дѣлахъ. Вопросы о будущемъ стали впервые волновать германское общественное мнѣніе; разочарованія и надежды, опасенія и сомнѣнія завладѣвали поочередно нѣмецкою печатью, придавая ей какой-то безпокойный, нервный характеръ. Волненіе далеко еще не улеглось съ воцареніемъ Вильгельма II, хотя переходное время кризисовъ, повидимому, уже прошло.

Трехмѣсячное царствованіе Фридриха III (отъ 9-го или, вѣрнѣе, 11-го марта до 15-го іюня нов. ст.) носило на себѣ отпечатокъ глубокой грусти. Блестящій принцъ, одаренный лучшими качествами правителя, вступилъ на престолъ молчаливо, съ смертельнымъ недугомъ въ организмѣ,—безъ способности даже говорить, но съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца. Съ замѣчательнымъ героизмомъ переносилъ свои страданія больной императоръ; онъ ни на минуту не забывалъ о дѣлахъ государства, стараясь дать имъ по возможности то человѣчное, благотворное направленіе, которое такъ прекрасно выразилось въ его первыхъ вступительныхъ манифестахъ. Мучительная болѣзнь не мѣшала ему работать по мѣрѣ силъ, принимать доклады министровъ и генераловъ, совѣщаться съ княземъ Бисмаркомъ и настойчиво проводить свои гуманные взгляды, несмотря на глухую оппозицію военно-консервативной партіи. Положеніе Фридриха III было весьма тяжелое и въ нравственномъ отношеніи, съ самаго момента вступленія его на престолъ. Послѣ смерти императора Вильгельма, вліятельныя сферы Берлина ожидали отъ кронпринца, что онъ останется въ Санъ-Ремо и поручитъ управленіе наслѣднику, съ званіемъ регента; тогда переходъ власти совершился

бы сразу, безъ того критическаго промежутка, какимъ представлялось неизбѣжно-кратковременное и эфемерное царствованіе опасно больного государя. Учрежденіе регентства было въ высшей степени желательно для всѣхъ сторонниковъ политики князя Бисмарка, такъ какъ извѣстны были давнишнія разногласія между кронпринцемъ и канцлеромъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ принципіальныхъ вопросахъ. Назначеніе регентства было бы обязательно на основаніи конституціи, еслибы оффиціально было признано, что болѣзнь императора неизлечима, и что она не позволяетъ ему фактически управлять государствомъ. Этого признанія не допустили англійскіе врачи, поддерживаемые принцессою Викторіею, нынѣ вдовствующею императрицею, и благодаря ихъ упорному оптимизму, проистекавшему больше изъ политическихъ, чѣмъ изъ медицинскихъ мотивовъ, Фридрихъ III могъ осуществить свои наслѣдственныя монархическія права. Рѣзкая и отчасти грубая полемика консервативныхъ газетъ противъ англійскихъ врачей и противъ „женской политики", публичныя утвержденія раздраженныхъ нѣмецкихъ ученыхъ о существованіи рака у больного, жалобы „патріотовъ" на оскорбленіе германской науки и постоянные газетные намеки на англійскія связи и симпатіи императрицы,—все это должно было отравлять послѣдніе мѣсяцы надломленной жизни императора. Нѣмецкіе знаменитые хирурги и мнимо-патріотическія газеты не пожелали принять во вниманіе, что ни одному паціенту не сообщаютъ о безнадежномъ или злокачественномъ характерѣ его болѣзни, и что скрывать печальную истину въ подобныхъ случаяхъ есть долгъ простого человѣколюбія. Почему наслѣдникъ великой имперіи не имѣетъ права на то утѣшеніе, которое выпадаетъ на долю всякаго обыкновеннаго смертнаго? Почему надо было лишать его послѣдняго луча надежды, когда и безъ того развязка не заставляла себя долго ждать? Сэръ Морель Мэкензи остался вѣренъ обязанностямъ врача, смягчая по возможности выводы своего діагноза и избѣгая страшнаго слова „ракъ", произнесеннаго прямо профессоромъ Бергманомъ; онъ предпочелъ высказываться уклончиво и возбуждать спасительныя сомнѣнія, опираясь на такіе же уклончивые результаты микроскопическихъ анализовъ Вирхова. Эта тактика предписывалась не только чувствомъ деликатности относительно больного и ближайшихъ къ нему лицъ, но и важными политическими интересами, связанными съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на природу недуга. Удивительно ли, что безусловное довѣріе и признательность были наградою врачу, внушавшему надежду и бодрость окружающимъ? Профессоръ Билльротъ изъ Вѣны, въ обнародованномъ нынѣ письмѣ въ „Neue Freie Presse", заявляетъ, что онъ „никогда не понималъ, ради чего германскіе ученые добивались оглашенія факта,

который хорошо былъ извѣстенъ вѣроятно и самому Мэкензи". Желаніе продлить иллюзію и надѣяться до конца было вполнѣ естественно со стороны императрицы. Такая солидная газета, какъ „National-Zeitung", не можетъ до сихъ поръ примириться съ признаніемъ авторитета „иностранца", который будто бы „наглымъ образомъ помогалъ обманывать нѣмецкій народъ" насчетъ истиннаго характера болѣзни. Безсердечная грубость не можетъ идти далѣе; она не разъ проявлялась въ нѣмецкой печати и при жизни Фридриха III. Что имѣли противъ него патріоты, зачѣмъ отравляли они своимъ бездушіемъ тяжелое личное горе самой близкой и преданной больному особы, самоотверженіе которой невольно вызывало всеобщія симпатіи? Еслибы дѣйствительно истина скрывалась для того, чтобы доставить страдальцу великое и послѣднее утѣшеніе въ жизни—возможность сдѣлать что-нибудь для страны и для потомства, въ качествѣ фактическаго императора, то что было бы въ этомъ дурного и достойнаго порицанія? Чѣмъ объяснить эту безпощадность консерваторовъ къ благороднѣйшему, несчастному принцу, пожелавшему озарить преждевременный конецъ своего существованія заманчивымъ царственнымъ ореоломъ? Выходки патріотической прессы дѣйствовали тѣмъ больнѣе, что онѣ задѣвали въ сущности самого Фридриха III, а не только его окружающихъ,—ибо всѣмъ было извѣстно, что рѣшеніе отклонить опасную операцію, предложенную еще въ прошломъ году нѣмецкими хирургами, было принято самимъ кронпринцемъ послѣ долгаго размышленія. Предъ нимъ поставлена была дилемма—или подвергнуться риску немедленной смерти подъ ножемъ оператора, или прожить еще годъ или два, въ ожиданіи естественнаго исхода; въ первомъ случаѣ оставался весьма небольшой шансъ прочнаго выздоровленія, во второмъ—жизнь обезпечена была по крайней мѣрѣ на короткій срокъ, достаточный для вступленія на престолъ. Можно ли было винить кронпринца за то, что онъ предпочелъ послѣднее? Несмотря на ядовитую травлю реакціонеровъ, для которыхъ монархическія чувства служатъ лишь прикрытіемъ честолюбія и корысти, Фридрихъ III могъ умереть спокойно, съ сознаніемъ, что его мимолетное царствованіе не пройдетъ безслѣдно для народа и государства.

Незадолго до своей кончины императоръ добился отставки главнаго представителя реакціи въ министерствѣ князя Бисмарка—вице-президента совѣта министровъ, близкаго родственника канцлера, министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Путкаммера. Это былъ единственный и весьма существенный практическій результатъ политики, возвѣщенной въ манифестахъ. Ударъ былъ особенно чувствителенъ для канцлера потому, что нанесенъ былъ неожиданно для послѣдняго,

вопреки его энергическому заступничеству и настоятельнымъ совѣтамъ. Для значительнѣйшей либеральной части нѣмецкаго общества эта закулисная борьба съ княземъ Бисмаркомъ была тѣмъ важнѣе, что она велась во имя нарушенныхъ правъ населенія, во имя свободы выборовъ, стѣсняемой угрозами и давленіемъ администраціи. Въ началѣ мая послушное правительству большинство прусской палаты депутатовъ утвердило законъ о замѣнѣ трехлѣтняго срока парламентскихъ полномочій—пятилѣтнимъ. Чѣмъ рѣже обновляется составъ палаты, тѣмъ меньше вліяетъ на нее общественное настроеніе, и тѣмъ легче для правительства обезпечить себѣ успѣхъ на выборахъ. Трудно и рискованно пускать въ ходъ весь сложный аппаратъ административнаго воздѣйствія черезъ каждые три года: оружіе можетъ притупиться и ослабить свою силу. Гораздо удобнѣе дѣлать это въ болѣе продолжительные сроки, разъ въ пятилѣтіе. Императоръ соглашался подписать законъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы гражданамъ обезпечена была полная свобода выборовъ. Министерство находило неудобнымъ это условіе, которое пришлось бы огласить въ особомъ указѣ, одновременно съ опубликованіемъ закона,—и законъ не былъ обнародованъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Министръ фонъ-Путкаммеръ представилъ подробную записку, въ которой оправдывалъ администрацію отъ упрековъ въ незаконномъ вліяніи на выборы; онъ ссылался на то, что правильность выборовъ всегда подтверждалась парламентомъ, который только въ очень немногихъ случаяхъ находилъ признаки злоупотребленій. Министръ старался замять дѣйствительную сущность вопроса: дѣло шло не о прямыхъ нарушеніяхъ закона, но о нравственномъ давленіи, о попыткахъ дѣйствовать на избирателей посредствомъ косвенныхъ угрозъ, при помощи фальшивой военной тревоги и неблаговидныхъ пріемовъ оффиціозной журналистики. Консервативныя и министерскія газеты выражали увѣренность, что оставленіемъ закона безъ королевской подписи закончится все это разногласіе; нужно было выиграть время до новаго царствованія, и фонъ-Путкаммеръ думалъ удержаться на мѣстѣ до перехода власти къ „восходящему свѣтилу", о благосклонности котораго онъ усиленно хлопоталъ заранѣе. Но министръ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Законъ о пятилѣтнемъ парламентскомъ срокѣ былъ обнародованъ оффиціально 7-го іюня, безъ всякихъ комментаріевъ. Министерская печать торжествовала побѣду; для нея было очевидно, что императоръ уступилъ въ послѣднюю минуту и отказался отъ своей идеи о свободѣ выборовъ. Эта уступка связывалась съ продолжительною аудіенціею, которую имѣлъ у него, за два дня до того, князь Бисмаркъ. Торжество продолжалось, однако, не болѣе одного дня. Вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно, что фонъ-

Путкаммеръ получилъ такой отвѣтъ на свой меморандумъ, что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ немедленно подать въ отставку. Отставка была немедленно же принята и съ 9-го іюня служила уже предметомъ оживленныхъ газетныхъ толковъ. „Сѣверо-германская Всеобщая Газета“ подтвердила, что эта важная мѣра состоялась безъ вѣдома главы министерства, германскаго канцлера, въ противность будто бы принципу солидарной отвѣтственности министровъ. По мнѣнію газеты, это обстоятельство должно было считаться непріятнымъ симптомомъ для правильнаго развитія и примѣненія конституціи. Выходило какъ будто, что императоръ, защищающій свободу выборовъ отъ произвола администраціи, нарушаетъ этимъ самымъ конституціонныя права, — какъ будто министерство въ Пруссіи есть независимое учрежденіе, поставленное рядомъ съ верховною властью и облеченное какими-то самостоятельными полномочіями, въ силу конституціи. И это говорили консерваторы, которые въ теченіе многихъ лѣтъ доказывали, что прусскіе министры суть только вѣрные слуги государя и прямые исполнители его воли, что они не обязаны подчиняться парламенту и отвѣчать предъ нимъ за свои дѣйствія! Усердно прикрываясь авторитетомъ короля и императора, пока онъ дѣйствуетъ въ духѣ ихъ интересовъ („wenn er unseren Willen thut“), они первые готовы подрывать этотъ авторитетъ и противодѣйствовать ему, когда затрогиваются ихъ спеціальныя выгоды и привилегіи. „Сѣверо-германская Газета“ явно намекала прогрессистамъ, что корона пользуется еще слишкомъ широкими правами, и что отказъ въ утвержденіи закона, принятаго обѣими палатами, долженъ былъ бы вызвать оппозицію со стороны передовыхъ либераловъ. Подобные софизмы свидѣтельствовали лишь о лицемѣріи мнимыхъ бойцовъ монархизма и еще болѣе укрѣпляли общее сочувствіе къ благородной личности Фридриха III. Вся либеральная журналистика Германіи горячо привѣтствовала предсмертныя усилія императора внести живую правду въ дѣйствія правительственной власти и положить конецъ изворотамъ, направленнымъ къ замѣнѣ настоящаго народнаго представительства искусственнымъ его подобіемъ. Умирающій императоръ отстаивалъ ясную и простую мысль, которая должна была найти отголосокъ въ каждомъ здравомыслящемъ нѣмецкомъ патріотѣ; онъ желалъ, чтобы парламентскіе выборы дѣйствительно выражали собою свободное мнѣніе большинства народа, чтобы они дѣйствительно давали просторъ народнымъ желаніямъ, и чтобы всякія попытки затемнить и поддѣлать истинную волю нѣмецкой націи были разъ навсегда устранены изъ прусской правительственной практики. Верховная власть стоитъ настолько крѣпко въ Германіи, что ей нечего бояться свободнаго выраженія

народныхъ чувствъ и требованій; эта боязнь можетъ имѣть силу только для министровъ, опасающихся за прочность своего личнаго положенія и заинтересованныхъ въ возможномъ стѣсненіи общественнаго и парламентскаго контроля. Упреки, обращенные къ фонъ-Путкаммеру, заключали въ себѣ осужденіе системы, усвоенной за послѣдніе годы княземъ Бисмаркомъ; а отставка министра, бывшаго правой рукою канцлера, указывала на рѣшимость императора не отступить даже передъ общимъ министерскимъ и канцлерскимъ кризисомъ. „Кельнская Газета" и другіе оффиціозные органы сообщали, что вопросъ объ удаленіи всего министерства, съ канцлеромъ во главѣ, не поднимается только въ виду крайне болѣзненнаго состоянія монарха, и что кризисъ является неминуемымъ, когда наступитъ улучшеніе, которое, впрочемъ, считалось уже мало-вѣроятнымъ. Черезъ два дня Фридриха III не стало. Исчезли поводы къ разногласіямъ, и положеніе князя Бисмарка сдѣлалось тверже и сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Великій политическій урокъ вытекаетъ изъ скромнаго, страдальческаго царствованія Фридриха III. Ничего крупнаго и реальнаго не успѣлъ совершить императоръ; онъ едва намѣтилъ слабѣющею рукою свою политическую программу и не могъ уже приступить къ исполненію отдѣльныхъ ея пунктовъ. А между тѣмъ онъ пріобрѣлъ искреннее расположеніе и любовь не только всего нѣмецкаго народа, но и со стороны чужихъ, сосѣднихъ и отдаленныхъ націй; имя его повторялось съ соболѣзнованіемъ и симпатіей даже во Франціи, которой онъ, какъ полководецъ, нанесъ столь тяжкіе удары подъ Вёртомъ, Седаномъ и Парижемъ, въ эпоху 1870 года. Французы видѣли въ немъ не врага и побѣдителя, а человѣка въ высшемъ смыслѣ этого слова; и это неуловимое, но всѣмъ понятное чувство человѣчности неотразимо привлекало къ нему сердца людей, безъ различія національностей, партій и направленій. Австро-Венгрія была обязана ему своимъ пораженіемъ при Кёниггрецѣ въ 1866 году, и однако для австрійцевъ онъ былъ тѣмъ же популярнымъ принцемъ, какъ и для нѣмцевъ. Личныя его качества, его широкіе политическіе взгляды, чуждые того мелкаго, нетерпимаго націонализма, который такъ назойливо проявляется въ спеціально патріотической печати, наконецъ, его научные и артистическіе вкусы—значительно содѣйствовали, по общему признанію, нравственному примиренію южно-германскихъ народностей съ внѣшнимъ владычествомъ Пруссіи. Извѣстно, что въ войнѣ 1870 тогдашній кронпринцъ командовалъ войсками южно-нѣмецкихъ государствъ.. Имѣть славу искуснаго и энергическаго полководца, твердо защищать интересы страны и въ то же время внушать къ себѣ любовь и безусловное довѣріе среди друзей и враговъ

—это выпадаетъ на долю весьма немногихъ историческихъ личностей. Въ прокламаціи его къ населенію Эльзаса и Лотарингіи выражено было достаточно ясно, что онъ не думаетъ дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу мѣстнаго франкофильства; онъ же подписалъ стѣснительныя правила о паспортахъ для проѣзжающихъ черезъ присоединенныя провинціи, и тѣмъ не менѣе французскіе патріоты вполнѣ полагались на его миролюбіе и справедливость, называли его „императоромъ-философомъ" и рѣзко отдѣляли его отъ покойнаго Вильгельма I и отъ князя Бисмарка. Изъ этого видно, какъ мало въ сущности нужно для завоеванія прочнаго сочувствія народныхъ массъ и какъ легко найти дорогу къ общему успокоенію и удовлетворенію, занимая высокій постъ правителя. Фридрихъ III былъ „человѣкомъ" на тронѣ; онъ дѣйствовалъ и страдалъ по-человѣчески, и „ничто человѣческое не было ему чуждо". Онъ писалъ свои манифесты и выражалъ свою волю простымъ человѣческимъ языкомъ, не надѣвая на себя таинственной государственной полумаски; онъ хотѣлъ только достигнуть того, чтобы его царствованіе было когда-нибудь вспомянуто добрымъ словомъ, „какъ полезное для страны и благотворное для народа". Справедливый и прямодушный по природѣ, онъ разорвалъ бы, какъ паутину, ту сѣть лжи и лицемѣрія, которою оффиціозные патріоты опутали нѣмецкое общественное мнѣніе. Онъ не могъ бы допустить, чтобы правительство въ одно и то же время признавало конституцію и не давало ей осуществиться въ жизни, чтобы оно затѣвало ненужные пограничные споры съ французами и въ то же время выставляло Францію какъ нарушительницу мира, или чтобы оно грозило кому-нибудь войною въ оффиціозной прессѣ и въ то же время обвиняло сосѣдей въ воинственности. Одно ожиданіе болѣе справедливаго образа дѣйствій смягчило уже натянутость международнаго положенія и обезоружило даже такихъ непримиримыхъ противниковъ Пруссіи, какъ дѣятели французской лиги патріотовъ, предводимые Дерулэдомъ; что же было бы, еслибы это ожиданіе успѣло перейти въ дѣйствительность и еслибы воззрѣніямъ Фридриха III дано было превратиться въ руководящіе принципы германской политики? То, чего не удалось добиться князю Бисмарку многими годами вооруженій и угрозъ, могло бы исполниться само собою, безъ всякихъ жертвъ и усилій. Такова чарующая сила разумной человѣчности и правдивости. Изъ этого видно, какое громадное, даже чисто-практическое превосходство имѣетъ политика гуманнаго просвѣщеннаго идеализма надъ грубо-реальною, никогда не достигающею своихъ цѣлей, безпокойною и раздражающею системою вражды и репрессалій.

Три мѣсяца, отдѣляющіе вступленіе на престолъ Вильгельма II отъ кончины его дѣда, перваго императора новой Германіи, не мо-

гутъ быть вычеркнуты изъ нѣмецкой исторіи. Свѣтлыя впечатлѣнія, оставленныя Фридрихомъ III, должны оказывать невольное дѣйствіе на политику его старшаго сына и преемника. Нынѣшній король прусскій и императоръ германскій, тридцатилѣтній Вильгельмъ II, принадлежитъ уже къ новому поколѣнію, не участвовавшему въ борьбѣ за національное единство и выросшему уже въ эпоху блестящаго могущества имперіи. Величіе объединенной Германіи составляетъ для него наслѣдственное достояніе, перешедшее отъ дѣда и отца; онъ свободенъ поэтому отъ тѣхъ тревожныхъ воспоминаній прошлаго, которыя такъ часто заставляли устроителей германскаго объединенія опасаться за прочность добытыхъ результатовъ. Онъ можетъ съ бо̀льшею увѣренностью и спокойствіемъ охранять цѣлость и достоинство имперіи, не ожидая ни отъ кого нападеній и не имѣя повода чувствовать личную вражду къ побѣжденной его предшественниками Франціи. Онъ не можетъ также питать никакого горькаго или непріязненнаго чувства по отношенію къ Россіи, которая остается для него лишь державою, принимавшею близкое участіе въ судьбахъ Пруссіи и ея правителей; онъ можетъ проще и свободнѣе относиться къ русской политикѣ, съ которою у него не было никакихъ щекотливыхъ пререканій. Императоръ Вильгельмъ II выросъ и воспитанъ во время наибольшей славы и наибольшихъ успѣховъ князя Бисмарка; онъ не былъ свидѣтелемъ его политическихъ дебютовъ и не можетъ помнить ни его конфликта съ парламентомъ, ни его роли въ датской войнѣ и въ приготовленіяхъ къ разгрому Австріи. Германскій канцлеръ, какъ основатель нѣмецкаго единства подъ главенствомъ Пруссіи, перешелъ къ молодому императору какъ будто по наслѣдству, вмѣстѣ съ имперіею,—и неудивительно поэтому, что Вильгельмъ II, привыкшій съ дѣтства видѣть въ князѣ Бисмаркѣ истиннаго руководителя нѣмецкихъ судебъ, исполненъ къ нему безусловнаго довѣрія и всецѣло отдаетъ въ его руки дальнѣйшее руководство политическими дѣлами Германіи. Онъ краснорѣчиво выразилъ это свое отношеніе къ канцлеру въ извѣстномъ тостѣ, произнесенномъ послѣ воцаренія Фридриха III и надѣлавшемъ много шуму въ свое время; онъ сравнивалъ тогда князя Бисмарка съ знаменоносцемъ, за которымъ всѣ пойдутъ безъ колебаній и сомнѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый императоръ всегда отличался своею особенною любовью къ арміи и къ военнымъ упражненіямъ; это обстоятельство создало ему репутацію воинственности и сильно тревожило общественное мнѣніе другихъ странъ, особенно Франціи. Наконецъ, онъ не скрывалъ своего сочувствія къ такъ-называемому „христіанскому соціализму", проповѣдникомъ котораго былъ пасторъ Штекеръ, и который имѣетъ убѣжденнаго приверженца въ лицѣ талантливаго генерала, помощника и

вѣроятнаго преемника Мольтке, графа Вальдерзе, пользующагося особымъ расположеніемъ Вильгельма II. Всѣ эти три вліянія—военное, соціальное и Бисмарковское — выразились поочередно въ первыхъ торжественныхъ актахъ и манифестахъ императора.

Прежде всего, въ самый день смерти своего родителя, 15-го (3) іюня, императоръ обратился съ горячимъ воззваніемъ къ арміи и флоту, гдѣ указалъ на свою тѣсную, неразрывную связь съ войскомъ, на военную славу своихъ предковъ, на незабвенный образъ своего дѣда, какъ полководца, и на свою рѣшимость поддержать честь и славу арміи. „Мы принадлежимъ другъ другу—я и армія,—говорилось въ приказѣ,—мы рождены другъ для друга, и мы будемъ неизмѣнно и твердо держаться вмѣстѣ, будетъ ли, по волѣ Божіей, миръ или буря". Второй манифестъ—къ народу—появился только черезъ три дня, въ день похоронъ Фридриха III, 18-го (6) іюня. Въ этомъ манифестѣ, проникнутомъ духомъ христіанскаго благочестія, императоръ въ теплыхъ выраженіяхъ вспоминаетъ о возвышенныхъ качествахъ и неувядаемой славѣ покойнаго монарха; затѣмъ онъ даетъ обѣтъ „быть справедливымъ и кроткимъ государемъ, соблюдать набожность и страхъ Божій, охранять миръ, способствовать благосостоянію страны, быть защитникомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, быть вѣрнымъ хранителемъ права" и вообще „быть вѣрнымъ государемъ вѣрнаго народа". Но настоящая политическая программа изложена въ двухъ тронныхъ рѣчахъ, составленныхъ, по обыкновенію, княземъ Бисмаркомъ,—а именно въ обращеніи къ имперскому сейму, 25-го (13) іюня, и къ обѣимъ прусскимъ палатамъ, 27-го (15) іюня, въ торжественныхъ засѣданіяхъ, состоявшихся съ необычайною пышностью въ присутствіи всѣхъ почти союзныхъ германскихъ государей, въ старомъ королевскомъ дворцѣ. Въ рѣчи къ имперскому сейму сказано прямо, что императоръ пойдетъ по стопамъ своего дѣда, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Вильгельмъ II заявляетъ далѣе, что главною его обязанностью будетъ охрана „важнѣйшаго изъ законовъ—имперской конституціи, во всѣхъ правахъ, которыя она даетъ обоимъ законодательнымъ собраніямъ націи и каждому нѣмцу, равно какъ и въ правахъ, которыя она обезпечиваетъ императору и отдѣльнымъ союзнымъ государствамъ и ихъ правителямъ". Императоръ „въ полномъ объемѣ усвоиваетъ себѣ содержаніе посланія 17-го ноября 1881 года и будетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, стараясь при помощи имперскаго законодательства доставить трудящемуся населенію ту защиту, которую можно оказать, согласно ученію христіанской морали, слабымъ и бѣдствующимъ въ борьбѣ за существованіе". Этимъ путемъ можно будетъ „приблизиться къ разрѣшенію нездоровыхъ общественныхъ противорѣчій". Само собою, конечно, разумѣется, что особенное внима-

ніе должны были обратить на себя заявленія, касающіяся внѣшней политики: они оказались, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ миролюбивыми. Выразивъ свое желаніе „хранить миръ со всѣми, насколько это отъ него зависитъ", Вильгельмъ II продолжаетъ: „Моя любовь къ нѣмецкой арміи и мое положеніе относительно ея никогда не введутъ меня въ искушеніе лишить страну благодѣяній мира, если война не сдѣлается необходимостью, навязанною намъ, вслѣдствіе нападенія на имперію или на ея союзниковъ. Наше войско должно обезпечить намъ миръ, и если онъ все-таки будетъ нарушенъ, оно должно быть въ состояніи завоевать его съ честью. Оно будетъ имѣть возможность достигнуть этого, благодаря той силѣ, которая дана ему единодушно принятымъ вами послѣднимъ военнымъ закономъ. Моему сердцу чуждо намѣреніе употреблять эту силу для наступательныхъ войнъ. Германія не нуждается ни въ новой военной славѣ, ни въ какихъ-либо завоеваніяхъ, послѣ того какъ она окончательно завоевала себѣ право существованія въ видѣ единой и независимой націи". Спеціальные параграфы посвящены союзу съ Австро-Венгріею и отношеніямъ съ Россіею. Австро-германскій оборонительный союзъ будетъ соблюдаться твердо не только потому, что онъ заключенъ, но потому, что въ немъ императоръ усматриваетъ „основу европейскаго равновѣсія и завѣтъ нѣмецкой исторіи, сущность котораго поддерживается теперь общественнымъ мнѣніемъ всего германскаго народа и соотвѣтствуетъ традиціонному европейскому международному праву, какъ оно имѣло безспорное дѣйствіе до 1866 года". „Наши соглашенія съ Австро-Венгріею и Италіею,—говорится затѣмъ въ тронной рѣчи,—позволяютъ мнѣ, къ моему удовлетворенію, старательно поддерживать мою личную дружбу къ россійскому императору и существующія, въ теченіе ста лѣтъ, мирныя отношенія съ сосѣднею россійскою державою, которыя согласуются одинаково съ моими собственными чувствами и съ интересами Германіи". Что касается обращенія къ палатамъ прусскаго сейма, то оно содержитъ въ себѣ указанія относительно внутреннихъ вопросовъ и задачъ законодательства въ королевствѣ. Король далъ установленную присягу на вѣрность конституціи, обѣщая „охранять ее твердо и ненарушимо и управлять согласно съ нею и съ законами"; онъ будетъ „вѣрно и добросовѣстно уважать законы и права народнаго представительства", оказывать защиту „всѣмъ религіознымъ исповѣданіямъ при свободномъ отправленіи ихъ вѣры" и помнить слова великаго Фридриха, что въ Пруссіи—„король есть первый слуга государства".

Всѣ тронныя рѣчи императора Вильгельма II—и особенно первая, обращенная къ рейхстагу—составлены съ такимъ дипломатическимъ

искусствомъ, что онѣ должны были повсюду произвести благопріятное впечатлѣніе. Обстановка, при которой императоръ читалъ свою рѣчь къ имперскому сейму, имѣя около себя саксонскаго короля, баварскаго принца-регента и прочихъ германскихъ государей, имѣла какъ будто цѣлью наглядно показать всему міру, что формальное единство имперіи держалось не на личномъ авторитетѣ престарѣлаго императора Вильгельма I или его заслуженнаго сына, а на непоколебимыхъ законахъ Германіи и на неразрывномъ фактическомъ единствѣ нѣмецкаго народа. Иллюзіи, которыя въ этомъ отношеніи питались значительною частью французской печати, неизбѣжно разсѣются сами собою. Миролюбивая программа новаго царствованія устранитъ опасенія, которыя вызывались молодостью императора и его предполагаемыми военными наклонностями. Но эта программа не могла, конечно, удовлетворить всѣхъ въ Европѣ. Общественное мнѣніе Австро-Венгріи чрезвычайно довольно тѣми категорическими словами, которыми опредѣлена важность австро-германскаго союза для европейскаго равновѣсія; но указаніе на „завѣтъ нѣмецкой исторіи“, хранимый сознаніемъ „всего нѣмецкаго народа“, и на принадлежность Австріи къ германскому союзу до 1866 года должно было непріятно задѣть самолюбіе вѣнскихъ правительственныхъ сферъ и оскорбить въ то же время впечатлительныхъ мадьяръ, ибо намекъ на возсоединеніе съ Германіею заключаетъ въ себѣ мысль о признаніи главенства новаго императорскаго дома Гогенцоллерновъ надъ нѣмецкими владѣніями Австріи, а съ другой стороны, взглядъ на нынѣшнюю имперію Габсбурговъ, какъ на нѣмецкую державу, равносиленъ полному игнорированію Венгріи и всего дуалистическаго устройства монархіи. Мадьяры недовольны также слишкомъ теплымъ отзывомъ о дружбѣ съ Россіею; недовольны этимъ и вѣнскіе политики, опасающіеся теперь новыхъ попытокъ сближенія между берлинскимъ кабинетомъ и русскою дипломатіею, въ ущербъ австрійскимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Французскія газеты принимаютъ къ свѣденію миролюбіе тронной рѣчи 25-го іюня, но онѣ находятъ въ ней мнѣнія и желанія не столько Вильгельма II, сколько князя Бисмарка; и поэтому, пока живъ послѣдній, до тѣхъ поръ не произойдетъ существенной перемѣны въ ходѣ политическихъ дѣлъ Германіи. Личныя стремленія императора, по словамъ французскихъ газетъ, отразились ярко въ его первомъ, непосредственномъ воззваніи къ арміи и флоту, а также въ его религіозномъ обращеніи къ народу; и потому, какъ думаютъ французы, нужно быть на-сторожѣ и не придавать преувеличеннаго значенія документамъ, авторство которыхъ принадлежитъ германскому канцлеру.

Мы упомянули бы здѣсь и о комментаріяхъ русской печати, но на этотъ разъ всѣ наши газеты сошлись въ одинаковомъ признаніи

благополучія, установившагося въ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, —такъ что отмѣчать тутъ нечего. Можно только порадоваться тому, что фактъ, казавшійся имъ еще недавно сомнительнымъ, признается теперь возможнымъ и желательнымъ, и что германская политика, еще недавно подвергавшаяся такимъ сильнымъ нападкамъ по поводу событій на Востокѣ, оказывается теперь ни въ чемъ невиноватою, въ глазахъ нашихъ перемѣнчивыхъ „патріотическихъ" газетъ. Мы тѣмъ болѣе рады такому повороту въ мнѣніяхъ, что онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ русскаго народа, для котораго война съ иностранными державами, хотя бы и изъ-за Болгаріи, составляетъ совсѣмъ ненужную роскошь.

Исключительный интересъ, возбужденный послѣдними событіями въ Германіи, отодвинулъ на задній планъ политическія дѣла другихъ государствъ; вездѣ съ нетерпѣніемъ ожидали первыхъ заявленій новаго нѣмецкаго императора, и даже буланжистская агитація ослабѣла у французовъ подъ вліяніемъ интересныхъ извѣстій изъ Берлина.

Въ Австро-Венгріи сессія делегацій отъ парламентовъ обѣихъ половинъ имперіи прошла сравнительно тихо. Засѣданія открылись въ Пештѣ 9-го іюня и закончились 28-го числа (н. ст.). Тронная рѣчь императора Франца-Іосифа, прочитанная 10-го іюня, упоминала по обыкновенію о необходимости новыхъ финансовыхъ жертвъ на военныя надобности, въ виду „продолжающейся непрочности политическаго положенія Европы и постояннаго возростанія военныхъ силъ и боевой готовности всѣхъ другихъ государствъ". Президенты обѣихъ делегацій, австрійской и венгерской, престарѣлый Смолка и графъ Людвигъ Тисса заранѣе выразили императору готовность утвердить военныя требованія правительства, для надлежащей охраны внѣшней безопасности и интересовъ въ имперіи. По обыкновенію, международною политикою занимались съ особеннымъ усердіемъ мадьярскіе ораторы и государственные люди. Представители и патріоты мадьяръ, небольшой въ сущности національности, до того привыкли считать себя великою, могущественною державою, что они принимаютъ высокомѣрный, пренебрежительный тонъ даже относительно такихъ народовъ, какъ французскій; для нихъ ничего не стоитъ грозить войною Россіи, заявлять свое неудовольствіе Берлину и читать нотаціи Парижу. И на этотъ разъ не обошлось безъ смѣлыхъ политическихъ рѣчей, полныхъ сознанія собственной силы и авторитета. Докладчикъ коммиссіи венгерской делегаціи для разсмотрѣнія бюджета иностранныхъ дѣлъ, Максъ Фалькъ, редакторъ „Пештскаго Ллойда", доказывалъ подробно, что интересы монархіи на Балканскомъ полу-

островѣ прекрасно охраняются графомъ Кальноки, что самостоятельное развитіе балканскихъ племенъ будетъ гарантировано и впредь отъ всякихъ посторонникъ посягательствъ, что непризнаніе принца Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи со стороны вѣнскаго кабинета достаточно оправдывается шаткимъ положеніемъ этого принца въ княжествѣ, и что вообще благоразумная политика министра заслуживаетъ полнаго одобренія. Графъ Кальноки, въ свою очередь, объяснялъ политическія цѣли правительства, говорилъ о защитѣ автономіи и независимости балканскихъ государствъ, высказывалъ надежду на сохраненіе мира и давалъ понять, что онъ вполнѣ доволенъ результатами своей политической программы. Оборотная сторона медали выступила передъ делегаціями, когда пришлось обсуждать новый чрезвычайный кредитъ на сумму 47 милліоновъ гульденовъ, для удовлетворенія нуждъ военнаго министерства. Эти ежегодно повторяющіеся чрезвычайные военные кредиты, прибавляемые къ крупному обыкновенному бюджету военныхъ расходовъ, все болѣе запутываютъ состояніе австрійскихъ финансовъ, безъ серьезной въ этомъ надобности. Игра мадьяръ въ большую политику обходится очень дорого Австро-Венгріи. Ораторы обѣихъ делегацій хотѣли добиться отъ военнаго министра обѣщанія довольствоваться нынѣшнимъ кредитомъ и избѣгать дальнѣйшихъ требованій въ будущемъ; понятно, что министръ могъ только удивиться такой наивности. Кто хочетъ имѣть удовольствіе располагать военнымъ могуществомъ и говорить въ грозномъ тонѣ о внѣшнихъ дѣлахъ, тотъ долженъ давать на это деньги—и много денегъ, а домогаться крупной политической игры и въ то же время думать объ экономіи и разсчетливости въ финансахъ—значитъ впадать въ печальное, непримиримое противорѣчіе. Послѣ долгихъ и напрасныхъ финансовыхъ преній, представлявшихъ странный контрастъ съ широковѣщательными политическими рѣчами, делегаціи разрѣшили требуемый кредитъ, въ засѣданіяхъ 23 и 25-го іюня. Между тѣмъ, что̀ такое въ сущности эти 47 милліоновъ, изъ-за которыхъ волновались австрійскіе патріоты, сравнительно съ тѣми сотнями милліоновъ, которыя легко, почти безъ преній, назначаются на военныя цѣли французскими или нѣмецкими депутатами? Франція и Германія имѣютъ возможность дѣлать колоссальныя затраты, не истощая своихъ хозяйственныхъ средствъ, а усилія Австро-Венгріи и другихъ державъ тянуться вслѣдъ за ними могутъ только привести ихъ къ полному финансовому разстройству и безсилію. Притомъ неустанныя военныя приготовленія Австріи не имѣютъ какъ будто реальной политической цѣли; если дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за балканскихъ областей, то значительная часть этихъ земель заранѣе уступлена вѣнскому кабинету безъ борьбы и даже безъ всякихъ дипломатическихъ возраженій; что же касается Болгаріи, то, по неоднократному оффиціальному

признанію князя Бисмарка, она не входитъ въ предѣлы законнаго австрійскаго вліянія, и на этомъ пути Австро-Венгрія не была бы поддержана Германіею. Оставалось бы предположить, что австрійское правительство готовится къ вооруженному столкновенію изъ-за болгарскаго княжества, безъ содѣйствія и даже вопреки совѣтамъ своего могущественнаго союзника, чтб казалось бы мало правдоподобнымъ. Такимъ образомъ, въ австрійской внѣшней политикѣ нельзя не замѣтить весьма существеннаго темнаго пункта, котораго не разъ ясняютъ ни заявленія графа Кальноки, ни разсужденія и разоблаченія оффиціозныхъ австро-венгерскихъ газетъ.

Подобныхъ темныхъ пунктовъ нельзя найти въ сдержанной и пассивной международной политикѣ Франціи. Франція не названа совсѣмъ въ германской тронной рѣчи, при упоминаніи о державахъ, съ которыми нѣмецкій народъ находится въ мирныхъ отношеніяхъ; но она присутствуетъ во всемъ содержаніи этой рѣчи—и въ словахъ объ оборонѣ отъ нападенія, и о силѣ арміи, добывшей нѣмцамъ національное единство и способной вновь завоевать миръ, въ случаѣ его нарушенія, и въ указаніяхъ на славныя побѣды Вильгельма I и даже въ заявленіи о вѣковой дружбѣ съ Россіею. Устранить Францію отъ возможныхъ для нея политическихъ сближеній и союзовъ—къ этому всегда неуклонно стремился князь Бисмаркъ. Отчасти ему помогало въ этомъ отношеніи неустойчивое внутреннее состояніе французской республики, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, и о которомъ еще недавно счелъ нужнымъ разсуждать въ англійскомъ парламентѣ консервативный министръ Гиксъ-Бичъ (въ засѣданіи 27 (15) іюня, при обсужденіи вопроса о ламаншскомъ туннелѣ). Много повредило французамъ въ общественномъ мнѣніи Европы шумное, хотя и поверхностное, буланжистское движеніе, которое впрочемъ начинаетъ клониться къ упадку. Генералъ Буланже, послѣ личной своей неудачи въ палатѣ депутатовъ, 4 іюня, когда рѣчь его о пересмотрѣ конституціи была осмѣяна ораторами большинства, потерпѣлъ вслѣдъ затѣмъ еще болѣе крупное фіаско въ лицѣ своего друга Поля Дерулэда, который не былъ избранъ въ департаментѣ Шаранты, на выборахъ 17-го іюня, несмотря на горячія рекомендаціи генерала и на дѣятельныя старанія всей буланжистской партіи. Въ интересахъ Франціи нужно пожелать, чтобы этимъ закончились политическіе успѣхи бывшаго военнаго министра, внесшаго смуту и безпокойство въ мирную жизнь французскаго общества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1888.

— *Письма и бумаги императора Петра Великаго.* Томъ первый (1688—1701). Спб., Государственная типографія. 1887.

Заглавіе этой книги достаточно, чтобы судить о величайшемъ интересѣ начатаго изданія. Это—огромный томъ (XXXII, 888, LII стр. въ большую 8-ву), первый, вѣроятно, изъ многихъ послѣдующихъ. Мысль объ этомъ изданіи восходитъ къ 1872 году, когда праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Петра Великаго. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, представляя имп. Александру II нѣкоторыя изданія, вышедшія тогда по этому поводу, высказалъ мысль, „что было бы достойно торжественнаго дня, празднуемаго Россіею, и весьма важно для вѣрной и безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности Петра Великаго—приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, чтò вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи". Эта мысль получила Высочайшее одобреніе, и въ концѣ 1872 года образована была, подъ предсѣдательствомъ министра просвѣщенія, коммиссія изъ нѣсколькихъ спеціалистовъ по русской исторіи для приведенія въ извѣстность и собиранія матеріала. Въ исполненіе этого плана сдѣланы были, во-первыхъ, сношенія съ министрами и главноуправляющими отдѣльныхъ вѣдомствъ о разысканіи въ архивахъ писемъ и бумагъ Петра Великаго и о доставленіи ихъ копій или самихъ подлинниковъ въ коммиссію; во-вторыхъ, министерство иностранныхъ дѣлъ поручило нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границей ходатайствовать у иностранныхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы, о сообщеніи указаній о бумагахъ, имѣющихся въ иностранныхъ архивахъ; наконецъ, такъ какъ не мало писемъ и бумагъ, и между прочимъ важныхъ, находилось въ русскихъ фамильныхъ архивахъ и въ частныхъ

рукахъ, въ газетахъ сдѣлано было приглашеніе частнымъ лицамъ о сообщеніи въ министерство просвѣщенія этихъ бумагъ для снятія съ нихъ копій. Всѣ эти мѣры возымѣли свое дѣйствіе: въ коммиссію стали поступать многочисленные матеріалы, собранные ея членами въ разныхъ нашихъ архивахъ; документы, доставленные дипломатическими агентами и самими иностранными правительствами (изъ Австріи, Англіи, Голландіи, Даніи, Пруссіи, Саксоніи, изъ архивовъ мелкихъ бывшихъ нѣмецкихъ государствъ), частію собранные за границей однимъ изъ членовъ коммиссіи, А. Ѳ. Бычковымъ; наконецъ, бумаги, поступившія отъ частныхъ лицъ (коммиссія замѣчаетъ, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ не захотѣли сообщить имѣющихся у нихъ бумагъ). Въ февралѣ 1875, предсѣдатель коммиссіи докладывалъ имп. Александру, что въ коммиссіи имѣлось уже болѣе 4.000 писемъ Петра Великаго и бумагъ, писанныхъ его рукою; черезъ два года, въ апрѣлѣ 1877, въ распоряженіи коммиссіи было уже до 10.000 документовъ, хотя въ этомъ числѣ должно было заключаться извѣстное количество дублетовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ встрѣчались по архивамъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Но при возроставшемъ числѣ переписываемыхъ въ коммиссіи матеріаловъ между ними уже не попадались больше документы за первые годы царствованія Петра Великаго; поэтому коммиссія уже въ началѣ 1876 года возымѣла мысль о возможности начать печатаніе своихъ матеріаловъ и уже тогда составила правила, которыхъ хотѣла держаться при изданіи бумагъ Петра Великаго.

Еще при началѣ своего дѣла коммиссія такъ опредѣлила составъ документовъ, которые должны были войти въ ея собраніе. Во-1-хъ, должны были войти сюда письма, указы и инструкціи Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ, сохранившіеся какъ въ подлинникахъ, такъ и въ спискахъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени, какъ напр. нѣкоторыя письма Ѳедора Алексѣевича Головина къ Паткулю; концептъ капитуляціи при сдачѣ крѣпости Нотебурга, подписанный графомъ Б. П. Шереметевымъ; письмо къ нарвскому коменданту отъ имени князя Ивана Юрьевича Трубецкого и проч.; 3) трактаты и договоры, заключенные съ иностранными государствами, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, такъ какъ документы этого рода, подписанные и не подписанные Петромъ Великимъ, составлялись большею частію по мысли и указаніямъ самого государя; 4) учебныя его тетради, замѣтки для памяти и черновые наброски собственной его руки; 5) не дошедшія до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ письма и бумаги Петра Великаго, но помѣщенныя въ прежнихъ печатныхъ изданіяхъ; 6) наказы нашимъ дипломатическимъ

агентамъ за границею и переписка съ ними лицъ, завѣдывавшихъ посольскимъ приказомъ, если въ сохранившихся черновыхъ отпускахъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются поправки или дополненія, писанныя Петромъ; 7) жалованныя грамоты разнымъ лицамъ, свидѣтельствующія о заботахъ монарха къ водворенію и развитію у насъ того, что̀ онъ считалъ полезнымъ и необходимымъ; 8) тѣ узаконенія, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя Петромъ Великимъ, хотя бы эти узаконенія были довольно обширнаго объема, какъ напр. Духовный регламентъ. Воинскій уставъ, Морской уставъ и др.; и 9) исправленныя Петромъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій.

Такимъ образомъ, въ изданіи не будетъ упущено ничего изъ выраженій Петровской мысли въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ его дѣятельности: эта широкая программа отразится, конечно, на внѣшнемъ объемѣ изданія, которое должно очень разростись, но зато оно будетъ имѣть выгоду необычайной полноты историческаго матеріала, какой мы не имѣемъ ни для одной эпохи нашей исторіи. Понятно, что при изданіи должна была сохраняться величайшая точность въ передачѣ документовъ—и, быть можетъ, она даже заведена теперь слишкомъ далеко. Когда въ коммиссіи обсуждалось самое печатаніе изданія, то при этомъ приняты были слѣдующія правила: 1) письма и документы сопровождать необходимыми примѣчаніями и указаніями, гдѣ они хранятся, и если были напечатаны, то въ какихъ именно изданіяхъ; 2) если имѣется бѣловое письмо Петра Великаго, имъ только подписанное, и черновой отпускъ, весь или только частію написанный его рукою, то вводить въ текстъ бѣлового письма все, написанное государемъ; 3) шифрованныя письма печатать не шифрами, а буквами, причемъ ключи помѣщать въ приложеніяхъ; наконецъ, относительно самого написанія коммиссія постановила—въ письмахъ и замѣткахъ Петра Великаго исправлять очевидныя ошибки, оговаривая это внизу страницъ; пропущенныя въ словахъ буквы или по ошибкѣ пропущенныя слова вносить въ текстъ, заключая ихъ въ круглыя скобки; буквы, вынесенныя на верхъ строки (по обычаю тогдашней скорописи) вносить въ строку, но печатать курсивомъ и т. п. При такомъ способѣ, по мнѣнію коммиссіи, получается возможность возстановить каждое изъ писемъ Петра въ томъ видѣ, какъ оно было написано. Въ вышедшемъ теперь томѣ такъ это и сдѣлано: получается обыкновенно текстъ очень пестрый, и мы не думали бы, чтобы это было совершенно необходимо. Основная цѣль изданія есть, конечно, передача мыслей Петра Великаго, а не его орѳографіи: объ этой послѣдней могли бы дать достаточное понятіе нѣсколько образчиковъ его способа писанія для каждаго тома, которые и для фило-

логовъ указали бы достаточно его фонетику. Теперь этотъ способъ печатнаго факсимилированія его писаній можетъ пожалуй затруднять непривычнаго читателя, по крайней мѣрѣ, развлекать вниманіе.

Когда, наконецъ, пересматривался матеріалъ, предназначенный для перваго тома, то оказалось, что изъ первыхъ лѣтъ царствованія Петра Великаго сохранилось его писемъ очень немного, между тѣмъ какъ по разнымъ даннымъ несомнѣнно, что онъ и тогда велъ дѣятельную переписку: изъ его собственныхъ писемъ и изъ массы писемъ отвѣтныхъ видно, что „огромное число“ (по выводамъ коммиссіи) погибло для насъ безвозвратно. Уничтоженію ихъ способствовали и пожары, особливо въ помѣщичьихъ усадьбахъ (между прочимъ въ пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 г., погибло собраніе писемъ Петра Великаго, принадлежавшее гр. Віельгорскому, къ которому оно поступило отъ извѣстнаго любителя старины Бекетова), и еще больше, вѣроятно, „наше небрежное отношеніе къ письменнымъ документамъ“, другими словами, невѣжественное отношеніе къ своей исторіи. Чтобы нѣсколько вознаградить эту потерю, предсѣдатель коммиссіи нашелъ полезнымъ помѣстить сполна (въ примѣчаніяхъ) всѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ сохранились указанія на потерянныя письма Петра Великаго: такихъ писемъ помѣщено въ первомъ томѣ 362, отъ 50 лицъ. Большое число писемъ Петра въ настоящемъ томѣ взято изъ печатныхъ изданій,—и для нихъ въ коммиссіи нашлось только очень немного подлинниковъ.

Въ такомъ состояніи находится матеріалъ предпринятаго изданія, и должно, по крайней мѣрѣ, отдать справедливость коммиссіи, что она старалась передать его сколько можно обстоятельно. Въ первомъ томѣ помѣщено 402 письма и другихъ документовъ, писанныхъ Петромъ или составленныхъ по его указаніямъ; въ примѣчаніяхъ, какъ сейчасъ замѣчено, помѣщено нѣсколько сотъ отвѣтныхъ писемъ къ нему. Для болѣе удобнаго обозрѣнія матеріала приложено нѣсколько указаній: во-первыхъ, хронологическій указатель писемъ и бумагъ Петра, какъ сохранившихся, такъ и затерянныхъ, о которыхъ остались свидѣтельства въ отвѣтныхъ письмахъ и другихъ источникахъ; во-вторыхъ, указатель писемъ разныхъ лицъ къ Петру; въ-третьихъ, въ концѣ тома, обстоятельный указатель лицъ, географическихъ именъ и предметовъ. Таково внѣшнее исполненіе изданія. Что касается самого содержанія, то не подлежитъ сомнѣнію, что, когда это изданіе будетъ довершено, оно откроетъ новыя, гораздо болѣе обработанныя, чѣмъ было до сихъ поръ возможно, изученія личности и дѣятельности Петра Великаго. Въ общихъ чертахъ мы давно знаемъ и геніально-энергическій характеръ, и необычайное разнообразіе его трудовъ: о томъ и другомъ давно, еще съ его вре-

менъ, говорили его панегиристы; мы еще по преданію привыкли изумляться необыкновеннымъ событіямъ его царствованія — но извѣстно, что какъ въ старое время говорила противъ Петра большая масса людей стараго обычая, такъ и въ новѣйшее время славянофильскіе историки и политики отвергали дѣятельность Петра въ самомъ принципѣ, какъ противо-національный, деспотическій произволъ. Единственный путь къ уничтоженію историческаго недоразумѣнія есть подробное, во всѣхъ отношеніяхъ, и изо дня въ день изученіе фактовъ, и теперь это изученіе начинаетъ дѣлаться возможнымъ. Въ настоящемъ томѣ мы имѣемъ еще весьма незначительную долю цѣлой массы Петровскихъ бумагъ, не считая того, что̀ безвозвратно погибло; настоящая дѣятельность Петра еще впереди, но и здѣсь, въ этихъ первыхъ начаткахъ, въ его еще юношескихъ трудахъ, передъ нами раскрывается нѣчто необычайное. Спокойный историкъ нашего времени можетъ обойтись безъ панегирика, какъ съ другой стороны не будетъ закрывать глазъ на мрачныя событія той эпохи и суровыя черты самой личности; но онъ со вниманіемъ соберетъ тѣ фактическія данныя, которыя нарисуютъ ему историческій переворотъ, совершавшійся тогда въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени интересны именно частныя подробности, въ которыхъ является передъ нами историческая эпоха, какъ она есть, въ ея подлиннѣйшихъ чертахъ, не закрытая отъ насъ позднѣйшими теоретическими толкованіями. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти толки объ оторванности отъ своего народа, о чужихъ, насильственно введенныхъ стихіяхъ, о слѣпомъ пристрастіи къ иноземному и т. п., падаютъ въ соприкосновеніи съ реальными фактами, которые должна представить переписка Петра Великаго, и которые, отчасти, являются передъ нами уже теперь, когда эта переписка едва раскрывается въ началѣ изданія. Въ этихъ письмахъ нѣтъ, конечно, теоретическихъ разсужденій: большею частію это коротенькія записки, писанныя на-скоро по разнымъ крупнымъ и мелкимъ дѣламъ, но характеръ лица выражается въ нихъ очень рельефно. Вообще мы видимъ здѣсь Петра, такъ сказать, за работой: онъ говоритъ, обыкновенно, очень кратко (почему нѣкоторыя подробности писемъ остаются иногда неясны) и всегда о дѣлѣ; въ двухъ же словахъ онъ говоритъ и свои шутки, или упоминаетъ о веселомъ препровожденіи времени. Отъ этого перваго времени, какъ мы сказали, писемъ сохранилось сравнительно мало; но и они доставляютъ чрезвычайно интересный біографическій матеріалъ. Очень характерно, что первыя сохранившіяся записки Петра относятся къ его занятіямъ ариѳметикой въ 1688 г. или, по другимъ историкамъ, нѣсколько раньше: это уже не прежнее нелѣпое обученіе счету,

чуть не по пальцамъ, какое существовало въ московской Россіи,—это ариѳметика правильная, хотя излагаемая нѣсколько смутно и съ латинскими названіями ариѳметическихъ дѣйствій („адиціо", которая написана у Петра „адицоа"; „субстракція" или по его написанію—„супъстракция" и т. п.). Среди крупныхъ политическихъ дѣлъ онъ занятъ множествомъ разныхъ практическихъ заботъ; къ нему обращаются съ вопросами по подробностямъ военнаго дѣла, судостроенія—изъ Голландіи онъ вернулся уже знатокомъ этой послѣдней спеціальности; онъ занятъ вызовомъ нужныхъ иностранцевъ, и дома слѣдитъ, чтобы иностранный мастеръ не „гулялъ", т.-е. не оставался безъ работы и обучалъ русскихъ; нѣкоторое пристрастіе къ голландскому языку оказывается еще раньше путешествія. Общее впечатлѣніе этой постоянной заботы, хлопотъ, труда—то, что они вызывались настоятельною необходимостью, потребностью во всякихъ практическихъ знаніяхъ и мастерствахъ, нужныхъ для государственнаго интереса, и которыхъ онъ не нашелъ въ обиходѣ старой московской жизни. Пересматривая въ этихъ частныхъ подробностяхъ труды Петра, историкъ безпристрастный долженъ убѣдиться въ органической необходимости того новаго направленія, которое принимала русская жизнь по иниціативѣ Петра. Было, конечно, не мало крайняго, рѣзкаго, наконецъ жестокаго, чтó принадлежало и личному характеру, и старому необузданному обычаю,—но эти крайности не были главнымъ въ дѣятельности Петра и никакъ не перевѣшивали глубокаго образующаго значенія его дѣятельности.

Еще одна черта очень оригинальна въ письмахъ Петра Великаго; это—языкъ. Онъ оставилъ также и условный путь старой книжности: дѣловой языкъ московской Россіи носилъ уже сильную народную печать, — она сохраняется въ этой перепискѣ, но языкъ ея становится еще реальнѣе и начинаетъ вводить новый элементъ для выраженія вновь пріобрѣтаемыхъ знаній и понятій: это—первый зародышъ новѣйшаго литературнаго языка. Петръ, очевидно, писалъ кáкъ говорилъ: этому отвѣчаетъ и полное отсутствіе орѳографіи; онъ руководился только выговоромъ, и это не лишено важности для филологовъ.

Любители русской исторіи будутъ, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидать продолженія изданія, которое обѣщаетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія одной изъ величайшихъ, рѣшительныхъ эпохъ нашей исторіи.

— Проф. М. Н. *Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. *Надлеромъ*. Харьковъ, 1888.

— (Тоже). Томъ III. Исторія новыхъ вѣковъ (Реформаціонная эпоха) въ обработкѣ прив.-доц. В. П. *Бузескула*. Харьковъ, 1888.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ „В. Е." сказано было о началѣ изданія лекцій по всеобщей исторіи покойнаго харьковскаго профессора Петрова. Передъ нами продолженіе этого изданія, представляющее во II-мъ томѣ исторію среднихъ вѣковъ, и въ III-мъ— начало исторіи новѣйшей, именно полтора вѣка исторіи реформаціи. Раньше мы упоминали о томъ, въ какомъ видѣ эти лекціи остались вообще послѣ покойнаго профессора: только часть ихъ была имъ самимъ написана; гораздо бóльшая доля осталась въ литографированныхъ запискахъ студентовъ, съ обычною неполнотой и неисправностями подобныхъ изданій. Г. Надлеръ, товарищъ Петрова по профессурѣ, и г. Бузескулъ, его ученикъ, взяли на себя трудъ исправить и дополнить этотъ не всегда удовлетворительный текстъ, конечно оберегая по возможности подлинныя мысли и слова автора; кое-гдѣ пришлось сдѣлать прибавки, болѣе или менѣе значительныя (онѣ указаны въ предисловіи и отмѣчены въ текстѣ скобками); исправлены нѣкоторыя устарѣлыя мнѣнія и прибавлены указанія на новѣйшую историческую литературу, особливо имѣющуюся и на русскомъ языкѣ.

Мы говорили раньше, что издатели лекцій Петрова придаютъ имъ большое значеніе, какъ рѣдкому въ нашей литературѣ самостоятельному изложенію всемірной исторіи, замѣчательному по цѣльности историческаго взгляда, по умѣнью выдѣлить и указать основные элементы историческаго движенія, характеризовать особенности разныхъ эпохъ, народовъ и событій. Лекціи Петрова дѣйствительно имѣютъ эти достоинства, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ въ той степени, какая принимается его издателями. Едва ли сомнительно, что лекціи вышли бы въ болѣе совершенномъ видѣ, еслибы авторъ самъ успѣлъ окончательно обработать ихъ для печати; немаловажныя добавки, сдѣланныя, напримѣръ, во II да и въ III томѣ, и дѣйствительно необходимыя, свидѣтельствуютъ о значительныхъ неполнотахъ, какія были въ подлинникѣ. Изложеніе въ этихъ двухъ томахъ неравномѣрно: въ исторіи среднихъ вѣковъ Петровъ довольствовался широкими очерками, не вдаваясь въ фактическія подробности и какъ бы предполагая ихъ извѣстными; въ исторіи реформаціи онъ, напротивъ, разсказываетъ съ гораздо большею подробностью самыя событія и ближе характеризуетъ дѣйствующія лица. Особеннымъ достоинствомъ

исторіи среднихъ вѣковъ, въ изложеніи Петрова, издатель полагаетъ то, что здѣсь весьма подробно введена исторія славянскаго міра. „Исторія славянскаго міра,—говоритъ г. Надлеръ,—отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ громадномъ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ и общихъ сочиненій по этому отдѣлу всемірной исторіи,—стоитъ у М. Н. Петрова на первомъ планѣ, излагается, пожалуй, даже съ большею подробностью, нежели исторія западнаго, романо-германскаго міра, и, что самое главное, не стоитъ особнякомъ, какъ бы приставленная сбоку, подобно тому какъ прицѣпляется иногда чисто внѣшнимъ образомъ къ исторіи древности исторія Китая, а вводится органически въ изображеніе всеобщаго развитія человѣчества. Изъ книги Петрова, написанной, впрочемъ, вполнѣ объективно, всякій читатель вынесетъ самое ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основу исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. И въ этомъ отношеніи покойный профессоръ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на высотѣ современной науки“. Опытъ введенія исторіи славянскихъ народовъ въ курсъ среднихъ вѣковъ былъ уже сдѣланъ раньше въ учебникѣ г. Бѣлова, и въ русскомъ изложеніи средневѣковой и новой исторіи, конечно, должны занять мѣсто близкія намъ племена славянскія, но ихъ участіе въ общемъ ходѣ исторіи западно-европейской остается тѣмъ не менѣе въ наибольшей степени пассивнымъ. Въ изложеніи византійской исторіи указано, обыкновенно мало отмѣчаемое подобными курсами, значеніе Византіи (собственно въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ), какъ высшаго центра образованія, искусства и промышленности, вліянію котораго много обязана была сама западная Европа, но недостаточно выяснено, по какимъ причинамъ впослѣдствіи (т. е. уже во второй половинѣ среднихъ вѣковъ) образованіе западно-европейское не только освободилось отъ этихъ вліяній, но и создало новое движеніе, какого не знала сама Византія. Въ объясненіи историческихъ особенностей русскаго племени Петровъ указываетъ необходимость того политическаго склада, какой созданъ былъ великорусскимъ племенемъ, и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „самая національная замкнутость великоруссовъ для дѣла славянской народности могла быть только спасительной. Славяне, по свидѣтельству всѣхъ древнѣйшихъ о нихъ писателей, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ отличались искони двумя существенными недостатками, бывшими главной причиной всѣхъ ихъ несчастій въ исторіи: племенными раздорами и легкомысленною привязанностью къ чужеземному. Установленіемъ крѣпкой государственной власти и своею народною исключительностью великоруссы изле-

чились (?) отъ обоихъ этихъ обще-славянскихъ недуговъ и тѣмъ отстояли какъ государственную независимость по крайней мѣрѣ восточнаго славянства, такъ и неприкосновенность славянскаго типа" (т. II, стр. 117). Мысль опять недоразвитая: во-первыхъ національная замкнутость великоруссовъ, которая изображается какъ „неприкосновенность славянскаго типа", не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что нѣсколько выше (стр. 113) авторъ говоритъ о Руси, какъ о „народѣ совершенно оригинальномъ, чуждомъ всякой національной исключительности" (и это приписывается у Петрова также и всему славянскому типу); во-вторыхъ, эта національная замкнутость если и была, въ особыхъ историческихъ условіяхъ, выгодой, то была также и большой невыгодой, потому что, безъ сомнѣнія, мѣшала успѣхамъ образованія, и въ этомъ смыслѣ вредъ ея продолжается даже до настоящей минуты. Наконецъ, неужели „привязанность къ чужеземному" происходила у славянъ отъ одного только легкомыслія? Историкъ забылъ, что у южныхъ (въ Византіи) и западныхъ сосѣдей славяне встрѣчали обыкновенно болѣе высокую ступень просвѣщенія; такъ отъ южныхъ сосѣдей русское славянство приняло самое христіанство и начатки литературы.

Издатели полагаютъ, что книга Петрова можетъ быть въ особенности полезна какъ руководящее пособіе для студентовъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, и дѣйствительно она можетъ хорошо служить для этой цѣли именно своими общими объясненіями, какихъ мало даютъ обыкновенные учебники, а также и указаніями исторической литературы, которыя прибавлены самими издателями лекцій. Мы думали бы, что эти указанія съ пользой для дѣла могли бы быть сдѣланы съ нѣсколько бо́льшею подробностью. Желательна также бо́льшая исправность корректуры, особливо въ собственныхъ именахъ; напримѣръ, стр. 252, „Карлъ изъ Жиротина", читай: Жеротина; стр. 259, „Коневичъ", читай: Кеневичъ; стр. 268, „отецъ Іоакинѳъ", читай: Іакинѳъ, и т. п. (эти ошибки остались неисправленными).

Изданіе будетъ закончено четвертымъ томомъ, который будетъ обнимать вѣкъ Людовика XIV и XVIII столѣтіе съ продолженіемъ до вѣнскаго конгресса.—А. П.

— *Земскія повинности.* Томъ I. Земскія доходныя смѣты и раскладки на 1885 годъ. Изданіе департамента окладныхъ сборовъ. С.-Петербургъ, 1888.

Это изданіе предпринято весьма кстати. Вопросъ о регулированіи земскаго обложенія поставленъ на очередь; для правильнаго его разрѣшенія необходимо всестороннее знакомство съ существующими раз-

мѣрами земскихъ смѣтъ и основаніями земскихъ раскладокъ. Такого знакомства не даютъ ни „Земскіе ежегодники", ни прежнія оффиціальныя изданія. Отсюда рѣшимость министерства финансовъ приступить къ собранію и группировкѣ данныхъ, по возможности полныхъ, точныхъ и относящихся къ ближайшему прошлому. Иниціатива этой мысли принадлежитъ бывшему директору департамента окладныхъ сборовъ, А. А. Рихтеру, а руководство ея исполненіемъ—такому знатоку земскаго дѣла, какъ В. Ю. Скалонъ, бывшій редакторъ газеты „Земство" и предсѣдатель московской уѣздной земской управы. Первый томъ, теперь вышедшій въ свѣтъ, обнимаетъ собою доходныя смѣты и раскладки на 1885 г.; слѣдующіе выпуски будутъ заключать въ себѣ подробную разработку этихъ матеріаловъ, свѣденія о земскихъ расходахъ и натуральныхъ повинностяхъ и сводъ свѣденій о смѣтахъ и раскладкахъ за время съ 1865 по 1889 г., по губерніямъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Въ 34 земскихъ губерніяхъ, въ 1885 г., земскаго сбора *съ земель* приходилось, среднимъ числомъ, около 50 копѣекъ на душу, въ 16 губерніяхъ не-земскихъ—около 17 копѣекъ. Въ этой разницѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, сколько потребностей, вовсе не удовлетворяемыхъ или плохо удовлетворяемыхъ въ губерніяхъ не-земскихъ, покрывается земскимъ сборомъ въ губерніяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія. Такіе же, приблизительно, выводы получаются и при опредѣленіи отношенія земскаго поземельнаго сбора не къ душѣ, а къ десятинѣ. Среднее обложеніе земли въ земскихъ губерніяхъ составляетъ $12^2/_5$ коп. съ десятины, въ не-земскихъ—$4^1/_{10}$ коп.; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ числѣ не-земскихъ губерній есть такія, какъ архангельская, въ которой десятина обложена только $^1/_3$ коп., или оренбургская, въ которой сборъ съ десятины не превышаетъ $2^1/_4$ коп. Ошибочно было бы думать, что земскій поземельный сборъ въ земскихъ губерніяхъ всегда больше, чѣмъ въ не-земскихъ; въ шести губерніяхъ изъ числа первыхъ онъ не достигаетъ 10 копѣекъ съ десятины, между тѣмъ какъ въ двухъ изъ числа послѣднихъ (могилевской и подольской) онъ превышаетъ эту сумму. Особенно интересными, въ первомъ выпускѣ, представляются свѣденія объ основаніяхъ раскладки земскихъ сборовъ; финансовая политика земства обрисовывается здѣсь во всѣхъ своихъ разнообразныхъ оттѣнкахъ. Покамѣстъ это только сырой матеріалъ, но къ обѣщанной оффиціальной его разработкѣ не замедлитъ, по всей вѣроятности, присоединиться цѣлый рядъ частныхъ трудовъ, и многолѣтній опытъ земства приведетъ, наконецъ, къ опредѣленнымъ результатамъ. Изъ множества любопытныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ этой части изданія, укажемъ для примѣра на контрастъ между

детальностью раскладокъ—губернской и нѣсколькихъ уѣздныхъ—въ черниговской губерніи, гдѣ давно уже начаты и по нѣкоторымъ отдѣламъ закончены земскія статистическія работы, и элементарностью раскладокъ въ губерніи петербургской, гдѣ поздно предпринятое статистическое изслѣдованіе не успѣло еще повліять на оцѣнку земель. Черниговская губернская раскладка опредѣляетъ доходность земель по мелкимъ территоріальнымъ единицамъ—межевымъ дачамъ, которыхъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ отъ 50 до 120, а въ цѣлой губерніи около 1.000; внутри каждой дачи отдѣльно выводится доходность каждаго вида угодій. Петербургская губернская раскладка ограничивается дѣленіемъ земель на два разряда; въ четырехъ уѣздахъ для каждаго разряда установляется одна огульная оцѣнка, а въ другихъ четырехъ принимается въ разсчетъ, сверхъ того, разстояніе отъ столицы. Это—недурная иллюстрація къ вопросу о значеніи земскихъ статистическихъ работъ, которыя теперь въ модѣ обезцѣнивать, унижать и заподозривать.

— *В. Александренко*, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I. Часть первая. Отъ начала XIII столѣтія до смерти Генриха VIII. Спб., 1888.

Намъ случалось слышать недоумѣвающіе вопросы о томъ, почему и для чего молодые русскіе историки посвящаютъ свои труды тэмамъ слишкомъ спеціальнымъ, недостаточно общеинтереснымъ, въ родѣ избранной г. Александренко. Подобныя недоумѣнія и тѣсно связанные съ ними упреки кажутся неосновательными. Разъ что у насъ существуетъ университетская каѳедра всеобщей исторіи, разъ что въ нашихъ юридическихъ факультетахъ изучается не только догма, но и исторія права, и притомъ не одного русскаго права,—появленіе историческихъ монографій, по всѣмъ отраслямъ и отдѣламъ науки, представляется совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Нельзя же требовать отъ всѣхъ одной популяризаціи знаній, нельзя же ожидать, чтобы всѣ имѣли въ виду только большинство публики и старались быть доступными для каждаго читателя. Между молодыми людьми, занимающимися всеобщей исторіей или исторіей западно-европейскаго права, не могутъ не быть и такіе, которыхъ привлекаетъ всего сильнѣе ближайшее изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ. Однимъ свойственно стремиться въ ширину, другимъ—въ глубину, и оба стремленія, если они не переходятъ черезъ край, должны быть признаны одинаково законными. У насъ въ Россіи, въ виду нѣкоторыхъ особенностей нашей науки и нашего общества, отъ историка, избравшаго своею спеціальностью *не* отечественную исторію, позволительно, какъ намъ кажется, желать только одного: чтобы онъ не

зарывался черезъ-чуръ далеко въ мелочныя подробности, чтобы сочиненіе его было пріобрѣтеніемъ не только для маленькаго кружка ученыхъ, но и для значительной части образованныхъ людей. Число силъ, работающихъ у насъ надъ всеобщей исторіей, такъ невелико, что мало-производительная ихъ затрата не можетъ не возбуждать сожалѣнія. Въ Германіи не пропадаетъ даромъ ни одинъ камешекъ, прибавленный къ громаднымъ и постоянно ростущимъ постройкамъ; у насъ построекъ до крайности мало, и потому трудъ каменотеса не долженъ развиваться въ ущербъ труду строителя. Примѣняя все сказанное къ книгѣ г. Александренко, мы находимъ, что въ неудачномъ выборѣ тэмы автора обвинить никакъ нельзя. Исторія государственнаго строя Англіи имѣетъ высокую важность не для однихъ англичанъ, а въ этой исторіи роль королевскаго совѣта является и весьма крупной и недостаточно выясненной. Слабую сторону сочиненія г. Александренко мы видимъ не въ замыслѣ, а въ исполненіи. Ему недостаетъ, прежде всего, сжатости, систематичности. Авторъ какъ будто бы не рѣшилъ заранѣе, о чемъ ему слѣдуетъ говорить, о чемъ можно не упоминать; онъ не провелъ яркой демаркаціонной черты между тѣмъ, что̀ прямо касается его задачи, и тѣмъ, что̀ соединено съ нею лишь весьма косвенною и шаткою связью. Отсюда множество деталей, совершенно излишнихъ. Исторія тайнаго совѣта слишкомъ часто и безъ всякой видимой причины обращается просто въ политическую исторію Англіи. Къ чему, напримѣръ, всѣ свѣденія о войнѣ Генриха IV съ шотландцами, о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ Ирландіи? Къ чему масса фактовъ, относящихся къ внѣшнему ходу борьбы между обѣими Розами? Значительно сокращены могли бы быть и тѣ части книги, которыя имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ тайному совѣту. Авторъ приводитъ слишкомъ много именъ, слишкомъ много цифръ. Зачѣмъ намъ знать фамиліи лицъ, помогавшихъ архіепископу Іоркскому управлять Англіей въ отсутствіе Генриха III, или членовъ совѣта, сочувствовавшихъ, при Ричардѣ II, ученію Виклефа? Имена, однажды названныя, сплошь и рядомъ не встрѣчаются больше ни разу; обойтись безъ нихъ было вполнѣ возможно, потому что носители ихъ не играли никакой выдающейся роли. Не избѣгаетъ г. Александренко и повтореній, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыхъ. Канцлеры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ первые годы управленія Эдуарда III—Стратфордъ, Буршье, Паркингъ, Садингтонъ, Уффордъ,—перечисляются два раза (на стр. 70—71 и 93—95), между тѣмъ какъ книга ровно ничего бы не потеряла и отъ совершеннаго умолчанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ. О томъ, что Вильгельмъ Завоеватель, уѣзжая на время изъ Англіи, поручилъ управленіе, изъ предосторожности, не одному замѣстителю, а двумъ,

упоминается два раза (на стр. 6 и 27), причемъ во второй разъ, par dessus le marché, оба замѣстителя названы по имени. Два раза сказано и о томъ, что Томасъ Бекетъ изучалъ въ Парижѣ богословіе, а въ Болоньѣ—римское право (стр. 4 и 33). Два раза приводятся слова Фортескью о главѣ или шефѣ тайнаго совѣта, который долженъ назначаться королемъ и называться capitalis conciliarius (стр. 241 и 249). Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ не вполнѣ справился съ своимъ матеріаломъ, слишкомъ часто остающимся въ совершенно сыромъ видѣ. Извлечь изъ него все дѣйствительно цѣнное и важное можно только путемъ продолжительной работы, непосильной, конечно, для огромнаго большинства читателей. Между подстрочными примѣчаніями не мало такихъ, которыя только увеличиваютъ объемъ книги. Неужели, напримѣръ, нужно было приводить латинскую цитату, чтобы доказать, что замѣстителей короля Вильгельма I дѣйствительно звали Одономъ и Осборномъ? Неужели нужно было перечислять имена всѣхъ папъ, при которыхъ Гильдебрандъ (будущій Григорій VII) былъ секретаремъ, и выписывать изъ англійскаго историка (стр. 18) характеристику папской политики, не заключающую въ себѣ ничего, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ положеній? Неужели нужно было доказывать, что въ XV вѣкѣ сожженіе еретиковъ было дѣломъ весьма обыкновеннымъ (стр. 101)? Затрудняется чтеніе книги г. Александренко, кромѣ избытка балласта, и изложеніемъ, оставляющимъ желать весьма многаго. Авторъ употребляетъ иногда безъ надобности иностранныя слова—супремасія, лидеръ (въ смыслѣ вождя), магистратъ (въ смыслѣ должностного или власть имѣющаго лица),—оставляетъ безъ объясненія нѣкоторые техническіе термины (напр. „принудительная коммендація"), не всегда достаточно заботится о ясной и правильной постройкѣ фразы. Мы читаемъ, напримѣръ, что великая хартія была оплотомъ англійскихъ учрежденій, „которому, *какъ и всему существующему на свѣтѣ*, пришлось выдержать испытаніе при Тюдорахъ и Стюартахъ". Не говоря уже о томъ, что подчеркнутое нами обобщеніе оказывается, въ данномъ случаѣ, совершенно ненужнымъ, конструкція фразы такова, какъ будто бы все существующее на свѣтѣ выдерживало испытаніе именно при Тюдорахъ и Стюартахъ. Спѣшимъ прибавить, что тѣ главы, въ которыхъ авторъ всего меньше уклоняется отъ своей основной задачи — въ особенности глава одиннадцатая—представляютъ немало интереснаго. Въ послѣдующихъ частяхъ своего труда г. Александренко обѣщаетъ изобразить исторію образованія кабинета и возстановленія, въ новѣйшее время, почти самостоятельной дѣятельности тайнаго совѣта, въ области народнаго образованія и контроля мѣстнаго управленія. Все это можетъ составить нѣчто весьма цѣнное, если

только искусство обработки фактовъ будетъ доведено авторомъ до той высоты, на которой стоитъ у него теперь усердіе въ ихъ собираніи.—К. К.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Алексѣевъ, В. Кебетъ. Картина. Перев. съ греч. Спб. 1888. Стр. 24.

Анисимовъ, И. Ш. Кавказскіе евреи-горцы. М. 1888. Стр. 152. Ц. 1 р.

Анненковъ, К. Опытъ комментарія къ уставу гражд. судопроизводства. 2-е изд., исправл. и дополн. Т. V. Исполненіе рѣшенія. Спб. 1888. Стр. 588. Ц. 3 р. 50 к.

Бразоль, Л. Е. Публичныя лекціи о гомеопатіи. Спб. 1888.

Вейденбаумъ, Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлисъ. 1888. Стр. 434.

Гофштеттеръ, И. Земскіе зерновые склады, какъ учрежденіе кредитное и посредническое. Черниговъ. 1888. Стр. 16. Ц. 20 к.

Григорова, Е. Христофоръ Колумбъ. М. 1888. Стр. 63. Ц. 30 к.

Карцовъ, П. П. Изъ прошлаго. Личныя и служебныя воспоминанія. 1831—1878 гг. Спб. 1888. Стр. 515. Ц. за двѣ части 5 р.

Куплеваскій, Н. О. Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи и Цислейтанской Австріи. Харьковъ. 1888. Стр. 268. Цѣна 2 руб.

Лашковъ, В. Л. Стихотворенія. Одесса. 1888. Стр. 120. Ц. 1 р.

Липкинъ. Стихотворенія. Вильна. 1888. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ, Дм. Курсъ финансоваго права. Казань. 1888. стр. I—XV и 1—520. Ц. 3 р. 50 к.

Маминъ, Д. Уральскіе разсказы. Т. I. М.1888. Стр. 471. Ц. 1 р. 50 к.

Масленниковъ, К. И. Общедоступный громоотводъ. Спб. 1888. Стр. 18. Ц. 30 к.

——— Элеваторы, ихъ конструкція и значеніе для Россіи Спб. 1888. Стр. 47. Ц. 40 коп.

Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Спб. 1888. Стр. 764. Цѣна 5 руб.

Окороковъ, В. П. Возвращеніе къ честному труду падшихъ дѣвушекъ. М. 1888. Ц. 30 к.

Панаевъ, И. И. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ. Тт. 2 и 4. Спб. 1888. Ц. 6 р.

Петровъ, М. Н. Лекціи по всемірной исторіи. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ. Харьковъ. 1888. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

Симоновъ, Л. Иллюстрированный словарь практическихъ свѣденій, необходимыхъ въ жизни всякому. Вып. 10 и 11. Спб. 1888. Стр. 817—1008. Ц. 3 р.

Степовичъ, А. Славянская Бесѣда. Кн. I. Кіевъ. 1888. Стр. 240.

Фанъ-деръ-Флитъ, Н. Возраженіе на докладъ М. И. Кази: „Добровольный флотъ и русское Общество пароходства и торговли передъ государствомъ". Одесса. Стр. 57.

Хоценовъ, К. Опытъ разбора трагедіи Пушкина: „Моцартъ и Сальери". Псковъ. 1888. Стр. 46. Ц. 20 к.

Цвѣтаева, М. Головоногія верхняго яруса средне-русскаго каменноугольнаго известняка. Съ 6-ю таблицами. Спб. 1888. Стр. 58. Ц. 35 к.

Шнейдеръ, Е. Ф. Медея, Эврипида. Переводъ. Спб. 1888. Стр. 66.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Спб. 1888. Стр. 435. Ц. 2 р.

Ясинскій, I. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Три книжки. 1882—1886. Спб. 1888. Ц. 4 р. 50 к.

Эккъ, Н. Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Спб. 1888. Стр. 85 и 70.

Экономистъ. Виновата ли наука въ ошибкахъ нашей финансовой практики, и значеніе періодической прессы для предупрежденія ихъ. Съ приложеніемъ статей *его же:* о вывозныхъ преміяхъ на сахаръ и нормировкѣ производства его, съ точки зрѣнія экономической науки. Варшава. 1888. Стр. I—XV и 79.

Brueckner, A. Die Europäisirung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888. Стр. 598.

— Das Weltproblemm. Eine politisch-ökonomische (?) Studie, gewidmet der entwickelten Vernunft. Рига. 1888. Стр. 20 (съ таблицей).

— Законодавство и владаоци српски XVI века и народности у Македоніи. Београд. 1888. Стр. 22.

— Кавказъ. Справочная книга, составленная старожиломъ. Вып. VI и VII. Правительственныя и общественныя учрежденія, мѣстные законы, сельское хозяйство, промышленность и торговля. Тифлисъ, 1888. Стр. 299—411. Ц. 30 к.

— Краткій очеркъ дѣятельности общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ. 1882—87 г. Томскъ, 1888. Стр. 48.

— Къ юбилею бывшаго начальника военно-учебныхъ заведеній ген.-ад. Исакова. Спб. 1888. Стр. 23.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, за 1887 г. Барнаулъ, 1888. Стр. 40.

ЗАМѢТКА.

Новый отчетъ о внѣшней торговлѣ за 1887 г.

Появившійся недавно оффиціальный отчетъ о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за 1887 годъ даетъ намъ одинъ изъ частныхъ отвѣтовъ по вопросу о современной нашей экономической политикѣ. Извѣстно, что съ нѣкотораго времени у насъ пошли въ ходъ особыя экономическія теоріи. Напримѣръ, явилось ученіе о пользѣ умноженія кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи, якобы оживляющемъ промышленность, и о вредѣ сокращенія числа этихъ денежныхъ знаковъ; увѣряли, что можно производить богатства изъ „бумаги", а невѣріе въ спасительность такого производства объявляли вредною „доктриною"; избытокъ бумажекъ,—говорили,—не роняя ихъ цѣны, только обогатитъ страну. И вотъ, начавшееся было изъятіе

кредитныхъ билетовъ для ихъ уничтоженія прекратилось, сожженіе ограничилось всего-на-все 87 милліонами кредитныхъ рублей, и изъятые кредитные билеты снова пошли въ обращеніе, особенно благодаря операціямъ дворянскаго банка. Другое ученіе, диктуемое преимущественно изъ Москвы, говоритъ о необходимости всемѣрно повышать таможенныя пошлины, такъ какъ отъ этого, съ одной стороны, разовьется отечественная промышленность, а съ другой—достигнутъ будетъ перевѣсъ отпуска надъ привозомъ, отчего опять поднимется цѣна ходячихъ у насъ денегъ; перевѣсомъ отпуска мы—говорилось—заставимъ потечь къ намъ изъ-за границы денежную рѣку. Положимъ, тутъ предъ нами выступаетъ старинная, давно утратившая кредитъ, меркантильная теорія, только диктуемая теперь изъ Москвы, но мы умудряемся и заброшенными задами. Еще новое ученіе—спасительность подъема хлѣбныхъ цѣнъ, иначе сказать—необходимость созданія дороговизны; говорятъ, что вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ кое-гдѣ такъ и окрестили вопросомъ о „поднятіи цѣнъ" на продукты земледѣлія. Правда, экономическій прогрессъ всегда понимался въ смыслѣ увеличенія производства и сообщенія его продуктамъ наибольшей доступности для всего населенія, да и поднятіе цѣнъ, будучи выгодно одной части населенія, убыточно для другой, для всей массы потребителей. Но вѣдь все это, пожалуй, тоже „доктрины", а безъ доктринъ живется куда легче, особенно когда не требуется заглядывать впередъ дальше сегодняшняго дня.

Но со времени появленія новыхъ теорій прошелъ уже изрядный періодъ времени, такъ что пора бы провѣрить результаты ихъ приложенія и подсчитать всѣ блага, полученныя при ихъ помощи. Сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе кстати, что теоріи примѣнялись довольно рѣшительно. Таможенныя пошлины, напр., поднимались круто, и огульно, и по частямъ. Еслибы ожидаемыя блага получились на дѣлѣ, то это было бы хорошимъ оправданіемъ для свободной отъ всякихъ доктринъ политики и дало бы извѣстный научный вкладъ. Понятно, что экономическіе факты тутъ получаютъ особенный интересъ. Что же мы, однако, видимъ?

Въ сферѣ денежнаго обращенія дѣло очевидно не удалось. Курсъ нашъ долгое время не только не поправлялся, а падалъ все больше и больше. Въ годъ съ небольшимъ цѣна рубля понизилась почти на 20% и дошла до полтинника. Противники доктринъ тутъ все сваливали на политическія причины, хотя замѣчательно, что именно они же, два-три года назадъ, производя свои финансовыя агитаціи, положительно отвергали вліяніе политики въ тогдашнихъ колебаніяхъ курса. Ни „Кушка", ни болгарскія осложненія, по ихъ словамъ, курса ронять не могли; а теперь вдругъ та же „политика" пріобрѣла способность оказывать

сильнѣйшее вліяніе на курсъ. Однако, нисколько не отрицая значенія политическихъ событій, нельзя не замѣтить, что долгое время и въ политикѣ было тихо, а рубль все-таки равнялся 51 копѣйкѣ съ дробью. И если курсъ поднялся въ самое послѣднее время, то опять при такихъ политическихъ событіяхъ, отъ которыхъ можно было ожидать самаго рѣшительнаго его паденія. Значитъ, оправданія новой теоріи не было видно. Не было ли больше удачи по части таможенной политики?

Таможенныя пошлины, какъ замѣчено выше, повышались усердно, и цѣликомъ, и по частямъ; поднимались онѣ и на издѣлія, и на сырой матеріалъ (хотя къ послѣднему благосклоннѣе относились сами меркантилисты, находя, что дешевое сырье помогаетъ развитію домашняго производства); поднимались онѣ и для такихъ предметовъ, которые у насъ вовсе производимы быть не могутъ, напр. чай, нѣкоторые фрукты и т. п., такъ что тутъ собственно не было никакого покровительства мѣстному промыслу. И вотъ результаты, выведенные, конечно, съ свойственною оффиціальнымъ свѣденіямъ по такому предмету осторожностью: общая сумма нашего отпуска въ 1884 году составляла 352 милліона металлическихъ рублей; въ 1885 году—319 милліоновъ; въ 1886 году — 279 милліоновъ, а въ 1887 году — 336 милліоновъ. Привозъ же составлялъ: въ 1884 году 313 милліоновъ; въ 1885 г.—244 милліона; въ 1886 г. 238 милліоновъ, а въ 1887 г.— только 191 милліонъ.

Такимъ образомъ, дѣло шло къ тому, что нашъ международный обмѣнъ постоянно и шибко сокращался, т.-е. достигалась бо́льшая экономическая уединенность. Пошлины уменьшали несомнѣнно привозъ, но вмѣстѣ съ этимъ сокращался и отпускъ, сокращалось иностранное требованіе на наши продукты. Оба явленія шли параллельно. Сокращеніе же спроса на наши предметы отпуска не могло не отразиться на выгодахъ нашихъ хозяевъ, которые громко заговорили о своемъ кризисѣ. Связь между размѣрами отпуска и привоза сказалась явственно, и односторонніе разсчеты по внѣшней торговлѣ не совсѣмъ оправдались. Однако, за всѣмъ тѣмъ, бросается въ глаза перевѣсъ нашего отпуска надъ привозомъ. Тутъ достигнутъ очевидный результатъ (если только пріемы оцѣнки товаровъ въ нашей таможенной статистикѣ совершенно правильны). Какъ ни сокращался общій размѣръ нашей внѣшней торговли, а все-таки привозъ сокращался сильнѣе. Въ 1884 году отпускъ превышаетъ привозъ только на 12%; въ 1885—уже на 30%; въ 1886 г.—на 17%, а въ 1887—почти на 75%. Если точно достигнутъ такой крупный результатъ, то слѣдовало бы ожидать, наконецъ, появленія денежной рѣки изъ-за границы и всѣхъ прочихъ благъ, ожидавшихся отъ новой меркантильной теоріи.

Перейдемъ къ поступленію таможенныхъ пошлинъ. Въ 1887 г. ихъ поступило всего 64 милліона рублей металлическихъ и 2 милліона кредитныхъ. Этотъ размѣръ самый низшій за все послѣднее шестилѣтіе (въ 1882 получено $64^1/_8$ мил. мет. и $2^1/_4$ кред.; въ 1883 г. $66^1/_2$ мет. и 2 м. кред.; въ 1884 г. 65 мил. мет. и 2 мил. кр.; въ 1885 г.—$64^1/_2$ мил. мет. и $1^3/_4$ мил. кред., а въ 1886 г.—$70^3/_4$ мил. мет. и 2 мил. кр). Слѣдовательно, повышеніе пошлинъ не только не увеличило государственнаго дохода, но вызвало такое сокращеніе ввоза, что доходъ этотъ и при увеличенныхъ пошлинахъ сталъ понижаться. Вотъ это-то пониженіе казеннаго дохода, сказавшееся въ цѣломъ рядѣ лѣтъ, представляется вполнѣ реальнымъ результатомъ теоріи. Сильно сократился въ 1887 году ввозъ чаю (конечно, не поощрившій отечественной промышленности, за исключеніемъ развѣ сбора „копорскаго“ чая, чаще и чаще теперь обнаруживаемаго въ торговлѣ); меньше привезено кофе, табаку, фруктовъ, шерсти, угля и т. д. Въ теченіе всего пятилѣтія особенно сильно уменьшился ввозъ жизненныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, страна меньше получила изъ-за границы цѣнностей, казна меньше получила дохода, а хозяева жаловались, что имъ некуда сбыватьхлѣбъ.

Какъ бы то ни было, однако, перевѣсъ отпуска надъ привозомъ достигнутъ въ сильнѣйшей степени, скажутъ намъ. Допустимъ, что это такъ, и не станемъ входить въ провѣрку этого вывода. Но если подобный перевѣсъ дѣйствительно достигнутъ и достигался въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то, конечно, не ради одного показанія въ отчетахъ, а ради какихъ-нибудь реальныхъ выгодъ въ экономической жизни, ради фактическихъ благъ, которыя были намъ обѣщаны. Въ чемъ бы состояло достоинство упомянутаго перевѣса, еслибы онъ оставался безрезультатнымъ и ни для кого неощутительнымъ. Если шесть лѣтъ сряду дѣйствовало благопріятное намъ экономическое условіе, то не можетъ же оно оставаться только на бумагѣ. Вотъ теперь и позволительно попросить указанія фактовъ существеннаго экономическаго улучшенія въ нашей жизни, явившихся отъ „выгоднаго“ оборота внѣшней торговли. Куда же именно скрылись эти факты? Вѣдь передъ нами до самыхъ послѣднихъ дней оставался низкій денежный курсъ, недостатокъ сбыта домашнихъ произведеній при низкихъ цѣнахъ, пониженіе таможеннаго дохода казны и общія жалобы на кризисъ, а о благахъ не было слышно; отечественная промышленность не росла, капиталы шли только на биржу, а не въ новыя предпріятія, заработная плата тоже не повышалась. Стало быть, что-нибудь одно: или выводъ благопріятнаго торговаго баланса не совсѣмъ точенъ, или балансъ этотъ не приводитъ къ полезнымъ результатамъ на дѣлѣ, являясь тоже чѣмъ-то въ родѣ доктрины, — и

весьма неудачной. Во всякомъ случаѣ, принесенныя для новой теоріи жертвы до сихъ поръ не оправданы фактически, а ссылаться на внезапное повышеніе курса въ послѣдніе дни едва ли было бы основательно: оно имѣетъ для себя свои спеціальныя причины, съ исчезновеніемъ которыхъ можетъ прекратиться и ихъ послѣдствіе.

Е.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1886.

Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія. — Вопросъ о „всесословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книгою госпожи Пиллеръ. — Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ.—Открытіе томскаго университета.—Новое сообщеніе саратовскаго губернатора.—Переходъ больничнаго дѣла въ Одессѣ изъ рукъ городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачебнаго инспектора полиціи.

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, вопросъ о женскомъ образованіи, нѣсколько лѣтъ сряду обсуждавшійся въ особой коммиссіи, приближается къ окончательному разрѣшенію. Въ государственный совѣтъ внесены или вносятся проекты преобразованія женскихъ гимназій, учрежденія женскихъ профессіональныхъ школъ и открытія, на новыхъ основаніяхъ, высшихъ женскихъ курсовъ. Не касаясь, на этотъ разъ, профессіональныхъ школъ, остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ гимназіямъ и высшимъ курсамъ.

Въ женскія гимназіи — все равно, состоятъ ли онѣ подъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія или вѣдомства императрицы Маріи—предполагается, какъ говорятъ, принимать на будущее время *преимущественно* дѣвочекъ изъ высшихъ общественныхъ классовъ. Если это правда, то нельзя не спросить себя, прежде всего, будетъ ли умѣстно въ положительномъ законѣ такое слово, какъ *преимущественно*. Постановленія закона не должны оставлять мѣста ни для недоразумѣній, ни для произвола. Дѣйствующій уставъ о женскихъ гимназіяхъ прямо открываетъ къ нимъ доступъ для „ученицъ всѣхъ сословій“. Если это правило признается подлежащимъ отмѣнѣ, то на мѣсто его должно быть поставлено другое, столь же опредѣлительное и ясное. Нужно установить, во-первыхъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ „высшими общественными классами“: одно лишь дворянство, потомственное и личное, или также духовенство, хотя у него

есть свои (епархіальныя) среднія женскія школы, или еще почетное гражданство (только потомственное, или также и личное?) и купечество (только первой гильдіи, или также и второй?). Нужно, во-вторыхъ, опредѣлить точнѣе, въ чемъ заключаются *преимущества*, предоставляемыя „высшимъ общественнымъ классамъ": въ томъ ли, что дѣвочки, принадлежащія къ „низшему роду людей", могутъ поступать только на тѣ вакансіи, которыя останутся свободными за принятіемъ всѣхъ желающихъ изъ среды привилегированныхъ сословій, или въ томъ, что рѣшающее значеніе признается за происхожденіемъ лишь при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, — или въ томъ, что пріемъ дѣвочекъ-мѣщанокъ и крестьянокъ подчиняется особенно строгимъ требованіямъ и ставится въ зависимость отъ состоятельности ихъ родителей? Всѣ эти толкованія одинаково возможны, и выборъ одного изъ нихъ едва ли можетъ быть отданъ на усмотрѣніе учебной администраціи. Въ государствѣ каждый долженъ знать заранѣе объемъ своихъ правъ и сущность условій, которыми обставлено ихъ осуществленіе. Прошлогодній циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія произвелъ такое тягостное впечатлѣніе на общество, между прочимъ, именно потому, что онъ шелъ въ разрѣзъ съ этимъ основнымъ началомъ и вводилъ полную неопредѣленность въ одну изъ самыхъ важныхъ областей общественной жизни.

Каково бы ни было, однако, содержаніе „преимуществъ", проектируемыхъ коммиссіею, еще болѣе серьезнымъ представляется вопросъ о ихъ цѣлесообразности и справедливости. Соображенія, приводимыя обыкновенно противъ „всесословности" среднихъ учебныхъ заведеній, сгруппированы довольно тщательно въ недавно вышедшей книгѣ госпожи Пиллеръ: „Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи". Основываясь на личномъ опытѣ (госпожа Пиллеръ была начальницей одной изъ одесскихъ женскихъ гимназій), авторъ рисуетъ картину неудобствъ, представляемыхъ совмѣстнымъ обученіемъ дѣвочекъ изъ разныхъ общественныхъ классовъ. Здѣсь являются на сцену и неопрятность бѣднѣйшихъ дѣвочекъ, заставляющая избѣгать сосѣдства съ ними, и недостатокъ у нихъ достаточно теплой и достаточно приличной одежды, и развитіе между ними дурныхъ привычекъ, и отсутствіе домашняго надзора за ними, и затрудненія, съ которыми сопряжено для нихъ правильное ученіе. Если вѣрить госпожѣ Пиллеръ, въ провинціальныхъ гимназіяхъ почти нѣтъ дочерей богатыхъ людей или дѣвочекъ изъ высшаго круга общества; ихъ не отдаютъ туда изъ боязни, „чтобы онѣ не попали въ дурную компанію, не очутились въ одномъ классѣ съ дочерью своего дворника, прачки, швеи, не научились вульгарнымъ выраженіямъ и неблагопристойнымъ пріемамъ, наконецъ, не сдѣлались бы нигилистками".

Когда попечители учебныхъ округовъ, „идя, можно сказать, на встрѣчу желаніямъ родителей, стали устранять изъ гимназіи тотъ элементъ учащихся, который тормазитъ успѣхъ обученія“, „общество, —утверждаетъ госпожа Пиллеръ,—вдругъ заговорило другимъ языкомъ, языкомъ лицемѣрія и фальши. Правдивый и незамаскированный тонъ циркуляра (министерства народнаго просвѣщенія) слишкомъ опередилъ эпоху (!) и не совпалъ съ тономъ фарисейскаго настроенія публики, оттого и зазвучалъ такимъ диссонансомъ именно въ той средѣ, гдѣ наиболѣе долженъ былъ бы встрѣтить сочувствія, и это непремѣнно должно было случиться, еслибы у насъ въ обществѣ не были еще такъ сильно развиты незрѣлые инстинкты и вкусы—рисоваться разными либеральными идеями и тенденціями и драпироваться плащами демократизма, народолюбія, равноправія... на словахъ“.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, плохо написанный, но достаточно откровенный обвинительный актъ противъ „всесословныхъ“ женскихъ гимназій, неожиданно обращающійся въ обвинительный актъ противъ русскаго общества. Итакъ, родители изъ среды общества сами, по собственному почину, начали уклоняться отъ отдачи своихъ дочерей въ женскія гимназіи? Этому противорѣчатъ статистическія данныя, удостовѣряющія, что значительное большинство ученицъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежатъ именно „привилегированнымъ классамъ“. Не споримъ, въ нѣкоторыхъ „богатыхъ“ и „высоко поставленныхъ“ семействахъ существуетъ, можетъ быть, предубѣжденіе противъ гимназическаго образованія; но не для этихъ семействъ и учреждены гимназіи,—къ ихъ услугамъ по-прежнему остаются институты и частные пансіоны. На массу семействъ средняго положенія и средняго достатка всесословная гимназія не производила и не производитъ отталкивающаго, устрашающаго дѣйствія; принимать эти семейства подъ оффиціальную защиту и „идти на встрѣчу ихъ желаніямъ“ не было и нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Фарисействомъ, лицемѣріемъ можно объяснить образъ дѣйствій нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не настроеніе массы. Признавая, что прошлогоднія рестриктивныя мѣры прозвучали диссонансомъ именно въ той средѣ, въ интересѣ которой онѣ, повидимому, были приняты, госпожа Пиллеръ сама произноситъ надъ ними самый рѣшительный приговоръ. Поголовное „либеральничанье“ немыслимо само по себѣ, да ему и не благопріятствуютъ обстоятельства. Въ обществѣ, открещивающемся отъ предлагаемой ему привилегіи, заговорило, очевидно, не что иное, какъ хорошее, здоровое чувство справедливости... Циркуляръ 14-го іюля 1887 г., по мнѣнію госпожи Пиллеръ, „опередилъ эпоху“. Другими словами, впереди насъ лежитъ все бóльшее и бóльшее нарушеніе равенства и равноправности, распространеніе

всякаго рода „преимуществъ", возстановленіе и возвышеніе сословныхъ и иныхъ перегородокъ? Мы имѣли и имѣемъ наивность думать, что все это осталось, наоборотъ, позади насъ, что реставрація тѣхъ или другихъ обломковъ прошлаго не можетъ быть долговѣчной, и что „опережаютъ эпоху" только тѣ, которые подготовляютъ лучшее будущее.

Обращеніе гимназій изъ „всесословныхъ" учебныхъ заведеній въ училища для привилегированныхъ классовъ представляется, далѣе, совершенно ненужнымъ, въ виду тѣхъ мѣръ, которыя отчасти приняты, отчасти проектированы въ послѣднее время. Одною изъ главныхъ причинъ громаднаго наплыва въ гимназіи дѣтей изъ всѣхъ сословій было до сихъ поръ отсутствіе или недостатокъ школъ другого рода, съ курсомъ менѣе продолжительнымъ и менѣе труднымъ. Съ особенною силой эта причина дѣйствовала именно по отношенію къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ. Намъ извѣстенъ небольшой уѣздный городъ, въ которомъ есть женская прогимназія, но нѣтъ ни одного женскаго начальнаго училища. Понятно, что въ такомъ городѣ поступало и поступаетъ въ прогимназію не мало дѣвочекъ, родители которыхъ, при иныхъ условіяхъ, никогда и не подумали бы объ этой дорогѣ. Двухъ-классныхъ сельскихъ училищъ для дѣвочекъ у насъ чрезвычайно мало; такихъ женскихъ училищъ, которыя соотвѣтствовали бы мужскимъ уѣзднымъ или городскимъ (образованнымъ по закону 1872 г.), не существуетъ почти вовсе. Такъ-называемыя маріинскія училища появились лишь недавно и распространены, покамѣстъ, весьма слабо. Профессіональное образованіе находится въ зачаточномъ состояніи, не только для дѣвочекъ, но и для мальчиковъ. Теперь, по утвержденіи основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, все это должно измѣниться; за открытіемъ техническихъ и ремесленныхъ школъ для мальчиковъ послѣдуетъ, безъ сомнѣнія, открытіе такихъ же школъ и для дѣвочекъ, и какъ въ тѣ, такъ и въ другія, главный контингентъ учащихся будетъ поступать изъ среды рабочихъ классовъ. Не лучше ли подождать осуществленія всѣхъ этихъ нововведеній, и уже потомъ, сообразно съ указаніями опыта, приступить къ пересмотру устава женскихъ гимназій? Весьма можетъ быть, что въ ограничительныхъ мѣрахъ, даже съ точки зрѣнія нынѣшнихъ ихъ защитниковъ, не окажется тогда никакой надобности, и что распредѣленіе учащихся между различными категоріями училищъ произойдетъ само собою, безъ помощи запрещеній и привилегій.

Выражая это предположеніе, мы, конечно, далеки отъ мысли, что *вся масса* дѣтей изъ среды непривилегированныхъ сословій, предоставленная самой себѣ, направилась бы въ промышленныя или про-

фессіональныя школы. Нѣкоторая ихъ часть—при отсутствіи запретительной регламентаціи—непремѣнно будетъ поступать, по прежнему, въ гимназіи и прогимназіи; но иначе, при правильномъ устройствѣ учебной системы, и быть не можетъ. Способности и призванія не пріурочиваются ни къ „благородству" происхожденія, ни къ извѣстной степени богатства; они проявляются всюду, и всюду должны находить для себя дорогу къ дальнѣйшему развитію. Госпожа Пиллеръ подробно обсуждаетъ вопросъ, что̀ больше способствуетъ появленію и росту дарованій—достатокъ или бѣдность. Весьма интересный въ теоріи, этотъ вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія въ томъ спорѣ, который насъ теперь занимаетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даровитые люди *могутъ* рождаться во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества; этого довольно, чтобы не закрывать —и не затруднять — ни для одного изъ нихъ доступъ къ среднему (а слѣдовательно и высшему) образованію. Задача средней школы, по мнѣнію госпожи Пиллеръ, можетъ быть исполнена только тогда, „когда родители солидарны въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ съ требованіями школы, а для этого они должны быть образованы и имѣть такой минимумъ матеріальнаго достатка, чтобы дѣти ихъ являлись въ классъ чисто одѣтыми, причесанными и вымытыми и имѣли бы при себѣ всѣ требуемыя книги и учебныя принадлежности". Не говоримъ уже о томъ, что образованіе и принадлежность къ привилегированному классу—далеко не синонимы, точно такъ же какъ и образованіе, и матеріальный достатокъ; насъ поражаетъ, въ приведенныхъ словахъ, въ особенности, логическій скачокъ, типичный для опровергаемаго нами взгляда. Безспорно, школа имѣетъ свои требованія, обязательныя и для учащихся, и для ихъ родителей; но зачѣмъ же судить объ исполненіи или неисполненіи этихъ требованій по косвеннымъ, часто обманчивымъ признакамъ, тогда какъ есть полная возможность идти другимъ путемъ, болѣе прямымъ и болѣе вѣрнымъ? Этотъ путь—наблюденіе надъ учащимися, вполнѣ осуществимое и въ открытомъ учебномъ заведеніи. Ничто не мѣшаетъ школьному начальству изучить каждаго отдѣльнаго ученика и составить себѣ ясное понятіе о томъ, удовлетворяетъ ли онъ требованіямъ школы. Если да — не все ли равно, кто его родители, къ какому онъ принадлежитъ общественному классу, съ чьею помощью пріобрѣтаетъ форменную одежду и учебныя пособія? Къ чему догадки, когда легко пріобрѣсти увѣренность? Къ чему *предрѣшать* вопросъ, a priori, когда онъ можетъ быть разрѣшенъ совершенно точно, сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая? Пускай школа удаляетъ тѣхъ, кто не можетъ исполнять ея основныхъ требованій—противъ этого нельзя сказать ни слова,—лишь бы только самыя требованія не были

чрезмѣрно строги и нарушеніе ихъ было обнаружено съ достаточною ясностью; но пускай она не закрываетъ своихъ дверей для *цѣлой категоріи* или *цѣлыхъ категорій* лицъ, въ силу одного *предположенія*, что они *окажутся* неподходящими подъ школьныя условія. Дочь прачки, швеи, дворника столь же легко можетъ видѣть дома примѣръ трудолюбія и честности, какъ дочь „образованнаго" и достаточнаго человѣка—примѣръ совершенно противоположный. Изъ числа мелкихъ фактовъ, разсыпанныхъ въ книгѣ госпожи Пиллеръ, въ качествѣ иллюстрацій ея основной мысли, многіе доказываютъ совсѣмъ не то, чтò хотѣлъ доказать авторъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что нарушенія школьной дисциплины происходятъ не отъ одной только нищеты, не отъ одного только недостатка образованія. Не къ рабочему классу принадлежала, безъ сомнѣнія, та дѣвочка, которая „ѣздила съ мамашей на вечеръ, поздно вернулась, проспала" и опоздала въ гимназію, оправдываясь „сочиненной" запиской; не прачки и не дворники водятъ своихъ дѣтей въ оперетки и кафе-шантаны, одѣвая ихъ въ неформенныя платья и снабжая ихъ синими очками, чтобы ихъ не могло узнать начальство. Чтò сказала бы госпожа Пиллеръ, чтò сказали бы ея единомышленники, еслибы кто-нибудь предложилъ не принимать въ гимназіи дѣтей изъ богатыхъ и свѣтскихъ семействъ, такъ какъ разсѣянный образъ жизни ихъ родителей мѣшаетъ ихъ занятіямъ и заставляетъ ихъ подавать дурной примѣръ товарищамъ? А между тѣмъ въ основаніи такой мѣры лежало бы *предположеніе*, совершенно равносильное тому, которымъ оправдывается гимназическое veto на дѣтей „низшихъ сословій".

Когда мы слышимъ или читаемъ жалобы на заразу, приносимую въ мужскія и женскія гимназіи дѣтьми прачекъ, кухарокъ, дворниковъ и „тому подобныхъ людей", мы невольно вспоминаемъ о начальныхъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ, и спрашиваемъ себя: чѣмъ объяснить разницу въ воспитательномъ значеніи средней и низшей школы? Начальныя училища поставлены, повидимому, въ положеніе гораздо менѣе выгодное, чѣмъ гимназіи. Дѣти остаются въ начальной школѣ только три года или еще менѣе; многія изъ нихъ посѣщаютъ школу неаккуратно, въ деревняхъ—не болѣе шести или семи мѣсяцевъ въ году; въ родителяхъ и родственникахъ школа не находитъ, большею частью, никакой поддержки—напротивъ того, она сплошь и рядомъ должна противодѣйствовать ихъ вліянію. И все-таки вездѣ, гдѣ только народный учитель — и въ особенности учительница—стоитъ хотя отчасти на высотѣ своего призванія, начальная школа не только *обучаетъ* своихъ учениковъ, но и *воспитываетъ* ихъ, смягчаетъ ихъ нравы, укрѣпляетъ въ нихъ хорошія чувства. Они забываютъ, иногда, пріобрѣтенныя въ школѣ свѣденія,

но сохраняютъ данную ею складку, внушенные ею взгляды. Относительно деревни это можно было бы, пожалуй—хотя и съ большою натяжкой—приписать свѣжести и неиспорченности матеріала, поступающаго въ распоряженіе школы, позднимъ развитіемъ деревенскаго ребенка, душа котораго составляетъ, въ 7—8 лѣтъ, нѣчто въ родѣ tabula rasa; но къ городу, особенно къ столицѣ, всѣ эти соображенія непримѣнимы, а между тѣмъ указанное нами явленіе повторяется и здѣсь, поражая, напримѣръ, всѣхъ изучающихъ петербургскія городскія начальныя училища. Загадка становится еще болѣе сложной, если припомнить, что именно въ лучшихъ начальныхъ школахъ меньше всего въ ходу карательныя мѣры, да и въ болѣе заурядныхъ онѣ употребляются несравненно рѣже, чѣмъ въ гимназіяхъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что если гимназіи недостаточно вліяютъ на нравы и привычки учащихся, недостаточно сглаживаютъ различія между дѣтьми, принадлежащими къ болѣе образованнымъ и менѣе образованнымъ общественнымъ классамъ, то это зависитъ, въ значительной степени, отъ неправильной постановки воспитательнаго дѣла? Не слѣдуетъ ли признать, что педагогическій персоналъ гимназій относится къ своей главной задачѣ гораздо формальнѣе и холоднѣе, чѣмъ учителя и учительницы начальныхъ школъ? Вмѣсто того, чтобы объявлять многочисленнымъ разрядамъ дѣтей, что они—„indigni intrare", не лучше ли было бы приложить всѣ усилія къ нравственному воспитанію учащихся, безъ различія сословій, и постараться довести каждаго изъ нихъ до того уровня, на которомъ долженъ стоять ученикъ средней школы? Конечно, это гораздо труднѣе, чѣмъ принять ту или другую ограничительную мѣру, — но не гимназіямъ подобаетъ отступать передъ трудностями, съ которыми справляется начальная школа. Найдутся, быть можетъ, отдѣльныя личности, по отношенію къ которымъ окажутся тщетными всѣ усилія воспитателей; ихъ незачѣмъ удерживать въ гимназіи,—но незачѣмъ и осуждать, изъ-за нихъ, множество другихъ дѣтей, сходныхъ съ ними только по внѣшней обстановкѣ. Съ открытіемъ достаточнаго числа промышленныхъ и профессіональныхъ школъ число дѣтей изъ бѣдныхъ и необразованныхъ классовъ, желающихъ поступить въ гимназіи или прогимназіи, уменьшится само собою, — и тѣмъ легче будетъ подѣйствовать на тѣхъ, сравнительно немногихъ, которые все-таки изберутъ общеобразовательную школу. Что касается до средствъ къ продолженію ученья, то они найдутся, лишь бы только частная и общественная благотворительность была предоставлена самой себѣ, а не пріурочена искусственно къ однимъ только дѣтямъ „бѣдныхъ, но благородныхъ родителей".

Высшіе женскіе курсы, какъ мы слышали, проектируются двоякаго

рода: одни—для изученія наукъ историко-филологическихъ и математическихъ, другіе — для изученія новыхъ иностранныхъ языковъ. Общія черты тѣхъ и другихъ заключаются въ слѣдующемъ: продолжительность ученья и тамъ, и здѣсь—четыре года; курсы составляютъ правительственное учрежденіе, во главѣ котораго стоятъ назначенные министромъ народнаго просвѣщенія директоръ и инспектриса; хозяйственною ихъ частью завѣдуетъ попечительный комитетъ, члены котораго также назначаются министромъ изъ числа лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія въ пользу курсовъ или могущихъ быть имъ полезными по знаніямъ, общественному положенію и вліянію. Источниками содержанія курсовъ служатъ проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, пособіе отъ государственнаго казначейства, единовременныя пожертвованія и плата за ученье. Открываются курсы лишь въ такомъ случаѣ, если, по меньшей мѣрѣ, одна треть расходовъ можетъ быть покрыта изъ перваго источника. Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ постановленіи. Минимумъ ежегодной стоимости высшихъ курсовъ — при одномъ математическомъ отдѣленіи — опредѣляется, круглой цифрой, въ 23.000 рублей; эта цифра возвышается для высшихъ курсовъ, имѣющихъ цѣлью изученіе одного иностраннаго языка —до 26½ тысячъ, для высшихъ курсовъ съ однимъ историко-филологическимъ отдѣленіемъ—почти до 32 тысячъ, для высшихъ курсовъ, имѣющихъ цѣлью изученіе двухъ иностранныхъ языковъ—до 37 тысячъ, для высшихъ курсовъ съ двумя отдѣленіями (математическимъ и историко-филологическимъ) — до 48½ тысячъ рублей. Итакъ, для открытія самыхъ скромныхъ высшихъ курсовъ потребуется наличный капиталъ въ полтораста тысячъ, а для открытія курсовъ, которые соотвѣтствовали бы — и то не вполнѣ—существующимъ петербургскимъ (бестужевскимъ) курсамъ [1]) — наличный капиталъ въ триста тысячъ рублей. До какой степени это затруднитъ открытіе курсовъ— понятно само собою, а до какой степени это затрудненіе излишне, доказательствомъ тому можетъ служить примѣръ бестужевскихъ курсовъ, весь капиталъ которыхъ, къ концу десятаго года ихъ цвѣтущаго существованія, едва превышалъ 90.000 рублей (около 16 тысячъ рублей наличными деньгами и, сверхъ того, собственный домъ, стоющій, за вычетомъ лежащихъ на немъ долговъ, около 75 тысячъ руб.). Если проектируемое правило вступитъ въ силу, то высшіе курсы, даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, нескоро можно будетъ открыть даже въ Петербургѣ, хотя бы общество для доставленія средствъ бестужевскимъ курсамъ и согласилось передать принадлежащее ему

---

[1]) На бестужевскихъ курсахъ три отдѣленія: словесное, физико-математическое и спеціально-математическое.

имущество въ распоряженіе будущихъ курсовъ. Трудно понять также, почему дѣло, основанное частными лицами и прекрасно веденное ими и въ Москвѣ (курсы профессора Герье), и въ Петербургѣ, должно быть изъято изъ ихъ рукъ и сосредоточено въ непосредственномъ завѣдываніи учебной администраціи. Безспорно, высшія образовательныя учрежденія не могутъ оставаться внѣ правительственнаго контроля,— но въ этомъ контролѣ и до сихъ поръ не было недостатка; ни одинъ профессоръ не могъ читать на курсахъ безъ правительственнаго разрѣшенія, распорядитель курсовъ утверждался въ этомъ званіи надлежащею властью. Надзоръ, въ случаѣ дѣйствительной необходимости, могъ бы быть еще усиленъ, регламентація курсовъ сдѣлана еще болѣе точною, но едва ли предстоитъ надобность въ совершенной ломкѣ порядковъ, блистательно выдержавшихъ продолжительный опытъ (пятнадцатилѣтній—въ Москвѣ, десятилѣтній—въ Петербургѣ). Ничто не мѣшаетъ, конечно, учрежденію правительственныхъ высшихъ женскихъ курсовъ наряду съ частными, но ничто не мѣшаетъ и сохраненію послѣднихъ наряду съ первыми.

Высшіе женскіе курсы иностранныхъ языковъ должны быть, судя по слухамъ, заведеніемъ закрытымъ, для того, чтобы слушательницы могли практиковаться въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ; предполагается, однако, допускать и приходящихъ, изъ числа дѣвицъ, семейства которыхъ живутъ въ томъ же городѣ. Отъ вступающихъ на эти курсы требуется представленіе свидѣтельства о томъ, что у нихъ есть средства на взносъ платы за ученье и денегъ за содержаніе въ пансіонѣ. Другіе высшіе курсы проектируются какъ заведенія открытыя, но при нихъ, по возможности, должны быть устраиваемы общежитія или общія квартиры, преимущественно для слушательницъ иногороднихъ. Отъ вступающихъ требуется удостовѣреніе, что у нихъ есть средства для безбѣднаго существованія во все время ученья, или ручательство попечительнаго комитета, что имъ будутъ доставляемы эти средства. Намъ кажется, что высшіе женскіе курсы, какова бы ни была ихъ спеціальность, должны быть заведеніями безусловно открытыми. Для установленія въ этомъ отношеніи какого-либо различія между высшими курсами иностранныхъ языковъ и всѣми другими мы не видимъ достаточнаго основанія. Еслибы для изученія иностраннаго языка пребываніе въ стѣнахъ пансіона было совершенно необходимо, изъ общаго правила не было бы сдѣлано исключенія; приходящія слушательницы были бы устранены безусловно или допущены только изъ среды тѣхъ семействъ, гдѣ говорятъ на изучаемомъ иностранномъ языкѣ. На высшіе курсы поступаютъ дѣвушки взрослыя, сознательно избирающія себѣ спеціальность, понимающія важность практическаго знакомства съ новыми

языками; пріобрѣсти это знакомство онѣ съумѣютъ и безъ заключенія въ пансіонѣ. Закрытыя заведенія для изученія иностранныхъ языковъ—или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, французскаго—существуютъ, притомъ, уже теперь (назовемъ, для примѣра, петербургскій николаевскій сиротскій институтъ); увеличивать ихъ число едва ли нужно, тѣмъ болѣе, что преподаваніе новыхъ языковъ всегда можетъ быть усилено въ томъ или другомъ институтѣ. Другое дѣло —общежитіе или общія квартиры; устройство ихъ, безъ сомнѣнія, весьма желательно, лишь бы только пребываніе въ нихъ не было обязательно для слушательницъ. Требованіе свидѣтельствъ о достаточности средствъ для безбѣднаго существованія или для уплаты взносовъ за ученье и за содержаніе въ пансіонѣ, затруднитъ, безъ всякой надобности и пользы, поступленіе на курсы. Принимать такія свидѣтельства безъ повѣрки—значило бы обратить ихъ въ пустую формальность, а производить по каждому изъ нихъ особое изслѣдованіе—значило бы вторгаться въ домашнія, семейныя дѣла, часто неподлежащія огласкѣ. Опытъ бестужевскихъ курсовъ удостовѣряетъ, что плата за ученье вносится слушательницами, вообще говоря, очень исправно, гораздо исправнѣе, чѣмъ студентами. Систематическое устраненіе нуждающихся было бы здѣсь еще болѣе несправедливо, чѣмъ въ гимназіяхъ, съ одной стороны, потому, что слушаніе курсовъ представляется естественнымъ завершеніемъ гимназическаго образованія, съ другой—потому, что взрослыя дѣвушки—слушательницы курсовъ—легче могутъ заработать себѣ средства къ жизни, чѣмъ дѣвочки, ученицы гимназій.

Для вступленія на высшіе курсы иностранныхъ языковъ достаточно окончанія ученья въ институтѣ или въ семи классахъ гимназіи; для вступленія на другіе высшіе курсы требуется аттестатъ зрѣлости, т.-е. знаніе полнаго курса мужской гимназіи. Это послѣднее требованіе не только надолго задержитъ открытіе высшихъ курсовъ, такъ какъ громадному большинству дѣвицъ негдѣ, покамѣстъ, изучать древніе языки [1]), но и до крайности уменьшитъ число лицъ, могущихъ поступать на курсы. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на „достовѣрную свидѣтельницу"—на госпожу Пиллеръ, которую никто, конечно, не заподозритъ въ увлеченіи „модными теоріями", въ сочувствіи къ „женской эмансипаціи". Въ книгѣ госпожи Пиллеръ несправедливость и безцѣльность требованія аттестата зрѣлости, какъ условія для вступленія на курсы, доказаны неопровержимо. Не повторяя ея доводовъ, замѣтимъ только, что един-

[1]) Въ настоящее время существуетъ, если мы не ошибаемся, только одна женская (частная) гимназія госпожи Фишеръ, въ Москвѣ, курсъ которой соотвѣтствуетъ вполнѣ курсу мужской гимназіи.

ственнымъ возможнымъ оправданіемъ вышеупомянутаго требованія могла бы служить полная равноправность между женщиной, окончившей высшіе курсы, и мужчиной, окончившимъ университетъ. О такой равноправности, конечно, нѣтъ и рѣчи,—не должно бы быть рѣчи, слѣдовательно, и объ уравненіи условій вступленія въ университетъ и на высшіе женскіе курсы. Слушательницамъ этихъ курсовъ предполагается предоставить право преподаванія во *всѣхъ* классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній; но кто же станетъ утверждать, что одно это право—эквивалентъ всѣхъ тѣхъ, которыя даетъ окончаніе курса въ университетѣ? По отношенію къ иностраннымъ языкамъ оно распространяется, притомъ, и на окончившихъ высшіе курсы иностранныхъ языковъ; а если можно преподавать, въ старшемъ классѣ женской гимназіи, французскій или нѣмецкій языкъ, не имѣя аттестата зрѣлости, то мы не видимъ причины, почему нельзя было бы преподавать, при одинаковыхъ условіяхъ, и математику или физику. Намъ могутъ возразить, что новые языки часто преподаются у насъ, въ старшихъ классахъ гимназій, иностранцами, обладающими весьма недостаточнымъ общимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего допущеніе къ этому преподаванію женщинъ, не имѣющихъ аттестата зрѣлости, не будетъ представлять ничего анормальнаго. Но настоящій порядокъ не что иное, какъ уступка необходимости; чтобы вполнѣ достигать своей цѣли, преподаваніе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ, должно находиться въ рукахъ широко образованнаго человѣка. Спѣшимъ прибавить, что широкое образованіе не тождественно, въ нашихъ глазахъ, съ знаніемъ древнихъ языковъ. Примѣръ бестужевскихъ курсовъ доказываетъ, сверхъ того, что на высшихъ курсахъ одинъ, по меньшей мѣрѣ, древній языкъ можетъ быть изученъ довольно хорошо и безъ всякаго предварительнаго съ нимъ знакомства. Возможность такого изученія не отвергаютъ, повидимому, и составители новыхъ проектовъ; латинскій языкъ включенъ ими въ программу высшихъ курсовъ иностранныхъ языковъ, хотя для вступленія на эти курсы и не требуется знанія латыни.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ объ аттестатѣ зрѣлости, необходимо бросить взглядъ на программы проектируемыхъ курсовъ. На высшихъ женскихъ курсахъ иностранныхъ языковъ предполагается сдѣлать для всѣхъ одинаково обязательнымъ слушаніе богословія, логики, психологіи, исторіи, латинскаго языка, римскихъ древностей и исторіи литературъ римской и западно-европейскихъ; затѣмъ, смотря по избранной каждою слушательницею спеціальности, онѣ должны слушать исторію образованія германскихъ—или романскихъ нарѣчій, исторію грамматики и современную грамматику нѣ-

мецкаго или французскаго языка, изучать методику преподаванія и лучшія произведенія нѣмецкой или французской литературы и заниматься практическими упражненіями. Если припомнить, что для всего этого отводится четыре года, то нельзя не признать, что слушательницы высшихъ курсовъ иностранныхъ языковъ будутъ получать весьма основательное, весьма серьезное образованіе, необходимой подкладкой котораго *не* признается, однако, знаніе древнихъ языковъ. Это одно доказываетъ уже, въ нашихъ глазахъ, возможность обойтись безъ аттестата зрѣлости и на другихъ высшихъ женскихъ курсахъ, отличающихся отъ первыхъ только предметами преподаванія, но не его характеромъ. На математическомъ отдѣленіи высшихъ женскихъ курсовъ предполагается читать, кромѣ богословія, сферическую тригонометрію, аналитическую геометрію, алгебраическій анализъ, дифференціальное и интегральное исчисленіе, сферическую астрономію, физику, неорганическую химію, физическую географію и аналитическую механику. Возможность основательнаго усвоенія всѣхъ этихъ предметовъ, безъ предварительнаго изученія древнихъ языковъ, подтверждается примѣромъ бестужевскихъ курсовъ; не слѣдуетъ забывать, притомъ, что задача математическаго отдѣленія исчерпывается приготовленіемъ учительницъ математики и физики для *среднихъ* женскихъ учебныхъ заведеній. Что касается, наконецъ, до историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ, то его устройство представляется, во многихъ отношеніяхъ, копіей съ устройства историко-филологическаго факультета, преобразованнаго на основаніи новаго университетскаго устава. Историко-филологическое отдѣленіе высшихъ женскихъ курсовъ предполагается раздѣлить на два разряда — славяно-русской филологіи и исторіи (всеобщей и русской). Для слушательницъ обоихъ разрядовъ обязательны слѣдующіе предметы: богословіе, психологія, логика, славянскій языкъ, исторія русской грамматики, исторія Греціи и Рима, исторія греческой и римской литературы, греческія и римскія древности, чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ. Все это наполняетъ около двухъ третей общаго числа учебныхъ часовъ; чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ продолжается непрерывно съ начала до конца курса, занимая по восьми часовъ въ недѣлю. На долю спеціальныхъ предметовъ остается только *одна треть* учебныхъ часовъ. Въ первомъ разрядѣ эти предметы слѣдующіе: памятники славянскаго языка, обзоръ славянскихъ нарѣчій, исторія литературъ русской и западно-европейскихъ, русская исторія, обзоръ исторіи славянскихъ племенъ, а во второмъ разрядѣ — исторія (всеобщая, русская и славянскихъ племенъ), исторія церкви и исторія искусствъ. Само собою разумѣется, что для прохожденія курса, сосредоточивающагося, главнымъ

образомъ, вокругъ классической древности, необходимо предварительное знаніе древнихъ языковъ, въ объемѣ программы мужскихъ гимназій; но нельзя не спросить себя, чѣмъ оправдывается самое уравненіе историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ съ историко-филологическимъ факультетомъ? Развѣ у нихъ одна и та же цѣль, одна и та же задача? Развѣ для будущихъ учительницъ женскихъ гимназій необходимо знать то же самое и въ такомъ же размѣрѣ, какъ и будущимъ учителямъ мужскихъ гимназій, будущимъ профессорамъ, академикамъ, двигателямъ науки? Положимъ, что требованіе аттестата зрѣлости, какъ условія вступленія на высшіе женскіе курсы, предполагаетъ учрежденіе *нѣсколькихъ* женскихъ гимназій, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли бы древніе языки; но развѣ для приготовленія *немногихъ* учительницъ древнихъ языковъ, необходимыхъ для этихъ гимназій, нельзя было бы учредить при историко-филологическомъ отдѣленіи особый разрядъ классической филологіи, подобно тому, какъ на бестужевскихъ курсахъ, рядомъ съ отдѣленіемъ физико-математическимъ, существуетъ особое спеціально-математическое отдѣленіе? Къ чему заставлять *всѣхъ* слушательницъ историко-филологическаго отдѣленія посвящать главную массу своего труда изученію предметовъ, необходимыхъ только для весьма немногихъ? Можно ли ожидать отъ слушательницъ достаточно основательнаго знанія исторіи и литературы, разъ что для этихъ предметовъ остается свободной значительно меньшая часть учебнаго времени? Можно ли пройти какъ слѣдуетъ новую исторію, если ей отведено только по четыре часа въ недѣлю, въ теченіе двухъ полугодій? Можно ли одобрить учебный планъ, по которому для русской исторіи и для исторіи Греціи и Рима назначается одинаковое число уроковъ? Возможно ли изученіе исторіи безъ изученія философіи, безъ изученія литературъ западно-европейскихъ и *даже русской*?.. Конечно, многія изъ этихъ замѣчаній относятся и къ историко-филологическимъ факультетамъ, новая организація которыхъ много разъ была предметомъ нашихъ возраженій; но къ историко-филологическому отдѣленію высшихъ женскихъ курсовъ, въ виду спеціальнаго назначенія послѣднихъ, они примѣнимы съ еще бо̀льшей силой. Заключительный нашъ выводъ таковъ: въ составъ историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ слѣдовало бы ввести особый разрядъ классической филологіи, и требовать аттестата зрѣлости только отъ тѣхъ, кто изъявитъ желаніе заниматься по этому разряду. Въ обоихъ остальныхъ разрядахъ древнимъ языкамъ—или, еще лучше, одному изъ нихъ — слѣдовало бы отвести лишь такую роль, какую играетъ теперь латинскій языкъ на словесномъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ.

Противники существовавшихъ у насъ до сихъ поръ высшихъ женскихъ курсовъ исходили и исходятъ не изъ однихъ и тѣхъ же побужденій. Одни возстаютъ противъ высшаго женскаго образованія *вообще*, считая его излишнимъ, ведущимъ къ безнравственности и нигилизму. По мнѣнію другихъ, петербургскіе и московскіе курсы грѣшатъ слишкомъ большою близостью къ университету, между тѣмъ какъ высшее женское образованіе должно имѣть совершенно другой характеръ, стремиться только къ развитію „человѣчности, теплоты сердца, поэтическаго направленія ума и эстетическихъ стремленій“. Задачей высшихъ женскихъ курсовъ не должно быть, съ этой точки зрѣнія, приготовленіе къ какой-либо спеціальной роли, все равно, будетъ ли это роль учительницы, или—„жены образованнаго человѣка“, или „просвѣтительницы общества“; они просто должны „способствовать расширенію умственнаго горизонта, философскаго направленія ума, въ связи съ утонченнымъ развитіемъ эстетическихъ вкусовъ“. Третій взглядъ, исключительно утилитарный, видитъ въ высшихъ женскихъ курсахъ не что иное, какъ подготовительную школу для учительницъ; именно онъ лежитъ въ основаніи разбираемыхъ нами проектовъ. Представительницей второго мнѣнія можетъ служить госпожа Пиллеръ. Самой сильной частью ея аргументаціи является та, которая направлена противъ завзятыхъ враговъ высшаго женскаго образованія. Когда она утверждаетъ, что „систематическое, законченное образованіе—самый вѣрный щитъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, отъ увлеченія преступной пропагандой“, когда она защищаетъ нравственность учащихся женщинъ, ея свидѣтельство имѣетъ несомнѣнную цѣнность, потому что она стоитъ, во многихъ отношеніяхъ, на одной почвѣ съ своими противниками и не можетъ быть заподозрѣна или въ неблагонамѣренности или неблагонадежности. Госпожа Пиллеръ права и тогда, когда возражаетъ противъ узко-практическаго взгляда на женское образованіе, но она впадаетъ въ крайность и даже въ противорѣчіе сама съ собою, когда хочетъ замкнуть его всецѣло въ рамки такъ-называемыхъ словесныхъ наукъ. Всеобщая и русская исторія, всемірная литература, русская литература, славянскія нарѣчія, богословіе, исторія философіи, исторія искусствъ, педагогика, психологія, землевѣденіе, важнѣйшія данныя политической экономіи и законовѣденія, иностранные языки—вотъ, по убѣжденію госпожи Пиллеръ, единственно-возможная программа высшихъ женскихъ курсовъ. Она упускаетъ изъ виду, что „расширеніе умственнаго горизонта“, „философское направленіе ума“—могутъ быть пріобрѣтены не однимъ только путемъ; она забываетъ, что у женщинъ, какъ и у мужчинъ, различны способности, различны призванія, и что нѣтъ никакого основанія закрывать для женщинъ до-

ступъ въ область наукъ математическихъ и естественныхъ. Не случайно же число учащихся на физико-математическомъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ всегда превышало число учащихся на словесномъ отдѣленіи [1]; не случайно находилось всегда достаточное число слушательницъ по спеціально-математическому отдѣленію; не случайно, наконецъ, между окончившими курсъ, особенно многія заявили себя научными трудами по естествовѣдѣнію. Въ виду такихъ фактовъ, необходимость изученія на высшихъ женскихъ курсахъ точныхъ наукъ наравнѣ съ словесными, по свободному выбору слушательницъ, едва ли требуетъ еще какихъ-либо доказательствъ.

Въ сравненіи съ мнѣніемъ госпожи Пиллеръ, проекты, составленные особою коммиссіею, имѣютъ то безспорное преимущество, что они открываютъ для женщинъ доступъ къ изученію высшей математики; тѣмъ болѣе поразительнымъ представляется совершенное исключеніе ими изъ программы высшихъ женскихъ курсовъ наукъ естественныхъ. Если сопоставить учебный планъ физико-математическаго отдѣленія бестужевскихъ курсовъ съ учебнымъ планомъ математическаго отдѣленія вновь проектируемыхъ высшихъ женскихъ курсовъ, то въ послѣднемъ не окажется слѣдующихъ предметовъ, входящихъ въ составъ перваго: органической химіи, геологіи, минералогіи, зоологіи, ботаники, анатоміи, гистологіи и физіологіи. Этотъ пробѣлъ кажется намъ, прежде всего, несогласнымъ съ основною задачею проекта. Высшіе женскіе курсы должны снабжать учительницами старшіе классы женскихъ гимназій, а въ программу этихъ классовъ, какъ нынѣ дѣйствующую, такъ и вновь проектируемую, входитъ и естественная исторія. Почему же по отношенію къ ней одной дѣлается исключеніе, почему же для нея одной не признается нужнымъ приготовлять учительницъ? Развѣ есть какія-либо особыя причины, въ силу которыхъ естественная исторія должна быть преподаваема, въ женскихъ гимназіяхъ, непремѣнно учителями? Очевидно—нѣтъ. Остается только предположить, что естествознаніе считается вреднымъ, и притомъ вреднымъ именно для женщинъ. Угадать основаніе такого взгляда мы не беремся. Если естествознаніе способствуетъ развитію матеріализма и разныхъ другихъ *измовъ*, то во имя логики слѣдовало бы закрыть естественные факультеты и въ университетахъ. Если оно способствуетъ уничтоженію „женственности", то не слѣдовало бы проектировать учрежденіе „женскаго медицинскаго института"—да не слѣдовало бы открывать и математическаго отдѣленія, такъ какъ математика также пользуется репута-

---

[1]) Въ 1886—7 учебномъ году на словесномъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ было 170 слушательницъ, на физико-математическомъ и спеціально-математическомъ —357.

ціей науки, „изсушающей сердце". Съ этой точки зрѣнія преимущество послѣдовательности оказывается на сторонѣ госпожи Пиллеръ, не отступающей ни на шагъ отъ своей теоріи „эстетическаго развитія женщинъ". Еще болѣе серьезный недостатокъ проектовъ, составленныхъ коммиссіею—если только не лишены основанія дошедшіе до насъ слухи—мы видимъ въ томъ, что они пріурочиваютъ высшіе женскіе курсы исключительно къ практическимъ цѣлямъ, и притомъ цѣлямъ довольно узкимъ. Наше высшее образованіе всегда страдало, если можно такъ выразиться, слишкомъ прикладнымъ характеромъ. Это объясняется, между прочимъ, самою его исторіею; оно было призвано къ жизни правительственною властью, въ видахъ чисто утилитарныхъ—для подготовки техниковъ и спеціалистовъ, въ которыхъ чувствовалась потребность. Отсюда преобладаніе практическихъ соображеній и въ средѣ тѣхъ, кто стремился къ высшему образованію; лишь для немногихъ оно представлялось цѣннымъ само по себѣ,—для большинства оно было только средствомъ. Высшіе женскіе курсы были у насъ чуть не первыми учебными заведеніями, не дававшими никакихъ *правъ*—и все-таки они привлекли къ себѣ массу учащихся. Объяснить это увлеченіемъ, модой—нельзя, потому что наплывъ слушательницъ продолжался, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, болѣе десяти лѣтъ, а мода не бываетъ такъ долговѣчна. Мы знаемъ изъ словъ профессора Герье, приведенныхъ нами въ предыдущей хроникѣ, что именно въ первое время послѣ открытія курсовъ его всего чаще спрашивали о правахъ, ими предоставляемыхъ, а потомъ этотъ вопросъ не возникалъ, и слушательницы стекались на курсы, не помышляя о „правахъ". Образованіе оказалось притягательной силой, не нуждающейся въ искусственныхъ приманкахъ—и это явленіе въ высшей степени отрадное, въ высшей степени поучительное. Аномалія заключается не въ томъ, что существуетъ школа, не ведущая ни къ какой „карьерѣ", а въ томъ, что съ такой школой признается нужнымъ какъ можно скорѣе покончить. Мы далеки отъ мысли, чтобы окончившимъ высшіе женскіе курсы не слѣдовало давать никакихъ правъ; мы сочувствуемъ вполнѣ назначенію ихъ преподавательницами въ старшихъ классахъ гимназій—мы утверждаемъ только, что курсы не должны быть перекраиваемы исключительно по этой мѣркѣ, что они должны сохранить общеобразовательный характеръ и служить прибѣжищемъ для всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, желающихъ, помимо всякой практической цѣли, идти впередъ на пути развитія и знанія.

Послѣ долгихъ отсрочекъ опредѣлено, наконецъ, время открытія сибирскаго—или, какъ онъ называется оффиціально, томскаго уни-

верситета. Онъ начнетъ дѣйствовать въ предстоящемъ учебномъ году (1888—89), на первое время—въ составѣ одного только медицинскаго факультета; открытіе остальныхъ факультетовъ будетъ зависѣть, вѣроятно, отъ числа поступающихъ студентовъ. Чтобы увеличить это число, министру народнаго просвѣщенія предоставлено разрѣшать пріемъ въ студенты томскаго университета воспитанниковъ духовныхъ семинарій, удовлетворяющихъ требованіямъ, которыя будутъ установлены министромъ. Это уже второй примѣръ отступленія отъ общаго начала, въ силу котораго для доступа въ университетъ требуется аттестатъ зрѣлости; первое отступленіе было допущено—также въ пользу воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по отношенію къ варшавскому университету. Нисколько не возражая противъ подобныхъ изъятій, оправдываемыхъ, въ нашихъ глазахъ, не только мѣстными условіями, но и излишнею исключительностью и односторонностью системы, мы думаемъ, что они могли бы быть распространены еще дальше, особенно въ Сибири. Отчего бы не допустить въ студенты сибирскаго университета, по медицинскому факультету (да и по физико-математическому, когда онъ будетъ открытъ), окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ Сибири? Къ изученію естественныхъ наукъ они приготовлены гораздо лучше, чѣмъ воспитанники духовныхъ семинарій; привлекать послѣднихъ въ университетъ можно, вдобавокъ, лишь въ ограниченномъ числѣ, потому что иначе окажется недостатокъ въ кандидатахъ на священническія мѣста въ Сибири. Пополняясь только гимназистами и немногими семинаристами, сибирскій университетъ слишкомъ нескоро займетъ мѣсто, соотвѣтствующее необходимымъ для него затратамъ; слишкомъ нескоро представится возможность уравнять его съ другими университетами, открытіемъ всѣхъ или, по меньшей мѣрѣ, нѣсколькихъ факультетовъ. Въ Сибири три реальныхъ училища—въ Тюмени, Томскѣ и Троицкосавскѣ; еслибы часть учениковъ, прошедшихъ черезъ дополнительные ихъ классы, направилась въ томскій университетъ, это послужило бы для него большимъ подспорьемъ. Отъ нихъ можно было бы требовать знанія латинскаго языка, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно нужно для будущихъ врачей и желательно для будущихъ естествоиспытателей. Такое требованіе не остановило бы, безъ сомнѣнія, тѣхъ молодыхъ людей, которые, окончивъ реальное училище, чувствуютъ потребность въ дальнѣйшемъ образованіи; для нихъ было бы, безъ сомнѣнія, гораздо легче пройти элементарный курсъ латыни, чѣмъ отправляться въ Петербургъ, съ неопредѣленной надеждой на вступленіе въ одно изъ высшихъ техническихъ училищъ. Безусловно затворять передъ ними двери въ университетъ, во имя единодержавія древнихъ языковъ, значило бы дѣйствовать

въ смыслѣ извѣстнаго изреченія: périssent les colonies plutôt qu'un principe!

Въ нашу редакцію присланъ, вѣроятно по поводу сказаннаго нами въ предыдущей хроникѣ, печатный экземпляръ новаго сообщенія саратовскаго губернатора, съ надписью на немъ карандашомъ: „Доказательство, что и исправники что-нибудь могутъ сдѣлать". Въ этомъ сообщеніи генералъ-лейтенантъ Косичъ говоритъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время недавней поѣздки по уѣздамъ аткарскому и балашовскому. Что же, изъ числа этихъ наблюденій, можетъ служить опроверженіемъ нашихъ замѣчаній? Въ селѣ Баландѣ жители начинаютъ обсаживать свои дома деревьями, согласно совѣту, данному въ одномъ изъ прежнихъ циркуляровъ губернатора; въ селѣ Таловкѣ строятся, послѣ пожара, не деревянные, а глинобитные дома, о чемъ, кажется, также когда-то говорилъ губернаторъ; въ селѣ Романовкѣ состоялся недавно, согласно желанію губернатора, общественный приговоръ о преслѣдованіи неприличныхъ, бранныхъ словъ; послѣдніе выборы сельскихъ должностныхъ лицъ оказываются болѣе „внимательными" и позволяютъ надѣяться, что крестьянское самоуправленіе скоро выйдетъ изъ своего „хаотическаго" состоянія. Все это очень отрадно, но причемъ же тутъ дѣятельность исправниковъ? Мы не сомнѣвались и не сомнѣваемся въ томъ, что благоразумные, доброжелательные *совѣты* губернатора могутъ принести хорошіе плоды; мы утверждали только, что нравственность и хозяйственность не могутъ быть насаждаемы par ordre, мѣрами полиціи; что приговоры, состоявшіеся подъ давленіемъ начальства, останутся мертвой буквой; сдѣланное въ угоду власти или изъ страха передъ ея неудовольствіемъ не переживетъ первой перемѣны въ личномъ ея составѣ. Пускай губернаторы разъясняютъ крестьянамъ значеніе общественныхъ выборовъ, пускай убѣждаютъ относиться къ нимъ „внимательно", выбирать лучшихъ людей — противъ этого нельзя сказать ни слова; но отсюда еще далеко до полицейскаго вмѣшательства въ выборы, до указанія кандидатовъ, до агитаціи въ пользу назначенія имъ достаточнаго жалованья. Въ глазахъ полиціи волостные старшины и сельскіе старосты всегда останутся, прежде всего, взыскателями податей и оберегателями наружнаго порядка. Можно вполнѣ соотвѣтствовать условіямъ этой двойной роли, и все-таки быть весьма плохимъ представителемъ крестьянскаго самоуправленія... Полиція имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, внутри котораго она можетъ сдѣлать не только „что-нибудь", но даже довольно много: мы желаемъ только одного—чтобы она не выходила за его предѣлы, хотя бы и съ самыми лучшими цѣлями. „Благія намѣренія", легче чѣмъ

гдѣ бы то ни было, могутъ разыграть здѣсь ту роль, которую приписываетъ имъ французская поговорка.

Въ самый послѣдній день, когда наша хроника была уже закончена, почта доставила намъ № 4.100 одесской газеты „Новороссійскій Телеграфъ", отъ 14-го сего іюня; въ отдѣлѣ „Ежедневной Хроники", между прочими извѣстіями, обыкновенно сообщаемыми редакціямъ ихъ репортерами, находится также извѣстіе, озаглавленное редакціею: „Генералъ-губернаторское внушеніе гласнымъ одесской Думы". Самое мѣсто помѣщенія такого извѣстія, указывающее на его вполнѣ неоффиціальный характеръ и болѣе или менѣе сомнительный источникъ, заставило насъ осторожно отнестись къ точности сообщеннаго газетѣ ея репортеромъ, а изъ самаго текста вышеупомянутаго извѣстія оказалось даже, что репортеръ мало знакомъ съ существующими законоположеніями, или иначе онъ не сдѣлалъ бы столько ошибокъ и промаховъ въ своемъ сообщеніи; притомъ, несомнѣнно и то, что онъ разсказалъ все происходившее своими словами, и только тѣмъ можно объяснить присутствіе въ названномъ газетою „внушеніи" такихъ выраженій, которыя вовсе не употребительны въ оффиціальномъ мірѣ и особенно въ языкѣ нашихъ высшихъ административныхъ сферъ, какъ напримѣръ: „вредные болтуны", какими назвалъ, будто бы г. ген.-губернаторъ тѣхъ гласныхъ, которые были приглашены имъ же къ себѣ по дѣлу о городской больницѣ. Еще менѣе кажется вѣроятнымъ то сообщеніе репортера, будто бы, лицамъ, собравшимся въ помѣщеніи ген.-губернатора, было высказано предостереженіе, что на будущее время въ подобномъ случаѣ тѣ члены Думы, которые въ собраніи ея выскажутся, по хозяйственнымъ вопросамъ, несогласно съ предложеніями ген.-губернатора, будутъ высылаемы изъ города. Хотя репортеръ и приводитъ какъ бы собственныя слова говорившаго лица, но все же остается неизвѣстнымъ, хорошо ли онъ запомнилъ сказанное и точно ли изложилъ; а между тѣмъ — litera docet, litera nocet! „Мнѣ предоставлена — такъ записалъ репортеръ слова ген.-губернатора — громадная власть для водворенія порядка и охраненія достоинства власти. Я очень осторожно пользовался этою властью, но вы, господа, вынудите меня прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Въ пять лѣтъ моего пребыванія здѣсь, я успѣлъ полюбить Одессу, мнѣ пріятно видѣть сердечное ко мнѣ отношеніе гражданъ. Судите же, какъ мнѣ будетъ больно принять *энергичныя мѣры* относительно ихъ избранниковъ"... Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ сомнѣваться въ документальной точности сообщеннаго газетѣ ея репортеромъ.

Самое же дѣло, вызвавшее такое предостереженіе гг. гласнымъ, въ сущности, состоитъ въ слѣдующемъ: одесская Дума, подобно нашей, петербургской Думѣ, приняла, на основаніи п. 4, ст. 2 Городового Положенія, Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1870 г., въ свое завѣдываніе больничное дѣло, и при этомъ получила изъ приказа общественнаго призрѣнія капиталъ на содержаніе богоугодныхъ заведеній, приносящій всего 25.000 рублей ежегодно—на больничное дѣло. О степени расширенія и улучшенія городомъ этого дѣла на собственныя средства можно судить по одному тому, что по росписи на 1888 годъ одесская городская Дума расходуетъ на больничное дѣло не 25.000 руб., а 309.084 рубля, т.-е. 15% всего городского бюджета! Такъ какъ больницы отнесены Городовымъ Положеніемъ (ст. 139 и 140) къ числу *необязательныхъ* расходовъ, которые городъ дѣлаетъ потому въ тѣхъ размѣрахъ, какіе для него окажутся возможными, за удовлетвореніемъ расходовъ обязательныхъ, то окажется, что одесское городское общественное управленіе, принявъ на себя больничное дѣло, присоединило къ упомянутымъ 25 тысячамъ больничнаго капитала, изъ своихъ средствъ, около 285 тысячъ ежегоднаго расхода. Тѣмъ не менѣе г-нъ ген.-губернаторъ, при личномъ осмотрѣ глазного отдѣленія больницы, нашелъ безпорядокъ. „Усматривая бездѣятельность городского управленія,—говоритъ репортеръ газеты,—въ содержаніи городской больницы, его высокопревосходительство нашелъ необходимымъ образовать, подъ предсѣдательствомъ г. одесскаго градоначальника, коммиссію для выясненія причинъ безпорядковъ". Правительственная коммиссія, однако, объяснила эти безпорядки не бездѣятельностью городского управленія, а указала на другую ихъ причину, а именно на „устарѣлость дѣйствующаго больничнаго устава", а потому,—продолжаетъ репортеръ, — „была образована г.-губернаторомъ новая коммиссія изъ почтенныхъ лицъ,—весьма компетентныхъ въ больничномъ дѣлѣ",—для выработки проекта устава одесской больницы; когда этотъ проектъ устава былъ, послѣ годичныхъ почти трудовъ коммиссіи, выработанъ, г. начальникъ края отправилъ его на разсмотрѣніе одесской Думы, полагая,—говоритъ репортеръ газеты,—„что гг. гласные помогутъ ему своими практическими совѣтами и, по пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше", дополнятъ проектъ устава своими *замѣчаніями*, которыя охотно были бы приняты во вниманіе". Подобный мотивъ препровожденія проекта устава въ Думу, подкрѣпленный ссылкою на извѣстную пословицу, могъ придти въ голову только репортеру, такъ какъ въ дѣйствительности мнѣніе Думы въ такомъ случаѣ требуется не пословицею, а Городовымъ Положеніемъ; еслибы проектъ больничнаго устава не былъ разсмотрѣнъ Думою, а предписанъ ей, то съ нея снималась бы всякая дальнѣйшая отвѣтственность за больничное дѣло и пала бы всецѣло на составителей этого

устава. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что городская Дума не ограничилась „замѣчаніями“, но и сдѣлала возраженія по проекту, такъ какъ больничное дѣло есть, съ одной стороны, чисто-техническое, а съ другой — хозяйственное, но никакъ не политическое; о дѣлахъ же техническихъ и хозяйственныхъ откровенное выраженіе своего мнѣнія считается даже прямымъ долгомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанности, въ чемъ никогда и никто еще не усматривалъ „оппозиціи“. Оказалось, что „одесское городское управленіе предполагаетъ строить новыя больничныя зданія для каждой спеціальной болѣзни“, какъ это уже существуетъ у насъ въ Петербургѣ, гдѣ болѣзни тифозныя, сифилисъ, дифтеритъ и т. п., имѣютъ для себя или спеціальныя больницы, или спеціальныя отдѣленія въ особыхъ зданіяхъ. Составители ген.-губернаторскаго устава, очевидно, не имѣли этого обстоятельства въ виду, а потому городская Дума, отвѣчая на запросъ г. ген.-губернатора и указывая между прочимъ и на это обстоятельство, высказалась,—по словамъ репортера, какъ ниже окажется, не совсѣмъ точнымъ,—что „вопросъ о введеніи новаго устава преждевременемъ, и во всякомъ случаѣ городское управленіе само составитъ себѣ больничные уставы“.

Сообщая, далѣе, самыя пренія въ собраніи Думы по поводу этого дѣла, репортеръ пришелъ уже совсѣмъ къ странному и на этотъ разъ непростительному для него заключенію: „Подобнаго (?) рода пренія,—говоритъ онъ,—сдѣлавшіяся немедленно достояніемъ мѣстной печати, внушаютъ массѣ населенія превратныя понятія о требованіяхъ власти“. Если газетный репортеръ можетъ еще какъ-нибудь отговариваться незнаніемъ Городового Положенія, то законы о печати должны быть ему хорошо извѣстны, а потому онъ не можетъ не знать, что газетные отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній и городскихъ Думъ не могутъ быть печатаемы даже въ подцензурныхъ изданіяхъ иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора или лица, замѣняющаго его, а потому пренія въ Думѣ никакъ не могутъ дѣлаться „немедленно достояніемъ мѣстной печати“, такъ какъ отъ власти всегда зависитъ, чтобы пренія не „внушали массѣ населенія превратныхъ понятій о требованіяхъ власти“.

Впрочемъ, вслѣдъ за газетнымъ извѣстіемъ, появились въ печати и оффиціальные документы, сообщающіе намъ точные факты: 1) постановленіе одесской Думы, мая 18-го дня, вполнѣ подтверждающее высказанное нами объ опасности опираться, въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ, на одни репортерскія показанія: оказывается, что городская Дума вовсе не уклонялась отъ разсмотрѣнія проекта устава, и самое ея журнальное постановленіе изложено репортеромъ вовсе не такъ; 2) обязательное постановленіе временнаго одесскаго г.-губернатора,

генералъ-отъ-инфантеріи Роопа, 12-го іюня 1888 г. Ограничимся приведеніемъ въ подлинникѣ того и другого:

I. „1888 года, мая 18-го дня, одесская городская Дума, выслушавъ *докладъ* коммиссіи и управы *по разсмотрѣнію ими* препровожденнаго при предложеніи г. одесскаго градоначальника отъ 9-го ноября 1887 г., за № 13367, проекта новаго устава одесской городской больницы (№ 30 „Вѣд. Общ. Упр." 1888 г.) и *выработанныя ими, по порученію Думы, соображенія по поводу означеннаго проекта*, — приговорили: поручить городской управѣ, во исполненіе вышеприведеннаго предложенія г. градоначальника, представить его превосходительству сказанныя соображенія коммиссіи и управы, причемъ доложить, что Городская Дума, озабочиваясь въ настоящее время *существующую общую больницу замѣнить, въ интересахъ больничнаго дѣла, отдѣльными спеціальными больницами*, для которыхъ она, на основаніи предоставленнаго ей закономъ права, предполагаетъ въ свое время выработать отдѣльные уставы, сообразно спеціальности каждой изъ нихъ, признаётъ болѣе полезнымъ, впредь до преобразованія городской больницы, руководствоваться существующимъ уставомъ и послѣдующими законоположеніями".

II. Обязательное постановленіе временнаго одесскаго генералъ-губернатора, 12-го іюня 1888 года:

„Принимая во вниманіе: 1) что въ одесской городской больницѣ, вслѣдствіе отсутствія должной заботливости городского управленія, допускаются серьезные безпорядки; 2) что безпорядки эти, отражаясь на интересахъ массы недостаточнаго населенія, которому приходится пользоваться больницею, требуютъ немедленнаго устраненія; 3) что одесская городская дума подъ совершенно неосновательными предлогами *отказалась войти въ разсмотрѣніе внесеннаго, согласно моему распоряженію, на ея обсужденіе проекта устава одесской больницы*, составленнаго въ видахъ устраненія означенныхъ безпорядковъ, я, на основаніи п. г. § 16 Высочайше утвержденнаго 14-го августа 1881 года Положенія [1]), постановляю:

„а) ввести съ 1-го августа сего года въ одесской городской больницѣ составленный для нея проектъ устава, вполнѣ отвѣчающій потребностямъ больничнаго дѣла;

„б) обязать городское управленіе отпускать на содержаніе городской больницы соотвѣтствующія по смѣтамъ суммы, не уменьшая размѣра ихъ въ сравненіи съ отпускаемыми нынѣ;

„в) возложить на обязанность одесскаго врачебнаго инспектора ближайшее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ вновь вводимаго для городской больницы устава;

„г) обязать городское управленіе по прежнему отпускать въ распоряженіе одесскаго врачебнаго инспектора изъ городскихъ средствъ

---

[1]) П. г. § 16: „Генералъ-губернаторамъ предоставляется также — воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны". — Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, 14 авг. 1881 г.

ту сумму, которую онъ до настоящаго времени получалъ на расходы по наблюденію за дѣятельностью санитарнаго надзора".

Всѣ эти четыре пункта находятся въ полномъ противорѣчіи съ Высочайше утвержденнымъ Городовымъ Положеніемъ, 18-го іюня 1870 г., ибо, по статьѣ 139—140 Город. Пол., отпускъ на больничное дѣло отнесенъ къ числу необязательныхъ расходовъ; по п. 4 ст. 2 того же Положенія, завѣдываніе больницами составляетъ обязанность городского общественнаго управленія, а теперь больница изъята изъ вѣдѣнія города и ближайшее наблюденіе за нею возложено единолично на врачебнаго инспектора; наконецъ, по Городовому Положенію, Дума не обязана содержать на счетъ города врачебнаго инспектора. Но съ другой стороны, обязательное постановленіе основывается на другомъ законѣ, политическаго характера, а потому компетентное обсужденіе такой коллизіи между различными законоположеніями для насъ затруднительно; подобнаго рода коллизіи могутъ находить себѣ авторитетное разъясненіе только въ Правительствующемъ Сенатѣ, на который Верховною властью возложена обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ въ имперіи.

Мы, съ своей стороны, можемъ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ оно представляется теперь по оффиціальнымъ документамъ, обратить вниманіе только на одно обстоятельство: мотивомъ къ обязательному постановленію служитъ то, что Дума „отказалась войти въ разсмотрѣніе внесеннаго, согласно распоряженію г. ген.-губернатора, на ея обсужденіе проекта устава одесской больницы"; а изъ постановленія Думы видно, что проектъ былъ обсуждаемъ подробно цѣлою городскою коммиссіею и Управою, составившими особый докладъ, разсмотрѣнный потомъ Думою, и все это было препровождено г. ген.-губернатору. Имѣя случай пользоваться изданіями городскихъ Думъ важнѣйшихъ городовъ, мы читали и этотъ въ высшей степени интересный и обширный (99 печатн. стран. больш. форм.) докладъ одесской Думы,—потому никакъ не можемъ объяснить себѣ, какимъ образомъ этотъ докладъ оказывается неизвѣстнымъ г. ген.-губернатору, такъ какъ, по словамъ обязательнаго постановленія, Дума будто бы „отказалась войти въ разсмотрѣніе" генералъ-губернаторскаго проекта, — чего на дѣлѣ однако не было.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Петербургъ до его основанія. Опытъ исторіи спб. Биржи, въ связи съ исторіей С.-Петербурга какъ торговаго порта. Г. А. Немирова. Вып. 1. Спб. 1888. Стр. 1—56. Подписная цѣна на 1-ую серію 25 р.

Предъ нами начало весьма обширнаго и столь же интереснаго труда, или, вѣрнѣе сказать, цѣлаго предпріятія—дать геологическую и затѣмъ экономическую исторію невской дельты, занимаемой нынѣ столицею имперіи,—до 1703 г., когда былъ основанъ Петербургъ. Въ настоящемъ выпускѣ собраны весьма тщательно всѣ матеріалы, при помощи которыхъ авторъ даетъ наглядное понятіе о тѣхъ геологическихъ переворотахъ, которые совершались въ этой мѣстности еще до начала образованія будущей невской дельты, когда рѣкѣ Невѣ предшествовалъ широкій проливъ, соединявшій непосредственно озеро Нево (Ладожское) съ морскимъ заливомъ, южнымъ берегомъ котораго въ IX столѣтіи были возвышенности Пулкова и Дудергофа (чудскія селенія Пулковъ и Дудора, „гдѣ сѣша въ ладіи и поплывоша“ новгородскіе послы, имѣвшіе порученіе призвать варяговъ). Въ XVI вѣкѣ невская дельта имѣла еще всего два населенныхъ острова: Васильевъ (Васильевскій) и Ѳоминъ Конецъ (Петерб. Сторона); всѣ прочіе острова были подъ водою; главнымъ русломъ тогда была нынѣшняя Малая Нева, отдѣляющая Васил. островъ отъ Петербургской; вся эта мѣстность составляла ижорскій погостъ одной изъ новгородскихъ пятинъ (вотьской), а по паденіи Новгорода она составила волость подъ именемъ: „Великаго князя волость на рѣцѣ на Невѣ, у моря, Тимоѳѣевская Грузова“. Между 1497—1499 гг. въ этой волости основано было село Усть-Охта,—предшественница Петербурга, какъ это подробно разъяснено въ первомъ выпускѣ предпринимаемаго изданія, которому нельзя не пожелать довести это дѣло до конца такъ же успѣшно, какъ оно начато.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. VI. Спб. 1888. Стр. 434. Ц. 2 р. 75 к.

Настоящій выпускъ заключаетъ собою исторію восстанія и возрожденія Грецін, совершавшихся одновременно съ такимъ же возстаніемъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Всѣ эти возстанія положили тогда начало „восточному“ вопросу, который, повидимому, и въ настоящее время не можетъ быть признанъ близкимъ къ разрѣшенію; но это послѣднее обстоятельство только увеличиваетъ интересъ именно этой части классическаго труда Г. Гервинуса. Роли дѣйствующихъ сторонъ съ того времени перемѣнились, но въ общемъ—положеніе дѣлъ, тогда и теперь, представляетъ еще нѣкоторую аналогію, съ тѣмъ только исключеніемъ, что Меттерниховская Австрія 20-хъ годовъ, ставъ послѣ вѣнскаго конгресса во главѣ всеевропейской реакціи, не могла правильно понять народнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, какъ шедшаго въ разрѣзъ съ идеалами Священнаго Союза и потому казавшагося ей революціоннымъ; новѣйшая Австрія смотритъ иначе на то же дѣло. Исторію самой реакціи отъ вѣнскаго конгресса до іюльской революціи Гервинусъ изложилъ подробно еще въ первыхъ двухъ томахъ; третій и четвертый заняты изложеніемъ первыхъ попытокъ къ противодѣйствію реакціи, за которыми и послѣдовали волненія на Балканскомъ полуостровѣ; исторія послѣднихъ и составляетъ содержаніе пятаго и шестого томовъ. Въ послѣдующихъ двухъ томахъ авторъ возвращается къ оставленной имъ исторіи реакціи и объясняетъ, какъ именно сама реакція и подготовила іюльскую революцію, заключившую собою первую эпоху европейской „реставраціи“, или реакціи.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ кіевскомъ и с.-петербургскомъ университетахъ В. И. Модестовымъ. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. 1888. Стр. 764. Ц. 5 р.

Цѣль настоящаго, новаго изданія лекцій по исторіи римской литературы состоитъ не только въ необходимомъ дополненіи той части, которая была читана еще въ началѣ 70-хъ годовъ, но также и въ томъ, чтобы „по мѣрѣ силъ противодѣйствовать пагубному направленію, охватившему преподаваніе классической филологіи у насъ въ послѣдніе годы“—и являющемуся, по мнѣнію автора, результатомъ учебнаго плана по историко-филологическому факультету русскихъ университетовъ, оставляющаго исторіи римской и греческой литературы самое скромное мѣсто: на такой предметъ отпускается всего одно полугодіе. Зато, какъ замѣчаетъ авторъ, много времени университетскихъ слушателей посвящается переводамъ на латинскій языкъ исторіи г. Иловайскаго или чего-нибудь тому подобнаго. „Я убѣжденъ,—заключаетъ почтенный профессоръ,—что мой голосъ, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, примется во вниманіе, тѣмъ болѣе, что организованное новымъ учебнымъ планомъ преподаваніе видимо *для всѣхъ* ведетъ классическую филологію къ упадку“—или, правильнѣе говоря, не приведетъ къ процвѣтанію, котораго, по правдѣ сказать, у насъ классическая филологія еще и не видала. Впрочемъ, независимо цѣли, какою задается авторъ, его трудъ, какъ трудъ у насъ почти единственный оригинальный въ области исторіи римской литературы, не пройдетъ безслѣдно и возбудитъ интересъ въ обширномъ кругу читателей, тѣмъ болѣе, что лекціи снабжены многочисленными образцами древнихъ писателей въ хорошемъ русскомъ переводѣ.

Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи. Проф. Н. О. Куплеваскаго. Харьковъ, 1888. Стр. 268. Ц. 2 р.

Нельзя не согласиться съ авторомъ настоящаго труда какъ въ томъ отношеніи, что правильная постановка государственной службы облегчаетъ правительству достиженіе двухъ его главныхъ цѣлей, а именно обезпечить гражданамъ въ государствѣ законность и направить администрацію къ общему благу,—такъ и въ томъ отношеніи, что внимательное изученіе правового и фактическаго положенія администраціи въ другихъ государствахъ имѣетъ для насъ весьма важное значеніе; заимствованія у другихъ народовъ—по справедливому замѣчанію автора—вовсе не находятся въ противорѣчіи съ національной самобытностью государства. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ интересному труду проф. Куплеваскаго, а теперь пока укажемъ на одну изъ его главъ: „государственные экзамены“, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе, вслѣдствіе того, что такіе экзамены вводятся и у насъ.



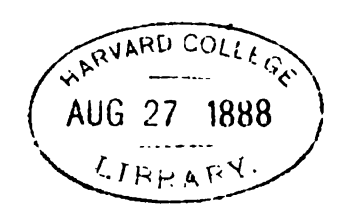
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1888.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1888.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XII стр.



МУСЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Окончаніе.

VII *).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; отъ лѣта и деревни остались одни воспоминанія. Все по прежнему собралось въ Петербургѣ, чтобы повторить предыдущую зиму—въ ожиданіи новаго лѣта; между прочимъ повторился и одинъ изъ блестящихъ благотворительныхъ базаровъ.

Аккуратная Нина съ одиннадцати часовъ начала уже торопить Любочку, чтобы во-время поспѣть къ Мусѣ, за которой онѣ уговорились зайти, чтобы вмѣстѣ ѣхать на базаръ, устроиваемый Александрой Семеновной Вешниной. Любочка была почти готова, но никакъ не могла собраться окончательно. Еще пока горничная причесывала ее, Любочка какъ-то поспѣла заглянуть, скосивъ глаза, въ лежавшую подлѣ туалета на столѣ книгу новаго журнала, заинтересовалась прочитанной фразой — изъ середины какой-то статьи—и, едва прическа кончилась, Любочка, такъ и не надѣвая лифа, и все въ той же неудобной позѣ, бокомъ къ книгѣ и столу, погрузилась въ чтеніе и была совершенно глуха приставаніямъ Нины, чтобы „Петрушка не читалъ въ книжку". шь когда тонъ Нины становился черезъ-чуръ серьезнымъ, Люка, не отрывая глазъ отъ страницы, сердито просила, чтобы інка не стояла у нея надъ душой".

*) См. выше: іюль, стр. 81.

Потомъ Любочка взялась-было уже за свой корсажъ, но вдругъ ей пришло въ голову примѣрить новую верховую шляпу, и Любочка, все такъ и не надѣвая лифа, принялась прикалывать то сѣрый, то черный вуаль на разные лады и надѣвать передъ зеркаломъ цилиндръ то совсѣмъ на глаза, то на бокъ, то прямо. —Нина, какъ ты думаешь, вотъ такъ? Или лучше сѣрый? Или купить бѣлый?

Нина совершенно разсердилась, отобрала отъ сестры шляпу и заставила одѣться. Благодаря настойчивости Нины, онѣ поспѣли вò-время къ Мусѣ и не позже пяти минутъ перваго уже подъѣзжали къ обитому тикомъ и украшенному флагами подъѣзду, около котораго стоялъ околоточный.

— Ну, вотъ видишь, ты боялась опоздать, а всего лишь двѣ кареты, кромѣ нашей, и сани чьи-то,—проговорила укоризненно Любочка, первая готовясь выскочить изъ кареты, прежде даже, чѣмъ она остановилась совершенно. Нина и Муся едва успѣли удержать ее за шубку.

Въ прихожей было еще совершенно пусто. И три присланные изъ дому лакея Вешниной, выѣздной Неридовой, швейцаръ и два сторожа, всѣ разомъ, точно обрадовавшись, бросились помогать раздѣваться Бергамъ и Глуховской. На вѣшалкахъ висѣли двѣ-три ротонды, военное пальто и большая медвѣжья шуба.

— Это шуба Ивана Степановича, я узнала ее! — сказала Любочка, поднимаясь за сестрой по широкой лѣстницѣ.

Шаги вошедшихъ гулко раздались въ совершенно еще пустыхъ залахъ. Въ первой комнатѣ изъ-за столика съ искусственными цвѣтами вынырнула голова гвардейскаго офицера и тотчасъ опять скрылась подъ столомъ.

— Саша!—окрикнула Муся, узнавъ Муранскаго.—Что это ты—solo въ прятки играешь?!

— Ахъ, это ты, Муся! — радостно воскликнулъ Муранскій, выбѣгая къ ней изъ-за своей засады.—Ты тоже продаешь? Чтò ты продаешь? Ты скажи заранѣе; я хоть и состою сегодня тоже въ приказчикахъ, но у тебя приду покупать... А это я подъ столъ пряталъ коробки: намъ сейчасъ еще цвѣтовъ прислали. Посмотри, какъ я хорошо развѣсилъ!—говорилъ Муранскій, вновь подходя къ своему столу и показывая гирлянды и отдѣльныя гроздья и вѣтви цвѣтовъ, искусно развѣшанныя на невидимыхъ веревочкахъ и составлявшія точно потолокъ бесѣдки надъ столомъ, заваленнымъ цѣлыми ворохами искусственныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ виднѣлись двѣ-три майоликовыя вазочки, корзиночки, тарелочки.

— А ты у кого продаешь?

— Да у Вязьмовой, у Мэри Орестовны. Какъ ты думаешь: un joli cadre pour son divin visage? — Онъ указалъ на бесѣдку.

Муся расхохоталась.—Ну, ты, я вижу, и въ гробъ такимъ „фанатикомъ“ сойдешь. Но скажи, гдѣ же всѣ? Неужто никого еще нѣтъ?

— Какъ можно! Наша президентша съ мужемъ здѣсь,—Керны, m-lle Неридова, еще нѣсколько дамъ. Они всѣ въ буфетѣ, завтракаютъ. Это и отъ нечего-дѣлать, ну и для того, чтобы поскорѣе положить рубль-два „на счастье“ въ кассу.

— А кто въ буфетѣ продаетъ?

— *Сама*!—сказалъ Муранскій, строя испуганно-подобострастную мину, и тѣмъ тономъ, какъ лакеи говорятъ о хозяевахъ.

— А! понимаю теперь, почему она никому не поручила продавать въ буфетѣ...—сказала изъ-за своего столика Нина, но тотчасъ прикусила язычокъ. Она уже поставила передъ собой ящикъ изъ-подъ перчатокъ, въ видѣ кассы, наложила въ него мелкихъ денегъ и бумажекъ для размѣна и спокойно усѣлась.

Любочка и Муся прошли въ буфетъ.

— Ah! chère Marie! Ah! que vous êtes ravissante! Какъ мило съ вашей стороны быть такой аккуратной! И вы, m-lle Люба! А ваша сестра? Какой прелестный туалетъ у васъ, Марья Николаевна!—какъ всегда, одобрила Вешнина, но тонъ ея сегодня былъ вполовину менѣе величественъ, чѣмъ всегда.

— Ну, садитесь подлѣ меня, возьмите чашку чая. Я совѣтую даже не снимать перчатокъ. Здѣсь пока страшный холодъ. M-lle Люба, et vous? Un petit gâteau peut-être?

Александра Семеновна, въ своемъ ярко-синемъ платьѣ съ красными пушинками и полосками, со значкомъ „Краснаго Креста“ и еще какими-то двумя орденами, уже вошла въ роль расторопной буфетчицы и то-и-дѣло угощала сидѣвшихъ за столиками дамъ — все продавщицъ — тартинками, бисквитами, пирожками, шоколадомъ, конфектами, приговаривая:—„Съ вашей легкой руки, Богъ дастъ хорошо пойдетъ“.

Все это были знакомыя Муси, и она, поздоровавшись со всѣми, тоже должна была присѣсть у столика, рядомъ съ Леной, съѣсть два пирожка, потомъ взять конфектъ, потомъ бисквитку, хотя терпѣть не могла сладкаго утромъ.

Въ сосѣдней залѣ послышались чьи-то шаги. Маленькая Кернъ вскочила испуганно и радостно и, обращаясь ко всѣмъ вообще, громко прошептала: „Можетъ быть, это покупатель!“ — и побѣ-

жала въ залу къ своему прилавку. За дочерью поднялась и баронесса Кернъ; шелестя шолкомъ платья и звеня стеклярусной бахрамой и браслетами, она тоже прошла въ залу. Но тревога была ложная: это лакей madame Деодати принесъ корзинки съ живыми цвѣтами, которыя и поставилъ подъ сѣнью двухъ громадныхъ латаній на столъ, окруженный цѣлымъ лѣсомъ растеній, гдѣ должно было продаваться шампанское. Потомъ лакей доложилъ Вешниной, что „Анна Ильинишна будутъ ровно къ двумъ".

Вешнина обратилась къ мужу: — Иванъ Степановичъ, какъ ты думаешь, до двухъ никто не спроситъ шампанскаго? А вдругъ?..

— Никто не спроситъ, матушка, никто не спроситъ! — съ какой-то безнадежной ноткой въ голосѣ отвѣтилъ женѣ Вешнинъ.

— Ну, а если спросятъ, вѣдь и я могу налить въ крайнемъ случаѣ,—прибавила словно самой себѣ Вешнина, и тонъ ея ясно говорилъ, что этотъ „крайній случай" доставилъ бы ей истинное удовольствіе.

Александра Семеновна, устроивая базаръ, концертъ или лотерею, можетъ быть совершенно искренно имѣла въ виду одну только серьезную и хорошую цѣль ихъ: доставить стипендію гимназисткѣ или педагогичкѣ, внести плату за дѣвочекъ въ пріютъ, или открыть постель „имени покойнаго графа Симона Реверса" въ больницѣ ихъ общины, - однимъ словомъ, тѣмъ или другимъ средствомъ помочь тому или другому изъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ благотворительныхъ обществъ, гдѣ она состояла предсѣдательницей, секретаремъ, дѣлопроизводительницей или просто дѣйствительнымъ членомъ. Александра Семеновна была въ самомъ дѣлѣ добрая и энергичная женщина, и въ самомъ дѣлѣ приносила много пользы. Но она была слишкомъ уже энергична, съ одной стороны, а съ другой—слишкомъ привыкла слышать, что „безъ нея ничего бы не вышло", что „все она", что „никто, кромѣ нея". И вслѣдствіе этого у нея явилась излишняя и необычайная ревность ко всему, что̀ касалось ея обязанностей. Она дѣлала не только то, что̀ было нужно, но и то, что̀ было совершенно ненужно, вмѣшивалась въ обязанности и кассира, и библіотекаря, и экономовъ; часто мѣшала, надоѣдала, утомляла, утомлялась сама понапрасну, цѣлыми днями пропадала изъ дому, обѣдала кое-какъ, торопясь въ комитетъ, возвращалась въ два часа ночи, разбитая и раздраженная; на другой день у нея была мигрень; Иванъ Степановичъ огорчался; члены комитета потихоньку вздыхали и посмѣивались, а Александра Семеновна только

повторяла про себя, что „еслибъ не она сама, все сдѣлали бы не такъ“. Она такъ всѣмъ сердцемъ хотѣла быть полезной и необходимой, такъ, въ то же время, безсознательно хотѣла, чтобы она, только она, была такою, что по временамъ почти огорчалась, когда оказывалось, что секретарь Петръ Сергѣевичъ былъ знакомъ съ пѣвицей Д., а баронесса Кернъ съ піанистомъ К., и, значитъ, не одна Александра Семеновна „всѣхъ пригласила“ для концерта. Александра Семеновна почти была недовольна тѣмъ, что не могла одна продавать на базарѣ, и утѣшалась однимъ — тѣмъ, что восемь изъ десяти продавщицъ навѣрное приглашены лично ею. Александра Семеновна считала даже за личное оскорбленіе, если кто-нибудь вызывался помочь ей развозить билеты. И въ сущности лучшія минуты ея жизни были тѣ, когда она, почти въ обморокѣ отъ усталости, четверть третьяго ночи, говорила мужу едва слышнымъ голосомъ: „Завтра... опять комитетъ... Не знаю просто, какъ и поѣду... Это просто мученье... Je ne me sens plus de fatigue. Это наказаніе чистое!“... И теперь она безсознательно обрадовалась, подумавъ, что Деодати можетъ опоздать, и „въ крайнемъ случаѣ“ она, Вешнина, должна будетъ подбѣжать отъ своего буфета къ столу съ шампанскимъ, сама нальетъ, лишній разъ покажетъ всѣмъ, какая она дѣятельная и умѣлая, и потомъ опять поспѣшно, не теряя ни минуты, вернется за буфетъ...

Муся прошла въ ту залу, гдѣ былъ ея столъ. Все еще было пусто. Нѣсколько барышенъ съ унылымъ видомъ бродили взадъ и впередъ. Двѣ дамы сидѣли уже у своихъ столиковъ. Муся подошла къ Бергамъ, около которыхъ стояло нѣсколько продавщицъ и Муранскій.—Et bien, mesdames, мнѣ кажется, мы страшно рано собрались. Мы только замерзнемъ здѣсь.

— Нѣтъ, отчего же?!—отвѣтила Нина.—Во-первыхъ, Александра Семеновна просила, а во-вторыхъ, уже скоро часъ. Теперь весь Петербургъ завтракаетъ, а черезъ четверть часа какіе-нибудь уже и станутъ приходить.

Къ часу, почти всѣ продавщицы были уже на своихъ мѣстахъ. Вскорѣ, дѣйствительно, показались и рѣдкіе посѣтители. Какая-то дама, повидимому гувернантка, прошла съ двумя дѣтьми въ отдѣленіе игрушекъ и сразу купила тамъ двѣ игрушки; видимо, ихъ прислали, заранѣе наказавъ, что и на сколько купить. Потомъ пришелъ старикъ Кернъ, со своими добродушными шуточками обошелъ всѣхъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, у всякой купилъ какую-нибудь вещицу и, нагруженный всевозможной безполезной дрянью, прошелъ, наконецъ, въ буфетъ, гдѣ Вешнина встрѣтила

его радостными восклицаніями: она знала, что онъ теперь, „отбывъ повинность", какъ онъ выражался, усядется спокойно у столика, будетъ завтракать, курить (за это платили 30 копѣекъ штрафа въ пользу общества), однимъ словомъ, сдѣлаетъ все точно такъ, какъ должно „порядочному человѣку, пришедшему на базаръ". Потомъ пришелъ Рудольфъ Мюнстеръ, тотчасъ накупилъ массу букетиковъ у одной изъ двухъ некрасивыхъ барышенъ, которыхъ Вешнина прозвала „жираффами", и отправился подносить эти букетики всѣмъ знакомымъ барышнямъ. Потомъ и онъ тоже прошелъ въ буфетъ. Пришли еще двѣ дамы съ разряженной бѣлокурой дѣвочкой; онѣ разсѣянно прошлись вдоль залы и исчезли въ дверяхъ дѣтскаго отдѣленія. За ними вошли въ залу два пажа подъ руку и подошли прямо къ маленькой Кернъ; старикъ съ очень чопорной и надутой старушкой, еще двѣ дамы. Цѣлая компанія правовѣдовъ, товарищей Пети Берга и молодого Вешнина, направилась прямо въ буфетъ. Потомъ еще и еще, по двое и по трое, стала входить съ лѣстницы и собираться элегантная публика. Большинство осторожно скользили мимо незнакомыхъ продавщицъ, подходили съ любезными улыбками къ знакомымъ и, видимо совершая тяжкій долгъ, нерѣшительно выбирали разныя бездѣлушки. Только около „бочки съ овсомъ" стояла толпа и раздавались радостные голоса дѣтей, вытаскивавшихъ сюрпризы.

Муранскій, подражая гостиннодворскому приказчику, зазывалъ знакомыхъ и незнакомыхъ: „У насъ лучше! Къ намъ пожалуйте! У насъ первый сортъ!" Хорошенькая Вязьмова, продававшая съ нимъ, всякій разъ пряталась за свой вѣеръ. Около нихъ останавливались, смѣялись; Муранскій, все подражая приказчику, показывалъ и расхваливалъ то бѣлую сирень, то шиповникъ, навязывалъ свой товаръ, и почти никто не отходилъ отъ ихъ стола, не купивъ вѣтки или букетика. Вязьмова перестала прятаться за вѣеръ и уже два раза доставала новыхъ цвѣтовъ изъ корзинки подъ столомъ.

На другихъ столахъ было тише. Молоденькія продавщицы такъ и впивались глазами во всякое входившее новое лицо. Другія дѣлали видъ, что имъ все равно, и сидѣли, улыбаясь и небрежно смотря въ сторону, но втайнѣ мучились завистью, что у нихъ не такъ идетъ, какъ у Вязьмовой и Глуховской или у маленькой Кернъ.

Къ тремъ часамъ во всѣхъ залахъ, у всѣхъ столовъ толпились, но, по мнѣнію барышенъ, продажа все-таки шла довольно тихо. Это были, по большей части, молодые люди и родные про-

давщицъ, зашедшіе съ прогулки поболтать со знакомыми. Въ буфетѣ „дѣла шли" лучше всего. Оттуда доносился непрерывный шумъ голосовъ, точно гудѣніе громаднаго улья. Вешнина такъ и сновала взадъ и впередъ между маленькими столиками и уже попросила къ себѣ двухъ барышенъ на помощь. Потомъ она пошла провѣдать, какъ шло въ другихъ комнатахъ.

Публика все прибывала и двумя непрерывными потоками тянулась мимо столовъ. Къ четыремъ часамъ въ залахъ стало душно и тѣсно.

— Голубчикъ, Елена Сергѣевна, размѣняйте мнѣ три рубля, надо сдачи, у насъ больше мелочи нѣтъ,—просила какая-то барышня въ голубомъ у маленькой Кернъ.

На что та ей гордо отвѣтила:

— У меня совсѣмъ мелочи нѣтъ. Мнѣ не пришлось ни разу мѣнять. — И еще съ бо́льшею гордостью прибавила: — У меня въ кассѣ уже 184 рубля, а у васъ сколько?

Барышня только вздохнула и подбѣжала къ Глуховской.

— Что̀ вамъ угодно? Ахъ! да вы тоже продаете!.. Размѣнять?.. Georges, servez mademoiselle!—сказала Муся своему помощнику Бергу, завязала розовой тесемочкой маленькій пакетикъ и подала его стоявшему передъ ней въ почтительной позѣ конногвардейцу.—C'est cinq roubles cinquante, monsieur.—И она хотѣла сдать съ десяти рублей.

— О, Марья Николаевна, pour qui me prenez-vous? C'est un bazar de bienfaisance!

— Vous êtes bien gentil! Merci!—и тотчасъ, не останавливаясь, Муся обратилась къ пожилой дамѣ, выбиравшей изъ двухъ кожаныхъ вѣеровъ:—Возьмите оба, тогда, по крайней мѣрѣ, вамъ не жалко будетъ оставить ни красный, ни зеленый. Навѣрное ваша дочь будетъ въ восторгѣ, что у нея вѣеръ подходитъ къ костюму. Для концерта, съ чернымъ платьемъ — красный; для обѣда—у нея навѣрное есть теперешнее модное зеленое, въ этомъ родѣ,—Муся указала на свое:—для такого—зеленый.

— Ну, пожалуй! Хорошо,—сказала дама очень неохотно. И заплативъ за вѣера, дама положила ихъ, не завертывая, въ саквояжъ и отошла.

— Однако, Марья Николаевна, вы ей почти съ ножемъ къ горлу пристали.

— Oh, elle m'a embêtée. Стояла, стояла!.. Вамъ что̀ угодно? — Муся уже опять любезно наклонилась передъ старикомъ въ pince-nez. — Un carnet? Un agenda? Un porte-cigares? Cuir de Russie? Peau de crocodile? Это очень модно.—Муся, какъ на-

стоящая продавщица, перебирала на своемъ столикѣ. Около ея стола постоянно покупали, и Юрочка едва успѣвалъ завертывать и сдавать сдачу. Къ нимъ на столъ уже принесли непродававшіеся въ отдѣлѣ духовъ альбомы въ атласныхъ обложкахъ съ акварелями.

— Не идутъ?—дѣловымъ тономъ спросила Муся подошедшую Вешнину.—Такъ мы сдѣлаемъ лотерею. Georges, напишите билетики. Monsieur Мириневскій, un petit billet!—такъ же живо обратилась Муся къ конногвардейцу, все еще медлившему у ихъ стола.—А въ награду можете взойти въ нашу лавочку и присѣсть. Я вижу, что вы падаете отъ усталости. Soyez le bien venu!

— Ну, а я пока убѣгу,—сказалъ Юрочка.—Я обѣщалъ Аннѣ Ильинишнѣ начать ей бутылку. Да, я видѣлъ сейчасъ мужа Деодати, значитъ и она сама тутъ. Голубчикъ Мириневскій, замѣни меня на минутку, напиши билеты. Я—сейчасъ!

— Нѣтъ, пожалуйста, подольше!—крикнулъ вслѣдъ убѣгавшему Юрочкѣ Мириневскій, и тотчасъ, положивъ фуражку, вступилъ въ свои обязанности помощника, въ то же время упрашивая Мусю быть на вечерѣ у Бергъ въ слѣдующую субботу.—Да вы скажите, по крайней мѣрѣ, почему вы такъ рѣшительно отказываетесь отъ этого вечера; вѣдь вообще вы нынче много выѣзжаете?

— Послушайте, вы хорошо знаете, что я слишкомъ избалована для того, чтобы то, что̀ я сейчасъ скажу вамъ, было fishing of compliments. Такъ? Ну, такъ я скажу вамъ, что я слишкомъ уже стара для такихъ баловъ, а съ другой стороны все еще недостаточно стара.—Un carnet, madame? Monsieur Мириневскій, дайте тотъ, который на рамкѣ лежитъ. — C'est trois roubles soixante-quinze, madame.

— Ну, я этого не понимаю, простите!—продолжалъ Мириневскій, завертывая въ то же время маленькую книжечку.

— Видите, для того, чтобы на такомъ балу веселиться, надо быть новичкомъ, чтобы радоваться самому процессу танцевъ. Вы меня, я надѣюсь, уже не считаете такой простушкой. Съ другой стороны, балъ можетъ занимать, когда il y a un je ne sais qui ou je ne sais quoi, т.-е. чье-нибудь или общее поклоненіе. Перваго, вы знаете, для меня не можетъ существовать. А второго, второго... я уже слишкомъ много видѣла,—докончила Муся смѣло.—Ну, а для того, чтобы быть только зрительницей, для этого надо другой характеръ бала, что-нибудь болѣе грандіозное. Для этого я нынче представлялась ко двору; тамъ мнѣ всегда весело, даже когда я не танцую.

— Вы ужасны, Марья Николаевна! Такое заранѣе поставили условіе, что нельзя и отвѣчать вамъ то, что̀ думаешь. Примите за банальность. Но, во-первыхъ, вы немного уклоняетесь отъ истины: вы очень окружены на балахъ при дворѣ, и даже, какъ говорятъ злые языки, вы этому не мѣшаете, не строго запрещаете это. А во-вторыхъ, во-вторыхъ... все-таки пріѣзжайте!

— Посмотримъ, посмотримъ!—отвѣчала Муся, улыбаясь, но совершенно безучастно. Она уже устала. Марья Николаевна въ этомъ году, къ изумленію всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, вдругъ опять начала выѣзжать не только на маленькіе вечера, но и въ большой свѣтъ. Какъ въ прошлые годы она рѣдкій вечеръ уѣзжала изъ дому, такъ нынче рѣдко сидѣла дома. Она не пропускала ни маленькихъ, ни большихъ вечеровъ, ни любительскихъ спектаклей, ни раутовъ, ни музыкальныхъ утръ, ни базаровъ. Косточкову опять приходилось каждую субботу отмѣчать ея туалеты въ Михайловскомъ театрѣ. Она при первой возможности представилась ко двору. И черезъ мѣсяцъ уже только и было разговору въ свѣтскомъ Петербургѣ, что о réapparition этой „обаятельной Муси Глуховской". Она выѣзжала и съ мужемъ, и съ дядей,—чаще всего одна. Но и выѣзжала она не какъ всѣ свѣтскія женщины, точно исполняя тяжелый долгъ, а бросалась въ удовольствія съ весельемъ, со страстью, съ самозабвеньемъ. Еслибы ее спросили, отчего она ведетъ такую разсѣянную жизнь, она бы сама не знала, что̀ отвѣтить, но ее тянуло изъ дому, изъ дому! Какъ въ былые годы, когда она была молоденькой дѣвочкой,—ей опять хотѣлось, чтобы кругомъ нея было вѣчно веселье, шумъ, красивыя лица и костюмы, оживленье, жизнь. И эта перемѣна въ ея жизни сразу отразилась на отношеніяхъ къ ея окружающимъ и ихъ къ ней. Она никакъ не могла болѣе относиться къ знакомымъ съ тою манерой, которую Ольга характеризовала словами: „что стулъ, что человѣкъ—все равно", т.-е. одинаково къ старымъ и молодымъ, къ дамамъ и мужчинамъ. И прямымъ слѣдствіемъ этого явилось то, что за ней опять начали ухаживать. И хотя Марья Николаевна сознавала смутно, что все дѣлается какъ-то не такъ, какъ бы слѣдовало, — она никакъ не могла встать на иную почву, не могла заставить всѣхъ вновь относиться къ ней какъ къ скучной и немного чопорной дамѣ, влюбленной въ своего мужа. Это и радовало, и пугало ее, а болѣе всего развлекало. Поэтому она съ радостью приняла предложеніе Вешниной участвовать въ ея базарѣ.

Но сегодня она скоро устала. Отъ непрерывнаго шума, жужжанья вокругъ нея, отъ мельканія знакомыхъ и незнако-

мыхъ лицъ, оттого, что все время почти приходилось стоять на ногахъ, наклоняться, считать, записывать,—у Муси кружилась голова. И, кромѣ того, ей съ самаго утра было какъ-то тоскливо, не по себѣ, она смутно чувствовала какую-то вину передъ самой собой, точно она все время дѣлала постыдное и нехорошее дѣло.—Нѣтъ, базары больше не для меня!"—говорила она себѣ мысленно.—„C'est trop bête, et trop ridicule et trop..."—Она не хотѣла договорить себѣ, что еще было „trop" въ базарахъ, и уже не разъ оглянулась на дверь, надѣясь увидѣть мужа или дядю, чтобы уѣхать домой. Мириневскій былъ ей прежде симпатиченъ, особенно своею выдержкой и врожденнымъ изяществомъ всего внѣшняго и внутренняго облика, но сегодня и онъ не подходилъ къ ея настроенію духа: онъ напоминалъ ей что-то такое, о чемъ она хотѣла бы забыть. Однако, по внѣшности Муся казалась все такой же оживленной; она кокетливо болтала съ Мириневскимъ и другими знакомыми, разыгрывала бойкую продавщицу...

Когда билетики были написаны и свернуты, Муся положила ихъ въ бѣлую фуражку.—Пойдите, Всеволодъ Аркадьевичъ, попросите у Nelly Кернъ одинъ изъ ея бронзовыхъ колокольчиковъ на пять минутъ.

Мириневскій вернулся, смѣясь и пожимая плечами.—Ну, m-lle Nelly fait des affaires! Я ей посовѣтовалъ открыть настоящую лавочку въ Гостиномъ Дворѣ. Вообразите, она меня заставила дать въ залогъ за колокольчикъ пять рублей; а когда я далъ, объявила, что считаетъ колокольчикъ проданнымъ мнѣ. Ну и хохотали же мы надъ ней. Такая крошка, на видъ c'est un petit ange de douceur, а смѣлость какая! Молодецъ барышня!

Муся сдѣлала гримаску.—Всѣ мы хороши здѣсь!—сказала она презрительно. Ну, пойдемте!—Она дала Мириневскому въ руки тарелку и альбомы, которые тщательно покрыла большимъ листомъ бумаги, сама взяла фуражку съ билетами, а колокольчикъ дала вернувшемуся Бергу.—Юрочка! впередъ! Звоните!—и она тихонько скомандовала: „Съ мѣ-ста ша-гомъ!"

Бергъ изо всей силы зазвонилъ, и всѣ трое торжественно пошли по залѣ мимо столовъ.

— Un billet de loterie, mesdames, messieurs! Deux charmants albums de satin!—говорила Муся громко, останавливаясь передъ знакомыми и незнакомыми.—Un billet, madame!—и она протягивала фуражку которой-нибудь изъ продавщицъ. Всякаго взявшаго билетъ Муся просила не развертывать его и слѣдовать за Мириневскимъ, и процессія все увеличивалась, вытягивалась,

напоминая дѣтскую игру: „море волнуется". На нихъ всѣ оглядывались, толпа со смѣхомъ разступалась, молодые люди ради шутки становились „въ хвостъ". Многія продавщицы, не разслышавъ за шумомъ разговоровъ, въ чемъ дѣло, изумленно перегибались черезъ свои прилавки и спрашивали другъ друга: „Что̀ это? Что̀ они дѣлаютъ?"

Двѣ барышни, понявъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ затѣяли то же самое, и когда Муся, обойдя всѣ залы, возвращалась въ первую комнату, она встрѣтила въ дверяхъ уже другую процессію: пажъ несъ, высоко держа надъ головой, какую-то гравюру; за нимъ два молодые человѣка несли зажженныя свѣчи, потомъ двѣ барышни шли съ тарелкой и съ билетами въ бронзовой чашечкѣ. Барышни загородили дорогу первой процессіи и стали пропускать всѣхъ по одному, заставляя брать билеты en péage. Это возбудило еще бо̀льшій смѣхъ.

Когда, наконецъ, всѣ собрались въ большую залу, Глуховская попросила всѣхъ разомъ развернуть билетики. Одинъ альбомъ выигралъ какой-то генералъ, другой достался маленькому гимназисту, который никакъ не рѣшался подойти взять его, пока мамаша не вытолкнула переконфузившагося мальчика впередъ; онъ поспѣшно взялъ его изъ рукъ Муси и такъ же поспѣшно скрылся въ толпѣ, точно сдѣлалъ что-то преступное. Но на него никто не обратилъ вниманія. Теперь всѣ прислушивались къ веселому гаму, долетавшему изъ сосѣдней залы, и, точно море при отливѣ, толпа уже отхлынула туда. Глуховская еще не успѣла усѣсться за свой прилавокъ, какъ къ ней прибѣжала Любочка.

— Муся, голубушка!—заговорила Любочка взволнованнымъ шопотомъ.—Пойди, посмотри, что̀ у насъ тамъ дѣлается. Деодати совсѣмъ съума сошла: продаетъ шампанское съ аукціона, отпиваетъ при этомъ бокалъ и потомъ дороже продаетъ, или пальчики свои опускаетъ въ бокалы; распродаетъ всѣ цвѣты, которые приколоты у нея на корсажѣ. Ну, просто, Богъ знаетъ что̀! Софья Петровна ушла изъ-за своего стола—она рядомъ продавала фрукты—и, говорятъ, совсѣмъ уѣхала. Нина страшно злится, а меня такъ смѣхъ разбираетъ. Голубушка, пойди—посмотри! Литвиновъ, знаешь, богачъ этотъ, такъ ей сто рублей за цвѣтокъ далъ. Tu sais,—прибавила Люба еще таинственнѣе:—Юра dit qu'il la embrassée. А кто-то, кажется Шахъ-Бекъ, выкусилъ кусочекъ бокала!.. Александра Семеновна въ дикомъ бѣшенствѣ!—продолжала Любочка, по привычкѣ употребляя гимназическое выраженіе.—Она говоритъ, что это—позоръ для нашего базара!

— Ахъ, какая жалость, что ты здѣсь, Люба!—сказала Муся

съ неудовольствіемъ.—Совсѣмъ тебѣ не мѣсто эти базары, только пустяки разные увидишь и услышишь.

— Я не стану же хуже?—возразила Любочка обидчиво.

— Хуже не станешь, а это лишнее. Садись за мой столъ. Я пойду, уведу оттуда Нину. Нельзя же оставить ее одну. Юрочка, останьтесь съ Любой. А вы, Всеволодъ Аркадьевичъ, дайте мнѣ вашу руку, а въ особенности не подавайте виду, что мы идемъ туда изъ любопытства! Пойдемте съѣсть мороженаго въ буфетъ, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ страшно пить хочется.— Мусѣ стало еще болѣе стыдно и тяжело; она почувствовала себя виновной и въ винѣ Деодати, и во всемъ, что было здѣсь гадкаго, постыднаго, мишурнаго. Они сдѣлали два шага къ двери. Но вдругъ Муся, точно боясь упасть, схватилась за руку Миріневскаго и вновь отступила за прилавокъ. Исчезъ базаръ съ его давкой, пестрой толпой, жужжаньемъ, исчезло сознаніе чего-то неудобнаго, въ чемъ она принимала участіе и что ее мучило здѣсь съ самаго утра, и то тоскливое чувство одиночества, безцѣльности своей жизни, которое всю эту осень и зиму, и вчера и сегодня, неотступно гнело ее; она безуспѣшно старалась все это отогнать и разсѣять выѣздами и развлеченіями, и сегодня, здѣсь, она отгоняла болтовней и внѣшнимъ оживленіемъ—и теперь все это разомъ исчезло,—и радость, неожиданная, громадная, почти испугъ, потрясла ее всю. Изъ дверей дѣтскаго отдѣленія, осторожно пробираясь между дамами и дѣтьми и придерживая шашку, подходилъ Дмитрій Неридовъ и подходилъ прямо къ столу Муси.

Муся попыталась схитрить сама съ собой и тотчасъ прибѣгла къ пріему смѣлыхъ людей: назвать вещи ихъ точнымъ именемъ и тѣмъ самымъ лишить ихъ черезъ-чуръ глубокаго или тревожнаго значенія, какое онѣ имѣютъ, когда онѣ только слегка задѣты въ разговорѣ или неясно сознаны. Но это ей не удалось. — „Ну, да, конечно, я *страшно* рада его видѣть... и это такъ неожиданно!“—хотѣла себѣ смѣло и точно выговорить Муся. Но произнесла она это про себя съ замѣшательствомъ, а вторая половина фразы уже совсѣмъ прозвучала въ ея сознаніи, какъ оправданіе себя въ чемъ-то; и то страшное, недосказанное, чему Муся хотѣла *не дать досказаться*, придать точными словами простой и незначащій смыслъ,—вслѣдствіе этого тона досказалось и стало означать какъ разъ то, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. И Муся, подавленная ужасомъ и счастьемъ, не двигаясь, чувствовала, какъ Дмитрій все ближе и ближе подходилъ къ ней.

— Здравствуйте, Марья Николаевна! Зная ваши взгляды на

всякія благотворительныя затѣи, я и не повѣрилъ-было Ленѣ, что вы тоже здѣсь сегодня,—сказалъ Дмитрій совершенно спокойно, почти насмѣшливо, и ни тѣни волненія не было видно на его красивомъ лицѣ.—Тѣмъ пріятнѣе сюрпризъ! Какъ вы поживаете?.. Мириневскій, comment ça va?.. А я только-что вчера вернулся... Ну, какъ у васъ продажа идетъ? Это обязательный вопросъ сегодня.

— Merci, очень хорошо,—отвѣтила Муся почти спокойно, но еще негромко отъ волненія, лишавшаго ее голоса, а неудержимая радость сіяла въ ея вдругъ загорѣвшихся глазахъ.—Вотъ Всеволодъ Аркадьевичъ отличный помощникъ. Уже скоро можно будетъ и закрыть нашу лавочку: видите, какъ у насъ мало остается. А вы довольны вашей поѣздкой? Какъ Ольга? Поправилась ли?

— Да она и не хворала,—отвѣтилъ Дмитрій весело.—Это было такъ, предлогъ только, чтобы уѣхать за границу. Она и теперь тамъ только и дѣлаетъ, что выѣзжаетъ, театры посѣщаетъ, на музыку ходитъ. Она и не думала лечиться.

— Такъ Ольга осталась еще за границей?

— Ну, разумѣется!

— А бэби?

— Бэби у maman по прежнему, да и теперь останется у нея; вѣдь я не гожусь въ няньки. Я—не „père exemplaire“, какъ Сережа, по словамъ Марьи Петровны. Ну, что она? Не перешла еще окончательно въ католичество? Или въ редстокистки?

— Нѣтъ, она теперь поклонница Пашковскаго ученія.

— C'est la même pâte. Этого можно было ожидать. А всѣ ваши остальные—какъ? Петръ Михайловичъ, какъ я слышалъ, кончилъ свое сочиненіе. За границей про него мнѣ говорили два-три человѣка, даже и не изъ русскихъ. Да вотъ: „когда говорятъ о солнцѣ“...—Дмитрій уже пошелъ на встрѣчу подходившему Бобрину.

Петръ Михайловичъ сообщилъ Мусѣ, что мужа ея кто-то задержалъ дома, и что поэтому онъ самъ, Петръ Михайловичъ, пріѣхалъ за ней; затѣмъ спросилъ, какъ шла торговля, попросилъ указать ему, гдѣ и кто изъ знакомыхъ продаетъ, чтобы „никого не обидѣть“, и, пообѣщавъ Мусѣ придти „поддержать ей коммерцію“, пошелъ въ другую залу. Любочка вызвалась провести Бобрина къ Александрѣ Семеновнѣ.

— Позвольте и мнѣ, Миша Николаевна, „поддержать вашу коммерцію“,—сказалъ Неридовъ шутливо.—Выберите мнѣ что-нибудь сами!

— Ну, что же я вамъ выберу?—Муся уже совсѣмъ оправилась отъ своего волненія, и ей казалось—она очень довольна, что они встрѣтились такъ просто, какъ знакомые, которые видѣлись вчера, и только. „Забыто—и слава Богу, и слава Богу!“—говорила она себѣ. „Да оно такъ и должно было быть. Этого можно было ожидать. Была ошибка, капризъ, игра, о которой и у меня сàмой осталось только воспоминаніе, какъ о непростительномъ легкомысліи, болтовнѣ отъ нечего-дѣлать“. И Муся хотѣла, какъ всегда, когда она думала объ этомъ, осудить себя, настроить себя на строгій тонъ, но не смогла. Ей вдругъ стало такъ радостно, такъ весело, что она не могла спокойно стоять на мѣстѣ, не могла придать своему лицу равнодушнаго выраженія, затушить сіяющую улыбку губъ и загорѣвшихся, потемнѣвшихъ глазъ. Она стала выбирать для Неридова.—Вотъ этотъ porte-cartes? хотите?

— Отлично! это какъ разъ мнѣ по вкусу. И видите, какъ я хорошо выбралъ время: Александра Семеновна идетъ сюда, увидитъ, что я покупаю,—и я буду dans ses bonnes grâces.—Честь имѣю кланяться, Александра Семеновна!—заговорилъ Неридовъ, не то почтительно, не то насмѣшливо раскланиваясь передъ Вешниной.—Боже мой, какой оффиціальный видъ! точно заслуженный унтеръ-офицеръ изъ севастопольскихъ героевъ!—сказалъ онъ, указывая на ея ордена.

— Чтò же!—грустно вздыхая, отвѣтила Вешнина.—Это мнѣ и по лѣтамъ, я такой ветеранъ!—И полу-небрежно она прибавила:—А я еще не надѣла моего „Тáкова“ сегодня. Во-первыхъ, я вообще ненавижу зеленый цвѣтъ, а во-вторыхъ, съ этимъ платьемъ это было бы уже совершенно невозможно.—Вешнина говорила, какъ бы не придавая своимъ словамъ никакого значенія. Но эту фразу про орденъ Тàкова, которымъ она очень гордилась, и про который тѣмъ чаще говорила, что дѣйствительно рѣдко его надѣвала,—эту фразу она сегодня сказала уже, по меньшей мѣрѣ, десять разъ. И опять прибавила:—Да, я такой ветеранъ!..

— Помилуйте, надо скорѣе сказать: „si jeune et si décorée“!—почти дерзко сказалъ Неридовъ.

— Марья Николаевна!—обратилась Вешнина къ Мусѣ.—Черезъ полчаса можно и закрывать. О! какъ у васъ мало осталось! Да вы неоцѣненная продавщица!! А знаете, какъ отлично: у насъ въ игрушечномъ отдѣленіи было много туровъ для котильона, такъ Бергъ-старикъ все купилъ для вечера, который у нихъ будетъ.

— Продолженіе базара—благотворительный балъ,—вставилъ Мириневскій.

— Да, и вдвойнѣ продолженіе базара, — подтвердилъ подошедшій Саша: — Нина Михайловна сегодня многихъ приглашаетъ изъ продавщицъ.

Дмитрій въ ту же минуту подхватилъ Мириневскаго подъ руку, шутливо вытолкнулъ его изъ-за прилавка и сталъ на его мѣсто. — Я хоть пять минутъ постою, авось и меня пригласятъ!

— „Соломенный вдовецъ" нынче, видно, кутить собрался, — сказалъ со смѣхомъ Мириневскій. — Марья Николаевна! — прибавилъ онъ: — Давайте же считать наши капиталы. Пора кассу сдавать.

На сосѣднихъ столахъ тоже кончали уже торговлю. Убирали непроданныя вещи въ картонки и корзинки, сводили счеты, отмѣчали проданное. Madame Вязьмова, уже въ шляпкѣ и накидкѣ, пересчитывала деньги съ помощью Саши и Берга. Гувернантка маленькой Кернъ сдавала Александрѣ Семеновнѣ и сторожу оставшіяся бронзовыя вещи, которыя горничная укладывала въ корзинку, сидя на полу. На двухъ-трехъ столахъ даже тушили лампы. Залы быстро пустѣли. Многія продавщицы уже уѣхали. Другія съ озабоченнымъ видомъ, съ кассами или купленными вещами въ рукахъ, сновали взадъ и впередъ, и шаги ихъ гулко раздавались въ громадныхъ пустыхъ залахъ. Александра Семеновна появлялась поминутно тамъ и здѣсь и отдавала громкія приказанія сторожамъ, своей помощницѣ-экономкѣ, лакеямъ, которые поспѣшно убирали непроданныя вещи.

— Иванъ Степановичъ, ты поѣзжай, ужъ я сегодня къ обѣду не пріѣду: мнѣ еще надо здѣсь все устроить; кое-что сегодня же сдать въ магазины, другое поручить убрать сторожамъ до завтра.

Цѣлыя вереницы продавщицъ спѣшили къ лѣстницѣ. Разговоры вездѣ стихли. Слышно было только шуршанье бумаги, звонъ мелкихъ денегъ, вполголоса произносимое: „109, 110, 111 и 50 копѣекъ, сто-одиннадцать рублей и пятьдесятъ копѣекъ"...

Рѣзкій, звонкій смѣхъ заставилъ всѣхъ обернуться къ выходу. Въ дверяхъ, подъ-руку съ мужемъ, окруженная толпой военной молодежи, рѣзко выдѣляясь въ своемъ серебристомъ vert pomme платьѣ на темно-красномъ фонѣ стѣнъ лѣстницы, стояла madame Деодати, и, какъ-то странно закидывая назадъ голову и показывая свои перламутровые зубки, хохотала надъ чѣмъ-то, вѣроятно надъ тѣмъ, чтò ей разсказывалъ старичокъ-генералъ съ аксельбантомъ. Мужъ, не выпуская ея руки, старался незамѣтно подвигаться къ лѣстницѣ.

По всѣмъ направленіямъ къ выходу тоже спѣшили продавщицы: всѣ торопились домой къ обѣду. Муся сдала кассу, про-

стилась съ Вешниной и Бергами, которыя уѣзжали съ отцомъ, и догнала дядю и Сашу уже на лѣстницѣ. Они оба, посмѣиваясь, смотрѣли на madame Деодати, которая все еще не хотѣла уѣзжать и о чемъ-то громко толковала, стоя на средней площадкѣ. А мужъ все тихонько тянулъ ее за руку, стараясь скорѣе увезти ее домой.

Мириневскій принесъ Марьѣ Николаевнѣ ея ротонду.—Ну, что же, ѣдете въ субботу? Мнѣ мазурку дадите? Скажите! Марья Николаевна, ѣдете?

— Ѣду! ѣду! ѣду!—такъ весело отвѣтила Муся, что Мириневскій невольно съ подозрѣніемъ заглянулъ ей въ лицо.

VIII.

— Нѣтъ, ты только послушай, что она выдумала!—кричала изъ гостиной Любочка своему брату Юрію, когда тотъ только-что входилъ въ залу, отряхивая порошинки снѣга со своей котиковой шапки. — Нѣтъ, ты скажи, развѣ это не комедія: тогда сказала папѣ, что будетъ, а теперь увѣряетъ, что она, молъ, ужъ недостаточно молода для нашихъ вечеровъ, что у насъ веселье безъ оглядки, а она—une mère de famille. И вѣдь все это выдумки. Она хочетъ, чтобъ ее просили, какъ Бориса Годунова на царство. Правда, Юра? Ну, проси же! Не то самъ первый будешь въ меланхоліи, если она въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ дома засѣсть. Нѣтъ, нѣтъ, Мусинька, это вздоръ, я и слушать не хочу,—протянула Любочка, вскакивая и зажимая себѣ уши маленькой муфточкой и свободной ручкой въ крошечной желтой перчаткѣ.—Изволь пріѣхать, хотя бы Петербургъ провалился. И очень хорошо знаешь, что тебѣ будетъ веселѣе всѣхъ и танцовать будешь больше всѣхъ. Вѣдь сколько разъ вмѣстѣ танцовали, матушка! Такъ я знаю... Это ты всегда такъ! Ну, а теперь прощай, мнѣ еще надо непремѣнно заѣхать заказать... Тс! я чуть не проболталась. Вотъ пріѣзжай, увидишь, что я выдумала!.. И еще надо къ Кочкурову, и еще въ пропасть мѣстъ. Папѣ некогда, а мама со мной. Она ждетъ меня въ каретѣ,—ужъ и то замерзла навѣрное, и меня бранитъ. Прощайте!—и Любочка побѣжала черезъ залу, крича на ходу Юрочкѣ, чтобъ онъ не забылъ сговориться съ Сашей относительно туровъ и орденовъ для котильона, относительно того, кто будетъ дирижировать и всѣхъ вообще распоряженій по „его вѣдомству“.

Какъ только она уѣхала, Юрочка, который, все время улыбаясь

и переводя глаза съ Муси на сестру, слушалъ ея болтовню, бросилъ шапку на диванъ и взялъ Мусю за обѣ руки.

— Миша, милая, неужели вы, правда, хотите не быть? Голубушка, пріѣзжайте! А то что же я безъ васъ буду дѣлать? Вѣдь я съ тоски пропаду!

— Ну, ну, полноте! Во-первыхъ, вамъ некогда будетъ скучать avec votre bâton de commandement, а во-вторыхъ, я вѣдь васъ просила мнѣ больше не говорить ничего. Ну, а главное то̀, что я *буду* у вашихъ, и даже навѣрное!—Муся улыбнулась немного хитрой улыбкой.

— Слава Богу! Только зачѣмъ вы запрещаете говорить вамъ это? Вѣдь вы все равно знаете, что когда васъ нѣтъ...

— Довольно, довольно, Юрій Михайловичъ!—прервала она его довольно рѣзко.—Скажите лучше, что̀ новаго? Скажите мнѣ что-нибудь хорошенькое. Мнѣ что-то такъ грустно сегодня.—Муся наклонилась надъ своей акварелью-копіей одного изъ видовъ Премацци, чтобы скрыть готовыя брызнуть слезы. Все утро, рисуя, она думала о Дмитріѣ и о своей неизлечимой любви къ нему, и теперь, взглянувъ на рисунокъ, мгновенно пережила вновь всѣ эти думы, и слезы сдавили ей горло.

— Ничего новаго и хорошаго нѣтъ, вы сами знаете!—проворчалъ Юрій.

Муся вздохнула. Съ минуту оба молчали. Бергъ, мрачно насупившись, смотрѣлъ въ окно, за которымъ безпрерывно, безшумно падали мелкія, пушистыя хлопья, залѣплявшія стекла.

— „Господи, неужели я все испортилъ, неужели она никогда не будетъ со мной такою, какъ прежде?!"—думалъ Бергъ.

А Муся, какъ и всегда за послѣднее время, въ его присутствіи чувствовала себя безконечно виноватой передъ нимъ,—виноватой за ту внезапно вспыхнувшую его любовь къ ней, которой она когда-то добивалась изъ-за непростительнаго дѣтскаго каприза, и всю муку которой она теперь вполнѣ понимала, любя Дмитрія и страдая отъ этой нераздѣленной любви. И въ то же время Муся досадовала на Юрочку, зачѣмъ онъ любитъ ее, зачѣмъ страдаетъ, зачѣмъ такъ малодушно говоритъ ей о своей любви. Она ловила себя въ такомъ безжалостномъ отношеніи къ страданію другого, а вслѣдъ затѣмъ, совсѣмъ по-дѣтски, говорила себѣ: „Ну, я-то чѣмъ виновата, что они всѣ въ меня влюбляются? Пусть!" Но въ глубинѣ души она чувствовала, что виновата именно сама она, что въ ней нынче что-то такое, что̀ мѣшаетъ и Юрочкѣ, и Мириневскому, и другимъ, относиться къ ней просто какъ къ „человѣку"; и, не зная, какъ помочь дѣлу, боясь болѣе всего

кокетства, она становилась излишне строгой и сухой съ Юрочкой; это доводило его до отчаянія, и онъ малодушно показывалъ ей его. А Муся злилась на себя и на него. Это все пережила Муся и теперь, въ эти двѣ-три минуты молчанія.

— Послушайте, Юра!—прервала она наконецъ это тяжелое молчаніе: если вы не очень устали, и не очень холодно, пройдемтесь-ка со мной до Juéry: мнѣ надо прибавить себѣ листьевъ въ гирлянду на мое новое платье. Ахъ, какое прелестное, еслибъ вы знали! Хотите, покажу? Нѣтъ, нѣтъ, я такъ только нарочно говорю. Завтра вы его увидите и поразитесь!

Юрій, поддавшись уже ея тону, весело спросилъ:—А какъ же это?—отказываетесь, а уже платье готово?

— Видите,—и Муся вся просіяла радостной, чуть-чуть плутоватой улыбкой. — Я очень, очень хочу ѣхать, и потому тогда же заказала себѣ платье, когда ваша maman прислала намъ карточку пригласительную. Но въ то же время,—Муся немного опустила голову и, смотря исподлобья своими блестящими глазами, капризно прибавила: — и не хочу, не хочу ѣхать, и оттого и сказала Любочкѣ, что не буду.

— Это прелестно, нѣтъ, это прелестно! Узнаю нашу Марью Николаевну!—воскликнулъ совсѣмъ уже веселый Юрочка. — „Я хочу ѣхать, и я не хочу ѣхать". Да, да, узнаю логику нашего логическаго Михаила Николаевича. Нѣтъ, ну, развѣ возможно быть такой пре...

Но Муся, услышавъ опять черезчуръ горячую ноту въ его голосѣ, уже выбѣжала изъ комнаты и, вмѣсто того, чтобы позвонить, сама побѣжала за Дашей, и уже въ корридорѣ звенѣлъ веселый голосъ: „Даша! Даша-а! Одѣваться скорѣе-е!"— закончила она руладой на слова: „какъ во снѣ", изъ каватины Людмилы.

Первый вальсъ уже кончился. Барышни, едва раскраснѣвшись, уже обмахивались вѣерами, но особеннаго оживленья не было еще видно ни на ихъ лицахъ, ни во всей атмосферѣ бальной залы. Два-три молодые человѣка изъ толпы молодежи въ углу, у входа, еще только-что натягивали перчатки.

Муся, ярко горя румянцемъ оживленія, точно борясь съ этимъ оживленіемъ, и нарочно втягивая себя въ чопорный тонъ, сидѣла подлѣ старой баронессы Кернъ и слушала ея вѣчный разсказъ ѳ томъ, какъ ей помогло морское путешествіе въ Стокгольмъ, и какъ наши доктора, да и всѣ вообще въ мірѣ доктора, въ сущности лечить не умѣютъ, а всѣ ихъ чудеса—чистыя слу-

чайности, и она бы никогда не позвала доктора, да дѣлаетъ это ради дѣтей. Муся все это уже слыхала много разъ, знала, какъ баронесса мнительна и вѣчно лечится, но слушала ее и нарочно поддерживала этотъ скучный разговоръ, точно желая отдалить отъ себя то знакомое, торжествующее, радостное настроеніе, то свое прежнее дѣвическое бальное настроеніе, которое охватило ее еще дома, когда она изъ-за начесанныхъ на лобъ и незавитыхъ еще кудряшекъ взглядывала на руки m-lle Ernestine, прикалывавшей ея густые волосы, въ видѣ затѣйливаго банта, прямо надъ этими кудряшками. Муся думала, что сегодня она „въ ударѣ“, и, думая это, радостно слушала разсказы Ernestine, какъ „m-r Bérinoff marie sa fille contre son grès aves un vieux général“; и какъ „madame Lagraine avait dernièrement une robe d'un rouge tapageur au bal de la Colonie“. Муся знала, что ей будетъ весело, и она досадовала на себя за это и хотѣла казаться самой себѣ серьезной и ничего неожидающей, и не могла!

— „Ну, чтó это?“ — уговаривала она себя, взглядывая невольно, какъ блѣдно-розовыя перья, укрѣпленныя тремя крупными бриллiантами, красиво трепетали на черныхъ волосахъ: — „Ну, чтò это, я точно молоденькая дѣвочка. Ну, развѣ мнѣ можетъ быть весело, какъ прежде?“ — „Можетъ, можетъ!“ — радостно отвѣчали изъ зеркала блестящіе глаза. — „И я знаю, отчего особенно будетъ весело“, — говорила сіяющая улыбка. — Ну, все равно, я ничего такого не знаю и знать не хочу, — проговорила Муся почти вслухъ, боясь, какъ бы что-нибудь слишкомъ серьезное не затемнило ея веселья.

Точно также и теперь она точно играла въ прятки сама съ собой, когда слушала монотонные разсказы баронессы.

— Марья Николаевна, заключенье вальса! Что же это вы сюда скрылись? — запыхавшись проговорилъ, подбѣгая къ ней, Юрочка. — Это невозможно, чтобы я перваго вальса съ вами не танцовалъ!

Муся вышла изъ гостиной и уже во весь вечеръ больше не могла вернуться ни въ эту гостиную, ни спрятаться отъ своего радостно-оживленнаго настроенія: пока она дошла до залы, уже всѣ кадрили были разобраны, и именно тѣми, съ кѣмъ ей хотѣлось танцовать, и она несомнѣнно знала, что она сегодня хороша, и что сегодняшній балъ—ея балъ. А главное, въ дверяхъ, пропуская ее и почтительно ей кланяясь, стоялъ Дмитрій, и она знала, что съ нимъ она танцуетъ котильонъ, и что Дмитрій, приглашая ее, такъ взглянулъ на одинъ мигъ ей въ глаза, что она едва могла перевести дыханіе и спокойно, даже немного

насмѣшливо отвѣтить: „Pourquoi pas. Avec grand plaisir. Интересно посмотрѣть, не разучились ли вы танцовать?"

Когда она потомъ вспоминала этотъ балъ, онъ ей представлялся чѣмъ-то неопредѣленно-свѣтлымъ и радостнымъ. Все, все на балу было хорошо и весело, все точно нарочно было устроено, чтобы перенести ее въ знакомую и любимую сферу ея прежнихъ баловъ: знакомыя лица замужнихъ и незамужнихъ подругъ, умѣнье Любочки сдѣлать вечеръ оживленнымъ и блестящимъ, доходившій до Муси шопотъ восторженныхъ похвалъ ея красотѣ и изящному наряду,—вся эта вновь воскресшая вокругъ нея атмосфера успѣха и молодого веселья опьяняла ее и придавала ея лицу то особенно шедшее ей выраженіе радости жизни.

Юрочка Бергъ говорилъ ей въ вальсѣ что-то сумасбродно-влюбленное, и она, вмѣсто строгаго отвѣта, радостно улыбаясь, смотрѣла куда-то вдаль и, смѣясь, совѣтовала Бергу все это изобразить въ стихахъ. Любочка подбѣжала къ ней: — Ну, что, Муся? Весело? Какая ты сегодня красавица; мнѣ всѣ только про тебя и говорятъ! — И Муся, какъ всегда отрекаясь, увѣряла, что она такая, какъ всегда, а что весело ей очень, и что у Любочки и ей, и всѣмъ всегда весело было и будетъ, что ея Любочка—прелесть, милочка... Высоцкій говорилъ Мусѣ запутанные комплименты и не казался ни скученъ, ни самодоволенъ, какъ всегда. Онъ былъ добрый, милый человѣкъ, и навѣрное искренно говорилъ все это. Мириневскій открыто восхищался и ухаживалъ за нею. Даже встрѣтившись среди кадрили съ Павломъ Мюнстеромъ, Муся улыбнулась ему своей очаровательной улыбкой, и онъ, глядя ей вслѣдъ, вдругъ сказалъ себѣ:—„Нѣтъ, въ ней, вправду, что-то есть особенное. Или она такъ перемѣнилась? Или это было всегда? Но это прелестная женщина! Пожалуй и правы тѣ, кто женится любя, не думая о разныхъ fortunes. Да, какой счастливецъ этотъ Сергѣй!" —И когда наступилъ его чередъ подходить въ qualités, онъ шепнулъ дирижеру: —„Подведи меня къ m-me Глуховской", — и спокойно и увѣренно, какъ все теперь дѣлалъ, поднесъ ей розу въ скляночкѣ. По лицу Муси пробѣжало выраженіе не то удивленія, не то насмѣшки, но почти въ то же мгновеніе прежняя торжествующая улыбка уже опять играла на ея губахъ, и ямочка на щекѣ, и капризная бровь—смѣялись на перегонку. Мусю точно ничто не удивляло сегодня, и то, что Мюнстеръ подошелъ пригласить ее на туръ вальса, послѣ того что съ того памятнаго года встрѣчался съ нею только издали, показалось ей такимъ же простымъ и понятнымъ, какъ и то, что Юрочка не выбиралъ никого,

кромѣ нея, и то, что Дмитрій, не танцовавшій мелкихъ танцевъ, танцовалъ съ нею два раза, и что вся эта молодежь, знакомая и незнакомая, спѣшила быть ей представленной и осыпала ее букетиками, бантиками и разными другими бальными игрушками.

— Ты, кажется, много танцуешь сегодня, птичка?—шепнулъ женѣ Сергѣй, проходя за ея спиною изъ залы, гдѣ играли, въ столовую.—А я, признаться, страшно усталъ и спать хочу.

— Ахъ нѣтъ, я еще много, много буду танцовать, а теперь вѣдь я танцую съ Дмитріемъ!—отвѣтила Муся въ какомъ-то забытьѣ, не обращая вниманія на слегка вопросительное лицо Сергѣя и на смыслъ его словъ.

— Ну, ну, хорошо! Веселись хорошенько!—И онъ тихонько сталъ пробираться между сдвинувшейся кругомъ стульевъ стѣной нетанцующихъ.

Муся во весь котильонъ не сказала съ Дмитріемъ ничего особеннаго. Онъ въ глаза восхищался ею, расхваливалъ, со свойственной ему самоувѣренностью и видомъ знатока, каждую складочку ея наряда, но къ нимъ подходили, Мусю приглашали, она вставала, танцовала, „выбирала", возвращалась. Разговоръ не вязался, но ей было все такъ же радостно и теперь было еще какъ-то страшно. Ей не хотѣлось думать, что вотъ она сидитъ рядомъ съ нимъ, съ тѣмъ Дмитріемъ, о которомъ думаетъ день и ночь, видѣть котораго ей такъ безумно хочется по временамъ, котораго она такъ страстно и молчаливо любитъ. Ей было все равно также, о чемъ съ нимъ ни говорить; когда онъ подошелъ къ ней, его глаза сказали ей, что онъ и теперь ее любитъ, что онъ ей этого теперь не скажетъ, но что тѣмъ болѣе онъ ее любитъ. И ея глаза безбоязненно отвѣтили ему тѣмъ же самымъ, а сама она, вся сіяя подъ его горящимъ взглядомъ, спокойно разсказывала, что намѣрена нынче много веселиться и выѣзжать, что это, навѣрное, ея послѣдняя танцовальная зима, что на будущей недѣлѣ концертъ Зембрихъ и пойдетъ ли онъ, Дмитрій? Спрашивала, давно ли онъ былъ въ Рябиновкѣ? И онъ совершенно спокойно отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не былъ *съ тѣхъ поръ*". И онъ и она понимали значеніе этихъ словъ.

Ей бы не хотѣлось и вовсе говорить, а только смотрѣть, смотрѣть въ эти любимые глаза, чувствовать, какъ вся кровь приливаетъ къ сердцу, дыханье захватываетъ, а потомъ опять въ вискахъ стучитъ до потери сознанія, хотѣлось невольно сжимать его руку и чувствовать, всѣмъ существомъ своимъ чувствовать, что, вотъ, наступило счастье, то счастье, о которомъ ей и мечтать больше не хотѣлось. И какъ это случилось? Когда же

Дмитрій опять полюбилъ ее? Или и тогда?.. Но ей не хотѣлось останавливаться на этихъ вопросахъ. Она знала, что онъ ее любитъ. Чего же больше?..

Юрочка превзошелъ себя. Въ концѣ вечера барышни, подъ предводительствомъ Nelly Кернъ, даже устроили ему маленькую овацію, и Муся тоже сквозь туманъ ему улыбнулась, проходя мимо него къ ужину, и весело сказала:—Bravo! bravo! toujours unique!—Но какъ эти слова пришли ей на умъ, она сказать бы не могла, какъ не могла бы потомъ сказать, гдѣ кто сидѣлъ, гдѣ она сама сидѣла за ужиномъ, долго ли онъ продолжался, какъ она домой уѣхала. О, нѣтъ, вотъ это она помнила. Она помнила, какъ она спускалась съ лѣстницы подъ-руку съ Дмитріемъ, и какъ онъ, тихо прижимая къ себѣ руку, шепталъ: „Милая, хорошая“, а потомъ, укутывая ее въ шубу, разсказывалъ о своемъ новомъ Воронѣ, просилъ позволенія покатать Мусю на немъ и даже спросилъ:—Хотите завтра? Въ которомъ часу?—Въ три!—отвѣтила она ему, не задумываясь. Потомъ Дмитрій, кажется, выбѣжалъ на улицу въ одномъ мундирѣ и что-то, смѣясь, приказывалъ Матвѣю кучеру, на что Матвѣй, понимая шутку и степенно смѣясь, отвѣчалъ: „Слушаю, ваше высокоблагородіе, слушаю“. И потомъ опять все сплылось въ этомъ свѣтломъ туманѣ. Всю дорогу домой въ каретѣ Муся была до того оживлена и возбужденно весела, что дядя и мужъ смѣялись надъ ней и назвали пятнадцатилѣтней попрыгуньей, выѣхавшей на свой первый балъ. А Муся опять играла сама съ собой въ прятки и теперь за этимъ весельемъ прятала свое безумное, невозможное счастье. Она была все еще въ волшебномъ снѣ и, такъ и не просыпаясь отъ него, уснула настоящимъ сномъ.

IX.

— Мама, мама! Вставай, миленькая мамочка, вставай! Поздно, гулять пора!—будила Марью Николаевну Вѣрочка.

Муся, розовая, улыбающаяся сквозь сонъ, повернулась на бокъ. На дворѣ былъ яркій морозный день. Вся комната за перегородкой сіяла въ этомъ бѣломъ, веселомъ свѣтѣ; солнечные лучи пробирались и за перегородку, отражались на верхушкѣ печки и на потолкѣ, и даже голубой свѣтъ за перегородкой былъ какъ-то особенно нѣженъ и веселъ. Муся полуоткрыла глаза.

— А! проснулась! проснулась! вставай!—и Вѣрочка съ веселымъ крикомъ убѣжала къ нянѣ, поджидавшей ее за дверью и

вполголоса ворчавшей: зачѣмъ Вѣринька будитъ мамашу, мамаша, молъ, поздно вернулись, спать хотятъ.

Мусѣ, дѣйствительно, не хотѣлось вставать. Она еще не стряхнула съ себя сонъ, а онъ былъ такой хорошій. Смутно помнилось что-то счастливое, наполнявшее душу нѣгой и радостью. Мусѣ хотѣлось опять закрыть глаза и оставаться въ томъ утреннемъ забытьѣ, въ которомъ сонъ и дѣйствительность смѣшиваются; когда что-то смутно помнишь въ прошломъ, чего-то смутно ожидаешь въ будущемъ и какъ-то смутно хорошо въ настоящемъ, а ясно ничего не сознаешь... Но заснуть Муся больше не могла; она слышала, какъ сердце ея шибко билось, какія-то невѣдомыя силы волновали ее и не давали лежать спокойно.

Веселый солнечный лучъ дрожалъ и переливался на потолкѣ, серебря уголокъ печки; внизу все потонуло въ голубомъ, мягкомъ полусвѣтѣ, только сквозь приподнятую портьеру пробрался другой лучъ, скользнулъ по розовой гирляндѣ ковра, сверкнулъ на графинчикахъ и флаконахъ умывальнаго стола, на его бѣломъ мраморѣ и добрался до кресла въ углу, лаская на коврѣ пару маленькихъ розовыхъ башмачковъ и свѣсившійся съ кресла, подбитый розовымъ плюшемъ, шлейфъ платья.

Муся съ минуту, улыбаясь, смотрѣла въ этотъ уголъ, и вдругъ все припомнила.—Ахъ, вотъ что!..—сказала она себѣ.—Да, да, знаю... Дмитрій... И вообще все такъ хорошо было, весело!— Она сама себѣ засмѣялась.—Онъ меня любитъ!—рѣшилась выговорить она словами то, что наполняло ее всю счастьемъ.— „Да, да, правда! Это я навѣрное знаю теперь! Онъ меня любитъ. И какъ это хорошо, какъ чудно, что это я безъ словъ знаю! И отчего это я такъ заранѣе радовалась и веселилась и торжествовала, будто я предчувствовала, что такъ будетъ. А вѣдь я ужъ и мечтать перестала объ этомъ. Я даже думала одно время, что и сама забыла объ этомъ лѣтнемъ снѣ. А про Дмитрія и не думала. Нѣтъ, нѣтъ! какое счастье! Боже мой, какое счастье! Онъ меня любитъ!“—и Муся, вся вспыхнувъ, закрыла лицо руками.

— „Но что же теперь будетъ?“—Муся сразу сѣла на постели. Точно что-то кольнуло ее въ сердце.—„Ахъ, зачѣмъ думать, зачѣмъ все сразу портить словами и раздумываньемъ! Вѣчно эти размышленія!“ Муся нахмурила брови.—„Нечего, нечего думать. Счастье, счастье, вотъ и все“,—ея поблѣднѣвшее лицо опять загорѣлось. Она закрыла его руками и нѣсколько секундъ не отнимала ихъ. „Милый! дорогой!“—вдругъ почти громко воскликнула она, простирая руки. И испугавшись своего движенія,

она вздрогнула, быстро спустила ноги съ постели и стала одѣваться.

— Мамаша, мы сегодня гулять не пойдемъ, слишкомъ десять градусовъ!—сказала Ѳекла Матвѣевна, входя съ Володей на рукахъ. Вѣрочка, съ какой-то растрепанной игрушкой, въ припрыжку вбѣжала за няней въ будуаръ.

Марья Николаевна, закутанная въ мягкій розовый капотъ, обшитый у горла и рукавовъ густымъ желтоватымъ кружевомъ, пила чай у маленькаго столика.—Здравствуйте, малыши! Какъ спали?—Муся перецѣловала обоихъ.

— Здравствуй, здравствуй!—картавила Вѣрочка, стараясь въ ту же минуту утащить няню въ дѣтскую.—Мамочка, я хочу въ дѣтскую, у меня тамъ вагоны, мы ѣдемъ въ Рябиновку.

— Ну, поѣзжай, поѣзжай!—Мусѣ вдругъ стало грустно и жутко. Безконечное счастье, которое всю наполняло ее, заставляло торопиться, куда-то одѣваясь—точно улетѣло разомъ. Еще за минуту передъ тѣмъ Муся, точно усталая, счастливо улыбаясь, какъ кошечка забивалась въ самый уголокъ дивана и, сжимая на колѣняхъ руки, вся отдавалась своей любви и счастью. И вотъ теперь—кончено. Все улетѣло. Какъ Муся ни старалась отогнать свои мысли, но стоило ей увидѣть дѣтей, чтобы эти мысли вторглись, нахлынули цѣлой толпой и вмигъ разрушили, уничтожили все, чтò сіяло и пѣло въ счастливой душѣ.—„Ничего, ничего нѣтъ и не будетъ хорошаго!“—сказала себѣ Муся. Маленькія руки, въ такой сладкой истомѣ только-что сжимавшіяся на колѣняхъ, закрыли лицо, и сквозь розовые пальцы хлынули горячія слезы.

— „Чтò же это я дѣлаю, чтò я дѣлаю?“—съ отчаяніемъ спросила Муся.—„Столько боролась, столько ломала себя, такъ твердо знаю, что все это невозможно, нечестно, безобразно. Столько разъ я думала и чувствовала, что эта любовь—несчастье и мученье, что я не съумѣю быть счастливой, когда всѣ мои убѣжденья, все, что мнѣ дорого, возстаетъ противъ такой любви. Вѣдь *только одно счастье*, полное счастье, могло бы оправдать ее. А я и счастлива не могу вполнѣ быть съ Дмитріемъ. Развѣ я могу бросить Сергѣя, Вѣрочку, Володю? Боже мой, я люблю Дмитрія, но развѣ я не любила, не люблю Сережу? Развѣ я могу жить безъ него, безъ этой необходимой для меня, какъ воздухъ, нѣжной и глубокой любви его ко мнѣ. Или развѣ я могу взять дѣтей отъ него? И имъ испортить ихъ душу и дѣтское, одно вѣрное и полное, счастье, счастье настоящей семьи?! Ни-

чего, ничего не могу я измѣнить, ничего поправить не могу!“ Она упала головой на ручку дивана, вся потрясаемая беззвучными рыданіями.—„Чтò мнѣ дѣлать?! Боже мой, чтò дѣлать?!“—твердила она, заламывая руки.—„И побороть себя не могу. Вѣдь вотъ я ломала себя столько времени, думала, что все прошло. Но стоило мнѣ побыть съ Дмитріемъ двѣ минуты, увидѣть его любовь, и я опять ничего не могу съ собой сдѣлать, опять люблю, опять счастлива съ нимъ! И какъ я могу такъ бороться между этими двумя чувствами?! Порвать прежнее и начать новое счастье я не могу и не хочу. А неужели же я могу жить такъ,—между этими двумя чувствами? Быть такой мелкой, безчестной, какъ всѣ, хуже чѣмъ всѣ, такъ какъ другія поступаютъ безсознательно, ослѣпленныя страстью, отдавшись ей безъ борьбы. А я? И какъ я могу, говоря съ Сережей обо всякой мелочи, молчать съ нимъ о томъ, что душа моя вполовину не его? Но какъ же я ему скажу?..“

Она вскочила и стала нервно и быстро ходить по комнатѣ.

— „Чтò я ему скажу? Что я его не люблю?—Неправда. Что я хочу начать новую жизнь?—Нѣтъ, нѣтъ! Такъ зачѣмъ же я буду мучить, убивать Сережу, отнимать у него все счастье, вѣру въ меня, когда я не могу разлюбить его, бросить?.. Но вѣдь я Дмитрія люблю? Вѣдь вотъ я его теперь жду... Вотъ я какая!“—поймала себя Муся на томъ, что, проходя мимо камина, безсознательно взглянула на часы и, не переставая думать свои горькія мысли, въ то же время успѣла замѣтить, что уже была половина второго, и такъ же безсознательно сосчитать, сказать себѣ радостно: „Еще полтора часа!“

— „Господи, какая я гадкая, ничтожная! И зачѣмъ я обѣщала ему ѣхать кататься? И чтò я буду говорить? Молчать? Но я не могу... О! только бы разъ сказать ему, что люблю его, услышать это слово отъ него! Только бы разъ, на одну минуту сказать ему, что для меня нѣтъ радости въ жизни безъ него, что онъ—мое солнце, моя любовь! Милый, голубчикъ!“—шептала Муся, вновь отдаваясь своему чувству.—„Хочу тебя видѣть, слышать твой голосъ!“

Опять слезы полились изъ глазъ, опять она стала ломать руки. „Къ чему, къ чему я ему это скажу! Только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ отказаться отъ него!.. Но вѣдь иначе я ничего сдѣлать не могу“.—Муся прислонилась къ косяку двери. Темныя тонкія брови были сурово сдвинуты; заплаканные прелестные глаза смотрѣли мрачно впередъ, ничего не видя. Долго, долго стояла Муся неподвижно; безжизненно опущенныя

руки ея только нервно сжимались и разжимались по временамъ. —„Я должна, должна рѣшиться на что-нибудь",—твердила она. Но ничего не могла рѣшить ея смятенная душа.

„Нѣтъ, довольно, я этого больше вынести не могу! Это безчестно. Надо кончить",—говоритъ себѣ Муся и, точно стряхивая неотвязное чувство, поднимаетъ голову; но взглядъ Муси встрѣчаетъ циферблатъ часовъ, потухшій блескъ глазъ вновь зажигается, ямочка на щекѣ смѣется, и Муся почти громко, радостно шепчетъ: „Черезъ 55 минутъ".—Сердце ея стучитъ, ей кажется, что она сейчасъ задохнется, ей мало воздуху, что-то давитъ ей грудь и горло. Но Мусѣ хочется громко засмѣяться отъ радостнаго ожиданья. Она подходитъ къ камину, опирается обѣими руками на его мраморную полку, уставленную разными фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, прижимается лицомъ къ крѣпко-сжатымъ рукамъ и, улыбаясь и волнуясь, смотритъ, какъ ползетъ минутная стрѣлка.—„53 съ половиной минуты, 53, 52. А что̀ если онъ опоздаетъ? Вдругъ лошадь захромала, и онъ совсѣмъ не пріѣдетъ? Нѣтъ, онъ пріѣдетъ, но позже, и скажетъ, что нельзя ѣхать. Это пожалуй и лучше... Ахъ нѣтъ! нѣтъ! только бы поѣхать. Вѣдь это въ первый и послѣдній разъ. Одинъ, только одинъ день, одинъ часъ счастья!.. Погода такая чудная".—Муся закинула голову, чтобы заглянуть въ окно.—„И, ничего дурного нѣтъ въ такой поѣздкѣ",—оправдывала она себя... —„Но, Боже мой, вѣдь это же невозможно! О чемъ я думаю! Онъ сейчасъ пріѣдетъ, а я еще ничего не рѣшила. Это невыносимо. Надо кончить!"

Муся опять быстро стала ходить по комнатѣ. Она уже не плакала, но еще судорожно вздыхала и хваталась по временамъ за грудь. „Ужасно грудь болитъ и какъ-то дышать больно. Да, да, надо скорѣе кончить, рѣшить".

Вотъ глаза поднялись спокойно, брови распрямились, въ послѣдній разъ руки сжались до боли; Муся тряхнула головой: „Да, да, *такъ*",—сказала она громко и позвонила.

— Даша! синее платье и шубку приготовьте!—приказала она вошедшей дѣвушкѣ.

— Гулять пойдете, Марья Николаевна? Погода сегодня великолѣпная,—говорила Даша, помогая Мусѣ одѣваться.—Только вы, барыня, потеплѣе одѣньтесь, морозъ сегодня сильный.

— Я поѣду кататься, Даша!—отчего-то Мусѣ захотѣлось поболтать съ ней.

— Ну и что же? Отличное дѣло послѣ вечера головку освѣжить. Вы и въ барышняхъ, бывало, все съ Ниной Михайловной

гуляли послѣ баловъ. Зато и здоровы да веселы всегда были. Вотъ будете старше, тогда и гулять не захотите, а теперь-то что дома сидѣть! Еще насидитесь!—морализировала Даша, сходившаяся во мнѣніяхъ съ нянюшкой, и подала Мусѣ шапочку и муфту.

— Ну, идите, Даша, я немного подожду еще!—слегка сконфуженно сказала Марья Николаевна.

И только-что Даша вышла, и Муся захотѣла взглянуть на часы, вдругъ вся кровь отхлынула у нея къ сердцу, оно отчаянно забилось, и безъ силъ, вся блѣдная, Муся опустилась на кресло. По залѣ приближались быстрые шаги и звяканье шпоръ по звонкому паркету...

— Vous êtes visible, Марья Николаевна?—сказалъ въ дверяхъ веселый и самоувѣренный голосъ Неридова.

Но не успѣла Муся оглянуться, какъ голосъ этотъ, уже тихій и взволнованный, звучалъ подлѣ нея и говорилъ ей что-то такое сумасшедше-горячее, такое хорошее, каріе счастливые глаза смотрѣли на нее съ восторгомъ и любовью, а руки Муси горѣли подъ его поцѣлуями.

— Неужто это правда? — говорилъ Дмитрій черезъ минуту, не выпуская изъ своихъ рукъ ея руки и цѣлуя ее безпрестанно. —Или я ошибся вчера? Вѣдь не ошибся, голубка моя? Я такъ, такъ счастливъ, что просто поглупѣлъ, самъ не знаю, что̀ дѣлаю и говорю. Что̀ вы смѣетесь, дорогая? Вѣрно, я вамъ кажусь глупымъ, вздоръ говорю?

Муся дѣйствительно смѣялась, такъ смѣялась, какъ бывало хохотала еще гимназисткой. — Голубчикъ, простите! Я сама не знаю почему, но мнѣ такъ, такъ хорошо, что мнѣ хочется хохотать, какъ мнѣ всегда хотѣлось хохотать маленькой, когда я бывала чѣмъ-нибудь счастлива. Милый, родной мой, я сама не вѣрю, что это правда. Я со вчерашняго дня какъ въ туманѣ... Вѣдь я васъ не переставала любить,—проговорила она уже задумчиво, — вѣдь я васъ еще больше прежняго люблю, не могу справиться съ этой глупой любовью. — Она гладила его волосы, любуясь имъ, сіяя и волнуясь подъ его восторженнымъ взглядомъ.

— „Глупой, глупой"!—передразнилъ онъ ее.—Ну, какъ вы можете такъ говорить! Счастье мое, дорогая, голубка, красавица! —и онъ опять припадалъ головой къ ея рукамъ.—Вы говорите: „я не переставала". А я? Сколько лѣтъ я морочилъ, морочилъ себя и васъ. То я думалъ, что ненавижу васъ, что мы съ вами враги, и Богъ знаетъ, что̀ я не выдумывалъ еще! Вѣдь я не пропускалъ случая сдѣлать вамъ что-нибудь непріятное и, замѣ-

чая нотку досады въ вашемъ голосѣ, радовался какъ ни вѣсть какому счастью. Помните?

— Помню, помню, какже! Да вѣдь и я платила вамъ тѣмъ же.

— Ну, еще бы! Помните, я разъ сказалъ: „нашла коса на камень“. Какая тутъ коса! Вотъ я счастливъ теперь, что косу-то сломали и въ полонъ забрали, что я вотъ такъ передъ вами на колѣняхъ, что я могу сказать вамъ, что отъ меня—отъ прежняго меня—ничего не осталось. Весь я вашъ, и дѣлайте со мною чтò хотите!

— А помните, я васъ увѣряла, что мы съ вами все-таки современемъ будемъ друзьями настоящими? А вы еще сказали, что такіе два характера, какъ мы, друзьями быть не могутъ.— Муся взяла его обѣими руками за голову и поглядѣла ему прямо въ лицо.

— Друзья? Да развѣ мы друзья?! Да развѣ съ вами можно быть другомъ!? Тебя любить можно, тебя нельзя не любить, любоваться на тебя надо, цѣловать тебя вотъ такъ!—Онъ пригнулъ къ себѣ ея голову, цѣлуя ея лицо и волосы.—И вотъ такъ!—и Муся вздрогнула и замерла подъ поцѣлуемъ, ожегшимъ ея губы, и, не помня себя, отдала ему этотъ поцѣлуй.—Милая, хорошая, любимая! — шепталъ онъ, прижимая свою темную голову къ ея плечу.—Ты сама видишь, что только любить тебя, быть счастливымъ съ тобою можно, а другомъ?!.. Вспомни, вѣдь всѣ, кто были дружны съ тобою, всѣ кончали тѣмъ, что...

При этихъ словахъ Марья Николаевна вдругъ поблѣднѣла такъ, что даже губы ея побѣлѣли, схватилась руками за голову и рванулась въ сторону.

— Чтò съ вами, Марья Николаевна, милая?

Муся стояла передъ окномъ неподвижно, не опуская рукъ отъ головы и словно глядя въ окошко. Но ея помертвѣлый взглядъ не видѣлъ ни яркаго неба, ни подымавшихся въ недвижномъ морозномъ воздухѣ безчисленныхъ густыхъ столбовъ дыма, ни блестѣвшихъ на солнцѣ оконъ, ни сверкавшаго снѣга. Опять были сурово сдвинуты тонкія брови, только-что горѣвшіе глаза безжизненно смотрѣли передъ собой, на лицѣ застыло выраженіе отчаянія. Дмитрій съ испугомъ схватилъ Мусю за руку.

— Марья Николаевна, чтò съ вами?

Муся сразу обернулась къ нему. Его испугъ смѣнился ужасомъ, и Дмитрій весь похолодѣлъ и словно сжался, ожидая какого-то неминуемаго, близкаго несчастья. — Муся!.. — началъ онъ, притягивая ее къ себѣ за руки, но голосъ его оборвался,

когда онъ заглянулъ въ это отчаянное лицо съ потухшимъ взглядомъ и дрожащими отъ неслышныхъ рыданій губами.

— Да что это такое наконецъ?!—почти закричалъ онъ. — Марья Николаевна, говорите же!

Губы Муси какъ-то болѣзненно и насмѣшливо покривились.— А помните вы,—тихимъ отъ глубокой боли голосомъ сказала она: — разъ, когда мы съ вами поссорились, я дразнила васъ, что поздно, молъ, будетъ мириться, а тетя Мари прибавила еще: „les longues espérances usent la joie“. Вотъ оно и есть—поздно! Только тогда я это говорила въ шутку. А теперь это правда,— добавила она уже спокойно. И вдругъ ея лицо дрогнуло, она пошатнулась и съ воплемъ бросилась къ нему.—Дмитрій, поѣдемъ, поѣдемъ скорѣе! Я тутъ задыхаюсь, мнѣ на воздухѣ будетъ легче, и я тебѣ все скажу, а то, право, силъ не хватаетъ. Боже мой, даже одну минуту я не могу быть вполнѣ счастлива! Все отравлено! Поздно, поздно!

Она стала съ лихорадочною поспѣшностью надѣвать шапочку и перчатки.

— Да нѣтъ, подожди, что̀ случилось, что̀ съ тобой такое?

— А то случилось, что ты самъ мнѣ невольно напомнилъ то, о чемъ я все утро готовилась тебѣ сказать, да вотъ забыла, когда тебя увидѣла. Ты не подумай, что я съ ума сошла, только я вотъ что̀ тебѣ скажу: я теперь поѣду съ тобой—но это въ первый и въ послѣдній разъ, и ѣду я только для того, чтобы хоть часъ, хоть полчаса пробыть съ тобой съ глазу на глазъ и чтобы проститься съ тобой. Да, да, проститься, и пожалуйста не думай, что это какое-нибудь романтическое рѣшеніе, что я что-нибудь „разыгрываю“, какъ ты прежде выражался. Ну, вѣришь ли, дорогой, что я люблю тебя больше себя, больше свѣта, больше жизни, я безъ тебя не могу жить, но я тебѣ говорю, что мы съ тобой должны разстаться, и что сегодня мы въ послѣдній разъ вмѣстѣ, послѣдній разъ такъ!—Она прижалась вся къ нему, заглядывая ему прямо въ глаза.

— Но отчего, отчего?

— Отчего! Да развѣ я могу быть вполнѣ счастлива съ тобой? Развѣ намъ можетъ быть такъ хорошо, какъ вотъ сейчасъ было? Когда мы любили порознь — мы могли бороться съ собой. Но развѣ теперь мы можемъ оставаться посторонними людьми? Мы съ тобой не изъ тѣхъ, что выносятъ что-нибудь двойственное, неясное, нечестное. Ни я, ни ты любить слегка, не отдаваясь своему чувству вполнѣ—не можемъ. Что̀ же намъ остается дѣлать?

Быть счастливыми вполнѣ, принадлежать другъ другу мы не можемъ, мы оба не свободны...

Дмитрій хотѣлъ ее прервать, но она остановила его.

— Да, да, мы не свободны оба. И я скажу вамъ всю истину: я и *не хочу* быть свободна. Не удивляйтесь и не ужасайтесь. Сергѣя я люблю, вы это сами знаете. Ни его, ни дѣтей я не брошу, я безъ нихъ жить не могу, не говоря уже о томъ, что неспособна была бы купить свое счастье ихъ несчастьемъ. А если не разорвать со всею прежнею жизнью моею, то какъ же я могу васъ любить? Полнаго счастья, полной любви быть не можетъ, да значитъ ея и нѣтъ, какъ вы видите. Такъ неужто же продолжать любить другъ друга такъ, какъ до сихъ поръ: молча, никогда не проговариваясь ни словомъ, ни жестомъ? Неужели же ты можешь это?! Послѣ вчерашняго дня, послѣ того, что сейчасъ было?!

Дмитрій сидѣлъ, низко опустивъ голову.—Такъ неужто же ты думаешь, что мы можемъ разлюбить другъ друга?—спросилъ онъ ее горячо.—Вѣдь, кажется, ты видишь, что это невозможно, какъ мы ни хитрили, какъ ни боролись сами съ собой. Сказалось же! Ты видишь, что это сильнѣе насъ. Ничего не подѣлаешь!

— Какъ ничего не подѣлаешь!? Нѣтъ, извини, этого я именно и не допускаю!—вспылила Муся и вдругъ остановилась, прислушиваясь къ стуку дверей въ комнатѣ Петра Михайловича.

— Поѣдемъ, пожалуйста!—попросилъ ее теперь Дмитрій.—Такъ прервать этотъ разговоръ на серединѣ я не въ состояніи, а намъ сейчасъ могутъ помѣшать!

— Поѣдемъ! — и Муся быстро пошла въ переднюю, надѣла шубку.—Скажите барину, что я поѣхала кататься съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ,—на ходу сказала она Тимоѳеею.—Попросите Сергѣя Александровича посмотрѣть, какъ Вѣрочка будетъ обѣдать,—добавила она дрогнувшимъ голосомъ и стала спускаться съ лѣстницы.

Дмитрій, на ходу надѣвая пальто, сбѣгалъ за нею. У подъѣзда, нетерпѣливо тряся головой, переступая съ ноги на ногу и натягивая поводья, которыя держалъ въ прозябшихъ рукахъ Демкинъ, бывшій деньщикъ, теперь кучеръ Неридова—стоялъ Вороной, запряженный въ маленькія сани.

— Давай!—крикнулъ швейцаръ. И Вороной, обрадовавшись и сдерживая свою радость, степенно подъѣхалъ къ крыльцу.

— На Острова! По первой линіи Васильевскаго поѣдешь! — приказалъ Дмитрій, когда выдрессированный Гаврила, уже проѣхавъ цѣлую улицу, молчаливо обернулъ къ нему свое широкое,

вѣчно улыбающееся лицо. Вороной точно по собственной волѣ наддалъ, и сани еще быстрѣе полетѣли, скрипя и визжа по твердому, искрившемуся снѣгу, завернули налѣво и выѣхали на Николаевскій мостъ.

Неридовъ и Муся молчали. Морозный, рѣзкій воздухъ, едва они вышли изъ подъѣзда, успокоилъ и ободрилъ ихъ. Не хотѣлось портить это бодрое, веселое настроеніе, продолжая тяжелый разговоръ. Муся, со своею всегдашнею отзывчивостью на всякое новое впечатлѣніе, отдавалась вся удовольствію быстрой ѣзды, закуталась въ шубку отъ щипавшаго ей уши мороза и почти весело смотрѣла на сіяющій зимній день.

На мосту и въ ту, и въ другую сторону сплошной массой медленно ползли сани, кареты визжали колесами по примерзшему снѣгу, тянулся обозъ пустыхъ розвальней и конка звонила какъ обезумѣвшая. Среди пара, валившаго отъ лошадей, стоялъ гамъ и крикъ, ломовые бранились „желтоглазыми чертями", городовой что-то быстро, быстро и надъ самымъ ухомъ оралъ на мальчишку въ передникѣ, пробравшагося со своей корзинкой на салазкахъ въ самую тѣсноту экипажей; казалось, вотъ-вотъ его задавитъ пара храпѣвшихъ сѣрыхъ лошадей, надъ которыми паръ стоялъ облакомъ. Покрытая пушистымъ бѣлымъ ковромъ уходила вдаль, въ обѣ стороны, Нева. У самаго моста на ней сверкали бирюзово-прозрачные „кабаны", вокругъ которыхъ копошились темныя фигуры чухонъ. Немного далѣе, черезъ бѣлую скатерть рѣки, какъ переселяющіеся муравьи, черною движущеюся нитью виднѣлись пѣшеходы. Еще дальше, въ концѣ непрерывнаго ряда домовъ, надъ сѣроватыми силуэтами заиндевѣлыхъ деревьевъ, окна Зимняго дворца и Адмиралтейства сверкали какъ раскаленные. А на той сторонѣ домà Петербургской Стороны и Острова терялись въ морозномъ туманѣ и на зеленоватомъ, поблѣднѣвшемъ уже зимнемъ небѣ яркимъ золотомъ горѣла крѣпостная игла. Часовня на мосту, подернутая инеемъ, тоже точно вспыхивала своими золотыми рамами и крестами подъ холодными, ясными лучами зимняго солнца.

Съѣхали съ моста. Столпившіеся на мосту экипажи словно таяли, расползаясь въ разныя стороны. Сани Неридова раскатились-было на заледенѣвшемъ скатѣ и вновь быстро понеслись вдоль набережной.

Дмитрій, слегка прижимая къ себѣ Мусю, которая до кончиковъ розовыхъ ушей ушла въ свою шубу, такъ что только черные глаза блестѣли изъ-подъ бобровой шапочки, спросилъ:

— Ну, такъ что же намъ дѣлать?

Оживленный блескъ опять разомъ потухъ въ этихъ глазахъ.— „Чтò намъ дѣлать?“—повторила Муся.—А вотъ чтò!—Она высвободила свой подбородокъ изъ темнаго мѣха и, повернувъ голову, близко взглянула въ лицо Дмитрія.—А вотъ чтò: ты вѣришь, ты видишь, до чего я тебя люблю, какъ мнѣ хорошо съ тобой? И тебѣ тоже вѣдь хорошо?

— Милая! Зачѣмъ ты это спрашиваешь! Вѣдь ты...

— Знаю, знаю! — нѣжно улыбаясь ему, отвѣтила Муся и крѣпче оперлась о его плечо.—Такъ вотъ давай забудемъ теперь все дурное, все тяжелое, и пусть намъ будетъ только хорошо, только радостно вдвоемъ. Сегодня нашъ день, сегодня мы можемъ быть счастливы и веселы. Будемъ помнить только настоящее. А пріѣдемъ домой, тогда наступитъ будущее, конецъ всему!..

— Муся, полно! Это невозможно! Это было бы слишкомъ дико. Это просто глупо! Развѣ можно отказываться отъ такого счастья? Не могу, не могу я этого. Да какъ ты хочешь, чтобы я забылъ, что ты меня любишь!? Вѣдь по волѣ не выкинешь изъ головы того, чтò знаешь!

— Да ты и помни, если хочешь. Видѣться мы не будемъ.

— Ну, ужъ нѣтъ! Этого ты запретить мнѣ не можешь.

— Я принимать васъ не буду, а устроить такъ, чтобы не встрѣчаться, очень легко. Я могу уѣхать за границу.

— Послушайте, Марья Николаевна!—раздраженно заговорилъ Дмитрій:—этимъ шутить нельзя, это съ вашей стороны просто...

— Голубчикъ!—Муся высвободила ручку изъ ротонды и взяла его за руку.—Ты погляди только на меня: развѣ я шучу? развѣ мнѣ легко? Это такъ же серьезно, такая же правда, какъ и то, что я люблю тебя безконечно. Видишь ли, тогда, лѣтомъ, я, можетъ быть, меньше теперешняго тебя любила, но тогда у меня не хватило бы рѣшимости все это порвать. Я тогда могла натворить Богъ знаетъ какія глупости, забыть все... Слава Богу, что ты тогда уѣхалъ, хоть и не по своей волѣ. Теперь я вся поглощена моимъ чувствомъ; бороться ни съ собой, ни съ тобой я больше не могу. Но зато въ это время я все передумала, я измучилась въ этой борьбѣ—и она пришла не даромъ. Я прямо говорю: я тобой пожертвую и раскаиваться себѣ въ этомъ не позволю!

— Муся! ты сама не выдержишь. Да не хочу, не хочу я этого! Не отдамъ я тебя!

— Ахъ ты горячка! Но ты знаешь: я всегда долго не рѣшаюсь на что-нибудь, бросаюсь изъ стороны въ сторону. Но если я уже рѣшила—тогда... Однимъ словомъ—*это такъ будетъ*. А теперь довольно. Неужели ты такъ перемѣнился, что уже неспо-

собенъ отдаться настоящей минутѣ? Неужели ты, какъ всѣ, будешь раздумывать о будущемъ да о прошедшемъ?! Скажи же мнѣ что-нибудь!

— Нечего говорить!—сказалъ онъ мрачно.

— Помолчимъ!

Сани, застучавъ по деревянному спуску, съѣхали на ледъ. На противоположномъ берегу бѣлѣли кружевные силуэты покрытыхъ пушистымъ инеемъ деревьевъ, отъ которыхъ голубыя тѣни падали на ледъ. Направо замерзшая рѣка уходила въ синеватый морозный паръ, среди котораго тамъ и сямъ виднѣлись какіе-то желтые домики, чернѣли заборы. Налѣво снѣгъ искрился подъ лучами низкаго солнца, и небо уже переходило изъ зеленовато-голубого въ блѣдно-оранжевое. На самомъ горизонтѣ поднимался бурый туманъ.

Опять подъ ногами Вороного застучали обледенѣлыя доски въѣзда, и сани заскользили по дѣвственно-бѣлому снѣгу какой-то совершенно занесенной аллеи. Брилліантами горѣлъ иней на освѣщенныхъ вѣткахъ и стволахъ, а остававшіяся въ тѣни казались бѣлыми сталактитами, спускавшимися съ фантастическаго, полупрозрачнаго, кружевного свода. Все кругомъ было бѣло и неподвижно,—лишь налѣво, между деревьями, мелькалъ изрѣдка кусочекъ желто-зеленоватаго неба, окна домовъ на противоположномъ берегу сверкали, да слышалось издали заунывное пѣніе и уханье рабочихъ, вколачивавшихъ сваи у берега, и по временамъ доносилось гудѣніе какой-то фабрики... Сани покачнулись на поворотѣ, врѣзавшись въ глубокій снѣгъ, и медленно завернули въ боковую аллею. Кругомъ, кромѣ холмовъ снѣга, запорошенныхъ стволовъ да причудливыхъ, словно засахаренныхъ, бѣлыхъ кустарниковъ, ничего не было видно.

— А морозъ крѣпкій, ваше благородіе!—сказалъ Гаврила, оборачивая къ Неридову свое покраснѣвшее, съ бѣлыми усами и бровями, лицо.—Щиплется!

Муся засмѣялась.—Отлично здѣсь. Какъ-то совсѣмъ оригинально, и я, право, не знаю, гдѣ мы ѣдемъ. Мостъ какой-то! Какая это рѣка: Невка, Карповка? Я ничего не знаю!

— Нѣтъ, я все-таки несогласенъ! — отвѣтилъ ей совсѣмъ на другое Дмитрій.

— „Все-таки, все-таки“—это по-женски разсуждать! Тогда вы скажите такъ лучше: она *все-таки* теперь со мной, она теперь *все-таки* моя,—сказала Муся, кладя головку ему на плечо и счастливыми глазами глядя ему прямо въ глаза.—Какъ здѣсь чудно!—продолжала она.—Сколько разъ я бывала на Островахъ

зимой, но всегда вечеромъ, или среди болтовни я не замѣчала, или всегда бывало теплѣе и инея такого не было, а сегодня такой морозъ, что развѣ такіе сумасшедшіе, какъ мы, поѣдутъ. Зато и видимъ такую прелесть.—Муся, слегка закинувъ голову и совсѣмъ распахнувъ шубу, глядѣла вверхъ на матово-серебряныя вѣтви.

— Нѣтъ, вотъ это такъ сумасшествіе!—вскричалъ Дмитрій, укутывая ее, и вдругъ, не въ силахъ долѣе бороться съ искушеніемъ, видя такъ близко это милое, разгорѣвшееся на морозѣ лицо, онъ пригнулъ голову и припалъ къ улыбавшимся розовымъ губамъ долгимъ, беззвучнымъ поцѣлуемъ. Муся не отстранилась отъ него, она закрыла глаза, и Дмитрій почувствовалъ сквозь бархатъ и мѣхъ шубки, какъ тонкій, мягкій станъ точно сломился на его рукѣ, и, какъ усталая, Муся прислонилась къ плечу Неридова.

— Пусть онъ скорѣе, скорѣе ѣдетъ!—попросила она.

— Гаврила, впередъ!—И опять, прежде чѣмъ Гаврила успѣлъ пошевелить вожжами, Вороной, заслышавъ знакомое приказаніе, сразу наддалъ, и сани полетѣли. Сухой, блестящій снѣгъ засыпалъ въ лицо, деревья замелькали мимо; опять простучалъ какой-то мостъ; мелькнули заколоченныя окна дачъ, будка, какое-то громадное зданіе среди синѣвшей вечерними тѣнями бѣлоснѣжной площади. Опять зашуршалъ снѣгъ занесенной аллеи. Короткій январьскій день кончался. Прямо впереди кровавоогненный полукругъ солнца безъ лучей опускался въ красноватое облако тумана, книзу становившееся лиловатымъ, потомъ сѣрымъ, и сливавшееся на горизонтѣ съ бѣлою волнистою поверхностью замерзшаго взморья.

Муся не поднимала головы съ плеча Дмитрія, и они ѣхали молча, глядя другъ другу въ глаза, прижавшись другъ къ другу.

— Нѣтъ! это вздоръ!—сказалъ Дмитрій, но Муся съ безконечною любовью и грустью глядѣла ему въ глаза; онъ видѣлъ слезы на ея пушистыхъ рѣсницахъ и опять замолчалъ. Чтò сказать? Онъ видѣлъ, что Муся въ самомъ дѣлѣ твердо рѣшила все кончить, но видѣлъ также, что она его дѣйствительно любитъ. И его счастливое сердце не могло понять грозящаго несчастья. Неридовъ былъ такъ счастливъ въ эту минуту, что ему не хотѣлось думать, что что-нибудь можетъ измѣниться, что можетъ быть бòльшее счастье; ему не вѣрилось, что этотъ зимній день потемнѣетъ, что это огненное солнце не вѣчно будетъ отражаться въ блестящихъ глазахъ, такъ нѣжно глядящихъ ему въ глаза,

что онъ не вѣчно будетъ чувствовать въ своей рукѣ этотъ тонкій станъ.

Сани стали. Отъ Вороного валилъ паръ. Гаврила съ ожесточеніемъ махалъ застывшими руками и хлопалъ въ ладони. Муся и Неридовъ молча смотрѣли на закатъ. Какъ послѣдній раскаленный уголь въ мягкой сѣрой золѣ, чуть-чуть виднѣлся узкій кровавый край солнца въ поглощавшемъ его облакѣ бураго тумана, незамѣтно сливавшагося съ яркой оранжевой полосой, которая выше становилась желтой, потомъ нѣжно-зеленой, безцвѣтно-голубой. Тамъ, наверху, уже мигали блѣдныя звѣзды. Откуда-то издали въ недвижномъ морозномъ воздухѣ донесся ударъ колокола. Еще одинъ. На томъ берегу зажегся огонекъ среди бѣлыхъ деревьевъ. Снѣгъ подъ ними уже блестѣлъ синеватымъ блескомъ, и дорога, синѣя, уходила подъ волшебный сводъ волшебныхъ деревьевъ.

— Поѣдемъ домой, пора!—произнесла Муся, очнувшись.

И отдохнувшій Вороной весело, бросая снѣгъ, понесся назадъ. Когда они пріѣхали на Васильевскій Островъ, сумерки совсѣмъ спустились на землю, и фонари зажигались въ туманномъ воздухѣ. Вотъ уже звонитъ конка на Николаевскомъ мосту. Опять шумъ и давка. Два ряда золотыхъ звѣздочекъ убѣгаютъ по обоимъ берегамъ рѣки, сливаясь вдали въ сплошныя огненныя линіи. Полозья саней визжатъ, переѣзжая два раза вкось черезъ рельсы. Повернули направо.

— Прощай!—говоритъ Муся, сжимая руку Дмитрія.—Совсѣмъ прощай! Не забывай меня! Нѣтъ, забудь, забудь скорѣе! А я тебя люблю, слышишь, люблю!

— Нѣтъ, я не прощаюсь. Я зайду къ тебѣ еще, и мы поговоримъ. Одумайся!

— Я говорю тебѣ: прощай совсѣмъ. Прощай!

Сани остановились у подъѣзда. Дмитрій высаживаетъ Мусю. Она какъ бы медлитъ одну минуту, потомъ еще разъ говоритъ:— Прощайте!—и быстро уходитъ въ подъѣздъ.

— „Что же это такое?“ Дмитрій минуты двѣ стоитъ въ нерѣшительности, потомъ стремительно вскакиваетъ въ сани и сквозь зубы, отрывисто, приказываетъ:

— Домой! Живо ѣхать!

А Муся, пройдя съ оживленнымъ и гордымъ видомъ мимо швейцара и весело спросивъ у Тимоѳея: кушала ли Вѣрочка?— почти бѣжитъ въ свою комнату. Тутъ Муся прямо бросается къ окну, прислоняется головой къ холодному стеклу и смотритъ внизъ. Вотъ доносится съ улицы слабый визгъ полозьевъ по ого-

лившимся у подъѣзда камнямъ, и въ голубоватомъ зимнемъ сумракѣ черезъ улицу мелькаетъ черный силуэтъ саней. А входящая въ комнату Даша съ ужасомъ видитъ, что Марья Николаевна соскальзываетъ съ подоконника и, не крикнувъ даже, падаетъ на коверъ.

X.

— „Что̀ же это такое?“ — спрашивалъ себя Дмитрій, пока сани уносили его домой.—„Что̀ это такое?“ Она меня любитъ, она такъ искренна, такъ правдива въ своемъ чувствѣ... И отъ такого счастья отказаться?! Бороться съ собой долгіе, долгіе мѣсяцы, годы, измучиться въ этой борьбѣ, наконецъ высказаться, взглянуть счастью въ лицо—и вдругъ опять все забыть! Да это невозможно! Это абсурдъ!.. И для чего? Я самъ знаю, что то, что̀ мы дѣлаемъ, безчестно. Но до проповѣдей ли теперь мнѣ? Это сильнѣе насъ. Мы не можемъ разлюбить другъ друга!“

Пріѣхавъ домой и расхаживая по своей великолѣпной, но пустой и имѣвшей заброшенный видъ квартирѣ, Дмитрій думалъ все то же. Онъ не понималъ, какіе тутъ еще могли быть разговоры и размышленія послѣ того, что они „другъ другу сказали, что любятъ. Не сказать этого, выдержать характеръ — это еще куда ни шло, можно понять. Онъ, напримѣръ, все лѣто и осень не позволилъ себѣ написать Мусѣ, постарался думать о всемъ прошедшемъ, какъ о мимолетномъ flirt отъ нечего-дѣлать, такъ какъ считалъ безчестнымъ относительно Сергѣя говорить его женѣ о своей любви, и даже относительно самой Муси считалъ это непорядочнымъ—слишкомъ она хорошая женщина. Но теперь? О чемъ теперь разсуждать? Они проговорились оба. Они любятъ оба и должны быть счастливы. Все равно, мужа она не любитъ, счастлива съ нимъ быть не можетъ, а слѣдовательно нечего обманывать ни его, ни себя. Надо все это порвать. Безъ Муси онъ жить не можетъ.

Дмитрій сѣлъ въ маленькой гостиной жены, гдѣ топился каминъ, и сталъ вспоминать эти два дня. Иванъ пришелъ его звать обѣдать, но Дмитрій сказалъ, что̀ обѣдать не будетъ, не велѣлъ зажигать и лампы и продолжалъ, глядя на огонь, думать о Мусѣ. Опять его счастье показалось ему несбыточнымъ. Развѣ Муся похожа на всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ, не исключая и Ольги? Ахъ, на эту менѣе всего. И Дмитрій вдругъ припомнилъ дѣвишникъ у Гирѣевыхъ и свой разговоръ съ Му-

сей въ столовой—какъ онъ тогда вдругъ понялъ Мусю всю, догадался, какъ она непохожа на всѣхъ окружающихъ, какъ тогда онъ, Дмитрій, любовался на ея молодой, гибкій и глубокій умъ, оригинальность мнѣній и словъ, и, главное, на эту удивительную искренность и прямоту. И еще что-то было въ Мусѣ, чего онъ себѣ опредѣлить не могъ, но тогда еще сказалъ себѣ: „Она не чета всѣмъ имъ", не замѣчая, что къ этимъ „всѣмъ" онъ безсознательно причислилъ и свою красавицу-невѣсту. Теперь онъ повторялъ это уже совсѣмъ сознательно. Онъ постарался вспомнить, какъ же это и когда онъ полюбилъ Мусю —и не могъ. Онъ хорошо помнилъ, что послѣ этого разговора въ столовой у нихъ установились какія-то особенныя, болѣе чѣмъ дружескія отношенія, такая задушевная откровенность, что не было вещи, о которой бы имъ не хотѣлось переговорить вдвоемъ и о которой они бы не говорили. Они спорили иногда до ссоры, такъ какъ не прощали другъ другу ни малѣйшей ошибки въ мысли или несправедливости въ мнѣніи, имъ всегда нужно было договориться до конца,—тогда они успокоивались. И сколько разъ Дмитрій говорилъ себѣ, что знаетъ и понимаетъ Мусю... Потомъ наступала полоса вражды. Дмитрій смѣялся надъ этой „сложной машиной", какъ онъ называлъ ея душу; ему Муся бывала вся антипатична, со своими вѣчными вопросами и порываніями куда-то, со всей своей сложной душевной работой. Но отдѣлаться отъ обаянія этой живой души онъ и въ такія времена не могъ. Онъ нарочно говорилъ и дѣлалъ все возможное, чтобы обидѣть, оскорбить, задѣть за живое своего врага, и не замѣчалъ, что этимъ самымъ непрестанно перебиралъ и провѣрялъ всѣ ея симпатіи и антипатіи, всѣ ея убѣжденія и вѣрованія, и что даже такимъ отрицательнымъ путемъ ея образъ все сильнѣе западалъ въ его душу. И обыкновенно такая полоса вражды кончалась новымъ взрывомъ откровенности, — и опять Дмитрій говорилъ себѣ, что не знаетъ Муси, и преклонялся передъ нею... Но никогда бы онъ не повѣрилъ, что Муся можетъ его полюбить. Всѣ разговоры лѣтомъ онъ принялъ за игру съ ея стороны, за капризъ избалованной женщины, которая привыкла, чтобы за ней всѣ ухаживали и признавались ей въ любви; онъ держалъ себя не такъ, какъ всѣ, и счелъ все то, что она говорила и дѣлала, за ловкіе маневры, которыми она хотѣла добиться своего. Она была лучшая женщина изо всѣхъ, кого онъ зналъ, но она была женщина, а онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ знаніи женщинъ, что даже ей приписывалъ всѣ мелкія, себялюбивыя побужденія, которыя встрѣчалъ у другихъ... Онъ тоже никогда не повѣрилъ

бы, что онъ ее такъ полюбитъ. И потому, когда Ольга мало-помалу сдѣлалась ему совсѣмъ чужой, и онъ, вмѣсто ожидаемой тоски, вдругъ почувствовалъ облегченіе и свободу, и его, точно обновленнаго, потянуло въ Глуховской, когда онъ сталъ ловить себя на каждомъ шагу въ томъ, что все, что̀ онъ дѣлаетъ, все, что̀ говоритъ — онъ самъ судитъ съ точки зрѣнія и съ высоты пониманія Муси, однимъ словомъ, когда онъ понялъ, что она для него необходима, что она для него *все* въ жизни—Дмитрій ужаснулся.

Такъ полюбить ему не приходилось, да онъ думалъ, что онъ и не умѣетъ. До сихъ поръ всѣ его романы были просто болѣе или менѣе сильными увлеченіями, и какъ онъ имъ искренно ни отдавался, онъ всегда зналъ, что они не вѣчны, а потому и скоро утѣшался, когда такой романъ кончался. Увлеченіе Ольгой, этимъ балованнымъ, какъ ему казалось, ребенкомъ, женитьба, счастье перваго времени, разочарованіе потомъ — въ сущности мало его задѣли. Это было совсѣмъ въ иной обстановкѣ, но то же, что и всѣ прежніе его романы. А то чувство, которое онъ считалъ одной изъ общечеловѣческихъ своихъ привязанностей, это чувство охватило всю его жизнь. Онъ сказалъ правду Марьѣ Николаевнѣ — прежній Дмитрій пропалъ, а теперешній весь былъ въ ея рукахъ, онъ жилъ ею и для нея. И все-таки онъ не зналъ ея вполнѣ.

И хотя сознаніе ея любви и счастья минутами охватывало его такой жгучей волной, что онъ почти громко звалъ: „Муся, Муся!“ и сжималъ руки на колѣняхъ (этотъ жестъ онъ тоже невольно перенялъ отъ нея),—но какое-то неясное чувство тоски и предчувствіе несчастья давило его. Опять онъ возмущался, негодовалъ на Мусю, на ея вѣчныя разсужденія. Всѣ его прежнія мысли о Сергѣѣ, объ отношеніи ихъ обоихъ къ нему не приходили ему больше въ голову. А объ Ольгѣ онъ даже и не задумывался. Ей что̀! Она будетъ даже очень довольна, если онъ ее оставитъ въ покоѣ и предоставитъ ей полную свободу дѣйствій. И Дмитрій, какъ всегда въ такія серьезныя минуты жизни, сразу рѣшилъ весь планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій: онъ поѣдетъ къ Сергѣю, прямо скажетъ, что любитъ Марью Николаевну и она его, предложитъ ему какое угодно удовлетвореніе. Будутъ стрѣляться —ну, тогда будь что̀ будетъ, судьба сама все рѣшитъ. А если Сергѣй дѣйствительно такой неестественно-гуманный, необычайный, фантазирующій человѣкъ, какъ о немъ говоритъ Муся, и не захочетъ портить Мусѣ жизнь изъ-за того только, что она его разлюбила,—тогда Дмитрій приметъ то мѣсто, которое ему

предлагають въ Средней Азіи, отдасть все состояніе Ольгѣ, разведется, взявъ вину, конечно, на себя—и увезеть Мусю на далекій востокъ, а тамъ „никакой чортъ не помѣшаетъ нашему счастью“... И какъ всегда, Дмитрій тотчасъ повеселѣлъ, когда все представилось ему въ такомъ ясномъ и опредѣленномъ свѣтѣ.

— Иванъ, одѣваться! Новый аксельбантъ и погоны. И вели Гаврилѣ заложить „Бурку“.

— Никакъ нельзя, ваше высокоблагородіе, Гаврила какъ есть пьянъ! Говоритъ, дюже замерзъ давеча, такъ хотѣлъ отогрѣться, а теперь спитъ. Будили, чтобъ ключъ отъ овса достать, никакъ невозможно добудиться.

Въ другое время Дмитрій раскричался бы, но теперь онъ былъ такъ полонъ своими мыслями, что только сказалъ: — Ну, позови мнѣ извозчика! — И Дмитрій поѣхалъ къ Мусѣ, зная, что застанетъ ее вечеромъ одну. Но когда онъ смѣлымъ, радостнымъ шагомъ вошелъ въ подъѣздъ и хотѣлъ уже сбросить шинель на руки швейцара,—этотъ остановилъ его словами:—Петръ Михайловичъ и Сергѣй Александровичъ изволили уѣхать въ концертъ, а Марья Николаевна не принимаютъ, нездоровы, должно быть. Давеча Тимоѳея посылали за докторомъ.

Дмитрій оторопѣлъ. Нѣтъ, рѣшительно все отъ начала до конца въ этой исторіи дѣлалось не по его волѣ, не устроивалось, какъ прежде все устроивалось всегда! Опять какой-то голосъ говорилъ ему, что громадное несчастье ждетъ его, и что все то, что только-что занялось яркой зарей, потухнетъ, не освѣтивъ его жизни... Онъ поѣхалъ домой, сказавъ, что завтра же пріѣдетъ узнать о здоровьѣ Марьи Николаевны, и рѣшившись непремѣнно увидѣть ее, въ крайнемъ же случаѣ узнать отъ Сергѣя, чтò съ нею. Дмитрій невольно понялъ, что больна она послѣ всего этого. И это еще болѣе утвердило его въ мнѣніи, что нельзя согласиться съ нею и подчиниться ея рѣшенію.

„Красавица моя, умница!“ —по дорогѣ домой повторялъ онъ себѣ то, чтò хотѣлъ сказать ей завтра.—„Я дорожу каждой минутой твоей жизни, а ты вотъ хвораешь и мучишь себя изъ-за меня. Перестань бороться и страдать! Люби меня и будь счастлива, а я уже обо всемъ подумаю и позабочусь“.

Онъ легъ рано, попробовалъ читать, но вскорѣ отбросилъ книгу. Муся, со своей чарующей улыбкой и задумчивымъ взглядомъ, стояла у него передъ глазами. Она говорила ему что-то, и онъ, волнуясь и улыбаясь въ одиночествѣ своей комнаты, слушалъ этотъ дрожащій отъ горячаго чувства голосъ и всѣ страстныя и нѣжныя слова, какія она ему говорила сегодня утромъ.

Или онъ видѣлъ, что она только глядитъ ему прямо въ глаза, какъ вчера на балу, или сегодня во время катанья—и ея глаза блестятъ такъ близко отъ него, говорятъ ему такъ много, гораздо больше, чѣмъ всѣ ея слова,—что Дмитрій вскакиваетъ на постели и простираетъ руки, точно Муся тутъ, и онъ можетъ обнять ее. Онъ потушилъ свѣчу и закрылъ глаза. Но Муся не уходила. Всю ночь онъ не могъ заснуть, ворочаясь съ боку на бокъ, улыбаясь чему-то въ темнотѣ. Опять онъ не сомнѣвался въ своемъ счастьѣ и ждалъ съ нетерпѣніемъ и надеждой утра и той минуты, когда увидитъ Мусю.

Но когда на слѣдующій день онъ спросилъ у швейцара Глуховскихъ: какъ здоровье Марьи Николаевны? — тотъ ему отвѣтилъ, что онѣ сегодня, слава Богу, ничего, но принимать никого не приказано. Дмитрій послалъ свою карточку, но вышедшая Даша сказала, что барыня извиняются, но выйти никакъ не могутъ, такъ какъ нездоровы.

— Марья Николаевна лежитъ?

— Нѣтъ-съ, только видѣть васъ не могутъ.

Дмитрій попросилъ передать свое сожалѣніе и уѣхалъ. Онъ былъ неохотникъ до писемъ, боялся довѣрить имъ что-нибудь слишкомъ откровенное, а потому, пріѣхавъ домой, написалъ Мусѣ лишь маленькую записку, прося дать ему знать о здоровьѣ, выражая сожалѣніе, что дважды не могъ ее увидѣть и прося дать знать, когда онъ можетъ быть у нея.

Дмитрій опять расхаживалъ вдоль своихъ пустыхъ комнатъ, волнуясь и ожидая отвѣта съ такимъ же безпокойствомъ, съ какимъ когда-то тринадцатилѣтнимъ правовѣдомъ послалъ свое первое любовное письмо къ хорошенькой барышнѣ, жившей на дачѣ противъ Неридовыхъ и бывшей на цѣлые четыре года старше Дмитрія. Прошли долгихъ два часа. Еще часъ. „Чтò этотъ дуракъ Гаврила такъ долго не ѣдетъ, вѣдь нарочно послалъ его на „Буркѣ"!

Раздались шаги въ залѣ, и Дмитрій бросился было на-встрѣчу Ивану, но тотчасъ спохватился и сѣлъ къ столу. Рука Неридова, протянутая къ розовому маленькому конверту съ длинной монограммой, дрожитъ, и даже знаменитый въ командованіи голосъ какъ-то робко замѣчаетъ: — чтò Гаврила такъ долго ѣздилъ?

— Ждалъ, говоритъ, долго.

— Ну, иди!—Дмитрій осторожно и бережно разрѣзаетъ конвертъ и читаетъ:

„Дмитрій Алексѣевичъ! Вы напрасно безпокоитесь о моемъ здоровьѣ. Это была просто маленькая лихорадка, происшедшая, вѣроятно, отъ простуды: вѣрно я не хорошо закуталась послѣ ве-

чера. Но я не могу сказать вамъ, когда мы увидимся. Вѣрнѣе, я нахожу это совершенно излишнимъ. Новаго я ничего сказать вамъ не могу. Перемѣнить своего рѣшенія тоже не могу. Для чего же мы увидимся? Чтобы только еще тяжелѣе было? Я слишкомъ слаба, чтобы выдержать еще разъ такой разговоръ, какъ вчера. Я боюсь за себя. Я боюсь васъ и за васъ. Я ни отъ чего сказаннаго не отрекаюсь, но и ничего болѣе не скажу. Все кончено, Дмитрій Алексѣевичъ. Зачѣмъ же еще мучить другъ друга видѣніемъ невозможнаго счастья? Его нѣтъ и не будетъ. Пощадите же и не старайтесь меня видѣть, хоть пока я снова не соберусь съ силами. А самое лучшее, если вы постараетесь избѣгать даже встрѣчъ со мною. Вы съумѣли покориться этому осенью. Найдите предлогъ и теперь.

„Прощайте, Дмитрій Алексѣевичъ! Простите меня и не осудите, что эти два дня я такъ многое высказала, какъ будто для того, чтобы уже окончательно замолчать. Вѣрьте: именно то, что васъ такъ поражаетъ и сбиваетъ съ толку, именно это и служитъ ручательствомъ въ моей искренности, въ томъ, что это все правда. Да, я правду сказала вамъ, что люблю васъ, и вы знаете, что̀ значитъ это слово для меня. Но и то правда, что все останется, какъ было, даже хуже чѣмъ было, такъ какъ я постараюсь стать для васъ совсѣмъ чужой.

„Я сама себѣ не вѣрю, Дмитрій, что я пишу это тебѣ, моему милому, моему любимому,—но тебя прошу принять все до слова за самую ужасную и неизмѣнную правду... Ну, прощайте! Не могу больше. Будьте счастливы, если можете. Не забывайте меня совсѣмъ. Это было бы слишкомъ, слишкомъ! Ваша М.“

Дмитрій давно прочелъ уже письмо, но все, не поднимая головы, глядѣлъ на розовую бумажку.

— Да что же это!? Она въ самомъ дѣлѣ думаетъ такъ кончить!—громко вскрикнулъ онъ вдругъ, вскакивая!—Это не мыслимо! Это вздоръ! Я не отдамъ тебя, слышишь, Муся! не отдамъ! И собою я не дамъ играть!

И опять пришли лѣтнія мысли на умъ: „Неужели все это комедія? Гадкая, женская комедія? Всѣмъ шутить, чтобы только поставить на своемъ? Нѣтъ, это на нее не похоже!.. А развѣ похоже на нее подчиняться какимъ-то размышленіямъ и проповѣдямъ: когда она любитъ, такъ любитъ, какъ она все дѣлаетъ —забывая все на свѣтѣ, все отдавая своему чувству, когда она одного меня любитъ... Одного? То-то и есть, что нѣтъ! Она

прямо говорить, что любитъ Сергѣя. Такъ это же чортъ знаетъ что̀ такое!!

Дмитрій, сжавъ кулаки (по оставшейся у него съ дѣтства дурной привычкѣ), ходилъ взадъ и впередъ, почти бѣгалъ по комнатѣ. „Кого же она любитъ? Какая же это любовь? Къ нему—привычка, ко мнѣ—капризъ, чувственное увлеченіе... Но если капризъ, зачѣмъ тогда она такъ долго боролась съ собою? А теперь, сказала... Такъ зачѣмъ опять все ломаетъ? Нѣтъ, это не капризъ! Да развѣ Муся способна на такія вещи!.. Но что же это тогда?"

Дмитрій просто не могъ разобраться въ этихъ сбивчивыхъ мысляхъ. Онъ просидѣлъ и проходилъ по комнатѣ день и полъночи, раза четыре начиналъ письма къ Мусѣ, рвалъ ихъ, хватался за голову, то приписывалъ Мусѣ все, что только приходило ему на умъ оскорбительнаго, то умолялъ ее помочь ему, простить его, повторялъ ей про свою любовь. Къ утру онъ заснулъ тяжелымъ сномъ, но и во снѣ увидѣлъ Мусю, такою сіяющею и прекрасною, какъ она была на балу. Она подзывала его къ себѣ и, смѣясь, увѣряла, что хочетъ посмотрѣть, какъ онъ ее любитъ, и въ доказательство онъ долженъ сейчасъ же забыть ее, а она—исчезнуть. Для этого онъ долженъ былъ брать снѣгъ и засыпать ее снѣгомъ; но какъ только онъ посыпалъ ее снѣгомъ, снѣгъ разсыпался мелкими блестящими звѣздами, а Муся все стояла и не исчезала; но теперь ея лицо уже было блѣдно и не смѣялось, а черные глаза были полны слезъ. „Не забывайте, не засыпайте!" молила она его, и вдругъ начинала страшно рыдать... И Дмитрій, просыпаясь, чувствовалъ, какъ горячія слезы текутъ по его щекамъ, и онъ шепталъ: „Милая, милая! да развѣ можно тебя забыть?!"

Онъ проснулся совершенно измученный и, какъ иногда бываетъ съ нами въ первую минуту послѣ пробужденія, вдругъ ясно понялъ все. Да! вотъ она какая! — сказалъ онъ про себя, угадывая Мусю не словами и не мыслями, а какъ-то инстинктивно (какъ и прежде съ нимъ бывало). И тотчасъ спросилъ себя: „Какая же?" Но какъ только начиналъ разсуждать, опять все спуталось и сбилось.—Нѣтъ, попробую послѣдній разъ, поѣду къ ней и поговорю, а до тѣхъ поръ не стану думать, этакъ съ ума сойдешь!—рѣшилъ онъ и очень обрадовался, когда Иванъ доложилъ ему о приходѣ Боде.—Это хоть внѣшнимъ образомъ отвлекало его отъ мыслей.

— Ну, какъ поживаете? — спросилъ его Боде, когда Неридовъ, поспѣшно умывшись и одѣвшись, вышелъ въ кабинетъ.—

Все еще соломеннымъ вдовцомъ? Скучаете? Не очень-то кажется, такъ какъ васъ никогда дома не застанешь. Я вотъ уже третій разъ захожу къ вамъ отъ генерала, все не застаю, да и генералъ уже спрашивалъ: что это, молъ, Неридова не видно, не уѣхалъ ли, молъ, ужъ прямо къ эмиру, не простившись съ нами?

— Нѣтъ, какъ видите, еще здѣсь!—смѣясь, отвѣчалъ Неридовъ.—Хотите чаю? Я еще не пилъ. Онъ позвонилъ.

— Поздно вы встаете однако!—съ усмѣшечкой сказалъ Боде, который, должно быть, считалъ себя въ правѣ быть немного колкимъ съ человѣкомъ, о которомъ уже самъ генералъ отозвался съ такой нескрываемой насмѣшкой.

— А что это онъ такъ обо мнѣ безпокоится?—продолжалъ Дмитрій, не замѣчая точно послѣдней фразы Боде.

— Да вотъ прислалъ узнать окончательно, хотите ли вы, какъ говорили, удержать эту вакансію для себя? А то онъ скажетъ Аллеру, чтобы тотъ прислалъ своего protégé! Я и не сомнѣваюсь, что вы вовсе не желаете туда ѣхать.

— Отчего? Напротивъ!..—И Дмитрій, со своей всегдашней способностью разсказывать, не останавливаясь, что угодно, и теперь увѣрилъ Боде, что онъ очень серьезно хочетъ ѣхать въ Среднюю Азію, по случаю проведенія тамъ новой границы, что онъ уже соскучился по Ташкенту, Хивѣ и всей азіатчинѣ, что въ Петербургѣ онъ скучаетъ, никакого интереса тутъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что жена не хочетъ возвращаться ранѣе года, что состояніе ихъ разстроено, и что вообще ему, Дмитрію, непремѣнно хочется ѣхать. И въ то время, какъ онъ говорилъ только для того, чтобы не согласиться съ Боде, онъ вдругъ твердо и ясно рѣшилъ, что въ самомъ дѣлѣ, что бы ни случилось, а онъ приметъ это мѣсто: если Муся любитъ его и порветъ съ прежнею жизнью—онъ ее увезетъ; если же она играетъ съ нимъ, если это все было лишь увлеченіе, капризъ, и она дѣйствительно серьезно рѣшила все кончить—тогда тѣмъ болѣе онъ не останется въ Петербургѣ.

Они еще поговорили объ общихъ товарищахъ, о томъ, что Брейтеръ застрѣлился черезъ два дня послѣ свадьбы, что Миркова, говорятъ, выходитъ за этого ужаснаго стараго милліонера Норреля, что впрочемъ неизвѣстно навѣрное, кто изъ нихъ выходитъ, мать или дочь, такъ какъ обѣ онѣ добивались чести стать m-me Норрель. Боде разсказалъ еще о разныхъ перемѣнахъ, ожидаемыхъ въ ихъ вѣдомствѣ, о томъ, что на Розанова, говорятъ, дуются, и онъ, чего добраго, слетитъ, а впрочемъ кто его знаетъ? очень онъ ужъ нуженъ—но просилъ объ этомъ не рас-

пространяться, такъ какъ генералъ сообщилъ ему это „конфиденціально“. И, взглянувъ на часы, Бодѐ разомъ вскочилъ, вспомнивъ, что ему еще надо заѣхать въ два мѣста по порученію генерала и поспѣть къ нему вернуться до часу.

— Ну, до свиданья! Такъ вы завтра же приходите къ нему, да и рѣшайте все скорѣе. Но, право, бросьте думать о томъ мѣстѣ. Не пропадутъ всѣ эти текинцы, мервцы и афганы безъ васъ. А мы здѣсь со скуки пропадемъ.—И, очень довольный своимъ ловкимъ оборотомъ, Боде еще разъ крѣпко пожалъ руку Неридова и ушелъ, напѣвая модный „air des clochettes“.

Къ двумъ часамъ Неридовъ опять поѣхалъ къ Глуховскимъ. Муся не принимала.

Такъ прошло почти двѣ недѣли. Неридовъ чуть не каждый день посылалъ записку къ Марьѣ Николаевнѣ. Иногда она двумятремя оффиціальными словами на раздушенной бумажкѣ съ длинной монограммой благодарила его за любезный вопросъ о ея здоровьѣ и отвѣчала, что ей лучше, но что еще докторъ не позволяетъ ей выходить изъ комнаты, и потому она, Муся, должна отказать себѣ въ удовольствіи видѣть Дмитрія Алексѣевича. Иногда просто Иванъ приносилъ устное: „Приказали кланяться и благодарить“.

Дмитрій ничего не понималъ. Онъ бѣсился, негодовалъ, прямо говорилъ себѣ, что Муся имъ играла, а теперь это ей надоѣло, и она хочетъ отъ него отдѣлаться. Но онъ не позволитъ собою играть, онъ не мальчишка. Наконецъ, онъ просто заставитъ ее сказать ему правду. Довольно прятаться за разныя громкія слова! Одно изъ двухъ: любитъ его—такъ какъ же она можетъ такъ его мучить? Не любитъ—такъ пусть имѣетъ смѣлость сознаться ему въ глаза въ своемъ обманѣ.

Онъ забылъ о всѣхъ своихъ мудрыхъ правилахъ предосторожности и написалъ ей рѣзкое и отчаянное письмо, полное насмѣшекъ, взрывовъ отчаянія, полное любви и негодованія. „Если даже она не любитъ меня, но мало-мальски чувствующая и чуткая женщина, а не безсердечная бальная красавица, бездушное существо,—она мнѣ отвѣтитъ и отвѣтитъ правду. На такое письмо нельзя не отвѣчать“.

Но Марья Николаевна не отвѣтила. Даже Иванъ, вернувшись, не сказалъ обычнаго: „велѣли кланяться“.

— Что̀, она больна, тебѣ не сказали люди?

— Ничего не говорили. Должно, здоровы: кататься поѣхали съ тетенькой да съ маленькой барышней, какъ я уходилъ.

„Кататься поѣхала! Такъ вотъ какъ! Она здорова значитъ, она просто видѣть меня не хочетъ. Ну, хорошо! Но зато отвѣтить мнѣ она должна. Подожду вечера".

Опять ходилъ Неридовъ по комнатѣ, опять то проклиналъ Мусю и не зналъ, что̀ приписать ей самаго мелкаго и оскорбительнаго, то призывалъ ее къ себѣ, молилъ пощадить его, отвѣтить ему, дать ему счастье. Опять онъ отослалъ звавшаго его обѣдать Ивана, который, съ фамильярностью преданнаго деньщика, началъ ворчать:—Да если вы этакъ кушать не будете, такъ и захвораете, похудѣете! Легкое ли дѣло, почитай недѣлю ничего не обѣдаете!

Насталъ вечеръ. Пришла ночь. Письма не было. Ждать больше нечего. Все кончено. Было и прошло.

— Отлично, отлично! — говорилъ себѣ Неридовъ, не раздѣваясь, лежа на постели.—Привыкла всѣми вертѣть, привыкла къ общему поклоненію: „какъ это, молъ, онъ одинъ не у моихъ ногъ"?! Ну и добилась! Измучила, изломала человѣка и довольна собой: „Я, молъ, честная женщина". Хорошо, Марья Николаевна. Какъ бы вы потомъ сами не пожалѣли только! Но не безпокойтесь—я стрѣляться не буду! И унижаться предъ вами тоже не стану больше. И такъ уже слишкомъ долго не понималъ, какъ мнѣ надо было себя держать съ вами. Но здѣсь я не останусь—это тоже вѣрно! Да оно и во всякомъ случаѣ къ лучшему. Ольга опять требуетъ денегъ, изъ имѣнія тоже требуютъ. Ну, вотъ я подъемныя получу—прямо ихъ къ Ольгѣ; бэби окончательно поручу maman, и прощайте, Марья Николаевна! предоставляю вамъ упражняться надъ кѣмъ угодно, а съ меня довольно. Прощайте!

Но это слово вызвало опять образъ Муси: изъ-подъ мѣховой шапочки на Дмитрія смотрятъ грустные черные глаза, и онъ слышитъ: „Ну прощайте! Совсѣмъ прощайте! а я тебя люблю, слышишь, люблю". Дмитрій со стономъ вскакиваетъ съ постели и принимается вновь ходить по комнатѣ. „Нѣтъ, это невозможно! Это какое-то ужасное недоразумѣніе. Я поѣду къ ней завтра. Я добьюсь отъ нея слова!.. Скоро ли это утро наступитъ?"

Дмитрій прислонился головой къ холодному стеклу. На улицѣ была та полная тишина и пустота, которая въ зимнюю безпокойную петербургскую ночь наступаетъ только на часъ, на два передъ разсвѣтомъ. Фонари печально горѣли, изрѣдка колеблясь подъ порывами вѣтра. Крупными, рѣдкими слезами, со звенящимъ, монотоннымъ шумомъ падала вода отъ таявшаго на крышахъ снѣга, расходясь темными пятнами на тротуарахъ и на твердомъ еще снѣгѣ улицы. Издалека донесся откуда-то тоскли-

вый свистокъ фабрики. И опять все тихо, опять звенятъ капли да изрѣдка вѣтеръ застучитъ листами крыши на сосѣднемъ домѣ.

Вотъ небо стало бѣлѣть. Вѣтеръ стихъ. Капли все падали. Раздался въ концѣ улицы визжавцій, рѣзкій звукъ лопаты, скребущей снѣгъ съ тротуара. Другой такой же звукъ раздался ближе. Вотъ и на тротуарѣ, напротивъ, показался дворникъ въ большихъ рукавицахъ и съ лопатой въ рукахъ. Лѣниво бредетъ домой извозчичья лошадь, увозя крѣпко спящаго хозяина, прикорнувшаго головой къ козламъ. Вотъ еще мелкой рысцой протрусили двѣ лохматыя лошадки ночныхъ извозчиковъ. Въ концѣ улицы показалась закутанная фигура фонарщика съ длинной палкой. И фонари стали потухать одинъ за другимъ. Вотъ и послѣдній погасъ. Все кругомъ сѣро и тускло.

Издали доносится басовая металлическая нота колокола, ей отвѣчаетъ другая порѣзче и поближе, и на сосѣдней церкви тоже прозвучалъ какимъ-то замирающимъ стономъ первый ударъ къ заутренѣ. Изъ воротъ большого дома напротивъ вышелъ человѣкъ, остановился, перекрестился на четыре стороны и пошелъ вдоль по улицѣ. За нимъ прошли еще двѣ какія-то темныя фигуры. Медленно проплелась старушонка въ большомъ платкѣ.

Визгъ лопатъ все усиливался. Раздавался цѣлый дружный хоръ этихъ непріятныхъ, пронзительныхъ звуковъ. Небо еще побѣлѣло, и когда послѣднія ночныя тѣни сбѣжали съ домовъ и дороги — въ этомъ безцвѣтномъ, бѣлесоватомъ свѣтѣ начинающагося сѣвернаго дня улица казалась еще пустыннѣе, еще унылѣе.

XI.

— И какая это избитая фраза: „искусство, молъ, смягчаетъ нравы и возвышаетъ душу“! Это такая же банальность, какъ то, что будто „исторія насъ учитъ“. Ничему исторія еще насъ не научила; все дѣлаемъ мы по своему, какъ въ данный вѣкъ и данную минуту намъ требуется!—все это услыхалъ Дмитрій еще въ передней Глуховскихъ и тогда же узналъ знакомый басъ Рубцова. — А! — привѣтствовалъ Александръ Андреевичъ Неридова: — здравствуйте, Марсъ! Ну, вотъ вы хоть его въ примѣръ возьмите!—обратился Рубцовъ опять къ Мусѣ и Вешниной: — Онъ тоже, небось, восхищается: „Рубинштейнъ, Шуманъ, Листъ, ахъ!“ —и Рубцовъ закатывалъ глаза и присѣдалъ, воображая, что представляетъ меломановъ, и размахивалъ руками:—а вотъ по-

шлютъ сего Марса на войну, и такъ-то онъ вамъ будетъ этихъ самыхъ турокъ рубить, да и солдатика по дорогѣ нагайкой по спинѣ съѣздитъ какъ нельзя лучше, можетъ лучше даже того, кто во всю свою жизнь кромѣ полковыхъ сигналовъ и музыки никакой не слыхивалъ. Искусство никогда и никого не исправляло и не смягчало, и роли этакой гувернантки „tenez-vous droite" не играетъ!

— Но вѣдь вы сами себѣ противорѣчите, Александръ Андреевичъ,—сказала Муся.—Вы намъ сейчасъ только доказывали, что не только итальянцы, которыхъ я вамъ уступаю, но и Шуманъ и Шопенъ—„трень-брень съ трелью". Значитъ, музыка, по вашему, должна быть не „трень-брень", а чѣмъ-то посерьезнѣе и получше. Но не все ли равно, какая она будетъ, если искусство вообще ни къ чему не служитъ, а такъ себѣ, пріятная игрушка для тѣхъ, кто можетъ и хочетъ ею развлекаться? Такъ пусть у каждаго будетъ игрушка, которая ему нравится; у меня—Шуманъ, у Александры Семеновны—Вагнеръ, у другихъ—Доницетти.

— Ну, или вотъ вы такъ восхищаетесь Верещагинымъ, неужели вы тоже скажете...—начала Вешнина.

— Что его картины къ чему-нибудь служатъ, нравы смягчаютъ? Все это-съ вздоръ! Вонъ Мольтке, вы читали, ему руку жалъ: „Ach, Ihre Bilder, Herr Wereschagin, sind prächtig!"

— А онъ это говорилъ?—со смѣхомъ спросила Муся.

— Какже-съ, какже-съ! „Prächtig!"—такъ и сказалъ, а можетъ быть и того трогательнѣе. А на завтра выдалъ премію тому, кто изобрѣлъ какія-то воздушныя торпедо, чтобъ насъ при случаѣ въ пухъ и прахъ раскатать, такъ что мокренько только останется.

— Ну, премію-то еще не выдалъ,—опять опровергъ его на этотъ разъ Дмитрій.—Эти торпедо существуютъ пока только въ фантазіи ихъ изобрѣтателя, и только еще...

— Все равно! Завтра другой нѣмецъ получше изобрѣтетъ, такъ Мольтке тому премію-то и выдастъ!

— Такъ вы мнѣ объясните, пожалуйста, какъ же вы можете всю свою жизнь—то снимать для вашего общества фотографіи со скиѳскихъ могилъ, то рыться въ татарскихъ рукописяхъ, добиваться, взяли ли финны у татаръ, или татары у финновъ какую-то балалайку, или даже какую-то завитушку на балалайкѣ, отыскивать какую-то „свастику" и радоваться, если она окажется у татаръ: это, молъ, то̀ и то̀ обозначаетъ. Однимъ словомъ, не только самимъ искусствомъ, но даже прикладною его стороною

заниматься съ такою страстью и интересомъ, и послѣ того объявлять намъ, что искусство—такъ, само по себѣ, а жизнь сама по себѣ?

— Положимъ,—сказала Вешнина, опять перескакивая,—я тоже согласна съ тѣмъ, что все это роскошь, и меня всегда возмущаетъ, когда я читаю, что тамъ или здѣсь городъ отпустилъ такія-то суммы на театръ или рисовальную школу. Это, мнѣ кажется, слѣдовало бы сдѣлать въ XX-мъ столѣтіи. А намъ пока должно позаняться больницами, школами, ночлежными домами...

— Чѣмъ вы и занимаетесь!—любезно замѣтилъ вошедшій Петръ Михайловичъ.—Значитъ, вы одна дѣлаете въ нашъ вѣкъ то, что слѣдуетъ. Ну, а что до меня касается, то я прямо скажу, что, право, не знаю, какъ бы я жилъ, еслибъ не всѣ эти рисовальныя школы, картины и музыка. Знаете, когда ты тутъ да тамъ постоянно видишь гадость, грубость, все васъ обманываетъ, все идетъ скверно, все портятъ, тормазятъ, и самъ-то ты ничего въ свою жизнь не сдѣлалъ и сдѣлать не можешь, такъ и уходишь поскорѣе въ искусство: тутъ все вѣчно, хорошо, истинно, все идетъ впередъ. Тутъ жизнь, живой духъ!

— Но вѣдь это безобразіе, это позоръ нашей цивилизаціи, что мы вонъ накупаемъ себѣ картины и рояли тысячные, тогда какъ милліоны людей умираютъ съ голода, или у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ корки хлѣба! Я думаю, вы и сами не прежде играете, какъ пообѣдавъ и притомъ очень вкусно. А во всякомъ случаѣ, уходить въ искусство, какъ вы выражаетесь, это значитъ эгоистично закрывать глаза на настоящую жизнь, это „искусство для искусства“, это значитъ прятаться въ разные „сладкіе звуки, розы и грезы“,—съ паѳосомъ говорила Вешнина.

— Это громкія слова, Александра Семеновна! Очевидно, я не имѣлъ бы времени ни играть, ни вообще заниматься искусствомъ, еслибы долженъ былъ добывать себѣ хлѣбъ. Можетъ быть, очень хорошо было бы для всего міра, еслибы мы съ вами принялись пахать или дома строить, но вѣдь это все „еслибы“! Ни пахать, ни строить я не умѣю. Если теперь я этимъ займусь, никому отъ этого лучше не будетъ. А вотъ если я откажусь отъ всего того, что для меня составляетъ главный и лучшій интересъ въ жизни, мнѣ навѣрное будетъ очень плохо. Да такъ и со всякимъ, кто любитъ, понимаетъ искусство и привыкъ жить разными сторонами души. Вотъ вы спросите Мусю (она, кстати, такъ много играетъ послѣднее время), спросите, какъ бы она жила безъ музыки и всего тому подобнаго?

Дмитрій, котораго мало интересовалъ этотъ споръ, и который

былъ къ тому же крайне раздраженъ и разстроенъ тѣмъ, что не засталъ Марью Николаевну одну, обратился къ ней, радуясь, что разговоръ повернулъ на личныя темы:

— Въ самомъ дѣлѣ, Марья Николаевна? Вы много играете? А я вѣдь заключилъ, что вы такъ были больны, что не выходили изъ своей комнаты.—Онъ прямо посмотрѣлъ ей въ глаза.

Краска залила лицо Муси, когда она отвѣтила: —Нѣтъ, я вовсе не была настолько больна, я много играла, но изъ комнаты я дѣйствительно не выходила и никого не принимала.—И снова Муся поблѣднѣла.

— Да какое же тутъ „принимать", когда у нея по два, по три раза въ день дѣлались какія-то удушья, спазмы въ горлѣ, и она какъ-то хрипѣла и дышала на всю комнату,—вмѣшался опять Петръ Михайловичъ, говорившій у окна съ Вешниной.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все пустяки, все прошло, я совсѣмъ здорова!—перебила поспѣшно Муся.—А вотъ вы лучше скажите,—говорила она съ какою-то лихорадочною живостью,—скажите мнѣ, Александръ Андреевичъ, видѣли ли вы Барная? Не правда ли, что у него удивительно изучены всѣ жесты, малѣйшее движеніе?

Опять всѣ заговорили разомъ. Рубцовъ восторгался костюмами. Вешнина огорчалась, что ни одного таланта въ труппѣ нѣтъ. Дмитрій пытался нѣсколько разъ разспросить Марью Николаевну объ ея здоровьѣ или игрѣ, чтобы завести съ ней отдѣльный разговоръ, но Муся всякій разъ очень ловко заставляла его переходить на другое и опять вмѣшивала въ общую бесѣду.

Только теперь Дмитрій разглядѣлъ, какъ Муся за эти дни поблѣднѣла и измѣнилась. Большіе черные глаза казались совсѣмъ огромными на похудѣвшемъ лицѣ; между тонкими бровями легла какая-то болѣзненная дума, и даже капризная лѣвая бровь не поднималась, когда Муся смѣялась. Да и улыбка была какая-то не живая. Что-то потухло въ этомъ миломъ лицѣ, и всякаго, кто давно не видѣлъ Марью Николаевну, поражала эта перемѣна, хотя никто не могъ отдать себѣ отчета, что̀ измѣнилось. Но Дмитрія не тронула эта перемѣна. „Сама виновата",—говорилъ его почти враждебный взглядъ. Неридовъ начиналъ серьезно злиться; его злили всѣ эти лишніе люди, мѣшавшіе ему поговорить съ нею, злила ея выдержка и спокойствіе, ея непринужденная, казалось, болтовня. И всего болѣе то, что, какъ онъ понялъ, Муся все это время не была настолько больна, чтобы его не видѣть. Значитъ, она нарочно его не принимала. Это уже былъ верхъ жестокости. Да, теперь онъ былъ убѣжденъ, что все

это былъ капризъ избалованной красавицы. Что она похудѣла, такъ это навѣрное просто отъ лихорадки. Очень нужно было въ такой морозъ такъ неосторожно распахивать шубу! А можетъ быть Муся дѣйствительно была разстроена, раздосадована тѣмъ, что эта исторія такъ противорѣчила ея планамъ; она вѣрно расчитывала, что позабавится, весело проведетъ время; „сегодня, молъ, люблю, завтра уже довольно“. А онъ, дуракъ, все это принялъ такъ серьезно, такъ горячо. Хорошо же! Онъ накажетъ ее. Онъ заставитъ ее пожалѣть о немъ! Онъ заставитъ ее раскаяться въ своемъ безсердечномъ кокетствѣ, въ этой игрѣ съ огнемъ!

Раза два Дмитрій, вмѣшавшись въ разговоръ, довольно рѣзко и колко поднялъ на смѣхъ слова Муси. Она внимательно поглядѣла ему въ лицо и только еще больше поблѣднѣла. Но онъ этого не замѣтилъ.

Наконецъ, Вешнина собралась уѣзжать, заставивъ Мусю дать ей слово помѣстить 12 билетовъ на имѣвшійся въ виду благотворительный вечеръ. Дмитрій воспользовался общимъ движеніемъ и разговоромъ, чтобы спросить Марью Николаевну, прямо глядя ей въ глаза.

— Вы получили мое письмо?

— Получила! — отвѣтила Муся, спокойно выдерживая его взглядъ.

— Кажется, простая вѣжливость требуетъ отвѣта?—со злою нотою въ голосѣ договорилъ Дмитрій, въ то же время дѣлая шагъ къ Вешниной, которая протягивала ему руку, прося и его взять билетовъ для раздачи.

— Сочтите меня на этотъ разъ невоспитанной и невѣжливой,—почти шопотомъ сказала Марья Николаевна.

— Такъ отвѣта не будетъ?—еще рѣзче переспросилъ Нeридовъ.

— Не будетъ.—Муся какъ-то странно улыбаясь и странно расширенными глазами смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Что же, Дмитрій Алексѣевичъ, возьмете дюжинку?—еще разъ громко спросила Вешнина уже изъ дверей.

— Право, боюсь ручаться, Александра Семеновна!—Дмитрій говорилъ очень громко и съ особенными удареніями.—Какъ вы вѣроятно слыхали, я получилъ назначеніе въ Азію, и можетъ быть скоро придется уже ѣхать; много хлопотъ передъ отъѣздомъ, пожалуй и не поспѣю о билетахъ хлопотать.

— Въ Азію? въ Ферганъ? въ Мервъ? Куда?—воскликнула Вешнина.—Ахъ, вотъ новость! я и не знала. Воображаю, какъ это непріятно вамъ! Бѣдная Оленька! Она, навѣрное, въ отчаяніи.

— Напротивъ, мы оба очень довольны!

— Подите вы! Не говорите пустяковъ! А что касается до хлопотъ передъ отъѣздомъ, то они нисколько не помѣшаютъ билетамъ. Напротивъ! Вы пріѣзжаете съ прощальнымъ визитомъ и сейчасъ даете билетикъ: „сдѣлайте-молъ мнѣ въ послѣдній разъ удовольствіе, чтобы я и въ Ферганѣ вспоминалъ о васъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ". C'est une idée! Я вамъ даже пятнадцать пришлю по этому случаю.—И Вешнина, очень довольная своей шуткой, еще разъ пожала всѣмъ руки и уѣхала.

Теперь Дмитрій уже совершенно не могъ найти минуты поговорить съ Марьей Николаевной. Рубцовъ закидалъ его вопросами и порученьями. Петръ Михайловичъ радовался за него, что ему удается увидѣть такую малоизвѣстную и интересную страну, а можетъ быть придется еще играть видную роль.

— Знаете, мы этакъ вдругъ читаемъ въ „Daily News": m-r Neridoff, the celebrated russian officer, — весело фантазировалъ Бобринъ.—И потомъ, знаете, масса разныхъ англійскихъ страховъ: „онъ, молъ, изслѣдовалъ всю границу, строитъ уже дорогу прямо къ Инду, подкупилъ афганцевъ and the polar bear is almost master of the country".

Дмитрій долженъ былъ разсказать о точномъ значеніи миссіи, въ которой онъ принималъ участіе, поспорить съ Рубцовымъ о нашихъ настоящихъ выгодахъ и невыгодахъ занятія Мерва. Онъ самъ не понималъ хорошо, что̀ онъ говорилъ и какъ онъ могъ говорить; онъ только чувствовалъ все время, какъ страшное отчаяніе охватываетъ его, и только видѣлъ передъ собою веселое, торжествующее, какъ ему казалось, лицо Муси. А она неподвижно сидѣла въ уголку дивана и въ самомъ дѣлѣ все такъ же улыбалась какою-то странною, застывшею улыбкой.

Наконецъ, Дмитрій не выдержалъ.—Марья Николаевна! Вы точно радуетесь моему отъѣзду. Ужъ это не по-дружески. Это ужъ нехорошо!

Муся не сразу отвѣтила, и, когда она наконецъ заговорила, ея голосъ былъ немного беззвученъ и низокъ, но въ лицѣ ея ничто не дрогнуло, и разсѣянная улыбка не исчезла съ почти безкровныхъ губъ и изъ огромныхъ темныхъ глазъ.—Я, конечно за васъ радуюсь, Дмитрій Алексѣевичъ! И даже завидую вамъ. Вы такъ много новаго увидите и услышите. Ну, хотя бы, напримѣръ, разные восточные мотивы. Вотъ вы ихъ запишите и привезите Ронскому или Кузьмину; они симфонію восточную напишутъ и вамъ вѣкъ благодарны будутъ.

Петръ Михайловичъ обернулся-было на странный звукъ голоса Муси, но въ это время влетѣли Нина и Люба Бергъ.

Дмитрій потерялъ терпѣніе.—Марья Николаевна!—обратился онъ къ Мусѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Нина и Люба съ первыхъ же словъ о чемъ-то горячо заспорили съ Рубцовымъ, а Бобринъ сталъ, смѣясь, ихъ еще болѣе поддразнивать.—Марья Николаевна, я ничего не понимаю! Я *васъ* совершенно не понимаю. Мы оба пресерьезно дѣлаемъ какой-то ужаснѣйшій вздоръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такіе дни, въ такое время, когда намъ надо было бы видѣться почаще и говорить, говорить безъ конца, договориться до чего-нибудь рѣшительнаго, мы играемъ въ какія-то прятки. Т.-е. играете вы, а не я!—и голосъ его опять сталъ жесткимъ.—Я только о томъ и думаю, только того и добиваюсь, чтобы скорѣе, скорѣе кончилось это невозможное, невыносимое, неопредѣленное положеніе. А вы? Вы меня нарочно не принимаете, притворяетесь больной,—говорилъ Неридовъ, все ближе наклоняясь къ Мусѣ и все болѣе горячась.—Да, притворяетесь, потому что вонъ я слышу, что вы и играете, и сегодня я у васъ засталъ массу народа!—все съ бо̀льшею настойчивостью говорилъ онъ.

Когда онъ заговорилъ, съ ея лица сбѣжала послѣдняя краска вмѣстѣ съ улыбкой, и среди его мертвенной бѣлизны одни черные глаза горѣли испуганнымъ блескомъ, но при послѣднихъ словахъ Муся опять почти насмѣшливо улыбнулась.

Дмитрій окончательно потерялъ всякое самообладаніе:—Нѣтъ, это ужъ Богъ знаетъ что такое!—почти громко заговорилъ онъ.—Вы смѣетесь! Надъ чѣмъ вы смѣетесь? Вамъ смѣшно, что человѣкъ, который на своемъ вѣку испыталъ не мало, тутъ попался, какъ мальчишка, повѣрилъ Богъ знаетъ чему и голову потерялъ. Такъ ни смѣшного, ни веселаго тутъ ничего нѣтъ! И только женщины способны забавляться тѣмъ, что̀ ломаетъ всего человѣка, всю душу ему разрываетъ... Да отвѣчайте же вы что-нибудь! Говорите! Я не понимаю, какъ вы могли, какъ вы можете молчать. Я сейчасъ уйду, я совсѣмъ уйду, Муся! Мы съ вами, можетъ быть, и не увидимся больше, такъ отвѣчайте мнѣ хоть теперь, что̀ все это значитъ? Вы казались мнѣ всегда непохожей на всѣхъ женщинъ—неужели же у васъ теперь не хватитъ честности сказать мнѣ правду въ глаза!?

— Я вамъ все сказала,—прошептала Муся чуть слышно.—Больше... больше я... больше я ничего не могу вамъ сказать и не скажу!—Она поднялась, слегка пошатнулась, но потомъ твердо и быстро подошла къ Нинѣ.

— Что это ты такъ давно у меня не была?

Дмитрій вскочилъ.—Однако я засидѣлся!—сказалъ онъ какимъ-то непріятно-развязнымъ тономъ.—Пора и честь знать!—онъ подчеркнулъ это слово, горько улыбнувшись надъ самимъ собой.—Постараюсь передъ отъѣздомъ забѣжать къ вамъ, Петръ Михайловичъ, и попрощаться съ Сережей. Честь имѣю кланяться, Марья Николаевна! Нина Михайловна, Любовь Михайловна, счастливо оставаться!—И онъ быстро пошелъ по залѣ.

— Постойте!—протягивая впередъ руку, точно удерживая его, сказала Муся.—Постойте, Нина и Люба!—и она провела рукой по лбу, припоминая что-то.—Подождите меня одну минуту, я забыла передать ему порученіе къ Ольгѣ.—Муся сдѣлала нѣсколько нетвердыхъ шаговъ къ залѣ.—Впрочемъ нѣтъ! Не надо. Я сама напишу ей.—И Муся вернулась въ гостиную.
—Такъ отчего же ты у меня не была такъ давно?—лихорадочно оживленно заговорила Марья Николаевна, усаживая Нину подлѣ себя на диванъ. Любочка уже опять спорила съ Рубцовымъ.

— Да видишь ли, мнѣ надо было писать свое выпускное сочиненіе, такъ-называемую диссертацію, ну а потомъ мама была все...—начала Нина и вдругъ испуганно закричала:—Люба, Люба, Александръ Андреевичъ! Что это съ ней?! Посмотрите! Что это съ ней?! Дайте воды скорѣе!

Муся, вся бѣлая, неподвижно лежала поперекъ дивана; голова ея неестественно свѣсилась черезъ ручку, изъ полуоткрытаго рта вырывалось прерывистое дыханіе, руки ея судорожно прижимались къ груди, черные остановившіеся глаза были широко раскрыты.

XII.

Звѣздная мартовская ночь. Влажный, теплый вѣтеръ прогналъ на сѣверо-востокъ всѣ дождевыя облака, цѣлые три дня поливавшія улицы проливнымъ дождемъ, смывшимъ и послѣдніе слѣды снѣга на почернѣлой Невѣ. Теперь вѣтеръ, внезапно налетая изъ-за угла, силится задуть ряды плошекъ, красноватымъ, дрожащимъ свѣтомъ озаряющихъ нижнія окна домовъ, вывѣски и трепещущіе у подъѣздовъ флаги; и при каждомъ такомъ дуновеніи колеблющійся свѣтъ пробѣгаетъ по мокрой мостовой, заставляя тамъ и сямъ, по лужамъ, вспыхивать красноватые огоньки.

Уже одиннадцатый часъ, но улицы полны народомъ. Вереницы каретъ и извозчиковъ обгоняютъ и пересѣкаютъ путь такимъ же

безконечнымъ вереницамъ пѣшеходовъ, спѣшащихъ по всѣмъ направленіямъ. Большинство этихъ пѣшеходовъ несетъ узелки въ рукахъ. На Невскомъ такъ же людно, какъ днемъ. У Казанскаго собора особенно густая толпа, море людей, разлившееся безконечными ручьями въ одну сторону почти до Полицейскаго моста, а съ другой стороны соединившееся съ такимъ же людскимъ потокомъ у гостиннодворской часовни. На паперти католическаго собора тоже толпа, и въ раскрытыя настежъ двери видна вся горящая огнями церковь.

Любочка Бергъ ѣдетъ съ отцомъ, матерью и сестрой въ одну изъ домовыхъ церквей. Чтобы не помять своего новаго, удивительнаго, по ея мнѣнію, платья, она надѣла пальто въ накидку, несмотря на всѣ увѣщанія матери. И хоть она увѣряла дома, что „на улицѣ страшная жара“, однако теперь она каждую минуту старается осторожно запахнуть расходящіяся полы этого моднаго, неудобнаго пальто. Въ ея чернокудрой головкѣ съ маленькой высокой прической, почти пропадающей подъ пришпиленнымъ на самой маковкѣ необычайно высокимъ букетомъ, бродятъ, должно быть, самыя радостныя мысли, такъ какъ всякій разъ, когда въ карету падаетъ свѣтъ фонаря, Нина видитъ передъ собой улыбающееся лицо и безпрестанно спрашиваетъ: „Чтò ты смѣешься, Люба?“ —На что Любочка неизмѣнно отвѣчаетъ: „Такъ, ничего“.— И вдругъ она обращается къ отцу: — Папочка, миленькій! ты хоть посиди въ дортуарѣ, чтобы не устать, только останемся пожалуйста до тѣхъ поръ, пока придутъ изъ дворца. Мнѣ очень, очень нужно дождаться всего этого!

— „Очень нужно“! — передразниваетъ ее отецъ, однако со своей всегдашней добротой тотчасъ и соглашается.

Пріѣхали. Нина и Люба поспѣшно выскакиваютъ, бѣгутъ въ сѣни и, такъ же поспѣшно сбросивъ на руки лакея и швейцара свои пальто и платки, торопливо поднимаются по лѣстницѣ. Любочка стаскиваетъ перчатку съ правой руки и по виду и шагу входящихъ старается опредѣлить, не опоздали ли онѣ къ началу, много ли уже собралось, и гдѣ имъ удастся стать. Вотъ она поднимаетъ портьеру, закрывающую дверь, и, перекрестившись, немного робко начинаетъ пробираться вслѣдъ за сестрой, между разряженной толпой, шепчущей и переговаривающейся въ ожиданіи начала службы. Дойдя до колоннъ, Нина беретъ влѣво къ стѣнѣ, останавливается и оглядывается. Любочка становится подлѣ нея и тоже оглядывается. Въ первую минуту глаза ея разбѣгаются, и она плохо разбираетъ въ этой свѣтлой, тѣсно-скучен-

ной толпѣ, обдавшей ее со всѣхъ сторонъ. Церковь еще слабо освѣщена. Съ клироса доносится чтеніе.

Любочка въ продолженіе нѣкотораго времени старается не развлекаться окружающимъ и молиться. Она религіозна, но никогда не можетъ хорошо молиться въ эту заутреню; Любѣ все кажется, что ужасно долго не начинается крестный ходъ, и все хочется, чтобы онъ скорѣе начался. Великій постъ, его печальныя службы, исповѣдь, всегда до глубины души ее трогающая, полумракъ церкви, что-то серьезное и строгое—все это уже кончилось для Любочки еще вчера, когда она поздно вечеромъ пріѣхала домой отъ исповѣди съ чувствомъ обновленія и святости, и до того была внимательна ко всякому своему поступку, что для того, чтобы не поступить противъ желанія матери, согласилась выпить чашку чая между исповѣдью и причастіемъ,—а это было противъ ея убѣжденій, но она не хотѣла согрѣшить непослушаніемъ тотчасъ послѣ таинства. Длинная литургія утромъ въ субботу, церковь, озаренная солнцемъ, свѣтлыя ризы духовенства, радостно-блаженное причастное настроеніе, бѣлое платье, поздравленія — все это уже какъ-то не относилось къ великому посту. Это уже было начало праздника, который точно уже чувствовался въ воздухѣ, подходилъ неслышно и все-таки ужасно долго не наступалъ. И это былъ удивительно хорошій день—страстная суббота. Чувство какой-то чистоты и святости послѣ причастія смѣшивалось съ этимъ радостнымъ ожиданіемъ и ощущеніемъ приближенія праздника, и потому никогда и ни за что Любочка не рѣшилась бы говѣть не на послѣдней недѣлѣ и пріобщаться не въ субботу. И Любочка бродила весь день изъ комнаты въ комнату, не принимаясь ни за что: работать послѣ причастія грѣшно, а главное—это очень покоробитъ старуху няню; читать не хочется; играть нельзя, такъ какъ вѣдь даже говорить громко въ этотъ день нельзя, поютъ же за обѣдней: „Да молчитъ всякая плоть человѣча"... Вотъ принесли большую корзинку цвѣтовъ;—то, навѣрное, папа прислалъ сюрпризъ для мамы. И вслѣдъ затѣмъ, входя въ свою комнату, чтобы еще разъ пересмотрѣть всѣ свои самодѣльные и купленные подарки для всѣхъ домашнихъ, Люба видитъ на окнахъ и письменномъ столѣ розы и гіацинты, а въ противоположную дверь стремительно выскакиваютъ Юрочка и Петя. — „Ахъ вы этакіе! да какъ вы смѣете такъ меня баловать!"—и Любочка такъ же стремительно выскакиваетъ-бывало за ними въ корридоръ, готовясь пролетѣть его съ топотомъ и смѣхомъ до самой комнаты мальчиковъ, но вспоминаетъ, какой сегодня день, и чинно, стараясь быть какъ можно благодарнѣе и

нѣжнѣе къ братьямъ,—идетъ ихъ поцѣловать... Уже отобѣдали. Вотъ уже мамѣ принесли на ревизію всѣ куличи, крашенныя яйца и все вообще, что̀ готовятъ къ завтрашнему дню. А весенній, долгій вечеръ все не хочетъ кончаться. Однако, вотъ уже Петя уѣхалъ заранѣе въ церковь: воспитанники должны быть въ сборѣ къ $10^1/_4$ часамъ. Вотъ Любочка поспѣшно одѣвается, стараясь не забыть, что, несмотря на бѣлое платье и цвѣты, не надо надѣвать по возможности никакихъ украшеній, такъ какъ „вѣдь церковь—не бальная зала"... Вотъ уже Любочка въ передней и съ неудовольствіемъ рѣшается надѣть калоши: „страшная жара на улицѣ!" Но бѣлые башмачки такъ милы, а всѣ эти дни такой былъ дождь, и, главное, уже такъ поздно, что спорный вопросъ рѣшенъ очень скоро,— Любочка уже бѣжитъ по лѣстницѣ, пробѣгаетъ мимо швейцара, и вотъ она съ отцомъ, Ниной и мамой уже въ каретѣ, и въ окна уже мелькаютъ плошки на площади (съ прошлой зимы Берги жили въ Новоисакіевской), вотъ флаги на Невскомъ, но карета, кажется, не двигается съ мѣста. „И всегда это Андрей найметъ такую карету, что ѣдешь три часа, и навѣрное мы опоздаемъ"... Однако доѣхали не только во̀-время, но даже „Богъ знаетъ какъ рано", стали хорошо, и все вообще хорошо, очень хорошо, и главное, такъ весело, такъ радостно! И ужасно хочется, чтобы скорѣе запѣли: „Христосъ воскресе". Но до этого еще долго!

Вотъ только-что раздается густое діаконовское: „Вонмемъ!" Толпа зашевелилась, крестясь. Степенно оборачиваясь, одни у другихъ начинактъ зажигать свѣчи. Тихій шопотъ тамъ и сямъ: „Allumez donc votre cierge".—„Благодарю васъ".—„Позвольте". —„Merci".—Нѣсколько секундъ слышенъ шорохъ платьевъ, легкій трескъ свѣчей. Потомъ все успокоивается, всѣ становятся въ прежнія позы, только вся церковь сіяетъ сотнями маленькихъ огней.

Любочка осматривается, осторожно заслоняя свѣчу рукой, чтобы не подпалить легкаго голубого платья стоящей передъ нею молоденькой дѣвочки съ длинной русой косой.—Нина, Нина!— шепчетъ Люба черезъ минуту:—regarde à gauche, je crois que c'est Nelly Кернъ en rose. А видишь, сейчасъ за ней Ольга Павловна. Только она одна, я нигдѣ не вижу Дмитрія Алексѣевича. Кажется, она хорошо одѣта очень.

— Voyons, tais-toi! На тебя оборачиваются!—не повернувъ головы и даже не взглянувъ на сестру, тихонечко наставляетъ Нина.

„Что̀ же это, какъ долго не начинается шествіе?"—думаетъ

Любочка. Еще только-что сторожа поспѣшно убираютъ катафалкъ изъ-подъ плащаницы, коверъ и свѣчи, и довольно нецеремонно раздвигаютъ публику, приговаривая: „Позвольте, позвольте, господа“, отодвигая катафалкъ къ стѣнѣ. Но вотъ шествіе начало строиться у алтаря, и вотъ оно потянулось. Впереди идетъ бѣлокурый, плотный воспитанникъ съ фонаремъ; за нимъ два очень высокихъ юноши съ хоругвями; другіе воспитанники съ образами, свѣчами; потомъ, за идущимъ къ нимъ лицомъ регентомъ, пѣвчіе воспитанники; потомъ басы—не-воспитанники; еще ученики со свѣчами; духовенство, начальство; потомъ маленькіе, крошечные мальчики въ бѣлыхъ воротничкахъ; другіе побольше, безъ воротничковъ, еще и еще, все бо́льшіе и бо́льшіе, и потянулись безчисленныя пары воспитанниковъ.

Сестры и матери приподнимаются на носкахъ, заглядываютъ впередъ и назадъ, отыскивая своихъ.—„Видѣла Васю?“—„Гдѣ?“ —„Онъ шелъ съ Ивановскимъ“.—„А Петя несъ что-нибудь?“— „Александръ Александровичъ шелъ съ иконой“.

Вотъ уже послѣднія пары замелькали живѣе, прибавляя шагу. За ними прошли нѣкоторые бывшіе воспитанники, за ними отхлынула и часть толпы. Въ церкви сразу стало просторно и тихо послѣ только-что замолкшихъ шаговъ нѣсколькихъ сотенъ людей.

Сторожа, торопясь и звеня хрустальными подвѣсками люстры, зажигаютъ свѣчи въ ней. Въ церкви всѣ почти задвигались; одни продвигаются больше впередъ; другіе, напротивъ, становятся ближе къ дверямъ залъ, чтобы потомъ легче уйти. Раскланиваются, улыбаются знакомымъ. Многіе тушатъ свѣчи, прислоняются къ колоннамъ или переступаютъ съ ноги на ногу. Вешнина стала рядомъ съ Бергами. Юрочка разыскалъ пріѣхавшаго къ празднику изъ деревни князя Острожскаго и вполголоса говорилъ съ нимъ. Къ нимъ же вскорѣ подошелъ и Сергѣй Глуховской. Почти повсюду слышенъ сдержанный шопотъ.

И вдругъ, откуда-то издали, изъ дальнихъ залъ, доносится обрывокъ пѣнія. Шопотъ обрывается. Всѣ прислушиваются, крестятся. Потомъ опять шепчутъ.

— Здравствуйте, Любочка! какая вы сегодня хорошенькая!— тихонько говорила Вешнина. — Вы съ кѣмъ? Папа, maman, братья? Гдѣ они? Ахъ да, да! вижу! Юрій Михайловичъ говоритъ съ Глуховскимъ... А вы знаете, эта бѣдная Муся...

— Что? что?!—невольно громко спрашиваетъ Люба и конфузится своего громкаго восклицанія.—Я такъ давно у нея не

была. Эта погода... и потомъ я говѣла, — сразу перемѣняетъ она голосъ на едва слышный шопотъ.

— Да вы знаете, эти припадки кашля и удушья, что ее мучили весь конецъ зимы?..

— Ну да! ну да!

Тутъ онѣ замолкаютъ, и у Любочки застучало сердце, такъ какъ она ясно разслышала, что донесшійся до нихъ обрывокъ пѣнія былъ уже не протяжный, тихій, а мѣрный, точно отчеканиваемый, почти веселый напѣвъ... Опять все смолкло.

Теперь заговорила уже Нина.

— Что же съ Мусей? — тихо спросила она Вешнину, не поворачивая головы и не измѣняя своей спокойной позы.

— Такъ вотъ, видите, ей стало особенно плохо въ концѣ пятой недѣли. Призвали доктора, и онъ сказалъ, что это астма, и чтобъ Муся, не дожидаясь ни минуты, ѣхала за границу, главное, чтобъ уѣхала, пока Нева не пошла.

— Ахъ, Боже мой!.. — взглядывая испуганными глазами въ сторону Сергѣя, начала было Люба, но въ эту самую минуту такъ явственно раздалось гдѣ-то уже невдалекѣ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ". Наконецъ! наконецъ Люба слышитъ это пѣніе; она забываетъ все, что сейчасъ слыхала печальнаго, ей вновь радостно на душѣ.

Двери открываются. „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!" — гудятъ басы: — „смертію смерть поправъ". Жиденькіе голоса пѣвчихъ воспитанниковъ отвѣчаютъ имъ тотчасъ: „И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!" — И вотъ опять мелькаютъ мимо свѣчи, хоругви, напряженное лицо регента, безчисленныя пары воспитанниковъ.

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! — благоговѣйно говоритъ священникъ.

— Во истину воскресе! — перекатывается по церкви отвѣтъ молящихся, сдержанный тамъ, гдѣ стоитъ публика, и дружно гудитъ, дойдя до рядовъ воспитанниковъ.

У Любочки на душѣ такъ же свѣтло и радостно, какъ и въ церкви. Удивительная служба!

И вдругъ она вспоминаетъ Мусю. „Бѣдная, она больна, ей плохо. И здѣсь ея нѣтъ! А всегда бывала! Въ прошломъ году какая она была прелестная и еще такъ мило похристосовалась съ Юрой. Неужто ей такъ худо?"

Заутреня кончилась. Всѣ зашевелились. Тушатъ свѣчи, христосуются, поздравляютъ другъ друга. Люба счастлива, что пер-

вая поздравила свою маму и счастливо глядитъ на подходящихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Что Марья Николаевна? Ея тутъ нѣтъ? — спрашиваетъ m-me Бергъ, отвѣтивъ на поздравленіе подошедшаго къ нимъ Глуховского.

— Какое, Любовь Васильевна! Она только четыре дня какъ встала. Вотъ настояла, чтобъ я хоть пріѣхалъ въ свою alma mater. Говоритъ, что не можетъ себѣ представить, какъ я въ эту ночь не буду здѣсь... А вы, Нина Михайловна, и вы, Любовь Михайловна, заѣзжайте къ ней поскорѣе. Она хотѣла вамъ писать, да я этому воспротивился. А она скоро ѣдетъ, вѣроятно уже въ среду. Пріѣзжайте непремѣнно, она такъ будетъ рада! Но не заговаривайтесь! — прибавилъ онъ, печально улыбаясь: — вѣдь вы, я знаю, страшная болтушка!

Вмѣстѣ съ толпою они вышли изъ яркаго свѣта церкви въ полумракъ дортуаровъ.

— Куда же она ѣдетъ? — спросила Люба, идя рядомъ съ Сергѣемъ; Нина съ матерью и братомъ шла передъ ними.

— Да сначала въ Висбаденъ, а потомъ, лѣтомъ, на Риги или въ Рейхенгалль; это ужъ какъ тамошніе доктора рѣшатъ.

— Господи, вотъ ужасно! Всегда была такая здоровая... — начала было Люба, но, увидѣвъ, какъ по всегда спокойному лицу Сергѣя вдругъ пробѣжала точно судорога, спохватилась и поспѣшно прибавила:

— Да это все скоро пройдетъ. Очень можетъ быть, что доктора все преувеличиваютъ; я увѣрена, что это ничего!

— Дай Богъ, дай Богъ! Только вы сами увидите, какая она стала!.. Однако, теперь честь имѣю кланяться: я здѣсь былъ и исполнилъ желаніе Муси, а ужъ дольше оставаться не могу, я ни минуты не спокоенъ, когда не съ нею теперь. Вотъ вашъ второй братъ и Острожскій. Вы мнѣ позволите уступить имъ свое мѣсто?

— Еще бы, еще бы! — сказали въ одинъ голосъ Нина и Люба, издали уже улыбаясь брату и Острожскому, которые ихъ разыскивали въ нарядной, шумно поздравлявшей другъ друга толпѣ. И Нина прибавила: — Если это не повредитъ, не утомитъ Мусю, я завтра же пріѣду къ ней. Можно, Сергѣй Александровичъ?

— Пожалуйста, пожалуйста, милая Нина Михайловна! Это будетъ ей хорошо. А то она такая пригнетенная, такая грустная, что просто не знаешь, чѣмъ ее пріободрить!

Подошли Петя и Острожскій, раздались вновь поздравленія и поцѣлуи. Сергѣй откланялся и поспѣшно пошелъ къ выходу,

а Нина и Люба, одна подъ руку съ Острожскимъ, другая съ братомъ, стали вмѣстѣ съ толпой медленно подвигаться черезъ слабо-освѣщенные дортуары, гдѣ на кроватяхъ сидѣли, отдыхая и тихо разговаривая, матери и сестры воспитанниковъ; потомъ шли черезъ какія-то комнаты съ высокими шкапами, потомъ нѣсколько секундъ выдерживали давку въ дверяхъ большой залы, куда старались пройти одни и откуда уже возвращались другіе, наконецъ они попали и въ самую эту большую залу. Тутъ было прохладно и свободно. Взадъ и впередъ ходили воспитанники съ родными, барышни по двѣ и по три, дамы, военные. Вездѣ слышались веселые голоса, смѣхъ, поцѣлуи. Внезапно то тѣ, то другіе останавливались, встрѣчая знакомыхъ, или воспитанникъ отыскивалъ своихъ родныхъ, которыхъ уже долго тщетно искалъ по заламъ и дортуарамъ; опять раздавались восклицанія и поцѣлуи.

Вотъ одинъ маленькій воспитанникъ старается догнать товарища, идущаго съ сестрой.

— Грейнертъ, Грейнертъ!—окликаетъ онъ.—Je vous demande pardon, mademoiselle! — Не забудь завтра заѣхать расписаться къ Ѳадееву, а то придираться будетъ. Мы всѣ ѣдемъ.

— Да, да знаю. Катя, позволь тебѣ представить Жиркова!

Маленькая барышня и маленькій молодой человѣкъ церемонно раскланиваются и поздравляютъ другъ друга со свѣтлымъ праздникомъ.

— Мишковъ получилъ Бѣлаго Орла,—говоритъ, проходя, бѣлокурая дама, сіяя бѣлымъ атласомъ платья и безчисленными бриллiантами, приколотыми во всѣхъ направленiяхъ среди кружевъ корсажа и въ волосахъ.

— On le dit, on le dit! — иронически поднимая плечи, отвѣчаетъ идущій съ нею высокій господинъ съ длинными висячими бакенбардами и въ лентѣ.

— А Роденбергу рескриптъ,—добавляетъ низенькій и толстенькій господинъ, тоже въ лентѣ.

— Ну, чтожъ, это такъ и слѣдуетъ,—одобряетъ дама.

— Господи! Коля! посмотри, какими судьбами Шредеръ не во дворцѣ, и, видишь, въ аксельбантѣ? Видишь, у стѣны налѣво?—необычайно тонкимъ голосомъ щебечетъ толстенькая барышня въ розовомъ брату-правовѣду.—Да, да, вѣрно его адъютантомъ назначили.

— Шредеръ! Поздравляю!—окликаетъ гвардейца правовѣдъ, жестомъ рисуя у себя на плечѣ и груди аксельбантъ.

Шредеръ издали съ особенной аффектаціей почтительности медленно и низко наклоняетъ голову и щелкаетъ шпорами. „Онъ

былъ представленъ баронессѣ разъ на балу, но она, можетъ быть, его не помнитъ?"—означаетъ его поклонъ, который выдаетъ, что и онъ былъ нѣкогда правовѣдомъ.

— Я только теперь поняла, что̀ такое свобода!—прищуривая свои чудные синіе глаза и играя вѣеромъ изъ перьевъ, говорила въ то время Ольга Неридова, гуляя подъ руку съ Мюнстеромъ.—Я только теперь оцѣнила,какое великое благо—зависѣть только отъ самой себя. И оцѣнила я это только когда вернулась сюда и вновь надѣла свои цѣпи.

— А вы, навѣрное, долго пробыли въ Парижѣ, Ольга Павловна, такъ какъ вы успѣли, я вижу, не одинъ разъ повидать Ворта. Вы говорите о цѣпяхъ, но на васъ я вижу только созданіе этого дамскаго бога.

— Ахъ, какая отвратительная игра словъ. И притомъ я не шучу! Я васъ увѣряю, что вотъ Дима выдумалъ почему-то уѣхать въ Ферганъ или въ Мервъ—я, право, не знаю куда?—для своей карьеры, какъ онъ говоритъ,—но я васъ увѣряю, что это чрезвычайно хорошо для нашей семейной жизни. Каждый свободенъ, мы не портимъ другъ другу жизнь, и можемъ такимъ образомъ даже сохранять un brin de tendresse другъ къ другу.

— Ольга Павловна! Христосъ воскресе!—протягивая ей руку, говоритъ Вешнина со своей всегдашней покровительственной манерой.—Давно ли изъ-за границы? Гдѣ вы были?

— Я была въ Парижѣ; собственно меня доктора отправили въ Италію, такъ какъ я совершенно испортила свое здоровье въ этой отвратительной деревнѣ,—говорила Ольга такъ томно и тонно, что уже очень немного оставалось ей до того, чтобы говорить на манеръ Вешниной. Ольга сдѣлала громадные успѣхи за эти шесть лѣтъ своего замужества!—Но я точно также чуть не умерла съ тоски и въ этой противной Италіи, среди всѣхъ этихъ старыхъ дворцовъ, озеръ, вѣчныхъ красотъ природы. Тоска! Я „сдѣлала поскорѣе свои пакеты". и скорѣе въ милый Парижъ! И вы видите—ожила!

Нина была такъ разстроена извѣстіемъ о болѣзни Муси, что только вполовину слушала брата и его товарищей, безпрестанно подходившихъ къ ней. Ей хотѣлось скорѣе пріѣхать домой, скорѣе дождаться завтрашняго дня и скорѣе увидѣть Мусю. Нина себя упрекала, что съ того дня, когда Муся такъ напугала ихъ, она не была у нея. Но она такъ была поглощена своимъ сочиненіемъ, что почти не выходила изъ дому послѣднія недѣли и еще менѣе прежняго видѣлась съ людьми и не слышала ново-

стей. Машинально ходила теперь Нина съ сестрой и Острожскимъ. Они доходили до запертыхъ дверей въ другую залу, поворачивали, шли по залѣ, изрѣдка останавливаясь при встрѣчѣ со знакомыми, кланялись или христосовались и доходили до дверей библіотеки. Опять поворачивали, опять шли къ запертымъ дверямъ. M-me Бергъ, встрѣтивъ свою старую пріятельницу Марью Петровну, давно уже усѣлась съ нею на одномъ изъ подоконниковъ библіотеки, а Нина и Люба все ходили. Иногда онѣ проходили черезъ библіотеку, физическій кабинетъ, шли черезъ полутемные дортуары, доходили до небольшой, узкой комнаты, издали уже сіявшей десятками свѣчей, гдѣ два длинныхъ стола исчезали подъ безчисленными пасхами и куличами, украшенными бумажными розами и стоявшими здѣсь въ ожиданіи освященія; подлѣ столовъ виднѣлись дѣвушки въ платочкахъ, какіе-то люди въ поддевкахъ или пальто, дворники, — и эта публика, прислушивавшаяся къ долетавшимъ изъ церкви звукамъ пѣнія, такъ же отличалась отъ гулявшей по заламъ народной массы, какъ отличались полутемные дортуары и слабо-освѣщенныя залы отъ этой, словно елка, сіявшей комнаты... Отсюда опять Нина и Люба поворачивали, опять доходили до залы. Нинѣ все это ужасно надоѣло, но ей не хотѣлось мѣшать сестрѣ, которая, вся подъ впечатлѣніемъ своего глубокаго чувства, что̀ всегда охватывало ее въ эту заутреню, вся сіяя дѣтскою, непосредственною радостью, безъ умолку болтала и была такъ мила, такъ прелестно-оживлена, что и Острожскій, и Юрочка залюбовались на нее.

Залы пустѣли. Воспитанниковъ уже давно „построили“ и увели въ церковь. Большинство публики тоже ушло за ними. Многіе уже уѣзжали. Люба это такъ же мало замѣтила, какъ не замѣтила того, что уже давно пріѣхали всѣ тѣ сановники изъ дворца, пріѣзда которыхъ она такъ хотѣла дождаться, и что всѣ они уже давно прошли въ церковь, найдя своихъ женъ или сыновей. Люба видѣла и эти шитые мундиры, и ленты, но какъ-то нарочно старалась не замѣтить ихъ, такъ какъ ихъ появленіе означало скорый отъѣздъ Берговъ. А Любочка еще совсѣмъ, совсѣмъ не устала и спать не хотѣла, а Саша Муранскій только что-пріѣхалъ. (Онъ увѣрялъ, что такъ устроилъ во дворцѣ съ шинелью, что досталъ ее первымъ, и сейчасъ же прилетѣлъ сюда, чтобы поспѣть сегодня же поздравить Любовь Михайловну, „что̀, конечно, не означаетъ, чтобъ онъ пропустилъ случай поздравить ее и завтра“). И только-что успѣли они съ нимъ начать приставать другъ къ другу, въ чемъ такъ мило по-

могалъ ей Острожскій, какъ подошла уставшая m-me Бергъ: — Дѣвочки, поѣдемте! Уже поздно; вы обѣдню не стоите, такъ что же здѣсь оставаться. И какъ это вы не устанете?!

— О, напротивъ,—начала Любочка, но такъ и не договорила, что̀ такое „напротивъ“, такъ какъ m-me Бергъ и чуть не зѣвавшая Нина рѣшительно пошли къ выходу.

Муранскій въ одномъ мундирѣ и Острожскій въ своемъ открытомъ жилетѣ выскочили на улицу вслѣдъ за Андреемъ усаживать Берговъ въ карету.

На улицахъ безлюдно, даже извозчиковъ не видно. Лишь церкви опоясаны точно огненными кольцами да темныя неподвижныя толпы народа, стоящія вдоль тротуаровъ у каждой церкви, озарены огненными потоками изъ тысячъ неподвижно горящихъ въ сонномъ воздухѣ свѣчей, и потоки эти, изливаясь отъ моря огня передъ одною церковью, часто сливаются съ другими подобными же потоками, катящими свои сіяющія недвижныя волны отъ другого храма. Колокола на время смолкли, на улицѣ стояла задумчивая предразсвѣтная тишина. Вѣтеръ съ полночи упалъ. Облака всѣ ушли съ прозрачно-темнаго, мигавшаго бѣлыми звѣздами неба. И прерывая эту торжественную тишину, каждыя пять секундъ ударяла крѣпостная пушка, и небо надъ Невою на мгновеніе вспыхивало слабою зарницей.

XIII.

Рейхенгалль, 15-го (27) мая 1885.

„Милая моя Нина! Ты меня прости, что я тебѣ не отвѣчала ни на одно изъ твоихъ писемъ. Сначала мнѣ было такъ нехорошо, что и докторъ (какъ онъ потомъ мнѣ сознался), и я сама думала, что я не поправлюсь, что моя астма кончится чахоткой. А когда здоровье стало лучше, то—выражаясь по-гимназически—я „впала въ такую меланхолію“, что бѣда! Только поэтому я тебѣ и не писала. Ты вѣдь хорошо знаешь, что съ тобой я иначе не говорю, какъ вполнѣ откровенно, а именно *такъ* я и *не хотѣла* говорить съ тобой, пока была въ Висбаденѣ, такъ какъ я до того упала духомъ, что мнѣ было совѣстно самой себя.

„Теперь мнѣ стало какъ-то лучше. Рейхенгалль—прелестное и тихое мѣстечко. Прогулокъ масса. И если я не ѣду на какую-нибудь болѣе отдаленную прогулку въ экипажѣ съ Марьей Петровной, я постоянно одна брожу въ горахъ, каждый день открываю какія-нибудь новыя мѣста, иногда цѣлыми часами про-

сиживаю въ горной чащѣ. Особенно я люблю уходить на такъ-называемый Alpgarten. Это совсѣмъ дикое мѣсто. Представь себѣ глубокую лощину, всю заросшую чудными старыми деревьями, между которыми перебрасывается плющъ; земли не видно подъ сплошнымъ ковромъ душистыхъ лиловыхъ цикламъ. Лощина эта поднимается между двумя лѣсистыми горами. Идешь все выше, выше, долина становится ущельемъ, цикламы пропадаютъ, орѣшникъ и букъ смѣняются елями и соснами; въ берегахъ, поросшихъ мхомъ и альпійскими кустарниками, шумитъ по красноватому каменистому дну бѣшеный горный ручей. Идя противъ его теченія, приходишь къ изумрудной горной лужайкѣ, на которой стоитъ Sennhütte и большой сарай для козъ, которыхъ сюда загоняютъ, когда внезапно налетаетъ непогода. Я иду все выше, поднимаясь по зеленой лужайкѣ. Потомъ дорога совсѣмъ становится невозможной, ущелье все съуживается, нога вязнетъ въ крупномъ пескѣ и мелкихъ камняхъ—потокъ наноситъ ихъ по берегамъ весною. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ добираюсь до отвѣсной скалы, съ которой бросается въ долину потокъ, наполняя прозрачный воздухъ брызгами, тамъ и сямъ заставляя загораться лучъ радуги. На нѣсколько аршинъ ручей совсѣмъ пропадаетъ въ пескѣ, до котораго долетаетъ однѣми каплями и только, собравшись опять съ силами, бѣшено несется внизъ. Вотъ у этой-то скалы я и сижу всего чаще. Сижу и думаю....

„Изъ этого ты, Нина, можешь справедливо заключить, насколько мнѣ хорошо, если я предпринимаю такія великія путешествія и притомъ sola. Я даже убѣждена, что эти прогулки мнѣ помогли болѣе хожденія мимо Gradierhaus'a. Ходить тутъ взадъ и впередъ и дышать — вотъ и все здѣшнее леченіе. Но, повторяю, горный воздухъ и прогулки мнѣ навѣрное еще больше помогли, и ты увидишь, что я вернусь къ вамъ такой здоровой, какъ было лѣтъ пять назадъ.

„Поцѣлуй моихъ малышей. А тебя ужъ не знаю, какъ и благодарить за всѣ твои милыя заботы о нихъ и о Сережѣ. Онъ мнѣ пишетъ, что я могла бы просто ревновать—до того онъ привязался къ тебѣ, и до того ты стараешься не давать ему скучать и падать духомъ. Узнаю мою Нину—всегда и во всемъ она умѣетъ помочь другимъ. Обнимаю тебя, дорогая. Поцѣлуй Любу.—Твоя Муся".

---

23 мая (10 іюня).

„Ты права, Нина. Я захворала не отъ простуды и не „неизвѣстно отъ чего". Я тебѣ въ двухъ словахъ скажу, въ чемъ дѣло. Я любила Д. Н., и онъ—меня. Вотъ первое дѣйствіе. И мы навѣки разошлись съ нимъ—это второе и послѣднее, и finita la comedia. Коротко и печально...

Doch wem das just passieret,
Dem bricht das Herz entzwei—

и того посылаютъ залечивать das gebrochene Herz рейхенгальскимъ соленымъ воздухомъ... А *другіе* уѣзжаютъ и прямо въ страну солончаковъ. Кстати, не знаешь ли ты что-нибудь объ этихъ *другихъ*? Впрочемъ не надо! Все равно!

„Ты, конечно, будешь поражена этимъ извѣстіемъ. Когда ты была у меня на Пасхѣ, я видѣла, что ты подозрѣвала кое-что, но вѣдь ты была очень далека отъ мысли, что тогда, на первой недѣлѣ поста, я такъ внезапно заболѣла изъ-за отъѣзда Н.? Ты мнѣ ничего не сказала, и теперь, я знаю, не скажешь, но объ одномъ только умоляю тебя—не суди меня слишкомъ строго, не думай ничего ужаснаго, хотя и не старайся извинить меня. Я сама себя не извиняю и даже не смогу объяснить, какъ это случилось... Правда, что въ первую же встрѣчу мы произвели другъ на друга какое-то странное, можетъ быть черезъ-чуръ сильное впечатлѣніе, но потомъ это все изгладилось. Ты знаешь, мы цѣлыхъ четыре года были просто дружны, и вдругъ прошлымъ лѣтомъ... Однимъ словомъ, мы нечаянно проговорились другъ другу, что дружбы между нами нѣтъ. Потомъ мы старались встать въ прежнія простыя отношенія, постарались все обратить въ шутку, даже избѣгали другъ друга. Но это была очень серьезная шутка. И когда уже нынче зимой (я скажу даже, когда именно:—у васъ на вечерѣ), когда мы опять противъ воли сказали другъ другу, что это чувство, казавшееся намъ лишь увлеченіемъ, даже игрою,—захватило всю нашу жизнь, все поглотило, все грозитъ перевернуть... тогда, Нина, я сдѣлала то, за что ты, навѣрное, какъ въ былыя времена, скажешь мнѣ: „12 балловъ"... Но это было такъ больно, что вотъ я до сихъ поръ поправиться не могу.

Anfangs wollt' ich fast verzagen
Und ich glaubt', ich trüg' es nie.
Und ich hab' es doch getragen—
Aber fragt mich nur nicht—wie?

„Ахъ, еслибъ ты только знала, Нина, какой борьбы мнѣ стоило тогда остаться, не пойти за нимъ! Я знаю, что я была бы несчастлива, что счастье было бы такое короткое и неполное, я знала, что моего поступка не могли бы оправдать никакія самыя гуманныя и либеральныя теоріи, а главное, что моя совѣсть не дала бы мнѣ ни минуты покоя. Но вѣдь я его любила, Нина! Я сознавала вполнѣ, что всякое слово между нами, всякая минута, которую я проводила съ нимъ,—все это было ужасно, вовсе не согласовалось съ моими убѣжденіями, противорѣчило моимъ самымъ дорогимъ взглядамъ, всему, что я считала хорошимъ. Я скрывала все это отъ Сергѣя—значитъ, я разбивала то, что̀ для меня было лучшимъ счастьемъ нашей любви, основаніемъ ея: полное единство душевное. И въ то же время, развѣ я хорошо поступала относительно Д.? Онъ самъ былъ настолько прямой и честный человѣкъ, что не могъ понять моей двойственности, и такъ какъ считалъ меня лучшей изъ всѣхъ женщинъ, какихъ встрѣчалъ, то согласенъ былъ скорѣе счесть мою любовь къ нему за простой капризъ, чувственное увлеченіе, чѣмъ понять, какъ я любила двоихъ одновременно.

„Онъ уѣхалъ, не вѣря мнѣ. Когда передъ отъѣздомъ онъ пришелъ проститься, я, помнишь, провожала его при всѣхъ, я не отвѣтила ему ни на одинъ его вопросъ, не показала ни взглядомъ, ни словомъ своей пытки, перенося покорно его упреки и злыя слова, которыми онъ, видимо, и себя мучилъ. О, я такъ хорошо понимала его, я такъ любила его за это—и все-таки ничего не сказала. Онъ ушелъ. Я его больше не видѣла. Когда онъ ушелъ, я бросилась-было за нимъ, хотѣла сказать, чтобы онъ понялъ меня, простилъ бы, что я люблю его. Но, къ счастью, я могла остановиться во̀-время. Онъ, конечно, понялъ бы и простилъ, но онъ вернулся бы, онъ опять бы видѣлъ мою любовь и любилъ бы. А надо было кончить. Я помню только, что я перемогла себя, послѣднею моею мыслью было, чтобы ты и Люба ничего не замѣтили. Потомъ я потеряла сознаніе. Это было начало моей болѣзни. Остальное ты знаешь... И вотъ теперь все кончено; его я потеряла навсегда, моя любовь и къ нему, и къ Сережѣ, погибла навѣки, по крайней мѣрѣ вся прелесть и свѣжесть чувства улетѣли. Весь чадъ жизни, который было вновь заманилъ меня, весь свѣтъ и солнце—пропали. Остается чувство долга, мысли, убѣжденія, остается сознаніе, что я не испортила чужой жизни, не оставила моихъ малышей безъ матери, но гдѣ радость, гдѣ прелесть и ароматъ жизни? Гдѣ моя гордая и честная вѣра въ себя? Гдѣ мое счастье? Развѣ я не вижу, что и

Сергѣй не такъ счастливъ, какъ онъ это понимаетъ? Развѣ та необычайно-полная душевная жизнь, которою мы жили вначалѣ, не порвалась? Развѣ ее можно опять начать съ той минуты, когда мы стали каждый жить про себя? Вѣдь хоть минута такой жизни порознь дѣлаетъ цѣлую пропасть. Тутъ или все, или ничего.

„Сережа думаетъ, что я не въ силахъ его понять, что я ниже его,—а все мое несчастье въ томъ, что я все такъ хорошо понимаю, и его понимаю, что я равна ему, но что этого мнѣ мало... И чтѐ ужасно: чѣмъ болѣе я за него думаю и чувствую, чѣмъ болѣе стараюсь жить его жизнью, тѣмъ болѣе сознаю, что это не то. Прежде я думала только *о своемъ* счастьѣ—и мы были счастливы, такъ какъ счастье было *общее*. Теперь я живу для Сережи, для дѣтей—и точно все потухло кругомъ.

„А тутъ еще распустили этотъ слухъ о смерти Дмитрія. Я его для себя потеряла давно. Но мысль о смерти такъ не вязалась съ представленіемъ о немъ, что я долго, долго не могла придти въ себя. Я роптала и боролась съ безуміемъ; я его слишкомъ любила за него самого, чтобы, даже потерявъ его, помириться съ его смертью. Я просто не понимала, какъ это я его больше никогда не увижу, не услышу, какъ это его нѣтъ, какъ я могу жить?—Это меня окончательно сломило. Все исчезло. Даже сожалѣнія, даже упреки себѣ за то, что не дала ему хоть нѣсколькихъ дней жизни и счастья. Все улетѣло, все померкло, спуталось, исчезло. Даже странно, что мнѣ не пришла мысль о самоубійствѣ, а вѣдь я не религіозна. Сказать, что я живу для другихъ—будетъ ложь, такъ какъ люди, живущіе для другихъ, ощущаютъ полноту жизни, спокойствіе душевное, счастье. Для чего я живу? Чтѐ останется отъ моей жизни? Ты видѣла, какъ никакая дѣятельность меня не удовлетворяетъ, ничто не увлекаетъ меня всю, ничто не свѣтитъ впереди. Для чего же я живу?

„И чтѐ ужаснѣе всего: когда я жила исключительно сегодняшнимъ днемъ, не думала ни о комъ, была вполнѣ эгоисткой—я приносила свѣтъ и радость въ жизнь другихъ. Всѣ точно ждали чего-то отъ меня. Да просто эта молодая жизнь, это вѣчное горѣніе и блистаніе приносили всѣмъ счастье. А теперь? Развѣ я могу сказать, что хоть кому-нибудь я дала счастье въ этой жизни, такое счастье, какъ я могла бы дать? Хоть счастье-то дала ли я, если ничего другого не дѣлаю и не сдѣлала? Нѣтъ! И этого нѣтъ! Отчего же, отчего же это? Что это—судьба, характеръ? Но вѣдь я знаю, что я лучше, выше многихъ. Я все

понимаю, я могу сопоставить, объяснить всѣ черты моего характера, всѣ обстоятельства своего развитія, жизни—и никакого отвѣта все-таки не получу... И ничего я не знаю, ничего не могу понять. Отчего? Зачѣмъ? Все общее, все освѣщающее пропало для меня!..

„Остается мнѣ одно: Вѣра и Володя. Что изъ нихъ будетъ, не знаю. Зачѣмъ и они живутъ, и не придутъ ли они къ тому же, къ чему и ихъ безпокойная мать, — и этого я знать не могу. Одно ясно: по волѣ судьбы я дала жизнь двумъ существамъ—и я должна жить для нихъ, сдѣлать ихъ людьми. Моя жизнь кончена, я должна теперь съумѣть жить ихъ жизнью... Но вѣдь всѣ матери и всѣ отцы дѣлаютъ то же? Въ чемъ же *моя*-то жизнь? Это великая и безконечная загадка. А будетъ ли когда-нибудь ея разрѣшеніе? Ужели весь вопросъ и весь отвѣтъ въ этомъ словѣ—„жизнь“?

„Спору нѣтъ, мои дѣти, какъ я, не разрѣшатъ его въ общемъ, но пусть хоть они не спросятъ себя съ такою горечью и болью: „Warum?“ Пусть они будутъ людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова; можетъ быть имъ будетъ и больше дѣла въ жизни, чѣмъ мнѣ. (Хотя, по правдѣ сказать, это малодушная отговорка: дѣла и теперь на свѣтѣ не оберешься, было бы желаніе и вѣра въ это дѣло.) Но не дай имъ Богъ вѣчно говорить себѣ: „Зачѣмъ?“ Пусть лучше они будутъ проще по натурѣ и полезнѣе себѣ и другимъ. Ну, а такъ какъ всего этого ни предвидѣть, ни узнать заранѣе нельзя, то и надо прежде всего помочь имъ стать людьми. И вотъ, это мое первое и единственное дѣло теперь—и тутъ я не говорю себѣ: „Warum?“ Тутъ все понятно и ясно.

Поэтому, Нина, теперь одно у меня желаніе, одна цѣль: скорѣе окончательно поправиться, скорѣе, скорѣе вернуться домой и заняться исключительно своими дѣтками. Изъ этого ты можешь видѣть, насколько я добросовѣстно исполняю всѣ предписанія Herr'а Maurer'а, и твое подозрѣніе, m-lle Ѳома Невѣрный, что я, какъ всегда, неглижирую своимъ здоровьемъ, совершенно неосновательно. Однако, прощай, Нина! Я слишкомъ поволновалась за этимъ письмомъ, и падаю отъ усталости. Цѣлую тебя и всѣхъ обитателей Рябиновки.—Твоя М. Г.“.

10-го (22-го іюня) 1885.

„Ты несправедлива къ нему, Нина! Ты его совершенно невѣрно оцѣняла и оцѣняешь. Правда, что онъ былъ и самонадѣянъ, и отчасти эгоистиченъ, и избалованъ, но чѣмъ же онъ

виноватъ, что жизнь такъ баловала его до сихъ поръ и сдѣлала такимъ? Зато нельзя отрицать въ немъ другихъ, хорошихъ чертъ: ума, живости, энергіи, подвижности, прямоты. Я думаю, что все это и привлекало меня такъ въ немъ. Въ немъ я находила то, чего такъ недоставало и недостаетъ всѣмъ, даже лучшимъ людямъ, меня окружающимъ: жизнь и любовь къ ней. Да! болѣе всего, даже болѣе самого себя, онъ любилъ веселье, жизнь. Ради нѣсколькихъ хорошихъ или даже просто веселыхъ минутъ онъ согласенъ былъ потомъ подвергаться какимъ угодно непріятностямъ по службѣ, въ обществѣ; часто жертвовалъ своимъ временемъ, именемъ, положеніемъ—ради какого-нибудь своего каприза или, еще чаще, каприза той, которую онъ въ ту минуту любилъ. Вѣдь я знаю всю его жизнь и могла бы привести тебѣ массу случаевъ такого рода. Ради того, чтобы просидѣть со мной лишніе полчаса,—которые чаще всего проходили въ самомъ пустомъ разговорѣ,—но только ради того, чтобы сдѣлать *по-своему* („украсть у судьбы то, чего она не даетъ",—какъ онъ выражался), онъ рисковалъ своей карьерой и не задумывался надъ этимъ ни минуты. Вотъ ужъ полная противоположность стиха Лермонтова: „Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви". О, напротивъ, онъ жизнь бы свою отдалъ, чтобы исполнить какую-нибудь мою глупѣйшую прихоть.

„Ты говоришь, что онъ былъ безумно самолюбивъ, и что онъ не понималъ меня. Это, отчасти, правда. Напримѣръ, трудно согласить то, что онъ, какъ мальчикъ, сохранялъ разные цвѣточки, ленточки, перчатки, не только подаренные ему, но и случайно поднятые имъ—и въ то же время онъ никогда бы не сказалъ первый слова: „люблю", еслибъ заранѣе не зналъ отвѣта; до этого забыться онъ не могъ; его любовь не была настолько глубока, чтобы прорваться невольно робкимъ или горячимъ словомъ или, наоборотъ, сковать его уста безмолвіемъ боязни и надежды. Онъ любилъ меня со всею нѣжностью и обожаніемъ, на которыя только была способна его живая натура, но онъ всегда „отвѣчалъ", никогда не „спрашивалъ". Когда онъ добивался признанія и давно ожидаемаго, страстно имъ желаемаго поцѣлуя,—о! тогда онъ весь преображался, его темные глаза сіяли торжествомъ и счастьемъ, тогда онъ забывалъ себя и былъ счастливъ, какъ никто! Но выдавать себя, показать свою любовь раньше — о, никогда! И все-таки онъ былъ человѣкъ увлекающійся до безумія, любящій безъ оглядки, вообще характеръ исключительно прямой и открытый. Онъ ничего не дѣлалъ нарочно, съ намѣреніемъ—

можетъ быть оттого все и выходило по его желанію, какъ-то само собой.

„Но правда, что то была горячая, живая, одаренная натура, самолюбивая однако прежде всего и неглубокая. При всемъ своемъ умѣ, жизненности, Дмитрій многаго тогда не понималъ и никогда не понялъ. Онъ меня очень любилъ (а я—я, кажется, и теперь еще не могу совсѣмъ его разлюбить), но какъ тогда онъ не могъ понять всю меня, такъ теперь ужъ онъ меня окончательно не знаетъ. Это былъ яркій, южный, блистающій пейзажъ—и я, какъ сѣверянка, восхищалась и цѣнила всѣ его краски, тоны, блескъ. А я—позволь продолжать сравненіе—изображала нашъ сѣверный скромный ландшафтъ, который можно понять, любя, и любить, понимая. Дмитрій былъ слишкомъ несложная, не тонкая и яркая натура для этого... А любилъ онъ меня—о, да! очень! очень!..

„Но знаешь, какъ мы съ тобой ни ставимъ низко Ольгу, я не понимаю, отчего они такъ скоро разошлись: ее онъ не долженъ былъ такъ часто не понимать, какъ меня, а она не должна была его утомлять разными сложными мыслями и чувствами, какъ я. Развѣ только то, что она прежде всего холодна и безсердечна, а онъ, напротивъ, прежде всего горячій и добрый человѣкъ. Его многіе бранили, считали даже дурнымъ человѣкомъ, а другіе любили, не понимая. Я его какъ-то сразу поняла и думаю, что онъ это также сразу почувствовалъ и сразу же за это полюбилъ. Да, онъ меня полюбилъ съ перваго раза, какъ увидѣлъ. А я лишь потомъ, и гораздо позднѣе, сказала себѣ это.

„Я, кажется, повторяюсь, Нина! Но ты должна знать, что я сегодня пишу столько же для тебя, какъ и для самой себя. Помнишь, у насъ съ тобой еще въ гимназіи была „такая система". Если насъ что-нибудь мучило, безпокоило, и мы не могли выйти изъ-подъ давленія такого чувства — мы сейчасъ старались все разобрать, опредѣлить, и тогда уже наполовину освобождались отъ такого гнетущаго состоянія. Я сегодня попробовала сдѣлать то же. До сихъ поръ я просто боялась касаться этого, сама съ собой хитрила, хитрила, чтобы не думать обо всемъ этомъ.

„Теперь, Нина, ты знаешь всю короткую и печальную исторію моей любви. Настоящаго счастья не было. Да, какъ я теперь подумаю, счастья не было бы, даже еслибъ мы были свободны. Дмитрій понялъ мою искренность, прямоту, мою глубокую любовь, мое безсиліе передъ страстью, и онъ же поберегъ меня. До сихъ поръ еще я не знаю, что̀ со мной дѣлается, когда я вспоминаю его, его взглядъ, улыбку, одинъ долгій, ясный, лѣтній

вечеръ. Сколько жизни, сколько ума, какое хорошее сердце было у Дмитрія! И самое лучшее было, это—чувствовать счастіе жизни, которая била въ немъ ключемъ. Онъ и несчастливъ былъ не такъ, какъ другіе, и злился и плакалъ не такъ, какъ всѣ. Но понять мою борьбу, горе, оттѣнки чувства и мысли—онъ не могъ.

„Но ты, Нина, повторяю, ты его не знала, а потому и невѣрно судишь о немъ. Не обвиняй же его и не удивляйся мнѣ!

„И вотъ, голубчикъ, столкнула судьба двухъ людей, испортила имъ обоимъ жизнь—и вновь развела ихъ по разнымъ дорогамъ. Однимъ дорогимъ воспоминаніемъ больше, и еще разъ скажешь вмѣстѣ съ однимъ изъ французскихъ авторовъ: „L'arrière-goût de la vie est bien amer". И вѣчно все тотъ же безотрадный вопросъ: „Warum?"

„До свиданія, Нина, теперь уже до скораго. Въ концѣ этого мѣсяца буду въ Россіи и расцѣлую тебя за всѣ твои безконечныя заботы и хлопоты обо мнѣ и всѣхъ моихъ.—Твоя—Муся".

XIV.

„28-го іюня Марья Петровна съ Мусей пріѣхали въ Петербургъ и остановились на своей городской квартирѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ день продолжать путь въ Рябиновку. Петръ Михайловичъ встрѣтилъ ихъ и долженъ былъ ѣхать съ ними вмѣстѣ.

Когда онъ увидѣлъ еще въ окно вагона порозовѣвшее и улыбающееся лицо Муси, онъ сразу пришелъ въ свое нѣсколько безпокойное, дѣятельное настроеніе духа и всю дорогу отъ вокзала до дому строилъ разные планы и даже сталъ уговаривать Мусю ѣхать сегодня же въ Павловскъ смотрѣть Ермолову. Петръ Михайловичъ сговорился съ Сашей Муранскимъ ѣхать туда вмѣстѣ, а теперь такъ сталъ уговаривать Мусю, что наконецъ Марья Петровна возстала.

— Нѣтъ, Петръ Михайловичъ! Cela n'a pas de nom! Слава Богу, только-что поправилась, не успѣла вздохнуть съ дороги, а вы ужъ готовы тащить ее по Богъ знаетъ какимъ театрамъ. Того и гляди, опять...

— Ну, не буду, не буду! Только театръ этотъ совсѣмъ не Богъ знаетъ какой, а очень милый, и не жарко въ немъ. А главное, Муся иначе не увидитъ Ермолову. А это большая потеря!

— Нечего сказать, потеря! Только бы скорѣе до Рябиновки доѣхать, да сдать Мусю живу-здорову на руки Сергѣю Але-

ксандровичу, тогда я буду спокойна. А потому и не пущу ея никуда въ Петербургѣ. Oh! j'aurai des yeux d'Argus!

— Ну, ну, хорошо!

И дѣйствительно, тотчасъ послѣ обѣда Петръ Михайловичъ уѣхалъ въ Павловскъ одинъ: Муранскій долженъ былъ ждать его въ павловскомъ вокзалѣ. Марья Петровна, по своей всегдашней привычкѣ, сѣла въ столовой раскладывать пассіансъ.

Мусѣ не хотѣлось ни читать, ни играть,—сидѣть на мѣстѣ тоже не хотѣлось. Крѣпко сжавъ свои маленькія руки, она скорыми и неровными шагами ходила по залѣ, безсознательно стараясь не переступать черезъ полосу яркаго свѣта, падавшую изъ двери гостиной, дорожкой черезъ всю залу. Сердце Муси стучало, въ вискахъ шумѣло. Страшная тоска, ожиданіе чего-то, какое-то смутное желаніе охватили ее въ этой привычной, родной обстановкѣ, давили грудь. И вдругъ Мусѣ такъ смертельно захотѣлось увидѣть Дмитрія, услышать его, и даже не его, а хоть бы что-нибудь, что̀ напоминало бы его, что̀ побывало въ его рукахъ. Господи! хоть бы книга его какая-нибудь, ноты, записка его остались у нея! Ничего, ничего! То дорогое, ужасное письмо она тогда же изорвала: не все ли равно, кончать, обрывать—такъ все разомъ! А теперь вотъ: онъ гдѣ-то такъ далеко, далеко отъ нея, и ничто подлѣ нея не напоминаетъ его, ничего отъ него не осталось съ нею!.. Вдругъ Муся вспомнила: у нея была какая-то карточка съ надписью: „Юлія“ и двумя, намалеванными конфетными красками, птичками среди гирлянды какихъ-то небывалыхъ цвѣтовъ. Тогда на вечерѣ у Берговъ Дмитрій вытянулъ билетикъ съ надписью: „Ромео“—и Муся протанцовала этотъ туръ съ нимъ.

Муся поспѣшно прошла въ свою комнату, достала связку ключей изъ мѣшечка, отперла ящикъ стола и отыскала карточку, брошенную въ коробку вмѣстѣ съ разными лентами, букетиками, жокейскими шапочками, ключами на бантахъ и т. п. бальными трофеями. Муся взяла въ руки хорошенькую бумажку, повертѣла ее нѣсколько секундъ, точно стараясь открыть въ ней какое-нибудь воспоминаніе, какой-нибудь слѣдъ его прикосновенія—и черезъ минуту съ досадой ее отбросила. Что̀ было общаго между этимъ глупымъ, этимъ банальнымъ билетикомъ, который даже не самъ Дмитрій далъ ей, а дирижеръ, и тѣмъ жгучимъ чувствомъ, которое наполняло Мусю всю? И странная тоска охватила ее. Неужели ей вновь хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ тутъ? Съ нею?

Она испугалась этой мысли, захлопнула крышку ящика и быстро прошла въ столовую, гдѣ Марья Петровна все еще рас-

кладывала пассіансъ, ожидая возвращенія Петра Михайловича изъ театра.

— Voyez, Marie! чтò у меня выходитъ!

Муся присѣла подлѣ тетки и силилась хоть машинально слѣдить глазами за тѣмъ, какъ десятка трефъ низачто не хотѣла лечь подъ девятку, а все выходила раньше ея, изъ-за чего послѣ троекратнаго раскладыванія приходилось объявить, что „Каторжникъ" не выходитъ.

— Ну, я подмѣню одну карту, — сказала Марья Петровна. —Это ничего не значитъ. Можно себѣ позволить эту маленькую помощь. Зато, если выйдетъ, то это будетъ значить, что задуманное мною случится, но для этого потребуется капля усилія съ моей стороны!—хитрила она сама съ собою.

Муся почти не слыхала, чтò ей говорила Марья Петровна. „Неужели же правда мнѣ его недостаетъ, неужели я никогда отъ этого чувства не отдѣлаюсь? Вѣдь, слава Богу, тогда я выдержала до конца, не выдала себя. Ни Сережа, ни дядя, никто не догадывается, отчего я заболѣла. Значитъ, я могу владѣть собою. Неужели же я не совладаю и съ этимъ чувствомъ?! Вѣдь все хорошо идетъ. И жизнь можетъ быть опять спокойная, хорошая. Сережа, дядя—мнѣ дороги по прежнему. Дѣти здоровы и такія прелестныя, ласковыя, куколки мои. И тетя, со всѣми своими причудами, все такъ же насъ любитъ, съ нами. Могла бы я быть счастлива—такъ нѣтъ же! Все эта мысль, это неотступное чувство меня грызетъ!" Муся судорожно сжала на колѣняхъ руки. Она рвалась и стремилась куда-то, она точно ждала чего-то, все еще надѣялась на что-то.

Вдругъ она подумала, что ея лицо выдаетъ ее, и она опять такъ же поспѣшно, какъ пришла, встала и вернулась въ темную залу и стала вновь ходить въ его прозрачной тѣни, стараясь не переступать на свѣтлую дорожку. Мусѣ хотѣлось отвлечь себя отъ этого чувства, отъ своихъ „нехорошихъ" мыслей. И много разъ прежде это ей удавалось. Она привыкла владѣть собой и своей душой и часто отгоняла неотвязчивую мысль, чувство, воспоминанье, заставляя себя раздумывать надъ какимъ-нибудь посторроннимъ серьезнымъ вопросомъ, принимаясь играть на фортепіано что-нибудь новое и трудное или разучивая пассажъ трудной аріи. Но сегодня ей это рѣшительно не удавалось. Прошедшее захватило ее, затуманило ея голову, парализовало сильную волю, точно опутало ее всю—и вотъ Муся то нервно, быстро ходитъ по залѣ, то, совсѣмъ безсильная, прижимается въ уголъ кресла въ темной глубинѣ маленькой гостиной.

Муся не видитъ ни этой тьмы, ни гостиной, ничего изъ того, чтò *теперь* вокругъ нея. Ее охватило воспоминанье, то воспоминанье, которое мы не можемъ вызвать произвольно, которое не передаетъ фактовъ въ ихъ послѣдовательности, не приноситъ разговоровъ далекихъ лѣтъ, — но то воспоминанье, которое въ одно мгновенье заставляетъ *пережить* все настроеніе какой-нибудь минуты, дня, тотъ воздухъ, ароматъ, всю совокупность впечатлѣній той минуты, даже одного мига, но такъ полно, отчетливо, ярко,—что человѣкъ, *такъ* вспомнившій, весь вздрогнетъ, невольно затаитъ дыханіе, закроетъ на минуту глаза, сожметъ руки до боли—и весь, какъ онъ есть, вдохнетъ этотъ прежній мигъ, все равно, былъ ли онъ горемъ или радостью. Такое воспоминанье всегда болѣзненно, потому что и воспоминанье былой радостной минуты, вновь пережитой мысленно, говоритъ намъ: „это *было*, но этого уже *нѣтъ*", и болѣзненно сжимается сердце.

И вотъ, Муся на одинъ мигъ увидѣла далекій горизонтъ въ дымкѣ свѣтлой, іюньской ночи, яркую розовато-оранжевую полосу разсвѣта на сѣверо-востокѣ, ярко-бѣлую звѣздочку въ блѣдномъ небѣ надъ самой этой полосой, и заснувшія деревья, спускавшіяся темными рядами съ высокаго пригорка вплоть до самой рѣчки и полотна дороги. И Муся словно вдохнула прозрачный, теплый воздухъ, и услышала слова: „И эта ночь не моя!" —и все пережила, чтò тогда пережилось въ одинъ мигъ въ отвѣтъ на эти слова.

Потомъ Муся уже сознательно припомнила возвращеніе домой и даже остроту, сказанную тогда Сашей по поводу деревенскаго колодца. Вспомнила и слѣдующій день, и цѣлый рядъ дней потомъ. Но она вспомнила все это уже по своей волѣ. *То* воспоминанье налетѣло помимо ея, оно потрясло Мусю, и она не могла вырваться, очнуться отъ щемящаго чувства тоски и одиночества.

„Господи, чтò за день-то былъ! Сколько въ немъ было и счастья, и горя! И никогда этого не вернешь!.. Да и нужно ли? Право, кажется, все равно. Было бы кратковременное счастье, да и то нехорошее, отравленное, а потомъ все пошло бы гладко, мелко, такъ же, какъ и теперь! Ничто хорошее не можетъ вѣчно продолжаться, да и дурное не вѣчно. Все это временное, все преходящее, все не стòитъ, въ сущности, ни сожалѣнія, ни раскаянія. Вотъ я тогда хорошо поступила, а кому отъ того лучше? Ни мнѣ, ни другимъ. Нѣтъ, все это не то, о чемъ нужно заботиться и думать. Что-то другое, вѣрно, есть въ жизни, другая

точка, на которую должно встать, а это все не то, этакъ просто потеряешься, запутаешься въ безотрадныхъ мысляхъ...“

„Да если даже взять другое: отношенія мои къ Сережѣ. Развѣ это то, о чемъ я прежде мечтала и думала? Я думала составить его счастье не такъ, какъ другія, и не такое, какъ у другихъ. Мечтала работать вмѣстѣ. А главное, хотѣла, чтобы все въ нашихъ отношеніяхъ было свѣтло, честно, высказано, все совсѣмъ по новому, чтобы Сережа въ самомъ дѣлѣ имѣлъ право сказать: „Да развѣ ты, Муся, такая, какъ другія? Развѣ я не знаю, что съ тобой я и счастливъ буду совсѣмъ не такъ, какъ всѣ другіе? Ты, слава Богу, не похожа на другихъ женщинъ ни умомъ, ни характеромъ, а въ то же время всѣ лучшія черты женственности въ тебѣ особенно ярки и хороши“. А развѣ это такъ? Да, я любила его, была влюблена въ него, съ ума сходила (и Муся вся вспыхнула, вспоминая свое счастье съ Сергѣемъ).—А потомъ все какъ-то затемнилось... Была больна, капризна, мелочна, скучала нашей тихой жизнью, стала рваться куда-то, ждать еще чего-то лучшаго, стала все чаще думать порознь отъ Сережи... А потомъ и эта исторія... Ложь, мелочность, обманъ! Чѣмъ я лучше другихъ? Только тѣмъ, что не сдѣлала ничего окончательно безчестнаго. Но развѣ сказать Дмитрію: „люблю“, и не сказать объ этомъ Сережѣ—не то же самое, какъ еслибы я измѣнила ему? Развѣ это не есть худшая измѣна? Вѣдь это самое важное и лучшее я испортила, сломала въ своей любви... Ахъ, Сережа, Сережа, отчего я не могу всего этого сказать тебѣ! Все разсказать, чтобы опять ты все зналъ про меня!

„Нѣтъ, сказать этого всего нельзя и не должно“. Сергѣй, правда, замкнулся отъ Муси, ушелъ въ себя, но она твердо знала, что онъ къ ней ни на минуту не переставалъ относиться по прежнему такъ, какъ съ самаго начала ихъ любви. И каково же ему-то было видѣть, что она, Муся, точно пропала, ушла отъ него! Какъ ему, навѣрное, тяжело жилось!.. Но говорить всего ему не должно. Это окончательно унесло бы всю радость, всю красоту ихъ прежней любви, это слишкомъ было бы ужасно для него. Притомъ Муся смутно чувствовала, что Сергѣй давно все знаетъ, все понялъ, но молчитъ изъ того же чувства бережденія ихъ любви.

Зато и Муся поняла теперь, что̀ ей надо дѣлать. Да, такъ жить нельзя! Это по-дѣтски: быть счастливой или несчастливой, жить такъ, какъ жизнь складывается. Пора самой все это взять въ свои руки, жить такъ, какъ должно, какъ *хочешь*. Довольно подчиняться всякимъ случайностямъ и мелочамъ. „Ein Jeder ist

seines Glückes Schmied". Толкують, что всякіе идеалы—вздоръ, и что они вѣчно разбиваются. Но Муся теперь знаетъ, что только и можно жить, когда стремишься достигнуть какого-нибудь идеала, *всю свою жизнь подчинивъ одному чему-нибудь*, идеѣ, дѣлу, чувству, но *одному*, всегда и во всемъ „сознавая *себя*", не подчиняясь ничему временному, случайному.

„Тогда все будетъ хорошо и ясно. И Сережѣ будетъ хорошо... Скорѣе, скорѣе бы насталъ только завтрашній день, скорѣе бы попасть въ Рябиновку!"

Въ передней раздался звонокъ,—и Муся поспѣшила на встрѣчу Петру Михайловичу, который, еще не снимая пальто, уже восторженно разсказывалъ объ игрѣ Ермоловой въ „Маріи Стюартъ".

XV.

Лошади, посланныя на полустанокъ за Мусей, Марьей Петровной и Бобринымъ, должны были привезти ихъ не ранѣе, какъ къ половинѣ шестого. Но Сергѣй Александровичъ уже съ четырехъ часовъ началъ выбѣгать на крыльцо и всматриваться въ даль. Наконецъ, онъ не выдержалъ, вышелъ изъ дому и пошелъ по дорогѣ, на встрѣчу женѣ. Сергѣй очень волновался, думая о предстоящемъ свиданіи. Какою-то она вернется? Здоровою, веселою, прежнею Мусей, *его* Мусей, съ открытой, любящей душою, съ постоянными переходами отъ серьезной думы къ ребяческому веселью, съ порывами ко всему свѣтлому, съ живымъ интересомъ ко всему на свѣтѣ, и опять настанетъ ихъ хорошая прежняя жизнь вдвоемъ, жизнь, отъ которой Сергѣй уже почти отвыкъ, но которую онъ вспоминалъ всегда съ глубокой нѣжностью и тоскливымъ сожалѣніемъ? Или Муся вернется хоть и поправившеюся физически, но все такою же грустной, спрятавшейся въ себя, равнодушной ко всему міру и къ нему, Сергѣю, и только болѣзненно-нѣжной къ дѣтямъ,—такой, какой она уѣхала? А можетъ быть она уже справилась со своимъ отчаяніемъ (Сергѣй и наединѣ самъ съ собою не позволилъ себѣ точными словами подумать о причинѣ ея отчаянія, но какъ всегда при этой мысли у него съ мучительной болью сжалось сердце),—можетъ быть она справилась съ этимъ отчаяніемъ, но пріѣдетъ еще болѣе далекою отъ него, еще болѣе замкнутою въ себя? И жизнь потянется опять такъ же холодно, тяжело и порознь, какъ послѣдніе два года. Сергѣй положительно не зналъ, чего ожидать. Муся писала ему ласковыя и дружескія письма, но въ нихъ слишкомъ видимо скво-

зило, съ одной стороны, желаніе успокоить его насчетъ своего здоровья и настроенія, съ другой стороны въ нихъ слишкомъ много было недосказаннаго, а Сергѣй черезъ-чуръ хорошо зналъ, какъ богата душа Муси, чтобы принимать эти письма за чистую монету и думать, что Муся вся въ нихъ высказалась. И вотъ теперь Сергѣй волновался, ожидая пріѣзда жены, ждалъ его съ нетерпѣніемъ и боялся его.

Вотъ показалось вдали облако пыли. Сергѣй остановился, всматриваясь. Сердце его застучало; въ первую минуту передъ глазами пошли свѣтлые круги, и онъ не могъ разглядѣть лошадей. Но вотъ облако приближается, слышенъ уже стукъ колесъ, дребезжаніе экипажа. Вотъ видна уже и лошадь, и самъ экипажъ: простая крестьянская телѣга, нагруженная чѣмъ-то. Молодая, миловидная баба, повязанная краснымъ платочкомъ, правитъ, усѣвшись бокомъ на самомъ краю телѣги и свѣсивъ ноги.

— Баринъ, а баринъ!—окликаетъ она Сергѣя, а поровнявшись съ нимъ, спрашиваетъ сильно на *о*:—горшковъ не надо ли?

— Не знаю, *милая*. Спроси на кухнѣ.

Баба весело улыбается, точно услыхала какое-нибудь самое пріятное извѣстіе.

— На кухнѣ, значитъ, спросить-то?—повторяетъ она звонко и чмокаетъ на лошадь:—Ну! Машка!

Лошадка трусить мелкой рысцой, телѣга опять дребезжитъ, баба подскакиваетъ на камняхъ, болтая ногами, и красный платочекъ скрывается за столбомъ пыли.

— Какъ мнѣ ее встрѣтить? — думаетъ опять Сергѣй.—Неужели быть съ нею такимъ же сдержаннымъ, какъ зимою и весною? Не подавать виду, что знаю что-нибудь? Не высказаться? Неужели не помочь ей опять придти ко мнѣ? Я увѣренъ, что она и сама теперь хотѣла бы быть со мною по прежнему, что *это* стоитъ между нами, дѣлаетъ пропасть, черезъ которую она не знаетъ, какъ перешагнуть. Ее мучитъ то, что она не можетъ всего сказать мнѣ, и пока она не скажетъ, она все будетъ сознавать, что не все ясно и гладко между нами. Ея чуткая, честная душа возмущается этимъ. Она слишкомъ высоко цѣнитъ нашу любовь, чтобы мириться съ такимъ взаимнымъ молчаливымъ соглашеніемъ: обходить этотъ ужасный вопросъ... А любитъ ли она еще меня?—Сергѣй ни минуты не подумалъ, что Муся позволила себѣ окончательно увлечься. Онъ очень хорошо понялъ и ея борьбу, и разрывъ съ Дмитріемъ, какъ понималъ и то, что влекло Мусю къ Неридову, но что-то говорило Сергѣю все время, что ея любовь къ нему не угасла, что она выше и восторжествуетъ.

Сергѣй слишкомъ зналъ душу своей жены, а потому-то онъ такъ и поступалъ все время: не показалъ, что онъ все знаетъ, не пытался остановить Мусю ни намекомъ, ни словомъ, а ждалъ, что она сама къ нему вернется и уже окончательно. Но когда и какъ? Вотъ это-то его и мучило, и онъ боялся, что въ первыя минуты послѣ встрѣчи не совладаетъ съ собою, что лицо его выдастъ эту борьбу противорѣчивыхъ чувствъ и мыслей, Муся это замѣтитъ, произойдетъ объясненіе, а онъ менѣе всего хотѣлъ насильно вызывать такой разговоръ и откровенность съ ея стороны... Но что же она не ѣдетъ?

Вотъ опять показалась пыль, но Сергѣй, еще не видя экипажа, услыхалъ, по звуку копытъ и бубенчиковъ, что это скакала почтовая тройка, должно быть, со станціи въ сосѣдній уѣздный городъ... Потомъ проѣхалъ возъ сѣна. Потомъ еще баба на пустой телѣгѣ.

Глуховской повернулъ назадъ къ дому. Тутъ, на дорогѣ, еще тяжелѣе ждать. Волненіе и нетерпѣніе Сергѣя достигли такихъ предѣловъ, что онъ предпочелъ вернуться и заняться чѣмъ-нибудь, чтобъ какъ-нибудь убить тянувшееся безконечно время. Въ столовой никого не было: Мюнстеръ и Ольга еще не вернулись съ прогулки; дѣти съ обѣими англичанками и няней были тоже въ поляхъ; Тихменевъ спалъ, какъ всегда, до обѣда; Анна Евграфовна съ дочерью и Ниной занималась приготовленіемъ разныхъ вареній и консервовъ изъ ягодъ во флигелѣ. Сергѣю сама собой пришла мысль о музыкѣ. Онъ сталъ играть свою любимую сонату Шопена, въ которой особенно любилъ маршъ и послѣднюю часть: это геніальное изображеніе вѣтра, несущагося безконечными струями надъ могилами и героевъ, и безвѣстныхъ, павшихъ въ бою, воиновъ.

Но когда Сергѣй игралъ ее, вдругъ совсѣмъ другая картина, картина прошлаго, съ необычайною ясностью представилась ему: шумитъ вѣтеръ мокрыми вѣтвями, послѣднія грозовыя тучи уходятъ съ темнаго неба, бабочка бьется со слабымъ шорохомъ о стекла веранды, а изъ темной залы несутся звуки рояля: Муся играетъ „Warum“.

И какъ это почти всегда бываетъ при музыкальномъ воспоминаніи, Сергѣй почувствовалъ потребность, необходимость сейчасъ же въ дѣйствительности услышать то, что̀ звучало въ его памяти. И только-что онъ кончилъ сонату, какъ взялъ ноты и началъ „Warum“. Сергѣй всегда находилъ, что ни одинъ поэтъ и ни одинъ композиторъ не слились такъ, какъ Гейне и Шуманъ, но особенно сильно онъ почувствовалъ эту духовную связь

теперь, играя „Warum“, и онъ невольно повторялъ про себя: „O, sprich, mein herzallerliebstes Lieb, warum verliessest du mich?!“..

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вбѣжала Муся.

— Не надо, не надо этого играть! Не надо... теперь!—проговорила она прежде всего и потомъ уже бросилась обнимать мужа.

— Муся! Какъ это!? Ты пріѣхала? Голубушка!—заговорилъ Сергѣй, задыхаясь отъ радостнаго испуга и безпрестанно цѣлуя Мусѣ руки, съ которыхъ она еще не успѣла снять перчатокъ. —Какъ это я не слыхалъ?!

— Да ты игралъ. А я еще съ дороги узнала, что это именно ты играешь Шопена. А потомъ вотъ *это* заигралъ... Ну, здравствуй, здравствуй! Да гдѣ же дѣти? Гдѣ Лена? Всѣ?

Но уже защелкали двери, послышались возгласы въ саду и въ сосѣднихъ комнатахъ, быстрые шаги по корридору.

— Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же она?—почти сердито заговорила въ дверяхъ Анна Евграфовна, на ходу стараясь отвязать передникъ, весь закапанный ягоднымъ сокомъ, и отъ нетерпѣнія немилосердно теребя тесемки; наконецъ, она оборвала ихъ, швырнула передникъ на кресло въ уголъ и бросилась обнимать Мусю.

За нею влетѣла и Нина. Съ другой стороны входили Бобринъ съ Марьей Петровной и встрѣтившая ихъ въ передней Лена.

— Vous avez un temps d'ange, et Berlin est innondé de pluie.

— Нѣтъ! она очень поправилась!

— Сними же шляпу!... А ты знаешь, Павелъ Васильевичъ разошелся со своей вдовушкой и женится на какой-то купчихѣ.

— А та-то ловкая какая!... Да не хочешь ли чаю?

— Нѣтъ, merci! Ну, какъ я рада, какъ я рада, что пріѣхала... Вообразите, съ кѣмъ мы ѣхали отъ Вержболова!...

— Надо же ей показать дѣтей. Гдѣ же дѣти-то?...

— А ты похудѣла, Нина... Я думаю, Володя страшно выросъ?

— Бѣгаетъ отлично. Вчера они съ бэби...

— Ахъ, голубчикъ Муся, какъ я рада!

— Да дайте же ей вздохнуть съ дороги, умыться, переодѣться!

— Нѣтъ, ты послушай!

Всѣ говорили разомъ, перебивали другъ друга и сами себя, смѣялись, цѣловались. Привели дѣтей, и это еще болѣе увеличило суматоху: Володя, улыбаясь, пошелъ на руки матери съ веселымъ равнодушіемъ очень маленькихъ дѣтей, но Вѣра закапризничала,

заартачилась, спряталась за платье miss Buttler; а когда попробовали вытащить дѣвочку впередъ, она подняла такой ревъ, что ее поспѣшили увести отъ матери.

— Отвыкла отъ меня! Вотъ что значатъ какіе-нибудь два-три мѣсяца разлуки для этого возраста. Ну, Богъ дастъ, опять скоро привыкнетъ,—сказала Муся, слабо улыбаясь, но ея материнское самолюбіе страдало: ея Вѣрочка такъ скоро ее забыла.

Вообще Муся испытывала разочарованіе и странное чувство отчужденности отъ всѣхъ своихъ. Она привыкла за послѣднее время утѣшать себя во всѣхъ горестяхъ, поддерживать свою бодрость, постоянно говоря себѣ: „Вотъ пріѣду домой. Вотъ вернусь къ своимъ. Вотъ буду съ Сережей". Это была постоянная исходная точка и цѣль ея, которыми неизбѣжно начинались и оканчивались всѣ ея мысли, стремленія, надежды, планы. И вотъ теперь Муся вовсе не испытывала той полноты счастья, которой ожидала отъ первыхъ минутъ свиданія со своими—и это испугало и огорчило ее: точно она лишилась послѣдней точки опоры въ жизни.

Она не знала, что въ этомъ случаѣ подчинялась тому же закону, какъ и маленькая Вѣрочка. За эти три мѣсяца Муся стала уже другимъ человѣкомъ, и потому нужно было употребить нѣкоторое усиліе воли, чтобы опять примѣниться къ тѣмъ людямъ и той формѣ жизни, въ которой она жила до отъѣзда, точно также какъ Вѣрочкѣ, у которой маленькій душевный мірокъ успѣлъ и расшириться, и измѣниться за эти три мѣсяца, нужно было привыкнуть вновь къ матери, чтобы относиться къ ней, какъ до отъѣзда. Но маленькая Вѣрочка совсѣмъ не сознавала этого и не дѣлала никакого усилія, а просто кричала, когда ее толкали къ мамѣ, отъ которой она отвыкла. А Муся *заставляла* себя почувствовать себя прежней въ той жизни, отъ которой отвыкла, сознавала это усиліе—и ей было тяжело.

Къ счастью, день прошелъ, какъ всѣ дни пріѣздовъ: въ безтолковой, прерывистой болтовнѣ, разборкѣ привезенныхъ подарковъ и вещей, въ отпираніи сундуковъ и комодовъ, раскладываніи бѣлья, въ разспросахъ о всѣхъ близкихъ и знакомыхъ и сообщеніи новостей,—въ этихъ стараніяхъ хоть внѣшнимъ образомъ поставить скорѣе свое существованіе въ прежнія рамки, сгладить тѣ шероховатости, которыя происходятъ оттого, что близкіе другъ другу люди въ теченіе нѣкотораго времени жили не вмѣстѣ, думали, чувствовали и даже говорили порознь и о разномъ. Въ такіе дни впечатлительные люди невольно желаютъ, чтобы скорѣе наступила ночь. Неизвѣстно почему, но несомнѣнно, что, проведя хотя бы

одну ночь на новомъ мѣстѣ, человѣкъ на другой же день гораздо легче освоивается съ окружающей обстановкой: вѣроятно, сонъ сглаживаетъ слишкомъ сильныя воспоминанія предыдущаго, открывая свободное поле вниманія и сознанія для новыхъ впечатлѣній. А такъ какъ при возвращеніи въ старую обстановку такими новыми впечатлѣніями на другой день являются старыя, забытыя, то понятно, что они съ новой силой выплываютъ въ сознаніи, охватываютъ человѣка вновь, и онъ говоритъ: „Точно я никогда и не уѣзжалъ".

Муся знала это свойство сна, и будь она дома, она нарочно бы ушла пораньше въ свою комнату, чтобы поскорѣе покончить съ противорѣчивыми, борющимися между собою впечатлѣніями заграничной и старой жизни, скорѣе сбросить съ себя первыя и зажить вторыми. Но жизнь окружавшихъ людей, чуть-чуть и ненадолго лишь поколебленная пріѣздомъ Муси, шла своимъ чередомъ, и послѣ чаю Лена съ мужемъ, Ольга и Мюнстеръ,—изображавшій ея спеціальнаго адъютанта этимъ лѣтомъ,—усѣлись за свою каждодневную партію, Анна Евграфовна съ Ниной и miss Buttler опять принялись чистить ягоды, и даже Сергѣй, подчиняясь желанію нелюбившей перемѣнъ въ строго заведенномъ порядкѣ дня Неридовой, долженъ былъ читать имъ вслухъ продолженіе какой-то очень интересной статьи въ англійскомъ журналѣ. И Муся должна была присѣсть тутъ же, на балконѣ.

Она не умѣла внимательно слушать изъ середины и вскорѣ пересѣла поближе къ лѣстницѣ и стала безцѣльно смотрѣть въ садъ.

Желтая, безъ лучей, громадная луна медленно, медленно поднималась изъ-за темнаго еловаго лѣса. Вѣтеръ чуть-чуть шепталъ въ верхушкахъ березъ. Мягкій воздухъ, весь напоенный ароматомъ распускающихся липъ и дикаго жасмина, ласкалъ и нѣжилъ. Мусю потянуло въ садъ, въ сумракъ аллей, но она не смѣла прервать чтенія. На ея счастье, Анну Евграфовну вызвали къ вернувшемуся изъ уѣзднаго города и привезшему письма и разныя покупки неридовскому управляющему. Муся тотчасъ этимъ воспользовалась.

— Развѣ можно, ну, развѣ можно теперь сидѣть тутъ?!— взмолилась она, сбѣгая съ балкона.—Пойдемте въ садъ! Право, этакая прелесть! Ахъ, какая прелесть! Ну, пойдемте же!

— Муся, не пора ли тебѣ лучше въ комнаты? — замѣтила благоразумная и заботливая Нина.—Марья Петровна сказала, что послѣ заката солнца докторъ тебѣ всегда велѣлъ уходить въ домъ.

— Ну, вотъ еще! Довольно я его тамъ слушалась!. Теперь я свободна! Теперь я на своей волѣ, какъ вотъ этотъ вѣтеръ!..— Муся вдругъ остановилась въ своемъ быстромъ отвѣтѣ и задумалась. Потомъ она прибавила утихшимъ голосомъ:—Сережа,— пойдемъ.

Сергѣй сошелъ въ садъ. Остальные не пошли, не желая прерывать партіи, а Нина продолжала чистить клубнику, обѣщавъ Аннѣ Евграфовнѣ кончить это до ночи, и низачто бы не встала, прежде чѣмъ не отдѣлила бы послѣдній стебелекъ отъ послѣдней ягодки.

— Лена! Да бросьте вы свои карты! — попробовала Муся еще разъ смутить игравшихъ:—ну, что за занятіе, право! Да еще въ такую ночь! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Что тебѣ за дѣло! Разъ намъ это пріятно, отчего не играть?! Пусть каждый живетъ, какъ хочетъ, и оставляетъ жить другихъ. Ты вѣчно „мудрствуешь лукаво“. Надо жить проще,—отвѣтила Лена.—Иди себѣ! Гуляй.

Муся пошла съ мужемъ по аллеѣ къ озеру. Было тихо, тихо и тепло. Только кузнечики трещали взапуски, и звонко пѣли, налетая, комары. Или опять пробѣгалъ по верху деревъ легкій вѣтеръ и нѣжно-нѣжно шепталъ въ темныхъ листахъ что-то таинственное и заманчивое.

Сергѣй и Муся шли молча. Имъ было не по себѣ съ-глазу-на-глазъ. Сергѣй не зналъ, какъ ему держать себя съ нею. Ея послѣднія слова: „не надо... теперь“, значили очень многое, но все же онъ боялся, какъ бы слишкомъ живая радость, задушевная откровенность съ его стороны не были ей тягостны: можетъ быть, Муся чувствуетъ себя еще слишкомъ далекою отъ него? Но онъ боялся казаться и слишкомъ сдержаннымъ; онъ инстинктивно чувствовалъ, что его сдержанность, спокойствіе, та выдержка душевная, которая является у людей, много передумавшихъ и пережившихъ, и которая была отличительною чертою его характера, —едва ли не это было главной причиной разлада между нимъ и Мусей съ ея безпокойной, не установившейся еще душою. И Сергѣй молчалъ. А Муся тоже боялась заговорить. Она подыскивала какую-нибудь безобидную тэму, хотѣла бы заговорить о чемъ-нибудь постороннемъ, но чувствовала, что стòитъ ей сказать слово – и прорвется плотина между ними, которая охраняла ихъ до сихъ поръ отъ слишкомъ откровеннаго объясненія и разговора, чего Муся невольно боялась... Они шли по аллеѣ, вышли потомъ на прогалинку у огорода, и Муся остановилась, охваченная поэтическою прелестью свѣтлой ночи.

— Сережа!..—вдругъ начала она, и страстная тоска зазвучала въ ея голосѣ.—Сережа! Скажи, вотъ въ такую ночь, когда такое небо, такой воздухъ, скажи, тебѣ не кажется, что тебя чтò-то особенное, хорошее ждетъ впереди, что еще чтò-то будетъ въ жизни? Скажи, ты ждешь этого? Да?

— Какое ты еще дитя!—вмѣсто отвѣта сказалъ Сергѣй, лаская ея руку, лежавшую на его рукѣ.

Въ это время съ балкона раздались громкіе голоса, возгласы. Лена громко звала Мусю и Сергѣя. — Скорѣе! скорѣе!—кричалъ весело Мюнстеръ.

— Ну! Чтò еще тамъ?—съ неудовольствіемъ промолвила Муся. Навѣрное какой-нибудь „большой шлемъ", или чтò-нибудь въ этомъ родѣ. Ну ихъ! Не пойду!

— Сергѣй Александровичъ! Скорѣе!—закричала и Ольга.

— Пойди ты одинъ, да захвати и мой платокъ, пожалуйста. А я еще здѣсь постою,—сказала Муся.

Сергѣй пошелъ къ дому, а Муся сѣла на скамейку, всматриваясь изъ-подъ темнаго навѣса вѣтвей на залитую свѣтомъ серебристо-зеленую изгородь, на гряды, на акаціи, которыя пропадали въ тѣни, падавшей отъ лѣса, и на рѣзкіе, темные силуэты елей, надъ которыми все выше поднималась луна.

„Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобы все уже было извѣстно въ жизни для меня, все кончено! Что ничего болѣе не случится въ моей жизни таинственнаго, прекраснаго, неожиданнаго! Чтò-то есть тамъ, тамъ гдѣ-то, чего я еще жду, чтò будетъ, придетъ! Я это знаю! Будетъ!"—чуть не вслухъ говорила себѣ Муся, протягивая руки къ свѣтлому небу, къ темному лѣсу, точно тò, что это небо могло сіять такой задумчивой красотой, и то, что лѣсъ могъ шептать такъ таинственно и смутно — точно это несомнѣнными словами говорило о далекомъ и широкомъ мірѣ, полномъ неизвѣданныхъ тайнъ, и о томъ, что и она когда-нибудь ихъ проникнетъ...

А Сергѣй тѣмъ временемъ дошелъ до балкона. Когда онъ поднялся на лѣстницу, ему прежде всего бросились въ глаза разбросанныя въ безпорядкѣ по столу карты, два опрокинутые стула и кувшинъ съ водой посреди пола. Потомъ Глуховской увидѣлъ Анну Евграфовну: она лежала безъ чувствъ на креслѣ, и въ то время какъ Нина, держа въ перепачканныхъ ягодами рукахъ мокрый платокъ, примачивала ей виски, Лена, стоя на колѣняхъ передъ матерью, растирала ея судорожно-сжатыя руки, а мужъ ея держалъ передъ лицомъ Неридовой баночку съ солями.

Но, къ великому изумленію Сергѣя, Марья Петровна воскли-

цала не въ минорномъ, а въ самомъ мажорномъ тонѣ и самымъ сладкимъ голосомъ: — „Ah, quel bonheur! Quelle gloire pour la famille! Que les larmes et la joie sont inséparables!" — а Ольга, противъ обыкновенія оживленная и раскраснѣвшаяся, чуть не танцовала по балкону, размахивая какимъ-то письмомъ.

— Что такое? Что случилось?—обратился Сергѣй къ Ленѣ, но она только махнула рукой, такъ какъ была не въ состояніи произнести ни слова, и крупныя слезы беззвучно текли по ея щекамъ.

Сергѣй повернулся къ Ольгѣ, но, къ его полному пораженію, она подхватила его подъ-руку и закружила его по балкону, дѣлая pà вальса.

Въ эту минуту влетѣлъ изъ залы Мюнстеръ съ каплями въ рукахъ. Онъ передалъ ихъ Тихменеву, и видя, что, послѣ такого неожиданнаго танца, Сергѣй остановился въ полномъ недоумѣніи,—тотчасъ заговорилъ громко и торжественно:—Великая, удивительная новость! Радостная и прискорбная вѣсть въ одно и тоже время. Нашъ дорогой товарищъ, нашъ безцѣнный Дмитрій оказался достойнымъ сыномъ своей родины и достойнымъ сыномъ этой уважаемой, родной намъ всѣмъ семьи Неридовыхъ, достойнымъ своего имени!

— Фу ты! часъ отъ часу не легче! Да что же такое съ Дмитріемъ случилось!? — съ нетерпѣніемъ прервалъ Сергѣй эту удивительную рѣчь.—Говори ты, ради Бога, толкомъ, а паѳосъ оставь покамѣстъ въ сторонѣ!

— Отличился, отличился!—заговорила Ольга.—Участвовалъ въ первомъ же дѣлѣ, какъ только пріѣхалъ, и представленъ къ Георгію. Къ Рождеству пріѣдетъ сюда. А можетъ быть и осенью. Ахъ! я въ восторгѣ! Ахъ, какъ я его люблю, моего Димку! Какой онъ молодецъ! Ахъ, онъ всегда былъ такимъ смѣлымъ!— Ольга говорила такъ быстро и оживленно, какъ никогда.

— Ольга Павловна! откуда это онъ пишетъ вамъ, позвольте-ка, мы справимся!—сказалъ Бобринъ, уже принесшій изъ гостиной карту Средней Азіи, которую Анна Евграфовна съ самаго января всюду возила и носила съ собой. — Какъ это мѣсто называется: Ташъ?..

— Ah, quel bonheur! Quel digne jeune homme! — ахала Марья Петровна.

— Да что вы всѣ такъ разахались!?—съ досадой заговорила Анна Евграфовна, едва придя въ себя.—Вѣдь раненъ онъ, Сергѣй Александровичъ, раненъ въ плечо, и пулю еще не вынули, а можетъ быть и вовсе не вынутъ. Еще слава Богу, что въ лѣ-

вую руку. И пишетъ, что лихорадка еще до сихъ поръ не вполнѣ прекратилась (А тоже порядки же у насъ: письмо шло чуть не два мѣсяца съ половиной!)... Есть чему радоваться! калѣкой, можетъ быть, навсегда останется, а они всѣ утѣшаются крестикомъ!

— Comment donc, Анна Евграфовна! Вы и должны радоваться: вашъ сынъ—герой!!!

— Конечно, конечно!—воскликнула Ольга.

— Сдѣлалъ то, что̀ долженъ былъ, а никакого геройства тутъ нѣтъ!—сухо сказала Лена, уже осиливъ свое волненіе.

Сергѣй не сталъ больше слушать, схватилъ голубой платокъ жены и бѣгомъ пустился съ балкона. — Побѣгу скорѣе, скажу Мусѣ!—прокричалъ Глуховской уже изъ аллеи. Онъ прежде всего подумалъ о Мусѣ, о томъ, какъ она приметъ это извѣстіе, что̀ она почувствуетъ, узнавъ, что Дмитрій раненъ. И со своей всегдашней чуткостью Сергѣй понялъ, что надо уберечь Мусю отъ внезапнаго потрясенія, приготовить ее къ извѣстію. Какъ знать: можетъ быть, она еще любитъ Дмитрія по прежнему!? Не говоря уже о томъ, что Сергѣй безпокоился о ея здоровьѣ, но онъ заботился о ея чести, самолюбіи: Муся можетъ испугаться, взволноваться, пожалуй она лишится чувствъ, какъ Анна Евграфовна, и выдастъ себя. И Сергѣй бѣжалъ по аллеѣ къ женѣ, боясь, какъ бы Муся его не предупредила, отправясь на балконъ другой дорогой. Но, къ счастью, Муся сидѣла все еще на той же скамейкѣ.

Сергѣй подбѣжалъ къ женѣ.—Вотъ тебѣ, Муся, платокъ!—сказалъ онъ, набрасывая ей на плечи мягкую голубую ткань.—Что же? Развѣ ты уже назадъ?—спросилъ онъ, видя, что Муся встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дому.—Побудемъ еще здѣсь!

— Да вѣдь они такъ звали, да и ты тамъ такъ долго пропадалъ; я подумала, что что-нибудь нужно имъ. Что̀ случилось тамъ?

Сергѣй не сразу отвѣтилъ и взялъ Мусю подъ-руку. — Ничего не случилось...—началъ онъ, но потомъ рѣшилъ, что сейчасъ кто-нибудь можетъ прибѣжать къ нимъ и неосторожно объявить Мусѣ о полученномъ извѣстіи, и что гораздо лучше ему одному быть съ ней, если это извѣстіе взволнуетъ ее, и дать ей наединѣ придти въ себя, оправиться.—То-есть, видишь ли,—заговорилъ онъ мягко и почти шопотомъ:—тамъ привезли Аннѣ Евграфовнѣ пи́сьма... Не сѣсть ли намъ, Муся, опять сюда?—перебилъ онъ себя, указывая на скамейку.

— Ну, и что̀? Отъ кого пи́сьма?—тревожно спросила Муся,

уже предчувствуя чтò-то важное. — Отъ кого? Какое-нибудь несчастье съ близкими?!

— Нѣтъ, нѣтъ! Какое же несчастье можетъ быть съ близкими?.. Вѣдь всѣ здѣсь... Только одного Дмитрія...

— Съ Дмитріемъ несчастье? Отъ кого же письмо? Убитъ? Умеръ? Сережа, да?—воскликнула Муся, схватывая мужа за обѣ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ! Не совсѣмъ здоровъ, такъ какъ былъ раненъ, но теперь поправляется!.. Представленъ къ Георгію... Здоровъ почти совсѣмъ... Только въ лѣвое плечо... Пріѣдетъ сюда къ Рождеству... а можетъ быть и осенью... Живъ, живъ!—задыхаясь отъ волненія, быстро, быстро говорилъ Сергѣй, чувствуя разомъ и страхъ, и облегченье, что выговорилъ эти слова, жегшія ему губы. И, не въ силахъ долѣе бороться съ глубокой нѣжностью и состраданіемъ къ Мусѣ, онъ обнялъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ въ волосы.

Муся нѣсколько секундъ не поднимала головы съ плеча мужа, потомъ встала, крѣпко пожала руку Сергѣю и сказала бодро, почти весело:—Пойдемъ же скорѣе къ Аннѣ Евграфовнѣ, поздравимъ ее... и Ольгу. Это такая радость *для нихъ*.

— Ну, поспѣемъ!—сказалъ теперь въ свою очередь Сергѣй. —Побудемъ еще здѣсь вдвоемъ, вѣдь я съ тобой сегодня двухъ минутъ не былъ.—И задумчиво прибавилъ:—Вотъ ты и вернулась, наконецъ.—Лицо его, озаренное желтоватымъ, слабымъ свѣтомъ іюньской луны, сіяло своей самой счастливой, доброй улыбкой. —Вотъ ты и вернулась!

И, какъ это бывало постоянно въ прежнее, хорошее время, и чего такъ давно уже не было, Муся въ этихъ простыхъ словахъ поняла все, чего не досказалъ Сергѣй, и все, чтò онъ зналъ и думалъ о ней, и все, чтò чувствовалъ, и все, чтò хотѣлъ ей сказать, и тоже, отвѣчая какъ будто на внѣшній смыслъ его словъ, она отвѣтила на его *мысль*:

— Да! вернулась!—сказала она съ виноватой, пристыженной и нѣжной улыбкой. И, быстро перемѣнивъ тэму, увѣренная, что Сергѣй теперь тоже пойметъ скачокъ въ ея мысли, Муся прибавила:

— А то, чтò я тогда сказала тебѣ про луну и тому подобное—это дѣйствительно еще остатки ребячества. Только ты не смѣйся! Не смѣй смѣяться! Вѣрно ужъ это на вѣки вѣковъ во мнѣ останется!

И они подъ-руку пошли къ балкону.

В. Каренинъ.



ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XVIII-го ВѢКА

въ письмахъ братьевъ гр. С. и А. Воронцовыхъ.

Братья графы Семенъ Романовичъ и Александръ Романовичъ Воронцовы были свидѣтелями-очевидцами царствованія Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Александръ Романовичъ въ началѣ царствованія императора Александра I нѣкоторое время занималъ мѣсто канцлера. Оба они были горячими патріотами, опытными дѣловыми людьми и замѣчательными государственными дѣятелями. Благодаря занимаемому ими положенію, они хорошо знали все, чтò происходило въ ихъ эпоху и въ Россіи, и въ западной Европѣ. Ихъ отзывы и разсужденія о лицахъ и фактахъ могутъ считаться важнымъ источникомъ для исторіи второй половины XVIII-го и даже начала XIX-го вѣка. Ихъ связывала между собою истинная дружба; они писали другъ другу откровенно. Понятно, что такая переписка едва ли не превосходитъ своимъ значеніемъ всѣ другіе памятники, напечатанные въ богатой коллекціи „Архивъ князя Воронцова“ [1]). Изъ этой переписки мы узнаемъ весьма подробно о впечатлѣніи, какое производилось на Воронцовыхъ современными имъ событіями, образомъ мыслей и дѣйствій выдающихся людей того времени. Г-нъ Бартеневъ въ предисловіи къ IX-му тому справедливо замѣчаетъ о графѣ Семенѣ Романовичѣ: „Живя въ дальнемъ углу

---

[1]) О нѣкоторыхъ изъ такихъ памятниковъ было уже сообщено въ „Вѣстникѣ Европы“: 1887, авг., 637 стр.; сент., 109 стр.; 1888, мартъ, 232 стр.

Европы (въ Англіи), онъ служитъ намъ историческимъ зеркаломъ, и въ его письмахъ о Россіи, писанныхъ изъ Англіи, отражаются тогдашнія событія русской жизни; взглядъ его свѣжъ и ходъ мысли ясенъ“ [1]).

И при изданіи переписки С. Р. Воронцова съ братомъ Александромъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказывается къ сожалѣнію чрезвычайно неудобнымъ то обстоятельство, что бумаги Воронцовскаго архива не были приведены въ порядокъ до печатанія этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, такъ что въ ихъ изданіи нельзя искать ни системы, ни порядка. Переписка братьевъ Воронцовыхъ помѣщена въ разныхъ томахъ изданія. Въ IX-мъ и X-мъ томахъ напечатаны письма С. Р. Воронцова къ Александру Романовичу отъ 1784—1804 гг. Въ XVII-й томъ (стр. 112) попало случайно одно письмо. Въ XXXII-мъ томѣ помѣщены письма, относящіяся къ 1760—84 годамъ, и тутъ, въ концѣ этой коллекціи, во-второй разъ напечатаны письма, уже изданныя въ IX-мъ томѣ „Архива“ (сравн. IX, 11, съ XXXII, 199; и IX, 19—23, съ XXXII, 200—206) [2]). Въ XXXI-мъ томѣ напечатаны письма Александра Романовича къ брату 1783—85 годовъ, а въ XXXII-мъ томѣ—еще три письма, относящіяся къ 1802 и къ 1803 годамъ.

I.

Письма С. Р. Воронцова къ брату, писанныя до 1785-го года, т.-е. до начала дипломатической его дѣятельности въ Англіи, почти вовсе не имѣютъ значенія источника для политической исторіи этой эпохи. Зато они могутъ служить важнымъ матеріаломъ для біографіи Семена Романовича. Семейныя дѣла въ нихъ занимаютъ самое видное мѣсто, а потому можно бы было издать эти письма въ сильно сокращенномъ видѣ. Въ нихъ говорится объ управленіи имѣній и заводовъ, которые Воронцовы имѣли въ разныхъ мѣстахъ Поволжья, о родственникахъ Воронцовыхъ,

[1]) Зато слѣдующее замѣчаніе г-на Бартенева представляется, однако, лишеннымъ всякаго основанія: „Его дипломатическіе пріемы напоминаютъ собою такъ-называемые статейные списки умныхъ русскихъ посланниковъ старо-давняго закала“. Никогда нельзя сравнивать умъ, опытность и образованіе С. Р. Воронцова съ игравшими, почти безъ исключенія, жалкую роль московскими дипломатами до-петровскаго времени.

[2]) Въ виду уже напечатанныхъ въ IX-мъ томѣ писемъ, писанныхъ по поводу кончины супруги С. Р. Воронцова, объясненіе причинъ, почему не раньше какъ въ XXXII-мъ томѣ могли быть напечатаны письма 1760—85 гг. (стр. 78), оказывается несостоятельнымъ.

напр. о графинѣ Строгоновой, о сестрѣ Семена и Александра Романовичей, Елизаветѣ Романовнѣ Полянской, и т. под. Встрѣчаются очень рѣзкія замѣчанія объ отцѣ, Романѣ Ларіоновичѣ, не отличавшемся щедростью и часто отказывавшемъ дѣтямъ въ деньгахъ (см., напр., XXXII, 110—113). Между отцомъ и сыновьями происходили непріятности по поводу вопроса о выдачѣ послѣднимъ материнскихъ имѣній. Сыновья были въ долгахъ; благодаря скупости отца, ихъ положеніе было весьма затруднительнымъ (166). Впрочемъ, въ семидесятыхъ годахъ отношенія С. Р. Воронцова къ отцу поправились (188). Романъ Ларіоновичъ умеръ въ 1784 году во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, и при этомъ случаѣ Семенъ Романовичъ, находившійся въ это время въ Италіи, сильно жаловался на невѣжество докторовъ во Владимірѣ (IX, 2). Около этого времени между Семеномъ Романовичемъ и его братомъ происходили кое-какія недоразумѣнія по поводу денежныхъ дѣлъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ между ними существовали натянутыя отношенія (XXXII, 195—197). Однако этотъ споръ былъ лишь эпизодомъ, и затѣмъ мы не встрѣчаемъ болѣе примѣровъ такихъ недоразумѣній. Напротивъ, между братьями постоянно господствовала истинная привязанность и готовность во всѣхъ отношеніяхъ помогать другъ другу.

Нѣкоторыя довольно любопытныя данныя въ письмахъ Семена Романовича къ брату относятся къ его дядѣ, канцлеру Михаилу Ларіоновичу, котораго оба племянника любили и уважали какъ нельзя болѣе. Скоро послѣ воцаренія императрицы Екатерины II М. Л. Воронцовъ путешествовалъ по Европѣ и пробылъ нѣкоторое время въ Италіи. Вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ и Семенъ Романовичъ, сообщавшій брату Александру разныя извѣстія объ этой поѣздкѣ, о пребываніи во Флоренціи, въ Миланѣ и пр. По случаю пребыванія путешественниковъ въ Берлинѣ, Михаилъ Ларіоновичъ игралъ нѣкоторымъ образомъ роль дипломата при прусскомъ дворѣ (XXXII, 86 и слѣд.). Особенно подробно Семенъ Романовичъ писалъ брату о послѣдней болѣзни и о кончинѣ дяди, котораго онъ называлъ „благодѣтелемъ", „отцомъ" и пр. (97). Семенъ Романовичъ страстно любилъ свою двоюродную сестру, графиню Строгонову, которая развелась съ мужемъ и жила у родителей. Она скончалась въ 1769 году. С. Р. Воронцовъ, въ это время участвовавшій въ турецкой войнѣ, былъ въ отчаяніи. Въ его письмахъ къ брату очень часто говорится о Строгоновой (126, 129 и пр.). Нѣтъ сомнѣнія, что любовь была взаимна (131). Еще въ 1773 году Семенъ Романовичъ упоми-

наетъ о невозвратимой потерѣ страстно любимой имъ и въ цвѣтѣ лѣтъ сошедшей въ могилу женщинѣ (168).

Молодой Воронцовъ, какъ извѣстно, участвовалъ въ турецкой войнѣ. Около тридцати писемъ его къ брату относятся къ этому времени. Однако эти письма не могутъ служить особенно важнымъ источникомъ исторіи этихъ походовъ. Хотя Семенъ Романовичъ принималъ участіе даже въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ, напр. дрался при Кагулѣ и при Ларгѣ, онъ въ своихъ письмахъ лишь мимоходомъ говоритъ объ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ нѣкоторыя замѣчанія о военной администраціи, о нѣкоторыхъ лицахъ, игравшихъ болѣе или менѣе важную роль во время войны, достойны вниманія. И тогда, и впослѣдствіи, Воронцовъ былъ очень высокаго мнѣнія о Румянцовѣ, съ которымъ онъ во все время войны находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ. Зато онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату сильно жалуется на недостатокъ хорошихъ генераловъ и офицеровъ въ русскомъ войскѣ. Онъ не безъ раздраженія говоритъ о малодушіи Исакова, не исполнившаго порученій, данныхъ имъ въ началѣ войны главнокомандующимъ. Воронцовъ этого генерала называетъ прямо трусомъ [1]). Отзывы Воронцова о характерѣ и способностяхъ князя Голицына также не особенно благопріятны (125). Семенъ Романовичъ находилъ, что русскіе офицеры недостаточно образованы, и поэтому во время войны, благодаря нерадѣнію и невѣжеству, не исполняли успѣшно своихъ обязанностей (127). И тогда, и впослѣдствіи, Воронцовъ жаловался на отсутствіе интеллигенціи въ русскомъ войскѣ; его мнѣніе подтверждается другими современниками-знатоками [2]). Семенъ Романовичъ, постоянно занимавшійся техникою и исторіею войны, относился къ подчиненнымъ ему офицерамъ съ нѣкоторою строгостью, о чемъ онъ въ письмахъ къ брату сообщаетъ нѣкоторыя подробности (133). Послѣ сраженій у Кагула и при Ларгѣ его произвели въ полковники (143). Впрочемъ, онъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Такъ, напр., между нимъ и извѣстнымъ генераломъ Бауеромъ происходили кое-какія недоразумѣнія; о поединкѣ Семена Романовича съ Штакельбергомъ писалъ не только Воронцовъ самъ къ брату, но и другое лицо—быть можетъ Лафермьеръ (151 и слѣд.). Быстрая карьера Потемкина сильно не понравилась Воронцову, и онъ неоднократно въ письмахъ къ брату жало-

---

[1]) 122: „C'est une chose affreuse et déshonorante à nous de voir quels généraux subalternes que nous avons"... „la lâcheté de mr. Issacow" (123) и т. п.

[2]) Еще недавно появились бумаги герцога Ришельё, участвовавшаго въ штурмѣ Измаила и сильно порицавшаго недостатки военной администраціи въ Россіи.

вался на несправедливость, заключавшуюся въ томъ, что на Потемкина сыпались награды, между тѣмъ какъ онъ, Воронцовъ, и другіе офицеры были забыты. Карьера Потемкина, котораго Семенъ Романовичъ презиралъ и впослѣдствіи, заставила его отказаться отъ военной службы тотчасъ же послѣ окончанія турецкой войны (166 и 176).

Всѣ эти частности скорѣе относятся къ біографіи С. Р. Воронцова, нежели къ исторіи этой эпохи вообще. Нельзя, однако, отрицать, что самая жизнь этого замѣчательнаго человѣка во многихъ отношеніяхъ представляетъ важныя характеристическія черты для исторіи этого времени. На этотъ счетъ, напр., достойны вниманія въ письмахъ С. Р. Воронцова къ брату нѣкоторыя замѣчанія о книгахъ, которыми онъ занимался въ это время. Такъ, напр., онъ еще въ 1765 году просилъ Александра Романовича достать ему книгу: „La philosophie de l'Histoire" [1]; такъ, въ 1767 году онъ съ извѣстнымъ историкомъ Г.-Ф. Миллеромъ бесѣдовалъ о знаменитомъ сочиненіи Беккарія: „Dei delitti e delle pene" (101); такъ, въ его письмахъ къ брату встрѣчаются коекакія замѣчанія о Боссюэтѣ и другихъ французскихъ писателяхъ, о покупкѣ цѣлыхъ сотенъ книгъ (102—103) и пр. Насколько Воронцовъ въ это время находился подъ вліяніемъ литературы „просвѣщенія", видно, между прочимъ, изъ его письма, отъ 22-го ноября 1767 г., въ которомъ по поводу чтенія повѣсти „l'Ingénu", Вольтера, говорится о религіозныхъ вопросахъ въ духѣ раціонализма и деизма (114—115). Во время войны Семенъ Романовичъ чрезвычайно усердно занимался исторіею турецкихъ войнъ (121 и 125), тактикою, математикою (131) и пр. Неоднократно онъ съ жаромъ говорилъ о своей любви къ военному искусству (168); и впослѣдствіи, во время дипломатической карьеры, онъ часто сожалѣлъ о томъ, что обстоятельства заставили его покинуть любимую дѣятельность—военную. Наука и литература занимали Воронцова постоянно. Находясь въ Италіи въ 1777 году, онъ, въ письмѣ изъ Пизы, просилъ брата прислать ему изъ Петербурга сочиненія Ломоносова, Сумарокова, ежемѣсячныя сочиненія Академіи Наукъ, трудъ Крашенинникова о Камчаткѣ и пр. (192).

Особенно много С. Р. Воронцовъ занимался чтеніемъ въ Англіи, во время пребыванія тамъ въ качествѣ посланника. Литература занимаетъ довольно видное мѣсто въ его письмахъ къ

---

[1]) 90 Быть можетъ тутъ идетъ рѣчь о соч. Вольтера: „Essai sur l'esprit et les moeurs des nations".

брату. Посылая Александру Романовичу нѣсколько сочиненій объ англійской революціи въ XVII вѣкѣ, онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ извѣстныхъ письмахъ Юніуса (IX, 47); другой разъ онъ пишетъ о знаменитомъ трудѣ Адама Смита, о какихъ-то письмахъ, относящихся къ исторіи царствованія Петра II [1]); немногимъ позже онъ просилъ брата о доставленіи ему исторіи Россіи, князя Щербатова, и продолженія исторіи торговли, Чулкова (106); весьма глубокое впечатлѣніе на него произвело чтеніе изданія Голикова: „Дѣянія Петра Великаго": „Несмотря на странность слога этого компилятора,—писалъ онъ,—я съ жадностью прочелъ (j'ai dévoré pour ainsi dire) эти девять томовъ и охотно прочелъ бы 900 такихъ томовъ; до того предметъ любопытенъ". Къ тому отзыву о книгѣ Голикова прибавлены многія замѣчанія о дѣятельности Петра Великаго, причемъ мѣстами проводится параллель между событіями этого царствованія и образомъ дѣйствій Екатерины (158—161); во время французской революціи Семенъ Романовичъ читалъ множество сочиненій о Франціи, политическія брошюры, памфлеты разныхъ партій и пр. (см., напр., 154, 169, 178).

II.

Письма А. Р. Воронцова къ брату Семену Романовичу, писанныя въ 1783—1785 годахъ, не особенно богаты содержаніемъ. Бо̀льшая часть этихъ писемъ писана по-французски. Но попадаются и русскія письма, которыми Семенъ Романовичъ былъ очень недоволенъ. „Прошу тебя,—писалъ онъ брату,—писать не на русскомъ языкѣ; ибо я четыре дня разбиралъ твое письмо и съ трудомъ понялъ содержаніе: такъ твой почеркъ природной труднѣе французскаго" (IX, 24). Въ другомъ письмѣ С. Р. Воронцова къ брату сказано: „Позволь себѣ примѣтить, мой другъ Алексаша, что когда пишешь мнѣ по-русски, то употребляешь слогъ между братьями въ нашемъ языкѣ несродный: вы... Но я надѣюсь, что перестанешь ко мнѣ совсѣмъ писать на природномъ языкѣ, ибо по чести ни двадцатой доли не разбираю" (IX, 31).

Въ письмахъ Александра Романовича часто идетъ рѣчь о семейныхъ и денежныхъ дѣлахъ. Все это можно бы было напечатать въ значительно сокращенномъ видѣ.

---

[1]) Вѣроятно, письма лэди Рондо, явившіяся впервые въ Англіи на англійскомъ языкѣ въ 1775 году.

Зато достойны вниманія нѣкоторыя данныя о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи въ то время (1783—85). Такъ напр., упомянуто о волненіяхъ крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ въ 1784 году, именно въ то время, когда Александръ Романовичъ былъ отправленъ въ эти губерніи для составленія отчета о состояніи этого края (XXXI, 441). Пребывая въ Ригѣ, онъ въ письмѣ къ брату пишетъ о процвѣтающей торговлѣ этого города, о числѣ кораблей въ этомъ портѣ, о значительныхъ таможенныхъ доходахъ въ Лифляндіи и пр. Воронцова не было въ Петербургѣ, когда тамъ скончался любимецъ Ланской. Однако Александръ Романовичъ, узнавъ объ этомъ событіи въ Ригѣ, сообщаетъ брату нѣкоторыя подробности о ходѣ болѣзни Ланского, объ отчаяніи императрицы и т. п. (442, 448). Впрочемъ Екатерина, какъ мы узнаемъ и изъ этого источника, съумѣла скоро оправиться послѣ этого горя. Нѣсколько недѣль послѣ кончины Ланского А. Р. Воронцовъ, вернувшись въ Петербургъ изъ Риги, имѣлъ аудіенцію у Екатерины и замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Императрица продолжаетъ оставаться въ нѣкоторомъ уединеніи; она здорова и работаетъ много“ (XXXI, 448). Немногимъ позже А. Р. Воронцовъ пишетъ о намѣреніи императрицы предпринять путешествіе въ полуденный край Россіи (463). И изъ другихъ источниковъ видно, что уже въ 1783 году начались приготовленія къ этой знаменитой поѣздкѣ, состоявшейся, однако, не раньше какъ въ 1787 году [1]).

О дѣлахъ, о вопросахъ политики въ письмахъ Александра Романовича говорится не много. Только въ видѣ исключенія затрогиваются вопросы внѣшней политики. Воронцовы были сторонниками австрійско-русскаго союза и не любили Пруссіи. Вотъ почему Александръ Романовичъ въ 1784 году радовался сближенію между Іосифомъ и Екатериною, вспоминалъ объ эпохѣ императрицы Елизаветы Петровны и надѣялся, что союзъ Россіи съ Австріею окажется полезнымъ [2]).

Около этого же времени графъ Семенъ Романовичъ собирался покинуть постъ русскаго дипломата въ Венеціи и переѣхать въ Англію, гдѣ старшій братъ въ началѣ царствованія Екатерины занималъ мѣсто русскаго посланника. Отлично знакомый съ Ан-

---

[1]) Воронцовъ опасался для императрицы чумы, иногда свирѣпствовавшей въ южной Россіи. Онъ писалъ въ ноябрѣ 1784 г.: „Le voyage de Cherson est remis à l'année 1785, c'ést-à-dire à l'hiver de l'année prochaine, et peut-être qu'alors il n'aura pas lieu aussi; je suis très-aise, qu il est retardé“.

[2]) Стр. 432: „j'espère que dans ce systéme-là, la Russie s'en trouvera bien assurément“.

тліею, А. Р. Воронцовъ составилъ для Семена Романовича записку о политическомъ состояніи этого края и вообще давалъ брату наставленія, какъ должно вести себя во время пребыванія въ Лондонѣ. Въ виду того обстоятельства, что С. Р. Воронцовъ вскорѣ послѣ занятія дипломатическаго поста въ Англіи сдѣлался англоманомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій оставался въ этой странѣ, замѣчанія Александра Романовича объ Англіи, писанныя въ 1784 году, достойны вниманія. Такъ, напр., онъ говоритъ въ письмѣ къ брату (по-русски): „Правленіе ихъ (англичанъ), конечно, безпримѣрное, но дѣйствительно только что на ихъ островъ и сдѣлано. Нѣтъ народа, въ которомъ въ приватной жизни было болѣе добродѣтели, праводушія и дружбы, какъ у нихъ; хорошо жить и родиться тамъ". Зато дѣятельность иностраннаго дипломата въ Англіи, какъ сказано далѣе въ письмѣ Александра Романовича, сопряжена съ особенными затрудненіями, о которыхъ Воронцовъ зналъ по собственному опыту. Объясняя положеніе дѣлъ между Россіею съ одной—и Англіею, Франціею и Австріею—съ другой стороны, онъ указываетъ на личныя соображенія въ области внѣшней политики императрицы Екатерины. Любопытно слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Александра Романовича: „Есть еще пунктъ, въ которомъ надо очень остерегаться, о коемъ я тѣмъ удобнѣе говорить могу, что признаться должно, что по молодости моей я не могъ отъ того спастись: чѣмъ болѣе ознакомишься въ Англіи, тѣмъ больше привяжешься въ ихъ дѣла, а сіе самое нечувствительнымъ образомъ, что и сдѣлаешься участникомъ дворовой ли партіи, или той, которая противу министровъ. Г. Симолинъ, не желая, отъ онаго все же не избѣгнулъ; а изъ сего родятся всегда непріятныя слѣдствія ко вреду иностраннаго министра; а въ оное, безъ большой осторожности, нечувствительнымъ образомъ впадешь". Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о житьѣ-бытьѣ въ Англіи въ хозяйственномъ отношеніи, А. Р. Воронцовъ замѣчаетъ: „Я радуюсь особливо для Мишеньки, что вы въ Англію ѣдете, и ему воспитаніе дать можно такое, какое трудно-бъ было здѣсь имѣть" (XXXI, 438—441).

Супруга Семена Романовича была очень довольна возможностью переселенія въ Англію; однако ей не было суждено увидѣть этой страны, гдѣ ея дѣти воспитывались особенно успѣшно, и гдѣ ея дочь, вступивъ въ бракъ съ лордомъ Пемброкомъ, оставалась до гроба. Графиня Екатерина Алексѣевна скончалась въ Италіи отъ чахотки.

Въ письмахъ братьевъ Воронцовыхъ, понятно, говорится подробно объ этомъ печальномъ событіи. Александръ Романовичъ

глубоко уважалъ свою невѣстку, съ которою онъ иногда переписывался, и о болѣзни которой онъ узналъ еще въ іюлѣ 1784 г. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ графини. Семенъ Романовичъ писалъ брату о своемъ горѣ въ тонѣ полнаго отчаянія [1]). Александръ Романовичъ старался успокоить и ободрить брата (XXXI, 450—451), совѣтуя ему скорѣе покинуть Италію и искать утѣшенія въ занятіяхъ дѣлами въ Лондонѣ. Цѣлый рядъ писемъ А. Р. Воронцова посвященъ этому предмету (452—466).

Семенъ Романовичъ былъ не только нѣжнымъ супругомъ, но и нѣжнымъ отцомъ. Въ его письмахъ къ брату изъ Англіи чрезвычайно подробно говорится о воспитаніи дѣтей, Михаила и Екатерины. А. Р. Воронцовъ особенно любилъ своего племянника „Мишеньку", и поэтому интересовался всѣми частностями занятій и успѣховъ даровитаго мальчика. Объ этомъ предметѣ часто писалъ Семенъ Романовичъ. „Мишенька" учился въ Англіи русскому языку, занимался чтеніемъ Иліады и Энеиды, драмъ Расина и пр. (IX, 242). Отецъ впослѣдствіи хотѣлъ-было отправить сына въ геттингенскій университетъ (246), однако „Мишенька" оставался въ Англіи; русскій языкъ изучался по грамматикѣ Ломоносова, составлялись переводы изъ англійскаго и французскаго языковъ на русскій; читались книги, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ (265); сообщая объ успѣхахъ сына, отецъ замѣчаетъ: „Я помню, что въ его годы я не сдѣлалъ бы половины того, что̀ онъ успѣлъ сдѣлать" (315). Александръ Романовичъ долженъ былъ высылать изъ Россіи для племянника разныя книги, въ томъ числѣ латинско-русскій словарь (322); когда графу Михайлу Семеновичу было тринадцать лѣтъ, онъ уже, во время глазной болѣзни отца, былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря у него (336); особенное вниманіе обращалось на изученіе математики (339).

---

[1]) Вотъ, что сказано между прочимъ въ письмѣ С. Р. Воронцова, отъ 8-го ноября 1784 г., изъ Пизы: „Mon malheur n'a pas de pareil. Chaque jour empoisonne de plus en plus mon âme. J'ai été trop heureux pour ne pas sentir que je ne suis plus ce que j'ai été et que l'horrible état dans lequel je me vois durera tant que durera ma misérable vie. J'ai toujours présents à ma mémoire ces mots de ma femme le premier mois de sa maladie, quand elle croyait et que nous étions tous persuadés qu'elle était hors de danger: en vérité, mon cher Сенюша, Dieu aurait été trop cruel, s'il nous avait séparés. C'est en pleurant et en m'embrassant qu'elle me disait ces paroles. Nous voilà séparés! Il n'y a plus de Dieu pour moi, et s'il y a quelque être, ce ne peut être qu'un très mal-faisant, qui accable avec atrocité ceux qui jouissent de leur bonheur avec pureté et innocence" (IX, стр. 11, и XXXII, 199). Изъ-за послѣднихъ строкъ, выпущенныхъ въ IX-мъ томѣ, по словамъ г-на Бартенева, всѣ 54 письма С. Р. Воронцова къ брату, помѣщенныя въ XXXII-мъ томѣ, сначала вообще не были напечатаны раньше. Неужели не было другихъ причинъ нарушенія хронологической очереди при изданіи этихъ бумагъ?

III.

Важнѣе этихъ семейныхъ дѣлъ въ перепискѣ братьевъ Воронцовыхъ—отзывы о политикѣ. Особенно любопытны въ письмахъ Семена Романовича замѣчанія о Россіи и Англіи.

Отзывы о Россіи не всегда благопріятны. Попадаются мѣстами довольно рѣзкія выходки противъ императрицы Екатерины и ея сотрудниковъ. Привыкнувъ къ учрежденіямъ Англіи, къ болѣе высокой степени культуры въ западной Европѣ, Семенъ Романовичъ часто былъ недоволенъ государственнымъ и общественнымъ строемъ своей родины. Не безъ раздраженія онъ жаловался на нерадѣніе и лѣнь вице-канцлера Остермана, оставлявшаго его довольно часто безъ извѣстій о ходѣ текущихъ дѣлъ (IX, 13, 20); дѣятельность Потемкина въ южной Россіи казалась ему далеко не заслуживающею одобренія, а скорѣе положительно вредною (18); о военныхъ способностяхъ Потемкина онъ говорилъ съ презрѣніемъ, и для подтвержденія неблагопріятнаго отзыва приводитъ разные любопытные и характеристическіе случаи (26, 27); въ другомъ мѣстѣ говорится о небрежности и неряшливости Потемкина, оставляющаго по цѣлымъ недѣлямъ на своемъ письменномъ столѣ самыя важныя и тайныя бумаги (78); по мнѣнію Воронцова, всѣ деньги, истраченныя на администрацію ввѣренныхъ Потемкину губерній, могли считаться брошенными изъ окна (86). Достойно вниманія то обстоятельство, что эти замѣчанія сдѣланы, такъ сказать, наканунѣ знаменитаго путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787-мъ году.

Встрѣчаются различные отзывы о Екатеринѣ; Воронцовъ порицалъ нѣкоторыя мѣры, принятыя ею. Такъ, напримѣръ, ему не понравился законъ о дворянствѣ (1785 года), между тѣмъ какъ постановленіе о банкѣ казалось ему замѣчательнымъ подвигомъ (69). Твердость Екатерины во время опаснаго кризиса въ 1791-мъ году, когда ежечасно можно было ожидать разрыва между Россіею и Англіею, привела Семена Романовича въ восторгъ. Онъ отдавалъ императрицѣ при этомъ случаѣ полную справедливость и гордился честью служить столь замѣчательной государынѣ [1]. Это не мѣшало Семену Романовичу обнаруживать нѣкоторую холодность при полученіи извѣстія о кончинѣ Екате-

[1] „Ne croyant pas possible qu'elle voulût céder à des menaces et hostilités et recevoir la loi des puissances étrangères, elle a bien justifié ma confiance dans son grand caractère, et je me trouve tout fier de servir une si grande souveraine" (207).

рины (X, 1); въ 1798-мъ году онъ замѣтилъ, что во время долгаго царствованія Екатерины неблагодарная Россія совсѣмъ забыла благодѣянія и добродѣтели Елизаветы (X, 25).

Укажемъ на нѣкоторые примѣры разногласія между Семеномъ Романовичемъ и Екатериною по довольно важнымъ вопросамъ. Вооруженный нейтралитетъ, по мнѣнію Воронцова, былъ крупною ошибкою императрицы. Будучи убѣжденнымъ въ необходимости сохраненія самыхъ близкихъ и дружескихъ сношеній между Англіею и Россіею, русскій дипломатъ въ Лондонѣ не могъ не сожалѣть обо всемъ томъ, что̀ могло бы препятствовать сохраненію такого союза. Англичане же не безъ основанія были крайне недовольны вооруженнымъ нейтралитетомъ. Семенъ Романовичъ, въ своихъ письмахъ къ брату неоднократно возвращаясь къ этому предмету, порицалъ образъ дѣйствій русскаго правительства. Каждый разъ, когда происходили между Англіею и Россіею переговоры о торговомъ трактатѣ, вооруженный нейтралитетъ являлся камнемъ преткновенія,— „cette absurde neutralité armée“, писалъ Семенъ Романовичъ въ 1790-мъ году (IX, 164); онъ доказывалъ, что вслѣдствіе вооруженнаго нейтралитета „шведская и прусская торговля возросли, а наша ничего не выиграла, напротивъ потеряла; а государство потеряло въ Англіи естественнаго друга, не пріобрѣтя другого на его мѣсто“ (180); враждебное отношеніе Англіи къ Россіи во время шведской и турецкой войнъ Семенъ Романовичъ главнымъ образомъ приписывалъ вооруженному нейтралитету (190, 204, 226). Императрица, гордившаяся введенною ею въ области морского права реформою, узнавала кое-что объ этомъ взглядѣ Семена Романовича на этотъ предметъ, и это обстоятельство, какъ можно думать, содѣйствовало нѣкоторой холодности въ ея отношеніяхъ къ замѣчательному дипломату.

Строгость Екатерины въ дѣлѣ Радищева также сильно не понравилась Семену Воронцову, и онъ довольно рѣзко въ своихъ письмахъ къ брату осуждалъ образъ дѣйствій императрицы при этомъ случаѣ. Онъ не понималъ, какъ было возможно приговорить Радищева къ смертной казни за неосторожную книгу: „Этотъ приговоръ надъ бѣднымъ Радищевымъ, — писалъ Воронцовъ брату, — мнѣ причиняетъ несказанную боль. Сколь страшный приговоръ и сколь страшное смягченіе наказанія—и все это за шалость (étourderie)! Какъ же станутъ наказывать настоящія преступленія и открытый бунтъ? Ссылка въ Сибирь на десять лѣтъ — это хуже смерти для человѣка, у котораго есть дѣти... это ужасно!“ (181) Въ другомъ мѣстѣ Семенъ Романовичъ замѣчаетъ, что вина Радищева заключается въ ошибкѣ, сдѣланной

головою, но что его сердце не принимало никакого участія въ этой „étourderie“ (212). Говоря нѣсколько позже о пользѣ отправленія посольства въ Китай, графъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что тутъ представляется удобный случай покончить съ опалою бѣднаго Радищева, присоединя его къ посольству и поручивъ ему веденіе переговоровъ о торговлѣ, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ“ (231).

Неоднократно Семенъ Романовичъ жаловался въ своихъ письмахъ къ брату на существенные недостатки въ области администраціи и дѣлопроизводства въ Россіи, на отсутствіе чувства долга и отвѣтственности у чиновниковъ, на медленность хода дѣлъ и пр. (см. напр. 79); зато онъ неоднократно хвалилъ Англію [1]. Говоря объ англійскихъ купцахъ, проживающихъ въ Россіи, онъ пишетъ: „Всѣ эти англичане, составляющіе себѣ у насъ большое богатство, непремѣнно возвратятся со своимъ капиталомъ въ Англію; никто не будетъ до того глупымъ (imbécile), чтобы для себя и для своихъ потомковъ отказаться отъ англійскихъ правъ и предпочесть жизнь въ странѣ деспотической пребыванію въ самомъ свободномъ краѣ всего міра“ (104). Въ сильномъ раздраженіи Семенъ Романовичъ писалъ о придворныхъ интригахъ въ Петербургѣ и о несправедливости, съ которою тамъ обращались съ его братомъ (118). Нерѣдко ему приходилось сравнивать Англію съ Россіею, причемъ послѣдняя не оставалась въ выигрышѣ. Такъ, напр., въ 1788-мъ году, когда въ Россіи во время турецкой и шведской войнъ правительство прибѣгло къ умноженію бумажныхъ денегъ, Семенъ Романовичъ высказалъ опасенія, что при существующемъ въ Россіи невѣжествѣ публики эта мѣра можетъ повлечь за собою разныя неудобства, въ томъ числѣ и поддѣлку бумажныхъ денегъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Въ Англіи совсѣмъ иное дѣло. Отношеніе публики къ денежнымъ знакамъ гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ. Всѣ умѣютъ читать и писать“, и пр. Печальное положеніе, въ которомъ находилась Россія, сильно безпокоило графа Воронцова: „Ты не можешь вообразить себѣ, мой другъ,—писалъ онъ брату,—какъ я печаленъ, видя, въ какомъ состояніи находится наше отечество; контрбандная торговля, подкапывающая финансы, недостатокъ въ звонкой монетѣ, бумажныя деньги, наводняющія страну и со дня на день все болѣе и болѣе падающія въ цѣнѣ, обороты, всюду встрѣчающіе затрудненія, война, разоряющая народное благосостояніе, въ добавокъ еще неурожай!“ (126—127).

---

[1]) „Le gouvernement le moins imparfait qui ait jamais été imaginé par les hommes“ (99).

Неоднократно и въ другихъ письмахъ Семенъ Романовичъ возвращается къ вопросу о неблагопріятномъ состояніи Россіи, о чрезмѣрной роскоши въ высшихъ классахъ русскаго общества (148), о неудачныхъ денежныхъ операціяхъ, о неопытности государственныхъ дѣятелей въ Россіи. Упоминая о послѣднихъ, онъ замѣчаетъ: „Это соотвѣтствуетъ просвѣщенію какого-либо мароккскаго правительства" (156). Чрезвычайно рѣзко Семенъ Романовичъ отзывался также о русскомъ обществѣ, сильно порицая внѣшній лоскъ образованія молодыхъ дворянъ, не имѣвшихъ никакихъ убѣжденій, не руководствовавшихся никакими началами, утопавшихъ въ роскоши и, слѣпо подражая въ модахъ французамъ, отличавшихся невѣжествомъ и невниманіемъ къ интересамъ Россіи. Описывая подробно житье-бытье русской молодежи въ Парижѣ, Семенъ Романовичъ замѣчаетъ: „Tout cela fait pitié" (160—161).

Во многихъ отношеніяхъ, по мнѣнію С. Р. Воронцова, Англія могла служить образцомъ для Россіи; такъ напр., онъ сожалѣлъ о томъ, что въ Россіи употребляется столько дровъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы эксплуатировать каменно-угольныя копи (166); далѣе онъ находитъ, что чиновники въ Англіи работаютъ несравненно энергичнѣе, чѣмъ служащіе въ Россіи (213); въ противоположность къ недостатку въ замѣчательныхъ дѣльцахъ въ Россіи, Семенъ Романовичъ хвалитъ опытность въ дѣлахъ, умъ, образованіе и ловкость англичанъ, указывая на цѣлый рядъ знаменитостей, оказавшихъ самыя существенныя услуги своему отечеству; далѣе, Воронцовъ съ восторгомъ говоритъ о значеніи развитія наукъ въ Англіи и примѣненіи ихъ къ практикѣ, и пр. (226). Сравнивая свой садъ въ Лондонѣ съ садомъ въ имѣніи Воронцовыхъ близь Петербурга, Муринѣ, онъ даетъ предпочтеніе англійскому способу разведенія садовъ (330), и пр.

IV.

Высокое мнѣніе объ Англіи, разумѣется, не мѣшало графу Семену Романовичу въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ государственными людьми въ Англіи дѣйствовать исключительно въ духѣ интересовъ Россіи. Въ его письмахъ къ брату дѣла, а именно отношенія Россіи къ Англіи, занимали тѣмъ болѣе видное мѣсто, что содержаніе нѣкоторыхъ и особенно длинныхъ писемъ имѣло, такъ сказать, оффиціозное значеніе. Семенъ Романовичъ, разсуждая подробно о разныхъ политическихъ вопросахъ, желалъ, чтобы его

письма къ брату читались при дворѣ и служили руководствомъ для графа Безбородки, завѣдывавшаго въ то время дѣлами внѣшней политики и состоявшаго въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, и даже для самой императрицы, которая уважала умъ, способности и патріотизмъ Семена Романовича. Такимъ образомъ эти письма могутъ считаться первоклассным источникомъ при изученіи исторіи англо-русской политики за все это время. Отношенія между обѣими державами въ послѣдніе годы царствованія Екатерины были порою натянутыми. Нельзя не удивляться дипломатическому искусству С. Р. Воронцова, остававшагося въ благопріятныхъ отношеніяхъ къ Питту и въ то же самое время дѣйствовавшаго подъ-часъ заодно съ оппозиціею противъ знаменитаго англійскаго министра. Чрезвычайно любопытны въ письмахъ Семена Романовича къ брату всѣ частности переговоровъ русскаго дипломата съ англійскимъ министерствомъ о торговомъ трактатѣ; особенно подробно говорится о стараніяхъ Пруссіи сѣять раздоръ между Россіею и Англіею (43); далѣе воспроизводится содержаніе бесѣдъ Семена Романовича съ Питтомъ (64, 88 и пр.), сообщается ходъ преній въ парламентѣ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, объясняется положеніе разныхъ политическихъ партій въ Англіи, и пр. При всѣхъ выгодахъ сближенія съ оппозиціонною партіею, съ Фоксомъ и другими противниками Питта, Семенъ Романовичъ дѣйствовалъ крайне осторожно даже тогда, когда около 1790—91 года англійское правительство мечтало о разрывѣ съ Россіею, между тѣмъ какъ оппозиція желала сохраненія мира. Зорко слѣдя за настроеніемъ умовъ въ Англіи, Семенъ Романовичъ старался въ свою очередь дѣйствовать на англійскую публику. Во все это время онъ требовалъ, чтобы Россія твердо и рѣшительно настаивала на своемъ, не обнаруживала слабости, уступчивости; и дѣйствительно стойкость императрицы во время этого кризиса дала Россіи возможность удачно выйти изъ нѣсколько опаснаго положенія. Семенъ Романовичъ, руководя значительною долею дѣйствіями русскаго правительства, сообщая разныя подробности о состояніи дѣлъ въ Англіи, имѣлъ важную долю въ сохраненіи мира. При обсужденіи характера и политическихъ пріемовъ Питта, при оцѣнкѣ силы и значенія противоположныхъ другъ другу партій въ Англіи, онъ, какъ видно изъ его писемъ къ брату, былъ экспертомъ. Продолжительное пребываніе въ Англіи дало ему возможность близко и точно ознакомиться съ учрежденіями этой страны и опредѣлить мѣру вліянія этихъ учрежденій на ходъ внѣшней политики. Подробное объясненіе всѣхъ этихъ

обстоятельствъ придаетъ этимъ письмамъ особенное значеніе. И послѣ заключенія мирныхъ договоровъ со Швеціею и съ Турціею, Семенъ Романовичъ указывалъ на опасность, которая могла грозить Россіи со стороны Англіи, и поэтому онъ постоянно требовалъ, чтобы ему сообщали подробности переговоровъ между русскими министрами и англійскимъ посломъ въ Петербургѣ (235, 313), причемъ онъ неоднократно жаловался на лѣнь и неряшливость лицъ, завѣдывавшихъ внѣшними дѣлами въ Россіи.

Слѣдя во время турецкой и шведской войнъ (1787—91) за всѣми подробностями событій, Семенъ Романовичъ иногда подвергалъ строгой критикѣ мѣры дипломатовъ и военачальниковъ въ Россіи. Такъ, напр., онъ не одобрялъ вовсе намѣренія Екатерины отправить русскій флотъ въ Архипелагъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что адмиралъ Грейгъ, командовавшій флотомъ, предложилъ въ 1787 году графу С. Р. Воронцову занять должность главнокомандующаго войсками, которыхъ предполагали отправить въ Архипелагъ (113). Хотя Семенъ Романовичъ неоднократно говорилъ, что предпочитаетъ военную карьеру дипломатической, онъ не принялъ этого предложенія, такъ какъ онъ не могъ рѣшиться на разлуку съ дѣтьми. Враждебныя дѣйствія Англіи, Пруссіи и Швеціи заставляли его думать, что русскій флотъ окажется гораздо болѣе нужнымъ въ Балтійскомъ морѣ, чѣмъ въ Архипелагѣ. Къ тому же онъ не безъ основанія приписывалъ раздраженіе Англіи главнымъ образомъ проекту этой экспедиціи; поэтому онъ въ началѣ мая 1788 года, въ письмѣ къ брату, жаловался на „проклятую эскадру, на которую милліоны тратятся совершенно по пустому“ (119). Вообще турецкая война, по мнѣнію Семена Романовича, была менѣе важною, чѣмъ шведская (см. 125, 128, 129). Довольно часто онъ оставался недоволенъ дѣйствіями русскаго флота въ борьбѣ съ шведскимъ. Оставаясь все время завзятымъ противникомъ Пруссіи, Семенъ Романовичъ въ началѣ 1790 года писалъ къ брату, что въ Англіи разсчитываютъ на скорую перемѣну на престолѣ въ Россіи и на сближеніе между Павломъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. „Здѣсь думаютъ,—сказано въ этомъ письмѣ,—что наслѣдникъ такой же пруссакъ, какимъ былъ Петръ III... Вотъ до чего насъ довела непростительная оплошность императрицы, не обращающей достаточнаго вниманія на людей, окружающихъ ея сына и позволяющей ему проникнуться прусскою системою и вкорениться въ оной“ (165). Въ другомъ письмѣ, отъ 2-го февраля 1790, сказано: „Прусскій король объявилъ англичанамъ: погодите, импе-

ратрицѣ не долго жить, а я къ вамъ приведу совершенно преданнаго мнѣ наслѣдника“ (167).

Во все время до заключенія верельскаго мира Швеція казалась Семену Романовичу весьма опасною державою. Его мучила мысль о возможности занятія Петербурга шведами, объ ущербѣ для русской торговли вслѣдствіе военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ. „Однимъ словомъ,—писалъ онъ,—я бы охотно отдалъ 30 Крымовъ за Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, безъ которыхъ Петербургъ никогда не будетъ въ безопасности“, и пр. (173). Довольно подробно въ этихъ письмахъ указано на условія, которыя нужно имѣть въ виду при заключеніи мирнаго договора со Швеціею. Такъ напр., онъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія пріобрѣла Нишлотскую крѣпость (208).

Въ девяностыхъ годахъ Семенъ Романовичъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями Россіи въ Польшѣ. Въ 1792 году въ Петербургѣ зашла рѣчь объ отправленіи его въ качествѣ дипломата въ Польшу. Александръ Романовичъ, чрезъ котораго онъ узналъ объ этомъ намѣреніи, зная, что братъ неохотно возьметъ на себя такое порученіе, воспрепятствовалъ осуществленію этого предположенія (235).

Семенъ Романовичъ не всегда былъ доволенъ распоряженіями русскаго правительства въ Польшѣ. Такъ напр., онъ подвергнулъ строгой критикѣ одну изъ записокъ русскаго правительства, въ которой восхвалялось прежнее политическое устройство Рѣчи-Посполитой [1]) (240). Сначала Семенъ Романовичъ не повѣрилъ, что авторомъ этой деклараціи былъ Марковъ. Узнавъ положительно объ этомъ, онъ оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи о безтактности редакціи этого документа (252). Въ Англіи образъ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Польшѣ въ 1792-мъ году возбуждалъ сильное негодованіе. Быть можетъ это раздраженіе англичанъ заставило Семена Романовича желать, чтобы дѣло не дошло до второго раздѣла, причемъ онъ указывалъ между прочимъ и на то обстоятельство, что каждый раздѣлъ Польши увеличиваетъ силы и средства Пруссіи (243). Любопытно, что Семенъ Романовичъ былъ совершенно доволенъ польскою конституціею 3-го мая 1791 г. (199, 200, 214—215). И на этотъ счетъ,

[1]) „Il ne fallait pas entrer dans les éloges ridicules de l'ancienne forme du gouvernement, *sous lequel la république a fleuri et prospéré tant de siècles.* Cela a l'air de stupidité, si on le dit de bonne foi, ou de dérision outrageante, si on est persuadé, comme tout le monde l'est, que c'était le gouvernement le plus absurde et le plus détestable. Comment pouvait-on faire une déclaration si ridicule, je ne le conçois pas“, и пр. См. также стр. 302.

какъ довольно часто и въ отношеніи къ другимъ вопросамъ, взгляды Воронцова расходились съ воззрѣніями и желаніями императрицы Екатерины.

Лѣтомъ 1792 года Семенъ Романовичъ писалъ объ образованіи въ Англіи общества для оказанія помощи полякамъ (249); далѣе, онъ говорилъ о необходимости допустить нѣкоторыя реформы въ Польшѣ, усилить монархическую власть; о намѣреніяхъ Пруссіи и Австріи въ отношеніи къ Польшѣ; о своихъ бесѣдахъ съ англійскими государственными людьми по поводу второго раздѣла Польши и пр. (284, 287). Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ онъ, въ письмѣ отъ 7-го мая 1793 г., осуждалъ политику Россіи при этомъ случаѣ. Такъ, напр., сказано тамъ: „Несправедливость бьетъ въ глаза тѣмъ болѣе, что при этомъ было поступлено съ вопіющимъ вѣроломствомъ... Кто послѣ этого будетъ имѣть къ намъ довѣріе" и пр. (307). Изъ переписки графа Завадовскаго съ С. Р. Воронцовымъ [1]) намъ уже извѣстно, до чего доходило негодованіе послѣдняго, какъ смѣло онъ осуждалъ образъ дѣйствій русскаго правительства, и какъ Завадовскій старался оправдывать крайнія мѣры, принятыя Екатериною.

V.

Въ продолженіе всего этого времени и французская революція которой въ будущемъ году исполнится первое столѣтіе, обращала на себя серьезное вниманіе Семена Романовича; его взгляды на людей той эпохи и событія представляютъ не мало интереснаго, а иногда и новаго, по сравненію съ другими показаніями современниковъ революціи. За два года до ея начала, въ 1787 г., онъ писалъ объ отчаянномъ финансовомъ положеніи Франціи (IX, 104); между тѣмъ какъ братъ его хвалилъ Неккера, онъ не былъ доволенъ распоряженіями этого министра (114); въ 1789 г. въ письмахъ Семена Романовича слѣдуютъ разныя любопытныя замѣчанія о національномъ собраніи; особенно подробно обсуждаются финансовыя мѣры, принятыя въ то время во Франціи; не безъ негодованія Семенъ Романовичъ говоритъ о деспотизмѣ города Парижа, который „управляетъ и королемъ, и такъ-называемымъ національнымъ собраніемъ, и всѣмъ королевствомъ".

Въ Англіи Воронцовъ встрѣчался со многими французскими эмигрантами; ему казалось невозможнымъ, чтобы „республикан-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1887, т. V, стр. 136—137.

скія учрежденія, годныя, пожалуй, для какого-либо кантона Аппенцеля или Швица, были примѣнимы къ великому государству, какова Франція съ 24 милліонами жителей". Читая брошюры всѣхъ партій, Семенъ Романовичъ старался составить себѣ всестороннее и безпристрастное понятіе о положеніи Франціи; лучшимъ журналомъ ему казался „Courrier de Provence", причемъ онъ хвалилъ политическія и литературныя способности графа Мирабо [1]). Любопытны также нѣкоторыя замѣчанія о герцогѣ Орлеанскомъ, отцѣ короля Людовика-Филиппа, находившемся въ концѣ 1789 года въ Англіи (156). О Людовикѣ XVI сказано въ письмѣ отъ 9-го ноября 1790 г.: „Что касается до жизни короля, то я, еслибы я былъ на его мѣстѣ, считалъ бы смерть за благодѣяніе; зависимость и униженіе дѣлаютъ его существованіе невыносимымъ" (183).

О бывшемъ французскомъ министрѣ Калоннѣ, находившемся въ то время въ Англіи, Семенъ Романовичъ пишетъ: „Это человѣкъ очень остроумный, но у него нѣтъ способности судить правильно о вещахъ. Онъ воображаетъ, что Питтъ его сердечный и откровенный другъ, и поэтому онъ довѣряетъ ему разныя тайны, между тѣмъ какъ Питтъ состоитъ въ сношеніяхъ съ демократами въ Парижѣ и противодѣйствуетъ всѣми мѣрами планамъ г-на Калонна, состоящимъ въ возстановленіи прежней монархической власти". Въ доказательство этого Семенъ Романовичъ въ письмѣ къ брату приводитъ разные факты, проливающіе свѣтъ на отношенія Питта къ революціонной партіи во Франціи (209).

Перемѣна, происшедшая во Франціи, заставила Семена Романовича обратиться къ своему правительству съ вопросомъ, ка́къ онъ долженъ относиться къ французскому посланнику въ Лондонѣ. Ему казалось невозможнымъ примѣнять прежнія правила дипломатическаго этикета къ представителю революціонной Франціи. „Онъ же,—замѣчаетъ Семенъ Романовичъ, — не можетъ считаться представителемъ узника Людовика XVI, а скорѣе повѣреннымъ въ дѣлахъ господъ Робеспьера, Петіона и Грегуара" (211). Далѣе онъ насмѣхается надъ чисто демократическимъ составомъ національнаго собранія и, между прочимъ, разсказываетъ случай выбора одного кучера въ члены этого парламента.

[1]) О немъ сказано: „L'auteur est un scélérat, il est vrai, dont le but est de tout renverser en France, et il le cache avec beaucoup d'art; mais il y a sur d'autres choses des réflexions qu'on peut utilement appliquer à tous les pays"; стр. 154—158.

Къ этому прибавлено: „Говорятъ, что это самый честный членъ во всемъ собраніи“ (218).

Особенно подробно въ письмахъ С. Р. Воронцова къ брату говорится объ отношеніи Англіи къ Франціи во время революціи; при этомъ Семенъ Романовичъ разсчитывалъ на то, что содержаніе его писемъ дойдетъ до императрицы. Иногда онъ даже прямо просилъ Александра Романовича донести государынѣ объ этихъ весьма важныхъ частностяхъ. „Аглицкая нація,—писалъ онъ (по-русски),—вообще смотритъ равнодушно на дѣла французскія, не прилипаясь нимало ни къ угнетенной, ни къ угнетающей тамо партіи, и оказываетъ до сихъ поръ совершенное и преблагородное отвращеніе воспользоваться разстройкою несчастной своей соперницы... Питтъ не можетъ, однакожъ, сколь ни старается, скрыть свое желаніе продлить французскія замѣшательства и пользоваться оными сколь можно болѣе. Руководствуя здѣсь всѣми дѣлами, французскія онъ взялъ подъ собственное и весьма тайное управленіе. Имѣетъ претѣсную связь съ бѣшеными главами демократической въ Парижѣ партіи. Имѣетъ тамъ своихъ агентовъ, между коими отличается нѣкто, называемый Кларксонъ, другъ господина Вильберфорса, съ коимъ онъ, г. Питтъ, издавна въ тѣсной дружбѣ находится. Сей первый министръ имѣетъ потаенное сношеніе съ тамошними журналистами, съ главами жакобинскаго клуба и съ нѣкоторыми членами народнаго собранія. Въ числѣ всѣхъ сихъ сумасбродныхъ головъ, или предателей ихъ отечества, суть Петіонъ, Робеспьеръ, Редеръ, Бриссотъ, Горзасъ, Кора, Кондорсетъ и много еще другихъ, кои, по глупости, по гнусному корыстолюбію или по надменному властолюбію, въ семъ безпутномъ и анархическомъ правленіи Франціи, слѣпо преданы управляющему здѣсь министру. Г-нъ Питтъ послалъ недавно въ Парижъ еще собственнаго своего секретаря Смита, къ которому онъ имѣетъ великую довѣренность. Все это дѣлается мимо посла лорда Гора“.

Такъ какъ эти событія прямо относились къ политикѣ и должны были интересовать русскаго посланника въ Лондонѣ, ибо сообщеніе этихъ данныхъ въ письмахъ Воронцова къ брату, очевидно, имѣло оффиціозное значеніе,—то этотъ источникъ заслуживаетъ полнаго вниманія историковъ, изучающихъ состояніе Европы во время революціи. Въ немъ встрѣчаются многія частности, совершенно неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ.

Понятно, что въ этихъ письмахъ довольно подробно говорится объ эмигрантахъ. Многіе французы находились въ то время въ Англіи; многіе англичане ѣзжали въ Парижъ. Такимъ

образомъ, Семенъ Романовичъ могъ собрать разныя данныя о состояніи дѣла. Въ одномъ изъ его писемъ сказано (по-русски): „Меня увѣряли, что всякое военное покушеніе принцевъ, находящихся теперь въ Кобленцѣ, не только уничтожитъ начинающую наклонность націи къ законному монархическому правленію, но еще утвердитъ надолго нынѣшнюю бѣшеную анархію, что не токмо дворянство, вошедшее съ войскомъ, погибнетъ, но и то, которое живетъ теперь спокойно во внутри государства, будетъ неповинно, но неизбѣжно жертвою озлобленнаго народа, и что даже король, и королева, и ихъ дѣти погибнутъ отъ буйной челяди Парижа, гдѣ пуще всего необузданная суровость сего подлаго народа сохраняется. Вотъ что̀ люди весьма разсудительные, безпристрастные и кои въ Парижѣ и въ провинціяхъ прилежно примѣчали, мнѣ единогласно утверждаютъ". Затѣмъ слѣдуютъ разныя замѣчанія объ англійскихъ агентахъ „во всѣхъ островахъ французскихъ", о личности французскаго дипломата Бартелеми, о проискахъ Питтэ, о дѣйствіяхъ Эдмунда Бёрке (Burke), объ отношеніяхъ Пруссіи къ Франціи, и пр. (218—223).

Какъ многіе другіе современники этихъ событій, такъ и С. Р. Воронцовъ удивлялся медленности военныхъ дѣйствій герцога Брауншвейгскаго, который, во главѣ коалиціонныхъ войскъ, лѣтомъ 1792 года долженъ былъ воевать противъ революціи. Между тѣмъ партія якобинцевъ восторжествовала совершенно. Семенъ Романовичъ писалъ: „$^{19}/_{20}$ народа стоитъ за якобинцевъ; фраза о суверенномъ правѣ народа вскружила голову всей націи. Мы не получаемъ теперь никакихъ достовѣрныхъ извѣстій изъ Франціи, такъ какъ редакціи всѣхъ неякобинскихъ журналовъ и газетъ прекратили свои дѣйствія. Мы узнаемъ только то, что публикуется злодѣями (scélérats). Тайные агенты г-на Питта въ Парижѣ продолжаютъ дѣйствовать", и пр. (257).

Достойны вниманія разсужденія Семена Романовича объ извѣстной „канонадѣ" при Вальми въ сентябрѣ 1792 г., послѣ которой герцогъ Брауншвейгскій началъ отступать (262). Далѣе, сообщаются весьма любопытныя данныя объ эмигрантахъ, которыхъ осуждали въ Англіи въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ („des étourdis, des fanfarons, des lâches, des dissipateurs et des intrigants"). Семенъ Романовичъ считалъ ошибкою старанія русскаго правительства помочь эмигрантамъ и сожалѣлъ о деньгахъ, истраченныхъ въ ихъ пользу (263); онъ презиралъ французскихъ дворянъ и порицалъ ихъ легкомысліе, ихъ расточительность и пр. (266).

Мало-по-малу русскій дипломатъ въ Англіи началъ разсуждать

съ общей пессимистической точки зрѣнія о громадномъ и роковомъ значеніи государственнаго переворота во Франціи. Онъ писалъ между прочимъ въ концѣ 1792 г.: „Это не что иное, какъ отчаянная борьба между имущими и неимущими; такъ какъ имущихъ гораздо меньше, то они непремѣнно погибнутъ. Зараза будетъ общею. Такъ какъ мы находимся въ сторонѣ, то мы пока останемся цѣлы и невредимы; до насъ очередь дойдетъ позже, но и мы также сдѣлаемся жертвами этой общей чумы. Мы съ тобою не доживемъ до этого; но мой сынъ, напротивъ, увидитъ все это. Я рѣшился заставить его выучиться какому-либо ремеслу, сдѣлаться слесаремъ или столяромъ, чтобы на случай, если его подчиненные откажутъ ему въ повиновеніи и раздѣлятъ между собою его имѣнія— заработывать себѣ хлѣбъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ городского управленія въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Ремесла ему принесутъ болѣе пользы, чѣмъ языки греческій и латинскій и математика. Нельзя не признать, что настоящая эпоха чрезвычайна, и что такъ-называемый вѣкъ философіи можетъ вѣрнѣе считаться вѣкомъ парадоксовъ и преступленій“ (267—269). „Напрасно,—замѣчаетъ Семенъ Романовичъ въ другомъ письмѣ, —нѣкоторые государи считали для себя выгодою унимать дворянство, забывая правило, что монархія безъ дворянства немыслима. Гришка Отрепьевъ, Стенька Разинъ и Пугачевъ не были дворянами: они, напротивъ, убивали и разоряли дворянъ“ (269). Какъ сторонникъ такъ-называемаго „ancien régime“, графъ С. Р. Воронцовъ трепеталъ за существованіе троновъ вообще, за монополіи и привилегіи дворянства и духовенства. Онъ ожидалъ безпорядковъ и въ самой Англіи и находилъ, что Питтъ и Фоксъ дѣйствовали неосторожно, не принимая энергичныхъ мѣръ противъ революціи (272, 278). Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ писалъ о „преступленіяхъ“ и объ „atrocités“ Марата, Робеспьера и пр., о казни короля Людовика XVI, о впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ объ этомъ событіи въ Лондонѣ, о необходимости войны съ Франціею (309). Все это, однако, не мѣшало Семену Романовичу глумиться надъ французскими эмигрантами-дворянами, которыхъ онъ называлъ „la plus abominable race que j'aie jamais vue“! „Разумѣется,—писалъ онъ,—французскіе демократы ужасны; нужно стереть съ лица земли этихъ кровопійцъ; однако не думай, чтобы аристократы были лучше ихъ; они тоже постоянно говорятъ, что нужно колесовать и вѣшать ихъ противниковъ, не имѣя достаточнаго мужества вступить въ открытую борьбу съ ними“ и т. п. (313—315).

О замѣчательной эрудиціи графа свидѣтельствуетъ параллель,

проведенная между англійскою революціею въ XVII столѣтіи и событіями во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (317—321). Тутъ видны знакомство съ государственными учрежденіями Англіи и опытность при обсужденіи политическихъ вопросовъ вообще. Говоря объ ужасахъ гильотины во Франціи, Семенъ Романовичъ употребляетъ самыя сильныя выраженія, раздраженіе его ростетъ въ продолженіе 1794 года, но въ то же время онъ отдаетъ справедливость французамъ, хваля ихъ энергію, удивляясь ихъ громаднымъ средствамъ при веденіи войны съ Англіею и другими державами (328). Слѣдя за частностями войны и за разными явленіями внутренней политики Франціи, онъ сожалѣлъ о томъ, что у французовъ „не хватитъ силы для того, чтобы вернуться къ прежней монархической формѣ правленія, при которой они были счастливы" (338). Узнавъ о кончинѣ несчастнаго сына Людовика XVI, Семенъ Романовичъ старался склонить англійское правительство къ тому, чтобы оно признало графа Прованскаго королемъ Людовикомъ XVIII (342). Когда, однако, вскорѣ послѣ этого былъ обнародованъ безтактный манифестъ этого претендента, Семенъ Романовичъ подвергнулъ этотъ документъ строгой критикѣ и опять-таки сильно нападалъ на эмигрантовъ, приверженцевъ Людовика XVII. Въ письмѣ отъ 4-го декабря 1794 г. сказано: „Еслибы Людовикъ XVIII былъ разумнѣе, онъ непремѣнно оставался бы въ выигрышѣ; онъ, однакоже, походитъ на человѣка, который, желая переѣхать изъ одной квартиры на другую, бросаетъ свои лучшія зеркала изъ окна на улицу, чтобы выиграть время, вмѣсто того, чтобы приказать ихъ нести осторожно по лѣстницѣ" (349). Весьма остроумны письма Воронцова о французскихъ бумажныхъ дѣлахъ, о сочиненіи Берье, направленномъ противъ Франціи, о военныхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога Карла, о малодушіи Франца II, и пр.

VI.

Письма Семена Романовича къ брату, относящіяся къ царствованію Павла I (X, 1—94), какъ источникъ для изученія этой эпохи, заслуживаютъ также полнаго вниманія.

Первыя правительственныя распоряженія этого государя произвели благопріятное впечатлѣніе на Воронцова (3). Нигдѣ въ письмахъ послѣдняго не выражено сожалѣнія о кончинѣ Екатерины. Возвращеніе изъ ссылки Радищева обрадовало Семена Романовича (5); зато его озадачивало отправленіе въ ссылку кня-

гини Дашковой (6). Онъ самъ сначала пользовался расположеніемъ государя, которому генералъ Измайловъ тотчасъ же послѣ кончины Екатерины сообщилъ объ образѣ дѣйствій молодого Воронцова во время государственнаго переворота 1762 г. (10). При Екатеринѣ ея фавориты, Мамоновъ, Потемкинъ, Зубовъ, не благопріятствовали Семену Романовичу (12). Теперь же, при имп. Павлѣ, его друзья, Ростопчинъ и Безбородко, игравшіе оба весьма важную роль при дворѣ и пользовавшіеся довѣріемъ государя, могли дѣйствовать въ его интересахъ. Однако онъ не желалъ вернуться въ Россію, и поэтому не принялъ предложенія сдѣлаться вице-канцлеромъ или канцлеромъ, или воспитателемъ великаго князя Николая Павловича (VII, 34, 39).

Вскорѣ произошли однако событія, которыя не могли не внушать Семену Романовичу серьезныхъ опасеній. Быть можетъ, не всѣ замѣчанія о Павлѣ I въ письмахъ къ Александру Романовичу напечатаны. Въ письмахъ къ другимъ лицамъ, напр. къ Кочубею, Новосильцову и пр., встрѣчаются весьма рѣзкіе отзывы объ императорѣ Павлѣ. Сообщая брату о полученіи отставки, Семенъ Романовичъ выражается скромно и почтительно (75). Когда Александръ Романовичъ предложилъ ему сумму 40.000 рублей, онъ не взялъ этихъ денегъ (86); вскорѣ однако онъ узналъ о секвестрѣ, наложенномъ, по приказанію имп. Павла, на всѣ его имѣнія. При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться тому, что его чрезвычайно обрадовало извѣстіе о воцареніи императора Александра. Лѣтомъ 1801 г., онъ писалъ о Павлѣ I: „Я ни въ чемъ не обвиняю этого несчастнаго государя; за многое отвѣчаетъ Кутаисовъ; я убѣжденъ, что покойный государь имѣлъ несчастіе быть помѣшаннымъ; дѣйствительно придерживаясь этого мнѣнія, я считаю его столь же мало виновнымъ, сколько можно обвинять ребенка, изранившаго и себя, и другихъ бритвою, которую онъ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни, и о назначеніи которой онъ не имѣетъ понятія. У меня есть письма Панина, писанныя при жизни этого государя, и въ которыхъ говорится о сумасшествіи и пр., но я не могу употреблять во зло частную и дружескую переписку“ (110). Въ другихъ письмахъ Семена Романовича встрѣчаются болѣе сильныя выраженія объ эпохѣ царствованія Павла [1]).

При Екатеринѣ нѣкоторая часть писемъ Семена Романовича

[1]) Такъ, напр., въ письмѣ къ брату отъ 3-го декабря 1801 г. говорится о „règne doux et juste (Александра), qui a succédé à un autre, dont la tyrannie n'a pas d'exemple et dont l'affreuse mémoire ne s'effacera jamais parmi les russes, tant que cette nation existera“ (152).

къ брату, какъ мы видѣли, имѣла характеръ и значеніе дипломатическихъ реляцій, потому что путемъ такихъ частныхъ писемъ, въ которыхъ подробно говорилось о политическихъ дѣлахъ, русскій дипломатъ чрезъ брата сообщалъ самой императрицѣ разныя частности о состояніи важныхъ вопросовъ, а также и свои соображенія и взгляды насчетъ разныхъ предметовъ. При императорѣ Павлѣ графъ Александръ Романовичъ не участвовалъ въ дѣлахъ. Онъ уже въ послѣднее время царствованія Екатерины удалился отъ двора. Теперь также онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ государемъ и проживалъ все время въ имѣніи. Поэтому письма къ нему Семена Романовича въ это время имѣютъ исключительно характеръ частной бесѣды. Субъективный элементъ при отзывахъ о лицахъ, при сужденіи о дѣлахъ занимаетъ тѣмъ болѣе видное мѣсто.

Особенно часто въ это время въ письмахъ Семена Романовича встрѣчаются отзывы о разныхъ сановникахъ, находившихся при дворѣ. Такъ, напримѣръ, говорится нѣсколько разъ о Ростопчинѣ, котораго Воронцовы уважали за умъ и способность и за привязанность къ нимъ этого царедворца (8, 12, 20). Когда Ростопчинъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Семенъ Романовичъ былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ. Зато онъ осуждалъ Ростопчина вскорѣ послѣ этого за нѣсколько натянутыя отношенія его къ Безбородкѣ и Кочубею, съ которыми Воронцовы находились въ тѣсной дружбѣ (39). Кочубей сдѣлался вице-канцлеромъ, но недолго пользовался довѣріемъ государя и вскорѣ былъ удаленъ отъ дѣлъ, о чемъ крайне сожалѣли Воронцовы (70).

Семенъ Романовичъ продолжалъ говорить въ письмахъ къ брату о Франціи и Англіи, о борьбѣ противъ революціи; онъ писалъ между прочимъ о дѣйствіяхъ англійскаго флота, о Наполеонѣ и его пребываніи въ Египтѣ и пр. Такъ какъ отношенія между Россіею и Англіею во время царствованія Павла сдѣлались натянутыми, Семену Романовичу приходилось бороться съ разными затрудненіями. Оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ руководствоваться инструкціями, которыя присылались изъ Петербурга, и въ то же самое время не нарушать настоящихъ интересовъ Россіи. Русскій флотъ долженъ былъ дѣйствовать за-одно съ англійскимъ, однако русское правительство вдругъ распорядилось о возвращеніи эскадры въ Балтійское море, и эта мѣра оказалась несоотвѣтствующею обстоятельствамъ. Объясненія Семена Романовичу по этому предмету въ письмѣ къ брату любопытны (19).

Рѣзкія выраженія о Франціи продолжаются и въ это время (см., напр., 21), когда французы мечтали о дессантѣ въ Англіи; впрочемъ Семенъ Романовичъ считалъ положеніе Англіи совершенно безопаснымъ. Онъ не переставалъ проповѣдывать общую войну противъ революціи, чрезвычайно опасной, по его мнѣнію, для монархическаго начала во всей Европѣ (28). Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за военными дѣйствіями, Семенъ Романовичъ ожидалъ, что Бонапартъ погибнетъ въ Египтѣ. Его предположенія оказались лишенными основанія. Однако его разсужденія на этотъ счетъ (40) заслуживаютъ вниманія. Въ 1799 г. онъ писалъ между прочимъ о побѣдахъ Суворова, (51, 53, 57): „Ты не можешь вообразить себѣ, какъ здѣсь восхищаются подвигами Суворова. Онъ и Нельсонъ могутъ считаться идолами англійскаго народа. Ежедневно пьютъ за здоровье обоихъ и во дворцахъ, и въ трактирахъ, и въ хижинахъ. Нашего государя обожаютъ, и наши войска считаются лучшими въ мірѣ“, и пр. (57). Зато русскія войска въ Голландіи дѣйствовали неудачно, и Семенъ Романовичъ горько жаловался на командировъ, которыхъ считалъ неспособными (60, 41). Любопытны замѣчанія Семена Романовича, опытнаго въ военныхъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ французовъ и австрійцевъ въ Верхней Италіи (65, 69 и пр.); особенно его раздражали образъ дѣйствій австрійцевъ въ Швейцаріи и неудача Корсакова, которую онъ приписывалъ безсилію и равнодушію австрійцевъ (69). Въ февралѣ 1800 г. Семенъ Романовичъ писалъ подробно о Людовикѣ-Филиппѣ, который, побывавъ въ Америкѣ, явился въ Англіи и искалъ сближенія съ графомъ Артуа. Русскій дипломатъ былъ приглашенъ къ обѣду у послѣдняго вмѣстѣ съ Людовикомъ-Филиппомъ и его двумя младшими братьями (72). О Наполеонѣ сказано въ письмѣ отъ 11-го февраля 1800 г.: „Его всѣ во Франціи ненавидятъ, и развѣ только войско въ Парижѣ и окрестностяхъ расположено въ его пользу. Его карьера скоро кончится“ (73).

Говорится также и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ русскимъ правительствомъ въ это время. Такъ напр., Семенъ Романовичъ порицалъ распоряженія по банковому дѣлу (41), запрещеніе выдавать паспорты иностранцамъ, желающимъ отправиться въ Россію (56), доказывалъ, что Россія не можетъ обойтись безъ англійскихъ садовниковъ, нянекъ, пастуховъ, рабочихъ, конюховъ и пр., и что англичане нисколько не опасны (57), ратовалъ противъ измѣненій въ русскомъ тарифѣ (88) и пр.

VII.

Переписка С. Р. Воронцова съ братомъ продолжалась и во время царствованія императора Александра. Его обрадовало извѣстіе о приглашеніи ко двору Александра Романовича, вскорѣ занявшаго мѣсто канцлера. Понятно, что въ это время въ письмахъ Семена Романовича къ брату часто говорится о юномъ государѣ. Оба брата восхищались способностями, любезнымъ нравомъ и идеализмомъ императора Александра (97) и изъявляли полную готовность быть его сотрудниками. Семену Романовичу казалась дѣломъ опаснымъ скромность государя, неупотребленіе имъ широкой самодержавной власти; онъ не считалъ удобною и полезною перемѣну въ государственномъ строѣ Россіи; такого же мнѣнія былъ и Александръ Романовичъ (99—101). На этотъ счетъ любопытны разсужденія въ письмѣ С. Р. Воронцова отъ 14-го іюня 1801. Тутъ говорится о необходимости окружить государя дѣльцами, опытными и благонамѣренными людьми, причемъ Семенъ Романовичъ жалуется на недостатокъ въ такихъ сановникахъ, какихъ имѣлъ Петръ Великій (173—174). Болѣе всего Воронцовъ удивлялся необычайной рабочей силѣ юнаго государя. Зато ему не понравилось то обстоятельство, что императоръ Александръ обмѣнивался частными письмами съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III: „Если эта интимная и секретная переписка будетъ продолжаться,—сказано въ письмѣ Семена Романовича,—то, вѣроятно, берлинскій кабинетъ употребитъ ее во зло, какъ и уже нынѣ замѣчено злоупотребленіе. Въ этихъ интимныхъ и яко бы частныхъ сношеніяхъ нѣтъ взаимности; императоръ пишетъ de bonne foi, между тѣмъ какъ слабый король подчиняется вліянію хитраго Гоугвица и Ломбара; они для него сочиняютъ письма, которыя онъ списываетъ собственноручно. У насъ никто не видитъ этихъ писемъ, между тѣмъ какъ письма императора читаются прусскими министрами и даже сообщаются Талейрану и Бонапарте. Нельзя не сожалѣть о томъ, что государь рѣшился переписываться партикулярно даже съ Бонапарте, который также злоупотребляетъ такимъ довѣріемъ", и пр. Объясняя мѣру опасности такихъ частныхъ корреспонденцій вообще и выставляя на видъ, что менѣе всего слѣдуетъ вступать въ сношенія съ такою загадочною личностью, какъ Бонапарте, Семенъ Романовичъ приходитъ къ такому заключенію: „Суверены должны писать лишь оффиціальные документы (des pancartes publiques comme sont les lettres de créance et de notification), предоставляя

министрамъ отъ ихъ имени переписываться о дѣлахъ" (197—198). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ іюлѣ 1803 г., Семенъ Романовичъ, упоминая опять объ этихъ частныхъ сношеніяхъ императора Александра съ Наполеономъ, замѣчаетъ: „У государя недостаетъ опытности; онъ не знаетъ, сколь опасны и вредны такіе двойные переговоры; есть даже люди, думающіе, что Бонапарте пишетъ императору чрезъ Хитрово; но я не вѣрю этому. Впрочемъ я тебѣ сообщилъ свое мнѣніе объ этой перепискѣ государя съ Бонапарте и прусскимъ королемъ. Очень жаль, что ты не показывалъ моего письма государю; нужно сдѣлать все возможное для охраненія его отъ опасностей, неминуемо возникающихъ отъ этихъ секретныхъ и дружескихъ корреспонденцій, иначе онъ останется обманутымъ" (il en est complétement la dupe) (212—213). Въ другомъ письмѣ Семенъ Романовичъ порицалъ чрезмѣрную щедрость государя, раздававшаго большія награды за неважныя услуги. „Какъ же наградятъ,—сказано тутъ,—за настоящія важныя услуги, оказанныя государству, или за охрану отечества въ случаѣ войны? Cela fait pitié en vérité!" (219—220).

Во всемъ этомъ слышится нѣкоторое разочарованіе. Воронцовъ даже мечталъ объ удаленіи отъ дѣлъ. Онъ писалъ однажды: „Я бы оставилъ службу; мнѣ надоѣли дѣла; впрочемъ я доволенъ; я могу лишь хвалить государя и особенно князя Чарторыжскаго [1]); но мнѣ все опротивѣло уже въ послѣднее время царствованія покойной императрицы, а царствованіе Павла еще болѣе усилило мое отвращеніе къ дѣламъ" (230).

Въ первое время царствованія императора Александра I графъ Н. П. Панинъ руководилъ внѣшнею политикою. Съ нимъ С. Р. Воронцову приходилось переписываться о дѣлахъ. Однако онъ какъ-то не довѣрялъ Панину и нерѣдко сильно сталкивался съ нимъ. Въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на Панина, подозрѣвая, между прочимъ, что послѣдній распечатываетъ и читаетъ его письма къ Александру Романовичу. Оказалось, что Панинъ позволяетъ себѣ распечатывать письма и пакеты, адресованные къ англійскому послу въ Петербургѣ (110, 117). Въ Англіи такая нескромность считалась вопіющимъ фактомъ, и министръ Гоксбёри (Hawkesbury) въ бесѣдѣ съ Воронцовымъ жаловался на этотъ образъ дѣйствій русскаго сановника. Получая разныя инструкціи отъ Панина, Семенъ Романовичъ былъ недоволенъ ими, не соглашался съ его взглядами и постоянно обви-

---

[1]) Завѣдывавшаго въ то время внѣшнею политикою.

нялъ его въ коварствѣ (121). Онъ порицалъ самолюбіе и честолюбіе Панина и слогъ составляемыхъ имъ записокъ, и повторялъ, что для Россіи такого министра должно считать несчастіемъ (124). Жалобы на Панина занимаютъ много мѣста въ письмахъ Семена Романовича. Особенно его раздражало то обстоятельство, что важныя дѣла обсуждались не въ совѣтѣ императоровъ, а въ частной бесѣдѣ между государемъ и Панинымъ (136). Напрасно Александръ Романовичъ просилъ брата отзываться осторожнѣе о Панинѣ и не обнаруживать слишкомъ открыто враждебнаго образа мыслей (141). Семенъ Ѳомановичъ не переставалъ нападать на министра не только въ частныхъ письмахъ къ другимъ лицамъ, но и въ перепискѣ съ самимъ Панинымъ. Такъ, напр., онъ его упрекалъ въ томъ, что Панинъ не сообщалъ ему достаточно подробно о переговорахъ съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ (144) и т. п. Впрочемъ Панинъ не долго оставался министромъ; но и послѣ его удаленія отъ дѣлъ Воронцовъ не переставалъ говорить о „гнусныхъ поступкахъ" Панина (157).

Во всемъ этомъ видна раздражительность Семена Романовича. Къ тому же правительство вообще не придерживалось тѣхъ правилъ, которыя онъ проповѣдывалъ. Сближеніе Россіи съ Пруссіею сильно ему не понравилось. Переписка императора Александра съ Наполеономъ казалась ему вопіющимъ фактомъ. Онъ ненавидѣлъ Францію и ея диктатора.

Живя въ Англіи, Воронцовъ, какъ уже выше было сказано, не могъ не сравнивать высокой цивилизаціи въ западной Европѣ со многими недостатками государственнаго и общественнаго строя въ Россіи. Неоднократно онъ въ письмахъ къ брату возвращался къ этому предмету. Такъ, напр., онъ указывалъ на необходимость созданія путей сообщенія въ Россіи, какъ на важнѣйшее условіе развитія народнаго богатства, причемъ онъ ссылался на мнѣніе аббата Галіани (129); по его мнѣнію, въ Россіи недостаточно заботились объ этомъ предметѣ. Поѣздка въ Россію въ 1802 г. не заставила Семена Романовича измѣнить свой взглядъ на родину. Возвращаясь въ Англію въ концѣ 1802 г., онъ удивлялся успѣхамъ внутренняго управленія въ Пруссіи, и въ письмѣ къ брату хвалилъ дѣятельность прусскихъ министровъ; сравнивая дороги, устройство почтъ, сельское хозяйство, народное благосостояніе въ Пруссіи со всѣмъ этимъ въ Россіи, онъ находилъ многіе недостатки въ послѣдней и писалъ: „Мы, вѣроятно, во всей Европѣ одни останемся лишенными всѣхъ этихъ выгодъ и сохранимъ видъ народа неустроеннаго (d'une nation non policée) и

неумѣющаго извлечь пользу изъ сокровищъ народнаго богатства (laissant étouffer nos richesses naturelles)“ (177).

Въ то время, когда Семенъ Романовичъ былъ въ Россіи, его братъ уже занималъ должность канцлера. Поэтому въ письмахъ, писанныхъ послѣ пребыванія Семена Романовича на родинѣ, говорится подробно о дѣятельности Александра Романовича, о томъ, какъ государь съ нимъ работаетъ, о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ канцлеромъ (173, 204, 228). Зато С. Р. Воронцовъ оставался недовольнымъ другими сановниками. Такъ, напр., онъ рѣзко порицалъ образъ дѣйствій русскаго резидента въ Регенсбургѣ, Бюлера (182), нападалъ на графа Н. Румянцова (183), осуждалъ образъ дѣйствій Державина въ сенатѣ (203, 218), находилъ, что въ Россіи нѣтъ правосудія, законности, правильнаго хода дѣлъ, и сожалѣлъ о томъ, что государю недостаточно извѣстно о всѣхъ этихъ недостаткахъ [1].

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе писемъ Воронцова къ брату. Нельзя не признать, что именно интимный, частный характеръ этой переписки, въ которой государственныя дѣла занимаютъ столь видное мѣсто, придаетъ ей особенную прелесть. Отзывы о лицахъ и фактахъ отличаются, правда, крайнею субъективностью, мѣстами—отсутствіемъ безпристрастія; однако вообще авторъ этихъ писемъ производитъ впечатлѣніе умнаго государственнаго дѣятеля и горячаго патріота. С. Р. Воронцовъ не могъ ожидать, что его письма современемъ будутъ напечатаны. При оцѣнкѣ ихъ содержанія должно имѣть въ виду это обстоятельство.

А. Р. Воронцовъ умеръ въ концѣ 1805 г. Можно думать, что переписка его съ братомъ продолжалась до самой его кончины; между тѣмъ въ десятомъ томѣ „Архива кн. Воронцова“ позднѣйшее письмо Семена Романовича относится еще къ концу 1804 года.

А. Брикнеръ.

---

[1] Вотъ примѣръ негодованія Семена Романовича: „Tout est faible, contradictoire et décousu chez nous, excepté (et cela grâce à vous seul) nos rapport avec les puissances étrangères“ (205). Въ другомъ мѣстѣ: „Peut on appeler gouvernement régulier là, où la justice n'est qu'une injustice perpétuelle, ayant à sa tête un poète fougeux (Державинъ), sans jugement, d'un caractère entreprenant et vindicatif, qui non seulement a secoué toute responsabilité, mais a assujetti même le sénat, qui devait avoir une surveillance légale sur lui et qu'il a assujetti en l'insultant par écrit“ (208).

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Поэма В. Сырокомли.

Да, случается вдругъ,
Что болѣзненный звукъ
Я изъ лиры своей извлекаю;
Сердце гложетъ печаль,
Словно острую сталь
Я въ его глубинѣ ощущаю.

— Гдѣ ты звуки взяла?
Гдѣ ихъ слышать могла?
И отвѣтила лира поэту:
— Я правдиво пою,
Шепчетъ пѣсню мою
Буйный вѣтеръ, что̀ ходитъ по свѣту!

I.

УТРО.

Наступаетъ праздникъ Божій,
И въ лазури неба чистой
Свѣтитъ солнышко пригожѣй
Изъ-за тучки золотистой.
Вѣетъ тихимъ дуновеньемъ
Теплый вѣтеръ, и красиво
Поднялася за селеньемъ
Зеленѣющая нива.

Пролетая надъ холмами,
Ангелъ вѣсть несетъ долинѣ:
—Дѣти! Миръ Господень съ вами!
Воскресенья праздникъ нынѣ.

Зеленѣетъ луговина—
Ждетъ къ себѣ съ зарею стадо,
И мычитъ уже скотина,
Утру солнечному рада.
Поднялися пышно травы,
Всѣ цвѣтами запестрѣли,
И несется изъ дубравы
Звукъ пастушеской свирѣли.
Съ высоты креста Господня
Льется жаворонка пѣнье,
Какъ молитва... вѣдь сегодня
Праздникъ общій—воскресенье.

Раздается на разсвѣтѣ
Скрипъ колесъ у хаты Яна,
И шумятъ босыя дѣти,
Пробудяся утромъ рано.
Янъ давно уже въ амбарѣ,
Мѣритъ рожь свою мѣшками,
Чтобъ сегодня на базарѣ
Сбыть торговцамъ съ барышами.
Онъ сбирается въ дорогу
Безъ тревогъ и опасенья,
Городъ близко, слава Богу,
А сегодня воскресенье.

Нѣтъ зерна въ закромахъ болѣ,
Опустѣли всѣ боченки,
Продаешь же по-неволѣ,
Коль семьѣ нужны деньжонки.
Вотъ жена кричитъ, что нужно
Соли въ домѣ, ребятишки
Всѣ къ отцу пристали дружно,
Чтобъ привезъ съ базара книжки.
—Нынче рожь продамъ дороже,
Лишь имѣйте вы терпѣнье,

Будетъ соль и книжки тоже,
Вѣдь сегодня воскресенье.

Янъ садится, и возжею
Тронулъ лошадь:—Эй, гнѣдая!—
И бѣгутъ за нимъ гурьбою
Ребятишки, провожая.
Янко ѣдетъ шагомъ скорымъ,
Чтобъ вернуться до заката:
—Съ Богомъ, съ Богомъ, батя!—хоромъ
Вслѣдъ кричать ему ребята.
Мимо храма проѣзжая,
Шапку снялъ онъ въ умиленьѣ
И сказалъ себѣ вздыхая:
—Вѣдь сегодня воскресенье.

Людъ сзывая богомольный,
Далеко по сельской пашнѣ
Звонъ несется колокольный.
Что же это? Вдругъ на башнѣ,
Звону радостному вторя,
Крикъ совы раздался смѣло—
Предвѣщанье зла и горя!
Какъ кричать она посмѣла?
Кто же далъ ей позволенье
Такъ безчинствовать сегодня—
Въ утро праздника Господня,
Въ день желанный воскресенья?..

II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ СЪ БАЗАРА.

—Все спустилъ, денегъ нѣтъ!
Ну, такъ что жъ за бѣда?
Угощаетъ сосѣдъ—
Я отвѣчу всегда!
Чарку—онъ, чарку—я,
Стало сразу легко...
Ну, лошадка моя,
Шевелися, гнѣдко́!

Сторонись! я хмельной!
Сторонись! Господамъ
Стыдъ и знаться со мной...
Богъ разсудитъ насъ тамъ!
Спроситъ всѣхъ Судія:
„Кто бѣднякъ? Кто богачъ?
Гдѣ, молъ, совѣсть твоя?“
Эй, лошадушка, вскачь!

Тпру! Постой предъ шинкомъ!
Трубку выкурить, что-ль?
Бѣсъ мигаетъ глазкомъ...
Выпить чарку?.. Изволь!
Какъ ужъ тамъ ни верти—
Бѣсъ сильнѣе всегда...
Эй, лошадка, кати!
Веселѣе... Гайда̀!

Ну, жена, не бранись,
Нынче соль дорога,
Безъ нея обойдись—
Вотъ и вся недолга.
Эхъ! забылъ—виноватъ—
Книги взять для дѣтей!
Будетъ вой у ребятъ...
Ну, лошадка, живѣй!

Проку мало притомъ
И въ ученьѣ для насъ:
Будешь вѣкъ мужикомъ,
Да напьешься подчасъ.
А случися наборъ—
И ушлютъ далеко!
Впереди—косогоръ,
Шевелися, гнѣдко̀!

Вотъ и крестъ на пути,—
Я жъ—пьянѣе вина!
Боже, Боже, прости,
Одолѣлъ сатана!
Теменъ я—вотъ бѣда,
Загублю и дѣтей,

Ждетъ ихъ та же нужда...
Эй, лошадка, живѣй!

Громъ гремитъ... Почему
Раздробило грозой
Не еврея корчму,
А дубокъ молодой?..
Безъ того два шинка
По дорогѣ одной
Тянутъ кровь мужика!..
Эй, лошадка, домой!

Изъ-за синихъ холмовъ
Показалось село...
Конь рванулся—и въ ровъ
Я упалъ тяжело!
Все покрылося тьмой...
Встать хочу—и не смогъ!..
. . . .
Конь вернулся домой,
Не вернется сѣдокъ!

III.

ВЕЧЕРЪ.

Солнце скрылось за холмами,
Клонится къ закату,
Золотя на мигъ лучами
Старенькую хату.
Вѣетъ нѣгою прохладной
Вѣтерка дыханье
И затеплилось отрадно
Огоньковъ мерцанье.
Опустилося неслышно
Покрывало ночки,
Спятъ колосья въ нивѣ пышной,
Дремлютъ и цвѣточки.
Люди вышли за ворота—
Шутки, смѣхъ и пѣнье...

Дома быть кому охота
  Въ вечеръ воскресенья?

Возвратилися отàры,
  Ихъ загнать успѣли,
И пастухъ играетъ старый
  Тихо на свирѣли.
Въ небесахъ вечернихъ ярко
  Звѣздочка сіяетъ;
У креста съ молитвой жаркой
  Женщина рыдаетъ!..
Вотъ народъ собрался вскорѣ,
  Полный сожалѣнья...
Да, принесъ съ собою горе
  Вечеръ воскресенья!

У корчмы кипитъ веселье,
  Выпиваютъ шибко,
И замѣтно, что съ похмелья
  Завралася скрипка...
Тише! Звонъ раздался ровный
  Эхомъ похороннымъ!
Душу колоколъ церковный
  Надрываетъ стономъ...
Янко, ѣдучи въ селенье
  Подгулявъ съ базара—
Ты не ждалъ ужъ безъ сомнѣнья
  Смерти отъ удара?
Эхъ! никто не знаетъ, Боже,
  Часа преставленья,
И не всѣ увидятъ тоже
  Вечеръ воскресенья!

Э. Михайлова.

ИЗЪ
ИСТОРІИ ЦЕХОВЪ
У НАСЪ И ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

На разныхъ ступеняхъ культуры, въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ возникаетъ промышленность, мы находимъ обыкновенно три или четыре цеха. Съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается, и тогда мы находимъ непремѣнно семь или двѣнадцать цеховъ. Даже впослѣдствіи, когда число это увеличивается въ данномъ городѣ, четыре, семь или двѣнадцать цеховъ все еще играютъ преобладающую роль. По изслѣдованіямъ Кастіани, среди голофовъ въ Африкѣ мы встрѣчаемъ четыре ремесленныхъ корпораціи—кузнецовъ, башмачниковъ и кожевниковъ (составляющихъ одну корпорацію), рыбаковъ и пѣвцовъ (музыкантовъ). Въ Каартѣ (въ Африкѣ) также существуютъ четыре ремесленныхъ цеха: портныхъ, кожевниковъ, ткачей и пастуховъ. Вообще у негровъ четыре профессіональныхъ группы составляютъ обычное явленіе. Въ Индіи во многихъ общинахъ существуютъ двѣнадцать ремесленныхъ корпорацій. Во многихъ мусульманскихъ странахъ существуетъ отъ семи до двѣнадцати ремесленныхъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего небеснаго патрона. Такъ, миѳическій цирюльникъ Магомета, Салманъ-Панъ, считается патрономъ цирюльниковъ; Даудъ или Давидъ—патрономъ кузнецовъ; Неби-Шидъ—ткачей; Хабибъ—столяровъ; Неби-Эдрисъ—портныхъ, и т. д. Въ городахъ прусской марки существованіе четырехъ цеховъ (Viergewerke)—сукнодѣловъ,

сапожниковъ, пекарей и мясниковъ—констатировано въ очень раннія времена. Представители четырехъ выдающихся цеховъ (der vier grossen Aemter)—пекарей, кузнецовъ, портныхъ и сапожниковъ—очень долго играли преобладающую роль въ Любекѣ, причемъ остальные цехи считались зависящими отъ этихъ четырехъ цеховъ. То же самое встрѣчается и во многихъ другихъ городахъ Германіи. Въ Пизѣ мы находимъ семь цеховъ: ткачей, башмачниковъ, шапочниковъ, кузнецовъ, ремесленниковъ, производящихъ стальныя издѣлія, кабатчиковъ, содержателей постоялыхъ дворовъ. Во Флоренціи число цеховъ простирается до двадцати-одного, но изъ ихъ среды выдѣляются семь высшихъ цеховъ. Въ Гентѣ мы находимъ въ 1164 г. четыре цеха: шерстобитовъ, суконодѣловъ, рыбаковъ и мясниковъ. Въ Брюггѣ мы находимъ четыре цеха: рыбаковъ, мясниковъ, маклеровъ и корабельщиковъ. Во Флоренціи въ 1266 г. было двѣнадцать цеховъ, изъ которыхъ большими считались семь цеховъ: правовѣдовъ, оптовыхъ продавцовъ сукна, мѣнялъ, ткачей, врачей, ремесленниковъ, шелковыхъ издѣлій, скорняковъ и продавцовъ сукна въ розницу; меньшими считались мясники, башмачники, плотники, столяры, кузнецы и слесари. Въ Шпейерѣ мы находимъ въ началѣ XIV-го в. двѣнадцать цеховъ.

Дифференцированіе цеховъ вызывалось, конечно, потребностью въ появленіи новой отрасли производства; но еще въ гораздо большей мѣрѣ оно вызывалось наслѣдственною привычкою данной группы ремесленниковъ производить извѣстнаго рода издѣлія или употреблять извѣстныя орудія производства, такъ что для производства другихъ издѣлій того же ремесла или для примѣненія новыхъ орудій производства требовалось возникновеніе новаго цеха. Этимъ объясняется существованіе цѣлой массы цеховъ одного и того же ремесла, причемъ этому дифференцированію въ весьма незначительной мѣрѣ способствовало обиліе работы и, слѣдовательно, необходимость сильнаго раздѣленія труда, что видно, между прочимъ, изъ постоянныхъ столкновеній между цехами изъ-за того, что издѣлія одного цеха задѣвали предѣлы, отмежеванные другимъ цехамъ. Такъ, между прочимъ, башмачники раздѣлились на ремесленниковъ, производившихъ новыя издѣлія (Neumeister), занимавшихся починкою (Schuhflieker) и, наконецъ, изготовлявшихъ туфли. Каждая группа составляла особый цехъ, между прочимъ, въ Любекѣ. Однородное дѣленіе существовало въ Бременѣ, а именно цехъ ремесленниковъ, приготовлявшихъ черные башмаки (hi qui nigros calceos operantur), затѣмъ обыкновенные башмачники (Allutarii), отличав-

шіеся отъ первыхъ тѣмъ, что они не дѣлали черныхъ башмаковъ, и, наконецъ, приготовлявшіе туфли (Pantoffelmacher). Отъ всѣхъ этихъ цеховъ отличались, конечно, кожевники, которые, однако, находились съ башмачниками въ постоянной борьбѣ, такъ какъ башмачники имѣли право сами выдѣлывать кожу, необходимую для издѣлій, а также продавать черную кожу. Въ виду постоянныхъ столкновеній между черными и обыкновенными башмачниками, вызывавшихъ жалобы, споры, взаимные убытки и драки, эти два вида башмачниковъ вынуждены были, наконецъ, въ 1388 году соединиться и составить одинъ цехъ. Въ документѣ, которымъ объединяются оба цеха, прямо указываются мотивы, вызвавшіе стремленіе къ объединенію—quod propter diversitatem et divisionem ipsorum duorum officiorum quam plurima taedia, dispendia, litigia, querelae et incommoda evenissent civibus nostris et praecipue officiatis in officiis supradictis. Подобные же мотивы вызвали соединеніе цеха башмачниковъ съ цехами, изготовлявшими туфли, въ 1635 г., т.-е. послѣ продолжительной, болѣе чѣмъ двухвѣковой борьбы. Во вступленіи къ акту соглашенія прямо указывается, что между обоими цехами происходили постоянные недоразумѣнія и споры, такъ какъ башмачники обвиняли цехъ, приготовлявшій туфли, въ томъ, что послѣдній производитъ издѣлія башмачнаго ремесла, и такимъ образомъ лишаетъ башмачниковъ работы. Но если споры между различными видами башмачниковъ могли кончиться сравнительно мирнымъ образомъ, хотя бы послѣ продолжительной борьбы, то споры между башмачниками и кожевниками должны были вызывать непрерывные споры, которымъ, по самому существу этихъ споровъ, не могло быть положено предѣла. Такъ, между прочимъ, цехъ кожевниковъ жалуется въ 1444 г. на одного башмачника за то, что онъ дубилъ кожу для посторонняго лица, и что онъ продалъ дубленую кожу изъ своей лавки. По первой жалобѣ башмачникъ былъ оправданъ городскимъ совѣтомъ, такъ какъ онъ доказалъ, что самъ воспользовался приготовленной для издѣлія кожей. По второму пункту совѣтъ рѣшилъ, что хотя башмачникъ и вынужденъ былъ продать кожу, такъ какъ она могла бы испортиться, но что онъ подлежитъ штрафу за то, что продалъ кожу внѣ того мѣста, которое отведено для этой цѣли по статуту кожевниковъ. Бывали частыя столкновенія въ Бременѣ между башмачниками и торговцами. Такъ, башмачники жаловались въ 1509 г. на то, что торговцы продаютъ готовые башмаки, на что послѣдніе возразили, что они продаютъ несмазные сапоги. Городской совѣтъ призналъ, однако, что торговцы впредь имѣютъ право

продавать лишь переухи. Не лишено интереса, что въ городѣ Дюренѣ былъ цехъ башмачниковъ для дѣтей и цехъ башмачниковъ для взрослыхъ. Подобно башмачникамъ, и портные въ Любекѣ дѣлились на два цеха: изготовлявшій новыя издѣлія и починявшій старыя. Между прочимъ, портные, производившіе починку, имѣли право вставлять новые рукава въ старую куртку, приготовлять кожаныя куртки, и т. д. Понятно, что и они, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе постоянной борьбы, должны были соединиться и образовать въ 1514 г. одинъ цехъ. И, конечно, хорошо сдѣлали, такъ какъ извѣстно, что французскіе портные и продавцы стараго платья потратили 30 тысячъ франковъ судебныхъ издержекъ для рѣшенія вопроса о томъ, какое платье можетъ быть названо ношеннымъ, а какое—новымъ. Процессъ этотъ тянулся больше трехъ вѣковъ. Кузнецы, въ свою очередь, все болѣе и болѣе въ теченіе вѣковъ дифференцировались на разные цехи: гвоздарей, ножевщиковъ, слесарей, оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Послѣдніе съ теченіемъ времени опять распадались на цехи ремесленниковъ, изготовлявшихъ шлемы, щиты, косы и т. д. Любопытно, что чертой дѣленія между двумя цехами, изготовлявшими издѣлія кузнечнаго промысла, было, еще въ XVIII в., „употребленіе напильника, точно такъ же какъ клей отдѣлялъ спеціальность плотниковъ отъ столярнаго ремесла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣсъ произведенія служилъ демаркаціонной линіей между слесарной и кузнечной областями, тогда какъ спеціальность игольщиковъ ограничена была употребленіемъ молотка и щипцовъ“ (Alles was unter dem Hammer und den Zange kann und mag gezwungen werden).

Всѣ эти данныя даютъ совершенно достаточное объясненіе для тѣхъ фактовъ цеховой организаціи въ южной Россіи, которые отмѣчены уже въ „Изслѣдованіи о городахъ юго-западнаго края“ В. Б. Антоновичемъ. Такъ, въ уставѣ цеха портныхъ въ Каменцѣ (1723 г.) постановлено было, чтобы мастера, шьющіе гусарскіе костюмы, не осмѣливались поставлять женскую одежду—и обратно, притомъ особые мастера имѣли право подшивать шляпы, „кавалерскія и капланскія“, и т. д. Металлическія издѣлія были распредѣлены между восемью различными цехами: мастера одного дѣлали исключительно оловянные сосуды, другого—котлы, третьяго—жестяныя издѣлія, четвертаго — издѣлія изъ желтой мѣди, и т. п. И въ Пруссіи вплоть до XVIII-го в. въ области металлическаго производства царствовали такіе же порядки: существовали особые цехи, занимавшіеся исключительно производствомъ замковъ, производствомъ шпоръ, мелкими работами, относящимися

къ огнестрѣльному оружію, особые мастера подковъ, мастера холоднаго оружія, нѣсколько разрядовъ кузнецовъ и слесарей, шпажники или мастера, спеціально занимавшіеся оттачиваніемъ сабельныхъ клинковъ, ножевщики обыкновенные и мастера длинныхъ ножей, мастера буравчиковъ, особые мастера пилъ, мастера слесарныхъ и плотничьихъ инструментовъ; у мѣдниковъ опять различалось нѣсколько спеціальностей; у пуговщиковъ существовалъ особый цехъ, приготовлявшій англійскія оловянныя пуговицы, не говоря уже о спеціальныхъ цехахъ собственно слесарей, игольщиковъ, оловянщиковъ.

Не вызываемое потребностью, такое дифференцированіе мелкихъ производствъ, конечно, значительно тормазило развитіе ремесла, какъ въ южной Россіи, такъ и въ Европѣ, нисколько не обезпечивая благосостояніе ремесленниковъ многообразныхъ цеховъ, и намъ кажется, что Шмоллеръ, упустивъ изъ виду въ своей прекрасной работѣ о ходѣ развитія суконнаго и ткацкаго цеховъ именно ту консервативную жилку, которая лежала въ основѣ дифференцированія производствъ по цехамъ, и приписывая это дифференцированіе лишь прогрессу техники и требованіямъ рынка, во многихъ случаяхъ даетъ превратное понятіе о физіономіи этихъ производствъ во время господства цехового режима. Онъ, какъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, приписываетъ воздѣйствію внѣшнихъ условій и, главнымъ образомъ, событіямъ конца XV-го и начала XVI-го вѣка, то, что лежало въ основѣ цехового устройства съ самыхъ раннихъ временъ. Строгое разграниченіе различныхъ отдѣловъ ткацкаго производства, установляемое гентскими цеховыми статутами въ 1296 г., въ свою очередь подтверждаетъ выставленное нами положеніе. По этимъ статутамъ торговецъ шерстью не долженъ заниматься выдѣлкой шерсти, а также крашеньемъ шерсти и сукна. Суконодѣлъ не долженъ продавать шерсти оптомъ и не имѣетъ права заниматься окраской шерсти или сукна. Тотъ, кто изготовляетъ голубое, бѣлое или вообще сукно извѣстнаго цвѣта, долженъ воздерживаться отъ изготовленія полосатаго или пестраго сукна; тотъ, кто производитъ аппретуру полосатаго сукна, не долженъ производить аппретуры пестраго сукна; тотъ, кто владѣетъ красильней для голубого или другого цвѣта сукна, не имѣетъ права покупать шерсти или сукна для того, чтобы окрашивать ихъ. Онъ не имѣетъ также права продавать крашеное сукно. Очевидно, основною причиною такихъ пустыхъ запретовъ не могло служить ни стремленіе обезпечить средства существованія за каждымъ отдѣломъ ткацкаго производства, ни требованія надзора

за солидностью производства, какъ это утверждаетъ Шмоллеръ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣйствовали наслѣдственныя привычки, санкціонировались старинные порядки, вызванные постепенностью появленія извѣстныхъ способовъ производства. Если эти безобразія, существуя въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, тѣмъ не менѣе производили болѣе тяжелое впечатлѣніе въ позднѣйшія времена, или, вѣрнѣе, вызывали въ эти времена противодѣйствіе со стороны общества и государства, то лишь потому, что общество стало болѣе чувствительнымъ, а на мѣсто безформеннаго конгломерата различныхъ корпорацій, находившихся въ вѣчной борьбѣ между собою и состоявшихъ въ ленной зависимости, такъ сказать, отъ верховнаго властителя, явилась проникнутая духомъ абсолютизма правительственная власть, которая, съ одной стороны, сокрушала все независѣвшее отъ ея произвола, а съ другой стороны имѣла возможность обуздывать всякій чужой произволъ. Весьма, впрочемъ, возможно, что и число безобразій было сравнительно меньше въ болѣе раннія времена, чѣмъ въ XVIII в., такъ какъ ничто до того времени не препятствовало увеличенію ихъ въ ширь и въ глубь. Во всякомъ случаѣ, источниками цеховыхъ безобразій являются не внѣшнія, независящія отъ цеховой организаціи событія, а внутренній исконный строй цеховъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что физіономія цеховъ въ такъ-называемый періодъ упадка нисколько не отличалась отъ физіономіи цеховъ въ періодъ такъ-называемаго процвѣтанія ихъ по существу.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о столкновеніяхъ между однородными бременскими цехами можно видѣть, что они нисколько не уступали, по характеру своему, тѣмъ спорамъ, которые происходили, напр., во Франціи въ 1509—1628 г. между трудно переводимыми на русскій языкъ poulaillers и rôtisseurs о томъ, имѣютъ ли первые (птичники) право продавать жареныхъ птицъ,—или тѣмъ столкновеніямъ, которыя происходили въ Германіи и вызывали многочисленные процессы по вопросу о томъ, входятъ ли оконныя рамы въ составъ ремесла стекольщиковъ или столяровъ. Такъ, между прочимъ, въ статутѣ фрейбургскихъ стекольщиковъ отъ 1513 г. мы находимъ слѣдующія постановленія, которыя несомнѣнно должны были служить поводомъ къ многочисленнымъ раздорамъ: цирюльники и баньщики—сказано тамъ—по прежнему имѣютъ право производить починку стеклянныхъ издѣлій, но они штрафуются за дальнѣйшее посягательство на стеклянное производство; торговцы имѣютъ право по прежнему продавать цвѣтныя и оконныя стекла, но

только стекольщики могутъ продавать стаканы, причемъ торговцы не должны препятствовать тому, чтобы стекольщики пріобрѣтали стекло на сторонѣ, и т. д., и т. д. Страннымъ можетъ показаться дозволеніе цирюльникамъ и баньщикамъ производить починку стеклянныхъ издѣлій, но такое же постановленіе мы встрѣчаемъ въ Шпейерѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Очевидно, фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что во всѣхъ этихъ городахъ, какъ это извѣстно по отношенію къ Франкфурту, баньщики и цирюльники составляли вмѣстѣ со стекольщиками, малярами, сѣдельщиками— одинъ цехъ. Вотъ почему имъ и принадлежало право производить починку стеколъ. Тѣ ограниченія въ стекольномъ производствѣ, которыя налагаются на цирюльниковъ, баньщиковъ и брадобрѣевъ (представлявшихъ одно и то же ремесло) въ Шпейерѣ, дадутъ намъ возможность выяснить, какимъ образомъ брадобрѣи могли принадлежать къ одному цеху со стекольщиками, и вообще, какимъ образомъ въ раннія времена могли появиться цехи, составленные изъ лицъ, производившихъ нѣсколько ремеслъ. Въ Шпейерѣ баньщики и брадобрѣи имѣютъ право починять стекла въ крестьянскихъ домахъ: вынимать сломанное стекло и починить его. Если прибавимъ еще, что тѣ же брадобрѣи имѣли въ Шпейерѣ право дѣлать соломенныя и вообще плетеныя шляпы, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что эти права они пріобрѣли потому, что въ очень раннія времена получали заработокъ, странствуя по селамъ, что, словомъ, промыселъ заработковъ былъ отхожимъ промысломъ, и подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ среди лицъ, занимающихся у насъ отхожими промыслами, одинъ и тотъ же цехъ соединялъ въ себѣ лицъ, производившихъ нѣсколько ремеслъ, или же въ одномъ и томъ же цехѣ были соединены группы лицъ, изъ которыхъ каждая занималась отдѣльнымъ ремесломъ. Данныя, собранныя изслѣдователями нашихъ кустарныхъ промысловъ, проливаютъ свѣтъ на тѣ обстоятельства, благодаря которымъ происходила въ ранніе періоды культуры такая разносторонность ремесленнаго знанія въ однихъ и тѣхъ же лицахъ и такое соединеніе ремеслъ въ одной и той же корпораціи. Мы остановимся поэтому здѣсь нѣсколько ближе на этихъ данныхъ.

Въ четырехъ волостяхъ серпуховскаго уѣзда и одной волости подольскаго уѣзда, московской губерніи, существуетъ промыселъ картинщиковъ, которые въ то же время занимаются набивнымъ промысломъ. Вотъ какимъ образомъ произошло это соединеніе. „Сначала хозяева-набойщики со своими работниками ѣздили на извѣстныя мѣста только для того, чтобы тамъ заниматься набой-

кою холстины; но съ теченіемъ времени, чтобы извлечь больше выгоды изъ своей поѣздки въ дальніе края, они стали забирать съ собой разный мелкій товаръ, и преимущественно картины, которыя и распродавали по пріѣздѣ на мѣста, занимаясь въ то же время своимъ промысломъ. Мало-по-малу, между набойщиками такая торговля привилась настолько, что когда ситцы стали вытѣснять набойку, то наши набойщики постепенно перешли въ картинщиковъ. Между набивнымъ и картиночнымъ промысломъ до настоящаго времени сохраняется самая тѣсная связь; смотря по требованію обстоятельствъ, картинщикъ легко становится набойщикомъ, и наоборотъ, набойщикъ также легко становится картинщикомъ. При наймѣ работниковъ хозяева даже выговариваютъ такое условіе, что нанимающіеся берутся дѣлать все то, что̀ будетъ подходящѣе для хозяина, т.-е. или торговать картинами, или заниматься набойкою" [1]). Понятно, что лица, занимающіяся продажей картинъ по селамъ, въ то же время продаютъ и книжки дешевыхъ изданій, а на всякій случай забираютъ и ленточки, и крестики, и пуговки, и всякій другой мелочной товаръ. Такъ какъ этотъ мелочной товаръ имѣетъ меньшее значеніе въ ихъ торговыхъ операціяхъ, чѣмъ картинки, то поэтому они получили названіе картинщиковъ. Однороднымъ условіямъ, т.-е. невозможности прокормиться однимъ ремесломъ, и запросу, предъявляемому мѣстами странствованія ремесленниковъ, слѣдуетъ приписать то, что отхожіе каменьщики балахнинскаго уѣзда, нижегородской губерніи, то занимаются гончарнымъ промысломъ, то веретеннымъ промысломъ, то ложкарнымъ. Въ лѣтнюю пору каменьщики уходятъ работать по городамъ, зимой же, когда постройка домовъ пріостанавливается, становятся горшечниками [2]). Тѣ изъ каменьщиковъ, которые занимаются веретеннымъ промысломъ, въ свою очередь, весной и до поздней осени уходятъ на каменную работу; осенью же сходятся и садятся за свои станки готовить веретена. Такъ же поступаютъ каменьщики-ложкари: ложки они производятъ зимою; остальное время занимаются каменною работой и хлѣбопашествомъ. Такое же соединеніе работъ и распредѣленіе ихъ по временамъ года существуютъ у бронницкихъ и подольскихъ отхожихъ портныхъ (московской губ.). Большинство бронницкихъ портныхъ въ то же время и штукатуры; большинство подольскихъ—печники. Въ портняжныхъ мастерскихъ

[1]) „Промыслы московской губ.", т. VI, в. I, стр. 104, 105.
[2]) „Труды коммиссіи по изслѣд. куст. пром.", т. IX, 1883, стр. 2496.

они работаютъ только съ осени и до весны, затѣмъ весну и лѣто ходятъ на сторону въ качествѣ штукатуровъ и печниковъ.

Ничего удивительнаго, конечно, нѣтъ въ томъ, что кружевницы въ г. Торжкѣ, тверской губ., въ то же время и золотошвеи. „Нужда въ заработкахъ вынудила многихъ золотошвей перейти къ плетенію кружевъ... Переходъ отъ одного промысла къ другому былъ нетруденъ, вслѣдствіе сходства въ техникѣ обоихъ промысловъ. Какъ для одного, такъ и для другого необходимо предварительно составить и нарисовать узоры, потомъ изготовить и наколоть сколки. Дальнѣйшая работа хотя и имѣетъ совершенно различные результаты, но это искусство, по своей незамысловатости, пріобрѣтается скорѣе и легче изученія подготовительныхъ пріемовъ. Поэтому замѣна одного занятія другимъ, несмотря на крайній консерватизмъ и пристрастіе мастерицъ къ работамъ, издавна заведеннымъ, могла совершиться весьма легко и удобно. Слѣдствіемъ такого перехода оказалось полнѣйшее смѣшеніе промысловъ:.. Умѣя владѣть коклюшками такъ же хорошо, какъ шиломъ и иголкой (орудіями золотошвеи), понятно, что мастерицы въ настоящее время берутся за то изъ двухъ рукодѣлій, которое въ данную минуту обезпечиваетъ лучшій заработокъ“ [1]).

Но вотъ что удивительно, что кружевницы города Торжка довольно большими партіями уходятъ на кирпичные заводы подъ Петербургъ. Фактъ этотъ находитъ свое объясненіе, очевидно, въ томъ, что до проведенія желѣзной дороги чрезъ Торжокъ пролегало петербургско-московское шоссе. Значительная часть населенія—жители Ямской слободы—занималась извозомъ, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, а въ особенности съ Петербургомъ. И вотъ, жены ямщиковъ отчасти занимались изготовленіемъ издѣлій, которыя закупались любителями-проѣзжими, отчасти сами отправлялись въ Петербургъ для пріобрѣтенія обновокъ и заработковъ. Кружевницы отправляются на кирпичную работу въ началѣ мая, а возвращаются домой въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда обыкновенно прекращаются работы на кирпичныхъ заводахъ. Нужно имѣть въ виду и то, что кружевницы-золотошвеи по временамъ вызывались въ Петербургъ для производства издѣлій своего ремесла, и очевидно, окончивъ работу по своей спеціальности, утилизировали время для другой работы.

Уже изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ легко видѣть, какъ много поучительнаго можно извлечь изъ характеристическихъ чертъ, представляемыхъ нашими кустарными и отхожими промы-

---

[1]) Тамъ же.

слами для разъясненія непонятныхъ явленій цехового строя въ Европѣ. Данныя о кустарныхъ промыслахъ представляютъ собою такой же интересъ по отношенію къ давно пройденнымъ въ Европѣ ступенямъ развитія ремесла и организаціи его, какъ и данныя о русской общинѣ по отношенію къ исторіи поземельной собственности въ Европѣ. Факты живой дѣйствительности, какъ въ области поземельныхъ отношеній, такъ и въ области труда, сохранившіеся у насъ, свидѣтельствуютъ о тѣхъ фазисахъ развитія этихъ сторонъ жизни въ Европѣ, которые для европейскихъ изслѣдователей составляютъ отчасти смутныя, отчасти совсѣмъ забытыя преданія давно минувшихъ дней. Вотъ почему они не находятъ объясненія для фактовъ въ родѣ того, что брадобрѣи въ то же время стекольщики, что каменьщики въ то же время и телѣжники и т. д. Вотъ почему они выдумываютъ искусственныя объясненія, предполагая, что ремесла соединились въ одинъ цехъ для политическихъ цѣлей, точно такъ же, какъ для дифференцированія цеховъ они предполагаютъ увеличеніе запроса и прогрессъ техники, т.-е. мотивы цѣлесообразности, которые обыкновенно присочиняются для событій историками впослѣдствіи, но которые, на самомъ дѣлѣ, оказывали весьма незначительное воздѣйствіе на жизнь.

Въ интересахъ ремесла и развитія культуры нельзя, конечно, считать цѣлесообразнымъ соединеніе кузнечно-слесарнаго ремесла съ судоходствомъ, или прядильнаго и судоходнаго промысла. А между тѣмъ и то и другое существуетъ и неизбѣжно вызывается условіями жизни. Такое соединеніе совершенно разнородныхъ ремеслъ мы встрѣчаемъ въ Суксунѣ, пермской губерніи, и вотъ почему Суксунъ служитъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ, откуда судостроители и судохозяева пріобрѣтаютъ шпильки, барочные баржевые гвозди, и т. д. Благодаря этой связи между мѣстомъ производства кузнечно-слесарныхъ издѣлій и мѣстомъ сбыта ихъ, кузнецы ежегодно оставляютъ свои работы въ концѣ апрѣля до 10 мая, поступая на это время судорабочими для сплава по рѣкѣ Сылвѣ каравана съ заводскими металлами или съ огнеупорною глиною, кирпичемъ и другими предметами мѣстнаго производства. Ради сплава судовъ останавливаются работы даже въ кузницахъ лучшихъ мастеровъ, такъ какъ молотобойцы предпочитаютъ воспользоваться временемъ каравана для заработка въ 6—10 дней по 6-ти рублей.

Нужно думать, что судоходный промыселъ былъ для этихъ кустарей первоначальнымъ, основнымъ, а кузнечно-слесарный присоединился только впослѣдствіи, какъ подсобный, вслѣдствіе

недостатка въ заработкахъ отъ судоходства и прекращенія навигаціи на зиму. Матросы въ это свободное отъ судоходной работы время стали изготовлять кузнечно-слесарныя издѣлія, потребныя для судостроительства. Положеніе это подтверждается однороднымъ фактомъ, встрѣчаемымъ въ Тихвинѣ, новгородской губерніи. Судоходство, которое въ прежнее время было тамъ сильно развито, въ настоящее время значительно упало. Тѣмъ не менѣе, еще до сихъ поръ кузнечный промыселъ для большинства тамошнихъ кустарей не составляетъ главнаго занятія; онъ производится только зимою отъ закрытія до открытія навигаціи, во время которой всѣ кустари нанимаются или на лодки, или на сплавъ лѣса, и ни за что не займутся въ кузницѣ, хотя бы остались совсѣмъ безъ заработка. Насколько кузнечно-слесарный промыселъ былъ связанъ въ Тихвинѣ съ судоходствомъ, видно изъ того, что онъ процвѣталъ во время процвѣтанія судоходства и вымираетъ вмѣстѣ съ упадкомъ послѣдняго.

Наиболѣе любопытны факты соединенія судоходнаго съ прядильнымъ или ткацкимъ промысломъ. Мы встрѣчаемъ ихъ, судя по свѣденіямъ изслѣдователей нашей кустарной промышленности, въ нижегородской и ярославской губерніяхъ. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи, многіе занимаются одновременно судоходнымъ и прядильнымъ промыслами. Лѣтомъ судоходы, зимою—прядильщики. Впрочемъ прядѣніемъ въ зимнее время занимаются только судоходы низшаго ранга (матросы, кочегары); лоцманамъ, капитанамъ и водоливамъ нѣтъ нужды заниматься тяжелымъ и плохо оплачиваемымъ прядильнымъ промысломъ. Самое возникновеніе прядильнаго промысла въ этихъ селахъ приписывается, главнымъ образомъ, близости Оки и сильно развитому на ней судоходству, на которое требовалось много снастей, особенно въ прежнее до-пароходное время. Соединеніе ткацкаго промысла съ судоходствомъ отмѣчено г. Исаевымъ въ селѣ Великомъ, ярославской губерніи: „два-три мѣсяца въ году великоселъ занимается трепаньемъ льна, затѣмъ переходитъ къ ткачеству, торговлѣ полотномъ, работѣ на плотахъ и баркахъ въ весеннее половодье“.

Существовала одна извѣстная процессія, совершающаяся и у насъ на масляницѣ, гдѣ главную роль играетъ судно, поставленное на колеса. Изъ свѣденій, сообщаемыхъ объ этой процессіи лѣтописцемъ XII-го вѣка, видно, что въ эту корабельную повозку впрягались ткачи. На основаніи того, что челнокъ (navicula) играетъ весьма важную роль въ ткацкомъ производствѣ, можно объяснять участіе ткачей въ этомъ поѣздѣ тѣмъ,

что это былъ праздникъ ткацкаго ремесла. Эту мысль высказалъ уже давно извѣстный миѳологъ Мангартъ. Изъ приведенныхъ же выше данныхъ оказывается, что ткачи играютъ преобладающую роль въ этой процессіи не только вслѣдствіе ассоціаціи идей, какъ выражается Мангартъ, не только потому, что челнокъ является орудіемъ ткацкаго производства и что ткачи приготовляютъ разныя снасти для судовъ, но и главнымъ образомъ потому, что ткачи на раннихъ ступеняхъ культуры въ то же время были и судоходами, что они соединяли эти два ремесла. Факты изъ области нашихъ кустарныхъ промысловъ, сопоставленные съ общераспространенностью обычая возить корабль, снабженный всѣмъ необходимымъ, на колесахъ, неопровержимо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что ремесла эти были соединены и въ Европѣ въ очень отдаленныя отъ насъ времена, что и тамъ ткачи занимались судоходнымъ промысломъ.

„Въ формѣ цеха,—говоритъ Шмоллеръ,—въ его правовой и общественной организаціи, долгое время видѣли соотвѣтствующій сосудъ для всевозможныхъ соединеній и общественной группировки. Не только ремесленники, но и ученики, и учителя, и нотаріусы, и врачи, баньщики и музыканты, и нищіе, и проститутки, и гробокопатели и золотари, организовывались около 1.500 ч. въ цехѣ“.

Мы остановимся только на организаціи нищенствующихъ цеховъ и цеха проститутокъ—уже потому, что существованіе подобныхъ цеховъ является съ перваго взгляда чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, рѣжущимъ ухо. Какимъ образомъ нищенство могло быть признано ремесломъ, и неужели проституція могла быть организована въ видѣ цехового учрежденія? Мы имѣемъ свѣденія о существованіи цеховой организаціи нищихъ, между прочимъ, въ Базелѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ. Нищіе жили въ Базелѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ, имѣли цеховую организацію, цеховой судъ, который состоялъ изъ 7 торбоносцевъ, не носившихъ, говоря словами стариннаго документа, ни штановъ, ни ножа. Судъ ихъ происходилъ торжественно подъ липой. Предсѣдательствующій держалъ трость въ рукахъ, правое бедро было обнажено, а нога зимою и лѣтомъ погружена во все время суда въ кадку, наполненную водой. По сторонамъ его сидѣли остальные шесть, тоже съ обнаженнымъ правымъ бедромъ. По окончаніи суда предсѣдательствующій ногою опрокидывалъ кадку и выливалъ воду. Этотъ своеобразный судъ существовалъ еще въ XVII вѣкѣ. Прибавимъ, что ихъ суду подлежали также палачи и гробокопатели.

Аналогичные факты цеховой организаціи нищихъ мы находимъ и въ западной Россіи.

Въ „Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" напечатаны свѣденія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семеховѣ и его окрестностяхъ (слуцкаго уѣзда, минской губ.). Всѣ нищіе этой мѣстности на довольно далекомъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ нищенскаго цеха, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ нищенскаго цехмистра, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главный обычай и правило, соблюдаемое членами нищенскаго цеха, слѣдующее: каждый членъ именуется товарищемъ. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условій. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т.-е. имѣющій какіе-нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, причемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-лѣтній и плата 60 коп.; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и взносная плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу-нищему, и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка, и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и, большею частью, изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ состоятъ, большею частью, въ покупкѣ воска (для братской свѣчи); въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе торбы, т.-е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія пріурочены къ опредѣленному дню—понедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются, большею частью, на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семиховской церкви устроено на средства нищихъ.

М. Д. Линда слышалъ отъ одного старика-нищаго слѣдующія свѣденія объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украины. У нищихъ были свои ватаги и свои атаманы, свои „соцьки и десяцьки", „чоловічи и жиночи". Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Кіевомъ, у Броваровъ, подъ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился, и особенно для тѣхъ, кто, побрачившись, уходилъ въ міръ, т.-е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса, тамъ же. Независимо отъ указанныхъ, были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Въ подольской губ. ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать, составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ [1]).

Повторяемъ, на взглядъ современнаго человѣка, цеховая организація нищенства есть явленіе странное, поразительное, но не такимъ оно было въ средніе вѣка. Нужно имѣть въ виду, что нищенство было въ эти времена ремесломъ, какъ и всякое другое. Это видно, между прочимъ, изъ экзамена, требующагося еще въ настоящее время въ русскомъ нищенскомъ цехѣ отъ лица, вступающаго въ цехъ. Отъ него требуется знаніе молитвъ, пѣніемъ которыхъ онъ отплачивалъ за полученіе подаянія. Эти молитвы считались въ средніе вѣка весьма важнымъ эквивалентомъ, и такимъ образомъ нищіе не даромъ получали подаяніе. Нищенство, какъ извѣстно, поддерживалось наиболѣе сильнымъ образомъ раздачей подаянія въ день поминовенія усопшаго и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, слѣдовательно съ цѣлью получить соотвѣтствующія молитвы взамѣнъ розданныхъ суммъ. Кромѣ этихъ экстренныхъ, хотя и весьма обильныхъ въ прежнія времена случаевъ, нищіе наибольшую жатву имѣли въ праздничные дни, т.-е. въ то время, когда публика больше всего нуждалась въ молитвахъ нищенствующей братіи. Наконецъ, форма цеха для нищихъ, какъ вѣчно странствующихъ изъ города въ городъ, какъ занимающихся отхожимъ промысломъ, была, конечно, вполнѣ подходящей, и описанные выше русскіе нищенствующіе цехи очевидно являются наиболѣе примитивною формою цеховой организаціи этого ремесла. Въ европейскихъ городахъ нищіе очень рано осѣли въ опредѣленныхъ городахъ, имѣли своихъ цехмистровъ (Bettlermeister), обязанностью которыхъ являлось устра-

[1]) „Кіевская Старина" 1883 г., т. VII, стр. 313, 315 и 316.

неніе конкуррентовъ по нищенству изъ другихъ мѣстъ, за исключеніемъ извѣстныхъ праздничныхъ дней. Такъ, между прочимъ, въ Нюрнбергѣ, по опредѣленію 1478 г., пришлые нищіе имѣли право выпрашивать подаяніе только въ извѣстные праздничные дни, а также два дня въ теченіе каждой четверти года, если они доказали, что знають наизусть „Отче нашъ", „Богородицу" и десять заповѣдей. Въ 1522 г., въ томъ же Нюрнбергѣ пришлымъ нищимъ дозволялось выпрашивать милостыню только въ теченіе двухъ дней въ году—въ день всѣхъ святыхъ и въ день поминовенія усопшихъ. Требованія, предъявляемыя къ пришлымъ нищимъ нюрнбергскимъ совѣтомъ, относительно ихъ профессіональныхъ знаній, совершенно схожи съ тѣми требованіями, которыя, какъ мы видѣли выше, предъявляетъ у насъ нищенствующій цехъ, а именно, знаніе молитвъ. Вполнѣ понятно, что если цехи вообще находились въ связи съ церковью, то тѣмъ болѣе должны были находиться въ связи съ нею нищенствующіе цехи. Привилегированнымъ мѣстомъ выпрашиванія милостыни была церковная паперть, а льготнымъ срокомъ—церковныя празднества, совпадавшія съ ярмарками. Да и сами церкви и монастыри обязаны были часть своихъ доходовъ удѣлять въ пользу „прокаженныхъ, престарѣвшихся и немогущихъ нигдѣ главы подклонити".

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о русскихъ нищенствующихъ цехахъ видно, что отъ кандидата въ цеховые нищіе, кромѣ знанія молитвъ, требовалось еще обладаніе какими-либо тѣлесными недостатками или недугомъ. Уже по этому одному есть основаніе заключить, что нищенствующіе цехи не принадлежали къ числу исконныхъ профессіональныхъ цеховъ въ родѣ ремесленныхъ и торговыхъ, что они образовались исподволь, вслѣдствіе выдѣленія изъ среды здоровыхъ членовъ различныхъ братствъ и корпорацій. Нищенствующіе цехи, подобно спеціально-церковнымъ братствамъ, погребальнымъ братствамъ и т. д., дифференцировались изъ болѣе обширныхъ корпорацій, охватывавшихъ всѣ стороны жизни входившихъ въ составъ ихъ лицъ. Нужно имѣть въ виду, что въ средніе вѣка громадный процентъ нищенствующей братіи вербовался изъ прокаженныхъ, которые съ самыхъ раннихъ временъ, какъ свидѣтельствуютъ библейскія сказанія, выдѣлялись изъ среды здоровыхъ членовъ общины и питались только подаяніями, хотя для нихъ и устроивались госпитали и богадельни, какъ это предписывается, между прочимъ, и нашимъ Стоглавомъ, но они все-таки должны были питаться отъ „боголюбцевъ". Для этой цѣли имъ во Франкфуртѣ,

Нюрнбергѣ и другихъ городахъ дозволялось являться въ извѣстное мѣсто для выпрашиванія милостыни въ страстную пятницу и вообще въ теченіе всей страстной недѣли. Любопытно, что въ Германіи въ 1430 г. было спеціальное братство прокаженныхъ. Въ составъ его входили прокаженные всѣхъ мѣстностей по Рейну. Годичное собраніе его происходило перваго марта въ Майнцѣ. Они вынуждены были сами промышлять о себѣ, такъ какъ частныя пожертвованія и помощь церквей и монастырей все-таки были недостаточны, да притомъ не было тѣхъ общественныхъ органовъ, которые организовали бы содержаніе и пропитаніе нищихъ и прокаженныхъ, вѣдали бы этимъ дѣломъ, такъ какъ самаго общества, какое мы привыкли видѣть, не было въ то время, а былъ весьма слабо объединенный конгломератъ всевозможныхъ профессіональныхъ братствъ, имѣвшихъ въ виду лишь благо входившихъ въ составъ ихъ членовъ.

О цеховой организаціи проститутокъ есть обильныя и весьма любопытныя въ историко-культурномъ отношеніи свѣденія въ странахъ западной Европы. Исходя изъ взглядовъ, существующихъ на этотъ предметъ въ настоящее время, Мауреръ полагаетъ, что цеховая организація проституціи установлена городами для того, будто бы, чтобы сдѣлать ее безвредною. Для этой цѣли имъ предписывается селиться въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, въ одной опредѣленной части города, въ извѣстныхъ домахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливается для нихъ особое платье. Смущаетъ его, однако, то, что эта мнимо-отверженная группа женщинъ допускается къ участію въ общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ, что проститутки являются почетными гостьями на свадьбахъ, что онѣ, въ качествѣ депутатовъ, встрѣчаютъ высокопоставленныхъ гостей города, преподносятъ имъ букеты, принимаютъ ихъ на общественный счетъ въ своихъ домахъ, и т. п. Эти факты должны бы нѣсколько видоизмѣнить взгляды Маурера на тѣ цѣли, которыя будто бы преслѣдовались городами при организаціи проституціи. Правда, въ нѣкоторыхъ статутахъ организація проституціонныхъ домовъ мотивируется именно стремленіемъ предотвратить много неизбѣжныхъ золъ. Такъ, нюрнбергскій совѣтъ въ введеніи къ уставу проституціоннаго дома, составленному въ 1470 г., высказывается слѣдующимъ образомъ: „хотя онъ и обязанъ поддерживать честь и добрые нравы и воспрепятствовать распространенію грѣха и недозволеннаго образа жизни, но для предотвращенія большаго зла среди христіанскаго общества необходимо допускать существованіе проститутокъ. Тѣ же мотивы высказываются въ уставѣ

проституціоннаго дома отъ 1472 г. въ городѣ Нёрдлингенѣ. Очевидно, однако, что эти мотивы придуманы впослѣдствіи для оправданія существующихъ учрежденій, что въ болѣе раннія времена проститутки, какъ свидѣтельствуютъ указанные уже выше факты и многіе другіе, занимали оригинальное положеніе. Въ Парижѣ онѣ имѣли патронессу, какъ и другіе цехи—св. Магдалину, и въ день этой святой устроивали процессіи. Такія же процессіи онѣ ежегодно совершали и въ Лейпцигѣ. Во главѣ ихъ стояли цехмистры—мужчины или женщины (Frauenmeister, Frauenmeisterinnen). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представительницы цеха носили названіе „настоятельницъ“ (въ Авиньонѣ), въ другихъ—„королевы“ (въ Женевѣ). Онѣ ограждались отъ конкурренціи пріѣзжихъ проститутокъ, вообще отъ посягательства на ихъ цеховыя привилегіи, какъ и другіе цехи. Между прочимъ въ Нюрнбергѣ онѣ просятъ въ 1492 г. городской совѣтъ, чтобы онъ „ради Бога и справедливости“ не допускалъ конкурренціи, такъ какъ имъ иначе трудно будетъ пропитывать себя „честно“. Они сами ограждаютъ себя отъ конкурренціи подобно другимъ цехамъ, бомбардируя помѣщенія не-цеховыхъ. Самое названіе проститутокъ въ средніе вѣка указываетъ на то, что онѣ отнюдь не были заклеймены позоромъ. Онѣ назывались mulières communes—общими женщинами, gemeine Frauen, freie Frauen—свободными женщинами и т. д. Онѣ назывались также fahrende Frauen—странствующими женщинами, wandernde Frauen—кочующими женщинами. Это названіе указываетъ и на происхожденіе цеховъ проститутокъ. Такъ же, какъ и другіе цехи, они возникли изъ отхожаго промысла. Очень долго онѣ странствовали изъ города въ городъ, появлялись во время ярмарки и различныхъ съѣздовъ въ родѣ вселенскихъ соборовъ и рейхстаговъ, сопровождали армію и т. д. Съ теченіемъ времени онѣ осѣдали въ городахъ, въ качествѣ постоянныхъ элементовъ, сохранивъ свою корпоративную организацію. Нужно ли прибавлять, что прежнія „общинныя“ женщины, существовавшія во время господства коммунальнаго брака, съ теченіемъ времени, послѣ замѣны этой формы брака другими, сохранили свое существованіе въ качествѣ отдѣльнаго ремесленнаго цеха, очень долго находившагося въ почетѣ, такъ какъ члены его держались освященныхъ древностью обычаевъ. Уставъ нюрнбергскаго проституціоннаго дома еще въ XV в. опредѣляетъ, что проститутка не имѣетъ права отказаться отъ своей профессіи, ибо эти женщины, говорится въ уставѣ, свободны (frei) и, согласно съ своимъ именемъ, должны быть общинными (gemein). Согласно съ этимъ, подмастерьямъ

во многихъ городахъ запрещается имѣть постоянную возлюбленную среди этихъ проститутокъ, какъ женщинъ, принадлежащихъ всѣмъ, и въ то же время проституткамъ запрещается имѣть одного постояннаго возлюбленнаго и отказываться отъ общенія съ другими. Тотъ же нюрнбергскій уставъ возбраняетъ хозяину проституціоннаго дома дѣлать какія-либо препятствія содержимымъ имъ дѣвушкамъ, если онѣ желаютъ отправиться въ церковь или гулять по улицѣ, ибо, говорится тамъ, онѣ именуются свободными женщинами.

Мы уже указывали, что проститутки участвовали въ качествѣ депутатовъ при пріемѣ королей, императоровъ и вообще высокопоставленныхъ гостей, встрѣчали ихъ у городскихъ воротъ, подносили вѣнки и букеты, что на время пребыванія этихъ гостей въ городѣ проституціонный домъ былъ открытъ для гостей безвозмездно. Такъ, изъ пріема Сигизмунда въ 1414 г. въ Бернѣ всей его свитѣ былъ предоставленъ туда свободный доступъ, и Сигизмундъ впослѣдствіи благодарилъ за эту предупредительность. Очевидно, эти порядки, существовавшіе вплоть до XVI в., имѣютъ связь съ гетеризмомъ гостепріимства, который мы находимъ у первобытныхъ народовъ, т.-е. внѣшнимъ символомъ мирныхъ отношеній между гостями и данной общиной является допущеніе его къ общенію съ женщинами этой общины, признаніе его равноправнымъ съ членами общины. Нечего говорить о томъ, что вплоть до первой черты XVI в. проститутки, украшенныя вѣнками, участвовали во всѣхъ торжественныхъ празднествахъ городовъ въ плясkахъ, процессіяхъ и играли въ нихъ даже преобладающую роль. Только въ XVI в. подмастерьямъ стали воспрещать танцы съ проститутками и вообще къ публичнымъ женщинамъ стали относиться съ пренебреженіемъ, какъ къ отверженнымъ. Такъ, между прочимъ, башмачники въ уставѣ 1528 г. постановляютъ: ни одинъ подмастерье не имѣетъ права танцовать съ проституткой или давать ей пить, развѣ еслибы онъ не зналъ, что она проститутка. Нужно имѣть въ виду, что до XVI в. родители отдавали своихъ дочерей, мужья своихъ женъ въ проституціонные дома для заработковъ. Факты эти упоминаются во многихъ уставахъ проституціонныхъ домовъ и, соотвѣтствующимъ образомъ, регулируются. Прибавимъ въ заключеніе, что, подобно другимъ цехамъ, цехи проститутокъ, въ свою очередь, вносили еженедѣльно извѣстную сумму для изготовленія ставниковъ. Такъ, въ Ульмѣ предписывалось, чтобы каждая дѣвушка давала еженедѣльно по одному пфенигу, а хозяинъ по два пфенига для зажиганія восковой свѣчи въ соборѣ въ ночь

на воскресенье. Затѣмъ, въ канунъ каждаго воскресенья и вообще въ кануны важнѣйшихъ праздниковъ, въ особенности же въ кануны Нарьиныхъ дней и въ теченіе всей страстной недѣли никто не допускался въ проституціонный домъ.

II.

Въ нашемъ ремесленномъ уставѣ есть одно любопытное опредѣленіе, которое, однако, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ даетъ намъ возможность коснуться одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ цеховой жизни въ Европѣ. Мы говоримъ о статьѣ 208-ой нынѣ дѣйствующаго устава. Статья гласитъ: „если ремесленникъ утаитъ письмо, писанное къ ремесленной или цеховой управѣ, или же къ ремесленному обществу или къ цеху, и не отдастъ онаго по принадлежности, то съ него взыскивается за сіе отъ пяти до пятнадцати рублей въ ремесленную казну; а тотъ, который хотя и не утаитъ, но распечатаетъ письмо, адресованное въ ремесленное общество или въ цехъ, въ ремесленную или цеховую управу, не бывъ къ тому уполномоченъ, подвергается за сіе денежному въ пользу ремесленной казны взысканію отъ одного до трехъ рублей“. Постановленіе это производитъ весьма странное впечатлѣніе: изъ-за чего это ремесленникъ будетъ утаивать письмо, писанное къ ремесленной или цеховой управѣ, и почему такая провинность, еслибы она и могла быть совершена, спеціально предусмотрѣна въ ремесленномъ уставѣ, причемъ взысканіе, налагаемое за этотъ проступокъ, довольно значительно? Мало того: налагается наказаніе даже не только за утайку, но и за распечатаніе такого письма. И какія это такія письма будутъ писаться ремесленному обществу или цеху, содержаніе которыхъ можетъ имѣть столь захватывающій интересъ, что ремесленники станутъ ихъ распечатывать, прежде чѣмъ они дошли до свѣденія ремесленнаго общества или цеха? Впрочемъ статья эта представляетъ собою уже значительно исправленную редакцію 91-ой статьи ремесленнаго положенія 1785 г., которая гласитъ: „Никакой ремесленникъ не долженъ ни утаить, ни распечатать письмо, писанное къ цѣлой управѣ или цеху, но отдать оное управному старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ подъ опасеніемъ пени въ ремесленную казну. Никто же не долженъ писать о дѣлахъ, касающихся до его управы къ другой какой ни есть управѣ внѣ, ниже внутри государства безъ вѣдома управнаго старшины и старшинскихъ товарищей, ниже утаить что̀ къ нему о дѣлѣ касаю-

щемся до его управы писано было, подъ опасеніемъ той же пени". Вторая половина этой статьи совершенно пропущена въ нынѣшнемъ ремесленномъ уставѣ, ибо по ней выходило, что не только ремесленникъ не имѣетъ права утаивать и распечатывать писемъ, адресованныхъ управѣ, но что онъ не можетъ ни писать самостоятельно, ни получать писемъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о „дѣлахъ, касающихся до его управы".

Оказывается, что постановленіе это заимствовано изъ прусскихъ цеховыхъ привилегій, причемъ оно, благодаря тому, что нѣкоторыя выраженія оригинально пропущены, извращено до неузнаваемости. Въ этомъ можно убѣдиться изъ оригинала этого постановленія, который мы приводимъ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ ремесленномъ уставѣ для западной Пруссіи отъ 1774 г. Статья 40 этого устава гласитъ: „Damit auch alle unnütze Correspondenz zwischen den Gewerkern hinführo ganzlich wegbleibe; so ist ihnen selbige bey vermeidung 5. bis 20. Rthlr. Strafe zu untersagen. Wann aber solche Fälle sich ereignen mögten, worinnen etwas zu schreiben nöthig wäre, müssen die Briefe anders nicht, denn durch jedes Orts Obligkeit abgelassen und bestellet, mithin bey obiger Strafe von keinem Handwerke an das andere geschreiben, noch dieses an jenes abgelassene Briefe erbrochen und beantwortet werden. Einzelne Meister und Gesellen hingegen, sollen auf keine Weise bey Leibes-Strafe; in Handwerks oder vor die ganze Lade ihres Orts gehörigen Angelegenheiten mit einander correspondiren; zu welchem Ende und damit der mit dem Brüderschafts-Siegel bisher vorgenommene Miszbrauch auf einmal abgestellet werde, den Gesellen welche ohne dem keine Brüderschaft ausmachen können, kein Siegel destattet, sondern wo sie sich dessen bisher angemasset, solches, wie bereits Art. 30. verordnet, ihnen abgenommen, und zu Rath-Hause verwahrlich beygeleget werden soll. Wie dann auch alle Abschickungen der Meister und Gesellen an die Zünfte anderer Oerter, so ohne speciale und schriftliche Erlaubnisz der Obrigkeit unternommen werden wollen, gleichfalls bey empfindlicher Strafe verbothen werden". Для того, чтобы въ будущемъ не происходила ненужная корреспонденція между цехами, — она возбраняется имъ подъ страхомъ наказанія 5—12 талерами штрафа. Еслибъ, однако, были такіе случаи, когда бы оказалось нужнымъ писать, то письма эти должны быть составлены и доставлены не иначе, какъ при участіи мѣстнаго начальства, причемъ подъ страхомъ опредѣленнаго выше наказанія цехи не должны сноситься письменно между собою или вскрывать и давать отвѣты на подобнаго

рода письма; отдѣльные же мастера и подмастерья ни въ какомъ случаѣ не должны, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, сноситься между собою письменно о дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ ремеслу или цеху. Съ какою цѣлью и для предотвращенія всякихъ происходившихъ до сихъ поръ злоупотребленій печатью братства подмастерьевъ подмастерьямъ, которые и безъ того не могутъ составлять братства, не дозволяется имѣть печати, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дерзнули бы запастись ею, она должна быть отобрана и передана на сохраненіе въ ратушу. Вообще подъ страхомъ чувствительнаго наказанія запрещаются всевозможныя пересылки между мастерами и подмастерьями цеховъ различныхъ мѣстъ безъ особаго письменнаго дозволенія начальства.

Приведенная статья ремесленнаго положенія 1785 г. составлена, повидимому, изъ только-что цитированной статьи западно-прусскаго цехового устава, причемъ такъ, что взамѣнъ контроля надъ этими письмами въ лицѣ мѣстнаго начальства, установленнаго въ прусскихъ цеховыхъ привилегіяхъ, въ ремесленномъ положеніи 1785 г. совершенно возбраняется только переписка между отдѣльными ремесленниками или ремесленниками и управами по дѣламъ, „касающимся его управы", и нисколько не возбраняются письменныя сношенія между управами и цехами, и вдобавокъ предписывается отдавать нераспечатанными письма по адресу. Словомъ, вышло постановленіе, смыслъ и цѣль котораго даже послѣ произведенныхъ поправокъ совершенно непонятны.

Уже изъ приведенной выше статьи западно-прусскаго цехового устава легко представить себѣ тѣ цѣли, которыя преслѣдовались ею, и тѣ причины, которыми она была вызвана. Статья эта, какъ и однородныя статьи прусскихъ цеховыхъ привилегій, имѣла цѣлью противодѣйствовать союзамъ однородныхъ цеховъ въ различныхъ городахъ и въ особенности союзамъ подмастерьевъ. Источникомъ этихъ опредѣленій въ прусскихъ цеховыхъ привилегіяхъ, а также однородныхъ постановленій въ другихъ нѣмецкихъ территоріяхъ является 6-й параграфъ имперскаго рѣшенія отъ 16-го августа 1731 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: „такъ какъ почти трудно представить себѣ, зачѣмъ собственно ремесленникамъ различныхъ мѣстъ, а тѣмъ болѣе территорій, переписываться между собою, въ виду чего собственно лучше бы совсѣмъ уничтожить эту корреспонденцію; но еслибы произошли случаи, когда переписка оказалась бы необходимою, то она должна происходить съ вѣдома начальства и т. д."

Какое важное значеніе имѣлъ этотъ § имперскаго рѣшенія, видно, между прочимъ, изъ словъ Бемерта, автора одного изъ

лучшихъ изслѣдованій по исторіи цеховъ: „6-ая статья имперскаго рѣшенія, — говоритъ онъ, — заключала постановленіе, которое по справедливости вызывало величайшее ожесточеніе среди нѣмецкихъ ремесленниковъ: мастерамъ и подмастерьямъ была воспрещена переписка съ другими цехами безъ дозволенія мѣстнаго начальства. Тотъ, кто ознакомится съ крупными злоупотребленіями тогдашняго цехового строя и приметъ во вниманіе, что цехи во всей Германіи составляли нѣчто въ родѣ сплоченной фаланги, которая отстаивала сохраненіе цеховыхъ безобразій, объявляли цѣлые города въ опалѣ и т. д., тотъ признаетъ постановленіе имперскаго рѣшенія вполнѣ послѣдовательнымъ, хотя оно не дерзало покончить сразу съ цеховыми безобразіями, ибо именно въ перепискѣ лежала страшная сила этого строгосочлененнаго организма". Говоря словами того же Бемерта, исторія цеховъ въ XVIII в. есть въ то же время исторія бунтовъ подмастерьевъ. Ближайшимъ поводомъ къ постановленію имперскаго рѣшенія 1731 г. послужилъ бунтъ подмастерьевъ въ 1726 г. въ Аугсбургѣ. Городской совѣтъ въ Аугсбургѣ наложилъ на нѣсколькихъ подмастерьевъ башмачнаго цеха за драку денежный штрафъ. Виновные принуждали своихъ невинныхъ товарищей принять на себя долю штрафа. Тѣ изъ нихъ, которые тотчасъ же высказывали свое согласіе, получали наименованіе „удалыхъ", несоглашавшіеся—„срамные"—подвергались жестокимъ надругательствамъ словомъ и дѣломъ со стороны первыхъ. Аугсбургскій городской совѣтъ рѣшился положить предѣлъ этому скандалу. Между ними и удальцами произошло столкновеніе, кончившееся открытымъ бунтомъ. 107 подмастерьевъ оставили городъ. Изъ Фрейберга, куда они удалились, они разослали письма своимъ собратьямъ въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ и др. городахъ. Въ этомъ циркулярномъ посланіи они говорятъ, между прочимъ, слѣдующее: „мы вынуждены были возстать съ цѣлью сохранить наши старинныя права, и даемъ вамъ знать, чтобы никто изъ порядочныхъ людей не отправлялся въ Аугсбургъ. Если же онъ пойдетъ и будетъ работать въ Аугсбургѣ, то онъ получитъ заслуженное имъ вознагражденіе. Какое именно—объ этомъ онъ узнаетъ". Извѣстіе о происшедшемъ въ Аугсбургѣ вызвало шумныя сцены и въ другихъ городахъ. Эти движенія послужили, какъ мы уже сказали, новымъ основаніемъ къ постановленію имперскаго рѣшенія 1731 г.

Запрещеніе переписки между товариществами подмастерьевъ одновременно съ запрещеніемъ переписки между цехами различныхъ городовъ имѣло достаточное основаніе въ томъ, что союзы цеховъ, направленные въ значительной мѣрѣ противъ интересовъ

подмастерьевъ, вызывали противодѣйствіе въ видѣ союза товарищества подмастерьевъ. Такъ, уже въ XIV в. мы находимъ соглашеніе цеховъ не только любекскихъ, гамбургскихъ, висмарскихъ, ростокскихъ, стральзундскихъ, вообще ганзейскихъ городовъ, относительно способа обращенія съ подмастерьями данныхъ ремеслъ, но и въ прусскихъ городахъ, въ Силезіи, въ городахъ, расположенныхъ по среднему теченію Рейна и Майна, и т. д. Такъ, между прочимъ, цехи кузнецовъ въ Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ, Франкфуртѣ, Гельнгаузенѣ, Ашафенбургѣ, Бингенѣ, Опенгеймѣ и Крейцнахѣ заключаютъ между собою въ 1383 г. соглашеніе, по которому подмастерьямъ во всѣхъ этихъ городахъ запрещается „пропивать вновь вступающаго товарища", принуждать его къ принятію новаго имени; если подмастерье недоволенъ своимъ мастеромъ, онъ долженъ обратиться къ цехмистру и другимъ мастерамъ; подмастерье, нарушающій договоръ, не можетъ быть принятъ ни въ домъ, ни во дворъ (weder hausen noch hofen) кѣмъ-либо изъ мастеровъ союзныхъ городовъ; точно такъ же должно быть поступлено съ подмастерьемъ, который станетъ отговаривать своихъ товарищей отъ службы у извѣстнаго мастера или, вѣрнѣе, наложитъ опалу на извѣстнаго мастера.

Постановленія, вошедшія въ составъ этого соглашенія между цехами различныхъ городовъ, сами по себѣ, конечно, не новость. Во всѣхъ статутахъ отдѣльныхъ цеховъ предусматривалось самовольное нарушеніе контракта со стороны подмастерьевъ и учениковъ, допускалось принятіе на службу подмастерья и ученика лишь послѣ того, какъ они окончили счеты съ прежнимъ мастеромъ и получили отъ него отпускъ. Словомъ, бѣглые подмастерья и ученики всячески побуждались къ тому, чтобы они вернулись къ своимъ хозяевамъ, и цехи принимали всѣ мѣры, чтобы они не могли найти нигдѣ ни крова, ни пристанища. Понятно однако, что цѣль эта не могла быть достигнута безъ взаимныхъ сношеній и переписки между цехами различныхъ городовъ. Сношенія эти и происходили между цехами въ Европѣ по каждому данному случаю, хотя бы предварительнаго соглашенія объ этомъ предметѣ и не было, происходили также и между южно-русскими цехами. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить на основаніи постановленія одного изъ южно-русскихъ цеховыхъ уставовъ, причемъ никакого общаго предварительнаго соглашенія между этимъ цехомъ и однородными цехами другихъ городовъ по данному вопросу не было заключено. Въ этомъ уставѣ (портняжнаго цеха въ Каменцѣ отъ 1723 г.) говорится: „если бы подмастерье или ученикъ, забравши принадлежности работы, свое-

вольно ушелъ отъ мастера, безъ вѣдома его, въ другіе города, то туда слѣдуетъ написать письмо (takowy ma być opisany do inszych miast) съ тою цѣлью, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его найдутъ, удалили его со службы до тѣхъ поръ, пока онъ не очиститъ и не оправдаетъ себя. Если же онъ явится предъ подмастерской управой (do gospody czeladnej), то онъ долженъ быть наказанъ по обычаю за такой проступокъ".

Повторяемъ, упомянутыя выше соглашенія и союзы между однородными цехами различныхъ городовъ вызвали противодѣйствіе въ видѣ союза подмастерскихъ товариществъ тѣхъ же и другихъ союзныхъ городовъ. Возможности такихъ союзовъ содѣйствовалъ постоянный обмѣнъ подмастерьевъ между городами, вслѣдствіе обычая странствованія, хожденія по городамъ. И вотъ, когда въ Кольмарѣ подмастерья пекарей учинили стачку въ 1495 г. и ушли изъ города изъ-за того, что имъ не отвели достодолжнаго мѣста въ церковной процессіи, то и братства подмастерьевъ въ сосѣднихъ городахъ—Страсбургѣ, Базелѣ, Фрейбургѣ, Шлетштадтѣ и др., воспретили подмастерьямъ пекарей поступать на службу къ пекарямъ въ Кольмарѣ. Совѣтъ города Кольмара обращается къ другимъ городамъ съ просьбою произвести слѣдствіе о томъ, какія товарищества оказываютъ денежную поддержку стакнувшимся подмастерьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ понудить подмастерьевъ пекарей соотвѣтствующихъ городовъ отказаться отъ вмѣшательства въ спорѣ кольмарскихъ пекарей съ ихъ подмастерьями. Соотвѣтствующія мѣры были приняты, но онѣ, очевидно, оказались безрезультатными. Такъ, между прочимъ, товарищества брейзахскихъ и страсбургскихъ подмастерьевъ пекарей обращаются къ шлетштаттскимъ письменно съ вопросомъ о томъ, какъ имъ поступить въ данномъ случаѣ. Шлетштаттскіе подмастерья отвѣчаютъ, что тѣ изъ подмастерьевъ, которые позволятъ себѣ поступать на службу въ Кольмарѣ, не будутъ отнынѣ приниматься ни въ какое товарищество. Согласно съ этимъ указаніемъ и страсбургскіе подмастерья заявляютъ городской ратушѣ, что они никоимъ образомъ не примутъ въ свою среду подмастерьевъ, которые работали въ Кольмарѣ, или работаютъ теперь, до окончанія дѣла. И на требованіе о повиновеніи со стороны ратуши страсбургскіе подмастерья пекарей, въ свою очередь, оставляютъ городъ. Фрейбургскіе подмастерья пекарей хотя и увѣряютъ городской совѣтъ, что они не давали средствъ для поддержки стачки, тѣмъ не менѣе заявляютъ, что они не могутъ уклониться отъ соглашенія, установленнаго ими съ семью братствами сосѣднихъ городовъ, въ виду того, что это повлечетъ для

нихъ значительный вредъ, который будетъ нанесенъ имъ другими товариществами, въ наказаніе за ихъ образъ дѣйствій.

Понятно, что въ виду той поддержки, которую братства подмастерьевъ оказывали подмастерьямъ въ ихъ столкновеніяхъ съ мастерами, цехи всячески противодѣйствовали расширенію силы, значенія и самостоятельности подмастерскихъ товариществъ, старались съуживать предѣлы ихъ дѣйствія и кругъ предметовъ, подлежавшихъ ихъ вѣденію; по возможности стѣсняли самое существованіе ихъ и во всякомъ случаѣ, при содѣйствіи городскихъ совѣтовъ, подчиняли ихъ контролю и надзору мастеровъ и цехмистровъ. Такъ, въ 1421 г. четыре средне-рейнскихъ города—Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Франкфуртъ—устанавливаютъ между собою соглашеніе, по которому подмастерьямъ во всѣхъ этихъ городахъ должно быть воспрещено содержаніе особыхъ мѣстъ для попоекъ, причемъ подмастерьямъ предоставляется на ихъ собраніяхъ обсуждать лишь религіозные интересы товарищества. Соглашеніе это не повело, однако, къ цѣли. Въ 1423 г. произошла стачка портняжныхъ подмастерьевъ. Въ виду этого майнцкій портняжный цехъ въ 1457 году входитъ въ новое соглашеніе съ 20-ю рейнскими городами, по которому существованіе подмастерскихъ товариществъ дозволяется, и принимаются лишь мѣры противъ злоупотребленій, а именно, противъ нарушенія контрактовъ, наложенія опалы на мастера, и т. п.

Необходимость участія мастеровъ въ собраніяхъ подмастерьевъ и вообще контроля и надзора мастеровъ за дѣйствіями товарищества встрѣчается въ большинствѣ статутовъ. Такъ, въ статутѣ фрейбургскихъ башмачныхъ подмастерьевъ, по дополненіямъ отъ 1503 г., требуется присутствіе на собраніи двухъ мастеровъ. Точно также по статуту страсбургскихъ скорняковъ требуется участіе въ собраніи, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда производится судъ надъ кѣмъ-либо, двухъ отряженныхъ для этой цѣли мастеровъ. У страсбургскихъ кожевниковъ въ уставѣ 1477 г. подмастерскимъ ларцомъ завѣдуютъ одинъ подмастерье и одинъ мастеръ. Чрезъ посредство прусскихъ цеховыхъ привилегій, которыя въ свою очередь требуютъ, чтобы въ завѣдываніи подмастерскимъ ларцомъ и въ собраніяхъ участвовалъ цеховой старшина (Altmeister), это правило попало и въ наше ремесленное положеніе 1785 г., а затѣмъ и въ нынѣ дѣйствующій ремесленный уставъ, причемъ, благодаря плохому переводу, Altmeister превращенъ въ прошлогодняго цехового старшину. Если не имѣть въ виду приведенныхъ выше фактовъ, свидѣтельствующихъ о сплоченности подмастерскихъ товариществъ въ дѣлѣ борьбы съ

хозяевами и отстаиваніи своихъ интересовъ, то антагонизмъ цеховъ съ братствами и товариществомъ подмастерьевъ, какъ уже указалъ Шанцъ, былъ бы совершенно непонятенъ, ибо въ статутахъ этихъ братствъ и товариществъ рѣчь идетъ почти исключительно или о предметахъ религіознаго свойства, или о поведеніи въ собраніи, на попойкахъ и вообще о взаимныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Ничего опаснаго, конечно, не могло заключаться въ наказаніяхъ, налагаемыхъ на подмастерья по рѣшенію самихъ товарищей за дурное поведеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что товарищества подмастерьевъ, какъ и цехи, обнимали всѣ стороны жизни ихъ членовъ, и если статуты преимущественно регулировали церковно-обрядовую и житейскую стороны жизни подмастерьевъ, то этимъ, какъ мы уже знаемъ, они весьма мало отличались отъ цеховыхъ уставовъ. На основаніи характера этихъ статутовъ, Шанцъ, какъ это дѣлалъ Вильда, по отношенію къ цеховымъ братствамъ, заключаетъ, что братства подмастерьевъ были исключительно церковными братствами, и что только впослѣдствіи къ нимъ присоединились или отдѣльно отъ нихъ образовались товарищества подмастерьевъ съ свѣтскими цѣлями. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что религіозная сторона жизни братства, равно какъ и взаимныя отношенія товарищей, имѣли весьма важное значеніе; но изъ того, что о другихъ предметахъ не упоминается или упоминается весьма мало въ статутахъ, не слѣдуетъ заключать, что это были только религіозныя братства, или только товарищества для устройства веселыхъ попоекъ, что, слѣдовательно, единеніе между подмастерьями слагалось лишь съ тою или другою цѣлью, о которой подробно трактуется въ статутахъ. Уже выше мы видѣли, что съ помощью товариществъ достигались и другія цѣли. Если, слѣдовательно, товарищества подмастерьевъ въ позднѣйшія времена служили орудіемъ для достиженія многихъ цѣлей, хотя въ статутахъ даннаго времени о нихъ ничего не говорится, то нѣтъ основанія приписывать возникновеніе этихъ учрежденій исключительно извѣстнымъ, опредѣленнымъ мотивамъ. Наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ является, по нашему мнѣнію, то, что подмастерскія братства и товарищества суть то, что̀ именуется въ Малороссіи „парубоцкими громадами“, причемъ контингентъ этой громады ограничивается сферой одного ремесла, т.-е. товарищества подмастерьевъ возникли изъ парубоцкихъ громадъ, изъ группы людей одного и того же возраста, и являются носителями тѣхъ же цѣлей и задачъ, какія лежали на данной объединенной возрастной группѣ, вмѣстѣ съ спеціально ремесленными цѣлями. Приговоръ, поста-

новленный магистратомъ города Выгрвы въ 1712 г. по дѣлу, возникшему между членами парубоцкаго братства, говоритъ объ обычаяхъ, практикуемыхъ въ этихъ братствахъ, какъ объ издавна установленныхъ. Эти братства существуютъ еще въ настоящее время, и по ихъ современной физіономіи можно судить о прежнемъ характерѣ ихъ. Такъ, между прочимъ, въ м. Хомутцѣ (полтавской губ.) молодецкія братства существуютъ особо *въ каждомъ приходѣ* и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду, и держатъ три ставника. Атаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ „по состоянію" для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ, т.-е. вступающій въ хлопій гуртъ, покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ (платитъ магарычъ), а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ Пансномъ (золотоношскаго уѣзда) „молодецьке братство" варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви шесть ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи „Апостола", причемъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ, и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ: „И всѣхъ, и вся". Ежегодно, по рѣшенію братчиковъ, собираютъ со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются въ первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ шолковаго платка или хорошаго пояса. Съ того же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается „колядка". Раздѣлившись на нѣсколько группъ, парубки ходятъ колядовать по домамъ своихъ товарищей, „хозяйскихъ" сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами. Передъ праздниками парубки нанимаютъ себѣ просторную хату, варятъ тамъ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ же, имѣя общій столъ изъ собранныхъ припасовъ... Въ церкви с. Пансmаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ, сооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кромѣ того нерѣдко тамошніе „молодики" жертвуютъ хоругви въ церкви сосѣднихъ селеній. Въ Хомутцѣ, Рѣшетиловкѣ, Опошнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ также въ каждой церкви есть нѣсколько парубоцкихъ хоругвей, которыя носятъ собирательное имя: „цехъ", а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: „процессія"... Въ молодецкомъ обществѣ с. Пансскаго та особенность, что парубки рѣдко распѣваютъ колядки, но большею частію

сидятъ въ шинкѣ и поютъ мірскія пѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними ссоры... Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ братства его провожаютъ до могилы съ хоругвями братства. Отмѣтимъ здѣсь же, что и во многихъ мѣстахъ Германіи въ настоящее время въ селахъ существуютъ парубоцкія братства, называемыя гильдіями. Наибольшую дѣятельность они обнаруживаютъ въ маѣ, когда происходитъ раздача майскихъ леновъ, т.-е., когда торжественно каждымъ юношей за извѣстный взносъ въ общую кассу для пиршества пріобрѣтается право быть постояннымъ и излюбленнымъ кавалеромъ одной изъ мѣстныхъ дѣвушекъ. Парубоцкія гильдіи эти имѣютъ свои собранія, своихъ выборныхъ представителей, свою кассу и т. д. Въ прежнія времена и въ Европѣ, между прочимъ въ Англіи и Даніи (въ концѣ прошлаго вѣка), взносы, поступавшіе въ кассу парубоцкихъ гильдій, а также вознагражденія постороннихъ лицъ за процессіи, которыя они совершали, шли въ пользу церкви, для изготовленія ставниковъ и т. д.

Сопоставляя эти свѣденія о парубоцкихъ братствахъ съ данными объ организаціи братствъ и товариществъ подмастерьевъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, нельзя не вывести заключенія, что эти товарищества и братства подмастерьевъ опредѣленнаго цеха выполняли тѣ же функціи, какія выполняли безразличныя парубоцкія братства въ каждомъ приходѣ, а именно: заботились о представительствѣ товарищества или братства при богослуженіяхъ и церковныхъ процессіяхъ, носили факелы, хоругви, жертвовали различныя украшенія для данной церкви или часовни, провожали умершихъ сочленовъ; для всѣхъ этихъ цѣлей давали обязательные взносы воскомъ, пивомъ, виномъ, деньгами, регулировали взаимныя отношенія на сходкахъ и во время попоекъ въ кабакахъ, выбирали представителей товариществъ и братствъ, самостоятельно творили судъ и расправу надъ своими сочленами и т. д.

Въ пользу нашего мнѣнія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, обычай, практиковавшійся при переходѣ учениковъ въ подмастерья, а также при вступленіи подмастерья въ товарищество подмастерьевъ тѣхъ городовъ, по которымъ онъ странствовалъ. Ученикъ или подмастерье обязаны были выпить въ три пріема поднесенный ему однимъ изъ подмастерьевъ привѣтственный напитокъ (Willkomm), состоявшій изъ двухъ квартъ пива, смѣшаннаго съ перцемъ и другими острыми снадобьями. Если онъ не опоражнивалъ его, онъ вносилъ штрафъ въ товарищескую казну.

Только принятый такимъ или подобнымъ образомъ ученикъ считался „сдѣланнымъ", дѣйствительнымъ подмастерьемъ (gemachter Geselle). Уже въ 1363 г. мы находимъ споръ между подмастерьями ткачей и мастерами относительно требованій, предъявляемыхъ къ ученикамъ для перехода въ подмастерья. Товарищество подмастерьевъ признаетъ недостаточнымъ отбываніе срока ученья, и требуетъ, какъ неизбѣжное условіе, торжественное принятіе въ среду подмастерьевъ. Какъ это обстоятельство, такъ и требованіе выпивки, подтверждаетъ наше предположеніе, что товарищества подмастерьевъ суть не что иное, какъ ограниченныя предѣлами даннаго ремесла парубоцкія братства. Мы не имѣемъ свѣденій о томъ, подносится ли вновь принятому въ парубоцкія братства члену такой сокрушительный напитокъ, какой былъ въ ходу среди нѣмецкихъ подмастерьевъ, но любопытно то, что почти однородную смѣсь выпиваетъ, между прочимъ, въ орловской губерніи, послѣ крещенія сына и совершенія обряда съ кашей, отецъ новорожденнаго, а именно: берутъ немного каши, смѣшиваютъ съ солью, перцемъ, хрѣномъ, горчицею и всѣмъ прочимъ, что̀ есть на столѣ, зачерпываютъ этой смѣси на большую ложку и подаютъ хозяину, который долженъ съѣсть все поданное, чтобы потрудиться, какъ трудилась въ родахъ его жена. Эту смѣсь приготовляетъ кумъ; предъ кашей и послѣ нея отцу даютъ по стакану вина, причемъ второй стаканъ онъ долженъ закусить тою же смѣсью, которую черпаетъ ручкою ложки. Любопытенъ этотъ фактъ въ томъ отношеніи, что и при принятіи въ товарищество подмастерьевъ во многихъ цехахъ, между прочимъ въ кузнечномъ во Франкфуртѣ, Данцигѣ, Торнѣ, въ эльзасскихъ городахъ и другихъ, требовалось нареченіе новаго имени или, вѣрнѣе, пріобрѣтеніе имени (Namenkauf) посредствомъ магарыча, а также совершеніе обряда крещенія, въ шутку или серьезно. Такъ, между прочимъ, въ указѣ 1674 г. Фридрихъ-Вильгельмъ предписываетъ уничтожить водворившіеся во многихъ бранденбургскихъ цехахъ дурные обычаи, заключающіеся въ томъ, что ученики при переходѣ въ подмастерья должны имѣть нѣсколькихъ крестныхъ отцовъ и подвергнуть себя обряду крещенія, при которомъ происходятъ всевозможныя безобразія въ насмѣшку надъ св. таинствами. Очевидно, слѣдовательно, что питье той смѣси, о которой мы говорили выше, находится въ тѣсной связи какъ съ актомъ рожденія, такъ и съ актомъ *возрожденія*, совершающимся при вступленіи ученика въ новую среду, въ новую возрастную группу. Вообще принятіе въ товарищество подмастерьевъ было связано съ различнаго рода испы-

таніями, истязаніями (Hänseln—отсюда, можетъ быть, и слово ганза), которыя въ свою очередь свидѣтельствуютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обрядами, предшествующими переходу изъ одной возрастной группы въ другую. Въ этомъ отношеніи въ особенности любопытенъ такъ-называемый „прыжокъ мясниковъ“.

Еще въ 1877 году въ послѣдній разъ въ Мюнхенѣ совершался во время масляницы обрядъ жестокаго испытанія надъ учениками изъ цеха мясниковъ. Послѣ того какъ число учениковъ, переходившихъ въ подмастерья, было установлено, всѣ члены цеха отправились въ церковь св. Петра, чтобы присутствовать на богослуженіи. Затѣмъ организовалась процессія: впереди шла музыка, за нею нѣсколько мальчиковъ (сыновей мясниковъ), отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, ѣхало верхомъ на лошадяхъ, ведомыхъ конюхами; за ними слѣдовали, также верхомъ, герои дня, т.-е. тѣ подростки, надъ которыми долженъ былъ совершиться обрядъ крещенія въ подмастерья. Всѣ они были одѣты въ красныя куртки, въ бѣлые передники, на которыхъ привѣшены были блестящія точила. Подмастерья шли за ними пѣшкомъ; послѣдній шелъ старшій подмастерье, его сопровождали носители чашъ, кубковъ и большого привѣтственнаго кубка (Willkomm). Мастера, шедшіе попарно, заканчивали процессію. Процессія направлялась къ Маріинской площади, къ такъ-называемому „Рыбному колодцу“, окруженному массою народа. Здѣсь подростки, удалившись въ ратушу, сбрасывали свое платье и одѣвали плотно прилегавшіе къ тѣлу полушубки, вывороченные шерстью вверхъ, причемъ телячьи и овечьи хвосты, нашитые на полушубкѣ, болтались во всѣ стороны. Въ такомъ видѣ подростки, сопровождаемые криками толпы, три раза обходили колодезь, идя по краю его, и затѣмъ становились на краю спиною къ колодцу. Каждый изъ подростковъ получалъ стаканъ краснаго вина, пригубливалъ и затѣмъ остатокъ выливалъ за спиною въ колодезь. Въ заключеніе старшина подмастерьевъ наносилъ каждому изъ подростковъ три удара въ спину, „съ тѣмъ, чтобы напомнить ему тѣ испытанія, которыя приходится переносить въ жизни“. Такъ совершался обрядъ въ позднѣйшія времена. Но еще въ началѣ XVIII в. (1708 г.) онъ совершался въ гораздо болѣе жестокой формѣ, въ Лейпцигѣ, напримѣръ. Тамъ они должны были скакать въ воду, и только послѣ того, какъ они промокали въ достаточной мѣрѣ, они выходили крещенными въ подмастерья. Оттуда они быстро убѣгали, въ холодное время года, въ ратушу для того чтобы переодѣться. Процессія возвращалась въ цеховой кабакъ, гдѣ происходило пиршество.

Изслѣдователи старины давно уже обратили вниманіе на этотъ обрядъ крещенія въ колодцѣ, или „прыжокъ мясниковъ“, какъ онъ назывался, практиковавшійся съ незапамятныхъ временъ во многихъ областяхъ Германіи. Подыскивались и миѳологическія объясненія въ родѣ того, что это есть обрядъ омовенія грѣха, состоящаго въ томъ, что мясники убиваютъ полезное и необходимое въ земледѣліи животное; пріурочивали этотъ обрядъ и къ историческимъ фактамъ: будто бы въ Нюрнбергѣ когда-то составился заговоръ противъ германскаго императора. Совѣщанія происходили у колодца; мясники узнали объ этомъ и, несмотря на холодъ, спрятались въ колодезь, подслушали тайну и сообщили о ней императору. Съ тѣхъ поръ мясникамъ предоставлено право совершать описанную выше процессію. Переселившіеся изъ Нюрнберга въ Мюнхенъ мясники перенесли сюда и нюрнбергскій обычай. Но мы уже знаемъ, что обрядъ этотъ совершался не только въ Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ, но, между прочимъ, и въ Кемптенѣ, Куфштейнѣ, во всей Швабіи и т. д. Народныя сказанія пріурочиваютъ возникновеніе этого обряда ко времени свирѣпствованія чумы въ Германіи въ 1463 и 1517 гг. Благодаря страшной смертности, улицы оставались пустыми. Тогда мясники устроили процессію и такимъ образомъ оживили городъ, и въ немъ началось обычное движеніе.

Стоитъ, однако, сопоставить описанный выше обрядъ испытанія подростковъ съ тѣми испытаніями, которымъ подвергаются при переходѣ въ высшій возрастъ подростки у всѣхъ народовъ на раннихъ ступеняхъ культуры, и между прочимъ съ тѣми испытаніями, которымъ подвергались подростки въ Германіи въ нѣкоторыхъ другихъ слояхъ общества въ однородные моменты, чтобы видѣть, что мы имѣемъ дѣло съ однородными же истязаніями, и что слѣдовательно дѣленіе на три разряда—мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ—не могло быть чѣмъ-то новымъ въ исторіи цеховъ, а есть остатокъ дѣленія на классы по возрастамъ,—дѣленія, составляющаго существенную черту организаціи первобытныхъ племенныхъ общинъ. Очевидно, что это дѣленіе на три разряда отнюдь не возникло по образу и подобію того дѣленія, которое существовало въ средніе вѣка въ рыцарскихъ орденахъ (пажи, оруженосцы и рыцари), какъ это утверждаетъ Мауреръ; напротивъ, слѣдуетъ думать, что и то, и другое дѣленіе возникло на общей почвѣ первоначальнаго возрастнаго дѣленія членовъ общины.

Вполнѣ понятно, что братства и товарищества подмастерьевъ, какъ уже указано выше, отстаивали всевозможные интересы под-

мастерьевъ, между прочимъ по отношенію къ городу, хозяевамъ, и оказывали вліяніе на величину рабочаго дня, на опредѣленіе времени отдыха, на высоту рабочей платы и т. д. Впрочемъ, судя по цеховымъ постановленіямъ относительно продолжительности рабочаго дня, трудно думать, чтобы подмастерья вели съ хозяевами упорную борьбу въ этомъ отношеніи. Рабочій день вообще былъ очень длиненъ: такъ, у корабельныхъ плотниковъ въ Любекѣ, по уставу 1650 г., онъ тянется съ 5 часовъ утра до 6-ти часовъ вечера. У сундучниковъ въ Любекѣ, по уставу 1508 г., и у мебельщиковъ въ Фрейбургѣ, по уставу 1539 г., лѣтомъ и зимою онъ тянулся отъ 4-хъ часовъ утра до 7 ч. вечера. Впрочемъ во многихъ цеховыхъ уставахъ воспрещалась ночная работа, работа при свѣчахъ, въ особенности во французскихъ, причемъ, какъ указываетъ Нейбургъ, могли играть роль отнюдь не интересы рабочихъ, а интересы полицейскаго свойства —опасенія пожаровъ, или же интересы хозяевъ въ томъ смыслѣ, чтобы у всѣхъ мастеровъ даннаго ремесла существовалъ одинъ и тотъ же рабочій день, благодаря чему и высота заработка каждаго хозяина выйдетъ приблизительно одинаковою. Зато почти во всѣхъ цеховыхъ уставахъ, за немногими исключеніями, воспрещается работа по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, что опять-таки слѣдуетъ въ большей мѣрѣ приписать вліянію религіозныхъ требованій, чѣмъ воздѣйствію товариществъ подмастерьевъ. Какъ постановленія европейскихъ цеховыхъ уставовъ относительно продолжительности рабочаго дня, такъ и постановленія относительно числа рабочихъ дней въ недѣлѣ и году вошли въ наше ремесленное положеніе XVIII в., а оттуда и въ нашъ ремесленный уставъ. Статья 153-я гласитъ: „Ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера“; предшествующая 152-ая ст. разъясняетъ: „Ремесленныхъ рабочихъ дней шесть въ недѣлѣ. Въ день же воскресный и двунадесятые праздники ремесленники не должны работать безъ необходимой нужды“.

Упорную борьбу вели товарищества подмастерьевъ въ теченіе среднихъ вѣковъ за сокращеніе числа рабочихъ дней въ недѣлѣ, за предоставленіе имъ свободы не только въ воскресный день, но и въ понедѣльникъ. Изъ постановленій нѣкоторыхъ цеховыхъ статутовъ, между прочимъ портняжнаго въ Любекѣ, отъ 1464 г., мы узнаемъ, что понедѣльникъ былъ признанъ полупраздникомъ для подмастерьевъ, т.-е. они освобождались отъ работы съ утра до полудня понедѣльника, въ иныхъ мѣстахъ каждую недѣлю, въ другихъ—черезъ двѣ недѣли. Впрочемъ въ статутахъ страс-

бургскихъ слесарныхъ подмастерьевъ 1536 г. подмастерьямъ предоставляется свобода съ полудня понедѣльника. Однородное же постановленіе существуетъ въ статутѣ мебельныхъ подмастерьевъ въ Фрейбургѣ 1539 г., причемъ ставится условіемъ, что подмастерья освобождаются лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе недѣли нѣтъ праздника. Авторъ изслѣдованія объ исторіи подмастерскихъ товариществъ, Шанцъ, вмѣстѣ съ Шталемъ, утверждаетъ, что въ виду продолжительности рабочаго дня въ средніе вѣка, въ виду необходимости посѣщать еженедѣльно баню, въ виду наконецъ того, что въ воскресные и праздничные дни сходки были воспрещены, требованіе подмастерьевъ о предоставленіи имъ свободы въ понедѣльникъ имѣло достаточное основаніе. Весьма возможно, конечно, что эти мотивы поддерживали обычай, но едва ли есть основаніе думать, чтобы требованіе подмастерьевъ о предоставленіи свободы въ понедѣльникъ вызывалось указанными мотивами. Вѣрнѣе всего предположить, какъ указываетъ наиболѣе распространенное названіе этого полупраздника — der blaue Montag—синій понедѣльникъ, что онъ вызывался желаніемъ опохмелиться послѣ воскресной гульбы, благодаря которому у каждаго подмастерья оказывались фонари (синяки) подъ глазами. Есть, впрочемъ, и другія названія понедѣльника, а именно: „добрый понедѣльникъ", „обжорливый", „чистый понедѣльникъ". Изъ послѣдняго названія выводили и другое заключеніе, что сначала праздновались только понедѣльники во время поста, причемъ названіе „синій" придано было понедѣльнику потому, будто, что именно во время поста церкви въ Германіи окрашивались въ синій цвѣтъ. Какъ мы видѣли выше, нѣкоторые цеховые статуты уступали, по отношенію къ понедѣльникамъ, требованію подмастерьевъ. Вообще же празднованіе этого дня считалось безобразіемъ, и за это производились вычеты изъ рабочей платы. Упомянутое уже выше имперское рѣшеніе 1731 г. воспрещаетъ празднованіе понедѣльника. Прусскія цеховыя привилегіи XVIII-го в., въ свою очередь, категорически высказываются противъ празднованія понедѣльника. „Подмастерья, говорится тамъ, не должны праздновать „добрыхъ понедѣльниковъ" или другіе будніе дни; должны по вечерамъ своевременно являться домой. Если же подмастерье явится послѣ 10 часовъ, то онъ по заявленію мастера, долженъ быть оштрафованъ двумя грошами; если же онъ не явится въ теченіе всей ночи, то шестью грошами". Однородныя постановленія мы находимъ и въ южно-русскихъ цеховыхъ уставахъ XVIII-го в. Такъ, между прочимъ, въ ст. 19-ой устава каменецкаго портняжнаго цеха 1723 г. говорится: „тѣ изъ

подмастерьевъ, которые выдумывали бы для своеволія праздновать понедѣльники или не ночевали у своихъ мастеровъ, или дома при женѣ мастера и его дочеряхъ пѣли непотребныя пѣсни, или забавлялись насмѣшливыми разговорами, должны быть оштрафованы 3 фунтами воска, а ученики, по старому обычаю, должны быть наказаны въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ цеха".

Наиболѣе существенною чертою, отличающею подмастерья отъ мастера, было то, что онъ не могъ производить работы самостоятельно на свой рискъ и страхъ и долженъ былъ служить по найму у мастера. Такъ опредѣляютъ любекскіе, гамбургскіе цехи, такъ опредѣляютъ статуты другихъ цеховъ, такъ опредѣляетъ и ремесленное положеніе 1785 г. „Буде кто,—говорится тамъ,—ремесленный подмастерья или ученикъ, пока у мастера, у кого возьметъ работу безъ вѣдома мастера, и о томъ въ управѣ мастеръ самъ, или кто иной приноситъ будетъ жалобу, или инако по дѣлу откроется, то, освидѣтельствовавъ того подмастерья или ученика за то, что взялъ работу безъ вѣдома мастера, наказать содержаніемъ въ тюрьмѣ вдвое столько дней, сколько работалъ безъ вѣдома мастера. Послѣ же тюрьмы ни единый управной мастеръ да не приметъ его". Въ нынѣ дѣйствующій ремесленный уставъ опредѣленіе это вошло значительно смягченнымъ по отношенію къ санкціи, карающей за нарушеніе его, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ весьма важными ограниченіями, сдѣланными въ 1799 году. А именно: „подмастерью, находящемуся въ наймѣ у мастера, запрещается безъ вѣдома его брать и производить работу, причемъ, однако, подмастерьямъ дозволяется жить на фабрикахъ и безъ мастера". Это послѣднее дополненіе, какъ мы уже сказали, внесено въ 1799 г., т.-е. заимствовано изъ обнародованнаго въ 1794 г. прусскаго кодекса, въ которомъ повелѣно не чинить препятствій подмастерьямъ, работающимъ на фабрикахъ. Какъ показалъ г. Молчановскій, это постановленіе является результатомъ продолжительной борьбы между цехами и насаждаемою прусскимъ правительствомъ фабричною промышленностью. Цехи настаивали на томъ, что подмастерье можетъ работать только у цехового мастера, а слѣдовательно и на фабрикѣ, лишь тогда, когда работа производится подъ надзоромъ и контролемъ мастера. Прусская центральная власть то уступала требованіямъ цеховъ, то высказывалась противъ нихъ. Въ теченіе довольно продолжительнаго періода она держалась того мнѣнія, что возможно примирить цеховую организацію труда съ фабричнымъ производствомъ; предписывала, между прочимъ, въ 1766 г. на фабрикахъ шолковыхъ издѣлій держать по одному цеховому ма-

стеру на каждые четыре станка, а на табачныхъ фабрикахъ, закономъ 1787 г., по одному цеховому мастеру на каждыхъ двухъ подмастерьевъ. Въ концѣ концовъ, прусская центральная власть, очевидно, вынуждена была уступить силѣ фактическихъ отношеній и выставила, какъ мы видѣли, общее правило въ 1794 г., по которому подмастерье можетъ работать на фабрикахъ и помимо мастера. Этимъ во всѣхъ областяхъ труда, куда проникло машинное производство, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ цеховой организаціи. Произошла нивеллировка класса мастеровъ и класса подмастерьевъ. Цеховая организація труда была расшатана въ самой своей основѣ, тѣмъ болѣе, что фабрики все болѣе и болѣе стали употреблять не-цеховыхъ рабочихъ, утилизировали и женскій трудъ. Изъ прежней цеховой организаціи могло остаться только дѣленіе на взрослыхъ рабочихъ и подростковъ, на подмастерьевъ и учениковъ. Словомъ, машина, все болѣе и болѣе проникая въ различныя отрасли производства и сокрушая цеховую организацію, повела къ торжеству крупнаго производства, въ видѣ мануфактурныхъ фабрикъ, причемъ тѣ области труда, въ которыхъ еще сохранился ручной трудъ, все болѣе и болѣе примыкали къ домашнему, кустарному производству. Жалкіе остатки цеховъ все еще представляютъ собою средину между фабричной акулой и кустарнымъ карасемъ, но они, очевидно, предназначены исторіей къ гибели.

III.

Для пониманія всевозможныхъ явленій цеховой жизни необходимо постоянно имѣть въ виду, что цехи были искони замкнутыми группами, что они только съ трудомъ, какъ и всякая первобытная общественная группа, ассимилировали новыхъ членовъ, что они дѣлали это только по необходимости и только тогда, когда эта необходимость сознана была всею группою, а не отдѣльными членами ея. Этимъ объясняется, что такая обыкновенная вещь, какъ принятіе мастеромъ ученика, издавна обставлялась всевозможными формальностями, происходила торжественно, словомъ, была чѣмъ-то въ родѣ усыновленія, единственнаго способа, съ помощью котораго первобытныя общественныя группы могли ассимилировать и на самомъ дѣлѣ ассимилировали новыхъ лицъ. По статутамъ нѣкоторыхъ любекскихъ цеховъ, принятіе ученика происходило въ присутствіи всего цеха. Это, очевидно, была самая ранняя форма принятія ученика въ цехъ, но и тамъ,

гдѣ присутствія всего цеха не требовалось, все-таки принятіе въ цехъ должно было произойти при цеховыхъ старшинахъ. Такія постановленія мы встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ цеховыхъ уставахъ. По 9-ой статьѣ устава каменецкаго портняжнаго цеха 1723 г., мальчикъ не можетъ быть принятъ иначе, какъ въ присутствіи двухъ мастеровъ, причемъ онъ долженъ дать два злота въ цеховую казну. По уставной грамотѣ сапожнаго цеха въ Чудновѣ 1749 г., принятіе мальчика должно происходить въ присутствіи цехмистра, причемъ обѣ стороны обязаны внести въ цеховую казну по грошу. Однородное постановленіе мы находимъ въ ремесленномъ положеніи 1785 г. „Буде мастеръ, говорится тамъ, пріиметъ ученика, то имѣетъ его представить управному старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ... Управный же старшина да прикажетъ ученику быть вѣрнымъ, послушнымъ, почтительнымъ къ мастеру и учиться ремеслу прилежно. При запискѣ ученика въ ученичью книгу управы, отдается на волю управы, имѣетъ ли тотъ ученикъ внести нѣсколько денегъ въ ремесленную казну, что̀ при каждомъ годовомъ сходѣ ремесленныхъ единожды опредѣлить имѣютъ, но не выше пяти рублей". Требованіе о представленіи ученика цеховому старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ, а также о наставленіи, даваемомъ ученикамъ, сохранилось и въ нынѣ дѣйствующемъ ремесленномъ уставѣ.

Этимъ, однако, не ограничивались формальности при принятіи ученика и требованія, предъявляемыя къ нему. Одно изъ наиболѣе раннихъ требованій, а именно о томъ, чтобы мальчикъ былъ свободно рожденнымъ, показываетъ, что гипотеза о происхожденіи цеховой организаціи изъ той организаціи, какая была придана ремеслу при дворахъ феодальныхъ владѣльцевъ, лишена всякаго основанія. Такого постановленія не могло бы быть въ наиболѣе раннихъ цеховыхъ статутахъ, еслибы цеховая организація труда возникла изъ крѣпостной организаціи. Съ этимъ требованіемъ находится въ связи требованіе, предъявляемое, напр., въ Любекѣ, о томъ, чтобы ученикъ не былъ вендскаго происхожденія, такъ какъ венды въ значительной мѣрѣ были порабощены нѣмцами, считались поэтому низшимъ элементомъ.

Наиболѣе интересны съ точки зрѣнія исторіи культуры два требованія, предъявлявшіяся къ ученику, а именно: чтобы онъ былъ законнорожденнымъ, и чтобы онъ не принадлежалъ по происхожденію къ числу лицъ, соприкосновеніе съ которыми считалось позорнымъ.

Припомнимъ здѣсь, что вопросъ о законномъ рожденіи и за-

конномъ бракѣ игралъ вообще большую роль въ исторіи цеховъ. Бемертъ извлекъ нѣсколько весьма интересныхъ документовъ изъ бременскаго архива по этому предмету. Изъ процесса бременскаго сапожнаго цеха съ сапожникомъ Фишбекомъ, начатаго въ 1616 г., видно, что его и жену исключили изъ цеха, какъ нечестныхъ и не живущихъ въ законномъ бракѣ людей, за то, что жена его родила черезъ три или четыре мѣсяца послѣ брака. Изъ аппеляціи сапожнаго цеха на рѣшеніе бременскаго городского совѣта, который призналъ неправильнымъ постановленіе цеха, видно, что, по обычаямъ цеха, непосредственно послѣ совершенія брака для цеха должно быть устроено пиршество, при которомъ совершается торжественный обрядъ (solennis ritus): два младшихъ мастера кладутъ невѣсту въ постель, а представители цеха должны изслѣдовать ее собственными руками (mit ihren eidtlichen Handen) для того, чтобы засвидѣтельствовать фактъ цѣломудрія невѣсты; происходившее до брака незаконное сожительство влечетъ за собою исключеніе этихъ лицъ, а равно и ихъ незаконнаго потомства изъ цеха. Описанный обрядъ носилъ названіе Bettesetzung, Bettbringung—сажаніе въ кровать. Вмѣсто пиршества, связаннаго съ этимъ обрядомъ, допускалась уплата извѣстной суммы, которая называлась: „das Bettebringengeld“, взносъ за сажаніе въ кровать. Какъ видно изъ жалобы того же сапожнаго цеха на сапожника Драке, подать эта существовала еще и сто лѣтъ спустя. Въ этомъ документѣ сапожный цехъ заявляетъ, что жена Драке родила уже черезъ 7 недѣль послѣ брака, какъ это видно, между прочимъ, изъ записи въ цеховой книгѣ, въ которой обозначенъ упомянутый взносъ. Въ виду этого цехъ признаетъ необходимымъ исключить жену его изъ общенія съ цехомъ за до-брачное сожительство, а мастера оштрафовать. У того же Бемерта въ одномъ изъ напечатанныхъ имъ документовъ воспроизведена форма свидѣтельства, которое требовалось гильдесгеймскимъ цехомъ для принятія въ цехъ. Четыре свидѣтеля должны были удостовѣрить, что отецъ даннаго лица повелъ мать его въ дѣвственномъ нарядѣ, съ распущенными волосами, въ вѣнкѣ, въ церковь для вѣнчанія, и что отъ этихъ супруговъ въ законномъ бракѣ родился данный субъектъ, причемъ ни онъ, ни его родители никому не принадлежатъ въ качествѣ крѣпостныхъ, не происходятъ отъ вендовъ, и также отъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу мытниковъ, мельниковъ, баньщиковъ, брадобрѣевъ, трубачей, льнопрядильщиковъ, пастуховъ или другой подозрительной категоріи лицъ. Вопроса о происхожденіи отъ лицъ, занимавшихся позорящими ремеслами, мы коснемся ниже; здѣсь же

прибавимъ, что пиршества и взносы при вступленіи въ бракъ и совершеніи брачнаго сожительства существовали и въ цехахъ другихъ городовъ, между прочимъ въ любекскихъ.

До сихъ поръ мы привели данныя изъ сравнительно болѣе поздняго времени, но несомнѣнно, что эти требованія унаслѣдованы отъ болѣе раннихъ временъ. Объ этомъ можно судить отчасти по характеру упомянутыхъ выше обрядовъ, отчасти по прямымъ свѣденіямъ, имѣющимся объ этомъ предметѣ. По статуту подмастерьевъ скорняковъ въ Страсбургѣ XV в., мастера не должны принимать подмастерья, публично живущаго въ незаконномъ сожительствѣ. Однородное предписаніе имѣется въ статутѣ подмастерьевъ того-же цеха въ Фрейбургѣ: сожительство съ проституткой или вообще въ незаконномъ бракѣ служитъ препятствіемъ къ принятію въ подмастерья. Въ 1455 г. цехъ ткачей во Франкфуртѣ исключилъ изъ своей среды мастера, вступившаго въ бракъ съ незаконнорожденной дѣвушкой, родители которой, однако, сочетались бракомъ послѣ ея рожденія. Городской совѣтъ отмѣнилъ это рѣшеніе и постановилъ, что ткачъ никоимъ образомъ не лишается права на мастерство, вслѣдствіе этого брака, но жена его не можетъ посѣщать общественныхъ увеселеній въ цеховомъ домѣ, ибо въ нихъ могутъ принимать участіе только честныя женщины. Зато въ 1489 г. городской совѣтъ согласился съ рѣшеніемъ цеха, исключившаго мастера вслѣдствіе того, что онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью патера, т.-е. съ незаконнорожденною. Любекскіе латники въ уставѣ 1433 г. ставятъ требованіе, чтобы принимаемый въ подмастерья и его жена были вполнѣ безупречны. Статутъ бранденбургскихъ кожевниковъ отъ 1424 г. предписываетъ, чтобы мастеръ, желающій вступить въ бракъ, сосваталъ себѣ дѣвушку, которая достойна цеха. Въ 1429 г. вѣнскіе пекари обращаются съ просьбою къ городскому совѣту утвердить постановленіе цеха, по которому мастеръ или подмастерье не можетъ вступать въ бракъ съ публичною женщиною или вообще съ женщиною, на которой лежитъ пятно. Совѣтъ отказываетъ въ этой просьбѣ, мотивируя отказъ тѣмъ, что законныя препятствія къ браку могутъ быть установлены только духовенствомъ. Зато статутъ вѣнскихъ баньщиковъ 1421 года заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, постановленіе, что мастеръ не можетъ принимать на службу подмастерья, не живущаго въ законномъ бракѣ. Въ статутахъ товарищества подмастерьевъ ткацкаго производства въ Ульмѣ, составленныхъ въ самомъ началѣ XV-го вѣка, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: не допускается къ принятію

поповскій сынъ или субъектъ, имѣющій постоянную возлюбленную среди живущихъ въ проституціонномъ домѣ. Если послѣ принятія въ товарищество онъ вступитъ въ такія отношенія, то представитель товарищества долженъ его увѣщевать, и если эти увѣщанія окажутся безплодными, то товарищи лишаютъ его права производить ремесло. Болѣе снисходительно относятся эти статуты къ подмастерью, живущему не съ проституткой, а вообще въ незаконномъ бракѣ съ какой-либо женщиной. Его штрафуютъ фунтомъ воска. Гамбургскіе рыбаки, уставомъ 1375 г., караютъ лишеніемъ права производить мастерство того, о женѣ котораго ходитъ дурная молва. Почти однородную съ приведенной выше формою свидѣтельства приводитъ Нейбургъ изъ Франкфурта-на-Одерѣ по отношенію къ XV-му вѣку. Свидѣтельство удостовѣряетъ, что данное лицо родилось отъ честныхъ людей въ законномъ бракѣ, причемъ четыре восходящихъ предка были нѣмцами свободными, никому не закрѣпощенными, и не происходятъ отъ мытниковъ, льнопрядильщиковъ, баньщиковъ, пастуховъ, цирюльниковъ, патеровъ и вообще отъ „подлыхъ“ людей, „какія бы имена они ни носили“. Прибавимъ еще нѣсколько подробностей въ этомъ родѣ: бриценскіе сапожники и кожевники въ уставѣ 1423 г. требуютъ отъ кандидатовъ въ мастера и ихъ женъ, чтобъ они были законнорожденными; такое же требованіе они предъявляютъ къ ученикамъ. У бреславльскихъ столяровъ подобное же требованіе ставится въ уставѣ 1390 года, а у сапожниковъ и кожевниковъ въ Перлсбергѣ—въ 1353 г. Понятно послѣ этого, что и южно-русскіе цехи предъявляютъ подобное же требованіе. Цехи металлическихъ издѣлій въ Каменцѣ отъ 1712 г. требуютъ просто представленія свидѣтельства о рожденіи. Уставъ портняжнаго цеха въ Каменцѣ отъ 1723 г. требуетъ отъ желающаго вступить въ мастера представленія надлежащаго свидѣтельства о законномъ рожденіи, а еслибы онъ былъ женатъ, то и жена должна быть безупречна. Ученикъ, въ свою очередь, долженъ быть законнорожденнымъ.

Мы видѣли выше, что требованія о законномъ бракѣ и законномъ происхожденіи предъявляются уже въ половинѣ XIV-го в. Есть ли основаніе думать, чтобы оно возникло лишь къ этому времени? Въ разрѣшеніи этого вопроса намъ помогутъ указанія, заключающіяся въ описанномъ выше обрядѣ. По обычному праву германскихъ народовъ, бракъ считался законно совершеннымъ лишь тогда, когда совершенъ былъ фактъ сожительства съ вѣдома общины, когда новобрачные das Bett beschritten. Описанный обычай „сажанія въ кровать“ представителями цеха, практи-

ковавшійся въ XVII вѣкѣ, есть не что иное, какъ остатокъ стариннаго обычая, который практикуется въ Малороссіи и въ настоящее время. Разница лишь въ подробностяхъ обряда. И смотря потому, что̀ эксперты найдутъ, свадебный обрядъ получаетъ то или другое направленіе и продолженіе [1]).

Совершеніе описаннаго выше обряда въ связи съ другимъ, также описаннымъ у Кистяковскаго, едва-ли вызывается требованіями моногаміи, и если, согласно этому обычаю, отъ невѣсты требуется цѣломудріе до брака, то, очевидно, послѣ брака отнюдь не ставится условіемъ, чтобы дитя было плодомъ брачнаго союза данной женщины съ даннымъ мужчиной. Иначе говоря: формальная законнорожденность извѣстнаго лица можетъ не совпадать съ дѣйствительной законнорожденностью.

Несомнѣнно, что какъ малорусскій обрядъ, такъ и бременскій—весьма древняго происхожденія, что онъ въ болѣе ранніе періоды жизни никоимъ образомъ не былъ предназначенъ для цензуры нравовъ. И въ позднѣйшія времена въ самомъ характерѣ совершенія обряда сохранилось, какъ мы видѣли, столько весьма нецѣломудренныхъ деталей, что трудно допустить, чтобы онъ и въ болѣе раннія времена былъ предназначенъ для цензуры нравовъ. Участіе въ изслѣдованіи представителей цеха, въ свою очередь, заставляетъ заключить, что въ болѣе раннія времена обрядъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ требованіемъ цѣломудрія со стороны невѣсты.

Несомнѣнно однако, что съ теченіемъ времени обрядъ сажанія невѣсты въ кровать сталъ употребляться для удостовѣренія безпорочности невѣсты и законнорожденности дѣтей, но очевидно, что такое измѣненіе характера обряда произошло во всякомъ случаѣ не раньше XIV-го в., и что, слѣдовательно, мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и требованія относительно законнорожденности въ томъ смыслѣ, чтобы данное лицо происходило отъ лицъ, сочетавшихся формальнымъ бракомъ, и было рождено не раньше, какъ только чрезъ извѣстное время послѣ совершенія брака, въ свою очередь возникли не раньше этого времени. Это не значитъ, конечно, что до XIV-го в. о происхожденіи лица, принимаемаго въ цехъ, не производилось никакихъ справокъ. Судя по первоначальному смыслу описаннаго выше обряда, въ цехахъ, какъ въ замкнутыхъ общинахъ, практиковалась лишь эндогамія, и въ члены цеха принимались исключительно

[1]) Кистяковскій: „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“, I, стр. 164. См. также приложенія стр. 175, 176, 179, 182. —Терещенко: „Бытъ русскаго народа“, II, стр. 533, 614.

лица, родившіяся отъ такихъ браковъ. Въ пользу этого предположенія свидѣтельствуютъ тѣ многочисленныя постановленія цеховыхъ статутовъ, по которымъ члены семейства цеховыхъ мастеровъ, а также сочетавшіеся браками съ дочерьми и вдовами мастеровъ пользуются всевозможными льготами при вступленіи въ цехъ. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ и постановленія о замкнутости цеховъ во многихъ мѣстахъ, иначе говоря, всѣ тѣ мѣры, которыя являются примѣненіемъ основного воззрѣнія, что всякое ремесло есть наслѣдственное достояніе извѣстной группы лицъ.

Такимъ образомъ, если требованіе относительно законнаго брака и законнорожденности въ указанной выше формѣ возникло лишь въ XIV вѣкѣ, то оно все-таки явилось лишь на смѣну болѣе строгаго принципа, по которому лицо, не находившееся въ кровной или родственной связи съ данною группою, вовсе не допускалось въ составъ цеха.

Въ нашъ ремесленный уставъ всѣ эти постановленія европейскихъ цеховыхъ статутовъ не попали потому, что прототипъ его—прусскія цеховыя привилегіи—согласно съ болѣе ранними имперскими постановленіями и, между прочимъ, съ имперскимъ рѣшеніемъ 1731 г. (парагр. 11) категорически возбраняютъ примѣненіе этихъ правилъ, какъ и правилъ о недопущеніи въ составъ цеховъ лицъ, принадлежащихъ по происхожденію къ позорящимъ ремесламъ.

Мы уже знаемъ, что позорящими ремеслами еще въ XIV в. считались ремесла баньщиковъ, льнопрядильщиковъ, пастуховъ, носильщиковъ. Въ Магдебургѣ къ позорнымъ ремесламъ причисляются и гончары. Мельники и кожевники, а также и ихъ потомство, въ свою очередь, очень рано считаются запятнанными. Изъ имперскаго полицейскаго устава отъ 1548 г. мы узнаемъ, что трубачи и барабанщики также причислялись къ людямъ, занимающимся позорнымъ ремесломъ. Изъ имперскаго рѣшенія 1731 г. можно усмотрѣть, что и лица, входившія въ составъ гробокопателей, стражи городской, лѣсной, ночныхъ сторожей и вообще полицейскихъ и судебныхъ урядниковъ, считались вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ запятнанными своимъ ремесломъ и въ цехи не принимались. Нечего говорить о томъ, что палачи и живодеры и вообще приходившіе въ соприкосновеніе съ трупомъ человѣка или животнаго считались, вмѣстѣ съ ихъ семействами, опозоренными. Даже въ имперскомъ рѣшеніи 1831 г. живодеры и ихъ семейства до второго поколѣнія признаются опозоренными и не могутъ быть приняты въ другіе цехи. Только имперское постановленіе 1772 г. снимаетъ съ нихъ безчестіе и признаетъ ихъ правоспособными къ вступленію въ цехи.

Судя по документу начала XVIII-го в., напечатанному въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, есть всѣ основанія думать, что и въ южнорусскихъ цехахъ убійство животнаго, въ особенности собаки, считалось позорящимъ для лица, принадлежащаго къ цеху, и подвергало его исключенію. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о жалобѣ въ ковельскую городскую раду на то, что жалобщика исключили изъ цеха, вслѣдствіе распространившейся клеветы, будто бы онъ убилъ собаку. По словамъ г. Василенко, въ гончарномъ цехѣ мѣстечка Хомутца, миргородскаго уѣзда, до сихъ поръ сохранился обычай, строго соблюдаемый, что поступившій въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ, иначе его „вытруть зъ бумаги“, т.-е. вычеркнуть изъ списковъ. Такой обычай, по его словамъ, существуетъ еще теперь во всѣхъ цехахъ въ заштатномъ городѣ Глинскѣ.

Легче всего, повидимому, находитъ себѣ объясненіе признаніе безчестными всѣхъ тѣхъ промысловъ и занятій, гдѣ приходилось, говоря словами г. Молчановскаго, хотя бы и противъ воли (или, вѣрнѣе, именно противъ воли), имѣть соприкосновеніе съ преступниками, съ висѣлицей и орудіями пытки, съ падалью и мертвецами, съ кожею или шерстью палыхъ животныхъ. Эти занятія считались сами по себѣ позорящими, безчестящими. Кромѣ палачей, живодеровъ, къ числу этихъ занятій принадлежитъ ремесло кожевниковъ и пастуховъ. Баньщики и брадобрѣи, какъ извѣстно, въ болѣе раннія времена были и цирюльники, пускали кровь, лечили накожныя болѣзни и вообще занимались хирургическими операціями, которыя и производились въ баняхъ. Слѣдовательно, и это ремесло могло считаться позорнымъ потому, что приходилось имѣть дѣло съ пролитіемъ крови. Съ точки зрѣнія, устанавливаемой этими фактами, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ льнопрядильное ремесло попало въ число позорныхъ. Оказывается однако, что въ Мюнхенѣ еще въ 1700 г. на льнопрядильщикахъ лежала обязанность приставить къ висѣлицѣ лѣстницу, когда приходилось вѣшать бѣднаго грѣшника. Затѣмъ, среди прусскихъ эдиктовъ XVII-го в. мы находимъ одинъ отъ 1671 года, въ которомъ курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ — въ отвѣтъ на жалобу льнопрядильщиковъ, что ихъ оскорбляютъ и позорятъ за то, что они обязаны приставлять лѣстницы къ висѣлицамъ въ случаѣ казни преступника — облагаетъ штрафомъ въ 100 талеровъ всякаго, кто позволитъ себѣ оскорблять прядильщиковъ и признавать ихъ безчестными. Но если это такъ, если соприкосновеніе какого-либо ремесла съ висѣлицей и казнью могло имѣть позорящее значеніе, то этотъ позоръ долженъ былъ падать на все-

возможныя ремесла, прежде всего на плотниковъ и столяровъ. Еще въ 1500 г., между прочимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ позорящее значеніе этой работы для плотниковъ и столяровъ устранялось тѣмъ, что прибиваніе перекладинъ производилось не отдѣльными членами цеха, а всѣмъ цехомъ въ совокупности. И въ позднѣйшія времена всѣ работы по постройкѣ и ремонту эшафота производились, какъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, такъ и въ другихъ городахъ, всѣми мастерами, подмастерьями и учениками даннаго ремесла. Въ Пруссіи, какъ видно изъ указа 1730 г., для устраненія безчестія, лежавшаго на работѣ по устройству и исправленію эшафотовъ, кромѣ участія цеховъ въ полномъ ихъ составѣ, требовалось, чтобы первый ударъ топора былъ произведенъ членомъ магистрата или однимъ изъ судей, причемъ цеху устроивалось угощеніе.

Возможно, что сравнительно большее безчестіе, лежавшее на льнопрядильщикахъ, объясняется именно тѣмъ, что они принимали въ казняхъ, въ особенности въ повѣшеніи, въ болѣе раннія времена самое непосредственное участіе: они изготовляли веревку и обматывали ею шею преступника. Это видно, между прочимъ, и изъ наименованія, которое на нѣмецкомъ языкѣ носила эта веревка—die Leine: льнопрядильщики назывались Leineweber.

Еще труднѣе казалось бы привести въ связь съ указанными ремеслами, имѣвшими отношеніе къ смертной казни, мельниковъ; но и о нихъ, если не въ юридическихъ памятникахъ, то въ народныхъ сказаніяхъ, существуютъ свѣденія, указывающія на то, что они были причастны къ этому дѣлу. Въ pendant къ многочисленнымъ сказаніямъ, свидѣтельствующимъ о существованіи смертной казни въ видѣ размалыванія, Либрехтъ указываетъ и на дѣйствительный фактъ, происходившій на Гузратскомъ берегу. Мусульмане опустошили эту страну, и въ наказаніе за это мѣстный владѣтель впослѣдствіи убивалъ ежедневно одного магометанина, размалывая его въ мельницѣ или разбивая въ ступѣ.

Вообще, за исключеніемъ гончаровъ, почти всѣ упомянутыя выше категоріи позорныхъ ремеслъ могли быть признаны въ средніе вѣка безчестящими человѣка именно потому, что они въ ранніе періоды принимали участіе въ приведеніи въ исполненіе казней. Лица, входившія въ составъ городской стражи и полицейскихъ и судебныхъ урядниковъ, въ свою очередь очень долго занимались этимъ дѣломъ. Наиболѣе ранней стадіей въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе смертной казни слѣдуетъ считать ту, когда сама община, въ полномъ составѣ, присуждая кого-либо къ наказанію, исполняла это наказаніе въ такомъ же составѣ. На это указы-

ваютъ и наиболѣе ранніе способы наказанія: забрасываніе каменями, стрѣлами, копьями. Остаткомъ этого способа наказанія является еще и въ настоящее время, какъ уже указалъ Гриммъ, разстрѣливаніе, производимое не спеціально назначеннымъ для того лицомъ—палачемъ, а товарищами осужденнаго. Да и по отношенію къ повѣшенію очень долго, между прочимъ, въ нѣмецкихъ уставныхъ грамотахъ сохранялись право и обязанность общины производить его сообща. Такъ, въ селѣ Визенбруннѣ, во Франконіи, издавна существовало право жителей вѣшать злодѣя на деревѣ, причемъ всѣ жители должны были держать веревку. Съ теченіемъ времени, однако, народную толпу замѣнялъ представитель ея: древній князь, вообще военный предводитель или жрецъ. Такъ, въ древнемъ Римѣ казнь исполнялъ или понтифексъ, или консулы. Иначе говоря, тѣ лица, къ которымъ перешла значительная часть судебныхъ функцій отъ первобытной общины, сами и исполняли наказаніе. Остаткомъ этого способа исполненія наказанія слѣдуетъ считать то, что не только Іоаннъ Грозный, но и Петръ Великій еще принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, однако, что это были исключенія изъ общаго правила, по которому исполненіе казни, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ, на соотвѣтствующихъ ступеняхъ культуры переходитъ отъ высшихъ представителей суда къ низшимъ представителямъ его, къ ликторамъ въ Римѣ, къ такъ-называемымъ въ Германіи Schergen, Fronboten, Nachrichtern, Scharfrichtern и т. д., т.-е. къ городскимъ полицейскимъ и судебнымъ служителямъ и, наконецъ, къ палачамъ. Очень долго и эти лица считаются еще занимающими почетное положеніе въ обществѣ. Самое названіе палача во Франціи—maistre des hautes oeuvres—свидѣтельствуетъ о томъ почетѣ, которымъ онъ пользовался. Впослѣдствіи, однако, должность эта сдѣлалась предметомъ всеобщаго отвращенія, и даже завѣдомые преступники не легко рѣшались приниматься за исполненіе его обязанностей. Городскіе и полицейскіе служителя, на которыхъ нѣкогда, какъ и на льнопрядильщикахъ и на мельникахъ въ болѣе раннія времена, лежала эта обязанность, въ свою очередь пользовались дурною славою. Иначе говоря, то, что нѣкогда для каждой изъ разсмотрѣнныхъ группъ считалось привилегіей, высшимъ почетомъ, впослѣдствіи служило для опозоренія и обезчещенія.

Въ сущности, рѣшительно непонятно, какимъ образомъ средніе вѣка, которые были полны кровопролитія, всякихъ жестокостей и истязаній, могли считать позорными дѣйствія, относившіяся къ исполненію казни и вообще къ истязанію человѣка и

пролитію крови. Намъ кажется, что это противорѣчіе между духомъ среднихъ вѣковъ, его повальнымъ жестокосердіемъ, безпощадностью въ дѣйствіяхъ, съ одной стороны, и сантиментальностью взглядовъ, нашедшихъ свое выраженіе въ отношеніи къ извѣстнымъ ремесламъ, съ другой стороны,—находитъ свое объясненіе въ томъ основномъ положеніи, на которое мимоходомъ указано выше, а именно: приведеніе въ исполненіе казней не считалось позорнымъ до тѣхъ поръ, пока исполнители казни были въ то же время и судьями, пока сами судьи—были ли то цѣлыя общины или отдѣльныя лица—исполняли свои собственныя рѣшенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ функція судьи отдѣлилась отъ функціи исполнителя рѣшеній, съ тѣхъ поръ какъ цѣлая совокупность лицъ въ видѣ ремесленной общины или отдѣльныя лица въ видѣ судебныхъ служителей и палачей стали приводить въ исполненіе чужія приказанія, чужіе приговоры по лишенію жизни или истязанію человѣка или животнаго,—съ тѣхъ поръ занятіе это и входящія въ составъ его дѣйствія стали считаться позорными, безчестящими тѣхъ, кто по обязанности или за деньги исполняетъ такого рода постановленія. Любопытно, что въ вестфальскихъ судахъ приговоръ исполнялся низшимъ членомъ суда еще въ то время, когда исполненіе приговоровъ уже было предоставлено палачамъ, причемъ они считались уже безчестными. Очевидно, слѣдовательно, что участіе въ постановленіи приговора снимало безчестіе съ лица, исполнявшаго приговоръ.

Съ помощью приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ намъ удалось привести почти всѣ позорящія ремесла къ одному знаменателю. Впрочемъ остаются еще, кромѣ гончаровъ, трубачи и барабанщики. Не подлежитъ сомнѣнію, что дурная слава, которой они пользовались, обусловливалась тѣмъ, что сопѣльники и гусляры причислялись къ числу скомороховъ. Еще Аѳанасьевъ собралъ массу данныхъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи духовной и свѣтской власти въ Россіи къ музыкѣ и представителямъ ея. Мы приведемъ только нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ. Домострой попа Сильвестра называетъ пѣсни, пляски, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы и сопѣли дѣлами богомерзкими, а Стоглавъ вооружается противъ слѣдующихъ явленій: „въ мірскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ. Въ прошлую субботу по селамъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся

по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача переставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти". По этому заявленію соборъ поставилъ въ обязанность священникамъ убѣждать паству, чтобы „въ кое время родителей своихъ поминаютъ, и они бы нищихъ поили и кормили по своей силѣ, а скоморохомъ, гудцомъ и всякимъ игумцомъ запрещали и возбраняли" тѣми бѣсовскими играми смущать православныхъ. Точно также высказывается Стоглавый соборъ и противъ обычая сходиться въ навечеріи Рождества и Крещенія и на Ивановъ день „творить глумы всякими плясаньми и гусльми". Приговорною грамотою Троицко-сергіева монастыря 1555 г. было опредѣлено, чтобы монастырскіе крестьяне въ волостяхъ скомороховъ не держали, а „у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скоморохъ или волхва или бабу-ворожею, и на томъ сотскомъ и на его сотной на стѣ человѣкъ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ, а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать". Въ наказахъ монастырскимъ приказчикамъ XVII в. предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне „въ бѣсовскія игры, въ сопѣли и въ гусли, и въ гудки и въ домары, и во всякія игры не грали, и въ домѣхъ у себя не держали". Въ 1636 г. по указу патріарха Іоасафа, дана была память поповскому старостѣ тіуну наблюдать, чтобы на праздники владычни, богородичны и нарочитыхъ святыхъ не было въ Москвѣ безчинствъ; а то „вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспріимше игры и кощуры бѣсовскія, повелѣвающія медвѣдчикомъ и скоморохомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатаническія игры творити и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти и руками плескати, и плясати и иная неподобная дѣяти". Противъ тѣхъ же обычаевъ предостерегаетъ и царская окружная грамота 1648 года; она требуетъ, чтобы православные не призывали къ себѣ скомороховъ съ домрами, сурнами, волынками и всякими играми, чтобы медвѣдей не водили и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и по ночамъ на улицахъ и поляхъ, и во время свадебъ пѣсенъ не пѣли и не плясали и въ ладони не били, и скоморошьи платья и личинъ на себя не накладывали. Всѣ эти дѣйствія, по словамъ грамоты, указываютъ на забвеніе Бога и православной вѣры; а потому воеводамъ предписывалось отбирать у всѣхъ музыкальные инструменты, ломать и жечь, а тѣхъ, у кого они найдутся, бить батогами и ссылать въ украйныя мѣста. По свидѣтельству Олеарія, еще прежде, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, по распоряженію патріарха,

не только у скомороховъ, но и вообще по домамъ были отобраны музыкальные инструметы — пять возовъ, и публично сожжены, какъ орудіе дьявола. Въ 1657 г. ростовскій митрополитъ Іона приказалъ разослать по селамъ и погостамъ памяти къ священнослужителямъ, съ наказомъ надзирать, чтобы скомороховъ и медвѣжныхъ поводчиковъ нигдѣ не было, и въ гусли, домры, сурны, волынки и во всякія игры не играли и пѣсней „сатанинскихъ" не пѣли; скоморохамъ и нарушителямъ этого запрета митрополитъ угрожаетъ „великимъ смиреніемъ" и отлученіемъ отъ церкви [1]).

Значительная доля приведенныхъ распоряженій по отношенію къ музыкѣ и ея представителямъ навѣяна была византійско-аскетическимъ воззрѣніемъ на жизнь. Тѣмъ не менѣе, первоначальнымъ источникомъ отрицательнаго отношенія къ представителямъ музыки слѣдуетъ считать то, что музыканты сохранили характеръ первобытнаго отхожаго промысла со всѣми дурными сторонами кочеванія по разнымъ землямъ въ то время, какъ остальные промыслы стали уже осѣдлыми, постоянными элементами населенія въ каждомъ данномъ мѣстѣ. Еще въ XVI и XVII в. скоморохи, сопѣльники, „гудѣльники" собирались въ артели и ходили по широкой Руси большими ватагами, нападали по дорогамъ на путниковъ и проѣзжихъ и грабили. „Да по дальнимъ сторонамъ,— говоритъ Стоглавъ,—ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ". Особенно привлекали скомороховъ сельскія братчины, гдѣ можно было вдоволь попировать и что-нибудь заработать своей игрой, пѣснями и плясками; потому въ жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ различнымъ сельскимъ общинамъ встрѣчаемъ положеніе: „а скоморохомъ у нихъ сильно (насильно) не играти"; запрещается и княжескимъ чиновникамъ давать имъ разрѣшенія на участіе въ деревенскихъ пирахъ и братчинахъ: „скоморохомъ у нихъ посельской (или волостень) играти не освобождаетъ". Въ случаѣ насильнаго прихода скомороховъ дозволялось выбивать ихъ изъ селъ и съ братчинъ безнаказанно [2]). Въ виду такой роли скомороховъ нельзя не считать вполнѣ правильнымъ сопоставленіе „скомороховъ" съ скамарами, сдѣланное Шафарикомъ, т.-е. съ разбойниками [3]), тѣмъ болѣе, что и слово „пандуры", т.-е. бандуристы,

[1]) Аѳанасьевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". Т. I, стр. 342—344.

[2]) Аѳанасьевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". I, стр. 347.

[3]) Веселовскій: „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха". VI, X, 1—83. стр. 179.

игроки на бандурѣ, какъ уже указалъ А. Н. Веселовскій, въ то же время обозначаетъ разбойниковъ. Вполнѣ понятно послѣ того, что скоморохи, какъ это подтверждается прямыми данными по отношенію къ Византіи, приведенными А. Н. Веселовскимъ, призывались къ участію въ обрядѣ казни и исполняли ее въ видѣ ремесла, что налагало клеймо позора на исполнителей.

Изъ приведенныхъ только-что данныхъ очевидно, что музыкальный промыселъ носилъ во всей Европѣ такой же характеръ, какъ въ Россіи. Музыканты преимущественно называются тамъ странствующими, кочующими, гулящими, fahrende Leute, и нравы ихъ описываются такими же чертами, какъ и нравы нашихъ скомороховъ. Вѣчно голодные, они странствуютъ цѣлыми сотнями. Подобно воронамъ, они собираются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ празднество, свадьба, и отчасти добромъ, отчасти насильно добываютъ себѣ средства существованія пѣніемъ, пляской, игрой, жонглерствомъ, вожденіемъ медвѣдей, обезьянъ и т. д. Не только цеховые уставы, но и саксонское и швабское зерцало относятся враждебно къ неосѣдлымъ скоморохамъ и шпильманамъ, занимавшимся по временамъ разбоемъ. Саксонское зерцало опредѣляетъ въ качествѣ выкупа за убійство шпильмана тѣнь человѣка. Обычное право остготовъ и вестготовъ ставитъ полученіе выкупа наслѣдникомъ убитаго шпильмана въ зависимость отъ слѣдующаго условія: если онъ съумѣетъ удержать за хвостъ молодого вола, котораго гонятъ съ горы, рукою, облеченною въ жирную перчатку. Швабское зерцало лишало наслѣдства сына, если онъ, противъ воли отца, сдѣлался шпильманомъ, и вообще признавало шпильмановъ и фокусниковъ безправными. Незачѣмъ много распространяться о томъ, что западная церковь издавна считала шпильмановъ отверженными. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ, церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне грѣховнымъ. Она громила его своею проповѣдью, постановленіями соборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріобщиться Христовыхъ тайнъ.

Итакъ, есть всѣ основанія думать, что перечисленные выше разряды ремеслъ признавались позорными потому, что лица, занимавшіяся ими, такъ или иначе, соприкасались съ актомъ смертной казни и вообще съ мертвыми тѣлами. Такое объясненіе вытекаетъ изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ, но очень возможно, что антагонизмъ другихъ ремесленныхъ цеховъ къ лицамъ, занимавшимся указанными ремеслами, гораздо больше проистекалъ изъ того, что какъ они, такъ потомство ихъ, охотно разставались

съ своимъ ремесломъ и выходили изъ своихъ цеховъ для вступленія въ болѣе выгодные и обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи цехи мясниковъ, пекарей и т. д. Иначе говоря, антагонизмъ большинства цеховъ къ цехамъ баньщиковъ, кожевниковъ, цирюльниковъ, музыкантовъ и т. д. обусловливался съ одной стороны замкнутостью цеховой организаціи вообще, а съ другой стороны, усиленнымъ стремленіемъ лицъ, принадлежащихъ къ этимъ цехамъ, вторгаться въ сферу дѣятельности другихъ ремеслъ, замѣнять наслѣдственно доставшіяся имъ профессіи другими, болѣе выгодными. Признавъ извѣстныя занятія позорящими и безчестящими, а представителей ихъ неспособными къ поступленію во многіе городскіе цехи, они создавали этимъ барьеръ противъ усиленнаго наплыва элементовъ, не дорожившихъ своими занятіями и падкихъ къ замѣнѣ ихъ другими.

Въ заключеніе упомянемъ, что есть и другое объясненіе— Штоля, по которому представители этихъ профессій были, большею частью, въ раннемъ періодѣ среднихъ вѣковъ лицами несвободными, крѣпостными. Да и впослѣдствіи ремесла льнопрядильщиковъ, мельниковъ, были въ значительномъ количествѣ случаевъ деревенскими ремеслами въ противоположность другимъ ремесламъ—городскимъ. Намъ кажется однако, что это объясненіе лишено основанія уже потому, что одновременно съ существованіемъ ремесленныхъ общинъ въ городахъ, въ имѣніяхъ крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, были не только мельники, льнопрядильщики, музыканты, шуты, но и всевозможнаго рода ремесленники, находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ этихъ владѣльцевъ. Если, слѣдовательно, тотъ фактъ, что крѣпостной занимался извѣстнымъ ремесломъ, могъ опозорить самое ремесло, то позоръ долженъ былъ распространяться одинаково на всѣ ремесла. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковые цехи считали крѣпостное состояніе позорнымъ и, въ виду этого, ограждали себя отъ общенія съ крѣпостными, не принимая ихъ въ цехи. Такъ относились къ крѣпостнымъ и льнопрядильщики, и кожевники, подобно цехамъ другихъ ремеслъ. Затѣмъ, если цехи преслѣдовали деревенскихъ ремесленниковъ, то не потому, что они занимались позорнымъ дѣломъ, а потому, что они конкуррировали съ ними, стали работать для сбыта, подобно городскимъ ремесленникамъ.

М. Кулишеръ.

ИВАНЪ КУЦЫЙ И ЖЕНА ЕГО ФЕСЬКА

РАЗСКАЗЪ

Изъ южно-русскаго народнаго быта.

Преинтересная это была парочка! Иванъ прозванъ былъ „Куцымъ“ своими односельчанами, и это прозвище совершенно замѣнило его настоящую фамилію „Кравчукъ“, какъ это большею частью случается въ деревняхъ, гдѣ фамиліи имѣютъ значеніе только въ волости, въ подворныхъ спискахъ и въ метрическихъ книгахъ, а въ домашнемъ обиходѣ не представляютъ ничего полезнаго или необходимаго, такъ какъ однофамильцевъ столько, что и разобраться въ нихъ трудно.

На этомъ же основаніи и Феська, жена Ивана Кравчука, носила не его фамилію, а почему-то прозывалась „Апонечка“. Откуда это названіе, что̀ оно обозначаетъ—никто не могъ мнѣ объяснить.

Но Ивана прозвали „Куцымъ“ очень мѣтко. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ не просто малорослый, а какой-то коротенькій.

Прихотливая природа посадила туловище его, среднихъ размѣровъ, на очень коротенькія ножки, снабдила длинными руками и увѣнчала большою головою, украшенною копной вѣчно растрепанныхъ волосъ.

Такая несоотвѣтственность отдѣльныхъ членовъ относительно цѣлаго производила впечатлѣніе, будто на Куцомъ все было чудно̀е: не то голова должна бы принадлежать человѣку высокаго роста, не то ноги взяты были отъ маленькаго человѣка. Ну, куцый вышелъ, да и только!

Лицо ему также досталось ужасно смѣшное. Носъ длинный, точно утиный, глаза хитрые, даже будто умные, а улыбка совсѣмъ глупая. Посмотрѣвши на широко улыбающійся ротъ, сказалъ бы иной, что Иванъ „совсѣмъ дурень", но хитро подмигивающіе глаза не только опровергали такое опредѣленіе, а еще наводили на мысль, что обладатель ихъ, пожалуй, даже очень уменъ. Его же собственное мнѣніе на этотъ счетъ было категорично; онъ положительно высказывалъ, что я-де знаю, „що я дурень!" а между тѣмъ самъ казалось думалъ: „а попробуйте этому повѣрить!"

Въ сущности, онъ и не былъ „дурнемъ", но сообразилъ, что казаться такимъ гораздо выгоднѣе, во всякомъ случаѣ несравненно спокойнѣе.

Чисто хохлацкая лѣнь обнаруживалась въ немъ не только въ развалистой походкѣ и вялыхъ движеніяхъ, но и въ безпрекословной покорности женѣ. Всѣ хозяйственные и иные жизненные вопросы рѣшались имъ очень незамысловато: „якъ жинка скаже!" Зато Феська-Апонечка была премилая баба. Тоже маленькая, но пропорціонально сложенная, всегда „чупурненько" одѣтая, во всемъ ея обхожденіи проявлялось женское кокетство, тѣмъ болѣе интересное, что она, какъ и мужъ ея, очень близко подходила уже къ сороковой своей веснѣ, и вдобавокъ чрезвычайно далека была отъ общепринятыхъ идеаловъ женской красоты. На сморщенномъ ея личикѣ особенно выдавался красный „кирпатый", т.-е. курносый носикъ, а маленькіе глаза и ротъ до ушей нисколько уже ее не украшали.

Тѣмъ не менѣе мѣстная хроника упоминала о большихъ успѣхахъ Феськи въ молодости, т.-е. еще во время крѣпостного права и освобожденія, когда и „паны за ею припадали".

Феська была очень милая. Такая „жвавая"—и въ работѣ, и въ разговорѣ, веселая, умная, энергичная! Къ мужу она относилась съ материнской снисходительностью и заботливостью, и въ обиду его никому не давала, хотя сама зорко слѣдила за нимъ и направляла его дѣятельность по собственному усмотрѣнію.

Земельнаго надѣла они не имѣли, такъ какъ, будучи бездѣтными, отказались отъ своей половины въ пользу старшаго многосемейнаго брата. Они оставили за собой только „займище", гдѣ и теперь ростутъ замѣчательныя черешни, какихъ ни у кого въ селѣ нѣтъ, и отъ продажи которыхъ Куцый съ Апонечкой получаютъ ежегодно порядочный доходъ. Да, кромѣ того, у Феськи былъ маленькій капиталъ, который она пускала въ оборотъ за большіе проценты, какъ это водится въ деревняхъ, гдѣ за двад-

цать рублей ссуды берутъ въ процентъ и мѣрку гречки, и нѣсколько гарнцевъ пшена, и гороху, и еще что-нибудь, не считая процентовъ деньгами. Хлѣбъ они заработывали, становясь „на сотню“ во время уборки, т.-е. получая, вмѣсто платы за работу, извѣстную часть сжатаго ими жита. Зимой жена добывала тоже порядочныя деньги тканьемъ полотна, а мужа она выгоняла на поденную работу къ намъ, въ господскую клуню, гдѣ онъ, по свойственной ему лѣни, старался всегда увильнуть отъ слишкомъ тяжелой работы, предоставляя ее другимъ.

Въ селѣ оба, и мужъ, и жена, пользовались общимъ расположеніемъ, во-первыхъ, потому, что ихъ знали за капиталистовъ, во-вторыхъ, обоихъ любили за ихъ веселый нравъ.

Традиціонное зеленое вино удивительно благотворно дѣйствовало на Куцаго.

Онъ не только никогда не лѣзъ въ драку, хвативъ лишнюю чарку—напротивъ, еще веселилъ и себя, и окружающихъ, своими забавными выходками.

За недостаткомъ дамы для танцевъ, онъ, бывало, серьезнѣйшимъ образомъ обнималъ соломенный куль и подъ тактъ заливавшихся скрипки и бубна добросовѣстно продѣлывалъ съ нимъ pà вальса, къ великому хохоту и увеселенію собравшейся вокругъ него публики.

Шапка его, не разъ при этомъ слетавшая съ головы, служила постоянно предметомъ его заботъ и поисковъ, и въ этой вознѣ съ кулемъ и шапкой, которыми онъ видимо одинаково дорожилъ, въ серьезной озабоченности не потерять того и другого, заключалось столько добродушнаго и безсознательнаго комизма, что онъ не могъ не заражать и безъ того весело настроенную публику.

Если же Силэнъ и Бахусъ слишкомъ ужъ сильно завлекали Куцаго, и ему грозила опасность лишиться услуги своихъ ногъ, на выручку ему всегда являлась Феська, награждавшая его въ такихъ случаяхъ изобильными головомойками и наставленіями, длившимися во все время пути отъ мѣста увеселенія къ дому, куда она его твердо направляла, не взирая на его убѣдительныя возраженія. Безъ Феськи трудно было бы себѣ представить какое-нибудь торжество въ деревнѣ и особенно свадьбу.

Присутствующимъ и играющимъ какую-нибудь значительную роль на свадьбахъ нуженъ цѣлый ворохъ знанія обычаевъ, пѣсенъ, присказокъ, примѣтъ и проч. Свѣжій человѣкъ совсѣмъ растерялся бы и надѣлалъ бы Богъ знаетъ сколько непоправимыхъ ошибокъ, за которыя во всю жизнь не обобраться нареканій и

пересудовъ; а бабы всю процедуру наизусть знаютъ и ведутъ замысловатый ходъ дѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, успѣвая и „свату“ шепнуть вò-время, чтò ему дѣлать, и „боярину“ указать, гдѣ ему стать, и „дружку“ научить, гдѣ ей сѣсть, и молодымъ кивнуть, когда имъ подобаетъ встать, когда кланяться, и пр., чего и не вспомнишь. А вотъ Феська все это до тонкости хорошо знала! Она придавала своимъ присутствіемъ оживленіе и веселость всему ходу дѣла, а это — не малая услуга при необходимости обязательнаго восьмидневнаго веселья! Свадьба, начинающаяся въ субботу вечеромъ, оканчивается только черезъ недѣлю въ понедѣльникъ утромъ, когда родственники, измученные, исхудалые, больные разъѣзжаются по домамъ. Хотя водка (которой израсходуется на 90—100 рублей въ это время) и поддерживаетъ силы публики, но все же нужна значительная нравственная энергія, чтобы подъ конецъ пиршества не поддаться малодушной меланхоліи! Съ Феськой-Апонечкой это было немыслимо. Въ качествѣ „приданки“, напримѣръ, она всегда была руководительницей остальныхъ и первой запѣвалой. Нужно знать, что когда молодой торжественно везетъ къ себѣ молодую, то ее сопровождаютъ отъ десяти до пятнадцати молодицъ, такъ-называемыхъ „приданокъ“, такъ сказать, для рекомендаціи ее новой семьѣ. Курьезно то, что молодую накрываютъ съ головой длиннымъ полотномъ, а поверхъ нахлобучиваютъ на нее мѣховую шапку мужа: эмблема того, что, по выходѣ замужъ, женщинѣ закрытъ весь Божій свѣтъ, и мужъ, какъ глава, долженъ одинъ руководить всѣми ея помышленіями и волей.

Увы! должно признаться, что сама жертва строгаго древняго обычая и кортежъ приданокъ, съ Феськой во главѣ, не безъ улыбки относятся къ этой эмблемѣ будущей супружеской жизни. Слѣпой покорности мужу никто у насъ не вѣритъ. Уѣзжая изъ дома, во все время пути приданки должны въ пѣсняхъ выражать подходящія къ случаю чувства и мысли, причемъ онѣ горланятъ и визжатъ немилосердно. Въ домѣ молодого принимаютъ молодую и приданокъ съ разными церемоніями и угощеніями, послѣ чего начинается балъ. Вотъ тутъ-то „моторная“ (живая) Феська бывала неподражаема.

Какъ задорно хлопала она въ ладоши, кружась въ залѣ передъ кавалеромъ! Какъ кокетливо пожимала плечиками въ отвѣтъ на любезности „чиловиковъ“—и какъ неудержимо весело поддразнивала какого-нибудь дремлющаго степеннаго свата!

Будучи обыкновенно руководительницею веселой компаніи, она умѣла вò-время отвлечь подготовлявшіяся враждебныя столк-

новенія между тѣми изъ гостей, которые, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, любятъ при случаѣ сводить свои старые счеты кулаками. Я, конечно, подразумѣваю гостей мужского пола; женщины вообще любятъ веселиться мирно и кротко, и если вносятъ въ свое обхожденіе нѣкоторый задоръ, то отнюдь не съ враждебными намѣреніями.

Впрочемъ Феська бывала неоцѣнима не только въ свадьбахъ. Ея познанія въ области приличнаго обхожденія при всѣхъ случаяхъ жизни были очень обширны. Въ роли кумы она и попу умѣла угодить въ церкви, и неопытнаго кума выручить; между „сестричками",—когда, проводивъ со свѣчами покойника до могилы, онѣ приступаютъ, по возвращеніи съ „цментаря" (кладбища) къ предложенному угощенію, Феська лучше всѣхъ умѣла въ краткой рѣчи выразить соболѣзнованіе и помянуть всѣ добрыя качества покойнаго...

Не будучи обремененной собственной семьей, она болѣе другихъ жила жизнью сосѣдокъ и односельчанокъ. Бабы завидовали ей, приговаривая, что не диво, если у нея и здоровье не по лѣтамъ, и копѣйка водится:—„Ни крестынъ, ни мерлинъ,—не штука що гроши есть!"—и дѣйствительно рожденіе и смерть въ нашихъ деревняхъ очень разорительны. Сама же Феська на это отвѣчала, бывало, что какъ ни просила у Бога дѣтокъ въ молодости, да не выпросила, а подъ старость хорошо бы имѣть дочку помощницу: „всежъ было бы кому пригорнуть" (т. е. приласкать),—прибавляла она со вздохомъ.—„Э, на що вамъ той хлопотъ!"—утѣшали ее бабы, особенно тѣ, у которыхъ такіе будущіе помощники и помощницы цѣплялись за юбки съ обѣихъ сторонъ, тогда какъ послѣдній по счету, ухватившись за шею, прерывалъ бесѣду самымъ безцеремоннымъ ревомъ.

Какъ бы то ни было, но беззаботная жизнь Куцаго съ Феськой текла мирно и однообразно, и ее можно было назвать вполнѣ счастливой, хотя и безцвѣтной, такъ какъ никакія событія не омрачали и не освѣщали ея.

Но въ одинъ прекрасный день все измѣнилось.

Невѣроятное, неслыханное извѣстіе поразило все село и въ особенности прекрасный полъ. Подъ строжайшимъ секретомъ старая баба Малачиха сообщила своей пріятельницѣ, бабѣ Мизерѣ, что Феська „понесла", т.-е. ожидаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рожденія ребенка. Всплеснувъ руками отъ неожиданности и выпытавъ все до нитки отъ довѣрчивой Малачихи, баба Мизера чуть

не вскачь пустилась къ кумѣ, чтобъ первой успѣть сообщить подъ строжайшимъ секретомъ замѣчательную вѣсть. Отъ кумы она направилась къ сосѣдкѣ, затѣмъ къ родственницѣ, затѣмъ еще къ кому-то, но когда дошла до четвертой хаты, то было уже поздно.

Счастливая вѣсть дошла туда раньше ея, съ быстротой электричества.

Господи! какой фуроръ произвела эта новость! Никогда, навѣрное никогда, въ нашемъ селѣ появленіе на свѣтъ крошечнаго существа не ожидалось съ такимъ интересомъ. На водѣ, при полосканіи бѣлья, въ воскресенье на „призьбахъ“ подъ хатами только и разговору было, что объ ожидаемомъ событіи.

Стали считать, сколько лѣтъ она замужемъ, сколько ей самой лѣтъ отъ роду, и все больше и больше дивились.

Бабы въ точности опредѣляли, что она лѣтъ двадцать уже замужемъ, и что ей должно быть лѣтъ 38 или 39! И какъ она доноситъ въ эти годы? И каково ей будетъ родить?! И, наконецъ, въ тихомолку, стали раскидывать умомъ (такія ужъ эти бабы ехидныя!), кого должно предположить отцомъ будущаго ребенка? Принялись считать впередъ и назадъ, вспоминать, соображать, догадываться, и вдругъ... все себѣ уяснили. На ухо, чтобъ даже стѣны не слыхали, передали другъ другу имя, время, обстоятельства... Все, все.

Нѣсколько времени тому назадъ, когда Марина выходила за мужъ и ее повезли въ сосѣднее село... Феська была въ приданкахъ... Рудый былъ сватомъ у молодого!.. и пошли, и пошли!

Самую Феську постоянно стали теперь навѣщать пріятельницы. Разспрашивали о здоровьѣ, по опыту давали совѣты, учили, какъ вести себя.

Она очень охотно слушала всѣхъ и не скрывала своего восторга. Подчасъ, однако, ее одолѣвалъ страхъ, и она начинала сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ ожидаемаго событія, но одна мысль о предстоящемъ счастіи отгоняла самыя опасенія смерти.

Зато Иванъ Куцый ни въ чемъ не сомнѣвался, и его радость не омрачалась никакими опасеніями. Онъ сіялъ отъ счастья и даже принялъ какой-то несвойственный ему прежде гордый видъ. Улыбался онъ шире, подмигивалъ еще хитрѣе, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всеобщее сочувствіе къ своей „жинкѣ“. Онъ ее успокоивалъ, увѣряя, что все будетъ благополучно, лишь бы она береглась, и ежедневно самъ сталъ, съ ведрами на коромыслѣ, ходить по̀ воду, гдѣ его встрѣчали добродушныя и веселыя шутки бабъ, хотя никогда ни одною изъ нихъ не было упомянуто о какомъ-либо подозрѣніи касательно супружеской вѣрности Феськи.

Когда онъ возвращался съ полными ведрами, въ его медленной походкѣ и заботѣ не расплеснуть воды сказывалось гордое сознаніе совершаемаго подвига во имя великаго будущаго событія. Онъ сталъ даже проявлять небывалую прежде живость и развязность въ манерахъ: размашисто ходилъ, спѣшилъ вѣчно куда-то, и не на шутку принялся работать. При первомъ извѣстіи объ ожидаемомъ событіи онъ рѣшилъ, что настала пора отобрать отъ брата половину надѣла. „Теперь и мини тая земля потрибна!“ —говорилъ онъ тономъ, не допускавшимъ противорѣчія, и только уговоры жены повременить съ этимъ дѣломъ останавливали его нетерпѣніе немедленно бѣжать въ волость для заявленія своихъ правъ на половину земельнаго надѣла.

Наконецъ, въ одинъ ненастный февральскій день явилось на свѣтъ такъ страстно ожидаемое маленькое существо. Явилось оно совершенно просто, благополучно; всплакнуло какъ всякое вступающее въ жизнь подобное ему созданьице, но врядъ ли когда первый крикъ ребенка звучалъ въ ушахъ родителей такъ чудно-мелодично, какъ въ этотъ разъ!

Баба Малачиха увѣряла потомъ, что сама видѣла, какъ Куцый, взглянувъ на чистенько спеленутую дѣвчурку, засмѣялся и рукавомъ смахнулъ набѣжавшую слезу. Конечно, она не дала ему терять драгоцѣннаго времени и немедленно командировала его за водкой и за кумами, а сама пошла къ священнику за молитвой, оставивъ мать и ребенка на попеченіе сосѣдки.

По обычаю нашей старины, когда станетъ извѣстнымъ, что въ какой-нибудь хатѣ родился ребенокъ, пріятельницы матери спѣшатъ къ ней съ поздравленіями и предложеніями своихъ услугъ по хозяйству.

Каждая приноситъ какое-нибудь кушанье, состряпанное дома, такъ какъ роженицѣ не до хлопотъ съ угощеніемъ.

Ребенка же стараются всегда окрестить въ тотъ же день, потому, во-первыхъ, что боятся, чтобъ онъ не умеръ, а во-вторыхъ потому, что чѣмъ дольше медлить съ самимъ обрядомъ крещенія, тѣмъ дороже это торжество обходится, въ виду того, что все время нужно угощать дорогихъ гостей водкой.

Къ Феськѣ потянулась цѣлая вереница бабъ съ мисочками, наполненными всякими яствами. Куцый мигомъ слеталъ за „горилкой“, которой, понятно, не пожалѣлъ купить въ достаточномъ количествѣ; кумы, разодѣтыя въ праздничныя платья, въ скорости тоже явились, и къ вечеру однодневная дѣвочка, окрещенная Ганзей, мирно почивала около счастливой матери. Опасенія бабъ относительно здоровья Феськи были, очевидно, неосновательны,

потому что она, какъ и всякая другая въ этихъ случаяхъ, кушала пироги съ капустой и пила водку, и въ хатѣ шелъ пилъ горой цѣлыхъ два дня.

Съ появленіемъ на свѣтъ Ганзи все измѣнилось въ жизни Куцаго и Феськи.

Колыбель дѣвочки сосредоточила на себѣ всѣ ихъ заботы, весь интересъ ихъ существованія.

Свадьбы, крестины и всѣ торжества въ деревнѣ происходили уже безъ участія Феськи и Куцаго. Даже на поденную работу Иванъ перестаѣлъ ходить, какъ его ни приглашали.

— Бачете, що мини не можно,—отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ, качая колыбель.—На кого-жъ я дытыну покину?

— Ну, а жинка дома остается! — возражали ему.

— Ничего вона сама не зробыть! У ii тоже своя работа есть, а хто-жъ Ганзю заколыше?

Такъ мы больше и не видѣли Куцаго Ивана на работѣ! Онъ нисколько не обижался подтруниваніемъ надъ нимъ прочихъ мужиковъ, и искреннѣйшимъ образомъ обратился въ Ганзину няньку.

Зато въ дѣлѣ о полученіи половины земли отъ брата Куцый выказалъ неожиданную воинственность нрава. Убѣжденія и доказательства, что теперь ему земля такъ же нужна, какъ и брату, потому что у него тоже есть на кого работать—не подѣйствовало на послѣдняго. Тотъ положительно отказался добровольно уступить половину земельнаго надѣла, ссылаясь на то, что онъ работалъ и платилъ за землю, пока Иванъ „лодарничалъ", прибавляя, что и теперь онъ не въ состояніи будетъ обработать своей земли, привыкнувъ съ давнихъ поръ валяться на печи, когда люди работаютъ.

Гнусное предположеніе, что онъ, Куцый, способенъ „на печи валяться", когда работать предстоитъ для Ганзи, окончательно возмутило его.

Не долго думая, онъ накинулся на брата, не ожидавшаго быстраго нападенія, и, схвативъ его за чупрыну, наградилъ такой потасовкой, отъ которой тотъ долго не могъ придти въ себя.

Послѣ этого все пошло какъ по маслу. Въ волости братьевъ подѣлили совершенно поровну, и Ганзя сдѣлалась наслѣдницей порядочнаго имѣнія, не подозрѣвая, какихъ серьезныхъ дѣлъ была она причиной, вступая въ свѣтъ; она усердно совершала многотрудную жизненную задачу, заданную природой, и медленно, понемногу, со слезами и улыбками, выростала въ хорошенькую дѣвочку.

Феська была безпредѣльно счастлива. Ея жизнь наполнилась

столькими заботами, что у нея ни минуточки свободной не оказалось. Безсонныя ночи, безпокойство и тревога при жалобномъ и, казалось бы, необъяснимомъ плачѣ ребенка, чередовались съ праздничными днями, когда въ первый разъ Ганзя стала „головку держать", потянула ручки къ матери, улыбнулась ласкамъ Куцаго... Феська разсказывала цѣлыя поэмы о жизни шестимѣсячной Ганзи, о проявленіяхъ ея смышлености; о дѣтскихъ капризахъ; о смѣшныхъ ея выходкахъ, не допуская самой себѣ никакого сомнѣнія, что Ганзя не такая, какъ прочія дѣти, что въ ней все интереснѣе, прекраснѣе. Это подтверждалъ и Куцый, который одобрительно слушалъ разсказы Феськи, изрѣдка только поправляя неточности ея повѣствованія. Ганзя была всегда очень чистенько и даже элегантно одѣта; рубашечка на ней была тонкая, вышитая на рукавахъ и подпоясанная красной ленточкой, а на головѣ красовался чепчикъ, украшенный бантикомъ изъ всевозможныхъ разноцвѣтныхъ тряпочекъ, составляющій неизбѣжный аттрибутъ дѣтской элегантности, въ понятіяхъ нашихъ бабъ. А жидовка Рейзя умудрилась сшить для нея „жупанчикъ" такого замѣчательнаго фасона, какого еще ни одна баба не видала. Вообще, бабы принимали большое участіе въ маленькой Ганзѣ. Избыткомъ усердія въ совѣтахъ касательно здоровья ребенка онѣ чуть-было его не уморили. Въ виду того, что, по недостатку молока, вслѣдствіе немолодыхъ уже лѣтъ, Феська не могла сама выкормить его грудью, пришлось прибѣгнуть къ искусственному вскормленію. Нѣкоторыя бабы совѣтовали ограничиться „жидовской булочкой" съ сахаромъ и водой; другія рекомендовали толченые сухари изъ чернаго хлѣба, спаренные кипяткомъ, третьи разрѣшали небольшую примѣсь коровьяго молока въ очень ограниченномъ количествѣ, дабы не повредить ребенку. Опасаясь всего вреднаго и стараясь все дѣлать какъ можно лучше, неопытная Феська держала Ганзю на такой строгой діэтѣ, что дѣвчонка не на шутку стала хирѣть, и пришлось опять-таки обратиться къ наукѣ Мизерихи и Малачихи для снятія съ нея вліянія „дурного глаза", „пристрита", „данія" и прочихъ лихостей, насланныхъ злыми людьми. Феська хотя и не сомнѣвалась, что таинственныя слова, нашептываемыя Мизерихой надъ дѣвочкой при лунномъ свѣтѣ, помогаютъ, но, находя, что помощь эта слишкомъ медленна, и полагая, что умъ хорошо, а два лучше, пришла еще и къ намъ во дворъ за совѣтомъ.

Завидя издали, что идетъ Феська, неся на одной рукѣ дѣвочку, а въ другой корзину съ черешнями, дворскія бабы высыпали къ ней на встрѣчу и обступили ее съ любопытствомъ и

добродушнымъ интересомъ, разспрашивая о Ганзѣ и любуясь маленькой дѣвочкой. Феська не скупилась ни на черешни, ни на разсказы, а Ганзя охотно шла на руки отъ одной бабы къ другой, выказывая непримѣрную въ ея лѣта привѣтливость. Даже медвѣдеобразный „парубокъ“ Степанъ, присоединясь къ группѣ бесѣдовавшихъ бабъ, захотѣлъ попробовать, несмотря на протестъ матери, пойдетъ ли дѣвочка къ нему, и, бережно подержавъ ее нѣсколько минутъ, отдалъ Феськѣ только за выкупъ въ нѣсколько горстей черешенъ.

Бесѣда, касавшаяся, конечно, все-таки той же Ганзи, принимала болѣе и болѣе оживленный интересъ, по мѣрѣ того, какъ выяснилось, что дѣвочка подверглась дурному глазу злыхъ людей и худѣетъ не по днямъ, а по часамъ, хотя и здорова и ни на что не жалуется.

— Ты бы спробовала дивчинѣ дать парнова молока отъ черной коровы,—посовѣтовала толстая коровница.

Но оказалось, что, по совѣту ученой бабы Мизеры, Феська давно ужъ доитъ черную корову, только разбавляетъ молоко двойной порціей воды, чтобъ „не пошкодить“ ребенку.

— Такъ она-жъ съ голоду у тебя худѣетъ! — воскликнула коровница въ негодованіи, и къ ней присоединились кухарка и другія бабы, доказывая, что баба Мизера изъ ума выжила, что она и прежде ничего не знала, а теперь и вовсе поглупѣла, что неслыханное дѣло, чтобъ полугодовому ребенку разбавляли молоко водой, и пр., и пр.

— Вотъ тебѣ и глазъ!—разсмѣялась коровница.—Дитя їисты хоче, а вона ему воды хае, съ ложечки!

Феська совсѣмъ оторопѣла, но должна была согласиться съ тѣмъ, что вода сама по себѣ мало содержитъ питательности, и что въ заботахъ своихъ о здоровьѣ ребенка она ужъ черезъ край хватила.

— Ты бы ій каши съ саломъ дала! — замѣтилъ Степанъ, доѣдая послѣднія черешни:—а то вздумала водой годувать (кормить)! То только паньскія диты голодомъ ростутъ, а мужицкому треба кашей наїйстьця,—заключилъ онъ философически.

— Багацько ты самъ выгодавалъ дитей кашей!—не спустила ему Феська, награждая его ласковымъ, но увѣсистымъ тумакомъ въ плечи.

Съ парного ли молока отъ черной коровы, съ Мизеринаго ли шептанія, только съ тѣхъ поръ Ганзя стала поправляться и „расцвѣтать якъ рожовая квиточка“ (какъ цвѣтокъ розы), по выраженію Феськи.

Когда наступили полевыя работы, Ганзя всѣ дни проводила съ родителями въ своемъ „собственномъ" полѣ, гдѣ жали ея собственное жито...

Маленькая владѣлица лежала подъ шатромъ, который очень остроумно устроилъ надъ колыбелью Куцый изъ толстыхъ ряденъ, не пропускавшихъ ни солнечныхъ лучей, ни мухъ. Ласковый теплый вѣтерокъ, шуршаніе мѣрно покачивавшихся колосьевъ, долетавшія изъ ближняго лѣса веселыя пѣсни всякой пташки и жужжаніе на всѣ лады неугомонныхъ насѣкомыхъ—вся эта чудесная лѣтняя музыка убаюкивала Ганзю, и благодатный сонъ на чистомъ воздухѣ еще болѣе укрѣплялъ ея силы, а вмѣстѣ со здоровьемъ въ малюткѣ развивался съ каждымъ днемъ прелестный характеръ: она почти никогда не плакала и дѣйствительно оправдывала восторженные разсказы о ней Куцаго и Феськи.

Феськиному счастью, какъ говорится въ сказкахъ, „добрые люди радовались, а злые завидовали".

Къ первой категоріи принадлежали почти всѣ матери въ нашемъ селѣ, ко второй относились, по большей части, бездѣтныя молодицы.

Менѣе прочихъ съумѣла скрыть свою озлобленную зависть Горпина Сальчукова, считавшая себя окончательно обиженною счастьемъ, выпавшимъ на Феськину долю.

Эту Горпину на селѣ у насъ не любили, а бабы въ особенности—за ея сварливый нравъ, скупость и недоброжелательство ко всѣмъ. Она была замужемъ за однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ, и домъ ихъ былъ что полная чаша. Все, что̀ составляетъ богатство деревенскаго обывателя, начиная съ большой свѣтлой хаты, большого количества скота и лошадей и кончая сундуками, набитыми всякимъ добромъ, все имѣлось у Горпины; не хватало одного только, душевнаго—счастья.

Сама Горпина и ея старуха мать накопляли добро свое съ неслыханной даже между крестьянами жадностью и неутомимостью; онѣ не только никому не помогали, но даже боялись одолжить на время сосѣдямъ самый незначительный хозяйственный предметъ и вѣчно находились съ ними въ ссорѣ изъ-за ничтожнаго предлога. Единственными ихъ развлеченіями, казалось, были крикъ и брань съ сосѣдями да злословіе между собою. „Постоянно веселая хата!"—говорили не только мужики, но и самъ хозяинъ, добродушный Панасъ, нерѣдко „утекавшій" подальше изъ дому, отъ своихъ вѣдьмъ, которыхъ онъ нѣсколько трусилъ въ тѣ дни, когда онѣ по какому-нибудь поводу были особенно сердиты.

Одною изъ причинъ вѣчнаго раздраженія Горпины, а можетъ быть и главною было то печальное обстоятельство, что у нея не было дѣтей. Лѣтъ двѣнадцать уже была она замужемъ, и съ каждымъ годомъ ослабѣвала ея надежда имѣть ребенка. Несмотря на свою сухую, эгоистичную натуру, Горпина все-таки не составляла исключенія между прочими бабами, и ея сердце, какъ бы узко оно ни было, жаждало для себя привязанности и именно исключительной, ей одной принадлежавшей. Соображенія чисто хозяйственнаго свойства о томъ, что столько накопленнаго добра, столько богатства, за неимѣніемъ дѣтей, по ея смерти останется въ наслѣдство ненавистнымъ родственникамъ мужа, были тоже предметомъ ея постоянныхъ сѣтованій, и, въ сущности, Горпина была если и злая, то несчастная женщина. Снисходительности къ себѣ она, впрочемъ, не находила въ своихъ односельчанахъ. Они безъ всякаго милосердія подымали ее на смѣхъ, когда она разъѣзжала по всѣмъ извѣстнымъ знахарямъ и знахаркамъ, надѣясь, съ помощью ихъ науки, пріобрѣсть страстно желаемое благо, въ которомъ ей такъ упорно отказывала природа, и даже относительно ея паломничества въ Почаевъ говорили съ увѣренностью, что Матерь Божія не „послухаетъ“ ее, потому что, отказывая ей въ дѣтяхъ, самъ Господь воздаетъ ей за ея скупость относительно ближнихъ.

Понятно, какую зависть возбудило въ Горпинѣ рожденіе маленькой Ганзи!

Когда вѣсть о неожиданномъ событіи распространилась по селу, Горпина съ нескрываемымъ любопытствомъ и интересомъ слѣдила за всѣми разсказами бабъ, и хотя между ними соблюдалась величайшая тайна при передачѣ своихъ догадокъ насчетъ происхожденія дѣвочки не отъ Куцаго, но отъ чуткаго уха завистливой женщины не могли укрыться эти „секретныя“ подозрѣнія.

Вообще не въ обычаѣ между нашими бабами выдавать мужу провинившуюся жену; напротивъ, каждая считаетъ своимъ священнымъ долгомъ оградить или защитить виновную отъ справедливаго супружескаго гнѣва, и во всѣхъ романическихъ событіяхъ всегда найдутся свидѣтельницы и поручительницы невинности оклеветанной жертвы.

Таковъ ужъ корпоративный духъ у нашихъ представительницъ прекраснаго, но слабаго пола!

Какъ ни чесался языкъ у Горпины разгласить о предполагаемомъ проступкѣ Феськи, однако она не рѣшилась на такое противное обычаямъ дѣло, и молчала, пока силъ хватало.

Но видъ счастливой Феськи и расцвѣтающей Ганзи не давалъ ей покоя. Достаточно было малѣйшаго предлога, чтобы переполнить чашу ея терпѣнія, и предлогъ нашелся легко.

Принадлежавшій Горпинѣ теленокъ забрелъ на Феськинъ огородъ, гдѣ и распорядился по своему усмотрѣнію: сначала обгрызъ начинавшія свиваться головки капусты, потомъ попробовалъ молодой фасольки, потомъ, со свойственнымъ телятамъ легкомысліемъ, распрыгался по всѣмъ грядкамъ, вырывая ногами и лукъ, и чеснокъ, и морковь, и, наконецъ, совершивъ столько преступленій, удобнѣйшимъ образомъ расположился въ конопляхъ, гдѣ заснулъ самымъ невиннымъ сномъ. Вернувшись съ поля, Феська только руками всплеснула, усмотрѣвъ причиненную „шкоду". Куцый побѣжалъ за хозяйкой злополучнаго теленка, приглашая ее придти самолично посмотрѣть на результаты его шалостей и требуя уплаты за причиненные убытки.

Явилась Горпина за своимъ теленкомъ, но уплатить что-либо положительно отказалась. Тутъ пошелъ настоящій содомъ! Горпина кричала изо всѣхъ силъ, Феська не уступала въ звучности голоса.

Призывались всевозможныя болѣзни другъ на дружку — и „трясця", и холера, и „джума", и сыпались всякія милосердныя пожеланія въ родѣ того, чтобъ „сгорѣть", „свита не бачить", „сказыться", т.-е. съ ума сойти, и какихъ только любезностей не было высказано! Діапазонъ голосовъ подымался выше и выше, и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, сосѣди, заинтересованные поднявшейся суматохой, выбѣжали изъ своихъ хатъ, чтобъ послушать „комедію", какъ называютъ у насъ вообще всякій скандалъ.

Исчерпавъ весь запасъ добрыхъ пожеланій и не помня себя отъ злости, Горпина вдругъ обратилась къ Куцому, который, предоставивъ огрызаться одной Феськѣ, молча стоялъ въ сторонѣ съ теленкомъ на веревкѣ; Горпина въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ высказала ему, что жена обманула его, и что Ганзя — не его дочь.

Трудно описать, что̀ за симъ происходило! Во мгновеніе ока Феська вцѣпилась въ очипокъ Горпины и стала тянуть ее за косы.

Она, конечно, сама не справилась бы съ ней, но Куцый, растерявшійся въ первую минуту до того, что выпустилъ изъ рукъ теленка, вдругъ прискочилъ на помощь женѣ и усердно помогъ ей „накладывать" злоязычной вѣдьмѣ. Горпина, лишенная возможности обороняться, только вопила и выкрикивала, что она

имѣетъ свидѣтелей, что сама ходила въ Богдашово и тамъ все узнала, что приведетъ самого Рудаго и проч.

Но за каждымъ ея возгласомъ ей приходилось еще хуже, и Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы „комедія", обращавшаяся уже въ драму, еслибъ сосѣдки не сочли нужнымъ положить предѣлъ битвѣ, частью словомъ, частью дѣломъ, разведя воюющія стороны. Теленокъ, воспользовавшійся предоставленной ему свободой, поскакалъ домой, а за нимъ побрела побѣжденная и вся красная Горпина, съ помятыми боками и прической.

Вокругъ торжествующей Феськи осталась долго нерасходившаяся группа сосѣдокъ. Общественное мнѣніе было все на сторонѣ Феськи; съ трудомъ находили достаточно сильныя выраженія для осужденія поступка Горпины, и негодованію не было предѣловъ. Куцый не могъ придти въ себя.

— Вона каже: свидѣтелевъ приведе! Яій покажу свидѣтелевъ!!—разглагольствовалъ онъ, поправляя поврежденія на грядкахъ и отъ времени до времени потрясая кулакомъ по направленію къ Горпининой хатѣ.

Ни на одну минуту не усомнился Куцый во лживости Горпинина извѣта, и только былъ пораженъ ея коварствомъ и злостью.

- Отто гадюка! Отто видьма! — приговаривалъ онъ, качая головою, и, наконецъ, за успокоеніемъ пошелъ къ Ганзѣ.

— Ходы, малая, ходы до батька!—Феська не сочла нужнымъ ни однимъ словомъ оправдаться или опровергнуть передъ мужемъ взводимое на нее обвиненіе: она даже, вопреки своей обычной словоохотливости, не пустилась въ продолжительную бесѣду съ бабами и, предоставивъ имъ самимъ выражать свои комментаріи о случившемся, молча принялась въ хатѣ за приготовленіе ужина.

За симъ все успокоилось. Горпина порывалась-было поднять опять всю исторію, бѣгала въ Богдашово и утверждала доподлинно, что Рудый очень ухаживалъ за Феськой во время Марининой свадьбы, что они не разставались все время, что даже надъ ними смѣялись, но все-таки не нашла охотниковъ довести объ этомъ до свѣденія Куцаго и вообще разглашать о давно прошедшемъ романѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Рудый жилъ мирною семейною жизнью, и даже собственная жена его ни въ чемъ не попрекала. Такъ ничего и не добилась Горпина и не удалось ей помутить Феськинаго счастья.

Прошла зима. Насилу мы дождались, чтобъ она покинула насъ со всѣми своими снѣгами, льдомъ и грязью, безконечными

ночами и пасмурными короткими днями, налагающими по-неволѣ на все населеніе тягостное бездѣйствіе и неимовѣрную скуку. Но наша весна не долго насъ тѣшитъ; быстро совершаетъ она свои чудеса и, зародивъ вездѣ и во всемъ надежду на предстоящія блага, оставляетъ насъ, неуловимо исчезая, какъ утренній туманъ подъ горячими лучами солнца. Ея мѣсто шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ красное лѣто, и мы не успѣваемъ оглянуться, какъ оно уже на-лицо, возвращая насъ отъ праздничнаго весенняго настроенія къ рабочимъ буднямъ съ ихъ заботой о добываніи насущнаго нашего хлѣба. Не всегда къ намъ милостиво лѣто. Сколько разъ разрушаетъ оно самыя радужныя надежды, подаренныя намъ ласковою весною. Сколько мукъ приноситъ оно съ собой то въ видѣ надвигающейся градовой тучи, то несвоевременно обильными дождями, то отсутствіемъ малѣйшей влаги въ теченіе цѣлыхъ недѣль! Рѣдко, очень рѣдко удается оно вполнѣ радостное для терпѣливаго и неутомимаго земледѣльца.

Въ томъ году, къ которому относится мой разсказъ, лѣто было именно исключительно роскошное. Массы Божьихъ даровъ были щедро разсыпаны по полямъ и лугамъ, и всѣ мы, старъ и младъ, спѣшили посильными трудами собрать эти дары, награждавшіе насъ за всѣ понесенные труды, тревоги и страданія.

Жара стояла чуть не тропическая.

Но на жару привычный земледѣлецъ не жалуется во время жатвы: какъ бы ни пекло солнце, онъ ему радъ, опасаясь, что, въ случаѣ бы оно закрылось тучами и полилъ дождь, несвезенный еще хлѣбъ подвергнется гибели.

Жара бы ничего, да бѣда что съ жарой всегда является въ эту пору неизмѣнная ея спутница—холерина. Холодная вода во время испарины, незрѣлые фрукты, сырыя овощи вмѣсто горячей пищи, все это достаточные предлоги для привязчивой болѣзни. Взрослые люди, большею частью, выходятъ изъ болѣзни благополучно и даже не прекращаютъ работы, развѣ ужъ какой нибудь слабый „чоловікъ“ проваляется дня два-три, но и тотъ, съ помощью крѣпкой перцовки, почувствовавъ облегченіе, спѣшитъ вернуться на свою полосу.

Не такъ легко дается болѣзнь дѣтямъ. Въ рѣдкой хатѣ не находится маленькаго страдальца, за которымъ и уходъ-то плохой, такъ какъ все взрослое населеніе въ полѣ, а хозяевами остаются въ хатѣ какой-нибудь мальчуганъ или дѣвочка лѣтъ семи-восьми.

Фантастическая наука бабы Мизеры не идетъ въ прокъ, когда болѣзнь принимаетъ серьезные размѣры, и крестьяне всегда ищутъ

медицинской помощи въ помѣщичьемъ дворѣ. Такъ ужъ заведено споконъ вѣка, и волей-неволей намъ, не изучавшимъ медицины, женщинамъ, приходится браться за исполненіе врачебныхъ обязанностей.

Въ это лѣто особенно часто приносили ко мнѣ заболѣвшихъ дѣтей, и, благодаря Бога, всѣ мои маленькіе паціенты поправлялись довольно скоро, къ великой радости матерей, которымъ не въ моготу было возиться съ больными дѣтьми въ такую горячую рабочую пору.

Разъ утромъ, когда я собиралась уже идти въ поле къ жнецамъ, меня вызвали къ настойчиво требовавшей меня женщинѣ. Я узнала Феську.

Цѣлый годъ я ея не видала, такъ какъ, живя на концѣ села и не бывая никогда у насъ на работѣ, ей не встрѣчалось надобности приходить во дворъ.

— Ты больна, Феська? — спросила я, взглянувъ на осунувшееся и исхудалое ея лицо.

— Охъ, ни, я здорова, Ганзя моя слаба (больна), вельми слаба! — проговорила она, стараясь придать спокойствіе дрожавшему голосу.

— Что-жъ ей такое?

— На животокъ слаба: лежыть, не іисть, не пье.

— Давно?

— Охъ, Боже мой милосердый, уже шесть недиль!—воскликнула Феська, ломая руки.

Не время было упрекать ее за то, что такъ запустила болѣзнь—она и сама терзалась упреками.

— Кто що казавъ робыть, я все робыла! Всякихъ бабей скликалы. Вопы и воскъ выливалы, и на уголь воду лилы, и що знала, то робылы. Я хтила до двора идты, а воны казалы, що не треба, що само пройде. Ажъ козаковой дивчинѣ ликарство помогло, а моей Ганзѣ похудшало. И сама я виновата, що бабей послухала!—Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Феськи мнѣ стало ясно, что положеніе дѣвочки совсѣмъ безнадежно: она ужъ цѣлыя сутки лежала безъ движенія, отказываясь отъ всякой пищи и еле подавая слабые признаки жизни; на спасеніе больного ребенка было мало надежды. Но Феська умоляла испробовать еще всѣ средства, и чтобъ я пошла къ ней „подывиться на дивчину".

Захвативъ съ собой всякія могущія пригодиться на этотъ случай лекарства, мы съ Феськой отправились на село.

Ни одной слезинки она не проронила, ни одного вопля не издала. Отчаяніе и упреки совѣсти видимо больно грызли ей

душу, но она съ неслыханнымъ у сельскихъ женщинъ мужествомъ не поддавалась нахлынувшему горю. Она не хотѣла вѣрить несчастью, она хотѣла надѣяться. Надежда окрыляла ея шаги, и я еле поспѣвала за нею.

Наконецъ, мы пришли.

Я остановилась у порога, чтобъ передохнуть, а Феська открыла дверь въ сѣни, оттуда другія двери въ хату, и сама прошла впередъ.

На палатяхъ, вытянувшись во всю длину, лежала маленькая Ганзя со сложенными на груди ручками.

Личико ея, точно восковое, было поразительно красиво; носикъ вытянулся, тонко очерченныя губки приняли какое-то серьезное выраженіе, золотистые волосики обрамляли бѣленькій лобъ точно ореоломъ. Безукоризненно бѣлая рубашечка и снопъ лучей утренняго солнца, ворвавшійся въ маленькое окно и облившій яркимъ свѣтомъ всю фигурку ребенка, придавали неземной праздничный видъ маленькой страдалицѣ.

Въ тѣни, у ея изголовья, опершись головой о стѣну и закрывъ лицо рукою, стоялъ Иванъ Куцый и тихо плакалъ. Въ хатѣ, кромѣ освѣщенной солнцемъ дѣвочки, все было въ полумракѣ и пахло душистыми травами, заткнутыми за образа.

Ребенокъ казался умершимъ.

Феська, однако, не обращая вниманія на плачущаго мужа, подошла къ дѣвочкѣ и, нагнувшись надъ нею, проговорила довольно громко:

— Ганзя, дитятко, отзовись! Голубка моя, скажи, де болыть?

Дѣвочка открыла большіе сѣрые глаза и безучастно взглянула на мать.

— Вона все знае, и чуе, и бачыть, тилько говорить ей не можно,—обратилась ко мнѣ Феська съ улыбкой, стараясь ободрить самое себя.

Эта жалобная улыбка была краснорѣчивѣе всякихъ потоковъ слезъ.

Нужно было, однако, подготовить несчастную мать къ тому, что ея надежда на спасеніе умирающаго ребенка неосуществима. Ручки и ножки бѣдной дѣвочки были холодны, дыханіе и пульсъ еле слышны.

Смерть, казалось, уже завладѣла маленькимъ созданіемъ и черезъ нѣсколько часовъ все должно было кончиться.

— Знаешь, Феська, — начала я, по возможности сдерживая нахлынувшее волненіе, — я думаю, что не нужно давать ей лекарства; кажется, ужъ не поможетъ. — Она не испугалась и не удивилась.

— Щожъ, барыня, отъ ликарства смерти не буде! Треба еще и то спробовать,—проговорила она живо.

Такая цѣпкость въ надеждѣ и необыкновенная энергія этой женщины изумляли меня, привыкшую къ малодушію и страху бабъ передъ приближающейся смертью. Мнѣ самой захотѣлось повѣрить чуду.

Всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства были испробованы.

Феська бережно, но энергически принялась согрѣвать и растирать исхудалые члены ребенка; она прижимала ее къ груди, укачивала, дышала на нее, казалось, хотѣла вдохнуть часть собственной жизни въ это бѣдненькое, маленькое тѣльце.

Дѣвочка отъ времени до времени открывала глаза и смотрѣла на мать скорѣе удивленно, чѣмъ страдальчески; она ничѣмъ не выражала ощущенія боли и видимо ничего не чувствовала, но все-таки черезъ нѣкоторое время будто согрѣлась немного, и мы дали ей нѣсколько капель лекарства.

Наставивъ Феську, какъ дальше поступать, и приказавъ ей увѣдомить меня о малѣйшей перемѣнѣ, я вышла изъ хаты, мысленно прощаясь навѣки съ бѣдной дѣвочкой.

Куцый Иванъ молча проводилъ меня отъ собакъ. Я замѣтила, обернувшись, что онъ не вернулся въ хату, а присѣлъ на бревно, взялъ лохматую свою голову въ руки, и по судорожнымъ движеніямъ плечъ видно было, что онъ громко и неудержимо рыдаетъ по своей дивчинѣ дорогой, по маленькой Ганзѣ.

Ни въ этотъ день, ни на слѣдующій, однако, Феська не приходила и не посылала за мной. Я была убѣждена, что все кончено, и съ тревогой вслушивалась постоянно, не раздается ли съ церковной колокольни звонъ „по душѣ“.

Вдругъ, на другія сутки, утромъ, вся запыхавшись, прибѣжала Феська.

— Дайте ще тыхъ капель, що давали. Дивчина стала стонать, може теперь поможе!

— Голубушка, да вѣдь это она передъ смертью стонетъ!— невольно вырвалось у меня.

— Ни, ни, ей трохи получшало. Дайте, дайте капель!

И, получивъ просимое лекарство, она быстрыми шагами пустилась въ обратный путь.

Не застала ужъ бѣдная женщина своей дѣвочки въ живыхъ! Послѣдній вздохъ ребенка принялъ вѣрный ея другъ и нянька— Иванъ Куцый.

Черезъ полчаса короткій трезвонъ возвѣстилъ, что младенче-

ская чистая душа отлетѣла въ тѣ горнія селенія, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій...

— Ахъ, якъ вельми хороше [1]) плакала Феська, якъ дивчину ховалы (хоронили)!—высказала мнѣ съ наивнымъ восторгомъ, нѣсколько дней спустя, одна изъ дивчатъ, бывшихъ у насъ на работѣ.

— Какъ это „хороше"?—спросила я съ удивленіемъ.

— А такъ! Иде за трупою (за гробомъ) и такъ обливается слезами, и таки все хорошее причитае! „Сизая моя голубонька, на кого ты мене покинула? Дивчинька моя коханая! На що приходила, на що отлетила? Лучше бы я тебе, ангеляточко, и не знала!.." Ну и все такое хорошее, да такъ складно говорыла.

Тѣмъ и кончилась страница изъ поэзіи жизни Куцаго и Феськи. Все, что было въ ней свѣтлаго и теплаго, померкло навсегда.

Возврату къ прошлой беззаботности и веселому спокойствію не было ужъ мѣста послѣ прожитыхъ лучшихъ, ясныхъ дней.

Пріобрѣтеніемъ земли ихъ благосостояніе улучшилось, но на что оно имъ? Главную роскошь при избыткѣ средствъ въ крестьянской средѣ все-таки составляетъ водка, веселящая счастливыхъ и одуряющая несчастныхъ. Куцый сталъ понемногу предаваться пьянству, но хмель у него уже былъ невеселый. Говорятъ, какъ только замутится въ головѣ, ему на память приходитъ извѣтъ Горпины, и онъ съ упреками принимается бить жену, а потомъ ударяется въ слезы и вспоминаетъ маленькую Ганзю. Феська ужасно измѣнилась. Она сгорбилась, постарѣла, потеряла прежнюю живость и, на удивленіе своихъ друзей, поддается пьяному гнѣву мужа, не стараясь даже избѣгнуть его побоевъ. На нее напала какая-то апатія — или, можетъ быть, отзывается въ душѣ ея сознаніе вины своей передъ мужемъ, такъ жестоко наказанной судьбою, если только и въ самомъ дѣлѣ была вина за нею. Богъ ее вѣдаетъ! Она никому объ этомъ не высказывается.

Приносила она мнѣ въ этомъ году своихъ чудесныхъ черешенъ, и равнодушно, безъ улыбки, „опрокинула" поднесенный ей стаканчикъ наливки.

— Какъ живешь, Феська?

— Э! якое мое житье! Такъ долго смерть по мене не приходыть!—отвѣтила она усталымъ голосомъ.

В. Лѣсницкая.

---

[1]) „Хороше" значитъ собственно „красиво". Существуетъ поговорка: „Що червонно—то хорошо, що солодко—то добре, що писано—то правда".

СИБИРЬ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ

Окончаніе.

VII *).

Польская литература о Сибири.—Новыя путешествія западно-европейскія и американскія.

Въ сжатомъ обзорѣ, каковъ нашъ, сибирскихъ изслѣдованій мы не имѣемъ возможности останавливаться на подробностяхъ личнаго труда путешественниковъ и изыскателей, но къ фактамъ, выше указаннымъ, необходимо прибавить еще нѣсколько примѣровъ замѣчательнаго труда—польскихъ изслѣдователей Сибири. Для поляковъ Сибирь еще съ половины прошлаго вѣка стала мѣстомъ страшной ссылки: еще съ XVII-го столѣтія, а главное со временъ старыхъ конфедерацій прошлаго вѣка, направленныхъ противъ Россіи, со временъ раздѣловъ Польши, а особенно послѣ возстанія 1831 г., броженія сороковыхъ годовъ, возстанія 1863 г., масса поляковъ, которую считали десятками тысячъ, была сослана въ Сибирь, и очень большое число осталось тамъ навсегда. Еще въ прошломъ столѣтіи путешественники отмѣчали въ Сибири цѣлыя польскія селенія, которыя отличались между прочимъ бо̀льшею степенью культуры, земледѣльческой и бытовой. Огромный контингентъ поселенцевъ привели два большія возстанія нынѣшняго столѣтія, и такъ какъ

*) См. выше: іюнь, стр. 700.

повстанцы были въ особенности люди средняго и частію высшаго круга, то въ сибирскіе села и города совершился обильный притокъ людей съ извѣстнымъ уровнемъ образованія, техническаго и ремесленнаго знанія, промышленной предпріимчивости, уровнемъ, который часто былъ гораздо выше мѣстнаго: освоившись съ своимъ положеніемъ, поляки примѣнили къ дѣлу свои средства и заняли видное мѣсто въ жизни сибирскихъ городовъ — это были учителя, художники, врачи, техники, всякаго рода ремесленники, содержатели гостинницъ; они явились въ сибирскомъ обществѣ и т. д. [1]).

Многіе при этомъ пріобрѣли благосостояніе, облегчавшее разлуку съ родиной и близкими, но это была необходимость, вынужденный трудъ для средствъ существованія. Въ числѣ сосланныхъ поляковъ нашлись однако люди, послужившіе странѣ ихъ изгнанія и инымъ образомъ, а именно замѣчательными научными трудами, занимающими почетное мѣсто въ исторіи сибирскихъ изслѣдованій и, къ счастію, встрѣтившими признаніе. Назовемъ въ особенности — Дыбовскаго, Чекановскаго, Годлевскаго и Черскаго, имена которыхъ съ 1860-хъ годовъ являются постоянно въ трудахъ Географическаго Общества и его Восточно-сибирскаго Отдѣла.

В. И. Дыбовскій былъ прежде адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ главной школѣ въ Варшавѣ; сосланный въ 1864 г. въ Забайкальскій край, онъ съ самаго начала отдался въ новой обстановкѣ природы любимымъ изслѣдованіямъ, гдѣ его товарищами стали Викторъ Годлевскій и Альфонсъ Парвезъ. Годлевскій, по спеціальности агрономъ, былъ, кромѣ того, ревностный охотникъ и собиратель коллекцій; Парвезъ былъ препараторъ. Къ счастью, Дыбовскій получилъ возможность заняться своими изслѣдованіями; въ 1866—67 они втроемъ дѣлали свои разысканія на восточномъ склонѣ Яблоннаго хребта, вблизи рѣкъ Онона и Ингоды; въ 1867—70 Дыбовскій и Годлевскій работали на южномъ берегу Байкала, а потомъ Дыбовскій сдѣлалъ путешествіе на Амуръ и Усури, гдѣ опять былъ въ 1873—74 г.; въ 1875 онъ былъ на прибрежьяхъ Манджуріи. Въ 1877, Дыбовскій и Годлевскій вернулись въ Варшаву; но Дыбовскій, несмотря на всѣ убѣжденія его близкихъ, рѣшилъ еще разъ добровольно отправиться въ Сибирь для довершенія своихъ изслѣдованій и, черезъ своихъ друзей въ Географическомъ Обществѣ, получилъ мѣсто окружнаго врача въ Петропавловскѣ въ Кам-

---

[1]) См. любопытную книгу: „Polacy w Syberji, przez Zygmunta Librowicza“. Krakow, 1884, гдѣ изложена исторія поляковъ въ Сибири до новѣйшаго времени.

чаткѣ. Четыре года онъ провелъ здѣсь съ 1879-го (пятый годъ заняли двѣ поѣздки) и, кромѣ обязанностей „окружнаго врача“ (на пространствѣ Камчатки и Командорскихъ острововъ!), онъ ревностно занимался естественно-историческими поисками, а также изслѣдованіемъ причинъ вымиранія мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Между прочимъ, онъ объѣхалъ Камчатку сухимъ путемъ, безъ дорогъ, по лѣсамъ и горамъ, и очень обогатилъ свои коллекціи. Изъ своего зоологическаго собранія по одному экземпляру всѣхъ предметовъ онъ посылалъ въ зоологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Въ 1883, онъ вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Суэзъ, и принялъ предложенную ему каѳедру зоологіи въ львовскомъ университетѣ [1]).

Другой польскій ученый, составившій себѣ славу изслѣдованіями въ Сибири, былъ А. Л. Чекановскій. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863, онъ первое время выносилъ крайнюю нужду, не переставая, однако, заниматься геологіей, которая составляла его основной научный интересъ. Участіе академика Шмидта, въ то время путешествовавшаго въ Сибири, помогло Чекановскому выступить на научную дорогу, которая вскорѣ поставила его въ ряду дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей Сибири. Съ 1869 года въ изданіяхъ Географ. Общества и его Сибирскаго Отдѣла появляются отчеты и извѣстія о работахъ Чекановскаго по геологическому изслѣдованію иркутской губерніи. Въ 1871 Чекановскій принималъ участіе въ поѣздкѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголъ вмѣстѣ съ Дыбовскимъ, Годлевскимъ и пейзажистомъ Вронскимъ. „Трудъ Чекановскаго по геологіи иркутской губерніи, — читаемъ мы въ исторіи Сибирскаго Отдѣла,—признанъ образцовымъ не только Географическимъ Обществомъ и академіей наукъ, но и заграничными учеными“. Въ концѣ 1872 года Чекановскій предпринялъ трудную, и уже послѣднюю, экспедицію на Нижнюю Тунгузку и Оленекъ, которая продолжалась до 1875 г. и доставила, кромѣ естественно-историческихъ, также много картографическихъ матеріаловъ. Вызванный потомъ въ Петербургъ, гдѣ его торжественно привѣтствовало Географическое Общество, Чекановскій привезъ съ собою богатыя коллекціи сибирской флоры, окаменѣлостей, минераловъ, предметовъ энтомологіи; коллекціи его были пріобрѣтены академіей наукъ; акад. Шифнеру онъ передалъ матеріалы по тунгузскому языку. Самъ Чекановскій, за своими спеціальными работами,

[1]) Librowicz, стр. 291—302. Но напрасно авторъ, на стр. 291, повторилъ безмѣрныя преувеличенія Райхмана.

не имѣлъ времени для составленія описательной части своихъ путешествій; экспедиція на Оленекъ подробно описана его спутникомъ въ этомъ путешествіи, Ферд. Миллеромъ [1]). Жизнь Чекановскаго кончилась прискорбнымъ образомъ: въ октябрѣ 1876 онъ застрѣлился въ Петербургѣ [2]).

Въ трудныхъ обстоятельствахъ началъ свое пребываніе въ Сибири и И. Д. Черскій, котораго съ конца 1860-хъ годовъ мы опять встрѣчаемъ въ ряду усердныхъ изыскателей преимущественно въ Восточной Сибири, по геологіи и палеонтологіи; въ особенности занимался онъ изученіемъ Байкала. Въ настоящее время, если не ошибаемся, онъ работаетъ въ Петербургѣ надъ дальнѣйшими выпусками Риттеровой „Азіи".

Назовемъ еще, изъ числа раньше сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, плодовитаго писателя Агатона Гиллера (ум. въ іюлѣ 1887). Онъ былъ дважды сосланъ въ Сибирь, въ 1848 и 1854 г., какъ революціонный эмиссаръ, и въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденіемъ властей, усердно собиралъ свѣденія о Сибири, особливо Забайкальѣ, свѣденія о мѣстной природѣ, флорѣ, фаунѣ, этнографіи, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ его ссыльныхъ соотечественниковъ. Главное, собранное имъ, это — богатый матеріалъ для исторіи польской ссылки въ Сибири 1830—48 г. Впослѣдствіи Гиллеръ издалъ нѣсколько сочиненій о Сибири, изъ которыхъ главное есть „Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberji" (Лейпцигъ, 1867, три тома), которымъ между прочимъ обильно пользовался г. Максимовъ въ книгѣ о Сибири и каторгѣ; кромѣ того, Гиллеръ написалъ „Podróż więźniów etapami do Syberji" (Путь ссыльныхъ этапами въ Сибирь,—Лейпц. 1866, 2 тома), и „Lista wygnańców polskich do r. 1860" (списокъ польскихъ изгнанниковъ, — въ „Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll", Познань, 1872). Историкъ поляковъ въ Сибири, на котораго мы ссылались выше, указывая большой интересъ сочиненій Гиллера о Сибири,

[1]) F. Müller, „Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition". Leipz. 1882. Впрочемъ Миллеръ, хотя признаетъ заслуги Чекановскаго, значительную долю ихъ присвоиваетъ себѣ; но Чекановскій былъ и оффиціально руководителемъ экспедиціи. Немногіе собственные разсказы Чекановскаго объ этомъ путешествіи находятся въ его письмахъ въ Геогр. Общество; см. „Извѣстія" 1874 и 1875 г.

[2]) Librowicz, стр. 305—308; онъ заимствовалъ свои свѣденія изъ статьи Марьяна Дубецкаго, въ „Tyg. Illustr." 1877, № 58. См. также некрологи Чекановскаго въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1876, и въ „Извѣстіяхъ" Восточно-сибирскаго Отдѣла, т. VIII, Ирк. 1877, № 1—2. Свѣденія объ Оленекской экспедиціи въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1874, и очеркъ географической дѣятельности Чекановскаго въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общ., т. XII, Спб. 1876.

находитъ, что имъ мѣшаетъ, однако, крайне враждебное отношеніе писателя къ Россіи [1]). Впослѣдствіи, въ 1863, Гиллеръ принималъ весьма дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, но въ концѣ его остерегся новой ссылки, удалившись въ Австрію.

Еще два польскихъ натуралиста посѣтили, на этотъ разъ добровольно, Сибирь или ея окраины и дали описанія своихъ путешествій. Одинъ былъ Эдвардъ Островскій, профессоръ сельскаго хозяйства сначала въ институтѣ въ Маримонтѣ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, путешествовавшій въ киргизскихъ степяхъ и, кромѣ русскихъ спеціальныхъ изслѣдованій, издавшій польскую книгу [2]); другой — Брониславъ Рейхманъ, отдѣльныя статьи котораго собраны были въ книгу [3]).

Судьба поляковъ въ Сибири и ихъ разсказы о ней составляютъ цѣлую маленькую литературу, нерѣдко исполненную бытового и драматическаго интереса. Либровичъ начинаетъ исторію поляковъ въ Сибири очень издалека, именно съ XIII-го вѣка, съ путешествія въ среднюю Азію знаменитаго Плано-Карпини и Бенедикта „Поляка" (Benedictus Polonus), причемъ и перваго Либровичъ считаетъ также полякомъ. Въ исторіи занятія русскими Сибири онъ вспоминаетъ о полякѣ Черниховскомъ, который игралъ большую роль въ ряду предпріимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, впервые явившихся въ XVII столѣтіи на Амурѣ; потомъ о Павлуцкомъ, дѣйствовавшемъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ Камчаткѣ и въ землѣ чукчей. Въ XVII и XVIII вѣкѣ уже цѣлыя массы поляковъ являются въ Сибири ссыльными; въ число поляковъ (или, по крайней мѣрѣ, уроженцевъ старой „Польши") Либровичъ не усомнился занести и нѣкоторыхъ дѣятелей православной церкви въ Сибири, родомъ южноруссовъ, напримѣръ давняго епископа тобольскаго Филоѳея Лещинскаго и даже знаменитаго св. Иннокентія, патрона Сибири, который былъ по имени Кульчицкій (ум. 1731). Очень давно начинаются не столь сомнительные литературные памятники пребыванія поляковъ въ Сибири. Отъ XVII-го вѣка сохранился дневникъ Адама Каменскаго Длужика: взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ кн. Юріемъ Долгорукимъ въ октябрѣ 1657 г., Каменскій съ 400 товарищами былъ отправленъ въ Сибирь и, кромѣ тяжкихъ испытаній своего плѣна, даетъ любопытныя описанія страны, людей и обычаевъ,

---

[1]) Librowicz, стр. 113, 147—149, 165.

[2]) Listy z podróży odbytej do stepów Kirgiz-Kajsackich, Гродно, 1859.

[3]) Z dalekiego Wschodu. Wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881.

которые видѣлъ на пути, кончившемся на Амурѣ [1]). Отъ начала XVIII-го столѣтія остались записки Людвика Сѣнницкаго, польскаго кальвиниста, бывшаго долго (1707—1722) въ русскомъ плѣну и ссылкѣ, и который потомъ, получивъ свободу, принялъ католичество и написалъ воспоминанія въ книгѣ, изданной въ Вильнѣ, 1754 [2]). Далѣе, мы говорили о похожденіяхъ и запискахъ венгерскаго графа и польскаго конфедерата Беньовскаго, и французскаго полковника въ польской службѣ Белькура. Около того же времени нѣсколько лѣтъ былъ въ русской военной службѣ въ Сибири, потомъ въ Азовѣ Любичъ-Хоецкій, который въ 1776 г. бѣжалъ и оставилъ записки о своихъ приключеніяхъ [3]). Въ 1795, приходятъ въ Сибирь сподвижники Костюшки, изъ числа которыхъ впослѣдствіи получилъ особенную извѣстность Іосифъ Копецъ: взятый въ плѣнъ подъ Мацѣёвицами, онъ, какъ уроженецъ края, уже принадлежавшаго Россіи, подвергся особо тяжелой ссылкѣ, между прочимъ лишенъ былъ имени и значился только подъ нумеромъ. Копецъ былъ сосланъ въ Камчатку и, помилованный при Павлѣ, только черезъ годъ узналъ о своемъ освобожденіи; въ 1810 онъ передалъ исторію своихъ приключеній въ занимательномъ разсказѣ, гдѣ описаніе его личной судьбы связано съ любопытными чертами сибирской жизни и обычаевъ. Записки его были изданы только въ 1837 и возбудили большое вниманіе: къ одному изъ изданій написалъ предисловіе Мицкевичъ, сравнивавшій автора съ знаменитымъ Сильвіо Пеллико [4]) по его покорности своей участи и надеждамъ на лучшее будущее, если не для себя, то для родины. Первый издатель книги, привыкшій, вѣроятно, въ другихъ сочиненіяхъ этого рода къ тону раздраженія и вражды, писалъ въ предисловіи: „Читая путешествіе Копца, мы проникнуты были глубокимъ къ нему уваженіемъ по той рѣдкой умѣренности, которая сказывается на каждой страницѣ его сочиненія. Копецъ не раздражается на дурное съ нимъ обхожденіе; его лозунгъ: такъ хотѣло Провидѣніе!

---

1) Этотъ дневникъ изданъ А. Маріанскимъ въ сборникѣ „Warta“, Познань 1874.

2) Librowicz, стр. 37—43.

3) Записки его изданы были въ Варшавѣ, 1789 г., потомъ перепечатаны въ сборникѣ: Sybir. Pamietniki Polaków z pobytu na Sybirze. Chełmno, 1864, т. I.

4) Kopec Józef. Dziennik podróży przez całą wzdłuż Azję lądem do portu Ochocka, oceanem przez wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i ztamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. Еще изданія 1863, 1868, кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ: „Sybir“, т. II, 1865, и въ ‚Bibliotece ludu polskiego“ (Парижъ, s. a.): въ послѣднемъ изданіи предисловіе Мицкевича.

Относя все къ его святой волѣ, онъ спокойно сноситъ самыя тяжкія испытанія".

Въ царствованіе имп. Павла сосланъ былъ въ сибирскіе рудники ксендзъ Цецерскій, который въ любопытныхъ запискахъ разсказываетъ о судьбѣ своей и другихъ ссыльныхъ и о самой странѣ, ея жителяхъ и ихъ бытѣ [1]).

Отъ царствованія императора Александра I не осталось, кажется, мемуаровъ подобнаго рода, но цѣлый рядъ авторовъ такихъ произведеній доставило слѣдующее царствованіе. Польское возстаніе 1831 года, послѣдующіе заговоры, дѣло Конарскаго, патріотическія увлеченія молодежи, сильно увеличили за то время контингентъ польской ссылки въ Сибирь, и именно изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ: многіе возвратились на родину еще тогда же, другіе—по амнистіи новаго царствованія, третьи бѣжали; многіе послѣ выѣхали за границу—отсюда обиліе мемуаровъ, писанныхъ людьми этой эпохи. Многіе изъ авторовъ прошли или каторжную работу въ рудникахъ, или солдатскую службу, жили „на поселеніи", находили себѣ потомъ различныя профессіи, близко видали и сибирское начальство, и общество. Таковы воспоминанія Рафала Блонскаго, Іосифа Кобылецкаго, Антонія Пауши, Евгенія Жміевскаго, Адольфа Янушкевича, Гордона, Конст. Волицкаго, Мигурскаго, Руфина Пьотровскаго, Бронислава Залѣсскаго, Агатона Гиллера, Евы Фелинской и др. [2]).

Эти разсказы, кромѣ матеріала для исторіи польской ссылки, доставляютъ вообще много любопытнаго и для бытового описанія Сибири и сибирской жизни; многіе разсказы отличаются жизненнымъ драматическимъ интересомъ, напр. исторія несчастнаго Мигурскаго, который сдѣлалъ попытку бѣгства, кончившуюся неудачею, или, въ особенности, исторія Руфина Пьотровскаго, бѣжавшаго съ каторжныхъ работъ изъ-подъ Тары въ 1846 году. Задумавъ планъ бѣгства, Пьотровскій скрылся изъ мѣста своего заключенія и съ фальшивымъ паспортомъ и съ запасомъ денегъ поѣхалъ изъ Тары подъ видомъ купеческаго приказчика. Уже на первыхъ порахъ онъ былъ обокраденъ, причемъ у него украли и его фальшивый паспортъ: возвращеніе было немыслимо, и даль-

---

[1]) Его записки издалъ Авг. Бѣлёвскій въ журналѣ „Tygodnik Naukowy" и отдѣльно: „Pamiętnik księdza Ciecierskiego, przeora Dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797—1801. Lwów, 1865.

[2]) Нѣкоторыя подробности изъ ихъ воспоминаній въ книгѣ Либровича, стр. 143—153; о Мигурскомъ, стр. 241—245; о Фелинской, стр. 107, 145, 247; о Пьотровскомъ, стр. 346—352.

нѣйшій путь онъ сдѣлалъ пѣшкомъ подъ видомъ рабочаго, перенося величайшія трудности и каждодневно рискуя быть схваченнымъ; въ вятской губерніи онъ присталъ къ партіи богомольцевъ, которые шли въ Соловецкій монастырь, и попалъ въ Соловки; оттуда пошелъ на Петербургъ, гдѣ пробылъ три дня, затѣмъ моремъ уплылъ въ Ригу и, наконецъ, черезъ Митаву и Полангенъ пробрался въ Пруссію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ онъ былъ, однако, арестованъ и его намѣревались передать русскимъ властямъ какъ бѣглеца, но онъ успѣлъ избавиться отъ опасности и бѣжалъ въ Парижъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ вышли его записки [1]), которыя возбудили въ свое время большое вниманіе и появились въ цѣломъ рядѣ изданій и переводовъ, а именно, онѣ переведены были на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, голландскій, датскій [2]).

Новый контингентъ ссыльныхъ явился послѣ возстанія 1863 г., и новый рядъ польскихъ воспоминаній о Сибири, какъ напримѣръ гр. Кердея, Чаплицкаго, Немоѣвскаго, Андріолли (извѣстнаго художника), Пурка, Альбина Кона и др. [3]). Кромѣ личныхъ воспоминаній, сибирское изгнаніе отразилось и въ произведеніяхъ художественной беллетристики: таковы разсказы Шиманскаго — талантливо исполненные и проникнутые чувствомъ эпизоды польской ссылки (дѣйствіе—въ Якутской области и на Ленѣ), по манерѣ напоминающіе Короленка [4]), и основное настроеніе которыхъ—тоска по родинѣ.

Намъ остается сказать объ иностранной европейской литературѣ о Сибири въ новѣйшее время. Мы называли выше рядъ спеціальныхъ трудовъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ по географіи и естественно-историческому описанію Сибири, какъ труды Риттера, Гумбольдта, Ганстена, Эрмана, Ледебура, Котты, —въ новѣйшее время къ нимъ присоединяется имя Элиза Реклю, въ громадномъ трудѣ котораго обширное мѣсто занимаетъ Сибирь и русская средняя Азія (хотя самъ онъ не былъ путешественникомъ въ Сибирь); но, затѣмъ, существуетъ обширная литература другого рода — литература путешествій въ обыкновенномъ

---

[1]) Pamiętniki z pobytu na Syberji, Rufina Piotrowskiego. Poznan, 1866.

[2]) Либровичъ указываетъ также русское изданіе, сокращенное: „Записки Руфина Піотровскаго. Россія и Сибирь 1843—1846“, Нордкёпингъ 1862. Недавно вышло новое французское изданіе записокъ.

[3]) Librowicz, стр. 174—175, 190—194.

[4]) Adam Szymanski, Szki.ce. I. Спб. 1887.

смыслѣ слова, путешествій, цѣль которыхъ не столько ученое изслѣдованіе (часто оно вовсе отсутствуетъ), сколько удовлетвореніе любознательности туриста, желающаго видѣть рѣдко посѣщаемую и оригинальную страну, узнать которую нужно для дополненія свѣденій о русской имперіи. До послѣднихъ десятилѣтій эти путешествія были довольно рѣдки; не легко было добраться до самой Россіи, когда въ ней еще не было желѣзныхъ дорогъ и путешествіе было медленнымъ и скучнымъ дѣломъ. Проведеніе желѣзныхъ путей въ самой Россіи, съ другой стороны занятіе Амура и открытіе пароходства по этой громадной рѣкѣ значительно облегчили доступъ къ Сибири и послѣднія десятилѣтія, именно съ 60-хъ годовъ, доставили цѣлую массу путешествій въ Сибирь, иногда изъ конца въ конецъ, и всего больше, разумѣется, по главному сибирскому пути. Огромное большинство путешествій—англійскія: во-первыхъ, изъ всѣхъ европейцевъ англичане дѣйствительно туристы по преимуществу; во-вторыхъ, въ ихъ странствіяхъ нерѣдко присутствуетъ старое побужденіе англійскихъ путешественниковъ на сѣверъ и востокъ, именно національный интересъ азіатской политики и торговли. Лондонское географическое общество больше, чѣмъ всѣ другія иностранныя общества этого рода, съ интересомъ слѣдило за русскими открытіями и путешествіями въ Сибири и средней Азіи; книги европейскихъ ученыхъ и русскія книги по изученію этихъ странъ по прежнему являются въ англійскихъ переводахъ или изложеніяхъ. Какъ прежде переводились на англійскій языкъ книги XVIII вѣка, а потомъ азіатскія путешествія Гумбольдта, Адольфа Эрмана и пр. (еще въ 1842 году снова явились на англійскомъ языкѣ сочиненія Миллера и Палласа о завоеваніи Сибири и сношеніяхъ Сибири съ Китаемъ), такъ теперь переводились сочиненія Пржевальскаго, Яворскаго, Венюкова, Абрамова, сочиненія о Туркестанѣ и пр. Съ 30-хъ годовъ начинаютъ размножаться собственно англійскія, и частью нѣмецкія и иныя европейскія путешествія. Въ 1831 г. вышло описаніе кругосвѣтнаго путешествія Бичи (Beechey), коснувшееся Берингова пролива; около того же времени путешествіе Добелля (Peter Dobell) въ Камчатку и Сибирь; миссіонера Свэна (Willam Swan); Петра Гордона; мистриссъ Стэллибрэсъ (Stallybrass), вдовы сибирскаго миссіонера; въ 1842 году—извѣстная книга Коттреля [1]); въ 1854—сочиненія Гилля и Тилинга [2]).

---

[1]) Ch. Herbert Cottrell, Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841. London, 1842; нѣмецкій переводъ 1846.

[2]) S. S. Hill, Travels in Siberia, Lond. 1854, 2 тома; нѣмецкій переводъ, Лейпц.,

Путешествія, особливо прямо въ Сибирь, размножаются съ половины 50-хъ годовъ, между прочимъ съ занятія Амура, который вообще привлекалъ теперь большое вниманіе. Таковы книги Гэбершема, Аткинсона, Коллинза, Равенстейна и др. [1]). Нѣсколько путешествій, сдѣланныхъ сухимъ путемъ, описываютъ именно внутреннюю Сибирь и ея окраины, напр., сочиненія американца Кеннана, Вайта, Нокса [2]). Назовемъ, далѣе, путешествіе Эдв. Рэ къ лапландцамъ и самоѣдамъ, книги Мильна, Эдена [3]); нѣмецкія сочиненія Гейнцельмана, Киттлица, Финша, Іоста [4]). Въ послѣдніе годы большое вниманіе обратила на себя книга Лэнсделя, который сдѣлалъ путешествіе черезъ Сибирь въ 1879 г. съ религіозными и филантропическими цѣлями (осмотръ тюремъ и т. п.), а также путешествіе корреспондента „New York Herald", Джильдера, разыскивавшаго людей съ американскаго парохода „Жаннетты", погибшаго на сѣверномъ берегу Сибири [5]).

1855. — Heinr. Tiling, Eine Reise um die Welt, von Westen nach Osten durch Sibirien und das stille und atlantische Meer. Aschaffenburg, 1854.

[1]) A. W. Habersham, The North Pacific surveying and exploring expedition, и пр. Philadelphia, 1857.

— Thom. Witlam Atkinson, Oriental and Western Siberia, Lond. 1858 (и New-York, 1858), — и его же: Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China, Lond. 1860.

— P. M. Collins, A voyage down the Amoor, Lond. 1860.

— E. G. Ravenstein, The Russians on the Amur, Lond. 1861.

— Comte Henri Russell-Killough, Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océanie, Sibérie... fleuve Amour. Voyage exécuté pendant les années 1858—61. Paris, 1864, 2-е изд. 1866 (Русскій переводъ:Руссель Киллугъ, Чрезъ Сибирь въ Австралію и Индію. Спб. 1871, 2-е изд. 1875).

[2]) G. Kennan, Tent life in Siberia. Lond. 1870 (Русскій переводъ: „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи". Пер. А. Кондратьевой. Спб. 1872).

— W. H. Whyte, Land Journey from Asia to Europe, Lond. 1871.

— P. W. Knox, Overland through Asia. Hartford, Connecticut, 1871.

[3]) Edw. Rae, Land of North Wind; or travels among Laplanders and Samoyedes, Lond. 1875.

— J. Milne, Journey across Asia, Lond. 1879.

— C. H. Eden, Frozen Asia, Lond. 1879.

[4]) Fr. Heinzelmann, Reisen in den mittleren und nördlichen Festländern Asiens. Leipz. 1855.

— F. H. von Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1858.

— O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 im Auftrage des deutschen Nordpolexpedition. Berlin, 1879.

— Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien von Wilhelm Joest. Mit fünf Lichtdrucken und einer Karte. Köln, 1883.

[5]) Мы имѣли въ рукахъ уже четвертое изданіе книги Лэнсделя: Through Si-

Въ послѣдніе годы обратила на себя вниманіе книга итальянскаго путешественника Стефана Сомье: „Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами" и пр., — большая книга съ прекрасными рисунками и картами. Книга, написанная весьма занимательно, интересна тѣмъ болѣе, что авторъ, спеціалистъ по ботаникѣ, владѣетъ также этнографическими и антропологическими свѣдѣніями и хорошей наблюдательностью [1]).

Многочисленныя сообщенія о новыхъ сибирскихъ и средне-азіатскихъ изслѣдованіяхъ появлялись особенно въ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ упомянутыя записки лондонскаго Географ. Общества, или какъ извѣстныя „Geographische Mittheilungen" Петерманна. На недавнемъ нѣмецкомъ географическомъ съѣздѣ профессоръ бернскаго (теперь петербургскаго) университета Петри поставилъ вопросъ о важности сибирскихъ изученій для европейской науки [2]). Существуетъ, наконецъ, не мало популярныхъ географическихъ обозрѣній, особливо французскихъ и нѣмецкихъ [3]).

Намъ остается упомянуть о знаменитой книгѣ Норденшельда. Попытки отысканія „сѣвернаго прохода", какъ мы видѣли, дѣлались еще съ половины XVI-го вѣка; путешествіе Норденшельда было послѣднимъ изъ этого рода предпріятій: широко задуманное и исполненное на средства, данныя г. Сибиряковымъ и шведскимъ правительствомъ, оно доказало возможность практи-

beria. By Henry Lansdell. With illustrations and maps. Lond. 1883. Его другая книга: Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiwa and Merw. Lond. 1885, 2 тома.

— Ice-Pack and Tundra. An account of the search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia by William H. Gilder, correspondent of „the New York Herald", etc. With maps and illustrations. Lond. 1883. Былъ русскій переводъ или изложеніе, В. Майнова („Во льдахъ и снѣгахъ", Гильдера), котораго мы не имѣли въ рукахъ.

[1]) St. Somier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. Roma, 1885. Подробный отчетъ о ней въ „Сибирскомъ Сборникѣ" Ядринцева, Спб. 1886, кн. I, стр. 169—195.

[2]) E. Petri, Die Erschliessung Sibiriens, — въ Verhandlungen des sechsten deutschen Geographentages, Berl. 1886. Ср. бернскую диссертацію, написанную по его иниціативѣ: Studien über den Seeweg zwischen Europa und West-Sibirien, von H. Fr. Balmer (Bern, 1885), который воспользовался обширной иностранной и (черезъ посредство г. Петри) русской литературой по этому вопросу.

[3]) Напр., Лануа (F. de Lanoye, 1865), Фюрта (Camille de Furth, 1866), Сашо (Octave Sachot, 1875), и нѣмецкія: Этцеля и Вагнера (1864), Альбина Кона и Рих. Андреэ (два тома, 2-е изд. 1876), Ланкенау и Эльсница (два тома, 2-е изд. 1881) и друг.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій, крупныхъ и мелкихъ, объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 года, Э. Петри, помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ" Ядринцева. Спб. 1886, II, стр. 178—182.

ческаго совершенія этого пути. Здѣсь не было географическаго открытія,—сѣверный берегъ Сибири былъ выясненъ русскими плавателями еще съ XVII-го вѣка, но онъ былъ выясненъ до сихъ только по частямъ или даже только сухимъ путемъ: Норденшельдъ, въ планѣ своего путешествія [1], предполагалъ убѣдиться и доказать, что для настоящаго морского корабля возможенъ путь черезъ Ледовитый океанъ, что этотъ путь не заперть льдами, и что на худой конецъ онъ можетъ быть сдѣланъ если не за одинъ разъ, то въ два пріема съ перезимовкой,—какъ это съ нимъ и случилось. Норденшельдъ отдаетъ, однако, всю справедливость смѣлости и энергіи старыхъ русскихъ плавателей, которые на негодныхъ тогдашнихъ судахъ рисковали на предпріятія, мудреныя и для наилучшихъ новѣйшихъ пароходовъ. Его собственное путешествіе завершало вопросъ, и въ соотвѣтствіе этому онъ въ своей книгѣ, при каждомъ главномъ пунктѣ плаванія своей экспедиціи, дѣлаетъ обзоръ того, что̀ сдѣлано было прежними изслѣдователями,—такъ что его книга есть вмѣстѣ довольно обстоятельная исторія всѣхъ прежнихъ предпріятій для опредѣленія сѣвернаго океана отъ Норвегіи до Камчатки, съ XVI-го вѣка и до новѣйшихъ временъ [2].

Окончивъ съ этимъ отдѣломъ нашего обзора, мы вкратцѣ изложимъ далѣе, что̀ сдѣлано для исторіи Сибири, для описанія ея племенъ, опредѣленія сибирскаго типа русской народности, сибирскихъ нравовъ и обычаевъ.

VIII.

Сибирская исторіографія.

Намъ должно перейти теперь къ тому, что́ сдѣлано для историческаго изслѣдованія Сибири. Сдѣлано было не мало, но до

---

[1] Стр. 27 русскаго изданія.

[2] Русскій переводъ: „Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега“ въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуж. проф. И. Алекс. университета, при содѣйствіи Э. В. Коріандера, горнаго инженера“. Спб. 1881. Русскій переводчикъ допустилъ, къ сожалѣнію, ошибки относительно вещей довольно извѣстныхъ: Дежневъ названъ Дешневымъ (стр. 21, 24); рѣка Оленекъ называется Олонкомъ (стр. 20, 26); Виллоуби — Виллугбей (стр. 51); Чекановскій—Чикановскій (стр. 26) и др. Другое изданіе: „Шведская полярная экспедиція 1878—79 г. и пр. Переводъ со шведскаго“. Спб. 1880. Популярное краткое изложеніе: „Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г.“ Спб. 1885.

сихъ поръ все еще нѣтъ цѣльной исторіи Сибири, даже цѣльнаго изслѣдованія какого-нибудь отдѣльнаго періода ея. Причинъ этому было много. Въ исторіи самой русской метрополіи Сибирь не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, она была всегда только служебной провинціей; люди, спеціально заинтересованные сибирской исторіей, были преимущественно сами сибиряки, но почти всегда они не были поставлены въ такія условія, чтобы выполнить подобную задачу: или они не имѣли подъ руками всего необходимаго матеріала, или не были достаточно подготовлены въ научномъ отношеніи, или не имѣли досуга; наконецъ, матеріалъ для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ столькихъ спеціальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ о сибирской исторіи такъ, какъ требовала бы этого настоящая историческая критика,—задачи ея раскидывались бы на цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, для которыхъ и по настоящее время не собрано достаточныхъ свѣденій. Русскому завоеванію Сибири предшествовала долгая исторія туземной Сибири и сосѣдней средней Азіи, населенной народами финскими, тюркскими, монгольскими; изъ темной глубины древней Азіи они не однажды врывались завоевательными ордами въ болѣе цивилизованныя страны азіатскаго юго-запада и восточной Европы; южныя окраины Сибири были затронуты этими народными переселеніями или даже бывали мѣстомъ ихъ перваго истока. Эта древняя исторія до сихъ поръ очень темна,—между тѣмъ съ нею связаны историческіе вопросы о судьбѣ финскаго племени, нѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе; о судьбѣ народовъ тюркскихъ и монгольскихъ, которые владѣли страной наканунѣ прихода русскихъ и до сихъ поръ наполняютъ Сибирь и ея окраины. Съ тѣхъ поръ произошли новыя племенныя передвиженія, которыя остаются опять мало выясненными; приходъ русскихъ произвелъ новое броженіе, частію отгоняя чужія племена съ путей русской колонизаціи, частію ассимилируя ихъ. Съ этимъ вмѣстѣ произошли новыя своеобразныя явленія въ складѣ самого русскаго племени: колонизація совершалась двоякимъ образомъ: частію, путемъ правительственныхъ мѣръ; частію, собственной иниціативой мѣстнаго населенія, которое само раздвигалось все дальше на свой страхъ, отыскивая новыхъ территорій для земледѣлія и промысла, причемъ промыселъ нерѣдко переходилъ также и въ простой гра-

бежъ туземныхъ инородцевъ. Занятыя земли становились новыми русскими областями; худо ли, хорошо ли, въ нихъ водворялась русская власть, но въ странѣ, раскинутой на огромномъ пространствѣ, жители естественно предоставлены были всего чаще самимъ себѣ, и въ результатѣ складывался своеобразный бытъ и, наконецъ, особый типъ, самой русской народности. Отъ этихъ первыхъ вѣковъ русскаго господства не осталось почти ни единаго разсказа, который сообщилъ бы подробности этого процесса занятія страны русскими и образованія этого новаго народнаго быта; только нѣмецко-русскіе путешественники прошлаго столѣтія доставляютъ объ этомъ почти первыя свѣденія, и этотъ процессъ остается изучать по уцѣлѣвшимъ старымъ актамъ и по современному состоянію сибирской жизни и народа.

Тому, чтò болѣе или менѣе доступно писанной исторіи, предшествуетъ еще болѣе древняя судьба сибирской территоріи—ея до-историческое прошлое. Новѣйшія находки удостовѣряютъ существованіе въ Сибири каменнаго вѣка, затѣмъ указываютъ на существованіе древнихъ горныхъ работъ, остатки которыхъ, въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копяхъ", до сихъ поръ составляютъ мало разъясненную загадку, какъ и тѣ изображенія на скалахъ, рисунки и письмена („писаницы"), которыхъ много находятъ особливо на югѣ западной Сибири.

Таковы разнообразныя задачи, предстоящія сибирской исторіи. Для нея нужно, такимъ образомъ, содѣйствіе до-исторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи; архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири, и, наконецъ, изслѣдованіе старыхъ сибирскихъ нравовъ, обычаевъ и современнаго быта. Въ различной мѣрѣ эти задачи уже затронуты въ существующей литературѣ о Сибири; нѣкоторые частные вопросы вызвали нѣсколько, хотя немного, замѣчательныхъ изслѣдованій, но цѣльный историческій вопросъ остается еще безотвѣтнымъ. Дѣло ограничивается до сихъ поръ только опытами.

Мы скажемъ дальше, чтò сдѣлано было до сихъ поръ для объясненія до-исторической сибирской старины, и остановимся теперь на древнѣйшихъ памятникахъ русской сибирской исторіи.

Историческія свѣденія о Сибири начинаются лѣтописью. До конца XVII вѣка это была почти единственная форма историческаго разсказа, извѣстная въ самой метрополіи. Какъ мы выше замѣчали, первыя извѣстія о Сибири восходятъ у русскихъ довольно далеко. Собственная Сибирь названа въ нашей старой

лѣтописи еще въ началѣ XV вѣка [1]); затѣмъ лѣтопись упоминаетъ въ теченіе XV-го и XVI-го вѣка событія, относящіяся до Сибири. Въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ первые слѣды лѣтописи *собственно сибирской*, которая составлялась на мѣстѣ и ограничивалась только мѣстными событіями. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько памятниковъ этого сибирскаго лѣтописанія, но вообще старая сибирская лѣтопись до сихъ поръ не вполнѣ приведена въ извѣстность. Въ старыхъ рукописяхъ находятся памятники, относящіеся къ ней, но до сихъ поръ неопредѣленные съ достаточною точностью. Главныхъ сибирскихъ лѣтописей, какими пользовались до сихъ поръ историки Сибири, было четыре, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Первымъ началомъ сибирскаго лѣтописанія считается трудъ тобольскаго архіепископа Кипріана въ началѣ XVII-го вѣка— трудъ, до насъ не дошедшій въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кипріанъ, по фамиліи Старорусенковъ, бывшій архимандридъ новгородскаго Хутынскаго монастыря, поставленный патріархомъ Филаретомъ, былъ первымъ архіепископомъ сибирскимъ и тобольскимъ, въ 1621 году. Прибывши въ Тобольскъ, онъ, какъ разсказываютъ, во второй годъ своего церковнаго правленія, „воспомянулъ“ атамана Ермака Тимоѳеева и „велѣлъ спросить Ермаковыхъ казаковъ, какъ они пришли въ сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого у нихъ поганые убили, а казаки принесли ему списки, какъ они пришли въ Сибирь, и о бояхъ“. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ (или Осиповъ), упомянувши объ этомъ, замѣчаетъ, что самъ онъ писалъ „съ писанія прежняго“; полагаютъ, что прежнимъ писаніемъ именно была лѣтопись архіепископа Кипріана [2]).

Савва Есиповъ, писавшій въ 1636 или 1637 году, былъ дьякъ сибирскаго митрополита, повидимому распространилъ то, что̀ нашелъ у своего предшественника, но кромѣ того разсказывалъ и то, что̀ видѣлъ „своими глазами“. Извѣстіями его воспользовался уже первый сибирскій историкъ Миллеръ (называющій его Саввой Ефимовымъ), не особенно, впрочемъ, довѣряя его

---

[1]) Подъ 1406—1407 годомъ въ лѣтописяхъ упоминается убійство Тохтамыша ханомъ Шанибекомъ „въ Сибирской землѣ“. См. 4-ю Новгородскую лѣтопись, въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, IV, стр. 109; затѣмъ старыя изданія: Лѣтописецъ русскій, 1792; Лѣтописецъ архангелогородскій, 1781; Никоновская лѣтопись, т. V, стр. 8 и друг.

[2]) Ср. о томъ же слова кунгурской лѣтописи Ремезова,—въ изданіи археограф. коммиссіи, стр. 37, статья 135; но Кипріанъ названъ Нектаріемъ.

показаніямъ [1]). Лѣтопись Есипова издана была въ первый разъ Спасскимъ, а потомъ, по другому списку, Небольсинымъ [2]).

Наравнѣ съ лѣтописью Есипова очень старою считается другая лѣтопись, такъ-называемая „Строгоновская". Миллеръ не зналъ этой лѣтописи, и въ первый разъ она была найдена и издана Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирской старины, который сообщилъ ее и Карамзину. Когда собственно эта лѣтопись была составлена — неизвѣстно; разсказъ ея ограничивается только первымъ завоеваніемъ Сибири и оканчивается на временахъ царя Ѳедора Ивановича [3]).

Третья лѣтопись, называемая обыкновенно „Тобольскою" и извѣстная также подъ названіемъ „Ремезовской", составлена была тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ. По словамъ Спасскаго, эта лѣтопись была писана Ремезовыми, то-есть, и отцомъ, Семеномъ Емельяновымъ, и сыновьями (которыхъ было три—Леонтій, Семенъ и Иванъ) между 1650 и 1700 годами. Небольсинъ утверждаетъ прямо, что она составлена во времена Петра Великаго, въ 1697—1699 годахъ. „Тобольская лѣтопись довольно пространна, — говоритъ о ней Спасскій, — и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ та-

---

1) См. Sammlung russischen Geschichte, т. VIII, 1763, стр. 197—199; Фишера, „Сибирская исторія", стр. 306 — 307. Ср. Пекарскаго, „Ист. Акад. Наукъ", I, стр. 355—356; онъ не замѣтилъ тождества этого Ефимова съ Есиповымъ.

2) „Сказаніе о Сибирской странѣ", въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1828, и П. Небольсина: „Покореніе Сибири". Спб. 1849, въ приложеніяхъ.

3) Заглавіе ея слѣдующее: „О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому государю Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи подарова Богъ Сибирское государство обладати ему, государю, и побѣдити Муртазеліева сына Кучума салтана сибирскаго, и сына его царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божіими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ архиепископію". Изданіе Спасскаго въ книжкѣ: „Лѣтопись Сибирская", содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII-го вѣка". Спб. 1821, IX и 88 стр., 8°.—Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1821, ч. XIII, стр. 1—6, помѣщено было „Извѣстіе о новонайденной лѣтописи сибирской, вошедшее въ предисловіе къ ея отдѣльному изданію, и въ ч. XIV, стр. 7—25, выписка изъ Карамзина (т. IX), который уже имѣлъ въ рукахъ эту лѣтопись. Въ примѣчаніи Спасскій писалъ: „Почитаю себя счастливымъ, что доставленіемъ подлинника сей лѣтописи почтеннѣйшему нашему исторіографу оказалъ ему нѣкоторую услугу. Г. С."—Куда дѣвался потомъ этотъ подлинникъ лѣтописи, неизвѣстно. Впослѣдствіи эта лѣтопись перепечатана была, съ новыми объясненіями, въ книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибири", въ приложеніяхъ.

мошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣденія для своей исторіи сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи" [1]). Карамзинъ отвергаетъ лѣтопись Ремезова, считая показанія ея невѣрными [2]); невысокаго мнѣнія о ней и Небольсинъ, который думаетъ, однако, что и въ ней есть нѣчто, требующее вниманія, событія доведены въ ней до смерти сибирскаго царя или хана Кучума, 1598, и послѣднее отрывочное показаніе (приведенное нами выше) относится, повидимому, къ назначенію перваго архіепископа въ Тобольскъ, въ 1621. Лѣтопись Ремезова открыта была въ первый разъ Миллеромъ въ Тобольскѣ. Въ своей позднѣйшей автобіографической запискѣ онъ разсказываетъ о находкѣ лѣтописи (полученной отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича, дяди того, который извѣстенъ заговоромъ и казнью 1764 года), которая есть именно лѣтопись Ремезова [3]). Миллеръ придавалъ ей большое значеніе, и въ предисловіи къ его сибирской исторіи говорится, что лѣтописи у Ремезова „сочинитель предъ другими больше вѣритъ, и оной для полноcти хвалитъ".

Четвертая и новѣйшая сибирская лѣтопись, съ именемъ автора, есть Черепановская. Эта лѣтопись, извѣстная Карамзину и называемая у него „новою сибирскою лѣтописью неизвѣстнаго автора", въ первый разъ упомянута была въ печати названнымъ нами прежде академическимъ путешественникомъ励Ителькомъ. Въ своемъ путешествіи онъ разсказываетъ: „Въ Тобольскѣ познакомился я съ ученымъ ямщикомъ Козьмою Черепановымъ, умнымъ

---

[1]) Лѣтопись Сибирская, стр. VII.

[2]) Исторія госуд. Росс., т. IX, пр. 644.

[3]) „Тобольскій архивъ,—писалъ Миллеръ,—не восходитъ до временъ завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которыя въ передачѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она разсказана мною въ первой части моей Сибирской исторіи". См. Исторію Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1870, стр. 322, и предисловіе къ изданію этой лѣтописи, которое сдѣлано было только недавно археографическою коммиссіею въ полномъ литографированномъ факсимиле: „Краткая сибирская лѣтопись (Кунгурская) со 154 рисунками". Спб. 1880,—въ форматѣ подлинной рукописи. Изданіе сдѣлано на счетъ корреспондента коммиссіи А. Зоста. Въ рукописи главное мѣсто занимаютъ рисунки, изображающіе разныя событія завоеванія Сибири, а текстъ составляетъ нѣчто въ родѣ объясненія къ картинкамъ.

и достаточнымъ человѣкомъ. Онъ не только порядочный былъ архитекторъ, но зналъ часть математики, механики и даже исторіи. Библіотека его состояла изъ 400 книгъ. Братъ же его Илья Черепановъ сочинилъ сибирскую лѣтопись и, занимаясь ею, не покидалъ своего ямского ремесла" [1]). Объ этой лѣтописи говорилъ потомъ Спасскій [2]), который находилъ, что она „достойна вниманія, сколько по содержанію своему, столько же и по сочинителю, который представляетъ рѣдкое явленіе на поприщѣ нашей словесности и въ особенности за 50 лѣтъ предъ симъ: ибо онъ, по званію и ремеслу своему, принадлежитъ къ сословію ямщиковъ города Тобольска". Спасскій указалъ въ главныхъ чертахъ и составъ этой лѣтописи, гдѣ разсказъ о первомъ занятіи Сибири до 1620 года заимствованъ, большею частію, изъ печатной сибирской исторіи академика Миллера (въ русскомъ переводѣ), а также изъ лѣтописей Ремезова и Есипова; но Черепановъ видимо не зналъ продолженія Миллеровой исторіи, которое печаталось въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" 1764 года. Другія извѣстія Черепанова о сибирскихъ происшествіяхъ, о городахъ, управленіи, промышленности, о народахъ, населяющихъ Сибирь, взяты частію изъ тѣхъ же лѣтописей, изъ сочиненія Новицкаго и другихъ источниковъ или собраны самимъ Черепановымъ. Въ своемъ журналѣ Спасскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи. Наконецъ, подробный обзоръ лѣтописи Черепанова сдѣланъ былъ г. Майковымъ, который, кромѣ источниковъ, указанныхъ Спасскимъ, отмѣчаетъ также ссылки Черепанова на „нѣкоторую сибирскую исторію" (по поводу родословія Ермака), далѣе на Степенную книгу, хронографъ, прологъ, „лѣтопись о мятежахъ". По замѣчанію г. Майкова, можно догадываться и о другихъ источникахъ Черепанова; такъ, напримѣръ, въ лѣтопись занесены извѣстія, взятыя, повидимому, изъ отдѣльныхъ сказаній, напримѣръ о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судового хода по Ледовитому

---

[1]) Полное собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изданія Акад. Наукъ. Т. VI, Записки путешествія Фалька, стр. 402—403. Одинъ изъ новѣйшихъ сибирскихъ историковъ, Абрамовъ, имѣвшій въ рукахъ списокъ этой лѣтописи, усомнился въ разсказѣ Фалька и замѣтилъ на заглавномъ листѣ рукописи: „Лучше вѣрить, что она, какъ и прочія сибирскія лѣтописи, составлена при здѣшнемъ (т.-е. тобольскомъ) архіерейскомъ домѣ. Есть на это доказательства; а профессору Фальку трудно повѣрить, что онъ ямщика тобольскаго выставилъ на поприщѣ исторіи и когда же? За 80 лѣтъ назадъ тому и въ Тобольскѣ".—Намъ кажется, напротивъ, что лучше вѣрить Фальку, показанія котораго вообще весьма точны и просты; онъ не могъ выдумать, что видѣлъ Черепанова, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это былъ начетчикъ, какіе бывали въ то время не особенно рѣдки.

[2]) Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", 1821, часть XIV.

морю, о занятіи Амура, жизнеописанія митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филоѳея Лещинскаго, и пр. Собственныя извѣстія Черепанова сосредоточиваются очевидно около Тобольска, причемъ одни имѣютъ чисто мѣстный интересъ, какъ, напримѣръ, свѣденія о дождяхъ, пожарахъ, постройкахъ, другія относятся къ Тобольску, какъ къ главному административному центру Сибири, напримѣръ извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ, о звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, свѣденія о новыхъ земляхъ, о постройкѣ новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ земляхъ; сообщается также много свѣденій, касающихся церковнаго быта. Все это было взято, вѣроятно, изъ современныхъ записей, а за послѣдніе годы занесено самимъ Черепановымъ [1]).

Мнѣніе г. Майкова, приведенное нами въ примѣчаніи, можетъ свидѣтельствовать о современномъ состояніи разработки старой сибирской лѣтописи. Эта разработка едва начата. Сибирскія лѣтописи изданы пока весьма отрывочно; не приведены въ извѣстность наличные памятники сибирскаго лѣтописанія, не сравнены въ полной мѣрѣ ихъ редакціи, не выяснена хронологія. Между тѣмъ существуетъ въ библіотекахъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ рукописей, которыя требовали бы подобнаго пересмотра и, наконецъ, изданія. Эти рукописи были не однажды перечисляемы [2]).

Отсутствіе этой критической работы и сравнительнаго изданія текстовъ вело, между прочимъ, къ противорѣчивой оцѣнкѣ самихъ историческихъ данныхъ. До сихъ поръ не освобождено отъ противорѣчій, не только относительно хронологіи, но и по существу,

---

[1]) См. докладъ Л. Н. Майкова въ „Лѣтописи занятій археографической коммиссіи“. Вып. VII. Спб. 1884, отд. IV, стр. 44—68, гдѣ помѣщено также нѣсколько выписокъ изъ самой лѣтописи. Г. Майковъ, однако, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ и главное въ своевременности изданія этого памятника. Лѣтопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а въ настоящее время еще недостаточно выяснились взаимныя отношенія и болѣе старыхъ, болѣе первоначальныхъ источниковъ сибирской исторіи. Далѣе, во второй своей половинѣ лѣтопись Черепанова содержитъ въ себѣ много заимствованій изъ другихъ источниковъ, и потому, какъ памятникъ позднѣйшаго образованія, требуетъ особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особливо по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ“.

[2]) См., напр., Небольсина, „Покореніе Сибири“, гл. I: „Сибирскіе лѣтописцы и историки“, стр. 4—11; „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ“, составл. М. Пуцилло, М. 1879, гдѣ упомянуто и нѣсколько лѣтописей (стр. 2, 32, 97, 98, 104); ст. „Сибирскія лѣтописи“ въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1883, № 38, 40, 44 и 51; „Свѣденія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ“ А. Оксенова, въ „Литературномъ Сборникѣ“ Н. М. Ядринцева. Спб. 1885, стр. 446—455.

опредѣленіе перваго факта сибирской исторіи—походовъ Ермака. Дѣло въ томъ, что, напримѣръ, исторія завоеванія передается въ двухъ старѣйшихъ сибирскихъ лѣтописяхъ—Саввы Есипова и Строгоновской—весьма несходнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Строгоновская лѣтопись (названная такъ не потому, чтобы гдѣ-нибудь ея составленіе прямо было связано со Строгоновыми, а потому, что весь смыслъ ея клонится къ возвеличенію роли Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири) не носитъ на себѣ ни имени автора, ни времени составленія, но считалась нѣкоторыми историками, въ томъ числѣ Карамзинымъ, за древнѣйшую сибирскую лѣтопись, и, согласно съ нею, завоеваніе Сибири изображается въ такомъ смыслѣ, что Ермакъ былъ только исполнителемъ плана Строгоновыхъ, которые потомъ „уступили Сибирь государству“ или „подарили русскаго царя Сибирью“. Между тѣмъ лѣтопись Есипова не знаетъ этой постановки дѣла и излагаетъ его совсѣмъ иначе, считая дѣйствія Ермака вполнѣ самостоятельными, а роль Строгоновыхъ—совершенно второстепенной, такъ какъ нѣкоторая помощь, оказанная ими Ермаку, является только вынужденной. Это противорѣчіе въ различной степени отразилось у историковъ, говорившихъ о завоеваніи Сибири: Строгоновская лѣтопись принята была за авторитетъ въ особенности Карамзинымъ и Устряловымъ (въ книгѣ: „Именитые люди Строгоновы“), но къ совершенно инымъ заключеніямъ приходилъ Небольсинъ. По его мнѣнію, Строгоновская лѣтопись, во-первыхъ, не имѣетъ приписываемаго ей авторитета древности; что она составлена была много позднѣе событій, какъ видно изъ того, что въ ея заглавіи упоминается уже основаніе сибирской архіепископіи (1621); авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ царскія грамоты Строгоновымъ, по мнѣнію Небольсина, видимо желалъ польстить ихъ роду, приписывая имъ первостепенное участіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, по взгляду Небольсина, завоеваніе Сибири давно было обдуманнымъ планомъ московскихъ царей и особливо Ивана Грознаго, а Строгоновы въ эпоху завоеванія не были еще такъ вліятельны, и въ ихъ распоряженіи не было столько людей, чтобы предпринять подобную экспедицію или вооружить войско Ермака. Болѣе древнею Небольсинъ считаетъ лѣтопись Саввы Есипова; но какъ этотъ послѣдній памятникъ, такъ и Строгоновская лѣтопись, въ ихъ изданной формѣ, по мнѣнію Небольсина, не представляютъ ихъ первоначальнаго текста; напротивъ, въ старыхъ рукописяхъ и хронографахъ Небольсинъ нашелъ произведенія, которыя казались ему именно первообразами обѣихъ лѣтописей. Въ приложеніи къ своей

книгѣ: „Покореніе Сибири“, онъ напечаталъ въ четырехъ столбцахъ лѣтопись Есипова и Строгоновскую рядомъ съ ихъ первообразами. Это изданіе, очень полезное для будущей критики сибирскихъ лѣтописныхъ текстовъ, конечно, еще не рѣшаетъ вопроса, но оно было хорошимъ началомъ, которое, къ сожалѣнію, еще не имѣло продолженія.

Миллеръ, а потомъ Спасскій, упоминаютъ еще, повидимому, особый разрядъ краткихъ записей, которыя оба они называютъ „простыми лѣтописями“ [1]; но до сихъ поръ объ этихъ произведеніяхъ, кажется, не было сообщено болѣе точныхъ свѣденій. „Простыми лѣтописями“ Миллеръ считалъ, вѣроятно, краткія записи, не представляющія цѣльнаго разсказа и веденныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ бы только для личной и мѣстной памяти. Такова, напримѣръ, одна изданная лѣтопись, веденная въ Тобольскѣ, съ 1590 по 1715 годъ [2], или лѣтописи Енисейская и Иркутская, о которыхъ упоминаетъ Словцовъ въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири“ [3], и проч.

Къ источникамъ сибирской исторіи принадлежатъ также старыя описанія географическія. Источникомъ ихъ были главнымъ образомъ отписки служилыхъ людей о своихъ поѣздкахъ и походахъ и доклады въ Москву отъ сибирскихъ властей. Выше мы упоминали, что царскіе посланцы еще съ XVI-го вѣка отправляемы были въ среднюю Азію и Китай для собранія свѣденій о восточныхъ земляхъ, съ которыми имѣлись въ виду или политическія, или торговыя дѣла. Посланцы подавали о своихъ путешествіяхъ „сказки“, то-есть отчеты, состоящіе, большею частію, изъ голыхъ маршрутовъ, изрѣдка пополняемыхъ краткими свѣденіями о видѣнныхъ странахъ, народахъ, ихъ обычаяхъ и о переговорахъ съ ихъ властями. Эти „сказки“ становились руководствомъ для послѣдующихъ путешественниковъ; нерѣдко онѣ выходили за предѣлы приказовъ, списывались, заносились любознательными людьми въ сборники, хронографы, наконецъ послужили матеріаломъ для цѣльныхъ оффиціальныхъ описаній. Такъ, въ извѣстной „Книгѣ

---

[1] Вотъ, напримѣръ, слова Спасскаго; „Сверхъ того, у нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можетъ быть и нынѣ есть, такъ-называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные“. „См. Лѣтопись Сибирская“. Спб. 1821, стр. VII.

[2] „Сибирскій лѣтописецъ“, сообщенный извѣстнымъ историкомъ В. Н. Берхомъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1826, ч. XIX, стр. 109—139 и 221—251. Это—лѣтописецъ собственно служилый, записывающій назначенія воеводъ, дьяковъ и всякія оффиціальныя извѣстія.

[3] Изд. 1886 г., I, стр. XI; II, стр. 302—303.

большому чертежу", нынѣ извѣстная редакція которой относится къ 1627 году, находятся уже довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣденія относительно западной Сибири [1]. Въ концѣ XVII-го вѣка составлено было подобное описаніе Сибири: „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли", 1672 г., изданный также Спасскимъ [2]. Около 1683 г. составлено было „Описаніе новыя земли, сирѣчь сибирскаго царства", и пр. Здѣсь разсказано вкратцѣ покореніе Сибири, не совсѣмъ согласно съ лѣтописями Строгоновской и Саввы Есипова, и за извѣстіемъ о смерти Ермака слѣдуетъ географическое описаніе Сибири, или собственно дорожникъ, показывающій разстоянія отъ одного мѣста до другого [3]. Далѣе, упомянутый сынъ боярскій Семенъ Ремезовъ, авторъ Тобольской (или Кунгурской) лѣтописи, составилъ въ 1701 году новую „Чертежную книгу Сибири", на 23 листахъ, гдѣ на первомъ листѣ находится планъ Тобольска, затѣмъ 18 картъ земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ, отъ Верхотурья и Тобольска до Якутска и Нерчинска, потомъ „Чертежъ земли безводной и малоприходной каменной степи", то-есть степей, прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ, далѣе, сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ: „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель"; наконецъ, карта Великопермскаго и Печорскаго поморья и карта распредѣленія инородческихъ племенъ [4]. Наконецъ, мы упоминали выше о путешествіи Спаѳарія, о книгѣ Новицкаго. Довольно большое количество отписокъ и сказокъ разныхъ посланцевъ къ ханамъ средней Азіи и Монголіи разсѣяно по разнымъ историческимъ изданіямъ и до сихъ поръ еще не собрано въ одно цѣлое [5].

Статьи о Сибири, правда, краткія, встрѣчаются и въ хронографахъ, которые были въ свое время почти единственными учеными и популярными книгами по исторіи и географіи. Въ „Изборникѣ", составленномъ Андреемъ Поповымъ изъ хронографовъ, на-

---

[1] „Книга большому чертежу" издана была Гр. Спасскимъ; изд. 2-е. Спб. 1838.

[2] См. „Временникъ" Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1849, книга III.

[3] „Описаніе... Румянцевскаго Музеума", Востокова. Спб. 1842, № CCXCIV. Нѣсколько извлеченій изъ этой статьи находится въ приложеніяхъ къ упомянутому нами раньше „Путешествію Спаѳарія", въ изданіи Ю. Арсеньева. Спб. 1882.

[4] Атласъ Ремезова изданъ Археографической коммиссіей, 1882.

[5] Много подобныхъ отписокъ было напечатано Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", г. Потанинымъ, Ю. Арсеньевымъ, г. Кобеко и др. Ср. „Географическія свѣденія Книги большого чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ", А. И. Макшеева, въ „Запискахъ Геоографическаго Общества по отдѣленію этнографіи", т. VI.

ходятся нѣсколько статей, относящихся къ Сибири. Напримѣръ, статья „О сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства", которая совпадаетъ съ нѣкоторыми отдѣлами лѣтописей Строгоновской и Саввы Есипова [1]); тамъ же статья: „О побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи сибирскаго царства и о рожденіи царевича Димитрія и о поставленіи града Тоболска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и зміяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ сибирскомъ царствѣ", гдѣ послѣ краткаго разсказа о завоеваніи Ермакомъ сибирскаго царства сообщаются свѣденія о сибирскихъ народахъ, звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ. Наконецъ, статья: „О градѣхъ и рѣкахъ того сибирскаго царства". Въ старыхъ космографіяхъ, изданныхъ тамъ же А. Поповымъ, находятся двѣ статьи о Сибири, изъ которыхъ одна, въ нѣсколькихъ строкахъ, называетъ Сибирь царствомъ „звѣрообразныхъ людей", другая курьезна по сказочнымъ подробностямъ о сѣверныхъ сибирскихъ народахъ [2]).

Однимъ изъ основныхъ источниковъ для сибирской исторіи остаются акты — современныя оффиціальныя бумаги, правительственныя распоряженія, отчеты и т. п., масса которыхъ уже была собрана въ XVIII столѣтіи и остается еще до сихъ поръ несобранной въ сибирскихъ архивахъ и въ центральныхъ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Не перечисляя здѣсь ихъ изданій, мы будемъ имѣть случай упоминать о нихъ при дальнѣйшемъ пересмотрѣ собственно исторической литературы о Сибири.

Во главѣ научной разработки сибирской исторіи стоитъ имя знаменитаго Герарда-Фридриха Миллера (1705—1783), о которомъ намъ случалось уже много разъ говорить. Его называютъ отцомъ сибирской исторіи, и совершенно справедливо: никто съ тѣхъ поръ и до нынѣ—кромѣ развѣ Спасскаго—не положилъ такого труда на собраніе матеріаловъ по исторіи этого края, гдѣ Миллеръ странствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1733 — 1743), большею частію вмѣстѣ съ Гмелинымъ, и гдѣ онъ занимался разборомъ сибирскихъ архивовъ и собираніемъ всякихъ свѣденій о сибирской старинѣ, современномъ бытѣ, инородцахъ и т. д. Самъ Миллеръ въ своихъ сочиненіяхъ утилизировалъ только немногое изъ собраннаго имъ матеріала; о цѣнности и обиліи этого матеріала можно судить по тому, что въ прошломъ столѣтіи большая

---

[1]) Ср. „Изборникъ", Москва, 1869, стр. 398 и слѣд.; ср. „Лѣтопись Сибирскую", Спасскаго, стр. 28 и слѣд.; „Покореніе Сибири", Небольсина, приложеніе, стр. 10 и д.

[2]) „Изборникъ", стр. 466, 528—529.

масса его вошла въ „Древнюю Вивліоѳику“ Новикова, а долго спустя этотъ матеріалъ послужилъ для изданій археографической коммиссіи, и въ послѣдній разъ изъ него почерпнуто было содержаніе спеціальныхъ сборниковъ, изданныхъ археографической коммиссіей въ 1880-хъ годахъ, черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ Миллеръ дѣлалъ свое путешествіе [1]).

Мы не будемъ возвращаться къ путешествію Миллера, о чемъ говорили раньше, и ограничимся указаніемъ того, что̀ въ его ученыхъ трудахъ посвящено Сибири. Наканунѣ своего отъѣзда, въ 1732, Миллеръ началъ изданіе, посвященное вообще различнымъ предметамъ русской исторіи и гдѣ потомъ появились его многія работы о Сибири [2]). Путешествіе надолго прервало это изданіе, которое было возобновлено Миллеромъ уже въ 1758 году. По возвращеніи, Миллеръ, кромѣ разныхъ другихъ работъ, занялся составленіемъ сибирской исторіи. Книга печаталась уже съ 1748 года и вышла въ свѣтъ въ 1750 году, на русскомъ языкѣ [3]). Книга Миллера была первымъ правильнымъ ученымъ трудомъ по сибирской исторіи: онъ приступилъ къ нему, хорошо приготовившись, и въ то время не было другого человѣка, который бы такъ хорошо владѣлъ всѣми относящимися къ предмету источниками. Въ предисловіи, которое составлено было не Миллеромъ, а академической канцеляріей, объясняется, какіе матеріалы имѣлъ авторъ для своего руководства: по указу правительствующаго сената, автору „позволено было сибирскіе архивы по волѣ разсматривать“ и выписывать изъ нихъ „принадлежащія

[1]) О трудахъ Миллера въ Сибири см. въ Ист. Академіи Наукъ. I, стр. 321—335, 366 и др.

[2]) G. Fr. Müller, Sammlung russischer Geschichte. St.-Pet. 1732—64, 9 томовъ. Десятый дополнительный томъ былъ изданъ Эверсомъ и Энгельгардтомъ. Dorpat, 1816.

[3]) Мы пользовались вторымъ изданіемъ: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридерикомъ Миллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ университета Академіи Наукъ и социетета Аглинскаго членомъ. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ“. Спб. 1787, 4⁰. Эта единственная вышедшая отдѣльно книга сочиненія Миллера заключаетъ слѣдующія главы: I) Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія; II) О изобрѣтеніи (т.-е. открытіи) Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу донскими казаками; III) О принятіи сибирской земли подъ Россійскую державу; IV) О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозвы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири; V) О строеніи городовъ и остроговъ Нарыма, Кецкаго, Верьхотурья, Туринска, Мангарѣи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями“. О нѣмецкомъ изданіи скажемъ дальше.

къ его намѣренію извѣстія"; кромѣ того, нѣкоторыя „приватныя персоны", а особливо бароны Строгоновы, благосклонно сообщали ему какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія, и наконецъ, „къ не малому его вспоможенію", попались ему письменныя сибирскія лѣтописи. Поэтому предисловіе успокоиваетъ читателя относительно достовѣрности этой исторіи: „Сего ради благосклонный читатель ни мало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ наипаче, что сочинителю, который кромѣ того *не имѣетъ причини инако писать*, какъ только что нашлось въ вышепоказанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во-первыхъ должно было всячески о истиннѣ стараться; однако-жъ если впредь о чемъ нибудь больше удостовѣреность будетъ, то по приложенному старанію о усмотрѣнныхъ погрѣшностяхъ въ слѣдующемъ томѣ объявлено, а при новомъ изданіи то самое въ текстѣ поправлено быть имѣетъ".

Эта опасливость объясняется вообще тогдашними взглядами на печать и въ частности тогдашнимъ положеніемъ Миллера въ академіи. Ученый трудъ былъ дѣломъ оффиціальнымъ, и мы раньше имѣли случай замѣчать, что научныя открытія академиковъ считались казенною собственностью и вмѣстѣ канцелярской тайной, съ которой надо было обходиться съ величайшею осторожностью, особливо если дѣло касалось русской исторіи, даже самой отдаленной. Передъ изданіемъ сибирской исторіи (какъ впрочемъ и послѣ) Миллеру пришлось вынести не мало непріятностей по поводу своихъ ученыхъ трудовъ; онъ былъ не въ ладахъ съ партіей, которая правила тогда академическими дѣлами; въ 1749 году поднятъ былъ шумъ по поводу его диссертаціи (на латинскомъ языкѣ!) о происхожденіи русскаго народа, которая была сочтена оскорбительной для достоинства россійской имперіи; передъ тѣмъ Крекшинъ, извѣстный (плохой) историкъ Петра Великаго, раздраженный неодобрительнымъ отзывомъ Миллера объ его генеалогическихъ трудахъ, подалъ на него доносъ въ сенатъ, что Миллеръ (котораго указаніями самъ Крекшинъ пользовался) дѣлаетъ въ одной изъ своихъ рукописей выписки унизительныя для русскихъ (древнихъ) великихъ князей. Самое составленіе сибирской исторіи не обошлось для Миллера безъ большихъ непріятностей. Шумахеръ и Тепловъ, правившіе академіей и относившіеса къ Миллеру враждебно, дѣлали ему всякія кляузы, касавшіяся и его чисто ученой работы. Миллеръ осмѣлился, минуя Шумахера, послать прямо въ Москву къ жившему тамъ президенту академіи Разумовскому предисловіе къ своей книгѣ; Шумахеръ сталъ увѣрять Теплова, имѣвшаго влія-

ніе у Разумовскаго, что предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной славы“ Миллера, а относительно желанія Миллера напечатать при исторіи двѣ старыя сибирскія лѣтописи— объяснялъ, что Миллеръ „никакого другого намѣренія не имѣетъ, какъ свою исторію увеличить и время провождать“, и что „безопаснѣе“ было бы напечатать лѣтописи и грамоты отдѣльно, „показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для аппробаціи, ибо оныя дѣла такія, о которыхъ разсуждать должны *министры* или *правительствующій сенатъ*“. Дѣло шло о лѣтописяхъ XVI—XVII-го столѣтія: для этого требовалась аппробація министровъ и правительствующаго сената!

Получилась, наконецъ, резолюція Разумовскаго, очевидно, продиктованная врагами Миллера и довольно безсмысленная, о которой академическая канцелярія увѣдомила автора исторіи. Президентомъ академіи было усмотрѣно, что хотя, по разсужденію автора, и нужны доказательства для его исторіи, однако въ лѣтописяхъ „находится не малое число лжебасней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона“ (т.-е. до церковныхъ предметовъ). „А хотя же бы что и до закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ“. Академическая канцелярія (безъ сомнѣнія, по полномочію отъ президента) разсуждала, что такой книги печатать нельзя „подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла“; поэтому рѣшили сибирскую лѣтопись „печатаніемъ оставить до того времени, когда оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства“, и самое предисловіе, приготовленное Миллеромъ, было „перемѣнено“.

Это первоначальное предисловіе сохранилось въ архивѣ академіи и заключало въ себѣ, между прочимъ, любопытныя соображенія о старыхъ памятникахъ сибирскаго лѣтописанія [1]).

Въ печатномъ предисловіи говорилось дальше, что академіею принято намѣреніе напечатать вмѣстѣ „выписанныя изъ сибирскихъ архивъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія, какихъ въ ака-

---

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 352—356. Упоминаемый здѣсь Савва Ефимовъ, какъ мы указывали, есть Савва Есиповъ.

демической архивѣ *тридцать восемь книгъ* хранится", вмѣстѣ съ тобольскимъ лѣтописцемъ и „съ прочими общими сибирскими лѣтописцами", но предварительно „очистивъ оные отъ басней, которыя не принадлежатъ къ самому дѣлу". Это очищеніе, придуманное, какъ мы видѣли, не Миллеромъ, а академической канцеляріей, конечно, сдѣлало бы изданіе негоднымъ,— да оно и не состоялось.

Этимъ не кончались придирки. Однажды непріятели его въ академической канцеляріи, желая досадить ему, отняли у него чтеніе корректуры, подъ предлогомъ, что онъ ее задерживаетъ: Миллеру приходилось объяснять, что корректурныя поправки ему необходимы вслѣдствіе плохого перевода его книги, и что въ „другихъ странахъ" такое распоряженіе сочтено было бы весьма несправедливымъ, „потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычая всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать — вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія".

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ отзывались иногда нѣсколько свысока о сибирской исторіи Миллера; это очень несправедливо. Каковы бы ни бывали ошибки Миллера въ другихъ вопросахъ русской исторіи, онъ оставался отличнымъ знатокомъ ея, и въ данномъ случаѣ трудъ его былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ приступалъ къ предмету совсѣмъ нетронутому, для котораго онъ самъ собралъ первые источники, къ которому впервые приложилъ историческую критику, чтобы разобраться въ массѣ сложныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ показаній. Для своего времени Миллеръ съ большимъ успѣхомъ одолѣлъ эти трудности, и его книга была бы вѣроятно еще любопытнѣе, еслибы надъ нимъ не тяготѣла упомянутая невѣжественная, надоѣдливая опека. Онъ приступалъ къ своему дѣлу съ учеными пріемами только-что возникавшей тогда исторической критики. Для первой главы своего сочиненія Миллеръ воспользовался существовавшей тогда литературой о старой исторіи средней Азіи, Монголіи и Китая, какъ переводъ исторіи Абульгази, старыя путешествія къ татарамъ (Плано-Карпини и др.), книги тогдашнихъ оріенталистовъ, Пети дела-Круа, Эрбелата, іезуитовъ Гобаля, Сусіета, какъ сочиненія Витзела, Страленберга (къ которому относится крити-

чески), Дюгальда, Іоанна Бернарда Миллера (объ остякахъ) и пр. Въ послѣдующихъ главахъ онъ стоялъ уже на болѣе твердой почвѣ, имѣлъ передъ собою русскія лѣтописи и грамоты; и такъ какъ послѣднія были еще совершенно неизвѣстны въ печати, то онъ въ примѣчаніяхъ приводитъ ихъ цѣликомъ, какъ напримѣръ грамоты къ Строгоновымъ. Близкое собственное знаніе Сибири, внимательное изученіе уцѣлѣвшихъ остатковъ ея старины въ археологическихъ памятникахъ и преданіяхъ, русскихъ и инородческихъ, составляли для Миллера чрезвычайно важное дополненіе къ его письменнымъ матеріаламъ. Передавая одно сказаніе о до-русскихъ временахъ Сибири, Миллеръ замѣчаетъ: „сію повѣсть еще и нынѣ у тобольскихъ татаръ изустно слышать можно"; въ Красноярскѣ онъ отыскиваетъ „стараго человѣка изъ аринскаго народа, которой... остался одинъ, которой говорилъ еще аринскимъ языкомъ"; въ третьемъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что такіе-то историческіе факты „у тобольскихъ татаръ нынѣ совсѣмъ изъ памяти вышли"; дальше, „князецъ" аялинскихъ татаръ разсказываетъ ему, что съ дѣтства помнитъ еще объ идолопоклонствѣ своихъ родителей и всего тамошняго народа и т. д. [1]) Миллеръ осмотрѣлъ, конечно, и тѣ мѣстности, гдѣ происходили послѣднія битвы Ермака, развалины города „Сибири" и т. п. [2]). Историческія соображенія побуждали Миллера вообще отдавать предпочтеніе показаніямъ тобольскаго лѣтописца, т.-е. Ремезова, передъ другими, „общими" или „простыми" лѣтописями [3]); Тобольскій лѣтописецъ, по его мнѣнію, „сочиненъ первымъ писателемъ, что не токмо по письму, но и по находящимся въ немъ рисункамъ довольно явствуетъ".

Сибирская исторія доведена въ первомъ томѣ книги Миллера до начала XVII столѣтія. Въ концѣ книги прибавлена „краткая хронологическая роспись сибирской исторіи, съ 1499 по 1618 г., и кромѣ того подробный указатель именной, географическій и предметный.

Продолженію труда Миллера къ сожалѣнію не посчастливилось: первый томъ остался единственнымъ, — между тѣмъ онъ видимо продолжалъ усиленно работать. Въ 1750 году переводились уже на русскій языкъ 7, 8 и 9-ая главы академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года Миллеръ представилъ графу Разумовскому

---

[1]) См. стр. 9, 25, 39, 44 и мн. др.

[2]) Стр. 108, 143 и др.

[3]) Стр. 109, 142 и др.

7 главъ, которыя должны были войти во вторую часть его сибирской исторіи. Эти главы разсматривались тогда же въ „историческомъ собраніи“ изъ нѣсколькихъ академиковъ, составлявшемъ своего рода академическую цензуру, и гдѣ однимъ изъ членовъ былъ, между прочимъ, Ломоносовъ. Въ концѣ этого года Ломоносовъ, какъ разсказываетъ историкъ академіи наукъ, представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при „свидѣтельствованіи“ сибирской исторіи Миллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худыхъ поступкахъ, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ“... Далѣе, Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всероссійскаго престола“—въ междуцарствіе. Миллеръ сдѣлалъ поправки по замѣчаніямъ Ломоносова. Въ декабрѣ того же 1751 года историческое собраніе одобрило къ печатанію шесть главъ сибирской исторіи (6—11) и сдѣлало распоряженіе объ ихъ печатаніи. Въ 1752 году одобрены были тѣмъ же собраніемъ главы 12—17-ая, и затѣмъ слѣдующія главы до 22-ой включительно велѣно было, за болѣзнію Голубцова, переводить Модераху. Наконецъ, въ февралѣ 1753 года Миллеръ представилъ еще одну главу своего сочиненія, всего 23 главы; но продолженіе книги все-таки не выходило въ свѣтъ, и историкъ академіи не нашелъ этому никакого объясненія въ дѣлахъ академическаго архива [1]).

Изъ этого продолженія сибирской исторіи напечатаны были впослѣдствіи только отдѣльныя главы—на нѣмецкомъ языкѣ въ „Sammlung russischen Geschichte“, а по-русски въ издававшихся Миллеромъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“. Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщенъ былъ, во-первыхъ, переводъ пяти главъ перваго русскаго тома, а затѣмъ главы 6—10-ая [2]); въ „Ежемѣсячныхъ

---

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 368, 406—408.

[2]) Sammlung etc., т. VI, выпуски 2—6, 1761—1762; Sibirische Geschichte, Erstes-fünftes Buch, стр. 109—566, и подробный указатель. Здѣсь выпущены тексты царскихъ грамотъ. Далѣе, Sammlung, т. VIII, выпуски 1—5, 1763, Sibirische Geschichte, sechstes-zehntes Buch, стр. 1—458. Содержаніе этихъ книгъ слѣдующее: VI. Различныя происшествія. Постройки разныхъ церквей и монастырей. Основаніе соленой варницы. Начало нѣкоторыхъ слободъ. Обдорскій городокъ и Туруханскъ. Древнѣйшія открытія на рѣкѣ Енисеѣ и на Ледовитомъ морѣ. Возстанія и воинскіе случаи. VII. Дальнѣйшія открытія и завоеванія по рѣкѣ Енисею; объ основаніи остроговъ и городовъ Маковскаго, Енисейска, Мелесскаго и Красноярска, и о киргизскихъ происшествіяхъ. VIII. Происшествія въ извѣстныхъ уже областяхъ Сибири относительно русскихъ жителей. Перемѣны въ постройкѣ городовъ. Учрежденіе архи-

Сочиненіяхъ" (1763, октябрь) Миллеръ помѣстилъ краткій обзоръ сибирской исторіи, именно главы 6 и 7-ую; а потомъ (1764, январь—іюнь) помѣстилъ цѣликомъ главы 6, 7 и 8-ую.

Въ тѣхъ же „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", которыя Миллеръ издавалъ съ 1755 года въ теченіе десяти лѣтъ, онъ помѣстилъ еще нѣсколько изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ Сибири, напримѣръ: „о первыхъ россійскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай"; „о торгахъ сибирскихъ"; „изъясненіе сумнительствъ, находящихся при постановленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года"; „о китовой ловлѣ около Камчатки"; „исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ"; описанія морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ" [1]); „извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ, которыхъ имена: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская"; „извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до россійскаго государства съ пограничными землями, также и о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россіею граничатъ"; изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ" [2]) и пр. Эти статьи большею частію появлялись также и на нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung, или въ „Магазинѣ" Бюшинга и другихъ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ [3]).

епископской каѳедры въ Тобольскѣ. Основаніе разныхъ монастырей и слободъ. IX. Продолженіе исторіи западной части Сибири относительно происшествій, какія случились съ тамошними туземными и сосѣдними народами, гдѣ особливо говорится о переговорахъ и войнахъ съ князьями семейства хана Кучума и калмыками. X. Событія знатнѣйшаго калмыцкаго княжескаго рода, который подъ именемъ Джунгарскаго всего выше вознесъ свое могущество. Продолженіе происшествій съ князьями изъ рода хана Кучума и съ мелкими калмыцкими тайшами.

[1]) Это—рядъ статей (Ежем. Соч. 1758, январь—май, іюнь—ноябрь), который могъ бы составить цѣлую книгу; онъ тогда же явился по-нѣмецки въ Sammlung russ. Gesch., III, 1758, стр. 1—134 (Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Eismeeres und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte), и, какъ мы видѣли раньше, это сочиненіе пользовалось большимъ авторитетомъ въ иностранной литературѣ въ вопросѣ о географіи Ледовитаго океана и сѣверной части океана Восточнаго.

[2]) Именно, найденныхъ въ Сибири и въ Новороссійскомъ краѣ. Статья: Von den alten Gräbern in Sibirien, приписанная Миллеру, находится въ Haigold's (Шлецеръ) Beylagen zum neu veränderten Russland, 1770, II, стр. 193—208.

[3]) См. библіографическія указанія въ Исторіи Акад. Наукъ, I, стр. 409 и слѣд. Отмѣтимъ еще одинъ трудъ Миллера: въ изданіи книги о Камчаткѣ Штеллера (1774),

И этимъ не ограничились труды Миллера о Сибири. Въ декабрѣ 1752 г. онъ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ сдѣлалъ сокращеніе изъ сибирской исторіи, доведенной Миллеромъ до 1660 года, и продолжилъ ее до позднѣйшихъ временъ, а самъ Миллеръ могъ бы заняться общими сочиненіями по русской исторіи, географіи и описанію народовъ, а также—описаніемъ своего путешествія и описаніемъ сибирскихъ древностей. Канцелярія и на этотъ разъ отнеслась къ Миллеру враждебно и дерзко. Въ постановленіи ея сказано было, что „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ“, что сочиненіе русской и сибирской исторіи и географіи „въ даль откладываетъ“ (между тѣмъ какъ на дѣлѣ академія не издавала и того, что̀ было уже Миллеромъ написано, и видимо „ни мало не хочетъ сдѣлать когда-нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина“... Раньше мы упоминали, что появленіе книги Гмелина было принято въ Петербургѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Канцелярія постановила передать Фишеру составленіе сокращенія изъ сибирской исторіи Миллера, а самого Миллера обязала „подъ штрафомъ“ непремѣнно исполнить обѣщанное въ его представленіи. По докладѣ всего этого президенту академіи Разумовскому, канцелярія предписала Миллеру „немедленно сочинить“ описаніе путешествія, „предпріятаго по высочайшему ея императорскаго величества указу“, и представить въ канцелярію; для сочиненія рѣшено было назначить срокъ, и указаны предметы, какихъ онъ долженъ былъ и какихъ не долженъ касаться въ описаніи; ему приказано было, „чтобы ничего во ономъ не писать какъ токмо то, что *народу* (?) къ его удовольствію знать потребно“ (описаніе пути, рѣкъ, селъ, городовъ, достопримѣчательностей, промысловъ, фабрикъ и т. п.), а другое было запрещено. „О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ (академиковъ) однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ конторами и съ прочими мѣстами касаются и къ *пользѣ народной* вовсе не принадлежатъ, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто пріѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и что̀ ѣли или пили, багажъ остался ли

упомянутомъ нами раньше, помѣщена въ приложеніи статья Миллера: Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk, 1737; слѣд. эта статья составлена до изслѣдованій Крашенинникова и Штеллера.

позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро ли ихъ отправляли и скоро ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо *народу* въ томъ все равно, учинено ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ, читатель не будетъ читать ненадобныхъ вещей, и намѣреніе того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится".

Наставленіе, написанное видимо съ намѣреніемъ уколоть, вмѣстѣ съ тѣмъ было, кажется, внушено и раздраженіемъ противъ Гмелина, въ путешествіи котораго, между прочимъ, были именно непріятны многія изъ подобныхъ „мелочей", рисовавшихъ жизнь и нравы не только съ показной оффиціальной стороны, но и въ ихъ настоящемъ домашнемъ видѣ. Наставленіе преподано было въ февралѣ 1753, и въ томъ же февралѣ Миллеръ, какъ мы упоминали, представилъ 23 главы своей сибирской исторіи для составленія сокращенія ихъ Фишеромъ, а объ описаніи путешествія упоминалъ, что „оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло, а что̀ переписано, то̀ находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія что̀ выключить или ко оному что̀ прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить" [1]).

Несмотря на требованія и настоянія, высказанныя канцеляріей съ такою пошлою придирчивостью, сибирская исторія Миллера осталась неизданной повидимому больше чѣмъ на половину; осталось въ рукописи, въ академическомъ архивѣ, и „описаніе путешествія, которое императорской академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли; сочинено Г. Ф. Мюллеромъ" [2])...

Таковы были труды для Сибири этого замѣчательнаго человѣка, о которомъ съ великимъ уваженіемъ говорилъ и такой суровый и требовательный человѣкъ, какъ Шлецеръ („въ образѣ

[1]) Раньше, въ одномъ донесеніи Миллера отъ октября 1752, упомянуто, что одна часть его путешествій была имъ „внесена въ архиву при конференціи" еще въ 1746 году. Ист. Акад. I, стр. 366.

[2]) Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 366—368, 427. Къ тому же путешествію, до пріѣзда въ Сибирь, относятся „Наблюденія историческія, географическія и этнографическія" и проч., писанныя Миллеромъ во время путешествія отъ Твери до Казани въ 1733 году (тамъ же, стр. 424), оставшіяся также въ рукописи; далѣе: „Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken" (Samml. R. Gesch., III, 1758-59, стр. 305—412), статья, составленная Миллеромъ во время пребыванія въ Казани въ 1733 и доконченная на пути къ Тобольску; и, наконецъ, много данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ Миллера.

мыслей Миллера,—говоритъ онъ между прочимъ,—было что-то великое, справедливое, благородное"). Мало похожъ былъ на него другой академикъ, также путешествовавшій въ Сибири и писавшій ея исторію, Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ (1697—1771). Уроженецъ Вюртемберга, Фишеръ, хорошій латинистъ, вызванъ былъ въ Петербургъ для преподаванія въ академической гимназіи, въ 1733. Когда въ 1738 Миллеръ, утомленный своими странствіями въ Сибири и заболѣвшій, просилъ о разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, Фишеръ предложилъ свои услуги и отправился въ путь въ концѣ 1739 года. Онъ возвратился изъ Сибири уже въ 1747 году, но объ его путешествіи остались только весьма неблагопріятныя извѣстія. Миллеръ (который все-таки остался въ Сибири до 1743 г.) встрѣтился съ нимъ лишь ненадолго, но Фишера достаточно видѣлъ въ Сибири Гмелинъ, въ письмахъ котораго сохранились о немъ очень странныя свѣденія; „невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачествъ,—пишетъ Гмелинъ,—полагаю очень безплодною для академіи посылку его сюда; онъ ничего не дѣлаетъ и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде, чѣмъ не получитъ инструкціи, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, что имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло"... Гмелину приходилось даже удерживать ученаго путешественника отъ дракъ. Это былъ, повидимому, педантъ, набитый академическою спѣсью, желавшій командовать и озлоблявшійся тѣмъ, что его амбиція не удовлетворялась [1]). Въ Сибири онъ сдѣлался басней; подчиненная ему команда была имъ выводима изъ терпѣнія, и однажды противъ него крикнули даже: „слово и дѣло", и онъ подпалъ слѣдствію въ Якутскѣ. Въ ученомъ изслѣдованіи Сибири онъ оказался мало удовлетворителенъ. Нельзя вообще не считать страннымъ его выборъ для сибирской экспедиціи; русская исторія не была вовсе его спеціальностью; онъ очень плохо владѣлъ тогда русскимъ языкомъ, такъ что нуждался въ переводчикѣ; и самое дѣло его, кажется, очень мало интересовало. Повидимому, ѣдучи въ Сибирь,

[1]) Въ своемъ донесеніи въ академію, по окончаніи путешествія, онъ пожаловался на этотъ недостатокъ почета: „Ежели правду сказать, то чинъ академиковъ отъ неискусныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вмѣняется. Ежели кто изъ нихъ или въ церкви, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ заобыклое оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное послышитъ слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда противиться, то ссора и брани; ежели-жъ умолчать и пропустить, то за истину признаютъ" и т. д. Его рангъ былъ пока еще не важный, а „пропустить" онъ никакъ не могъ.

онъ ожидалъ, что ему не будетъ предстоять никакого самостоятельнаго труда; уже на первыхъ порахъ онъ жаловался президенту академіи барону Корфу, что надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ (Миллера или Гмелина), а они оба собираются покидать Сибирь; около того же времени Корфъ велѣлъ-было Миллеру отдать всѣ собранные имъ матеріалы назначенному въ Сибирь вмѣсто него Фишеру. Миллеръ, конечно, отказывался сдѣлать это, отзываясь совершенно справедливо, что безъ этихъ бумагъ все его путешествіе останется безплоднымъ— „не упоминая того, что чужая рука въ недовольномъ знаніи россійскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ“. Самъ Фишеръ вывезъ изъ Сибири очень немногое; даже состоявшій при немъ, вовсе не ученый, переписчикъ Линденау собралъ гораздо больше матеріаловъ.

Съ возвращенія своего Фишеръ, кажется, ничего не дѣлалъ по Сибири до тѣхъ поръ, когда въ декабрѣ 1752 года канцелярія постановила, чтобы онъ составилъ сокращенную сибирскую исторію по книгѣ и рукописнымъ матеріаламъ Миллера. Въ 1757 г. Фишеръ окончилъ свою работу, въ слѣдующемъ году канцелярія поручила Голубцову перевесть книгу на русскій языкъ, но вышла она только черезъ много лѣтъ [1]).

О трудѣ Фишера выражаются обыкновенно, что онъ *продолжилъ* сибирскую исторію Миллера; но это надо понимать такъ, что у Фишера разсказъ событій поведенъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ *первомъ изданномъ томѣ* Миллера,—а самая книга Фишера вовсе не была его самостоятельнымъ трудомъ, но, какъ выше замѣчено, только сокращеніемъ книги Миллера. Русское изданіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ нѣтъ, во-первыхъ, предисловія, имѣющагося въ нѣмецкомъ, гдѣ говорится, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Миллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія; во-вторыхъ, нѣтъ подробнаго указателя. Знавшіе трудъ Фишера по русскому изданію состав-

[1]) Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Entdeckung dieses Landes durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen und mit Genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt von I. Eb. Fischer etc. 2 тома, Спб. 1768. Русскій переводъ: „Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная“... Іог. Еберг. Фишеромъ. Спб., 1774, 4°. 631 стр. и двѣ карты. Замѣтимъ кстати, что на картѣ, приложенной къ этому сочиненію, Сахалинъ—названный „Шантаръ“ — изображенъ совершенно отчетливо какъ островъ. — Ср. „Воспоминаніе о Сибири“ Б. Струве, „Р. Вѣстн.“, 1888, іюнь—объ открытіи пролива Невельскимъ.

ляли о немъ понятіе какъ о трудѣ самостоятельномъ, и, слыша по преданію о томъ, что два эти академика не были особенно въ ладахъ, думали даже, что книга Фишера написана „изъ соперничества" съ Миллеромъ [1]), когда на дѣлѣ первый только сокращалъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Фишеръ повторилъ всѣ десять изданныхъ главъ (или, въ нѣмецкомъ изданіи, „книгъ") Миллера. Это наполнило около $^3/_4$ его сочиненія; остальная $^1/_4$ взята изъ тѣхъ главъ сочиненія Миллера, которыя остались неизданными, — но неизвѣстно, воспользовался ли Фишеръ всѣми 23 главами сочиненія Миллера, или нѣтъ, и что̀ сталось вообще съ подлиннымъ трудомъ послѣдняго [2]). Ученые современники, знавшіе о дѣлахъ русской академіи, какъ извѣстный Бюшингъ, приравнивали „Сибирскую Исторію" Фишера къ настоящему плагіату.

Мы остановились такъ долго на трудахъ Миллера и Фишера потому, что они надолго остались авторитетнымъ источникомъ свѣденій о сибирской исторіи. Можно сказать, что они и до сихъ поръ не замѣнены равносильными сочиненіями. Позднѣе, на сибирской исторіи, собственно только на завоеваніи Сибири, остановился Карамзинъ въ томъ объемѣ, какой допускали рамки его исторіи, и въ томъ реторическомъ тонѣ, какой отличаетъ вообще его изложеніе. Какъ ни странно сказать, но у стариннаго Миллера было гораздо болѣе яснаго пониманія и характера людей, и свойства событій: для него Ермакъ съ его казаками и сибирскіе туземцы, и весь ходъ дѣла, представлялись гораздо проще и реальнѣе, нежели Карамзину. Кромѣ романтической реторики, существенно было то, что Карамзинъ во главѣ своего изложенія поставилъ Строгоновскую лѣтопись и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, *истинные виновники* столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, *уступили оное государству*" — заключеніе, исторически не доказанное и которое, вмѣстѣ съ болѣе позднимъ трудомъ Устралова, объ „Именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ", стало предметомъ подробныхъ опроверженій Небольсина.

---

[1]) Такъ говорится объ этомъ въ „Словарѣ" свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, II, 232, откуда это ошибочное свѣденіе повторено и Щегловымъ, „Хронологическій Перечень", Ирк. 1883 г., стр. 245—246, 287—288, гдѣ ошибочно показано и время смерти Фишера (книга Пекарскаго осталась Щеглову неизвѣстна). Тѣ же ошибки повторены и въ „Литер. Сборникѣ" Ядринцева. Спб., 1885, стр. 479.

[2]) О Фишерѣ, см. „Ист. Акад. Н.", I, стр. 328, 366, 617—636.

Послѣдующій ходъ историческихъ изслѣдованій о Сибири, какъ уже близкій къ намъ, мы разскажемъ вкратцѣ.

Въ новѣйшее время наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ по исторіи Сибири былъ Гр. Ив. Спасскій; горный инженеръ по спеціальности, онъ близко изучилъ Сибирь и посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 до 1825 г. онъ издавалъ „Сибирскій Вѣстникъ" и потомъ „Азіатскій Вѣстникъ", до сихъ поръ сохраняющіе свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. Каждая книжка „Сибирскаго Вѣстника" заключала что-нибудь цѣнное. Спасскій печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники сибирской исторіи; описанія мѣстныхъ древностей; путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробными описаніями поселеній, свѣденіями по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п.; разсказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ; помѣщалъ статьи о сибирскихъ инородцахъ, описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель. Такъ, мы упоминали выше, что въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" и отдѣльно были имъ напечатаны лѣтописи Строгоновская и Саввы Есипова, и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 году, другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1654—1658 году и т. д. По своей горной службѣ Спасскій самъ много путешествовалъ по Сибири и далъ потомъ нѣсколько подобныхъ описаній [1]), сосредоточивая въ своемъ изданіи труды лицъ, которыя въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльныхъ ей земель; напр. онъ напечаталъ путешествія Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану, описаніе Байкала и т. п. [2]). Рядъ статей посвященъ быту сибирскихъ инородцевъ [3]). Особенно много мѣста дано свѣденіямъ о земляхъ и народахъ, сопредѣльныхъ Сибири, — между прочимъ о старо-русскихъ сношеніяхъ съ ними [4]).

---

[1]) Укажемъ, напримѣръ: „Путешествіе на Тигирецкіе бѣлки" (снѣговыя горы, „Сиб. Вѣстникъ", ч. I; „Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году" ч. III, IV, и примѣчанія къ этимъ путешествіямъ, г. VIII.

[2]) Путешествіе Геденштрома (по Ледовитому морю, въ 1808—1809 г.), „Сиб. Вѣстн.", ч. XVII—XIX, 1822 г.; „Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря", ч. XX; „Описаніе Байкала", ч. XIII.

[3]) „Народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея", ч. I, II, V; „Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды" (по запискамъ капитана Андреева, съ дополненіями оберберггауптмана П. К. Фролова и самого Спасскаго), ч. IX—X; „Забайкальскіе тунгусы", ч. XVIII—XX, и проч.

[4]) Напр. „Обозрѣніе Монголіи", ч. V—VI, сочиненіе А. В. Игумнова, который, по словамъ Спасскаго, „съ давняго времени упражнялся въ восточныхъ языкахъ";

Между прочимъ Спасскій помѣстилъ нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Такъ, онъ издалъ, съ переводомъ, одну латинскую рукопись, неизвѣстнаго иноземнаго автора, прожившаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го вѣка [1]); переписку Линнея, Лансмана и Шлецера о Сибири, съ примѣчаніями самого издателя (ч. IX—X); переводы съ китайскаго [2]) и пр. Наконецъ, Спасскій старательно собиралъ свѣденія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ; ему принадлежатъ почти всѣ статьи объ этомъ предметѣ [3]).

въ 1818 году Игуменовъ жилъ въ Верхнеудинскѣ и оканчивалъ тогда монголо-россійскій словарь, составлявшійся имъ съ 1788 года. Отецъ его былъ переводчикомъ монгольскаго и манджурскаго языка, и самъ онъ прежде былъ также переводчикомъ въ Петербургѣ и при духовной миссіи въ Пекинѣ.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 и обратно въ 1795 году" (выбрано изъ записокъ Тим. Степ. Бурнашева, горнаго чиновника), ч. II—III.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году".—Выбрано изъ бумагъ Бурнашева и Поспѣлова и дополнено свѣденіями самого издателя. Путешествіе сдѣлано было „по ревности" русскаго правительства „къ познанію тамошней страны". Путь лежалъ тогда „чрезъ степь, обитаемую киргизъ-кайсаками, которые подобно варварійскимъ морскимъ разбойникамъ не уважаютъ никакими правами человѣчества, и гдѣ свобода и самая жизнь, особенно людей различнаго съ ними закона (т.-е. вѣры), находится во всегдашней опасности" — почему сдѣлано было предварительное сношеніе съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ киргизскихъ султановъ. Ч. IV.—„Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ киргизскую степь въ 1816 г.", И. П. Шангина, ч. IX, XI.—Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарію въ 1820 и 1821 годахъ, ч. XVIII.—Дневникъ записки переводчика Путимцева въ проѣздъ его отъ Бухтарминской крѣпости до китайскаго города Кульджи и обратно, въ 1811 году, ч. VII—VIII.

[1]) „Сиб. Вѣстникъ", ч. XVII—XVIII. Тогда же вышло и отдѣльное изданіе: „Повѣствованіе Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Пет. акад. наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ". Спб., 1822 г., 4°, VIII и 48 стр. Впослѣдствіи часть этого текста напечаталъ, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ въ „Покореніи Сибири", приложеніе, стр. 89—99.

[2]) О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію, переводъ съ китайскаго С. В. Липовцова, ч. XII.

[3]) О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ, ч. I; О сибирскихъ древнихъ курганахъ, ч. II; О древнихъ развалинахъ въ Сибири, ч. III; Памятники древности въ Сибири сѣверной и восточной, ч. IV; О чудскихъ копяхъ въ Сибири (съ рисунками древнихъ горныхъ орудій), ч. VII, и т. д. Потомъ: О забайкальскихъ достопримѣчательностяхъ, ст. Словцова, ч. XV, перепечат. изъ „Казанскаго Вѣстника", 1821 г.); Письмо къ издателю извѣстнаго А. Н. Оленина о мнимомъ портретѣ Ермака, приложенномъ Спасскимъ къ первой книжкѣ „Сиб. Вѣстника" и къ изданію Строгоновской лѣтописи: Оленинъ доказывалъ, что это изображеніе не имѣетъ съ Ермакомъ ничего общаго и представляетъ просто какого-то западно-европейскаго рыцаря XV—XVI вѣка; настоящій портретъ Ермака надо считать несуществующимъ, а взамѣнъ ходячаго мнимаго портрета Оленинъ предложилъ рисунокъ, который мо-

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ изданія; послѣ онъ издавалъ еще нѣсколько времени другой журналъ [1]), но затѣмъ, отвлеченный другими работами, только изрѣдка обращался къ сибирскимъ изученіямъ, принявъ между прочимъ участіе въ изданіяхъ Географическаго Общества [2]). Его труды обращались потомъ, кромѣ его спеціальности [3]), къ русской старинѣ и наконецъ къ древностямъ южной Россіи. Ему принадлежитъ извѣстное изданіе „Книги Большому Чертежу", а послѣдніе годы своей жизни, проведенные въ Одессѣ, онъ посвящалъ особливо изученію древностей Черноморскаго края [4]). Спасскій умеръ въ 1864 году [5]).

Послѣ Спасскаго самымъ крупнымъ писателемъ по сибирской исторіи является Петръ Андр. Словцовъ (1767—1843), о біографіи котораго мы имѣли недавно случай говорить по поводу новаго изданія книги, главнымъ образомъ составившей его извѣстность [6]). Біографія его остается нѣсколько темна. Пермскій уроженецъ, учившійся въ тобольской семинаріи, потомъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ его товарищемъ и другомъ былъ Сперанскій, онъ былъ потомъ учителемъ въ тобольской семинаріи; по тогдашнему обычаю ему приходилось говорить проповѣди, и за одну изъ нихъ онъ былъ заподозрѣнъ въ политиче-

жетъ, по крайней мѣрѣ, дать понятіе о внѣшнемъ вооруженіи завоевателя Сибири; рисунокъ сдѣланъ, видимо, по указаніямъ Оленина, на основаніи упомянутой выше иллюстрированной Ремезовской лѣтописи; рисунокъ (подписанный „К. Брюло") вмѣстѣ со статьею Оленина помѣщенъ въ XIV-й части „Спб. Вѣстника", 1821 г.

[1]) „Азіатскій Вѣстникъ", содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности странъ Восточныхъ, равно путешествія по симъ странамъ, и разныя новѣйшія свѣдѣнія", 6 частей. Спб. 1825—27.

[2]) Выше упомянуто изданіе „Списка съ чертежа Сибирскія земли", 1672 г., во „Временникѣ" Моск. Общества Ист. и Др., 1849, кн. III, и „Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ", въ „Вѣстникѣ" Геогр. Общ. 1853, № 2; затѣмъ имъ были написаны „Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ", тамъ же, 1857, кн. XIX, отд. II.

[3]) Горный Словарь, 3 т. М. 1841—43.

[4]) Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями. Гр. Спасскаго. М. 1846; Археолого-нумисматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго частно. М. 1850.

[5]) „Отчетъ" Географич. Общества за 1859 годъ похоронилъ-было его въ этомъ году, смѣшавъ его съ умершимъ тогда профессоромъ физики Спасскимъ; ошибку указалъ П. Хавскій въ „Сѣв. Пчелѣ" 1860, № 220; затѣмъ некрологъ Гр. Ив. Спасскаго, въ той же газетѣ 1866, № 107.

[6]) Историческое обозрѣніе Сибири. Петра Словцова. Книга I, съ 1585 до 1742 г. Москва, 1838. Книга II, съ 1742 по 1823 г. Спб. 1844. 2-е изд. Спб. 1886, въ одномъ томѣ. „Вѣстн. Европы", 1886, ноябрь, стр. 423—428.

ской неблагонадежности, по донесеніи въ Петербургъ былъ арестованъ, допрошенъ у Шешковскаго и сосланъ на Валаамъ; наконецъ, по заступничеству митрополита былъ возвращенъ въ Петербургъ, получилъ мѣсто въ петербургской семинаріи, гдѣ префектомъ былъ другъ его Сперанскій; потомъ поступилъ въ свѣтскую службу и шелъ хорошо, когда случилась съ нимъ новая бѣда—онъ подвергся обвиненію въ лихоимствѣ (1808 г.), былъ переведенъ на службу въ Сибирь и уже только подъ конецъ жизни получилъ разрѣшеніе служить въ Россіи, когда уже не могъ этимъ воспользоваться.

Проповѣдь (изданная въ послѣднее время въ качествѣ историческаго матеріала), за которую Словцовъ подвергся первому преслѣдованію, могла дѣйствительно броситься въ глаза, и хотя странно было дѣлать изъ нея вопросъ о политической злонамѣренности автора и возить проповѣдника—въ запертой каретѣ отъ Тобольска до Петербурга—для допросовъ и ссылки на Валаамъ, но въ литературномъ отношеніи она, пожалуй, заслуживала положенной на нее рецензіи [1]).

Живя на покоѣ, по окончаніи службы, Словцовъ послѣднія тринадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ своему историческому труду; но уже и раньше въ печати появлялись его статьи и корреспонденціи изъ Сибири, особливо въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого [2]). Историческая книга Словцова ставится очень высоко его соотечественниками. Еще недавно сдѣланъ былъ о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе Словцова составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири“ въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ-художниковъ... Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными

---

[1]) „Поученіе это недостойно церковной каѳедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію, и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его“.

[2]) „Письма изъ Сибири“, „Моск. Телеграфъ“, 1828, XII, стр. 500—503; 1830, III, 289—313; V, 3—24. „Тобольскъ“, тамъ же 1831, XIII, стр. 3—32; XIV, стр. 145—181. Выше упомянуто о его статьѣ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“. Отдѣльно вышла книжка: „Прогулка вокругъ Тобольска, въ 1830 году“. М. 1834.

ему пособіями. „Получая книги изъ столицы, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое"—такъ заявлялъ самъ Словцовъ"... [1]) Съ другой стороны, однако, онъ, въ качествѣ сибирскаго историка, имѣлъ то преимущество, что ему открыта была возможность собрать мѣстныя свѣденія и видѣть всѣ мѣстныя условія.

Сравненіе съ Карамзинымъ очень рискованное. Принимаемъ въ соображеніе всю разницу въ объемѣ ихъ историческаго горизонта и связанную съ этимъ разницу въ объемѣ необходимыхъ изслѣдованій; но есть громадная разница и въ манерѣ, въ пріемѣ изложенія. Сколько бы ни упрекали Карамзина въ излишествахъ риторики, это была черта, отвѣчавшая его особенному патріотическому настроенію, притомъ искони приросшая къ его *дарованію*, и въ этомъ смыслѣ естественная, съ которой можно мириться тѣмъ болѣе, что самая мысль всегда отличается ясностью и простотой, а изложеніе—изяществомъ, хотя и манернымъ. Ничего этого именно нѣтъ, или встрѣчается только рѣдко у Словцова: онъ хотѣлъ быть „историкомъ-художникомъ", но всего чаще онъ—натянутый риторъ, и новѣйшій біографъ справедливо замѣчалъ, что въ трудахъ Словцова „въ высшей степени отразилась система риторически-семинарскаго преподаванія: каждое изъ его сочиненій написано высокимъ слогомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики. Преобладаніе внѣшней, такъ сказать, отдѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже часто, служитъ ущербомъ самому смыслу рѣчи" [2])... Эти свойства его стиля, наконецъ, способны раздражить читателя, особливо новѣйшаго, который совсѣмъ отвыкъ отъ старинной риторики. Словцовъ ничего не скажетъ спроста; напротивъ, онъ старается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборотъ, изысканное уподобленіе и т. п. Отсутствіе простоты сказалось и на распорядкѣ самого содержанія: это—не простой послѣдовательный разсказъ, а часто

---

[1]) „Литературный Сборникъ", Ядринцева, Спб. 1885, стр. 481.

[2]) См. „Историч. Обозрѣніе Сибири", изд. 1886, предисловіе, стр. 20. Примѣромъ его стиля могутъ послужить первыя строки его исторіи: „Наслѣдство, какое намъ досталось отъ Ермака, есть мраморная пирамида, да память благочестиваго очувствованія и воздержанія двухъ нравственныхъ павъ, въ которыя, при наступившихъ предпріятіяхъ сомнительной развязки, не разъ онъ одумывался и жилъ съ дружинами по христіански. Да! благоговѣйность и чистота суть преимущества вождей, свыше благословляемыхъ, начиная съ Навина вдохновеннаго до Суворова непостигнутаго, вѣчные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни понять, ни изъяснить, при взглядахъ на удивительныя дѣла Ермака Тимофѣевича. Эти два гіероглифа духа его, какъ двѣ Царскія кольчуги, можно бы символически вытесать въ качествѣ барельефовъ на гранитномъ подножіи Тобольской пирамиды" и т. д.

рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, неприготовленнаго раньше читателя. Этотъ недостатокъ тѣмъ больше непріятенъ въ книгѣ Словцова, что послѣдній дѣйствительно владѣлъ большими свѣденіями о своемъ предметѣ.

Послѣ Словцова не было, до сихъ поръ (за однимъ небольшимъ исключеніемъ), писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возростающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо бо̀льшая, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, которые ставитъ себѣ теперь историческое изслѣдованіе.

Въ ряду этихъ матеріаловъ стоятъ, во-первыхъ, довольно многочисленныя описанія различныхъ мѣстностей Сибири. Незначительныя попытки этого рода дѣлались еще въ XVIII столѣтіи; гораздо болѣе важные труды начинаются въ нынѣшнемъ столѣтіи. Таковы, напримѣръ, нѣсколько книгъ, составленныхъ лицами, принадлежавшими къ самой сибирской администраціи. Историки Сибири до послѣдняго времени вспоминали о подобной старой книжкѣ Семивскаго [1]): въ ней собраны свѣденія историческія, географическія и другія описательныя указанія, карты, планы, рисунки, и въ „примѣчаніяхъ“ (стр. 15—26) приведенъ даже небольшой сборникъ областныхъ простонародныхъ словъ. Въ двадцатыхъ годахъ и послѣ вышло нѣсколько книжекъ сенатора Корнилова, нѣкогда бывшаго сначала иркутскимъ, потомъ тобольскимъ губернаторомъ [2]),—въ которыхъ, впрочемъ, гораздо больше мѣста занимаютъ административныя соображенія, чѣмъ описательные факты. Далѣе, не лишены интереса записки также

---

[1]) „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно. Напечатаны по Высоч. повелѣнію отъ безпримѣрныхъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора“. Составилъ коллежскій совѣтникъ Семивскій (Николай Вас.). Спб., 1817. Ср. о ней замѣчаніе Словцова, „Истор. Обозрѣніе“, 1886, стр. X.

[2]) „Замѣчанія о Сибири“, сенатора Карнилова. Спб., 1828. X и 104 стр., 8°, съ картой, отчасти этнографической. Затѣмъ издано было: „Прибавленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“ сенатора Карнилова. Спб., 1829, стр. 109—186, съ двумя картами, и: „Присовокупленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“ сенатора Карнилова. Спб., 1835, 20 стр. Этотъ К*а*рниловъ былъ, разумѣется, К*о*рниловъ, но онъ измѣнилъ написаніе своей фамиліи, вѣроятно по нерѣдкой тогда и послѣ модѣ переиначивать правописаніе, чтобы отличить свое высокопоставленное имя отъ какихъ-нибудь простыхъ Корниловыхъ.

бывшаго губернатора Пестова объ енисейской губерніи [1]) и записки другого губернатора, Степанова [2]), въ свое время извѣстнаго романиста. Не будемъ перечислять другихъ описаній, въ которыхъ разсѣяны иногда немаловажныя свѣденія о разныхъ сторонахъ сибирской жизни [3]). Съ сороковыхъ годовъ подобные труды совершаются въ особенности въ связи съ дѣятельностью Географическаго Общества и его двухъ Сибирскихъ Отдѣловъ. Изъ множества частныхъ описательныхъ работъ этого времени укажемъ еще труды Н. А. Абрамова (ум. 1870 г.), сибирскаго уроженца, съ тридцатыхъ годовъ служившаго по учебной части, съ пятидесятыхъ — по гражданскому управленію въ западной Сибири и оставившаго множество отдѣльныхъ работъ по сибирской старинѣ, исторіи, географическому описанію и метеорологіи [4]); далѣе — обширное и многостороннее описаніе енисейскаго края, г. Кривошапкина [5]), „Описаніе Западной Сибири" Ипполита Завалишина (М., 1862, два тома), „Иркутскъ и Иркутская губернія", М. Загоскина (1870), и т. д.

Довольно давно стали появляться въ литературѣ статистическія извѣстія о Сибири. Самой старою была, кажется, работа, сдѣланная въ 1789 г. землемѣрами Восточной Сибири и изданная въ „Древней Росс. Вивліоѳикѣ" Новикова. Съ начала нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько оффиціальныхъ статистическихъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе богатою и обстоятельною за прежнее время была обширная книга Гагемейстера [6]).

---

1) „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года, составленныя стат. совѣтн. И. Пестовымъ": М., 1833. 297 и X стр., съ картой, планами городовъ и рисунками.

2) „Енисейская губернія", А. П. Степанова. Спб., 1835.

3) Назовемъ, напримѣръ: „О Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги до иркутской границы"; соч. Василія Хвостова. Спб., 1809.—„Письма о Восточной Сибири", соч. Алексѣя Мартоса. М., 1827. — „Поѣздка въ Якутскъ", изд. Н. (Щукина). Спб. 1833; изд. 2-е. Спб. 1844. — „Поѣздка въ Забайкальскій край", В. Поршина. 2 части. М., 1844.—О любопытной книжкѣ Екатерины Авдѣевой скажемъ далѣе.

4) „Біографія Николая Алексѣевича Абрамова". Тобольскъ, 1870, 102 стр., 16°; „Отчетъ" Географ. Общества за 1870", стр. 8—10.

5) „Енисейскій округъ и его жизнь". Сочиненіе М. Ѳ. Кривошапкина (издано Геогр. Общ., на иждивеніе В. А. Кокорева). Спб., 1865, больш. 8°, два тома; V, 378, 188, 68, таблицы и карты.

6) „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣденій, почерпнутыхъ изъ актовъ правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ". Спб., 1810. (Разборъ этой книги въ „Спб. Вѣстникѣ", 1820, ч. XI—XII). — „Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имперіи по 1825 г., составленное изъ оффиціальныхъ свѣденій, подъ руководствомъ директора департ. полиціи исполни-

Это—очень подробное и обстоятельное описаніе Сибири и внѣшняго быта ея населенія: первый томъ занятъ географическимъ и естественно-историческимъ описаніемъ Сибири—плоскость и возвышенность; воды; мѣстность и почва (долины Оби и Иртыша, Киргизская степь, Алтай, бассейны рѣкъ Енисея, Амура, Лены); климатъ; произведенія Сибири (ископаемыя, царство растительное, животныя); второй томъ посвященъ народонаселенію, статистическому описанію мѣстъ жительства у племенъ кочевыхъ и бродячихъ и населенія осѣдлаго, и городовъ; далѣе,—промысламъ всякаго рода, торговлѣ внѣшней и внутренней и путямъ сообщенія; въ третьемъ томѣ излагается управленіе Сибири, измѣненія, происходившія въ разное время въ его устройствѣ, и его состояніе къ 1850 г.; далѣе,—статистическія свѣденія о дѣлопроизводствѣ, разнаго рода доходахъ и повинностяхъ, о состояніи различныхъ отдѣльныхъ управленій Географическія описанія весьма точны по тогдашнему состоянію этихъ свѣденій; въ описаніи народонаселенія приведены историческія данныя о различныхъ разрядахъ населенія русскаго и инородческаго, описанія ихъ быта. Статистическій отдѣлъ, кромѣ множества отдѣльныхъ цифръ въ текстѣ, представляетъ длинный рядъ таблицъ: о числѣ народонаселенія Сибири по отчетамъ губернаторовъ по 7-й, 8-й и 9-й ревизіямъ, согласно отчетамъ казенныхъ палатъ о родившихся и умершихъ; о состояніи городовъ; о числѣ сосланныхъ въ Сибирь; о количествѣ и цѣнѣ пушного товара; о количествѣ металловъ, добытыхъ на Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ; о торговомъ движеніи; о судоходствѣ и т. д. Цифры по нѣкоторымъ отдѣламъ восходятъ до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Впослѣдствіи число статистическихъ работъ размножается по отдѣльнымъ предметамъ народной жизни и промысла; много ихъ заключается въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, — кажется, впрочемъ, не поступающихъ въ общее обращеніе; изъ работъ центральнаго статистическаго вѣдомства укажемъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“, обработанное гг. Л. Майковымъ и Раевскимъ и изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Первый источникъ для описанія Сибири въ ея прошедшемъ представляютъ изданія старыхъ актовъ, грамотъ и т. п. Какъ мы видѣли, собираніе ихъ начато еще въ XVII столѣтіи: въ

тельной, тайнаго совѣтника Штера“. Спб. 1829,—гдѣ есть свѣденія о Сибири.— „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, д. с. с. Гагемейстеромъ“. Спб., 1854, три тома, больш. 8°, со множествомъ статист. таблицъ.

Строгоновской лѣтописи помѣщены уже выписки изъ царскихъ грамотъ XVI вѣка. Громадная масса матеріаловъ по сибирской исторіи, собранная Миллеромъ изъ сибирскихъ архивовъ, становится тѣмъ болѣе цѣнной, что впослѣдствіи многое изъ того, что было имъ списано и сохранено для исторіи, пропало на мѣстѣ отъ пожаровъ и небрежнаго содержанія архивовъ. Самъ Миллеръ воспользовался этимъ матеріаломъ въ своей исторіи и другихъ трудахъ, посвященныхъ Сибири; далѣе, онъ дѣлился ими съ другими изслѣдователями и, напримѣръ, многое сообщилъ Новикову для его „Вивліоѳики"; впослѣдствіи портфели Миллера послужили для изданій археографической коммиссіи [1]). Послѣднимъ изъ этихъ изданій было изданіе памятниковъ по сибирской исторіи XVIII вѣка [2]), представляющее чрезвычайно любопытные и разнообразные матеріалы для исторіи Сибири въ Петровское время. Не исчисляя множества отдѣльныхъ актовъ по старой исторіи Сибири, разсѣянныхъ въ разныхъ, между прочимъ мѣстныхъ, изданіяхъ, упомянемъ въ особенности „Матеріалы для исторіи Сибири" (М. 1867), собранные по сибирскимъ архивамъ г. Потанинымъ; указатель, составленный г. Пуцилло [3]); книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ, изданную г. Флоринскимъ [4]); историческіе опыты г. Андріевича [5]).

Въ 1884 году вышла книга Щеглова, подготовлявшаяся къ

---

[1]) Напримѣръ, къ Сибири относятся матеріалы, напечатанные во 2-мъ, 3, 4 и 5 томахъ „Актовъ Историческихъ", изд. 1841—1842 г., въ 12-ти томахъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ", изд. 1846—1872 г. и во 2-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки", изд. 1875 г.—О судьбѣ бумагъ Миллера ср. Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 401 и слѣд.

[2]) „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка". Книга первая 1700—1713. Спб. 1882; большой томъ, XXXII, 551 стр. и указатели личный и географическій (XXXIV стр.) и то же изданіе книга вторая, 1713—1724. Спб. 1885, XXXIV, 541 стр. и тѣ же указатели (XLII стр.). Такъ какъ, по правиламъ археографической коммиссіи, она можетъ употреблять свои средства на изданіе памятниковъ только до 1700 года, то это изданіе сдѣлано на счетъ г. Зоста, которымъ издана была также упомянутая выше Кунгурская лѣтопись.

[3]) Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. главному архиву мин. иностр. дѣлъ. Составилъ М. П. Пуцилло. Изд. коммиссіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1879.

[4]) „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Росс. и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г.", составленное по документамъ, хранящимся въ моск. архивѣ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1792—1803 г. Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

[5]) „Пособіе для написанія исторіи Забайкалья". В. К. Андріевича. Ирк., 1885, и его же „Историческій очеркъ Сибири", въ 3-мъ томѣ (Томскъ 1887) доведенный до 1762 года, но состоящій только изъ извлеченій изъ Полнаго Собранія Законовъ.

300-лѣтнему юбилею Сибири и представляющая подробную хронологію событій сибирской исторіи [1]). Авторъ этой книги, Иванъ Вас. Щегловъ, астраханскій уроженецъ, воспитанникъ историко-филологическаго института въ Петербургѣ, былъ учителемъ въ гимназіи енисейской, потомъ иркутской, наконецъ учителемъ въ Троицкосавскѣ, и умеръ еще молодымъ человѣкомъ, не успѣвъ довершить вполнѣ своего труда. Мечтая написать исторію Сибири, Щегловъ увидѣлъ, что для этого недостаетъ еще многихъ предварительныхъ работъ, между прочимъ правильно установленной хронологіи событій сибирской исторіи, и на первый разъ составилъ упомянутый „Перечень“, допечатанный послѣ его смерти [2]). Книга составлена съ большимъ трудолюбіемъ; къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ провинціальной глуши всѣхъ пособій, необходимыхъ для подобной работы, долженъ былъ нерѣдко брать факты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ или приводить устарѣлыя и неточныя свѣденія; по недостаточной опытности онъ въ началѣ работы оставлялъ приводимые факты безъ указанія источниковъ, и только послѣ понялъ необходимость цитатъ, которыхъ, впрочемъ, не могъ уже сполна возстановить и отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени замѣнилъ спискомъ пособій, которыми онъ пользовался. При всемъ томъ книга Щеглова можетъ служить съ большою пользой для популярнаго употребленія, но какъ историческое руководство нуждается вообще въ провѣркахъ.

Въ послѣднія десятилѣтія историческое изученіе Сибири особенно оживляется, и его интересы становятся гораздо шире, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ прежнее время была возможна только одна внѣшняя, такъ сказать, оффиціальная исторія Сибири; теперь не только раскрывается многое, о чемъ прежде ходили только устные разсказы, но изслѣдованіе старается проникнуть тѣ внутренніе процессы, какіе совершались въ сибирской жизни подъ вліяніемъ основныхъ факторовъ ея развитія—условій природныхъ, племенныхъ, бытовыхъ и административныхъ. Понятно, что когда это новое направленіе еще только устанавливается, можно указать здѣсь пока только немногія крупныя и цѣльныя работы: надо было выяснить точки зрѣнія, распредѣлить имѣю-

---

[1]) „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг.“ Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883, 8°, 778 стр. (Вышла книга въ 1884).

[2]) Послѣсловіе его книги помѣчено апрѣлемъ 1884 года, а въ концѣ мая онъ умеръ. См. его некрологъ и печальныя біографическія подробности въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1884, № 22

щійся матеріалъ и собирать новый; трудность образовать литературные органы, отсутствіе научнаго центра, какимъ могъ бы быть мѣстный университетъ, до сихъ поръ еще слабая степень образованія въ мѣстномъ обществѣ,—все это заставляло работать въ одиночку, съ неполными средствами. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ изданій, которыя обѣщаютъ стать началомъ новой эпохи сибирскихъ изученій. Таковы, напримѣръ, мѣстныя работы Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества; таковы сборники работъ по изученію Сибири, постоянно появляющіеся въ послѣднее время, какъ свидѣтельство возростающаго интереса къ дѣлу,—напримѣръ „Сборникъ историко-статистическихъ свѣденій о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ"; Сборникъ газеты „Сибирь"; „Литературный Сборникъ" г. Ядринцева; нѣсколько выпусковъ „Сборника", издаваемаго редакціей „Восточнаго Обозрѣнія", и самое это изданіе, которое за послѣдніе годы было лучшимъ литературнымъ органомъ, посвященнымъ сибирской жизни, и недавно перенесено изъ Петербурга въ Иркутскъ; далѣе, обширный томъ „Живописной Россіи" (XI), посвященный Сибири, съ изслѣдованіями гг. Семенова, Ядринцева, Потанина, Мушкетова, Радлова и другихъ. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, особливо въ газетѣ „Сибирь", выходившей въ Иркутскѣ, и въ мѣстныхъ „Памятныхъ книжкахъ", среди обычнаго газетнаго матеріала разсѣяно много цѣнныхъ фактовъ, рисующихъ мѣстную жизнь, промышленную, бытовую и этнографическую. Изъ отдѣльныхъ трудовъ по исторіи и современному состоянію Сибири укажемъ въ особенности замѣчательную книгу Вагина о дѣятельности въ Сибири Сперанскаго [1]); цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій Ядринцева [2]); нѣсколько работъ Щапова по сибирской исторіи и этнографіи; нѣсколько весьма любопытныхъ статей С. С. Шашкова—родомъ сибиряка и сибирскаго патріота, который обстоятельствами своей жизни, къ сожалѣнію, лишенъ былъ возможности сдѣлать нѣчто цѣльное по сибирской исторіи и (кромѣ множества другихъ журнальныхъ статей) оставилъ нѣ-

---

¹) „Историческія свѣденія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г.". Собраны В. Вагинымъ. Два тома. Спб. 1872.

²) „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ". Н. М. Ядринцева. Спб. 1873.—„Сибирь, какъ колонія". — Къ юбилею трехсотлѣтія. — Современное положеніе Сибири. — Ея нужды и потребности. — Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева, Спб. 1882. Дополненный нѣмецкій переводъ: Sibirien. Geographische, etnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri. Mit 14 Tafeln Illustrationen. Jena. 1886.—Культурное и промышленное состояніе Сибири (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Н. Ядринцева. Спб. 1884.

сколько любопытныхъ очерковъ сибирской жизни и старины [1]), и проч.

Какіе разнообразные вопросы изъ прошлаго и настоящаго Сибири подняты теперь сибирскими изслѣдователями, можно видѣть изъ книги Ядринцева: „Сибирь, какъ колонія", представляющей одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы. Авторъ ставитъ въ предѣлахъ своей задачи слѣдующіе широкіе вопросы сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта: русская народность на Востокѣ, которая въ особыхъ условіяхъ сибирской природы, быта и смѣшенія съ инородческими племенами пріобрѣла здѣсь особый типъ, несомнѣнно своеобразный и еще недостаточно опредѣленный изслѣдователями; инородческій вопросъ о прошломъ и современномъ состояніи инородческихъ племенъ подъ вліяніемъ ихъ столкновеній съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ ихъ упадкѣ и вымираніи, о возможности или невозможности ихъ сохраненія; колонизація Сибири и современныя переселенія—сложный вопросъ, внутренній русскій и сибирскій, разные роды колонизаціи и разные способы устройства переселеній; ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ; экономическое положеніе Сибири; управленіе Сибирью, его исторія и современныя задачи; потребность знанія и интересы образованія на Востокѣ; будущность страны и условія ея благосостоянія. Всѣ эти вопросы, составляющіе самый основной интересъ сибирской жизни, сильно привлекаютъ теперь вниманіе сибирскихъ изслѣдователей и, простираясь по необходимости въ прошедшее, ставятъ для сибирской исторіографіи задачи, въ прежнее время едва затронутыя. Общее положеніе нашей исторической литературы въ это прежнее время было таково, что на долю историковъ оставалась почти только внѣшняя показная сторона прошедшаго; время ближайшее было совершенно недоступно: историки обыкновенно и не доходили до нихъ, и исторія Сибири, какъ и вообще новѣйшая исторія нашей государственной и общественной жизни, только теперь начинаютъ раскрываться въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ.

А. Пыпинъ.

[1]) См., напримѣръ, „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири". С. Серафимовича (Шашкова). „Отеч. Зап." 1867, № 20—22;—Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, „Дѣло", 1869, кн. 1 и 3;—Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка. „Дѣло", 1879, кн. 1—3 и др.—Статьи Шашкова собраны были однажды въ книгу: „Историческіе этюды", Спб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторыя изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири.

СЪ ТОГО СВѢТА

Поэма.

Соч. Дэвидъ-Кристи Муррей.

Съ англійскаго.

„The undiscover'd country, from whose bourn
No traveller returns".

I.

Іюльская луна стояла почти въ зенитѣ совершенно безоблачнаго неба, и ея свѣтъ озарялъ сцену, какой не видѣлъ человѣческій глазъ вотъ уже слишкомъ тысячу-пятьсотъ лѣтъ. Кругъ, геометрической точности, изъ высокихъ и почтенныхъ дубовъ, посаженныхъ такимъ образомъ, чтобы вѣтви каждаго слегка касались вѣтвей сосѣдняго дерева, замыкалъ пространство земли въ цѣлую милю окружности. Непрерывность лиственной ограды нарушалась только въ четырехъ мѣстахъ. Внутри этого тѣнистаго кольца находился другой кругъ, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, а внутри второго—третій, и такъ далѣе, все болѣе и болѣе съуживаясь, и такихъ колецъ насчитывалось до тридцати-девяти. Тѣнистое кольцо пересѣкалось двумя дорогами, образовавшими изъ себя крестъ внутри того круга, и въ самомъ центрѣ этой удивительной рощи высилась скала, съ вершины которой двѣ дороги превращались въ четыре, перекрещивавшіяся между собою.

Скала, вокругъ которой былъ посаженъ симметрическій лѣсъ, была, подобно всей этой громадной рощѣ, дѣломъ рукъ природы, исправленнымъ и преобразованнымъ человѣческимъ искусствомъ.

Внутри ея, путемъ невѣроятныхъ усилій, высѣчена была пещера, и гранитная глыба такимъ образомъ обращена въ орѣховую скорлупу. Цѣлыя поколѣнія неутомимыхъ работниковъ вылущили весь камень внутри, кромѣ трехъ массивныхъ столбовъ, поддерживавшихъ верхъ скалы.

Грубо-высѣченныя ступени вели къ верхушкѣ скалы, гдѣ стоялъ, обращенный съ востока на западъ, рѣзной жертвенный столъ.

Изъ четырехъ дорогъ, которыя направлялись чрезъ дубовую рощу къ скалѣ, тремя, повидимому, рѣдко кто пользовался. На мягкомъ и упругомъ дернѣ четвертой тропинки виднѣлись ясные слѣды, доказывавшіе, что по ней часто ходили. А по широкой дернистой прогалинѣ, озаренной яркимъ свѣтомъ луны, двигалась царственная и воинственная фигура. Шаговъ почти не было слышно, такъ какъ ноги ея были обуты въ сандаліи изъ мягкой кожи и касались такъ же беззвучно земли, какъ еслибы были босы. Отъ щиколки и до колѣнъ шли кожаные наколѣнники, а между ними и короткой туникой изъ волчьей шкуры виднѣлись голыя бѣлыя ноги. Черезъ плечо у этого человѣка была наброшена простая волчья шкура и вмѣстѣ съ туникой перехватывалась у таліи поясомъ изъ раскрашенной кожи. Мускулистыя руки были совсѣмъ голыя и украшены золотыми обручами, надѣтыми около плеча и удерживавшимися на мѣстѣ выпуклымъ мускуломъ, лежавшимъ пониже. По временамъ мимолетный и короткій блескъ полированнаго металла доказывалъ присутствіе большого ножа за поясомъ человѣка, а за спиной у него висѣлъ большой щитъ, утыканный гвоздями изъ потемнѣвшаго желѣза, на которыхъ лунные лучи постоянно играли и переливались. Полуобнаженная грудь и спина, голыя руки и ноги казались мраморными при лунномъ свѣтѣ и еще бѣлѣе отъ контраста съ длинными черными волосами и черной шерстью звѣриной шкуры. У человѣка на лбу надѣтъ былъ золотой обручъ, и его походка какъ бы выражала сознаніе того, что онъ достоинъ своего отличія.

Съ той стороны, съ какой онъ подходилъ къ скалѣ, она выдавалась впередъ точно навѣсъ, и подъ нимъ царила темь. Человѣкъ подошелъ къ скалѣ, не замедляя шага, и скрылся во мракѣ, точно гранитная пасть поглотила его. А онъ только раздвинулъ завѣсу изъ шкуръ, закрывавшую входъ въ пещеру. Съ полдюжины полуголыхъ фигуръ бросились на него съ ножемъ въ рукѣ.

— Это Фельторъ, король!—закричала одна изъ фигуръ, и всѣ почтительно отступили.

Смолистые факелы горѣли и дымились, порою падая изъ нишъ,

нарочно вырѣзанныхъ для нихъ въ скалѣ. Покой представлялъ собой переплетающуюся сѣть движущагося мрака и трепещущаго свѣта, и при красномъ и желтомъ пламени факеловъ голые члены, сверкавшіе какъ мраморъ при лунѣ, казались теперь бронзовыми.

Фельторъ прошелъ впередъ, не удостоивая никого ни жестомъ, ни взглядомъ, до трехъ сѣрыхъ столбовъ изъ гранита, отдернулъ завѣсу изъ шкуръ на дальнемъ концѣ покоя и скрылся. Секунду или двѣ онъ двигался въ глубокомъ мракѣ, но твердымъ, привычнымъ шагомъ и, отдернувъ третью завѣсу, увидѣлъ тусклую и неровную линію свѣта, трепетавшую между двухъ стѣнъ каменнаго прохода, и новую завѣсу изъ звѣриныхъ шкуръ.

Здѣсь онъ остановился на секунду и затѣмъ, подойдя такимъ же неслышнымъ и гибкимъ шагомъ, какъ у тигра, отодвинулъ послѣднюю завѣсу и вошелъ въ круглый покой, гдѣ два лица—мужчина и женщина—наклонились надъ огнемъ; мужчина высокій и худой, съ длинной, бѣлой бородой, женщина съ необыкновенно граціозной фигурой. Оба съ глубокимъ вниманіемъ наблюдали за чѣмъ-то, и бѣлая борода мужчины перепуталась съ прелестными бѣлокурыми волосами женщины, точно серебро съ золотомъ. Ничего не замѣчая, оба были погружены въ свое занятіе; у дѣвушки отъ нетерпѣнія головка раскачивалась взадъ и впередъ, точно у змѣи; старикъ же неподвижно наклонился надъ нею.

Король, не выпуская мѣховой завѣсы изъ руки, молча стоялъ.

— Почти-что готово,—произнесъ старикъ.

Онъ говорилъ въ полголоса, и глухо и странно звучалъ этотъ голосъ въ ушахъ. Свѣтъ двухъ мѣдныхъ свѣтильниковъ, которыми была освѣщена комната, не достигалъ до потолка, но пропадалъ по дорогѣ, и воображенію мерещилась цѣлая вѣчность мрака. Стѣны были обиты звѣриными шкурами. Полъ покрытъ густымъ слоемъ божьяго дерева, и отъ его ароматическаго запаха воздухъ казался тяжелымъ. Безмолвіе казалось здѣсь зловѣщимъ, и его хотѣлось бы нарушить крикомъ.

Глаза короля прикованы были къ дѣвушкѣ, и страсть какъ бы отуманивала его лицо.

— Готово!—закричала внезапно дѣвушка и, обернувъ обѣ руки выдубленною кабаньей кожей, лежавшей около нея, сняла съ огня мѣдный котелъ, за которымъ такъ внимательно наблюдала вмѣстѣ съ старикомъ, и поставила на грубый овальный столъ изъ гранита, стоявшій посреди покоя. Всѣ ея движенія были такъ свободны и граціозны, что ими нельзя было не любоваться. Она опустилась на одно колѣно передъ столомъ и, все еще держа закутанными руками мѣдный котелъ, подняла глаза и сквозь тонкій

и зыбкій столбъ пара, шедшаго отъ котла, увидѣла лицо Фельтора. На секунду животная страсть, которую она прочитала на немъ, какъ бы испугала ее, и она оглянулась назадъ испуганнымъ взглядомъ. Но вдругъ лицо ея озарилось улыбкой кокетливаго торжества, и она громко разсмѣялась.

— Итакъ вы все же покинули прелестную Вреду? — сказала она.

Лицо короля помертвѣло, и, все еще придерживая одной рукой завѣсу, другою онъ сдѣлалъ нерѣшительный жестъ. Затѣмъ протянулъ руку и указалъ пальцемъ на мѣдный котелъ.

— Венегогъ,—спросилъ онъ худого старика,—что это такое?

— Снадобье,—спокойно отвѣтилъ старикъ.—Сегодня ночью все будетъ кончено.

— Сегодня ночью?

— Сегодня ночью.

Отвѣтъ прозвучалъ точно безмятежное эхо. Дѣвушка снова засмѣялась, а Фельторъ снова взглянулъ на нее. Она встрѣтила его взглядъ съ насмѣшливымъ торжествомъ и, приподнявъ котелокъ, стукнула имъ два или три раза о камень, а затѣмъ, вскочивъ на ноги, отвѣсила королю низкій поклонъ.

Она была одѣта въ длинное платье изъ мягкой шерстяной ткани, выбѣленной до бѣлизны снѣга. Это платье схвачено было на лѣвомъ плечѣ и на лѣвомъ бедрѣ широкимъ аграфомъ изъ серебра, а вокругъ таліи обвивался широкій поясъ изъ мягкой кожи, и за него заткнутъ былъ серебряный ножъ. Обѣ круглыя бѣлыя руки были обнажены, а правое плечо и грудь ничѣмъ неприкрыты. Приподнимая голову послѣ кокетливаго поклона, она поглядѣла на розовую ножку въ кожаной сандаліи, виднѣвшуюся изъ-подъ платья, и, засмѣявшись, искоса взглянула на Фельтора, отошла отъ него, ловко обнаживъ ногу до колѣна, взглянула снова ему въ лицо, опустила глаза, опять взглянула и вдругъ съ притворной скромностью закрыла лицо руками.

Архи-друидъ съ длинной, волнистой бородой, собранной въ горсть руки, стоялъ и глядѣлъ то на одного, то на другого съ сухой улыбкой. Глаза Фельтора жадно впивались въ молодую дѣвушку, и онъ неохотно отвелъ ихъ и встрѣтился взглядомъ съ старикомъ.

— Почему сегодня ночью? — спросилъ онъ, какъ бы вспомнивъ про трагическое дѣло, за какимъ пришелъ.

— Завтра можетъ быть слишкомъ поздно,—отвѣчалъ Венегогъ.—Мы и такъ слишкомъ долго ждали.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Архи-друидъ отвернулся и, пошаривъ въ углу, закрытомъ кожей, вытащилъ сосудъ изъ шпата.

Затѣмъ, подойдя къ столу, дотронулся рукой до края мѣднаго котла, чтобы испытать его температуру. Находя, что она все еще высока, онъ взялъ котелъ, предварительно завернувъ руку въ платье, и медленно вылилъ изъ него жидкость въ сосудъ. Фельторъ наблюдалъ затѣмъ, какъ переливалась жидкость. Замѣтная дрожь пробѣжала у него съ головы до ногъ и лицо его помертвѣло.

Наливъ сосудъ, Венегогъ закрылъ его кускомъ кожи и обвязалъ веревкой. Всѣ его движенія отличались спокойствіемъ, но Фельторъ слѣдилъ за ними, точно околдованный.

Дѣвушка подошла къ нему и положила руку на его голое плечо. Онъ вздрогнулъ и обернулся къ ней.

— Идемъ,—сказала она, глядя ему въ лицо.

Друидъ, съ смертельнымъ ядомъ въ рукахъ, поглядывалъ то на дочь, то на Фельтора. Лобъ Фельтора покрылся пòтомъ; онъ пошелъ къ завѣсѣ изъ звѣриной шкуры и нетвердою рукой отдернулъ ее. Пройдя черезъ темный проходъ въ сопровожденіи дѣвушки и старика, Фельторъ при входѣ въ большую пещеру опять остановился и прислонился къ стѣнѣ. Дѣвушка охватила его рукой и стала тихонько подталкивать. Онъ повиновался. Люди въ пещерѣ вскочили при его проходѣ и проходѣ друида.

Луна ярко озаряла прогалину, а дубовая аллея казалась изъ чернаго дерева и серебра. Мракъ въ чащѣ стоялъ непроницаемый, кромѣ тѣхъ просвѣтовъ, куда проникали лунные лучи. Шаговъ по дерну не было слышно, и всѣ трое двигались, точно тѣни. Вдругъ Фельторъ остановился и обернулся.

— Я не хочу, чтобы это было сегодня,—хрипло произнесъ онъ, протягивая руки впередъ, какъ будто желая преградить дальнѣйшій путь своимъ спутникамъ.

— Назаретскій богохульникъ и теперь даже при ней,—отвѣчалъ архи-друидъ.—Пусть она умретъ, не измѣнивъ вѣрѣ отцовъ.

— Она не умретъ! — закричалъ Фельторъ:—она моя жена, моя королева, мать моего ребенка!

— Повелѣніе дано Одиномъ,—отвѣчалъ старикъ безстрастно и невозмутимо покойно.—Она умретъ сегодня ночью и умретъ въ вѣрѣ отцовъ.

— Чего Одинъ хочетъ, то должно совершиться, — сказалъ король, — но это не мое дѣло.

— Нѣтъ, твое,—отвѣчалъ Венегогъ,—и только твое. Черезъ тебя началось это богохульство боговъ.

— Началось черезъ меня? Чѣмъ же я-то виноватъ?

— Развѣ назареянинъ прожилъ бы хотя одинъ день, еслибы ты сказалъ слово? Вѣдь ты король, Фельторъ!

— Король!—закричалъ Фельторъ:—какой же мужъ королевы король? Въ ея стадахъ нѣтъ быка, который не былъ бы свободнѣе меня. Она велѣла мнѣ быть ея мужемъ, и я ей повиновался.

— И измѣнилъ этой дѣвочкѣ?

И друидъ поглядѣлъ на дочь.

— И послѣ того началась эта ересь, и съ того дня и по сегодня разрослась точно ядовитое зелье по полямъ и лугамъ. Боги устали!

Тутъ спокойствіе впервые измѣнило ему. Высоко поднявъ въ воздухѣ сосудъ съ ядомъ, онъ вынулъ другой рукой ножъ изъ-за пояса и метнулъ его остріемъ внизъ въ дернъ. Ножъ глубоко вонзился въ дернъ и затрепеталъ, а лунные лучи заиграли на его рукояткѣ.

— Боги провѣщали, — проговорилъ друидъ, и спокойствіе снова вернулось къ нему, подобно тому какъ облако, изъ котораго пала смертельная молнія, кажется вполнѣ спокойнымъ минуту спустя.

— Вотъ моя клятва.

И онъ указалъ на ножъ, все еще дрожавшій у его ногъ въ землѣ, и прошелъ дальше, неся сосудъ передъ собою.

Фельторъ глядѣлъ на ножъ и стоялъ молча. Дѣвушка подкралась къ нему.

— Ты говорилъ, что любишь меня, а не ее.

— Да, тебя, а не ее,—мрачно отвѣтилъ онъ;—я думаю, что ты приворожила меня. Почему ты мнѣ мила, а не она? Слыхано ли, чтобы человѣкъ бросалъ пиръ боговъ, чтобы пить медъ съ людьми?!

— Почему нѣтъ, если ему хочется пить? Еслибы ты отрѣзалъ эту руку,—а вѣдь хорошенькая у меня рука?—то изъ нея хлынула бы алая и жаркая кровь. А у твоей Вреды кровь въ жилахъ блѣдная, какъ молоко, и холодная, какъ ледъ. Почему я милѣе тебѣ, чѣмъ она, Фельторъ? да потому, что я женщина, потому что я хочу быть тебѣ милѣе. Развѣ я хромая или слѣпая? развѣ ты единственный мужчина, Фельторъ, который блѣднѣетъ и краснѣетъ, когда я на него погляжу? Я видѣла твои глаза сегодня вечеромъ, Фельторъ.

Голосъ ея поочереди то дразнилъ, то ласкалъ его, и вся ея граціозная фигура соблазняла его.

— Ты когда-то любилъ меня, Фельторъ,—пролепетала она: —неужели же больше не любишь?

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она ловко увернулась и захохотала.

— Бѣдный Фельторъ!

Старый друидъ остановился и оглянулся. Они пошли за нимъ.

Выйдя изъ рощи, они очутились на большомъ и неровномъ лугу, расчищенномъ изъ-подъ деревьевъ. Вдали бѣлѣлась полоска моря на горизонтѣ. Нѣсколько дальше они прошли мимо кучи лачужекъ изъ глины въ родѣ большихъ ульевъ. Двѣ-три собаки залаяли, но больше никакихъ признаковъ жизни не было въ деревнѣ.

Наконецъ, обойдя низкій холмъ, они подошли къ большому одно-этажному каменному строенію, тяжело и массивно вырѣзавшемуся на свѣтлой полосѣ моря, сливавшейся съ небомъ. Въ саженяхъ ста отъ дома стояли въ безпорядкѣ кучки людей воинственнаго вида, одѣтыхъ въ волчьи, медвѣжьи и буйволовыя шкуры. Волчьи и медвѣжьи морды дико обрамляли грубыя лица; въ рукахъ держали эти люди щиты, копья и топоры. Это дикое воинство оттѣсняло назадъ толпу полуобнаженныхъ мужчинъ и женщинъ и совсѣмъ голыхъ ребятишекъ, постоянно порывавшихся впередъ съ подавленнымъ ропотомъ.

Когда архи-друидъ подошелъ, ропотъ затихъ и толпа разбѣжалась. Вооруженные люди выстроились въ порядокъ. Венегогъ, въ сопровожденіи дочери и короля, прошелъ сквозь ряды, неся сосудъ съ ядомъ. Еслибы народъ зналъ, что̀ онъ держитъ въ рукѣ, то даже общеніе его съ богами не спасло бы отъ опасности быть разорваннымъ на клочки. Самая стража помогла бы народу въ его мщеніи. Друидъ зналъ это, но шелъ невозмутимо впередъ.

Въ тѣ мрачныя времена въ людяхъ мало было жалости, милосердія и любви къ ближнему. Но и тогда уже добродѣтели сіяли и согрѣвали людскія сердца. Онѣ жили въ душѣ у Вреды, и такъ странно казалось, что существо, имѣвшее полную власть карать, только миловало, что народъ обожалъ Вреду, точно она была ангелъ небесный.

II.

Всѣ трое, на глазахъ у всѣхъ, вошли въ домъ. Вьющіяся растенія и мохъ одѣвали старыя стѣны. За дверью, которая была какъ разъ такъ высока, чтобы пропустить высокую фигуру друида, находились большія сѣни, окруженныя съ трехъ сторонъ стѣнами зданія, а съ четвертой—тремя массивными столбами изъ гранита, между которыми висѣла занавѣсь изъ шкуры леопарда и изъ красной сирійской шерстяной ткани. Сѣни были открыты

сверху, и луна освѣщала ихъ, вмѣстѣ съ мѣдными зажженными свѣтильниками.

Грубыя фигуры, изображавшія боговъ и воиновъ, были вырѣзаны въ камнѣ стѣнъ и раскрашены красной, желтой и голубой краской. Толстые обломки гранита, отполировавшіеся отъ времени, служили скамьями и столами, и груды шкуръ, наваленныхъ по угламъ, покрывали мѣста, служившія для ночлега слугамъ и стражамъ. Со стороны, противоположной той, гдѣ висѣли занавѣси, было нѣсколько уступовъ въ стѣнѣ, образовавшихъ ниши, сажени въ четыре длиной и шириной каждая. Въ этихъ нишахъ, завѣшанныхъ занавѣсами, помѣщались женщины королевы.

Лиры, арфы, цимбалы и мѣдные трехугольники валялись тамъ и сямъ, и большія прялки, римской фабрикаціи, свидѣтельствовали о женскомъ трудолюбіи.

Громадныя сѣни были полны тѣлохранителями, слугами и женщинами; тамъ и сямъ виднѣлся начальникъ, котораго можно было признать по длинной саблѣ, привѣшанной сбоку. Слабое жужжаніе отъ разговоровъ скорѣе чувствовалось, нежели слышалось.

Та часть строенія, которая находилась за занавѣсью, была прикрыта кровлей изъ толстыхъ еловыхъ бревенъ. Смѣлый восточный мореходецъ очевидно нашелъ здѣсь удобный рынокъ для сбыта, и все кругомъ говорило о варварскомъ комфортѣ и роскоши. И всѣ ступали по разнообразнымъ звѣринымъ шкурамъ. Каменныя ложа были покрыты персидскими коврами и шкурами пантеръ, львовъ и антилопъ. Этрусскія вазы, горшки изъ темной глины, на которыхъ греческіе художники изобразили дѣянія своихъ боговъ, стояли рядомъ съ кубками изъ янтаря и горнаго хрусталя, между тѣмъ какъ издѣлія изъ рога, обдѣланнаго въ золото, и сосуды изъ гранита представляли мѣстную промышленность.

На разстояніи пятнадцати шаговъ отъ занавѣси гранитные столбы раздѣляли строеніе на три покоя; центральный былъ открытъ и служилъ передней для двухъ другихъ. Покой по правую руку служилъ для королевы, покой по лѣвую—для короля. Оба замыкались тяжелыми занавѣсами. Въ открытой передней стояла большая глыба зеленаго мрамора, выдолбленная сверху и снабженная мѣдной рѣшеткой. На этомъ алтарѣ горѣлъ огонь изъ еловыхъ шишекъ, вспрыснутыхъ смолой, и дымъ столбомъ поднимался къ потолку и выходилъ черезъ непокрытыя сѣни.

Дѣвушка, одѣтая въ четырехугольный платокъ изъ бѣлой шерстяной ткани, завязанный на правомъ плечѣ и подъ правой ру-

кой, все еще держа въ рукѣ еловую шишку, которую собиралась бросить въ огонь, заснула за своимъ занятіемъ и распростерлась у алтаря, безпечно раскинувъ руки.

Двѣ другія сидѣли на грудѣ шкуръ около нея и тихонько разговаривали.

Въ своемъ покоѣ, на ложѣ, покрытомъ шкурами пантеръ, лежала королева Вреда. Она была одѣта въ платье изъ блѣдно-зеленой ткани. Ея бѣлыя, нѣжныя и изящныя руки безсильно повисли. Черныя рѣсницы опустились на мраморныя щеки. Одна обнаженная нога выставилась изъ-подъ шкуры пантеры. Еслибы не тихо вздымавшаяся грудь, то ее можно было бы счесть умершей.

Около нея стоялъ на колѣняхъ престарѣлый, но вдохновенный и мужественный миссіонеръ, первый принесшій вѣсть о спасеніи міра на Британскіе острова, св. Давидъ, странствовавшій изъ Іерусалима въ Антіохію, изъ Антіохіи въ Аѳины, изъ Аѳинъ въ Римъ, изъ Рима въ Галлію и проповѣдывавшій Евангеліе почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и почти всѣмъ европейскимъ племенамъ. На склонѣ дней пылкая душа привела его сюда на встрѣчу новымъ опасностямъ, новымъ трудностямъ, бороться со жрецами и собирать жатву обращенныхъ душъ.

Годы и заботы, безумные восторги и горькое отчаяніе, аскетическое самоотреченіе, голодъ, кораблекрушенія, пытки, тюремное заключеніе—все это изможднло его тѣло и превратило въ скелетъ. Онъ претерпѣлъ все, что только можетъ претерпѣть человѣкъ, кромѣ смерти, и на эту послѣднюю взиралъ какъ на вѣчное успокоеніе.

Для многихъ лицо его казалось грознымъ, благодаря неземному спокойствію, какое оно выражало. Оно говорило о сознаніи силы и власти сверхчеловѣческой. Немногіе люди могли выносить его взглядъ безъ внутренняго трепета или страха, потому что его взглядъ, казалось, пронизывалъ насквозь и читалъ сокрытыя тайны въ сердцѣ. Онъ былъ такъ худъ, измождёнъ такими невѣроятными испытаніями почти столѣтней жизни, что то, что̀ отъ него оставалось, было крѣпко и выносливо, какъ дубъ. Пряди волосъ вокругъ его головы посѣдѣли, но все еще завивались, точно проволока. Курчавая борода и брови тоже были сѣды.

Лицо его было темное и морщинистое, и высокій, узкій лобъ весь изборожденъ.

Онъ говорилъ долго и внушительно, но Вреда лежала не шевелясь. Онъ умолялъ, наконецъ. Тогда она открыла глаза и взглянула на него. При этомъ неподвижная правильная масса превратилась въ живое лицо—лицо безконечно печальное и стра-

дальческое. Темная масса волосъ оттѣняла нѣжную блѣдность щекъ. Взглядъ ея выражалъ нѣмую жалобу, какъ это бываетъ у безсловесныхъ существъ.

— Ты можешь помочь мнѣ,—сказала она,—ты помогалъ другимъ, которымъ было еще хуже, чѣмъ мнѣ!

— Я молился,—отвѣчалъ онъ,—но силы исцѣленія мнѣ не дано.

— Исцѣли меня, и я увѣрую.

— Пути Господни неисповѣдимы. Если Ему угодно будетъ, то исцѣленіе воспослѣдуетъ. Намъ сказано: просите и дастся вамъ,—и я неустанно молюсь.

Въ то время, какъ онъ это говорилъ, Вреда, приподнявшая-было голову, устало откинулась назадъ. Глаза ея снова сомкнулись, и мраморная блѣдность лица стала зеленовато-сѣрой. Святой взялъ ее за руку, боясь, что наступилъ ея послѣдній часъ; но она оправилась и опять заговорила слабымъ голосомъ и съ закрытыми глазами:

— Я устала. Мнѣ не долго жить. Прощай. До свиданія въ жилищѣ Одина.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Давидъ. Тамъ не можетъ быть свиданія, милое дитя. На пути, по которому ты идешь, одинъ мракъ. Ты слѣпа, бѣдная страдалица, и по тебѣ болитъ моя душа. Пожалѣй сама себя. Обратись на путь истинный, чтобы, по милосердію Божьему, мы встрѣтились тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Быть можетъ, у насъ съ тобой одни пути,—возразила Вреда съ утомленіемъ.—Я не знаю. Если же нѣтъ, то я пойду туда, куда идетъ мой народъ.

И сказавъ это, она умолкла, а лицо ея опять такъ потемнѣло, что святой снова испугался. Онъ всталъ и простоялъ надъ нею нѣкоторое время со сложенными руками и не спуская съ нея глазъ. Снова жалобные глаза раскрылись, и сердце святого такъ умягчилось, что онъ не могъ не заговорить.

— Милое дитя,—началъ онъ, но она остановила его жестомъ, краснорѣчиво выражавшимъ такую усталость и такое страданіе, что онъ умолкъ чисто изъ жалости.

— Завтра,—чуть слышно пролепетала она.—Я больше не могу. Приходи завтра.

— Мы не знаемъ, что̀ будетъ завтра. Что̀ такое наша жизнь? Легкій паръ, который появляется на время и затѣмъ исчезаетъ.

Она не отвѣчала, и спустя нѣкоторое время онъ молча ушелъ. Дѣвушки у входа прекратили свою тихую болтовню, когда

онъ проходилъ мимо нихъ, и съ ужасомъ отскочили, когда онъ вдругъ упалъ на колѣни и принялся горячо молиться на незнакомомъ имъ языкѣ.

Окончивъ молитву, онъ всталъ и, машинально поправивъ потертую шерстяную рясу, вышелъ съ поникшей головой въ большія сѣни, гдѣ тѣлохранители, слуги и служанки разступились, чтобы дать ему дорогу. Онъ шелъ, уставясь глазами въ землю, машинально. Голосъ у дверей вывелъ его изъ задумчивости.

— Ну, что, собака, добился своего?

Давидъ поднялъ глаза и увидѣлъ своего главнаго врага Венегога, стоявшаго передъ нимъ съ чашей въ рукахъ.

— Кто можетъ знать велѣнія Господа, прежде нежели Онъ объявитъ ихъ?!

Глаза его снова уставились въ землю, и онъ прошелъ дальше. Съ жизнью Вреды связаны были всѣ его надежды на обращеніе ея народа, и на минуту душа его пріуныла. Но вотъ, до ушей его донеслась угроза изъ толпы воиновъ, и онъ обернулся, самъ грозный и властительный. Зоркій взглядъ его нашелъ говорившаго, и онъ двинулся къ нему. Дикарь, въ своей обычной шкурѣ, съ большими бычачьими рогами, отступилъ въ страхѣ передъ старикомъ.

— Да,—сказалъ Давидъ,—я умру, когда Богу будетъ угодно. Но мой часъ еще не пробилъ.

И, отвернувшись, ушелъ къ себѣ, никѣмъ больше не тревожимый.

Тѣмъ временемъ Венегогъ, въ сопровожденіи дочери своей Барксельгольды и короля Фельтора, прошелъ черезъ сѣни и достигъ покоя королевы. Послѣ ухода Давида, Вреда заснула, и всѣ трое вошли такъ тихо, что ихъ приходъ ея не разбудилъ.

— Ей врядъ ли требуется это,—шепнула Барксельгольда, указывая на питье.

— Она поправится безъ этого,—отвѣтилъ друидъ тоже шопотомъ.—Болѣзнь ея не такова, чтобы молодость не справилась съ нею.

Фельторъ понялъ значеніе этого шопота и весь задрожалъ. Вреда пошевелилась на ложѣ, и глаза его приковались къ ней. Она опять пошевелилась и проснулась, и первый взглядъ ея упалъ на мужа. Она съ трудомъ протянула къ нему руки, и улыбка невыразимой нѣжности освѣтила ея лицо.

— Фельторъ!—проговорила она.

Руки ея снова безсильно упали на шкуру пантеры, но глаза продолжали улыбаться, хотя съ страдальческимъ выраженіемъ.

Она не поняла смысла мучительнаго волненія въ лицѣ Фельтора и объяснила печалью по ней и предвидѣніемъ ея близкой кончины. Еслибы была надежда на жизнь, король не былъ бы такъ тронутъ. Она опять протянула руки, взывая:

— Фельторъ!

Ноги у него подкосились, и онъ упалъ на колѣни, закрывъ лицо руками. Вреда улыбалась съ благороднымъ отчаяніемъ, съ трудомъ протянула ослабѣвшую руку и дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ отъ этой ласки, а она закрыла глаза, мысленно переживая всю горечь и сладость предстоявшей разлуки.

Шопотъ и смѣхъ донеслись изъ сѣней. Венегогъ приподнялъ завѣсу изъ шкуръ и строго замѣтилъ служанкамъ:

— Время ли теперь смѣяться? Разбудите эту дуру и убирайтесь прочь!

Испуганныя дѣвушки разбудили подругу и ушли. Венегогъ, ни слова не говоря, передалъ чашу съ ядомъ Барксельгольдѣ, которую та преспокойно взяла. Послѣ того друидъ вынулъ изъ углубленія въ стѣнѣ небольшой бокалъ изъ золота, очень оригинальной работы. Въ углу покоя изъ наружной стѣны билъ небольшой фонтанъ воды. Природный ключъ былъ проведенъ сюда, и вода бѣжала, чистая какъ хрусталь, чрезъ отверстіе, нарочно продѣланное въ стѣнѣ. Старикъ-жрецъ вымылъ бокалъ, затѣмъ далъ знакъ Барксельгольдѣ подойти и, взявъ чашу съ ядомъ, отлилъ изъ нея въ бокалъ и подалъ его дочери, указавъ пальцемъ на королеву.

Фельторъ лежалъ на полу у ложа королевы съ закрытымъ лицомъ. Ея пальцы перебирали его волосы, а взглядъ съ печальной улыбкой былъ уставленъ въ потолокъ. Барксельгольда перешагнула черезъ поверженнаго навзничь короля и, опустясь на одно колѣно около Вреды, ласково и нѣжно охватила ея рукой за шею. Вреда оглянулась сначала на нее, затѣмъ на бокалъ.

— Къ чему безпокоишь меня? Надежды нѣтъ.

— Мой отецъ свѣдущъ въ травахъ,—отвѣчала Барксельгольда съ улыбкой.—Онъ не сталъ бы безпокоить тебя по пустому.

Выраженіе лица королевы измѣнилось, и съ помощью Барксельгольды она приподнялась на постели и протянула руку къ друиду.

— Я останусь жива? надежда еще не потеряна?

— Травы, выбранныя мною, имѣютъ большую цѣлебную силу,—отвѣчалъ Венегогъ съ притворнымъ спокойствіемъ.—Онѣ спасутъ тебя.

— Слышишь, Фельторъ!—закричала королева съ безумной радостью, на минуту вдохнувшей въ нее новыя силы.—Есть надежда, Фельторъ! Я не умру! я не разстанусь съ тобою, Фельторъ!

Фельторъ громко застоналъ.

— Дай мнѣ бокалъ!—сказала Вреда, опираясь на обѣ руки.

Барксельгольда улыбнулась ей съ многозначительнымъ взглядомъ, поднесла бокалъ къ ея губамъ, поддерживая другой рукой свою жертву за шею. Больная уже хотѣла выпить снадобье, какъ вдругъ у входа въ покой послышался крикъ, и темноволосый ребенокъ, лѣтъ трехъ или четырехъ, подбѣжалъ къ ложу, зовя мать. Барксельгольда поспѣшно отвела бокалъ отъ губъ королевы, боясь, какъ бы содержимое не пролилось, и съ ненавистью поглядѣла на ребенка.

— Я буду жить для тебя, малютка,—прошептала Вреда, прижимая его къ груди,—для тебя и для твоего отца.

Занавѣсь опять раздвинулась и пропустила странное существо, карлика, неуклюжаго и горбатаго, но съ пріятнымъ лицомъ. У него были живые, быстрые глаза, а губы безсознательно складывались въ юмористическую усмѣшку. На головѣ красовалась шапка изъ ослиной шкуры, и уши дерзко торчали по обѣимъ сторонамъ. Съ пояса и до ногъ у него спускалась кожаная туника, но жилистыя ноги и волосатая грудь были обнажены.

— Ну, ослиный дуракъ,—обратился къ нему Венегогъ,—что̀ принесло тебя сюда? Хочешь опять попробовать палокъ?

— Къ палкамъ мнѣ не привыкать стать,—отвѣтилъ карликъ съ полу-униженной, полу-юмористической гримасой.—Если моя спина должна отвѣчать за проказы ребенка, ну что-жъ! бѣда невелика.

Голова королевы лежала безсильно на рукѣ, обвивавшей ея шею, и дитя заплакало. Венегогъ перешагнулъ черезъ короля, схватилъ плачущаго ребенка и, казалось, хотѣлъ швырнуть его на руки карлика,—однако передалъ его дядькѣ болѣе осторожно, чѣмъ можно было ожидать, судя по лицу и жесту.

— Убирайтесь!—злобно пробормоталъ онъ въ бороду.—Что̀ ты хочешь убить королеву дѣтскимъ ревомъ?

Карликъ охватилъ обѣими руками плачущее дитя и унесъ его, утѣшая и лаская. Крики ребенка доносились все слабѣе и, наконецъ, затихли. Барксельгольда положила голову Вреды на подушку и поднесла бокалъ, осторожно стараясь не пролить ни одной капли. Тишина въ комнатѣ воцарилась мертвая.

Глаза Вреды раскрылись и губы пошевелились. Барксельгольда приставила ухо къ ея губамъ.

— Снадобье!

Барксельгольда улыбнулась, кивнула головой, приподняла безпомощную голову, поднесла бокалъ къ губамъ и продержала его такъ, пока Вреда не выпила снадобья до послѣдней капли. Дрожь охватила Вреду, а дѣвушка, быстро поднявшись на ноги, выпустила изъ рукъ голову жертвы, вмѣстѣ съ пустымъ бокаломъ. Металлъ громко зазвенѣлъ, ударившись о плотно убитую землю, просвѣчивавшую между шкурами, и Фельторъ, поднявъ голову, увидѣлъ выраженіе торжества на лицѣ убійцы. Онъ зналъ, что дѣло сдѣлано, и, шатаясь, пошелъ къ завѣсѣ. Венегогъ сильной рукой схватилъ его за грудь.

— Трусъ!—закричала Барксельгольда:—куда ты идешь съ такимъ предательскимъ лицомъ? Какой же ты мужчина!

Она схватила большой кубокъ и рѣшительнымъ, торжествующимъ жестомъ погрузила его въ открытую гранитную бочку съ гальскимъ виномъ и подала ему.

— Обрѣти мужество хотя въ винѣ!—закричала она.

Фельторъ взялъ кубокъ и жадно осушилъ его. Вторично погрузилъ въ бочку съ виномъ и вновь осушилъ.

— Чтó со мной?—проговорила Вреда, задвигавшись на ложѣ.—Фельторъ! я горю! я умираю!

— Еще бы!—отвѣчала Барксельгольда съ холоднымъ бѣшенствомъ.—Еще бы! конечно, ты умираешь, Вреда!

— Фельторъ! — закричала королева. — Мой Фельторъ! спаси меня!

— Твой Фельторъ! — сказала Барксельгольда, разнуздывая демона, ютившагося у нея въ груди.—Какъ онъ сталъ твоимъ Фельторомъ? У кого ты украла его, Вреда?

Архи-друидъ поднялъ упавшій бокалъ и спокойно, съ серьезнымъ видомъ, обмылъ его въ водѣ.

— Ничтожный начальникъ племени понравился королевѣ,—продолжала Барксельгольда насмѣхаться надъ своей жертвой:—безумецъ не могъ отказаться отъ величія, но сердце его въ немъ не участвовало. Неужели ты воображаешь, что онъ любилъ тебя? Любить тебя, каменное созданіе!

Королева дѣлала страшныя усилія, чтобы приподняться, но силы измѣнили ей. Она обратила взглядъ на Фельтора, но тотъ, скрывъ лицо руками, отвернулъ голову и прислонился къ стѣнѣ. Съ этой минуты взглядъ ея не покидалъ его, кромѣ тѣхъ мгновеній, когда сильная боль заставляла ее закрывать глаза. Разъ, одинъ только разъ, Фельторъ осмѣлился взглянуть на нее. Взглядъ ея былъ такъ страненъ и ужасенъ, что пронзилъ его сердце.

Въ этомъ взглядѣ отражалось безграничное удивленіе и невыразимое страданіе.

Барксельгольда продолжала глумиться надъ умирающей, а друидъ стоялъ молча и улыбался. Вдругъ онъ подошелъ къ ложу. Королева уже съ минуту какъ лежала неподвижно. Онъ положилъ руку ей на плечо. Тѣло подалось отъ его толчка, и голова скатилась на бокъ. Онъ нѣсколько мгновеній спокойно глядѣлъ ей въ лицо, затѣмъ вышелъ вонъ изъ покоя. Барксельгольда прекратила свои бѣшеныя причитанія, и въ покоѣ воцарилось безмолвіе.

Торжественный возгласъ друида донесся изъ сѣней:

— Слушайте, сыны и дщери Тора!

Среди мертвой тишины покоя послышался слабый шумъ и говоръ толпы. Голосъ Венегога снова раздался:

— Ваша королева скончалась!

Наступила минутная тишина, и затѣмъ раздались стоны и вопли.

Фельторъ оглянулся. Барксельгольда бросилась ему на грудь съ торжествующимъ крикомъ:

— Мой Фельторъ! мой!

III.

Все это видѣла и слышала освобожденная душа Вреды. Внезапно, когда тѣло ея испытывало невыразимыя страданія, въ душѣ ея поднялась такая мука, что для выраженія ея нѣтъ словъ, но затѣмъ на нее снизошли небесный миръ и покой. Голосъ Барксельгольды продолжалъ издѣваться, но это не трогало ея. И въ то самое время, какъ она дивилась спокойствію, охватившему ее, голосъ Венегога прокричалъ въ сѣняхъ: — Слушайте, сыны и дщери Тора: ваша королева скончалась!

И Вреда узнала, въ чемъ тайна ея покоя.

Она взглянула съ высоты на бренный покровъ, который обитала, и почувствовала холодную и блѣдную жалость. Она увидѣла Фельтора, содрогавшагося отъ преступныхъ поцѣлуевъ Барксельгольды, и почувствовала, что простила ихъ. Злобная радость Барксельгольды, и страсть, и страхъ Фельтора, были такъ же осязаемы для души королевы, какъ и ихъ тѣлесное присутствіе. Она протянула впередъ руки надъ ихъ головами, безстрастно прощая и прощаясь. Они, какъ испуганные преступники, отскочили другъ отъ друга, и она ли была унесена отъ нихъ, или

они ушли отъ нея — этого она не знала. Они ушли, и, кромѣ новаго и страннаго мира и покоя, все ушло.

И не стало ни звука, ни безмолвія, ни свѣта, ни мрака, ни тепла, ни холода, ни вышины, ни глубины, ни мѣста и ничего, кромѣ личности, которая жила и была спокойна.

И вотъ изъ этого пустого отрицанія выросло нѣчто осязаемое для души, какъ живая рука осязаема для живой руки, и Вреда узрѣла женщину благороднаго и спокойнаго вида. И будучи новичкомъ въ этомъ состояніи своемъ, Вреда хотѣла бы заговорить и разспросить женщину о многомъ, но здѣсь не было рѣчи, да и не было въ ней нужды, потому что душа королевы знала, что̀ женщина ей отвѣтила:

— Спрашивай, и что̀ я знаю, то̀ сообщу тебѣ.

И Вреда пожелала узнать, кто эта женщина, и узнала, что въ былые дни она была королевой въ Геракліонѣ, и что мужъ убилъ ее.

Душа Вреды подумала, видя, что душа женщины прекрасна: „Вотъ связь между нами, ибо я тоже убита по волѣ мужа“.

И душа женщины отвѣчала душѣ Вреды:

— Ты прекраснѣе меня, и это будетъ связью между нами.

Тогда Вреда ощутила болѣе нежели покой и миръ, и полюбила прекрасную душу, и нѣкоторое время обѣ души точно слились во-едино, и это доставило имъ тихое удовольствіе.

И Вреда узнала изъ мыслей другой души, что она оставила землю уже триста лѣтъ по земному исчисленію, ибо тутъ не было времени, и до сихъ поръ не встрѣчала еще такой дорогой подруги. И, желая узнать о положеніи дѣлъ въ ихъ новой сферѣ, узнала отъ той, что̀ была королевой въ Геракліонѣ, что здѣсь нѣтъ ни мѣста, ни пространства, ни зрѣнія, ни слуха, но что обитатели этой сферы сознають другъ друга, когда этого пожелаютъ. Формы не существуетъ, но есть сознаніе духа, и когда души любятъ другъ друга, то встрѣчаются, когда того просто только пожелаютъ.

Размышляя о всемъ этомъ и спрашивая, много ли душъ находится въ одной и той же сферѣ, она узнала, что ихъ многое множество, что нація за націей переселялась сюда вѣкъ за вѣкомъ, всѣ земные народы и изъ всѣхъ міровъ, населяющихъ небеса. Но когда Вреда задумалась о другомъ,—душъ какъ бы не стало.

И, спросивъ объ имени подруги, она узнала, что ее зовутъ Калейриса.

Послѣ того, пребывая въ этой сферѣ, Вреда сообщалась со многими душами, но ни съ одной съ такимъ удовольствіемъ, какъ съ Калейрисой. И были души, отъ которыхъ она какъ бы отстранялась, души людей, совершившихъ темныя дѣла на землѣ, когда свѣтъ Божій еще не сіялъ надъ нею.

Но вотъ случилось, что въ то время, какъ она находилась съ Калейрисой, душа ея взалкала о чемъ-то, и Калейриса мысленно пыталась разъяснить ей, что̀ она чувствуетъ, и мысли Калейрисы говорили Вредѣ:

— Есть сфера, которую я знаю и не знаю. Я знаю, что всѣ души, вступающія въ нее, блаженны, и всѣ ихъ желанія затихаютъ. Въ нашей сферѣ есть души, сообщившія мнѣ, что съ самаго начала положена была жертва, благодаря которой всѣ души войдутъ въ рай. И когда наступило время, жертва была принесена, и это было прежде твоего времени и прежде моего. И плодомъ жертвы явилось то, что всѣ души, которыя живутъ во всѣхъ мірахъ, мало-по-малу приближаются въ совершенствѣ къ совершенству того, кто былъ принесенъ въ жертву, и вступятъ въ рай, когда будутъ того достойны. И есть одинъ, кого на языкѣ людей зовутъ однимъ именемъ, а на языкѣ обитателей другихъ міровъ другими именами, и въ мысляхъ тѣхъ, которые не говорятъ другъ съ другомъ, но мыслятъ сообща. И ликъ его свѣтелъ, свѣтлѣе солнца въ полдень. И онъ посѣщаетъ эту сферу, когда повелѣваетъ Творецъ, и на кого падетъ свѣтъ отъ лика его, тотъ можетъ просить о чемъ хочетъ, и желаніе его исполняется. А желаніе всѣхъ—это быть съ тѣмъ, къ чьему совершенству они стремятся.

Но тутъ Калейриса узнала, что не это отвѣчаетъ желаніямъ Вреды.

И душа Вреды оставалась алчущей и недовольной, пока вдругъ она не узнала, что ей хочется увидѣть своего ребенка, и желаніе это доходитъ до страданія. И страданіе росло въ душѣ Вреды, пока, наконецъ, оно должно было побѣдить, ибо таковъ порядокъ въ той сферѣ. И пока она боролась, сама не зная съ чѣмъ, и душа ея болѣла, боль вдругъ побѣдила, и она увидѣла своего ребенка какъ бы тѣлесными очами.

Дитя Ванкардъ спалъ одинъ въ хижинѣ. Онъ былъ на два года старше того, какъ она съ нимъ разсталась. Хижина, гдѣ онъ лежалъ, не была покрыта, и небо просвѣчивало сверху, а въ щели дулъ вѣтеръ. Земля была сырая, и ребенокъ лежалъ на ней неприкрытый. Онъ былъ раненъ и кровь струилась изъ ранъ, и душа матери тщетно стремилась помочь ему. И тутъ

видѣніе исчезло, и она вернулась въ собственную сферу, съ воспоминаніемъ о томъ, что̀ видѣла.

И вотъ опять въ душѣ Вреды появилось желаніе еще болѣе сильное, и она страдала до тѣхъ поръ, пока страданіе не побѣдило. И ей позволено было увидѣть свой народъ, и она увидѣла, что онъ страждетъ, что многіе послѣдователи Давида претерпѣваютъ пытки и сидятъ въ заточеніи, а что Фельторъ король и Барксельгольда королева находятъ радость въ кровопролитіи. И вотъ великое состраданіе къ королю и королевѣ охватило ея душу и къ тому, что̀ ждало ихъ впослѣдствіи. Но вотъ срокъ видѣнія кончился, и она вернулась въ свою сферу, унося воспоминаніе о томъ, что̀ видѣла.

И вотъ, внезапно души стали собираться толпами въ своей сферѣ и познавать одна другую. И онѣ были всѣхъ народовъ и всѣхъ міровъ и всѣхъ временъ, и числа ихъ нельзя было перечесть.

И Вреда узнала, что ожидаютъ вѣстника свѣта, и вотъ свѣтъ его возсіялъ и палъ на многія тысячи и тысячи душъ. И свѣтъ озарилъ также и Вреду, и она узнала, что ея желаніе будетъ исполнено.

И душа ея болѣла, а страданіе возопило въ ней:

— Пусти меня назадъ на землю, туда, гдѣ я жила во мракѣ, и дай просвѣтить мой народъ свѣтомъ истины!

И вотъ она увидѣла себя на землѣ снова облеченною костями и плотью.

IV.

Веселое лѣтнее солнце сіяло надъ лѣсомъ Серфледа, и въ воздухѣ носились громкіе звуки охотничьихъ роговъ. Въ глухой чащѣ лѣса, на естественной прогалинкѣ, Барксельгольда съ кокетливой граціей возсѣдала, точно на тронѣ, на трупѣ дикаго быка, убитаго за часъ передъ тѣмъ на охотѣ. Легкая шаль изъ кипрской шерсти служила ей платьемъ, подхваченная сбоку и на плечѣ золотыми пряжками. Черезъ правое плечо перекинута была шкура леопарда и придерживалась у таліи широкимъ поясомъ изъ краснаго сафьяна. Шерстяное платье распахивалось съ праваго бока, и изъ-подъ него виднѣлась стройная нога, обвитая полосами изъ мягкой кабаньей кожи, зашнурованными ремнями, а отъ колѣнъ и до щиколки охватывалось наколѣнниками изъ распиленнаго бычачьяго рога. Маленькія ножки обуты были въ

мягкій красный сафьянъ, зашнурованный ремнями того же цвѣта. Лѣвая грудь и обѣ руки были обнажены, а пышные бѣлокурые волосы разметались по плечамъ. Шапочка изъ краснаго сафьяна, съ золотымъ обручемъ, съ небрежной граціей сидѣла на головѣ.

Пирамида изъ убитой дичи, быковъ, кабановъ, волковъ и медвѣдей, сваленныхъ въ перемежку, возвышалась за ея спиной, а на прогалинкѣ толпились группы охотниковъ и ловчихъ. Тутъ виднѣлись дикіе на видъ, бородатые, загорѣлые молодцы, и каждый держалъ на сворѣ громадныхъ бульдоговъ, съ широкими бѣлыми лапами, четыреугольными черными мордами, злобныхъ и безмолвныхъ. Эти псы не наполняли воздуха музыкальнымъ лаемъ, когда гнались за звѣремъ; они гонялись за нимъ и умерщвляли его безмолвно. Здѣсь, на привалѣ, иные зѣвали, другіе рычали, но отъ удовольствія и сытости. Люди, приставленные къ нимъ, были одѣты въ родъ грубаго мундира, указывавшаго на ихъ званіе—тунику изъ кабаньей шкуры, шапку такого же рода, причемъ клыки звѣря торчали у нихъ по обѣимъ сторонамъ головы, а черезъ голыя плечи перекинуты были на веревкахъ короткое копье и бычачій рогъ.

Охотники на кабановъ вооружены были короткими копьями; охотники на дикихъ быковъ одѣты были въ туники изъ краснаго сафьяна и вооружены топорами и пиками. Ловцы сѣтями держали въ рукахъ длинныя сѣти изъ крѣпкихъ веревокъ и ремней. Тамъ и сямъ виднѣлись рабы, военноплѣнные изъ другихъ націй, употреблявшіеся для ношенія тяжестей и званіе которыхъ обозначалъ желѣзный ошейникъ вокругъ горла.

Наклонившись къ Барксельгольдѣ, стоялъ нѣкто, котораго по тому времени и мѣсту слѣдовало признать за иностранца. Его костюмъ представлялъ курьезную смѣсь римской цивилизаціи и британскаго варварства. Онъ былъ одѣтъ въ тунику римскаго покроя изъ желтой шерстяной ткани, съ вышитой голубой оторочкой. По верху туники надѣтъ былъ поясъ изъ полированной мѣди съ серебряными звѣздами, и короткая римская сабля мягко бряцала при каждомъ его движеніи. Онъ носилъ металлическіе наколѣнники и деревянныя сандаліи, красные ремни которыхъ были отдѣланы серебромъ. Самой отличительной національной чертой въ его костюмѣ былъ головной уборъ изъ волчьей шкуры, красовавшійся на его золотисто-рыжихъ волосахъ. Волосы были заплетены съ каждой стороны головы, и косы спускались черезъ плечи.

То былъ Освенгъ, вождь націи ленніевъ, покоренной римлянами, а потому презираемой ихъ болѣе стойкими сосѣдями.

Онъ и Барксельгольда чаще бесѣдовали другъ съ другомъ, чѣмъ это было пріятно Фельтору, и король, прислонившійся широкой спиной къ дубу, подносилъ къ губамъ полный рогъ пива, бросая искоса ревнивый взглядъ на чету. Юный Освенгъ съ аффектированными движеніями обмахивалъ королеву дубовой вѣткой и шепталъ ей хвалу съ тѣми ужимками и позами, какія онъ видѣлъ у римскихъ всадниковъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Дивѣ. Барксельгольда лукаво поглядывала на него, а когда хвалы становились черезъ-чуръ откровенными даже для той безцеремонной эпохи — отворачивалась съ притворной застѣнчивостью.

Фельторъ, омрачавшійся все сильнѣе и сильнѣе, поднесъ рогъ къ губамъ, осушилъ его, продолжая искоса глядѣть на жену и на ея легкомысленнаго поклонника, и затѣмъ дикимъ жестомъ швырнулъ рогъ прочь.

Неподалеку отъ королевы и Освенга сидѣла группа сильныхъ и мускулистыхъ воиновъ, доканчивавшихъ свою охотничью трапезу. Среди нихъ находился Редвегъ, великанъ съ сѣдоватой бородой, глазами какъ у сокола и соколинымъ же носомъ.

— Эй вы, послушайте-ка, что̀ я скажу!—началъ Редвегъ, пользовавшійся привилегіей говорить правду.

Онъ указалъ на юнаго Освенга голой, волосатой рукой, жестомъ, полнымъ презрѣнія.

— И такого-то теперь величаютъ мужчиной, а онъ заплетаетъ косы, какъ женщина, и любитъ битву, какъ я люблю жажду. Передъ Торомъ ихъ земля ничего не стоитъ. Юноши тамъ точно красныя дѣвушки и подстригаютъ бороды, чтобы придать себѣ женственный видъ. Это такіе молодцы, что не умѣютъ ни пить, ни рисковать шкурой въ бою. Гдѣ тѣ юноши, какихъ я знавалъ въ молодости? И они любили повеселиться. Я самъ люблю пировать. Пиръ—хорошее дѣло послѣ битвы, да и передъ нею. Но все пировать да пировать—когда же драться?—Онъ презрительно сморщилъ свое и безъ того морщинистое, загорѣлое лицо. —Эй, кто тамъ выпилъ весь медъ? Дай мнѣ меду, Додекъ, или я спущу тебѣ шкуру! Ага! не нравится, старый вояка. Ну, ну, не хмурься. Я вѣдь люблю тебя! А почему люблю? Потому что ты сейчасъ готовъ въ драку. Только нѣтъ ужъ, поищи себѣ кого постарше или помоложе, чѣмъ я.

Все вышесказанное было отлично слышно Барксельгольдѣ и Освенгу. Королева сердито засмѣялась, а ея поклонникъ поблѣднѣлъ и, переложивъ дубовую вѣтвь въ лѣвую руку, правою схватился за рукоятку своей короткой сабли.

— Прежде,—продолжалъ Редвегъ, съ хмурой усмѣшкой слѣ-

дившій за этимъ жестомъ и подмигивая внимательнымъ слушателямъ:—вождь носилъ длинную саблю, и это было признакомъ его званія. Теперь какъ честь стала короче, такъ и сабли укоротили. И вотъ что̀ скажу вамъ, молодцы: всего хуже изъ всѣхъ худыхъ вѣщей — это новая манера съ женщинами. Кто разговариваетъ съ кружкой пива прежде нежели выпить ее? „Милое пиво, я смерть пить хочу, а ты, дорогое пиво сладко,—ахъ, какъ сладко! дорогое пиво, мнѣ хочется тебя выпить". Пей, и дѣлу конецъ!.. Меня зло беретъ, когда вижу, какъ женщинамъ кружатъ головы разговорами. Женщина—добыча мужчины и всегда ею была, если только онъ не нѣжится, не ломается, не наряжается, какъ женщина, и не заплетаетъ себѣ косъ, чтобы уподобиться ей самой и тѣмъ понравиться. Всегда такъ было, молодцы, съ самаго начала міра, когда Одинъ увлекъ Тиру въ древесную чащу, и съ того пошли бритты.

Тутъ воинъ-великанъ увидѣлъ, что глаза всѣхъ присутствующихъ обратились со смѣхомъ на что-то происходившее у него за спиной, и прежде нежели онъ успѣлъ повернуть голову, чья-то мягкая рука схватила его морщинистую шею подъ сѣдоватой бородой и принялась опрокидывать ее назадъ. Повинуясь этимъ мягкимъ движеніямъ, онъ запрокинулъ голову и увидѣлъ Барксельгольду, склонившуюся надъ нимъ и заглядывавшую ему въ глаза съ задорнымъ смѣхомъ. При этомъ Редвегъ раздвинулъ усы и внезапно изъ-подъ нихъ раскрылся ротъ, точно пещера, усаженная зубами ослѣпительной бѣлизны, какъ у собаки, и онъ захохоталъ громко и раскатисто, но безъ всякаго гнѣва. Барксельгольда принялась брать его за уши такъ, точно она собиралась совсѣмъ оторвать ихъ, но онъ смѣялся все громче и громче.

— Какъ странно, ребята,—промолвилъ онъ съ внезапнымъ философскимъ видомъ,—что бабамъ пріятно ласкать то, чему онѣ не могутъ нанести вреда. Моя голова и отъ вина, и отъ сабельныхъ ударовъ стала крѣпка, какъ дубъ, и, право, жалко, что такія нѣжныя ручки ушибаются объ нее. А нѣжныя ручки пристали женскому полу. Почему это—ужъ я не знаю. Кто выпилъ весь медъ, Айданъ? Давай его сюда!

Онъ выпилъ и вытеръ бороду загорѣлой рукой.

— Не будетъ больше такихъ дней, какъ встарь,—продолжалъ онъ, когда королева пошла и сѣла на свое мѣсто и опять заговорила съ Освенгомъ.—Не тѣ мужчины теперь; у нихъ нѣтъ мозга въ костяхъ. Я былъ какъ-то въ плѣну у римскихъ легіонеровъ въ Дивѣ, и чтожъ? вожди тамъ поютъ подъ звуки музы-

кальныхъ инструментовъ... не арфы, подъ которую мужчина можетъ и смѣяться, и бѣсноваться, и рыдать, какъ ему вздумается, но такіе, какіе дѣвушкѣ подъ-стать носить, и поютъ они женщинамъ, а женщины—имъ. И эти-то воины побили ленніевъ. Мнѣ тошно, когда я о томъ подумаю. Да, ребята, храбрость пропадаетъ на землѣ, а съ нею уходятъ и прежніе дни. Мы больше такихъ не увидимъ. Мы начали жизнь богами, и съ каждымъ поколѣніемъ люди становятся ничтожнѣе. Они кончатся тогда, когда Гертанъ пойдетъ за великана.

Въ эту минуту произошло движеніе въ толпѣ охотниковъ и егерей; Барксельгольда, въ одно время съ Фельторомъ, взглянула въ ту сторону, чтобы узнать причину, и оба увидѣли высокую, облеченную въ бѣлыя одежды, фигуру Венегога, подходившаго быстрымъ шагомъ, нимало не вредившимъ его величавой осанкѣ. Взглядомъ онъ искалъ короля и дочь, и, увидѣвъ ихъ, махнулъ имъ рукою. Затѣмъ перешелъ черезъ прогалину, и, войдя въ лѣсную сѣнь, сталъ ихъ тамъ дожидаться. Военачальники поднялись съ земли и, собравшись группами, глядѣли вслѣдъ друиду и ушедшимъ за нимъ слѣдомъ королю и королевѣ, такъ какъ такое внезапное появленіе Венегога обозначало нѣчто важное.

Друидъ повернулся и ждалъ, чтобы подошли Барксельгольда и Фельторъ.

— Какія вѣсти?—спросилъ король.

— Плохія вѣсти,—отвѣчалъ Венегогъ:—шутъ Гертанъ опять водилъ Ванкарда въ пещеру богохулителя Давида. А прошлою ночью оба, и шутъ, и дитя, были окроплены водою, и Давидъ произносилъ надъ ними свои заклинанія, и теперь они стали послѣдователями его ереси.

Барксельгольда и Фельторъ поглядѣли другъ на друга; во взглядѣ Фельтора на жену выразилась угроза и недовольство, а она глядѣла на него съ нѣкотораго рода торжествомъ.

— Кто принесъ это извѣстіе?—спросилъ Фельторъ мрачно.

— Я принесъ его,—отвѣтилъ Венегогъ,—довольно съ тебя.

Онъ повернулся къ дочери.

— У тебя нѣтъ дѣтей,—проговорилъ онъ гораздо мягче.

Затѣмъ опять обратился къ Фельтору и съ внезапною холодною яростью и рѣшимостью произнесъ:

— Это отродіе твое можетъ, чего добраго, стать правителемъ страны, и наша трехлѣтняя служба на пользу боговъ можетъ пойти прахомъ. Но будетъ же конецъ этому безумію и этимъ богохулителямъ. Тридцать-три изъ нихъ присутствовали прошлою ночью

на ихъ нечестивыхъ обрядахъ, и тридцать-одинъ уже находятся въ моихъ рукахъ.

— Я не позволю волосу упасть съ головы ребенка,—сказалъ Фельторъ грозно.—Онъ уже и безъ того искалѣченъ.

— Мы пока не говоримъ о ребенкѣ,—отвѣчалъ Венегогъ.—Гертанъ увелъ его далеко и самъ спасся бѣгствомъ.

— Ванкардъ слишкомъ еще юнъ, чтобы боги на него прогнѣвались,—сказалъ Фельторъ.—Развѣ онъ понимаетъ, что̀ надъ нимъ сотворили.

— Мнѣ кажется, Фельторъ самъ подпалъ этой язвѣ,—замѣтила Барксельгольда, улыбаясь.

Король поблѣднѣлъ какъ смерть, повернулся къ ней и пытливо поглядѣлъ на нее.

— Я уже надоѣлъ тебѣ?—спросилъ онъ.—Ты бы хотѣла и меня отправить на тотъ свѣтъ и взять себѣ въ мужья вонъ того —изъ Дивы?

Барксельгольда глядѣла на него загадочнымъ взглядомъ, поднявъ брови, и медленно покачала головой два или три раза, не то съ удивленіемъ отъ этой вспышки ревности, не то въ подтвержденіе сказаннаго.

— Кто знаетъ,—пробормоталъ Фельторъ:—можетъ быть первый рогъ, который я осушу, будетъ и послѣднимъ?

Барксельгольда вдругъ разсмѣялась съ досадною веселостью, и, взявъ насильно его руку, сжатую въ кулакъ, обвила ею свою шею и стала ласкаться къ нему, заглядывая въ его мрачные глаза.

— Ты бываешь по временамъ очень глупъ, Фельторъ.

Нѣжная ласка ея смягчила его, какъ и всегда, и онъ со страстью взглянулъ на нее. Венегогъ сморщилъ носъ съ презрѣніемъ и заговорилъ:

— Гертанъ недавно прошелъ неподалеку отсюда съ ребенкомъ. Онъ пробрался въ одну изъ подземныхъ еретическихъ норъ. Вели найти ихъ и вели положить конецъ этому безумію.

— Дѣлайте какъ хотите, — отвѣчалъ Фельторъ и хриплымъ голосомъ кликнулъ Редвега, который всталъ на его зовъ и съ воинскою поспѣшностью бросился къ нему.

— Гертанъ тутъ, — сказалъ Фельторъ: — онъ унесъ моего ребенка, и полагаютъ, что онъ скрылся съ нимъ въ одно изъ тайныхъ убѣжищъ христіанъ. Возьми съ собой отрядъ людей. Разыщи его и Давида, и приведи ко мнѣ связанными. Но смотри, не позволяй причинить вредъ ребенку!

Редвегъ молча вынулъ свою длинную саблю и махнулъ ею

одному изъ близь-стоявшихъ охотниковъ. Тотъ поднесъ рогъ къ губамъ и протрубилъ сборъ. Немедленно всѣ воины встали и собрались вокругъ Редвега, а онъ выбралъ изъ нихъ нѣсколькихъ и отдалъ имъ какія-то приказанія. Вслѣдъ затѣмъ всѣ воины разошлись по лѣсу въ различныхъ направленіяхъ: на сѣверъ, югъ и востокъ.

Барксельгольда выскользнула изъ объятій Фельтора и, ни слова не говоря, направилась къ Освенгу, стоявшему возлѣ убитаго быка. Король пошелъ-было за ней, но, увидѣвъ, что она остановилась около Освенга, тоже остановился, и, увидя рогъ, брошенный имъ передъ тѣмъ на землю, съ бѣшенствомъ растопталъ его ногами. Послѣ того, опомнившись, отдалъ приказъ собираться въ обратный путь. Послышался звукъ роговъ и людскихъ голосовъ, и черезъ нѣсколько минутъ на широкой, озаренной солнцемъ прогалинѣ воцарились привычныя уединеніе и безмолвіе.

V.

На сѣверномъ берегу Уэльса находится огромный мысъ, господствующій надъ Ирландскимъ моремъ. Когда Тира и Одинъ обозрѣвали вселенную, они избрали этотъ мысъ своимъ жилищемъ, и суевѣрная фантазія керлановъ признала это мѣсто священнымъ. На плоской и обнаженной вершинѣ холма положены были бренные останки Вреды и лежали цѣлыхъ три года, неприкрытые отъ непогоды. Ея же народъ облекъ ея мертвое тѣло въ финикійскій шолкъ, повѣсилъ драгоцѣнныя ожерелья на шею и украсилъ золотымъ обручемъ лобъ. Онъ выстроилъ пирамиду изъ неотесанныхъ камней на берегу крутого обрыва и послѣ торжественнаго обряда похоронъ предоставилъ покойницу безмолвію и разложенію.

Дважды въ день, утромъ и вечеромъ, друидъ взбирался на вершину холма и оживлялъ огонь, тлѣвшій около пирамиды. Въ безвѣтренные дни дымъ отъ огня вздымался высоко въ воздухѣ, а въ бурные—метался вправо и влѣво, и это всегда служило горестнымъ предзнаменованіемъ для народа.

Время отъ времени уединеніе этого кладбища нарушалось появленіемъ людей, посылаемыхъ рубить дрова для поддержанія погребальнаго огня. Между шотландскими пиратами, ладьи которыхъ покрывали море въ той мѣстности, ходили слухи о томъ, что королева лежитъ посреди удивительныхъ сокровищъ, и они бросали алчные взгляды на столбъ дыма, обозначавшій сосѣдство

этихъ сокровищъ. Они были очень смѣлые вообще люди, но самый смѣлый изъ нихъ не рѣшился бы коснуться клада, охраняемаго богами.

По смерти Вреды Давидъ пережилъ странныя событія. Жизнь его всегда была необыкновенна, и еслибы его исторію разсказать теперь, то она показалась бы такою же невѣроятной, какъ волшебная сказка. Но во всю свою жизнь, исполненную духовныхъ подвиговъ, ему еще не приходилось испытывать такого непреодолимаго стремленія, какое внезапно овладѣло имъ. Это стремленіе влекло его къ дѣйствію, не имѣвшему, повидимому, никакой цѣли, но онъ повиновался безропотно, ожидая терпѣливо момента, когда значеніе его дѣятельности станетъ для него ясно.

Три мѣсяца спустя послѣ смерти Вреды въ немъ заговорило впервые это пробужденіе силы. Онъ проснулся глубокою ночью и, самъ не зная кàкъ и почему, пошелъ на то мѣсто, гдѣ была похоронена королева. Съ трудомъ взошелъ онъ на холмъ, безпрестанно спотыкаясь въ потемкахъ, и, достигнувъ подошвы пирамиды, взялъ головешку изъ тлѣвшаго очага, помахалъ ею въ воздухѣ, пока она не разгорѣлась яркимъ пламенемъ, и затѣмъ держа факелъ правой рукой, полѣзъ вверхъ по неровнымъ камнямъ. Пирамида была углублена на верху, и въ этомъ углубленіи лежали бренные останки Вреды. Финикійская шолковая ткань была изорвана въ клочки клювомъ хищныхъ птицъ, а драгоцѣнности сверкали посреди лохмотьевъ при свѣтѣ факела. Королевскій обручъ, золотые браслеты, ручные и ножные, почернѣли и выдѣлялись темнымъ пятномъ среди побѣлѣвшихъ костей.

Давидъ, увидя это, громко зарыдалъ, но вскорѣ странное спокойствіе овладѣло имъ, и онъ вернулся въ свою пещеру съ удивительнымъ миромъ въ душѣ.

Но стремленіе къ пирамидѣ часто посѣщало его, и онъ тѣмъ охотнѣе повиновался ему, что посѣщеніе пирамиды всегда сопровождалось удивительнымъ спокойствіемъ, воцарявшимся въ его душѣ. А онъ особенно нуждался въ этомъ, потому что число приверженцевъ его съ каждымъ днемъ все уменьшалось, и тѣ немногіе, которые еще оставались, подвергались опасности неминуемой смерти. Многіе уже и умерли жестокою смертью, а многіе другіе отпали, страха ради, отъ новой вѣры. Наконецъ у него осталось не болѣе тридцати главныхъ послѣдователей, тогда какъ при жизни Вреды онъ насчитывалъ ихъ сотнями. Эти послѣдователи прятались по пещерамъ, а ихъ пастырь велъ жизнь дикаго звѣря, святого и героя. Онъ питался кореньями и лѣсными ягодами и пилъ гнилую воду изъ болотъ. Каждую ночь мѣнялъ

свое убѣжище, не изъ страха, но въ надеждѣ, что самъ Господь направитъ враговъ къ нему и такимъ образомъ сниметъ съ его усталыхъ плечъ бремя обязанности, которая становилась ему не подъ силу.

Вѣсти о дѣяніяхъ Фельтора и Барксельгольды, устроивавшихъ языческія оргіи въ домѣ Вреды, часто доходили до него, а также и о дѣяніяхъ Венегога, безпрестанно приносившаго человѣческія жертвы своимъ богамъ.

Такимъ образомъ, три года прошли въ тревогѣ и утомленіи, и надежда на обращеніе страны въ христіанство почти умерла въ немъ.

Онъ сидѣлъ въ одиночествѣ у входа въ пещеру, на скатѣ одного холма. Солнце сѣло съ полчаса тому назадъ, но въ воздухѣ не ощущалось свѣжести, и онъ все еще былъ неподвиженъ и душенъ. На западѣ виднѣлись отблески грозы, а кругомъ все небо было свинцоваго цвѣта. Не слышно было ни одной птицы, ни одного звѣрька; все притаилось по кустамъ. Безмолвіе удручало его сердце, какъ свинецъ.

Давидъ усталъ тѣломъ и духомъ и, поджидая надвигавшуюся бурю, заснулъ такъ крѣпко, какъ давно уже не спалъ. Голова тяжело склонилась на грудь, руки безсильно повисли вдоль боковъ, и онъ сидѣлъ точно статуя, изображающая отдыхъ отъ сильнаго утомленія.

Первые раскаты грома пронеслись мимо, и первое дыханіе бури стало раскачивать деревья, которыя содрагались и стонали. Быстрыя молніи прорѣзывали темную завѣсу тучъ, но святой ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Вдругъ, прежде нежели пала одна капля дождя, въ лѣсу поднялся трескъ, точно кто-то сильный продирался сквозь его чащу. Трескъ слышался все сильнѣе и сильнѣе, и въ тотъ моментъ, какъ тучи разверзлись съ шумомъ, дождь полилъ какъ изъ ведра и посыпался цѣлый потокъ пламени, а громъ загрохоталъ оглушительно, къ пещерѣ подбѣжалъ Гертанъ, неся на плечѣ ребенка. Внезапный порывъ бури такъ оглушилъ и ослѣпилъ его, что въ первую минуту онъ не замѣтилъ дремлющаго святого, но опрометью бросился въ пещеру, спустилъ ребенка на землю и принялся отряхать дождь съ волосъ и одежды. Затѣмъ, съ трудомъ переведя духъ, оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ Давида, неподвижно сидѣвшаго на дождѣ и вѣтрѣ.

— Ужъ не умеръ ли онъ?—громко закричалъ Гертанъ.

Онъ схватилъ старика за руку и почувствовалъ, что она теплая, но дождь лилъ потоками и мочилъ лицо, бороду и голыя

ноги святого, а его грубая шерстяная ряса насквозь пропиталась водою, какъ губка.

Горбунъ охватилъ одной рукою колѣни святого, а другою взялъ его за поясъ и, приподнявъ, осторожно внесъ въ пещеру. Перемѣна положенія, какъ ни была она мягко совершена, вызвала острую боль въ костяхъ старика, и онъ проснулся и сталъ вырываться изъ рукъ несшаго его.

— Не бойтесь!—закричалъ Гертанъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ Давидъ, когда горбунъ помогъ ему стать на ноги.

Онъ узналъ его голосъ; но въ пещерѣ было такъ темно, что они не могли видѣть другъ друга. Раскатъ грома заглушилъ отвѣтъ Гертана, и онъ на минуту умолкъ. Вѣтеръ врывался въ пещеру и приносилъ съ собой брызги дождя.

— Всѣ схвачены!—закричалъ Гертанъ, когда громъ затихъ. —Только королевское дитя да я ушли изъ ихъ рукъ; погоня слѣдуетъ за нами по пятамъ.

Давидъ не отвѣчалъ.

Дитя заплакало въ потемкахъ, и Гертанъ, сидя на каменистомъ полу, взялъ его на руки. Минутами молніи озаряли присутствующихъ въ пещерѣ, и они могли видѣть другъ друга. Святой стоялъ у входа въ пещеру и разсѣянно глядѣлъ во мракъ ночи. Время отъ времени молнія озаряла его высокую, худую фигуру. Но вдругъ его не стало видно. Горбунъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ за секунду передъ тѣмъ, и окликнулъ его. Отвѣта не было.

Прежде нежели Гертанъ убѣдился, что Давидъ оставилъ пещеру, старикъ уже поднимался вверхъ на крутой холмъ. Таинственное и непреодолимое желаніе, такъ часто овладѣвавшее имъ, снова проснулось—и съ небывалою силой. Внутренній необъяснимый голосъ гналъ его къ усыпальницѣ королевы, и его истомленное тѣло, несмотря на усталость, которую онъ чувствовалъ какой-нибудь часъ тому назадъ, исполнено было энергіи сверхъестественной. Насквозь промокшая ряса хлестала его по ногамъ и затрудняла движенія; молнія и громъ ослѣпляли и оглушали его, вѣтеръ трепалъ и билъ дождь. Но непреодолимое стремленіе поддерживало его, и онъ съ безумной отвагой шелъ впередъ, спотыкаясь, падая, порою попадая въ ямы съ водой, порою цѣпляясь за терновые кусты, порою обходя кругомъ утесовъ, слишкомъ крутыхъ, чтобы прямо лѣзть на нихъ.

Наконецъ, избитый и истрепанный, но не ощущая боли, достигъ онъ вершины, и въ этотъ самый моментъ яркія молніи

прорѣзали темноту, такъ непрерывно чередуясь другъ съ другомъ, что можно было бы успѣть сосчитать три. Всѣ расщелины въ сѣрой пирамидѣ, всѣ линіи неровныхъ камней, всякій кустикъ травы и мха и папоротника, наложенные рукой заботливой природы съ тѣхъ поръ какъ королева была снесена сюда, ясно и отчетливо виднѣлись ему. И вдругъ точно сама молнія прокричала ему живымъ голосомъ:—Внемли!

Онъ направился къ подошвѣ пирамиды. Погребальный огонь не потухъ, но чуть тлѣлъ, полузалитый дождемъ. Онъ ухватился за сукъ, лежавшій подлѣ, и сталъ имъ мѣшать огонь до тѣхъ поръ, пока онъ не разгорѣлся яркимъ пламенемъ, несмотря на дождь, и затѣмъ, взявъ въ руки большую головню, сталъ подниматься на верхъ; дойдя до площадки съ углубленіемъ, гдѣ лежали бренные останки Вреды, онъ увидѣлъ почернѣвшія золотыя украшенія и иныя драгоцѣнности. Но костей не было больше видно.

Въ великомъ смущеніи сталъ онъ на колѣни и поднялся только тогда, когда молитвой подкрѣпилъ душу. Тогда онъ сталъ спускаться съ пирамиды и вдругъ почувствовалъ себя какъ бы въ присутствіи чего-то невидимаго и невѣдомаго. Вся душа его затрепетала, но онъ не могъ сказать—злое или доброе передъ нимъ: громкимъ и дрожащимъ голосомъ вопросилъ онъ, что̀ это значитъ.

И голосъ отвѣтилъ ему изъ мрака:

— Я — Вреда!

VI.

На восточной сторонѣ лѣсовъ Серфледа находилось большое открытое пространство земли, поросшей травою. Здѣсь тридцать-девять громадныхъ камней образовали кругъ. Они размѣщены были во ста ярдахъ другъ отъ друга, и такимъ образомъ, принимая въ разсчетъ величину самихъ камней, кругъ былъ немногимъ меньше двухъ третей мили въ діаметрѣ. Камни были неотесаны, неровной формы и величины, и сѣраго, съ пурпурнымъ оттѣнкомъ, цвѣта. На разстояніи около четырехъ-сотъ футъ шелъ другой внутренній кругъ всего изъ тринадцати камней, и этотъ внутренній кругъ имѣлъ около четырехъ ярдовъ въ ширину. Внутри его шелъ третій, еще меньшій кругъ изъ тридцати-девяти камней, между которыми разстоянія было только настолько, чтобы могъ пройти одинъ человѣкъ. Внутри этого послѣдняго

круга земля была обнажена и носила слѣды огня, такъ какъ, по символикѣ круговъ, кругъ боговъ замыкалъ кругъ жизни, а кругъ жизни замыкалъ кругъ смерти; внутри же послѣдняго приносились въ жертву люди посредствомъ сожженія.

Люди были заняты приготовленіями къ великому празднеству Бела, повторявшемуся каждые три мѣсяца. Эти люди принадлежали къ низшему разряду касты жрецовъ и были одѣты въ грубыя одежды изъ бараньихъ шкуръ, имѣвшихъ форму простыхъ мѣшковъ, связанныхъ ремнями на плечахъ и спускавшихся до колѣнъ. Вокругъ таліи у каждаго былъ надѣтъ широкій мѣдный ножъ, и сзади на этомъ ножѣ прикрѣплено было кольцо, куда просовывались ремни, на которыхъ они волочили за собой тяжести. Три человѣка находились внутри огненнаго круга и рыли остроконечными заступами землю. Друидъ въ бѣломъ одѣяніи съ вѣнкомъ изъ зеленыхъ дубовыхъ листьевъ на головѣ, держа въ рукѣ жезлъ изъ ясеневаго дерева, стоялъ и надзиралъ за работами. Люди рыли круглую траншею, и она уже достигала одного фута глубины.

Пока одни были заняты этимъ дѣломъ, другіе подсѣкали на опушкѣ лѣса молодыя ясеневыя деревца и, поваливъ ихъ на землю, рубили на дрова, а третьи таскали ихъ на спинѣ въ центральный кругъ. Твердый, крѣпко убитый грунтъ былъ заваленъ сухимъ хворостомъ, а на этотъ послѣдній укладывали въ перемежку и свѣжія дрова, и зеленыя вѣтви, пока костеръ, окруженный вырытой траншеей, заваленной срубленными деревьями, не былъ готовъ.

Этимъ заключился первый трудовой день, но на слѣдующій рабочіе и надзиратель снова явились на это мѣсто. Тонкіе стволы деревьевъ были переплетены въ формѣ корзинки и образовали плотную, круглую стѣну. Затѣмъ пришелъ отрядъ людей медленнымъ, ровнымъ шагомъ, неся на плечахъ громадную плетенку, ярдовъ четырехъ ширины въ основаніи и такой же вышины, слегка съуживавшуюся къ вершинѣ. Дно этой колоссальной плетенки было выложено сучьями и вѣтками, а верхъ открытый.

Эту колоссальную корзину поставили на краю круга, образуемаго древесными стволами, и прикрѣпили посредствомъ безчисленныхъ узловъ изъ зеленаго тростника. На этомъ покончилась работа второго дня.

На третій день принесена была другая колоссальная корзина, на этотъ разъ въ формѣ шара, но открытая сверху и снизу, и прежде чѣмъ ее присоединили къ прежнему сооруженію, сбоку прикрѣпили съ каждой стороны длинныя, переплетенныя другъ

съ другомъ вѣтви. Наконецъ, третья корзина, не такая громадная, какъ первыя двѣ, но тоже открытая сверху и снизу, завершила сооруженіе, представлявшее грубое подобіе человѣческой фигуры. Громадная, безформенная голова, посаженная прямо на безформенный бюстъ, безъ шеи, толстыя, гигантскія руки и безобразное туловище — кумиръ достойный вѣры, которой служилъ символомъ, вѣры жестокой и безчеловѣчной.

Порою сцены тихой, домашней жизни разыгрывались на этомъ зловѣщемъ мѣстѣ. Женщины приносили жареное или вареное мясо, ломти чернаго хлѣба и кувшины съ водой, и съ ними приходили ихъ дѣти, державшіяся за ихъ короткія туники и робко глядѣвшія на друида въ бѣломъ одѣяніи и на его подручныхъ. Въ числѣ другихъ пришла пятнадцатилѣтняя дѣвушка, застѣнчивая и любопытная, съ глазами, выражавшими ужасъ и любознательность. Работа была почти окончена, и рабочіе отдыхали, собираясь ужинать. Но сперва жрецъ, благословивъ кувшинъ съ водой, изъ небольшого мѣднаго ковшика, плававшаго на поверхности воды, поочередно полилъ руки рабочимъ, въ то время какъ они пропѣли какой-то медленный гимнъ, и такимъ образомъ когда отъ нихъ удалено было прикосновеніе къ священнымъ предметамъ Бела, они принялись за ужинъ. Дѣвушка заговорила съ однимъ изъ нихъ который, хотя и былъ жрецомъ низшей степени, однако командовалъ цѣлымъ отрядомъ людей.

— Развѣ зеленыя вѣтви будутъ горѣть, Мендаръ?

— Будутъ ли горѣть? Эге! да и какъ еще, и зеленыя, и сухія, всѣ вмѣстѣ. Онѣ всѣ успѣютъ высохнуть, прежде нежели Белъ поглотитъ ихъ.

— Должно быть очень больно горѣть, — сказала дѣвушка, помолчавъ съ минуту. — Я наступила на головешку прошлой весною. Это больнѣе, чѣмъ порѣзаться ножемъ.

Человѣкъ сѣлъ на траву съ ножемъ въ одной рукѣ и съ большимъ кускомъ сушонаго мяса въ другой, и поглядѣлъ на дѣвушку изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Больно ли? Конечно, больно. Но что за дѣло? Вѣдь это мернагали. Они ни на что другое не пригодны.

— Откуда они берутся? — спросила дѣвушка.

— Откуда? Я почемъ знаю. Ихъ привозятъ изъ Торнабанта. Они ѣдятъ ящерицъ, и коренья, и многое подобное. Говорятъ, Белъ любитъ ихъ запахъ. Можетъ быть.

— Громко они кричатъ?

— Громко ли кричатъ? А вотъ сама услышишь, когда на-

ступитъ праздникъ Бела, если только ты къ тому времени достигнешь совершеннолѣтія.

— Да я уже почти его достигла въ прошлый праздникъ.

И оглядѣвъ фигуру изъ плетенокъ, она прибавила:

— Да какъ же они туда пройдутъ?

— Кто же, выстроивъ домъ, забудетъ про дверь? Видишь вонъ ту веревку? Ну, вотъ возьми мернагаля, свяжи по рукамъ и по ногамъ, привяжи къ веревкѣ и вздерни наверхъ... Видишь дыру въ головѣ? Трахъ! Вотъ онъ туда и упадетъ. Слышно, какъ заскрипитъ плетенка. И чѣмъ глубже онъ падаетъ, тѣмъ ему становится тѣснѣе. И на днѣ они всѣ вертятся, точно червяки въ мѣшкѣ, когда идешь удить рыбу, пока наконецъ дымъ ихъ не задушитъ. Веселое зрѣлище и сердцу пріятное. Я уже двадцать такихъ зрѣлищъ видѣлъ, считая и наступающій праздникъ Бела.

— Развѣ всегда жгутъ однихъ только мернагалей?

— Въ наши времена, когда войны такъ рѣдки, некого больше и жечь. Въ славные былые дни я видалъ сотню ленніевъ и торнабантовъ, бравыхъ молодцовъ, которые и не пикнутъ бывало—наклади ихъ хоть съ гору—пока огонь не станетъ ихъ лизать. Ну, тогда и они запоютъ, конечно. Но все же они твердые ребята; къ несчастію мы теперь съ ними въ мирѣ! А эта дрянь, мернагали, совсѣмъ въ счетъ не идетъ.

Жрецъ въ бѣломъ одѣяніи и зеленомъ вѣнкѣ близко подошелъ и прислушался. Его серьезное лицо раздвинулось въ улыбку, и онъ съ довольнымъ видомъ погладилъ бороду.

— У насъ будетъ на этотъ разъ кое-кто получше мернагалей, Мендаръ, — сказалъ онъ, удостоивая разговоромъ своего подчиненнаго собрата.

Послѣдній всталъ, когда старшій назвалъ его по имени, и почтительно слушалъ его стоя.

— Пріятная новость, учитель,—сказалъ онъ.—До сихъ поръ я еще ничего объ этомъ не слыхалъ.

— Я слышалъ отъ нашего великаго отца во имя Одина, отъ самого Венегога. Тридцать-одинъ приверженецъ новой вѣры обречены на сожженіе.

— Пріятно слышать,—отвѣтилъ другой, и когда друидъ отошелъ, снова сѣлъ и съ довольнымъ видомъ продолжалъ свою трапезу.

— Сорокъ-пять мернагалей да тридцать-одинъ христіанинъ,—обратился онъ со смѣхомъ къ дѣвушкѣ,—это составитъ...—онъ

принялся считать по пальцамъ...—семдесять и шесть. Тебѣ будетъ что̀ припомнить, когда ты будешь такъ же стара, какъ я.

Въ этотъ моментъ послышалось отдаленное пѣніе, и процессія, возвращавшаяся съ королевской охоты, показалась вдали, направляясь извивами къ лѣсу въ равнину. Звуки пѣнія то замирали, то снова оживали.

Охотники хлопали руками въ то время какъ пѣли, и время отъ времени пускались въ плясъ, который увлекалъ и сосѣдей, пока всѣ не принимались вертѣться и скакать, съ гиканьемъ, криками, съ горящими глазами, разметавшимися волосами и звенящимъ оружіемъ, и лицами, на которыхъ внезапно зажигалась жажда боя. Во главѣ процессіи ѣхали Фельторъ и Барксельгольда; послѣдняя сидѣла по-мужски на неосѣдланной лошади, и время отъ времени наклонялась къ Освенгу, шедшему съ нею рядомъ, и перекидывалась съ нимъ словами. Шумъ, который производили ихъ воинственные спутники, не позволялъ разговариватъ какъ слѣдуетъ, но зато подъ шумокъ можно было промолвиться словомъ, другимъ, не боясь быть услышаннымъ Фельторомъ.

Около короля шелъ молчаливый и невозмутимый Венегогъ. Вдругъ онъ слегка дотронулся до колѣна Фельтора и указалъ пальцемъ на большого плетенаго идола.

— Погляди, – спокойно сказалъ онъ: — уже готово.

Фельторъ ничего не отвѣчалъ; люди, шедшіе впереди процессіи, замѣтивъ жестъ друида, взглянули въ томъ направленіи, въ какомъ онъ указывалъ, и увидѣли грознаго идола; отвернувшись, они дали знакъ и другимъ. Воинственная пѣсня вдругъ замолкла; одинъ строй за другимъ становился безмолвенъ. Одна кучка пѣвцовъ, раскраснѣвшаяся и обезумѣвшая отъ пѣнія и пляски, вертѣлась и орала, когда всѣ остальные уже замолкли, но ихъ товарищи взяли за плечи и принудили замолчать. Отрядъ, продолжая идти, мрачно опустилъ голову. Освенгъ забылъ охорашиваться, а Барксельгольда тихо отъѣхала отъ своего поклонника.

Такъ двигались они, пока не удалились за милю отъ идола, и тогда пѣсни и пляски возобновились.

Солнце уже садилось, когда они прибыли во дворецъ. Въ большихъ, непокрытыхъ сѣняхъ горѣло четыре громадныхъ костра, разложенныхъ на земляномъ полу. На каждомъ изъ этихъ костровъ жарились на вертелахъ цѣлыя животныя: быки, кабаны или олени. Въ деревянныхъ кувшинахъ и кружкахъ, высѣченныхъ изъ плотнаго камня, налиты были медъ и пиво, а на каменномъ столѣ посреди комнаты навалены горой ломти чернаго хлѣба. Стѣны въ сѣняхъ были увѣшаны гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ

и дубовыхъ вѣтвей, и при появленіи Фельтора и Барксельгольды хоръ музыкантовъ, съ арфами, рогами и треугольниками, наполнилъ воздухъ своей какофоніей. Входящіе охотники подхватили тэму, и стѣны задрожали отъ оглушительной и варварской музыки.

Король и королева съ своей ближайшей свитой прошли во внутренній покой, и тамъ уже былъ накрытъ столъ, вокругъ котораго стояли большія деревянныя скамьи, отполированныя временемъ и столѣтнимъ употребленіемъ. Лососина изъ водъ Ди, дичина и бычачье мясо изъ лѣсовъ Серфледа, вареные бобы, сотовый медъ, кислое молоко—составляли главныя яства на этомъ пиру, а галльское вино и итальянское масло, купленное за дорогую цѣну у римскихъ легіонеровъ въ Дивѣ, были такой роскошью, какая попадалась только за королевскимъ столомъ.

Въ сѣняхъ охотники принялись работать ножами и топорами надъ приготовленнымъ для нихъ угощеніемъ, и ревностно рубили себѣ куски бычачьяго мяса, кабаньяго мяса и дичины, пока каждый не получилъ своей доли и не принялся пожирать ее, стоя, наклонясь надъ массивными каменными столами или прислонясь къ стѣнѣ. Женщины обносили рога съ медомъ и чернымъ пивомъ, и пирующіе жадно пили со смѣхомъ и громкими одобрительными возгласами.

Во время самаго разгара пиршества небо омрачилось и послышались первые раскаты приближающейся бури. Пирующіе не обращали на это вниманія, даже и тогда, когда дождь сталъ накрапывать въ непокрытыхъ сѣняхъ. Горящіе факелы были воткнуты мѣстами въ щели стѣнъ и освѣщали красноватымъ пламенемъ пространство по сосѣдству отъ нихъ, но зато въ остальныхъ промежуткахъ казалось еще темнѣе, вслѣдствіе контраста. Барды пѣли и играли, а пирующіе хоромъ подтягивали имъ или самостоятельно орали пѣсни; крики притворнаго страха испускались женщинами, когда какой-нибудь сѣдой, старый воинъ сажалъ одну изъ нихъ къ себѣ на колѣни и прикасался щетинистой бородой къ ея щекѣ; хохотъ, ругань, пѣсни, все сливалось въ одинъ оглушительный гамъ. Вдругъ громъ покрылъ все, и молнія ослѣпительно засверкала. Вслѣдъ затѣмъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и женщины съ крикомъ и смѣхомъ убѣжали къ себѣ, а мужчины прижались къ стѣнкамъ и продолжали веселиться какъ могли, въ то время какъ буря разыгрывалась не на шутку. Дождь, погоняемый вѣтромъ, лилъ потоками; при свѣтѣ молніи можно было видѣть, какія громадныя лужи образовались на полу сѣней. Факелы, костры—потемнѣли и потухли. Мужчины убѣгали изъ-подъ своей плохой покрышки и возвращались съ полными рогами меда

и пива. Товарищи ихъ, частью ради шутки, частью изъ жадности, старались вырвать у нихъ напитокъ изъ рукъ. Одинъ сѣдовласый бардъ, возбужденный бурей и опьяненіемъ, выбѣжалъ на средину сѣней и тамъ принялся плясать, импровизируя оду къ грому, которой никто не слушалъ.

Въ защищенномъ отъ бури и непогоды покоѣ короля и королевы пиръ шелъ безъ перерыва. Фельторъ и Барксельгольда сидѣли во главѣ стола, рядомъ, въ креслахъ изъ массивнаго дуба, обитыхъ дорогими звѣриными шкурами. Фельторъ былъ мраченъ и молчаливъ, а Барксельгольда веселѣе чѣмъ когда-либо и, повидимому, наслаждалась гнѣвомъ своего господина и повелителя. Освенгъ сидѣлъ возлѣ Барксельгольды, но взгляды короля до такой степени запугали его, что онъ совсѣмъ перестаѣлъ кривляться и жеманиться, и едва рѣшался отвѣчать королевѣ, когда та съ нимъ заговаривала. Видя это, Барксельгольда дразнила его своимъ вниманіемъ; подавала ему своими пальцами кушанье, пила изъ его чаши, дотрогивалась до его руки, заговаривая съ нимъ, и все время, пока говорила, не выпускала его руки изъ своей. Не разъ Фельторъ хватался за ножъ, но невозмутимый Венегогъ, сидѣвшій около него, клалъ фамиліарно ему руку на колѣно и заговаривалъ съ нимъ. Каждый разъ король выпускалъ изъ рукъ рукоятку ножа и, не обращая вниманія на то, что̀ ему говорилъ архи-друидъ, поворачивался къ молодому воину, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы наливать его кубокъ, когда тотъ опорожнялся. Фельторъ хваталъ кубокъ и осушалъ его, а затѣмъ, облокотившись на голый локоть и подперевъ рукою бородатый подбородокъ, упорно смотрѣлъ на Освенга. Но опьяненіе брало свое, и взглядъ его становился все безцѣльнѣе и безсмысленнѣе. Онъ опрокинулся, наконецъ, на спинку креселъ и лежалъ съ повисшими руками и закрытыми глазами. Къ Освенгу вернулась храбрость, но Барксельгольда съ внезапнымъ и ледянымъ презрѣніемъ обратила смѣющееся лицо къ отцу. Кислая усмѣшка искривила губы друида, и онъ неслышно засмѣялся.

Бурные порывы проникали даже и сюда, и при первыхъ же раскатахъ грома и блескѣ молніи Барксельгольда, прикидываясь испуганной, стала льнуть къ Освенгу, къ которому вернулась храбрость, и онъ сталъ снова за нею ухаживать. Венегогъ, положивъ обѣ руки на столъ, глядѣлъ не то презрительно, не то снисходительно. Пиръ и буря разыгрывались, каждое съ своей стороны. Приличія также мало соблюдались въ огражденномъ отъ бури королевскомъ покоѣ, какъ и въ непокрытыхъ сѣняхъ. Одинъ изъ пирующихъ растянулся во весь ростъ на лавкѣ, а придвор-

ная дама, наклонясь надъ нимъ, играла его бородой, въ то время какъ онъ сонно улыбался ей въ отвѣтъ. Возлѣ него дѣвушка, почти дѣвочка, опьянѣвъ отъ вина, сидѣла на плечѣ у одного изъ предводителей и, махая пустою чашей, распѣвала какую-то пѣсню, въ то время какъ предводитель, осушая кубокъ за кубкомъ, степенно слушалъ исторію про медвѣдя, разсказываемую сосѣдомъ-охотникомъ. Освенгъ растянулся на полу у ногъ Барксельгольды и глядѣлъ ей въ лицо. Она раза два или три толкнула его ногой, и онъ осмѣлился поймать ее.

Громъ точно раздиралъ небо пополамъ, но не могъ угомонить пирующихъ.

Наконецъ, и буря, и пиръ, стали затихать. Блѣдные лучи луны показались на дворѣ, а во дворцѣ пирующіе уже почти всѣ уснули, когда Редвегъ вошелъ въ сѣни и прошелъ къ верхнему концу стола. Онъ несъ на рукахъ ребенка Ванкарда, а тотъ крѣпко спалъ въ своей мощной колыбели, хотя волосы и одежда его были пропитаны дождемъ. Вслѣдъ за предводителемъ ввалилась его команда, подталкивая впереди себя шута Гертана, и всѣ въ нерѣшительности остановились у занавѣса, отдѣлявшаго королевскій покой отъ сѣней, не зная, входить или нѣтъ.

Венегогъ и Барксельгольда встали, но Редвегъ и не взглянулъ на нихъ. Приподнявъ свою легкую ношу лѣвой рукой, онъ протянулъ правую къ рогу, полному вина. Осушивъ его до послѣдней капли, онъ ворчливо проговорилъ:

— Ну, развѣ это мужское дѣло охотиться за ребятами и карлами? Посылать отрядъ воиновъ въ погоню за ребенкомъ и шутомъ!...

— Нашелъ архи-еретика?—спросилъ Венегогъ.

— И еще во время пира...—продолжалъ ворчать Редвегъ, не удостоивая жреца отвѣтомъ.

Онъ собралъ ногой груду шкуръ, валявшихся въ безпорядкѣ по полу, и положилъ на нихъ спящее дитя. Венегогъ подошелъ, какъ будто собираясь захватить ребенка въ свои руки.

— Нѣтъ,—сказалъ Редвегъ:—это королевское дитя. Не смѣй его трогать.

— Какъ смѣешь ты такъ со мною говорить, собака!—сказалъ Венегогъ.

— Какъ смѣю?—засмѣялся Редвегъ.—Никого я не боюсь и не боялся во вѣки. Сунься ко мнѣ, попробуй, и будь это злой духъ или друидъ—ему непоздоровится.

Венегогъ злобно поглядѣлъ на него, но старый воинъ, не отходя отъ ребенка, протянулъ руку, схватилъ остатки холодной

дичины и спокойно принялся ѣсть. Друидъ въ ярости отошелъ отъ него и подошелъ къ Гертану.

— Гдѣ твой господинъ? гдѣ проповѣдникъ лжи? гдѣ онъ?

Шутъ ничего не отвѣчалъ, и Венегогъ, яростно взглянувъ на него, схватилъ хрустальную кружку и изо всей мочи ударилъ его по головѣ. Гертанъ зашатался и поднесъ руку къ ранѣ.

— Гдѣ онъ?—кричалъ Венегогъ.

Гертанъ молчалъ. Буря улеглась. Немногіе изъ пирующихъ, еще не уснувшіе, безсмысленно глядѣли на эту сцену, а изъ сѣней доносилась воинская пѣсня, прерываемая икотой.

— Гдѣ онъ?—продолжалъ кричать Венегогъ, опять занося кружку.

Странное пѣніе, радостное и торжествующее, раздалось въ эту минуту за стѣнами дворца. Одинъ Гертанъ, изъ всѣхъ, кто его слушалъ теперь, уже раньше слышалъ это пѣніе; лицо его озарилось восторженной улыбкой, и рука, прикрывавшая рану, отдѣлилась, какъ бы приглашая присутствующихъ прислушаться.

Странное, торжествующее пѣніе приблизилось къ дворцу, затѣмъ, постепенно удаляясь, замерло вдали: „Я—воскресеніе и жизнь. Вѣрующій въ меня хотя и умретъ, но оживетъ: и кто оживетъ и увѣруетъ въ меня, тотъ никогда не умретъ“.

— Кто это?—спросилъ архи-друидъ.

Поднятая рука его опустилась.

— Это послѣдователи Учителя, за которымъ и я слѣдую,— отвѣчалъ Гертанъ.

— Ну, такъ туда тебѣ и дорога!—сказалъ Венегогъ.—Связать его и присоединить къ остальнымъ!

Онъ медленно кивнулъ на шута, и бѣлая борода его разметалась.

— Вотъ ты погрѣешься и порадуешься на праздникѣ Бела. Взять его!

VII.

Былъ канунъ праздника Бела. Между кольцомъ изъ тринадцати камней, изображавшимъ кругъ жизни, и кольцомъ изъ тридцати-девяти камней, представлявшимъ кругъ огненной жертвы, были сооружены большіе деревянные подмостки. Эти подмостки возвышались на шесть футъ отъ земли, и на обоихъ концахъ ихъ, а также и по срединѣ, обращенной лицевымъ фасадомъ къ громадному плетеному идолу, шли семь ступеней. Въ центрѣ ихъ лежалъ камень изъ зеленаго мрамора, загругленный наверху,

а боками обращенный на сѣверъ и на югъ. По обѣимъ сторонамъ камня, на разстояніи трехъ или четырехъ ярдовъ, стояло кресло, покрытое шкурами. На дернѣ между подмостками и внутреннимъ кольцомъ изъ камней выстроенъ былъ жертвенникъ, и на немъ уже горѣлъ жертвенный огонь.

Въ громадномъ дерновомъ кольцѣ, находившемся между первымъ и вторымъ кругами, собрались уже тысячи народа, и новыя тысячи стекались со всѣхъ сторонъ. Здѣсь стоялъ шумъ и гамъ, точно на ярмаркѣ. Продавцы меда и пива, жаренаго мяса, хлѣба и напитка, состоявшаго изъ смѣси жидкаго кислаго пива съ медомъ, очень цѣнившагося въ жаркую погоду, выкликали свои товары. Друиды продавали кусочки высушенной кожи съ кабалистическими знаками, служившими вмѣсто амулетовъ и предохранявшими отъ смерти и несчастія, маленькія деревянныя дощечки, способствовавшія успѣшной охотѣ, сушеные глаза волка, съ гарантіей, что уже не менѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ волкъ околѣлъ, такъ какъ только тогда они помогали человѣку въ любви; сюда же слѣдуетъ прибавить пробуравленные кусочки неполированной яшмы и горнаго хрусталя, предохранявшіе отъ ревматическихъ и иныхъ болей.

У входа сидѣлъ жирный, старый друидъ въ туникѣ изъ волчьей шкуры и въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ (сплетенномъ только сегодня утромъ, но уже поблекшемъ отъ солнечнаго зноя); передъ нимъ стояло три мѣдныхъ кувшина, и въ каждомъ воткнуты были вѣтки божьяго дерева. Кувшинъ по лѣвую руку содержалъ воду изъ священнаго источника Унпдера; во второмъ была вода изъ того же источника, но вдвойнѣ освященная спеціальнымъ благословеніемъ друида-хранителя источника, а въ кувшинѣ по правую руку вода была втройнѣ освящена не только тѣмъ, что взята изъ священнаго источника при благословеніи друида-хранителя, но еще служила для омовенія рукъ архидруида послѣ жертвоприношенія.

Къ нему подходили всякіе люди съ различными дарами и просили всякихъ милостей. То нѣжная мать подносила больного ребенка и за одну овчину покупала у жирнаго друида самое дешевое изъ его благословеній, благодаря которому дитя освобождалось отъ конвульсій на время прорѣзыванія зубовъ. То человѣкъ приводилъ къ нему овцу, чтобы друидъ даровалъ ей плодородіе, и платилъ за это грубымъ мѣднымъ слиткомъ. Порою дѣвушка, краснѣя, смѣясь и стараясь скрыть отъ зрителей то, что она принесла, держала обѣими руками цѣлую связку сушеныхъ волчьихъ глазъ, и для пущей увѣренности въ ихъ дѣйствитель-

ности платила серебряный слитокъ за то, чтобы ихъ окунули въ самую святую воду. Вотъ подходилъ человѣкъ, хромая отъ застарѣлой раны, нанесенной два года тому назадъ отравленной стрѣлой и все незаживавшей. За нимъ двое рабовъ несли клѣтку изъ тростника, въ которой бѣшено бился большой пингвинъ. Друидъ съ дѣловымъ видомъ окропилъ его водой и показалъ мѣсто, куда слѣдовало поставить птицу. Его помощники сторожили разнокалиберное стадо овецъ, козъ, дикихъ гусей, индюшекъ, лѣсныхъ голубей, а также груды звѣриныхъ шкуръ.

Тамъ и сямъ собирался внимательный кружокъ слушателей вокругъ барда, который пѣлъ подъ звуки арфы, и взрывы хохота и одобренія встрѣчали его саги, смотря потому, пересказывалъ ли онъ о геройскихъ дѣяніяхъ боговъ и воиновъ, или же какія-нибудь веселыя приключенія. Тамъ и сямъ также выскакивалъ плясунъ, вымазанный охрой и сажей, и выплясывалъ себѣ на мясо и пиво. Женщины держали на рукахъ дѣтей мужескаго пола,—которымъ съ младенчества разрѣшалось присутствовать на празднествахъ,—высоко поднимая ихъ надъ головами толпы, чтобы они могли видѣть дикія тѣлодвиженія раскрашеннаго шута.

Толпа разсуждала о готовящемся жертвоприношеніи, и тѣ, которые лично знавали христіанскихъ плѣнниковъ, разспрашивали и слушали съ любопытствомъ.

— Между ними находится Элькама, — говорила одна женщина внимательному кружку, собравшемуся вокругъ нея.—Ее сожгутъ сегодня, въ честь Бела. И я очень этому рада, потому что...

— Потому что мужчины на нее заглядывались, — перебилъ со смѣхомъ малый лѣтъ двадцати.

— Да, конечно. Ледфель гонялся за нею. Ну, вотъ завтра врядъ ли она ему понравится. Когда ея не станетъ, честныя женщины опять будутъ нравиться мужчинамъ.

Послышались рѣзкіе звуки рога сквозь гвалтъ и шумъ, производимые толпою, и раздались голоса, приглашавшіе къ тишинѣ и безмолвію. Плясуны прекратили пляску, барды прервали пѣсни на половинѣ, продавцы меда и пива умолкли, и жирный друидъ слилъ содержимое трехъ кувшиновъ въ одно и тѣмъ уничтожилъ ихъ цѣлебныя свойства; а затѣмъ, выливъ воду на землю, передалъ кувшины своимъ помощникамъ, а самъ ушелъ. Безусловная тишина воцарилась тамъ, гдѣ за минуту стоялъ оглушительный гамъ.

Затѣмъ послышалась варварская музыка роговъ, трехугольниковъ и человѣческихъ голосовъ, и толпа, бросившаяся-было на

встрѣчу музыкѣ, хлынула назадъ и очистила мѣсто для музыкантовъ. Они были одѣты въ бѣлое и опоясаны мѣдными обручами.

За ними шли другіе въ такомъ же нарядѣ, кропя водой изъ кувшиновъ направо и налѣво вѣтками изъ божьяго дерева. За ними слѣдовала кучка людей, разбрасывавшихъ сѣмена ржи и овса, и вслѣдъ за ними, на извѣстномъ разстояніи шли Фельторъ и Барксельгольда во главѣ воиновъ, предводительствуемыхъ Редвегомъ.

За ними, гуськомъ, шли жрецы Семи-Ужасовъ: жрецъ смерти отъ огня, жрецъ смерти отъ ножа, жрецъ смерти отъ яда, жрецъ смерти отъ истязанія, жрецъ смерти отъ утопленія, жрецъ смерти отъ голода и жрецъ смерти отъ жажды. На нихъ надѣты были дубовые вѣнки, омоченные въ крови и обожженные на огнѣ; въ то время, какъ они проходили, медленно и невозмутимо, народъ разступался съ низкими поклонами. Сзади послѣдняго Ужаса шли плѣнники, подъ суровой стражей, связанные по рукамъ и дико вращавшіе глазами на толпу и другъ на друга. Нѣкоторые изъ нихъ шли выпрямившись во весь ростъ, съ спокойными лицами, а нѣкоторые даже и пѣли, хотя стража и била ихъ по губамъ, чтобы заставить замолчать.

Вслѣдъ за плѣнниками шли жрецы, вѣстники Семи-Радостей. Они были въ дубовыхъ вѣнкахъ, въ бѣломъ одѣяніи, съ широкими красными кушаками. Они шли тоже гуськомъ: вѣстникъ радости охоты, вѣстникъ радости войны, вѣстникъ радости любви, вѣстникъ радости пира, вѣстникъ радости плодородія, вѣстникъ радости долга къ королю и вѣстникъ радости повиновенія богамъ.

Затѣмъ шелъ отрядъ высшаго ордена жрецовъ, и ихъ рангъ обозначался шириной краснаго пояса, а за ними шелъ Венегогъ въ красномъ одѣяніи, съ наклоненной головой, держа въ правой рукѣ жертвенный ножъ.

Разступавшаяся толпа не скоро осмѣлилась сомкнуться послѣ прохода этой грозной фигуры.

Музыканты, шествовавшіе во главѣ процессіи, заняли мѣста на концахъ подмостковъ, а люди, кропившіе водой и сыпавшіе хлѣбнымъ зерномъ и овсомъ, помѣстились возлѣ нихъ. Фельторъ и Барксельгольда взошли на подмостки и молча сѣли на приготовленныя кресла. Редвегъ, съ отрядомъ воиновъ, тоже взошелъ на подмостки и помѣстился сзади короля и королевы. Жрецы Семи-Ужасовъ прошли впередъ и размѣстились по лѣвую руку. Плѣнныхъ, какъ стадо, прогнали между жертвеннымъ огнемъ и плетенымъ идоломъ, а вѣстники радостей выстроились справа. Друиды въ бѣломъ и красномъ стали по лѣвую и по правую

руку короля и королевы, а Венегогъ взошелъ по центральнымъ ступенямъ и остановился у жертвенника съ ножемъ въ рукахъ.

Нѣкоторое время царила тишина, затѣмъ послышался продолжительный и громкій звукъ рога. Затѣмъ еще и еще, семь разъ сряду. Толпа заволновалась, и время отъ времени слышался крикъ нетерпѣнія или боли. Вскорѣ въ густой толпѣ образовались семь какъ бы корридоровъ, частью отъ усилій друидовъ и воиновъ, частью отъ стараній самой толпы.

Опять наступила тишина, и съ подмостковъ можно было видѣть, какъ народъ сталъ на колѣни и поклонился до земли въ великомъ страхѣ, а изъ образовавшихся въ толпѣ промежутковъ выступило по дѣвушкѣ, обнаженной съ головы до ногъ и несшей въ рукѣ незажженный факелъ. То были перворожденныя дочери семи великихъ предводителей, и онѣ явились отъ имени семи дочерей Тиры: Лерны, богини примиренія; Гемдамы, богини молитвы; Уоры, богини плодородія; Тенкомбы, богини искренности; Айштары, богини земныхъ плодовъ; Сомбы, богини запаха жертвы, и Нельбарки, богини тепла. Въ противоположность загорѣлымъ и огрубѣвшимъ лицамъ, рукамъ и ногамъ этихъ женщинъ, тѣло ихъ было нѣжно и бѣло какъ слоновая кость. Нѣкоторыя, повидимому, сознавали жертву скромности, приносимую ими; другія же какъ будто гордились ею, такъ какъ только красивѣйшимъ, благороднѣйшимъ и невиннѣйшимъ дѣвамъ выпадало на долю страшное дѣло, а именно: поджечь костеръ, разложенный подъ плетенымъ идоломъ, когда послѣдній будетъ полонъ человѣческихъ жертвъ.

Онѣ выстроились между группой плѣнниковъ и жертвенникомъ, и каждая воткнула въ жертвенный огонь принесенный ею факелъ, и когда факелы загорѣлись, престарѣлый друидъ положилъ на мраморный осколокъ, передъ которымъ Венегогъ стоялъ съ ножемъ въ рукахъ, змѣю, привязанную къ толстому суку. Медленнымъ и ловкимъ ударомъ архи-друидъ пробилъ животъ пресмыкающемуся, и престарѣлый друидъ, спустившись со ступенекъ, бросилъ его въ жертвенный огонь. Затѣмъ другой друидъ, мрачный и обросшій волосами, положилъ на мраморъ связанную ящерицу и ножъ—и распоролъ ее отъ головы до хвоста, и она была брошена въ огонь. Затѣмъ принесены были въ жертву: лѣсной голубь, заяцъ, ягненокъ и коза.

Послѣ этого толпа снова заволновалась, предвкушая болѣе страшную жертву. Дикій, непрерывный вопль ужаса раздавался изъ среды плѣнниковъ въ то время, какъ стража связывала ихъ по рукамъ и по ногамъ. Громадная толпа молча глядѣла, уста-

зивъ глаза и вытянувъ шеи. Одинъ изъ мернагалей, болѣе сильный, чѣмъ товарищи, съ мужествомъ отчаянія боролся и сопротивлялся до послѣдней крайности, но остальные покорялись своей участи безпрекословно.

Изъ среды плѣнниковъ одного человѣка притащили на подмостки несвязаннымъ. То былъ Гертанъ, шутъ. У подножія лѣстницы онъ остановился и оглядѣлся, но надежды на спасеніе не было, и во взглядахъ тысячи людей, глазѣвшихъ на него, онъ не прочиталъ сожалѣнія. Стража подталкивала его, и онъ поднялся на подмостки. Зловѣщая тишина была нарушена заклинаніями Венегога. Друиды, толпившіеся вокругъ него, повторяли ихъ. Человѣкъ съ блестящимъ ножемъ въ зубахъ взобрался на плетенаго идола и, достигнувъ верхушки, усѣлся, оглядѣлся и попробовалъ остріе ножа пальцемъ. Стража внизу начала хватать жертвы и бросать ихъ одного за другимъ. Друидъ, стоявшій возлѣ, связывалъ ихъ по рукамъ и по ногамъ.

Четверо стражей, притащившихъ Гертана, схватили его за руки и за ноги. Архи-друидъ уже занесъ ножъ. Вдругъ раздался голосъ:

— Остановись!

Венегогъ поглядѣлъ внизъ и увидѣлъ Давида, стоявшаго въ промежуткѣ между подмостками и костромъ.

— Часъ насталъ, — сказалъ онъ, медленно опуская ножъ. —Белъ самъ выбралъ свою жертву. Тащите его сюда!

Нѣсколько человѣкъ сбѣжали съ широкой лѣстницы, но вдругъ остановились. Въ эту самую минуту они увидѣли женщину въ мѣховой мантіи, стоявшую около святого, и всѣ узнали въ ней Вреду, бывшую свою королеву.

Ножъ выпалъ изъ рукъ Венегога, и онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Женщина взошла на подмостки и остановилась около него. Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, откинувъ назадъ голову. Но сходство съ Вредой уже пропало, хотя лицо носило выраженіе неземного спокойствія и было сверхъестественной красоты.

При первомъ взглядѣ на нее, Барксельгольда вскочила съ крикомъ и подбѣжала къ Фельтору; но онъ тоже всталъ и жестомъ непреодолимаго отвращенія, которому она не въ силахъ была противиться, отогналъ ее прочь. И затѣмъ оба, блѣдные и трепещущіе, глядѣли на гостью, лицо которой уже утратило сходство съ Вредой.

Женщина повернулась, махнула рукой и заговорила. Голосъ ея былъ мягокъ и тихъ, но весь народъ услышалъ ее.

— Я запрещаю это жертвоприношеніе.

Она снова обратилась къ Венегогу, который, весь дрожа, отошелъ отъ жертвенника. Стража освободила Гертана, и онъ, сойдя съ жертвенника, въ ужасѣ и удивленіи взглянулъ ей въ лицо, упалъ на колѣни и поцѣловалъ ея платье.

— Запрещаешь?—повторилъ Венегогъ.

Глаза его почти выкатились изъ орбитъ, и онъ ухватился своими когтеобразными пальцами за вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, надѣтый у него на головѣ.—Кто же ты?

— Я—небесный посланникъ.

Друидъ затрясся. Взглядъ ея остановился на немъ съ выраженіемъ спокойнаго сожалѣнія, котораго нельзя было вынести. Онъ, высоко вздымая руки въ воздухѣ, громко вскрикнулъ:

— Расходитесь! Сегодня Белъ останется голоднымъ!

VIII.

Теплый вѣтеръ, напоенный ароматомъ лѣсныхъ растеній, колышетъ траву обширныхъ пастбищъ и лѣниво подгоняетъ бѣлыя и сизыя облачка, плавающія надъ отдаленнымъ моремъ. Нѣжная музыка вѣтра смѣшивается съ пѣніемъ безчисленныхъ птицъ и съ безпечнымъ лепетомъ ручейка, стремящагося въ рѣку и тамъ и сямъ застаивающагося въ большихъ прудахъ, любимыхъ мѣстопребываніяхъ лѣнивыхъ карасей. Шутъ съ голыми ногами залѣзъ въ ручеекъ и, прислонясь спиной къ ивѣ, мечтательно смотритъ вдаль, а около него играетъ ребенокъ Ванкардъ, катаясь на скошенной травѣ. Высоко въ безоблачной синевѣ лѣтняго неба разносится чистая и ясная трель жаворонка.

— Гертанъ,—вдругъ произнесъ ребенокъ,—я голоденъ.

Шутъ вышелъ изъ задумчивости и, протянувъ руку къ мѣшку, лежавшему около него, раскрылъ его, вынулъ изъ него и разложилъ на травѣ: копченый оленій языкъ, пригоршню кореньевъ и краюху чернаго хлѣба.

— Жалкое угощеніе для принца,—сказалъ Гертанъ,—но лучшаго не достать.

Здоровый аппетитъ ребенка не побрезгалъ грубой пищей, и шутъ любовно глядѣлъ на дитя, уплетавшее съ удовольствіемъ предложенныя яства.

— Развѣ я принцъ, Гертанъ? — спросилъ Ванкардъ, глядя на своего покровителя.

— Еще бы нѣтъ!—отвѣчалъ Гертанъ.—Вѣдь ты единственный сынъ королевы керлановъ—самой большой націи въ странѣ,

господствовавшей надо всѣми другими до прихода римлянъ. Но нѣтъ такого храбраго волка, который бы не встрѣтилъ другого, храбрѣйшаго.

— Моя мать была королева?—спросилъ ребенокъ.

— О, да, и могла бы быть ею до сихъ поръ. Она теперь находится вмѣстѣ съ великими королями и королевами и воинами минувшаго времени. И ты современемъ попадешь туда.

— А ты, Гертанъ, развѣ нѣтъ?—спросилъ ребенокъ.

— Нѣтъ. Тамъ не мѣсто для меня. Тамъ мѣсто только для королей и правителей, мужей войны и совѣта. Къ счастію, есть рай и для бѣдныхъ и несчастныхъ, хотя мы только недавно объ этомъ узнали.

Грубый и веселый голосъ запѣлъ на разстояніи двухсотъ или трехсотъ ярдовъ по рѣкѣ:

У медвѣдя когти длинные и острые,
У выдры зубы острые и бѣлые,
У волка зубы желтые и крѣпкіе,
А у собаки нашего короля—смѣлые.

И затѣмъ послышалось: ого! ого!—и громкій лай собакъ.

— Старикъ Серль!—закричалъ ребенка, весело вскакивая съ земли.

Шутъ поймалъ его за руку и, отведя въ кусты, сталъ оглядываться, куда бы лучше скрыться.

— Червякъ, убѣгающій отъ вороны, могъ бы не трудиться, еслибы только хорошенько поразмыслилъ,—сказалъ онъ съ философской покорностью.—Серль бѣгаетъ скорѣе, чѣмъ я, и притомъ съ нимъ собаки. Да и съ какой стати ему вредить мнѣ?

Онъ остановился и далъ знакъ дитяти, и тотъ послѣдовалъ его примѣру; затѣмъ, взявъ Ванкарда за руку, онъ пошелъ на встрѣчу пѣвцу, который остановился, завидя ихъ. Онъ былъ старъ и худъ и полу-нагъ; тѣло его побурѣло отъ загара и непогоды; лысая голова была неприкрыта и блестѣла точно мѣдная вычищенная кастрюля на солнцѣ.

— Эге! да это ты? Я и не воображалъ больше встрѣтиться когда-либо съ тобой, — закричалъ вновь прибывшій. — Ну что, сладко ли послужить жаркимъ для Бела? Тебя чуть-чуть не зажарили въ послѣдній разъ, какъ я тебя видѣлъ.

Гертанъ, успокоенный, подошелъ ближе.

— Куда дѣвалъ ослиныя уши? — продолжалъ разспрашивать Серль, угрюмое лицо котораго распустилось въ улыбку до ушей.— Какъ жаль, что ты ихъ лишился. Тебѣ они теперь болѣе пристали, чѣмъ когда-нибудь. Свободный керланъ гоняется за чу-

жими богами и чуть было не попадаетъ на жаркое за это! Скажи-ка, милый, если Одинъ, Тира и Занферъ не хороши для тебя, то развѣ мало новыхъ боговъ въ Дивѣ—изъ камня и изъ золота и серебра, дорогихъ боговъ? Ты опять попалъ въ милость?—внезапно спросилъ онъ, взглядывая на Ванкарда.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ шутъ.—Но дитя любитъ меня и прибѣгаетъ ко мнѣ, когда только можетъ.

— Онъ не очень-то похожъ на королевскаго сына, — проворчалъ Серль себѣ въ бороду.—Не то было бы, будь королева жива!

— Увы!—печально согласился Гертанъ.

— Есть безумцы, которые говорятъ, что она воскресла, — продолжалъ Серль.—Я самъ это подумалъ, когда она стала между тобой и Венегогомъ. Но когда снова поглядѣлъ на нее, то увидѣлъ, что она такая же королева, какъ и я. Но я скажу тебѣ, кто она, по моему...

Голосъ его сталъ тише, и онъ робко оглядѣлся.

— Это вернулась къ намъ Аштали.

— Аштали?—повторилъ шутъ.

— И никто другой,—отвѣчалъ Серль.—У нея такое лицо, именно такое... Кроткое какъ лунный свѣтъ и такое же холодное. А ужъ красива и мила... да ужъ что̀ говорить, меня слеза прошибла, на нее глядючи, точно я баба какая. И гдѣ она ни покажется, она свѣтитъ точно солнце, и всѣ сердца согрѣваются. Ни о комъ больше не говорятъ, какъ о ней. Одни говорятъ, что это наша королева воскресла; другіе—что она прибыла изъ Галліи или еще откуда-то; но всѣ южане черные, какъ эти римляне, а у нея кожа бѣлая, какъ молоко. Но, по моему, это Аштали, богиня мира.

— Всего проще было бы спросить у нея, — сказалъ Гертанъ.

— Ты думаешь?—отвѣтилъ Серль съ гримасой.—Ну-ка, попробуй! Говорю тебѣ, что она вселяетъ ужасъ въ человѣка. Да чего лучше: Меолнъ и Тегъ схватились-было за ножи вчера. Тегъ прибилъ собаку Меолна, да въ прошломъ году они ухаживали за одной и той же дѣвушкой,—ну, такъ вотъ давно уже точили другъ на друга зубы. А она только подошла къ нимъ и сказала: „какъ? неужели братья-близнецы могутъ алкать крови другъ друга?“—И они выронили ножи и въ удивленіи стали и поглядѣли другъ на друга.

— А почему она узнала, что они близнецы?

— Она видитъ насквозь человѣка, и что̀ онъ думаетъ—

она ему сейчасъ скажетъ; это Аштали; кто бы могъ помѣшать жертвоприношенію, какъ не она. Она и Белъ всегда были на ножахъ. Говорятъ, что Венегогъ ходитъ мрачный какъ туча, да и не мудрено. Белъ голоденъ, и Венегогу придется за то отвѣчать.

— Какъ думаешь, она долго съ нами пробудетъ?—спросилъ Гертанъ тревожно.

— Можетъ быть. Народу надоѣли эти убійства и сожженія, а съ тѣхъ поръ какъ Барксельгольда стала королевой, мы ничего другого не видимъ. Никто не въ обидѣ, когда мернагалей отдаютъ Белу на съѣденіе; но когда дѣло доходитъ до честныхъ керланогъ, то это другое дѣло. Кому пріятно на это глядѣть!

Старикъ пугливо обернулся, проговоривъ это, вдругъ испугавшись, что ребенокъ его услышитъ. Но Ванкардъ гонялся за бабочкой, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Опасно говорить объ этомъ, — сказалъ Гертанъ, понявъ его.—Дитя любитъ и тебя, и меня; но одно неосторожное слово, сказанное имъ, можетъ погубить насъ обоихъ.

Серль кивнулъ головой и, позвавъ собакъ, пошелъ дальше, не говоря больше ни слова. Ванкардъ подбѣжалъ къ карлику и, охвативъ обѣими руками его ногу, любовно прислонился къ нему головой. Гертанъ погладилъ спутанныя кудри мальчика и наклонился, чтобы поцѣловать его.

Солнце заходило, и безмолвныя сумерки окутывали землю, когда на небѣ еще догорали послѣдніе лучи зари. Соловей робко запѣлъ въ рощѣ надъ рѣкой, точно былъ неувѣренъ, что часъ его наступилъ.

— Кто такое Аштали?—спросилъ ребенокъ, внезапно взглядывая на Гертана серьезными темными глазами.

— Откуда ты знаешь про Аштали?—улыбнулся ему Гертанъ.

— Серль говоритъ, что Аштали вернулась. Кто такая Аштали?

— Сядь,—сказалъ Гертанъ,—и я тебѣ все разскажу. Взгляни вонъ туда вдаль. Тамъ живетъ она, и ее зовутъ богиней синевы небесъ и вѣстницей мира для людей. Она внучка Одина и Тиры, но вышла замужъ за молодого воина, и у нихъ родился славный мальчикъ, какъ ты. А Синакъ, богъ кипящихъ ключей, ненавидѣлъ воина, потому что самъ хотѣлъ жениться на Аштали; но онъ былъ дуренъ собой и золъ сердцемъ. И вотъ Синакъ превратился въ змѣю и ужалилъ ребенка, который умеръ... Сиди смирно. Слышишь вонъ ту птицу? Первая, которая такъ запѣла, прилетѣла съ могилы ребенка, и отъ нея про него узнали. Аштали искала ребенка вездѣ, потому что извѣстно, что онъ живетъ

среди птицъ, но всѣ они поютъ на одинъ ладъ, и она такъ и не нашла его. Поэтому Аштали всегда ходитъ грустная, но человѣкъ, который съ нею встрѣчается, бываетъ счастливъ, потому что она приноситъ съ собою миръ, и горе не можетъ жить въ той же странѣ, гдѣ она... Но какой же я дуракъ, что набиваю голову ребенка этими баснями старой вѣры, когда мнѣ слѣдовало бы пересказывать ему истину, открытую мнѣ!

Наступило молчаніе, и ребенокъ думалъ о томъ, что̀ слышалъ, а Гертанъ думалъ свою думу. Сумерки сгущались, и вдругъ невыразимо нѣжный голосъ произнесъ.

— Ванкардъ!

Шутъ бросился на колѣни, увидя передъ собой фигуру, закутанную въ бѣлое. Фигура опустилась передъ ребенкомъ на землю и протянула ему руки. И дитя бросилось въ ея объятія со слезами и рыданіями.

— Мама!—закричалъ Ванкардъ въ восторгѣ.—Мама! мама!

Гертану показалось сквозь мракъ, окружавшій ихъ, что глаза Вреды смотрятъ на него. Но вдругъ Ванкардъ вскрикнулъ въ ужасѣ:

— Нѣтъ, ты не мама!

При этомъ возгласѣ, полномъ дѣтскаго отчаянія, Гертанъ снова взглянулъ и увидѣлъ не Вреду, но величественную женщину невыразимой красоты, кротко улыбающуюся и окруженную сіяніемъ, подобнаго которому онъ еще не видывалъ. Сіяніе озарило какъ бы и его, и весь страхъ и тревога исчезли изъ его сердца.

— Будешь ли ты любить меня, Ванкардъ? — спросила она.

Ребенокъ, вмѣсто отвѣта, обхватилъ ее за шею обѣими руками и поцѣловалъ.

Когда она говорила, въ голосѣ ея было нѣчто такое, что̀ будило въ Гертанѣ какія-то неясныя воспоминанія. Она прижимала ребенка къ груди и съ большой нѣжностью цѣловала его, а Ванкардъ отвѣчалъ на ея поцѣлуи страстными поцѣлуями. Шуту казалось, что ребенокъ хочетъ вознаградить себя за все прошлое время, когда никто не ласкалъ его. У Гертана навернулись слезы на глазахъ, глядя на него.

Онъ уже не испытывалъ прежняго страха, но какое-то чувство благоговѣнія, мѣшавшее ему задавать вопросы, толпившіеся въ его умѣ. Кто была она, эта странная пришелица, мявшая сердца людей, какъ воскъ? Аштали? Давидъ отвергалъ всѣхъ друидическихъ богинь и такъ же мало почиталъ поэтическія легенды бардовъ, какъ и безобразныя измышленія друидовъ. Но

можетъ быть какъ вѣра Давида, такъ и сладкія грезы пѣвцовъ одинаково справедливы?

Пока онъ размышлялъ объ этомъ, Вреда заговорила съ нимъ.

— Не думай объ этомъ, Гертанъ. Дитя ползаетъ, пока не начнетъ ходить, но придетъ время, и онъ станетъ на ноги и пойдетъ.

Когда Ванкардъ обнималъ Вреду, то правая рука его прижималась къ ней, но кисть висѣла какъ плеть, безсильная. Она взяла эту бѣдную ручку и стала ее ласкать. На ней были перерѣзаны сухожилія и остался отъ того шрамъ.

— Это дѣло рукъ Ганума,—сказала Вреда.

— Гертанъ говоритъ, что я все-таки буду хорошимъ современемъ,—сказалъ Ванкардъ.—Я научусь биться лѣвой рукой, и тогда они выберутъ меня королемъ, хотя я и не могу держать меча правой рукой. И когда я стану королемъ, я прикажу Редвегу или Элангару или кому-нибудь убить Ганума.

— Ганума!—повторила Вреда:—но онъ только повиновался приказаніямъ Венегога; слуги должны исполнять волю господина.

„Ахъ! — подумалъ Гертанъ, — дай только ребенку выррости, онъ проучитъ ихъ обоихъ".

— Не учи дурному ребенка, Гертанъ,—сказала Вреда.—Любите враговъ вашихъ и дѣлайте добро творящимъ вамъ зло.

Мысли шута жгли ему сердце точно раскаленнымъ углемъ, но кроткій голосъ падалъ на его сердце, какъ прохладная роса. Онъ слышалъ это изреченіе отъ Давида, но находилъ его труднымъ. Теперь же ему показалось, что въ немъ именно истина и добро.

— Ты обязался придти на собраніе сегодня ночью, Гертанъ,— продолжала Вреда.—Пойдемъ вмѣстѣ.

Она встала, держа ребенка за руку, и пошла впередъ. Гертанъ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Дитя лепетало что-то на своемъ дѣтскомъ языкѣ, и Вреда нѣжно наклонялась къ нему, выслушивая его. Онъ совсѣмъ пересталъ ее бояться и весело и довѣрчиво болталъ. Наконецъ, они дошли до опушки лѣса, и Вреда увѣреннымъ шагомъ повела ихъ по тропинкѣ, гдѣ переплетающіяся деревья и ихъ низко опущенныя вѣтки образовали такую темень, какъ въ лѣтнюю полночь. Пройдя нѣсколько шаговъ, они вышли на просѣку, гдѣ стояли двѣ мазанки изъ глины. Рѣчка, пропадавшая-было, здѣсь вновь появлялась, образуя множество каскадовъ и музыкально журча. Человѣкъ пять-шесть суетились около мазанокъ, и двое изъ нихъ, завидя Вреду, стали на колѣни, а чей-то голосъ произнесъ.

— Это Аштали!

Кто-то подбѣжалъ и упалъ къ ногамъ Вреды съ безсвязными воплями, цѣлуя ея платье и дико рыдая.

— Дѣвочка здѣсь,—сказала Вреда. Принесите мнѣ факелъ, чтобы я могла ее видѣть.

Кто-то подбѣжалъ къ тлѣющему около мазанокъ костру, вытащилъ изъ него головешку и помахалъ ею въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока она не разгорѣлась яркимъ пламенемъ. Затѣмъ, вернувшись, привелъ за руку дѣвушку лѣтъ пятнадцати; блѣдное лицо ея говорило о перенесенной только-что опасной и тяжкой болѣзни. Свѣтъ факела озарилъ фигуру женщины, съ сѣдыми разметавшимися по плечамъ волосами, стоявшую на колѣняхъ передъ Вредой со сложенными руками и заплаканными глазами, призывая на нее прерывистымъ голосомъ благословенія всѣхъ боговъ. Дѣвушка протянула руку и слабо улыбнулась. Вреда взяла ее за протянутую руку.

— Вчера она умирала!—закричала старуха.—Соль Леноръ ничего не могъ для нея сдѣлать. Сегодня она встала и ходила. И это ты сдѣлала, одна ты.

— Я знаю траву, которая ростетъ недалеко отсюда,—сказала Вреда.

Она остановилась и положила руку на лобъ дѣвушки. Затѣмъ взяла опять Ванкарда за руку, махнула Гертану и пошла впередъ. Немногіе люди, окружавшіе ее, разступились передъ нею съ боязливымъ благоговѣніемъ. Ванкардъ молча шелъ рядомъ нѣкоторое время, но, когда они прошли просѣку и опять углубились въ лѣсъ, внезапно спросилъ:

— Ты Аштали? Они зовутъ тебя Аштали.

Гертанъ, задерживая дыханіе, подошелъ ближе, чтобы услышать ея отвѣтъ.

— Нѣтъ, милый. Никакой Аштали не существуетъ. Это просто басня.

— А Гертанъ мнѣ про нее разсказывалъ,—сказало дитя.

— Онъ хотѣлъ позабавить тебя,—отвѣтила Вреда.—Аштали никакой нѣтъ.

— Но если ты не Аштали,—осмѣлился вмѣшаться въ разговоръ Гертанъ,—то кто же ты? Скажи свое имя.

Гертанъ ждалъ отвѣта, но Вреда въ смущеніи молчала. Народъ сразу обозвалъ ее Аштали, и до сихъ поръ никто не спрашивалъ, какъ ее зовутъ. Но въ то время, какъ она шла молча и въ нерѣшительности, она почувствовала внезапно, что у нея на душѣ стало тепло и радостно, и какъ будто чей-то голосъ проговорилъ:

— Почему не назваться тебѣ, мама, именемъ? Мы вѣдь съ тобою точно одна душа?

И она узнала, чей это голосъ, и, прежде нежели ребенокъ успѣлъ повторить свой вопросъ, отвѣтила ему:

— Зови меня Калеріей.

Луна взошла, и ея свѣтъ мягко пробирался сквозь листья. Тропинка была окутана легкой дымкой, и туманъ клубился по лѣсу, переливая всѣми оттѣнками жемчуга и опала, а деревья и листья подернуты были легкой синевой. Всѣ птицы примолкли, за исключеніемъ одного только соловья, распѣвавшаго въ лѣсной чащѣ и нарушавшаго тишину и спокойствіе ночи своими страстными жалобами.

И въ то время, какъ Вреда и дитя шли рука объ руку, а Гертанъ въ нѣкоторомъ разстояніи позади ихъ, медленное пѣніе достигло ихъ ушей и замерло. Немного спустя, густой и торжественный голосъ послышался среди ночного безмолвія. По мѣрѣ ихъ приближенія, голосъ становился все явственнѣе. То былъ голосъ Давида, возгласившаго торжественное моленіе Богу.

Оставшіеся въ живыхъ приверженцы его стояли на колѣняхъ или сидѣли около него на травѣ въ лѣсу, среди тумана, озаренные свѣтомъ луны.

Вреда жестомъ остановила Гертана, и Ванкардъ молча сталъ около нея.

А. Э.



ГРЕКО-БОЛГАРСКАЯ РАСПРЯ

ВЪ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Историческій очеркъ.

До конца тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Болгарія находилась въ порабощеніи не только у турокъ, но и у своихъ единовѣрцевъ, грековъ, благодаря духовной юрисдикціи, которую присвоилъ себѣ надъ этою страною греческій константинопольскій патріархъ. Только послѣ обнародованія султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, въ 1839 году, извѣстнаго гюльханійскаго гатти-шерифа, до нѣкоторой степени ослабившаго практиковавшійся прежде на всѣхъ ступеняхъ турецкой правительственной администраціи безграничный произволъ и поставившаго задачею хотя бы нѣкоторое охраненіе и обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ всѣхъ, безъ различія религіи и племени,—и болгары осмѣлились заявить свой голосъ противъ ничѣмъ неограниченной зависимости ихъ отъ греческаго духовенства, подготовлявшаго поглощеніе Болгаріи панэллинизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Болгаріи появлялись только жалобы сначала на притѣсненія, вымогательства и злоупотребленія греческихъ архіереевъ, причемъ изрѣдка высказывалось желаніе о замѣщеніи ихъ архіереями болгарскаго происхожденія. Съ пятидесятыхъ годовъ стало обнаруживаться болѣе уже опредѣленное стремленіе къ тому, чтобы пастыри, посылаемые греческимъ константинопольскимъ патріархомъ, были непремѣнно болгарскаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, владѣли бы вполнѣ болгарскимъ языкомъ. Встрѣченный же въ Константинополѣ отказъ побудилъ

болгаръ — прямо возстановить древнюю самостоятельность ихъ церкви. Это было въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а въ началѣ 1860 года вожди болгарской общины въ Константинополѣ громко заявили, что, въ виду противныхъ правиламъ вѣры и церкви дѣйствій константинопольскаго патріарха и посылаемыхъ имъ въ болгарскія епархіи архіереевъ, болгарскій народъ не можетъ болѣе, по своей религіозной совѣсти, признавать ихъ своими архипастырями; что онъ отрицаетъ ихъ власть надъ собою, основанную на нарушеніи каноновъ, и провозглашаетъ единственными законными духовными архипастырями своихъ болгарскихъ архіереевъ, находившихся при болгарской церкви въ Константинополѣ. При этомъ болгары были увѣрены, что султанское правительство, какъ правительство иновѣрное, не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла своихъ христіанскихъ подданныхъ и, въ виду заявленій со стороны представителей болгарской національности, безъ труда признаетъ болгарскую іерархію, какъ существующую de facto. Приведеніе такого плана въ дѣйствіе должно было начаться протестомъ противъ поминовенія патріаршаго имени, при церковной службѣ въ день пасхи того же 1860 года; эту службу долженъ былъ совершать въ болгарской національной церкви епископъ макаріопольскій Иларіонъ, болгаринъ по происхожденію; онъ былъ настоятелемъ этой церкви и всѣми силами старался о возстановленіи древней болгарской іерархіи. Дальнѣйшее исполненіе вышеупомянутаго плана болгарскихъ представителей въ Константинополѣ вызвало уже цѣлый рядъ событій, наполнившихъ собою весь 1860-й годъ; постараемся въ настоящемъ историческомъ очеркѣ воспроизвести эти событія, какъ по собственнымъ воспоминаніямъ изъ того времени, такъ и руководясь греческими и болгарскими источниками.

I.

Мысль—заявить торжественно о томъ, что болгарскій народъ не признаетъ болѣе власти константинопольскаго патріарха надъ собою—не была представлена на предварительное разсмотрѣніе совѣта изъ почетнѣйшихъ людей болгарской общины въ Константинополѣ, какъ то практиковалось всякій разъ, когда предстояло сдѣлать какой-либо важный шагъ по церковно-народнымъ дѣламъ. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ членовъ общины, считая первымъ дѣломъ постройку начатаго въ столицѣ оттоманской порты большого болгарскаго храма, для успѣха коей, по ихъ мнѣнію,

было необходимо поддерживать хорошія отношенія къ патріархату, воспротивятся такому рѣшительному расторженію всякой связи съ послѣднею. Съ другой стороны, не оставалось никакого сомнѣнія, что задуманный планъ будетъ успѣшно приведенъ въ исполненіе даже и безъ формальнаго его одобренія совѣтомъ, такъ какъ многіе изъ его членовъ были частнымъ образомъ посвящены въ тайну и раздѣляли убѣжденіе въ пользѣ новаго шага противъ патріархата. Двое изъ главныхъ руководителей болгарской общины, Христо Топчилещовъ и хаджи Никола Минчоглу, являвшіеся въ то время къ различнымъ турецкимъ государственнымъ людямъ, и въ частности къ Аали-пашѣ, для ходатайства по болгарскому церковному дѣлу, одобрили планъ новой проектированной противъ патріарха демонстраціи, и взяли на себя отвѣтственность за нее предъ правительствомъ. Иларіонъ макаріопольскій, безъ согласія котораго была невозможна демонстрація, самъ стоялъ твердо за нее, хотя ему не безъизвѣстно было, что главная отвѣтственность въ глазахъ патріархата падетъ на него одного. Такимъ образомъ, всѣ необходимые для исполненія плана элементы были на лицо. Препятствія со стороны паствы не могло быть. Отъ того безотчетнаго благоговѣнія, какое нѣкогда возбуждало въ болгарахъ одно имя „Великой Церкви“, не оставалось болѣе почти никакого слѣда, послѣ тѣхъ обвиненій и критики въ печати, предметомъ коихъ было все высшее греческое духовенство. Агенты католической пропаганды, съ своей стороны, ничего такъ не желали, какъ видѣть, хотя бы часомъ раньше, такой скандалъ въ средѣ православныхъ болгаръ, какъ исключеніе имени патріарха изъ церковныхъ молитвъ, по желанію собравшагося на богослуженіе въ торжественный христіанскій праздникъ народа. Потому къ заутренѣ въ первый день пасхи 1860-го года, 3-го апрѣля, въ болгарскую церковь, въ Фанарѣ, поспѣшили, кромѣ дѣйствительно набожныхъ людей, также и всѣ тѣ, которые отдались-было въ руки католической пропаганды, частію по своекорыстнымъ видамъ, частію по легкомыслію и легковѣрію. Эти люди съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда, по установленному порядку, провозглашалось на литургіи, совершаемой Иларіономъ макаріопольскимъ, многолѣтіе вселенскому патріарху. Патріарху возглашалось многолѣтіе при архіерейскомъ служеніи, какъ извѣстно, по окончаніи пѣнія „Трисвятаго“, происходящаго предъ чтеніемъ апостола. Въ день пасхи, какъ и въ нѣкоторые другіе великіе праздники, вмѣсто „Трисвятаго“ поется: „Елицы во Христа крестистеся“. Когда, по окончаніи этой пѣсни, діаконъ произнесъ первыя слова многолѣтія: „Святѣйшему

Кириллу",—то нѣсколько обращенныхъ къ нему, согласно предварительному уговору, голосовъ—внезапно остановили его, громко замѣтивъ, что не слѣдуетъ болѣе поминать имя патріарха. Это замѣчаніе уже громко подтвердилъ весь присутствовавшій въ церкви народъ, послѣ чего между собравшимися послѣдовало нѣкоторое совѣщаніе, которое удостовѣрило, что дѣйствительно весь присутствующій въ церкви народъ согласенъ, чтобы имя патріарха болѣе не поминалось, и что всѣ требуютъ замѣнить его имя именемъ султана. Вмѣсто установленнаго для патріарха многолѣтія было, вслѣдствіе того, провозглашено многолѣтіе султану. Руководителямъ было хорошо извѣстно, что такое дѣло, какъ исключеніе имени патріарха изъ молитвъ въ церкви, непосредственно ему подчиненной и стоящей возлѣ самой его каѳедры, нарушаетъ его права, признанныя и утвержденныя множествомъ султанскихъ фирмановъ; что патріархъ, власть котораго сохранялась еще во всей полнотѣ, потребуетъ содѣйствія турецкой власти для устраненія происшедшаго безпорядка и для наказанія виновниковъ. До того времени, за сопротивленіе власти греческаго патріарха, за безпорядки и смуты, происходящія по церковной части среди подчиненныхъ ему христіанъ, были наказываемы, по его одному слову, не только духовныя, но и свѣтскія лица. Съ другой стороны, турецкіе сановники стояли еще въ то время слишкомъ высоко по отношенію къ болгарскимъ передовымъ людямъ, чтобы послѣднимъ возможно было, не стѣсняясь, объяснить, въ продолжительной съ ними бесѣдѣ, происшедшіе въ болгарской церкви нарушеніе правъ патріарха. Греки имѣли и въ этомъ отношеніи превосходство надъ болгарами. Кромѣ патріарха и синодальныхъ митрополитовъ, которые, по самому своему положенію, могли легче видѣться и свободнѣе объясняться съ министрами и сановниками высокой порты, нежели скромные и боязливые болгарскіе представители, — многіе свѣтскіе люди изъ грековъ были близко знакомы съ высокопоставленными лицами изъ турокъ и видѣлись съ ними весьма часто. При такихъ неравныхъ отношеніяхъ болгаръ и грековъ къ турецкимъ министрамъ и сановникамъ, при сохраненіи правъ и привилегій патріарха во всей ихъ силѣ, отвѣтственные предъ правительствомъ высокой порты болгарскіе передовые люди не могли не опасаться дурныхъ для себя послѣдствій отъ несоблюденія установленнаго въ церкви порядка и нарушенія правъ патріарха. Въ виду сего имъ необходимо было не только выставить фактъ непоминовенія патріаршаго имени въ болгарской церкви, какъ слѣдствіе всеобщаго народнаго неудовольствія противъ высшаго церковнаго правитель-

ства, но и обставить его изъявленіемъ чувствъ преданности и благодарности къ султану, такъ чтобы министры Порты принуждены были, волею-неволею, посмотрѣть на дѣло снисходительно. Вотъ почему иниціаторами было придумано провозгласить, вмѣсто установленнаго для патріарха многолѣтія, многолѣтіе султану. Хотя, по ученію апостола, молитва о „предержащихъ властяхъ" обязательна, но въ болгарскихъ церквахъ до того времени не было обычая совершать молитву о султанѣ или возглашать ему многолѣтіе. Опасеніе, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ порты за поступокъ противъ патріарха, заставило болгаръ ввести несуществовавшій до того времени обычай.

Султану было провозглашено многолѣтіе въ такихъ выраженіяхъ: „Многолѣтна да сотворитъ Господь Богъ, държавнѣйшаго, тишайшаго и благодѣтельнѣйшаго нашего царя султана Абдулъ-Меджида ефендимисъ (нашего государя). Господи, сохрани его на многая лѣта" [1]).

Послѣ того какъ хоръ пропѣлъ эти слова, литургія была продолжена обычнымъ порядкомъ, но когда, по освященіи даровъ, нужно было, по церковному уставу, вознести имя патріарха самимъ служащимъ архіереямъ, Иларіонъ макаріопольскій произнесъ вмѣсто того: „всякое епископство православныхъ", т.-е. онъ исполнилъ порядокъ поминовенія, свойственный самостоятельнымъ архіепископамъ. Это онъ сдѣлалъ не только потому, что народъ вновь потребовалъ не поминать болѣе имени патріарха, но и для того, чтобы поставить на видъ, что въ его лицѣ возстановляется древне-болгарская самостоятельная іерархія или „священноначальство", какъ чаще говорятъ болгары.

Послѣ литургіи пѣвчіе пропѣли въ честь и хвалу султану слѣдующую пѣсню:

Веселися нашъ народъ,
Бога прославяй
И за мирний свой животъ
Царя благодаряй.
Боже, царя съхрани,
Подари му дълги дни,
Славно да живѣй
Султанъ Меджидъ,
Абдулъ Меджидъ.
Даръ божественнъ тя огрѣ,
Отъ успокоеніе
Простотата се спрѣ,
Тръгна на ученіе.

---

[1]) См. газету „Българія", годъ II, стр. 85, 103.

Боже царя съхрани! и проч.
Много годинъ живъ буди,
Царю сильный, славный,
Вышній да благослови
Трона ти държавный.
Боже, царя съхрани и проч. [1]).

Для болѣе надежнаго огражденія себя отъ преслѣдованій патріарха, болгарскіе руководители распорядились, чтобы пѣвчіе пѣли эту пѣсню на балконѣ болгарскаго подворья у церкви въ теченіе цѣлаго дня.

За вечернею, совершаемой по мѣстному обычаю въ полдень, съ чтеніемъ Евангелія на разныхъ языкахъ, нѣкоторые молодые люди потребовали, въ видѣ новой демонстраціи противъ греческой іерархіи, чтобы Евангеліе не читалось на греческомъ языкѣ. Хотя въ томъ имъ не было отказано, но выходка ихъ и не привлекла особаго вниманія.

Въ теченіе дня, вышеупомянутые два представителя болгарскаго народа предъ высокою портою, Хр. Топчилещовъ и хаджи Н. Минчоглу, съ согласія коихъ была сдѣлана демонстрація, увѣдомивъ турецкихъ министровъ о всемъ, что̀ произошло на утреннемъ богослуженіи въ болгарской церкви, возвратились отъ нихъ вполнѣ довольные, такъ какъ послѣдніе не только не выбранили ихъ, но все время слушали съ улыбкой на лицѣ. Выходило, что какъ порта, такъ и болгары, были одинаково довольны совершонною демонстраціею, хотя, конечно, причины самого удовольствія не были одинаковы для той и другой стороны. Не менѣе обрадованы были демонстраціею также и агенты латинской пропаганды. Болгары радовались, полагая, что ожиданія ихъ сбудутся, т.-е. что порта не заставитъ ихъ подчиниться снова патріарху, и признаетъ, напротивъ, ихъ собственную іерархію. Порта была довольна тѣмъ, что дѣйствіемъ болгаръ открывалась перспектива для смутъ въ православно-восточной церкви, которыя приведутъ къ ея потрясенію, къ отторженію болгаръ отъ православія и, вслѣдствіе того, къ уменьшенію русскаго вліянія среди христіанскаго населенія имперіи. Радость агентовъ пропаганды происходила отъ открывавшагося ей шанса на скорый успѣхъ ея дѣла среди болгаръ.

Но происшедшая въ болгарской церкви въ первый день пасхи демонстрація серьезно взволновала грековъ. Греческіе митропо-

[1]) Газ. „Българія", годъ II, стр. 35.—„Български Книжици", книжка первая, за апрѣль 1860 г.

литы и передовые свѣтскіе люди немедленно отправились по посольствамъ и конакамъ (домамъ) турецкихъ министровъ, чтобы расположить умы противъ болгаръ. Въ однихъ мѣстахъ они представляли поступокъ болгаръ какъ плодъ русскихъ подстрекательствъ и интригъ, а въ другихъ они выставляли его какъ дѣйствіе враждебныхъ православію пропагандъ, смотря по мѣсту, гдѣ имъ приходилось вести разговоръ о событіи дня. Между болгарами разнеслась-было тогда молва, что нѣкоторые изъ грековъ донесли, между прочимъ, высокой портѣ, что хоръ болгарскихъ пѣвчихъ пѣлъ многолѣтіе не султану, а русскому государю. Этому слуху современники изъ болгаръ вѣрили до того, что избранные послѣ демонстраціи изъ среды болгарскаго народа представители для ходатайства предъ подлежащими властями по народному дѣлу вынуждены были потомъ опровергать слухъ путемъ газетъ.

Изъ греческой печати въ Константинополѣ, главнымъ представителемъ коей была тогда газета „Византія", было ясно видно, что греки смотрѣли на поступокъ болгаръ не только какъ на нарушеніе церковныхъ правилъ, наносившее ущербъ канонической власти патріарха, но и какъ на посягательство на права самого „ромейскаго" (греческаго) народа. Константинополь считается епархіею вселенскаго патріарха, а по церковнымъ правиламъ, ни одинъ епископъ не долженъ священнодѣйствовать въ епархіи другого епископа безъ его согласія и благословенія. Константинопольскій епископъ, вдобавокъ, есть глава епископовъ и митрополитовъ подвѣдомой вселенскому престолу области, изъ коихъ каждый обязанъ поминать имя его при служеніи. Вслѣдствіе сего, въ Константинополѣ установился обычай, чтобы какъ прибывшіе изъ провинціи епархіальные архіереи, такъ и епископы, состоящіе настоятелями какой-либо церкви, обращались за разрѣшеніемъ и благословеніемъ къ патріарху, не только когда намѣреваются совершить литургію, но и когда пожелаютъ формально присутствовать при богослуженіи, съ посохомъ въ рукахъ и одѣтые въ мантію.

Иларіонъ макаріопольскій, не вознесши имени патріарха при совершеніи литургіи въ первый день пасхи и вмѣсто того помянувъ, въ качествѣ автокефальнаго архіепископа, „всякое епископство православныхъ", на слѣдующій день присутствовалъ также при богослуженіи, одѣтый въ мантію, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія патріарха. Въ глазахъ грековъ это было не простое нарушеніе церковныхъ правилъ, а явное возмущеніе епископа противъ каноническаго его начальства. Пат-

ріархъ не обращалъ вниманія на то, что непоминовеніе его имени въ болгарской церкви произошло по желанію собраннаго въ ней народа, и что оно было выраженіемъ крайняго неудовольствія, вызваннаго невниманіемъ къ правамъ и законнымъ желаніямъ болгарскаго народа. Онъ видѣлъ тутъ одно лишь нарушеніе каноновъ и возмущеніе противъ него подчиненнаго ему епископа. Поэтому, созвавъ 9-го апрѣля синодъ въ засѣданіе, онъ пригласилъ и Иларіона для отвѣта и объясненія. Болгарскій епископъ сказался больнымъ и не явился въ синодъ. Патріархъ, спустя четыре дня, позвалъ его снова. На этотъ разъ Иларіонъ рѣшился представиться въ синодъ. Спрошенный патріархомъ о причинахъ своего анти-каноническаго поступка, онъ далъ объясненіе, что принужденъ былъ сообразоваться съ желаніемъ народа, дабы удержать его въ православіи. Болгарскій народъ,—сказалъ позванный къ суду епископъ,—глубоко негодуетъ противъ Великой Церкви, не принявшей во вниманіе его желаній, и есть большая опасность, что пропаганда, воспользовавшись такимъ негодованіемъ, оторветъ его отъ православія. Дабы тому воспрепятствовать, онъ долженъ былъ, не имѣя возможности остановить волненіе, идти вслѣдъ за теченіемъ, ибо въ этомъ только случаѣ онъ могъ бы сохранить вліяніе между своими соплеменниками въ интересѣ православія. Синодъ, однако, не убѣдился въ томъ, что Иларіонъ говоритъ правду. Онъ заподозрилъ болгарскаго епископа въ неискренности, и поэтому настоятельно потребовалъ отъ него, чтобы онъ постарался образумить народъ своими совѣтами и не допускалъ на будущее время подобныхъ безпорядковъ въ ввѣренной ему церкви. Иларіонъ отвѣчалъ на это, что онъ увѣщевалъ уже народъ и будетъ увѣщевать его и впредь, но не ожидаетъ никакого успѣха отъ своихъ увѣщаній. Онъ просилъ синодальныхъ владыкъ, чтобы и они взяли на себя трудъ поучить народъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ мѣстопребываніе вблизи самой болгарской церкви и легко могутъ, когда пожелаютъ, непосредственно преподать ему свои наставленія. Синодъ понялъ изъ такого отвѣта, что безполезно настаивать на томъ, чтобы самъ епископъ болгарской церкви добровольно позаботился объ устраненіи безпорядка. Вслѣдствіе сего патріархъ потребовалъ „такриромъ“ (письменнымъ представленіемъ) отъ высокой порты наказанія виновнаго архіерея. Въ прежнія времена порта немедленно исполняла такія представленія патріарха. Судя по этому, можно было думать, что Иларіонъ будетъ сейчасъ же схваченъ и высланъ въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей для заключенія въ башнѣ. Но такъ какъ турецкіе

государственные люди порѣшили эксплуатировать отношенія болгаръ къ патріарху, то „такриръ" его святѣйшества оставленъ былъ безъ послѣдствій.

Улыбка, съ которою министры порты встрѣтили разсказъ двухъ руководителей болгарской общины въ Константинополѣ о происшедшей противъ „Великой Церкви", демонстраціи, безсиліе послѣдней возстановить уваженіе къ каноническому порядку въ средѣ названной общины—подали поводъ болгарамъ думать, что они находятся на пути исполненія своихъ желаній, и что болгарская іерархія, съ Иларіономъ макаріопольскимъ во главѣ, будетъ признана. Вслѣдствіе того духовенство болгарской церкви въ Константинополѣ стало поступать со дня на день смѣлѣе. Священники этой церкви начали смѣло совершать обряды вѣнчанія и крещенія, не обращая болѣе вниманія на заведенные обычаи и порядки, требовавшіе, чтобы намѣревающіеся вступить въ бракъ обращались къ самому патріархату за разрѣшеніемъ бракосочетанія, и чтобы вѣнчаніе или крещеніе совершалось если не самими священниками прихода, въ коемъ находятся женихъ или родители ребенка, то во всякомъ случаѣ съ ихъ согласія. Болгарамъ казалось, что соблюдать эти порядки, послѣ того, какъ они столь торжественно отвергли власть патріарха, значило бы признавать ее на дѣлѣ и тѣмъ подорвать провозглашенное ими въ день пасхи собственное „священноначальство". Иларіонъ макаріопольскій, хотя и не вполнѣ раздѣлялъ преобладавшій тогда среди болгаръ оптимизмъ и опасался, что, можетъ быть, патріарху удастся снова сослать его куда-нибудь, какъ удавалось прежде,—и на этотъ разъ, вѣроятно, уже навсегда,—выказывалъ, однако, время отъ времени, своими дѣйствіями тоже, что болгарская іерархія возобновлена, и что онъ считаетъ себя первымъ ея представителемъ. Кромѣ того, что онъ не испрашивалъ болѣе благословенія у патріарха для присутствія при богослуженіи въ мантіи, онъ въ скоромъ времени, а именно 24-го апрѣля, рѣшился совершить и божественную литургію безъ его разрѣшенія,—преступленіе весьма тяжкое въ глазахъ греческихъ архіереевъ, со стороны непосредственно подчиненнаго патріарху епископа. Соплеменники Иларіона въ Константинополѣ давно уже желали видѣть, чтобы онъ совершалъ божественную службу, не испрашивая на то патріаршаго благословенія. Имъ казалось, что если само болгарское духовенство, сами представители болгарской возобновленной іерархіи—выказываютъ своими дѣйствіями, что они считаютъ актъ ея возобновленія законнымъ, то не только турки, но и всѣ вообще мало-по-малу

признають ее также законною. Образоваться такому взгляду на дѣло между болгарами не мало способствовала латинская пропаганда, разсчитывавшая, что чѣмъ болѣе разобщается болгарская церковь отъ вселенскаго патріархата, тѣмъ удобнѣе будетъ подчинить ее папѣ.

Иларіонъ былъ увѣщеваемъ болгарскими руководителями совершить божественную службу 23-го апрѣля, въ день св. великомученика и побѣдоносца Георгія, въ который, какъ въ одинъ изъ значительнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ на Востокѣ, должно было собраться въ церковь необыкновенное множество народа со всѣхъ концовъ и предмѣстій Константинополя. Но еще колеблясь, новопровозглашенный болгарскій „священноначальникъ" почувствовалъ себя тогда вдобавокъ нездоровымъ, вслѣдствіе чего и отказался служить въ тотъ день. На слѣдующій день приходилось воскресенье. Иларіону стало лучше, и онъ рѣшился, наконецъ, отслужить обѣдню. Стекшійся по этому случаю въ необычайномъ множествѣ народъ, увидавъ, что Иларіонъ безпрепятственно совершилъ литургію въ качествѣ независимаго главы собственной болгарской церкви, разошелся въ полной надеждѣ, что нарушенныя греческимъ патріархомъ права болгарской церкви будутъ снова востановлены.

Совершеніе службы Иларіономъ безъ патріаршаго благословенія побудило его святѣйшество возобновить передъ портой свое представленіе о необходимости усмиренія болгарскаго епископа. Патріархъ отправилъ по этому случаю на имя подлежащаго турецкаго министра новый „такриръ", въ коемъ просилъ подвергнуть Иларіона заслуженному имъ наказанію. Но порта опять не нашла цѣлесообразнымъ уважить его ходатайство.

„Возобновленная" болгарская самостоятельная іерархія имѣла, кромѣ Иларіона, другого еще вѣрнаго представителя въ лицѣ бывшаго великаго митрополита Авксентія, который, подобно Иларіону, сознательно рѣшился отложиться отъ „Великой Церкви" и стать во главѣ новой болгарской іерархіи. Авксентій получилъ образованіе и воспитаніе въ рыльскомъ монастырѣ, къ братіи коего онъ причислялся. Онъ достигъ архіерейскаго сана, еще до появленія греко-болгарской распри, благодаря слѣдующему обстоятельству. Ведя въ 1830—1835 жизнь монаха въ названномъ монастырѣ, онъ имѣлъ случай понравиться своею точностью и исполнительностью тогдашнему кюстендильскому владыкѣ, греку Артемію, проводившему часть лѣта въ семъ монастырѣ. Артемій задержалъ при себѣ молодого монаха и рукоположилъ его въ діаконы. Авксентій служилъ вѣрно и усердно своему владыкѣ,

и Артемій, цѣня эту вѣрность и усердіе, выказывалъ Авксентію все болѣе и болѣе довѣрія и, наконецъ, сдалъ на руки его всю хозяйственную часть митрополіи. Между тѣмъ Авксентій отличался въ архіерейскомъ домѣ не одною лишь честною и усердною службою. Благодаря своей любознательности и трудолюбію, онъ могъ въ самое непродолжительное время выучиться греческому языку, почти исключительно употреблявшемуся въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе сего у Артемія зародилась мысль передать самое управленіе епархіей своему вѣрному и честному діакону изъ болгаръ, а самому отправиться на жительство въ Константинополь, куда, кромѣ старыхъ привычекъ и воспоминаній, его давно тянули удобства и пріятность столичной жизни, по которымъ онъ тосковалъ въ глухомъ и скромномъ болгарскомъ городкѣ. Епархія интересовала греческаго владыку лишь какъ помѣстье, дававшее ему извѣстные доходы. Авксентій былъ уже испытанъ, какъ вѣрный и хорошій экономъ, такъ что владыкѣ можно было быть вполнѣ увѣрену, что онъ будетъ собирать доходы отъ епархіи и управлять всѣмъ хозяйствомъ митрополіи лучше его самого. Чрезъ посредство друзей въ столицѣ Артемію удалось получить отъ патріархата одобреніе его мысли, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, Авксентій нежданно возводится въ санъ епископа и получаетъ въ управленіе кюстендильскую епархію, въ качествѣ викарія оной, а Артемій отправляется въ Константинополь. Епископъ-болгаринъ управлялъ епархіею около десяти лѣтъ, внося, по собственнымъ его словамъ, ежегодно митрополиту-греку Артемію по двѣ тысячи турецкихъ лиръ (болѣе 20 тысячъ рублей). Сумма эта, немаловажная и нынѣ, считалась тогда весьма значительною. Но Авксентій собиралъ отъ епархіи болѣе двухъ тысячъ турецкихъ лиръ, ибо онъ посылалъ эту сумму Артемію уже по покрытіи изъ сборовъ всѣхъ расходовъ архіерейскаго дома и по удержаніи своего жалованья. Послѣ десяти лѣтъ управленія кюстендильскою епархіей, Авксентій былъ назначенъ герцеговинскимъ митрополитомъ. Онъ пробылъ въ этомъ званіи въ Мостарѣ десять лѣтъ, послѣ чего былъ отправленъ митрополитомъ въ Велесъ съ порученіемъ управлять въ то же время и сосѣднею кюстендильскою епархіей и посылать по прежнему доходы съ оной владыкѣ Артемію, который, будучи тѣмъ временемъ назначенъ „Великою Церковью" на александрійскую патріаршую каѳедру, не былъ принятъ мѣстными христіанами и египетскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего и остался безъ епархіи. Еще когда вселенскій патріархатъ, желая назначить на каѳедру Александріи своего кандидата безъ спроса ея жителей, предло-

жилъ-было сію каѳедру Артемію, послѣдній, полагая, что проектъ патріархата не удастся, условился съ нимъ, что если александрійскіе христіане его не примутъ, то онъ сохранитъ за собою доходы съ кюстендильской епархіи. Опасеніе Артемія сбылось. Послѣ того какъ онъ былъ рукоположенъ въ Константинополѣ александрійскимъ патріархомъ, египетское правительство, согласно желанію мѣстныхъ христіанъ, возразило, что вмѣшательство вселенскаго патріархата въ дѣла александрійской церкви противно обычаямъ и несогласно съ каѳолическою самостоятельностью послѣдней. Артемій, не имѣя вслѣдствіе того возможности отправиться въ Александрію, остался по прежнему жить въ Константинополѣ, титулуясь „бывшимъ александрійскимъ патріархомъ" и получая доходы кюстендильской епархіи, которые собиралъ и посылалъ ему велесскій митрополитъ Авксентій. Авксентію было обѣщано, что, по смерти Артемія, онъ будетъ назначенъ кюстендильскимъ митрополитомъ; но когда Артемій умеръ, то кюстендильская епархія была вновь передана архіерею изъ грековъ, а Авксентій былъ назначенъ дирохійскимъ митрополитомъ, безъ предварительнаго однако спроса, принимаетъ ли онъ это новое назначеніе. Удивленный такимъ поступкомъ патріархата, Авксентій отправляется въ Константинополь и заявляетъ, что онъ не приметъ этого назначенія. На основаніи его заявленія патріархатъ посылаетъ въ Дураццо другого архіерея, а Авксентія оставляетъ безъ епархіи. Это было въ 1859 году. Авксентій, имѣя въ виду, что онъ былъ назначенъ на дирахійскую каѳедру безъ предварительнаго его на то согласія, и что онъ не принялъ этого назначенія, полагалъ потому, что ему не слѣдуетъ называться „бывшимъ дирахійскимъ митрополитомъ", какъ сталъ послѣ того титуловать его, по существующему обычаю, патріархатъ. Онъ подписывался до самой смерти „бывшимъ велесскимъ митрополитомъ", хотя это было несообразно съ порядками патріархата и общепринятыми обычаями.

Авксентій, изъявивъ теперь согласіе стать вмѣстѣ съ Иларіономъ во главѣ „возобновленной" болгарской іерархіи, не оскорбился или, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не выразилъ, что оскорбляется тѣмъ, что, по отрицаніи патріаршей власти, „священноначальникомъ", т.-е. патріархомъ болгарской церкви, былъ провозглашенъ не онъ, а Иларіонъ, хотя послѣдній былъ тогда лишь простымъ епископомъ безъ епархіи, а онъ, Авксентій, былъ уже старымъ митрополитомъ, управлявшимъ, въ теченіе десятилѣтій, разными епархіями. Напротивъ, онъ подалъ примѣръ необыкновеннаго терпѣнія и скромности, уступая Иларіону первое мѣсто, даже при

богослуженіи, когда случалось священнодѣйствовать имъ обоимъ вмѣстѣ. Правда, Иларіонъ превосходилъ его умомъ и образованіемъ, но много ли такихъ, которые, преклоняясь предъ такимъ превосходствомъ, добровольно уступаютъ, ради того, свое старшинство младшимъ ихъ въ чиноначаліи?

Авксентій, хотя и стоялъ на второмъ планѣ въ новомъ фазисѣ, въ который вступила болгаро-греческая распря послѣ сдѣланнаго константинопольскими болгарами заявленія, въ день пасхи, показалъ, однако, своими дѣйствіями, что принимаетъ на себя одинаковую съ Иларіономъ отвѣтственность. Онъ сознавалъ правоту болгарскаго дѣла во всей ея полнотѣ и, имѣвъ возможность изучить вблизи духъ и стремленія высшаго греческаго духовенства, былъ глубоко убѣжденъ, что послѣднее никогда не согласится добровольно признать самостоятельность болгарской іерархіи. Поэтому онъ присоединился къ новому движенію своего народа со всею искренностью сердца, и въ день пятидесятницы служилъ литургію въ болгарской церкви, въ Фанарѣ, безъ патріаршескаго разрѣшенія, съ благоговѣніемъ и восторгомъ, свойственными лишь чистой и спокойной совѣсти.

Поступокъ константинопольскихъ болгаръ въ день пасхи послужилъ примѣромъ подражанія для соплеменниковъ ихъ въ провинціи. Послѣдніе прекратили также, другъ за другомъ, возглашеніе именъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, замѣнивъ его именемъ султана. Во многихъ мѣстахъ это было сдѣлано въ праздникъ святыхъ славянскихъ просвѣтителей, Кирилла и Меѳодія. Съ прекращеніемъ возглашенія именъ греческихъ архіереевъ и отверженіемъ патріархата, болгары вездѣ провозглашали священноначальникомъ своей церкви Иларіона макаріопольскаго. Съ цѣлью огражденія себя отъ преслѣдованія со стороны греческихъ владыкъ предъ гражданскою властью, живущіе въ провинціи болгары, поминая имя султана, возглашали также ему, по примѣру своихъ соплеменниковъ въ Константинополѣ, вышеприведенное многолѣтіе и пѣли пѣсню: „Веселися, нашъ народъ“.

Замѣчательно, что къ этому движенію присоединились также нѣкоторые изъ самихъ греческихъ архіереевъ, видя, что порта остается равнодушною къ представленіямъ патріархата о наказаніи виновниковъ онаго, а послѣдній не въ состояніи самъ внушить уваженіе къ своей власти. Первымъ поступилъ такъ софійскій митрополитъ Гедеонъ, который согласился поминать имя Иларіона вмѣсто имени патріарха, заявивъ, что онъ будетъ во всемъ сообразоваться съ желаніями мѣстной болгарской общины. Мало того, совершая 29-го іюня, въ день святыхъ пер-

воверховныхъ апостоловъ, божественную литургію, Гедеонъ самъ возгласилъ многолѣтіе болгарскому священноначальнику словами: Ἱλαρίωνος τοῦ ἱεράρχου πάσης Βουλγαρίας πολλὰ τὰ ἔτη [1]). Въ отвѣтъ симъ словамъ его, пѣвчіе восторженно пропѣли со всѣмъ народомъ по-болгарски: „Многая му лѣта Иларіону, българскому священноначальнику". Спустя нѣсколько времени, однако, Гедеонъ усомнился въ успѣхѣ болгарскаго дѣла и не исполнилъ обѣщаній, которыя онъ далъ своей паствѣ, полагая, что болгары будутъ освобождены отъ подчиненія патріарху; онъ питалъ надежду, что, раздѣляя ихъ образъ мыслей, можетъ и на будущее время остаться митрополитомъ въ Софіи. Что многіе изъ находившихся въ болгарскихъ епархіяхъ греческіе архіереи были готовы поддержать болгарское дѣло, еслибы были увѣрены, что болгары достигнутъ своихъ желаній,—убѣдительнымъ тому доказательствомъ можетъ послужить примѣръ филиппопольскаго митрополита Паисія, который, впрочемъ, присоединясь къ болгарамъ по причинѣ такого убѣжденія, остался имъ вѣрнымъ до самой смерти.

Исключая изъ церковныхъ молитвъ имена греческихъ архіереевъ и признавая своимъ священноначальствомъ, вмѣсто патріархата, начальство болгарской въ Константинополѣ церкви въ лицѣ Иларіона, болгары въ провинціи, частью поддерживаемые изъ Константинополя, а частью подражая другъ другу, также заявляли о расторженіи связи съ греческимъ духовенствомъ и о провозглашеніи собственной іерархіи—правительству высокой порты. Путешествіе верховнаго визиря, Мехмеда Кыбрызлы-паши, предпринятое имъ лѣтомъ 1860 года по поводу циркуляра русскаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, послужило болгарамъ весьма удобнымъ къ такому заявленію случаемъ. Этимъ циркуляромъ русскаго министра, какъ извѣстно, указывалось, что, вопреки обѣщаннымъ въ гатти-гумаюнѣ 1856 г. реформамъ и облегченіямъ, христіанамъ въ европейской Турціи дѣлаются по прежнему обиды и притѣсненія, и требовалось, чтобы европейскіе дворы напомнили портѣ принятыя ею на себя обязательства. Тогдашнимъ союзницамъ Турціи, Англіи и Франціи, показалось, что такой шагъ императорскаго кабинета можетъ повести къ изслѣдованію состоянія христіанъ въ турецкой имперіи отъ имени пяти великихъ державъ. Дабы тому воспрепятствовать и отклонить иностранное вмѣшательство во внутреннія дѣла государства, Англія и Франція посовѣтовали турецкому правительству поспѣшить самому развѣдать состояніе

---

[1]) „Иларіону, іерарху всей Болгаріи, многая лѣта".

подвластныхъ султану христіанъ. Съ этою цѣлью султанъ Абдулъ-Меджидъ назначилъ верховнымъ визиремъ Мехмеда Кыбрызлы-пашу, поручивъ ему немедленно отправиться въ Румелію, т.-е. европейскую Турцію, дабы разузнать обстоятельно о состояніи ея населенія и, если окажутся злоупотребленія со стороны властей, наказать виновниковъ оныхъ. Злоупотребленія происходили преимущественно въ нишскомъ округѣ. Поэтому верховный визирь отправился прямо въ Нишъ. На его пути туда и обратно, христіане мѣстностей, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, подавали ему прошенія и адресы, въ коихъ они высказывали свои нужды, желанія и жалобы. Болгары почти вездѣ жаловались ему, между прочимъ, и на греческихъ архіереевъ, прося султанское правительство освободить ихъ отъ ига греческаго патріархата и признать ихъ собственную іерархію. Изъ тѣхъ же болгарскихъ мѣстностей, чрезъ которыя верховному визирю не лежалъ путь, прошенія посылались прямо въ Константинополь—въ томъ же смыслѣ.

Независимо отъ прошеній, посылавшихся изъ округовъ, болгары пользовались также всякимъ другимъ случаемъ для ходатайства предъ султанскимъ правительствомъ о признаніи и утвержденіи возобновленной болгарской іерархіи. Такъ, въ сентябрѣ 1860 г., бывшіе на узунджовской ярмаркѣ болгарскіе купцы, замѣтивъ въ своей средѣ представителей изъ всѣхъ населенныхъ болгарскимъ народомъ мѣстъ, не упустили случая отправить съ ярмарки отъ лица всего своего народа на имя султана прошеніе, съ цѣлью поставить на видъ, что, вопреки увѣренію грековъ, вопросъ о болгарской іерархіи возбужденъ далеко не нѣсколькими лицами, а выражаетъ желанія всѣхъ болгаръ, которые всѣ единогласно просятъ его величество признать народное болгарское „священноначальство“ въ лицѣ первосвященнаго Иларіона. Къ этому прошенію прилагалась подпись 750 именитыхъ болгаръ изъ 32 городовъ.

Посылая подобныя прошенія правительству, живущіе въ провинціи болгары отправляли въ то же время другъ за другомъ, на имя преосвященнаго Иларіона, адресы, въ коихъ заявляли ему, что они отказываются отъ греческаго константинопольскаго патріарха, прерываютъ всякое сношеніе съ нимъ и съ зависящими отъ него архіереями, и подчиняются начальству болгарской въ Константинополѣ церкви, коего представителемъ состоитъ онъ. Въ этихъ адресахъ Иларіонъ нерѣдко титуловался, подобно константинопольскому патріарху, *всесвятѣйшій*. Они были составлены большею частію по слѣдующему образцу, высланному изъ Константинополя:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! нижеподписавшіеся жители (такого-то) округа, смиренно цѣлуя священную вашу руку, доводимъ до вашего свѣдѣнія, что и насъ также, какъ и прочихъ нашихъ соплеменниковъ, константинопольскій патріархъ, уничтоживъ, въ противность церковнымъ постановленіямъ нашу народную іерархію, давно уже заставилъ своими злоупотребленіями и нарушеніями законовъ подумать о способѣ освобожденія нашего отъ него; но пока божественному Провидѣнію не угодно было опредѣлить особое на то время, мы продолжали стонать подъ его притѣснительною властію. Теперь, узнавъ неожиданно, что соплеменники наши въ Константинополѣ торжественно отказались отъ нея, мы вышли также изъ терпѣнія и съ радостью отвергли богоненавистную власть греческаго духовенства, исключивъ изъ церковныхъ молитвъ имя патріарха и посланнаго имъ архіепископа, вмѣсто поминовенія коихъ постановили молиться о благоденствіи чадолюбивѣйшаго государя нашего султана Абдулъ-Меджида и о вашемъ высокопреосвященствѣ, какъ о священноначальникѣ нашемъ. Объ этомъ поступкѣ мы увѣдомили правительство высокой порты особыми прошеніями, въ коихъ просили его признать нашимъ духовнымъ начальствомъ только то начальство, которое слѣдуетъ указаніямъ своей совѣсти и законамъ своей религіи, т.-е. мы сами признаемъ начальство, состоящее при нашей народной церкви въ Константинополѣ, которую считаемъ истинною духовною матерью нашею. Сіе же самое мы нынѣ сообщаемъ и вашему высокопреосвященству, удостовѣряя приложеніемъ нашихъ подписей и печатей, что мы отнынѣ будемъ радостно признавать нашимъ церковнымъ начальствомъ начальство при нашей народной церкви въ Константинополѣ, отъ коего зависимыми объявляемъ себя нынѣ, сообразно постановленіямъ нашей религіи, и къ коему будемъ обращаться по всѣмъ своимъ религіознымъ нуждамъ и дѣламъ. Настоящее посланіе даетъ вамъ право ходатайствовать, въ качествѣ нашего уполномоченнаго и объ утвержденіи султанскимъ правительствомъ нашей зависимости отъ начальства вышепомянутой церкви, и о признаніи имъ нашей возобновленной іерархіи. Въ надеждѣ, что вы не лишите насъ вашего отеческаго отвѣта на настоящее посланіе наше, мы остаемся вашими смиренными во Христѣ чадами".

Эти адресы, вмѣстѣ съ посылавшимися высокой портѣ прошеніями, ободряли Иларіона среди неизвѣстности и сомнѣнія, и онъ время отъ времени рѣшался дѣйствовать какъ дѣйствительный автокефальный болгарскій архіепископъ. Такъ, когда жи-

тели Балчика (варненскаго округа), которые уже заявили, что они вовсе отвергають власть греческаго патріархата и не признають болѣе своимъ архипастыремъ поставленнаго ею въ Варнѣ архіерея, просили Иларіона рукоположить имъ священника, то онъ охотно исполнилъ ихъ просьбу. Рукоположеніе было совершено въ болгарской церкви, въ Фанарѣ, и новорукоположенный священникъ отправился послѣ сего благополучно въ Балчикъ, дабы занять тамъ свой приходъ.

Новое движеніе болгаръ противъ константинопольскаго патріархата застало послѣдняго въ весьма неблагопріятномъ положеніи для успѣшной съ болгарами борьбы. Распря, возникшая между вліятельными греческими митрополитами, съ одной стороны, и передовыми людьми изъ свѣтской среды, съ другой—касательно новаго порядка управленія патріархатомъ, выработаннаго такъ-называемымъ у грековъ „народнымъ собраніемъ" (ἐθνοσυνέλευσις), еще не стихла. Регламентъ, содержавшій этотъ порядокъ, не былъ еще утвержденъ портою. Недовольная имъ сторона пускалась во всевозможныя интриги, лишь бы султанское правительство не утвердило его, а другая—всячески ухищрялась, чтобы не дать ей возможности достигнуть того. Обѣ партіи преслѣдовали другъ друга съ ожесточеніемъ. Патріархъ Кириллъ, предсѣдательствовавшій въ „народномъ собраніи" и старавшійся держаться средины между двумя спорящими сторонами, не угодилъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ни той, ни другой. Изнеможенный среди трудностей, съ которыми приходилось ему бороться, и которыя увеличились съ новымъ движеніемъ болгаръ, упрекаемый обѣими спорящими партіями въ слабости и бездѣйствіи, онъ въ скоромъ времени послѣ состоявшейся въ день пасхи демонстраціи константинопольскихъ болгаръ подалъ въ отставку. Но порта не спѣшила принять его отставку, такъ какъ желала сперва разсмотрѣть и утвердить выработанный народнымъ собраніемъ регламентъ, дабы будущій патріархъ былъ выбранъ не по старому, а по новому порядку. Наконецъ, когда этотъ регламентъ былъ уже достаточно ею разсмотрѣнъ, она разрѣшила святѣйшему Кириллу подать установленнымъ порядкомъ прошеніе объ отставкѣ, что̀ его святѣйшество и исполнилъ 11-го мая. При всемъ томъ порта опять не спѣшила отвѣтить патріарху, по обычаю, „буюрултіей", т.-е. приказомъ, что отставка его принята, и что необходимо назначить, до выбора новаго патріарха, мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Прежде чѣмъ отправить въ патріархатъ такую „буюрултію", султанское правительство позаботилось о дополненіи главы регламента касательно избранія патріарха особыми поста-

новленіями, дававшими ему ручательство, что избранный патріархъ не будетъ изъ непріятныхъ ему лицъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго зависѣлъ тогда департаментъ исповѣданій, пригласилъ къ себѣ 6-го іюня нѣкоторыхъ изъ греческихъ архіереевъ и вліятельныхъ свѣтскихъ людей и объявилъ имъ что, такъ какъ патріархъ долженъ пользоваться довѣріемъ правительства, то необходимо постановить въ регламентѣ, что списокъ кандидатовъ на патріаршій престолъ представляется на разсмотрѣніе порты предварительно избранія, причемъ она вычеркиваетъ изъ него имена лицъ, не пользующихся ея довѣріемъ. Министръ порекомендовалъ имъ созвать членовъ „народнаго собранія“ для разсмотрѣнія его предложенія. Это обстоятельство встревожило снова противниковъ новаго регламента, которые, видя, что имъ вообще перестали-было заниматься, также мало говорили о немъ, и они принялись снова работать противъ его примѣненія. Такъ какъ митрополиты-геронты, бывшіе душою оппозиціи противъ новаго регламента, были высланы правительствомъ въ свои епархіи, то единомышленники ихъ въ Константинополѣ, узнавъ, что „народное собраніе“ будетъ снова созвано въ засѣданіе, сдѣлали всевозможныя усилія, чтобы приглашены были для участія въ засѣданіи также и эти митрополиты. Послѣдніе, привыкшіе находиться всегда поближе къ дѣламъ, пламенно также желали возможно скорѣе возвратиться въ Константинополь; это желаніе еще болѣе усилилось у нихъ послѣ того, какъ начались приготовленія къ избранію новаго патріарха, ибо всякому изъ нихъ хотѣлось если не самому занять патріаршую каѳедру, то, по крайней мѣрѣ, видѣть возсѣдшимъ на нее своего друга. Предстоявшее избраніе патріарха привело въ движеніе также и архіереевъ, находившихся въ столицѣ. Газета „Византія“ горько упрекала ихъ за то, что „они ежедневно толпятся въ домахъ иностранныхъ посольствъ и пашей“, съ цѣлью похлопотать въ пользу своей кандидатуры на патріаршій престолъ и убѣдить, кого слѣдуетъ, въ необходимости пригласить въ столицу для участія въ избраніи патріарха также митрополитовъ-геронтовъ.

Осуждая ихъ, греческая газета упрекала также и патріарха въ недѣятельности. Но приверженцы владыкъ-геронтовъ не успѣли въ своемъ домогательствѣ. Засѣданіе народнаго собранія состоялось въ отсутствіе геронтовъ. Предложеніе министра о предварительномъ пересмотрѣ правительствомъ списка кандидатовъ было имъ одобрено. Оно постановило, однако, при семъ, что такъ какъ списокъ кандидатовъ будетъ представляемъ на предварительное разсмотрѣніе правительства, то избранное, по одобреніи имъ сего

списка, на патріаршую каѳедру лицо будетъ занимать свой постъ, не ожидая утвержденія порты въ своемъ званіи.

Такъ дополненная глава регламента объ избраніи патріарха была утверждена султанскимъ правительствомъ и получила силу закона. Вскорѣ послѣ того, а именно 5-го іюня, порта извѣстила патріарха, что она освобождаетъ его отъ должности. Въ тотъ же день святѣйшій Кириллъ, созвавъ къ себѣ архіереевъ, состоявшихъ членами синода, простился съ ними и оставилъ патріаршій домъ. Замѣчательно, что одинъ изъ такихъ архіереевъ, а именно никейскій митрополитъ Іоанникій, отвѣчая на прощальную рѣчь его святѣйшества, позволилъ себѣ обратить къ нему нѣсколько укоризненныхъ словъ, сказавъ, что церковь во время его патріаршества была поставлена въ прискорбное положеніе. Надо думать, что никейскій митрополитъ имѣлъ въ виду, порицая патріарха въ минуту оставленія имъ каѳедры и полнаго безсилія, обратить на себя общее вниманіе, какъ на ревнителя славы и величія патріаршаго престола, ибо онъ и былъ послѣ того избранъ мѣстоблюстителемъ онаго на время его сиротства. Три дня спустя послѣ оставленія каѳедры святѣйшимъ Кирилломъ, а именно 8-го іюля, члены синода были созваны, чтобы выслушать султанскій приказъ о его увольненіи и разсмотрѣть утвержденную портою главу регламента объ избраніи патріарха. Они нашли въ этой главѣ нѣкоторыя измѣненія, которыхъ, по ихъ мнѣнію, нельзя было допустить, и рѣшили обратить на то вниманіе порты, также какъ и указать ей на необходимость установить, что патріархъ утверждается правительствомъ непосредственно по своемъ избраніи и прежде, чѣмъ представится министрамъ, какъ высказалось о томъ и „народное собраніе“ въ своемъ недавнемъ засѣданіи. Послѣ сего они приступили къ избранію мѣстоблюстителя патріаршаго престола, что̀ и сдѣлали, замѣчаетъ „Византія“, послѣ большихъ между собою состязаній и преній.

По новому регламенту объ избраніи патріарха, мѣстоблюститель патріаршаго престола долженъ былъ прежде всего пригласить подвѣдомыхъ престолу архіереевъ, чтобы каждый изъ нихъ означилъ въ особомъ бюллетенѣ, кого изъ своихъ собратій онъ считаетъ заслуживающимъ патріаршаго званія. Такіе бюллетени архіереи должны были прислать въ патріархатъ въ теченіе 41 дня по осиротѣніи патріаршей каѳедры. По прошествіи сего срока, нужно было созвать избирательное собраніе, въ составъ коего должны были войти: 1) члены синода и всѣ случайно находящіеся въ Константинополѣ епархіальные архіереи; 2) свѣтскіе члены смѣшаннаго совѣта при патріархатѣ; 3) представители двадцати-

восьми изъ болѣе извѣстныхъ и обширныхъ епархій; 4) агенты (капу-кехаи) Валахіи, Молдавіи и Сербіи; 5) князь Самоса, если онъ въ столицѣ; 6) трое изъ патріаршихъ сановниковъ, логоѳетъ и двое другихъ; 7) трое изъ старѣйшихъ сановниковъ имперіи перваго и второго классовъ; 8) двое изъ служащихъ по военной части и состоящихъ въ чинѣ полковника и трое изъ гражданскихъ чиновниковъ; 9) четверо изъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ; 10) пятеро изъ купцовъ; 11) одинъ изъ банкировъ; 12) десятеро изъ ремесленниковъ, и 13) двое представителей отъ приходовъ Константинополя и Босфора. Избирательное собраніе должно было вскрыть присланные архіереями бюллетени, отмѣтить имена указанныхъ въ оныхъ кандидатовъ и присовокупить къ нимъ своихъ, если таковые одобрены одною третью его членовъ. Составленный такимъ образомъ списокъ всѣхъ кандидатовъ нужно было представить портѣ, имѣвшей право вычеркнуть изъ него неугодныхъ ей лицъ, еслибы таковыя оказались, послѣ чего собраніе должно было тайною подачей голосовъ выбрать троихъ изъ невычеркнутыхъ портою кандидатовъ. Изъ этихъ же троихъ кандидатовъ архіереи должны были, по призваніи святого Духа въ церкви, выбрать, тайною также подачею голосовъ и простымъ большинствомъ, одного, котораго тутъ же и провозглашали патріархомъ.

Высокая порта сперва утвердила изъ новаго регламента только главу объ избраніи патріарха, дабы предстоявшее избраніе преемника святѣйшаго Кирилла совершилось по новому узаконенію; прочія же части регламента она удержала у себя для разсмотрѣнія ихъ въ болѣе досужное время. Патріаршій намѣстникъ обратился съ циркуляромъ къ архіереямъ объ указаніи ими кандидатовъ немедленно по полученіи утвержденной портою главы регламента, но вражда и недовѣріе противныхъ другъ другу партій послѣ сего не только не прекратились, но еще болѣе усилились. Вскорѣ по избраніи патріаршаго намѣстника, приверженцы новаго регламента потребовали отъ него снарядить коммиссію изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ лицъ, которая бы надзирала за правильнымъ примѣненіемъ новыхъ постановленій относительно избранія патріарха. Двухъ свѣтскихъ должно было, по ихъ мнѣнію, взять изъ среды членовъ „народнаго собранія“, выработавшаго новый регламентъ, такъ какъ существовало сомнѣніе, будутъ ли архіереи, которые вообще не одобряли этого регламента, прилагать его добросовѣстно.

Намѣстникъ и синодъ сперва приняли это требованіе, но потомъ отвергли его. По совѣщаніи между собою, они нашли,

что не слѣдуетъ допускать вмѣшательства свѣтскихъ людей въ дѣла церкви. Этотъ отказъ огорчилъ членовъ „народнаго собранія". Но такъ какъ требованіе ихъ не было предусмотрѣно регламентомъ, то имъ нельзя было настаивать на его исполненіи. Намѣстникъ возражалъ, что онъ не въ правѣ исполнять то, о чемъ нѣтъ ни постановленія въ регламентѣ, ни распоряженія правительства. Члены собранія принуждены были ограничиться протестомъ, который они обнародовали въ газетахъ. Въ этомъ греческомъ документѣ содержатся горькія для высшаго греческаго духовенства истины. Происходя отъ такихъ авторитетныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ между греками лицъ, какими были члены собранія, выработавшаго новый регламентъ, онъ служитъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ справедливости жалобъ болгаръ противъ греческихъ архіереевъ. Онъ заслуживаетъ поэтому особеннаго вниманія. Адресованный на имя патріаршаго намѣстника, протестъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Велика отвѣтственность вашего преосвященства въ нынѣшнія смутныя времена. Отъ васъ, а не отъ кого-либо другого потребуется отчетъ о хорошемъ или дурномъ управленіи народными церковными дѣлами. Поэтому мы къ вамъ обращаемъ сіи слова, которыя вы должны выслушать и сообщить также прочимъ находящимся около васъ членамъ іерархіи.

„Систематическое пренебреженіе священными церковными правилами и ужасныя злоупотребленія, совершаемыя съ давнихъ поръ, поколебали религіозныя убѣжденія сыновъ православной церкви и ослабили ихъ уваженіе къ священному клиру. На имя Великой Церкви, какъ и на имя правительства подано было донынѣ не мало жалобъ, но ничего не было сдѣлано для прекращенія поводовъ къ нимъ, равно какъ и весьма рѣдко онѣ получали успокоивающее народъ разрѣшеніе, ибо защитить того, коего виновность не подлежала сомнѣнію, считалось, какъ и теперь еще выражаются, *братолюбивою обязанностью святительскаго сострадакія.*

„Въ виду чрезмѣрнаго зла, правительство вынуждено было составить временное собраніе для выработки новаго регламента. Это собраніе должно было сдѣлать большія усилія для успѣшнаго исполненія своей задачи, такъ какъ ему предстояла борьба съ приверженцами системы, изобилующей злоупотребленіями, но, благодаря Божіей помощи, оно окончило свою миссію. Теперь нужно примѣнить на дѣлѣ его постановленія относительно избранія патріарха. Отъ добраго успѣха въ семъ будетъ зависѣть будущее „ромейскаго" (т.-е. восточно-римскаго) народа, и пат-

ріаршій намѣстникъ, который имѣетъ большое вліяніе на исходъ избранія, принесетъ большую пользу, если станетъ на добрый путь.

„Мы, члены народнаго собранія, не хотѣли входить въ споръ относительно избранія намѣстника, которое присвоили себѣ пребывающіе въ столицѣ архіереи, такъ какъ считали это дѣло маловажнымъ; но назначеніе двухъ лицъ и 36 свѣтскихъ членовъ собранія для наблюденія за примѣненіемъ утвержденной правительствомъ части регламента имѣетъ въ глазахъ нашихъ большую важность. Вы согласились на наше предложеніе о семъ назначеніи вмѣстѣ со всѣми архіереями, но не исполнили его. Вы возразили, что для исполненія его вамъ нужно получить приказаніе порты, между тѣмъ какъ вы приняли безъ ея приказанія въ число членовъ синода не имѣющихъ на то права архіереевъ. Если поискать, то можно бы было найти еще и другія доказательства вашего пристрастія. При такомъ направленіи архіереевъ, сосредоточеніе въ ихъ рукахъ управленія народными дѣлами и примѣненіе новыхъ постановленій объ избраніи патріарха лишаетъ всякаго основанія надежды народа на лучшій порядокъ. Вслѣдствіе сего мы снимаемъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаемъ за собою право предохранять народные интересы отъ ущерба, который можетъ имъ нанести произвольный образъ дѣйствія вашего преосвященства и прочихъ архіереевъ“.

Противившіеся введенію новыхъ порядковъ архіереи отвѣтили на этотъ протестъ брошюрой, въ коей доказывалось, что члены такъ-названнаго народнаго собранія—самозванцы, ибо послѣднее уже распущено; что выработанный этимъ собраніемъ регламентъ можетъ пріобрѣсть законную силу, лишь если онъ получитъ одобреніе патріархата и народа, которые, нѣтъ сомнѣнія, не дадутъ сего одобренія. Нынѣшнее потрясеніе церкви,—говоритъ далѣе авторъ брошюры,—дѣло немногихъ нѣкіихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, которыя, привлекши на свою сторону патріарха и воспользовавшись простотою представителей изъ провинціи, нарушили права народа и узаконили такіе порядки, какіе, большею частію, требовались ихъ личными интересами. Эти самыя немногія лица теперь принялись представлять весь народъ и заправлять его дѣлами.

Вслѣдствіе такой борьбы между двумя партіями созваніе избирательнаго собранія, долженствовавшее произойти въ 41-й день послѣ отставки патріарха, т.-е. 17-го августа, было отсрочено. Въ составъ избирательнаго собранія должны были, какъ выше упомянуто, войти свѣтскія лица разныхъ категорій, какъ-то:

государственные и патріаршіе сановники, ученые и проч. Этихъ лицъ нужно было предварительно указать поименно. При взаимномъ недовѣріи двухъ партій трудно было придти имъ къ согласію въ рѣшеніи сего вопроса. При томъ большая часть временно пребывавшихъ въ то время въ Константинополѣ епархіальныхъ митрополитовъ прибыли сюда, вызванные патріархатомъ для отвѣта на поданныя противъ нихъ жалобы и обвиненія. Между тѣмъ давнишній обычай освятилъ то, чтобы случайно находящіеся въ столицѣ митрополиты участвовали въ засѣданіяхъ синода. Возникъ поэтому вопросъ, должны ли и эти, уже подсудимые, архіереи участвовать въ избраніи патріарха. Новый регламентъ давалъ это право всѣмъ случайно находившимся въ Константинополѣ епархіальнымъ архіереямъ наравнѣ съ членами синода. Приверженцы новаго регламента не имѣли никакого довѣрія къ подсудимымъ архіереямъ. Ихъ противники находили, напротивъ, нужнымъ защищать ихъ при обсужденіи возникшаго вопроса. Разъ въ патріархатѣ уже порѣшили настаивать, чтобы синодъ состоялъ только изъ не-подсудимыхъ архіереевъ, но этотъ проектъ не получилъ формальнаго одобренія. Между тѣмъ порта дала, по случаю предстоявшаго избранія патріарха, позволеніе возвратиться въ Константинополь всѣмъ митрополитамъ-геронтамъ, которые хотя и были высланы изъ столицы, вслѣдствіе своего сопротивленія новому регламенту, но, будучи, по старымъ узаконеніямъ, членами синода по праву, должны были принять участіе въ этомъ избраніи. Съ прибытіемъ ихъ въ столицу противная новымъ порядкамъ партія усилилась и начала пытаться, не будетъ ли возможно выхлопотать у порты позволеніе, чтобы патріархъ былъ избранъ по старымъ узаконеніямъ, бывшимъ до того времени въ силѣ. Кромѣ ходатайствъ передъ портою со стороны патріаршаго намѣстника, всѣ члены синода, за исключеніемъ митрополитовъ Арты, Амасіи и Меленика, отнеслись къ министру съ прошеніемъ, въ коемъ, представляя прискорбное положеніе церковно-народныхъ дѣлъ, изо дня въ день все болѣе ухудшавшихся, вслѣдствіе отсрочки избранія патріарха, просили его распустить выработавшее новый регламентъ собраніе, которое они называли временною коммиссіею, такъ какъ безъ этого нельзя было избрать патріарха согласно церковнымъ правиламъ, народнымъ привилегіямъ и новому регламенту. Преосвященные митрополиты-геронты знали, что, съ распущеніемъ сего собранія, они пріобрѣтутъ прежнее свое вліяніе на дѣла, и что послѣ того они мало-по-малу поставятъ все по своему. Но ихъ прошеніе не было уважено султанскимъ правительствомъ,

которое было болѣе склонно поддерживать приверженцевъ новаго регламента, чѣмъ ихъ противниковъ. Порта была заинтересована въ примѣненіи сего регламента, выработаннаго по ея распоряженію, основанному на гатти-гумаюнѣ 1856 года. Оно должно было послужить доказательствомъ, что этотъ гатти-гумаюнъ приводится мало-по-малу въ исполненіе.

Члены народнаго собранія, вопреки желанію архіереевъ, приняли также участіе въ поименномъ означеніи лицъ изъ разныхъ категорій чиновниковъ, которые должны были войти въ составъ избирательнаго собранія. По означеніи этихъ лицъ, не было болѣе причины отлагать избраніе патріарха, вслѣдствіе чего было рѣшено созвать избирательное собраніе на 20-е сентября. Въ первомъ засѣданіи сего собранія нужно было вскрыть бюллетени архіереевъ и составить по нимъ каталогъ кандидатовъ на патріаршую каѳедру. По этимъ бюллетенямъ кандидатами оказались: бывшій константинопольскій патріархъ Анѳимъ изъ Ефеса, котораго звали также, по мѣсту его рожденія, Куталіаносъ (35-ю голосами), бывшій константинопольскій патріархъ Григорій (17-ю голосами), бывшій константинопольскій патріархъ Анѳимъ Византійскій (1 голосомъ), александрійскій патріархъ (5-ю голосами) и митрополиты кизичскій (8-ю голосами), никейскій (1 голосомъ), дерконскій (1 голосомъ), солунскій (1 голосомъ), серресскій (3-мя голосами) и бруссенскій (1 голосомъ). Къ нимъ избирательное собраніе прибавило, съ своей стороны, халкидонскаго митрополита.

Между греками господствовало мнѣніе, что въ такое смутное и критическое для патріархата время нужно выбрать въ патріархи человѣка энергичнаго, рѣшительнаго, опытнаго и мудраго, который могъ бы, какъ выражалась газета „Византія“, возвратить церковь въ прежнее ея положеніе, т.-е. остановить болгаръ въ новомъ ихъ движеніи и привести ихъ въ прежнее подчиненіе патріархату. „Дѣло,--восклицала греческая газета,—идетъ не о чемъ-либо малозначительномъ и самомъ по себѣ ничтожномъ. Священнѣйшіе интересы и привилегіи нашего народа находятся въ опасности, если не будетъ возведено на патріаршую каѳедру лицо, надѣленное необходимыми для того качествами“. Такимъ лицомъ общественное мнѣніе, между греками, считаетъ бывшаго константинопольскаго патріарха Анѳима Куталіаноса, того самаго, который, по такому же указанію общественнаго мнѣнія, былъ выбранъ патріархомъ въ 1871 году, и чрезъ нѣсколько времени послѣ того провозгласилъ болгаръ схизматиками. Этимъ объясняется, что въ числѣ указанныхъ архіерейскими бюллетенями

кандидатовъ онъ имѣлъ наибольшее число голосовъ. Но митрополиты-геронты не желали видѣть его патріархомъ, такъ какъ не ладили съ нимъ, и знали, что онъ не будетъ дѣйствовать за-одно съ ними. По этой причинѣ они, когда переданъ былъ на разсмотрѣніе порты списокъ кандидатовъ, адресовали подлежащему министру прошеніе, въ коемъ просили исключить изъ списка Анѳима Куталіаноса, котораго они осыпали, по этому случаю, всевозможными клеветами. „Съ какою совѣстію,—спрашивала газета „Византія“,—сіи честные старцы призовутъ на себя Всесвятого Духа предъ избраніемъ главы церкви и народа, послѣ того какъ они столь явно высказались противъ кандидата, возведенія коего на патріаршую каѳедру желаетъ почти весь народъ“. Порта не исключила, однако, Анѳима Куталіаноса изъ списка кандидатовъ, и онъ, на второмъ засѣданіи избирательнаго избранія, на коемъ, по регламенту, всѣ члены, духовные и свѣтскіе, должны были выбрать изъ всѣхъ кандидатовъ только троихъ, получилъ наибольшее число голосовъ. Но патріархомъ имѣлъ быть провозглашенъ тотъ изъ этихъ трехъ кандидатовъ, котораго укажутъ архіереи тайною подачею голосовъ, происходящею въ церкви по призваніи Святого Духа, а они могли выбрать и того изъ нихъ, который получилъ наименьше голосовъ. Исходъ голосованія въ церкви зависѣлъ также отъ рѣшенія вопроса, будутъ ли участвовать въ этомъ голосованіи и подсудимые архіереи; этотъ вопросъ былъ поднимаемъ и прежде, но остался безъ рѣшенія. По избраніи трехъ кандидатовъ, во второмъ засѣданіи избирательнаго собранія приступлено было также къ разрѣшенію и этого вопроса, но, при обсужденіи его, страсти послѣдователей противныхъ другъ другу партій до такой степени разгорѣлись, что пренія между ними окончились ругательствами и побоями, и вопросъ остался нерѣшеннымъ, вслѣдствіе чего подача голосовъ архіереями въ церкви была отложена до рѣшенія этого вопроса. Вмѣсто того, чтобы попытаться придти къ соглашенію между собою и не вмѣшивать въ дѣло мусульманскаго правительства, обѣ партіи отнеслись къ портѣ съ жалобами и обвиненіями другъ противъ друга. Каждая изъ нихъ старалась убѣдить турецкихъ министровъ, что право на ея сторонѣ. Порта порѣшила, что въ подачѣ голосовъ, происходящей въ церкви между одними архіереями, должны принять участіе всѣ архіереи. Послѣдніе собрались послѣ того въ церковь, но выбрали не Анѳима Куталіаноса, а одного изъ геронтовъ—кизичскаго митрополита Іоакима, который и вступилъ на патріаршую каѳедру подъ именемъ Іоакима II.

II.

Раздоръ между приверженцами и противниками новаго регламента въ средѣ греческаго общества и духовенства, столь явно для всѣхъ обнаружившійся по случаю избранія патріарха и приведшій греческихъ передовыхъ людей къ весьма нелестнымъ отзывамъ о направленіи высшаго греческаго духовенства, послужилъ для болгаръ неоспоримымъ доказательствомъ отпаденія греческихъ архіереевъ отъ христіанскаго духа и закорененія ихъ во злѣ. Они оправдывали такими, происходившими въ самомъ нѣдрѣ „Великой Церкви", скандалами свой поступокъ по отношенію къ патріархату и видѣли въ нихъ поощреніе для себя къ постоянству въ стремленіи добиться признанія своей, фактически уже существующей, іерархіи. При семъ избраніе патріарха подало имъ поводъ снова заявить какъ правительству порты, такъ и патріархату, что они будутъ держаться въ сторонѣ отъ всего, что̀ дѣлается въ послѣдней. Въ числѣ 28 епархій, коимъ новый регламентъ предоставилъ право посылать представителей въ избирающее патріарха собраніе, находилось также нѣсколько чисто болгарскихъ, какъ напримѣръ софійская, тырновская, виддинская. Бывъ приглашены патріархатомъ послать своихъ представителей, живущіе въ этихъ епархіяхъ болгары вообще оставили безъ вниманія это приглашеніе, но нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали по этому случаю письменное заявленіе, что, разъ отказавшись отъ патріархата и признавая надъ собою „священноначальство" болгарской въ Константинополѣ церкви, они не могутъ участвовать въ избраніи патріарха, какъ чуждаго имъ и принадлежащаго другому племени духовнаго начальника. Такъ точно поступили и руководители болгарской въ Константинополѣ общины, которыхъ патріархатъ пригласилъ-было также принять участіе въ засѣданіяхъ выборнаго собранія, съ цѣлью какъ польстить самолюбію этихъ вліятельныхъ между всѣми ихъ соплеменниками людей, такъ и показать всѣмъ, что онъ одинаково призываетъ грековъ и болгаръ къ принятію участія въ избраніи общаго имъ духовнаго начальника. „Получилъ я, — отвѣчалъ патріаршему намѣстнику одинъ изъ такихъ болгаръ,—ваше посланіе, отъ 15-го сего сентября, коимъ вы, съ одобренія священнаго синода и передовыхъ людей вашего народа, приглашаете меня присутствовать въ собраніи, которое созывается на 20-ое сентября для выбора патріарха. Такъ какъ болгарскій народъ, что вамъ извѣстно, отказался признавать надъ собою власть вселенскаго патріарха, и такъ какъ все, что̀

послѣ того сдѣлано или будетъ впредь сдѣлано въ патріархатѣ, не можетъ болѣе имѣть никакого значенія для него, то и я, какъ членъ болгарскаго народа, раздѣляя его чувства и образъ мыслей, не могу присутствовать въ томъ собраніи и принять участіе въ предстоящемъ избраніи".

Избраніе патріарха произошло въ началѣ октября, т.-е. въ четвертый мѣсяцъ со дня отставки святѣйшаго Кирилла, и въ седьмой со дня возобновленія болгарской народной іерархіи въ лицѣ Иларіона и Авксентія. Если избраніе патріарха было на нѣкоторое время отложено, то это объяснялось желаніемъ порты и греческаго общества, чтобы патріархъ былъ выбранъ по новому регламенту, для разсмотрѣнія и утвержденія коего правительствомъ требовалось извѣстное время, также какъ и для приспособленія его необходима была извѣстная подготовка, долженствовавшая, между прочимъ, устранить и сопротивленіе высшаго духовенства введенію новыхъ порядковъ. Но между болгарами шли по этому случаю другого рода толки. Болгары предполагали, видя отсрочку выборовъ патріарха, что, должно быть, султанское правительство имѣетъ въ виду признать болгарскую ерархію, для каковой цѣли потребовалось бы также выдѣлить изъ натріархата болгарскія епархіи, и потому оно распорядилось отложить выборы. Въ „бератѣ", который выдается патріарху по его избраніи, исчисляются всѣ его права и привилегіи, а также опредѣляются границы подвѣдомой ему церковной области, въ которую включаются также тырновское, охридское и ипекское архіепископства. Если Порта имѣетъ въ виду признать особое управленіе для болгарскихъ епархій, то она должна исключить ихъ изъ „берата" патріарха, а это легче сдѣлать—толковали между собою болгары—пока еще не занятъ патріаршій престолъ и не выданъ новый „бератъ". Но вотъ, наконецъ, патріархъ былъ выбранъ, а также и „бератъ" ему выданъ,—между тѣмъ болгарскій вопросъ остался безъ разрѣшенія. Это обстоятельство смутило до нѣкоторой степени болгаръ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по избраніи патріарха разнесся слухъ, что для разрѣшенія болгарскаго вопроса будетъ снаряжена смѣшанная коммиссія изъ болгаръ и грековъ, которая должна разсмотрѣть жалобы болгарскаго народа противъ высшаго греческаго духовенства, но прежде того болгары должны идти „поцѣловать руку у новаго патріарха", иными словами, подчиниться вновь патріархату. Этотъ слухъ вскорѣ подтвердился и съ оффиціальной стороны. Завѣдывавшій департаментомъ исповѣданій турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, пригласивъ къ себѣ преосвященнаго Иларіона, сообщилъ ему, что порта

находить цѣлесообразнымъ учредить смѣшанную коммиссію для разсмотрѣнія жалобъ болгаръ противъ патріархата, но прежде сего болгарамъ необходимо исполнить извѣстную формальность по отношенію къ новому патріарху, т.-е. имъ необходимо засвидѣтельствовать сему послѣднему почтеніе свое, какъ высшему своему духовному начальнику. Противъ назначенія смѣшанной коммиссіи для обсужденія ихъ жалобъ и желаній болгары не имѣли ничего возразить, хотя оно не предвѣщало скораго разрѣшенія ихъ дѣла. Рѣшеніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ всегда и вездѣ подготовляется предварительнымъ ихъ изученіемъ посредствомъ коммиссій. Но соединенное съ симъ назначеніемъ условіе, чтобы болгары предварительно изъявили свою покорность патріарху, подрывало цѣликомъ почву, на которую они стали въ день пасхи отверженіемъ власти „Великой Церкви" и провозглашеніемъ собственной народной іерархіи. Оно показывало, что построенный ими передъ пасхой силлогизмъ, будто порта не затруднится признать собственную болгарскую іерархію, если болгары заявятъ, что совѣсть не позволяетъ имъ считать греческихъ архіереевъ своими архипастырями, и что таковыми для нихъ могутъ быть лишь народные ихъ архіереи,—не имѣлъ убѣдительной силы для турокъ. Но болгарскіе руководители въ Константинополѣ знали, что еслибы они подчинились снова патріарху, то они тѣмъ показали бы всѣмъ своимъ соплеменникамъ, что надежда на признаніе портой недавно провозглашеннаго собственнаго болгарскаго „священноначальства", которую они имъ подавали и которою могли парализовать дѣйствія римской пропаганды, не имѣла никакого основанія. Они вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись бы подозрѣнію, что не радѣютъ о народныхъ интересахъ, и подтвердили бы клеветы органа пропаганды, будто они направляютъ народныя дѣла сообразно лишь своимъ корыстнымъ видамъ.

Въ описываемое нами время болгарамъ надлежало бороться не только съ греками, но и съ римскою пропагандой, которой покровительствовали Франція и Австрія, и которой благопріятствовало само турецкое правительство. Имъ нужно было такъ умно вести свое дѣло, чтобы ни греки, ни пропаганда, не могли осуществить свои предположенія по отношенію къ нимъ. Борьба съ послѣднею была тѣмъ труднѣе, что она успѣла разставить свои сѣти повсюду въ Болгаріи и даже заманила въ нихъ немаловажную часть болгарской интеллигенціи. При семъ римской пропагандѣ благопріятствовала въ высшей степени самая суть греко-болгарской распри. Тогда какъ греки не только противились возстановленію болгарской іерархіи, но и стремились похоронить

навсегда болгарскую народность, латинская пропаганда сулила болгарамъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны жертвъ, полное осуществленіе ихъ желаній объ отдѣльномъ отъ грековъ управленіи болгарской церкви и самостоятельномъ существованіи и развитіи болгарской народности. Одною только строкою, а именно, что они принимаютъ унію съ римскою церковью, болгары упразднили бы всѣ усилія грековъ ко вторичному ихъ порабощенію и освободились бы навсегда отъ нихъ. Никакія подозрѣнія, никакія клеветы не тревожили бы ихъ послѣ такого заявленія. Пропаганда вдобавокъ столь искусно умѣла заманивать болгаръ въ свои сѣти и столь хитро пользовалась всякимъ обстоятельствомъ среди хода греко-болгарской распри, которую турецкое правительство по временамъ искусственно направляло въ ея пользу, что всякая помѣха ея планамъ и предохраненіе болгарскаго народа отъ предстоявшей ему опасности должны считаться однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ новой болгарской исторіи.

Католическая пропаганда дѣйствовала явно и тайно. Явная ея дѣятельность совершалась посредствомъ органа ея, газеты „Българія", руководимой Драганомъ Цанковымъ [1]), а тайная заключалась во всевозможныхъ интригахъ, по соглашенію съ турками, для направленія греко-болгарской распри въ пользу католицизма, въ подкупахъ и обѣщаніяхъ всякихъ благъ отъ французскаго покровительства. Доводы, которые приводила газета „Българія" для убѣжденія болгаръ въ необходимости и пользѣ принятія уніи съ римскою церковью, состояли въ слѣдующемъ. Константинопольскій патріархъ не только не имѣетъ канонической власти надъ болгарами, но и самъ—неканоническій патріархъ. Онъ никогда не согласится допустить отдѣльное отъ патріархата болгарское церковное управленіе, а султанъ, къ которому болгары обращаются съ просьбою объ этомъ, не можетъ того сдѣлать, ибо онъ не папа и не патріархъ. Но если и предположить, что болгарамъ, наконецъ, было бы даровано самостоятельное церковное управленіе или, что̀ тоже, была бы признана провозглашенная ими народная независимая іерархія, то эта іерархія не принесетъ имъ большой пользы, ибо болгарскіе архіереи, подобно греческимъ, лишены хорошаго воспитанія и

[1]) Газета „Българія", отвѣтственнымъ издателемъ и редакторомъ коей былъ Драганъ Цанковъ, была органомъ папской миссіи въ Константинополѣ, состоявшей изъ лазаристовъ. Послѣдніе, дабы склонить болгаръ къ принятію уніи, дѣлали чрезъ эту газету всевозможные нападки и на греческое духовенство, и на всю восточную православную церковь, также какъ и на всѣхъ, кто сопротивлялся совѣтамъ, какіе подавались ими болгарамъ.

благочестія, тогда какъ еслибы болгарскій народъ обратился къ папѣ и призналъ бы его власть надъ собою, то тогда было бы кому наблюдать за болгарскими архіереями, и вся болгарская община имѣла бы опытнаго и мудраго кормчаго. Обращеніе болгаръ къ папѣ произвело бы хорошее впечатлѣніе и на турецкое правительство, ибо оно преградило бы Россіи путь къ вліянію среди болгаръ, тогда какъ этотъ путь былъ бы ей открытъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ существованіемъ самостоятельной болгарской іерархіи, и въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему высокая порта никогда не согласится признать для болгаръ особую самостоятельную іерархію, которая, въ самомъ дѣлѣ, была бы не чѣмъ инымъ, какъ чистою „башибузучною" іерархіею. Ходатайство о такой іерархіи не будетъ принято во вниманіе правительствомъ порты и по той еще причинѣ, что оно подаетъ поводъ къ предположенію, что болгары, получивъ церковную самостоятельность, пожелаютъ себѣ и политической. Противники соединенія съ римскою церковью — орудіе Россіи. Это люди, обольщенные русскими деньгами. Они служатъ Россіи за получаемыя ими отъ нея деньги въ ущербъ интересамъ своего собственнаго народа.

Если католическій органъ почти каждодневно трубилъ, что учрежденіе независимой отъ патріарха и папы болгарской іерархіи откроетъ широкій путь вліянію Россіи между болгарами, если онъ столь явно клеветалъ на руководителей болгарскаго народа, дѣйствовавшихъ въ духѣ православія и въ интересѣ самостоятельнаго развитія болгарской народности, будто они — орудіе Россіи, то можно себѣ представить, сколь неразборчивы должны были быть агенты латинской пропаганды въ выборѣ тайныхъ средствъ для достиженія цѣли. Тогдашнимъ вождямъ болгарскаго народа надлежало раскрывать всѣ ихъ интриги и всѣ ихъ козни, опровергать всѣ ихъ софизмы и клеветы. Они должны были поддерживать въ народѣ убѣжденіе въ правотѣ его дѣла, внушать ему надежду на успѣшный исходъ борьбы и увѣщевать его не уклоняться отъ прямого пути, несмотря на трудности и препятствія, которыми онъ былъ усѣянъ. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ тѣхъ рѣчей, съ коими они обращались къ народу, чтобы предостеречь его отъ неправильныхъ сужденій и ошибочныхъ увлеченій по поводу вышепомянутыхъ неблагопріятныхъ возобновленію независимой іерархіи извѣстій, которыя агенты пропаганды старались эксплуатировать.

„Тщетно нѣкоторые усиливаются увѣрять всѣхъ, что если болгары не освободятся отъ греческой іерархіи, то они на долгое

время, если не навсегда, останутся подъ ея игомъ, и потому необходимо имъ поспѣшить перемѣною вѣроисповѣданія пріобрѣсти покровительство папы. Увлекаясь внушенными имъ мыслями, вѣрность и цѣну коихъ они не провѣрили и не могутъ провѣрить, побуждаемые еще своекорыстными разсчетами, эти люди, безъ сомнѣнія, не понимаютъ всесильнаго дѣйствія прогресса, которому новые порядки имперіи открываютъ столь благопріятную почву. Еслибы кто, назадъ тому десять или пятнадцать лѣтъ, сталъ имъ говорить о настоящемъ отношеніи болгаръ къ греческимъ архіереямъ, находящимся въ презрѣніи всего народа и выгнаннымъ изъ своихъ епархій, то оно бы показалось имъ гораздо менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ признаніе оттоманскимъ правительствомъ нашей народной независимой іерархіи, достигнутое одними честными и законными средствами. Если болгарское населеніе могло, на разстояніи этихъ пятнадцати лѣтъ, оцѣнивъ по достоинству низкій уровень нравственнаго состоянія греческаго духовенства, почувствовать ненависть къ нему и пожелало замѣнить его собственнымъ, которое, одушевляясь благочестіемъ и патріотизмомъ, подчинялось бы дѣйствительному состоянію страны и согласнымъ съ условіями вѣка порядкамъ, то чтò было бы по истеченіи новыхъ пятнадцати лѣтъ? Мы не сомнѣваемся, что если бы греческое духовенство продолжило, вопреки нашимъ основательнымъ ожиданіямъ, свое господство надъ болгарами еще десять лѣтъ, то оно бы само себѣ приготовило окончательное паденіе. Уже теперь греческіе архіереи стали посмѣшищемъ своихъ паствъ, принужденные прибѣгать, вмѣсто прежнихъ угрозъ, къ ласкательствамъ и подкупамъ для сохраненія за собою занимаемыхъ ими мѣстъ. Чтò же будетъ позже, когда нынѣшнее пятнадцатилѣтнее поколѣніе вступитъ въ возмужалый возрастъ и будетъ управлять народными дѣлами? Мы не сомнѣваемся, что господство греческихъ архіереевъ само по себѣ прекратится. Самый патріархатъ, нѣкогда грозный и могущественный, а нынѣ униженный и презираемый, придетъ мало-по-малу въ полное безсиліе, благодаря благотворнымъ порядкамъ, которые вводитъ въ страну турецкое правительство, и вліянію образованія, которое все болѣе и болѣе распространяется въ народѣ, несмотря на встрѣчаемыя къ тому со стороны ея представителей препятствія.

„Вотъ чтò было бы, еслибы греческіе архіереи успѣли, по нѣкоторымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, удержаться на своихъ мѣстахъ и на этотъ разъ, и болгары остались бы подъ ихъ номинальною властью! И такой результатъ получился бы

лишь вслѣдствіе одного презрѣнія, которое они неминуемо навлекутъ на себя со стороны народа. Мы не упоминаемъ о той моральной силѣ, которую болгары пріобрѣтутъ въ теченіе этого времени, о томъ значеніи, котораго они достигнутъ въ глазахъ порты своимъ трудолюбіемъ, честностью, вѣрностью и покорностью, о тѣхъ близкихъ отношеніяхъ къ именитымъ лицамъ имперіи, въ которыхъ будутъ находиться болгарскіе народные дѣятели, вслѣдствіе своего просвѣщеннаго и вѣрнаго служенія общему отечеству. Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, достаточно взглянуть безъ предубѣжденія на прошедшее.

„Къ чему теперь можетъ служить и какой результатъ можетъ имѣть перемѣна вѣроисповѣданія, которое мы хранили въ теченіе вѣковъ, и для чего бы мы отступили отъ вѣры нашихъ предковъ, какъ то совѣтуютъ намъ съ такимъ усердіемъ нѣкоторые обманутые умы? Еслибы теперь болгары, всѣ или часть ихъ, согласились допустить какую-нибудь перемѣну въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, то это они сдѣлали бы не по убѣжденію, а въ видахъ освободиться отъ греческаго духовенства. Но заслуживаетъ ли уваженія тотъ человѣкъ, а еще болѣе тотъ народъ, который мѣняетъ свои религіозныя вѣрованія ради пріобрѣтенія нѣкоторыхъ обѣщаемыхъ ему миссіонерами правъ? Увѣрены ли мы, что намъ непремѣнно будутъ даны обѣщаемыя теперь права и съумѣемъ ли мы сохранить ихъ за собою? Почему не предположить, что тотъ, кто прежде лгалъ, можетъ солгать и теперь? Католическіе монахи позволяли и позволяютъ себѣ всякую ложь въ видахъ распространенія папства. Какого добра могутъ болгары ожидать отъ папы и его монаховъ, когда его собственные подданные жалуются и негодуютъ противъ него, и когда папское духовенство, которое само себя восхваляетъ, проникнуто развратомъ и властолюбіемъ? Горе тому народу, который думаетъ пріобрѣсть права перемѣною своей религіи, который вѣритъ лживымъ обѣщаніямъ папскихъ монаховъ, и который, вмѣсто того, чтобы добиваться освобожденія отъ извѣстной незаконной власти собственнымъ постояннымъ трудомъ, подчиняетъ себя для того другой, еще болѣе незаконной, и такимъ образомъ мѣняетъ лишь начальство, не пріобрѣтая ничего существеннаго! Онъ отдается въ распоряженіе духовенства, которое всегда стремилось къ владычеству, и которое готово употреблять всевозможныя средства для достиженія сей цѣли.

„Когда мы напомнили нѣкоторымъ расположеннымъ въ пользу католицизма лицамъ, предпочитающимъ лучше подчиниться папѣ и принять унію, чѣмъ подождать извѣстное время и увѣщевать

народъ къ терпѣнію и постоянству, что папскіе монахи могутъ и не исполнить обѣщаній, которыя они даютъ, и что они, какъ болѣе сильные, болѣе опытные и хитрые, чѣмъ греческіе, будутъ нами распоряжаться какъ имъ угодно,—то мы получили отъ нихъ отвѣтъ: „въ такомъ случаѣ мы отступимъ отъ католиковъ и примемъ другое вѣроисповѣданіе по своему свободному выбору". Такимъ образомъ они будутъ переходить отъ исповѣданія къ исповѣданію, пока отыщутъ такое, которое, само по себѣ, доставляло бы имъ все, что нужно для ихъ счастья и спокойствія, не требуя отъ нихъ никакихъ трудовъ и жертвъ. Можно ли не видѣть, что это самыя нелѣпыя разсужденія, которыя могутъ удовлетворять лишь людей безсовѣстныхъ и поверхностныхъ? Какъ не понять, что если мы сами не очнемся и не станемъ дѣятельно работать для блага своего народа, а будемъ лишь опираться на чужое покровительство, то нами всегда будутъ заправлять иноплеменники, которые, подобно грекамъ, будутъ пользоваться нашею простотою и недѣятельностью. Напрасно нѣкоторые обольщаются, что такое духовенство, какъ католическое, можетъ быть полезно для какого-либо народа, а особенно для народа простого и непредусмотрительнаго. Въ настоящее время почти нигдѣ не встрѣчается духовенство, вполнѣ отвѣчающее высотѣ своего призванія. Если мы, болгары, домогаемся выйти изъ подчиненія грекамъ, то мы домогаемся того съ цѣлью устроить свои церковныя дѣла, согласно требованіямъ нашего вѣроисповѣданія, и пріобрѣсть существованіе въ имперіи, какъ отдѣльный народъ, дабы мы имѣли возможность развиваться, подъ могущественнымъ покровительствомъ султана, самостоятельно, согласно собственнымъ нашимъ нуждамъ и интересамъ, а не подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ того или другого иноплеменнаго духовенства, которое навязывало бы намъ, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, свою волю. Никто изъ насъ и не думаетъ, безъ сомнѣнія, что наше собственное духовенство, достигнувъ независимости, будетъ, само по себѣ, въ состояніи вести народъ къ прогрессу. Оно также будетъ находиться подъ вліяніемъ, но это вліяніе будетъ происходить изъ среды самого народа, вслѣдствіе чего и само духовенство будетъ проникнуто духомъ народнымъ. Если наше духовенство и не станетъ сразу на подобающую ему высоту совершенства, то оно всегда будетъ идти къ сей цѣли, такъ какъ, въ виду требованій вѣка, ему будетъ отказано въ полной независимости, столь часто благопріятствующей коснѣнію въ невѣжествѣ. Напротивъ, оно будетъ поставлено въ извѣстную зависимость отъ самого народа, который, стремясь къ цивилизаціи,

будетъ увлекать его за собою, или лучше, народъ и духовенство будутъ совмѣстно дѣлать успѣхи въ развитіи и совершенствѣ, ибо духовенство будетъ исходить изъ среды самого народа. Такъ какъ народъ и духовенство будутъ находиться во взаимодѣйствіи другъ къ другу, то они будутъ воздерживать другъ друга отъ крайностей. Если же духовенство не будетъ зависѣть отъ самого народа, а будетъ, напротивъ, признавать своимъ главою лицо, не имѣющее сочувствія къ болгарамъ и занятое собственными интересами, то оно непремѣнно удалится отъ народа и, подчинившись чужому вліянію, будетъ распространять сіе вліяніе и въ народѣ. Можно ли будетъ тогда сказать, что перемѣною вѣроисповѣданія мы достигнули цѣли своихъ желаній? Если такая могущественная и просвѣщенная страна, какъ Францція, сочла нужнымъ, реформируя свои учрежденія, ограничить также власть папы въ своихъ предѣлахъ, то намъ ли считать малозначащею эту самую власть, тяготѣющую и донынѣ надъ нѣкоторыми народами, вопреки ихъ желанію? Напрасно, слѣдовательно, говорятъ обольщенные и подкупленные ревнители папства: „мы не потеряемъ, но выиграемъ; мы сохранимъ также безъ перемѣны свое вѣроисповѣданіе, ибо останемся при тѣхъ же обрядахъ и догматахъ, которые и теперь соблюдаемъ“. Развѣ это не перемѣна религіознаго вѣрованія, если послѣ того, какъ мы признавали невидимымъ главою церкви Христа, станемъ признавать видимымъ главою всей церкви и намѣстникомъ Божьимъ на землѣ римскаго папу? Но, признавъ его разъ намѣстникомъ Божьимъ на глазахъ правительства и всего міра, мы лишаемся права жаловаться противъ него, если онъ станетъ требовать отъ насъ безпрекословнаго исполненія своей воли, ибо всякій можетъ намъ возразить тогда: „нужно было вамъ подумать объ этомъ прежде, чѣмъ вы признали его намѣстникомъ Божьимъ; теперь же вы не въ правѣ не повиноваться ему“.

Въ разсужденіяхъ и совѣтахъ, содержащихся въ вышеприведенныхъ строкахъ, ясно отражалось, что прежняя надежда о скоромъ признаніи правительствомъ порты болгарской іерархіи улетучилась въ виду новаго оборота дѣлъ, послѣдовавшаго за избраніемъ патріарха, и что въ глазахъ тогдашнихъ руководителей величайшее зло, котораго можно было опасаться отъ этого неблагопріятнаго оборота, заключалось въ отлученіи народа отъ православія и увлеченіи его въ сѣти пропаганды. Греки и знать не хотѣли объ этой опасности. Они не видѣли ея сами, и не вѣрили тѣмъ, которые указывали имъ на нее. Они думали, что все, что̀ говорилось имъ про эту опасность, говорилось съ цѣлью

напугать ихъ и заставить ихъ сдѣлать уступки болгарамъ. Они заботились лишь о томъ, чтобы удержаться въ своемъ привилегированномъ положеніи по отношенію къ болгарамъ. Дѣлая видъ предъ русскими, что они сокрушаются скорбью въ виду бѣдственнаго положенія болгарской церкви, и объясняя сіе положеніе дѣйствіями латинской пропаганды, греки въ то же время увѣряли турокъ и европейцевъ, что движеніе болгаръ вызвано интригами Россіи, панславизма. Съ другой стороны, ученые люди изъ ихъ среды, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, усердно занимались составленіемъ газетныхъ статей и брошюръ, въ коихъ усиливались доказать неосновательность требованій и желаній болгаръ. Эти брошюры, вмѣсто того, чтобы производить на болгаръ то дѣйствіе, которое имѣлось въ виду ихъ авторами, еще болѣе ихъ раздражали и вооружали противъ грековъ, служа яснымъ доказательствомъ упрямства и нежеланія послѣднихъ признать существованіе болгарской народности и ея право на самостоятельное развитіе. Такое раздраженіе, между прочимъ, произвела между болгарами брошюра, изданная осенью 1860 г., съ одобренія патріархата, старшимъ секретаремъ патріаршаго синода, Григоріемъ, нынѣ митрополитомъ кизичскимъ, и доказывавшая, что Болгарія съ самаго начала находилась въ подчиненіи константинопольскому патріаршему престолу, и что православная болгарская церковь никогда не признавалась самостоятельною церковью.

Нежеланіе грековъ дать удовлетвореніе болгарамъ и ихъ старанія парализовать болгарское движеніе благопріятствовали какъ нельзя лучше видамъ пропаганды. Турецкое правительство, которое давно уже опредѣлило свою роль въ развивавшейся драмѣ, и не думало заставить грековъ очнуться, внушительно заявивъ ему, что оно считаетъ требованія болгаръ справедливыми, какъ того ожидали послѣдніе. Напротивъ, своими отзывами о болгарскихъ жалобахъ оно ободряло грековъ смотрѣть равнодушно на эти требованія. Такое дѣйствіе долженъ былъ произвести на нихъ, между прочимъ, отзывъ верховнаго визиря въ поданномъ имъ султану рапортѣ относительно результатовъ его путешествія по областямъ европейской Турціи. Этотъ рапортъ былъ обнародованъ въ газетахъ въ концѣ ноября. По поводу жалобъ противъ греческихъ архіереевъ, поданныхъ ему болгарами при этомъ путешествіи, верховный визирь ограничился въ своемъ рапортѣ лишь замѣчаніемъ, что между другими злоупотребленіями и нехорошими сторонами въ положеніи христіанъ онъ примѣтилъ и такую еще, которую нужно возможно скорѣе сгладить. Такою нехорошею стороною было не особенно назидательное поведеніе нѣкоторыхъ изъ

членовъ высшаго греческаго духовенства. Верховный визирь отдаетъ справедливость бо́льшей части греческихъ архіереевъ, но не можетъ не замѣтить, что есть между ними и такіе, которые не обращаютъ вниманія на свою миссію и позволяютъ себѣ неприличныя ихъ сану злоупотребленія. Но онъ надѣется, что выработанный составленною ad hoc коммиссіею („народное собраніе“, по терминологіи грековъ) регламентъ, который будетъ представленъ въ непродолжительномъ времени на утвержденіе его величества, „положитъ конецъ этому порядку вещей, унизительному для духовенства и обидному для христіанъ“. О томъ, что болгары просятъ признанія своей возобновленной іерархіи и выдѣленія отъ грековъ, верховный визирь не промолвилъ ни слова, какъ будто бы никто и нигдѣ не говорилъ ему объ этомъ, и какъ будто бы ему неизвѣстно было возбужденіе подобнаго вопроса. Изъ его рапорта можно было всякому увѣриться, что султанское правительство не имѣетъ въ виду исполнить просьбу болгаръ о признаніи ихъ независимой іерархіи. Агенты пропаганды, которые пользовались всѣми обстоятельствами, чтобы поставить на видъ болгарамъ, что ихъ желанія могутъ быть исполнены лишь подъ условіемъ обращенія ихъ къ папѣ, хотя бы въ двухъ только словахъ, не преминули указать имъ, для той же цѣли, на отзывъ верховнаго визиря относительно способа, которымъ могли бы быть устранены злоупотребленія высшаго греческаго духовенства и удовлетворены жалобы, возбужденныя этими злоупотребленіями.

Озадаченные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, вожди болгаръ не потеряли, однако, мужества. Далекіе отъ мысли сдѣлать какой-либо шагъ передъ папой, они не менѣе устранялись отъ всякаго общенія съ патріархатомъ. Они стояли твердо на почвѣ, на которую столь торжественно стали въ день пасхи, полагая, что избранный ими способъ борьбы противъ греческаго духовенства рано или поздно приведетъ ихъ къ цѣли. Заключеніе, которое выводили агенты пропаганды изъ рапорта верховнаго визиря, они опровергали всевозможными доводами; приказъ же имъ султанскаго правительства подчиниться патріарху они порѣшили отклонить новымъ прошеніемъ, въ коемъ, выставляя свой взглядъ на вопросъ въ самыхъ рельефныхъ чертахъ, они объясняли причины, не позволяющія имъ явиться къ патріарху для выраженія ему уваженія и покорности.

„Императорскому правительству извѣстно,—говорили они въ семъ прошеніи,—что болгарскій народъ, который всегда считалъ

своимъ счастіемъ быть послушнымъ и покорнымъ своему законному государю, состоитъ въ имперіи подъ властію иноплеменнаго духовенства, а симъ самымъ и подъ властію иноплеменнаго народа, принадлежащаго также къ райямъ султана. Греческое духовенство и греческій народъ пользуются, вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, всѣми царскими милостями и правами, а болгары считаются совершенно безправными. Греческій народъ, однако, не довольствуется этимъ. Онъ стремится еще слить болгарскую народность съ греческою для усиленія послѣдней въ будущей ея борьбѣ противъ оттоманской имперіи. Патріархатъ присвоилъ себѣ власть надъ болгарами вопреки правиламъ вѣры, съ цѣлью содѣйствовать тому же плану греческаго народа. Архіереи, которыхъ онъ посылаетъ въ Болгарію, противъ воли мѣстнаго населенія и вопреки правиламъ вѣры и церкви, въ одно и то же время обираютъ его и навязываютъ ему употребленіе греческаго языка въ церквахъ и училищахъ. Этотъ образъ дѣйствій греческихъ архіереевъ, какъ явно несогласный съ правилами нашей вѣры, огорчаетъ насъ до глубины сердца. Греческое духовенство подкапываетъ также своею безнравственною жизнію добрые нравы населенія, вслѣдствіе чего религія, вмѣсто того, чтобы служить улучшенію нравовъ, дѣлается причиною ихъ порчи. Болгарскій народъ неоднократно жаловался султанскому правительству на греческое духовенство, но, увидавъ, что на его жалобы не обращается никакого вниманія, и что ихъ не приняло въ соображеніе и собраніе, которое было созвано въ патріархатѣ для выработки новаго рагламента, онъ рѣшился, руководясь правилами своей вѣры, исключить имя патріарха и всѣхъ назначенныхъ имъ архіереевъ изъ своихъ церковныхъ молитвъ, какъ имена людей богопротивныхъ. Поступокъ этотъ, какъ внушенный самою религіею, не можетъ считаться преступленіемъ въ глазахъ султанскаго правительства. Болгарскій народъ ожидалъ, что послѣ того, какъ онъ расторгнулъ на почвѣ религіи узы своего подчиненія греческому духовенству, султанское правительство будетъ, съ своей стороны, считать эти узы несуществующими болѣе и признаетъ его народную іерархію, коей единственно онъ можетъ, по правиламъ своей вѣры, подчиняться. Если его ожиданія не сбылись, то причиною того, очевидно, клеветы и невѣрное объясненіе этихъ правилъ со стороны греческаго духовенства. А что болгарскій народъ, порѣшивъ отложиться отъ греческаго патріархата и заявить просьбу о признаніи его народной іерархіи, руково-

дился правилами своей вѣры, въ томъ султанское правительство могло бы легко увѣриться справкою у знающихъ сіи правила лицъ. Съ другой стороны, болгарскій народъ, прося о признаніи его іерархіи, имѣетъ цѣлью войти въ непосредственныя отношенія къ султанскому правительству, дабы служить непосредственно сему правительству, а не народу, состоящему, также какъ и онъ, райею. Признаніемъ болгарской іерархіи и султанское правительство не причинитъ вреда ни патріарху, ни кому-либо другому, а лишь совершитъ актъ правосудія. Константинопольскій патріархъ не считается начальникомъ въ православной церкви съ правами, какія предоставлены папѣ въ католической. Напротивъ, онъ—одинъ изъ многихъ патріарховъ. Болгары поэтому думаютъ, что если греки имѣютъ четырехъ патріарховъ и одного автокефальнаго архіепископа (кипрскаго), то можно было бы предоставить право также и имъ имѣть хотя одного автокефальнаго архіепископа, относительно посвященія котораго они не нуждаются въ обращеніи къ патріарху, такъ какъ такой архіепископъ находится уже въ ихъ средѣ. Болгары отказались отъ патріарха, какъ отъ еретика и безбожника, повинуясь голосу своей религіозной совѣсти. Теперь имъ велятъ отдать ему честь. Болгары просятъ султанское правительство не принуждать ихъ дѣлать то, что противно ихъ совѣсти. Патріарха болгары извѣстнымъ образомъ отлучили отъ церкви, а церковное отлученіе ведетъ за собою прекращеніе сношеній съ отлученнымъ до его исправленія. Еслибы представители болгарскаго народа посѣтили послѣ сего патріарха, то поступокъ ихъ, не согласуясь съ требованіями ихъ совѣсти, произвелъ бы еще раздѣленіе и расколъ въ народѣ. Императорскому правительству извѣстно, что въ столицѣ его императорскаго величества издается болгарская газета, редакціею коей заправляютъ папскіе монахи [1]). Эта газета, кромѣ того, что ежедневно глумится надъ болгарскимъ вѣроисповѣданіемъ, постоянно также твердитъ, что августѣйшій нашъ государь лишенъ возможности признать самостоятельность нашей іерархіи, еслибы доже того хотѣлъ, въ виду чего она, увѣщевая ежедневно народъ подчиниться папѣ и испросить у него іерархіи для себя, выставляетъ болгарскихъ представителей, ходатайствующихъ передъ высокою портою о признаніи болгарской іерархіи, безумцами и предателями. Съ тѣхъ поръ какъ разнесся слухъ, что высокая порта велѣла послѣднимъ сдѣлать посѣщеніе патріарху, упомя-

[1]) Рѣчь идетъ о газетѣ „Българія“ и ея редакторѣ Драганѣ Цанковѣ.

нутая газета каждый день твердитъ, что вотъ ея слова блистательно оправдались. „Вотъ новое доказательство,—говоритъ она,—что султанское правительство не можетъ, помимо папы, признать нашу іерархію: продавшіе себя болгарскіе представители и архіереи должны теперь поклониться патріарху“. Народъ, не видя оправданія своихъ ожиданій, недоумѣваетъ, кому вѣрить—своимъ представителямъ или папскому листку. Если теперь болгарскіе представители и архіереи посѣтятъ патріарха, то кромѣ того, что слухъ о семъ посѣщеніи произведетъ самъ по себѣ дурное впечатлѣніе на народъ, но названный листокъ представитъ его еще въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, чтобы опозорить и заклеймить ихъ для своей цѣли. Тогда народъ потеряетъ надежду на успѣхъ въ своемъ домогательствѣ и разбредется во всѣ четыре стороны. Болгарскому народу будетъ весьма прискорбно видѣть, что онъ раздѣляется по исповѣданію лишь потому, что не признается его іерархія. Не менѣе будетъ о томъ сожалѣть и потомство, когда прочтетъ въ исторіи причины сего раздѣленія. Обладающіе здравымъ смысломъ люди не вѣрятъ, конечно, нелѣпости, будто августѣйшій нашъ государь не имѣетъ, какъ то твердитъ уже два года папскій листокъ, возможности признать независимость нашей церковной іерархіи, такъ какъ эта іерархія признавалась его предшественниками въ теченіе многихъ лѣтъ до упраздненія оной, происшедшаго назадъ тому 90 лѣтъ, по интригамъ греческаго патріархата, а гатти-гумаюнъ 1856 года возобновляетъ всѣ древнія права, уступленныя когда-либо христіанамъ оттоманскими государями. Въ виду всего этого, вѣрноподданные болгары просятъ императорское правительство, во имя пожалованныхъ имъ августѣйшимъ ихъ государемъ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ правъ, вникнуть въ ихъ положеніе и, не заставляя ихъ сдѣлать предварительно посѣщеніе греческому патріарху, считающемуся отступникомъ отъ ихъ вѣры, признать имѣющуюся у нихъ іерархію, чтобы болгарское населеніе получило удовлетвореніе своему религіозному чувству и успокоилось. Эта милость императорскаго правительства еще болѣе привяжетъ болгарскій народъ къ престолу оттоманскихъ государей“.

Болгары имѣли въ виду косвенно выразить въ этомъ прошеніи свое негодованіе противъ турецкаго правительства, допускавшаго листокъ католической пропаганды глумиться надъ православнымъ исповѣданіемъ и осыпать бранью всѣхъ тѣхъ, которые отвергали ея совѣты, и направлявшаго все къ тому, чтобы раздѣлить болгарскій народъ по вѣроисповѣданію на нѣсколько частей. Не имѣя

возможности сказать прямо турецкимъ государственнымъ людямъ, что они стремятся раздробить единый болгарскій народъ, дабы навсегда ослабить его, болгарскіе представители и вожди высказывали это стороною, говоря, что болгарскому народу будетъ весьма прискорбно видѣть, что онъ раздѣляется по исповѣданію лишь потому, что не признается его іерархія, и что не менѣе будетъ о томъ скорбѣть и потомство, когда прочтетъ въ исторіи причины сего раздѣленія. Это непрямо высказанное сѣтованіе не могло, конечно, заставить турокъ перемѣнить свою политику. Очень мало безпокоились, безъ сомнѣнія, турецкіе государственные люди того времени, что болгарскому народу будетъ когда-то прискорбно узнать, что его раздѣленіе въ отношеніи вѣроисповѣданія произошло вслѣдствіе ихъ отказа признать его іерархію, или что представители и вожди національнаго болгарскаго движенія сѣтуютъ на нихъ за политику, направленную къ такому раздѣленію. Главное, что занимало турокъ, это—достиженіе преслѣдуемой ими цѣли, а достигнуть цѣли у нихъ было много шансовъ. Благодаря стараніямъ пропаганды, среди болгаръ было уже довольно замѣтное теченіе въ пользу уніи. Правительству султана слѣдовало лишь направлять ходъ распри болгаръ съ греками такъ, чтобы это теченіе все болѣе и болѣе усиливалось, что оно и дѣлало, приглашая болгарскихъ вождей съизнова подчиниться патріарху.

Агенты пропаганды усугубили свои дѣйствія, когда стало явнымъ для всѣхъ, что турецкое правительство не имѣетъ намѣренія признать болгарскую іерархію. Поставляя на видъ, сколь унизительно было бы для болгаръ, если бы они снова покорились патріарху, тогда какъ они могли достигнуть цѣли своихъ желаній однимъ лишь произнесеніемъ имени папы, эти агенты подстрекали въ то же время, чрезъ преданныхъ имъ людей, рабочій болгарскій людъ въ Константинополѣ сходиться на подворье болгарской церкви для заявленія, что если возобновленная болгарская іерархія не будетъ признана правительствомъ, то онъ не подчинится снова патріарху, а обратится къ папѣ. Между тѣмъ и двое изъ вождей національнаго движенія пришли, съ своей стороны, къ мысли, что не худо было бы сдѣлать шагъ въ пользу уніи, такъ какъ такой шагъ могъ бы заставить патріархатъ очнуться [1]).

[1]) Поступокъ этихъ двухъ лицъ, хотя и вполнѣ заслуживающій осужденія, надобно строго отличать отъ поведенія людей, дѣйствовавшихъ какъ орудія пропаганды. Эти лица сознавали, что болгарскому народу не слѣдуетъ отступать отъ своего православнаго вѣроисповѣданія и отдавать себя въ руки папы, но они думали, что если

Ободряемые тайно этими вождями, болгарскіе простолюдины все болѣе и болѣе демонстрировали въ пользу уніи. Въ то самое время, когда происходили эти демонстраціи, случилось обстоятельство, которое дало возможность агентамъ пропаганды окончательно склонить умы среди рабочихъ въ пользу уніи. Священникъ изъ Балчика, котораго Иларіонъ рукоположилъ въ іюнѣ въ болгарской, въ Фанарѣ, церкви, былъ арестованъ въ началѣ декабря, по требованію варненскаго владыки, отправленъ въ Константинополь и сданъ здѣсь въ патріархатъ. Ему удалось, однако, убѣжать изъ патріархата и скрыться въ недалеко отстоящую отъ него болгарскую церковь. Переодѣвшись здѣсь, онъ немедленно отправился въ католическій монастырь Санъ-Venедетто, въ Галатѣ, объявилъ себя тамъ уніатомъ и тѣмъ спасся отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Это обстоятельство, представленное и объясненное листкомъ пропаганды, какъ очевидное доказательство тому, что для освобожденія болгаръ отъ греческаго патріархата другого пути кромѣ уніи съ римскою церковью нѣтъ, произвело сильное впечатлѣніе на простые умы, которымъ агенты пропаганды поспѣшили воспользоваться для ускоренія провозглашенія уніи. Это произошло 18-го декабря 1860 въ домѣ латинскаго архіепископа, монсиньора Брюнони, гдѣ присутствовали по этому случаю, кромѣ архіепископа, армяно-католическій патріархъ, монсиньоръ Гассунъ и многіе другіе члены латинскаго и армяно-католическаго духовенства. Въ этотъ же день передъ монсиньоромъ Брюнони и монсиньоромъ Гассуномъ, окруженными многочисленнымъ духовенствомъ, предстало нѣсколько болгарскихъ духовныхъ лицъ въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ соплеменниковъ, большею частію простолюдиновъ, и, заявивъ о своемъ желаніи принять унію съ римскою церковью, вызванномъ притѣсненіями и злоупотребленіями греческаго духовенства, они подписали предварительно приготовленный о семъ актъ. Порта, которой армяно-католическій патріархъ донесъ объ образованіи новой религіозной общины подъ вѣдомствомъ и покровительствомъ папы, объявила, что она согласна признать ее на правахъ прочихъ религіозныхъ общинъ. Но изъ лагеря православныхъ болгаръ отозвались сильнымъ протестомъ противъ такого уклоненія нѣ-

часть болгаръ приметъ временно унію съ римскою церковью, то весь православный міръ вознегодуетъ противъ патріархата, и онъ будетъ принужденъ сдѣлать потребныя уступки болгарамъ. Тѣ же люди, которые редактировали газету „Българія", какъ Драганъ Цанковъ, прямо стремились отлучить навсегда болгарскій народъ отъ православной церкви, отождествясь съ исконными противниками православія и врагами восточнаго славянства.

скольких лицъ отъ прямого пути и православно-національной церкви; завязавшаяся по этому случаю съ новою силою борьба между двумя лагерями кончилась чрезъ нѣсколько времени пораженіемъ и разстройствомъ болгаро-уніатской общины. Усилія болгарскаго народа по прежнему направились къ достиженію церковной независимости исключительно путемъ ходатайства передъ портою о признаніи самостоятельной болгарской церкви, независимой какъ отъ константинопольскаго патріарха, такъ и отъ римскаго папы.

Ѳ. Стояновъ-Бурмовъ.



ПЕРЕУТОМЛЕНІЕ УЧАЩИХСЯ

и

ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Конецъ XIX-го столѣтія въ Европѣ характеризуется многими особенностями въ области наукъ, искусствъ, строя общественной жизни и между прочимъ—громаднымъ нервнымъ возбужденіемъ интеллектуально-развитой части народонаселенія. Безпрерывно усиленныя воспріимчивости впечатлѣній, чрезмѣрно отзывчивыя рефлективныя явленія нервной системы, слѣдующія быстро за полученными раздраженіями, и часто нецѣлесообразныя слѣдствія изъ худо направленныхъ рефлексовъ—даютъ тому времени, въ которое мы живемъ, характеристику по преимуществу нервнаго вѣка. Доказательство этой вполнѣ основательной характеристики не трудно получить. Стоитъ обратиться къ врачамъ, и они констатируютъ значительное возростаніе изъ года въ годъ нервныхъ разстройствъ не только у слабыхъ женщинъ, но и у мужчинъ, пользовавшихся довольно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Стоитъ справиться съ статистикой, и она докажетъ намъ замѣчательное переполненіе въ послѣднее время больницъ для душевно-больныхъ. Все это слѣдствія роковой причины XIX вѣка—переутомленія нервной системы, чрезмѣрной ея раздражительности, воспріимчивости и усиленно-непосильной дѣятельности.

До послѣдняго времени на долю гигіены выпадали заботы объ охраненіи нормальнаго теченія отправленій въ органахъ растительной жизни человѣка. Гигіенѣ предоставлялось изучать, открывать, устранять причины вредныхъ вліяній со стороны вдыхаемаго воздуха, воспринимаемой пищи и т. д. Предполагалось, что in corpora sano—sana mens: если обезпечить здоровье тѣла, то само собой будетъ въ немъ и здоровая мысль, здоровая душа. Теперь мы убѣждаемся, однако, болѣе и болѣе въ томъ, что старая аксіома перестаетъ быть

таковою. По меньшей мѣрѣ старое положеніе слѣдуетъ измѣнить въ обратную сторону, принявъ, что mens insana—corpus insanum.

Дѣйствительно, можемъ ли мы представить себѣ нормальными растительныя отправленія тѣла при ненормальностяхъ нервной системы, всѣмъ управляющей въ нашемъ организмѣ?

Поэтому задачи гигіены страшно усложняются, и область ея заботъ чрезмѣрно выростаетъ. Если и прежде въ гигіеническихъ трактатахъ существовали отчасти указанія на гигіену ума или нервной дѣятельности вообще, то должно сознаться,—указанія эти имѣли столь фельетонный характеръ, унаслѣдованный отъ праотцевъ Иппократа, Цельза и др., что въ серьезныхъ сочиненіяхъ по гигіенѣ эту сторону дѣла всегда обходили молчаніемъ.

Для того, чтобы сказать что-либо положительное о нормальныхъ условіяхъ нервной, мозговой дѣятельности, необходимо изучить ее также, какъ мы изучили процессъ дыханія, пищеваренія. Изучить въ той же степени процессъ мозговой дѣятельности людей до сихъ поръ наукѣ не удалось. Весьма понятно—почему. Растительные процессы совершаются и проявляются безпрерывно и болѣе или менѣе однообразно у всѣхъ. Мѣняясь же, подъ вліяніемъ изученныхъ условій, они видоизмѣняются въ опредѣленныхъ границахъ, доставляя легкую возможность наблюдателю изучать ихъ. Наконецъ, совершенно аналогичные процессы у животныхъ даютъ намъ полную возможность путемъ опыта доканчивать наше изученіе. Не то съ изученіемъ условій умственнаго труда человѣка. Остается единственнымъ средствомъ изученія *наблюденіе*,—а оно вполнѣ доступно натуралисту только въ клиникѣ надъ больными людьми. Здоровые же очевидно такой клиники доставить ему не могутъ.

Изученіе явленій удается всего успѣшнѣе, если начинаютъ его съ самыхъ элементарныхъ ихъ стадій и постепенно восходятъ до болѣе сложныхъ. Элементарныя явленія умственной дѣятельности ближе всего могутъ быть изучаемы педагогами, могущими дать поэтому самыя цѣнныя указанія для физіологіи и гигіены мышленія. Вотъ почему мнѣ казалось всегда и теперь, и я вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, что изученіе условій нормальной и ненормальной умственной, нервной дѣятельности человѣка гигіена можетъ достигнуть прежде всего при помощи педагоговъ. Нѣтъ большой бѣды въ томъ, что педагогамъ неизвѣстны въ точности данныя физіологіи, медицины, такъ какъ при извѣстныхъ условіяхъ, согласившись въ направленіи, которое можетъ принять ихъ совмѣстный трудъ съ гигіенистами, при вполнѣ разработанной программѣ, которой будутъ наблюдатели слѣдовать, ими можетъ быть собранъ громадной цѣнности матеріалъ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. Мы знаемъ, что многія дан-

ныя, собиравшіяся даже при несравненно менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, приводили, однако, къ установленію міровыхъ законовъ природы. Возможно ли было бы открытіе закона передвиженія штормовъ безъ массы цифровыхъ метеорологическихъ записей, доставлявшихся людьми почти несвѣдущими въ области физической географіи? Могли ли бы быть разработаны математически законы рождаемости, смертности, долговѣчности жизни—безъ метрическихъ книгъ, ведомыхъ людьми, чаще всего неполучившими даже никакого образованія? Поэтому я полагаю, что быть можетъ нѣтъ другого вопроса, гдѣ такъ неразрывно была бы связана работа гигіенистовъ и педагоговъ, какъ именно въ изученіи гигіены мозговыхъ отправленій. Къ этой совмѣстной работѣ еще болѣе и настоятельнѣе побуждаетъ не общій вопросъ о нервозности современныхъ поколѣній, стоящій въ зависимости отъ самыхъ главныхъ причинъ,—но давно уже возникшее подозрѣніе о причинной связи многихъ случаевъ этой нервозности съ недостатками школьнаго обученія. Если ненормальность умственной работы допустить въ школахъ, то въ виду того обстоятельства, что современный человѣкъ до $^1/_3$ своей жизни посвящаетъ школѣ, придется признать неблагопріятное вліяніе ея на всю послѣдующую жизнь ея воспитанниковъ, на ихъ здоровье, на ихъ силы, на ненормальность всей ихъ нервной дѣятельности. Есть ли, однако, основанія для столь тяжкаго обвиненія школы? Существуютъ ли доказательства, вмѣняющія ей эту страшную вину? Западно-европейская литература съ теченіемъ времени даетъ на эти вопросы болѣе и болѣе утвердительные отвѣты. Признавая важность этихъ обвиненій и несомнѣнный интересъ, ими представляемый съ чисто-практической точки зрѣнія, я рѣшился подробнѣе изслѣдовать вопросъ о переутомленіи, вызываемомъ школой, и изложить мнѣнія, существующія о томъ же на Западѣ въ литературахъ французской и нѣмецкой. Вопросъ о переутомленіи издавна и горячо обсуждается на Западѣ. Въ Германіи болѣе 50 лѣтъ назадъ говорили уже о переутомленіи, вызываемомъ школой. На третьемъ директорскомъ съѣздѣ въ Вестфаліи обращали вниманіе еще въ 1826 году на значительное число болѣзней, стоявшихъ въ связи съ школьнымъ обученіемъ. Уменьшеніе свѣжей, цвѣтущей юношеской силы, сообщительности и веселости, объясняли чрезмѣрнымъ напряженіемъ, вызываемымъ главнымъ образомъ 9—10 ч. классной работы въ низшихъ и 10—12 ч. въ высшихъ классахъ школы. Въ 1829 г. явился уже циркуляръ министерства объ уменьшеніи работъ, задаваемыхъ ученикамъ на домъ. Въ 1836 г. д-ръ Лоренцеръ изъ Оппельна опубликовалъ свое сочиненіе: „Zum Schutze der Gesundheit in den Schulen". Лоренцеръ обвинялъ тяжелое гимназическое обученіе въ томъ, что оно обезсиливаетъ и нервируетъ са-

мую высшую нѣмецкую молодежь, предназначаемую для общинной, государственной службы и научной дѣятельности,—ту молодежь, въ рукахъ которой будутъ судьбы всей отечественной культуры. Упреки Лоренцера возбудили столь жаркую полемику и такъ взволновали общество, что правительство нашлось вынужденнымъ высказаться, что Лоренцеръ „хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ не вполнѣ безоснователенъ, однако въ общемъ преувеличиваетъ факты".

Въ 1869 г. появился въ печати докладъ Вирхова министру народнаго просвѣщенія о школьныхъ болѣзняхъ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о школьныхъ болѣзняхъ и переутомленіи не перестаетъ безпрерывно занимать Германію. Баумейстеръ говоритъ, что, „сколько ему извѣстно, нѣтъ въ Германіи ни одного представительнаго учрежденія, которое въ послѣдніе годы не поднимало бы вопроса о переутомленіи, даже повторно, и не требовало бы помощи противъ него". Въ 1877 году докладъ Финкельбурга на съѣздѣ нѣмецкихъ гигіенистовъ въ Нюрнбергѣ о гигіенѣ школъ рѣзко затронулъ и вопросъ о переутомленіи и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Послѣ этого доклада вопросъ подвергся оживленному обсужденію многихъ спеціалистовъ и вызвалъ единогласное рѣшеніе о необходимости ограниченія объема преподаванія и задаваемыхъ ученикамъ на домъ уроковъ.

Дрезденскій съѣздъ нѣмецкихъ гигіенистовъ въ 1879 году, послѣ блестящихъ рѣчей педагога Алекси и д-ра Холибеуса, постановилъ даже, чтобы въ гимназіяхъ часы уроковъ не длились болѣе 24 въ недѣлю, т.-е. 4 урока на день, и чтобы время для приготовленія уроковъ на дому ограничивалось въ низшихъ классахъ 1/2 ч.—1 ч., въ среднихъ—1 ч.—2 ч., въ высшихъ—2—3 ч.

Съѣздъ врачей въ Бокумѣ въ 1883 г. представилъ министру народнаго просвѣщенія обширную записку о переутомленіи.

Вопросъ о школьномъ переутомленіи, говорятъ эти врачи, обсуждался и прежде, но теперь онъ является безспорно всюду, не только въ Германіи, предметомъ заботъ и спеціалистовъ, и всѣхъ вообще образованныхъ людей. Дурныя послѣдствія переутомленія тяжко дѣйствуютъ не только временно и преходящимъ образомъ на одинъ моментъ, но длятся цѣлыя десятилѣтія, тяготѣя надъ цѣлыми классами гражданъ, и именно образованныхъ классовъ, лишь медленно освобождая ихъ отъ своего плачевнаго вліянія. Почти всѣ врачи и многочисленные педагоги признаютъ переутомленіе и прямо высказываются по этому поводу въ брошюрахъ, общественныхъ собраніяхъ, въ коммиссіяхъ и при всякомъ другомъ благопріятномъ случаѣ. Обсуждали съ своей стороны тотъ же вопросъ врачи Бокума и просили между прочимъ министерство обратить вниманіе на то, чтобы пре-

подаваніе въ низшихъ классахъ, отвѣчающихъ 11—13 году жизни учениковъ, было въ отвлеченныхъ предметахъ уменьшено и замѣнено нагляднымъ обученіемъ. Въ среднихъ классахъ, по мнѣнію врачей, совмѣстно съ нагляднымъ обученіемъ можетъ примѣняться по преимуществу формальное развитіе ума и лишь начатки отвлеченнаго мышленія, соотвѣтственно возрастной степени зрѣлости. Только въ трехъ высшихъ классахъ, гдѣ ученики, уже съ окончаніемъ 16 года, развились достаточно, можно и должно заниматься исключительно развитіемъ ихъ абстрактнаго мышленія, допускаемаго лишь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ врачи полагали, что въ школѣ ученикъ долженъ учиться и упражняться, дома же обязанъ работать лишь настолько, насколько это необходимо для развитія его самостоятельной инпціативы въ области обученія и изощренія памяти. Должно быть оставлено время и для упражненій въ такихъ самостоятельныхъ областяхъ дѣятельности, къ которымъ ученики имѣютъ талантъ и склонность, каковы—музыка, рисованіе, литература и т. д. Прежде всего требуется, *чтобы учитель принадлежалъ не къ первоклассныиъ ученымъ, а теоретически и практически подготовленнымъ педагогамъ*, думали врачи Бокума.

Съ 1882 года, даже со второй половины 70-хъ годовъ, начинаются уже уступки учебнаго вѣдомства въ Германіи, чему доказательствомъ служатъ новые учебные планы Баваріи, Бадена, Саксоніи, Гессена.

Обращаясь къ Франціи, второй странѣ, гдѣ особенно много было говорено противъ переутомленія, мы видимъ, что и здѣсь вопросъ о немъ былъ поднятъ уже весьма давно. Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ творца „Эмиля“, и не будемъ придавать значеніе его преувеличеніямъ, въ родѣ: „L'homme qui médite est un animal dépravé“, но упомянемъ, что еще въ концѣ прошедшаго столѣтія знаменитый Peter Franck, отецъ медицинской полиціи, принадлежавшій по происхожденію Франціи, по научной дѣятельности—Германіи и даже по административной—отчасти Россіи, такъ какъ въ немъ, напр., петербургская медико-хирургическая академія имѣла своего перваго президента, — уже возставалъ противъ переутомленія въ школахъ. Франкъ указываетъ, что оно обезсиливаютъ мускулатуру учениковъ и замедляетъ нормальное кровеобращеніе. Франкъ указываетъ на то, что еще нѣжныя и мягкія фибры мозговой ткани слишкомъ рѣзко возбуждаются поспѣшнымъ обремененіемъ памяти, и какъ противовѣсъ требовалъ по примѣру древнихъ возстановленія гимнастики. Еще въ 1844 году историкъ Тьерръ говорилъ слѣдующее: „Мы справлялись у самыхъ извѣстныхъ профессоровъ, и всѣ они утверждаютъ, что теперь стремятся вводить въ головы дѣтей слишкомъ много знаній, и ихъ умъ сгибается подъ тяжестью такого бремени“.

Появившійся въ 1868 году и надѣлавшій много шума памфлетъ академика Victor de Laprad'a, подъ громкимъ названіемъ: „L'éducation homicide", содержитъ массу рѣзкихъ обвиненій противъ строгихъ французскихъ школъ. „Одиннадцать часовъ, въ теченіе которыхъ—говоритъ Лапрадъ—тѣло ребенка должно застывать ради подчиненія режиму, составляютъ лишь меньшую среднюю величину ежедневнаго плѣненія ученика". Въ 1874 г. Жюль Симонъ, говоря о необходимости реформъ въ обученіи, обращаетъ вниманіе на то, что „не спрашиваютъ никогда о числѣ дѣтей, покидающихъ школу истощенными и больными, но приводятъ въ извѣстность лишь число успѣшно окончившихъ курсъ". „Мы не хотимъ понять,—говоритъ тотъ же авторъ,—что необходимо воспитывать не только умъ, но и тѣло, и заботиться о послѣднемъ въ той же разумной мѣрѣ, въ какой мы ухаживаемъ за домашними животными. Можно подумать, что гигіена скотнаго двора важнѣе для насъ, чѣмъ наша собственная, и что два главнѣйшихъ условія счастья—здоровье и сила—для насъ ничего не значатъ. Ученикъ имѣлъ свои 3 свободныхъ промежутка въ день, но всѣ вмѣстѣ они не даютъ ему болѣе 2 часовъ". Наконецъ въ 1887 году вопросъ о переутомленіи возникъ и въ парижской медицинской академіи, благодаря докладу, внесенному въ нее Ланьо. Факты, имъ сообщенные, были въ теченіе преній подкрѣплены мнѣніями и наблюденіями многихъ извѣстныхъ ученыхъ, и академія приняла слѣдующее заключеніе: „Медицинская академія обращаетъ вниманіе общественныхъ властей на необходимость измѣнить, согласно законамъ гигіены и потребностямъ физическаго развитія дѣтей и юношей, существующій режимъ учебныхъ учрежденій". Вмѣстѣ съ тѣмъ академія высказалась за ограниченіе программъ преподаванія.

Во Франціи точно также общественное мнѣніе достигло ужъ того, что при министерствѣ народнаго просвѣщенія существуетъ съ 1882 г. особая школьная гигіеническая коммиссія, въ которой принимаютъ участіе извѣстные спеціалисты по гигіенѣ. Тѣмъ не менѣе надежды на близкій поворотъ къ лучшему многіе не питаютъ, и Ларже въ парижскомъ гигіеническомъ обществѣ, въ прошедшемъ году, весьма сочувственно повторялъ мысли Бреаля и Жюля Симона. Первый изъ нихъ, говоря о высшемъ совѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, полагалъ, что его члены, погруженные сами въ традиціонные предразсудки, въ нихъ же удерживаютъ и другихъ, воспитывая новыя поколѣнія такъ, какъ они были воспитаны сами. Жюль Симонъ признался, что для того, чтобы реформы состоялись, необходимо сначала перемѣнить составъ преподавателей. Не мудрено, что столь отчаянный взглядъ создается въ послѣднее время у многихъ во Франціи и въ Германіи. Предразсудки весьма сильны. Апатія, неподвижность

установившихся убѣжденій, укоренившаяся привычка къ нимъ и неохота дать себѣ трудъ вникнуть въ возраженія со стороны новаго потока идей, представляются самыми естественными явленіями, всегда и всюду встрѣчавшимися въ исторіи культуры. Прибавимъ къ этому еще и тѣ особыя, своеобразныя орудія борьбы, которыми злоупотребляютъ защитники оспариваемаго status quo. Какъ ни странно само по себѣ явленіе, но слѣдуетъ искренно признаться, что на массу дѣйствуютъ иной разъ гораздо болѣе банальныя фразы и даже просто слова, а не факты. Какъ въ „темномъ царствѣ“ Островскаго слова: „металлъ“ и „жупелъ“ вызываютъ эффектъ, такъ на интеллигенцію Европы вліяетъ слово: „реакція“. Достаточно сказать, что пониженіе требованій въ школьномъ образованіи ведетъ къ реакціи, и защитники естественныхъ правъ молодости попадаютъ въ разрядъ реакціонеровъ, которыхъ умъ съ трудомъ выслушиваетъ, и отъ которыхъ отворачиваются. Но тѣмъ не менѣе придетъ время, и истина станетъ всѣмъ ясна, какъ теперь она ясна лишь для людей, спеціально изучившихъ дѣло изъ массы фактическаго матеріала, доказывающаго печальныя послѣдствія школьнаго переутомленія.

Остановимся теперь на этихъ фактахъ, собранныхъ заграничной литературой.

Когда-то,—говоритъ Рейссъ,—молодежь прежней Франціи,—принадлежала ли она дворянству или буржуазіи, предназначалась ли она арміи, адвокатурѣ или духовенству,—проходила курсъ физическаго воспитанія. Гимнастика, фехтованье, верховая ѣзда, плаваніе, танцы, занимали первое мѣсто въ программахъ обученія и имѣли настолько же значенія, какъ изученіе литературы. Умъ не обременяли, правда, но достигали того, что воспитывали людей съ желѣзнымъ здоровьемъ, способныхъ выносить громадные труды. Теперь же, съ системой воспитанія общепринятой, утомляютъ умъ, отягощаютъ память массой непонятыхъ свѣденій, и какъ результатъ современнаго гимназическаго обученія производятъ намъ образчикъ человѣческаго вида, который на парижскомъ жаргонѣ правильно обозванъ „дохленькимъ“—„petit-crévé“.

Хотя,—оговаривается Рейссъ,—онъ нимало не склоненъ къ тому, чтобы стремиться возстановить всецѣло старые порядки, но не слѣдуетъ пренебрегать совершенно опытомъ прошлыхъ временъ и должно удержать отъ него то, что полезно.

Ланьо въ своемъ докладѣ показалъ, что изъ 1.000 призывныхъ вообще Франція получаетъ 540 солдатъ, а изъ 1.000 окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ—только 425, т.-е. на 25% болѣе негодныхъ для службы. Сходныя съ этими указанія имѣемъ мы изъ доклада Финкельнбурга, и хотя онъ приводитъ данныя прусскаго статистическаго

бюро съ оговорками, но все же они говорятъ ясно, что, изъ 17.246 регистрированныхъ вольноопредѣляющихся за 5 лѣтъ, лица, не прошедшія гимназіи, дали отъ 40 до 50% неспособныхъ, гимназисты же —85%, т.-е. почти вдвое болѣе. Цифры эти могутъ сдѣлаться весьма понятными, если обратить вниманіе въ отдѣльности на тѣ органы тѣла, которые перерождаются ненормально подъ вліяніемъ школы.

Котельманъ, изслѣдуя развитіе мышцъ у учениковъ низшихъ и высшихъ классовъ, пришелъ къ интересному и въ то же время печальному выводу. Вмѣсто того, чтобы съ возрастомъ развиваться болѣе и болѣе—сократительность мышцъ нижнихъ конечностей падаетъ. Самый ростъ тѣла задерживается во время школьныхъ занятій и ненормально быстро пополняется за время вакацій.

Что касается глазъ, то массой наблюденій доказано, что дѣти, вступая въ школу съ нормальнымъ зрѣніемъ, пріобрѣтаютъ близорукость, и иногда въ сильной степени, покидая ея. Близорукость ростетъ параллельно съ классами, и къ послѣднему классу гимназіи число учениковъ съ нею доходитъ до ⅓ всѣхъ кончающихъ ученіе и иногда болѣе. Въ Гейдельбергѣ, напр., были выпуски, имѣвшіе до 100% близорукихъ. Причиною этого явленія не только дурное освѣщеніе, печать учебниковъ и вечернія работы, но, какъ объясняетъ извѣстный физіологъ и спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ Донбергъ —усиленный приливъ крови къ мозгу и глазу во время длительныхъ занятій. Добровольскій, Жаваль и другіе видятъ причину также въ судорогѣ приспособляющихъ глазъ мышцъ и въ раздраженіи ихъ, причиняемомъ быстрой смѣной приспособленія глаза во время занятій.

Фактъ чрезмѣрныхъ приливовъ крови къ мозгу дѣтей въ школѣ выражается въ частыхъ головныхъ боляхъ и носовыхъ кровотеченіяхъ. Беккеръ въ Дармштатѣ нашелъ въ школахъ до 27% съ головными болями и до 11,3% съ кровотеченіями. Въ восьмомъ классѣ гимназіи головныя боли доходили до 80,8%.

Въ политехнической школѣ Парижа опредѣлено 27% головныхъ болей. Въ Нейшателѣ Гильомъ опредѣлилъ до 40%, и до 20%—носовыхъ кровотеченій. Причиной этому не одно наклонное положеніе головы во время письма и другихъ занятій, но, какъ показалъ Вирховъ, это стоитъ въ зависимости отъ слабаго, поверхностнаго дыханія во время внимательнаго выслушиванія объясненія. Замѣчено, что болѣе внимательные ученики часто инстинктивно помогаютъ возстановленію кровообращенія, дѣлая по временамъ глубокіе вздохи. Застой крови въ сердцѣ при поверхностномъ дыханіи вызываетъ воспрепятствованное опорожненіе отъ венозной крови мозга, и такимъ образомъ являются приливы.

Вѣроятно тѣ же отчасти причины ведутъ и къ школьному зобу, исчезающему во время вакацій и возобновляющемуся съ занятіями.

Особенно большое вліяніе сидячая жизнь школы оказываетъ на органы пищеваренія. Число учениковъ, страдающихъ запорами, катаррами, потерей аппетита, неваренiемъ пищи, доходитъ до 1/3 и даже больше. Генле и здѣсь доказалъ, что причиной служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что вмѣстѣ съ усиленной работой чувствительныхъ нервовъ и мозга падаетъ соотвѣтственно энергія двигательныхъ нервовъ, а слѣдовательно и тѣхъ, которые управляютъ движеніями желудка и кишекъ, особенно въ связи съ только-что указаннымъ замедленіемъ дыханія и сердцебіеніями при умственной усиленной работѣ. Вызываемое разстройство питанія всѣми этими запорами и катаррами ведетъ къ бóльшему истощенію силъ школьниковъ и развиваетъ задатки, если они были, и золотухи, и чахотки. То обстоятельство, что статистика Берлина даетъ для возраста 5—10 лѣтъ 4,8% умершихъ отъ чахотки, а въ школьномъ, между 10—15 годами—уже 12,9%, между 15—20 годами даже 31,8%, можетъ быть объяснено не вліяніемъ школьныхъ занятій собственно, а школьныхъ и жилыхъ помѣщеній; однако нельзя не обратить вниманія и на работы Вирхова и Рюле, доказывающихъ причинность туберкулеза отъ ослабленнаго дыханія, столь рѣзко обусловливаемаго школой, какъ мы видѣли ранѣе.

Наконецъ неправильное и утомительно долгое сидячее положеніе при школьныхъ занятіяхъ даетъ по Гильому изъ 731 ученика 218 съ искривленіями позвоночника; по Эйленбергу такія искривленія встрѣчаются именно въ школьномъ возрастѣ въ 225 случ. изъ 300 и по Parow'у—въ 60%.

Такимъ образомъ, мы видимъ, до какой степени серьезны послѣдствія перерожденій, вызываемыхъ школой,—послѣдствія, которыя отражаются не только на внѣшнемъ видѣ школьныхъ „petits crévés“ и на ихъ физикѣ, но также и на умственномъ и на нравственномъ организмѣ. Уже a priori трудно было бы согласиться съ тѣмъ, что, вліяя на тѣло, школа одновременно оставляетъ неприкосновеннымъ нормальное развитіе нервно-мозговой дѣятельности его. Однихъ видоизмѣненій въ развитіи остальныхъ тканей было бы достаточно, чтобы вызвать уклоненія въ отправленіяхъ нервной. Но никто изъ насъ не забываетъ, что помимо того существуютъ доказательства, что школа утомляетъ организмъ своихъ воспитанниковъ умственно. Результатомъ того является цѣлый новый рядъ нервныхъ болѣзней.

Кюборнъ, дѣлавшій докладъ IV-му международному гигіеническому конгрессу въ Женевѣ, въ 1882 году, вызвавшій общее сочувствіе, говоритъ, что, по статистическимъ даннымъ Бельгіи, между ея уче-

никами серьезныя нервныя болѣзни составляютъ 18%, т.-е. занимаютъ второе мѣсто въ числѣ остальныхъ.

Когда въ Англіи усилились протесты противъ переутомленія, вызываемаго школами, и даже появились запросы въ палатѣ депутатовъ и лордовъ по этому поводу, то Кригтонъ Браунъ и Робогліати показали значительное увеличеніе смертности отъ мозговыхъ болѣзней у школьниковъ.

Профессоръ Potain говоритъ: „чрезмѣрныя умственныя напряженія, продолжаемыя безъ мѣры, недостатокъ сна, не дающій органамъ необходимаго отдыха, считаются причинами, подготовляющими или вызывающими гиперемическія и воспалительныя явленія въ мозгу, и именно хроническіе диффузные периэнцефалиты"... „Очень часто, если мозговая усталость не вызываетъ настоящаго болѣзненнаго состоянія, она приводитъ къ умственному ослабленію, болѣе или менѣе длительному, т.-е. къ весьма важному функціональному разстройству, имѣющему значеніе для будущаго. Вслѣдствіе переутомленія, по Макферсону изъ Глазгова, ученики, начиная уставать, впадаютъ въ болѣзненное состояніе, причины котораго родители не понимаютъ"... „Усиленное обученіе, преждевременное обремененіе знаніями, повидимому, ведетъ, кромѣ того, къ уничтоженію личной инициативы, силы воли, нравственной энергіи и твердости характера".

Мейнертъ, спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, въ своемъ докладѣ австрійскому правительству выражается еще опредѣленнѣе.

Нѣкоторыя душевныя болѣзни,—говоритъ онъ,—иногда суть послѣдствія гимназическаго переутомленія. Большое число болѣзненныхъ случаевъ не попадаетъ въ дома умалишенныхъ, но лечится дома въ качествѣ нейрастениковъ. Половыя возбужденія, обусловливаемыя приливами, вызываемыми школьною сидячею жизнью, способствуютъ нейрастеніямъ и душевнымъ болѣзнямъ. Вредныя послѣдствія переутомленія даютъ себя чувствовать не только въ юности, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, предрасположеніемъ къ помѣшательству. Наслѣдственность душевныхъ болѣзней дѣлаетъ отвѣтственнымъ школьное переутомленіе и за послѣдующія поколѣнія, за ихъ умственную несостоятельность. Болѣе и болѣе часто повторяющіяся самоубійства суть печальные симптомы прогрессирующей нейрастеніи.

Проф. Баумейстеръ сообщаетъ, что по даннымъ статистическаго прусскаго бюро отъ 1868 по 1881 г. число самоубійцъ-юношей въ возрастѣ отъ 10 до 20 л. значительно возросло—съ 165 до 260 въ годъ. Хотя при этомъ замѣчаютъ, будто это не доказываетъ вліянія именно школы, такъ какъ и вообще число самоубійцъ возростаетъ; въ виду же увеличившагося контингента послѣднихъ, можно было думать о сравнительномъ уменьшеніи числа юношескихъ самоубійствъ,

тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ вида только-что приведеннаго мнѣнія Мейнерта и того, что взрослые самоубійцы — продуктъ тѣхъ же школъ.

Директора дома для умалишенныхъ, Госсе и Снелль, изъ своихъ наблюденій утверждаютъ, что переутомленіе въ гимназіяхъ положительно вводитъ въ эти дома большее количество гимназистовъ, чѣмъ прежде, что согласуется съ мнѣніями ранѣе приведенными.

Въ чемъ же, однако, искать умственнаго переутомленія?

Въ указанномъ нами ранѣе докладѣ Кюборна IV-му международному конгрессу гигіены указывается число часовъ школьныхъ занятій. Оказывается, что если въ Англіи ихъ выпадаетъ на долю ученика отъ 20 до 30 въ недѣлю, то въ Швеціи число это возростаетъ уже до 28—32, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи—еще болѣе, а во Франціи доходитъ до 40—48, и къ этимъ часамъ необходимо еще прибавить на приготовленіе къ урокамъ отъ 2 до 4 часовъ; такимъ образомъ, въ день это можетъ дойти до 8½ часовъ умственной работы *по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ*.

Кажется, этимъ уже достаточно объясняется причина умственнаго утомленія. Если взрослые и сильные рабочіе всюду добиваются извѣстныхъ трехъ восьмерокъ—8 ч. на сонъ, 8 ч. на отдыхъ и 8 только часовъ на работу, то эти требованія, издавна подкрѣпляемыя для фабричныхъ различными статистическими, врачебными, гигіеническими и экономическими соображеніями, тѣмъ болѣе должны были бы быть умѣстными и въ примѣненіи къ трудной умственной работѣ развивающагося дѣтскаго организма. Однако, какъ увидимъ дальше, и только-что указанныя цифры вѣрны лишь съ своей формальной, оффиціальной стороны. На самомъ же дѣлѣ дѣти трудятся и бóльшіе сроки, и при худшихъ условіяхъ нравственнаго возбужденія, чѣмъ фабричные рабочіе.

Важнѣе всего при этомъ выдается то обстоятельство, что увеличеніе часовъ школьной работы не есть неизбѣжная необходимость даже при существующихъ программахъ, какъ доказываетъ это проф. Баумейстеръ, сравнивая число часовъ между гимназіями Пруссіи, Баваріи и другихъ провинцій Германіи. Ежегодное число часовъ во всѣхъ классахъ въ Саксоніи 309, а въ Баваріи 261.

— Развѣ саксонцы столь тупы, что имъ нужно на 20 часовъ болѣе школьной работы, чѣмъ баварцамъ?—спрашиваетъ Баумейстеръ.—Или баварцы менѣе имѣютъ способныхъ людей взрослыхъ, чѣмъ саксонцы, получившіе болѣе уроковъ въ школѣ? Или вюртембергцы, употреблявшіе до 12 ч. въ недѣлю на латынь, умнѣе остальныхъ? Но,—замѣчаетъ Баумейстеръ,—усиленнымъ филологическимъ обученіемъ ихъ не доказывается ихъ умственная зрѣлость.

Нѣкоторыя провинціи Германіи уступили, наконецъ, требованіямъ времени, и теперь въ Эльзасъ-Лотарингіи число часовъ съ 1883 г. уменьшено до 255, въ Баденѣ съ 1883 г.—до 275, въ Саксоніи—до 284, въ Вюртембергѣ — до 287, а въ Баваріи уже съ 1874 года считаютъ достаточнымъ 227 часовъ.

Если раздѣлимъ эти числа 7 дней недѣли на 9, такъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ имѣется 9 классовъ: Sexta—нашъ упраздненный, Quinta — нашъ 1-й, Quarta — 2-й, Niedere Tertia — 3-й, Obere Tertia — 4-й, Niedere Secunda — 5-й, Obere Secunda — 6-й, Niedere Prima — 7-й, и Obere Prima—8-й,—то получимъ среднимъ числомъ отъ 3.6 до 4.5 часовъ въ день школьныхъ уроковъ.

Главный центръ тяжести, впрочемъ, не въ этихъ оффиціальныхъ часахъ уроковъ. Уменьшенія ихъ добиться легче, такъ какъ, съ сокращеніемъ часовъ преподаванія, трудъ учителей, отъ которыхъ оно зависитъ, не увеличивается. Труднѣе же всего бороться противъ занятій на дому, противъ чрезмѣрныхъ уроковъ, задаваемыхъ учителями, и неумѣстной требовательности ихъ, никѣмъ не контролируемой.

Директоръ гимназіи Алекси, участвующій въ съѣздахъ нѣмецкихъ гигіенистовъ, хотя и полагаетъ, что возраженія по поводу гимназическихъ программъ преувеличены, допускаетъ, однако, самъ чрезмѣрность домашней работы высшихъ классовъ.

Обсуждая время школьныхъ уроковъ, приготовляемыхъ на дому, Алекси, доказывая ихъ необременительность для низшихъ классовъ, беретъ, однако, слишкомъ умѣренныя цифры. Такъ напр., на приготовленіе уроковъ изъ закона Божія, латыни, математики, онъ кладетъ по $^1/_2$ часа, для географіи — $^1/_4$ часа. Всего у него выходитъ въ недѣлю 10 ч., около 1 ч. 40 м. въ день. Но онъ забываетъ то, что учителя часто даютъ ученикамъ переписывать цѣлыя страницы, рѣшать десятки задачъ, выучивать наизусть длиннѣйшія стихотворенія или дѣлать сложные переводы. Время опредѣляется, такъ сказать, не сущностью требованій нормальныхъ, но неумѣлостью или ожесточеніемъ учителей. Самъ Алекси сознается, даже при его оптимистическомъ взглядѣ, что въ высшихъ классахъ приготовленіе уроковъ на дому требуетъ уже по 5$^1/_2$ часовъ въ день, что съ 35 часами классовъ даетъ 68 часовъ, или 11 часовъ ежедневнаго труда—*почти половину сутокъ*! Что же значитъ, послѣ этихъ вычисленій извѣстнаго педагога, знатока дѣла, умѣреннаго защитника дѣтей, трудъ взрослаго фабричнаго, о которомъ столько кричали, въ сравненіи съ трудомъ неокрѣпшаго, развивающагося гимназиста?

Поэтому, д-ръ Гозеусъ предлагаетъ установить, чтобы домашняя работа ограничивалась для низшихъ классовъ 2 часами, для сред-

нихъ—3 и для высшихъ—4 часами. Но и эта мѣра лишь для учениковъ съ хорошими способностями. Такъ какъ ежедневная работа въ 9—10 часовъ даже для взрослаго, при постоянствѣ ея, тяжка, то тѣмъ болѣе она непосильна для учениковъ мало-способныхъ.

Третій тэзисъ врачей Бокума требуетъ, чтобы ученикъ въ школѣ учился и упражнялся и мало работалъ на дому. Но особенно подробно разбираютъ врачи Бокума самый характеръ преподаванія, его методу. Обращая вниманіе на необходимость осторожнаго обращенія съ нѣжнымъ мозгомъ ребенка, врачи Бокума настаиваютъ, чтобы въ низшихъ классахъ не утомлять ума дѣтей такими отвлеченными представленіями, которыя ему не могутъ быть свойственны. Не зная хорошо еще родного города, какія понятія могутъ они составить объ уровнѣ мѣстностей, имъ чуждыхъ, о переплетеніяхъ бассейновъ различныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, обо всѣхъ Гудзонъ-бэй, Бофингсъ-бэй и т. д. Особенно врачи вооружаются противъ переутомленія низшихъ классовъ отвлеченною методою изученія древнихъ языковъ, непосильной этому возрасту, слѣдствіемъ чего бываетъ то, что всѣ жалуются на плохіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, не взирая на массу его уроковъ. Вдвое менѣе времени и классовъ потребовалось бы на изученіе того же въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и при менѣе абстрактной методѣ обученія. Врачи полагаютъ, что абстрактныя тонкости грамматики даже и въ среднихъ классахъ едва ли полезны. Съ физіологической точки зрѣнія гораздо удобнѣе постепенное усвоеніе знаній. Обогащеніе въ среднихъ классахъ усвоеніемъ формъ языка, записомъ словъ, знакомствомъ съ чтеніемъ на этомъ языкѣ, безусловно облегчило бы вѣнецъ обученія—обученіе абстрактныхъ тонкостей строенія фразъ въ высшихъ классахъ.

Взамѣнъ абстрактныхъ вещей, въ низшихъ классахъ слѣдовало бы обратить большее вниманіе на изощреніе памяти, которая въ этомъ возрастѣ особенно сильна и теперь мало изощряется. Въ среднихъ лѣтахъ умѣстно преподаваніе геометріи, имѣющей конкретный характеръ обученія, и вообще принять правиломъ, чтобы въ этомъ возрастѣ удалять всякій отвлеченный балластъ, не заставляя дѣтей выучивать аксіомы, а наглядно представляя имъ находить таковыя. Въ этомъ возрастѣ врачи рекомендуютъ особенно обученіе дѣтей естествознанію, дающему имъ богатый запасъ удовольствій въ знакомствѣ съ природой при каждой прогулкѣ въ полѣ.

Гаусманъ заботился о томъ, чтобы дѣтей не заставить тяготиться классомъ, не заставить скучать. Какъ можно принудить ребенка серьезно погрузиться въ изученіе ему несимпатичнаго знанія? Это почти немыслимо даже для зрѣлаго ума. Часы скуки въ классѣ для ребенка потерянные часы. Интересное же изложеніе предмета дѣй-

ствуетъ возбуждающимъ образомъ. Поэтому д-ръ Стефанъ, Гаусманъ и другіе горячо стоятъ за возстановленіе идей Песталоцци, Денцело, Тюрка, Гризера и др., защищавшихъ наглядное преподаваніе.

Помимо того проф. Баумейстеръ полагаетъ, что самыя цѣли обученія должны быть понижены и задачи упрощены. Иначе обремененіе самихъ учителей извѣстными требованіями ставитъ въ невозможность улучшать методы. Теперь же методы направлены не только къ переутомленію умственному, но и къ перераздраженію нравственному, при усиленной погонѣ въ короткій срокъ за намѣченною и трудно достижимою цѣлью. Къ счастію, говоритъ Баумейстеръ въ 1883 г., что тѣ провинціи Германіи, гдѣ еще классное время велико, нашли уже вынужденными уменьшить требованія относительно изученія древнихъ языковъ. Такъ, саксонское правительство оффиціально протестуетъ противъ увлеченія гимназій въ обученіи языкамъ, указываетъ на различіе ихъ университетскаго преподаванія и гимназическаго, и предостерегаетъ учителей отъ чрезмѣрныхъ требованій. Экстемпорали вюртембергскимъ правительствомъ ограничены двумя разами въ мѣсяцъ; гессенское правительство не дозволяетъ по экстемпоралямъ оцѣнивать знаніе учениковъ, но допускаетъ ихъ лишь какъ личное пособіе въ преподаваніи учителю. Экстемпорали по Баумейстеру являются самымъ ужаснымъ зломъ. Учитель диктуетъ; ученикъ долженъ моментально переводить диктуемое на чуждый языкъ и записывать, что̀ медленно мыслящія головы не могутъ дѣлать скоро; но учитель не ждетъ, онъ гонитъ впередъ; раздраженіе неудачей еще болѣе задерживаетъ спокойное мышленіе ученика, и нервное возбужденіе достигаетъ своего апогея. Къ тому же часто диктантъ экстемпоралій есть искусственно подобранный сводъ синтаксическихъ правилъ и вызываетъ въ ученикѣ отчаянное ощущеніе мучительнѣйшей работы вмѣсто пріятнаго чувства способности воспроизвести задачу. Весь способъ служитъ скорѣе къ изощренію присутствія духа во время опасности, къ воспитанію боевой готовности, а не къ тому, чтобы узнать степень свѣденій ученика. Медленно мыслящія головы—не всегда дурныя головы. Зная же, что экстемпорали служатъ для оцѣнки способностей, ученики раздражаются еще болѣе. Еще болѣе прибавляетъ къ этому выставка отмѣтокъ. Хотя извѣстная степень возбужденія самолюбія бываетъ необходима, но когда отмѣтки получаются при подобныхъ ненормальныхъ условіяхъ, онѣ, кромѣ раздраженія несправедливостью ихъ, ничего другого вызывать не могутъ. Упоминаетъ Баумейстеръ и о вліяніи однообразныхъ уроковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ безъ смѣны предметовъ, столь необходимой для освѣженія ума, и объ ужасныхъ учебникахъ со всѣми тонкостями синтаксиса для низшихъ классовъ, и о неосмысленномъ обремененіи

памяти, обязанной въ баденскихъ гимназіяхъ, въ низшихъ классахъ, одолѣвать ежегодно по 1.300 латинскихъ вокабулъ,—и указываетъ на примѣръ Швейцаріи, принявшей изученіе языковъ лишь съ 12-лѣтняго возраста. Испытаніе зрѣлости теперь значительно ослаблено въ Эльзасъ-Лотарингіи, гдѣ уже даютъ такія тэмы, которыя ученикъ среднихъ способностей можетъ одолѣть безъ подготовки. Такое пониженіе требованій существенно необходимо въ виду преобладающей массы среднихъ и слабыхъ способностей среди учениковъ. Нельзя нивеллировать всѣ способности, говоритъ Финкельнбургъ, по высшей мѣрѣ требованій. Фихте совѣтовалъ тому, кто имѣетъ дурной характеръ, непремѣнно выработывать лучшій. Нельзя такого же совѣта дать ученику, чтобы онъ при слабой головѣ постарался добыть себѣ лучшую. Чему же удивляться, говоритъ далѣе тотъ же ученый, если даже у здороваго по внѣшнему виду ученика вниманіе слабѣетъ, и по преимуществу вслѣдствіе чрезмѣрнаго отягченія памяти вмѣсто требующагося въ извѣстномъ возрастѣ возбужденія мышленія? Борьба за существованіе въ гимназіи развиваетъ почву для настоящихъ психозовъ и отравляетъ всю будущую жизнь человѣка. „Я почиталъ бы, заявляетъ Алекси, жестокимъ устранять всѣ медленно мыслящія головы отъ университетскаго образованія и высшихъ карьеръ, такъ какъ онѣ совсѣмъ не дурныя головы. Это было бы нравственной потерей для націи. Именно среди такихъ лицъ, которыя съ трудомъ идутъ по жизненному пути, встрѣчаемъ мы наилучшіе характеры, а въ нихъ теперь большой недостатокъ. Лица, туго проходящія школу, часто дѣлаются позже способнѣйшими людьми въ наукѣ и практикѣ жизни. Неспособность людей по обученію ихъ опредѣлять было бы черезъ-чуръ рано".

Такимъ образомъ, по Уффельману, должно признать не только переутомленіе умственное, но и перерожденіе вслѣдствіе постоянныхъ и чрезмѣрныхъ требованій и возбужденія самолюбія дѣтей; они находятся въ лихорадочномъ состояніи, въ безпрерывномъ раздраженіи, теряютъ аппетитъ, сонъ, и наконецъ за всѣмъ этимъ наступаетъ періодъ слабости и утомленія. Условія школьной жизни столь сложны, что утомленіе организма ученика не можетъ быть исчерпано одной какой-либо причиной. Всѣ онѣ—въ связи одна съ другою, всѣ взаимно дѣйствуютъ одна на другую, и въ результатѣ совмѣстнаго ихъ вліянія страдаютъ тѣло и душа ученика.

Профессоръ Левенталь, издавшій прекрасное сочиненіе въ 1887 г. о школѣ, указываетъ на троякій родъ школьныхъ отношеній, подлежащій изученію. Это—нравственное развитіе учениковъ, ихъ отношенія между собою и отношенія къ учителямъ. Ученики обычно не поклоняются правдѣ—лгутъ, плутуютъ, обманываютъ учителей, подсказы-

ваютъ, списываютъ и т. д. Но не обусловливается ли это отчасти виною методы обученія и надзора со стороны учителей? Часто отношенія учениковъ между собою натянуты. Новички иногда преслѣдуются даже съ ожесточеніемъ и тоже бываютъ мало способными или физически слабыми, выносящими постоянно и насмѣшки, и всякаго рода непріятности въ теченіе всего періода обученія. Учителей боятся, часто смѣются надъ ними, любятъ рѣдко и смотрятъ на нихъ не какъ на друзей, а какъ на недруговъ, которыхъ можно обманывать безъ угрызеній совѣсти. Не любятъ и учрежденія, обучающаго ихъ, входятъ въ него съ грустью, выходятъ съ радостью и вспоминаютъ о гимназіи съ отвращеніемъ. Причина всего этого лежитъ по Левенталю и въ большомъ числѣ учениковъ въ классѣ. Для учителя немыслимо заниматься равно со всѣми и всѣхъ наблюдать. Однихъ онъ выставляетъ въ пользу другихъ. Лѣнивые, мало одаренные, тупые отстаютъ. Опереженные товарищами, они не могутъ равняться съ ними. Учитель съ своей стороны, имѣя многихъ и вынужденный выполнять серьезную программу, ему вмѣняемую въ обязанность, кончаетъ тѣмъ, что забываетъ думать о такихъ отсталыхъ и смотритъ на нихъ какъ на отпѣтыхъ. Они плетутся съ трудомъ. Оставляютъ заведеніе съ ложно направленнымъ умомъ, ожесточеннымъ сердцемъ противъ счастливчиковъ товарищей и заполняютъ ряды неудачниковъ, непонятыхъ и недовольныхъ. Въ ихъ средѣ, говоритъ Левенталь, и находятся всегда люди, готовые на всякіе компромиссы, въ ихъ средѣ и подбираются худшіе враги общественнаго порядка, болѣе опасные для него и болѣе ожесточенные бойцы.

Въ чемъ же, однако, искать спасенія, какія мѣры необходимы, чтобы ослабить задачи учителей, дать имъ болѣе свободы для выполненія ихъ существеннѣйшихъ обязанностей, бо̀льшей внимательности ко всѣмъ обучаемымъ, большей справедливости, и чтобы облегчить работу учащихся?

Изученіе греческаго и латыни, говоритъ Рейссъ въ „Annales d'hygiène“ прошедшаго года, остается основой гимназическаго образованія. Цивилизація нашего времени есть дочь этихъ двухъ древнихъ культуръ. Но требуется ли по этому случаю безусловно тратить время столь долго и столь безполезно для того, чтобы втолковать ученикамъ всѣ тонкости греческой и латинской грамматики? Результаты обыкновенно неутѣшительны. Черезъ 10 лѣтъ обученія, нѣтъ ученика, способнаго оцѣнить въ оригиналѣ красоты Виргилія или Софокла или высокій слогъ Цицерона и Демосѳена.

Профессоръ Эсмаркъ пишетъ: „какъ профессоръ клиники, я имѣлъ случай убѣждаться въ неправильности развитія моихъ слушателей. Я нахожу, что лишь самое малое число ихъ способны быстро и правильно

оцѣнивать самыя естественныя явленія и даже ихъ излагать. Точно будто разсудокъ ихъ извращенъ и потерялъ свою свѣжесть, занимаясь постоянно мелочами грамматическихъ правилъ".

Профессоръ Видеманъ въ Лейпцигѣ тоже сознается, что и въ Германіи много было защитниковъ облегченія обученія при помощи замѣны древнихъ языковъ новыми, но онъ боится, чтобы такая замѣна не уменьшила числа ученыхъ въ его отечествѣ. Алекси, наоборотъ, полагаетъ, что изученіе латыни и греческаго должно быть значительно понижено. „Теперь, чрезмѣрное изученіе ихъ породило такую къ намъ непріязнь и столькихъ враговъ, что разумное пользованіе ими только ослабитъ эту вражду и вновь возстановитъ ихъ значеніе. Такъ какъ въ математикѣ также теперь можно признать могущественное средство для умственнаго развитія, то нѣтъ никакой необходимости отдавать половину учебнаго времени древнимъ языкамъ. Современное ихъ преподаваніе не оставляетъ ученику времени даже воспользоваться ими для своего развитія. Стилистика превращена въ безполезную фразеологію, и грамматическое обученіе выродилось въ мелочное и безплодное занятіе. Учитель, имѣя предъ собою экзамены зрѣлости, также не можетъ, съ 1856 г., когда введены въ Пруссіи экстемпорали, обходиться безъ нихъ, имъ посвящаетъ большую часть времени, такъ что изъ всей учебной жизни ученика 100 полныхъ дней падаетъ только на писаніе экстемпоралій. Гдѣ же взять времени для болѣе разумнаго пользованія классиками? Прежнее изученіе латинскаго языка, бывшее цѣлью, теперь не можетъ быть иначе какъ средствомъ образованія. Прежде научныя сочиненія писались не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Теперь этого не существуетъ болѣе, и новые языки для чтенія научныхъ сочиненій болѣе древнихъ дѣлаются необходимыми. Цѣлью можетъ быть только знаніе языковъ для ознакомленія юношества съ высокими твореніями греческихъ и латинскихъ авторовъ, коими ученики должны облагораживаться и одушевляться. Слѣдовательно и грамматика должна быть не цѣлью, а средствомъ къ цѣли. Ни греческихъ, ни латинскихъ стилистовъ теперь не требуется болѣе. „Мы должны согласиться,—говоритъ д-ръ Холибеусъ на дрезденскомъ съѣздѣ гигіенистовъ,—что наше общее образованіе черпается не изъ однихъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, но и изъ новѣйшихъ сочиненій на языкахъ: французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ. Поэтому одинъ латинскій насъ уже не удовлетворитъ. Потребность реформы относительно обученія древнимъ языкамъ давно повсюду сознается. Нѣмецкіе ученики, вслѣдствіе ненормальнаго распредѣленія времени и затраты на латынь, лучше знаютъ,—говоритъ Алекси—князей династій Танталидовъ и Лабдакидовъ, чѣмъ нѣмец-

кихъ королей. Лучше знаютъ они объ аѳинскихъ обычаяхъ, чѣмъ болѣе для нихъ полезныя вещи практической жизни".

Боннскій университетъ въ 1869 году заявлялъ о полномъ невѣжествѣ гимназистовъ въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, не дающемъ даже возможности читать спеціальные курсы. Дюбуа Реймонъ, украшеніе берлинскаго университета и врачебной науки, въ своемъ сочиненіи „Culturgeschichte und Naturwissenschaft", утверждаетъ, что современное гимназическое образованіе не въ состояніи подготовить слушателей къ изученію медицины. Онъ жалуется не только на большое невѣжество въ древнихъ языкахъ, но и на недостаточное знаніе отечественнаго языка, на дурной нѣмецкій языкъ, въ которомъ онъ убѣдился болѣе чѣмъ на 3.000 экзаменаціонныхъ работъ. Особенно недостаточны математическія познанія и естественно-историческая подготовка молодыхъ людей, затрудняющая даже университетскія лекціи. Фокъ, въ Вюрцбургѣ, какъ экзаменаторъ, тоже заявляетъ о недостаточности современной гимназической подготовки. То же самое говорятъ профессора Гюнтеръ въ Грейфсвальдѣ и Розеръ въ Марбургѣ.

Итакъ, въ Германіи и Франціи констатировано, что современная система гимназическаго образованія, построенная на громадной затратѣ времени для изученія тонкостей древнихъ языковъ, не достигаетъ цѣли, напрасно возлагая непосильный трудъ на молодыя силы и извращая нормальную дѣятельность нервной системы и всего организма учениковъ. Реформы признаны необходимыми, и о нихъ всюду говорятъ громче и громче.

При такомъ положеніи вопроса на западѣ Европы о переутомленіи учащихся, позволительно спросить у лицъ компетентныхъ, стоящихъ близко къ дѣлу обученія и воспитанія: насколько тотъ же вопросъ можетъ касаться и нашей родной почвы? Есть ли необходимость и для насъ основательно имъ заняться?

Съ своей личной точки зрѣнія я нахожу громадное сходство въ положеніи гимназическаго обученія въ Германіи съ нашимъ, со всѣми мелочными даже условіями, съ неудобствами и ихъ послѣдствіями. Сознавая свою некомпетентность въ чисто педагогической сторонѣ вопроса, я не могу, однако, съ врачебно-санитарной точки зрѣнія не высказаться въ положительномъ смыслѣ о томъ, что переутомленіе и у насъ существуетъ, чему можно найти много доказательствъ. Причины же его должны быть указаны соединенными силами врачей и педагоговъ, если съ ихъ стороны такая задача покажется возможною и достижимою. Думаю, что въ отдѣльности—трудъ тѣхъ и другихъ, для рѣшенія такой задачи, былъ бы безплоднымъ.

Въ томъ случаѣ. еслибы мой взглядъ былъ признанъ имѣющимъ

нѣкоторыя основанія, то въ будущемъ, казалось бы, съ самаго начала было бы удобнѣе дифференцировать задачу. Изъ всего вышеизложеннаго видно, до какой степени вопросъ сложенъ, отъ скольких самыхъ разнообразныхъ фактовъ зависитъ переутомленіе. Гораздо успѣшнѣе могла бы двигаться разработка предполагаемой задачи, если бы ее можно было расчленить на части, и я съ своей стороны полагаю, что легче всего задача эта дѣлится на три почти самостоятельныя части.

Переутомленіе можетъ быть тѣлеснымъ—въ зависимости отъ дурной вентиляціи, длительнаго сидячаго положенія и т. п.; оно можетъ быть умственнымъ—отъ утомительной и непосильной работы для неразвившагося еще мозга ребенка или юноши, и, наконецъ, оно можетъ быть нравственнымъ—отъ неправильнаго отношенія учителей къ ученикамъ и недостатка справедливости.

Если при рѣшеніи первой части нашей задачи потребуются, по преимуществу, гигіеническія данныя и результаты уже сдѣланныхъ изысканій, то во второй, главнымъ образомъ, поле дѣйствія должно быть за педагогами при обсужденіи нормальнаго объема, содержанія и способа примѣненія программъ для обученія; въ третьей же части придется и гигіенистамъ, и педагогамъ отдать себя на судъ общества, на судъ отцовъ и матерей и выслушать указанія, диктуемыя ихъ наболѣвшимъ сердцемъ.

Заранѣе соглашаюсь, что sine ira et studio разработать вопросъ о томъ, есть ли и у насъ то зло, противъ котораго такъ возстаютъ въ Европѣ, и въ какомъ оно размѣрѣ—очень трудно. Но то, что трудно, не недостижимо.

А. Доврославинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1888 г.

Земскіе финансы.

Итоги земскихъ сборовъ въ истекающее двадцатипятилѣтіе земства.—Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ.—Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имуществъ.—Способы обложенія имуществъ земствами, и уклоненія отъ обложеній. — Земскія недоимки. — Обязательные и необязательные расходы.—Общіе итоги.

Перваго января будущаго года исполнится двадцать-пять лѣтъ со времени обнародованія Высочайшаго указа, которымъ повелѣно открыть земскія учрежденія въ 33 губерніяхъ европейской Россіи. Въ основаніи этого великаго акта, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ Положенію о земствахъ, лежало признаніе со стороны законодательной власти, что мѣстные интересы и нужды, ближе всего касаясь населенія, могутъ быть и удовлетворяемы наиболѣе цѣлесообразно самимъ же мѣстнымъ населеніемъ. Изъ 33-хъ губерній, перечисленныхъ въ указѣ 1 января 1864, относительно которыхъ законодательная власть сочла возможнымъ довѣрить населенію заботы о весьма многихъ сторонахъ своей областной жизни, земскія учрежденія до сихъ поръ не введены только въ губерніи оренбургской, но зато къ нимъ присоединены въ разное время область бессарабская и губернія уфимская. Такимъ образомъ, къ настоящему времени у насъ имѣется 34 такъ-называемыхъ земскихъ губерніи. Нужно сказать, что при самомъ введеніи земскихъ учрежденій весьма трудно было предвидѣть, во что они сложатся. Дѣло въ томъ, что законодательная власть не начертала для дѣятельности этихъ общественныхъ органовъ строго опредѣленныхъ рамокъ относительно большинства сторонъ хозяйственной жизни населенія и его нуждъ. Въ Положеніи довольно глухо говорится, что земскимъ учрежденіямъ предоставлено „попеченіе о народномъ образованіи, здравіи, развитіи торговли и промышленности, благосостояніи населенія и т. д.; точно также имъ предоставлено право

возбуждать ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, касающіяся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда". Но ни объемъ права, ни объемъ обязанностей во всѣхъ этихъ отрасляхъ „попеченія" Положеніемъ для земства не установленъ. Создать физіономію ихъ поэтому вполнѣ предлежало будущему, въ зависимости отъ характера дальнѣйшихъ отношеній къ земствамъ законодательной власти, мѣстныхъ особенностей и общаго теченія общественной и экономической жизни государства. Дѣйствительно, при преобладаніи въ нашей государственной жизни „циркуляровъ", позднѣйшія „разъясненія" и „дополненія" административной власти, ея отношенія къ возбуждаемымъ земствами ходатайствамъ, едва ли не въ большей степени опредѣлили значеніе земскихъ учрежденій для развитія нашей областной жизни, чѣмъ самое Положеніе. Съ другой стороны, въ зависимости отъ условій и особенностей каждой мѣстности, отъ различнаго участія въ земскомъ представительствѣ отдѣльныхъ группъ населенія, ее составляющихъ, самая земская дѣятельность въ разныхъ областяхъ далеко не отличается однообразіемъ въ своихъ заботахъ о хозяйственныхъ нуждахъ края.

Всѣ указанныя условія не могли не отразиться и на положеніи земскихъ финансовъ—главнаго нерва всѣхъ дѣлъ. Въ зависимости отъ совокупности ихъ находится самый размѣръ средствъ, которыми располагаютъ земства для своей дѣятельности на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго населенія, способы образованія этихъ средствъ и ихъ расходованія. Можно сказать даже, что финансовая сторона земскаго хозяйства является наиболѣе чувствительнымъ показателемъ тѣхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, которыми обставлено его веденіе, и тѣхъ недостатковъ, которые кроются въ самой организаціи земскихъ учрежденій. Общій итогъ земскихъ средствъ въ первый годъ дѣйствія этихъ учрежденій составлялъ свыше 14 мил. р. Затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, по смѣтѣ въ 1873 г. сборы эти возросли до 24 мил. р. Еще черезъ пять лѣтъ, въ 1877 г., они составляли уже болѣе 33 мил. р. Въ 1883 году доходъ увеличился до 38½ мил. р. Наконецъ, въ 1885, послѣднемъ, за который имѣются точныя данныя, общій смѣтный бюджетъ всѣхъ земствъ равняется *42.800 т. р.* Такимъ образомъ, земскія средства съ 1868 г. по 1885 почти утроились,—возросли съ 14 мил. р. до 42.800 т. р. Но этотъ показатель возростанія земскихъ доходовъ долженъ быть нѣсколько уменьшенъ въ виду того, что въ 1868 земскія учрежденія существовали въ 32 губерніяхъ, а въ 1884—въ 34-хъ. Если затѣмъ мы раздѣлимъ общую сумму сборовъ на число земскихъ губерній, то окажется, что средній бюджетъ для каждой изъ нихъ равнялся въ 1868 г. 453 т. р., а въ 1885 г.—1.258 т. Естественно, что разныя губерніи болѣе или менѣе удаляются отъ этой средней цифры

бюджета и даже съ весьма значительными колебаніями. Такъ, почти „внѣ конкурса" находится бюджетъ пермской губ., достигшій въ 1885 г. 2.867 т.; нѣсколько приближаются къ ней губерніи вятская и полтавская, съ доходомъ въ 1.900 т. р.; антиподами же ихъ служатъ губерніи олонецкая съ бюджетомъ въ 548 т. р. и смоленская— 757 т. р. Въ общемъ среднюю цифру превышаетъ бюджетъ 16-ти губерній, въ остальныхъ же 18-ти онъ ниже ея. Къ первой группѣ, въ нисходящемъ порядкѣ размѣра земскихъ сборовъ, принадлежатъ губерніи: пермская, вятская, полтавская, самарская, московская, тамбовская, херсонская, харьковская, курская, воронежская, казанская, екатеринославская, таврическая, рязанская, черниговская и владимірская; ко второй: саратовская (бюдж. 1.244 т. р.), нижегородская, новгородская, орловская, тверская, с.-петербургская, симбирская, псковская, пензенская, костромская, бессарабская, уфимская, вологодская, калужская, тульская, ярославская, смоленская и олонецкая.

Такое различіе въ размѣрахъ земскихъ сборовъ по разнымъ губерніямъ находится въ зависимости прежде всего отъ пространства ихъ, плодородія почвы и развитія промышленности. Такъ, въ пермской губ. подлежитъ обложенію 27.257 т. десятинъ земли, между тѣмъ какъ въ вятской, непосредственно слѣдующей за нею въ этомъ отношеніи, количество облагаемой земли составляетъ только 13 мил. д. Затѣмъ въ пермской губерніи сборъ съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, составляя около 750 т. р., уступаетъ по своимъ размѣрамъ только московской губ. Бюджетъ этой послѣдней высокъ исключительно благодаря ея промышленному развитію, при которомъ сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній болѣе чѣмъ въ два раза превосходитъ сборъ съ земли. Что касается полтавской губ., то здѣсь высокій итогъ земскихъ сборовъ обусловливается плодородіемъ почвы; при 4 мил. д. облагаемой земли, обложеніе ея достигаетъ здѣсь наивысшей цифры, именно, почти 32 коп. съ десятины. Противоположностью этой губ. служитъ вологодская, съ количествомъ облагаемой земли, простирающимся свыше 26 мил. дес., но съ среднимъ обложеніемъ ея въ 2,8 съ десятины, благодаря чему земскій бюджетъ значительно ниже средняго. Въ наибѣднѣйшей по бюджету земской губерніи—олонецкой—количество облагаемой земли также значительно выше средняго, составляя до 10 мил. д.; обложеніе же ровно 5 к. съ десятины, при весьма низкомъ доходѣ отъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній.

Но указанные нами факторы, какъ-то: количество земли, ея плодородіе и развитіе промышленности, только отражаются на земскихъ бюджетахъ и вовсе не находятся другъ отъ друга въ полной и

правильной зависимости. Другими словами, размѣръ земскихъ сборовъ по губерніямъ далеко не всегда правильно соотвѣтствуетъ доходамъ ихъ населенія. Къ сожалѣнію у насъ не имѣется почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы хотя приблизительно вычислить общій доходъ населенія каждой губерніи. Но несоотвѣтствіе доходности съ размѣромъ земскихъ сборовъ и безъ того бросается въ глаза. Очевидно, напр., что доходы населенія московской губ., съ ея безчисленными фабриками и заводами, снабжающими своими произведеніями всю Россію, далеко превосходятъ доходы несчастныхъ обитателей вятской губ.—между тѣмъ земскіе сборы даютъ въ послѣдней бóльшую цифру. Что же касается ярославской губ., то по размѣру своего земскаго бюджета она стоитъ третьей отъ конца, непосредственно передъ вошедшей въ пословицу бѣднѣйшей смоленской губ. и пустынной олонецкой. Точно также и вообще губерніи, богатыя исключительно доходами отъ промышленности, отдаютъ на земскія нужды мѐньшую часть ихъ, чѣмъ губерніи земледѣльческія. Это будетъ и вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, что обложеніе промышленныхъ доходовъ ограничено закономъ, между тѣмъ какъ для обложенія земледѣльческаго дохода никакого предѣла для земства не установлено. Дѣйствительно, закономъ 21 ноября 1866 г. доходы отъ промышленности и торговли собственно изъяты изъ земскаго обложенія; привлекаются же къ нему эти промыслы только косвенно, посредствомъ обложенія помѣщеній, занимаемыхъ торговыми и промышленными заведеніями, и процентнаго сбора съ патентовъ. Но само собою разумѣется, что ни доходность помѣщеній, ни стоимость патента нисколько не опредѣляютъ доходности самаго предпріятія. Такимъ образомъ, возможность правильнаго соотвѣтствія между размѣромъ доходовъ населенія и высотой земскаго бюджета прежде всего устраняется тѣмъ, что промышленные и торговые доходы по закону не привлекаются къ земскому обложенію наравнѣ съ доходами отъ земледѣлія. Благодаря этому, изъ двухъ губерній съ одинаковою доходностью высшій земскій бюджетъ всегда даетъ губернія земледѣльческая, а не промышленная.

Если мы затѣмъ обратимся къ губерніямъ по преимуществу земледѣльческимъ, то и здѣсь соотвѣтствіе между доходами населенія и размѣромъ земскихъ сборовъ проявляется далеко не съ полною правильностью. Довольно любопытно въ этомъ отношеніи сравнить, напр., губерніи самарскую и вятскую. По занимаемому пространству (132 кв. в. и 134) онѣ почти одинаковы. Но процентъ пахатныхъ земель въ самарской равенъ 47, а въ вятской—30. Кромѣ того, самарская губ. по плодородію своей почвы справедливо считается жит-

ницей Россіи, а земля вятской губ. относится къ наименѣе плодороднымъ въ Россіи [1]).

Между тѣмъ среднее обложеніе десятины по обѣимъ губерніямъ равно 10 к., благодаря чему и земскій бюджетъ нѣсколько выше все-таки въ вятской губ. Еще большій контрастъ представляютъ между собою губерніи саратовская и казанская, изъ которыхъ первая по пространству почти на одну треть больше второй. Процентъ пахатныхъ земель въ первой—60, во-второй—48. Между тѣмъ земскій бюджетъ казанской губ. составляетъ 1.404 т., а бюджетъ саратовской губ.—1.243 т. Разница же эта происходитъ вслѣдствіе того, что черноземъ саратовской губ. обложенъ 14 коп. съ десятины, а худшая почва казанской—18-ю. Это несоотвѣтственное доходности обложеніе земли въ разныхъ губерніяхъ зависитъ отъ доброй воли самихъ земцевъ, которымъ предоставлено устанавливать обложеніе по ихъ усмотрѣнію. Естественно, что случайный составъ земскихъ представителей и ихъ личные взгляды, при неорганизованности нашихъ выборовъ и случайности ихъ, играютъ въ этомъ очень большую роль. Но нельзя не обратить вниманія, что въ значительной степени при этомъ сказывается и установленный въ разныхъ губерніяхъ неодинаковый составъ представителей отъ различныхъ классовъ населенія. Такъ, относительно первыхъ двухъ губерній — самарской и вятской—мы видимъ, что въ самарской губ. общее число уѣздныхъ гласныхъ по всей губерніи равно 381; изъ нихъ 186 гласныхъ представляютъ интересы крупнаго землевладѣнія и 183—сельскихъ обществъ. Въ вятской на 218 гласныхъ, отъ сельскихъ обществъ приходится 107, и отъ крупныхъ землевладѣльцевъ—78. Такимъ образомъ, въ первой губерніи гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляютъ 49%, а во второй—35%, представительство же отъ сельскихъ обществъ въ обѣихъ губерніяхъ почти одинаково, колеблясь отъ 47 до 49%. Аналогичные выводы мы получимъ и при сопоставленіи характера представительства въ двухъ другихъ губерніяхъ. Въ саратовской губ. на общее число гласныхъ въ 531 чел. крупные землевладѣльцы даютъ 258 представителей, а сельскія общества—204; въ казанской первые—126, вторыя—145, при общемъ числѣ гласныхъ въ 313 человѣкъ. Здѣсь, какъ видно, разница въ процентномъ отношеніи крестьянскаго представительства еще сильнѣе; именно, въ саратовской губ. гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляютъ 48%, а отъ сельскихъ обществъ 38%, между тѣмъ какъ въ казанской первая группа даетъ 40%, а вторая 46%.

---

[1]) Дворянскимъ банкомъ земля вятской губ. опредѣляется отъ 1 р. 80 к. до 12 р. за дес., въ самарской—отъ 8 р. до 40.

Такимъ образомъ, высота обложенія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма общихъ земскихъ сборовъ находятся въ весьма значительной зависимости отъ характера земскаго представительства, и онѣ выше въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ. Дѣйствительно, изъ взятыхъ нами четырехъ губерній — въ саратовской число гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ превышаетъ таковое отъ сельскихъ обществъ (48% и 38%) на 10%; въ самарской они почти одинаковы; въ казанской число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ на 6% выше, чѣмъ отъ помѣщиковъ, и въ вятской—на 14%. Почти соотвѣтственно этому располагается и высота обложенія земли. Такъ, саратовская губ., наиболѣе населенная изъ нихъ, съ арендными цѣнами, почти вдвое превышающими цѣны самарскія, но обложеніе десятины въ ней только на 4 к. выше двухъ слѣдующихъ губерній и на 4-ре к. ниже обложенія въ губерніи казанской. Точно также земля самарской губ. доходнѣе, чѣмъ въ двухъ остальныхъ, и обложеніе земли въ ней одинаково съ вятской и на 8 к. ниже, чѣмъ въ казанской. Сдѣланный нами выводъ относится не только къ четыремъ указаннымъ губерніямъ и не представляется случайнымъ. Справедливость его можно подтвердить и сопоставленіемъ обложенія во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Обложенность земли въ казанской губ. равна, какъ мы сказали, 18 к. съ десятины, и такую же высоту обложенія мы видимъ, напр., въ губ. орловской съ представительствомъ отъ крупнаго землевладѣнія, хотя сравнивать плодородіе почвы въ обѣихъ этихъ губерніяхъ даже не приходится. Затѣмъ въ другой помѣщичьей губ., симбирской, обложеніе это еще ниже на 2 р. Точно также обложеніе одинаково съ казанскою въ черноземныхъ, но помѣщичьихъ губерніяхъ—бессарабской, воронежской, самарской, саратовской, тульской, и ниже его—въ губ. екатеринославской и херсонской. Если мы перейдемъ къ отдѣльнымъ уѣздамъ одной и той же губерніи, то и въ этомъ случаѣ выводъ нашъ окажется справедливымъ. Такъ, въ полтавской губ. выше прочихъ—45 к. съ десятины—земля обложена въ зеньковскомъ, гдѣ сельскія общества даютъ 48% гласныхъ, а крупное землевладѣніе—35%; за нимъ слѣдуютъ гадячскій и кременчугскій, въ которыхъ представительство отъ обѣихъ группъ почти одинаково. Но въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ гласные отъ помѣщиковъ составляютъ 49%, а отъ обществъ—36%, налогъ съ десятины земли достигаетъ только 33 к. Между тѣмъ арендныя цѣны въ послѣднемъ уѣздѣ даже выше, чѣмъ въ трехъ первыхъ.

Изъ этихъ данныхъ состоянія земскаго обложенія земли въ разныхъ губерніяхъ совершенно очевидно, что губерніи съ исключительно крестьянскимъ землевладѣніемъ и преобладающимъ крестьян-

скимъ же представительствомъ даютъ на земскія нужды бо́льшій процентъ отъ доходности земли, чѣмъ губерніи помѣщичьи. Мы особенно долго остановились на этомъ явленіи въ виду существующаго у насъ, ни на чемъ не основаннаго, но всѣми повторяемаго мнѣнія, что земское самоуправленіе яко бы въ тягость крестьянамъ. Они-де совсѣмъ не интересуются земскимъ дѣломъ и очень тяготятся земскими налогами. Почему же эти налоги тѣмъ выше, чѣмъ крестьянамъ больше предоставлено участія въ земскомъ самоуправленіи? Отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ иначе нельзя, какъ признавши неправильнымъ ходячее мнѣніе о равнодушіи крестьянъ къ земскому дѣлу. Дѣйствительно, не трудно видѣть, что организація земской помощи во всѣхъ ея видахъ въ гораздо бо́льшей степени необходима и выгодна для крестьянъ, чѣмъ для помѣщиковъ. Такъ, медицинскою помощью и народною школой, отнимающими у большинства земствъ до половины ихъ бюджетовъ, пользуются исключительно одни крестьяне. Слѣдовательно крестьяне и наиболѣе заинтересованы въ хорошей ихъ постановкѣ, между тѣмъ какъ для помѣщиковъ эта помощь, если говорить о непосредственномъ пользованіи ею, часто не окупитъ даже дѣлаемыхъ ими для этого расходовъ въ видѣ уплаты налога. Для помѣщиковъ, далѣе, устроены всевозможныя казенныя школы, и общеобразовательныя, и спеціальныя,—а крестьянинъ долженъ создать ихъ самъ себѣ на началахъ самопомощи, организованной земствами.

II.

По смыслу Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, земствамъ предоставлено извлекать средства для своей дѣятельности посредствомъ обложенія *всѣхъ* имуществъ, приносящихъ доходъ и находящихся въ губерніяхъ или уѣздахъ. Обложеніе это должно было соотвѣтствовать ихъ цѣнности или доходности. Однако, право земскаго обложенія на подобныхъ началахъ распространяется далеко не на всѣ имущества. Уже новымъ узаконеніемъ отъ 21-го ноября 1866 г. принципъ земскаго обложенія по цѣнности и доходности имущества могъ распространяться только на *недвижимыя имущества*, т.-е. земли и дома; что же касается капиталовъ, вложенныхъ въ торговыя или промышленныя предпріятія, то на нихъ принципъ подоходнаго обложенія не распространяется. Указаннымъ закономъ, какъ мы уже говорили, обложенію подлежатъ лишь помѣщенія, въ которыхъ находятся торговыя и промышленныя заведенія, въ зависимости отъ ихъ цѣнности или доходности, другими словами, отъ арендной на нихъ платы. Самые же обороты торговыхъ и промышленныхъ заведеній

привлекаются къ обложенію только посредствомъ отчисленія въ пользу земствъ извѣстнаго процента съ торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ. Сборъ послѣдняго рода не долженъ превышать: съ каждаго гильдейскаго свидѣтельства и патентовъ на выдѣлку и продажу спиртныхъ напитковъ—25% вносимой въ казну цѣны ихъ, съ прочихъ же торговыхъ заведеній—10%. Неодинаковое право, предоставленное земствамъ для обложенія разнаго рода имущества, прежде всего отражается, какъ мы видѣли, на различіи въ общей суммѣ земскихъ сборовъ по разнымъ губерніямъ, не находящихся вслѣдствіе этого въ правильномъ соотвѣтствіи съ доходами ихъ населенія. Затѣмъ и вообще земскіе сборы въ большей степени ложатся на земельныя имущества, чѣмъ на промышленныя и торговыя. Такъ, въ 1883 г. по всѣмъ 34 губерніямъ сборъ съ земель составлялъ 21 мил. р., а съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній—только 6 мил. р.! Насколько здѣсь велико несоотвѣтствіе между доходностью и обложенностью этихъ двухъ родовъ имуществъ, при отсутствіи у насъ требуемыхъ данныхъ, трудно судить. Но оно бросается въ глаза каждый разъ, когда мы останавливаемся на характерѣ земскихъ сборовъ въ такъ-называемыхъ промышленныхъ губерніяхъ. Изъ всѣхъ ихъ—въ одной московской земскій сборъ съ торговли и промышленности въ два раза превышаетъ сборъ съ земель. Но и это отношеніе все-таки окажется чрезвычайно неблагопріятнымъ для земель, если принять во вниманіе полный упадокъ земледѣлія въ московской губерніи и чрезвычайное развитіе ея промышленности, заработками отъ которой по преимуществу и живетъ мѣстное населеніе. Изъ остальныхъ промышленныхъ губерній земля даетъ нѣсколько мѣньшую сумму сборовъ, чѣмъ торговля и промышленность, въ с.-петербургской. Что же касается губерній: ярославской, владимірской, нижегородской, тверской, то здѣсь преимущественнымъ предметомъ земскаго обложенія является земля. Насколько при этомъ обложенность земли выше обложенности торговли и промышленности, можно судить по отдѣльнымъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ земствами. Такъ, въ самарской губ., по вычисленію губернской управы, земли обложены въ размѣрѣ 9% съ ихъ доходности, а промышленныя и торговыя заведенія—0,4%. Къ аналогичнымъ же выводамъ пришли и другія земства.

Естественно, поэтому, что земства уже тотчасъ послѣ изданія закона 21-го ноября 1866, столь стѣсняющаго равномѣрность въ обложеніи, начали обращаться къ правительству съ ходатайствами объ отмѣнѣ этого ограниченія. Черниговское губернское собраніе возбудило такое ходатайство еще въ 1867 г. „Раздѣляя вполнѣ взглядъ г. министра внутреннихъ дѣлъ,—говорится въ журналѣ,—что правительство не должно руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ одно-

стороннею заботливостью объ исключительныхъ пользахъ того или другого класса населенія, но обязано ограждать всѣ части этого населенія отъ такихъ тягостей, которыя несправедливы въ отношеніи къ нимъ и вредны въ отношеніи къ общимъ государственнымъ интересамъ, собраніе постановило: ходатайствовать объ измѣненіи закона 21-го ноября въ установленномъ порядкѣ" [1]). Въ послѣдующіе года подобныя ходатайства возбуждаются уже десятками. Новгородское губернское собраніе въ своемъ ходатайствѣ указало, что, благодаря закону 21-го ноября, сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній падаетъ, въ то время, когда съ земель онъ возростаетъ—именно, съ первыхъ, съ 1866 по 1884 г., онъ упалъ на 15%, а со вторыхъ возросъ на 12% [2]). Земскія собранія сессіи прошедшаго года возобновили эти ходатайства. Такъ, самарское собраніе единогласно приняло докладъ управы, въ которомъ предполагается „ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ, въ измѣненіе закона 21-го ноября 1866 и 5-го іюня 1884 гг., права самостоятельнаго обложенія всѣхъ вообще торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ томъ числѣ акціонерныхъ обществъ и товариществъ, равно какъ и заведеній для продажи и выдѣлки напитковъ, съ условіемъ оцѣнки земствомъ ихъ оборотовъ и доходности на тѣхъ же началахъ, какъ эта оцѣнка производится въ отношеніи другихъ предметовъ земскаго обложенія; кромѣ того, ходатайствовать, чтобы было установлено взиманіе въ пользу земства извѣстнаго процента съ доходности денежныхъ капиталовъ" [3]). Ходатайства эти особенно усилились послѣ привлеченія къ обложенію процентнымъ сборомъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а также денежныхъ капиталовъ, со стороны самого правительства. Но на удовлетворительные результаты отъ своихъ ходатайствъ земства пока не имѣютъ никакихъ поводовъ разсчитывать.

Затѣмъ имѣется и еще нѣсколько категорій имуществъ, которыя или вовсе не подлежатъ несенію земскихъ налоговъ, или облагаются въ извѣстной нормѣ безо всякаго соотвѣтствія съ ихъ доходностью и цѣнностью. Изъ имуществъ вовсе неподлежащихъ обложенію—главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе казенные заводы, фабрики и торговыя заведенія. По этому поводу министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1868 г. разъяснило, что изъ казенныхъ имуществъ по смыслу Положенія къ несенію налоговъ привлекаются лишь земли. Въ то же время министерство вошло съ представленіемъ въ государственный

---

[1]) Сводъ постановл. черниговскаго губ. зем. собр. 1865—82 г. Одесса, 1884.

[2]) Обзоръ дѣятельности земскихъ учрежденій новгородской губ. за 1883 г. Новгородъ, 1884 г.

[3]) „День", 1888 г., № 15.

совѣтъ о дополненіи земскаго Пол. примѣчаніемъ, освобождающимъ казенныя промышленныя заведенія отъ обложенія сборами въ пользу земствъ. Государственный совѣтъ, однако, не нашелъ возможнымъ согласиться съ этимъ законопроектомъ и предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать этотъ вопросъ особо для каждаго случая, а затѣмъ, „по ближайшимъ указаніямъ опыта", внести новое общее представленіе. Но и черезъ 15 лѣтъ послѣ этого рѣшенія государственнаго совѣта, на ходатайство с.-петербургскаго губ. собранія о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса о привлеченіи казенныхъ фабрикъ и заводовъ къ земскому обложенію, министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что означенный вопросъ *предположено* подвергнуть обсужденію въ особой коммиссіи при министерствѣ финансовъ. Дѣйствительно, разрѣшеніе этого вопроса въ пользу земствъ имѣетъ много за себя данныхъ въ виду того, что весьма значительная часть государственныхъ фабрикъ и заводовъ эксплуатируется не казною, а *частными* лицами. Если въ первомъ случаѣ, существуя для удовлетворенія государственныхъ потребностей,—какъ-то: вооруженія, кораблестроенія и т. д.,—они являются бездоходными, то во второмъ—приносятъ арендаторамъ ихъ иногда весьма значительный доходъ. Важность разрѣшенія этого вопроса для земствъ видна изъ того, что, напримѣръ, въ петербургской губ. къ такимъ полуказеннымъ заводамъ относится огромная часть сталелитейныхъ и судостроительныхъ заводовъ, учрежденныхъ казною и сданныхъ затѣмъ въ аренду частнымъ обществамъ. Не меньше подобныхъ заводовъ въ сибирскомъ районѣ нашей горной промышленности.

Другою важною категоріей цѣнностей, ускользающихъ отъ земскаго обложенія, являются имущества желѣзно-дорожныхъ обществъ. Изъятіе это сдѣлано на томъ основаніи, что такія имущества черезъ извѣстный промежутокъ времени поступятъ въ распоряженіе казны. Несравненно болѣе важнымъ въ этомъ случаѣ намъ кажется то соображеніе, что большинство нашихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ пользуется, въ видѣ гарантій, субсидіями отъ государства, и слѣдовательно всякій новый расходъ уплатитъ въ концѣ концовъ то же государство. Но подобное соображеніе вовсе уже непримѣнимо къ тѣмъ весьма многимъ линіямъ, которыя даютъ акціонерамъ значительный чистый доходъ. Кромѣ того, въ послѣднее время само правительство съ фискальной точки зрѣнія измѣнило свой взглядъ на желѣзно-дорожныя предпріятія. Теперь доходы обществъ обложены процентнымъ сборомъ. Кромѣ того, еще при бывшемъ министрѣ финансовъ выработанъ былъ законопроектъ, которымъ въ отношеніи несенія государственныхъ налоговъ желѣзныя дороги приравниваются къ прочимъ промышленнымъ предпріятіямъ. Новый министръ фи-

нансовъ не отказался отъ этого законопроекта, и, по слухамъ, онъ внесенъ уже въ государственный совѣтъ. Согласно проекту, всѣ конторы правленій желѣзно-дорожныхъ обществъ, конторы мѣстныя и вокзалы должны будутъ брать, наравнѣ съ прочими торговыми заведеніями, промысловые билеты и торговые документы, а въ томъ числѣ —гильдейскія свидѣтельства для самихъ обществъ и приказчичьи для служащихъ. Если этотъ законопроектъ, хотя бы въ отдѣльныхъ частяхъ, будетъ осуществленъ, то для земствъ должно послѣдовать разрѣшеніе облагать имущества желѣзно-дорожныхъ обществъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими промышленными заведеніями. Однородными съ имуществами желѣзныхъ дорогъ и также изъятыми отъ земскаго обложенія признаны и имущества предпріятій „для снабженія жителей водою“. Это изъятіе еще болѣе странно, такъ какъ акціонеры водопроводныхъ обществъ въ большинствѣ случаевъ получаютъ очень крупный дивидендъ. Наконецъ, къ имуществамъ, не облагаемымъ налогами въ пользу земствъ, относятся еще слѣдующія: принадлежащія церквамъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ, имущества дворцовыя и находящіяся въ завѣдываніи кабинета Его Величества, а также и нѣкоторыя имущества частныхъ лицъ, пользующихся льготами, каковы: переселенцы, нѣкоторые кочевые инородцы и т. д.

Нужно замѣтить, что въ началѣ своей дѣятельности, кромѣ обложенія имуществъ по ихъ цѣнности и доходности, земства пытались найти и другіе источники доходовъ. Такъ, по земской росписи на 1867 г. нѣкоторыя земства удержали прежній *подушный сборъ* на губ. зем. повинности, взимавшійся по прежнему уставу о зем. повинностяхъ. Но министерство внутреннихъ дѣлъ признало подобный сборъ незаконнымъ со стороны земствъ и предписало губернаторамъ пріостановить взиманіе его. Точно также нѣкоторыя земства ходатайствовали объ установленіи одинаковаго со всѣхъ крестьянъ сбора на содержаніе сельскихъ школъ, а равно о продленіи взиманія рублеваго сбора съ бывшихъ дворовыхъ. Но оба эти ходатайства не были удовлетворены, съ указаніемъ на 9 ст. Полож. о земствахъ, по которой къ обложенію привлекаются только имущества, а не лица.

Кромѣ обложенія имуществъ, источникомъ земскихъ доходовъ, хотя и въ весьма незначительной степени, являются проценты съ капиталовъ, переданныхъ земствамъ и вновь ими образованныхъ, пособія отъ казны на разныя сооруженія, плата съ населенія за пользованіе медицинскою помощью, судебныя пошлины, пени и т. д. Въ общемъ эти „разные доходы“ дали земствамъ, въ 1885 г., 2.600 т. р. при общей суммѣ сборовъ въ 42 м. 860 т. р.

III.

Самый способъ обложенія земствами имуществъ заключается въ томъ, что уѣздныя управы должны вести земскія окладныя книги, въ которыя вносятся всѣ находящіяся въ предѣлахъ уѣзда и подлежащія земскому сбору недвижимыя имущества, съ означеніемъ противъ каждаго имущества его цѣнности или доходности, въ зависимости отъ которыхъ и долженъ быть исчисленъ окладъ слѣдующаго съ него въ пользу земства сбора. Но для выполненія этого правила земства, при ихъ возникновеніи, не имѣли собственно никакихъ данныхъ. Поэтому имъ предоставлено было самимъ собирать свѣденія не только о цѣнности и доходности имуществъ, но даже о существованіи самихъ имуществъ. Другими словами, земствамъ надлежало сдѣлать перепись всѣмъ имуществамъ, исчислить ихъ доходность или цѣнность, и затѣмъ уже устанавливать налогъ. Въ отношеніи земли это сводится къ нанесенію на планы всего уѣзда классификаціи почвы по плодородію и опредѣленію количества угодій разныхъ классовъ у каждаго владѣльца; затѣмъ, для вычисленія доходности, кромѣ урожайности угодій каждаго разряда, нужно опредѣлить среднюю стоимость собраннаго съ единицы пространства продукта и среднюю же стоимость обработки ея, что̀ въ результатѣ и даетъ чистую доходность десятины каждаго класса земли; если, наконецъ, эту послѣднюю выведенную цифру помножить на количество десятинъ каждаго класса, имѣющихся въ дачѣ, то тогда и получится общая чистая доходность всего даннаго земельнаго имущества. Подобный трудъ, какъ видно, является по истинѣ гигантскимъ, требующимъ огромныхъ затратъ и, понятно, совсѣмъ непосильнымъ для земствъ [1]). Большинство земствъ дѣйствительно даже и не дѣлало попытокъ къ такого рода точному отысканію доходности каждаго имущества. Однако труды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ земствъ заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія. Таковы, напримѣръ, „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій“, собранные статистическимъ отдѣленіемъ при черниговской губернской земской управѣ. Отдѣленіе брало каждую межевую дачу и на мѣстѣ исчисляло главные элементы доходности различныхъ ея угодій: стоимость обработки, арендныя цѣны на каждый видъ угодій и т. д. Что же касается количества подобныхъ угодій въ каждой дачѣ, то данными для этого губернская управа пользовалась изъ плановъ межевой палаты. Въ 1885 г. разме-

[1]) Нужно замѣтить, на земства возложена и раскладка госуд. поз. сбора,—поэтому участіе правительства въ подобныхъ расходахъ земли было бы вполнѣ справедливымъ.

жованными въ губерніи оказались три четверти всей земли, доходность которыхъ и опредѣлена точно губернской управой; относительно остальныхъ доходность исчислена приблизительно.

У огромнаго большинства земствъ, однако, отсутствуютъ сколько-нибудь точныя данныя для опредѣленія доходности и цѣнности земли, какъ главнаго предмета обложенія. Многія земства, въ началѣ своей дѣятельности, даже устанавливали простой подесятинный сборъ съ земли безъ всякаго отношенія къ ея цѣнности и доходности. Но подобнаго рода обложеніе было кассировано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло отъ этого, однако, нисколько не измѣнилось къ лучшему, и сборъ этотъ остался съ тѣмъ же характеромъ, только въ замаскированномъ видѣ. Обыкновенно назначается одна и та же оцѣнка стоимости или доходности десятины земли по всему уѣзду, и затѣмъ, якобы сообразно ей, устанавливается размѣръ налога. Надо сказать, впрочемъ, что такихъ земствъ теперь очень мало. Большинство ихъ, хотя приблизительно, но старается классифицировать земли по доходности какъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей уѣзда, такъ и отдѣльныхъ угодій одной и той же мѣстности. Подобная классификація земли по плодородію и доходности, приближающая къ дѣйствительному положенію дѣлъ, не представляется дѣломъ невыполнимымъ даже при отсутствіи точныхъ данныхъ. Составляясь въ подавляющемъ большинствѣ изъ сельскихъ хозяевъ, земскія собранія всегда могутъ съ приблизительною вѣрностью раздѣлить уѣздъ на полосы, соотвѣтственно общей доходности земли въ каждой изъ нихъ. Точно также собранію извѣстны и отдѣльные виды угодій, различающіеся по своей доходности, равно какъ и приблизительная доходность каждаго изъ нихъ. Земли обыкновенно дѣлятся на усадебныя, огородныя (на югѣ коноплянники, виноградники, бакчи, табачныя плантаціи и т. д.); пахатныя (часто нѣсколькихъ разрядовъ), сѣнокосы—поемные, луговые, болотные и т. д.; лѣса — строевые, дровяные, смѣшанные, кустарники (очень часто въ зависимости отъ близости къ сплавнымъ рѣкамъ); пастбища и земли неудобныя. При этомъ обыкновенно не дѣлается различія между землями крестьянскими и помѣщичьими, хотя арендныя цѣны на первыя всегда ниже, чѣмъ на вторыя. Нѣкоторые земцы, въ оправданіе подобнаго несоотвѣтствія, заявляютъ, что во вниманіе должна приниматься нормальная, возможная доходность, а не дѣйствительно существующая у каждаго владѣльца и находящаяся въ зависимости отъ способовъ пользованія землею. Такимъ образомъ, если крестьяне свои земли истощили, то изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ должны быть и оцѣниваемы ниже. На это можно возразить, что крестьяне въ свою очередь обращаютъ въ пахатныя и сѣнокосныя угодья такія земли, которыя у помѣщиковъ

вовсе не эксплуатируются и въ качествѣ „неудобныхъ" не несутъ и никакихъ налоговъ. Между тѣмъ, примѣняя принципъ нормальной, *возможной* доходности, большинство такихъ „неудобныхъ" помѣщичьихъ земель слѣдовало бы привлечь къ обложенію, какъ *могущихъ* давать доходъ" [1]).

Изъ общихъ способовъ опредѣленія цѣнности и доходности земли останавливаетъ на себѣ вниманіе система, принятая черниговскимъ губернскимъ земствомъ и нѣкоторыми уѣздными земствами саратовской губ. Заключается она въ вычисленіи доходности земли при томъ предположеніи, что эксплуатація ея производится при помощи сдачи участковъ крестьянамъ исполу. Такимъ образомъ, въ черниговской губ. элементами доходности признаны: та доля урожая, которая получается землевладѣльцемъ отъ спольщика, и доплата деньгами или отработками, которые дѣлаетъ тотъ же спольщикъ. Всѣ эти элементы доходности, т.-е. урожайности земли каждаго разряда, количество десятинъ въ дачѣ разныхъ разрядовъ и главныя условія испольной съемки въ данной мѣстности имѣются въ „Матеріалахъ для оцѣнки земель". Но въ нѣкоторыхъ дачахъ вовсе не встрѣчается испольная съемка. Въ такихъ случаяхъ доходность ея исчислялась по условіямъ испольной съемки, существующимъ въ ближайшихъ дачахъ той же урожайности. Мотивомъ для принятія подобныхъ основаній доходности губернской управѣ послужило то обстоятельство, что при ничтожномъ развитіи батраческаго хозяйства въ губерніи нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія издержекъ производства. Значительная часть владѣльческихъ земель, составляющихъ собственную запашку, обработывается, по словамъ доклада, не по найму, а отработками за сдаваемыя исполу земли.

Для выясненія правильности опредѣленія доходности земли на подобныхъ основаніяхъ нужно принять во вниманіе тѣ особыя условія аренды, которыя иногда создаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ вліяніемъ мнсгоразличныхъ обстоятельствъ. Рента или арендная плата есть чистый доходъ отъ земли, получающійся послѣ вычета изъ валовой доходности издержекъ текущаго производства, процентовъ на затраченный капиталъ и вознагражденія предпринимателя. Такъ учитъ насъ политическая экономія. На самомъ же дѣлѣ арендная плата сплошь и рядомъ бываетъ выше нормальной ренты. Это случается тогда, когда земледѣлецъ не можетъ найти заработка нигдѣ, кромѣ снимаемой имъ земли, такъ какъ собственное хозяйство.

[1]) На послѣднемъ губ. земск. собраніи нижегородской губ., губернаторъ, основываясь на докладѣ податного инспектора, обратилъ вниманіе собранія на тотъ фактъ, что въ архангельскомъ уѣздѣ худшія надѣльныя земли крестьянъ облагаются выше, чѣмъ несравненно лучшія помѣщичьи.

съ одной стороны. не обезпечиваетъ ему удовлетворенія всѣхъ нуждъ, а съ другой — не поглощаетъ всего имѣющагося въ распоряженіи земледѣльца рабочаго времени. При такихъ условіяхъ арендаторъ можетъ отдавать въ пользу землевладѣльца не только процентъ на затраченный капиталъ (свой хозяйственный инвентарь), предпринимательскую прибыль, но и часть издержекъ производства, т.-е. арендаторъ получитъ съ снимаемаго участка меньше дохода, чѣмъ онъ могъ бы получить въ качествѣ наемнаго рабочаго за обработку его. Ни для кого не тайна, что таковы именно условія аренды во всей черноземной малоземельной полосѣ Россіи [1]). Мы не говоримъ уже о пастбищахъ и прославленныхъ „отрѣзкахъ", которые сдаются тѣмъ дороже, чѣмъ они нужнѣе для крестьянъ и безо всякаго отношенія къ ихъ нормальной доходности.

Такимъ образомъ, вычисляя доходность земли по доходу отъ испольной сдачи ея, къ обложенію собственно привлекается не только земля, но и выгоды отъ операцій надъ крестьянскимъ трудомъ. Въ оправданіе такого обложенія въ докладѣ намѣчается, что „доходность земли есть результатъ не только естественныхъ условій ея производительности, но и *общественныхъ условій данной* мѣстности". Съ этимъ нельзя не согласиться, если имѣть въ виду лицъ, пользующихся указанными „общественными условіями". Но безусловно несправедливо, что подобная оцѣнка „вполнѣ вѣрна и для хозяйствъ, основанныхъ на собственной обработкѣ", такъ какъ-де во вниманіе должна приниматься „возможная доходность" [2]). Дѣло въ томъ, что какъ съ краткосрочной сдачей земли за деньги, такъ и особенно съ испольной, соединяется хищническая эксплуатація земли. Заплатившему высокую аренду земледѣльцу нужно возможно менѣе затратить и возможно болѣе выжать изъ земли, чтобы не остаться въ убыткѣ. Земля поэтому быстро истощается и даже превращается иногда въ вовсе негодную для пользованія. Естественно, что не всѣ землевладѣльцы желаютъ такъ хищнически относиться къ своей собственности и закрывать глаза на будущее въ интересахъ данной минуты. Едва-ли, слѣдовательно, привлеченіе землевладѣльцевъ обѣихъ категорій, на одномъ и томъ же основаніи доходности отъ испольной сдачи, можно считать справедливымъ. Но этотъ принципъ уже вовсе непримѣнимъ къ землямъ крестьянъ, которые поставлены внѣ всякой

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ" 1880 г., августъ. „Крестьянское дѣло и его постановка". — Новосельскій: „Средства къ подъему производительности силъ Россіи". Спб., 1883 г. Мы ссылаемся на изслѣдователей, стоящихъ за развитіе помѣщичьяго хозяйства.

[2]) „Земскій Сборникъ Черниговской Губ." 1885 г., №№ 1 и 2.

возможности пользоваться „общественными условіями данной мѣстности“ и могутъ являться только объектомъ подобнаго пользованія.

Но если вообще для „мѣстныхъ людей“ не трудно установить подраздѣленіе облагаемой земли на разряды и вычислить доходность каждаго изъ нихъ, то несравненно труднѣе опредѣлить размѣръ каждаго вида угодій, находящихся въ отдѣльномъ земельномъ имуществѣ. Относительно крестьянскихъ земель, въ лицѣ выкупныхъ актовъ, плановъ и надѣльныхъ записей, имѣются на этотъ счетъ почти точныя данныя. Совсѣмъ не то мы видимъ въ отношеніи земель частнаго владѣнія. Здѣсь все основывается на собственныхъ „показаніяхъ владѣльцевъ“. Между тѣмъ сами земскія собранія къ этимъ показаніямъ относятся чрезвычайно недовѣрчиво. Дѣйствительно, практика показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ земство не имѣетъ точныхъ свѣденій не только о размѣрахъ земель каждаго разряда, но и объ общемъ количествѣ ихъ въ уѣздѣ. Въ послѣднемъ отношеніи бывали случаи по-истинѣ грандіозныхъ открытій. При сличеніи, напр., показаній частныхъ владѣльцевъ съ данными межеванія по новгородской губ. обнаружилось, что отъ обложенія уклонялось до 400 т. десятинъ частновладѣльческой земли [1]). Въ полтавской губ. количество подобныхъ земель превышаетъ 600 т. дес.; вообще же, по отзыву межевой палаты, въ каждомъ уѣздѣ этой губерніи отъ земскаго обложенія уклоняется до 1/4 всѣхъ земель частнаго владѣнія [2]). Въ черниговской губ. только по одному остерскому уѣзду открыто статистическимъ отдѣленіемъ 140 т. д. необлагавшейся земли. Въ золотоношскомъ уѣздѣ полтавской губ., по даннымъ генеральнаго межеванія, извѣстны 52 т. д. свободныхъ отъ обложенія, т.-е. 14% всей облагаемой земли; но кому онѣ принадлежатъ—управа до сихъ поръ опредѣлить не можетъ [3]). Въ елецкомъ уѣздѣ работа землемѣра въ 1879 г. открыла почти 10 т. д. необлагавшейся земли [4]).

Естественно, что земства прибѣгаютъ къ самымъ различнымъ способамъ отысканія уклоняющихся отъ обложенія земель. Дѣло доходило даже до назначенія премій „открывателямъ“. Такъ, сольвычегодское земское собраніе въ 1879 г. постановило: если откроются и необлагаемыя земли, то „открывателю таковыхъ будетъ выдаваться вознагражденіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ по 10% съ каждаго рубля, вырученнаго за увеличенный налогъ съ таковыхъ земель, о чемъ управа сообщитъ черезъ печатныя объявленія всѣмъ волостнымъ прав-

---

[1]) „Обз. дѣят. зем. уч. новгор. губ.“ Новг., 1883 г.

[2]) „Систематическій сводъ пост. и распор. полтавск. губ. земства за первыя шесть трехлѣтій“. Полтава, 1885 г. вып. I, стр. 272.

[3]) „Кіев. Слово“ 1888 г.

[4]) „Земскій Ежегодн.“ за 1879 г., изд. 1882 г.

леніямъ" [1]). Боровичское собраніе поручило управѣ „уплачивать землемѣрамъ за открытыя ими земли, которыя были открыты землевладѣльцами, годовой окладъ земскаго сбора съ открытыхъ земель" [2]). Хорольское земство оказалось еще щедрѣе и предоставило въ пользу землемѣровъ 8-ми-лѣтній сборъ съ открываемыхъ ими земель [3]). Затѣмъ нѣкоторыя земства изыскивали средства побудить и самихъ владѣльцевъ показывать правильнѣе размѣръ своихъ земель. Для этого они ходатайствовали о предоставленіи себѣ права взыскивать съ открытыхъ земель налогъ за все время дѣйствія земскихъ учрежденій или принадлежности земли данному владѣльцу. Но ходатайство это не было уважено на томъ основаніи, что сами землевладѣльцы о размѣрахъ своихъ земель часто имѣютъ довольно смутное представленіе. Точно также большинство земствъ ходатайствовало о возложеніи на нотаріусовъ обязанности извѣщать управы обо всѣхъ данныхъ, совершаемыхъ въ ихъ конторахъ купчихъ и закладныхъ крѣпостей. Подобныя же данныя о цѣнности и доходности земель земства стараются добыть и изъ свѣденій или плановъ, представляемыхъ при залогѣ земельныхъ имуществъ въ банкахъ. Наконецъ, многія земства прибѣгаютъ къ найму землемѣровъ для описанія и приведенія въ извѣстность всѣхъ земель въ уѣздѣ, равно какъ и къ образованію для той же цѣли коммиссій изъ среды самихъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, преобладающее большинство земствъ не имѣетъ и до сихъ поръ сколько-нибудь точныхъ данныхъ о количествѣ и качествѣ частновладѣльческихъ земель. Результатомъ такого положенія дѣлъ является прежде всего высшая обложенность крестьянской земли сравнительно съ частновладѣльческою, такъ какъ о первой имѣются точныя данныя, а обложеніе второй основывается исключительно на не всегда вѣрныхъ показаніяхъ самихъ владѣльцевъ. Вообще въ 1885 г. десятина земли разныхъ владѣльцевъ облагалась земствами въ слѣдующемъ размѣрѣ: сельскихъ обществъ—17 к., частныхъ владѣльцевъ—13 к., городовъ—19 к., удѣла—8 к., казны—4 к., среднее же облож. дес.—12 к. [4]). При этомъ заслуживаетъ вниманіе и отношеніе земства къ владѣльческимъ и крестьянскимъ землямъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ. Такъ, въ бессарабской области въ 1871 г. въ окладныя книги занесено было крестьянскихъ земель 811 т. д., а прочихъ—2.285 т. д. Въ зависимости отъ этого и сборъ

---

[1]) „Земскій Ежегодникъ" за 1879 г. (519).

[2]) Ibid. (542).

[3]) Ibid. (552).

[4]) „Статист. данныя по прямымъ налогамъ. Земскія повинности". Изд. департ. окладн. сборовъ. Спб., 1888 г.

съ первыхъ земель давалъ тогда 63 т. р., сборъ со вторыхъ—176 т. р. [1]). Затѣмъ къ 1883 г. количество крестьянскихъ земель въ земскихъ окладныхъ книгахъ возросло до 1.353 т. д., а „прочихъ" уменьшилось до 1.719 т. д., благодаря чему сборъ съ первыхъ увеличился до 160 т. р., т.-е. болѣе чѣмъ въ 2½ раза, а сборъ со вторыхъ за эти тринадцать лѣтъ еще нѣсколько упалъ, именно до 162 т. р. [2]). Въ противоположность бессарабской области, какъ губерніи съ исключительно помѣщичьимъ земскимъ представительствомъ, въ вятской обложеніе крестьянскихъ земель возросло слабѣе, чѣмъ прочихъ. Здѣсь въ указанныя 13 лѣтъ сборъ съ крестьянскихъ земель возросъ съ 881 т. р. до 1.170 т., а съ прочихъ—съ 147 т. до 680 т. р., т.-е. въ первомъ случаѣ увеличеніе равно 32%, а во второмъ—на 312%. Въ этомъ отношеніи къ губерніи вятской, по относительному возростанію обложенія разныхъ земель, примыкаютъ казанская, пермская и вологодская, тѣ немногія губ., въ которыхъ помѣщичье представительство уравновѣшивается крестьянскимъ. Противоположную категорію составляютъ бессарабская область и губ. симбирская, пензенская, владимірская, тамбовская и херсонская. Во всѣхъ прочихъ процентъ усиленія обложенія для земель всѣхъ категорій почти одинаковъ. Въ 1871 г. сборъ съ крестьянскихъ земель по окладу составлялъ 7.476 т. р., въ 1883 г.—13.371; съ прочихъ земель—5.628 т. и 10.156 т. р. Въ обоихъ случаяхъ увеличеніе нѣсколько менѣе 100%. Но возростаніе сборовъ съ земель частновладѣльческихъ должно было бы происходить гораздо сильнѣе, приближаясь въ этомъ отношеніи къ губ. вятской, въ виду того, что размѣры крестьянскихъ надѣловъ, и даже съ распредѣленіемъ по угодіямъ, были извѣстны съ самаго начала дѣйствія земскихъ учрежденій, между тѣмъ какъ частновладѣльческія земли только постепенно еще разыскивались. Слѣдовательно на возвышеніе сборовъ съ послѣднихъ должны были вліять два фактора—и усиленіе обложенія, и возростающее количество самихъ земель, привлекаемыхъ къ обложенію. Указанное нами соотношеніе еще болѣе усилится въ сторону большей обложенности крестьянскихъ земель, если мы остановимся не на окладныхъ смѣтахъ, а на дѣйствительныхъ поступленіяхъ. Тогда мы увидимъ, что въ томъ же 1883 г. съ крестьянъ сбора поступило 11.600 т. р., а съ прочихъ земель—8.743 т. р.

Насколько вообще крестьянскія земли, сравнительно съ ихъ цѣнностью и доходностью, облагаются выше частновладѣльческихъ, опре-

---

[1]) Сводъ свѣденій о земскихъ доходахъ и расходахъ съ 1871 г. по 1880 г. Изд. хоз. деп. мин. внутр. дѣлъ. Спб., 1884 г.

[2]) Доходы и расходы губ. и уѣздн. земствъ за 1883 г. Изд. центр. стат. ком. Спб., 1886 г.

дѣлить трудно. Хотя у крестьянъ дѣйствительно процентъ удобныхъ земель нѣсколько значительнѣе, но зато частновладѣльческія земли доходнѣе. Съ другой стороны, весьма часто случается, что сборъ съ крестьянскихъ земель превышаетъ сборъ съ частновладѣльческихъ даже при значительномъ преобладаніи въ губерніи частновладѣльческаго землевладѣнія. Для новгородской губ., напр., разница въ пользу преобладанія частновладѣльческаго землевладѣнія надъ крестьянскимъ равна 10%, въ екатеринославской—4,5%, въ смоленской —11%, въ таврической—13% [1]). Между тѣмъ, ни въ одной изъ этихъ губерній не наблюдается хотя бы абсолютнаго превышенія сборовъ съ частновладѣльческихъ земель.

Всего сборъ съ земель даетъ земствамъ 28 мил. р., изъ которыхъ 56% поступаетъ съ крестьянскихъ земель, 33% частновладѣльческихъ, и 12% казны, удѣла и городовъ. Между тѣмъ землевладѣніе въ земскихъ губерніяхъ распредѣляется такъ: крестьянамъ принадлежитъ 40%, частнымъ владѣльцамъ—32%, казнѣ—26%, удѣламъ—2%. Анализъ способовъ обложенія земствами другихъ имуществъ не представляетъ большого интереса, отчасти въ виду сравнительной ничтожности ихъ цѣнности, отчасти же невозможности примѣнять къ промышленнымъ и торговымъ заведеніямъ принципа обложенія ихъ по доходности.

Изъ другихъ недвижимыхъ имуществъ сравнительно значительную цифру дохода въ земскія кассы даютъ городскія строенія. Циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1867 г. и сенат. указомъ 1875 г. для оцѣнки ихъ земскимъ учрежденіямъ представляется назначать отъ себя депутатовъ „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существующія онымъ оцѣнки (со стороны думъ), по какимъ-либо причинамъ будутъ признаны ими недостаточными". Но этимъ правомъ земства почти не пользуются, такъ какъ самихъ городскихъ оцѣночныхъ коммиссій, куда они могли бы назначать депутатовъ, не существуетъ. Затѣмъ многія земства желали предпринять самостоятельную оцѣнку, несмотря на громадные нужные для этого расходы, но съ исполненіемъ подобныхъ постановленій пріостановились въ виду послѣдовавшаго Высочайше утверж. мнѣнія государственнаго совѣта 25-го октября 1875 г. о производствѣ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ во всѣхъ значительныхъ городахъ, причемъ въ составъ оцѣночныхъ коммиссій могли быть допущены и представители отъ земствъ. Но это постановленіе ждетъ своего исполненія и до сихъ поръ. Что касается существующихъ оцѣнокъ городскихъ имуществъ, сдѣланныхъ

[1]) „Статист. Врем.", вып. Б. Изд. центр. статист. ком. Спб., 1886 г.

думами, то онѣ до крайности низки. Относительно, напр., Петербурга обнаружилось, что незначительная часть его домовъ, заложенная въ кредитномъ обществѣ, оцѣнена имъ въ бо́льшую сумму, чѣмъ всѣ дома столицы вмѣстѣ оцѣнены думою для обложенія. Благодаря этому, даже въ петербургской губ. сборъ съ земель составляетъ 368 т. р., а городскія имущества Петербурга даютъ губ. земству только 116 т. р. Москва даетъ земству 30 т. р. дохода, такъ какъ недвижимыя имущества первопрестольной губернскимъ земскимъ сборомъ вовсе не облагаются. Выше другихъ земскій сборъ съ городскихъ имуществъ въ губерніяхъ: херсонской—193 т. р., ярославской—131 т. р. и пермской —106 т. р. Въ общемъ сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ составлялъ въ 1885 г. 2.344 т. р., а съ недвижимыхъ имуществъ сельскихъ—444 т. р. Такъ какъ обложеніе земель равно приблизительно 10% ихъ чистой доходности, то чистую доходность городскихъ имуществъ нужно опредѣлить въ 23 мил. р. Изъ этого можно видѣть, насколько они слабо обложены земствами.

Что касается промышленныхъ и торговыхъ заведеній, то, благодаря своему привилегированному положенію въ отношеніи земскаго обложенія, они также даютъ сравнительно незначительную сумму дохода, именно, вмѣстѣ около 7 мил. р., которая и распредѣляется между ними почти поровну. Для оцѣнки самихъ имуществъ этой категоріи—земства, также какъ и для оцѣнки земли, не имѣютъ точныхъ свѣдѣній. Весьма немногія изъ нихъ, московское напр., организовало періодическія коммиссіи, которыя вычисляютъ стоимость и доходность не только самихъ промышленныхъ помѣщеній, но и содержащихся въ нихъ механическихъ приспособленій. Торговыя помѣщенія, въ большинствѣ случаевъ кабаки, оцѣниваются по мѣстности, въ которой они находятся. Вообще же земства по возможности стараются смягчить законъ 21-го ноября 1866 г., облагая торговыя и промышленныя заведенія по высшей нормѣ, чѣмъ прочія недвижимыя имущества. Но противъ такого поползновенія земскихъ учрежденій у хозяевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній есть тоже довольно дѣйствительное средство въ видѣ фиктивныхъ арендныхъ контрактовъ, которые она заключаетъ иногда съ фиктивными же владѣльцами помѣщеній. Имѣя подобный контрактъ, каждый изъ нихъ считаетъ возможнымъ документально доказывать неправильность земской оцѣнки. Кромѣ того, въ прежнее время представители промышленности и торговли были довольно равнодушны къ земскому хозяйству; но когда земское обложеніе нѣсколько чувствительно коснулось ихъ кармановъ, то въ обладателяхъ ихъ живо проснулся интересъ къ дѣятельности этихъ учрежденій, и они, одинъ за другимъ, стали

предъявлять свои права на участіе въ выборахъ [1]). Такимъ образомъ, въ губерніяхъ промышленныхъ—московской, владимірской и нѣкоторыхъ другихъ купцы мало-по-малу вытѣсняютъ представителей землевладѣнія и забираютъ земское хозяйство въ свои руки. Московское земство въ виду этого даже ходатайствовало о законодательномъ установленіи минимальнаго числа представителей на земскихъ собраніяхъ отъ землевладѣльцевъ.

Земля, строенія въ городахъ и селахъ, а также промышленныя и торговыя заведенія—и являются источниками земскихъ доходовъ. Если мы затѣмъ сдѣлаемъ вычисленіе относительнаго значенія имуществъ разныхъ категорій съ точки зрѣнія земскихъ доходовъ, то увидимъ, что земли даютъ наибольшую сумму, именно, 66,7% всѣхъ поступленій; сборъ съ торговыхъ документовъ—10,3%; сборы судебные, штрафы и вообще „разные“ доходы—10,1%; сборъ съ промышленныхъ заведеній—6,5%, съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ—5,9%.

Съ данными о земскихъ сборахъ съ имуществъ разныхъ категорій весьма любопытно сопоставить нынѣшнее пользованіе правомъ на представительство въ земствахъ со стороны владѣльцевъ этихъ имуществъ. Обыкновенно, если въ основаніе правъ на представительство кладется имущественный цензъ, то самый объемъ правъ соотвѣтствуетъ цѣнности имуществъ, ихъ доходности или же размѣру поступающихъ съ нихъ сборовъ, какъ это принято нашимъ Городовымъ Положеніемъ. Земское представительство хотя тоже основано на имущественномъ цензѣ, но разныя категоріи собственниковъ пользуются правомъ представительства безъ всякаго соотвѣтствія съ цѣнностью ихъ имуществъ и размѣромъ поступающихъ съ нихъ сборовъ. Такое соотвѣтствіе хотя отчасти и соблюдается, но вообще принято за правило, чтобы число гласныхъ отъ крестьянскихъ обществъ и отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляло меньше половины. При этомъ въ видѣ „баланса“ наше законодательство воспользовалось гласными отъ городовъ. Эти послѣдніе предназначены на роль нелицепріятныхъ посредниковъ въ предполагавшейся борьбѣ между крестьянскими обществами и крупными землевладѣльцами. Въ виду этого устроено такъ, что и гласные отъ крестьянъ, и гласные отъ помѣщиковъ, будучи въ меньшинствѣ, но перетянувши на свою сторону нелицепріятныхъ свидѣтелей, всегда сопоставятъ двѣ равныя величины, или даже большинство. Для примѣра возьмемъ любой уѣздъ. Саратовскій уѣздъ—число гласныхъ отъ помѣщиковъ 34, отъ

[1]) Кромѣ землевладѣльцевъ, право на участіе въ земскихъ собраніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ имѣютъ: лица, владѣющія недвижимостью не ниже 15 т. р. цѣнностью, или же имѣющія годовой оборотъ производства не менѣе какъ на 6 т. р.

крестьянъ—19; разность между ними, равная 14, и приходится на долю представительства отъ городовъ. Въ самарскомъ уѣздѣ—первые составляютъ 29 чел., вторые—21, и городовъ—9. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ сборъ съ крестьянскихъ земель равенъ 54 т. р., съ помѣщичьихъ—24 т. р.; слѣдовательно, при представительствѣ по размѣрамъ имущественнаго ценза, сельскія общества должны были бы пользоваться представительствомъ, болѣе чѣмъ вдвое превышающимъ помѣщичье. Въ настоящее же время мы видимъ прежде всего весьма значительный процентъ представителей отъ городовъ, сравнительно съ тѣмъ ничтожнымъ доходомъ, который они даютъ земствамъ. Затѣмъ и преобладаніе крестьянскаго представительства надъ помѣщичьимъ замѣчается только въ губ. пермской, вологодской, вятской, казанской и олонецкой, гдѣ частное землевладѣніе почти не существуетъ [1]). Во всѣхъ прочихъ преобладаетъ частновладѣльческое представительство, хотя земли частновладѣльческія оцѣнены выше крестьянскихъ только въ обл. бессарабской и губ. херсонской, екатеринославской и немногихъ другихъ. Въ общемъ же по земской оцѣнкѣ стоимость и доходность крестьянскихъ земель [2]) относятся къ стоимости частновладѣльческихъ, какъ 56 къ 31, или первыя выше вторыхъ въ 1,8 раза. Такимъ образомъ, при принципѣ представительства по доходности и цѣнности имуществъ, какъ это вездѣ практикуется, у насъ большинство земствъ оказались бы мужицкими, подобно вятскому и пермскому, которыя, нужно замѣтить, составили себѣ прочную репутацію наиболѣе дѣятельныхъ земствъ.

Теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о раскладкѣ губернскаго земскаго сбора. По закону губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено для этого или пользоваться данными уѣздныхъ земствъ и поручить имъ разложить общую сумму сбора на всѣ имущества по своему усмотрѣнію, или же взять за основаніе свои собственныя данныя, облагая отдѣльно каждое имущество уѣзда. Большинство губернскихъ земствъ держится перваго способа, какъ болѣе легкаго. Это не совсѣмъ правильно, такъ какъ, при подобномъ способѣ, чѣмъ выше какое-нибудь уѣздное земство облагаетъ доходность своихъ имуществъ, тѣмъ болѣе на него падаетъ и губернскаго сбора, хотя бы имущества другихъ уѣздовъ были доходнѣе. Такимъ образомъ, въ убыткѣ оказываются бѣднѣйшіе уѣзды. Затѣмъ многія гу-

---

[1]) Изъ этихъ губ. въ пермской съ частновл. земель поступ. 26% сбора, съ земель крестьянскихъ—46%; въ вятской — съ первыхъ 3%, со вторыхъ — 48%; въ вологодской—11% и 58%. Между тѣмъ частное землевладѣніе даетъ здѣсь около половины гласныхъ.

[2]) „Стат. данныя по прям. налогамъ“. Изд. деп. окладн. сб. Спб., 1888 г.

бернскія земства выговариваютъ себѣ весь доходъ съ извѣстнаго рода имуществъ въ уѣздахъ или же часть его, а недостающую сумму раскладываютъ. Такими имуществами чаще всего бываютъ торговыя свидѣтельства, такъ какъ земскій сборъ съ нихъ взимается казначеями при продажѣ, почему на этой статьѣ дохода никогда и не бываетъ недоимокъ. Изъ 38 мил. р. общей суммы земскихъ сборовъ, губернскіе въ 1883 г. составляли 7 мил. р.

IV.

Слабую сторону земскихъ финансовъ составляютъ недоимки, которыхъ за плательщиками накопляется съ каждымъ годомъ все больше и больше. Это явленіе нужно отнести прежде всего на счетъ общаго экономическаго кризиса, который былъ пережитъ населеніемъ Россіи въ послѣдніе годы, и который не закончился и теперь. Въ 1883 г. недоимки составляли уже по всѣмъ земскимъ губерніямъ почти 38% оклада; въ нѣкоторыхъ же, новгородской и калужской, онѣ перевалили и за 50%. Но особенно возросло накопленіе недоимокъ въ послѣдовавшіе два года, когда къ общему кризису присоединился во многихъ мѣстностяхъ неурожай, даже и упадокъ цѣнъ на хлѣбъ. Такъ, въ славяносербскомъ уѣздѣ екатеринославской губ., при годовомъ бюджетѣ въ 63 т. р., цифра недоимокъ составляла 124 т. р., или почти 200% годового оклада. Въ уфимской губ. общая сумма недоимокъ достигла въ 1884 г. 889 т. р. при бюджетѣ въ 700 т. р. По петербургскому уѣзду недоимка къ 1-му января 1886 г. возросла до 136 т. р., или 50% оклада, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ послѣдующіе годы въ недоимкахъ до 50% оклада уже насчитываются весьма многія земства.

Естественно, что накопленіе недоимокъ отражается чрезвычайно невыгодно на всей земской дѣятельности, и ставятъ эти учрежденія въ чрезвычайно затруднительное положеніе при выполненіи назначенныхъ смѣтъ и даже своихъ обязательствъ передъ служащими. Въ кассѣ, напр., орловской управы вятской губ. къ 1-му января 1886 г. въ наличности имѣлось 1 р. 3½ к., а невыполненныхъ расходовъ оставалось на 58 т. р. Тамбовская земская управа доложила собранію 1884 г., что къ 1-му января 1885 г. въ кассѣ у нея состоитъ около 2 т. р., между тѣмъ какъ расходовъ предстоитъ на 30 т. Изъ доклада новоладожской управы видно было собранію той же сессіи, что въ теченіе ⅔ года поступила только одна треть оклада. При такихъ условіяхъ, говорится въ докладѣ, „буквально идетъ вѣчное перебиваніе изъ копѣйки въ копѣйку, и въ кассѣ бываетъ по-

стоянное безденежье. Всѣ безъ исключенія платежи, даже жалованье служащимъ на малыхъ окладахъ, неизбѣжно должны пріостанавливаться до послѣдней возможности. Земство, имѣя массу должниковъ-неплательщиковъ, само кругомъ въ долгу и граничитъ съ банкротствомъ". Въ островскомъ уѣздѣ псковской губ., какъ доложено было собранію, „ревизія земскаго хозяйства показала, что управѣ приходится покупать не тамъ, гдѣ выгоднѣе, а тамъ, гдѣ вѣрятъ въ долгъ. Точно также всѣ подряды и поставки для земства принимаютъ только люди состоятельные, могущіе ожидать полученія денегъ, за что, конечно, земство переплачиваетъ лишнее" [1]). Въ прошломъ году, судя по газетнымъ свѣденіямъ, положеніе земствъ, вслѣдствіе накопленія недоимокъ, было особенно затруднительно. Такъ, въ кассѣ лаишевской управы казанской губ. къ 1-му марта имѣлось всего 4 р. 86 к. Въ виду этого управа должна была прекратить даже платежи по обязательнымъ расходамъ. Далѣе, предсѣдатель олонецко-лодейнопольскаго съѣзда мировыхъ судей обратился съ формальнымъ донесеніемъ къ г. министру юстиціи о плачевномъ положеніи мѣстныхъ судей, изъ которыхъ иные по году не получаютъ содержанія. Особенно печально при этомъ положеніе низшихъ служащихъ, напр. сельскихъ учителей. Не получая жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, они принуждены жить впроголодь или прибѣгать къ дорого стоющему кредиту. Что касается служащихъ по выбору, то они, конечно, стоя ближе къ кассѣ, и содержаніе свое получаютъ исправнѣе. Довольно характерный фактъ въ этомъ отношеніи произошелъ на послѣднемъ земскомъ собраніи уржумскаго уѣзда вятской губ. Дѣло въ томъ, что собраніе 1885 г., въ виду безденежья, постановило дѣлать вычеты изъ жалованья сельскихъ учителей въ размѣрѣ 25%. Гласные отъ крестьянъ нынѣшняго собранія предложили либо отмѣнить эту мѣру вовсе, либо распространить ее на всѣхъ остальныхъ служащихъ, т.-е. предсѣдателя и членовъ управы, мировыхъ судей и т. д. Собраніе отклонило оба эти предложенія, но послѣднее изъ нихъ не было принято, только благодаря перевѣсу предсѣдательскаго голоса [2]). Въ настоящемъ году также получены свѣденія о затруднительномъ положеніи многихъ земствъ, вслѣдствіе отсутствія въ кассахъ денегъ и слабаго поступленія сборовъ. Если, какъ мы сказали, причины усиливающихся недоимокъ заключаются преимущественно въ общемъ экономическомъ кризисѣ, то все-таки нельзя обойти и причинъ этого явленія, хотя и второстепенныхъ, но отражающихся на земскихъ кассахъ чрезвычайно неблагопріятно.

---

[1]) „Земскій Ежегодн." за 1884 годъ.

[2]) „Новости", 1881 г., № 1.

Прежде всего всякаго изслѣдователя состоянія земскихъ финансовъ поражаетъ тотъ, повидимому, странный фактъ, что за представителями крупныхъ недвижимыхъ имуществъ числятся сравнительно бóльшія недоимки, чѣмъ за крестьянами. Такъ, къ 1883 году недоимки съ имуществъ разныхъ категорій имуществъ по отношенію къ слѣдуемому съ нихъ окладу составляли: съ крестьянскихъ земель—36%, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и селахъ—42%, съ частно-владѣльческихъ земель—44%, съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній—46%, съ земель казны и удѣла—15%, съ торговыхъ документовъ поступленіе на 5% превысило окладъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи имуществъ первыхъ четырехъ категорій, чуть ли не оказывается, что самые состоятельные владѣльцы имущества являются и наименѣе аккуратными плательщиками земствъ. Относительно отдѣльныхъ земствъ непропорціональность между размѣромъ недоимокъ и состоятельностью недоимщиковъ разныхъ категорій еще болѣе поразительна. Такъ, въ восьми губ. недоимки за частными землевладѣльцами достигли 50% оклада, между тѣмъ какъ неаккуратность крестьянъ въ такой мѣрѣ замѣчается лишь въ одной губерніи. Что касается промышленныхъ заведеній, то недоимки съ нихъ по многимъ губ. достигаютъ 60% оклада. Въ славяносербскомъ уѣздѣ въ минувшемъ году общая сумма недоимокъ въ 124 т. распредѣлялась между плательщиками слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто занимаютъ частные владѣльцы—57 т. р. недоимки, или 200% слѣдовавшаго съ нихъ оклада; второе — луганскій механическій заводъ, съ недоимкою въ 26 т. р., или 150% оклада; за крестьянами же числилось только 14 т. р., или 70% оклада. Далѣе, екатеринбургское земское собраніе 1880 г. ходатайствовало передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о содѣйствіи земству относительно уплаты недоимки, числящейся за имуществомъ кабинета Его Величества, а также недоимокъ съ текущихъ платежей по имѣнію принца Ольденбургскаго [1]). Въ той же пермской губ. многіе заводы не платили земскихъ сборовъ со дня введенія у насъ земскихъ учрежденій. Въ екатеринославской губ. къ числу самыхъ неаккуратныхъ плательщиковъ принадлежатъ углепромышленники и винокуренные заводчики: въ 1887 г. первые изъ нихъ внесли только 23% оклада, а со вторыхъ не поступило ни копѣйки. По брянскому уѣзду за однимъ мальцовскимъ товариществомъ числилось въ 1884 г. до 20 т. р. недоимки, и за владѣльцами городскихъ имуществъ—почти 17 т. р.

Причины такого явленія, какъ накопленіе недоимокъ за состоятельными классами, кроется, конечно, прежде всего въ самой орга-

[1]) „Земскій Ежегодн." за 1880 г.

низаціи земскаго представительства. Составляя большинство въ земскихъ собраніяхъ, гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ не имѣютъ и особаго разсчета побуждать эту группу плательщиковъ къ болѣе аккуратному взносу земскихъ сборовъ. Очень часто, напр., наиболѣе крупными недоимщиками оказывались предсѣдатели собранія и управы, члены ея и другія выборныя должностныя лица. Кромѣ того, земства не располагаютъ вообще сами никакими средствами для взысканія сборовъ. Они въ этомъ отношеніи находятся въ полной зависимости отъ энергіи и даже личныхъ взглядовъ полиціи и губернской администраціи. Но само собою понятно, что энергія полиціи болѣе направлена къ взысканію платежей съ крестьянъ, чѣмъ владѣльцевъ крупныхъ имуществъ. Въ то время какъ имущество крестьянъ сплошь и рядомъ назначается въ продажу за недоимки, единственный примѣръ подобнаго рода представился въ истекшемъ году въ курской губ., когда по рыльскому уѣзду назначено было къ продажѣ 360 имуществъ. Изыскивая съ своей стороны средства побудить крупныхъ землевладѣльцевъ къ болѣе аккуратнымъ взносамъ платежей, земства, однако, до сихъ поръ не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Такъ, устюжское (новгор. г.) собраніе 1880 г. постановило поручить управѣ печатать на первой страницѣ „Голоса" и „Нов. Времени" именныя приглашенія недоимщикамъ о взносѣ земскихъ сборовъ. Но эта мѣра такъ, кажется, и не практикуется. Затѣмъ на весьма многихъ собраніяхъ возбуждался вопросъ о лишеніи недоимщиковъ права на земское представительство. Бессарабское земское собраніе возбудило даже въ этомъ смыслѣ ходатайство, но министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что, въ виду предстоящаго общаго пересмотра основаній земскаго представительства, въ удовлетвореніи даннаго ходатайства нѣтъ необходимости. Насколько, впрочемъ, это ходатайство было искренне—это другой вопросъ. По крайней мѣрѣ на собраніи нынѣшняго года предложена была несравненно болѣе мягкая мѣра—подвергать вычетамъ изъ жалованья тѣхъ земскихъ недоимщиковъ, которые находятся на земской службѣ, однако мѣра эта была отвергнута огромнымъ большинствомъ.

Что касается накопленія недоимокъ за крестьянами, то здѣсь отсутствіе у земствъ собственныхъ органовъ для взиманія налоговъ отражается на земскихъ кассахъ еще болѣе неблагопріятно, благодаря произвольному зачисленію, со стороны полиціи, земскихъ платежей въ государственные. О произволѣ этомъ можно судить по многочисленнымъ и безпрерывнымъ ходатайствамъ земствъ. Такъ, тотемское уѣздное земское собраніе 1884 г. постановило: въ виду того, что казенные платежи съ сельскихъ обществъ поступаютъ исправно, благодаря причисленію къ нимъ и земскихъ сборовъ, вновь просить

губернатора сдѣлать распоряженіе какъ о взысканіи земскихъ недоимокъ, такъ и о томъ, чтобы уплачиваемые крестьянами земскіе сборы не были обращаемы, по вліянію полицейскихъ чиновъ, въ казенные платежи, и это вліяніе простирается до того, что, по требованію полиціи, переписываются показанія сборщиковъ сельскихъ обществъ, вынуждаемыхъ въ объявленіяхъ въ казначейство, вмѣсто земскихъ сборовъ, въ которые деньги собраны, вносить деньги въ казенные платежи". Вологодское собраніе постановило просить губернатора „сдѣлать распоряженіе, чтобы уплачиваемые плательщиками земскіе и страховые сборы не были обращаемы по настоянію полиціи въ казенные платежи. Затѣмъ вятское губ. зем. собраніе, „принимая во вниманіе, что причиною значительнаго возростанія недоимокъ земскихъ сборовъ съ сельскихъ обществъ служитъ произвольное и несправедливое распредѣленіе поступающихъ сборовъ лицами, завѣдывающими взысканіемъ таковыхъ, постановило повторить ходатайство... въ томъ смыслѣ, чтобы платежи распредѣлялись пропорціонально суммамъ слѣдуемыхъ сборовъ — казенныхъ и земскихъ". На подобное же ходатайство смоленскаго земства министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что по этому поводу возникъ общій вопросъ, который предположено подвергнуть на обсужденіе особой коммиссіи [1]). Въ настоящее же время, какъ извѣстно, казначеи обязаны отчислить въ пользу земства только 12% изъ поступающихъ къ нимъ сборовъ, если сборъ не распредѣленъ самимъ сборщикомъ. Но это правило не соблюдается, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что въ пользу земствъ не достается часто и этой крупицы, а во-вторыхъ, и сборы съ подробными объявленіями отъ сборщиковъ распредѣляются часто такъ, какъ бы этихъ объявленій не было. Въ результатѣ и фактически исправные земскіе плательщики оказываются неожиданно для себя его недоимщиками.

Для устраненія подобнаго произвола со стороны полиціи земства неоднократно ходатайствовали о дозволеніи имъ имѣть своихъ собственныхъ сборщиковъ налоговъ. Но ходатайства эти отклонялись въ виду, между прочимъ, и тѣхъ напрасныхъ расходовъ со стороны земствъ, которыхъ потребуетъ содержаніе агентовъ фиска. Но подобный мотивъ отказа находится въ полномъ противорѣчіи съ укоренившимся обычаемъ, по которому земства ассигнуютъ отъ себя добавочное содержаніе чинамъ полиціи, какъ бы въ видѣ вознагражденія за труды по сбору ими земскихъ платежей. Не трудно, однако, видѣть, что взиманіе земскихъ сборовъ вовсе не прибавляетъ труда полиціи, а особенно въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы

---

[1]) „Земскій Ежегодн." за 1879 и 1884 гг.

земской прибавкѣ. А эта прибавка—около 1000 р. для исправника и 600 для станового пристава—составляетъ почти половину и для послѣднихъ даже двѣ трети ихъ государственнаго содержанія. Поэтому въ прибавкѣ нельзя не видѣть скорѣе той, блаженной памяти, особой „благодарности", которая давалась чиновнику, въ рукахъ котораго находилась судьба обывателя. Дѣйствительно, въ земской практикѣ былъ такой случай. Уржумское (вятской губ.) земство, вслѣдствіе плохого состоянія своей кассы, сократило содержаніе всѣмъ служащимъ въ земствѣ, а въ томъ числѣ и размѣръ „вознагражденія" исправника. Тогда исправникъ зачислилъ всѣ сборы въ государственные платежи, а земскую кассу оставилъ уже и вовсе безъ копѣйки.

Тѣ же недоимки заставляютъ земства прибѣгать для удовлетворенія текущихъ нуждъ къ самымъ разнообразнымъ видамъ кредита. Наиболѣе распространенный способъ—это кредитъ уѣздныхъ земствъ у губернскаго, у котораго имѣются запасный и разнаго рода спеціальные капиталы. Но при такихъ условіяхъ земскіе капиталы таютъ очень быстро. Такъ, вологодское земство еще въ 1879 г. принуждено было уже отказывать въ ссудахъ уѣзднымъ земствамъ, „въ виду неимѣнія въ наличности запасного капитала", и кромѣ того собраніе утвердило сдѣланное управою позаимствованіе 70 т. руб. изъ губ. продовольственнаго капитала. Губ. земскому собранію уфимской губ. въ 1884 г. было доложено, что къ 1-му сентября запасного капитала числится 460 т. р., въ наличности же имѣется только 50 т., а если исключить кредитъ на случай борьбы съ эпидеміями, то капитала должно считаться 20.000 р. У тульскаго земства въ томъ же году оставалось запасного капитала 22 т. р. изъ 172 т. Бессарабское земство, кромѣ запасного капитала, истратило еще 186 т. р. изъ страхового. Поэтому въ настоящее время большинство уѣздныхъ земствъ перешло къ займамъ у частныхъ лицъ, нерѣдко за очень высокій процентъ. Наконецъ, многія земства и вовсе не имѣютъ возможности кредитоваться, за отсутствіемъ лицъ, которыя пожелали бы довѣрить земствамъ свои капиталы. Неудобство отыскивать для себя кредитъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что положеніемъ о земствахъ не предусмотрѣна возможность возникновенія для этихъ учрежденій дѣлать займы. Такимъ образомъ, очень часто они заключаются на имя земскихъ должностныхъ лицъ.

Вопросъ объ организаціи болѣе правильнаго кредита возникалъ на земскихъ собраніяхъ неоднократно. Здѣсь имѣлось въ виду не только удовлетвореніе текущихъ нуждъ, но и совершеніе такихъ капитальныхъ расходовъ, которые затруднительно дѣлать на счетъ текущихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія

записка, представленная курскому губернскому собранію гласнымъ Арнольди. Въ запискѣ этой указывается, что „земство упустило и упускаетъ до сихъ поръ изъ виду одну, можно сказать, аксіому всякой хозяйственной дѣятельности, аксіому, гласящую, что расходы, имѣющіе окупиться черезъ длинный рядъ годовъ и производимые для блага многихъ поколѣній, не могутъ быть дѣлаемы силами одного поколѣнія и изъ источниковъ, способныхъ дать средства только для, такъ сказать, дневного пропитанія одного поколѣнія". Всякій предприниматель для совершенія капитальныхъ затратъ прибѣгаетъ къ кредиту. „Но такого кредита не имѣетъ только одно земство. Неопредѣленность положенія земства въ ряду другихъ учрежденій закрываетъ ему кредитъ со стороны тѣхъ частныхъ капиталистовъ, которые готовы были бы снабжать земскія учрежденія даже краткосрочною ссудою; долгосрочныя же ссуды—а только такія ссуды и возможны для земства, желающаго вести свое хозяйство на правильныхъ экономическихъ началахъ—рѣшительно ему недоступны. Работая на настоящее и на будущее поколѣнія, земство не удовлетворяетъ ни того, ни другого. Будущее забракуетъ тѣ жалкія лачуги, которыя земство строитъ ему въ видѣ школъ и больницъ; настоящее... жалуется на то, что ему даютъ меньше, чѣмъ съ него берутъ". Въ заключеніе г. Арнольди предложилъ „просить правительство объ открытіи земству, какъ коллективной единицѣ, долгосрочнаго кредита, съ спеціальнымъ назначеніемъ производить изъ него расходы, необходимые для удовлетворенія потребностей болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени". Однимъ изъ такихъ способовъ кредитоваться, по мнѣнію г. Арнольди, могло бы быть дозволеніе выпускать долгосрочныя *земскія облигаціи*. Вопросъ этотъ, однако, въ общемъ разработанъ земствами очень мало и не получилъ никакого дальнѣйшаго движенія въ смыслѣ его разрѣшенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Такое положеніе вопроса о земскомъ кредитѣ тѣмъ менѣе желательно, что, въ сущности, земства, какъ мы сказали, пользуются имъ въ довольно широкихъ размѣрахъ; отсутствіе же законодательныхъ на этотъ счетъ указаній и гарантій дѣлаетъ подобный кредитъ лишь болѣе дорогимъ. Дѣйствительно, земства теперь принуждены уже тратить на погашеніе долговъ и уплату процентовъ иногда очень значительную часть своего бюджета. Такъ, въ 1885 г. расходъ для всѣхъ земствъ по этой статьѣ составлялъ 1.131 т. р. При 43 милліонахъ руб. общихъ расходовъ эта сумма пока, конечно, не особенно обременительна. Но для отдѣльныхъ земствъ это отношеніе платежей по долгамъ къ бюджету часто бываетъ гораздо болѣе неблагопріятно. Для вятскаго губернскаго земства такіе платежи со-

ставляютъ болѣе 10% бюджета, для казанскаго—почти 30%, пермскаго—10%, самарскаго—15% и уфимскаго—12%. Но послѣдніе два года были особенно тяжелыми для земскихъ финансовъ, и нужно думать, что и долги земства за этотъ промежутокъ значительно возросли противъ указанныхъ нами.

V.

Что касается земскихъ расходовъ, то характеръ каждаго изъ нихъ и общія условія, при которыхъ они производятся и которыми вызваны, могутъ быть всесторонне разсмотрѣны только при изслѣдованіи отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства, соотвѣтствующихъ этимъ расходамъ. Мы же остановимся лишь на общей картинѣ расходованія земствами своихъ средствъ. Расходы земства, какъ извѣстно, раздѣляются на обязательные и необязательные. Къ первымъ относятся: дорожная повинность, подводная и этапная повинность, воинская, содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій и учрежденій общественнаго призрѣнія и затѣмъ нѣкоторыя другія потребности мѣстнаго гражданскаго управленія, какъ-то: квартирныя полиціи, судебнымъ слѣдователямъ и т. д. Расходы необязательные созданы самими земствами, почему они и не отличаются однообразіемъ. Такъ, одни земства тратятъ солидныя суммы на организацію статистики, другія вовсе не знаютъ этого расхода; то же можно сказать и о расходахъ земства по поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Въ общемъ, однако, эти необязательные расходы земствъ выше обязательныхъ, что̀, конечно, свидѣтельствуетъ о самодѣятельности земствъ, не ограничивающихся выполненіемъ обязанностей, только предписанныхъ имъ закономъ. Въ 1885 г. обязательные расходы отнимали 18 мил. р. земскаго бюджета, а необязательные—почти 25 м. Между тѣмъ въ началѣ дѣятельности земства отношеніе между этими расходами было обратное, и еще въ 1871 г. обязательные составляли 11.400 т. р., необязательные—8.600 т. р. Первое превышеніе необязательныхъ расходовъ послѣдовало въ 1876 г., а въ 1880 разница эта равнялась 5 мил. р. Такимъ образомъ, съ 1871 г. по 1885 г. обязательные расходы возросли на 65%, а необязательные—болѣе чѣмъ на 200%.

Въ ряду необязательныхъ расходовъ первое мѣсто принадлежитъ расходамъ на организацію медицинской помощи для населенія, которые составляли въ 1885 г. 21% земскаго бюджета; затѣмъ слѣдуетъ народное образованіе съ расходомъ въ 16%. Эти двѣ статьи земскихъ расходовъ и вообще занимаютъ по своимъ размѣрамъ вы-

дающееся мѣсто въ земскихъ бюджетахъ. Что же касается другихъ крупнѣйшихъ статей земскаго расхода, какъ обязательныхъ, такъ и необязательныхъ, то онѣ по своимъ размѣрамъ составляютъ: подводныя повинности и содержаніе мировыхъ учрежденій по 11% бюджета, содержаніе земской администраціи (въ томъ числѣ стат. бюро и техниковъ)—9% [1]), дорожная повинность—7%. Изъ этихъ расходовъ, сравнительно съ 1871 г., особенно возросли: на народное здравіе —съ 2 мил. до 17,5, или на 875%; на народное образованіе—съ 8 мил. до 15 мил., или на 1000%; по дорожной повинности—на 100%; содержаніе земской администраціи—только на 40%. Изъ этихъ сопоставленій очевидно, что ростутъ въ земскихъ смѣтахъ по преимуществу расходы производительные, дѣлаемые на удовлетвореніе нуждъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Затѣмъ заслуживаетъ вниманія и характеръ расходныхъ смѣтъ въ различныхъ земствахъ. Такъ, земства дворянскія особенно любятъ расходы на организацію медицинской помощи, крестьянскія—на народное образованіе, хотя и въ первомъ отношеніи расходы ихъ не ниже среднихъ. Губерніи, напр., симбирская, владимірская, псковская расходуютъ на медицину до 28% всей смѣты. Въ отношеніи же народнаго образованія на первомъ мѣстѣ стоятъ губерніи вятская, казанская и пермская, между тѣмъ какъ дворянскія губерніи проявляютъ съ этой стороны чрезвычайную скупость; бессарабское, напр., земство и симбирское отпускаютъ на народное образованіе до 9% смѣты, тульское и тамбовское—11% [2]). Кромѣ того, дворянскія земства склонны хорошо вознаграждать своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Такъ, судебно-мировыя учрежденія обходятся земствамъ Бессарабіи чуть ли не въ 20%, орловской—16%, черниговской 15%, между тѣмъ какъ олонецкой—9%, пермской—8,7%, вятской—8,4. Содержаніе земской администраціи въ той же Бессарабіи отнимаетъ 17% бюджета, въ тульской—16%, въ пермской 9,9%; въ вятской—7,6%.

Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе еще организація контроля за правильностью расходованія земскихъ суммъ земскими исполнительными органами, т.-е. управами. Прежде всего не всѣ управы хранятъ свои деньги въ казначействахъ; если это до сихъ поръ не привело къ крупнымъ растратамъ, то мелкія бывали не разъ. Самый контроль со стороны собраній выражается въ образованіи ими изъ своей среды ревизіонныхъ коммиссій. Эти коммиссіи образуются или только на

---

[1]) „Новое Время" недавно увѣряло, что расходы на содержаніе земской администраціи поглощаютъ иногда до 3/4 земскихъ сборовъ.

[2]) При этомъ заслуживаетъ вниманія, что, напр., земства Бессарабіи удѣляютъ на сельскія школы 19 т. р. и средн. учебн. заведенія—33 т. р.

время собраній, или же остаются постоянными контрольными органами. Второй способъ контроля, конечно, является болѣе дѣйствительнымъ и совершеннымъ. Но въ обоихъ случаяхъ члены ревизіонныхъ коммиссій, не обладая ни достаточнымъ количествомъ свободнаго времени, ни нужными бухгалтерскими познаніями, рѣдко могутъ производить провѣрку дѣйствій управы съ должною тщательностью. Но особенно этотъ контроль ослабѣваетъ, когда земское кормило попадаетъ въ руки большинства, преслѣдующаго цѣли личной наживы. Тогда большинство утверждаетъ всякіе самые неправильные и произвольные расходы своихъ исполнительныхъ органовъ, оставляя безъ послѣдствій протесты меньшинства [1]). Иногда такимъ путемъ управамъ благополучно сходятъ съ рукъ даже злоупотребленія, имѣющія уголовный характеръ. Какъ ни рѣдки и ни временны подобные случаи, въ практикѣ земскаго самоуправленія они все-таки бывали. Поэтому вообще желательно было бы установленіе такого контроля надъ правильностью расходованія управами земскихъ суммъ, который являлся бы вполнѣ независимымъ, подобно тому, какъ это существуетъ для прочихъ государственныхъ учрежденій. Оглашая злоупотребленія и устанавливая ихъ несомнѣнность, независимый контроль препятствовалъ бы нынѣшнему замалчиванію ревизіями грѣховъ своихъ исполнительныхъ органовъ.

Постараемся теперь подвести итоги всему сказанному нами о состояніи земскихъ финансовъ. Денежныя средства земствъ съ каждымъ годомъ возростаютъ, но они не находятся въ прямой зависимости съ размѣромъ доходовъ населенія. Населеніе промышленныхъ губерній, благодаря закону 20-го ноября 1866 г., жертвуетъ меньшей долей своихъ доходовъ на земскія нужды, чѣмъ губерній земледѣльческихъ. Затѣмъ точно также населеніе въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ, облагаетъ себя большими земскими сборами, чѣмъ въ губерніяхъ съ преобладающимъ помѣщичьимъ представительствомъ. Главнымъ предметомъ земскаго обложенія являются земельныя имущества; доходы же отъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній почти вполнѣ изъяты отъ земскаго обложенія. Изъ земель высшій налогъ несутъ земли крестьянскія, чѣмъ помѣщичьи, отчасти благодаря преобладанію помѣщичьяго представительства, а отчасти благодаря болѣе точнымъ даннымъ о наличномъ количествѣ и качествѣ первыхъ. Слабую сто-

[1]) Нѣчто подобное случилось на послѣднемъ московскомъ экстр. губ. собраніи, когда обнаружилось, что дорожная коммиссія не представила почти никакихъ оправдательныхъ документовъ на израсходованные ею 400 т. р.

рону земскихъ финансовъ составляютъ недоимки, которыя накопляются по преимуществу на наиболѣе имущихъ земскихъ плательщикахъ. Происходитъ это какъ по причинѣ той же односторонности въ земскомъ представительствѣ, такъ и вслѣдствіе лишенія земскихъ органовъ права на свою собственную организацію взиманія сборовъ. Въ началѣ своей дѣятельности земства принуждены дѣлать капитальные расходы, которые не могутъ быть покрыты текущими доходами — между тѣмъ возможность пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ для нихъ отсутствуетъ. Что касается земскихъ расходовъ, то они возростаютъ по преимуществу по необязательнымъ статьямъ; особенно возростаютъ расходы земствъ на организацію медицинской помощи и народное образованіе. Расходы на народное образованіе особенно значительны у крестьянскихъ земствъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе тратятъ на содержаніе должностныхъ лицъ. Контроль земскихъ собраній за правильностью расходованія суммъ управами очень слабъ и часто неспособенъ къ раскрытію злоупотребленій.

Такимъ образомъ, нельзя не сознаться, что состояніе изслѣдованной нами отрасли земскаго хозяйства довольно далеко отъ блестящаго. Но, какъ мы видѣли, въ этомъ повинны не одни земства. Затѣмъ, обо всемъ нужно судить относительно. Особенно часто, напр., приходится слышать про обремененіе земскими платежами крестьянскихъ земель и о сравнительно льготномъ положеніи этого класса въ губерніяхъ не-земскихъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ не-земскихъ губерніяхъ и крестьянскія, и помѣщичьи земли обложены почти въ одинаковомъ размѣрѣ по 7 к. съ десятины, въ то время какъ въ земскихъ губерніяхъ первыя обложены 17 к., а вторыя—12 к. Такъ, прежде всего въ не-земскихъ губерніяхъ цѣликомъ на крестьянахъ лежатъ повинности: дорожная, подводная и воинская. Отбывается она крестьянами натурою, и помѣщики тамъ вовсе отъ нихъ освобождены. Между тѣмъ въ земской статьѣ за 1885 г. расходъ по этимъ статьямъ равнялся 8-ми слишкомъ мил. р., или пятой части земскаго бюджета. Раздѣлите эти 8 мил. на 81 мил. дес. облагаемой въ земскихъ губерніяхъ крестьянской земли, и окажется, что только расходы по этимъ повинностямъ составили бы почти 10 к. за дес., еслибы онѣ отбывались исключительно крестьянами, какъ это мы видимъ въ губерніяхъ не-земскихъ. Исключивши же указанныя 10 к., мы придемъ къ выводу, что крестьянская земля, и въ земскихъ, и въ не-земскихъ губерніяхъ, облагается по 7 к.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что въ не-земскихъ губерніяхъ школы содержатся исключительно на счетъ мірскихъ сборовъ, между тѣмъ какъ въ земскихъ—на счетъ земскихъ сборовъ. Въ москов-

скомъ, напримѣръ, округѣ на сельскія школы расходуется до 1.300 тыс. руб., изъ которыхъ крестьянами вносится только 25%, въ виленскомъ же округѣ изъ общей суммы 400 т. р. на крестьянъ падаетъ до 60%. Если мы возьмемъ кіевскій округъ, въ которомъ есть губерніи земскія и не-земскія, то окажется, что крестьяне непосредственно участвуютъ въ расходахъ на школу: въ губерніяхъ черниговской—въ размѣрѣ 17%, въ полтавской—25% руб. зем., а въ кіевской —почти 70%, подольской—55% и волынской 50% [1]). То же слѣдуетъ сказать и о медицинской помощи, которая въ губерніяхъ не-земскихъ содержится, въ видѣ одного фельдшера на волость, исключительно на счетъ мірскихъ сборовъ [2]). Естественно поэтому, что въ не-земскихъ губерніяхъ хотя обложеніе земель земскимъ сборомъ и ниже, но зато соотвѣтственно выше по размѣрамъ мірскіе сборы. Такъ, эти послѣдніе въ земской полтавской губерніи падаютъ на десятину—23 к., и на душу—64 к.; въ не-земской кіевской—на десятину 59 к. и на душу—1 р. 37 к. [3]). Въ результатѣ окажется, что въ полтавской губерніи всѣхъ сборовъ на удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ приходится на крестьянскую десятину—54 к., а для кіевской—60 к., т.-е. въ послѣдней еще на 6 к. выше.

Но, затѣмъ, у крестьянина земскихъ губерній есть лучшая школа, есть несравненно шире поставленная медицинская помощь, которая въ не-земскихъ губерніяхъ отсутствовала до послѣдняго времени. Отсюда очевидно, что отъ введенія земскихъ учрежденій крестьянинъ даже не проигралъ и въ томъ отношеніи, чтобы ему пришлось больше платить, чѣмъ платитъ крестьянинъ въ губерніяхъ, лишенныхъ этихъ учрежденій; что яко бы привилегированное положеніе этихъ послѣднихъ губерній, какъ плательщика, только сказка, созданная воображеніемъ недруговъ земскаго самоуправленія,—воображеніемъ, не обуздываемымъ, къ сожалѣнію, изученіемъ существующихъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, что, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и несовершенствахъ въ самой организаціи, земства являются все-таки несравненно лучшими хозяевами, чѣмъ администрація.—В. Б.



[1]) Стат. Временн., серія III, вып. I. 1884 г.

[2]) Такая помощь, въ размѣрѣ двухъ врачей на уѣздъ, вводится въ губерніяхъ западнаго края только съ нынѣшняго года.

[3]) „Мірскіе сборы". Изд. центр. стат. комитета.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1888.

Русско-германское сближеніе. — Пребываніе германскаго императора въ Россіи. — Газетные толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя цѣли.—Упадокъ „буланжизма" во Франціи.—Роль президента Карно. — Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

Новый императоръ Германіи, какъ говорилось въ газетахъ, не ограничился заявленіемъ своего миролюбія въ тронныхъ рѣчахъ и манифестахъ, а тотчасъ же перешелъ отъ словъ къ дѣлу, съ рѣшительностью и энергіею молодости, и дѣйствительно, онъ посѣтилъ, одинъ за другимъ, русскій, шведскій и датскій дворы, и заключилъ посѣщеніемъ кн. Бисмарка въ его лѣтней резиденціи. Поѣздка Вильгельма II въ Россію, при ея обстановкѣ, служила какъ бы признакомъ какого-то поворота въ германской или общеевропейской политикѣ. Особенное вниманіе было обращено на то, что, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ натянутости и глухого взаимнаго неудовольствія, со стороны Германіи сдѣланъ былъ первый шагъ къ непосредственному сближенію обоихъ правительствъ, и этотъ важный шагъ сдѣланъ былъ монархомъ, который до своего воцаренія считался воплощеніемъ идеаловъ прусской военной партіи. Пятидневное пребываніе молодого императора въ Петергофѣ (отъ 7-го (19) до 12-го (24) іюля) привѣтствовалось большинствомъ газетъ какъ залогъ упроченія мира въ Европѣ: вмѣстѣ съ опасностью русско-германскаго „конфликта" устранялась, какъ будто, перспектива франко-русскаго союза, которая наиболѣе безпокоила общественное мнѣніе Германіи. Присутствіе въ свитѣ Вильгельма II министра иностранныхъ дѣлъ графа Герберта Бисмарка и его секретарей какъ бы указывало на политическій характеръ происходившихъ совѣщаній. Но рѣшались ли какіе-нибудь опредѣленные политическіе вопросы или только подготовлялась почва для дружелюбнаго улаженія существующихъ затрудненій—во всякомъ случаѣ, заинтересованные народы могли бы только выиграть отъ состоявшагося сближенія, если оно дѣйствительно состоялось.

Одно только обстоятельство смущало оптимистовъ—непонятное имъ поведеніе берлинской оффиціозной печати во время петергофскихъ празднествъ. Сравнительно скромныя сужденія русскихъ газетъ о вѣроятныхъ результатахъ поѣздки императора Вильгельма II вызы-

вали необычайно рѣзкій отпоръ со стороны собственныхъ органовъ князя Бисмарка. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ говорила все это время объ „азіатскомъ высокомѣріи и азіатскомъ невѣжествѣ“ нашихъ газетныхъ „патріотовъ“, о ихъ „безстыдномъ самохвальствѣ“, по поводу высказаннаго ими предположенія о томъ, что потребность взаимнаго сближенія чувствуется больше въ Берлинѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Безтактно было, разумѣется, приписывать „первый шагъ“ императора Вильгельма II болѣе настоятельной нуждѣ Германіи въ дружбѣ Россіи; но и нѣмецкія газеты были неправы, возражая въ непріязненномъ тонѣ противъ ошибочныхъ выводовъ русской печати и стараясь въ то же время низвести значеніе обсуждаемаго событія на степень простого акта международной вѣжливости. Еслибы путешествіе германскаго императора не имѣло особыхъ политическихъ мотивовъ, то первый визитъ сдѣланъ былъ бы, безъ сомнѣнія, ближайшему союзнику въ Вѣнѣ; родственныя же связи, на которыя ссылаются нѣмецкіе оффиціозы, давно уже утратили важность въ политикѣ; онѣ не мѣшали прежнему охлажденію между Берлиномъ и Петербургомъ и не мѣшаютъ также теперешней натянутости между дворами берлинскимъ и лондонскимъ. Говорятъ, что отзывы германскихъ оффиціозныхъ газетъ вызывались лишь желаніемъ успокоить общественное мнѣніе Австро-Венгріи; но для этой цѣли достаточно было категорически заявить, что ничего противнаго интересамъ союзниковъ Германія не предпринимала и не предприметъ, какъ это и было заявлено не разъ въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, въ „Post“ и въ другихъ вліятельныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Нѣкоторые проницательные публицисты высказывали даже смѣлую догадку, что рѣшеніе отправиться въ Петербургъ принято было Вильгельмомъ II помимо совѣтовъ князя Бисмарка, и что этимъ будто бы объясняется недовольство печати, послушной внушеніямъ канцлера; но не стоитъ даже останавливаться на подобномъ предположеніи, которое кажется тѣмъ болѣе нелѣпымъ, что старшій сынъ князя Бисмарка сопровождалъ императора съ своей дипломатической канцеляріею, чего не могло бы быть при несогласіи въ воззрѣніяхъ на предпринятую поѣздку, и, наконецъ, поѣздка заключилась визитомъ кн. Бисмарку.

Въ дѣйствительности, дружескій шагъ Германіи могъ имѣть двоякую цѣль: во-первыхъ, показать всему міру, что германская политика ставитъ мирные интересы своей имперіи и всей Европы выше соображеній мелочного національнаго самолюбія, и, во-вторыхъ, сдѣлать серьезную попытку завоевать личное расположеніе къ Германіи въ средѣ высшихъ правительственныхъ сферъ Россіи, въ видахъ избѣжанія ненужныхъ пререканій и международныхъ кризисовъ. Реальныя уступки берлинскаго кабинета, о которыхъ упоминали наши

газеты, не могли имѣть мѣста уже потому, что главная забота русской дипломатіи—болгарскій вопросъ—находится внѣ предѣловъ непосредственнаго воздѣйствія Германіи, и что до сихъ поръ всякое положительное предложеніе нашего правительства по этому предмету встрѣчало безусловную поддержку въ Берлинѣ. Въ чемъ же могла бы выразиться уступчивость князя Бисмарка, если оффиціальныя наши требованія всегда удовлетворялись Германіею, и если даже теперь мы не домогаемся ничего такого, что̀ противорѣчило бы нѣмецкимъ оффиціальнымъ воззрѣніямъ? Имперскій канцлеръ можетъ, правда, употребить свое вліяніе, чтобы побудить Австро-Венгрію присоединиться къ дипломатическимъ мѣрамъ, предлагаемымъ Россіею относительно Болгаріи; но это давленіе на австрійскую политику уже пускалось въ ходъ и раньше безъ особеннаго успѣха, такъ какъ оно не могло идти далѣе извѣстной черты, опредѣляемой существованіемъ австро-германскаго союза и спеціальными интересами монархіи Габсбурговъ на Балканскомъ полуостровѣ. Нельзя же разсчитывать на то, что Германія обнаружитъ невниманіе къ этимъ австрійскимъ интересамъ и разойдется изъ-за нихъ съ своимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ, въ угоду нашимъ „патріотамъ". Притомъ мы сами не выработали еще опредѣленной программы дѣйствій въ болгарскомъ вопросѣ и ограничивались лишь теоретическими заявленіями, которыя остались бы безъ практическаго результата даже въ томъ случаѣ, еслибы всѣ великія державы были вполнѣ согласны съ нами. Нѣсколько разъ дипломатія торжественно заявляла, что положеніе дѣлъ въ Болгаріи противорѣчитъ буквальному смыслу берлинскаго трактата, и въ сущности никто этого не отрицаетъ; вся задача въ томъ, возможно ли возстановить порядокъ, предшествовавшій филиппопольскому перевороту, и какъ этого достигнуть безъ европейской войны. Такъ какъ употребленіе силы отвергалось нашей дипломатіею, а словесные или письменные протесты не приводили ни къ чему, то остается лишь попрежнему слѣдовать политикѣ пассивнаго выжиданія, для которой помощь Германіи намъ совершенно не нужна. Наши патріоты должны бы первые радоваться неудачѣ попытокъ возстановленія дипломатическаго status quo въ Болгаріи, ибо въ какое положеніе были бы они поставлены, еслибы имъ пришлось добиться возвращенія Восточной Румеліи подъ власть Турціи, согласно берлинскому трактату? Необходимо было отказаться отъ формальной точки зрѣнія, противорѣчащей нашимъ интересамъ и традиціямъ на Востокѣ, и этотъ отказъ, повидимому, совершился самъ собою: теперь нѣтъ уже и рѣчи объ обратномъ расторженіи Болгаріи на двѣ половины, и дѣло идетъ только объ устраненіи принца Кобургскаго посредствомъ совокупнаго дипломатическаго воздѣйствія европейскихъ кабинетовъ. Германія

будто бы обѣщала свое участіе въ этой новой дипломатической кампаніи, но и она не обѣщаетъ быть болѣе блестящею, чѣмъ предшествовавшія предпріятія подобнаго рода. Положеніе принца Фердинанда, полагаютъ, непрочно въ Болгаріи; если онъ не удержится на занятомъ имъ княжескомъ престолѣ, то скорѣе вслѣдствіе внутренняго кризиса и разлада въ самой странѣ, а не подъ вліяніемъ заявленій дипломатіи. Да и соотвѣтствуетъ ли достоинству великихъ державъ—составлять коалицію противъ одного принца, котораго выбрали себѣ болгары? Не лучше ли предоставить самимъ болгарамъ распорядиться своею судьбою? Какъ бы то ни было, въ области болгарскаго вопроса Германія ничего существеннаго намъ предложить не можетъ. Еще менѣе можно ожидать какой-либо перемѣны въ финансовой и экономической политикѣ Берлина: въ этой сферѣ каждое государство руководствуется своими собственными интересами, безъ вниманія къ дружбѣ или неудовольствію сосѣдей, какъ это видно и изъ нашихъ мѣръ относительно нѣмцевъ царства польскаго. Простое сближеніе между двумя могущественными имперіями есть фактъ настолько значительный, что нѣтъ вообще надобности связывать его съ какимъ-нибудь спеціальнымъ дѣломъ, озабочивающимъ дипломатовъ въ данное время. Понятна поэтому та сдержанность, съ какою оцѣниваются непосредственныя практическія послѣдствія петергофскаго свиданія въ оффиціозной печати, и между прочимъ въ нашемъ „Journal de St.-Pétersbourg".

Въ Германіи господствуетъ убѣжденіе, что добрымъ отношеніямъ ея съ Россіею мѣшаетъ „панславистская" партія, имѣющая будто бы большой вѣсъ въ дѣлахъ нашей внѣшней политики; отсюда неустанная, горячая полемика нѣмецкихъ оффиціозовъ съ предполагаемыми органами этой мнимой партіи. Въ настоящее время берлинскіе публицисты отдаютъ справедливость миролюбію „панславистскихъ" газетъ, объясняя этотъ поворотъ, по обыкновенію, авторитетными внушеніями свыше; между тѣмъ полемика не затихла, а, напротивъ, приняла болѣе желчный и рѣшительный оттѣнокъ, со стороны нѣмецкой печати. Слова объ „азіатствѣ" и „безстыдствѣ" встрѣчались не часто въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" даже въ самомъ разгарѣ русско-германскихъ газетныхъ пререканій. Нѣмецкіе оффиціозы хотятъ какъ будто показать, что дружба съ Россіею не могла бы существовать на почвѣ тѣхъ притязаній, которыя предъявляются нашими такъ-называемыми панславистами, и что склонность къ взаимному сближенію можетъ остаться безплодною, если она не раздѣляется и русскимъ обществомъ, представляемымъ нѣкоторыми газетами.

Дальнѣйшая поѣздка императора Вильгельма II въ Стокгольмъ и

Копенгагенъ не лишена была также общаго политическаго интереса. Германія, какъ будто, попыталась загладить прошлое относительно Даніи, и серьезный шагъ въ этомъ направленіи могъ быть сдѣланъ только монархомъ, не принимавшимъ личнаго участія въ прусскихъ побѣдахъ 1864 года. При всей скромности политическаго значенія Даніи, это небольшое государство могло бы причинить много заботъ и непріятностей германскому правительству, при наступленіи новой франко-нѣмецкой войны, особенно еслибы первыя военныя дѣйствія были неудачны для нѣмцевъ; поэтому желаніе примириться съ датскимъ народомъ было дѣломъ разумной, предусмотрительной политики, и въ то же время оно было любезностью по отношенію къ русской императорской фамиліи, связанной близкимъ родствомъ съ королевскимъ домомъ Даніи. Очевидно, ни одна мелочь не упускается изъ виду для достиженія наиболѣе выгодной группировки державъ на случай столкновенія съ Франціею, и остается только надѣяться, что эти миролюбивыя усилія на востокѣ и на сѣверѣ не разрѣшатся взрывомъ воинственности противъ западной сосѣдки, не имѣющей ни союзниковъ, ни надежныхъ друзей въ Европѣ. Истинный характеръ новаго царствованія будетъ зависѣть отъ того, какое положеніе займетъ правительство императора Вильгельма II относительно французской республики.

Внутренняя жизнь Германіи характеризуется теперь соперничествомъ торжествующихъ консервативныхъ партій: націоналъ-либералы отказались отъ соглашенія съ консерваторами и рѣшились дѣйствовать самостоятельно на выборахъ; консерваторы въ тѣсномъ смыслѣ вздумали отдѣлиться отъ бисмаркистовъ, опираясь на солидарность своихъ мнѣній съ тенденціями и симпатіями двора, и органы князя Бисмарка нападаютъ на отступниковъ, помышляющихъ будто бы сблизиться съ католическою партіею центра. Такъ-называемые свободомыслящіе, или собственно либералы—въ полномъ загонѣ; имъ ставятъ въ вину сочувствіе къ англійской „камарильѣ", окружавшей Фридриха III, и одобреніе тогдашней закулисной борьбы съ имперскимъ канцлеромъ. Противники князя Бисмарка добились тогда отставки Путкаммера; но на его мѣсто назначенъ теперь товарищъ и ближайшій помощникъ бывшаго министра, Герфуртъ, такъ что либералы ничего не выиграли отъ происшедшей перемѣны.

Республиканское правительство Франціи, долго уступавшее первую роль генералу Буланже, заняло вновь подобающее мѣсто въ странѣ и одержало, въ короткое время, цѣлый рядъ успѣховъ, которые, повидимому, упрочили положеніе министерства Флоке. Засѣданіе палаты

депутатовъ, происходившее 12-го іюля (н. ст.), было однимъ изъ самыхъ бурныхъ, какія запомнятъ дѣятели французскаго парламента. Въ этотъ день генералъ Буланже неожиданно произнесъ или, вѣрнѣе, прочиталъ обвинительную рѣчь противъ депутатовъ и въ заключеніе предложилъ просить президента республики о принятіи мѣръ къ распущенію нынѣшней палаты. Само собою разумѣется, что большинство прерывало рѣчь постоянными возгласами и протестами, которые, однако, мало смущали оратора. Президентъ совѣта министровъ, Флокѐ, отвѣчалъ генералу въ высшей степени ѣдко и подъ вліяніемъ общаго возбужденія перешелъ на почву чисто личную. Онъ выразилъ удивленіе, что обличителемъ бездѣйствія палаты является депутатъ, почти не бывающій вовсе на ея засѣданіяхъ; онъ напомнилъ далѣе, что республиканцы не имѣютъ въ своихъ рядахъ человѣка, посѣщавшаго переднія у принцевъ, что онъ всегда былъ чуждъ имъ, и что нынѣшняя слава его поддерживается нѣмцами, доставляющими массы его фотографическихъ карточекъ изъ Германіи. По мнѣнію Флоке́, сущность великой революціи, годовщину которой собирались праздновать французы, заключается, прежде всего, въ признаніи первенства гражданской выборной власти передъ военною, чего, очевидно, не понимаетъ Буланже. Оратору едва удалось договорить до конца; буланжисты и члены правой стороны шумѣли и возражали, республиканцы апплодировали съ увлеченіемъ. Буланже произнесъ какія-то слова, которыхъ нельзя было разслышать; а когда президентъ предоставилъ ему слово, то оказалось, что онъ хотѣлъ лишь обвинить министра въ „безстыдной лжи". Тотчасъ послѣ засѣданія Флокѐ послалъ къ Буланже секундантовъ, и на слѣдующій день утромъ произошла дуэль на шпагахъ между главою французскаго министерства и бывшимъ военнымъ министромъ. Къ общему удивленію публики и къ великому смущенію буланжистовъ, „штатскій" побѣдилъ военнаго, представитель гражданской власти одолѣлъ генерала, и герой, отъ котораго ждали разгрома нѣмцевъ, не выдержалъ натиска шестидесятилѣтняго адвоката-министра. Буланже получилъ серьезную рану въ шею, но рана не была опасна; несравненно опаснѣе былъ для него тотъ нравственный ударъ, который нанесенъ былъ шпагою Флокѐ и который какъ бы закрѣпилъ собою пренебрежительныя слова его въ палатѣ. Дуэль 13-го іюля подорвала силу легенды, представлявшей генерала Буланже какимъ-то исключительнымъ героемъ, призваннымъ совершить великіе подвиги. Въ глазахъ впечатлительныхъ и увлекающихся народныхъ массъ должно неизбѣжно пострадать обаяніе героя, побѣжденнаго безъ особенныхъ усилій первымъ попавшимся противникомъ. Невольно возникаетъ въ умахъ предположеніе, что человѣкъ, не съумѣвшій до-

стигнуть успѣха въ единоборствѣ съ простымъ адвокатомъ, можетъ потерпѣть неудачу и въ болѣе грандіозномъ военномъ дѣлѣ — въ борьбѣ съ германскою арміею. Общественное довѣріе и сочувствіе переносится отъ Буланже на смѣлаго и находчиваго министра. который столь же хорошо владѣетъ шпагою, какъ и словомъ. Извѣстно, что до сихъ поръ самымъ позорнымъ поступкомъ Жюля Ферри считалось уклоненіе его отъ дуэли съ Буланже, котораго онъ назвалъ „кафе-шантаннымъ Сантъ-Арно"; тогда генералъ, считая бой на шпагахъ слишкомъ неравнымъ въ виду своего несомнѣннаго превосходства надъ не-военнымъ противникомъ, предлагалъ поединокъ на пистолетахъ, но поставленныя имъ условія борьбы не были приняты Ферри. „Intransigeant" и другія популярныя газеты вспоминали эту исторію при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, уличая ненавистнаго имъ дѣятеля въ постыдной трусости, въ „нежеланіи дать убить себя генералу", и т. п. Теперь мнимое превосходство Буланже въ искусствѣ владѣть оружіемъ улетучилось сразу, и самъ Рошфоръ отдаетъ справедливость энергіи и ловкости Флоке. Для посторонняго наблюдателя можетъ показаться страннымъ, что глава правительства великой державы и бывшій военный министръ рѣшаются колоть другъ друга шпагами, и притомъ въ присутствіи не только обычныхъ свидѣтелей, но и самого начальника полиціи, хотя поединки запрещены и преслѣдуются закономъ. Но такова сила общаго, крѣпко установившагося обычая, что никто во Франціи не можетъ уклониться отъ дуэли, признанной необходимою въ данномъ случаѣ, и что сами правители и министры подаютъ примѣръ другимъ въ этомъ отношеніи. Флоке не могъ не вызвать оскорбившаго его генерала; онъ долженъ былъ сдѣлать вызовъ и ради личнаго своего достоинства, и ради авторитета власти, которую онъ представляетъ, наконецъ уже ради того, чтобы не подвергнуться упрекамъ и насмѣшкамъ, выпавшимъ на долю Ферри. Дуэли министровъ съ дѣятелями оппозиціи случались не въ одной Франціи; между прочимъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, прусскій министръ-президентъ графъ Бисмаркъ вызывалъ профессора Вирхова, и дуэль не состоялась вслѣдствіе вмѣшательства студентовъ, не допустившихъ знаменитаго ученаго до единоборства.

Въ самый день дуэли между Флоке и Буланже послѣдовало торжественное открытіе памятника Гамбетты, воздвигнутаго на Карусельской площади, между зданіями Лувра и бывшимъ тюльерійскимъ дворцомъ, и побѣдитель Флоке говорилъ рѣчь, какъ ни въ чемъ не бывало; ему была сдѣлана шумная овація, какой давно уже не удостоивался ни одинъ изъ министровъ. Французы привѣтствовали шпагу, а не краснорѣчіе или остроуміе Флоке; буланжисты должны

были молчать. Раненый генералъ Буланже не былъ уже депутатомъ; онъ сложилъ съ себя полномочія въ концѣ засѣданія 12-го іюля, ссылаясь на то, что палата стѣсняетъ свободу слова. Буланже имѣлъ въ виду продолжать народную агитацію около своего имени, выступая поочередно кандидатомъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны; онъ, правда, въ свое время обѣщалъ избирателямъ сѣвернаго департамента служить имъ вѣрнымъ представителемъ въ палатѣ, но такія обѣщанія даются только для того, чтобы ихъ не исполнять. Буланже поспѣшилъ выставить свою кандидатуру въ Ардешѣ, гдѣ предстояли выборы 22-го іюня (н. ст.) для замѣщенія открывшейся вакансіи, — причемъ не подождалъ даже исхода дуэли: настолько онъ былъ убѣжденъ въ побѣдѣ надъ Флоке́. Между тѣмъ шпага измѣнила, популярность поблекла, и генералъ получилъ на половину меньше голосовъ, чѣмъ соперникъ его, оппортунистъ Боссье́. Въ воззваніи къ избирателямъ онъ предлагалъ народу быть судьею между нимъ и палатою, и народъ рѣшительно высказался противъ него. Въ то же время въ департаментѣ Роны выбранъ былъ оппортунистъ, а въ Дордони — бонапартистъ; за Буланже подано было ничтожное количество голосовъ. Умѣренная республиканская печать признала его окончательно похороненнымъ и дала полную волю своему торжеству; оппортунистскія газеты отдѣлали его безпощадно, и даже солидная „République Française“ увлеклась до того, что выразила свое ликованіе въ грубой, площадной брани. Французская оппортунистская пресса никогда не отличалась тактомъ и самообладаніемъ; она содѣйствовала во многомъ успѣху Буланже своими безконечными разсужденіями о его диктатурѣ и его личности, своими ежедневными комментаріями по поводу каждаго его слова и шага, своими смѣшными припадками отчаянія и трусости въ виду ожидаемаго будто бы водворенія буланжистской имперіи. Теперешнія выходки оппортунистовъ могутъ только оживить симпатіи къ человѣку, который покажется раненымъ львомъ передъ толпою разсвирѣпѣвшихъ его враговъ. Оппортунисты ликуютъ еще въ другомъ отношеніи: они начинаютъ завоевывать утраченныя позиціи въ парламентѣ и въ странѣ; палата выбрала бюджетную коммиссію изъ лицъ, принадлежащихъ въ большинствѣ къ партіи Ферри и Рибо, и предсѣдателемъ назначенъ бывшій министръ-президентъ Рувье́; послѣдніе выборы въ нѣкоторыхъ департаментахъ указываютъ какъ будто на поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу оппортунистовъ, и послѣдніе надѣются, что имъ удастся вновь достигнуть власти, подъ вліяніемъ реакціи противъ недавняго буланжистскаго возбужденія. Они стараются утилизировать въ этомъ смыслѣ личный авторитетъ и популярность

президента Карно, который въ послѣднее время заставляетъ много говорить о себѣ въ французской печати.

Карно совершенно иначе понимаетъ почетную роль главы государства, чѣмъ его предшественникъ Греви; онъ добросовѣстно тратитъ свое жалованье на блескъ представительства, на щедрую оффиціальную благотворительность, на частныя провинціальныя поѣздки, на роскошные балы и обѣды въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ внесъ свѣтскую жизнь въ скучную прежде резиденцію французскихъ номинальныхъ правителей, и въ этомъ отношеніи его пріятныя функціи значительно облегчаются искусствомъ и умомъ г-жи Карно. Онъ сталъ президентомъ говорящимъ и дѣйствующимъ, тогда какъ Греви былъ безмолвною, закулисною фигурою, выступавшею на сцену лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Карно устроиваетъ великолѣпныя охоты, принимаетъ приглашенія въ разные города Франціи, участвуетъ въ празднествахъ и банкетахъ, произноситъ симпатичныя рѣчи и пріобрѣтаетъ мало-по-малу популярность въ народѣ. Въ день обычнаго національнаго празднества, 14-го іюля (въ память взятія Бастиліи), состоялся въ Парижѣ, на Марсовомъ полѣ, около построекъ всемірной выставки, грандіозный банкетъ, на который приглашены были мэры всѣхъ французскихъ городовъ и мѣстечекъ, въ количествѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Президентъ Карно обратился къ собранію съ привѣтственною рѣчью отъ имени республики; онъ указалъ на великія преимущества демократическаго строя, на господство труда и законности, которое мэры найдутъ въ Парижѣ, и слова его были нѣсколько разъ прерываемы восторженными рукоплесканіями. Французы начинаютъ видѣть предъ собою живого правителя, а не безгласную величественную мумію. Чтобы дополнить иллюзію, Карно перенесъ свою резиденцію на лѣтніе мѣсяцы въ замокъ Фонтэнбло̀, съ которымъ связано столько разнообразныхъ историческихъ воспоминаній и традицій. Французы довольны президентомъ, который хорошо исполняетъ свои обязанности; но стремленіе оппортунистовъ извлечь пользу изъ этого обстоятельства основано на явной ошибкѣ, даже если предположить, что, по личнымъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, Карно дѣйствительно солидаренъ съ партіею умѣренныхъ республиканцевъ. Президентъ республики не можетъ принадлежать къ тому или другому лагерю; онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относится ко всѣмъ политическимъ группамъ большинства, стараясь быть вѣрнымъ исполнителемъ конституціи. Онъ лично едва ли сочувствовалъ радикаламъ, и однако онъ образовалъ радикальное министерство Флоке́, когда того потребовало настроеніе палаты и общественнаго мнѣнія: онъ съ такимъ же спокойствіемъ призоветъ Клемансо̀, когда наступитъ очередь для послѣдняго, и роль президента

останется еще довольно сильною, если она будетъ заключаться въ умиротворяющемъ посредничествѣ между партіями и въ соблюденіи необходимой послѣдовательности и спокойствія при рѣшеніи текущихъ государственныхъ вопросовъ. Даровитый и авторитетный президентъ,—какимъ былъ бы, напримѣръ, покойный Гамбетта,—могъ бы надолго упрочить и возвысить республику; Карно также можетъ значительно содѣйствовать примиренію съ республикою консервативныхъ элементовъ, занимающихъ еще очень много мѣста въ среднихъ и высшихъ слояхъ французскаго общества.

Крайне печальный кризисъ разыгрался въ Сербіи, гдѣ политика давно уже перепуталась съ интимными семейными недоразумѣніями въ средѣ королевской фамиліи. Преслѣдуя своихъ политическихъ противниковъ, король Миланъ причислилъ къ нимъ и свою супругу, королеву Наталію, которая будто бы поддерживала сношенія съ оппозиціею и противодѣйствовала, по возможности, австрофильскому направленію министровъ. Какъ русская по происхожденію, по родственнымъ связямъ и симпатіямъ, королева считалась высшей представительницею и защитницею русскаго вліянія въ Сербіи, тогда какъ австрійскія тенденціи короля были всѣмъ извѣстны. Развился ли политическій антагонизмъ изъ семейнаго или наоборотъ—сказать трудно; но обѣ стороны сохраняли внѣшній декорумъ оффиціальнаго общенія, пока внутренній разладъ не сдѣлался уже непоправимымъ. Король Миланъ, подозрительный отъ природы, опасался закулиснаго вмѣшательства королевы въ политическія дѣла страны; онъ боялся какого-нибудь смѣлаго шага, который привелъ бы къ устраненію его отъ престола и къ переходу власти въ руки его супруги. Мысль объ учрежденіи регентства казалась многимъ вполнѣ естественною и неизбѣжною, еще послѣ неожиданнаго разгрома сербскихъ войскъ болгарами, въ началѣ 1886 года: нелѣпое и преступное нападеніе на Болгарію было дѣломъ самого Милана, и постыдная неудача падала всецѣло на его личную отвѣтственность; поэтому никого не удивило тогда предположеніе короля отречься отъ престола въ пользу сына; не удивилась этому и не возражала, какъ говорятъ, и королева Наталія. Миланъ не исполнилъ своего намѣренія, ибо его подданные проявили гораздо больше терпѣнія и спокойствія, чѣмъ онъ ожидалъ; но съ тѣхъ поръ онъ сталъ жертвой постоянныхъ опасеній и подозрѣній, для которыхъ легко было всегда найти подходящую пищу. Король Миланъ предоставилъ королевѣ воспитывать сына за границею, въ Германіи, съ запрещеніемъ обратнаго пріѣзда въ Бѣлградъ безъ его согласія; онъ предлагалъ

заключить въ этомъ смыслѣ формальную сдѣлку, которая имѣла бы силу до 1893 года. Королева, соглашаясь жить въ Висбаденѣ для воспитанія сына, отказалась подписать предложенный ей письменный актъ, какъ несовмѣстимый съ правами и обязанностями, вытекающими изъ законнаго брака. Король Миланъ полагалъ, что королева Наталія думаетъ возвратиться въ Сербію и что, имѣя въ своихъ рукахъ наслѣднаго принца, она можетъ произвести переворотъ, опираясь на своихъ приверженцевъ и на упадокъ популярности короля. Подъ вліяніемъ этихъ, вѣроятно фантастическихъ, страховъ, Миланъ рѣшился прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ счелъ нужнымъ отобрать сына къ себѣ и въ то же время потребовать формальнаго развода. Королева протестовала; она не находила законныхъ поводовъ къ разводу и обратилась къ сербскимъ министрамъ и духовенству; ей отвѣчали ссылкою на волю короля. Уполномоченныя лица ѣздили изъ Бѣлграда въ Висбаденъ и обратно, для переговоровъ, которые не приводили ни къ чему. Наконецъ, Миланъ обратился оффиціально къ прусскому правительству съ просьбою истребовать отъ королевы Наталіи его сына и передать его уполномоченному для этой цѣли генералу Протичу, сербскому военному министру. Безполезные протесты и колебанія королевы приняты были нѣмецкою полиціею за сопротивленіе, а предполагаемые сборы къ секретному отъѣзду побудили усилить полицейскій надзоръ. Королевѣ назначенъ былъ часъ для отдачи сына, и въ то же время ей объявлено было что она должна выѣхать изъ предѣловъ Германіи черезъ десять часовъ послѣ отъѣзда наслѣднаго принца. Объ этихъ распоряженіяхъ возвѣстила заранѣе „Norddeutsche Allgemeine Zeitung". Малѣйшая тѣнь противодѣйствія властямъ со стороны иностранца считается въ Пруссіи, какъ и вездѣ, достаточнымъ основаніемъ къ немедленной высылкѣ. Сербскій наслѣдникъ былъ выданъ матерью 13-го іюля, и непріятное порученіе короля Милана было исполнено нѣмецкою полиціею. Полиція сдѣлала больше, чѣмъ просилъ король,—она удалила и королеву изъ Висбадена. Это изгнаніе королевы послѣ драматической сцены отобранія у нея сына могло бы смягчить сердце короля; но онъ, руководимый, какъ говорятъ, важными политическими причинами, продолжалъ усиленно хлопотать о разводѣ и началъ формальный бракоразводный процессъ въ бѣлградской духовной консисторіи. Такъ представляется дѣло по имѣющимся заграничнымъ свѣденіямъ.

Кто болѣе виноватъ въ этой грустной исторіи, получившей значеніе обще-европейскаго скандала, объ этомъ судить трудно. Насколько основательно обвиненіе королевы въ стремленіи играть самостоятельную политическую роль — неизвѣстно; но общее сочувствіе

несомнѣнно находится на сторонѣ королевы Наталіи, какъ женщины и матери. Даже австрійскія газеты, не имѣющія повода быть довольными сербскою королевою, не скрываютъ своего мнѣнія о черезъ-чуръ поспѣшныхъ и энергическихъ дѣйствіяхъ короля Милана. Особенными симпатіями къ королевѣ проникнуты статьи „Neue Freie Presse". Нечего и говорить о впечатлѣніи, произведенномъ этою исторіею на придворные кружки австрійской столицы, гдѣ Миланъ принимался на правахъ союзнаго „монарха", со всѣми подобающими его сану почестями. Въ этихъ аристократическихъ сферахъ не принято рѣшать семейныя дѣла публично и превращать супружескія соглашенія въ формальные акты или въ шумные процессы; тѣмъ болѣе должно было поражать Вѣну обращеніе къ иностранному правительству для полицейскихъ мѣръ противъ королевы, которую этотъ шагъ Милана оскорблялъ вдвойнѣ: какъ супругу и какъ мать. Австрійскія газеты замѣчали, что такія дѣйствія могутъ только повредить авторитету сербской монархіи внутри страны и внѣ ея; при этомъ невольно припоминалось, что Миланъ Обреновичъ есть все-таки только внукъ крестьянина Милана. Что касается русской печати, то въ ней высказывалось почему-то наибольшее негодованіе противъ нѣмецкихъ властей, поступившихъ столь круто съ королевой Наталіею. Но справедливо ли негодовать на простыхъ исполнителей чужой воли, когда эта воля опирается на ясный и безспорный законъ? Король Миланъ имѣлъ несомнѣнное право требовать выдачи ему сына, въ силу признаваемыхъ не въ одной Сербіи преимуществъ отцовской власти передъ материнскою. Отказывать ему въ исполненіи этого законнаго требованія не было никакого основанія, а остальное вытекало уже само собою изъ неловкой и щекотливой задачи, возложенной на нѣмецкихъ полицейскихъ агентовъ. Приписывать берлинскому кабинету какое-то особое политическое участіе въ этомъ дѣлѣ—значитъ просто выдумывать небылицы.

Семейно-политическій кризисъ, такъ некрасиво разрѣшенный королемъ Миланомъ, находится въ тѣсной связи съ неопредѣленнымъ внутреннимъ состояніемъ Сербіи, съ частыми шатаніями политики и съ труднымъ положеніемъ королевской власти со времени злосчастной болгарской войны. Лавируя между различными партіями, не довѣряя самому видному изъ сербскихъ государственныхъ дѣятелей, Ристичу, опасаясь заговоровъ и возмущеній, король мѣняетъ свои министерства безъ видимой причины, приближаетъ къ себѣ то Гарашанина, то Савву Груича, то Николу Христича, не давая ни одному изъ нихъ осуществить какую-либо опредѣленную политическую программу. Къ Николѣ Христичу, какъ человѣку энергическому, онъ обращается всякій разъ, когда ему кажется необходимымъ водвореніе

„крѣпкой власти"; но и Христичъ не вполнѣ удовлетворилъ его, такъ какъ не согласился на отмѣну или передѣлку конституціи, весьма мало стѣснительной для правительства въ Сербіи. Неспокойный, перемѣнчивый характеръ Милана, недостатокъ уваженія къ правамъ народа и невниманіе къ интересамъ страны—могутъ дѣйствительно вызвать движеніе въ пользу регентства королевы Наталіи. Опасность для короля Милана можетъ возникнуть именно тогда, когда онъ сочтетъ ее уже устраненною. Собственныя ошибки и слабости его скорѣе приведутъ къ критической развязкѣ, чѣмъ предполагаемыя козни и интриги оппозиціи.

Шатко и неопредѣленно попрежнему внутреннее состояніе Болгаріи. Министръ-президентъ Стамбуловъ не ладилъ одновременно и съ принцемъ Кобургскимъ, и съ консервативными членами кабинета; глухой правительственный кризисъ продолжается уже давно, и существующее положеніе дѣлъ поддерживается только благодаря сознаваемой всѣми необходимости избѣгнуть отставки министерства при настоящихъ обстоятельствахъ. Партіи, враждебныя нынѣшнимъ министрамъ—многочисленные сторонники Цанкова, Каравелова, Радославова и другихъ—ждутъ только установленія болѣе спокойныхъ и нормальныхъ условій въ Болгаріи, чтобы принять дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Пока судьба княжества не рѣшена еще европейскою дипломатіею ни въ ту, ни въ другую сторону, до тѣхъ поръ временной режимъ Стамбулова останется въ силѣ, и ни одна изъ партій не рискнетъ взять на себя отвѣтственность управленія. Неизвѣстность, въ какой находится принцъ Фердинандъ относительно собственной своей участи въ ближайшемъ будущемъ, не позволяетъ ему дѣйствовать самостоятельно и заставляетъ его твердо держаться министерства, призвавшаго его на престолъ. Такимъ образомъ, для Стамбулова создалось положеніе, напоминающее диктатуру; ему невольно подчиняются и несогласные съ нимъ консервативные министры, и опасающійся его принцъ Кобургскій. Нельзя отказать болгарскому министру-президенту въ энергіи и ловкости; но нерѣдко слишкомъ энергическія распоряженія его порождаютъ большія неудобства. Недавно онъ приказалъ занять военною силою участокъ желѣзной дороги, принадлежащій турецкому правительству и эксплуатируемый французскою компаніею, въ предѣлахъ Восточной Румеліи, на разстояніи 47 километровъ; на мѣсто прежняго персонала назначены служащіе изъ болгаръ, и дорога фактически взята въ завѣдываніе правительства. Достигнувъ такого „совершившагося факта", Стамбуловъ ссылается на законъ, по которому желѣзныя дороги княжества должны находиться въ исключительномъ управленіи казны; онъ утверждаетъ также, что принятая имъ мѣра вызывается инте-

ресами безопасности, и что имущественныя права Турціи и частныхъ лицъ не затрогиваются сдѣланнымъ захватомъ. Смѣлый coup de main 14-го іюля является тѣмъ болѣе непонятнымъ, что онъ былъ рѣшенъ кабинетомъ безъ вѣдома и согласія двухъ консервативныхъ министровъ, Начевича и Стоилова, которые потомъ протестовали и хотѣли выйти въ отставку; только съ трудомъ устроено было примиреніе. Для Болгаріи менѣе чѣмъ когда-либо желательно теперь раздражать Турцію и давать ей поводъ къ дипломатическому вмѣшательству, а между тѣмъ произвольная мѣра Стамбулова вынуждаетъ порту дѣйствовать для охраны ея интересовъ, и второстепенный, повидимому, фактъ можетъ имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для княжества. Эти странные скачки отъ крайней осторожности къ рискованнымъ рѣшеніямъ характеризуютъ отчасти безпокойное политическое состояніе Болгаріи, находящееся подъ Дамокловымъ мечомъ европейскаго вмѣшательства.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1888.

—*Воспоминаніе* о поѣздкѣ въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ въ 1887 году. *А. Коптева.* Издано въ пользу православнаго палестинскаго общества. Спб. 1888.

Авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что, предпринимая свою поѣздку ко святымъ мѣстамъ Палестины, онъ не имѣлъ въ виду печатать впослѣдствіи свои воспоминанія о путешествіи; но въ дорогѣ онъ велъ дневникъ и по возвращеніи рѣшился издать его, въ предположеніи, что, быть можетъ, его книга послужитъ нѣкотораго рода путеводителемъ для отправляющихся въ святую землю; онъ предупреждаетъ притомъ, что онъ не писатель, и желаетъ снисхожденія къ своему описанію.

Путешествіе г. Коптева было очень непродолжительно: въ полтора мѣсяца, съ 28-го марта по 13-е мая, онъ, отплывши изъ Одессы, посѣтилъ Константинополь, Александрію, Каиръ, гдѣ успѣлъ осмотрѣть главныя достопримѣчательности; затѣмъ изъ Каира черезъ Измаилію и Портъ-Саидъ на Суэзскомъ каналѣ отправился въ Яффу, осмотрѣлъ довольно подробно святыя мѣста въ Іерусалимѣ и окрестности, и, наконецъ, черезъ Яффу сдѣлалъ обратный путь съ остановками въ Бейрутѣ, Александреттѣ, Смирнѣ и еще разъ въ Константинополѣ. Въ описаніяхъ г. Коптева найдется немного новаго: его справочныя средства были весьма немногочисленны — два-три русскихъ путеводителя, какъ, напримѣръ, „Путеводитель по Константинополю“ архимандрита Антонія, другой путеводитель по святой землѣ, изданный Ильинскимъ скитомъ на Аѳонѣ, и т. п. Отсюда онъ прямо беретъ свои историческія познанія, а затѣмъ описываетъ святыни Іерусалима и окрестностей по собственнымъ впечатлѣніямъ. Такимъ образомъ, книга не представитъ новаго для описанія страны, но дѣйствительно можетъ быть путеводителемъ для богомольцевъ, которые не предъ-

явятъ большихъ требованій для изученія страны; наибольшая доля книги занята именно священными воспоминаніями и описаніемъ нынѣшняго состоянія историческихъ мѣстностей. Въ предисловіи авторъ ручается, что его показанія безпристрастны и вѣрны. Дѣйствительно, авторъ умѣлъ быть безпристрастнымъ, напр., въ изображеніи того, какъ дѣйствуютъ на Востокѣ миссіи различныхъ христіанскихъ исповѣданій: онъ не однажды указываетъ, какъ дѣятельны и внимательны къ своимъ интересамъ, напр., миссіи католическая и протестантская, и какъ, напротивъ, небрежна и недѣятельна миссія греческая. Съ этой противоположностью авторъ встрѣтился уже въ Каирѣ: здѣсь онъ указываетъ нѣсколько мѣстностей, которыя связываютъ по преданію съ пребываніемъ святого семейства въ Египтѣ; однѣ мѣстности находятся въ рукахъ православныхъ или магометанъ, другія—у коптскихъ католиковъ; у православныхъ онѣ находятся въ крайней бѣдности и небреженіи, у католиковъ, напротивъ, содержатся очень заботливо. „Невольно задаешь себѣ вопросъ, — говоритъ авторъ:—почему же католики, завладѣвъ какимъ-либо святымъ мѣстомъ, умѣютъ устроить и обставить его заботливо, а православные греки относятся ко всему апатично и неумѣло? Не мудрено поэтому, что католическая пропаганда идетъ быстрыми шагами впередъ, а православная если и двигается, то весьма медленно“ (стр. 65). Въ Яффѣ устроенъ русскій странноприимный домъ, но устроенъ не совсѣмъ удобно, и путешественники направляются чаще въ *нѣмецкую* гостинницу, устроенную, впрочемъ, русскими. Авторъ говоритъ объ этомъ нѣсколько неясно: „въ лѣвой сторонѣ (на выѣздѣ изъ Яффы) показались селенія, какъ намъ сообщилъ нашъ возница, нѣмецкая колонія, основанная какимъ-то русскимъ барономъ Устиновымъ (?). Разъ поселившись въ краѣ, нѣмцы, конечно, привлекаютъ къ себѣ родичей изъ густо-населенной Германіи, сплочиваются въ плотную массу, захватываютъ въ свои руки разныя отрасли промышленности и забираютъ себѣ окружающее мѣстное населеніе въ кабалу“ (стр. 90—92). Какой русскій баронъ и зачѣмъ онъ основалъ въ Палестинѣ нѣмецкую колонію, мы не совсѣмъ понимаемъ.

Греческій элементъ на Востокѣ, отъ Константинополя до Іерусалима, мало удовлетворяетъ нашего путешественника. Въ Константинополѣ патріархъ, котораго посѣтилъ г. Коптевъ, не показался ему расположеннымъ къ русскимъ. Въ первый разъ г. Коптевъ былъ на греческомъ богослуженіи на островѣ Сирѣ: „служеніе было соборное (это было въ великій четвергъ), при многочисленномъ стеченіи народа. Греческое пѣніе поразило насъ своею дисгармоніею, отчаяннымъ (!) крикливымъ и гнусавымъ напѣвомъ... Для непривычнаго уха такое пѣніе слушать невозможно или, лучше сказать, такое пѣніе можетъ

слушать только тотъ, у кого совсѣмъ не развито ухо, или кто совсѣмъ ничего не слышитъ" (стр. 36). Праздникъ пасхи г. Коптевъ встрѣтилъ въ Александріи. Въ великую субботу вечеромъ нашъ путешественникъ услышалъ въ городѣ усиленную стрѣльбу и сначала не могъ понять, что̀ это значитъ, и послѣ только догадался, что наступаетъ великій праздникъ, который греки всегда встрѣчаютъ стрѣльбой и пусканіемъ фейерверковъ. Отправившись въ церковь,—говоритъ авторъ,—„мы, къ удивленію нашему, встрѣтили въ оградѣ храма обширную толпу народа, бросавшую подъ ноги бураки, шутихи и т. п., такъ что мы съ трудомъ могли пробраться въ храмъ... Воскресная служба еще не начиналась, но происходило уже пѣніе псалмовъ полунощницы. Пѣніе и здѣсь ужасное: это не пѣніе въ св. храмѣ, а какое-то противное завываніе, которое потрясаетъ всю нервную систему". Путешественникъ рѣшилъ отправиться въ другую церковь, гдѣ долженъ былъ служить патріархъ (александрійскій), въ надеждѣ найти тамъ больше благочинія. Но и тамъ вышло не лучше... „Служеніе началось ровно въ часъ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Пока все было чинно, благопристойно; духовенство вошло во внутренній дворъ, окруженный колоннадой съ хорами, гдѣ была масса народа. Едва духовенство запѣло священныя, дорогія всякому христіанину слова: „Христосъ воскресе", какъ раздался колокольный звонъ, полетѣли вверхъ ракеты, затрещали бураки, шутихи и хлопушки, народъ поднялъ крикъ... Все это, вмѣстѣ взятое, представляло какую-то дикую, не-христіанскую толпу. Священники должны были пріостанавливаться во время своего служенія и буквально подпрыгивать на мѣстѣ, потому что подъ ногами у нихъ разрывались бураки и шутихи, изъ-за треска которыхъ не было слышно духовнаго пѣнія, несмотря на то, что греки немилосердно орали... По возвращеніи духовенства въ церковь для продолженія служенія, масса народа разошлась, такъ что церковь казалась почти пустою" (стр. 43—45)... Путешественника поражалъ контрастъ этого зрѣлища съ тѣмъ настроеніемъ, въ какомъ встрѣчается этотъ праздникъ у насъ, даже въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ... Въ Іерусалимѣ г. Коптевъ нашелъ другую непривлекательную черту—систематическое обираніе богомольцевъ въ греческихъ монастыряхъ и при осмотрѣ святынь принудительной покупкой свѣчъ, записями, пожертвованіями (ср. стр. 90).

Авторъ, кажется, не совсѣмъ согласенъ съ тѣми разсказами, которые въ недавнее время (напримѣръ, въ книгѣ д-ра Елисеева) изображали очень темными красками положеніе русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, но и по его собственнымъ наблюденіямъ такъ-называемыя „русскія постройки" въ Іерусалимѣ, именно та часть ихъ, какая предназначена для простого народа, не весьма удовле-

творительны: его собственная картина (стр. 217—221) мало чѣмъ отличается отъ описаній д-ра Елисеева.

Въ Іерусалимѣ нашъ путешественникъ опять страдалъ отъ греческаго пѣнія. Въ праздникъ св. Георгія Побѣдоносца совершалъ служеніе патріархъ (іерусалимскій) съ двумя митрополитами и нѣсколькими священниками, но патріаршая капелла была не лучше прежнихъ. „Пѣвческій хоръ состоялъ всего изъ четырехъ человѣкъ: двое изъ нихъ, раскрывъ ротъ и не произнося ни одного слова, тянули въ носъ одну ноту, а главный монахъ, мотая головою, выкрикивалъ, что называется, благимъ матомъ какіе-то горловые звуки, изрѣдка только произнося и слова. Ужаснѣе этого пѣнія ничего нельзя себѣ и представить. Пѣніе это не только не возвышаетъ душу, не только не располагаетъ ее къ молитвѣ, но, напротивъ, раздражаетъ и заставляетъ бѣжать вонъ изъ храма. Наше русское торжественное пѣніе, такъ благоговѣйно дѣйствующее на молящагося, къ сожалѣнію, можно сказать, не существуетъ въ Палестинѣ, исключая небольшого хора изъ 4 или 6 человѣкъ, недурно поющихъ на русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ“ (ст. 207—208). Авторъ приходитъ даже къ мысли, что этому обстоятельству, т.-е. ужасному греческому пѣнію, слѣдуетъ приписать, что мѣстные магометане, принимающіе христіанство, предпочитаютъ православію католичество: католическіе храмы содержатся болѣе опрятно, и пѣніе, болѣе стройное, съ акомпаниментомъ органа, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе. Но, кромѣ этого, авторъ замѣчаетъ и другое, вѣроятно еще болѣе существенное обстоятельство: „католическіе ксендзы стоятъ далеко выше по образованію, нежели греческіе монахи, въ рукахъ которыхъ находится вся православная пропаганда“ (стр. 208). Указавъ, какое впечатлѣніе оказываетъ внѣшняя обстановка, г. Коптевъ припоминаетъ, что, благодаря этому, и русскіе приняли нѣкогда православную вѣру: „но надо предполагать,—не могъ авторъ не прибавить еще разъ, — что въ то время у грековъ было болѣе стройное, гармоничное пѣніе, нежели нынѣ; иначе посламъ Владиміра Св. трудно бы было увлечься ихъ пѣніемъ“.

Кромѣ пропаганды католической, съ большимъ успѣхомъ дѣйствуетъ протестантская. Авторъ указываетъ нашему православному палестинскому обществу на примѣръ, подаваемый протестантами. Главными орудіями для распространенія православія должны служить *школа* и *пріютъ*. „Примѣромъ могутъ служить протестанты, у которыхъ наплыва богомольцевъ нѣтъ, а между тѣмъ протестантская пропаганда въ краѣ очень усиливается. Во всей Палестинѣ, гдѣ только существуютъ латинскія миссіи, встрѣчаются и учрежденія протестантовъ. Нѣмецкіе протестанты распространяютъ свою пропа-

ганду безъ особенно шумныхъ воззваній, *разумною* своею системою и чрезъ посредство *образованныхъ* своихъ проповѣдниковъ. Увеличивающееся протестантское населеніе, располагая большими денежными средствами, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Сиріи, скупаетъ земли, образуя колоніи, и тѣмъ много способствуетъ и развитію протестантской пропаганды. *Въ каждомъ селеніи,* которое устроивается нѣмцами, гдѣ бы то ни было, первымъ дѣломъ являются *школа и церковь*" (стр. 227).

Если вспомнить, что авторъ, человѣкъ благочестивый и патріотически настроенный, вовсе не склоненъ ни къ неумѣреннымъ требованіямъ, ни къ охужденію, приведенныя слова его заслуживаютъ особеннаго вниманія. Итакъ, требуются разумная система, образованность дѣйствующихъ лицъ и школа. Въ неизбѣжной необходимости всего этого нѣтъ никакого сомнѣнія; къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ это мало понимается; если нашъ путешественникъ видитъ эти условія въ дѣятельности протестантовъ—очевидно, что они принесены въ Палестину протестантами изъ господствующаго взгляда и обычая ихъ родины, гдѣ есть и разумная система, и образованіе, и школа. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ успѣхи, желаемые нашимъ путешественникомъ въ Палестинѣ, должны быть прежде всего приготовлены дома.

— *С. Ѳ. Платоновъ. Древне-русскія сказанія* и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб., 1888.

Авторъ этой книги въ первый разъ выступаетъ въ литературѣ съ трудомъ значительнаго объема и выступаетъ весьма удачно. Выборъ темы, давно требующей вниманія изслѣдователей, указываетъ, что авторъ умѣетъ хорошо найтись въ историко-литературныхъ вопросахъ; обработка темы исполнена съ обширной начитанностью въ подлежащей литературѣ и съ большимъ критическимъ тактомъ. Тема эта —историческая литература смутнаго времени, т.-е. литература современныхъ сказаній и повѣстей. Число этихъ произведеній довольно велико: они начали появляться еще во время самой смуты и затѣмъ въ особенности въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, когда смута видимо закончилась съ утвержденіемъ новаго порядка вещей, и частію при Алексѣѣ Михайловичѣ; но во второй половинѣ XVII-го вѣка прямыя воспоминанія о той эпохѣ прекращаются, и писавшіе о ней или передѣлывали прежнія сказанія, или вносили уже легендарный элементъ. Внѣшняя форма этихъ произведеній очень разнообразна: большею частію, они называются „повѣстями" или „сказаніями" и

представляютъ болѣе или менѣе цѣльные разсказы событій; другія были „житіями“ и носятъ характеръ, свойственный такимъ произведеніямъ церковной литературы; третьи называются „лѣтописцами“ и дѣйствительно разсказываютъ событія по годамъ, и т. п. Но исторія не есть главный и единственный интересъ, какой имѣли въ виду авторы этихъ произведеній; напротивъ, нерѣдко писатели имѣли въ виду не столько точный и послѣдовательный разсказъ событій, сколько цѣль публицистическую или нравоучительную.

Какъ историческій источникъ, эта литература занимаетъ важное мѣсто въ ряду матеріаловъ для изученія смутнаго времени, вмѣстѣ съ оффиціальными документами и сказаніями иностранцевъ; она и обратила на себя вниманіе, когда начались первые опыты научной исторіографіи въ прошломъ столѣтіи. Долгое время, однако, извѣстны были лишь очень немногіе памятники этой литературы: знали только сказаніе Авраамія Палицына и двухъ-трехъ лѣтописцевъ, какъ вообще до Карамзина знали только крупнѣйшія произведенія старой рукописной литературы. Въ первый разъ обширное знакомство съ историческими памятниками о смутномъ времени является у Карамзина, изложеніе котораго, съ многочисленными цитатами изъ рукописей, надолго, а иногда и до новѣйшаго времени сохраняло значеніе первоисточника. Послѣ Карамзина, многое изъ этихъ рукописей было издано; въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ начата и критическая оцѣнка тѣхъ или другихъ памятниковъ, но она была только начата, и г. Платоновъ предпринялъ теперь составить полный критическій разборъ этой литературы, въ справедливомъ убѣжденіи, что правильное изслѣдованіе смутнаго времени возможно будетъ только послѣ подробной критической оцѣнки его источниковъ.

Г. Платонову предстояла не малая задача. Нужно было прежде всего собрать и изучить всѣ рукописные, въ большинствѣ неизданные, тексты, относящіеся къ смутному времени, что́ было нелегко уже по той причинѣ, что эти рукописи разбросаны по множеству библіотекъ. Нелегко было установить и самое изложеніе. Всего лучше, говоритъ авторъ, было бы расположить обзоръ въ хронологическомъ порядкѣ, —но относительно многихъ сказаній время составленія ихъ остается неизвѣстнымъ, а иногда памятники разнаго времени было удобнѣе разсматривать вмѣстѣ по внутренней близости ихъ содержанія; но вообще авторъ желалъ, выдѣливъ наиболѣе важные памятники, опредѣлить на нихъ постепенное развитіе этой литературы о смутномъ времени и указать особенности произведеній разныхъ эпохъ. Историческая повѣрка самыхъ показаній этихъ источниковъ не входила въ планъ автора, и дѣйствительно это должно быть уже задачей историка; онъ хотѣлъ только опредѣлить значеніе самыхъ памятни-

ковъ: указать время составленія того или другого произведенія и личность составителя; выяснить цѣли, какими онъ руководился, и обстоятельства, въ которыхъ онъ писалъ; найти источники его свѣденій и степень достовѣрности его разсказовъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя лишь немногихъ случаяхъ эта внѣшняя исторія памятника болѣе или менѣе извѣстна (какъ, напр., сказаніе Палицына не однажды подвергалось весьма внимательному изслѣдованію), и автору нужно было только провѣрить выводы прежнихъ критиковъ; но большинство текстовъ, напротивъ, извѣстно очень мало или до сихъ поръ было вовсе неизвѣстно, и здѣсь авторъ подробно знакомитъ читателя съ самымъ ихъ содержаніемъ.

Такъ поставилъ свою задачу г. Платоновъ, и выполняетъ ее весьма обстоятельно. Чтобы обнять, по возможности, всю современную событіямъ историческую литературу, автору пришлось пересмотрѣть множество рукописныхъ текстовъ въ библіотекахъ и архивахъ петербургскихъ, московскихъ и также провинціальныхъ (болѣе ста рукописей), сличать ихъ тексты, и т. д., и большею частію автору приходилось впервые опредѣлять ихъ исторію — графическое и литературное значеніе. Прежде всего онъ останавливается на произведеніяхъ, которыя составлены были еще до окончанія смутнаго времени. Первое мѣсто онъ даетъ здѣсь такъ-называемому „Иному сказанію"; это имя оно получило потому, что присоединяется обыкновенно къ сказанію Авраамія Палицына, какъ его дополненіе, но написано оно собственно раньше; какъ и многія другія произведенія этого рода, оно образовалось изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, которыя потомъ были внѣшнимъ образомъ связаны въ одно цѣлое, и первая, старѣйшая изъ его составныхъ частей относится еще къ 1606 году. Далѣе, принадлежатъ сюда: „повѣсть" патріарха Іова о житіи царя Ѳедора Ивановича, „Плачъ" о плѣненіи и конечномъ разореніи московскаго государства, сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Владимірѣ, и пр. Къ царствованію Михаила Ѳедоровича относится нѣсколько важныхъ историческихъ памятниковъ. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ „Временникъ" нѣкоего дьяка Ивана Тимоѳеева, очевидца многихъ событій смутнаго времени, который начинаетъ свой разсказъ еще отъ временъ Грознаго и доводитъ приблизительно до 1619 года. „Временникъ" Тимоѳеева въ свое время не получилъ распространенія и сохранился въ единственной рукописи (въ библіотекѣ Флорищевой пустыни), которая извѣстна была Строеву, но такъ какъ донынѣ остается неизданной, то ею до сихъ поръ еще не пользовались какъ историческимъ матеріаломъ. Г. Платоновъ подробно излагаетъ содержаніе этого памятника, который очень любопытенъ и какъ новый источникъ для исторіи смутнаго времени, и въ литера-

турномъ отношеніи, какъ образчикъ стариннаго дьяческаго писательства. Вторымъ историческимъ разсказомъ временъ Михаила Ѳедоровича г. Платоновъ ставитъ сказаніе Палицына, законченное около 1620 года и состоящее опять изъ нѣсколькихъ статей, писанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ чисто внѣшнимъ образомъ объединенныхъ. Далѣе, г. Платоновъ даетъ первый обстоятельный разборъ историческихъ статей князя Хворостинина, князя Катырева-Ростовскаго, князя Шаховского, рукопись патріарха Филарета и проч. Затѣмъ онъ переходитъ къ памятникамъ второстепеннымъ и позднѣйшимъ, какъ напримѣръ цѣлый рядъ сказаній біографическаго характера—о царевичѣ Дмитріѣ, князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, патріархѣ Филаретѣ, ростовскомъ затворникѣ Иринархѣ, архіепископѣ астраханскомъ Ѳеодосіѣ, о чудесахъ преподобнаго Сергія и проч. Г. Платоновъ перечисляетъ потомъ произведенія компилятивнаго характера, наконецъ останавливается вкратцѣ на сказаніяхъ мѣстныхъ, относительно которыхъ оговаривается, что не могъ ознакомиться съ ними съ достаточной полнотой, какъ потому, что ему трудно было собрать ихъ списки, разсѣянные по библіотекамъ, такъ и потому, что оцѣнка ихъ требовала бы ближайшаго знакомства съ исторіей и топографіей данныхъ мѣстностей, чтó было для него затруднительно.

Несмотря на этотъ, сознательно сдѣланный, пробѣлъ, трудъ г. Платонова обнимаетъ всѣ главнѣйшія современныя сказанія о смутномъ времени и составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для изученія старой исторіографіи и вообще литературы XVII-го вѣка. Внѣ чисто историческаго интереса, разобранные имъ памятники представляютъ также большой интересъ литературный: въ заключительныхъ страницахъ своей книги (стр. 343—353) г. Платоновъ дѣлаетъ весьма любопытныя замѣтки объ общихъ свойствахъ тогдашняго историческаго авторства. Писатели какъ будто всего меньше заботились о точномъ изложеніи событій: цѣли ихъ были всего меньше историческія, какъ мы понимаемъ ихъ теперь, и гораздо больше благочестиво-церковныя, обличительныя и морально-поучительныя. „Письменность XVII-го вѣка,—говоритъ авторъ,—не сознавала всей цѣнности искренняго лѣтописанія“; „въ большинствѣ сказаній о смутѣ изслѣдователь имѣетъ предъ собою не безхитростныя записи о фактахъ, не простодушныя впечатлѣнія очевидцевъ, а разсказы, отразившіе на себѣ или условные литературные вкусы вѣка, или агіографическую точку зрѣнія, или поэтическое творчество, личное и народное“. Г. Платоновъ именно указываетъ, что здѣсь очень часто мы встрѣчаемъ то же условное отношеніе къ историческому факту, какое отмѣтилъ г. Ключевскій относительно старой литературы житій. Простой фактъ казался какъ будто неважнымъ, ненужнымъ самъ по себѣ; онъ

требовался только какъ подтвержденіе впередъ установленной точки зрѣнія, или какъ матеріалъ для реторическихъ украшеній. Политическій смыслъ движенія былъ мало затронутъ историками. По давнему представленію русскихъ людей, всякое народное бѣдствіе бываетъ карой Промысла за грѣхи, а счастливый исходъ—наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу; писатели стараются объяснить, „кіихъ ради грѣхъ попусти Господь свое наказаніе", и разногласіе начинается въ опредѣленіи грѣховъ: у однихъ, это были грѣхи Бориса, у другихъ—грѣхи цѣлаго общества; затѣмъ на событія смутнаго времени смотрятъ какъ на борьбу православія съ иновѣріемъ и русской народности съ ея вѣковыми врагами, и при этомъ Борисъ обвиняется даже въ ересяхъ армянской и латинской, или Шуйскій обвиняется въ томъ, что „измѣнилъ праведное существо" и „внималъ бѣсовскимъ ученіямъ". „На взглядъ писателей XVII-го вѣка,—говоритъ авторъ,—сословныя отношенія смутной эпохи не заслуживали того вниманія, съ какимъ относятся къ нимъ позднѣйшіе изслѣдователи, и вслѣдствіе этого лишь у немногихъ сказателей находимъ мы летучіе намеки на сословныя мѣры Бориса, на борьбу общественныхъ элементовъ въ ополченіи Ляпунова и т. п. Національныя заслуги героевъ смутной эпохи вызываютъ со стороны сказателей восторженные диѳирамбы этимъ героямъ. Но среди похвалъ трудно найти какія-нибудь твердыя данныя для ясной характеристики того или другого лица: ясно видно, что сказателя интересуетъ не столько сама личность, сколько извѣстныя стороны ея дѣятельности. Такая односторонность изображенія дѣлаетъ его неточнымъ, сообщаетъ лицамъ невѣрный колоритъ, исторію превращаетъ въ панегирикъ". Въ подобныхъ условіяхъ изслѣдователь долженъ въ особенности дорожить тѣми подробностями разсказа, гдѣ старинный писатель высказывается ненамѣренно, проговаривается, забывая о своей предвзятой цѣли, и дѣйствительно здѣсь иногда можно уловить факты и мысли писателя, не вполнѣ согласные съ его, такъ сказать, оффиціально заявляемой точкой зрѣнія. Вообще историкъ долженъ принять въ соображеніе характеръ и общественное положеніе писателя, обстоятельства, въ которыхъ онъ писалъ, и распространенные взгляды его времени и его круга. Это особенно необходимо для такихъ сложныхъ и запутанныхъ періодовъ исторіи, какъ смутное время, и книга г. Платонова является весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы.

— *Путеводитель по Кавказу.* По порученію генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, составилъ *Е. Вейденбаумъ.* Съ 12 рисунками и дорожною картою. Тифлисъ, 1888.

Литература путеводителей начинаетъ у насъ размножаться, но до сихъ поръ не можетъ установиться у насъ тотъ извѣстный типъ подобныхъ изданій, какой давно принятъ въ европейскихъ путеводителяхъ и составляетъ дѣйствительно весьма практичную форму такихъ сочиненій. Всякій, бывавшій за границей, знаетъ эти „гиды"; Бэдекеръ и Мёррей стали нарицательными именами; кажется, образецъ былъ бы близко подъ руками, а между тѣмъ авторы нашихъ путеводителей все еще не могутъ понять, чѣмъ должна быть такая книга... Г. Вейденбаумъ говоритъ, что его путеводитель есть „первый въ литературѣ опытъ систематическаго обозрѣнія Кавказскаго края во всей его совокупности"; на дѣлѣ уже много лѣтъ назадъ появился путеводитель по Кавказу г. Владимірова, достигшій недавно второго изданія: какой же, однако, это былъ путеводитель? Г. Владиміровъ даетъ, конечно, не мало свѣденій, какія должны быть въ путеводителѣ, но гораздо больше онъ даетъ читателю своихъ беллетристическихъ упражненій въ изображеніяхъ картинъ природы, нравоописательныхъ сценахъ и очеркахъ и т. п., которымъ было бы мѣсто въ какомъ-нибудь фельетонѣ, и которыя совершенно неумѣстны и надоѣдливы въ путеводителѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Литературномъ Обозрѣніи „В. Европы", упомянуто было о подобномъ путеводителѣ по Волгѣ, составленномъ г. Монастырскимъ, который прямо заявлялъ, что, кромѣ сообщенія справочныхъ свѣденій, онъ считаетъ своей обязанностью „увеселять" читателя, и увеселяетъ болтовней сомнительнаго достоинства. Такимъ образомъ, у насъ все еще не могутъ понять, что „Путеводитель" есть только справочная книга, состоящая изъ фактическихъ свѣденій разнаго рода объ описываемой странѣ и также свѣденій, спеціально нужныхъ путешественнику: о направленіяхъ дорогъ, средствахъ и цѣнахъ передвиженія, гостинницахъ, мѣстныхъ обычаяхъ и т. п.; но если авторъ путеводителя самъ желаетъ предаваться восхищенію красотами природы, рисовать картины нравовъ, блистать остроуміемъ и пр.,—онъ долженъ искать для этого другого помѣщенія.

Книга г. Вейденбаума, къ счастію, избѣгла этого недостатка; авторъ отнесся къ своей задачѣ болѣе серьезно и сообщаетъ много полезныхъ свѣденій объ исторіи, географіи и этнографіи Кавказа, быть можетъ, даже больше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго путешественника, и меньше, чѣмъ понадобилось бы читателю, который пожелалъ бы имѣть больше подробностей о тѣхъ или другихъ досто-

примѣчательностяхъ края; для этой послѣдней цѣли авторъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы при слѣдующемъ изданіи своей книги прибавилъ указаніе главнѣйшихъ сочиненій по исторіи и описанію края. Кавказъ имѣетъ весьма обширную литературу, и изъ нея полезно было бы указать главныя сочиненія о природѣ, народахъ и исторіи Кавказа.

Но какъ путеводитель собственно, книга г. Вейденбаума имѣетъ крупные недостатки, и увидѣть ихъ онъ можетъ самъ, сличивъ свою книгу съ любымъ путеводителемъ Бэдекера, Мёррея, Жоанна и проч., а именно: книга, достаточно обстоятельная для обыкновеннаго читателя, недостаточна для *путешественника*; въ ней нѣтъ дорожныхъ свѣденій. Въ иностранныхъ путеводителяхъ есть обыкновенно подробная мѣстная карта; въ книгѣ г. Вейденбаума есть карта, но крайне неудовлетворительная, указывающая только самые крупные города, гдѣ нѣтъ даже обозначенія губерній и областей, не говоря объ этнографическихъ границахъ племенъ; горные хребты означены слабо, и т. д.; путевыхъ свѣденій совсѣмъ нѣтъ, и напр., при весьма подробномъ историческомъ и географическомъ описаніи военно-грузинской дороги, не сказано, какъ, въ какихъ экипажахъ и по какимъ цѣнамъ по ней ѣздятъ, и, пріѣхавъ въ Тифлисъ, гдѣ остановиться. Иностранные путеводители даютъ путешественнику всякія указанія относительно экскурсій въ сторону отъ большихъ дорогъ; г. Вейденбаумъ знаетъ только большія дороги: онъ упоминаетъ, напр., объ изслѣдованіяхъ г. Ковалевскаго въ Сванетіи, но на картѣ читатель напрасно будетъ искать эту Сванетію; ея нѣтъ совсѣмъ.

Внѣшность книги, хотя приличная для обыкновеннаго изданія, для путеводителя неудобна. Во-первыхъ, слишкомъ большой форматъ, невозможный для книги, которая назначается быть карманною. Далѣе, путеводители иностранные выпускаются обыкновенно въ легкомъ, но вмѣстѣ прочномъ переплетѣ; здѣсь книга даже плохо сброшюрована, такъ что при перелистываніи разсыпается. Рисунокъ на оберткѣ просто ужасенъ, и лучше было бы ему совсѣмъ отсутствовать.

Вызывая замѣчанія критики, г. Вейденбаумъ приглашаетъ присылать подобныя указанія „непосредственно на имя генералъ-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова"; намъ хотѣлось бы думать, что мы можемъ довести настоящую замѣтку до свѣденія автора путемъ журнала, не безпокоя никого.—А. П.

— Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ Статистическимъ Отдѣленіемъ при Губернской Земской Управѣ. Кролевецкій уѣздъ. Т. XV. П. П. Червинскаго. Черниговъ 1887 г.

Земско-статистическіе труды по черниговской губерніи давно обратили на себя особое вниманіе своими качествами. Въ этомъ отношеніи черниговская губернія заняла одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ губерній. Теперь изданіе этихъ трудовъ закончено, и предъ нами послѣдній (XV) томъ ихъ, относящійся къ кролевецкому уѣзду, описанному извѣстнымъ статистикомъ П. П. Червинскимъ.

Вновь вышедшій томъ, помимо обычнаго интереса, представляемаго текущею статистикою, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что даетъ сравненіе экономическихъ данныхъ, относящихся къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ между собой періодомъ болѣе столѣтія, именно данныхъ „румянцевской описи“ 1767 года и данныхъ нынѣшняго времени.

Извѣстно ходячее мнѣніе, будто положеніе народа въ прежнее время было завиднѣе, что въ старину жилось привольнѣе, что прежде люди дольше жили, меньше было семейныхъ раздѣловъ и т. п. Между тѣмъ параллель, о которой идетъ рѣчь, далеко не согласуется съ такимъ понятіемъ и придаетъ ему значеніе предразсудка. Изъ 10 полковъ, на которые дѣлилась въ прошломъ вѣкѣ Малороссія, „опись“ разыскана собственно по пяти полкамъ; приводимыя изъ нея свѣдѣнія относятся къ 33 селеніямъ, главнымъ образомъ къ казакамъ и „посполитымъ“ (крестьянамъ), т.-е. къ двумъ главнымъ сословіямъ того времени. Число душъ въ той мѣстности, къ которой относятся показанія описи 1767 года, было 23.360; по ревизіи 1858 г., ихъ считалось 36.163, а по переписи 1883 г. выходитъ уже 46.132. Такимъ образомъ, приростъ населенія послѣ 1767 г. въ первыя девяносто лѣтъ былъ почти такой же, какъ въ послѣднія 25 лѣтъ! Вотъ до чего чувствительна была разница бытовыхъ условій давнихъ и нынѣшнихъ.

Далѣе, въ прошломъ столѣтіи младшіе возрасты были относительно многочисленнѣе, т.-е. составляли бо́льшій процентъ въ общей массѣ населенія, а стариковъ и старухъ теперь въ полтора раза больше, чѣмъ было въ старину—вотъ каковъ отвѣтъ на ходячее мнѣніе, будто прежде люди дольше заживались на свѣтѣ. Если раздѣлить общую цифру населенія уѣзда на число дворовъ или хозяйствъ, то на каждое хозяйство теперь придется 5,6 душъ обоего пола, тогда какъ, по румянцевской описи, выходитъ 6,3. Стало быть, стремленіе къ раздѣламъ и дробленію семей въ прежней Малороссіи было почти такое же, какъ теперь; итакъ, опять колеблется предразсудокъ, будто

стремленіе къ дѣлежамъ составляетъ преимущественно особенность послѣдняго времени. Къ подобнаго же рода выводу приводитъ и сравненіе хозяйствъ по числу ихъ рабочихъ силъ; такъ, хозяйства съ однимъ рабочимъ въ 1767 г. представляли 55%, а теперь 61%, а хозяйствъ съ тремя и болѣе рабочими прежде было 12½%, а теперь 7¾%, т.-е. хотя число хозяйствъ малорабочихъ и увеличилось на счетъ многорабочихъ, но въ общей массѣ перемѣна эта вовсе не велика.

Интересно также сравненіе, — насколько измѣнилась въ хозяйствахъ роль наемной рабочей силы. При сличеніи таблицъ обѣихъ переписей оказывается, что казакъ и „посполитый“ въ прошломъ столѣтіи пользовались для своего хозяйства посторонней рабочей силой въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ вдвое большемъ, противъ нынѣшнихъ хозяевъ, т.-е. самостоятельнаго труда было меньше.

Переходимъ къ характеру землевладѣнія. Въ 33 селеніяхъ уѣзда, по румянцевской описи, на каждую сотню душъ обоего пола приходилось 136 десятинъ эксплоатируемой земли; по переписи же 1883 г., въ этихъ селеніяхъ приходится на сотню душъ 123 десятины. Ясно, что съ увеличеніемъ населенія шла почти въ той же мѣрѣ разработка земель подъ лѣса. Казаки прежде были надѣлены землею лучше, чѣмъ теперь, а крестьяне хуже; теперь же послѣдовало значительное уравненіе. Разница между этими двумя группами, мало замѣтная въ настоящее время, въ старину была гораздо рѣзче. Неравенство между хозяйствами въ старину было гораздо чувствительнѣе, даже помимо сословнаго распредѣленія. Больше было многоземельныхъ и безземельныхъ, а теперь увеличилось число среднихъ владѣльцевъ; напр., безземельныхъ и огородниковъ въ старину было 28%, а теперь 9%; зато имѣющихъ отъ 15 до 500 десятинъ было 27%, теперь же только 8¾%.

Опять долгій періодъ оказывается періодомъ уравненія. Населеніе прошлаго вѣка было и бѣднѣе скотомъ по общей цифрѣ, причемъ еще и распредѣленіе скота отличалось большею неравномѣрностью.

Перейдемъ къ промысламъ. Большее сосредоточеніе замѣчается теперь собственно въ винокуреніи. Эта отрасль была прежде вольнымъ промысломъ въ Малороссіи; существовала масса мелкихъ винокуренъ, находившихся въ рукахъ казаковъ и крестьянъ. По румянцевской описи, въ уѣздѣ было 367 винокуренъ, а въ настоящее время ихъ только 5, которыя выработываютъ, однако, 236.000 ведеръ водки вмѣсто прежнихъ 122.000. По отношенію къ цифрѣ населенія производство измѣнилось мало: прежде на 100 жителей производилось 509 ведеръ, а теперь 487. Напротивъ, пчеловодство развилось въ большей даже степени, чѣмъ умножилось населеніе. Въ прошломъ

столѣтіи числилось около 3.000 колодъ пчелъ, а теперь имѣется въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ болѣе 13.000.

Приведенныя данныя показываютъ, что въ старину и жилось въ экономическомъ отношеніи вовсе не привольнѣе нынѣшняго, и богатство страны дѣлилось менѣе ровно, и промыслы были слабѣе, и вѣкъ человѣческій короче, и, такимъ образомъ, наше воображеніе грѣшитъ совсѣмъ несправедливымъ украшеніемъ старины. Иначе сказать, ходъ экономической жизни положительно направлялся къ лучшему, а не къ худшему, хотя, конечно, и нынѣшнее положеніе совершенно основательно насъ не удовлетворяетъ, оставляя „желать очень многаго".

Подтвержденіе такого заключенія статистическимъ изслѣдованіемъ могло бы имѣть очень важное значеніе для нашего знанія. Однако необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки: достаточны ли были въ прошломъ столѣтіи гарантіи того, чтобы произведенная опись могла давать дѣйствительно вѣрное изображеніе тогдашней экономической жизни, и таковы ли были общія условія тогдашней жизни, чтобы количество эксплуатируемой земли, число скота и пчелъ и т. п. могли быть точнымъ мѣриломъ благосостоянія? Что касается способовъ тогдашней статистики, то довольно характерную картинку ихъ даетъ приводимая въ томъ же статистическомъ трудѣ цитата изъ „Исторіи Руссовъ".

„Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая, какъ въ своемъ родѣ, такъ и способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Комисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ-оберъ-и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ комисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ комисіонеровъ съ многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣніе помѣстьями и землями, и тутъ-то потрясали всѣ сокровища каждаго... Опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаяся съ турками

война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу... Малороссіяне, несмотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшаго, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго".

Понятно, что къ такому источнику надо относиться съ осторожностью.—Ѳ. В.

— *Л. Федоровичъ.* Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія. Одесса, 1888.

Обширный трудъ г. Федоровича имѣетъ всѣ признаки ученой диссертаціи: въ немъ масса цитатъ, множество фактическихъ и литературныхъ свѣденій, много балласта, но, къ сожалѣнію, мало системы. Тема, избранная авторомъ, представляетъ большой практическій интересъ, и отъ новой спеціальной работы по этому предмету можно было бы ожидать поучительныхъ указаній по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ. Авторъ подробно излагаетъ и разбираетъ теоріи, которыя не разъ уже были излагаемы и разбираемы до него; онъ приводитъ факты, извѣстные изъ учебниковъ, и повторяетъ, напримѣръ, по исторіи банковъ много такихъ свѣденій, которыя гораздо полнѣе и лучше изложены въ книгахъ г. Кауфмана. Урывками говорится и о Россіи, въ разныхъ мѣстахъ, безъ опредѣленной логической связи, безъ надлежащей послѣдовательности и безъ всякой попытки научнаго освѣщенія и объясненія фактовъ. Въ отдѣлѣ о кредитномъ обращеніи разсказывается кое-что и о русскихъ кредитныхъ билетахъ, отъ 1843 года до 1858 г. (стр. 411—417). Разсуждая о „девольваціи", авторъ останавливается на исторіи русскихъ ассигнацій и на реформѣ Канкрина; затѣмъ, послѣ разсказа о бумажныхъ деньгахъ въ Сѣверной Америкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, помѣщается общій обзоръ попытокъ возстановленія валюты въ Россіи съ 1810 до 1887 г. (стр. 591—627). Въ этомъ обзорѣ дѣлается, напримѣръ, скачокъ отъ 1812 года къ 1853 г., съ упоминаніемъ лишь указовъ 1843 года. Для чего авторъ нагромоздилъ столько ненужнаго матеріала объ иностранныхъ банкахъ, хорошо изученныхъ другими, болѣе опытными изслѣдователями, и почему онъ такъ круто обошелся съ исторіей нашего денежнаго обращенія, — понять трудно. Г. Федоровичъ съ особенною обстоятельностью говоритъ о томъ, о чемъ писали у насъ другіе, и онъ удивительно кратокъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы изложить плоды своихъ собственныхъ соображеній. Написанная въ такомъ родѣ книга въ 627 печатныхъ страницъ можетъ свидѣтель-

ствовать о трудолюбіи автора, но она не можетъ быть признана полезнымъ вкладомъ въ нашу спеціальную политико-экономическую литературу.

— Подготовительныя мѣры къ возстановленію обращенія звонкой монеты. Спб. 1887.

Много дѣльнаго и справедливаго высказано въ этой анонимной брошюрѣ, авторъ которой очевидно хорошо изучилъ исторію законовъ и правительственныхъ мѣръ относительно денежнаго обращенія въ Россіи. Намъ кажется только, что авторъ слишкомъ формально смотритъ на причины упадка цѣнности кредитныхъ билетовъ; онъ слишкомъ много значенія придаетъ законодательнымъ запрещеніямъ или дозволеніямъ, какъ будто послѣднія могутъ существенно вліять на условія кредита. По мнѣнію автора, источникъ всего зла заключается въ допущеніи вывоза за границу и ввоза оттуда обратно нашихъ бумажныхъ денегъ; къ этой мысли авторъ возвращается постоянно, хотя приводимые въ ея пользу доводы едва ли могутъ быть признаны вполнѣ убѣдительными. Пока кредитные билеты составляютъ предметъ биржевыхъ сдѣлокъ и спекуляцій, до тѣхъ поръ нельзя избѣгнуть вывоза и ввоза ихъ тѣмъ или другимъ способомъ; запрещеніе пересылать бумажки по почтѣ и черезъ таможни очень легко обходилось бы, напр., отправкою спеціальныхъ артельщиковъ съ денежными суммами, какъ это практикуется и теперь. Подобныя мѣры не устранятъ колебаній курса, а эти колебанія придаютъ кредитнымъ билетамъ характеръ биржевыхъ бумагъ и вводятъ ихъ въ круговоротъ азартной спекулятивной игры. Чтобы положить конецъ колебаніямъ курса, нужно было уравнять бумажныя деньги съ металлическими и возобновить размѣнъ. Очень можетъ быть, что справедливо было бы признать торговлю кредитными билетами незаконною и запретить нашимъ банкамъ участіе въ такихъ операціяхъ; но насколько это запрещеніе могло бы оказывать реальное дѣйствіе на биржевые обороты—можно видѣть изъ того, что у насъ сдѣлки на разницу запрещены закономъ, и однако это не помѣшало развитію и процвѣтанію такихъ сдѣлокъ. Такъ же точно и ростовщичество, преслѣдуемое закономъ, безпрепятственно существуетъ въ жизни. Билеты французскаго или англійскаго банка свободно вывозятся за предѣлы страны, и однако эти бумаги недоступны никакимъ колебаніямъ и не могутъ быть предметомъ спекуляцій.

Авторъ вноситъ даже сантиментальные мотивы въ обсужденіе финансовыхъ вопросовъ. „Не можетъ подлежать спору, — говоритъ онъ, — что для національнаго самолюбія англичанъ, французовъ и

нѣмцевъ лестно, что бумажныя ихъ деньги имѣютъ всемірное хожденіе наравнѣ съ золотомъ; но по этой причинѣ русское національное чувство должно возмущаться, что наши бумажныя деньги, которымъ народъ продолжаетъ оказывать прежнее довѣріе, цѣнятся иностранцами и нашими космополитическими биржами и банками въ половину противъ ихъ нарицательной стоимости, и посему для насъ гораздо достойнѣе устранить эти знаки изъ международныхъ сдѣлокъ, пока иностранцы не согласятся принимать ихъ на одинаковыхъ съ своими бумажными деньгами основаніяхъ" (!) (стр. 22). Едва ли отъ правительства зависитъ „устранить" наши бумажки изъ заграничнаго оборота, пока онѣ не замѣнены другими; а уже совсѣмъ неосновательно ожидать, чтобы иностранцы принимали наши кредитные билеты наравнѣ съ золотою монетою, когда самъ нашъ государственный банкъ цѣнитъ эти билеты на половину ниже золота и не могъ бы мѣнять ихъ выше биржевого курса.

Болѣе основательно указаніе автора на „безконтрольность" кредитныхъ операцій, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ слабости нашего кредита. „Вся кредитная часть, ежегодные платежи по которой равняются 278.591.694 руб., поглощая болѣе трети обыкновенныхъ доходовъ, изъяты изъ той повѣрки и надзора, которой подвергаются всѣ прочія государственныя учрежденія" (стр. 36). Нельзя не согласиться съ авторомъ, что „обстоятельное обсужденіе финансовыхъ предположеній въ высшей государственной коллегіи предпочтительнѣе той таинственности, которою сопровождаются теперь мѣропріятія по этой части". Правда, и теперь выслушиваются совѣты экспертовъ, нерѣдко „банковыхъ авторитетовъ, посвящаемыхъ въ тайны задуманныхъ предположеній"; но эти дѣятели, „за крайне рѣдкими исключеніями, смотрятъ обыкновенно на всякую предпринимаемую мѣру съ узкой личной точки зрѣнія и заботятся не о пользѣ государственной, а прежде всего объ извлеченіи собственныхъ выгодъ". По словамъ автора, „закулисные совѣты и содѣйствіе не могутъ не представляться серьезнымъ зломъ, устранить которое возможно только предлагаемымъ способомъ, т.-е. подчиненіемъ всѣхъ операцій государственнаго кредита завѣдыванію одного центральнаго высшаго установленія въ имперіи" (стр. 35).

Обзоръ финансовыхъ мѣръ за послѣднее двадцати-пятилѣтіе приводитъ автора къ убѣжденію, что „наша внутренняя въ этомъ отношеніи политика была явно неустойчива, и эта неустойчивость ввергла государство въ чрезвычайные непроизводительные расходы". Но если неустойчивость была присуща нашей финансовой политикѣ, то нечего уже удивляться, что и кредитные билеты наши неустойчивы въ цѣнѣ. Недостатокъ контроля дѣлаетъ возможными такіе факты, ко-

торые несовмѣстимы съ заботами о поддержаніи государственнаго кредита. „Нѣсколько разъ—говоритъ авторъ—повторялась даже такая странность, что за сожженіемъ извѣстнаго числа билетовъ почти тотчасъ дѣлались новые выпуски и каждый разъ въ большемъ количествѣ противъ суммы, только-что изъятой. Послѣднюю попытку, предпринятую по указу 1-го января 1881 года, касательно изъятія въ теченіе восьми лѣтъ 400 милліоновъ временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, постигла прежняя участь. Хотя для такого изъятія было заключено на 150 милліоновъ процентныхъ займовъ, но кредитныхъ билетовъ предано сожженію только на 87 милліоновъ и въ обращеніи ихъ осталось на 330 милліоновъ“ (стр. 63). Имѣя въ виду подобныя обстоятельства, указывающія на истинную причину нашего финансоваго кризиса, авторъ могъ бы оставить въ сторонѣ вопросъ о запрещеніи или разрѣшеніи вывоза бумажныхъ денегъ за границу. Вообще, въ брошюрѣ собрано не мало интересныхъ фактическихъ данныхъ, которыя дѣлаютъ чтеніе ея весьма полезнымъ для всѣхъ интересующихся вопросомъ о нашихъ злополучныхъ кредитныхъ билетахъ.

—*Anatole Leroy-Beaulieu*. La France, la Russie et l'Europe. Paris, 1888.

Въ февралѣ текущаго года появилась въ „Revue des deux Mondes“ статья неизвѣстнаго автора подъ приведеннымъ выше заглавіемъ: она обратила на себя вниманіе въ Европѣ не только по своему содержанію, но и потому, что авторомъ ея считали графа Парижскаго или герцога Омальскаго. Анатоль Леруа-Больё объясняетъ теперь, что онъ скрылъ свое имя съ умысломъ. „Безъименность—часто лучшій способъ привлечь читателей и возбудить ихъ довѣріе. Самый скептическій и разочарованный читатель имѣетъ еще вкусъ къ таинственному. Анонимъ имѣетъ на себѣ обаяніе неизвѣстности“. Но статья была не совсѣмъ анонимна; она была подписана тремя звѣздочками, а такъ подписывался герцогъ Омальскій въ „Revue des deux Mondes“. Леруа-Больё, впрочемъ, можетъ быть, думалъ высказывать мнѣнія, которыя раздѣляются Орлеанскими принцами и большинствомъ французскихъ монархистовъ. Развивъ свои мысли, изложенныя въ журналѣ, съ большей подробностью, авторъ присоединилъ еще обширную главу объ англо-русскихъ отношеніяхъ и статью о Катковѣ,—и вотъ составилась цѣлая книга.

Леруа-Больё старается доказать, что внутреннее состояніе Франціи при республикѣ не позволяетъ разсчитывать на заключеніе внѣшнихъ союзовъ, и что, съ другой стороны, Россія находится не въ лучшемъ

положеніи, вслѣдствіе отсталости своихъ административныхъ и общественныхъ порядковъ. Между обоими государствами было всегда мало общаго въ политическихъ симпатіяхъ и традиціяхъ; только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ охлажденія между Россіею и Германіею, русская дипломатія стала смотрѣть на Францію, какъ на возможную союзницу въ европейской политикѣ. Но, по мнѣнію автора, французы увлеклись гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и дѣлали авансы, которые принимались лишь свысока. „Нѣкоторые, въ своемъ увлеченіи Сѣверомъ, желали какъ будто бросить Францію въ объятія Россіи. Доходило до того, что обращались къ русской печати и къ русскимъ представителямъ съ вопросами о кандидатахъ въ президенты или въ министры. Можно было подумать, что русскому посланнику при французской республикѣ хотятъ навязать роль Репнина и уполномоченныхъ Екатерины II въ Варшавѣ наканунѣ раздѣла Польши. Достойны ли эти пріемы такой страны, какъ Франція? Развѣ такимъ способомъ можно заставить цѣнить ея дружбу? Для нашей старой Франціи Людовика XIV и Наполеона многіе демократы ищутъ какъ бы покровителя, а не союзника“. Франція не можетъ отказаться отъ своихъ традиціонныхъ интересовъ на Востокѣ, гдѣ сталкиваются противоположныя стремленія Россіи и Австро-Венгріи. Существованіе могущественной Австріи, по словамъ Леруа-Больё, безусловно необходимо для Франціи. „Въ тотъ день, когда австрійская монархія исчезла бы или сократилась бы до размѣровъ венгерскаго королевства, насталъ бы конецъ французскому могуществу. Предъ лицомъ Германіи, увеличенной нѣмецкими провинціями Австріи, Франція занимала бы меньше мѣста въ Европѣ, чѣмъ Испанія... Разсматривая совокупность континентальной политики, нельзя не видѣть, что первый интересъ Франціи—поддержаніе Австріи, если не въ точныхъ ея нынѣшнихъ границахъ, то по крайней мѣрѣ въ ея историческомъ объемѣ и значеніи. Каждая изъ нихъ можетъ оставаться великою державою только до тѣхъ поръ, пока другая сохраняетъ этотъ же характеръ“. Авторъ возлагаетъ какія-то особенныя надежды на Австрію; онъ считаетъ еще возможнымъ ея отдѣленіе отъ Германіи и сближеніе съ Россіею. „Когда Австрія, успокоенная насчетъ Галиціи и нижняго Дуная, дѣйствовала бы въ согласіи съ Россіею,—прусская гегемонія перестала бы существовать. Наша бѣдная Европа могла бы тогда вздохнуть свободно. Она могла бы прекратить вооруженія, разоряющія ее, и не чувствовала бы себя вынужденною налагать на себя финансовыя и военныя тягости, дѣлающія ее неспособною выдерживать конкурренцію Америки“.

Очевидно, все это — чистѣйшая фантазія. По своему разнородному племенному составу и по географическому положенію между

Германіею, Италіею и Россіею, австрійская монархія совершенно не призвана играть въ современной Европѣ ту рѣшающую роль, о которой мечтаетъ Леруа-Больё. Центральная нѣмецкая имперія слишкомъ сильна, и союзъ съ нею слишкомъ выгоденъ, чтобы гдѣ-нибудь могло возникнуть предположеніе о переходѣ Австріи на сторону Россіи и Франціи. Не отъ Австріи зависитъ смягчить бремя милитаризма въ Европѣ и облегчить экономическое положеніе народовъ. Не во власти вѣнскаго кабинета уничтожить прусскую гегемонію. Притомъ авторъ забываетъ свои собственныя сужденія о неудобствахъ русскаго союза для французовъ, когда предлагаетъ этотъ же союзъ австрійцамъ.

Между Франціею и Россіею, говорится далѣе, не было бы равенства ни въ степени риска, ни въ опасностяхъ военныхъ неудачъ, въ случаѣ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи. „До сихъ поръ непріятельское нашествіе ни разу не имѣло успѣха въ Россіи и всегда почти удавалось во Франціи. Чтобы отдѣлаться отъ враговъ, сѣверная имперія можетъ завлечь ихъ въ свои глубины... Она какъ будто лишена органическихъ свойствъ; она не имѣетъ ни мозга, ни сердца, гдѣ можно было бы нанести ей смертельный ударъ". Другое дѣло Франція: послѣ первой же битвы непріятель можетъ очутиться въ Шампани, а послѣ второй — явиться подъ фортами Парижа. Неравны также шансы заключенія выгоднаго мира. Между имперіями—разсчеты совсѣмъ иные, чѣмъ съ республикою; „несчастная война могла бы легко окончиться примиреніемъ трехъ имперій и новымъ священнымъ союзомъ противъ революціи, олицетворенной парижскою коммуною". Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что миръ необходимъ для французовъ, какъ и для русскихъ, и что крайняя сдержанность есть единственная политика, обязательная теперь для Франціи. Остается однако безъ отвѣта вопросъ, какъ поступить французамъ и на что разсчитывать имъ, если война все-таки окажется для нихъ неизбѣжною? Французская республика до сихъ поръ ни на шагъ не отступала отъ принципа пассивной осторожности во внѣшнихъ дѣлахъ, и однако опасность франко-германскаго столкновенія возникаетъ періодически, съ большею или меньшею силою. Едва ли даже самые горячіе изъ французскихъ патріотовъ стремятся устроить формальный союзъ съ Россіею, для болѣе успѣшнаго нападенія на Германію; надѣяться же на русскую помощь въ случаѣ бѣды — вполнѣ позволительно французамъ, при существующихъ международныхъ отношеніяхъ. Они могутъ разсуждать такъ: если въ былое время русскія войска сражались во имя чуждыхъ имъ интересовъ Австріи или Пруссіи, то почему Россіи не вмѣшаться для спасенія Франціи отъ разгрома, который отразился бы притомъ вредно на интересахъ Россіи?

Дипломатическое вмѣшательство въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, было бы всегда и вполнѣ справедливо, и законно; оно давало бы право говорить о скрытомъ, молчаливомъ союзѣ между двумя націями, хотя и весьма далекими одна отъ другой по учрежденіямъ и идеямъ.

Вторая половина книги посвящена главнымъ образомъ политикѣ Англіи и Россіи въ Средней Азіи и на Востокѣ. По мнѣнію автора, нельзя ожидать поворота въ чувствахъ англичанъ относительно французовъ и русскихъ; симпатіи Англіи останутся, въ концѣ-концовъ, на сторонѣ Германіи и ея союзниковъ. Заключительная статья о Катковѣ—значеніе котораго авторъ, подобно многимъ другимъ иностранцамъ, преувеличиваетъ до чрезвычайности — не имѣетъ собственно связи съ остальнымъ содержаніемъ книги. Вообще трудъ Леруа-Больё не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія; самою интересною его частью остается та, которая была напечатана въ „Revue des deux Mondes" и о которой упоминалось у насъ въ свое время въ одномъ изъ Иностранныхъ Обозрѣній.— Л. С.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Апраксинъ, А. Д. Алзаковы, ром. изъ великосвѣтскаго быта. Спб. 1888. Стр. 186. Ц. 1 р.

Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Перев. съ польск. Н. И. Карѣева. Т. I. Спб. 1888. Стр. 291. Ц. за 2 т. 5 р.

Божеряновъ, И. Н. Великая Княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь имп. Павла I, герцогиня Ольденб., корол. Виртембергская. Спб. 1888. Стр. 84. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, В. Д. Колыбель русскаго флота. Историч. очеркъ. Воронежъ. 1888. Стр. 125. Ц. 1 р. 25 к.

Дебольскій, протоіер. Г. С. Житіе Св. Равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888. Стр. 16. Ц. 10 к.

Евреиновъ, Г. А. Замѣтки о мѣстной реформѣ. Спб. 1888. Стр. 130. Ц. 1 р.

Ковалевскій, П. И. Пьянство, его причины и леченіе. Кіевъ, 1888. Стр. 113. Ц. 50 к.

Королевъ, Ф. Н. Сельско-строительное искусство. Вып. 2-й. Спб. 1888. Стр. 121—362, съ 312 чертежами. Ц. 2 р. 40 к.

Леманъ, Ан. Орелъ. Разсказъ. Кіевъ. 1888. Стр. 16.

Малышевскій, проф. И. И. Житіе Св. Равноапост. князя Владиміра. Спб 1888. Стр. 16.

Мантегацца, П. Физіологія любви. Перев. съ итальянск. С. и М. Спб. 1888. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 к.

Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. VIII. Трактаты съ Германіею, 1825 — 1888 гг. Спб. 1888. Стр. 747.

Муррель, В. Массажъ, какъ способъ леченія. Перев. съ нѣм. д-ра В. К. Панченко. Спб. 1888. Стр. 148. Ц. 75 к.

Неручевъ, М. В. Бессарабское табаководство въ 1884—1886 гг. Кишиневъ. 1888. Стр. 18.

Оліевскій, М. Кіевскіе охотники. Кіевъ. 1888. Стр. 71. Ц. 20 к.

Рышковскій, Н. Братское слово Л. Н. Толстому. Кіевъ. 1888. Стр. 24.

Тельнихинъ, А. Гипнотизмъ и его значеніе въ настоящее время и въ будущемъ. Саратовъ. 1888. Стр. 105.

Тэтъ, П. Дж. Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрентельна, п. р. С. А. Усова. Спб. 1888. Стр. 444. Ц. 3 р.

Тютчевъ, Ѳ. Ѳ. Сочиненія. Спб. 1888. Стр. 303. Ц. 1 р. 50 к.

Успенскій, Д. Дезинфекція желѣзно-дорожн. вагоновъ въ мирное и военное время. Спб. 1888. Стр. 101.

Шекспиръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. Спб. 1887—1888 гг. Четвертое изданіе. Ц. 12 р.

Hennequin, Em. La critique scientifique. Par. 1888. Стр. 243.

Vielé-Griffin. Ancaeus. Poëme dramatique. Par. 1888.

— Виды на урожай въ Полтавской губерніи 1888 г. (въ началѣ іюня) по сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава. 1888. Стр. 24.

— Историческій очеркъ дѣятельности Московскаго Городского Кредитнаго Общества (1883—1888). М. 1888. Стр. 111.

— Общественное хозяйство города Москвы въ 1883 — 1887 гг. Историко-статистическое описаніе. Ч. I, вып. 1. Состав. М. П. Щепкинъ. М. 1888.

— Отчетъ по Хозяйственному Земледѣльческому Училищу за 1887 г. Харьковъ. 1888. Стр. 69.

— Статистика слѣпыхъ въ Россіи по переписи 1886 г. Центр. Статист. Комит. мин. вн. дѣлъ. Спб. 1888. Стр. 222.

— Статистика за търговията на Българското Княжество съ чуждитѣ държави за 1884 година. София. 1887. Стр. 1026.



ЗАМѢТКА.

Ученыя потуги.

—**Чувство законности и мировая юстиція, сочиненіе проф. К. Н. Яроша. Харьковъ. 1888 г.**

Авторъ каждаго издающагося сочиненія, будетъ ли оно чисто беллетристическое или научное, популярное или доступное только спеціалистамъ, непремѣнно долженъ имѣть опредѣленную цѣль—художественную, публицистическую или научную. Отъ такого же писателя, какъ г. Ярошъ, читающая публика въ правѣ ожидать еще и обстоятельнаго знакомства съ предметомъ, серьезнаго отношенія къ нему и тѣхъ или иныхъ положительныхъ выводовъ, которыми авторъ могъ имѣть въ виду подѣлиться со своимъ читателемъ.

Потому-то, обращаясь ко вновь изданной брошюрѣ проф. Яроша: „Чувство законности и мировая юстиція", естественно поставить вопросы: какую положительную цѣль имѣлъ ученый юристъ, издавая это свое „сочиненіе"? Какія мысли свои и заключенія желалъ онъ развить здѣсь въ назиданіе читающей публикѣ? На эти вопросы и постараемся отвѣтить, разсмотрѣвъ трудъ автора.

Этотъ трудъ распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой авторъ обсуждаетъ вопросъ, насколько развито въ нашемъ обществѣ чувство законности, и придя къ заключенію, что оно развито недостаточно, обращается затѣмъ къ разсмотрѣнію причинъ, обусловливающихъ такое печальное явленіе. Останавливаться на разсмотрѣніи первой части брошюры не будемъ, а займемся исключительно второю, какъ болѣе важною, частью, гдѣ авторъ оцѣниваетъ существующія у насъ административныя и судебныя установленія, *какъ органы общественной власти, способные поддерживать и развивать въ обществѣ самое чувство законности.*

Авторъ сѣтуетъ на трудность найти у насъ законную защиту правъ и интересовъ, *проистекающую, прежде всего, изъ многочисленности властей, которымъ подвѣдомственно регулированіе текущаго обихода жизни обывателя.* Онъ указываетъ на отсутствіе простоты въ обозначеніи предѣловъ компетентности различныхъ властей, какъ

на камень преткновенія въ дѣлѣ законнаго огражденія интересовъ. Какъ примѣръ, подтверждающій это замѣчаніе, приводится случай съ крестьянкою, подавшею мировому судьѣ жалобу на обиду при раздѣлѣ наслѣдства, и которой судья въ разсмотрѣніи жалобы отказалъ по неподсудности. „Куда, куда я ни ходила — сѣтовала крестьянка:—была и у слѣдователя, и въ земской управѣ, и въ сиротскомъ судѣ... Нѣту толковъ!“.. Въ сѣтованіи и самого г. Яроша, и упоминаемой имъ крестьянки, едва ли есть, однако, какое-либо серьезное основаніе. Предѣлы вѣденія различныхъ нашихъ судебныхъ учрежденій опредѣлены законодателемъ достаточно ясно и настолько просто, насколько это въ дѣйствительности возможно, хотя, не отрицаемъ, что можетъ найтись крестьянка, не понимающая даже самыхъ простыхъ вещей,—но что же изъ этого слѣдуетъ? Гражданскіе иски между крестьянами на суммы, не превышающія 100 р., и мелкія уголовныя дѣла о личныхъ обидахъ и кражахъ на сумму 30 р. подсудны волостнымъ судамъ, находящимся, такъ сказать, подъ рукою у каждаго крестьянина и крестьянки. Границы подсудности между мировымъ судомъ и общими судебными учрежденіями обозначены также съ возможной опредѣленностью, рѣдко порождающей недоразумѣнія. Если нашлась крестьянка, которая, минуя свой волостной судъ, куда ей всего естественнѣе и ближе было обратиться, предприняла цѣлое путешествіе по различнымъ административнымъ, сословнымъ и судебнымъ мѣстамъ, то безтолковость этой бѣдной женщины ничего не доказываетъ въ пользу голословно высказаннаго г. Ярошемъ положенія. Другой разсказъ о крестьянинѣ, который видоизмѣнялъ редакцію своего прошенія мировому судьѣ въ надеждѣ сдѣлать искъ свой подсуднымъ мировому суду, точно также представляетъ не болѣе какъ образчикъ невѣжества и наивности. Устранить проявленіе такихъ случаевъ едва ли возможно законодателю.

Далѣе, г. Ярошу не нравится строгое отдѣленіе власти судебной отъ власти административной. На мѣстѣ теперешнихъ мировыхъ судей ему, повидимому, желалось бы видѣть лицъ, облеченныхъ властью и административною, и судебною. Положеніе полиціи, возбуждающей только преслѣдованіе противъ провинившагося въ извѣстнаго рода проступкахъ и затѣмъ выступающей въ мировомъ судѣ въ роли обвиняющей стороны, представляется ему унизительнымъ для полицейскихъ властей. Указывается на право, будто бы предоставленное закономъ мировому судьѣ, не только давать полиціи порученія, но и дѣлать полицейскимъ чинамъ „предостереженія“. На всѣ эти замѣчанія, не подкрѣпленныя никакими сколько-нибудь серьезными доводами, возражать подробно не приходится. Неудобство совмѣщенія въ одномъ и томъ же учрежденіи какъ административныхъ, такъ и судебныхъ

обязанностей, признано не одними теоретиками, но и практическими государственными дѣятелями всѣхъ странъ. Намъ, русскимъ, помнящимъ еще дореформенное время съ земскими и иными, подчиненными администраціи судами, менѣе чѣмъ кому-либо прилично увлекаться мыслію о сосредоточеніи судебной власти въ рукахъ административныхъ чиновниковъ. Принципіальные доводы противъ соединенія судебной и административной властей, выработанные наукою, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны ученому юристу, и рѣшать вопросъ въ обратномъ смыслѣ, не опровергнувъ общепризнанныхъ положеній, едва ли для него простительно. На мнѣніе покойнаго И. С. Аксакова въ подкрѣпленіе своего взгляда г. Ярошъ ссылается напрасно: извѣстный нашъ публицистъ до конца дней своихъ былъ сторонникомъ нашего нынѣшняго гласнаго суда и благословлялъ замѣну имъ дореформенныхъ судовъ съ ихъ канцелярскою тайною и взяточничествомъ. Обязанность полиціи констатировать фактъ проступка и выступать въ роли обвинителя отнюдь не можетъ ронять ея достоинства. Дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія мировой судья права не имѣетъ; г. Ярошъ приводитъ 53-ю ст. уст. гр. суд. въ редакціи давно уже отмѣненной. Въ настоящее время, въ случаѣ невыполненія полицейскими чинами своихъ обязанностей относительно производства дознанія, судья имѣетъ только право сообщить объ этомъ прокурорской власти. При самомъ разборѣ дѣла судьею, роль обвинителя не представляетъ затѣмъ ничего сколько-нибудь неловкаго для полицейскаго чиновника. Сцена, приведенная г. Ярошемъ изъ очерка А. Носа, обнаруживаетъ недоразумѣніе: полицейскій, подвергавшійся перекрестному допросу, очевидно былъ по дѣлу *свидѣтелемъ*, а не *обвинителемъ*, такъ какъ подвергать допросу сторону обвиняющую законъ не допускаетъ.

Обращаясь спеціально къ мировому суду, авторъ требуетъ, чтобы онъ удовлетворялъ прежде всего тремъ условіямъ: близости, простотѣ и скорости.

Нельзя, конечно, отрицать того обстоятельства, что при размѣрахъ нашихъ уѣздныхъ мировыхъ участковъ не мало поселковъ находится въ довольно значительномъ разстояніи отъ камеры мѣстнаго судьи. Это неудобство могло бы быть уменьшено только увеличеніемъ повсемѣстно числа судей; но это обусловило бы значительное увеличеніе расходовъ, что̀ было бы, конечно, обременительно для всего населенія уѣзда. Съ большими разстояніями намъ въ Россіи волей-неволей приходится мириться, и при этомъ нужно сказать, что разстояніе въ 20—30 верстъ не испугаетъ нашего сельскаго обывателя. Нужно притомъ добавить, что законъ предоставляетъ земскимъ собраніямъ назначать пункты, гдѣ должна находиться камера судьи, и такимъ

образомъ помѣщать судъ въ центрѣ участка. Если правомъ своимъ многія земства не пользуются, то это не вина закона. Что касается до произвольныхъ отлучекъ участковыхъ судей, то противъ нихъ правительствующимъ сенатомъ приняты серьезныя мѣры, и судьи, дозволяющіе ихъ себѣ, могутъ быть подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ. Обязательное представленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей о всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ и числѣ разсмотрѣнныхъ за мѣсяцъ дѣлъ въ значительной степени затрудняетъ такія отлучки судьи. Слѣдовательно, высшая судебная власть не упускаетъ изъ виду интересовъ тяжущихся.

Судопроизводство у мировыхъ судей представляется затѣмъ г. Ярошу и слишкомъ сложнымъ, и недостаточно общепонятнымъ по дѣлопроизводству своему. Въ критикѣ своей авторъ не разграничиваетъ производства по дѣламъ уголовнымъ отъ производства по дѣламъ гражданскимъ. Понятно однако, что условія того и другого производства должны существенно разниться во многомъ, а потому говорить о нихъ совмѣстно едва ли возможно при серьезномъ отношеніи къ предмету. Въ виду этого, я позволю себѣ раздѣлить то, что смѣшалъ въ одно г. Ярошъ, и разберу сперва его критическія замѣчанія, относящіяся къ уголовному судопроизводству.

Авторъ требуетъ, чтобы уголовный процессъ былъ возможно простъ. Чтобы выяснить, насколько нашъ уставъ уг. суд. удовлетворяетъ этому требованію, очертимъ вкратцѣ весь ходъ процесса по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судьямъ. По всѣмъ проступкамъ, нарушающимъ права частнаго лица, законъ предоставляетъ потерпѣвшему непосредственно обращаться съ жалобою къ судьѣ и требовать наказанія виновнаго (ст. 3 уст. уг. суд.). Жалоба можетъ быть какъ письменная, такъ и словесная; послѣдняя записывается самимъ судьею со словъ жалующагося. Разъ жалоба занесена, судья назначаетъ день разбора и вызываетъ повѣстками какъ стороны, такъ и свидѣтелей. По явкѣ сторонъ на судъ, самый процессъ разбирательства сводится главнымъ образомъ на допросъ выставленныхъ сторонами свидѣтелей; показанія ихъ записываются судьею въ протоколъ и грамотными изъ свидѣтелей подписываются. Затѣмъ и обвинителю, и обвиняемому предоставляется высказать свои доводы, и судья, взвѣсивъ по совѣсти весь представленный сторонами матеріалъ, постановляетъ свой приговоръ.

Какъ ни требователенъ г. Ярошъ относительно простоты процесса, но едва ли и онъ найдетъ возможнымъ упростить въ чемъ-либо процедуру только-что изложенную. Она не требуетъ даже знанія грамоты отъ сторонъ; ни обвинитель, ни обвиняемый, не нуждаются здѣсь, въ сущности, ни въ какомъ повѣренномъ. Порядокъ обжалованія при-

говора обязательно объясняется судьею сторонамъ вслѣдъ за самымъ объявленіемъ приговора. Апелляціонный или кассаціонный отзывъ можетъ быть предъявленъ недовольною стороною въ двухъ-недѣльный срокъ, и опять словесно. Подача его обусловливаетъ переходъ дѣла на разсмотрѣніе съѣзда мировыхъ судей. Апелляторъ можетъ просить о вызовѣ и передопросѣ подъ присягою свидѣтелей противной стороны (159 ст. уст. уг. суд.), можетъ представить своихъ свидѣтелей и новыя доказательства. Свидѣтели опрашиваются, выслушиваются объясненія сторонъ и заключеніе товарища прокурора, и затѣмъ постановляется съѣздомъ свой приговоръ, коимъ утверждается, отмѣняется или видоизмѣняется приговоръ судьи. Вотъ въ большинствѣ случаевъ весь уголовный процессъ въ двухъ инстанціяхъ мирового суда. Любопытно знать, что̀ нашелъ бы возможнымъ упростить въ немъ г. Ярошъ?

Въ чемъ же г. Ярошъ находитъ возможнымъ упрекнуть производство по уголовнымъ дѣламъ у мировыхъ судей, съ точки зрѣнія простоты процесса? Прежде всего ему не нравится, что по дѣламъ о личныхъ обидахъ, предусмотрѣнныхъ ст. 139—143 уст. о наказ., обвинитель обязывается указать мѣсто жительства обвиняемаго, а судья освобождается отъ обязанности производить розыскъ его. Но если принять во вниманіе, что всѣ проступки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣютъ значеніе исключительно по отношенію къ потерпѣвшему, что преслѣдованіе за нихъ можетъ быть начато только по его жалобѣ, и что отъ него же зависитъ прекратить дѣло примиреніемъ во всякій моментъ производства его, то станетъ вполнѣ понятнымъ требованіе закона, чтобы обвинитель указалъ мѣсто жительства обвиняемаго. Возложеніе на общественную власть обязанности производить самостоятельно розыскъ обвиняемаго, напр., въ нанесеніи обиды словомъ, было бы обремененіемъ ея массою хлопотъ. Къ тому же, по меньшей мѣрѣ, естественно требовать, чтобы лицо, отъ воли котораго зависитъ преслѣдовать или не преслѣдовать обвиняемаго, указало суду, гдѣ найти этого послѣдняго. Далѣе, г. Ярошъ сѣтуетъ на ненаказуемость насилій, совершаемыхъ мужьями надъ женами. Такія сѣтованія ученаго юриста оказываются, однако, неосновательными. Къ побоямъ, нанесеннымъ мужемъ женѣ и представляющимъ характеръ насилія, примѣняется 142-ая ст. уст. о наказ., и виновный приговаривается къ наказанію. Не наказуются только личныя обиды жены мужемъ—и наоборотъ. Не нравится автору и то, что 119-ая ст. уст. уг. суд., предоставляющая судьѣ разрѣшать вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго по внутреннему убѣжденію, требуетъ, однако, чтобы убѣжденіе это основывалось на имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, а не являлось простымъ выраженіемъ лич-

наго произвола судьи. Основательность, скажу болѣе—необходимость такого ограниченія произвола судьи не требуетъ доказательствъ, и можно только удивляться сужденію г. Яроша. Роль судьи въ уголовномъ процессѣ представляется ему не болѣе, какъ ролью посторонняго зрителя, не заинтересованнаго сущностью дѣла и слѣдящаго только за ходомъ борьбы состязующихся. Это замѣчаніе опять невѣрно. Отношеніе къ дѣлу посторонняго зрителя въ существѣ своемъ иное, чѣмъ отношеніе къ нему судьи, обязаннаго изслѣдовать и рѣшить, кто и насколько правъ или виновенъ. Если судья самъ не разыскиваетъ свидѣтелей, то онъ лично подвергаетъ допросу свидѣтелей обѣихъ сторонъ; онъ предлагаетъ часто вопросы и самимъ сторонамъ, онъ обязанъ стараться этимъ путемъ выяснить факты въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, и только послѣ всего этого постановляетъ свой приговоръ по убѣжденію совѣсти. Какой же болѣе активной роли для судьи желалъ бы г. Ярошъ? Замѣнить объективнаго судью обвинителемъ было бы едва ли въ интересахъ справедливости.

Замѣчаніе г. Яроша о размноженіи у насъ лжесвидѣтелей имѣетъ основаніе; но въ появленіи этой язвы едва ли можно винить мировую юстицію. Напротивъ, опытному судьѣ часто удается умѣлымъ допросомъ изобличить ложность свидѣтельскаго показанія, а 119-ая ст. уст. гр. суд. даетъ ему полное право не дать вѣры показаніямъ, заподозрѣннымъ имъ въ фальши. Наконецъ, при очевидности лжи со стороны свидѣтеля, онъ можетъ быть и привлеченъ къ суду, а законъ нашъ къ лжесвидѣтельству относится не мягко. Слѣдовательно, если лжесвидѣтельство и пускаетъ корни въ нашей деревнѣ, то почву для этого доставляетъ не судъ, а иные, внѣ его лежащіе, элементы.

Вотъ все, что̀ нашелъ сказать г. Ярошъ противъ уголовнаго процесса въ мировомъ судѣ съ точки зрѣнія требованія возможно бо̀льшей простоты въ производствѣ. Въ сущности, замѣчанія его или не имѣютъ вѣса, или не относятся прямо къ вопросу о простотѣ производства. Теперь переходимъ къ замѣчаніямъ автора на гражданскій процессъ въ мировомъ судѣ.

Начнемъ и здѣсь съ краткаго изложенія гражданскаго процесса. Лицо, считающее себя въ правѣ предъявить споръ о правѣ гражданскомъ, можетъ обратиться къ судьѣ съ изложеніемъ своего иска не только письменно, но и словесно. При этомъ истецъ представляетъ имѣющіяся у него письменныя доказательства иска или указываетъ свидѣтелей. Одновременно съ этимъ уплачиваются исковыя пошлины и листовой десятикопѣечный сборъ. Судья, послѣ этого, вызываетъ стороны и свидѣтелей, если таковые указаны, ко времени, назначенному имъ для разбора дѣла. Когда искъ основанъ на без-

спорныхъ документахъ, истецъ имѣетъ право просить судью объ обезпеченіи взысканія немедленнымъ арестомъ имущества отвѣтчика. Разбирательство дѣла происходитъ устно, и, по разсмотрѣніи представленныхъ истцомъ доказательствъ и сдѣланныхъ отвѣтчикомъ возраженій, судья постановляетъ свое рѣшеніе, которое, при безспорности иска, можетъ быть допущено къ немедленному исполненію. Апелляціонная жалоба въ съѣздъ мировыхъ судей и здѣсь можетъ быть принесена словесно. Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, весь процессъ, и, конечно, ничего болѣе простого предложить нельзя. Усложненія, на которыя сѣтуетъ г. Ярошъ, зависятъ не отъ самого строя процесса, а отъ большей или меньшей сложности тѣхъ отношеній между сторонами, разсматривать которыя часто приходится суду. Уставъ гражданскаго судопроизводства долженъ былъ предусмотрѣть возможныя усложненія и указать правила для выхода изъ нихъ. Въ этихъ-то безусловно необходимыхъ указаніяхъ закона г. Ярошъ и усматриваетъ ту казуистику, на которую онъ пеняетъ. Прежде всего онъ утверждаетъ, будто мировой судья отказываетъ въ разсмотрѣніи исковъ, вытекающихъ изъ договоровъ аренды земли, какъ неподсудныхъ ему въ силу 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. Здѣсь авторъ впадаетъ въ крупную ошибку. Указанный законъ воспрещаетъ мировымъ судьямъ принимать къ разсмотрѣнію своему „иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, *утвержденномъ на формальномъ актѣ*". Такъ, судья не въ правѣ разбирать спора о правѣ собственности на недвижимое имѣніе; не можетъ онъ разрѣшать спора и о правѣ владѣнія недвижимостью, основанному на вводномъ листѣ. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы споры, возникающіе изъ арендныхъ договоровъ о землѣ и по суммѣ иска не превышающіе 500 р., были неподсудны мировому судьѣ. Это не составляетъ да и не составляло спорнаго вопроса съ самаго учрежденія гласнаго суда. Споры по наслѣдованію опять неподсудны мировому суду только тогда, когда они касаются правъ на недвижимость или же возникаютъ между крестьянами и не превышаютъ суммы 100 р. Слѣдовательно, первое замѣчаніе г. Яроша объясняется только весьма своеобразнымъ пониманіемъ имъ смысла 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. Второе замѣчаніе заключаетъ въ себѣ осужденіе непринятія свидѣтельскихъ показаній въ доказательство долга. Законъ дѣйствительно требуетъ подтвержденія долга письменнымъ обязательствомъ и потому не допускаетъ допроса свидѣтелей въ доказательство займа. Но, осуждая такое требованіе закона, имѣлъ ли г. Ярошъ въ виду тò, чтó самъ онъ говоритъ о распространеніи лжесвидѣтельства не только въ средѣ подонковъ городского, но и въ средѣ сельскаго населенія? Подумалъ ли онъ о томъ, что если теперь,

за отсутствіемъ письменнаго долгового документа, иной довѣрчивый заимодавецъ, положившійся на совѣсть лица, котораго ссудилъ деньгами, и лишенъ бываетъ возможности взыскать съ должника данную ему сумму, — зато всѣ сколько-нибудь состоятельные люди избавлены отъ постоянной опасности подвергаться взысканіямъ въ пользу разныхъ проходимцевъ, подыскавшихъ себѣ двухъ-трехъ беззастѣнчивыхъ лжесвидѣтелей. Съ допущеніемъ доказывать существованіе долга свидѣтелями открылся бы весьма удобный и безопасный способъ черпать деньги въ чужомъ карманѣ. Этого-то и не хотѣлъ допустить законодатель, и предпочелъ пожертвовать интересами отдѣльныхъ, слишкомъ довѣрчивыхъ, заимодавцевъ, чѣмъ отдавать всѣхъ состоятельныхъ людей въ жертву всякимъ мошенникамъ.

Не нравится г. Ярошу и то, что законъ устанавливаетъ шестимѣсячный срокъ со дня нарушенія владѣнія, для предъявленія исковъ о возстановленіи его мировымъ судьею. Конечно, продолжительность этого срока могла быть установлена та или другая, но основанія для точнаго ея опредѣленія въ этомъ случаѣ были весьма серьезныя. Законодатель, имѣя вообще въ виду оградить фактическихъ владѣльцевъ недвижимой собственности отъ нарушеній ихъ владѣнія, предоставилъ разрѣшеніе исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія мировому суду, какъ наиболѣе простому и скорому. При этомъ требуется отъ истца установить только фактъ владѣнія и констатировать нарушеніе его; въ разсмотрѣніе самаго права владѣнія судьѣ входить не разрѣшается. Предоставляя, однако, фактическимъ владѣльцамъ такую льготу на упрощенный процессъ возстановленія владѣнія, законодатель потребовалъ отъ нихъ предъявленія иска въ шестимѣсячный срокъ со дня самаго нарушенія владѣнія. Такое требованіе, во-первыхъ, отнюдь не стѣснительно, такъ какъ всякій, чье владѣніе нарушается и интересы отъ того страдаютъ, естественно долженъ спѣшить добиться возстановленія своего владѣнія. Шести мѣсяцевъ, конечно, болѣе чѣмъ достаточно даже и для самаго медлительнаго человѣка, чтобы собраться заявить судьѣ о своемъ требованіи. Во-вторыхъ, самый способъ установленія факта и размѣровъ нарушенія владѣнія почти исключительно чрезъ опросъ свидѣтелей сдѣлался бы мало пригоднымъ и цѣлесообразнымъ при разсмотрѣніи дѣла спустя продолжительное время послѣ самаго случая нарушенія. Необходимыя подробности изглаживаются современемъ изъ памяти свидѣтелей, и можетъ понадобиться, для выясненія дѣла, разсмотрѣніе документовъ, опредѣляющихъ права тяжущихся на спорную недвижимость. Вотъ почему, пропустившему шестимѣчный срокъ предоставляется искать возстановленіе своего права только путемъ болѣе формальнымъ. Добавлю, что случаи пропуска срока на предъяв-

леніе мировому судьѣ иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія встрѣчаются въ дѣйствительности только какъ весьма рѣдкое исключеніе. Заявляю я это на основаніи моей восемнадцатилѣтней практики въ харьковскомъ мировомъ округѣ, гдѣ мелкое крестьянское землевладѣніе очень распространено, и гдѣ, поэтому, число исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія сравнительно большое. Если шестимѣсячнаго срока никогда почти не пропускаютъ крестьяне, не прибѣгающіе, въ большинствѣ случаевъ, къ посредству повѣренныхъ, то людямъ, принадлежащимъ къ болѣе образованнымъ сословіямъ, ссылаться, въ этомъ случаѣ, на невѣденіе требованія закона — не приходится.

Предубѣжденный взглядъ г. Яроша усматриваетъ усложненіе процесса въ требованіи закона, чтобы искъ предъявлялся по мѣсту постояннаго или временного жительства отвѣтчика. Ужъ не желалъ ли бы онъ предоставленія истцу права предъявлять искъ по мѣсту собственнаго своего мѣстопребыванія? Для истцовъ это было бы, конечно, удобно, но что̀ сказали бы лица, привлекаемыя къ отвѣту часто совершенно неосновательно,—или, по мнѣнію г. Яроша, законъ обязанъ охранять интересы однихъ истцовъ? Осуждаетъ авторъ и процедуру врученія повѣстокъ сторонамъ и свидѣтелямъ; но въ чемъ она можетъ быть измѣнена—онъ не поясняетъ.

Возможность постановленія опредѣленій по частнымъ вопросамъ, возможность существованія законныхъ основаній для предъявленія отводовъ, для привлеченія къ дѣлу третьихъ лицъ и т. п. частныя усложненія процесса признаются г. Ярошемъ за недостатки въ самомъ строѣ процесса судопроизводства. Онъ не желаетъ видѣть того, что сложность самихъ взаимныхъ отношеній лицъ, предъявляющихъ свой споръ на разсмотрѣніе суда, дѣлаетъ неизбѣжнымъ установленіе и правилъ для разрѣшенія частныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ практикою жизни. Что̀ бы сказалъ самъ г. Ярошъ, еслибы законъ, игнорируя все многообразіе и сложность гражданскихъ сдѣлокъ между людьми, организовалъ судъ, по своей элементарной простотѣ и неизмѣнности формы процесса способный только разсѣкать, а не разбирать въ подробностяхъ взаимныя неудовольствія сторонъ? Можно съ увѣренностью сказать, что авторъ самъ испугался бы своего упрощеннаго суда.

Въ заключеніе разсматриваемаго отдѣла брошюры, г. Ярошъ утверждаетъ, что сельское населеніе недовольно мировымъ судомъ и предпочитаетъ свой волостной судъ. Онъ ссылается въ подтвержденіе этого на „Труды" коммиссіи о волостныхъ судахъ.

Состоя непрерывно съ 1869 г. членомъ харьковскаго съѣзда мировыхъ судей, я лично могу увѣрить г. Яроша, что то̀, что̀ онъ утверж-

даетъ, далеко не вѣрно. Крестьяне не только не избѣгаютъ обращаться къ мировымъ судьямъ съ исками, но сплошь и рядомъ, въ случаяхъ самыхъ незначительныхъ правонарушеній, предъявляютъ иски именно мировымъ судьямъ, а не волостному суду. При этомъ, случаи предъявленія отвѣтчикомъ отвода о неподсудности дѣла относительно рѣдки. Къ тому же очень часто истецъ умышленно увеличиваетъ сумму иска свыше 100 р., чтобы устранить возможность спора о подсудности, а затѣмъ остается вполнѣ удовлетворенъ присужденіемъ ему судьею иногда какихъ-нибудь 5—6 р., вмѣсто требовавшейся имъ значительной суммы. Число уголовныхъ дѣлъ объ обидахъ между крестьянами, разбираемыхъ мировыми судьями за незаявленіемъ сторонами спора о подсудности, также весьма значительно. Скажу даже, что если отводы и заявляются иногда, то дѣлается это стороною явно неправою, разсчитывающею на возможность пустить въ своемъ волостномъ судѣ въ дѣйствіе магарычъ или личное вліяніе на сельскихъ заправилъ. Объ аналогичномъ положеніи дѣла и въ предѣлахъ другихъ мировыхъ округовъ также не разъ мнѣ приходилось получать свѣденія. Слѣдовательно и послѣдній выводъ г. Яроша далеко не можетъ быть признанъ за вѣрный вообще.

Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему отдѣлу замѣчаній автора, въ которыхъ онъ критикуетъ уставы—за проволочки, будто бы допускаемыя ими въ производствѣ дѣлъ.

Г-нъ Ярошъ указываетъ прежде всего на то, что послѣ подачи судьѣ жалобы или исковой просьбы сторонамъ приходится ожидать полученія повѣстокъ о вызовѣ на судъ черезъ двѣ недѣли, мѣсяцъ и даже болѣе. Относительно этого слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, что назначеніе дня разбирательства дѣлается судьею обыкновенно немедленно по принятіи жалобы или исковой просьбы, такъ что лицу, подавшему просьбу лично, объ этомъ объявляется тутъ же, и повѣстки посылать ему не приходится. Самый день разбирательства дѣла назначается по разсчету времени, необходимаго для извѣщенія повѣстками отвѣтчика (обвиняемаго) и указанныхъ стороною свидѣтелей. Въ уѣздахъ, гдѣ повѣстки приходится вручать черезъ волостныя правленія, дѣйствительно нельзя назначить разборъ дѣла ранѣе чѣмъ черезъ 10—15 дней. При спорахъ между горожанами срокъ этотъ сокращается часто до 2—3 дней. Какъ же, однако, избѣжать необходимости извѣщенія отвѣтчика (обвиняемаго) и свидѣтелей о днѣ разбора дѣла? Или г. Ярошъ допускаетъ возможность рѣшать дѣла по одной просьбѣ истца или обвинителя, безъ вызова противной стороны? Отсрочка разбирательства за неявкою свидѣтеля, на допросѣ котораго настаиваетъ сославшаяся на него сторона, опять не по-сердцу г. Ярошу. Но какъ же въ такихъ случаяхъ поступать: неужели допустить отказъ сторонѣ

въ возможности подтвердить свое право, о которомъ она заявляетъ? Неявка отвѣтчика (или обвиняемаго), получившаго повѣстку, не препятствуетъ постановленію заочнаго рѣшенія. Этого г. Ярошъ не осуждаетъ, но онъ видитъ допущеніе затяжки въ предоставленіи закономъ отвѣтчику (обвиняемому) права на подачу отзыва о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія имъ копіи съ заочнаго рѣшенія. Неужели г. Ярошъ отнятіемъ—у обвиняемаго и приговореннаго заочно къ наказанію—права на подачу отзыва желаетъ лишить его всякой возможности остановить исполненіе приговора, состоявшагося безъ оцѣнки его оправданій? Копія съ заочнаго приговора получается обвиняемымъ весьма часто уже по истеченіи срока на принесеніе апелляціи. Столь же часто неявка обвиняемаго къ разбирательству дѣла обусловливается вполнѣ законными причинами, и у него имѣются несомнѣнныя доказательства невиновности. Или всѣмъ этимъ законъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ пренебречь во имя одной только скорости окончанія производства дѣла во что бы то не стало? Иначе нѣсколько обставлено постановленіе заочнаго рѣшенія въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь, помимо обезпеченія иска, въ дѣлахъ безспорныхъ допускается и предварительное исполненіе заочнаго рѣшенія, а это дѣйствительный коррективъ противъ стараній отвѣтчика затянуть производство дѣла: до подачи отзыва на заочное рѣшеніе взысканіе оказывается уже нерѣдко произведеннымъ, и это отнимаетъ у отвѣтчика самый поводъ къ подачѣ отзыва. Двухнедѣльный срокъ на подачу отзыва на заочный приговоръ (или рѣшеніе) едва ли имѣетъ право признавать слишкомъ продолжительнымъ г. Ярошъ, находящій, какъ мы видѣли выше, недостаточнымъ шести мѣсяцевъ для предъявленія исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно двухнедѣльнаго срока на подачу апелляціоннаго и кассаціоннаго отзывовъ на приговоры мировыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ. По дѣламъ гражданскимъ, гдѣ срокъ на обжалованіе рѣшенія судьи мѣсячный, по всѣмъ безспорнымъ дѣламъ (ст. 138 уст. гр. суд.) допускается предварительное исполненіе, а рѣшенія по искамъ, не свыше 30 р., приводятся въ исполненіе независимо отъ обжалованія рѣшенія судьи въ кассаціонномъ порядкѣ. Наконецъ, разсрочка взысканія допускается только при самомъ постановленіи рѣшенія и включается въ текстъ резолюціи; при томъ законъ опредѣляетъ самыя условія, при которыхъ она можетъ быть допущена. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, уставы судопроизводства отнюдь не даютъ обвиняемымъ и отвѣтчикамъ возможности безосновательно оттягивать постановленія и исполненія судебныхъ рѣшеній. Всѣ указанныя замѣ-

чанія г. Яроша оказываются поэтому лишенными дѣйствительнаго основанія.

Этимъ, въ сущности, и заканчиваются замѣчанія г. Яроша на уставы уг. и гр. судопроизводства. Слѣдуютъ въ заключеніе общія сѣтованія на то, что при усматриваемой авторомъ сложности и продолжительности процесса людямъ по-неволѣ приходится или прибѣгать къ самоуправству, или отказываться отъ преслѣдованія нарушителя права или обидчика. Для иллюстраціи приводятся примѣры, но они едва ли подтверждаютъ то, что желалъ доказать авторъ. Указывается, съ одной стороны, на затруднительность для домохозяина выжить изъ дома занимающаго квартиру, но не платящаго за нее денегъ жильца. Здѣсь упускается изъ виду, что такіе иски возникаютъ почти исключительно въ городахъ, что здѣсь разборъ дѣла слѣдуетъ обыкновенно весьма скоро за подачею исковой просьбы, и что, наконецъ, въ виду 138-ой ст. уст. гр. суд., рѣшеніе судьи о выводѣ изъ квартиры жильца всегда почти допускается къ предварительному исполненію. Слѣдовательно, ожидать вывода изъ квартиры неплатящаго денегъ жильца домохозяину, обратившемуся къ мировому судьѣ, приходится въ дѣйствительности весьма не долго. Случай съ помѣщицею, которую обругалъ нищій, въ томъ видѣ, въ какомъ сообщаетъ его г. Ярошъ, ровно ничего не доказываетъ. Случай съ артелью работницъ на табачной плантаціи въ окрестностяхъ Севастополя точно также ничего не говоритъ въ подкрѣпленіе тезисовъ г. Яроша. Онъ свидѣтельствуетъ развѣ о томъ, что мошенникъ можетъ надувать своихъ контрагентовъ, но онъ не подтверждаетъ, чтобы обманъ сходилъ безнаказанно съ рукъ по винѣ закона. Наконецъ, послѣдній примѣръ юноши, желавшаго скорѣе уплатить незначительный денежный штрафъ за проступокъ, въ которомъ онъ обвинялся, чѣмъ подвергнуться вызову на судъ второю инстанціею, очевидно не болѣе какъ фельетонный анекдотъ, а никакъ не аргументъ, что-либо доказывающій.

Изо всего, имъ самимъ высказаннаго, г. Ярошъ не выводитъ никакихъ опредѣленныхъ, положительныхъ заключеній, а ограничивается общимъ замѣчаніемъ о необходимости „какихъ-либо измѣненій, которыя привели бы законоположенія наши въ согласіе съ требованіями живой дѣйствительности“. Вотъ весь плодъ разсужденій автора, плодъ очевидно тощій и не оправдывающій даже механическаго труда, затраченнаго на написаніе 57 печатныхъ страницъ.

Разсмотрѣвъ, одно за другимъ, всѣ замѣчанія г. Яроша о кажущихся ему несовершенствахъ нашей мировой юстиціи и констатировавъ отсутствіе, въ итогѣ автора, какого-либо положительнаго вывода, за исключеніемъ избитаго общаго мѣста, что существующее вызы-

ваетъ-молъ желаніе усовершенствованій въ будущемъ, мы возвращаемся къ двумъ вопросамъ, поставленнымъ нами съ самаго начала, а именно: какую положительную цѣль имѣлъ ученый юристъ, издавая свое „сочиненіе"? Какія мысли и заключенія желалъ онъ развить въ назиданіе читателю?

Если г. Ярошъ имѣлъ въ виду подвергнуть наши судебные уставы серьезной критикѣ и обнаружить ихъ дѣйствительные недостатки, то выполнилъ онъ свое намѣреніе, по меньшей мѣрѣ, неудачно. Замѣчанія автора, какъ мы видѣли, или обличаютъ его недостаточное знакомство съ текстомъ самихъ уставовъ и съ существующею судебною практикою (примѣрами могутъ служить его замѣчанія на 1 п. 31 ст. уст. гр. суд., его сѣтованіе по поводу ненаказуемости будто бы насилій мужа надъ женою, его заявленіе о трудностяхъ, встрѣчающихся при редактированіи и подачѣ исковой просьбы, и нѣкоторыя другія), или оказываются совершенно неосновательными, какъ заключающія въ себѣ требованія, послѣдствій которыхъ самъ авторъ, повидимому, не взвѣсилъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, напримѣръ, отнести замѣчанія относительно заочныхъ приговоровъ, вызова сторонъ къ разбирательству дѣла, и нѣк. друг. Въ итогѣ, вся совокупность замѣчаній г. Яроша не выдерживаетъ даже поверхностной критики: по разборѣ ихъ ничего въ результатѣ не остается, и самъ авторъ заключилъ свое „сочиненіе" самымъ избитымъ общимъ мѣстомъ. Въ виду этого, трудно опредѣлить и самую цѣль автора при изданіи разсмотрѣнной брошюры.

Точно также и на второй вопросъ отвѣтъ получается весьма мало удовлетворительный для автора. Онъ самъ, въ заключительныхъ словахъ своихъ, выражаетъ, что не имѣетъ, въ сущности, ничего сообщить читателю, кромѣ общей заключительной фразы. Для этого писать и издавать брошюру не стоило, особенно лицу, самое положеніе котораго обязываетъ его относиться серьезно и къ предмету, о которомъ онъ берется писать, и къ читающей публикѣ, имѣющей право ожидать отъ него не фельетонныхъ пріемовъ сужденій, а зрѣло взвѣшенныхъ выводовъ.

Д. Деларю.

Харьковъ, 1888.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го августа 1888.

Канунъ тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новицкаго.—Итоги первыхъ девяти вѣковъ, и задачи послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія за послѣднія 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и современное финансовое положеніе города.—Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг.

На долю нынѣ живущихъ поколѣній выпало проводить въ вѣчность предпослѣднее, девятое столѣтіе—и вступить въ послѣднее, которымъ заключится при слѣдующихъ уже поколѣніяхъ полное тысячелѣтіе окончательнаго утвержденія христіанства въ Россіи. Въ 988 году внукъ великой княгини кіевской св. Ольги, великій князь кіевскій Владиміръ святой, вмѣстѣ съ рукою византійской царевны Анны, принялъ св. крещеніе, почти еще за сто лѣтъ до полнаго раздѣленія вселенской церкви на восточную и западную—во второй половинѣ XI-го вѣка. Значеніе великаго акта, введшаго насъ въ общую семью историческихъ народовъ, и притомъ самостоятельнымъ ея членомъ—для насъ таково же, какимъ было для всего міра утвержденіе христіанства въ всемірной римской имперіи въ IV-мъ вѣкѣ, при римскомъ императорѣ Константинѣ Великомъ, избравшемъ тогда же новою столицею древнюю Византію—съ того времени Константинополь.

Настоящее повсемѣстное въ Россіи торжественное чествованіе этого, такъ сказать, кануна тысячелѣтія христіанства въ Россіи, въ день памяти св. Владиміра, 15-го іюля, совершалось нынѣ въ первый разъ—и притомъ, можно сказать, всенародно, такъ какъ уничтоженіе крѣпостного права принадлежитъ къ крупнымъ итогамъ, хотя и не далекаго, но уже прошедшаго времени, а не къ числу тяжелыхъ задачъ будущаго. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, даже и представить всенародное торжество, какимъ было настоящее, сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда пришлось бы встрѣтиться въ жизни съ такимъ гражданскимъ порядкомъ, какого не знала эпоха введенія христіанства въ Россіи, ни даже предшествующая ей эпоха язычества. Конечно, узы народнаго невѣжества, грубость общественныхъ нравовъ—не могутъ быть отмѣняемы какимъ-нибудь актомъ, въ одинъ день, какъ былъ отмѣненъ ихъ постоянный источникъ—крѣпостное

право, но то, что сдѣлано уже для просвѣщенія народа усиліями правительства, земства и городовъ, а для исправленія общественныхъ нравовъ—путемъ земской и судебной реформы, въ какую-нибудь четверть вѣка, говоритъ о легкой возможности воспользоваться предстоящею послѣднею сотнею тысячелѣтія христіанства въ Россіи такъ, что наше ближайшее потомство уже не услышитъ, при повтореніи юбилейнаго торжества, тѣхъ сѣтованій на темноту народной массы и безнравіе общества, какими сопровождались размышленія о настоящемъ торжествѣ въ наше время. Если достаточно было двадцати-пяти лѣтъ для того, чтобы намъ уже теперь казалось многое изъ недавней дѣйствительности почти сказочнымъ, то тѣмъ болѣе возможно, что, вѣкъ спустя, наше потомство будетъ въ состояніи точно также относиться къ нашей, далекой для нихъ, современности, какъ мы теперь относимся къ сравнительно болѣе близкой.

Нѣтъ сомнѣнія, что умственное и нравственное состояніе нашихъ народныхъ массъ дѣйствительно не таково, чтобы можно было, судя по нимъ, заключить, что насъ отдѣляютъ уже девять вѣковъ отъ эпохи введенія христіанства, всеобщаго источника новѣйшей цивилизаціи, и доказательства тому у всѣхъ предъ глазами, ими наполняются почти ежедневно столбцы газетъ, а публичность суда и ничѣмъ не стѣсняемая доступность для печати обсуждать и сообщать все, что касается дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій, сдѣлали только болѣе очевиднымъ то, что̀ прежде оставалось у прежнихъ учрежденій въ тѣни. Намъ случилось наканунѣ самаго торжества встрѣтить, между прочимъ, въ газетахъ весьма интересную рѣчь, произнесенную ректоромъ витебской духовной семинаріи, о. протоіереемъ Іаковомъ Новицкимъ, именно на эту самую тэму—о томъ умственномъ и нравственномъ убожествѣ народныхъ массъ и общественной распущенности, среди которыхъ застало насъ настоящее празднество.

„Что же сдѣлано для религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа,—вопрошаетъ ораторъ, конечно, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, дѣятельность церкви,—не говоримъ въ теченіе девяти вѣковъ, ибо судить объ этомъ не мѣсто и не время (?), а что сдѣлано для этой цѣли въ нашъ просвѣщенный вѣкъ? Далеко ли ушелъ въ наше время русскій народъ по тому пути, какой указанъ и завѣщанъ ему Владиміромъ святымъ?

„Съ глубокимъ прискорбіемъ мы должны констатировать фактъ, что впередъ онъ не ушелъ, а сдѣлалъ не мало шаговъ назадъ, что уровень религіозно-нравственнаго развитія народа значительно понизился въ наше время, подъ вліяніемъ духа (?!) нашего времени“...

„Основныя религіозныя представленія и понятія народа такъ же

темны и сбивчивы, главные догматы вѣры такъ же неопредѣленны, какъ и въ прежнее время, попрежнему нашъ народъ опутанъ множествомъ грубыхъ суевѣрій и нелѣпыхъ предразсудковъ, попрежнему онъ стоитъ съ закрытыми глазами передъ книгой живота вѣчнаго—не понимаетъ смысла и значенія обрядовъ православной церкви не разумѣетъ того, что̀ видитъ и слышитъ въ храмѣ Божіемъ; попрежнему, наконецъ, даже молиться, какъ должно, не умѣетъ!..

„Столь же мрачную картину представляетъ и нравственная жизнь народа. Нравственность народа стоитъ въ прямой зависимости отъ религіозности его. Какъ бы ни были темны и неправильны религіозныя представленія народа, какъ бы ни были нелѣпы предразсудки и суевѣрія, которыми восполняетъ народъ дефицитъ въ религіозныхъ познаніяхъ своихъ, они неизбѣжно являются главными регуляторами нравственной дѣятельности его", и т. д.

Какъ ни печаленъ такой приговоръ, высказанный притомъ столь компетентнымъ сравнительно съ нами лицомъ, но, признаемся, трудно было бы и не намъ возражать ему въ виду дѣйствительныхъ фактовъ будничной народной жизни, свидѣтельствующихъ объ основательности приговора; мы не можемъ только хорошо уразумѣть, что̀ хотѣлъ сказать почтенный ораторъ, объясняя ухудшеніе нравовъ народныхъ и пониженіе его умственныхъ силъ „вліяніемъ *духа* нашего времени". Если онъ подъ этимъ разумѣетъ такъ-называемое „тлетворное вліяніе Запада", то и онъ, вѣроятно, согласится съ нами, что до народныхъ массъ не вполнѣ достигла даже еще простая русская грамотность, а о проникновеніи „духа нашего времени" въ народъ не можетъ быть и рѣчи. Ораторъ, правда, указываетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ нашъ „гуманный, просвѣщенный вѣкъ"—проводниками цивилизаціи въ народѣ являются нерѣдко фабрики, заводы и т. п. цивилизующія силы"; но тогда зачѣмъ же было говорить, что умственныя и нравственныя силы народа понизились, будто бы, „подъ вліяніемъ духа нашего времени"? Насколько непонятно послѣднее, настолько справедливо первое, а въ такомъ случаѣ не слѣдовало ли бы оратору отдать справедливость „духу нашего времени", такъ какъ этотъ духъ именно и состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить „фабрики, заводы и т. п. цивилизующія силы"—народною школою, облегчить опасности тяжелаго народнаго труда медицинскою помощью, улучшить народный бытъ устройствомъ крестьянскихъ банковъ, однимъ словомъ, сдѣлать все то, что является для государства и общества возможнымъ въ первый разъ только послѣ уничтоженія крѣпостного права, и что̀ было почти немыслимо въ эпоху его господства.

Между тѣмъ ораторъ, очевидно, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „духъ нашего времени“ и „фабрики, заводы и тому подобныя цивилизующія силы“, т.-е. трактиры, кабаки,—одно и то же! — такъ какъ далѣе онъ говоритъ уже слѣдующее:

„Измѣнить указанное отношеніе (т.-е. умственное и нравственное паденіе народа) не могутъ никакія реформы (?), никакія улучшенія (?!) народнаго быта. Потому-то и *величайшее* событіе, совершившееся въ наше время въ жизни народа и долженствовавшее, повидимому (?), оказать самое благотворное вліяніе на народную нравственность—разумѣемъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—на дѣлѣ не только не улучшило (!) народной нравственности, но повело (!!) къ печальнымъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіямъ. Освобожденный отъ рабства физическаго и не владѣя достаточной для нравственнаго самоопредѣленія степенью развитія (которой, скажемъ мимоходомъ, онъ вовсе не имѣлъ, именно благодаря крѣпостному праву, при которомъ и никогда бы ея не достигъ), нашъ народъ быстрыми шагами пошелъ по пути нравственной распущенности. Порочность возросла (?) количественно и качественно; усилилось пьянство, ослабѣло чувство законности; умножились насилія и несправедливости всякаго рода“,—но остановимся на этомъ, такъ какъ и этого болѣе чѣмъ довольно, для того, чтобы выяснилась сама собою основная мысль оратора о злосчастныхъ и бѣдственныхъ послѣдствіяхъ „освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, которое, однако, онъ тутъ же называетъ „величайшимъ“ событіемъ нашего времени—эпитетъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ того же оратора на пагубныя послѣдствія этого „величайшаго событія“. Но дѣло въ томъ, что событіе было дѣйствительно „величайшимъ“,—только ораторъ самопроизвольно связалъ съ нимъ вышеописанныя явленія народной жизни; объяснять ихъ уничтоженіемъ крѣпостного права было бы столь же основательно, какъ еслибы кто объяснялъ дождливые дни лѣта 1861 года освобожденіемъ крестьянъ въ февралѣ того же года. Крѣпостное право, хотя въ разныхъ формахъ, но существовало повсюду — и повсюду уже уничтожено, притомъ вовсе не такъ давно; почему же нигдѣ уничтоженіе крѣпостного права не повлекло за собою никакихъ печальныхъ послѣдствій, въ родѣ исчисленныхъ ораторомъ въ Россіи? Очевидно, почтенный ораторъ принялъ „post hoc“—послѣ того—за „propter hoc“—потому. Да еще и самый „post hoc“ требуетъ доказательствъ: очень возможно, что, при болѣе точномъ сравненіи умственнаго и нравственнаго уровня народа въ наше время и сто лѣтъ тому назадъ, оказалось бы, что какъ ни худо настоящее, но все же оно

гораздо лучше того, чтó остается позади, хотя бы уже и потому, что послѣднее не подавало и надежды на что-нибудь лучшее.

На нынѣшнемъ торжествѣ 900-лѣтія присутствовало не мало представителей единовѣрныхъ намъ славянъ, но зато отсутствовали наши же ближайшіе соплеменники, исчисляемые милліонами; это—старовѣры и вообще сектанты, которыхъ, притомъ, никто не упрекаетъ въ тѣхъ порокахъ, которые ставятся въ вину другой части нашего народа. Нельзя не пожелать, чтобы такое ихъ отсутствіе не повторилось при новомъ и еще болѣе торжественномъ юбилеѣ, сто лѣтъ спустя. Въ нашемъ же прошедшемъ есть образцы того, какъ нѣкоторыя мѣры содѣйствовали къ нашему сближенію съ старовѣрами, и какъ нѣкоторыя еще болѣе затрудняли это сближеніе,—и этого уже довольно, чтобы знать, чѣмъ слѣдуетъ руководиться въ будущемъ для достиженія вышеназванной цѣли. Во всякомъ случаѣ это составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ будущаго.

Въ отношеніи внѣшнемъ, политическомъ, введеніе христіанства въ Россіи путемъ именно восточной римской имперіи, а не западной, привело къ результатамъ самымъ желательнымъ, въ смыслѣ внѣшней духовной независимости нашей народной церкви, чтó нельзя не признать самымъ существеннымъ благомъ въ судьбѣ каждой страны. Эпоха введенія христіанства въ Россіи была уже началомъ политическаго паденія восточной римской имперіи и разложенія ея цивилизаціи, сдѣлавшаго ее потомъ легкою добычею турокъ въ XV столѣтіи, а потому, при отдаленности Россіи, политическое вліяніе Византіи не могло имѣть для нея тѣхъ же послѣдствій, какія испытали другія славянскія народности, или совсѣмъ эллинизированныя, или поставленныя въ тѣсную церковную зависимость отъ Константинополя. Въ теченіе двухсотлѣтняго тяжелаго для насъ періода монгольскаго ига Византія не сдѣлала никакихъ усилій къ тому, чтобы освободить своихъ новыхъ единовѣрцевъ—такъ слабы были политическія связи между нами и византійскою имперіею; а когда мы окончательно свергли монгольское иго, она почти вслѣдъ затѣмъ была уже завоевана турками, вслѣдствіе полнаго своего нравственнаго изнеможенія. Правда, изъ Византіи къ намъ проникали первыя начала наукъ и искусствъ, но, къ сожалѣнію, для самой Византіи эта эпоха была, какъ мы уже сказали, эпохою паденія цивилизаціи, а потому о вліяніи ея на наши нравы — современные намъ славянофилы могли бы съ полною основательностью сказать то же и почти тѣми же словами, чтò они говорятъ теперь о „тлетворномъ“ вліяніи Запада, съ тою только разницею, что современный намъ Западъ имѣетъ

мало общаго съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилась Византія наканунѣ ея завоеванія турками.

Какова могла бы быть наша участь, еслибы мы не успѣли достигнуть самостоятельности народной церкви, можно судить по тому положенію, какое испытали на себѣ другія славянскія народности, оставаясь въ духовномъ подчиненіи у византійскаго духовенства. Читатели могутъ познакомиться ближе съ этимъ вопросомъ по статьѣ, помѣщенной у насъ выше: „Греко-болгарская распря въ шестидесятыхъ годахъ" нынѣшняго вѣка, Ѳ. С. Бурмова-Стоянова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ Болгаріи; онъ писалъ по личнымъ воспоминаніямъ, а слѣдовательно былъ близко знакомъ и съ предметомъ изслѣдованія, и съ дѣйствующими лицами,—дѣйствіе же происходило какихъ-нибудь 25 лѣтъ тому назадъ!

Если взгляды на значеніе „величайшаго" событія нашей новѣйшей исторіи, подъ которымъ разумѣютъ уничтоженіе крѣпостного права, бываютъ иногда, какъ мы только-что видѣли, крайне оригинальны и своеобразны, — то, съ другой стороны, дѣятельность земскаго и городского общественнаго управленія хотя и обращаетъ на себя вниманіе и нашего общества, и печати, но, къ сожалѣнію, помимо предвзятыхъ идей, такому вниманію далеко не соотвѣтствуетъ степень серьезнаго знакомства и въ обществѣ, и въ печати, съ дѣятельностью этого управленія, съ ея условіями и результатами. Не будемъ говорить о земствѣ,—ему у насъ посвящено выше Внутреннее Обозрѣніе, по случаю наступающаго 25-лѣтія земства, 1-го января 1889 г. Остановимся на городскомъ общественномъ управленіи, которому исполнится въ будущемъ году 15 лѣтъ,—и это тѣмъ болѣе кстати, что недавно появились въ Москвѣ и Одессѣ отчеты за цѣлые прошедшіе періоды мѣстнаго городского общественнаго управленія: въ Одессѣ вышелъ въ свѣтъ „Отчетъ за десятилѣтіе, 1878—1887 гг.", а въ Москвѣ появился первый выпускъ отчета по городскому хозяйству за 25-лѣтіе, т.-е. за десятилѣтній періодъ до введенія Городового Положенія 1870 г., и за 15 лѣтъ по введеніи его въ дѣйствіе въ 1873 г. Начнемъ съ менѣе крупнаго городского хозяйства, и затѣмъ перейдемъ къ болѣе крупному: въ Одессѣ около 220 тыс. жителей, а въ Москвѣ—до 750.000; въ Петербургѣ, безъ пригородовъ, 862 тысячи (1881 г.).

О степени важности Одессы, какъ одного изъ нашихъ первоклассныхъ городовъ, можно заключить уже изъ того, что она одна

(кромѣ Риги) въ Городовомъ Положеніи 1870 г. приравнивается очень часто къ столицамъ, и многія исключенія, допущенныя закономъ для послѣднихъ, допускаются также и для Одессы, какъ весьма важнаго портоваго города и одного изъ главныхъ центровъ нашей отпускной и преимущественно хлѣбной торговли. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство было причиною также и того, что восточная война 1877 года нигдѣ не отразилась столь неблагопріятно на благосостояніи города и его финансахъ, какъ именно въ Одессѣ: въ 1878 г. одесское городское общественное управленіе испытало тяжкій кризисъ, который прежде всего выразился въ огромномъ для Одессы дефицитѣ городского бюджета: на 1878 г. по росписи было исчислено доходовъ всего на 1.340.000 руб., а расходовъ предстояло на 1.617.000 руб., т.-е. около 300 тысячъ дефицита! Прошло съ того тяжелаго времени не болѣе 10 лѣтъ, и городская роспись Одессы на текущій 1888 годъ представляетъ уже слѣдующую, по истинѣ завидную для другихъ городовъ картину: на 1888 г. исчислено доходовъ—2.734.000 р., а расходовъ—2.605.000 р., т.-е. около 130.000 остатка!! При этомъ нужно еще замѣтить, что послѣдняя городская роспись, заключенная въ Одессѣ съ дефицитомъ, была въ 1879 году. Такое быстрое исправленіе, можно сказать, отчаяннаго финансоваго положенія города, когда въ 1878 году текущій доходъ могъ покрыть только 3/4 расходовъ, а десять лѣтъ спустя не осталось и помину о такомъ дефицитѣ,—вызоветъ еще большее удивленіе, если привести въ подробности тѣ факты, которыми ознаменовало свою дѣятельность одесское городское общественное управленіе именно въ теченіе этихъ самыхъ десяти лѣтъ. Уравновѣшеніе городской росписи, перешедшее, наконецъ, въ текущемъ году въ значительное превышеніе доходовъ надъ расходами, произошло, какъ оказывается, вовсе не путемъ отказа городу въ удовлетвореніи его нуждъ и потребностей, — напротивъ, одесская городская дума въ послѣднее десятилѣтіе отличалась особенною предпріимчивостью и успѣла дать на дѣлѣ своему городу многое изъ того, что̀ еще до сихъ поръ составляетъ предметъ только проектовъ и плановъ даже для столичныхъ городовъ имперіи. Какъ ни важно благоустройство и увеличеніе больницъ, но то, что̀ уменьшаетъ потребность въ больницахъ, какъ, наприм., оздоровленіе города устройствомъ канализаціи—должно быть поставлено еще выше. Одесса имѣетъ канализацію, и именно въ послѣднія 10 лѣтъ, несмотря на упомянутыя финансовыя затрудненія, дѣло распространенія канализаціи росло постоянно, а мимоходомъ получалась и новая польза, а именно, благодаря канализаціи, городъ могъ приступить къ орошенію и оплодотворенію солончаковъ, обращенныхъ

такимъ образомъ въ огороды; въ отношеніи канализаціи и Петербургъ можетъ серьезно позавидовать Одессѣ. Особенно послѣднее пятилѣтіе выдалось по чрезвычайной дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія на разныхъ поприщахъ исполненія имъ обязанностей, возлагаемыхъ на думу и закономъ, и довѣріемъ избирателей. Такъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ городское общественное управленіе соорудило центральную скотобойню, какую и мы, въ Петербургѣ, имѣемъ также не очень давно; помимо чрезвычайно важнаго санитарнаго значенія скотобойни, она приноситъ городу Одессѣ дохода около 250.000 рублей [1]), и слѣдовательно служитъ хорошею поддержкой городскихъ средствъ. Въ этотъ же періодъ времени городъ отстроилъ казарменныхъ помѣщеній на 257 т. р., инвалидный домъ на 100 человѣкъ и отдѣленіе богадельни; открылъ городскихъ и народныхъ училищъ болѣе чѣмъ на 1.800 учащихся, съ тремя ремесленными отдѣленіями; замостилъ тесанымъ камнемъ до 20.000 погонн. саж. (40 верстъ) улицъ; отстроилъ одинъ изъ лучшихъ театровъ въ Россіи, на мѣсто сгорѣвшаго 15 лѣтъ тому назадъ, и центральную электрическую станцію; образовалъ богатые питомники, давшіе возможность покрыть городъ самою разнообразною растительностью, и т. д. Но первое мѣсто въ городской росписи Одессы, какъ и многихъ другихъ городовъ, всегда занимало и теперь занимаетъ больничное и благотворительное дѣло, на которое отпускается въ послѣднее время свыше полумилліона рублей,—и именно въ послѣднее пятилѣтіе одесская городская управа устроила для городской больницы паровую прачешную (50 тыс. руб.), одно изъ условій наилучшаго удовлетворенія требуемой чистоты больничнаго бѣлья, и дезинфекціонную камеру со всѣми приспособленіями. Мы далеко не кончили бы перечисленія всего сдѣланнаго городомъ въ послѣдній періодъ дѣятельности его общественнаго управленія, если бы ко всему названному присоединили еще устройство новаго кладбища, раскинутаго на 48 десятинахъ, и анатомическаго дома на старомъ кладбищѣ. Но и сказаннаго довольно, чтобы судить о степени дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, открывшагося въ 1878 году тяжелымъ финансовымъ кризисомъ, какъ мы выше сказали, послѣ восточной войны. Быть можетъ, однако, одесская городская дума, для исправленія своихъ финансовъ и удовлетворенія вышепоименованныхъ расходовъ, обременила городъ тяжелыми налогами? Но въ этотъ періодъ времени одесскою управою

[1]) При 220.000 населенія г. Одессы; г. Петербургъ получаетъ, при 862.000 жит. —281.000 руб., т.-е. относительно менѣе.

введено всего два налога: налогъ на лошадей частныхъ лицъ и налогъ на театральныя представленія; первый слишкомъ ничтоженъ (около 9.000 руб.), чтобы повліять на улучшеніе кассы, а второй введенъ только въ половинѣ прошедшаго года. Размѣръ оцѣночнаго сбора въ Одессѣ даже пониженъ въ послѣднее время до 7% (вмѣсто разрѣшенныхъ закономъ 10%); адреснаго же и больничнаго сбора, занимающаго такое видное мѣсто, напримѣръ, въ больничномъ бюджетѣ г. Петербурга, вовсе не существуетъ въ Одессѣ. О введеніи больничнаго налога въ Одессѣ, по примѣру столичныхъ городовъ, городская дума обратилась, правда, съ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ, но разрѣшенія его до сихъ поръ не послѣдовало, а безъ того, конечно, было бы трудно требовать отъ города новыхъ затратъ, послѣ понесенныхъ уже имъ на больничное дѣло, хотя, разумѣется, все, что̀ могло бы содѣйствовать къ удовлетворенію ходатайства думы въ настоящемъ случаѣ, было бы вмѣстѣ и содѣйствіемъ къ успѣху больничнаго дѣла въ Одессѣ. Впрочемъ само одесское городское общественное управленіе смотритъ, повидимому, иначе на это дѣло —и, по нашему мнѣнію, не безъ основанія: финансовое отдѣленіе одесской городской управы, перечисляя то, что̀ городу предстоитъ еще сдѣлать въ близкомъ будущемъ на пользу общества, такимъ образомъ заключаетъ введеніе къ своему послѣднему отчету о десятилѣтней дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія:

„Многія нужды города (Одессы) требуютъ еще удовлетворенія. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя обязательства, принятыя на себя городомъ, какъ, наприм., постройка зданія для ремесленнаго училища и содержаніе его, постройка зданія для народныхъ чтеній (кромѣ существующей уже городской публичной библіотеки), устройство пріюта для сиротъ женскаго пола (для мальчиковъ уже существуетъ), пособіе на открытіе медицинскаго факультета и т. п., остаются пока безъ выполненія, — слѣдуетъ также озаботиться пріисканіемъ средствъ на удовлетвореніе другихъ потребностей, хотя не безусловно обязательныхъ для города, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ, а потому и неотложныхъ. Къ нимъ безспорно можно причислить прежде всего постройку дома и колоніи для умалишенныхъ, больницъ, устройство дренажа между Херсонскимъ и Нарышкинскимъ спусками; затѣмъ постройку моста на Полицейской улицѣ, устройство на площадяхъ торговыхъ помѣщеній, соотвѣтствующихъ своему назначенію, и т. п. Само собою разумѣется,—заключаетъ финансовое отдѣленіе одесской городской управы,—что на производство означенныхъ расходовъ текущихъ средствъ города будетъ недостаточно; необходимо

поэтому озаботиться объ увеличеніи городскихъ доходовъ, а источникомъ къ подобному увеличенію могло бы послужить установленіе въ Одессѣ *квартирнаго налога,* вопросъ о которомъ уже давно ждетъ разрѣшенія".

Итакъ, въ Одессѣ, очевидно, не настаиваютъ на больничномъ налогѣ, а указываютъ, и весьма основательно, на квартирный налогъ, какъ на лучшее средство къ упорядоченію городскихъ финансовъ и связаннаго съ ихъ судьбою всего городского хозяйства. Нельзя не сознаться, что какъ въ этомъ отношеніи одесское городское общественное управленіе стоитъ далеко впереди многихъ другихъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ по вопросу о содержаніи городского общественнаго управленія. Послѣ всего, что мы выше исчислили, говоря о его дѣятельности, можно было бы ожидать, что, съ умноженіемъ исполнительнаго дѣла одесской городской управы, содержаніе управленія должно значительно возрости, — но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное: въ 1878 г., когда общая сумма текущихъ доходовъ и расходовъ простиралась почти до 3 милліоновъ, на содержаніе общественнаго управленія было израсходовано 162.000 руб., т.-е. $5^1/_2$%; — въ 1887 г. общая сумма доходовъ и расходовъ возросла до 4.315.000 р., содержаніе же общественнаго управленія поднялось съ прежнихъ 162 т. р. на 172 т. р., т.-е. въ процентномъ отношеніи даже понизилось, такъ какъ составляло уже не $5^1/_2$%, а всего 4%. Такое умѣренное развитіе стоимости содержанія одесскаго городского общественнаго управленія нельзя не признать вполнѣ нормальнымъ и вполнѣ образцовымъ.

Но какъ бы ни были велики заслуги предъ городомъ Одессою ея общественнаго управленія — все это, по нашему мнѣнію, не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы его дѣятельность поставлена была внѣ всякой критики, хотя бы въ силу французской пословицы: le mieux est l'ennemi du bien. Впрочемъ и само одесское управленіе, какъ мы видѣли, вовсе не собирается опочить на лаврахъ, исчисляетъ свои недоимки и стремится только къ тому, чтобы добыть то, что называется nervus rerum, т.-е. деньги. Въ числѣ недоимокъ упомянуты и больницы. Мы отказались еще въ прошедшій разъ отъ обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя были приняты мѣстною администраціею въ послѣднее время для побужденія города къ улучшенію больничнаго дѣла, а теперь считаемъ такое обсужденіе еще болѣе неумѣстнымъ послѣ того, какъ одесская городская дума, по предложенію городского головы, г. Маразли, единогласно постановила обжаловать дѣйствія администраціи въ правительствующій сенатъ. Но разъ мы указали свѣтлыя стороны дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія,—спра-

ведливость требуетъ указать и тѣ „тѣни", которыя послужили поводомъ къ послѣднимъ событіямъ, изложеннымъ въ нашей послѣдней хроникѣ. Эти „тѣни" больничнаго дѣла въ Одессѣ были замѣчены, правда, не теперь, а два года тому назадъ, при личномъ осмотрѣ г. генералъ-губернаторомъ больницъ осенью 1886 года, и состояли въ слѣдующемъ, какъ о томъ была увѣдомлена одесская городская управа:

1) Скорбные листы не во всѣхъ палатахъ ведутся съ одинаковою тщательностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ таковыхъ и совсѣмъ не было.

2) Отсутствіе большей части ординаторовъ, въ день, назначенный для осмотра, служило препятствіемъ къ полученію необходимыхъ объясненій о ходѣ болѣзни и лишало возможности надлежащимъ образомъ ознакомиться съ медицинскимъ персоналомъ больницы.

3) Не всѣ части зданія больницы содержатся въ должной исправности; есть флигеля и отдѣленія, небрежно ремонтированныя, въ коихъ вслѣдствіе того замѣчаются сырость и нечистота.

4) Посуда, употребляемая больными въ палатахъ, содержится въ недостаточной чистотѣ, особенно между оловянными предметами нѣкоторые попадались въ грязномъ видѣ.

5) Въ кухнѣ тоже усмотрѣна была нелуженая посуда.

6) Бѣлья для больныхъ далеко не достаточно; оказалось, что по количеству больныхъ таковаго недостаетъ даже на три смѣны.

7) Въ цейхгаузѣ не установлено такого порядка, при которомъ вещи срочныя, исправныя, идущія въ постоянное употребленіе больныхъ, были бы рѣзко отдѣлены отъ ветоши и хлама, отнюдь не подлежащихъ назначенію въ очередь для ношенія.

8) Храненіе собственной одежды больныхъ ведется безъ надлежащей системы и обнаруживаетъ совершенное отсутствіе заботливости: вещи больныхъ, пришедшихъ съ заразными болѣзнями, не отдѣлены отъ прочихъ вещей и могутъ служить источникомъ зараженія; также грязное бѣлье, принесенное больными, постоянно остается все время невымытымъ, въ какомъ видѣ и выдается по выпискѣ больныхъ, къ явному ущербу для ихъ здоровья.

9) Комнаты, занимаемыя сестрами милосердія, крайне тѣсны и вовсе не обезпечиваютъ имъ совершенно заслуженнаго послѣ тяжелыхъ трудовъ отдыха, по отсутствію спокойствія и уюта. Представляется совершенно необходимымъ нанять для нихъ особое помѣщеніе вблизи зданія больницы, увеличивъ взамѣнъ того просторъ для больныхъ отводомъ комнатъ этихъ подъ палаты.

„Независимо этихъ частныхъ недостатковъ, упущеній и безпоряд-

ковъ", было найдено, что „самая постановка административной части въ одесской городской больницѣ въ высшей степени неправильна и нецѣлесообразна", что и послужило поводомъ, какъ мы видѣли, къ пересмотру Высочайше утвержденнаго больничнаго устава 1850 г. въ особой коммиссіи при одесскомъ градоначальствѣ и къ выработкѣ новаго.

Что же касается частныхъ недостатковъ, упущеній и безпорядковъ въ городской больницѣ, найденныхъ два года тому назадъ, въ октябрѣ 1886 г., то одесское городское общественное управленіе, какъ то и слѣдовало ожидать, поспѣшило воспользоваться сдѣланными ему указаніями и возстановить порядокъ. Уже въ февралѣ слѣдующаго 1887 года оно сообщило, что со стороны городского общественнаго управленія приняты слѣдующія мѣры:

1) Поручено и. д. старшаго врача имѣть постоянное и неослабное наблюденіе, чтобы скорбные листы во всѣхъ палатахъ велись съ надлежащею тщательностью и вообще съ точнымъ соблюденіемъ предписанныхъ на сей предметъ въ уставѣ лечебныхъ заведеній правилъ, а также чтобы ординаторы являлись въ палаты въ опредѣленные тѣмъ уставомъ часы и оставались при своихъ занятіяхъ по мѣрѣ дѣйствительной необходимости.

2) Учрежденъ болѣе строгій надворъ за ремонтными работами въ зданіяхъ больницы, и строжайше вмѣнено въ обязанность смотрителю больницы постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы посуда въ палатахъ и въ кухнѣ больницы содержалась въ должной чистотѣ и опрятности.

3) Количество больничнаго бѣлья постепенно пополняется до необходимаго комплекта, для каковой надобности, по росписи 1887 г., ассигновано 12.690 р. 31 к.

4) Въ бѣлевомъ цейхгаузѣ больницы вещи срочныя, исправныя и идущія въ постоянное употребленіе больныхъ по возможности рѣзко отдѣлены отъ негодныхъ.

5) Вещи больныхъ, пришедшихъ въ больницу съ заразными болѣзнями, складываются отдѣльно отъ прочихъ вещей и, по распоряженію дежурнаго ординатора, или подвергаются уничтоженію, съ вознагражденіемъ собственниковъ вещей по цѣнамъ понятыхъ и полицейскаго чиновника, или же предназначаются для дезинфекціи, а грязное бѣлье обыкновенныхъ, вновь поступающихъ, больныхъ, немедленно послѣ снятія съ нихъ, передается въ стирку и хранится уже вымытымъ до востребованія.

Для болѣе правильнаго и немедленнаго дезинфекцированія вещей заразныхъ больныхъ, какъ поступающихъ въ больницу, такъ и поль-

зующихся въ городѣ внѣ больницы, устроена, на городскія средства, новая дезинфекціонная камера съ необходимымъ для этого усовершенствованнымъ аппаратомъ, каковая въ скоромъ времени начнетъ свое дѣйствіе (она уже дѣйствуетъ и ежегодно стбитъ городу свыше 5.000 руб.).

6) Что касается замѣченныхъ неудобствъ въ помѣщеніи для служащихъ при больницѣ сестеръ, то при всемъ желаніи устранить эти неудобства назначеніемъ другого, соотвѣтственнаго для нихъ помѣщенія, Городская Управа вынуждена воздержаться съ этимъ до окончанія начатыхъ ею переговоровъ съ мѣстнымъ управленіемъ Краснаго Креста относительно числа сестеръ, имѣющихъ оставаться при больницѣ на дальнѣйшее время, но какъ только этотъ вопросъ выяснится и установится то или другое по этому предмету соглашеніе, со стороны городского общественнаго управленія будетъ сдѣлано немедленно все отъ него зависящее, чтобы помѣщеніе сестеръ обставлено было всѣми необходимыми для нихъ удобствами.

По приведеніи, такимъ образомъ, въ порядокъ вышеупомянутыхъ частныхъ недостатковъ, упущеній и безпорядковъ еще въ прошедшемъ году, оставался, слѣдовательно, одинъ вопросъ о самой „постановкѣ административной части въ одесской городской больницѣ“, признанной неправильною и нецѣлесообразною, хотя и основанною на нынѣ дѣйствующихъ Высочайше утвержденныхъ законоположеніяхъ. Но это уже чисто-законодательный вопросъ, лежащій внѣ сферы самодѣятельности какъ мѣстной администраціи, такъ и городского общественнаго управленія.

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года исполнилось первое двадцати-пятилѣтіе городского общественнаго управленія, какъ на старыхъ, такъ и на новыхъ началахъ, въ г. Москвѣ, въ то время, какъ въ Петербургѣ оно существуетъ уже слишкомъ 40 лѣтъ. Въ 1846 г. было введено въ дѣйствіе „петербургское“ Городовое Положеніе, а 17 лѣтъ спустя, 10 апрѣля 1863 г. — „московское“; и то, и другое, въ 1873 г., были замѣнены общимъ для всѣхъ городовъ имперіи Городовымъ Положеніемъ 18-го іюня 1870 года. Сороколѣтній періодъ Петербурга и двадцатипятилѣтній — Москвы рѣзко раздѣляются на двѣ части, мало сходныя между собою, и гранью ихъ служитъ именно годъ введенія нынѣ дѣйствующаго Городового Положенія, т.-е. 1873-й годъ. До этого года, по прежнимъ своимъ мѣстнымъ Положеніямъ 1846 и 1862 гг., обѣ Думы, называясь „общими“, были,

однако, сословныя и имѣли значеніе только совѣщательныхъ собраній: существенныя ихъ постановленія и самая городская роспись утверждались для того, чтобы войти въ силу, а петербургская дума (распорядительная, т.-е. Управа) имѣла, сверхъ того, въ своей средѣ „члена отъ короны"; распорядительная дума (городская управа) была подчинена сенату, начальнику губерніи и военному генералъ-губернатору, по распоряженію котораго только и могла созываться и закрываться общая дума; онъ же окончательно рѣшалъ „разномысли" между общею и распорядительною думою, утверждалъ городского секретаря, сословныхъ старшинъ, членовъ распорядительной думы и торговой депутаціи, а губернаторъ могъ всегда, когда находилъ то нужнымъ, предсѣдательствовать въ распорядительной думѣ. Но и это еще не все: сверхъ вышеупомянутыхъ трехъ подчиненій, общественное управленіе было подчинено еще прокурорскому надзору, какъ въ лицѣ общей, такъ и распорядительной думы; товарищъ прокурора или стряпчій присутствовали при ежемѣсячномъ свидѣтельствованіи городскихъ суммъ. Только съ 1873 г. всѣ городскія думы сдѣлались безсословными и въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, самостоятельными; контроль за ихъ дѣйствіями предоставленъ теперь мѣстному губернатору или градоначальнику, а сужденіе о правильности или неправильности дѣйствій—особому присутствію по городскимъ дѣламъ, состоящему изъ лицъ правительственныхъ и выборныхъ (городской голова и предсѣдатели губернской управы и мирового съѣзда), подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника; но и постановленія такого присутствія могутъ быть обжалуемы въ сенатъ. Итакъ, современное городское общественное управленіе собственно составляетъ не вторую часть петербургскаго сорокалѣтія и московскаго двадцатипятилѣтія, а совершенно другую ихъ исторію, не имѣющую ничего общаго съ первою частью.

Отсюда, въ послѣднее время, возникъ вопросъ: который изъ двухъ вышеупомянутыхъ порядковъ предпочтительнѣе? Рѣшался этотъ вопросъ чисто съ личной точки зрѣнія: тѣ, которые усматривали въ новомъ порядкѣ лишеніе прежнимъ легкихъ способовъ распоряжаться городскими дѣлами и кассою, были на сторонѣ прежняго порядка—и наоборотъ. Но и тѣ и другіе забывали, что правительство, безъ сомнѣнія, нашло необходимымъ отмѣнить прежній порядокъ, конечно, не потому, что при томъ порядкѣ процвѣтало городское хозяйство—напротивъ: именно паденіе городского хозяйства только и могло быть главною причиною, побудившею правительство отмѣнить прежній порядокъ и ввести тотъ порядокъ, при которомъ, какъ доказалъ опытъ, городское хозяйство процвѣтаетъ у всѣхъ другихъ народовъ. Ко-

нечно, по этому поводу можно замѣтить, что опять опытъ же доказалъ, что тѣ порядки, которые у другихъ народовъ приносятъ несомнѣнную пользу, у насъ, какъ оказалось, не принесли и десятой доли такой пользы. Но, во-первыхъ, для правильности опыта недостаетъ времени: десять, пятнадцать лѣтъ въ жизни общественной— не то, что въ жизни отдѣльнаго человѣка, да и наслѣдство, полученное отъ прежнихъ порядковъ, было не таково, чтобы можно было исправить его въ столь короткое время; наконецъ, и противники должны согласиться, что хоть одна десятая часть пользы принесена, между тѣмъ какъ прежніе порядки, очевидно, не представляли въ будущемъ надежды и на такой скромный размѣръ пользы, или, иначе, они не были бы отмѣнены. Главная же причина малыхъ успѣховъ въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ состоитъ именно въ томъ, что новый порядокъ хотя и заимствованъ у другихъ, гдѣ процвѣтаютъ хозяйства, но не вполнѣ; такъ напримѣръ, самое существенное—выборное право—у насъ, за исключеніемъ остзейскихъ городовъ (гдѣ, сказать мимоходомъ, и городское хозяйство стоитъ потому несравненно выше), ограничено такимъ образомъ, что лучшія силы не имѣютъ доступа къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи. Очевидно, что наши городскіе порядки только по внѣшности имѣютъ нѣкоторое сходство съ городами сосѣднихъ странъ, но въ существѣ весьма отличны отъ нихъ; а потому всякое сравненіе нашихъ результатовъ съ результатами другихъ городовъ—само по себѣ неправильно.

Московская городская дума, еще въ концѣ 1886 г., въ виду приближенія упомянутаго 25-ти-лѣтія, постановила ознаменовать день 10-го апрѣля 1888 г. составленіемъ полнаго свода всѣхъ доходовъ и расходовъ города за истекшій періодъ, съ подробными историческими и статистическими объясненіями по каждому предмету общественнаго хозяйства, съ тѣмъ, чтобы къ 10-му апрѣля былъ напечатанъ первый выпускъ этого изданія. Въ исполненіе этого постановленія, въ назначенный думою срокъ и явился 1-й выпускъ первой части, подъ заглавіемъ: „Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—1887 гг.“, составленный М. П. Щепкинымъ (всего 334 страницы in 4°, и четыре вѣдомости съ таблицами свода городскихъ доходовъ и расходовъ за 1863—1872 г. и за 1873—1886 г.). Такой трудъ, появляющійся, если не ошибаемся, впервые, гдѣ оказываются сопоставленными результаты городского хозяйства до и послѣ 1873 года, можетъ послужить, лучше всякихъ разсужденій, къ выясненію вопроса о преимуществахъ и недостаткахъ двухъ способовъ городского хозяйства. Въ настоящемъ, первомъ выпускѣ перваго тома мы находимъ пока однѣ вступительныя главы, съ историческимъ очеркомъ формъ состав-

ленія городскихъ росписей и ихъ сводомъ за 24 года по новой классификаціи [1]).

Изъ такихъ сводовъ видно, что въ первый 10-ти-лѣтній періодъ дѣйствія московскаго „Положенія" 1862 г., отъ 1863 до 1872 г., расходы городскіе возросли на 1 милліонъ (въ 1863 г.—1.665.000 руб.; въ 1872 г.—2.707.000 руб.); а въ 10-ти-лѣтній періодъ дѣйствія общаго Городового Положенія 1870 г., отъ 1873 г. до 1882 г., расходы возросли на 2½ милліона (въ 1882 г.—5.202.000 руб.), въ послѣдніе же 4 года (1883 — 1886) — еще на 450 тысячъ руб. (въ 1886 г. — 5.642.000 руб.). Первое мѣсто въ росписи 1886 г. занимаетъ расходъ на полицію и пожарную часть—1.424.000 р., т.-е. свыше 25% всѣхъ расходовъ, а второе мѣсто занимаетъ городское общественное управленіе—600.000 р., т.-е. свыше 10½%; по сравненію съ стоимостью того же предмета въ Одессѣ, нельзя не признать такой процентъ слишкомъ высокимъ, а потому мы скорѣе готовы предположить, что въ составъ расходовъ на городское общественное управленіе въ московской росписи внесены и такіе предметы, которые собственно не относятся къ содержанію городского общественнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вообще говоря, росписи нашихъ городовъ составляются такъ своеобразно, что нѣтъ почти никакой возможности дѣлать относительныя сравненія между ними. Но и за всѣмъ тѣмъ расходъ на управленіе въ Москвѣ намъ представляется весьма значительнымъ—въ Одессѣ такой же расходъ не превышаетъ, какъ мы видѣли, 4% всѣхъ городскихъ расходовъ.

Весьма утѣшительны результаты дѣятельности московскаго городского управленія по народному образованію: въ первое десятилѣтіе (1863—1872) средній расходъ въ годъ на этотъ предметъ былъ всего 33.000 р., а во второе, когда управленіе сдѣлалось самостоятельнымъ (1873 — 1882) — 162.000 р.; въ послѣдніе же 4 года онъ возросъ до 415.000 р., т.-е. свыше 8% всѣхъ расходовъ.

Дефициты городскихъ росписей въ Москвѣ обнаруживаютъ постоянный ростъ: въ періодъ 24 лѣтъ было всего 5 лѣтъ безъ дефицита (послѣдній въ 1878 г.). Въ 1877 г. дефицитъ достигъ колоссальной цифры—2.104.000 р.; въ 1886 г.— послѣдній отчетный для со-

---

[1]) Классификація городскихъ доходовъ и расходовъ, какъ извѣстно, считается до сихъ поръ однимъ изъ трудныхъ предметовъ: составленная классификація въ московскомъ изданіи имѣетъ много хорошихъ сторонъ, но при этомъ не принято въ соображеніе требованіе Городового Положенія—раздѣлять расходы, прежде всего, на „обязательные" и „необязательные"; это дало бы еще болѣе понятія о томъ, что̀, собственно, составляетъ ту сумму, которою могутъ распоряжаться вообще городскія думы для удовлетворенія нуждъ обывателей.

ставителей свода—дефицитъ равнялся 687.000 р. Но здѣсь мы должны повторить вышесказанное нами: при разнообразіи пріемовъ составленія росписей очень трудно судить объ истинномъ значеніи дефицитовъ нашихъ городовъ. Такъ, и въ настоящемъ случаѣ оказывается, дѣйствительно, что тотъ колоссальный, милліонный дефицитъ 1877 г. произошелъ оттого, что 1 милліонъ рублей, пожертвованный г. Москвою на нужды турецкой войны, цѣликомъ занесенъ въ роспись „обыкновенныхъ" расходовъ на 1877 годъ! Надобно думать, что при болѣе правильныхъ пріемахъ составленія городскихъ росписей и другіе такъ-называемые „дефициты" сведутся къ гораздо болѣе скромнымъ цифрамъ...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1888.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Замѣтки о мѣстной реформѣ. Г. А. Евреинова. Тип. Правит. Сената. Спб., 1888. Стр. 130. Ц. 1 р.

Вопросъ о мѣстной реформѣ обсуждался въ послѣднее время многими и съ различныхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе авторъ новаго изслѣдованія того же предмета взялъ на себя трудъ пересмотра его основаній, въ надеждѣ болѣе счастливо миновать и Сциллу, и Харибду. „Если, —говоритъ Евреиновъ,— еще недавно либеральныя увлеченія обнаруживали значительное вліяніе при оцѣнкѣ достоинства учрежденій (земскихъ и городскихъ), то въ настоящее время вызванная этими увлеченіями *реакція* породила столь же *безотчетное прославленіе* сословно-полицейскаго строя управленія, господствовавшаго у насъ до преобразованія прошлаго царствованія,—причемъ нерѣдко умышленно закрываютъ глаза на отрицательные результаты дѣятельности учрежденій этого типа“. Авторъ полагаетъ, что не въ недостаткахъ реформъ лежитъ причина нашей „неурядицы“, такъ какъ остались и остаются мѣстности, которыхъ не коснулись реформы, но и тамъ дѣла идутъ не лучше. Отдавая справедливость почтеннымъ сторонамъ дѣятельности земства, авторъ указываетъ на слабое его участіе въ принятіи мѣръ къ улучшенію сельскаго хозяйства, за недостаткомъ денегъ, —между тѣмъ крупная часть сборовъ идетъ на содержаніе властей и ихъ разъѣзды, причемъ указывается, что этотъ недостатокъ отличаетъ не одни „новыя“ учрежденія: если 17 милліоновъ стóитъ земское управленіе, то и полицейское обходится государству болѣе 15 милліоновъ, чтó вовсе не ограждаетъ безопасности сельскихъ жителей. Городовое Положеніе 1870 г., по мнѣнію автора, вовсе не нуждается въ ломкѣ, а требуетъ только поправокъ и техническихъ улучшеній. Насколько выработанный авторомъ планъ соотвѣтствуетъ его же исходной точкѣ—мы остановимся на этомъ подробнѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи этого, во всякомъ случаѣ, интереснаго и заслуживающаго вниманія труда.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь имп. Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева виртембергская (1788—1818 г.). Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета и автографа. Состав. И. Н. Бажерановъ. Спб., 1888. Стр. 87.

Ко всѣмъ титуламъ, поименованнымъ въ заглавіи очерка, слѣдуетъ еще присоединить наиболѣе интересный для насъ и наиболѣе характеризующій личное значеніе в. кн. Екатерины Павловны въ эпоху царствованія ея брата, имп. Александра I: ея первый супругъ, Георгъ Ольденбургскій, отецъ современнаго намъ покойнаго принца Петра Георгіевича, былъ главноуправляющимъ путями сообщенія и генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ; резиденціею ея была Тверь. Отецъ принца Георга былъ лишенъ Наполеономъ своего герцогства, и сыну пришлось удалиться изъ Твери въ Ярославль, вслѣдствіе занятія Наполеономъ Москвы, вскорѣ послѣ чего пр. Георгъ и скончался, незадолго до изгнанія французовъ изъ Россіи. Екатерина Павловна успѣла только пережить паденіе ненавистнаго ей врага, Наполеона, выйдя вторично замужъ за виртембергскаго кронпринца, вступившаго вскорѣ на королевскій престолъ, и скончалась въ 1818 г., тридцати лѣтъ отъ роду. Ея вліяніе на имп. Александра I-го было такъ велико, благодаря ея уму и характеру, что имя Екатерины Павловны не можетъ быть обойдено при изложеніи его царствованія. Непримиримая ненависть къ Наполеону сдѣлала изъ нея нѣчто подобное знаменитой королевѣ прусской Луизѣ: ей принадлежитъ не только мысль и планъ народнаго ополченія 12-го года, но отчасти и приведеніе ихъ въ исполненіе. Но эта же самая ненависть къ Наполеону возбудила въ ней ненависть ко всему французскому, и тѣмъ самымъ опредѣлила ея роль во внутренней нашей исторіи той эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, она не осталась безъ вліянія на императора при паденіи представителя „французской“ партіи—Сперанскаго; ея близкимъ другомъ былъ Карамзинъ, и у нея въ Твери, въ 1811 г., онъ прочелъ императору извѣстную „Записку о старой и новой Россіи“, вызвавшую въ послѣднемъ неудовольствіе: „я,—пишетъ Карамзинъ о своемъ чтеніи, —не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми Его мыслями“.—Александръ I-й простился съ исторіографомъ крайне холодно. Только вліяніемъ Екатерины Павловны можно объяснить то, что вскорѣ императоръ измѣнилъ свой взглядъ на „Записку“. Въ Виртембергѣ, несмотря на какіе-нибудь три года ея высокаго положенія королевы, она оставила добрую память, какъ основательница „домовъ трудолюбія“ и призрѣнія; но и тамъ она сохранила ненависть ко всему „французскому“, измѣнившему и въ Германіи весь ея старый политическій бытъ; за мѣсяцъ до смерти она писала Карамзину: „Пишите болѣе (мнѣ), а читайте менѣе конституцій германскихъ, которыя не иное, какъ совершенный вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить вѣсъ словъ: хорошіе законы, которые исполняютъ—вотъ лучшая конституція“. А кáкъ сдѣлать, чтобы хорошіе законы исполнялись—неумолимая смерть не дала ей времени ни обдумать, ни рѣшить этого вопроса, и подкосила жизнь этой выходящей изъ ряду женщины того времени, среди полнаго расцвѣта ея физическихъ и умственныхъ силъ.

Физіологія любви. Паоло Мантегацца. Пер. съ 2-го итал. изд. С. и М. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Уже десять лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ итальянскій оригиналъ; на него въ свое время обратили вниманіе наши журналы, а теперь появился и переводъ, вызванный, вѣроятно, желаніемъ сдѣлать поправку къ появившимся и у насъ болѣе или менѣе безобразнымъ, но оригинальнымъ трактатамъ на ту же тэму, которую избралъ и П. Мантегацца. Но Мантегацца также не разрѣшилъ трудной задачи, какая предстоитъ каждому въ изслѣдованіи подобнаго сюжета: до сихъ поръ, начиная съ глубокой древности, единственными комментаторами любви были поэты—пѣвцы любви,—а новѣйшіе комментаторы этого чувства усиливаются соединить функціи поэтовъ съ опытными свѣдѣніями акушера. Мантегацца въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

[illegible]

[illegible]

к. 3 р. 50 к.

„ 4 „ — „

„ 4 „ — „

„ 4 „ — „

к.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Москва:

[illegible]

[illegible]